РАННЕСЛАВЯНСКИЙ МИР — 21

ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС У с. СТАЕВО В ВЕРХОВЬЯХ р. ВОРОНЕЖ (КОНЕЦ V — VII в.)

И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ



Институт археологии Российской академии наук

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Институт археологии Российской академии наук

СЕРИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

РАННЕСЛАВЯНСКИЙ МИР
АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

Выпуск 21

Серия основана в 1990 г.
С.А. Плетнёвой и И.П. Русановой

Редакционная коллегия серии:
И.О. Гавритухин, Н.В. Лопатин, А.М. Обломский



Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Институт археологии Российской академии наук

Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V — VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья



Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902.2
ББК 63.4(2)
Т60



Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № РФФИ № 21-19-00177,
не подлежит продаже

Рукопись подготовлена по проекту РФФИ № 18-09-00376 «Исследование раннесредневекового торгово-ремесленного центра в Верхнем Подонье (вторая половина V — VII в.)», издание осуществлено по проекту РФФИ № 21-19-00177

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор
А.М. Обломский

Рецензенты:
доктор исторических наук *И.В. Исланова*,
кандидат исторических наук *Н.В. Лопатин*

Т60 **Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V — VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья:** коллективная монография / отв. ред. А.М. Обломский. — М. ; СПб.: Нестор-История, 2022. — 544 с.; ил.

ISBN 978-5-4469-1996-3

В монографии публикуется информация о раскопках торгово-ремесленного центра у с. Стаево Мичуринского р-на Тамбовской обл. в верхнем течении р. Воронеж (конец V — VII в.), обитатели которого занимались черной металлургией, ювелирным и кузнечным ремеслами, а также приводятся общие сведения о памятниках верхневоронежской культурной группы этого периода.

В работе проанализированы основные категории находок, ремесленная деятельность, сельское хозяйство населения.

В результате сделан вывод, что в культуре обитателей Стаево выделяются две основных традиции — раннеславянская и финская окская. В поселке также присутствовали отдельные группы выходцев из Северного Причерноморья (ремесленники и торговцы). Он функционировал в качестве промежуточной базы на торговом пути из Причерноморья на Оку.

Книга предназначена археологам, историкам, музейным работникам, студентам и краеведам.

УДК 902.2
ББК 63.4(2)



© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2022
© Авторы глав (см. содержание), 2022
© Издательство «Нестор-История», 2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Введение

А. М. Обломский (Москва)

Верхневоронежская культурная группа

В лесостепном Подонье в I тыс. н.э., т. е. в период массовых миграций населения, приведших в конечном итоге к заселению славянами этого региона, хорошо известны археологические памятники I–V вв. (позднескифские и сарматские, полиэтничные позднеримского и гуннского времени), а также VIII–X вв. (салтово-маяцкой культуры окраины Хазарского каганата и раннеславянские боршевской культуры) (Плетнева, 1967; Афанасьев, 1987; Винников, 1995). Сведения о древностях VI–VII вв. в течение длительного времени были отрывочными, археологические структуры на самом Дону с ближайшими притоками и в бассейне р. Воронеж[1] не выделялись. Раннее Средневековье для Верхнего Подонья фактически оставалось «темными веками». Очень показательно, что в популярном издании по археологии донской лесостепи характеристика древностей этого времени дана по материалам не Подонья, а востока Днепровского Левобережья (Винников, Синюк, 2003, с. 144–146).

Цель предлагаемой вниманию читателя монографии заключается если не в ликвидации этого пробела в наших знаниях, то, по крайней мере, в частичном заполнении существовавшей лакуны в донской археологии раннего Средневековья. Для этого мы публикуем материалы раскопок 2015–2019 гг. комплекса памятников конца V — VII в. у с. Стаево, расположенного в истоках р. Воронеж (Мичуринский р-н Тамбовской обл.), результаты некоторых наших наблюдений и обобщений.

Материалы первого из известных в Верхнем Подонье поселений начала Средневековья (Ярлуково) были опубликованы в 1972 г. К. И. Комаровым, который совершенно справедливо соотнес набор сосудов этого памятника с колочинской культурой (Комаров, 1972). Несколько вещей VI–VII вв. (пальчатая фибула, обломок браслета с расширенными концами, детали геральдической поясной гарнитуры, медная византийская монета и др.), происходящие из сборов на поселениях Кривец-4 и Красный Городок-2, были изданы С. И. Андреевым и Н. К. Филимоновой (Андреев, Филимонова, 2008). Похожие материалы обнаружены С. И. Андреевым и восточнее — на поселении Коровий Брод около г. Тамбова.

В 2011 г. в журнале «Стратум» А. М. Обломским была опубликована статья, в которой был поставлен вопрос о выделении в верхнем течении р. Воронеж и на прилегающих территориях особой группы раннесредневековых памятников со смешанным в этнокультурном отношении населением. Эту группу было предложено именовать верхневоронежской (Обломский, 2011а).

Планомерное изучение этих памятников началось с работ Раннеславянской экспедиции Института археологии РАН (начальник А. М. Обломский) в 2010 г. В 2010–2013, 2018 гг. проводились разведки в долине р. Воронеж в пределах Добровского р-на Липецкой обл. и Мичуринского р-на Тамбовской. В 2011–2012 гг. стационарно исследовались поселения Кривец-4, Ярок-5, Новоникольское-8; в 2013–2014 гг. проводились раскопки поселения Ярок-9 и 10;

[1] Бассейн Северского Донца и Оскола для римского времени и раннего Средневековья относится к историко-культурному региону Днепровского лесостепного Левобережья (Обломский, 2002, с. 5).

в 2015–2018 гг. — селищ Стаево-4 и 5 (Обломский, 2012б; 2016а; 2016б; 2018а, Разуваев, Обломский, 2016).

Похожая на материалы поселений у с. Ярок лепная керамика была найдена во время раскопок И.Е. Бирюкова на селищах Большая Кузьминка-4А (2013 г.), Красный Городок-4 (2015 г.) (Бирюков, 2013; Бирюков и др., 2016; Разуваев, 2014).

К западу от бассейна р. Воронеж керамика, близкая к окской традиции, и кавказская крестовидная фибула VII — первой половины VIII в. происходят из раскопок Н.А. Тропина 1995 и 1999 гг.[2] Некоторые украшения VI–VIII вв. из бассейна Дона, найденные случайно, были опубликованы И.В. Зиньковской (Зиньковская, 2012, с. 153, рис. 1). В Институт археологии РАН также поступило несколько случайных находок: фрагмент матрицы в виде льва, выполненной в мартыновском стиле, с поселения Мухино-2, Т-образная накладка в геральдическом стиле и бронзовый антропоморфный амулет типа тех, которые происходят из Стаево-5 (см. ниже) с селища Уткино. Оба памятника находятся на Острой Луке Дона в пределах Задонского р-на Липецкой обл.

Наконец, недавно был опубликован клад с набором украшений, характерных для днепровских комплексов типа Мартыновки — Гапоново (или первой группы по О.А. Щегловой), найденный у с. Караяшник около г. Острогожска Воронежской обл. (Березуцкий и др., 2017).

Набор лепной посуды, имеющий аналогии на памятниках колочинской культуры Поднепровья, удалось вычленить по материалам коллекции из раскопок А.Т. Синюка 1989 г. на поселении Терешковский вал (Археологический музей Воронежского государственного педагогического университета), которое традиционно относилось к эпохе бронзы.

Первые выводы о локализации памятников VI–VII вв. в долине р. Воронеж, о составе археологического комплекса и датировке были сделаны А.М. Обломским в 2012 г. в публикации материалов поселений Кривец-4, Ярок-5, Новоникольское-8 и некоторых других (Обломский, 2012б). Эти наблюдения им были дополнены и конкретизированы в статьях 2016 и 2018 гг. (Обломский, 2016а; 2018а). В 2016 г. в рамках верхневоронежской группы были выделены две традиции, или линии, — типа Ярок и Кривец (Обломский, 2016а, с. 132). Материалы относящихся к ним памятников отличались как по набору лепной керамики, так и по хронологии.

Материалы раннего Средневековья в настоящее время продолжают интенсивно изучаться. Многие детали исторических процессов на территории Верхнего Подонья в раннем Средневековье пока не ясны. Условен и сам термин «верхневоронежская группа». Это объединение памятников имеет, скорее, территориально-хронологический, чем культурный смысл.

Если не считать данные разведок, которые не всегда однозначны, то с определенностью к раннему Средневековью в Верхнем Подонье в настоящее время можно отнести 16 памятников и серию случайных находок (рис. 1). Они распространены в основном в верхней и средней части бассейна р. Воронеж, но известны и далее к востоку вплоть до р. Цны (Коровий Брод), к западу — на Дону и в низовьях Быстрой Сосны и Сновы (Елец, Лавское поселение, Мухино-2, Репец) — и к югу (Терешковский вал, Острогожский клад). По имеющимся сведениям создается ощущение, что какое-то население в лесостепной части долины Дона в раннем Средневековье присутствовало, но было очень малочисленным.

Все поселения — неукрепленные. Могильники пока не известны.

Большинство селищ расположены в совершенно других топографических условиях, чем памятники типа Чертовицкое — Замятино. Они занимают преимущественно первые надпойменные террасы рек или останцы в поймах. Поселения на коренных берегах относительно редки (Ярок-10, Стаево-3, 4 и 5).

Селища верхневоронежской группы, как правило, бедны находками, культурные слои весьма слабо насыщены материалом, который обычно встречается либо в сооружениях, либо около них. Судя по всему, поселения были кратковременными. Поскольку большинство селищ многослойные, то точные данные о размерах раннесредневековых поселков отсутствуют. Тем не менее по планиграфии исследованных сооружений можно утверждать, что на них могли быть расположены от одной (большинство памятников) до двух (Ярок-9) — трех (Кривец-4) небольших усадеб, состоявших из жилища, нескольких хозяйственных ям и построек (Обломский, 2012б; 2016а).

Значительные размеры имеют только поселения у с. Стаево. Культурный слой

[2] Сердечно благодарим Николая Александровича за сведения об этих материалах.

раннего Средневековья зафиксирован на селищах Стаево-3, 4, 5, отделенных друг от друга оврагами. Площадь поселения Стаево-3 составляет 5400 кв. м, Стаево-4 — 24 200 кв. м, Стаево-5 — 62 400 кв. м. Общая площадь комплекса без учета оврагов — 92 000 кв. м (9,2 га), т. е. она значительно больше, чем у остальных поселений лесостепного Подонья раннего Средневековья.

Линия Ярок

К ней относятся поселения Ярок-5 и 9, Красный Городок-4, Большая Кузьминка-4А, Стаево-4 и 5 (исследованные раскопками). Большинство из них были рядовыми поселками. Группа поселений у с. Стаево представляла собой торгово-ремесленный центр.

Культурный слой Стаево-4 обильно насыщен остатками производства черного металла: кусками бурого железняка (очевидно, служившего сырьем), шлаками. Интерес представляет скопление мелких обломков обогащенной железной руды, смешанной с углем и известняком, — очевидно, бывшее массой, подготовленной для загрузки в горн (шихтой). Оно обнаружено около печи одной из построек-полуземлянок. Среди находок на памятнике преобладали изделия из железа. К ним относятся целые и фрагментированные ножи, в том числе серповидные, кузнечные инструменты (пробойники, зубильца), железные поковки-полуфабрикаты, бытовые предметы, наконечники стрел и сулицы (Обломский, 2018а; см. также главу 1 настоящей монографии).

На поселении Стаево-5 исследованы остатки ювелирного ремесла. На территории памятника в большом количестве найдены железные ремесленные инструменты, выплески и слитки бронзы, обрезки бронзовых пластин и прутиков, в том числе с расплющенными концами, очевидно, представлявшие собой сырье для переплавки, бракованные бронзовые вещи, изделия из бронзы, часть из которых представляют собой обломки и обрубки, также предназначенные для переплавки (в том числе фрагменты литых котлов). Они концентрировались на западной и восточной окраинах поселения. В западной части памятника найдены обломки бронзовых изделий, железные клещи, шесть матриц для изготовления бляшек геральдического стиля и фибулы типа Гурзуф. На заложенных на этом участке памятника раскопах 6 и 7 зафиксированы: углубленная в грунт постройка, два наземных сооружения и, вероятно, остатки еще одного, — очевидно, связанных с бронзолитейным ремеслом. В последних исследованы открытые очаги и небольшие печи, ямы с многочисленными обломками глиняных тиглей, серия ям, заполненных глиной, специально приготовленной для изготовления каких-то изделий, вероятнее всего, тиглей и литейных форм.

По набору вещей поселения Стаево-4 и 5 датируются в широких рамках конца V — VII в.

По формам лепных сосудов, составу керамического комплекса, находкам конических грузил для ткацких станков, набору пряслиц, использованию зеркал, ранних пальчатых и гибридных пальчато-двупластинчатых фибул, некоторых типов браслетов, сережек с полиэдрическими окончаниями Стаево-4 и 5 продолжают традиции верхнедонской группы древностей типа Чертовицкое — Замятино. В лепной керамике наиболее выразительны «посткиевская», «постчерняховская» и «окская» традиции (рис. 2–4) (более подробно см. в главе 4).

Как будет показано ниже, на памятниках линии Ярок, особенно в Стаево, обнаружено множество украшений (фибулы, браслеты, серьги и височные кольца и т. д.) и деталей ременной гарнитуры (пряжки, накладки, наконечники ремней) (рис. 5–7).

Основным направлением связей населения памятников линии Ярок (поселка у с. Стаево, в первую очередь) по вещам женской культуры престижа было южное (Причерноморье, Крым, Кавказ). Конечно, большая часть украшений деформирована или сломана и предназначена для переплавки, поэтому нельзя исключить, что эти вещи не поступили в Стаево в качестве сырья для ювелирного ремесла. Тем не менее показательно, что мастера из Стаево-5 изготавливали детали убора того же круга, например малые пальчатые и двупластинчатые фибулы (рис. 5: 1–3, 5, 6). Да и серьги с полиэдрическими окончаниями из Стаево-5 и Ярка-9 — явно местного происхождения, поскольку они представляют собой простые отливки более сложных южных прототипов (рис. 6: 1, 2, 5). В целом можно утверждать, что женщины, жившие на поселениях линии Ярок верхневоронежской группы, носили убор, по структуре и многим деталям близкий тому, который реконструируют Э. А. Хайрединова для Юго-Западного Крыма, а А. В. Мастыкова — для Северного Кавказа. В его состав входили малые пальчатые и гибридные пальчато-двупластинчатые фибулы, серьги, в том числе с полиэдрическим окончанием, браслеты разных типов, в том числе и с окончаниями в виде стилизованных

антропо-зооморфных головок (рис. 6: 10) (Хайрединова, 2002а; 2002б; Мастыкова, 2009, с. 133–153).

По изделиям культуры престижа в меньшей степени ощутимы связи населения верхневоронежской группы и бассейна Оки. Тем не менее с памятников линии Ярок происходит небольшая серия окских вещей (детали комбинированных украшений, круглые плоские нашивные бляшки из свинцово-оловянистого сплава) (рис. 7: 1–5).

Для связей населения Стаевского комплекса также показательна так называемая геральдическая ременная гарнитура, детали которой не только использовалась, но и изготавливались в этом ремесленном центре (судя по найденным на памятнике матрицам) (рис. 7: 11–22). Аналогии им происходят в основном из степной зоны и Крыма, в меньшей степени — из Поочья, Поволжья и Приуралья. Некоторые вещи, близкие находкам из Стаево, встречены и в лесостепном Поднепровье; показательно, однако, что подобные изделия не входят в состав наборов, происходящих из днепровских кладов первой группы. Исключением являются большие В-образные пряжки (рис. 7: 21), но они имеют чрезвычайно широкий ареал.

Дополнительными достаточно яркими свидетельствами связей с югом Восточной Европы являются находки византийской гирьки-экзагия для взвешивания золотой монеты-солида и серия специфических антропоморфных амулетов-подвесок, которые происходят из Стаево-5 (Обломский, Швырёв, 2018; Обломский, 2019а).

Таким образом, у верхневоронежского населения линии Ярок, как и обитателей Верхнего Подонья гуннского времени, продолжают сохраняться связи с югом Восточной Европы и бассейном Оки.

Линия Кривец

Эталонным для памятников этой традиции является поселение Кривец-4. К ней относятся также селища Ярлуково, Коровий Брод, Новоникольское-8, Терешковский вал.

Лепная керамика поселения Кривец-4 по формам составляет два набора разного происхождения. Первый из них (раннеславянский) близок к керамическому комплексу колочинской культуры (рис. 8), второй — фактически такой же, что и «окский» набор сосудов древностей линии Ярок (рис. 9)

Как и в Стаево-5, одним из занятий обитателей поселения Кривец-4 было ювелирное ремесло. Практически все массивные изделия из бронзы, обнаруженные на памятнике, представляют собой обломки или обрубки, т. е. они были предназначены для переплавки. На поселении найдены два выплеска бронзы. По всей видимости, к раннему Средневековью относятся две глиняные льячки, происходящие из культурного слоя.

Тем не менее общий набор предметов культуры престижа (мужских и женских) резко отличается от представленных на памятниках линии Ярок.

Специфичны малая пальчатая фибула с циркульным орнаментом (рис. 10: 1), обломки двух днепровских фибул (пальчатых или с каймой из птичьих головок) (рис. 10: 2, 3), два фрагмента браслетов с расширенными концами, орнаментированными концентрическими кругами и насечками в виде сетки (рис. 10: 8, 12), фрагмент смятого височного кольца или гривны с узкими подтреугольными в сечении лопастями, украшенными вдавлениями по ребру (рис. 10: 11), пронизь с выступающими валиками, переделанная в подвеску (рис. 10: 13), две ременные накладки геральдического стиля (рис. 10: 15, 16).

Большинство из этих вещей имеют достаточно широкие ареалы, но важно подчеркнуть, что днепровские фибулы, браслеты с расширенными концами с аналогичной орнаментацией, геральдические накладки форм, известных в Кривце, и пронизь с валиками[3] составляют характерный набор днепровских кладов первой группы по О. А. Щегловой, которые были сокрыты во второй половине — третьей четверти VII в. (Обломский, Родинкова, 2015, с. 388–390, 395, 396). Вещи этого круга встречены на финальных памятниках пеньковской и колочинской культур и маркируют горизонт, когда эти археологические общности прекращают существование.

Таким образом, материалы линии Кривец показывают, что во время существования памятников этого типа в Верхнем Подонье устанавливаются связи с лесостепным и, вероятно, с лесным Поднепровьем. Очевидно, это произошло в результате проникновения нового населения. На верхневоронежских поселениях линии Кривец встречена керамика колочинского (раннеславянского) происхождения. Связи с бассейном Оки продолжают сохраняться, о чем

[3] Специальная работа о пронизях опубликована Я. В. Володарцем-Урбановичем. В ней приводятся их карта и наблюдения за хронологией (Володарець-Урбанович, 2014).

свидетельствует лепная керамика рязано-окского круга и некоторые украшения из Кривца.

Вещи из Кривца-4 датируются второй — третьей четвертью VII в., т. е. периодом, когда набор украшений и поясной гарнитуры из днепровских кладов первой группы уже сложился как комплекс (обзор проблематики см.: Родинкова, 2011, с. 246; Скиба, 2016, с. 75–83).

Точные данные о соотношении памятников двух линий верхневоронежской группы пока отсутствуют, но, по всей видимости, древности линии Кривец появляются позднее, чем памятники круга Ярка. Не исключено, что в Верхнем Подонье первые сменяют вторые, но в такой же степени вероятно, что древности двух линий какое-то время сосуществовали друг с другом (см. главу 3).

Сведения о монографии

Теперь, после краткого изложения состояния исследования материалов Верхнего Подонья начала Средневековья и их обзора, дадим характеристику структуры монографии о комплексе памятников у с. Стаево.

Тематически она делится на несколько блоков. Первый посвящен публикации материалов. В главе 1 приводятся результаты обследования селища Стаево-3 и раскопок на поселении Стаево-4. Поскольку материалы Стаево-4 ранее были опубликованы (Обломский, 2018а), то в монографии они приведены в относительно кратком виде, необходимом для понимания дальнейшего изложения (дана общая характеристика памятника, комплексов, обзор находок, основные аналогии).

В главе 2 полностью изданы материалы поселения Стаево-5 2015–2019 гг. от результатов предварительных обследований и сборов подъемного материала до описания объектов, находок из них и из культурного слоя с набором аналогий. В этой же главе рассмотрена планиграфия памятника, выделены два жилых и два ремесленных участка, приводятся реконструкции рабочих площадок литейщиков бронзы, определено соотношение между ними и усадьбой в западной части памятника в плане относительной хронологии.

В результате сделан вывод, что по большинству характеристик керамики (фактура, типологический спектр, структура набора форм), а также по некоторым изделиям из глины (пряслица, грузила для ткацких станков) и металла, во-первых, материалы Стаево-4 и 5 близки между собой, что свидетельствует о принадлежности этих двух участков памятника одному и тому же поселку, во-вторых, что памятники линии Ярок верхневоронежской группы, а соответственно, и Стаево, откуда происходит подавляющее большинство находок этой археологической общности, представляют собой дальнейший этап развития древностей типа Чертовицкое — Замятино лесостепного Подонья гуннского времени. Стаево-4 и 5 в целом синхронны и датируются концом V — VII в.

В главе 3 дается обзор древностей раннего Средневековья в верхнем и среднем течении р. Воронеж. Все памятники этого региона делятся на три группы по степени достоверности. К первой относятся те из них, где имеются однозначно определимые материалы раннего Средневековья, ко второй — поселения, исследованные разведками, но с некоторыми находками раннего Средневековья, к третьей — пункты, где встречены материалы, к раннему Средневековью относящиеся предположительно.

Наблюдается концентрация памятников раннего Средневековья на трех участках, отделенных друг от друга свободными пространствами. Поселок у с. Стаево явно был центром довольно значительной округи, а не только восточного сгустка селищ на р. Воронеж. Все эти главы написаны А. М. Обломским. Типологическое и хронологическое определение некоторых групп вещей дано И. В. Белоцерковской (украшений финского круга) и А. В. Мастыковой (зеркал).

Второй блок посвящен анализу некоторых групп находок, важных для определения хронологии, этнокультурной принадлежности и связей населения Стаево.

В главе 4 (А. М. Обломский, Н. В. Сыщиков) рассмотрена лепная керамика из Стаево на фоне других поселений верхневоронежской группы. Выделены три традиции в составе керамического комплекса памятников линии Ярок (в том числе и Стаево): раннеславянская (посткиевская с пеньковскими элементами), «окская», постчерняховская. На памятниках линии Кривец представлена керамика раннеславянской колочинской и «окской» традиций, причем последняя по набору форм горшков и мисок аналогична «окскому» набору посуды поселений линии Ярок. Памятники верхневоронежской группы обеих линий объединяет общий окский компонент. Не исключено постоянное проникновение

в Верхнее Подонье населения окского круга на протяжении конца V — VII в.

В главе 5 рассматриваются металлические зеркала разных типов (А. В. Мастыкова). В коллекции находок с поселения Стаево (Стаево-4, Стаево-5) представлено 22 фрагментированных экз., из которых типологически не все определимы. 13 находок относятся к двум типам зеркал с центральной петлей: Карповка — Анке-4 и Чми — Бригецио — Анке-1, а 4 экз. однозначно не идентифицируются и могут относиться как к зеркалам с боковой петлей, так и с центральной.

В главе используется классификация восточноевропейских зеркал с центральной петлей, разработанная немецкими исследователями И. Вернером и Б. Анке. В работе приводится круг параллелей, рассмотрены ареал каждого типа зеркал, вопросы происхождения и датировки. Так, например, зеркала типа Карповка — Анке-4 удалось разделить на две хронологические группы. В первую включены экземпляры с двумя или тремя рельефными концентрическими кругами. Время наибольшего распространения этой группы — от 360/370 по 530/570 гг., что соответствует гуннскому и постгуннскому времени. Ко второй группе относятся зеркала с одним рельефным кругом, более всего они характерны для так называемого горизонта геральдических поясов, т. е. от 550 по 670/700 гг.

Находки зеркал в Стаево в глубине восточноевропейской лесостепи свидетельствуют о связях этого региона с югом.

В главе 6 рассмотрены детали ременных гарнитур геральдического стиля из Стаево-4 и 5 (И. О. Гавритухин). Проанализированы категории и типы вещей, указаны аналогии и вероятная датировка каждой из них, дана общая характеристика «геральдических» наборов из Стаево, где представлены преимущественно детали поясов и обувных ремней, возможно, убранства коня. Три находки принадлежат широко распространенным типам, исключая Верхнее Поочье, лесное и лесостепное Поднепровье. Четыре вещи имеют аналогии от Черноморско-Кавказского до Среднеокско-Камского регионов (Средняя Ока, Кама), включая степи между ними. Для одной пряжки аналогии имеются только на Северном Кавказе, в Среднем Поочье и Южном Приуралье. Одна матрица для наконечника указывает на связи с бассейном р. Белой, возможно, отражая влияния из Передней Азии или Карпатской котловины. Пять находок объединяют Стаево с южными зонами или их частью. Две детали индивидуальны. Дата всего набора укладывается в рамки 2-й половины VI — 3-й четверти VII в. Более половины вещей не известны в комплексах VI в., а три принадлежат поздней части этого временного отрезка, в том числе одна пряжка датируется серединой — 3-й четвертью VII в. Наличие пяти матриц, вещей, предназначенных для переплавки и уникальных изделий показывает, что мастера из Стаево-5, как минимум, ремонтировали гарнитуры. Вопрос об изготовлении ими полных гарнитур остается открытым.

В Приложении 1 рассмотрены «угловатые» антропоморфные фигурки-подвески, аналогичные найденным в Стаево. Представлены их каталог и карта, выделены серии, рассмотрены датировки, функции, вопросы происхождения и распространения. Эти предметы являются амулетами, перемещавшимися с их владельцами в очень разной этнокультурной среде. Выдвинута гипотеза, что это связано с деятельностью купцов. В Стаево располагался один из узлов распространения таких амулетов в соседние регионы, вероятно, важная торговая фактория. Часть находок из Стаево отражает тесные связи с Боспором в конце V — 3-й трети VI в. и влияние сложившихся в этой среде стилей в более позднее время. Другая часть фигурок из Стаево вписывается в систему контактов юго-востока Восточной Европы со Средней Азией в эпоху Тюркских каганатов (в Европе с 3-й трети VI в.). В распространении таких изделий и формировании их некоторых особенностей более существенную, чем раньше, роль играли степные кочевники.

Третий тематический раздел монографии посвящен анализу материалов, связанных с ремесленной деятельностью.

В главе 7 Е. А. Шаблавина проанализировала особенности бронзолитейного ремесла в Стаево-5. Определено сырье (обломки бронзовых вещей, предназначенные для переплавки, слитки-палочки), выделены заготовки изделий и брак, рассмотрены тигли, матрицы, отходы производства, некоторые детали обработки заготовок. Мастера из Стаево применяли литье в разъемных двусторонних глиняных формах. Часть вещей изготовлена методом тиснения пластин с применением матриц.

Н. А. Биркиной рассмотрены инструменты ювелиров из Стаево-5, предназначенные для механической обработки заготовок вещей, нанесения орнамента и т. д. Из Стаево происходит уникальная коллекция этих инструментов — 83 экз., причем 29 из них по условиям находки

принадлежали одному мастеру. Благодаря консультации практикующего ювелира А. А. Белявского удалось определить функции большинства предметов. Набор инструментов весьма разнообразен. Он включал пробойники, керны, зубильца и стамески, разнообразные напильники, сверла, пинцеты, чеканы, острия и т. д. Для удерживания тиглей в очагах во время плавки бронзы могли использоваться клещи. Результаты этих наблюдений частично включены в главу 2, а также приводятся в главе 8.

В главе 9, написанной коллективом авторов под руководством И. А. Сапрыкиной, изложены результаты исследования химического состава вещей из цветных металлов и отходов бронзолитейного ремесла. Проделаны анализы 325 предметов, чего вполне достаточно для обоснованных выводов. Для сравнения привлекались материалы Ксизово-19 — поселения и могильника гуннского времени в лесостепном Подонье. Несмотря на присутствие в обеих выборках таких металлов и сплавов, как «чистая» и «черновая» меди, оловянной бронзы, свинцовой бронзы, свинцовой латуни, многокомпонентного сплава и тройной бронзы, а также двойной латуни и серебра (серебросодержащих сплавов), они демонстрируют различные традиции металлообработки. Одной из основных особенностей сплавов конца V — VII в. является доминирование высоколегированных тройных бронз и чистой и/или «черновой» меди, а также свинцовой латуни. Цинкосодержащие сплавы характеризуются более низким, по сравнению с Ксизово-19, содержанием цинка; в целом, это находится в русле общей тенденции развития раннесредневековой цветной металлообработки в лесной зоне. В то же время на сложение и развитие традиций цветной металлообработки на поселении Стаево-5, скорее всего, оказала влияние близость к северопричерноморской зоне, характеризующейся высокими концентрациями олова в сплавах на основе меди.

Глава 10 (В. И. Завьялов) посвящена технологической характеристике железных изделий из Стаево-4 и 5. Для проведения металлографического исследования из коллекции обоих поселений было отобрано 100 предметов, представляющих 16 категорий. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа свидетельствуют о присутствии на поселении Стаево металлургического производства, в ходе которого наряду с рудой, возможно, использовался и металлургический конгломерат, полученный в ходе предыдущих плавок.

Для сравнения использованы железные изделия из археологического комплекса гуннского времени у с. Замятино. Материалы из Стаево-4 и 5, с одной стороны, и Замятино, с другой, близки, что означает сохранение большинства традиций в отношении характера используемого сырья (железо, фосфористое железо и сырцовая сталь) и основных приемов его обработки. Археометаллографический анализ показал, что железные изделия из поселений Стаево-4 и Стаево-5 представляют собой продукцию кузнецов невысокой квалификации. При изготовлении артефактов в абсолютном большинстве случаев применялись простые приёмы ковки предметов из цельнометаллических заготовок.

В четвертом тематическом разделе монографии анализируются данные о сельском хозяйстве обитателей Стаево, пока, к сожалению, отрывочные.

В главе 11 (Е. Е. Антипина) приводятся сведения о немногочисленных определимых костях животных с территории восточной усадьбы Стаево-5 из раскопок 2019 г. Остеологическая коллекция насчитывает 335 единиц. Оценка естественной сохранности костной ткани и искусственной раздробленности костных остатков показала, что их малочисленность на поселении не связана с тафономическими условиями культурного слоя. Она отражает специфическую ситуацию присутствия в бытовых отходах на поселении небольшого числа костей животных. Все собранные кости относятся к скелетам копытных животных двух размерных групп — крупным и средним. Диагностированы кости пяти видов, среди которых домашние животные (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и свинья), а также лось. В остеологическом спектре превалируют кости коров и быков. В анатомическом спектре максимальную долю составляют скелетные элементы из мясных частей туш с явными следами кухонной разделки. Подсчет таких кухонных остатков от взрослых домашних копытных позволил предположить, что в обыденном мясном рационе жителей Стаево-5 важнейшим белковым продуктом была говядина. По остеологическому материалу зафиксированы разные способы использования животных обитателями поселения. Обнаружены фаланги крупного рогатого скота со следами разрастания костной ткани (остеофиты), типичные для тягловых животных. Фрагмент рога лося был идентифицирован как сырьевой объект.

Рассматриваемые материалы из Стаево-5 по общему остеологическому спектру и по

предполагаемому мясному рациону достаточно схожи с коллекциями из Замятинского комплекса гуннского времени (конец IV — V вв.), в которых также превалируют кости домашних копытных, в частности крупного рогатого скота.

Глава 12, написанная Е. Ю. Лебедевой, посвящена реконструкции аграрной отрасли хозяйства в Стаево-5.

За три года раскопок (2018–2020 гг.) было собрано и исследовано 36 археоботанических образцов. Три из них относились к железному веку, остальные — к раннему Средневековью и смешанным культурным напластованиям (где фиксировалась керамика раннего железного века). Всего в 13 образцах из 33 последней группы были обнаружены карбонизированные макроостатки культурных растений. Среди них явно доминирует просо Panicum miliaceum (76,0%), присутствуют ячмень Hordeum vulgare (10%) и пшеница двузернянка Triticum turgidum ssp. dicoccum (9%), обнаружено также по одному семени гороха Pisum sativum и конопли Cannabis sativa (0,5%). Статус (дикий/культурный) немногочисленных зерен овса не определен Avena sativa / Avena sp. (4%). При исследовании керамической коллекции из раскопок 2017 г. (около 3000 фрагментов) были выявлены отпечатки тех же трех основных посевных культур — проса, ячменя и эммера.

Полученные материалы сложно интерпретировать однозначно как результат занятия земледелием жителей Стаево-5. Этому противоречат не только чрезвычайно малые объемы сельскохозяйственной продукции на поселении, но и некоторые археоботанические признаки. Главный из них — это полное отсутствие следов обработки урожая. В исследованных образцах не обнаружено ни мякины, ни соломы. И более того, сами зерновки не несут на себе даже остатков чешуй. Эти факты, а также ярко выраженная ремесленная специализация поселка, делают вероятным предположение, что жители Стаево-5 получали уже готовое к употреблению очищенное зерно в обмен на свою продукцию. Об ограниченном по масштабам собственном земледелии, казалось бы, должны свидетельствовать отпечатки злаков на керамике. Однако эту версию можно подтвердить только при наличии основательных доказательств изготовления всей лепной посуды непосредственно на поселении.

В Заключении (А. М. Обломский) рассматриваются место комплекса памятников у с. Стаево в системе древностей Верхнего Подонья гуннского времени и раннего Средневековья и основные моменты истории, с ним связанные. Он, несомненно, является торгово-ремесленным центром, не имеющим себе равных среди памятников донской лесостепи конца IV — V в. и демонстрирует промежуточное положение между окско-волжским и южным культурными мирами, причем именно в Стаево сходятся линии связей как с севером и северо-востоком с одной стороны, так и с югом с другой. Памятники линии Ярок верхневоронежской группы, наиболее ярким из которых является поселок у с. Стаево, в археологическом смысле являются продолжением (следующим этапом) культурной группы Чертовицкое — Замятино лесостепного Подонья гуннского времени.

Тем не менее в конце V или на рубеже V/VI вв. в лесостепном Подонье произошли какие-то события, которые для местного населения имели весьма серьезные последствия. В результате прекратили существование «классические» поселения типа Чертовицкое — Замятино и связанные с ними могильники круга Животинного, произошло сосредоточение населения раннего Средневековья в верхнем и среднем течении р. Воронеж.

Торговый путь из Причерноморья через Верхнее Подонье на Оку, с которым связано образование культурной группы Чертовицкое — Замятино, продолжил свое существование, но маршрут его изменился. Торгово-ремесленный центр в донской лесостепи был перенесен с Острой Луки Дона ближе к истокам р. Воронеж.

Население Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья, скорее всего, соответствует акцирам — народу, который в середине VI в. упоминает историк готов Иордан.

Таково краткое содержание нашей монографии. Как обычно бывает при анализе нового явления, идеи авторов не всегда полностью сходятся. Противоречия, которые может заметить читатель, тем не менее не влияют на основные выводы и касаются частностей. Мы надеемся, что наша книга будет способствовать дальнейшему изучению древностей Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья.

Поскольку большая часть материалов раннего Средневековья в бассейне р. Воронеж была получена в результате работ Раннеславянской экспедиции ИА РАН, то мы приносим глубокую благодарность всем ее участникам, в первую очередь В. М. Обломской, А. В. Комендантовой, А. В. Ковриге, К. И. Масленникову, А. В. Швырёву за самоотверженный труд в поле.

Глава 1

Поселения Стаево-3 и 4. Материалы

А. М. Обломский (Москва)

Как было сказано во введении, археологический комплекс у с. Стаево состоит из трех памятников — Стаево-3, 4 и 5, которые отделены друг от друга оврагами (рис. 11).

Стаево-3

Поселение расположено на территории крайнего юго-западного хутора с. Стаево Мичуринского р-на Тамбовской обл., в 1,1 км к северу от западной окраины с. Новоникольское, в 2,3 км к северо-западу от железнодорожного моста через р. Воронеж. Занято сельскими постройками и огородами, находится на склоне мыса правого коренного берега р. Воронеж высотой 14–16 м от уровня воды и 12 м от низкой поймы.

Памятник был открыт С. И. Андреевым в 1999 г. Размеры поселения по распространению подъемного материала составляют 90 × 60 м. План, снятый С. И. Андреевым, соответствует современному состоянию селища. С. И. Андреев отнес поселение к эпохе неолита и сарматскому времени (I–III вв. н.э.).

Шурфовка и раскопки памятника С. И. Андреевым не проводились. В 2012 г. поселение было обследовано Раннеславянской экспедицией ИА РАН, собрана коллекция подъемного материала. Она позволяет существенно скорректировать данные 1999 г.

Кроме отмеченных С. И. Андреевым отложений неолита, на памятнике имеются материалы эпохи бронзы (лепная рыхлая керамика с мелким шамотом и органикой в тесте, некоторые обломки стенок имеют расчесы с внутренней стороны) Набор обломков сосудов первых вв. н.э. (с мелким шамотом, дресвой в тесте) достаточно представителен. Очевидно, отложения этой эпохи на памятнике преобладают. К более позднему периоду раннего Средневековья (V–VII вв.) относится лепная керамика с рыхлым тестом и включениями крупного шамота. Не исключено, что к этому же этапу относится и фрагмент стенки лепного лощеного сосуда. Характерно для этого периода и биконическое пряслице средней высоты с относительно широким отверстием, найденное С. И. Андреевым. Отдельные обломки тонких стенок сероглиняных сосудов свидетельствуют о наличии на памятнике объектов древнерусского периода.

Стаево-4

Раннесредневековые материалы раскопок этого памятника 2015–2016 гг. полностью опубликованы в журнале «Стратум» (Обломский, 2018а). В настоящем издании помещен сокращенный вариант этой публикации для того, чтобы читатель смог составить себе представление об археологическом комплексе и характере памятника; публикуются также находки раннего Средневековья из сборов 2019 г.

Поселение расположено в 1,2 км к северу от западной окраины с. Новоникольское, в 2,5 км к северо-западу от железнодорожного моста через р. Воронеж, в 0,1 км к северо-западу от поселения Стаево-3, которое занимает часть хутора, расположенного к западу от с. Стаево, в 0,1 км к юго-востоку от селища Стаево-5 (через овраг) (рис. 11, 12). Памятник занимает край правого коренного берега р. Воронеж высотой до 8 м от низкой

поймы. По территории поселения проложена магистральная линия электропередач, от которой сделан отвод в сторону хутора. Размеры поселения 220×110 м. Край коренного берега сильно испорчен оврагами, протяженность некоторых из них вглубь плато достигала 60 м (рис. 12).

Поселение открыто С. И. Андреевым в 1999 г. В 2012 и 2013 гг. оно было осмотрено Раннеславянской экспедицией, проведена шурфовка, уточнены границы памятника, сделан вывод, что на поселении преобладает раннесредневековый материал.

На селище заложены 5 раскопов общей площадью 644 кв. м и сделаны 4 зачистки краев оврагов (рис. 12). Раскопы ориентированы не по линии север-юг, а параллельно краю коренного берега и границы пашни, т. е. с отклонением на 12° к востоку, для того чтобы максимально изучить доступное пространство. Раскопы заложены на задернованном участке. К северу от них находится поле, где проводить земляные работы не было возможности.

К раннему Средневековью относятся 6 хозяйственных ям и 6 построек, ни одна из которых не была жилищем.

Большинство хозяйственных построек (объекты 7, 8, 15 раскопа 1, объект 20 раскопа 4) представляли собой слегка углубленные в грунт разнообразные по площади прямоугольные сооружения без очагов с ровными полами. Размеры тех из них, которые сохранились лучше, в нижней части составляли 2,8×2,4–2,5 м; 2,4×1,8–2,6 м; 1,3×1,4 м, глубины — 0,2–0,24 м; 0,06–0,13 м; 0,04–0,1 м; 0,14 м.

Интерес представляют два сооружения.

Объект 11, раскоп 3 (рис. 14: А-В). Подпрямоугольная полуземлянка, разрушенная с востока оврагом. Длина западной стенки котлована по верхнему краю — 3,35 м, в нижней части — 2,8 м, ширина исследованной части — до 2,1–2,4 м. Общая глубина объекта — 0,2–0,44 м. У северо-западного угла котлована на его полу находилось овальное в плане углубление размерами 0,5×0,8 м и глубиной 0,02–0,06 м. У его южного борта прослежена столбовая яма размерами 0,24×0,3 м и глубиной 0,11 м.

Еще одна столбовая яма размерами 0,26×0,34 м в нижней части находилась за бортом котлована у его юго-западного угла. Ее глубина составляла 0,22 м.

Пол постройки был плоским. В ее восточной части у обрыва находились *остатки печи*, корпус которой был сооружен из гумусированной глины. In situ сохранились стенки юго-западной части. Их толщина — 0,1–0,22 м, высота, на которую они сохранились — 0,3 м. На всю высоту они были прокалены на глубину до 1 см. Устье, по всей вероятности, было расположено на северо-востоке. Под печи фиксировался по прокалу ее глинистого основания (также до 1 см). Размеры пода — 0,7×0,9 м. Над пятном прокала залегала тонкая прослойка золы (до 1 см). Ее размеры в плане — 0,6×0,8 м.

В заполнении печи были обнаружены отдельные фрагменты лепных сосудов, включая венчик горшка эпохи бронзы. Отсюда же происходят 9 кусков металлургических шлаков, в том числе и довольно больших, размером около 10×10 см, 46 кусков железной руды (рыхлой, измельченной), 5 кусков обмазки, отдельные обожженные камни.

На полу около печи, в основном к северо-западу от нее, было встречено 75 кусков шлака и 10 обожженной глиняной обмазки.

К северо-западу от печи, почти примыкая к ней, на полу постройки была зафиксирована линза измельченной рыхлой железной руды (25 фрагментов), перемешанной с древесным углем и костным тленом. «Содержимое линзы», по всей видимости, представляло собой сырье, предназначенное для загрузки в металлургический горн. Размеры линзы — 0,7–0,74×1 м, толщина — 5 см. Пол постройки под ней обожжен не был.

К северо-западу от линзы у стенки котлована на полу на боку лежал целый раннесредневековый горшок с примесью шамота среднего размера и обильными включениями органики в керамическом тесте (***развал 3***, рис. 14: 1).

Заполнение котлована постройки представляло собой темно-серую супесь, насыщенную древесным углем. В центральной его части прослежено скопление мелких камней размерами от 4×4 до 5×10 см, которое занимало пространство 0,1×0,6 м.

Вдоль западной стенки в нижней части котлована обнаружены остатки горения в виде угольков, обугленных кусков дерева, небольших пятен прокала. У южной стенки постройки в нижней части ее заполнения зафиксировано скопление 9 черепков лепных сосудов (***развал 4***), преимущественно со средним и крупным шамотом в тесте (иногда с дополнительными включениями железной руды).

Заполнение разбиралось по условным уровням 0–0,1 м и 0,1 м до пола. Отдельно брались материалы с пола сооружения. Несмотря

на наличие единичных фрагментов сосудов эпохи бронзы и раннего железного века, резко преобладала керамика раннего Средневековья (рис. 14: 2–4). Из заполнения вне печи происходят 4 куска шлака, 39 кусков руды, обожженная глиняная обмазка. Обнаружено также довольно много индивидуальных находок: железные рыболовные крючки, обломок ножа, пробойник, глиняные пряслица, фрагменты глиняных грузил (рис. 14).

Можно высказать предположение, что постройка представляла собой производственное сооружение для обогащения руды (измельчение, разрыхление путем обжига, смешивание с углем и кальцием в виде костей). Обжиг руды производился в печи, где зафиксирована повышенная концентрация кусков измельченной руды. Обнаруженные в заполнении крупные куски шлаков, обмазка и камни, вероятно, использовались как материал для возведения свода печи над глинистыми стенками.

Около печи было сложено уже подготовленное для помещения в металлургический горн сырье. Судя по углю, следам обожженности грунта у западной стенки котлована, постройка сгорела. Пожар, вероятно, был внезапным, поскольку часть руды осталась в печи: ее просто не успели достать. Позже в котловане уже заброшенной постройки была устроена свалка мусора, к которой относятся обломки сосудов, бытовые предметы. Непосредственно с самой постройкой периода ее функционирования связан лишь один горшок (развал 3).

Объект 13, раскоп 2 (рис. 15). Точные размеры и форма в плане его не известны, поскольку с трех сторон он был обрезан обрывами. Общие размеры сохранившейся части составляли 4,2 × 4,6 м. Северный борт котлована был относительно прямым. Южнее находилась пологая ступенька с неровной поверхностью. Ширина ступеньки — 4,6 м, длина в восточной части объекта — до 2,6 м. В средней части ступеньки прослежена *столбовая яма Б*, овальная в плане. Ее размеры составляли 0,3 × 0,34 м, глубина от поверхности ступеньки — 0,19 м.

Южную оконечность объекта занимала обширная *яма А*, неправильно овальная в плане. Размеры ее сохранившейся части по верхнему краю составляли 2,6 × 1,4 м. Дно ямы было подпрямоугольным, ориентированным по ее диагонали. Его ширина — 0,94 м, длина — не менее 1,5 м. В дне имелось дополнительное углубление шириной в верхней части 0,7 м, в нижней — 0,55 м, длиной не менее 0,4–0,5 м. Максимальная глубина ямы А — 1,29 м.

Южная часть объекта 13 была перекрыта серым рыхлым слоем оползня толщиной до 0,4 м (рис. 15), материал из которого брался отдельно. Ниже заполнение сооружения представляло собой серую, относительно темную супесь. Его толщина составляла 0,3–0,4 м. На полу прослеживались пятна серой золистой супеси толщиной до 0,1 м.

Заполнение разбиралось по стратиграфическим слоям. Отдельно брались материалы из ям А и Б. Тем не менее керамика из объекта достаточно однородна. В незначительном количестве встречены обломки сосудов первых вв. н.э., но резко преобладают черепки эпохи раннего Средневековья, из которых удалось реконструировать несколько выразительных форм (рис. 16: 1–18).

В объекте 13 наблюдалась повышенная концентрация железных шлаков (96 шт.). Не исключено, что он как-то связан с металлургическим производством.

В северной части заполнения объекта обнаружено скопление керамики ***развал 5***. Оно имело размеры 0,5 × 0,22 м, состояло из 8 фрагментов горшков преимущественно со средним шамотом в тесте.

Материал из заполнения объекта 13 датируется по миниатюрной пряжке геральдического стиля (рис. 16: 19), которая была найдена при разборке заполнения ямы А.

Из культурного слоя и объектов поселения происходят материалы эпохи бронзы (ивано-бугорская, абашевская, срубная культуры), городецкой культуры раннего железного века, первых вв. н.э. (позднескифского круга), раннего Средневековья, XVIII–XIX вв.

Характеристику раннесредневековых материалов начнем с *керамики*.

Она делится на груболепную, лепную лощеную и подлощенную.

При визуальном осмотре было сделано заключение, что груболепная керамика изготовлена при помощи нескольких основных рецептур: с примесью шамота в тесте с зернами средней величины (1355 фрагмента), такого же шамота и кусочков руды или шлака (851 фрагментов), с таким же набором примесей и дополнительными включениями дресвы (51 фрагмент), со средней величины шамотом и дресвой в керамической массе (420 фрагментов), с включениями руды (324 фрагмента), руды и дресвы

(36 фрагментов), с зернами шамота больше мелких (141 фрагмент), с такими же зернами и добавлением дресвы (87 фрагментов), с крупным шамотом (152 фрагмента), с крупным шамотом и рудой (13 фрагментов), с крупным шамотом и дресвой (15 фрагментов). В керамической массе многих сосудов заметна примесь органики, при выгорании которой образовались характерные пустоты.

Груболепная посуда, как правило, неорнаментирована. Лишь на некоторых горшках заметны насечки или вертикальные вдавления по венчику, нанесенные пальцем. Поверхность обычно гладкая. Встречаются сосуды, заглаженные пальцами, щепкой. На внешней поверхности двух обломков сосудов до обжига нанесены расчесы (вероятно, гребнем, рис. 18: 3,4).

Лепная столовая посуда делится на собственно лощеную с хорошо «заполированными» снаружи и изнутри поверхностями черного, коричневого или желтоватого цвета (61 фрагмент) и подлощенную со слабым лощением с одной наружной стороны (33 фрагмента). Некоторые сосуды (судя по обломкам) были пятнистыми. Примеси в тесте различные (шамот, дресва, известняк, песок), но все они мелкозернистые. Основные формы сосудов — закрытые округлобокие горшки, горшки со слабо выраженными ребрами, высокие округлобокие миски, зачастую с выделенной шейкой (рис. 13: 15; 18: 10–14). Лощеная и подлощенная керамика, как правило, неорнаментирована.

Доля столовой посуды составляет 3 % от общего количества керамики раннего Средневековья.

Для типологического определения форм сосудов применяется классификация, предложенная А. М. Обломским для памятников типа Чертовицкое — Замятино (Острая Лука, 2004, табл. 1, рис. 134; 2015, с. 95–103).

Анализ профилировки сосудов заставил отказаться от отдельной классификации лощеной керамики. По структуре профиля она аналогична кухонной (включая большинство форм мисок).

Из Стаево-4 происходит 29 типологически определимых керамических форм (табл. 4). К ним относятся горшки, миски и диски-сковородки.

Горшков таксона I,1,а,а (округлобокие сильнопрофилированные горшки с отогнутыми наружу изогнутыми венчиками) известно 10 экз. (рис. 14: 4; 16: 3,12–14; 17: 2, 5, 6, 8). Сосуд подобной профилировки, но с ребром ниже шейки на выпуклом бочке представляет собой так называемую особую форму того же таксона (рис. 17: 1). Округлобоких горшков с раструбообразными венчиками и резким переломом шейки (таксон I,1,в) насчитывается 3 экз. (рис. 13: 6; 14: 1; 16: 2). Обломки еще двух сосудов схожей профилировки имеют бордюр на внешней стороне венчика (таксон I,1,г) (рис. 13: 7; 16: 1). Округлобокие слабопрофилированные сосуды редки. Встречены фрагменты одного закрытого горшка (таксон I,3-а) (рис. 18: 1) и двух открытых (I,3-б) (рис. 17: 4; 18: 7).

Обломки верхних частей двух горшков с подлощенной и шероховатой поверхностью, а также одной лощеной миски имеют почти прямой венчик, резкий перегиб шейки, округлый бочок, но очень короткий, сведенный почти в уступ (рис. 18: 5, 10, 15). Все они относятся к варианту 1 таксона I,6.

Ребристые сосуды представлены горшком редкого для Верхнего Подонья таксона II,2,б (с зигзаговидным профилем, венчик — прямой) (рис. 13: 1), а также фрагментами лощеной миски II,3 (венчик изогнут, отогнут наружу, перелом шейки — плавный, линия профиля выше бочка — вогнутая, ниже — выпуклая). Найдены также 5 дисков с шероховатой поверхностью. Все они имеют невысокие закраины (рис. 17: 11–13; 18: 8,9).

В структуре керамического набора из сосудов преобладают горшки I,1,а,а (32 %), на втором месте находятся формы I,1,в и I,6, вариант 1 (по 11 %), на третьем — I,1,г и I,3-б, прочие немногочисленны. Общая доля ребристых сосудов составляет 8 %. Довольно много дисков — 18 %.

Среди горшков на первом месте находятся формы I,1,а,а (46 %), на втором — I,1,в (14 %), на третьем — I,3-б; I,1,г и I,6, вариант 1 (по 9 %), прочие единичны.

Разумеется, поскольку определимых сосудов в Стаево-4 немного, то эти соотношения нужно воспринимать с некоторой долей условности. Важно, формы каких таксонов встречаются чаще, а каких — реже.

Сооружений с представительным керамическим набором на памятнике немного. Условно закрытые комплексы[1] с сочетанием сосудов разных таксонов формы (развал 2 и заполнение

[1] К этой категории мы относим материал из объектов, одновременность которого доказать невозможно, но по конкретной ситуации на памятнике он датируется более узко, чем поселение в целом.

объектов 11 и 13) показывают относительную синхронность горшков I,1,в, I,1,г и I,1,а,а. Судя по материалам из объекта 13, где найдена пряжка геральдического стиля (рис. 16: 19), охарактеризованный выше комплекс посуды использовался на поселении вплоть до его финала, т. е. по VII в. включительно.

Данных для расчета пропорций сосудов очень мало. Можно использовать лишь метод «грубой прикидки». Согласно ему сильнопрофилированными считаются формы, у которых угол наклона венчика относительно бочка меньше 150°, а слабопрофилированными — те, у которых этот угол более тупой (Обломский, 2002, с. 7,8). Слабопрофилированных сосудов — всего 16%, т. е. горшки и миски с достаточно резко отогнутым венчиком абсолютно преобладают.

Кроме посуды, из глины изготовлены пряслица и грузила для ткацких станков.

На поселении обнаружено 17 *пряслиц* (целых и фрагментированных). Поверхность одного из них была лощеной (рис. 14: 8), другого — подлощенной (рис. 19: 10), прочих — шероховатой. Из них к типу высоких биконических (диаметр наибольшего расширения меньше высоты) относятся 3 экз. (рис. 19: 6,7,11), низких биконических — 1 экз. (рис. 19: 5), биконических средней высоты (диаметр наибольшего расширения больше высоты, но не более, чем в 2 раза) — 13 экз. (рис. 14: 6–10; 19: 1–4, 8–10,12), причем у одного из них были воронковидные основания. Набор пряслиц в целом соответствует «стандарту» группы Чертовицкое — Замятино.

Целых *грузил* найдено 2 экз., еще 7 дошли до нас в обломках (рис. 13: 12–16; 14: 11–14; 19: 13). Все они изготовлены из рыхлой глины, слабо обожжены, имеют отверстие диаметром около 1,5 см. На верхней части трех изделий заметны вмятины, нанесенные пальцем (рис. 13: 12, 14; 19: 13). Оба целых грузила были коническими. Обломки принадлежали, скорее всего, изделиям такой же формы. Исключением является один фрагмент лепешковидного грузила с вертикально ориентированным каналом отверстия (рис. 14: 12). Преобладание конических грузил над изделиями других форм характерно для древностей типа Чертовицкое — Замятино.

На памятнике обнаружено множество *изделий из железа*. К ним относятся целые и фрагментированные 13 ножей (рис. 20: 1–14), 9 пробойников и зубилец (рис. 14: 17; 19: 14–22, 25), 6 серповидных ножей (рис. 20: 15–19, 21), 2 серпа (рис. 20: 20, 31), 2 лезвия топоров (рис. 19: 23,24), 4 рыболовных крючка (рис. 14: 15, 16; 20: 24, 25), 1 булавка (рис. 20: 23), 3 крупных черешковых ромбических наконечника стрел (рис. 20: 28–30), 2 язычка пряжек (рис. 20: 26, 27). Найдены также 3 поковки (кузнечные заготовки). Для большинства из этих предметов определить узкую дату не удается. Достоверно по аналогиям ранним Средневековьем датируются лишь наконечники стрел (Казанский, 2015, с. 59–61). Тем не менее, учитывая специализированный производственный характер поселка, можно предположить, что практически все эти вещи были либо инструментами (как пробойники), либо продукцией средневековых мастеров.

Металлургия. Химический анализ шлаков был проведен В. И. Завьяловым (ИА РАН). Результаты свидетельствуют о наличии на поселении производства черного металла (Обломский, 2018а, с. 381–383).

На памятнике неоднократно встречены куски железной руды (274 экз.) и металлургические шлаки (820 кусков). О том, что остатки металлургии связаны именно с раннесредневековым периодом заселения памятника, свидетельствуют неоднократные находки кусков руды и шлаков в сооружениях вместе с керамикой и вещами этого времени. Повышенная концентрация остатков металлургии наблюдалась в объектах 11 и 13, описание которых приводится выше.

В культурном слое раскопа 1 находки шлаков в плане распределены приблизительно так же, как и керамика раннего Средневековья, что дополнительно указывает на связь производства металла с этим периодом. Менее отчетлива картина распределения кусков руды (Обломский, 2018а, рис. 17: А, Б). В культурном слое раскопов 2–4 шлаков и руды гораздо меньше, но именно здесь находятся объекты, непосредственно связанные с производством железа (11 и 13). К сожалению, ни один из них не сохранился полностью. Объект 11 представлял собой специализированную постройку с небольшой печью, где производилось измельчение и обогащение руды (обжиг, смешивание с углем и известняком в виде костей).

Сложнее понять предназначение объекта 13, особенно потому, что в плане его восстановить невозможно. Тем не менее аналогии подобным сооружениям неправильной формы с разнообразными ямами и вырезами в нижней части имеются. В раннеримское время они известны на Карпатах (поселение Ремезивцы), на их краях были установлены металлургические горны (Бидзиля и др. 1988, рис. 12, 13). Хронологически

и территориально более близкой к Стаево является обширная землянка на поселении Писарево в бассейне р. Красивая Меча (Верхнее Подонье). Это сооружение относится к культурной группе типа Каширки-Седелок середины III — начала первой половины IV в. (Обломский, 1998, рис. 2). По материалам из заполнения постройка также была связана с металлургическим производством.

Горны для получения железа на поселении пока не обнаружены. Не исключено, что они находились либо в его окрестностях, либо на разрушенном оврагами приречном участке.

В отношении определения характера ремесла, которым занимались обитатели Стаево-4, важны инструменты, предназначенные для нанесения ударов (пробойники, зубила, стамески, т. е. железные стержни и бруски с острым узким или широким рабочим краем). Они универсальны, обычно использовались для обработки дерева, железа, цветных металлов.

Количество этих инструментов в Стаево-4 и Стаево-5 разное (10 и 32 экз. соответственно) и сопоставить данные о них трудно. Тем не менее на графиках (рис. 22) видна ощутимая разница в размерах инструментов (см. таблицу ниже и главу 2).

Параметры инструментов из Стаево-4

№ по описи (Обломский, 2018а, с. 378–380)	Длина в см	Максимальная ширина в см
15	11,4	0,6
38	13,4	0,5
16	9	0,6
7	14,2	0,6
8	6,7	1,1
6	4,6	0,4
35	3,7	0,3
59	5,4	0,3
92	7,5	0,6
99	10,6	0,4

В Стаево-5 преобладают сравнительно небольшие вещи (длиной около 2–8 см, большинство — 3–6 см), более крупные единичны. В Стаево-4 небольшие инструменты также имеются, но не менее половины от общего количества экземпляров — крупные (длиной около 8–14 см). Конечно, каждый мастер подбирает себе орудия по руке, и их размеры во многом индивидуальны, однако различие в распределении на графиках параметров инструментов свидетельствует, что они были предназначены (по крайней мере, в своем большинстве) для работы с разными материалами.

Как будет показано ниже, в Стаево-5 в изобилии встречены брак и отходы ювелирного ремесла (бронзовые прутики и их обломки, пластинки, выплески бронзы, обломки и обрубки вещей из бронзы, реже — из серебра, предназначенные для переплавки, фрагменты глиняных тиглей). Небольшие инструменты для нанесения ударов, очевидно, связаны с обработкой цветных металлов.

В Стаево-4 найдены всего один выплеск бронзы, одна пластинка и один обрубок прутика с расширенным концом (рис. 21: 16) (Обломский, 2018а, с. 378–380 — опись находок). Обломков тиглей не было вовсе. Эти факты свидетельствуют о специализации обитателей на работе с черным металлом. По всей видимости, они были не только металлургами, но и кузнецами.

Хронология памятника определяется по *серии находок из цветных металлов*.

Фибула с пятью отростками на головке, ромбической ножкой и маской зверя на ее конце (рис. 21: 1) сохранилась в виде двух кусков. На оборотной стороне имеются сплошной приемник и две стойки для крепления пружины. Сохранилась ее железная ось и верхняя часть иглы. Фибула относится к широко распространенному в Восточной, Центральной Европе и Подунавье типу Гурзуф. Специальное исследование об этих фибулах, происходящих с территории Верхнего Подонья, на общем фоне европейских аналогий опубликовано. И. О. Гавритухин отмечает, что экземпляр из Стаево-4 для фибул с пятью отростками имеет архаичную форму, по типологическим особенностям он датирует его второй половиной V — около первых десятилетий, но не позднее первой половины VI в. Хотя точных аналогий этой вещи он не знает, но по ряду особенностей оформления допускается ее дунайское происхождение (Гавритухин, Обломский, 2018, с. 146, 158, 159).

Малая гибридная двупластинчато-пальчатая фибула из бронзы с пятью отростками без орнамента на верхнем щитке снабжена подтреугольным нижним щитком с расширением в верхней части (рис. 21: 2). На оборотной стороне помещены сплошной приемник и стойка для крепления пружины. Она и, очевидно, игла были изготовлены из железа: вокруг стойки сохранились окислы. Край ножки фибулы обломан.

Наиболее близкие аналогии этой фибуле происходят из Мощенки (Днепровское лесостепное Левобережье), Медведовки (Среднее Поднепровье) и Керчи (Крым). И. О. Гавритухин датирует

эти фибулы второй половиной V в. (Гавритухин, 2004б, с. 214, рис. 2: 12, 14; Гавритухин, Обломский, 2007, с. 30–31, рис. 22: 14). Тем не менее фибула из Стаево отличается от перечисленных упрощенной формой отростков, на которых отсутствует рельефная орнаментация, и несколько иными пропорциями нижнего щитка.

Фибула, ножка которой украшена кербшнитным орнаментом (рис. 21: 3), относится к очень редкому типу двупластинчатых. Единственные две аналогии обнаружены на селище Ярок-9, расположенном несколько ниже Стаево в долине р. Воронеж (Обломский, 2016а, рис. 12: 4,5; 13: 1,2) (рис. 5: 3). Аналогичные изделия, где повторялось бы сочетание формы щитков и орнамента на них, мне неизвестны. Похожая фибула, но с другим, чем в Ярке-9, орнаментом на головке, происходит из коллекции А. А. Бобринского из Керчи (экспонируется в Государственном Эрмитаже). В рамках типологического поля, которое опубликовал И. О. Гавритухин, исследуя пальчатую фибулу из Замятино-5, застежки из Ярка-9 занимают место между экземплярами из Земуна, Тамани и Замятино (Гавритухин, 2004а, рис. 122: 25, 28, 35). По этим типологическим наблюдениям фибулы из Ярка должны датироваться не ранее второй половины V в. Верхняя дата их неопределенна.

У массивного *язычка пряжки* из белого металла с подтреугольными выступами у клювовидного основания обломан край, предназначенный для прикрепления к рамке (рис. 21: 5). Сама рамка утрачена, что не позволяет узко продатировать данный предмет. Тем не менее язычки подобной формы с выступами у окончания, в том числе и с сечением в виде латинской буквы V, характерны для пряжек разных типов V–VII вв. Крыма (Айбабин, 1990, с. 29–35; рис. 24: 1,7; 25: 3–6; 28: 1,3,5; 35: 4). Пряжки с такими язычками изредка встречаются и на Кавказе (Мастыкова, 2009, рис. 45: 5).

Маленькая пряжка с трапециевидной рамой и обоймой в геральдическом стиле, отлитыми в одной форме, сделана из бронзы. Обойма имеет на каждой из сторон по две выемки, между которыми находятся выступы. Язычок был железным (рис. 16: 19).

Подобные пряжки широко распространены на юге Восточной Европы, в степной зоне, в Поволжье. В Среднем Поднепровье и Поочье они относительно редки (Обломский, 2018а, с. 375). Показательно, что в состав ременной гарнитуры днепровских кладов первой группы по О. А. Щегловой они не входят. И. О. Гавритухин делит подобные пряжки на три блока вариантов. Находка из Стаево–4 относится ко второму (23–26 мм длиной) (рис. 13: 9, 11) блоку. Изделия второго блока он датирует второй половиной VI — третьей четвертью VII в. (Gavritukhin, 2018, p. 62, fig. 22).

Полая граненая В-образная рамка пряжки с выемкой для окончания язычка из Стаево-4 изготовлена из серебра (рис. 20: 4). Такие пряжки встречаются в Нижнем Подунавье, Юго-Западном Крыму, Поднепровье, на Кавказе, в Поволжье, степной зоне Восточной Европы, в Поочье. Ориентировочная дата: третья четверть VI — первая треть VII в. (Обломский, 2018а, с. 375–376) (см. главу 5).

С поселения происходят четыре обломка зеркал из белого металла с петлей на обороте. Три зеркала из Стаево-4 относятся к типу X по А. М. Хазанову (с петлей на обороте) (Хазанов, 1963, с. 67–69). Они имеют орнамент в виде двух концентрических валиков (рис. 21: 9–11). По данным А. В. Мастыковой, подобные зеркала, относимые к типу Карповка — Анке-4, появились в III в. и существовали вплоть до X–XII вв. В конце IV — VII в. в лесостепной зоне такие зеркала встречены только в Верхнем Подонье: на классических памятниках типа Чертовицкое — Замятино и на поселениях верхневоронежской группы (Мастыкова, 2016, с. 243–247).

В Стаево-4 найден также фрагмент зеркала с мелким ячеистым декором по борту (рис. 21: 19). Сильная фрагментированность находки не позволяет определить ее типологическую принадлежность.

Э. А. Хайрединова объединяет зеркала с таким орнаментом в тип 1. По ее данным, в Крыму они появились в IV в. (Хайрединова, 2002б, с. 72, 73; рис. 13: 1–6).

В качестве показателей этнокультурных связей важны еще несколько предметов.

В Стаево 4 найдена *верхняя часть подвески с тремя отверстиями для крепления привесок* (рис. 21: 7). Все комбинированные украшения на памятниках верховьев р. Воронеж имеют восточно-финское происхождение.

Звездчатая (или коробчатая) подвеска (рис. 21: 14). В рязано-окской и древнемордовской культурах суммарно датируются III–VI вв., в Чувашии известны и позже. Более подробно см. в главе 2.

Цилиндрическая бронзовая подвеска, свернутая из листа (рис. 21: 20). Подобные подвески

в рязано-окской культуре являются деталями комбинированных височных украшений. И. В. Белоцерковская отмечает, что они появились во второй половине V в. (Белоцерковская, 2014, с. 185, рис. 4: 14).

Таким образом, по относительно узко датируемым вещам поселение Стаево-4 существовало от второй половины — конца V в. по VII в., вероятно, исключая конец этого столетия.

В статье, опубликованной в журнале «Стратум», был сделан вывод, что объекты поселения (небольшие постройки, ямы, которых очень мало, производственные сооружения) не производят впечатления предназначенных для постоянного обитания. Скорее всего, был исследован участок рабочей зоны, которая посещалась эпизодически, вероятно, в летний период, но в течение довольно длительного времени. Не исключено, что жилые объекты находились к северу от раскопа 1, но поскольку этот участок памятника занят полем, то заложить здесь раскопы не было возможности.

Лепная керамика и набор вещей достаточно наглядно демонстрируют связи обитателей поселения с югом Восточной Европы и бассейном Оки.

Глава 2

Поселение Стаево-5. Описание, материалы

А. М. Обломский (Москва)

Поселение расположено в 0,1 км к северо-западу от селища Стаево-4 (через овраг), в 2,8 км к юго-западо-западу от юго-восточной окраины с. Старое Тарбеево Мичуринского р-на Тамбовской обл. (рис. 11). Памятник занимает участок правого коренного берега р. Воронеж высотой 8–17 м от его низкой поймы к западу от оврага, который ограничивает поселение Стаево-4 с запада. Западный край селища Стаево-5 также ограничен обширным оврагом. Более узкие овраги с обрывистыми берегами (вероятно, новые) имеются в восточной и южной частях поселения. Поверхность памятника задернована, северная его часть занята дубовым лесом. Лес — сравнительно молодой, посажен около 40 лет тому назад (по сообщениям лесников). На поверхности поселения местами видны довольно глубокие борозды, оставшиеся от посадок. До этого все поселение было распахано: слой пашни прослеживался во всех шурфах и раскопах. Общие размеры селища составляют 260 × 240 м. На его территории выделяется особый восточный участок, получивший название «Стаево-5А» — мыс между двумя оврагами на западной окраине поселения. Его размеры составляют 10–60 × 200 м (рис. 23).

Поселение открыто С. И. Андреевым в 1999 г. В 2012 г. и 2013 г. оно было осмотрено Раннеславянской экспедицией под руководством А. М. Обломского. Зачистки, сделанные С. И. Андреевым и А. М. Обломским, показали наличие слабо насыщенного материалом культурного слоя на обоих краях западного оврага в районе, где в 2016 г. был заложен раскоп 5.

На территории поселения в дубовом лесу в 2015 г. во время раскопок Стаево-4 находился лагерь экспедиции. Уже после завершения работ, при его снятии и закапывании различных канавок, рытвин, выкапывании столбов и т. п. была собрана серия индивидуальных находок как из бронзы, так и из железа.

Как обычно, на памятнике проводился сбор подъемного материала при помощи металлоискателя, настроенного на глубину 15 см. Полоса металлопоиска 2016 г. охватила территорию к югу от раскопа 2 и к северу от южного края раскопа 4. Места находок в соответствии с номерами по полевой описи (табл. 1, 2) указаны на плане памятника (рис. 23).

В 2017–2018 гг. металлопоиск проводился на полосе от раскопа 6 до южного края поселения. Эта территория не занята лесом. По этой причине план находок получился более отчетливым, чем в 2016 г.

В 2019 г. металлопоиск проводился на северной оконечности поселения, а также на участке Стаево-5А.

На поверхности селища были найдены многочисленные изделия из цветных металлов (различные бронзы, серебро, свинец, свинцово-оловянистый сплав), которые в основном представляли собой украшения, детали ременной гарнитуры и предметы быта (зеркала). Обнаружена также серия амулетов и экзагий-гирька для взвешивания византийской золотой монеты (солида или номисмы). Набор специфических предметов (выплесков, слитков, обрубков пластин и прутиков, а также вещей, например, кусков котлов гуннского типа, предназначенных для переплавки) представлял собой сырье и отходы бронзолитейного ремесла.

О том, что на памятнике работали ювелиры, свидетельствуют также матрицы для изготовления пальчатых фибул типа Гурзуф и деталей так называемой геральдической ременной гарнитуры (рис. 26; 27; 31; 36; 40–43).

Изделия из железа разнообразны. К ним относятся орудия труда (различные инструменты), предметы быта (ножи, фрагменты топоров, иглы, булавки, бритва, пряжки, рыболовные крючки, ручки деревянных сосудов и др.), вооружения (наконечники стрел, обломки меча и копья), снаряжения коня (удила) (рис. 26–43).

Кроме того, была найдена стеклянная бусина (рис. 27: 45).

Уникальна коллекция прикипевших друг к другу разнообразных инструментов ювелира (29 предметов) (рис. 38; 39). Кроме них в других частях памятника найдено еще несколько инструментов, в том числе чекан, стамеска, напильник, сверло, два пробойника, игла, резец, крючок-волочило для проволоки (рис. 25; 26; 28–30; 32–37).

Как уже было отмечено выше, сохранность культурного слоя на памятнике (многолетняя крестьянская пашня, распашка под лес) оставляет желать лучшего. На поверхности селища (в его свободной от леса части) заметны многочисленные ложбины, смывы грунта и т. п.

Тем не менее на общем плане памятника (рис. 23) отчетливо видны 4 зоны концентрации изделий из цветных металлов и железа. В рамках первой и второй зон выделены, соответственно, 3 и 2 участка.

Перед началом работ в 2016 г. на поселении была проведена шурфовка (13 шурфов размерами 2 × 2 м), по ее результатам и по итогам металлопоиска заложены 6 раскопов. Общая вскрытая площадь составила 478 кв. м.

В 2017 г. на поселении прирезана новая площадь к раскопу 6 (214 кв. м) и заложены 2 новых раскопа (7 — 128 кв. м и 8 — 80 кв. м). Всего в 2017 г. вскрыто 422 кв. м.

В 2018 г. с целью завершить исследование участка, на котором работали мастера-ювелиры раннего Средневековья, были сделаны прирезки к раскопу 6 2017 г. в южном и восточном направлении с таким расчетом, чтобы объединить раскопы 6 и 7 в общую площадь. В месте повышенной концентрации материала на поверхности между двумя оврагами в южной части поселения был заложен раскоп 9. Вскрытые в 2018 г. площади составили: раскоп 6 — 272 кв. м, раскоп 9 — 176 кв. м, всего — 448 кв. м.

В 2019 г. раскоп 9 был расширен в южном направлении. Площадь прирезки — 384 кв. м.

Всего в 2016–2019 гг. на памятнике было вскрыто 1732 кв. м. Расположение раскопов указано на топографическом плане памятника (рис. 3)

Раскопы 1–5 находятся на западном краю оврага, отделяющего участок Стаево-5А от основной территории поселения, раскопы 6 и 7 — на южном мысу в пределах повышенной концентрации остатков литья бронзы, раскопы 8 и 9 — на южном мысу на предполагаемом жилом участке. Все раскопы ориентированы по странам света, их территория поделена на квадраты размерами 2 × 2 м, обозначенные по одной из осей буквами, а по другой — цифрами. В настоящее время поверхность всех раскопов задернована.

На раскопах 1 и 2 выразительных материалов периода раннего Средневековья не было, за исключением обломка биконического пряслица с широким отверстием из культурного слоя раскопа 2 (рис. 46: А).

Раскоп 3

Общая площадь раскопа составляет 32 кв. м (рис. 44). Поверхность имеет уклон в южном направлении до 0,33 м. Общая толщина культурного слоя — 0,41–0,55 м. Под дерном (0,05–0,1 м) залегал серый суглинок мощностью 0,17–0,4 м, представлявший собой слой пашни. Его до материка подстилал нетронутый распашкой более светлый суглинок (рис. 45). В культурном слое обнаружены разновременная лепная керамика, в основном, сильно измельченная, куски железных шлаков, глиняной обожженной печины, 2 куска железной руды, железный пробойник (рис. 46: 8), обломок лощеного глиняного пряслица с широким отверстием, характерного для мощинской культуры (рис. 46: 9). Керамика раннего Средневековья имеет примесь шамота средней величины в тесте (рис. 46: 1–3). Концентрация культурных остатков разнообразна: от низкой до довольно высокой, причем она повышается с севера на юг.

В южной части раскопа на поверхности материка прослежены четыре ямы, близкие по глубине, только одна из них (объект 3) была раскопана полностью. Одна из ям (объект 4) по составу материала из заполнения относится к раннему Средневековью. Прочие ямы (объекты 3, 5, 6) представляли собой глубокие хранилища шириной 1,3–1,37 м по верхнему краю и глубиной

0,42–0,75 м, т. е. были приблизительно такими же, как и объект 4. Не исключено, что они тоже датируются ранним Средневековьем, хотя в двух из них (№ 5 и 6) находок не было, а керамика из объекта 3 невыразительна.

Кроме того, в южной части раскопа и в северной его оконечности исследованы две столбовые ямы и пятно прокала грунта.

Расширить раскоп для исследования объектов 4–6 не было возможности из-за деревьев.

Объект 4 (рис. 45). Представляет собой глубокую яму-хранилище с боковой ступенькой-сходом (с юго-западной стороны). Объект частично выходит за пределы раскопа. Общие размеры исследованной части по верхнему краю — 1,8 × 2,0 м. Размеры ступеньки по ее поверхности — 0,6 × 0,6 м, наиболее глубокой части ямы — 1,38 × 1,4 м. Максимальная глубина объекта — 0,69 м. Заполнение по характеру грунта очень близко заполнению объекта 3 с той лишь разницей, что пятна материковой глины концентрируются в основном в верхней его части. Из него происходит 6 обломков лепных сосудов (один из них — с примесью дресвы, остальные — с включениями шамота средней величины в тесте, иногда с добавлениями руды, в том числе фрагмент днища горшка: рис. 46: 2), 1 кусочек глиняной обожженной обмазки.

Раскоп 4

Общая площадь — 152 кв. м, поверхность имеет уклон в южном направлении на 0,45–0,66 м (рис. 47). Общая толщина культурного слоя составляла 0,32–0,61 м, но на большей части исследованной площади — 0,35–0,4 м. Под дерном (0,05–0,1 м) залегал серый суглинок толщиной 0,1–0,35 м, представлявший собой слой пашни. Его до материка подстилал нетронутый распашкой более светлый суглинок. Непосредственно над материком залегала относительно тонкая прослойка темно-серого суглинка (0,06–0,1 м). В культурном слое обнаружена разновременная лепная керамика, в основном сильно измельченная, куски железных шлаков, глиняной обожженной печины, кусок железной руды. Выразительна керамика раннего Средневековья: фрагменты груболепных горшков с примесью среднего и крупного шамота в тесте, сосуда с подлощенной поверхностью (рис. 46: 5–7). Из культурного слоя происходит также серия индивидуальных находок, места которых обозначены на общем плане раскопа (рис. 47). К ним относятся железные фрагмент раннесредневековой фибулы (рис. 46: 98), скоба (рис. 26: 42), нож или резец (рис. 46: 55), стеклянная бусина-бисерина (рис. 46: 56). Выразительны находки, связанные с ювелирным производством: 5 выплесков бронзы (рис. 46: 32, 41, 48; 107), обрезки двух бронзовых пластин (рис. 46: 38, 100), фрагмент бронзового прутика (рис. 46: 99), глиняная льячка (рис. 46: 50). Концентрация культурных остатков весьма разнообразна, но на большей части площади раскопа она была средней.

К раннему Средневековью достоверно относится одна яма, очертания которой прослежены на поверхности материка.

Объект 11 (рис. 48). Круглая в плане яма с почти отвесными стенками. Общая глубина составляет 0,25–0,27 м, диаметр объекта — 1,2 м. Заполнение представляло собой серый гумусированный суглинок с пятнами светлой материковой глины, которые встречались на разных уровнях: от верха до придонной части. На дне ямы обнаружено скопление обломков лепных сосудов со средним и крупным шамотом в тесте. Формы выразительны и характерны для раннего Средневековья (рис. 48: 1, 2).

Раскоп 5

Общая площадь раскопа — 152 кв. м. Поверхность имеет уклон в южном направлении на 0,86 м. Общая толщина культурного слоя составляла 0,28–0,51 м, но на большей части исследованной площади — 0,3–0,4 м. Под дерном (0,05–0,1 м) залегал серый суглинок толщиной 0,2–0,37 м, представлявший собой слой пашни. Его подстилал нетронутый распашкой более светлый суглинок мощностью до 0,34 м. Ниже, непосредственно над материком, местами залегала прослойка темного гумусированного суглинка толщиной 0,05–0,07 м (рис. 49).

В культурном слое обнаружена разновременная лепная керамика, куски железных шлаков, глиняной обожженной печины, железной руды. Наиболее ранние черепки относятся к эпохе бронзы, довольно много материала раннего железного века и раннего Средневековья, в том числе обнаружено 4 фрагмента ошлакованных глиняных тиглей (рис. 50). Из культурного слоя происходит также серия индивидуальных находок, места которых обозначены на общем плане раскопа (рис. 49). К ним относятся: железные рама гитаровидной пряжки, нож, неопределимое изделие (возможно, черешок ножа), бронзовая

фибула. Из глины изготовлены два пряслица. Выразительны находки, связанные с ювелирным производством. Кроме упомянутых выше фрагментов тиглей (рис. 50: 17, 18), найдены 5 выплесков бронзы, обрезки двух бронзовых пластин (рис. 51). Степень концентрации культурных остатков разнообразна, но на большей части площади раскопа она была ниже средней.

К раннему Средневековью относятся хозяйственная постройка и 2 ямы, очертания которых зафиксированы на поверхности материка.

Объект 14 (рис. 52). Углубленная в грунт подпрямоугольная в плане хозяйственная постройка, в плоском основании которой прослежены 5 обширных неглубоких овальных ям[1], обозначенных буквами от А до Д. Размеры сооружения по верхнему краю — 3–3,6 × 4,1 м, в нижней части — 2,7–3,4 × 4 м, глубина — 0,07–0,13 м.

Котлован постройки был заполнен серым суглинком. Над ним в культурном слое было зафиксировано скопление черепков ***развал 1***. Оно занимало пространство 0,2 × 0,7 м, состояло из 15 фрагментов лепных сосудов с шамотом в тесте.

На том же уровне находилось пятно необожженной глины размерами 0,4 × 0,3 м. В нижней части заполнения объекта наблюдались две области концентрации древесных угольков: в северной оконечности — размерами 1,4 × 1,1 м — и ближе к западному краю — размерами 0,6 × 1 м. Первая из этих областей совпадала с прослеженной ниже ямой А, вторая — с ямой В.

Из серого слоя заполнения происходят 2 фрагмента лепных сосудов с дресвой в тесте, по фактуре характерных для раннего железного века, 14 обломков груболепных горшков с примесью среднего шамота в тесте, в том числе и с включениями руды, фрагмент лепного лощеного сосуда, кусок железного шлака (рис. 53: 2, 3). Прочая керамика сильно измельчена и по этой причине неопределима. Тем не менее основной массив материала из заполнения характерен для раннего Средневековья.

Яма А. Овальная в плане. Размеры по верхнему краю составляли 1,6 × 1,2 м, в нижней части — 1,4 × 1,0 м, глубина — 0,43–0,52 м. Заполнение стратифицировано. В верхней части залегала линза темно-серого гумуса толщиной до 0,3 м. Ниже до дна заполнение представляло собой темно-серый суглинок с пятнами переотложенной материковой глины. Из заполнения происходит груболепная керамика, преимущественно, со средним шамотом в тесте, фрагмент стенки лепного чернолощеного сосуда (того же, что и из серого слоя заполнения объекта 14) (рис. 53: 1,2), кусок железного шлака и кусочек печины.

Яма Б. В плане округлая. Диаметр верхней части составлял 1,1 м, нижней — 1 м, глубина объекта — 0,19–0,24 м. Заполнение представляло собой однородный серый суглинок. Из него происходят 6 невыразительных фрагментов груболепных сосудов.

Яма В. Овальная в плане. Размеры по верхнему краю составляли 1,2 × 1,1 м, в нижней части — 1,15 × 1,0 м, глубина — 0,31–0,34 м. Заполнение стратифицировано. В верхней его части залегала линза серого суглинка мощностью до 0,25 м с пятнами древесного угля толщиной 0,03–0,08 м. Ниже до дна заполнение представляло собой темно-серый суглинок. Из ямы происходят 9 фрагментов груболепных сосудов, преимущественно со средним шамотом в тесте, 1 кусок железной руды, 1 кусочек обмазки.

Яма Г. Овальная в плане, сливается краями с ямами В и Д. Размеры по верхнему краю составляли 1,3 × 1,2 м, в нижней части — 1,2 × 1,12 м, глубина — 0,15 м. Заполнение представляло собой однородный серый суглинок. Находок не было.

Яма Д. Овальная в плане. Размеры по верхнему краю — 1,4 × 1,3 м, в нижней части — 1,2 × 1,13 м, глубина — 0,35 м. Заполнение представляло собой однородный серый суглинок. Из него происходят 7 фрагментов груболепных сосудов, преимущественно с крупным шамотом в тесте, в том числе выразительный обломок верхней части округлобокого горшка (рис. 53: 4).

Керамика из заполнения ям в основном представлена фрагментами раннесредневековых сосудов. Наличие в яме А и в котловане объекта 14 фрагментов одной и той же чернолощеной лепной миски свидетельствует, что заполнение ям и постройки образовалось в одно и то же время и относится к раннему Средневековью.

Объект 16 (рис. 54). Овальная в плане яма. Размеры по верхнему краю составляли 1,8 × 1,52 м, стенки — практически отвесные, дно — плоское. Общая глубина объекта — 0,22–0,24 м. Заполнение представляло собой однородный серый суглинок. Из него происходят 3 обломка груболепных сосудов со средним шамотом в керамическом тесте, 1 фрагмент ошлакованного глиняного тигля.

---

[1] В процессе раскопок северо-западный выступ котлована этой постройки получил обозначение «объект 15».

Объект 17 (рис. 54). Большей частью площади выходил за пределы раскопа, исследован лишь сравнительно небольшой сектор. Размеры исследованной части по верхнему краю составляли 1,6 × 2 м, по дну — 1,1 × 0,9 м. Общая глубина объекта — 0,52–0,62 м. Заполнение стратифицировано. Большую часть его представляла собой чистая негумусированная глина, верхний уровень которой был зафиксирован на 5 см ниже дневной поверхности, практически под дерном. Яма, вероятно, была хранилищем глины, специально приготовленной для каких-то целей. В толще этой глины на разных уровнях встречались линзы темного гумусированного суглинка мощностью до 0,3 м. Находок не было, но по аналогии с серией ям раскопов 6 и 7, имевших такое же заполнение (см. ниже), объект 17 относится к раннему Средневековью.

Раскопы 6 и 7

Работы на этих раскопах велись в 2016–2018 гг. Они были заложены в месте концентрации остатков бронзолитейного ремесла на поверхности селища (зона 1/I), Площадь раскопа 6 составила 550 кв. м, раскопа 7 — 178 кв. м, общая — 728 кв. м (рис. 55).

Поверхность имеет уклон в южном направлении до 1,47 м. На ней видны борозды распашки под лес, ориентированные по направлению северо-запад — юго-восток. Визуально их глубина достигала 20–25 см. Общая толщина культурного слоя составляла 0,18–0,78 м с учетом отвалов борозд. Под дерном (0,05–0,1 м) залегал серый суглинок толщиной 0,2–0,47 м, представлявший собой слой пашни. Местами до материка его подстилал нетронутый распашкой более светлый суглинок толщиной около 0,1–0,3 м. В культурном слое обнаружена разновременная лепная керамика, в основном сильно измельченная, куски железных шлаков, глиняной обожженной печины, железной руды. Обломки сосудов раннего Средневековья приводятся на рис. 56–58.

Из культурного слоя происходит также серия индивидуальных находок, места которых обозначены на общем плане раскопа (рис. 55). К ним на участке 2016 г. относятся железные 4 ножа, гвоздь, обломок топора, другие изделия, бронзовые браслет, заклепка, гвоздик (рис. 59). Большинство индивидуальных находок представляли собой остатки бронзолитейного ремесла: 26 выплесков бронзы (рис. 59: Б), 12 обрезков бронзовых пластин, 9 кусочков бронзовых прутиков (рис. 60).

Из материалов 2017 г. ним относятся выплески бронзы (48 экз.), обрезки тонких пластин (61 экз.), прутиков, в том числе и с расплющенными концами и 1 целый прутик (20 экз.), 2 небольших слитка бронзы, обломки толстых пластин, очевидно, от литых котлов (6 экз.) (рис. 61), фрагменты глиняных тиглей (3 экз.).

В 2018 г. отходы бронзолитейного ремесла представлены выплесками бронзы (27 экз.), обрезками тонких пластин (59 экз.), прутиков, в том числе и с расплющенными концами (31 экз.), обломками толстых пластин, очевидно, от литых котлов (2 экз.), фрагментами глиняных тиглей (5 экз.) (рис. 62, 63).

Отмечена концентрация этих находок по диагонали исследованной площади — от северо-западной части раскопа 6 до района объекта 3 (рис. 55).

Среди прочих находок 2017 г. также преобладают изделия из цветных металлов. К ним относятся изготовленные из бронзы острие, 2 фрагмента браслетов (рис. 64: 247, 286), обломок головки пальчатой фибулы (рис. 64: 264), бракованная отливка пальчатой фибулы (рис. 64: 292), обойма пряжки (рис. 64: 285), колечко (рис. 64: 299), 3 иглы, в том числе одна — с двумя заостренными концами (рис. 64: 302, 440, 533), 2 заклепки (рис. 64: 387, 537), матрица для изготовления наконечника ремня (рис. 64: 376). Обнаружены также 3 неопределимых бронзовых изделия (рис. 64: 281, 300, 437). Из серебра сделаны две маленькие бляшки, орнаментированные насечками по краю (рис. 64: 253, 306).

Из железа изготовлены пробойники (4 экз.) (рис. 65: 365, 399,495, 498), ножи (3 фрагмента) (рис. 65: 380, 453, 468), игла, вероятно, фибулы (рис. 65: 467), неопределимый предмет (рис. 65: 551).

Из глины сделаны 3 пряслица (рис. 65: 309, 459, 520), а еще одно было изготовлено из черепка лепного сосуда (рис. 65: 383). Найден также каменный терочник (рис. 65: 400).

Среди находок 2018 г. преобладают изделия из цветных металлов. К ним относятся обломок дужки пальчатой фибулы (рис. 66: 623), фрагменты двух браслетов с плоским расширенным концом (рис. 66: 648, 656), два обломка зеркал (рис. 66: 641, 750), накладка из свинцово-оловянистого сплава (рис. 66: 776), бронзовый коробчатый наконечник ремня с зигзагообразным вырезом в верхней части (рис. 66: 621), Т-образная

накладка из бронзы (рис. 66: 612), миниатюрная бляшка с геральдическим щитком (рис. 66: 756), круглая бронзовая пластинчатая накладка (рис. 66: 779), пластинчатая пронизь с круглыми выступами на краях пластины (рис. 66: 674),

Из железа изготовлены 1 целый и 1 фрагментированный ножи (рис. 67: 688; 711), 3 инструмента, вероятно, ювелирных, в том числе штихиль, пробойник (рис. 67: 762; 602; 738), обломок чекана с острым концом (рис. 67: 761), 2 пробойника (рис. 67: 630; 629), нож с выпуклым лезвием (вероятно, бритва) (рис. 67: 668), 2 кузнечные поковки (рис. 67: 633, 803).

Из глины сделаны 6 пряслиц (рис. 68: 644, 685; 666, 787; 665), целое и фрагментированное грузила для ткацких станков (рис. 68: 657; 772), округлый блок с отверстием (рис. 68: 686) непонятного назначения, из камня — оселок.

В культурном слое раскопа 7 остатков бронзолитейного ремесла очень мало. К ним относятся выплески бронзы (3 экз.) (рис. 69: 420, 424, 436), обрезки тонких пластин (3 экз.) (рис. 69: 425; 76: 430, 461), обломок глиняной льячки (рис. 69: 535). Фрагментов глиняных тиглей не было. Отмечена концентрация этих находок в северо-восточной части исследованной площади — ближе к раскопу 6.

Среди прочих находок часть изготовлена из бронзы. К ним относятся подвеска (рис. 69: 478), фрагмент браслета (рис. 69: 479), обломок зеркала (рис. 69: 480). Из железа сделаны 2 инструмента (рис. 69: 429, 462), 2 наконечника стрел (рис. 69: 481а, 534), рама пряжки (рис. 69: 482), 2 крючка (один из них рыболовный) (рис. 69: 487а, 497).

Из глины изготовлены 3 пряслица (рис. 69: 435, 466), миниатюрный сосуд (рис. 69: 486), грузило (рис. 69: 536).

На территории раскопов 6 и 7 обнаружена серия объектов, часть из которых относится к находившейся здесь усадьбе, а другие были связаны с бронзолитейным ремеслом.

Объекты усадьбы

Объект 3 (рис. 70, 71). Представляет собой подпрямоугольную со скругленным северо-западным углом углубленную в грунт постройку с тремя внутренними ямами (А–В). Четвертая яма (Г) была более поздней — перекрывала сооружение.

Постройка прослежена в нижней относительно светлой части культурного слоя. Общая глубина сооружения — 0,16–0,27 м. Размеры объекта по верхнему краю — 2,8 × 4,8 м, в придонной части — 2,6 × 4,5 м. В юго-западной части котлована имеется треугольная в плане ступенька-выступ размерами 0,5 × 1 м, плоская поверхность которой находилась на уровне 0,11 м от верхнего края сооружения.

Заполнение постройки стратифицировано. В верхней его части, а в центре сооружения вплоть до пола, залегал слой очень темного углистого суглинка. По краям котлована под ним находился слой более светлого серого суглинка толщиной до 0,1 м (рис. 71). Основная масса материала из постройки сосредоточена в верхнем черном слое. Его составляет выразительный набор груболепной, лепной лощеной и подлощенной посуды, характерной для раннего Средневековья (рис. 72, 73), железные шлаки, куски руды и печины, обломки глиняных блоков непонятного назначения как округлых, так и подпрямоугольных (рис. 74: 5,6). Здесь же в относительно небольшом количестве найдена сильно измельченная лепная керамика раннего железного века — первых вв. н.э., которая явно попала в заполнение постройки из культурного слоя.

Из заполнения происходят железные кольцо с заклепкой (вероятно, от кольчуги) (рис. 75: 204), фрагмент черешка ножа, проколка (рис. 75: 186), обломок полиэдрической серьги из бронзы (рис. 75: 194), 4 глиняных пряслица (рис. 74: 181, 183, 189), в том числе и обломок низкого биконического с широким отверстием (рис. 74: 4), фрагмент миниатюрного сосуда (рис. 74: 3). Найдена также серия вещей, связанных с бронзолитейным ремеслом: 4 выплеска бронзы (рис. 75: 195, 196, 185), 4 обрезка пластин (рис. 75: 191, 192, 207), 3 обрубка прутиков (рис. 75: 184, 182, 171), 12 определимых обломков ошлакованных глиняных тиглей (рис. 74: 1,2).

В нижнем сером слое находок значительно меньше. Из него происходят 23 маловыразительных обломка лепных сосудов, преимущественно со средним и крупным шамотом в тесте (иногда с дополнительными примесями), 3 куска железных шлаков, 7 кусков обмазки, 1 фрагмент глиняного тигля. Несмотря на относительную малочисленность находок, по составу они ничем не отличаются от материала из верхнего слоя.

Ниже следует описание ям, зафиксированных на полу объекта.

Яма А (рис. 70, 71). В плане — овальная. Размеры по верхнему краю — 0,8 × 1,2 м, по дну — 0,5 × 0,8 м. Контуры прослежены на поверхности пола постройки. Общая глубина

ямы — 0,21–0,27 м. В заполнении зафиксированы те же слои, что и в постройке в целом. Линза верхнего черного слоя достигала толщины 0,1 м. Нижний серый слой залегал под ним до дна ямы.

В заполнении обнаружена груболепная, лощеная и подлощенная керамика раннего Средневековья, 5 обломков тиглей, фрагмент биконического пряслица (рис. 76: 197), железная обойма пряжки или накладка (рис. 76: 206).

Яма Б (рис. 70, 71). Также овальная. Размеры по верхнему краю — 0,68 × 0,64 м, по дну — 0,4 × 0,45 м. Очертания зафиксированы на поверхности пола постройки. Глубина составляла 0,12–0,13 м. Заполнение представляло собой очень темный углистый суглинок. Из него происходят фрагменты лепных сосудов, в том числе обломок диска с невысоким бортиком (рис. 76: 8), куски шлаков и глиняной обмазки, фрагмент ошлакованного тигля. Не исключено, что яма Б была очагом постройки, хотя следов прокала на ее стенках и дне не отмечено.

Яма В (рис. 70, 71). Также овальная. Размеры по верхнему краю — 0,72–0,8 × 1,46 м, по дну — 0,24 × 0,45 м. Очертания зафиксированы на поверхности пола постройки, глубина ямы — 0,3–0,37 м. Заполнение представляло собой очень темный суглинок, такой же, как и в верхнем слое постройки. Из ямы В происходят обломки лепных сосудов, в том числе явно попавший из культурного слоя фрагмент горшка эпохи бронзы, 1 кусок шлака и 1 — глиняной обмазки, обломок ошлакованного тигля, железный стержень (рис. 76: 9).

Объект 5 (рис. 77). Представлял собой яму, неправильно овальную в плане. Северо-западная оконечность объекта перекрыта линзой переотложенной материковой глины размерами 1,15 × 0,3–0,37 м. Мощность линзы — 0,11 м.

Контуры объекта 5 прослежены на поверхности материка. В пределы раскопа сооружение вошло не полностью. Размеры исследованной части по верхнему краю — 2,6 × 1,3 м. Дно большей части объекта было плоским и находилось на уровне –26 см. В северо-западной оконечности сооружения зафиксирована более глубокая его часть. Она была в плане овальной, имела размеры 0,8 × 1,4 м. Максимальная глубина объекта — 0,35 м.

Заполнение ниже материкового выброса представляло собой серо-коричневый суглинок. Из него происходят черепки лепных сосудов (1 — с так называемой рогожной поверхностью, 1 — с мелким шамотом в тесте, 2 — со средним шамотом, 1 — с рудой), 6 кусков обмазки. По набору керамики из заполнения объект, скорее всего, относится к раннему Средневековью.

Объект 15 (рис. 78). Также представляет собой прямоугольную яму, контуры которой прослежены на поверхности материка. Глубина объекта в западной и восточной оконечностях — до 0,2 м. Длина в верхней части — 1,35 м, ширина — 0,6–0,7 м. В средней части сооружения зафиксирована яма размерами 0,4–0,6 × 0,6 м. Максимальная глубина объекта — 0,26 м.

Из заполнения, которое представляло собой серый гумус, происходят обломки лепных сосудов (1 — с рогожной поверхностью, 12 — с мелким шамотом в керамическом тесте, 2 — с мелким шамотом и дресвой, 9 — с мелким шамотом и рудой, 10 — со средним шамотом, 5 — с крупным шамотом, 3 — с лощеной поверхностью) (рис. 78: 1–4), 7 кусков железного шлака, 10 — руды, 5 — глиняной обмазки, 3 обломка ошлакованных тиглей, фрагмент глиняного грузила (рис. 78: 5). Большинство материала относится к раннему Средневековью. Этим периодом, очевидно, и датируется объект.

Объект 17 (рис. 79). В плане — неправильно овальный размерами 1,8 × 0,46–0,74 м по верхним контурам, 0,6 × 0,7 м по дну, которое в плане было круглым. Очертания прослежены на поверхности материка. Максимальная глубина объекта — 0,2 м.

Заполнение представляло собой однородный серый гумус. Выше объекта узкой полосой размерами 0,12–0,2 × 1 м залегало скопление мелкой керамики и других культурных остатков. Из этого скопления и из заполнения объекта происходят лепная керамика (13 черепков с рогожной поверхностью, 39 — с мелким шамотом в тесте, 3 — с мелким шамотом и рудой, 5 — со средним шамотом, 7— со средним шамотом и рудой, 1 — с крупным шамотом, 1 — с рудой в керамическом тесте, 3 — с лощеной и 1 — с подлощенной поверхностью, 58 — неопределимых), 7 кусков железного шлака, 4 — руды, 11 — глиняной обмазки.

Материал, найденный в объекте и над ним — явно разновременный, но наиболее поздняя керамика (со средним и крупным шамотом в тесте, лощеная и подлощенная) в комплексах Стаево относится к раннему Средневековью. Объект датируется этим периодом.

Объект 18 (рис. 85). Представлял собой овальную, очень мелкую яму размерами 0,9 × 0,6 м. Контуры зафиксированы на поверхности материка, глубина составляла не более 8 см. Объект заполнен однородным серым гумусом.

Несмотря на небольшую глубину, центральная часть ямы была буквально забита культурными остатками, получившими условное название ***развал 2*** (размеры 0,3 × 0,4 м). В его состав входили обломок горшка эпохи бронзы, черепки лепных сосудов раннего железного века и Средневековья (4 — с рогожной поверхностью, 7 — с мелким шамотом в тесте, 9 — с мелким шамотом и дресвой, 2 — с песком, 1 — с мелким шамотом и рудой, 1 — со средним шамотом, 12 — со средним шамотом и рудой, 1 — со средним шамотом и дресвой, 2 — с лощеной поверхностью, 30 неопределимых) (рис. 80: 1–3), 9 кусков железнорудного шлака, 3 — обмазки, 2 обломка тиглей (рис. 80: 5), фрагмент глиняного пряслица с узким отверстием (скорее всего, раннего железного века, рис. 80: 4), 3 стеклянных бисерины (рис. 80: 442, 444, 446), бронзовая пластина (рис. 80: 443), раннесредневековое глиняное пряслице (рис. 80: 445).

Материал из развала 2 разновременный, но наиболее поздние вещи и керамика относятся к раннему Средневековью.

Объект 19 (рис. 81). Подпрямоугольная, углубленная в грунт постройка. Размеры составляют 4,4 × 2–1,8 м, стенки котлована — почти отвесные. Контуры прослежены на поверхности материка. Дно было плоским. Глубина сооружения — 0,05–0,19 м. Заполнение — темно-серый однородный гумус.

При его разборке найдены фрагмент горшка эпохи бронзы, обломки лепных сосудов раннего железного века и Средневековья (2 — с рогожной поверхностью, 3 — с мелким шамотом в керамическом тесте, 1 — с мелким шамотом и рудой, 12 — с дресвой, 29 — со средним шамотом, 25 — со средним шамотом и рудой, 1 — со средним шамотом и дресвой, 2 — с рудой, 2 — с лощеной поверхностью, 43 неопределимых), 18 кусков железного шлака, 12 — руды, 4 — обмазки, обломок бронзового браслета или височного кольца с зооморфным окончанием (рис. 81: 469), бронзовый прутик (рис. 81: 477).

Наиболее поздние материалы из заполнения относятся к раннему Средневековью. Этим временем и датируется объект.

Объект 29 (рис. 101, 102). Небольшая овальная в плане яма. В виде темного пятна прослежена на поверхности прослойки серого плотного грунта (объект 21), т. е. она перекрывала это сооружение. Точные контуры зафиксированы на поверхности материка. Размеры ямы на этом уровне составляли 0,36 × 0,5 м. Общая глубина объекта (учитывая верхнее пятно) — 0,28–0,3 м. Заполнение представляло собой однородный темный гумусированный суглинок. Из него происходили 2 фрагмента груболепных сосудов с мелким шамотом в тесте; 2 — со средним шамотом, 4 — со средним шамотом и дресвой. Фактуру 5 обломков стенок лепных сосудов определить не удалось.

На дне ямы залегало *скопление лепной керамики 8,* которое занимало ее северо-западную часть. Из составлявших его черепков удалось реконструировать почти полный профиль биконического лепного сосуда с примесью среднего шамота и дресвы в тесте (рис. 103: 1). В верхней части горшка изнутри заметен нагар.

Объект 32 (рис. 82). Представлял собой углубленное в грунт сооружение, в плане близкое к овалу. Небольшой своей частью объект выходит за пределы раскопа. Размеры в верхней части — 2,85 × 2,4 м, в нижней — 2,8 × 2,3 м. Глубина сооружения составляла 0,24–0,41 м. Оно было заполнено однородным темно-серым гумусом.

При его разборке обнаружены фрагменты сосудов раннего железного века: 3 — с рогожным орнаментом, 5 — с мелким шамотом в тесте, 6 — с мелким шамотом и дресвой, 7 — с дресвой. Преобладает груболепная керамика раннего Средневековья, обнаружены 20 обломков сосудов со средним шамотом в тесте, 2 — со средним шамотом и дресвой, 1 — с рудой, 1 — с рудой и дресвой. Найдены также 1 фрагмент лепного лощеного сосуда, 8 неопределимых черепков, 7 кусков обмазки.

Объект 32 по диагонали пересекается канавкой, получившей обозначение *объект 35.* Канавка, скорее всего, относится к новому времени.

Объект 8 раскопа 7 (рис. 83). Овальная в плане яма. Размеры исследованного участка по верхнему краю составляли 0,8 × 0,9 м, в нижней части — 0,6 × 0,65 м. Максимальная глубина ямы — 0,3 м.

В верхней части объекта и непосредственно над ним зафиксировано плотное скопление камней и ошлакованной керамики, по фактуре характерной для раннего Средневековья (20 фрагментов лепных сосудов со средним шамотом в тесте — рис. 83: 4) общими размерами 0,4 × 0,65 м. Лишь немногие черепки вторично обожжены не были (рис. 83: 2,3).

Заполнение представляло собой однородный серо-коричневый гумус. Из его нижней части происходит 1 неопределимый черепок и 12 кусков глиняной обмазки.

Объекты, связанные с бронзолитейным ремеслом

Северная часть раскопа 6

Наземная постройка 1. Реконструируется из объектов 4, 6, 7, 9, 10, 12. Для удобства читателя их описание мы даем вместе.

Объект 4. В культурном слое северной части раскопа фиксировалось *пятно светло-серой переотложенной материковой глины (пятно 1)* размерами 2,6 × 1,4–2,3 м (рис. 84). Отчетливо читался лишь южный край пятна, северная его граница терялась в культурном слое. Поверхность пятна не была ровной, вдоль западного его края наблюдались повышения. В южной оконечности пятна прослежены два выступа — на востоке и юго-западе. Максимальная толщина этой прослойки глины — 27 см, минимальная — 2–3 см (рис. 84). У края восточного выступа зафиксированы несколько древесных угольков.

Из верхней глинистой прослойки (пятна 1) происходят обломки лепных сосудов (9 — с мелким шамотом, 3 — со средним шамотом, 6 — со средним шамотом и рудой, 1 — с рудой и дресвой в керамическом тесте), 1 кусок шлака, 2 фрагмента ошлакованных глиняных тиглей (рис. 86: 1)

Прослойка переотложенной материковой глины перекрывала *глинистое пятно с включениями гумуса (пятно 2), очаг 1,* линзу чистой глины, связанную с *ямой Г*.

Размеры лежащего ниже *глинистого пятна (пятно 2)* — 1,2 × 2,2 м. Оно ориентировано так же, как и более верхнее пятно 1, и так же, как и у него, северные контуры нижнего пятна не прослежены. Его основание находилось практически на уровне материка (рис. 59). В юго-западной оконечности пятна 2 на пространстве 0,2 × 0,22 м зафиксировано скопление 7 кусочков (около 2 × 2 см) обожженной глиняной обмазки.

При разборке пятна 2 обнаружена лепная керамика (2 черепка с мелким шамотом, 1 — со средним шамотом, 2 — со средним шамотом и дресвой в керамическом тесте), 2 фрагмента ошлакованных тиглей.

Пятно перекрывало узкую длинную полоску (0,06 × 0,6 м) обожженной глины с тонкими (до 0,02 м) прослойками древесного угля по краям. Глубина ее залегания — 10–19 см с уклоном к юго-востоку.

Очаг 1 (рис. 84) представлял собой овальное с выступом с северо-восточной стороны скопление мелких кусочков глиняной обмазки общими размерами 0,6 × 0,44 м, находившимися в культурном слое на уровне 0,22–0,25 м от дневной поверхности. Куски обмазки лежали как горизонтально, так и вертикально, что заставляет предполагать их принадлежность к некоему своду толщиной около 2 см, а сам очаг 1, видимо, был печью. При разборке скопления печины обнаружены 2 фрагмента лепных сосудов с мелким шамотом в тесте, 4 — со средним шамотом.

Ниже скопления печины в тех же контурах находилось глинистое пятно толщиной до 0,1 м с интенсивным прокалом в северной части.

К нижнему пятну 2 суглинка с гумусом примыкало еще одно пятно (*черного, насыщенного пеплом суглинка — пятно 3*), ориентированное так же, как и две верхние прослойки (пятна 1 и 2). Глубина его залегания (с учетом общего уклона поверхности материка в этой части раскопа к юго-востоку) — такая же, как и у нижнего светлого пятна 2. Длина темного пятна — около 4 м, ширина — 0,6—1,6 м. В западной и южной части имеются 4 выступа.

Из пятна темного гумуса 3 происходят обломки лепных сосудов (3 — с мелким шамотом, 1 — с мелким шамотом и дресвой, 2 — с песком, 22 — со средним шамотом, 26 — со средним шамотом и дресвой, 1 — с лощеной поверхностью), 7 кусков железнорудного шлака, 33 — обмазки, 101 — ошлакованных глиняных тиглей (рис. 86: 2–5). Из индивидуальных находок обнаружены бронзовые пластина (рис. 86: 352); 2 фрагмента тонких прутиков (рис. 60: 328, 359); обломок прутика (рис. 86: 460), выплеск (рис. 86: 336).

Еще одно небольшое овальное пятно такого же по составу грунта находилось на расстоянии 0,64 м к юго-востоку. В его пределах находок не было.

В юго-западной части объекта темное пятно перекрывало *развал 5*, который представлял собой три скопления керамики, находившихся на пространстве 0,1–0,12 × 0,5 м. В его состав входили фрагменты лепных сосудов (1 — с так называемой рогожной поверхностью, 16 — с мелким шамотом, 1 — с мелким шамотом и дресвой, 2 — с дресвой, 7 — со средним шамотом, 1 — с крупным шамотом, 1 — с лощеной поверхностью, 6 кусков металлургического шлака). Здесь же найден кусочек бронзового котла. Состав находок свидетельствует, что развал 5 был случайным скоплением разновременного материала, наиболее поздний при этом относится к раннему Средневековью.

После разборки культурного слоя в пределах объекта 4 на поверхности материка были обнаружены 4 ямы (А, Б, В, Г) (рис. 85).

Яма А (рис. 85). В плане — круглая. Диаметр в верхней части составляет 1,34–1,36 м, размеры придонной — 0,9 × 1,1 м, глубина — 1,01–1,05 м с учетом верхней углистой линзы, которая залегала над ямой, но в ее контурах. В древности яма, таким образом, была минимум на 10 см глубже.

Заполнение стратифицировано. Над ямой залегала линза углистого суглинка толщиной до 0,12 м. Ее подстилала тонкая прослойка золы (до 0,06 м). Ниже находилась линза гумусированной глины с включениями золы (толщина до 0,24 м). Еще ниже залегал слой серой гумусированной глины, а на дне читалась прослойка угля толщиной около 6 см. В южной части ямы, примерно посередине ее глубины, находилось скопление обгоревших камней, состоявшее из одного крупного (около 20 × 30 см) и 16 более мелких (примерно 10 × 10 см каждый).

Из верхней и средней части заполнения происходят обломки лепных сосудов (3 — со средним шамотом и рудой в тесте, 1 — с подлощенной поверхностью, 8 неопределимых), 10 кусков глиняной обмазки, 14 фрагментов ошлакованных глиняных тиглей. В верхней части ямы обнаружены следующие индивидуальные находки: выплески бронзы (5 экз.) (рис. 87: 351, 410, 418, 423), железная поковка (рис. 88: 421), бронзовая пластина (рис. 87: 422). Из средней части ямы происходят выплески бронзы (3 экз.) (рис. 87: 353, 401, 412), 2 обломка зеркала (рис. 88: 398), бронзовая пластинка (рис. 87: 401), бронзовые прутики (4 экз.) (рис. 87: 406, 408, 417, 434), глиняное пряслице (рис. 88: 409), 2 целых глиняных тигля (88: 414, 416). В нижней части заполнения найдена лепная керамика, которая составляет выразительный комплекс раннего Средневековья (рис. 91), 4 куска железной руды, 19 шлаков, 290 обломков ошлакованных тиглей (рис. 89–91), оселок (рис. 88: 428), выплеск бронзы (рис. 87: 439).

Яма Б (рис. 85). В плане близка к овалу. Контуры прослежены на поверхности материка. Размеры по верхнему краю составляли 1,3 × 0,45–0,84 м. Стенки полого суживались книзу. Размеры ямы по дну — 0,2 × 0,44 м. Дно было прокалено в его северо-западной части. Максимальная толщина пятна прокала составляла 5 см. Глубина ямы, таким образом, достигала 0,21–0,24 м. Заполнение представляло собой однородный серый гумусированный суглинок. Из него происходит лепная керамика (1 фрагмент лепного сосуда с мелким шамотом и дресвой, 1 — со средним шамотом в тесте), 4 ошлакованных обломка керамических тиглей.

Яма В (рис. 85). Примыкает с юго-востока к яме Г и фактически является ее частью. Размеры по верхнему краю — 0,9 × 0,65 м, максимальная глубина составляла всего 0,06 м. В заполнении (серый гумусированный суглинок) обнаружены 1 фрагмент лепного горшка с мелким шамотом в керамическом тесте, 1 обломок стенки лепного лощеного сосуда, 3 неопределимых черепка, 3 кусочка глиняной обмазки.

Яма Г (рис. 85). Над ямой зафиксировано пятно чистой глины размерами 2,7 × 1,8 м. Под ним на уровне материка прослежены очертания самой ямы (в плане овальной, с выступом с восточной стороны). Общие размеры по верхним контурам — 2,75 × 1,6 м. Размеры западной (наиболее глубокой) части — 1,94 × 1,5 м. Плоское дно находилось на уровне 73 см. Стенки — практически отвесные, дно — плоское. Максимальная глубина ямы — 0,66–0,7 м. Размеры восточного выступа на поверхности материка — 0,6–0,7 × 1,6 м. На дне в северной и южной частях зафиксированы 2 пологих выемки размерами, соответственно, 0,35 × 0,6 м и 0,5 × 0,44 м. Их максимальные глубины от верхних контуров — 0,17 м и 0,2 м.

Яма заполнена практически чистой глиной (такой же, как и пятно сверху нее). В средней части заполнения находилась прослойка черного гумуса толщиной 0,05—0,15 м. Керамика, найденная в яме, происходила именно из нее. К ней относятся 2 обломка лепных сосудов с мелким шамотом в тесте и 2 фрагмента лепных сосудов с подлощенной поверхностью.

Далее приводится описание ям от столбов. Все они прослежены на поверхности материка.

Объект 6 (рис. 85). Общая глубина — 0,11–0,13 м. Размеры по верхним контурам — 0,5 × 0,54 м, в нижней части — 0,3 × 0,4 м. Из заполнения (серый однородный суглинок) происходит 1 фрагмент лепного сосуда с мелким шамотом в тесте, 1 кусочек глиняной обмазки.

Объект 7 (рис. 85). Общая глубина — 0,07–0,08 м. Размеры в верхней части — 0,3 × 0,4 м, в нижней — 0,1 × 0,14 м. В заполнении (серый суглинок) найдены 2 обломка лепных сосудов с мелким шамотом в тесте.

Объект 9 (рис. 85). Общая глубина — 0,25 м. В плане — круглый. Диаметр верхней

части — 0,5 м, придонной — 0,34–0,4 м. В заполнении (однородный серый суглинок с включениями угля) находок не было.

Объект 10 (рис. 85). Общая глубина — 0,15 м. В плане — круглый. Диаметр по верхним контурам — 0,4 м, по дну — 0,28–0,3 м. Заполнение представляло собой черный однородный углистый суглинок. Находок не было.

Объект 12 (рис. 85). Общая глубина — 0,28 м. В плане — овальный. Размеры в верхней части — 0,36 × 0,28 м, в нижней — 0,12 × 0,14 м. Из заполнения (темный углистый суглинок) происходят 1 фрагмент лепного сосуда с примесью среднего шамота в керамическом тесте, 1 неопределимый черепок, 1 кусок железной руды.

Проблема реконструкции наземной постройки 1

Основой для нее являются 3 прослеженных в слое объекта 4 пятна: 2 верхних глинистых и примыкающее с юга к нижнему из них темное с пепельным грунтом. Несмотря на разный уровень залегания, они имеют очень близкие очертания и ориентировку.

Во всех трех пятнах встречены обломки глиняных тиглей, что дополнительно указывает на их взаимосвязь.

Верхнее светлое глинистое пятно перекрывает линзу чистой глины, которая связана с ямой Г, и очаг 1. Соответственно, и они имеют прямое отношение к сооружению.

Яма А находится несколько в стороне, но в ней, как и в темном пятне объекта 4, наблюдается повышенная концентрация обломков тиглей, которых в культурном слое раскопа довольно мало. И в этом пятне, и в яме встречены и другие находки, связанные с бронзолитейным ремеслом: выплески бронзы, прутики и пластинки-сырье.

Столбовые ямы (объекты 6, 7, 9, 10, 12) формально с сооружением в северной части раскопа не связаны, но в плане их линия образует угол, ориентированный так же, как и оставшиеся от него пятна грунта.

Таким образом, наземное сооружение имело длину около 8 м и ширину не менее 4 м. Полностью его раскопать не удалось, так как сразу около северного борта раскопа растут «могучие дубы». Прирезка на север была сделана насколько возможно.

В постройке, которая была явно связана с обработкой бронзы, имелся очаг или (скорее) небольшая печь, яма, заполненная чистой глиной (Г), яма для мусора (А), в которую сбрасывались отслужившие свое тигли и другие отходы. Стены были либо каркасными с опорой на столбы, либо их не было вообще, а столбы удерживали нечто вроде навеса. Кровля (или навес) была обмазана глиной с органикой, о чем свидетельствуют два верхних глинистых пятна, вероятнее всего представлявшие собой остатки крыши, рухнувшей вниз. Сооружение сгорело: в нем неоднократно отмечены угольки, пятна и линии прокала грунта. Углем насыщено темное нижнее пятно объекта 4.

Керамика, которая происходит из постройки, сильно измельчена, что затрудняет ее датирование. Тем не менее из придонного слоя ямы А происходит выразительный керамический набор эпохи раннего Средневековья. Очевидно, именно к этому времени и относится постройка, в которой, скорее всего, производилась переплавка бронзы. Для этого служила печь, а глина требовалась для изготовления тиглей и литейных форм. Не исключено, что заполнение жидким металлом литейных форм проводилось около южного угла сооружения, где отмечена повышенная концентрация бронзовых выплесков и пластин.

***

Кроме наземного сооружения, в северной части раскопа 6 находились еще два объекта, предположительно связанные с бронзолитейным ремеслом.

Объект 11 (рис. 77). В пределы раскопа вошел частично, причем южная оконечность объекта терялась в окружающем культурном слое. Размеры вскрытой части по верхним контурам составляют 1,2 × 3 м, стенки почти отвесные. Очертания прослежены на поверхности материка. Дно ступенчато понижалось к западу. Ширина восточной ступеньки — 0,2–0,64 м, размеры центральной — 0,35 × 1,3 м, западной — 0,4 × 2,6 м. Максимальная глубина объекта — 0,23 м.

Заполнение представляло собой однородный серый гумус. Из него происходят 3 лепных черепка с мелким шамотом в керамическом тесте, 1 мелкий фрагмент тигля. Непосредственно над объектом 11 при металлопоиске на поверхности в 2016 г. обнаружено скопление выплесков (5 экз.), пластин (10 экз.) и фрагмент прутика (1 экз.) из бронзы (нах. 69, рис. 40).

Объект 37 (рис. 92). Представляет собой кучу переотложенной материковой глины с выемкой в верхней части. Основание объекта совпадало с поверхностью материка, максимально высокая

точка находилась выше, на уровне 0,15 м. Размеры объекта в нижней части — 2,2 × 1,4 м, в верхней — 0,8 × 1 м. На вершине кучи имеется подтреугольная в плане выемка размерами 1,24 × 0,7 м с почти отвесными стенками, которая имела глубину 02–0,21 м. Выемка заполнена однородным темным гумусированным суглинком.

Весь материал, который найден в объекте, происходит именно из этой темной линзы. К раннему железному веку — раннеримскому периоду относятся обломки груболепных сосудов: 1 — с рогожным орнаментом на поверхности, 7 — с мелким шамотом в тесте. Средневековая лепная керамика представлена семью фрагментами горшков с шероховатой поверхностью и средним шамотом в тесте. Найдено также 19 неопределимых лепных черепков, 2 куска глиняной обмазки. Наиболее поздняя керамика из объекта по фактуре относится к раннему Средневековью. По всей видимости, этим временем он и датируется.

Центральная часть раскопа 6

Объект 1 (рис. 93). Представляет собой плотный, овальный в плане глинобитный очаг с выступающими вверх на 4–5 см бортиками, которые сохранились с северной стороны. Юго-восточная оконечность очага разрушена. Размеры сохранившейся части очага — 1,0 × 0,72 м. Его поверхность прослежена в культурном слое выше уровня материка на 0,05–0,12 м. Толщина слоя глины очага — 3–4 см, она полностью прокалена, субструкции не наблюдались. Ниже залегал слой темного гумусированного суглинка толщиной 2–5 см. На поверхности материка также заметен прокал грунта размером 1,3 × 0,68 м. Его толщина составляет 1–2 см. В самом очаге обнаружен всего 1 маловыразительный обломок лепного сосуда с примесью железной руды в тесте, что не позволяет датировать сооружение, но, судя по материалу из предочажной ямы (объект 2) (рис. 94), очаг относится к раннему Средневековью.

Объект 2 (рис. 93). Представляет собой овальную в плане предочажную яму глубиной 0,54 м от поверхности материка. Заполнение ямы «читалось» в основании слоя пашни, т. е. реальная глубина объекта 1 была на 0,2–0,22 м больше. Размеры ямы составляли 0,64 × 0,78 м, стенки были практически отвесными.

Заполнение было однородным и представляло собой черный суглинок, обильно насыщенный углем. В верхней его части у юго-западной стенки обнаружено скопление керамики ***развал 1***, которое состояло из 22 обломков лепных сосудов (рис. 94: 3,4) и трех кусочков глиняной обмазки. Выразительны обломки верхней части лепного лощеного горшка (рис. 94: 3). Скопление занимало пространство 0,2 × 0,4 м.

В заполнении обнаружены куски железных шлаков, руды, глиняной плотной (вероятно, очажной) обмазки. Набор керамики (груболепной и заглаженной) весьма выразителен и характерен для раннего Средневековья (рис. 94: 1,2,5,7). Здесь же найдены 2 обломка ошлакованных глиняных тиглей (рис. 94: 6), железный пробойник (рис. 94: 125).

Объект 3, яма Г (рис. 70, 71). Первоначально во время раскопок была отнесена к объекту 3. Позже, когда заполнение этой постройки было выбрано, выяснилось, что яма перекрывает ее, т. е. была более поздней. Верх заполнения ямы Г в виде пятна желтоватой негумусированной глины был прослежен на уровне верхнего края постройки (объект 3). Общая глубина ямы составляла 0,69–0,75 м, но при разборке культурного слоя выяснилось, что ее заполнение впущено в грунт непосредственно из-под основания пашни, т. е. в древности яма была как минимум на 0,1 м глубже.

Точно контуры ямы Г прослежены на поверхности пола постройки (объект 3). В плане она была овальной. На этом уровне ее размеры составляли 2,1 × 1,2 м. Размеры ямы по дну — 1,84 × 0,7 м.

Большую часть заполнения ямы (от верха до дна) занимал мощный массив желтоватой чистой негумусированной глины. Его размеры в плане составляли 1,6 × 1,04 м. Вокруг него вдоль бортов ямы залегал слой очень темного суглинка шириной 0,02–0,06 м у северного и южного и 0,1–0,4 м у западного и восточного. В нижней части массива глины также имелась прослойка темно-серого суглинка толщиной до 0,1 м. Весь материал, обнаруженный в яме, происходит из гумусированного грунта в ее заполнении.

К нему относятся 12 фрагментов лепных сосудов, преимущественно со средним шамотом в тесте, 3 куска железного шлака, бронзовая пластинка (рис. 76: 208). По фактуре керамики яма Г датируется ранним Средневековьем.

Объект 13 (рис. 95). Первоначально в культурном слое была обнаружена линза чистой глины размерами 0,5–1,1 × 1,66 м. Толщина пятна глины составляла 0,13–0,19 м. Из него

происходят обломки лепных сосудов (2 — с мелким шамотом в керамическом тесте, 1 — со средним шамотом, 2 — со средним шамотом и рудой, 1 — с лощеной поверхностью). Верхняя часть ребристого горшка характерна для раннего Средневековья (рис. 95: 1).

В западной части линза глины сливалась с заполнением ямы в сооружении.

Объект 13 был прослежен на поверхности материка. В плане он был подтреугольным, размерами 2,4 × 2,4 м. Общая глубина сооружения — 0,2–0,41 м.

В северной его части находилась яма размерами 1,54 × 1,04 м по верхним контурам, 1,3 × 0,9 м по дну. Максимальная глубина ямы — 0,8 м.

Заполнение состояло из практически чистой глины, такой же, как и в линзе, залегавшей в культурном слое над объектом. На разных уровнях в толще глины зафиксированы прослойки черного гумуса толщиной 2–10 см. Лепная керамика, найденная в яме (1 черепок с мелким шамотом и дресвой, 2 — со средним шамотом в керамическом тесте) (рис. 95: 2,3) происходит из этих прослоек.

Объект 34 (рис. 96). Неглубокая, округлая в плане хозяйственная яма. Прослежена на поверхности материка, но верхняя часть ее заполнения в виде линзы углистого суглинка была зафиксирована на 10 см выше — в культурном слое. Размеры ямы по верхнему краю — 1 × 1,1 м, в нижней части — 0,9 × 0,94 м. Глубина ямы от уровня фиксации контуров — 0,23–0,3 м, реальная с учетом верхней линзы — до 0,4 м.

Заполнение стратифицировано. Ниже упомянутой выше линзы темного углистого суглинка до дна объекта залегал серый гумусированный суглинок.

Материалы происходят только из верхней темной линзы. К раннему железному веку — первым вв. н.э. относятся 1 фрагмент груболепного сосуда с рогожной поверхностью, 7 — с мелким шамотом в тесте. Более выразительна груболепная керамика раннего Средневековья. Ее набор составляют 13 обломков сосудов со средним шамотом в тесте, 4 — со средним шамотом и рудой, 8 — со средним шамотом и дресвой, 2 — с крупным шамотом (рис. 96: 2, 3). Кроме того, в яме найдены 12 неопределимых обломков лепных сосудов, 5 кусков железного шлака, 1 — руды, 2 кусочка глиняной обмазки.

В яме обнаружена также серия находок, связанных с бронзолитейным ремеслом: сильно ошлакованные фрагменты не менее чем 9 глиняных тиглей, бронзовый прутик и выплеск бронзы (рис. 97).

Интерес представляет плоское изделие из глины с резкими боковыми гранями, суживающееся к одному из концов. Сохранился лишь сравнительно небольшой фрагмент этой вещи. Толщина предмета около 1,5 см. Не исключено, что он является обломком литейной формы (рис. 97).

Южная часть раскопа 6

Наземная постройка 2

Объект 21 (рис. 55; 98). В 2017 г. в юго-западной части исследованной тогда площади раскопа 6 прослежено пятно светлого плотного суглинка с включениями темного суглинка на поверхности. Размер участка, вошедшего в пределы раскопа 6 2017 г. — 2,8 × 3,7 м. В 2018 г. линза такого же светлого суглинка была зафиксирована к югу и юго-западу от этого участка. Она имела подпрямоугольную форму, причем ее границы не везде отчетливо «читались» на фоне окружающего серого гумуса. Толщина линзы в пределах раскопа 2017 г. — до 0,2 м. Южнее она становилась тоньше — до 0,04 м. Длина линзы — 6,8 м, ширина — около 6 м. Она залегала на уровне 0,18–0,35 м от дневной поверхности с уклоном к юго-востоку.

В пределах линзы прослежено несколько пятен грунта другого состава, скоплений материала, остатков отопительных сооружений.

В центре сооружения зафиксировано овальное *пятно обожженного суглинка* размерами 0,5 × 0,3 м. Толщина его составляла не более 1 см (рис. 98).

Около восточной границы линзы прослежен верхний край объекта 29 (ямы), который подробно будет описан ниже.

Скопление 6 (рис. 98). Находилось на восточной границе линзы серого плотного грунта объекта 21, занимало пространство 0,3 × 0,7 м. Верхняя часть прослежена на уровне залегания линзы в этом месте, нижняя находилась на 9 см глубже. Самые нижние черепки оказалась в верхней части заполнения ямы с глиной (объект 30, подробное описание см. ниже). Скопление состояло из 27 кусочков обожженной глиняной обмазки, 8 фрагментов груболепных сосудов с мелким шамотом в тесте; 5 — со средним шамотом; 15 — со средним шамотом и рудой; 10 — с крупным шамотом. В состав скопления входили также 32 маленьких неопределимых обломка лепных сосудов. Большинство черепков из скопления

по фактуре типичны для раннего Средневековья (рис. 99: 1,2).

Скопление 7 (рис. 98). По верхнему уровню выглядело как пятно, где концентрировались обломки обожженной печины (более крупной в западной части, более мелкой — в восточной). После расчистки пятна обмазки был обнаружен плотный под из обожженной глины с субструкцией из черепков сосудов, западный край которого в плане совпадал с краем пятна обмазки. Вокруг этого пятна с севера, востока и юга залегало скопление керамики.

Общие размеры пятна обмазки — 0,9 × 1,1 м, скопления более крупных кусков печины (всего их было более 30) — 0,6 × 0,8 м. Печина была плотной, толщиной 2–3 см, хорошо обожженной, вероятно представляла собой остатки рухнувшего вниз свода печи. В центральной части пятна обмазки обнаружены крупные куски печины толщиной около 10 см, которые представляли собой, очевидно, переотложенные стенки печи.

Под имел размеры 0,95 × 0,7 м, в плане был подовальным, края его сильно разрушены. Толщина составляла 5–10 см. Субструкция из черепков зафиксирована в его средней части. Для нее была использована груболепная керамика: 8 фрагментов с мелким шамотом и рудой в тесте, 31 — со средним шамотом, 4 — со средним шамотом и рудой, 6 — со средним шамотом и дресвой, 3 — с рудой, 13 — с крупным шамотом, 4 — с крупным шамотом и рудой, 15 мелких неопределимых стенок. Подавляющее большинство сосудов (кроме содержавших примеси мелкого шамота и руды) имело фактуру, на поселении Стаево-5 типичную для раннего Средневековья (рис. 99: 3).

Верхняя часть скопления обмазки возвышалась над уровнем пятна серого плотного суглинка (объект 21) на 3–5 см, а основание пода печи совпадало с основанием этого пятна.

Общая длина скопления керамики — 2,2 м, ширина полосы — 0,3–0,65 м. Кроме керамики, в скоплении найдены отдельные угольки, а в северной его части — 2 глиняных грузила (рис. 99: 10, 11).

В состав скопления входила лепная керамика раннего железного века — раннеримского периода и раннего Средневековья. Первую группу составляли 7 фрагментов с рогожной поверхностью, 44 — с мелким шамотом в тесте, 3 — с дресвой, 1 — с песком, 3 — с мелким шамотом и рудой. Ко второй группе относятся 159 фрагментов со средним шамотом в тесте, 27 —— со средним шамотом и рудой, 3 — со средним шамотом и дресвой, 12 — с рудой, 7 — с крупным шамотом, 1 — с крупным шамотом и рудой. Обломки лепных столовых сосудов представлены 3 фрагментами с лощеной, 2 — с подлощенной поверхностью (рис. 99: 4–9, 12–16). Культурно-хронологическую принадлежность 66 мелких фрагментов определить не удалось. Не менее 20 стенок сосудов были повторно обожжены.

Судя по приведенному выше списку, скопление 7 не является закрытым комплексом: керамика явно разновременна. Скорее всего, она представляет собой свалку мусора как бытового периода раннего Средневековья, так и происходящего из перекопов или подчисток каких-то более ранних объектов.

Скопление 9 (рис. 98) является остатками небольшой печи, очень плохо сохранившейся. Оно расположено у юго-восточной границы пятна плотного серого суглинка объекта 21. Скопление неправильно овальной формы прослежено в виде завала плотных кусков печины (всего их обнаружено 120).

После расчистки завала, в котором, кроме печины, был найден 1 фрагмент лепного сосуда с рогожным орнаментом на поверхности, в основании скопления было прослежено пятно прокала грунта овальной формы размерами 0,28 × 0,4 м, толщиной до 2 см. К востоку от него находился подковообразный в плане обожженный участок стенки печи из глины, сохранившийся in situ. Его длина — 0,4 м, ширина — 0,1–0,14 м. Высота стенок печи — до 0,1 м, основание находилось на 4–12 см ниже поверхности пятна плотного серого суглинка (объект 21). Верхний уровень скопления 9 залегал выше поверхности этого пятна на 2–5 см.

Учитывая размеры основания и форму стенок печи, ее топка была небольшой — около 0,3 × 0,6 м, скопление печины представляло собой остатки рухнувшего вниз свода с толщиной в верхней части около 1–2 см.

Скопление 11 (рис. 98). Находилось к западу от скопления 7. Представляло собой часть разрушенного обожженного глинобитного пода очага. Поверхность зафиксирована на уровне пятна серого плотного суглинка объекта 21. Толщина пода составляла 7–8 см, глубина прокала — около 1 см. Размеры сохранившегося участка — 0,3 × 0,4 м. Судя по его форме, первоначально размеры очага составляли около 0,4 × 0,6 м.

После фиксации всех перечисленных выше скоплений пятно серого плотного суглинка,

обозначенное как объект 21, было разобрано до поверхности материка, на которой были прослежены углубленные в грунт сооружения. Необходимо отметить, что группа материала, взятого в пределах этого пятна, закрытым комплексом не является: материал явно разновременный. Часть находок, по всей видимости, залегала в нижней части культурного слоя, отложившегося до времени функционирования наземной постройки.

К раннему железному веку и первым вв. н.э. относится груболепная керамика: 4 фрагмента сосудов с рогожным орнаментом, 51 — с мелким шамотом в тесте, 5 — с мелким шамотом и дресвой, 8 — с мелким шамотом и рудой. Вся эта керамика сильно измельчена. Обломки сосудов раннего Средневековья — более крупные, и их значительно больше. Набор посуды этого периода также составляет груболепная керамика: 43 фрагмента сосудов с примесью среднего шамота в тесте, 24 — со средним шамотом и рудой, 4 — со средним шамотом и дресвой, 23 — с крупным шамотом, 3 — с крупным шамотом и дресвой. Столовая керамика представлена двумя обломками лепных лощеных сосудов (рис. 100: 1–5). 20 черепков вторично обожжены.

Найдены также 50 кусочков глиняной обмазки, выплеск бронзы (рис. 100: 619), глиняное пряслице (рис. 100: 7), бронзовая пластинка (рис. 100: 675), 5 фрагментов глиняного грузила (рис. 100: 6). Интерес представляют 15 обломков сильно ошлакованных глиняных тиглей (рис. 100: 8).

После разборки слоя гумуса в юго-западной части раскопа на поверхности материка были прослежены контуры серии ям.

Объект 24 (рис. 101, 102). Овальная в плане хозяйственная яма со ступенькой (местом входа) сбоку. Общая глубина ямы — 0,67–0,7 м, места входа со ступенькой — 0,1 м. Размеры ямы по верхнему краю — 1,2 × 1,4 м, в нижней части — 1 × 1,2 м, места входа — 0,3 × 0,3 м.

Заполнение объекта стратифицировано. В верхней его части залегала серо-желтая переотложенная глина с линзами темного суглинка. Общая толщина слоя глины — до 0,7 м, толщина линз гумуса — до 0,2 м. Ниже до материка заполнение объекта представляло собой плотную слежавшуюся глину. Находок в яме не было.

Объект 26 (рис. 101, 102). Овальная в плане столбовая яма глубиной 0,29 м. Размеры по верхнему краю — 0,36 × 0,24 м, в нижней части — 0,22 × 0,2 м. Яма заполнена однородным темным гумусированным суглинком. Находок не было.

Объект 27 (рис. 101, 102). Также столбовая яма, но круглая в плане. Общая глубина — 0,11–0,12 м. Диаметр верхней части — 0,34 м, стенки — практически отвесные. В заполнении, которое представляло собой темный однородный гумусированный суглинок, найден один невыразительный фрагмент лепного сосуда с мелким шамотом в тесте.

Объект 28 (рис. 101, 102). Овальная в плане столбовая яма глубиной 0,26 м. Размеры по верхнему краю — 0,6 × 0,4 м, в нижней части — 0,36 × 0,26 м. Яма заполнена однородным темным гумусированным суглинком. При его разборке обнаружены 3 фрагмента стенок лепных горшков с мелким шамотом в тесте и обломок стенки лепного лощеного сосуда.

Объект 30 (рис. 101, 102). Хозяйственная яма подпрямоугольной формы глубиной 0,62–0,66 м. Размеры в верхней части составляли 1,6 × 1,8 м, в нижней — 1,3 × 1,24 м.

Заполнение стратифицировано. Среднюю его часть занимала линза переотложенной сероватой материковой глины с небольшими линзами гумуса, которая «доходила» практически до материка. По краям ямы глина была более плотной и светлой.

В верхней части заполнения и над ним, как было сказано выше, залегало *скопление керамики 6*, которое относится к раннему Средневековью. В противоположной стороне ямы обнаружены обломки четырех глиняных грузил для ткацкого станка (рис. 103: 655, 662).

Кроме того, из заполнения происходят черепки груболепных сосудов разной фактуры: 1 — с мелким шамотом и дресвой в тесте; 11 — со средним шамотом, 4 — с крупным шамотом, 2 — с крупным шамотом и дресвой, 15 неопределимых мелких фрагментов стенок. Найдены также 12 кусков глиняной обмазки, 4 куска металлургического шлака.

Объект 33 (рис. 101, 102). Овальная в плане столбовая яма. Размеры по верхнему краю — 0,6 × 0,4 м, по дну — 0,26 × 0,3 м. Общая глубина ямы — 0,23–0,24 м. Заполнение представляло собой темно-серый гумус, находок не было.

Объект 7 раскопа 7. Представлял собой округлую в плане яму, вероятно, столбовую. Контуры прослежены на поверхности, общая глубина ямы — 0,1 м. Диаметр по верхнему краю — 0,28 м, в нижней части — 0,2 м. Заполнение представляло собой однородный серый суглинок. Находок не было.

Реконструкция наземной постройки 2 в юго-западной части раскопа

Ключом к ее воссозданию является подпрямоугольное пятно серого плотного суглинка (объект 21), прослеженное в культурном слое. Непосредственно в пределах пятна зафиксированы печь (скопление 7) и очаг (скопление 11). Еще одна печь (скопление 9) находилась рядом с пятном, но на его уровне. К наземной постройке имеет прямое отношение объект 30 (яма, заполненная глиной), поскольку скопление черепков 6, которое залегало на границе объекта 21, занимало и верхнюю часть ее заполнения.

Не совсем понятно, связана ли с наземной постройкой другая яма с глиной (объект 24). Она находилась вне пятна серого суглинка, но рядом с ним. Яма впущена в грунт практически от поверхности материка, а пятно наземной постройки залегало несколько выше.

Углубленное сооружение (объект 32) расположено рядом с пятном объекта 21, но вне его. Стратиграфическое соотношение этих двух объектов также проследить не удалось.

Вряд ли связана с наземной постройкой небольшая хозяйственная яма (объект 29) с развалом биконического сосуда на дне. Верхние ее контуры в отличие от других ям «читались» на поверхности серого пятна (объект 21). Следовательно, эта яма перекрывает пятно.

Две столбовые ямы (объекты 27 и 33) прослежены после разборки серого пятна (объект 21), а еще две (объекты 26 и 28) находятся вне его пределов, но рядом с ними. Строго говоря, не исключено, что по отношению к серому пятну эти ямы были более ранними. Тем не менее это маловероятно. Как свидетельствуют общие планы вскрытых в 2016–2018 гг. площадей в западной части памятника, столбовые ямы концентрируются в северной части раскопа 6, где находилась наземная постройка объект 4, а также в юго-западной части того же раскопа и в северо-западной оконечности раскопа 7, т. е. в районе объекта 21.

Элементами наземной постройки в юго-западной части раскопа 6, таким образом, являются подпрямоугольное пятно серого суглинка (объект 21), одна или две ямы с глиной (объекты 24 и 30), две печи (скопления 7 и 9) и один очаг (скопление 11), серия столбовых ям (объекты 26, 27, 28, 33 раскопа 6, 7 раскопа 7). Приблизительные размеры этого сооружения — около 8,8 × 5,6 м. О том, что оно связано с бронзолитейным ремеслом, свидетельствует повышенная концентрация (по сравнению с культурным слоем) обломков тиглей в пятне серого суглинка и ниже.

В целом наземная постройка очень похожа на объект 4, который был исследован в северной части раскопа 6 в 2017 г. (по размерам, конструкции, наличию пятна серого грунта, очага, ямы с глиной, обломкам тиглей и т. п.).

Историю наземного сооружения, которое мы условно обозначаем «объект 21», можно реконструировать следующим образом.

Оно представляло собой легкую постройку с опорой на столбы, а скорее, навес, крыша которого была обмазана суглинком, с печами, очагом и ямой (или двумя ямами), заполненной глиной, под общей кровлей. Во время функционирования сооружения глина из одной из ям (объект 30) была частично выбрана. Затем постройка разрушилась и на ее месте была устроена свалка мусора, о чем свидетельствуют скопления керамики над одной из печей (и рядом с ней — скопление 7) и в верхней части ямы с глиной (объект 30). Наземное сооружение в юго-западной части раскопа 6, таким образом, разрушилось еще до того, как поселение было оставлено его обитателями.

***

Объект 23 (рис. 104). Овальная в плане хозяйственная яма с широкой боковой ступенькой — местом схода. Контуры прослежены на поверхности материка. Максимальная глубина ямы составляла 0,64 м, места схода — 0,22 м. Общие размеры сооружения по верхнему краю — 1,6 × 1,7 м, места схода — 1,45 × 0,5 м. Размеры ямы по дну наиболее глубокой ее части — 1,05 × 1,2 м.

Заполнение объекта стратифицировано. В верхней части залегала линза темного гумусированного суглинка толщиной до 0,2 м. Выемка в месте схода была заполнена исключительно этим грунтом. В наиболее глубокой части ямы ниже темной линзы до дна заполнение представляло собой серо-желтую переотложенную материковую глину. В ее толще наблюдались прослойки светло-серого гумусированного суглинка шириной до 0,2 м, ориентированные по диагонали сверху вниз.

Материалы из заполнения невыразительны. Они представлены груболепной керамикой, к которой относятся 2 фрагмента сосудов с мелким шамотом в тесте, 1 — со средним шамотом, 4 — со средним шамотом и рудой, 4 — со средним шамотом и дресвой, 1 — с крупным шамотом

и рудой. Найдены также 1 обломок стенки лепного лощеного сосуда, 10 неопределимых черепков, 1 кусок шлака, 1 — железной руды. Керамика в большинстве своем имеет фактуру, типичную для раннего Средневековья. Очевидно, этим временем и датируется объект.

Объект 31 (рис. 105). Овальная в плане хозяйственная яма. Прослежена на поверхности материка. Общая глубина сооружения составляла 0,39–0,49 м, размеры по верхнему краю — 1,9 × 1,3 м, в нижней части — 1,6 × 1 м.

Заполнение стратифицировано. В верхней части ямы залегала линза светло-серого гумусированного суглинка толщиной до 0,26 м. Ниже до дна яма была заполнена плотной переотложенной материковой глиной.

В заполнении обнаружена керамика раннего железного века — первых вв. н.э. и раннего Средневековья. К первой группе относятся фрагменты груболепных сосудов: 5 — с рогожным орнаментом, 7 — с мелким шамотом в тесте, 4 — с мелким шамотом и дресвой, 1 — с дресвой, 1 — с мелким шамотом и рудой. Встречен также обломок сероглиняной миски с шероховатой поверхностью, типичной для раннеримского периода. Средневековую группу керамики составляют обломки 5 груболепных сосудов со средним шамотом в тесте, 2 фрагмента с рудой и дресвой. Кроме того, найдены 19 неопределимых лепных черепков, 3 куска железного шлака, 1 кусок руды, 3 куска обожженной глиняной обмазки. Яма относится к раннему Средневековью.

Планиграфия раскопов 6 и 7. Соотношение объектов

Сооружения усадьбы. К ним относятся объекты трех типов: жилище (объект 3), три хозяйственных сооружения (объекты 5, 19, 32) и 4 ямы разных конфигураций и глубин (объекты 15, 17, 18, 8). Все постройки и ямы расположены на раскопе 6, кроме последней из перечисленных (раскоп 7).

Жилище (объект 3) представляет собой полуземлянку[2] размерами 2,6 × 4,5 м по нижнему краю со ступенькой-выступом, очевидно, в месте входа. Общая глубина сооружения — 0,16–0,27 м. Очаг был устроен в неглубокой яме Б, которая находилась в средней части помещения ближе ко входу. На полу прослежены еще две неглубокие ямы. Следов столбов — опор стен — не было, завалы обмазки тоже отсутствовали. В заполнении найдены выплески бронзы, обрезки бронзовых пластин и прутиков, обломки сильно ошлакованных глиняных тиглей (рис. 74; 75). Казалось бы, сооружение было как-то связано с ювелирным ремеслом, но, кроме того, из заполнения происходят многочисленные находки керамики (рис. 72; 73), бытовые вещи, включая железные ножи и пряслица, куски железных шлаков и руды, которые довольно часты на поселении. По сравнению с культурным слоем концентрация находок в объекте 3 гораздо более высокая. Все это заставляет сделать вывод, что на месте прекратившего свое существование жилища была устроена свалка бытового и производственного мусора.

Объект относится к раннему Средневековью, о чем свидетельствует обломок полиэдрической серьги из бронзы из заполнения (рис. 75: 194) и железная обойма пряжки или накладка, выполненная в геральдическом стиле (рис. 76: 206) из ямы А.

В Верхнем Подонье полуземлянки подобной планировки (со вписанными в контур сооружения одной или несколькими хозяйственными ямами и открытыми очагами, без следов столбов и завалов обмазки по периметру котлована) появились в гуннское время на памятниках типа Чертовицкое — Замятино. К ним относятся постройка 1 селища Староживотинное-3 и объект 2 раскопа 7 поселения Ксизово-19 (Акимов, 1998, с. 159, рис. 7: I; Острая Лука Дона, 2015, с. 81, 82; рис. 129)

Обе плохо сохранившиеся раннесредневековые постройки на поселении Ярок-9 имели вписанные в пределы сооружения одну-две ямы. В одном из жилищ (объект 2) зафиксированы следы очага в виде пятна прокала грунта (Обломский, 2016а, с. 122, 125; рис. 5: 1,2).

Прототипы подобных сооружений в позднеримское и гуннское время хорошо известны на поселениях ближайшего к Верхнему Подонью с запада региона черняховской культуры — на Днепровском лесостепном Левобережье. Большинство из них не имеет очагов, но исследователями неоднократно отмечалось, что проследить простейший их тип в виде следов прокала грунта на земляном полу удается далеко не всегда. Критериями вероятного отнесения построек к группе жилищ является наличие ровного пола вне хозяйственных ям и относительно большая площадь (свыше 12 кв. м). По данным на 2002 г.

[2] Более детальное описание всех сооружений см. выше.

подобных построек было известно 5 (Мамрои-2, постройка; Хлопков-1, жилища 1, 2, 8; Великий Бобрик, полуземлянка 4). Очаг прослежен лишь в жилище 8 Хлопкова-1 (Обломский, 2002, с. 51, 52, табл. 21).

На памятниках типа Чертовицкое — Замятино Верхнего Подонья (гуннское время — конец IV — V в.) выделен черняховский культурный компонент (Острая Лука, 2015, с. 299). Возможно, выходцы с территории черняховской культуры и принесли в донскую лесостепь традиции возведения полуземляночных жилищ типа исследованного в Стаево-5.

Два хозяйственных сооружения представляли собой незначительно углубленные в материк постройки неправильно овальной и подпрямоугольной формы (объекты 19 и 32) с плоским полом. У третьей, в плане близкой к овалу, имелось внутреннее углубление (объект 5).

По площади усадьба была довольно большой. Судя по локализации объектов, ее размеры с севера на юг составляют 26 м, а с запада на восток — не менее 16 м. Усадьба была заброшена до того, как поселение было оставлено обитателями. Об этом свидетельствует мусор в заполнении жилища (объект 3). При этом бронзолитейная деятельность на поселении продолжалась. Как было отмечено выше, среди мусора в этой постройке довольно много отходов ремесла.

На раскопах 6 и 7 также исследованы *три ремесленных зоны*. В северной и южной из них изучены наземные постройки (рис. 55).

К северной зоне относится наземная постройка 1, к сожалению, исследованная не полностью. Тем не менее удалось установить, что ее длина составляла около 8 м, а ширина — не менее 4 м. Стены были легкими, с опорой на столбы, либо их не было вовсе, а сооружение представляло собой площадку, перекрытую навесом, крыша которого была обмазана глиной с органикой. Внутри сооружения находились небольшая печь, яма, заполненная чистой глиной, яма для мусора, в которую сбрасывались отходы литья бронзы. В северо-восточном углу раскопа обнаружена куча чистой глины (объект 37), в верхней части которой была заметна выемка: по всей видимости, глину из этой кучи забирали для каких-то нужд.

Не исключено, что к северной зоне относится и не до конца исследованная, слабо углубленная в материк постройка (объект 11).

Южную ремесленную зону составляют наземная постройка 2 и находящиеся в стороне две ямы с глиной — объекты 23 и 31.

Южная наземная постройка (размеры около 8,8 × 5,6 м) по конструкции очень близка к северной. В ее пределах исследованы одна или две ямы с глиной (объекты 24 и 30), две печи (скопления 7 и 9) и один очаг (скопление 11), серия столбовых ям.

К центральной ремесленной зоне относятся остатки очага (объект 1), предочажная яма с углистым заполнением (объект 2), яма с отходами бронзолитейного ремесла (объект 34), яма с глиной (яма Г объекта 3), слабо углубленное в грунт сооружение, большую часть площади которого также занимала яма с глиной. Общие размеры этой ремесленной зоны — около 10 × 10 м. Навес или легкая наземная постройка здесь прослежены не были, но исследованные сооружения по характеру такие же, как на северном и южном ремесленных участках.

У читателя может возникнуть вопрос: почему мы связываем с бронзолитейным ремеслом ямы, заполненные глиной (полностью или частично), а также кучу глины (объект 37)?

Для повышения пластичности глину нужно предварительно подготовить. Распространенными способами является выдерживание ее в ямах («творилах») или кучах — с измельчением, промывкой водой, очисткой от примесей. Обычно наличие запасов такой специально приготовленной глины считается особенностью гончарного производства. Ее запасы, например, известны на памятниках черняховской культуры, где гончарство как ремесло зафиксировано (Бобринский, 1991, с. 40, 41, 52, 53).

В Стаево-5 гончарная керамика встречена, но она характерна для первых вв. н.э. (Обломский, 2020б). Вся керамика раннего Средневековья — лепная. Для ее изготовления запасы специально приготовленной глины не требуются. Ни на одном поселении этой эпохи от Поочья до Поднепровья они не найдены.

Ямы с глиной в Стаево-5 содержат очень мало материала. Тем не менее из объекта 13 происходит выразительная керамика раннего Средневековья (рис. 95: 1–3); в объекте 23 керамика измельчена, но в большинстве своем имеет средневековую фактуру; в объекте 31 встречена керамика разного времени, но есть и средневековая; в яме Г, перекрывающей объект 3, к раннему Средневековью относятся 12 фрагментов лепных сосудов, преимущественно со средним шамотом в тесте, а также бронзовая пластинка — типичная вещь этой эпохи на памятнике, связанная с бронзолитейным ремеслом (рис. 76: 208). В верхней части

объекта 30 залегало скопление раннесредневековой керамики 6 (рис. 99: 1,2). В нем же найдены 2 глиняных конических грузила для ткацких станков, в верховьях р. Воронеж типичных для Средневековья (рис. 103: 655, 662). Этого обзора достаточно, чтобы продемонстрировать принадлежность ям со специально приготовленной глиной в Стаево-5 раннесредневековому горизонту.

Для чего же были нужны запасы глины? И почему содержащие их объекты явно тяготеют к сооружениям, связанным с литьем бронзы?

Из глины изготавливались тигли, все обломки которых ошлакованы. Тигли, таким образом, были рассчитаны только на одну плавку. Литейные формы, для оттискивания в которых предназначались некоторые матрицы, тоже явно делались из глины, которая должна быть при этом очень пластичной (чтобы сохранить, например, детали орнаментации вещей).

В гуннское время в Верхнем Подонье остатки бронзолитейного ремесла исследованы на поселении Ксизово-19. Отходы ремесленной деятельности (выплески бронзы, обрезки пластин и проволоки, всего 111 предметов) концентрировались на сравнительно компактном участке размером около 8 × 20 м и находились в основном вне объектов в культурном слое. На большей части пространства, где встречены отходы бронзолитейного ремесла, никаких сооружений, связанных с литьем бронзы, не было. По наблюдениям за планиграфией раскопанной части памятника был сделан вывод, что ремесленник работал во дворе усадьбы, состоявшей из жилища, хозяйственных ям, построек и очагов (Острая Лука, 2015, с. 108, 112, 113, рис. 118).

К северу от Верхнего Подонья остатки сооружений, связанных с бронзолитейным ремеслом, известны на городищах позднедьяковской культуры (Троицкое, Щербинское, Боршева). Сведения о них были собраны И. А. Сапрыкиной (Сапрыкина, 2006, с. 19–20). На Боршевском городище в верхнем слое «середины или начала второй половины I тыс. н.э.» (определение авторов раскопок) были зафиксированы очаги, около которых найдены тигли и болотная руда (Крис, Чернай, 1980, с. 80, 81). Форму, планировку и размеры производственных построек Щербинского городища по заключению А. Ф. Дубынина восстановить трудно. «Обычными находками здесь были кузнечные и медные шлаки, обломки тиглей и льячек, фрагменты литейных форм и полуфабрикаты кузнечного и медно-литейного производства» (Дубынин, 1974, с. 217).

Полностью в плане прослежена постройка 16 Троицкого городища. Она была наземной, с легкими стенами с опорой на тонкие жерди, округлой (или многогранной, по определению А. Ф. Дубынина) в плане. Размеры — около 6 × 7 м. «Сооружение носило производственный характер, о чем свидетельствует большое количество находок, связанных с обработкой цветного металла». Здесь же найдены железные шлаки, бытовые предметы, две бусины (Дубынин, Розенфельдт, 1970, с. 111, рис. 7: 2). Постройка относится ко второму ярусу верхнего горизонта слоя II. В целом верхний горизонт слоя II датируется III–V вв. (Дубынин, 1970, с. 59).

В раннем Средневековье ремесленные площадки литейщиков бронзы известны на городище Бучак-Лысуха (Среднее Поднепровье) и на селище Старые Ивайтёнки (Брянское Подесенье, колочинская культура).

На городище Лысуха зафиксировано небольшое углубление (объект 1), в котором прослежены печь («печь 1») и очаг («печь 2»). Вокруг них встречены отходы ювелирного ремесла. Здесь же найдена льячка. Объект 2 представлял собой яму с мусором как бытовым, так и ремесленным. Судя по плану, общие размеры площадки, на которой разбросаны отходы — около 12 × 8 м. Среди находок преобладают бронзовые поделки, преимущественно пластинки.

Городище Бучак-Лысуха — многослойное. Тем не менее наиболее крупные фрагменты сосудов из объектов 1 и 2 типичны для пеньковской культуры (Болтрик и др., 2019, с. 294–296, рис. 4: 1–3).

В предварительной публикации поселения Старые Ивайтёнки 1 в бассейне р. Судость (колочинская культура) кратко описан некий углубленный подквадратный объект с сажистым заполнением, со стеной длиной около 10–11 м, с тремя очагами внутри, около которых найдены матрицы, ювелирные инструменты, обломки литейной формы и льячек. Из того же сооружения происходят и отходы черной металлургии. По керамике и набору вещей памятник относится к колочинской культуре и датируется в широких хронологических рамках V–VI вв. (Никитина и др. 2018).

По всей видимости, открытые площадки литейщиков бронзы не представляли собой чего-то из ряда вон выходящего (несмотря на малочисленность данных).

Ремесленные площадки ювелиров продолжали использоваться и позже. Примером могут

служить три таких сооружения, раскопанных в Нижнем Подунавье на поселении Златар (X в., Болгария). На этих открытых площадках также зафиксированы очаги, печи, ямы для отходов, а на одной из них — некое слабоуглубленное пространство с концентрацией находок, связанных с литьем бронзы (Дончева, 2017).

Особенностью Стаево-5 являются ямы с запасами глины, очевидно, для изготовления тиглей и литейных форм.

При интерпретации объектов на раскопах 6 и 7 возникает вопрос: были ли сооружения усадьбы синхронны ювелирным?

Поскольку культурный слой на большей части раскопов 6 и 7 почти полностью распахан, то при определении соотношения объектов приходится опираться не на стратиграфию, а на ряд наблюдений, сделанных в процессе раскопок.

Средняя зона металлообработки явно существовала после того, как усадьба была заброшена: яма Г перекрывает жилище — объект 3.

Северная и южная зоны также не одновременны усадьбе: ее объекты находятся в непосредственной близости от ювелирных, чего явно не было бы, если бы комплексы сооружений были синхронными. При этом явно более ранней была южная зона, так как часть ее объектов засыпана бытовым мусором, т. е. она была заброшена, когда жизнь на поселении еще продолжалась.

В северной зоне свалок бытового мусора не отмечено, кроме одной из ям (А объекта 4), где все же преобладал мусор производственный, хотя обломки бытовых сосудов и встречались. Скорее всего, северная ремесленная зона — наиболее поздняя.

Наиболее вероятное соотношение комплексов сооружений следующее.

1. Самой ранней, похоже, была южная ремесленная зона.

2. Когда она была заброшена, возникла усадьба. Одна из ям, связанных с ней (объект 29) перекрывала наземное сооружение. Объекты южной ремесленной зоны были засыпаны бытовым мусором.

3. Средняя зона возникла после того, как усадьба была оставлена: яма Г перекрывает жилище.

4. Свалок мусора не было в пределах северной производственной зоны. Она — явно самая поздняя.

5. Хронологическое соотношение средней и северной ремесленных зон не понятно.

Раскоп 8

Заложен на южном мысу с целью проверить характер напластований на этом участке и степень концентрации массового материала в культурном слое. Площадь раскопа составляет 80 кв. м (рис. 106).

Поверхность имеет уклон в южном направлении на 0,37–0,6 м. Борозды распашки под лес практически незаметны. Общая толщина культурного слоя составляла 0,32–0,56 м. Под дерном (0,05–0,1 м) залегал серый суглинок мощностью до 0,3 м, представлявший собой слой пашни. Ниже его повсеместно подстилал нетронутый распашкой более светлый гумусированный суглинок толщиной до 0,2 м. Ниже до материка залегал слабо гумусированный суглинок.

Керамика на раскопе сильно измельчена. Наибольшее количество обломков сосудов относится к раннему Средневековью. Найдены, кроме того, куски железных шлаков, глиняной обожженной печины, железной руды.

В целом, по сравнению с раскопом 7, керамики в культурном слое раскопа 8 довольно мало.

К индивидуальным находкам раннего Средневековья относятся изделия из бронзы: фрагмент толстой пластины с ребрами (обломок котла) (рис. 107: 510), тонкая пластина с отверстием (рис. 107: 511), височное кольцо (рис. 107: 513), пластинка, полиэдрическая серьга (рис. 107: 516). Из глины изготовлены 2 пряслица (рис. 107: 515; 552). Найдена также нижняя плита зернотерки (рис. 107: Б).

Объектов, которые можно было бы однозначно отнести к раннему Средневековью, на раскопе не было.

Раскоп 9

Заложен в 2018 г. в южной части поселения в месте повышенной концентрации находок раннего Средневековья на поверхности (рис. 23). Площадь раскопа 9 в 2018 г. составила 176 кв. м, в 2019 г. — 384 кв. м. Всего за два года вскрыто 560 кв. м.

Поверхность раскопа задернована, имеет уклон в восточном направлении до 0,42 м, а в южном — около 1 м. В средней части раскопа 2 на поверхности была видна задернованная ложбина-промоина шириной 2–4 м. Ее глубина на поверхности составляла 0,28–0,5 м, в материк она была углублена на 20–30 см (рис. 108).

Общая толщина культурного слоя составляла 0,24–0,56 м. Под дерном (0,05–0,15 м) залегал серый суглинок мощностью 0,1–0,45 м, представлявший собой слой пашни и растекшийся за ее пределы пахотный грунт. Местами до материка его подстилал нетронутый распашкой коричневый суглинок толщиной на большей части раскопа до 0,04–0,3 м.

В культурном слое обнаружена разновременная керамика, в основном сильно измельченная, куски железных шлаков, глиняной обожженной печины, железной руды.

Наибольшее количество обломков сосудов относится к раннему Средневековью (рис. 109–115), с которым также связаны остатки ювелирного ремесла, черной металлургии и большинство вещей. Часть горшков была орнаментирована вдавлениями по краям венчиков, некоторые сосуды имели лощеную или подлощенную поверхность (рис. 109: 16, 17, 20–24; 115).

Серия находок, которые происходят из культурного слоя (раскопки 2018 г.), связана с бронзолитейным ремеслом. К ним относятся обломки сильно ошлакованных глиняных тиглей (29 экз.), выплески бронзы, бронзовые пластинки (рис. 116). Из железа изготовлены ножи (рис. 117: 773, 780, 775), шило (рис. 117: 782), инструмент (рис. 117: 808), резец (рис. 117: 790), изогнутый обломок пробойника (рис. 117: 811). Найдены глиняные пряслица (рис. 117: 783; 793, 804), серия предметов из цветных металлов: фрагмент зеркала из светлого сплава (рис. 117: 784), наконечник ремня геральдического стиля из бронзы (рис. 117: 798), две круглые накладки из свинцово-оловянистого сплава (рис. 117: 796, 807).

В 2019 г. также обнаружен брак, связанный с ювелирным ремеслом. К нему относятся 7 выплесков бронзы, 6 обрезков пластин (рис. 118), крупный фрагмент глиняного тигля (рис. 121: 834), целый тигель (рис. 121: 835), мелкие обломки тиглей (130 экз., рис. 110: 7). Прочие находки представлены железными заклепкой (рис. 119: 820), фрагментами ножей (рис. 119: 821, 822, 842, 848, 849, 877), почти целым ножом (рис. 119: 869), обломком лезвия топора (рис. 119: 827), двумя поковками (рис. 119: 841, 832), двумя пробойниками (рис. 119: 826, 831), железным инструментом, зубилом (рис. 119: 823), мелкими обломками разных предметов.

Из глины изготовлены 10 пряслиц разных форм (рис. 111: 20; 120), грузило для ткацкого станка (рис. 121: 844), из камня — точило (рис. 121: 843), из стекла — непрозрачная красная бусина (рис. 121: 871).

Подавляющее большинство находок концентрировалось в средней части раскопа около объектов 4, 9 и скоплений 1 и 3 (рис. 108). Прочие находки разбросаны в юго-восточной части исследованной площади около современной ложбины.

В культурном слое раскопа 9 2018–2019 гг. были обнаружены два локальных скопления раннесредневековой керамики.

Скопление 1 было связано с очагом (объект 9) и будет описано ниже вместе с ним.

Скопление 3 представляло собой развал лепной корчаги с рудой в тесте (рис. 122: 1). Корчага стояла на дне на глубине 0,33–0,36 м от дневной поверхности. Черепки верхней части сосуда свалились вниз, внутрь его. Здесь же найдены обломки днища другого лепного сосуда (рис. 122: 2).

В пределах раскопа исследованы 8 объектов, в заполнении которых найдены материалы раннего Средневековья. Ниже следует их описание.

Объект 2 (рис. 123). Открытый, овальный в плане глинобитный очаг, южная его часть терялась в грунте. Размеры исследованной части — 0,6 × 0,4 м. Основание прослежено в предматериковом слое, толщина слоя глины — 0,15 м. Он прокален на всю глубину. Субструкции из черепков или камней не было.

Объект 3 (рис. 123). Овальная в плане хозяйственная яма. Контуры прослежены на поверхности материка. Максимальная глубина ямы — 0,69 м. Размеры в верхней части — 1,56 × 1,4 м, по дну — 1,1 × 1,2 м.

Заполнение представляло собой однородный темный гумусированный углистый суглинок. Из него происходит груболепная керамика двух периодов. К раннему железному веку — раннеримскому времени относятся 6 фрагментов лепных сосудов с рогожным орнаментом на поверхности, 1 — с мелким шамотом в тесте, 7 — с дресвой. Материалы раннего Средневековья составляет лепная керамика с шероховатой поверхностью: 1 обломок груболепного сосуда со средним шамотом в тесте, 5 — со средним шамотом и рудой, 4 — с рудой, 1 — с рудой и дресвой, 1 — с крупным шамотом. Найдены также 2 обломка лепных сосудов с подлощенной поверхностью, 3 кусочка обожженной глиняной обмазки. Фактуру 19 стенок лепных сосудов определить не удалось из-за их малого размера. Объект относится к раннему Средневековью.

Объект 4. Его исследование было начато в 2018 г. и в 2019 г. закончено. Сооружение представляет собой полуземлянку круглой формы диаметром 3 м по верхним контурам, которые прослежены на поверхности материка. На уровне дна объект делился на 2 части. Наиболее глубокая из них, восточная, у дна имела размеры 1,7 × 1 м; меньшая по глубине, западная — 2,7 × 1,4 м. Общая глубина западной части сооружения — 0,19–0,35 м, восточной — 0,42–0,45 м (рис. 124).

Заполнение представляло собой серый углистый суглинок, в верхней части которого заметны более светлые пятна толщиной до 0,2 м.

При его разборке в 2018 г. обнаружена лепная керамика раннего железного века с шероховатой поверхностью (4 фрагмента сосудов с дресвой в тесте, в том числе обломок венчика горшка с проколами под краем). К раннему Средневековью относятся обломки груболепных сосудов: 8 фрагментов со средним шамотом в тесте, 3 — со средним шамотом и рудой, 3 — со средним шамотом и дресвой, 1 с рудой и дресвой. Найдены также обломок стенки лепного лощеного сосуда, 4 неопределимых лепных черепка.

Из материалов 2019 г. к раннему железному веку относятся 20 фрагментов лепных сосудов с рогожным орнаментом на поверхности, 5 обломков горшков с дресвой в тесте, часть из которых была орнаментирована вдавлениями по краю и проколами под ним, 24 фрагмента с мелким шамотом и дресвой, 32 — с мелким шамотом, 6 — с мелким шамотом и рудой. Ранним Средневековьем датируются 26 обломков лепных сосудов со средним шамотом в тесте, 6 — со средним шамотом и рудой, 1 — со средним шамотом и дресвой, 1 — с рудой, 2 — с крупным шамотом в тесте. Столовая керамика представлена одним обломком лепного лощеного сосуда и тремя — подлощенных. Кроме того, найдены 4 обломка глиняных тиглей, 2 — пряслиц (рис. 125), 6 кусков обмазки, 8 — металлургического шлака.

Судя по наиболее поздним находкам, постройка относится к раннему Средневековью.

Объект 9 и скопление 1 (рис. 126). Объект 9 представлял собой глинобитный очаг, в плане близкий к овалу. Зафиксирован в культурном слое на уровне 0,26–0,3 м от дневной поверхности в виде пятна красной прокаленной глины. Его размеры составляли 0,54 × 0,2–0,3 м, толщина слоя глины — 0,02–0,1 м.

Скопление 1, состоявшее из 124 фрагментов лепных сосудов, 1 куска железного шлака, 9 кусочков глиняной обожженной обмазки, 1 обломка тигля, примыкало к очагу с юга. Оно занимало пространство 2,3 × 1,6 м, черепки залегали непосредственно под дерном вплоть до глубины 0,32 м от дневной поверхности. Кроме нескольких обломков сосудов раннего железного века, керамика из скопления 1 составляет выразительный комплекс раннего Средневековья (рис. 127).

Объект 12 (рис. 128). Овальная в плане яма размерами 2,2 × 2,6 м по верхнему краю и 1,7 × 1,64 м в нижней части. Контуры зафиксированы на поверхности материка. В дне ямы было устроено дополнительное углубление размерами 0,54 × 1,2 м. Общая глубина ямы составляла 0,55–0,62 м, углубления (от уровня дна объекта) — 0,09 м.

Заполнение северной части ямы представляло собой светлую глину с линзами темного гумусированного суглинка, в южной части залегал темно-серый гумусированный суглинок. Между ними в центральной части ямы зафиксирована светло-серая супесь шириной до 0,1–0,35 м.

Из заполнения объекта происходит лепная керамика раннего железного века и раннеримского периода, а также раннего Средневековья (5 обломков сосудов со средним шамотом в тесте, 1 — со средним шамотом и рудой, 2 — с рудой и дресвой). Найдены также 5 неопределимых обломков стенок лепных сосудов, 1 кусочек железного шлака и 4 — обожженной глиняной обмазки. Яма, скорее всего, относится к раннему Средневековью, а керамика более ранних эпох (довольно сильно измельченная) попала в объект из культурного слоя.

Объект 14 (рис. 129). Овальная в плане яма, частично выходящая за западную границу раскопа. Ее размеры по верхнему краю составляли 2,12 × 2,6 м, в нижней части — 1,6 × 1,9 м. Контуры зафиксированы на поверхности материка. В дне было устроено дополнительное углубление размерами 0,64 × 0,7 м. Общая глубина ямы — 0,28–0,64 м, углубления (от уровня дна объекта) — 0,1–0,25 м.

Заполнение ямы представляло собой серый суглинок. В верхней его части читалась углистая линза мощностью до 0,36 м, в средней и нижней — две прослойки светлого песка толщиной до 0,1 м каждая.

Из заполнения происходит разновременная лепная керамика. Наиболее ранними являются обломки лепных сосудов городецкой культуры с так называемым рогожным орнаментом на поверхности. Фактуру, характерную для раннего

Средневековья, имеют 3 фрагмента сосудов со средним шамотом и рудой; вероятно, 5 обломков с рудой и дресвой. Кроме того, из заполнения происходят 12 неопределимых черепков, 5 кусочков обмазки.

В средней части ямы на глубине 0,14–0,16 м от верхнего края на пространстве 0,4 × 0,8 м залегало скопление керамики (13 обломков) и 7 кусочков обожженной глиняной обмазки. Из черепков скопления удалось реконструировать 2 сковородки с хорошо выраженными бортиками, орнаментированными на их переломе ямками — отпечатками круглой палочки (рис. 130: 1,4). Керамическое тесто обеих содержало примесь дресвы, что в Подонье характерно для раннего железного века — первых вв. н.э. Тем не менее в культурах этих периодов сковородки неизвестны, зато они весьма характерны для гуннского времени и раннего Средневековья. Яма, скорее всего, относится к раннему Средневековью, а керамика более ранних эпох попала в заполнение из культурного слоя в процессе засыпки объекта.

Объект 15 (рис. 131). Овальная в плане яма со ступенькой-сходом в юго-восточной части. Контуры прослежены на поверхности материка. Размеры объекта в верхней части — 0,94 × 1,2 м, в нижней — 0,54 × 0,8 м. Ширина ступеньки — до 0,2 м. Общая глубина ямы — 0,24–0,32 м, ступеньки — 0,12 м.

Заполнение представляло собой однородный серый суглинок. Из него происходят обломки лепных сосудов: 1 фрагмент с мелким шамотом в тесте, 3 — со средним шамотом и рудой, 4 — со средним шамотом и дресвой. Поскольку в заполнении преобладает керамика характерной для раннего Средневековья фактуры, яма, скорее всего, относится к этому периоду.

Объект 19 (рис. 109–112). Овальная в плане яма размерами 0,92 × 1,16 м по верхнему краю, 0,88 × 0,94 м в нижней части. Контуры зафиксированы на поверхности материка. Общая глубина ямы — 0,38–0,54 м. Она заполнена однородным серым суглинком.

Из объекта происходят немногочисленные обломки сосудов раннего железного века, в том числе фрагмент венчика с проколами под краем. Преобладает лепная керамика раннего Средневековья, к которой относятся 5 обломков сосудов со средним шамотом в тесте, 5 — со средним шамотом и рудой, по одному обломку с крупным шамотом и со средним шамотом и дресвой. Два фрагмента содержали руду в керамическом тесте, найдены также 2 обломка лощеных сосудов, в том числе выразительный фрагмент ребристой миски (рис.113: 3), 16 неопределимых черепков, 2 обломка тиглей, 6 шлаков, 3 куска обмазки (рис. 132: 2,3).

На общем плане (рис. 108) показано, что раннесредневековые сооружения раскопа 9 образуют некую диагональ, ориентированную от юго-западного угла вскрытой площади к северо-восточному. С юга к этой диагонали примыкает цепочка ям, которые по характеру заполнения к раннему Средневековью достоверно отнесены быть не могут, но их линия явно ограничивает область объектов верхневоронежской группы. Не исключено, что они были остатками какой-то ограды, хотя эти ямы и не могут считаться столбовыми из-за их довольно больших размеров. Ниже приводится их описание.

Объект 10. Круглая в плане яма диаметром 0,66 м по верхнему краю и 0,54–0,56 м в нижней части. Общая глубина составляет 0,24–0,29 м. Яма заполнена однородным серым суглинком, из которого происходит один фрагмент стенки лепного сосуда с дресвой в тесте.

Объект 11. Круглая в плане яма диаметром 0,85 м по верхнему краю, стенки — почти отвесные. Общая глубина составляет 0,36–0,41 м. Яма заполнена однородной коричневой глиной с вкраплениями гумуса. Находок не было.

Объект 16. Круглая в плане яма диаметром 0,5–0,56 м по верхнему краю, 0,46 м — в нижней части. Общая глубина ямы — 0,12 м. Она заполнена однородным серым суглинком. Находок не было.

Объект 16а. Овальная в плане яма размерами 0,9 × 1,18 м по верхнему краю, 0,72 × 1,0 м в нижней части. Общая глубина ямы — 0,29–0,38 м. Она заполнена однородным серым суглинком. Находок не было.

Объект 17. Овальная в плане яма размерами 0,64 × 0,54 м по верхнему краю, 0,56 × 0,46 м в нижней части. Общая глубина ямы составляет 0,09–0,21 м. Она заполнена однородным серым суглинком. Из заполнения происходят два невыразительных лепных черепка.

Объект 18. Овальная в плане яма размерами 0,57 × 0,48 м по верхнему краю, 0,38 × 0,24 м в нижней части. Общая глубина ямы — 0,24–0,25 м. Она заполнена однородным серым суглинком. Находок не было.

Все объекты представляют собой хозяйственные ямы или постройки. По всей видимости, в 2018–2019 гг. на этой площади исследована

часть усадьбы, причем жилище пока обнаружено не было.

Серия отходов бронзолитейного ремесла, обломки тиглей, яма с глиной (объект 12) указывают на то, что на территории этой усадьбы плавили бронзу. Поскольку большая часть находок, связанных с этим ремеслом, концентрировалась около одного из очагов (объект 9), то очевидно, что он использовался как для бытовых нужд, о чем свидетельствует повышенная концентрация керамики около него, так и для ремесленных целей.

Описание материала

Изделия из глины

Керамика

Вся раннесредневековая керамика, обнаруженная на памятнике, лепная. По характеру обработки поверхности она делится на груболепную, лощеную и подлощенную. Общее распределение ее по раскопам и объектам показано в табл. 3.

Груболепная керамика изготовлена при помощи нескольких основных рецептур[3]: с примесью шамота в тесте с зернами средней величины (4595 фрагментов, 49% от общего количества керамики раннего Средневековья), такого же шамота и кусочков руды или шлака, иногда с дополнительными добавлениями дресвы (2042 фрагмента, 22%), со средней величины шамотом и дресвой в керамической массе (974 фрагмента, 10%), с включениями руды (355 фрагментов, 4%), руды и дресвы (210 фрагментов, 2%), с крупным шамотом (610 фрагментов, 6%), с крупным шамотом и рудой (87 фрагментов, 1%), с крупным шамотом и дресвой (53 фрагмента, 1%). В керамической массе многих сосудов заметна примесь органики, при выгорании которой образовались характерные пустоты.

Исключение из общего правила представляют собой два диска с отогнутыми бортиками из объекта 14 раскопа 9 (рис. 130: 1, 4). Они содержат примесь дресвы в тесте, что в Стаево характерно для керамики раннего железного века и начала римского времени. Тем не менее в материалах этих двух периодов диски не известны (не только в Стаево, но и однослойных памятников этих эпох в Верхнем Подонье). Диски из объекта 14, таким образом, относятся к раннему Средневековью, но имеют не типичную для керамики этого времени фактуру.

Груболепная посуда составляет 94% от общего количества раннесредневековой (табл. 3).

В Стаево-5 обнаружено обломков сосудов с подлощенной поверхностью — 181 экз. (2%), лощеных — 361 (4%). Лощеная посуда хорошо заполирована изнутри и снаружи, следы инструментов, которыми обрабатывалась поверхность, как правило, либо не видны, либо слабо различимы. Цвет — черный, серый, коричневый. Многие черепки имеют пятнистую поверхность.

Подлощенные сосуды полировались как с одной стороны, так и с двух, но лощение при этом — довольно грубое, небрежное. Примеси в тесте столовой керамики могут быть самыми разными (шамот, дресва, руда в разных сочетаниях), но они обычно более мелкие, чем у груболепных сосудов.

Одновременность керамики всех охарактеризованных выше типов фактуры подтверждается неоднократной их совместной встречаемостью в объектах Стаево-4 и 5 (см. главу 1 и табл. 3). Технологически керамика из Стаево-5 аналогична найденной в Стаево-4, что подтверждает культурную и хронологическую близость этих памятников.

Керамика с шероховатой поверхностью похожих рецептур характерна для территориально и хронологически близких донских памятников типа Чертовицкое — Замятино конца IV — V в. Примером может служить поселение Ксизово-19, откуда происходит наиболее представительная коллекция материала (Острая Лука, 2015, с. 95, 96, табл. 16). Здесь так же, как и в Стаево-5, резко преобладает посуда со средним и крупным шамотом в тесте (57%, в Стаево — 55%), на втором месте находится керамика с крупным и средним шамотом в сочетании с дресвой, а также с железной рудой (17%, в Стаево — 33%). Имеются и отличия. В Ксизово-19 третье место занимает керамика с шамотом и известняком (3%), а в Стаево — посуда с примесями дресвы и руды без отчетливых включений шамота (6%). Последнее обстоятельство может объясняться как хронологическими, так и минералогическими отличиями: в Ксизово имеются мощные выходы известняка, которые в Стаево отсутствуют.

[3] Разумеется, при осмотре коллекции специалистами по технологии древней керамики изложенные ниже наблюдения могут быть дополнены. Здесь опубликованы данные, которые могут пригодиться археологам-практикам при идентификации конкретных материалов.

Общая доля лепной столовой посуды на обоих памятниках близка — 7% в Ксизово, 6% в Стаево.

Поверхность груболепных сосудов из Стаево-5, как правило, неорнаментирована, на ней заметны следы заглаживания пальцами или щепкой. Иногда орнаментируется венчик — вдавлениями, нанесенными пальцами (рис. 56: 2, 4, 7; 57: 2, 4; 73: 2; 99: 2; 109: 3, 6; 110: 3; 111: 18; 114: 1, 8; 127: 4) или палочкой прямоугольного сечения (рис. 58: 8; 110: 2; 111: 4, 5; 114: 6), насечками ножом или плоской палочкой, иногда расположенными «ёлочкой» или зигзагом (рис. 56: 3, 6; 57: 1, 11; 58: 4, 7; 79: 1; 99: 5; 100: 1; 109: 1, 2, 4, 5; 110:1, 13; 111: 6; 112: 10). Оригинальна орнаментация двух дисков с низкими бортиками — вдавлениями круглой палочкой, нанесенными вдоль места отгиба бортов (рис. 130).

Поверхность лощеных и подлощенных сосудов неорнаментирована.

По классификации сосудов по формам, предложенной для памятников типа Чертовицкое — Замятино (Острая Лука, 2004, с. 157, табл. 1, рис. 134; 2015, с. 95–103), в Стаево-5 представлены округлобокие горшки и миски таксонов[4] I,1,а,а (38 экз., рис. 48: 2; 56: 1; 57: 5; 72: 2, 4, 6; 73: 1, 2, 9; 100: 3, 4; 109: 12, 13, 22; 110: 12, 14; 111: 3, 9, 12; 112: 1–6; 113: 3, 7–10; 114: 2, 6, 7; 115: 13; 127: 2,11; 132: 2), I,1,а,а, особая форма (5 экз., рис. 73: 6; 76: 1, 100: 5; 110: 5; 112: 7), I,1,в (5 экз., рис. 72: 9; 91: 2; 109: 11; 112: 9; 115: 1), I,1,г (6 экз., рис. 72: 3; 100: 2; 110: 10; 111: 1,10; 115: 8), I,3-а (4 экз., рис. 53: 4; 112: 8; 113: 2; 127: 1), I,6 вариант 1 (6 экз., рис. 57: 9, 18; 72: 1; 94: 2, 7; 109: 20), I,6 вариант 2 (1 экз., рис. 72: 10). Ребристыми были сосуды таксонов II,1 (3 экз., рис. 94: 1; 95: 1; 100: 1), II,2,а (6 экз., рис. 73: 7; 96: 3; 109: 18; 110: 8; 113: 5; 114: 3), II,3 (9 экз., рис. 53: 2; 57: 17,19; 110: 1,15; 115: 6, 14; 122: 1; 125: 1). Найдены также обломки дисков с отогнутыми бортиками (8 экз., рис. 50: 11; 57: 13–15; 58: 1; 76: 8; 130: 1,4) (табл. 4). Уникален полый поддон, вероятно, конической миски (рис. 57: 16). Кроме горшков, мисок и дисков, в керамический набор входили кувшины, о чем свидетельствуют обломок венчика со сливом (рис. 115: 7) и фрагмент ручки (рис. 113: 1). Найдены также обломки миниатюрных сосудов (рис. 69: 486; 74: 3; 91: 6; 111: 13).

Из условно закрытых комплексов в Стаево-5 происходят следующие формы сосудов: горшок I,1,а,а (дно объекта 11 раскопа 4), миска II,3 и горшок I,3-а (заполнение постройки и ям объекта 14 раскопа 5), горшки I,6 вариантов 1 и 2; I,1,а,а; I,1,г; I,1,в; I,1,а,а особой формы; II,2,а; миска I,1,а,а (слой темного углистого суглинка в объекте 3 раскопа 6), горшки II,1; I,1,а,а; I,6 варианта 1 (объект 2 раскопа 6 — предочажная яма), горшок II,1 (объект 13 раскопа 6, материал из темных прослоек в глинистом заполнении), горшок II,2,а (объект 34 раскопа 6, материал из верхней темной линзы заполнения), горшки I,3-а; I,1,а,а; миска I,1,а,а (скопление 1 раскопа 9 — свалка мусора), диски II (скопление керамики из объекта 14 раскопа 9).

Сочетание форм сосудов в этих комплексах демонстрирует синхронность (по крайней мере, относительную) всех таксонов горшков, представленных на памятнике, и мисок II,3 и I,1,а,а. В перечисленных выше комплексах отсутствуют миски I,1,а,а особой формы и I,6 варианта 1, а также диски. Это, скорее всего, объясняется не более ранней или более поздней хронологией керамики этих таксонов по отношению к другим, а степенью сохранности и относительной немногочисленностью материала. По фактуре миски I,1,а,а особой формы и I,6 варианта 1 — такие же, как и другие раннесредневековые сосуды памятника. То же самое можно утверждать и в отношении дисков с бортиками (кроме отмеченного выше исключения).

Структура керамического набора Стаево-5 выглядит следующим образом. На первом месте находятся сосуды таксона I,1,а,а (41%), на втором — II,3 (10%), на третьем — формы I,1,г; I,6 варианта 1 и II,2,а (по 7% каждого таксона), на четвертом — I,1,а,а особой формы и I,1,в (по 6%). Прочие сосуды немногочисленны. Дисков — 9%, а общая доля ребристых горшков и мисок составляет 20%. Казалось бы, при общем типологическом сходстве набора сосудов из Стаево-4 и 5, имеются различия в его структуре. В чем они заключаются?

Если рассматривать керамику по категориям, то относительной статистической обработке поддается лишь набор горшков. Среди них в Стаево-5 преобладают сосуды I,1,а,а (47%), на втором месте находятся формы II,2,а (8%), на третьем — I,1,г; I,1,в; I,3-а; I,6 вариант 1 (по 7%), на четвертом — II,3 (6%). При сравнении структуры набора форм горшков с аналогичными показателями Стаево-4 получается, что при

[4] Описание см. в главе 1.

абсолютном преобладании округлобоких с изогнутым, отогнутым наружу венчиком (I,1,а,а) большинство сосудов других форм с округлым плечом также встречается довольно часто. Специфика Стаево-5 заключается в относительно широком распространении ребристых горшков II,2,а (биконических с изогнутым венчиком). В Стаево-5 более многочисленны миски, доля дисков же меньше.

При расчете пропорций верхних частей сосудов по принципу, изложенному в главе 1, получается, что в Стаево-5, как и в Стаево-4, резко преобладают сильнопрофилированные формы (95%).

В целом по фактуре, а также типологически и по пропорциям керамика из Стаево-4 и 5 (как кухонная, так и столовая) очень близка. Отмеченные различия могут быть объяснены либо неравноценными в статистическом отношении выборками (в Стаево-4 определимых форм более чем в 3 раза меньше, чем в Стаево-5), либо индивидуальными традициями жителей разных частей поселка. Что более справедливо, покажут будущие раскопки других памятников.

Все формы сосудов набора, представленного в Стаево-4 и 5, имеют параллели на верхнедонских памятниках типа Чертовицкое — Замятино конца IV — V в. (описание керамики этого периода см. в: Острая Лука, 2004, с. 148–153; 2015, с. 99–103). Раннесредневековая керамика этих двух эталонных памятников линии Ярок близка к более ранней гуннского времени не только по фактуре, но и по формам. Все приведенные выше наблюдения показывают, что керамический комплекс древностей линии Ярок в Подонье имеет истоки в предшествующих памятниках круга Чертовицкое — Замятино.

Сходство тем не менее не обозначает тождества. Раннесредневековая посуда по сравнению с более ранней менее разнообразна по формам. В ее наборе отсутствуют широко распространенные на классических памятниках типа Чертовицкое — Замятино лощеные ребристые, так называемые мощинские (с прямой линией профиля выше ребра) миски, нет гончарной керамики, единичны обломки груболепных мисок-плошек. Как представляется, эти отличия объясняются более поздней датировкой керамики линии Ярок.

Пряслица

На поселении обнаружено 38 пряслиц (целых и фрагментированных). Поверхность одного из них была лощеной (рис. 46: 9), четырех — подлощенной (рис. 68: 666; 69: 435, 557; 88: 409), прочих — шероховатой.

По ребру трех пряслиц нанесены насечки (рис. 74: 189; 100: 644; 120: А). Два пряслица орнаментированы группами точек (рис. 68: 665; 69: 557), одно — вдавлениями и косыми насечками (рис. 117: 783), еще одно — рельефными косыми каннелюрами (рис. 120: 833).

К типу высоких биконических (диаметр наибольшего расширения меньше высоты) относятся 2 экз. (рис. 65: 459; 100: 644), биконических средней высоты (диаметр наибольшего расширения больше высоты, но не более чем в 2 раза) — 25 экз. (рис. 51: 178; 65: 309; 68: А, 665, 666, 685, 787; 69: 435, 466, 557; 74: 181, 183, 189; 76: 5; 80: 445; 88: 409; 107: 515, 552; 117: 783, 793, 804; 120: А, 829, 870, 833), низких биконических с очень широкими отверстиями (так называемой мощинской группы) — 2 экз. (рис. 46: 9; 74: 4). Округло-биконическую форму имеют 2 экз. (рис. 46: А; 65: 520), бочонковидную — 7 экз. (рис. 51: 109; 111: 20; 120: 845; 872, 838, 878). Максимальное расширение у всех биконических и бочонковидных пряслиц — около середины высоты.

Таким образом, наиболее часты биконические пряслица средней высоты с диаметром отверстия около 0,8–1 см, прочие — сравнительно редки. Примерно такой же набор форм и такое же их соотношение наблюдается и на поселении Стаево-4 (см. главу 1).

Сведения о формах пряслиц, которые найдены на памятниках типа Чертовицкое — Замятино гуннского времени, раскопанных широкими площадями, включены в табл. 5. Общий набор и соотношение типов очень близки к раннесредневековым поселениям у с. Стаево. На последних пока отсутствуют лишь округлые и плоские цилиндрические изделия (в том числе и изготовленные из черепков сосудов), но они редки и на памятниках гуннского периода. В целом набор раннесредневековых пряслиц явно продолжает традиции верхнедонских поселений гуннского времени. В этом отношении показательна одна деталь. На поселениях Верхнего Подонья конца IV — V в. достаточно широко распространены пряслица с рельефной орнаментацией, имеющие прототипы на памятниках черняховской культуры (Медведев, 1998, с. 57; Обломский, 2007, с. 86, 87; Магомедов, 2015, с. 54). На более позднем селище Стаево-5 они также встречены, хотя и единичны (рис. 117: 783; 120: 833) .

В Стаево-5 из глины изготовлена также биконическая бусина, повторяющая форму пряслица, но имеющая гораздо меньшие размеры (рис. 120: 854).

Грузила для ткацких станков

Грузила слабо обожжены, имели усеченно-коническую форму и предназначались, очевидно, для ткацкого станка, а не для рыболовных сетей, так как при попадании в воду они неминуемо рассыпались бы. Канал отверстия диаметром около 1 см мог быть горизонтальным (рис. 68: 657, 772; 69: 536; 99: 10, 11; 100: 6; 103: 655, 662; 121: 844) или вертикальным (78: 5). В Стаево-5 их обнаружено 12 целых и фрагментированных экземпляров (учтены однозначно определимые обломки). Еще одно изделие имеет лепешковидную форму с перпендикулярным плоскости каналом отверстия (рис. 68: 686).

Реконструкция вертикального ткацкого станка из Верхнего Подонья опубликована Г. Л. Земцовым (Земцов, 2012, с. 151, 152). В I тыс. н.э. в донской лесостепи грузила для оттяжки нитей широко известны на памятниках круга Каширки — Седелок позднеримского периода и Чертовицкого — Замятино гуннского (Медведев, 1998, с. 57; Острая Лука, 2004, с. 24, 25). Формы их разнообразны, но замечено, что на поселениях позднеримского времени преобладают пирамидальные грузила, а на памятниках гуннского — усеченно-конические. Традиция использования усеченно-конических грузил продолжается и на поселениях раннего Средневековья, что и демонстрируют материалы из Стаево.

Из **камня** изготовлены оселки (рис. 68: 753; 88: 428; 121: 843) и нижняя плита зернотерки (рис. 107: Б), терочник (рис. 65: 400), хотя их культурно-хронологическая принадлежность до конца и не ясна.

Изделия из железа

Они довольно многочисленны и в большинстве случаев происходят из культурного слоя и подъемного материала. Разумеется, далеко не все вещи, особенно предметы быта и, отчасти, детали вооружения поддаются точной культурно-хронологической идентификации. Тем не менее большинство из них относится к раннему Средневековью. В верхнем течении р. Воронеж об этом свидетельствуют материалы поселений Кривец-4 и Стаево-4, где железных предметов, разнообразных по форме и назначению, обнаружено достаточно много (Обломский, 2012б, рис. 15–18; 2018а).

Бытовые предметы, орудия труда

Ножи (рис. 25: 1–3, 8, 9, 11; 26: 13–16; ; 28: 6, 10–12, 14–18, 30, 33–35, 46, 68, 142, 155; 32: 218, 251, 254, 271, 278, 373, 402, 454, 457, 488, 491–494, 508, 509; 36: 579, 593–595, 598, 599, 874; 46: 55; 51: 176; 59: 70, 123, 138; 65: 380, 453, 468; 67: 688, 711; 117: 773, 775, 780; 119: 821, 822, 842, 848, 849, 869, 877) — 72 целых и фрагментированных экз. Черешковые, подавляющее большинство имеет прямую спинку. Там, где этот участок сохранился, видно, что на переходе от черешка к лезвию в большинстве случаев имеется верхний выступ либо сглаженный, либо довольно резкий. У некоторых ножей он отсутствует (рис. 25: 1–3; 28: 11, 17; 32: 493; 36: 579, 594; 119: 849, 877)

Спинка некоторых ножей слегка изогнутая (рис. 26: 16; 32: 402, 488; 117: 780). Считается, что ножи с выпуклой спинкой характерны для раннего железного века. Тем не менее на Верхнем Дону они известны на поселениях типа Каширки — Седелок позднеримского периода (Обломский, 2007, рис. 15: 4) и изредка встречаются в комплексах гуннского времени, например, в погр. 19 могильника Ксизово-17А (Острая Лука, 2015, рис. 71: 9).

Специфическую форму имеет один из ножей с коротким округлым лезвием (рис. 46: 55). Вероятно, он дополнительно служил каким-то инструментом, возможно резцом.

Серпы представлены 1 целым и 4 фрагментированными экз. (рис. 25: 10; 30: 4; 33: 415; 36: 879; 37: 559). Один из них имеет зубчики на лезвии (рис. 33: 415). Все серпы однотипны. Они слабо изогнуты, рукоять крепилась на черешке, отогнутом перпендикулярно плоскости лезвия.

К сожалению, своды материалов раннеримского времени, которые происходят с поселений лесостепного Подонья, где и должны быть представлены бытовые предметы, пока отсутствуют, поэтому определить, когда именно в этом регионе начали использоваться серпы с пяткой, отогнутой перпендикулярно лезвию, невозможно. Серп такого типа обнаружен на поселении Каширка-2 позднеримского периода (Бессуднов, Обломский, 1996, рис. 5: 8). С могильником Ксизово-17Б гуннского времени связан клад из семи подобных серпов (Острая Лука, 2015, рис. 109–111).

Рыболовных крючков обнаружено 9 экз. (рис. 25: 6; 26: 7; 30: 3; 34: 405, 541; 37: 571, 576; 69: 487) и *один без бородки* с заостренным, отогнутым наружу концом (рис. 34: 279).

Топоры. Единственный более-менее целый втульчатый топор с частично утраченным обухом (рис. 30: 44) имеет достаточно простую форму (слегка изогнутую спинку, дугообразное лезвие, обух, который не выступает вверх на общую линию спинки). На территории лесостепи и лесной зоны Восточной Европы такие топоры распространены чрезвычайно широко. В юго-восточной Прибалтике они появились в самом начале римского времени (группа I.2 Б. Контны) и существовали до его конца (Kontny, 2018, s. 72–75).

В лесостепной зоне к раннеримскому времени относится похожий топор, найденный на позднезарубинецком поселении Картамышево-2 в верховьях р. Псел (Горюнова, 2004, рис. 6: 10).

На территории мощинской и рязано-окской культур похожие топоры относятся к типам 2В1 и 6Б по классификации И. Р. Ахмедова и А. М. Воронцова. Топоры типа 2 — достаточно многочисленны. Их датировка в рамках III — первых десятилетий IV в. хорошо обоснована комплексами. Топор типа 6Б, к сожалению, представлен только одним экземпляром с условной датировкой около второй — третьей четверти IV в. (Ахмедов, Воронцов, 2012, с. 11–12, 16).

Очень похожий топор найден на Щербинском городище дьяковской культуры в яме, которая относится к его верхнему слою (Смирнов, 1974, с. 42, табл. IV: 3). А. Ф. Дубынин, автор раскопок, датирует верхний слой в целом от II–III до V–VI вв. (Дубынин, 1974, с. 249).

В раннем Средневековье похожие на найденный в Стаево-5 топоры распространены в Волжско-Камском регионе. Серия подобных изделий обнаружена на городище Лбище и на памятниках именьковской культуры (Матвеева, 2003, рис. 20: 10, 11; 22: 2; Руденко, 2010, ил. 38, 39). Л. А. Вязов, написавший об именьковских топорах специальную статью и рассмотревший историографию проблем их происхождения и назначения, пришел к выводу, что в Волго-Камье такие изделия первоначально появились в азелинской и мазунинской культурах под влиянием воинских традиций Поочья, а затем начали использоваться именьковским населением (Вязов, 2012). Учитывая приведенные параллели, точно датировать топор из Стаево-5 не представляется возможным, тем не менее связь его с раннесредневековым горизонтом памятника весьма вероятна.

В Стаево-5 также обнаружены 8 обломков лезвий топоров (рис. 25: 5; 33: 234, 261; 37: 813, 817; 59: 201; 67: 757; 119: 827).

Инструменты. На поселении Стаево-5 весьма разнообразны по размерам, формам, и, очевидно, функциям. Большинство из них, имеющих сравнительно небольшие размеры, связаны с ювелирным ремеслом (см. ниже). Часть же явно предназначена для обработки дерева и для бытовых нужд.

К ним относятся так называемый ложкорез (изогнутый резец по дереву, рис. 26: 9), игла (рис. 38: 596), стамески (рис. 33: 455, 456), прямой резец (рис. 33: 490).

Из железа также изготовлены и другие предметы: обломок некоего широкого лезвия (возможно, фрагмент косы) (рис. 33: 506), скобы, петли и их фрагменты (рис. 30: 157; 46: 42; 59: 133а, 202), гвоздь (рис. 59: 160), подвеска, вероятно, часть ботала (рис. 37: 583), две бритвы с сегментовидными лезвиями (рис. 37: 568; 67: 668) а также неопределимые изделия, в том числе и куски проволоки (рис. 51: 116А; 65: 551; 67: 803; 69: 497; 117: 777; 119: 836, 837, 876), пластина (возможно, клин для топора — рис. 65: 90). Обнаружены также четыре кузнечные поковки (рис. 33: 504; 67: 633; 88: 421; 119: 841), игла с остатками пружины, вероятно, от фибулы (рис. 65: 467). Назначение обломка плоского железного крюка не понятно (рис. 33: 507).

Еще одна скоба была изготовлена из согнутого ножа (рис. 32: 373).

Из железа сделаны ручки каких-то сосудов из не сохранившегося материала, вероятно, из дерева (рис. 34: 532; 37: 570), обломок ручки с отверстием, которая была приклепана к сосуду из подобного материала (рис. 35: 360). Похожие изделия встречаются в раннесредневековых аварских могильниках (Eisner, 1952, obr. 8: 1,6; 30; 31: 10, 11; 68: 13; 91: 7; 109: 3, 8) и в захоронениях мордвы (Петербургский, 2011, рис. 170: 1).

Интересны обломки булавок с петлевидными навершиями. Две из них изготовлены из железа (рис. 34: 277, 356), еще одна — из бронзы (рис. 31: 519). Подобные булавки распространены чрезвычайно широко в пространстве и во времени, но у одной из них дрот на головке — прямоугольный в сечении (рис. 34: 277). Такую особенность имеют поздние булавки мощинской культуры, которые происходят в том числе и с городища Акиньшино (одного из самых поздних мощинских памятников). А. М. Воронцов датирует их V — первой половиной VII в. (Воронцов, 2014, с. 316, 317, рис. 3: 8–16).

Остатки ювелирного ремесла

Разнообразные предметы, связанные с ювелирным ремеслом, обнаружены по всей территории памятника, но их повышенная концентрация отмечена на его западной и восточной оконечностях. В западной части памятника на раскопе 6 исследованы три рабочие площадки ремесленников. На раскопе 5 на восточном крае поселения была зафиксирована яма — хранилище глины. Такие объекты на раскопе 6 были связаны с площадками литейщиков бронзы.

С процессом изготовления ювелирных изделий связаны несколько категорий вещей.

Что именно изготавливали. На территории поселения обнаружено множество изделий из бронзы, но для большинства из них нет уверенности, что они происходят из мастерских Стаево-5. Тем не менее некоторые категории находок дают возможность определить, какие именно вещи изготавливали местные мастера. К ним относятся *матрицы, бракованные вещи и заготовки*.

Матрицы. Большинство из них представляют собой шаблоны для деталей геральдической ременной гарнитуры — наконечников ремней и накладок (рис. 27: 22; 31: 249, 337, 502; 64: 376). Интересно, что одна из матриц не обработана напильником, т. е. явно была отлита в Стаево (рис. 27: 22). По мнению Е. А. Шаблавиной (см. главу 7), некоторые из них предназначались для изготовления изделий из тонкого листа-обтяжки, оборотную сторону которых чем-то заполняли. Детали геральдической гарнитуры из тонкого серебряного листа, заполненные изнутри свинцово-оловянистым сплавом, известны, например, в Гапоновском кладе третьей четверти VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 15).

Другие шаблоны предназначались для оттискивания в глиняных формах. Таковой, в частности, была матрица фибулы типа Гурзуф с довольно тонким орнаментом и без следов ударов (рис. 31: 475).

Интересна бракованная отливка головки пальчатой фибулы. В процессе литья две створки формы сдвинулись и металл затек между ними (рис. 64: 292).

В Стаево-5 найдены также заготовки браслетов из круглого дрота с расширенными плоскими концами (рис. 27: 128; 66: 648, 656; 69: 479; 118: 859).

Таким образом, в мастерских Стаево-5 изготавливали пальчатые фибулы (в том числе и типа Гурзуф), детали геральдической ременной гарнитуры и браслеты.

Сырье. Им служили слитки бронзы в виде прутиков, а также обломки вещей.

По наблюдениям Е. А. Шаблавиной (см. главу 7) целых прутиков было найдено всего 2, а еще один большой фрагмент обрублен с одного из концов (рис. 40: 59, 87; 64: 375). Прутики имели длину 10,5 см, толщина большинства их них (по целым экземплярам и обломкам) довольно сильно варьировала, но чаще всего составляла около 3–5 мм.

Кроме целых экземпляров, имеются крупные обломки этих изделий, причем концы их могли быть расплющены (рис. 42: 866; 60: 163; 63: 624, 650; 81: 477). Обнаружен также прутик, плоскость которого размечена на части при помощи какого-то ударного инструмента (рис. 31: 275) и обрезок прутика со следами ковки (рис. 63: 622). Найдено также множество мелких обрубков прутиков (90 экз., рис. 40: 20, 53, 60, 65, 66, 69, 85, 95, 143, 209; 41: 217, 361, 458, 512; 42: 582, 585, 608; 46: 99; 60: 81, 116, 134, 141, 146, 148, 169 — 2 экз., 174 ; 61: 74, 230, 282, 297, 298, 304, 314, 333, 367, 381, 392, 394, 397, 408, 441; 62: 677; 63: 617, 618, 625, 627, 639, 640, 650, 651, 664, 669, 683, 701, 705, 706, 712, 713–715, 719, 720, 721, 730, 743, 763, 764, 767, 774; 75: 171, 182, 184; 86: 328, 359, 460; 87: 406, 407, 417, 434; 97: 746).

Показательно, что в Стаево-4, т. е. на той части территории поселка раннего Средневековья, обитатели которой специализировались на черной металлургии, найден всего один обломок прутика из бронзы (рис. 21: 16).

В более ранний гуннский период слитки бронзы в виде палочек-прутиков в Верхнем Подонье не известны. На памятниках типа Чертовицкое — Замятино исследованы два места работы литейщиков бронзы — в Замятино-8 и Ксизово-19. На каждом из них обнаружены обломки тиглей, выплески бронзы, пластинки, но прутики отсутствовали (Острая Лука, 2004, с. 25, 26; 2015, с. 108, рис. 137–139, 140: 1).

В V–VII вв. слитки-прутики встречены в некоторых кладах «древностей антов» первой группы по О. А. Щегловой (Куриловка, Козиевка / Новая Одесса), на селищах финала киевской, а также пеньковской культуры (Хитцы, Сенча, Волошское, о-в Сурской и Сурская Забора). На некоторых поселениях пражской культуры найдены формочки, предположительно предназначенные для изготовления подобных слитков (Бернашевка, Городок, Рашков-1) (Володарець-Урбанович, 2018, с. 123, рис. 8: 10–12, 16, 17, 24–26, 28–32).

Тем не менее все эти вещи единичны. В таком количестве, как в Стаево-5, обломки слитков-прутиков не обнаружены нигде.

Подавляющее большинство изделий из бронзы, которые были найдены на памятнике, представлены обломками или обрубками, т. е. они явно предназначены для переплавки. При этом использовались не только вещи раннего Средневековья, но и более ранние (например, фибулы раннеримского времени), которые, видимо, были найдены на памятнике. Некоторые из вещей этого периода скручены для компактности, очевидно, для помещения в тигли (Обломский, 2020б, рис. 10: 131, 274, 324, 581).

Очень показательны обломки котлов, т. е. заведомо массивных вещей, которые были разломаны на части. Стенки котлов — достаточно толстые (0,5–0,8 см), имеют каверны, образовавшиеся при отливке. На некоторых стенках видны рельефные детали — валики и круглые выступы. Всего в 2016–2019 гг. в Стаево-5 найдено не менее 19 фрагментов, явно предназначенных для переплавки (рис. 27: 88; 43: 220, 245, 289, 471, 483, 522, 523, 558; 61: 358; 62: 679, 726, 734, 735; 64: 288, 300, 419; 86: 327; 107: 510). По определению С. В. Демиденко, они представляют собой части котлов гуннского типа, о чем свидетельствует их орнаментация (ср.: Masek, 2017, p. 75–135).

Тигли. Для плавки бронзы использовались тигли, изготовленные из глины. Они имели мешковидную форму, узкое устье. На противоположной от устья стороне находилась ступенька-хвостик для удержания предмета клещами в очаге во время плавки. Все тигли сильно ошлакованы, явно были рассчитаны только на одну плавку, их кусочки буквально рассыпаются в руках. На внутренней поверхности некоторых тиглей видны капли бронзы (рис. 97: 800, 801; 63: 702, 760). Найден также кусочек керамического шлака с включениями бронзы, видимо, от тигля или литейной формы (рис. 62: 692).

Обломки тиглей найдены как в объектах, так и в культурном слое. Их распределение на раскопах Стаево-5 показано в табл. 3. Всего на памятнике за время раскопок 2016–2019 гг. обнаружено не менее 645 фрагментов тиглей. Целых экземпляров тем не менее найдено всего 5 (рис. 88: 414а, 416; 89: 1; 97: 800; 121: 835). Фрагменты, форма которых определима, приводятся на рис. 50: 17, 18; 56: 272, 389; 74: 1, 2, 188; 76: 6; 80: 5; 86: 1–5; 88: 250, 414; 89: 2–10; 90; 97: 745, 799, 801; 110: 7; 121: 834. По целым экземплярам длина тиглей от устья до конца ступеньки составляет 7–8 см, высота (перпендикуляр от этой линии) — 4–4,5 см. Толщина стенок — в среднем 3–5 мм. Разумеется, эти данные условны, поскольку сами вещи ошлакованы и, соответственно, деформированы.

В отличие от тиглей конической формы, мешковидные изделия довольно редки. В Верхнем Подонье очень похожий тигель, но с двумя шишечками на дне (для устойчивости) обнаружен на поселении Замятино-8 гуннского времени, а в лесном Поднепровье аналогичный тигель найден на городище Демидовка колочинской культуры (Острая Лука, 2004, рис. 34: 2; Обломский, 2016в, рис. 25: 1).

В более позднее время очень похожие тигли обнаружены на городище роменской культуры Новотроицкое (Ляпушкин, 1958, табл. XC).

Из Стаево-5 происходят также одна целая льячка и обломок еще одной такой же вещи. Оба изделия изготовлены из глины, которая хорошо обожжена, но не ошлакована (рис. 46: 50; 69: 535). Целая вещь имеет форму ложки, овальная часть которой расположена перпендикулярно втулке; в ней, по всей видимости, крепилась деревянная ручка, а от второго предмета сохранилась только втулка. На целом изделии никаких следов бронзы не обнаружено. Предназначение его не совсем понятно, но для литья цветных металлов в Стаево-5 льячки явно не использовались.

Как было отмечено выше при описании объекта 34, из него происходит фрагмент обожженного глиняного блока, который мог представлять собой часть литейной формы (рис. 97: А).

Отходы. Разумеется, отходами литья были обрезки прутиков, а также мелкие обломки различных предметов, с трудом поддающихся идентификации (рис. 41: 221; 62: 671; 64: 281, 437; 118: 850), в том числе и серебряного с позолотой (рис. 118: 853), бракованная отливка пальчатой фибулы, которая уже упоминалась выше (рис. 64: 292). С поселения происходит 190 выплесков бронзы (рис. 40: 39, 52, 62, 63, 69, 94, 144, 198; 41: 222, 248, 472, 527, 528, 529, 548, 549; 42: 577, 584, 587, 682, 693, 695, 697, 698; 46: 32, 48, 107; 51: 102, 103, 104, 105, 114; 59: 72, 73, 77, 79, 80, 83, 96, 97, 101, 112, 117, 124, 126, 130, 136, 137, 139, 147, 151, 152, 161, 162, 165, 167, 179, 180; 61: 78, 224, 229, 232, 233, 235, 236, 237, 241, 244, 257, 265, 266, 283, 287, 290, 291, 293, 295, 308, 313, 317, 318, 319, 321, 322, 323, 325, 326, 327а, 331, 334, 335, 347, 357, 362, 364,

371, 377, 379, 382, 385, 391, 411, 426, 431, 448, 449, 450, 451, 463, 464, 465, 554, 555, 556; 62: 601, 643, 646, 672, 673, 676, 678, 680, 690, 708, 709, 710, 718, 722, 723, 727, 728, 729, 736, 739, 740, 752, 766, 778; 69: 420, 424, 436; 75: 185, 187, 190, 195, 196; 86: 332, 336, 338, 344, 350; 87: 351, 353, 401, 410, 412, 418, 423, 439; 97: 799; 100: 619; 116: 781, 797, 809; 118: 840, 852, 855, 861, 867, 875), маленькие слитки бронзы (рис. 59: 154, 158; 61: 354) и серебра (рис. 42: 815) и 235 обрезков пластин разной толщины, причем среди них попадаются обломки с отверстиями (видимо, каких-то накладок или подвесок), заклепками и даже с гравированным орнаментом (рис. 40: 21, 61, 69, 84, 86, 92, 93, 110, 119, 120, 121, 129, 166, 199; 41: 221а, 226, 227, 252, 270, 294, 432, 526, 547; 42: 580, 586, 588, 590, 607, 681, 694, 696, 699; 46: 38, 100; 51: 105, 106; 60: 71, 89, 122, 135, 164, 170, 172, 174, 211; 61: 111, 127, 214, 215, 216, 223, 230, 231, 237, 240, 242, 246, 251а, 255, 256, 262, 267, 268, 296, 301, 305, 307, 310, 312, 315а, 316, 322, 330, 339, 340, 341, 342, 345, 346, 348, 363, 366, 368, 369, 370, 372, 378, 384, 386, 393, 395, 413, 427, 489, 496, 499, 500, 521, 538, 539, 550, 553, 556; 62: 603, 604, 605, 610, 611, 613, 614, 615, 616, 620, 626, 631, 632, 634, 636, 637, 638, 642, 645, 647, 649, 652, 654, 658, 659, 663, 667, 670, 691, 700, 703, 706, 707, 716, 717, 724, 725, 731, 732, 733, 737, 741, 742, 748, 749, 751, 754, 759, 765, 768, 769, 770, 771; 64: 452; 69: 425, 430, 461; 75: 187, 191, 192, 207; 76: 208; 80: 443; 86: 329, 343, 352; 87: 401, 422; 100: 675; 107: 511; 116: 810; 118: 851, 856, 857, 858, 859, 860, 863, 868).

На поселении встречены также предметы из свинцово-оловянистых сплавов. О том, что по крайней мере некоторые из них изготавливались мастерами Стаево-5, свидетельствуют находки двух кусков свинцовой пластинки (рис. 27: 118).

Инструменты. В Стаево-5 обнаружена серия железных инструментов — 83 экз. Эта коллекция уникальна и на памятниках раннего Средневековья Восточной Европы не имеет себе равных. Как было отмечено выше, некоторые из них предназначались для работы по дереву и бытовых нужд («ложкорез», игла, стамески, прямой резец) (рис. 26: 9; 33: 455, 456, 490; 38: 596). Универсальным инструментом были клещи (рис. 29: 23). Они могли использоваться как кузнецами, так и бронзолитейщиками для удержания тиглей в очаге или печи, для чего на концах тиглей были сделаны специальные ступеньки.

Прочие инструменты с большой долей вероятности использовались ювелирами, о чем свидетельствуют сравнительно небольшие размеры большинства из них по сравнению с находками с поселения Стаево-4, где зафиксированы следы черной металлургии и кузнечного ремесла.

В 2018 г. в северо-западной части памятника (рис. 23) был найден аморфный предмет, покрытый рыхлой ржавчиной (находка 561). После реставрации выяснилось, что он представлял собой набор из 29 небольших инструментов, прикипевших друг к другу, вероятно, принадлежавших ювелиру (рис. 39). Кроме этого комплекса, инструменты были найдены в разных частях памятника (рис. 23, табл. 2). По форме они весьма разнообразны и представляют зубильца, какие-то острия, крючки и т. п. Интерес представляет проушной молоточек для оббивания шлаков с железной крицы и обломок конца такого же изделия (рис. 20: 761; 22: 560).

Инструменты были показаны практикующему ювелиру А. А. Белявскому, который сумел определить функции большинства предметов (рис. 39, 134, 135), за что мы приносим ему глубокую благодарность. Параметры инструментов приводятся в табл. 6. Более подробно о наборе инструментов из Стаево-5 см. в главе 8.

В Верхнем Подонье очень похожий набор инструментов найден на многослойном поселении Тюнино. Раскопки на памятнике не проводились, но его несколько раз осматривали археологи и была заложена серия шурфов. Ювелиры работали на поселении в позднеримское и гуннское время, о чем свидетельствует серия обломков и обрубков бронзовых предметов, явно предназначенных для переплавки (Акимов и др., 2017, рис. 8: 1–5; Обломский, Сапрыкина, 2020). По аналогии с материалами Стаево-5, изделия, изображенные на рис. 6: 4, 5, 7, 8 публикации Д. В. Акимова, И. Е. Бирюкова, Г. Л. Земцова и А. Г. Яблокова представляли собой пробойники двух типов, а на рис. 6: 6, 9 — были долотами. Часть инструментов из обследования 2020 не опубликована[5]. По данным отчета в Тюнино был найден такой же проушной молоточек, как и в Стаево-5, и три небольших пробойника (Бирюков, 2020, рис 247: 1,7–9).

Серия инструментов происходит с раннесредневекового поселения верхневоронежской

[5] Сердечно благодарим И. Е. Бирюкова за возможность ознакомиться с материалами из Тюнино.

группы Кривец-4. О занятиях обитателей этого поселения бронзолитейным ремеслом свидетельствуют находки глиняных льячек (Обломский, 2012б, рис. 19: 7,8) и обломков бронзовых вещей, в том числе деформированных (Обломский, 2012б, рис. 8: 5; 22: 1, 3, 5). К числу ювелирных инструментов могут быть отнесены 3 пробойника небольших размеров (Обломский, 2012б, рис. 16: 3, 4, 11).

Оружие

Предметы вооружения представлены *втулкой железного копья* (рис. 30: 113), *кольчужным кольцом с заклепкой* (рис. 75: 204), *обломком однолезвийного меча или кинжала* (рис. 35: 258), а также пятью наконечниками *стрел*. Последние относятся к следующим типам.

Черешковый трехлопастной с ромбической в плане головкой и уступом около черешка (рис. 30: 29). Верхняя часть боевой головки длиннее нижней, линии края лопастей ниже ее наибольшего расширения — вогнутые.

Относится к группе так называемых гуннских стрел. По классификации И.П. Засецкой соответствует варианту «в» типа 3. Такие наконечники появляются в гуннское время, но на юге Восточной Европы продолжают использоваться и позже, в VI–VII вв. (Засецкая, 1994, с. 37–39). В лесной зоне Восточной Европы они распространены широко вплоть до VII в. (обзор литературы см. в: Казанский, 1999, с. 414; Седин, 2011, с. 71; Воронцов, 2016, с. 230). У наконечника из Стаево имеется особенность — утяжеленное боевое перо. Такие стрелы известны в Абхазии, где они датируются от конца IV до VI в. (Воронов, Шенкао, 1982, с. 122, рис. 1: 12).

Трехлопастной черешковый наконечник с утяжеленным трехгранным концом. На лопастях от середины и ниже имеются ложбины (рис. 35: 543). Ближайшая аналогия этому экземпляру происходит с поселения Замятино-7 гуннского времени. Подобные наконечники, вероятно, были византийскими по происхождению и спорадически встречаются на разных территориях Европы от гуннского времени до VIII–IX вв. (Острая Лука, 2004, с. 146, рис. 82: 13).

Плоские черешковые ромбические наконечники стрел разных размеров (рис. 35: 542; 69: 481, 534). Один из них имеет характерный уступ ниже пера. Появляются в римское время. В раннем Средневековье на территории Восточной Европы известны на памятниках пеньковской, колочинской и пражской культур, в древностях типа Банцеровщины, в том числе и с аналогичными уступами (Казанский, 2015, с. 59, 60; Обломский, 2016в, с. 42, 43), в юго-восточной Прибалтике (черешковые типов а и б по Казакявичюсу) (Казакявичюс, 1988, с. 65, 66), в Волго-Окском регионе (Краснов, 1980, рис. 48: 5; 50: 4–6; Петербургский, 2011, рис. 3: 7–9; 61: 17–20; 83: 5; 116: 6,7; 174: 10; 182: 11 и др.).

Конское снаряжение представлено двумя полными комплектами удил (рис. 34: 396; 37: 569) и двумя звеньями грызел, в одно из которых вставлено кольцо (рис. 26: 8; 37: 565). Удила с кольцами, которые соединены с петлями грызел, распространены широко. Грызла других удил имеют ромбические окончания. Раннесредневековые аналогии происходят из Коминтерновского и Безводнинского могильников (Среднее Поволжье) (Казаков, 1998, рис. 33: 7; Краснов, 1980, рис. 53: 4).

Одно из грызел имеет на окончании два кольца — большое и малое (рис. 37: 565). Удила с подобными концами грызел в раннем Средневековье встречаются довольно часто. Они известны у кочевников восточноевропейской степи (Комар, 2006а, рис. 42; Ахмедов, 2010, рис. 13: 28), в лесостепной зоне, в том числе в Гапоновском кладе (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 32: 1), в могильнике Дюрсо в Северо-Восточном Причерноморье (Крым, 2003, табл. 85: 24–26). В Верхнем Подонье обломок таких удил найден на поселении Тюнино, где имеются отложения гуннского времени (Акимов и др., 2017, рис. 7: 8).

Предметы, связанные с торговлей

Предметами торговли явно были прутики бронзы, иначе не было бы смысла придавать им стандартизированную форму, а также, вероятно, бронзовый лом. Хотелось бы также обратить внимание на небольшую группу находок из Стаево-4 и 5.

Все эти вещи изготовлены из железа. Две из них, найденные в юго-западной части поселения (№ 503 и 505 по описи индивидуальных находок из Стаево-5), представляют собой узкие стержни с одним заостренным концом с подпрямоугольным (рис. 35: 505) и подквадратным (рис. 35: 503) сечением. На противоположном конце обеих вещей помещается незамкнутая петля. Одно из изделий (№ 505) явно деформировано. Общая длина этих изделий, соответственно, 21,3 см и 16,2 см

Третий предмет найден на участке Стаево-5А (рис. 25: 7). Он также железный, состоит

из круглой в сечении планки, на одном из концов которой имеется подпрямоугольное отверстие, а на противоположном — шарнир, соединяющий его с плоской сегментовидной дужкой с круглым отверстием на конце. Общая длина изделия — 10 см, длина планки — 6,6 см, длина дужки без учета кривизны — 5 см, высота прямоугольного отверстия — 1 см.

Не исключено, что эти вещи являются *деталями неравноплечих весов* или так называемых рычажных безменов, разумеется, не одного и того же приспособления, поскольку их три и они найдены на разных участках памятника.

Такие устройства состоят из стержня, часто металлического, на одном конце которого помещается приспособление для взвешивания (в виде чашки весов на цепочках, одного или нескольких крючков). На стержне имеется петля или еще один крючок — точка опоры рычага (стержня). На противоположном его конце либо крепится фиксированный груз, либо на длинном плече размещается передвижная гирька. Равновесие достигается изменением длины рычага. При этом либо по плечу передвигается гирька (так называемые римские весы или statera), либо перемещается точка опоры рычага ближе или дальше к чашечке для взвешивания, а вес гири на противоположном конце остается неизменным (рис. 136).

Считается, что первое научное описание таких весов принадлежит Архимеду (287–212 гг. до н.э.), но есть сведения, что в Средиземноморье они были известны и до него по изображениям на монетах — с IV–III вв. до н.э. Использовались они также в Индии (горельеф Гандарского периода I–II вв.) и в Китае (Пипуныров, 1955, с. 23–25, фиг. 22). В древнем Риме и Византии подобные весы (так называемые неравноплечие) были широко распространены, причем весы с передвижной точкой опоры, помещенной на специальной верхней планке, относятся уже к III в. до н.э. (находка из окрестностей Вероны, экземпляр из Берлинского музея) (Пипуныров, 1955, с. 53, 54, фиг. 41, 42). В Европе и России разные варианты неравноплечих весов использовались вплоть до недавнего времени (Безмен, 1891, с. 298—299).

Судя по острым концам стержней из Стаево-5, на них мог крепиться только фиксированный по расположению груз. Не исключено, что таковыми могли быть изделия из свинца — биконическое с продольным отверстием из Стаево-4 (находка №39, рис. 137: 4) или шайбовидные с отверстиями из Стаево-5 (№609, 43; рис. 137: 5, 6). Крючок с шарниром из Стаево-5А мог представлять собой передвижную точку опоры рычага. В этом случае в прямоугольное отверстие на его корпусе вставлялся стержень весов. Детали весов, найденные в Стаево, на устройствах могли быть расположены, как показано на рис. 137.

Разумеется, мы отдаем себе отчет об условности интерпретации перечисленных предметов из Стаево, тем не менее она весьма вероятна, учитывая южное влияние, которое отчетливо ощущается в материальной культуре памятника.

Явно с торговлей связана находка бронзовой *гирьки-экзагия* (рис. 31: 388), которая стала темой специальной публикации (Обломский, Швырёв, 2018, с. 307–326). Гирька происходит из подъемного материала зоны 2/I в Стаево-5. Она предназначена для взвешивания византийской золотой монеты-солида и относится к хорошо известному в византийских древностях типу. Вес гирьки составляет 3,76 г, что приблизительно соответствует 1 солиду, начеканенному из фунта весом 305–306 г. Такой фунт начинает использоваться в Византии не ранее VII в. Поскольку позднее VII в. в Стаево находок нет, то экзагий, видимо, относится именно к этому времени (Обломский, Швырев, 2018, с. 319). Находка уникальна, подобные вещи на территории Восточной Европы до сих пор известны не были.

Украшения

Фибулы

Двупластинчатая фибула из Стаево-5 (рис. 27: 28) имеет три выступа на подтреугольной головке, листовидную ножку с максимальным расширением чуть выше ее середины. В верхней части ножки помещен орнамент из четырех зигзагообразных рельефных валиков. Экземпляр из Стаево-5 относится к группе трехпалых двупластинчатых фибул Северного Кавказа, выделенных в статье И.О. Гавритухина и М.М. Казанского. Он наиболее близок (до деталей) к застежке из погр. 15/1948 Пашковского могильника. И.О. Гавритухин отнес последнюю к варианту 6 северокавказской серии двупластинчатых трехпалых фибул (гибридных с пальчатыми, ср. с описанной выше находкой из Стаево-4) и датировал в рамках второй половины V — начала VI в. (Гавритухин, Казанский, 2006. С. 323, рис. 22: 18).

Пальчатые фибулы происходят из археологического комплекса у с. Стаево (Стаево-4 — одна

фибула — см. главу 1, Стаево-5 — четыре фибулы и одна матрица). Они относятся к типу Гурзуф, широко распространенному на юге Восточной Европы, в Центральной Европе и Подунавье, но снабжены орнаментом в виде расходящихся лучей на головном щитке (рис. 21: 1; 27: 27; 31: 260, 475; 36: 563; 51: 133). Фибулы этого типа изготавливали на поселении Стаево-5, о чем свидетельствуют находки матрицы и бракованного экземпляра с каверной на верхнем щитке (рис. 31: 260, 475).

По наблюдениям И. О. Гавритухина, прототипы фибул типа Гурзуф с лучами на головке имеют дунайское происхождение. Формы из Стаево своеобразны и появились в результате влияния причерноморской стилистики. Фибулы из Стаево-5 им суммарно датируются концом V — серединой VII в., правда, столь поздняя верхняя дата определена по косвенным данным (Гавритухин, Обломский, 2018, с. 159).

В 2016 г. на поселении Стаево-5 обнаружены бракованная отливка головки фибулы (рис. 64: 292) и обломок верхней части еще одной, которые по орнаментации отличались от застежки типа Гурзуф (рис. 64: 264), а в 2018 г. — фрагмент рифленой дужки (рис. 66: 623). Типы этих трех фибул установить довольно трудно, однако ясно, что щитки у первых двух были снабжены пятью пальцами. Судя по фрагментам, все три изделия имели небольшие размеры — как у типа Гурзуф.

Фибула византийского круга.

Железная фибула с треугольным сечением широкой спинки и широким кольцом для крепления пружины (рис. 46: 98) датируется временем от около конца (не ранее второй половины) V в. до третьей четверти VII в. (Гавритухин, 2010, с. 58).

Серьги

Серьги с полиэдрическими окончаниями относятся к двум типам. У двух из них конец-полиэдр имеет мягкие грани с округлыми выступами (Стаево-5 — 2 экз.) (рис. 75: 194; 107: 516). В Верхнем Подонье такая же серьга найдена на поселении Ярок-9 (рис. 6: 1). У четвертой серьги из Стаево-5 — массивная полиэдрическая бусина на конце (рис. 31: 518). Все серьги представляют собой простые литые имитации составных украшений этого круга со вставками. Прототипы сережек 1-го типа датируются по материалам Крыма второй половиной V в., аналоги серьгам 2-го типа — второй половиной V — первой половиной VII в. (Хайрединова, 2015, с. 100—103).

Браслет, серьги или височные кольца с одним расплющенным окончанием, снабженным выпуклым изображением (Стаево-5 — 4 экз.) (рис. 27: 115; 31: 484; 81: 469; 107: 513). Браслеты с подобными концами известны в Крыму (Айбабин, Хайрединова, 2017, рис. 176: 4, 5; 190: 7) и в Поднепровье в материалах кладов «древностей антов» обеих групп по О. А. Щегловой (см., например, Пастырское, клад 1892 г., Козиевка, Колосково) (Корзухина, 1996, табл. 24: 3; 51: 3, 6–9, 11, 12; 104: 1–5), а также в некоторых погребениях кочевников, например, в Рябовке-3 (Обломский, Терпиловский, 2001, рис. 9: 11, 15, 16). Орнамент при этом весьма разнообразен. Серьги или височные кольца с подобным одним окончанием редки, но все же встречаются в том же круге днепровских древностей (Козиевка, Колосково) (Корзухина, 1996, табл. 51: 2; 104: 6). В верховьях р. Воронеж серьга такого типа найдена на поселении Кривец-4 (рис. 10: 7). Комплексы на территории Крыма, из которых происходят браслеты с подобной орнаментацией, А. И. Айбабин и Э. А. Хайрединова датируют от второй половины VI до третьей четверти VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 278, 292). Днепровские клады фиксируют существование подобных украшений в последней трети VII в. и позднее (Гавритухин, Обломский, 2009, с. 318—319).

Браслеты

Разогнутый браслет из круглого в сечении дрота *с грубым изображением морды животного или мужского лица на концах* (рис. 64: 247) и фрагмент такого же изделия (рис. 31: 404) найдены в Стаево-5. Е. А. Шаблавина считает, что они могли быть изготовлены местными ювелирами (см. главу 7). На Острой Луке Дона аналогичные браслеты происходят с поселений Ксизово-19А и Мухино-2, из могильника Ксизово-19 (Острая Лука, 2015, рис. 9: 11; 234: 9—14; Земцов, 2012, с. 175). Подобные браслеты достаточно часто встречаются в Крыму, на Северном Кавказе, в Абхазии, похожие известны в Западной Европе и в Поочье. Общая дата украшений этой группы — V (возможно, без первых десятилетий) — первая половина VII в. (Острая Лука, 2015, с. 155).

Оба браслета из Стаево относятся к типу 1, варианту вг по классификации И. Р. Ахмедова, но они имеют более схематичный, чем

у большинства образцов этого типа, орнамент на концах. Подобные изделия, по его наблюдениям, появились на финале гуннского времени и использовались до конца V в. (Ахмедов, 2016а, с. 218).

Обломок округлого в сечении браслета с расширенным концом без орнамента из Стаево-5 (рис. 27: 58). Браслеты такой формы весьма широко распространены в различных раннесредневековых культурах лесной и лесостепной зоны Восточной Европы в гуннское время и раннем Средневековье (Родинкова, Седин, 2004, с. 242).

Браслеты из дрота с гладкими расплющенными концами, имеющими, как правило, округлый край (Стаево-5 — 4 экз.) (рис. 27: 128; 66: 648, 656; 69: 479). Территориально ближайшие к Верхнему Подонью аналогии известны в ареале рязано-окской культуры. Входят в состав женского костюма V–VII вв. (Белоцерковская, 2014, рис. 4: 32, 34; 5: 53, 54; 6: 9, 11, 26). Встречены подобные браслеты и на памятниках раннего Средневековья Северного Кавказа, преимущественно, шиповского горизонта (430/470 — 530/570 гг. по А.В. Мастыковой (Мастыкова, 2009, с. 19, 69, рис. 64).

Еще два обломка браслетов слишком малы для того, чтобы можно было дать их типологическое определение (рис. 64: 286, 470).

Детали комбинированных украшений

В Стаево-5 к ним относятся специфические подвески с отверстием в центре, изготовленные из пластин, сжатых с боков (крупная — 1 экз., малые — 2 экз.) (рис. 36: 589, 819; 69: 478). Еще одна такая же подвеска (крупная) найдена в Стаево-4 (рис. 21: 14).

Аналогии коробчатым (или звездчатым) подвескам подобрала И.В. Белоцерковская, за что я приношу ей глубокую благодарность.

Такие украшения в рязано-окской культуре появляются в период 2б, т. е. в конце III — первой трети (половине) IV в. (Белоцерковская, 2007, с. 194). Самые поздние из них в этой культуре относятся ко второй половине V — началу VI в. (Заречье, погр. 46, с пластинчатыми сюльгамами серии Б3Б) (Белоцерковская, 2015, с. 110, 115, табл. 1, рис. 2: 22). В могильниках мордвы такие подвески называются «звездчатыми», использовались как концевые привески к украшениям головных уборов (Полесских, 1962, с. 179–188, рис. 2: 1). Характерны для IV–V вв. (группа 3 древностей). Примерами могут служить вещи из погр. 51 Селикса-Трофимовского могильника; погр. 10 Ражкинского могильника. Дата — первая половина IV в. (Гришаков, 2008, с. 97–105, рис. 15: 3,5). Погр. 70 Первого Армиевского могильника, судя по гривне с коробкой диаметром около 5 см, относится к V в. (Рыков, 1930, рис. 15).

Коробчатые привески известны и в Чувашии: на городище Ножа-Вар, в погр. 55 Иваньковского могильника (Мясников, 2013, рис. 11:32; 14:10).

Таким образом, коробчатые подвески являются характерными деталями украшений волго-окского финского круга.

Зеркала

Относятся к типу X по А.М. Хазанову (с петлей на обороте). Всего в Стаево-5 их известно 18 экз. Все они изготовлены из бело-серого сплава. Обломки зеркал найдены также в Стаево-4 (см. главу 1) и Ярке-5 (рис. 150: 14). Ниже приводятся сведения о фрагментах из Стаево-5.

1. С лучеобразными валиками, расходящимися от центра, с «хвостиками» на концах некоторых лучей (рис. 26: 3).

2. С орнаментом в виде ячеек сот (рис. 36: 882).

3. С орнаментом в виде полудуг (насколько можно судить по фрагменту) (рис. 31: 315).

4. С орнаментом в виде концентрических окружностей (рис. 26: 6; 27: 49; 31: 355, 546; 36: 864; 88: 398; 117: 784; 118: 846).

5. С концентрическими окружностями на обороте и соединяющими их поперечными валиками (рис. 31: 524; 36: 865; 66: 628; 69: 480).

6. Неопределимые (рис. 36: 572; 66: 641, 750).

Зеркала с петлей на обороте в римское время распространены чрезвычайно широко, но на территории Верхнего Подонья они достаточно часты на памятниках типа Чертовицкое — Замятино (Острая Лука, 2015, с. 161–162). В раннем Средневековье в лесостепи и лесной зоне Восточной Европы на памятниках пеньковской культуры, элементы которой тоже известны в Верхнем Подонье, зеркала встречаются лишь в виде исключения (Приходнюк, 1998, с. 39, рис. 76: 7), а на колочинских не известны вовсе. Не характерны они и для финских древностей окско-волжского круга. Основной ареал зеркал типов 4 и 5 (Карповка — Анке-4 и Чми — Бригецио — Анке-1 по А.В. Мастыковой) в раннем Средневековье, судя по списку памятников, который А.В. Мастыкова приводит в одной из своих публикаций — Северный Кавказ и Крым (Мастыкова, 2020, с. 73–90, 79–80).

Позже зеркала с петлей на обороте получили распространение на памятниках салтово-маяцкой культуры, что достаточно наглядно продемонстрировала А.В. Мастыкова на примере изделий с орнаментом в виде концентрических кругов на обороте (Мастыкова, 2016, с. 241–254).

Амулеты

Амулеты, которые происходят из археологического комплекса у с. Стаево, относятся к двум типам. Основу амулета, найденного в 2015 г. при исследовании Стаево-4 (рис. 21: 13), составляет кольцо с шишечками, в верхней части которого помещен выступающий вверх отросток. По структуре этот амулет близок к изделиям с поселений Рябовка-3 на р. Ворсклице (восток Днепровского Левобережья), где исследованы объекты пеньковской культуры и сахновско-волынцевского горизонта (Обломский, Терпиловский, 2001, рис. 8: 5), и Ярок-9 верхневоронежской группы. На амулетах из Рябовки и Ярка на выступающем выше кольца отростке помещено изображение человеческого лица (Обломский, 2016а, рис. 13: 4,5). На вещи из Стаево-4 отросток схематичен. Лица на нем нет, подчеркнута лишь шапка волос.

На рис. 138 помещена карта распространения подобных амулетов с учетом грабительских находок. Три из пяти подобных изделий, таким образом, обнаружены в Верхнем Подонье и на соседней с ним части Поочья, что явно не случайно. Не исключено, что амулеты с кольцом, вероятно, символизирующим солнце, и лицом какого-то божества были этнографической особенностью раннесредневекового населения Верхнего Подонья. Находки подобных изделий на востоке Днепровского Левобережья и в южной части Поочья показывают промежуточное положение верхневоронежской культурной группы между разными в этнокультурном отношении общностями и связи ее населения.

Амулеты 2-го типа представляют собой бронзовые фигурки мужчин с гипертрофированными фаллосами (3 целых экз. и один фрагментированный) (рис. 26: 1; 27: 210; 31: 476, 540). Все они обнаружены на поселении Стаево-5, откуда происходят еще и три подобные грабительские находки (хранятся в частной коллекции в г. Липецке). Амулеты подобного типа широко распространены на юге Восточной Европы (Крым, Северный Кавказ), в причерноморских степях, известны в лесостепи. Основная концентрация подобных находок отмечена на Боспоре (Европейском и Азиатском). Бытовали такие амулеты в конце IV — VII в. (подробнее см. в Приложении 1). По мнению А.М. Обломского, они принадлежали купцам, основные торговые базы которых находились на Боспоре, и членам их семей (Обломский, 2019а; см. главу 6)[6]. Показательно, что по наблюдениям Е.А. Шаблавиной (см. главу 7) фрагментированный амулет (рис. 31: 476) был бракованным. При его отливке металл не до конца заполнил форму. По всей вероятности, амулеты (по крайней мере, некоторые из них) изготавливались в Стаево.

Бытовые предметы из бронзы

К их числу относятся не менее 19 фрагментов бронзовых котлов. Эти обломки были явно предназначены для переплавки (см. выше).

Стенки — достаточно толстые (0,5–0,8 см), имеют каверны, образовавшиеся при отливке. На некоторых стенках видны рельефные детали — валики и круглые выступы.

Подобные котлы на территории Восточной Европы характерны для периода господства гуннов, т.е. для V в. (Засецкая, 1994, с. 104–107). Примером бытования их в последней трети этого столетия является комплекс из Магаса в Ингушетии (Мамаев, 2014, с. 64, рис. 4: 1–6). Верхняя хронологическая граница так называемых гуннских котлов неопределенна. По наблюдениям А.М. Новичихина они продолжали использоваться и в VI в. В качестве примера он приводит котел из ритуального комплекса, сопровождавшего погребение постгуннского периода у хут. Малаи (Новичихин, 2014, с. 169)[7].

Из бронзы изготовлены также разнообразные заклепки (рис. 31: 228; 36: 814; 40: 129; 59: 150; 62: 635, 687; 64: 387, 537; 86: 349),

[6] Недавно А.В. Мастыкова выступила против этой идеи. Она считает, что население Боспора (в основном, христианское и иудейское) не могло «распространять подобные богомерзкие изделия среди своих клиентов» (Мастыкова, 2020, с. 84). Суждение это, как сейчас принято говорить, «чисто оценочное». Наибольшее количество подобных богомерзких амулетов на юге Восточной Европы происходит именно с территории Боспора, причем некоторые — из Боспорского некрополя (места захоронения представителей знати) (см. каталог в главе 6). Видимо, на Боспоре в раннем Средневековье проживали не только христиане и иудеи.

[7] А.М. Новичихин относит комплекс у хут. Малаи, как это принято в публикации памятника, к середине — второй половине VI в. (Лимберис, Марченко, 2011, с. 439). А.В. Комар датирует его с некоторым смещением вверх — концом VI — началом VII в. (Комар, 2013, с. 682).

гвоздик (рис. 59: 140), колечки (рис. 31: 544; 64: 299), иглы с плоской верхней частью (рис. 64: 302, 533), проколка, заостренная с двух концов (рис. 64: 440), пронизка (рис. 66: 674).

Нашивки из свинцово-оловянистого сплава

Из Стаево-5 происходят *три круглые бляшки с бордюром из рельефных валиков по краю*, с желобком на оборотной стороне и тремя ушками для пришивания (рис. 66: 776; 117: 796, 807). Нашивные украшения из свинцово-оловянистого сплава весьма разнообразны по формам и широко распространены в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы. Неоднократно были найдены и формочки для их отливки (Щеглова, 2009; Михайлова, 2017). Тем не менее бляшки из Стаево-5 для этого круга украшений не характерны. Прямые аналогии им известны на поздних городищах мощинской культуры Велегож и Акиньшино. А.М. Воронцов датирует их V — началом VI в. (Воронцов, 2016, с. 226–227, рис. 21: 1, 5–7). В Верхнем Подонье аналогичная бляшка найдена в культурном слое поселения/могильника Ксизово-19 (Острая Лука, 2015, рис. 245: 5).

Ременная гарнитура

Вертикально-овальные пряжки, некоторые с выраженным прогибом рамы с внешней стороны: Стаево-5 — 8 экз. (рис. 30: 24; 34: 263, 530, 531; 37: 567, 812; 64: 311; 69: 482). Язычки могут выступать за край рамы, полностью огибать ее, но известны и более короткие. На некоторых язычках имеется площадка с внутренней стороны. Сечение рамы, как правило, круглое, в одном случае — плоское (рис. 30: 36). Большинство изделий железные, одна пряжка — бронзовая (рис. 64: 311). В Стаево-5 найдены также и язычки пряжек, как небольшие хоботовидные, так и с высоким выступом на тыльной стороне (рис. 25: 11; 27: 51; 31: 403).

В Верхнем Подонье близкие пряжки разных размеров и с разными язычками появились на «классических» памятниках типа Чертовицкое — Замятино не ранее гуннского периода (Острая Лука, 2015, рис. 311: 11; 315: 11). Далее продолжали существовать очень долго — в течение всего раннего Средневековья. Наиболее поздний экземпляр найден на поселении Кривец-4 (рис. 10: 17). Ареал таких пряжек чрезвычайно широк. На территории соседнего с Подоньем с запада Поднепровья железные пряжки с вертикально овальными, в том числе и с В-образными рамами, хорошо известны на памятниках колочинской культуры. Плоскую в сечении рамку имеет экземпляр из Демидовки (Обломский, 2016в, с. 44–45, рис. 36: 6). В рязано-окской культуре наиболее ранние подобные пряжки с тонкими рамами появились около середины — второй половины IV в., железные экземпляры получили распространение в период 3С, т. е. около середины — третьей четверти V в., и затем известны вплоть до горизонта геральдических поясных гарнитур (Ахмедов, 2014а, с. 151–153).

Рама *горизонтальной прямоугольной пряжки* из железа с вогнутыми краями (Стаево-5, 1 экз.) (рис. 51: 175). На территории юга Восточной Европы наиболее ранние находки относятся к гуннскому периоду, например, погребение в склепе 1 Беляуса (Дашевская, 2014, табл. 160: 22). Использовались очень долго, вплоть до древнерусского времени. В верхнем течении р. Воронеж три подобные пряжки найдены на поселении Кривец-4 с материалами второй — третьей четверти VII в. (рис. 10: 14) (Обломский, 2012б, с. 190, рис. 18: 3–5)

На поселении Стаево-5 найдены также железная *круглая пряжка* с хоботовидным язычком (рис. 30: 5), железная *прямоугольная пряжка* с язычком, охватывающим полностью рамку (рис. 30: 40), смятая *рама прямоугольной пряжки* с выступами по краям из бронзы (рис. 27: 64).

Круглые с сегментовидными выемками накладки из серебра и белого сплава с концами, на которых заметны глубокие насечки (рис. 64: 306; 66: 606). В Верхнем Подонье такая гвоздевидная накладка происходит из могильника Ксизово-19 (Острая Лука, 2015, рис. 240: 14). Подобные изделия распространены от Подунавья до Северного Кавказа. Единичные находки известны и в лесной зоне Восточной Европы. Большинство подобных вещей датируется от начала V до середины VI в. (Обломский, 2016в, с. 46). Наиболее поздняя из известных мне аналогичных бляшек происходит из кургана 5 Виноградного. А.В. Комар относит этот комплекс к горизонту Сивашовки перещепинской культуры и датирует в рамках 643–669 гг. (Комар, 2006, с. 114–124, рис. 49: 43).

Круглая бляшка из серебра без штифта с глубокими нарезками по краям (рис. 64: 253). Очень похожая бляшка найдена в погр. 11 кургана 1 Черноморского вместе геральдическим поясным набором. А.В. Комар считает, что наиболее вероятные рамки формирования комплекса из Черноморского — 654–681 гг. (Комар, Орлов, 2006, с. 397, рис. 3: 15).

Детали ременной гарнитуры так называемого геральдического стиля

Ремни разного назначения (пояса, узда, детали обуви) с пряжками, бляшками, наконечниками, псевдопряжками с орнаментом в виде средневекового геральдического щита или его мотивами чрезвычайно широко распространены на территории Евразии. Общая сводная работа о вещах этого стиля отсутствует, но имеется множество публикаций по отдельным территориям. Суммарная дата изделий этого круга — вторая половина VI — VII в., для некоторых регионов допускается «выход» в VIII в. Хронология геральдических гарнитур во многих из них — предмет научной дискуссии. В данной монографии детальная характеристика элементов геральдических ремней из Стаево приводится в главе 6. Ниже дано лишь краткое их описание.

Для изготовления наконечников ремней и накладок использовались *матрицы* (см. выше) (рис. 27: 22; 31: 249, 337, 502; 64: 376). Прочие вещи представлены следующими находками: *миниатюрными пряжками с трапециевидными рамами и «геральдическими» щитками, отлитыми вместе с рамами* (2 экз.) (рис. 27: 91; 31: 501); *обоймой пряжки* из железа с двумя отходящими в противоположные стороны сегментовидными отростками (рис. 76: 206); *наконечником ремня с боковыми вырезами и выступами (*рис. 27: 57*)*; *наконечниками ремней с одним боковым выступом*, треугольным, сегментовидным и круглыми вырезами (2 экз.) (рис. 31: 474; 117: 798); *коробчатым наконечником ремня с зигзагообразным вырезом в верхней части* (рис. 66: 621); частично обломанная *Т-образная бляшка*, геральдический щиток с одной повторяющей его форму прорезью смят (рис. 66: 612); *маленький зажим со щитком геральдической формы* (рис. 31: 213); *накладка с геральдическим щитком и мотивом лунницы* (рис. 66: 756), обломком *накладки с двумя отверстиями* (рис. 26: 4).

Аналогии деталям геральдической ременной гарнитуре из Стаево встречаются на весьма широкой территории юга Восточной Европы (включая Крым, Северный Кавказ, степную зону, Надпорожье), в Поочье, Урало-Поволжском регионе. Тем не менее показательно, что, несмотря на отдельные находки в днепровской лесостепи, в состав днепровских кладов 1-й группы по О. А. Щегловой (типа Мартыновского, Гапоновского и др.) такие вещи не входят.

На памятнике найдена также серия накладок и обойм ремней без орнамента, которые в равной степени могут быть связаны как с позднескифским (II в. до н.э. — II в.н.э.), так и раннесредневековым горизонтами Стаево-5. К ним относятся свинцовая *накладка с двумя отверстиями* (рис. 31: 517), *подтреугольная бляшка* с отверстием в верхней части и горизонтальным выступом посередине (рис. 31: 545), *прямоугольная и круглая накладки* (рис. 66: 653, 779), фрагмент *прямоугольной бронзовой обоймы* пряжки со слоем белого металла с внутренней стороны (рис. 64: 285), целая *круглая обойма* (рис. 31: 485).

Стеклянные бусы и бисер

В Стаево-5 довольно редки. Они представлены непрозрачной серо-фиолетовой (рис. 27: 45), прозрачной фиолетовой (рис. 69: 438), красной непрозрачной (рис. 121: 871) бусинами, а также черными или темно-синими непрозрачными (рис. 80: 442, 444, 446) и с неопределимым цветом (рис. 46: 56) бисеринами.

Хронология памятника по большинству датирующих вещей определяется в широких пределах конца V — VII в., вероятно, без последних десятилетий этого столетия. Нижним хронологическим пределом является время исчезновения классических древностей типа Чертовицкое — Замятино. Памятники линии Ярок, включая Стаево-4 и 5, существовали вплоть до периода использования геральдических ременных гарнитур включительно. Украшения и детали декорирования ремней типа входящих в состав «антских» кладов 1-й и 2-й групп по О. А. Щегловой на поселениях линии Ярок пока не встречены.

Для селища Стаево-5 получены две радиоуглеродные даты (по углю). Оба образца проанализированы в лаборатории радиоуглеродного датирования Геологического института РАН (заведующая М. М. Певзнер). Первый (GIN-16004) взят из верхнего горизонта объекта 34 (хозяйственной ямы), откуда происходят, кроме керамики, отходы бронзолитейного ремесла. С 81,7% вероятности дата образца — 8–266 гг.

Второй образец (GIN-16005) взят из заполнения южной площадки литейщиков бронзы (объект 21) и представлял собой сгоревшую деревянную плашку, найденную в 1 м к западу от объекта 24 на уровне скопления 9 (остатки печи). С вероятностью 95,4% его дата — 428–601 гг. (рис. 139). Дата первого образца соответствует позднескифскому горизонту памятника (II в. до н.э. — II в.н.э.) (Обломский, 2020б). Очевидно, уголь попал в яму из культурного слоя вместе

с ранней для поселения керамикой (см. выше). Зато дата второго образца очень близко соответствует хронологическим рамкам поселения по вещам.

Планиграфия памятника

На основании распространения подъемного материала раннего Средневековья (рис. 23) и по данным раскопанных площадей можно сделать некоторые выводы.

1. Литьем бронзы занимались по всей территории поселения: везде (во всех сгустках находок) есть его остатки (обрезки прутиков, пластинок, куски котлов, выплески), но в относительно небольшом количестве. Специализированный участок находился на западном мысу поселения. Здесь в зоне 1 на участке I литейный брак составляет 84,5% от общего количества изделий из цветных металлов на поверхности площади (71 из 85 экз.), а на более южном участке II — 63% (12 из 19 экз.), т. е. остатков литья тоже довольно много. На раскопе 6 исследованы 3 рабочие зоны литейщиков, реконструированы 2 рабочие площадки.

Не исключено, что еще одна подобная площадка находилась в восточной части памятника близ раскопа 5. Здесь обнаружена яма, заполненная глиной (объект 17), типа тех, которые входили в состав ремесленных комплексов на раскопе 6. Отмечена повышенная концентрация отходов литья бронзы в слое раскопа. К сожалению, территория этого участка занята лесом и частично разрушена оврагом. Вскрыть удалось лишь небольшую площадь.

2. Изготовление украшений (по находкам матриц: №22; 249, 337, 376, 475, 502) зафиксировано на площадях 1/I, 1/II, 2/I, 3, т. е. во всех зонах концентрации материала на поверхности, кроме двух южных. На очень небольшом по площади участке 1/III отмечена повышенная концентрация находок небольших по размерам железных инструментов (№573–575, 578). Здесь же найдены клещи (№23). Не исключено, что именно здесь находилась какая-то мастерская.

3. Сооружения жилых усадеб зафиксированы в западной (на раскопах 6 и 7) и в центральной (на раскопе 9) частях памятника. Объекты находятся довольно далеко друг от друга, не расположены скученно, как это часто бывает на памятниках раннесредневековых колочинской и пеньковской культур. Сами усадьбы окружены довольно большими пустыми пространствами. На раскопе 6 установлено, что жилая усадьба и площадки литейщиков бронзы находятся в достаточно сложном стратиграфическом соотношении. Тем не менее жизнь на усадьбах шла параллельно работе мастерских литейщиков, поскольку как на территории, так и в объектах обоих дворохозяйств обнаружены отходы ювелирного ремесла.

Из зон 2 и 3 происходят многочисленные бытовые предметы. Очевидно, здесь тоже были расположены жилые усадьбы. В зоне 2 такая усадьба исследована на раскопе 9. Не исключено, что к югу от него на южном мысу находилось еще одно дворохозяйство.

На раскопах 3, 4 и 5, которые расположены в пределах зоны 3 концентрации подъемного материала, исследованы хозяйственные ямы и постройка-хранилище. Все эти объекты, кроме одной ямы с глиной, никак не связаны с ремесленной деятельностью. Очевидно, здесь также находились усадьбы (минимум две, судя по площади зоны 3).

На участке 5А обнаружены исключительно железные бытовые предметы (ножи, лезвие топора, пробойник, рыболовный крючок). Похожий набор предметов (но не только из железа) зафиксирован и в зоне 4 (железная пряжка, два обломка лезвий топоров, пробойник, бронзовые заклепка и коробчатая подвеска). По всей видимости, на этих участках также были расположены жилые зоны (какие-то усадьбы).

4. Пока не понятно, какой была планировка северной и северо-западной окраины поселения. Она заросла лесом, что делает невозможным ни раскопы большими площадями, ни планомерный металлопоиск.

5. Железные шлаки на территории памятника встречаются повсеместно. Наибольшая их концентрация зафиксирована на некоторых участках раскопов 4, 6, 7, 9 и в некоторых объектах этих площадей (табл. 3). Кусков железной руды найдено гораздо меньше. В отличие от поселения Стаево-4 никаких сооружений, связанных с черной металлургией, на территории поселения не обнаружено. Тем не менее большое количество железных изделий и характерные поковки указывают на то, что часть жителей Стаево-5 была занята кузнечным ремеслом.

***

Таким образом, обитатели поселения Стаево-5 были ремесленниками: зафиксированы два участка, на которых работали ювелиры-бронзолитейщики, — западный и восточный. Имеются

также данные о занятии населения кузнечным ремеслом, торговлей.

Исследованы две жилые усадьбы, еще наличие как минимум пяти предполагается по наблюдениям за распределением находок на поверхности памятника и за характером сооружений, изученных на раскопах 3–5. На занятой лесом северной части памятника могли располагаться еще 2–3 усадьбы.

Получается, что одновременно в Стаево-5 могли существовать до 10 усадеб, причем это — максимально допустимое количество. Учитывая небольшие размеры жилищ поселений линии Ярок (см. выше), на территории усадьбы могла проживать небольшая семья порядка пяти человек. Общая численность населения, обитавшего в Стаево-5, составляла не более 50 человек.

Глава 3

Памятники раннего Средневековья в среднем и верхнем течении р. Воронеж

А. М. Обломский (Москва)

Торгово-ремесленный поселок у с. Стаево представляет собой достаточно яркий комплекс. Тем не менее, как сказано во введении к монографии, он — не единственный памятник верхневоронежской культурной группы. В блоке иллюстраций публикуется карта других поселений раннего Средневековья в бассейне р. Воронеж на территории, которая хорошо обследована сплошными разведками (рис. 140). В разделе приводятся сведения о раскопках, а также о памятниках, обнаруженных в результате этих разведок. В последнем случае основным критерием отнесения памятников к верхневоронежской группе является лепная керамика с крупными или средними по величине зернами шамота в тесте (иногда с дополнительными включениями дресвы, известняка, руды), т. е. фактуры, которая характерна для раннего Средневековья по эталонным поселениям, где имеются датирующие вещи. К сожалению, материалы разведок далеко не всегда однозначны. Все памятники в списке, который приведен ниже, делятся на три группы по степени достоверности. К первой относятся поселения, где имеются определимые материалы раннего Средневековья (как правило, это памятники, исследованные раскопками), ко второй — поселения, исследованные разведками, но с некоторыми находками, характерными для раннего Средневековья, к третьей — пункты, где встречены материалы, к раннему Средневековью относящиеся предположительно.

Древности верхневоронежской группы подразделяются на две линии — типа Ярок (конец V — VII в.) и Кривец (третья четверть — конец VII в.), которые различаются по набору лепных сосудов (см. Введение). Типологическая принадлежность памятников определена, где это возможно.

Группа 1

1. Ярлуково (Грязнинский р-н Липецкой обл.). Поселение находится на краю боровой террасы правого коренного берега р. Матыра (левый приток р. Воронеж) на берегу Ярлуковской протоки близ западной окраины села. Открыто В. А. Сериковым и Н. Я. Путиловым в 1967 г., раскопки в 1968 г. проводила Р. Ф. Воронина в составе Верхнедонской экспедиции ИА АН СССР (нач. Б. Г. Тихонов). Вскрыто 660 кв. м.

Памятник — многослойный. Раннесредневековое полуземляночное жилище врезалось в обширную постройку эпохи бронзы, поэтому контуры его нечетки. Оно погибло от пожара (прослежены отпечатки сгоревших бревен или плах, столбовые ямы). Размеры жилища по распространению сажистого слоя — 4,7 × 5,4 м[1]. Котлован углублен в материк на 0,3 м (0,8 м от дневной поверхности) (рис.141: 1).

[1] Даны по плану на уровне основания котлована. В отчете приводятся лишь общие параметры постройки эпохи брозы: 8 × 14 м.

В пределах жилища зафиксированы два очага. Первый, расположенный в середине южной части жилища, имел овальную форму до 2 м в диаметре. Он углублен в пол и состоял из слоя золы мощностью 0,2 м. К северу от него на полу находилось скопление лепной керамики, из которой удалось реставрировать «горшковидный сосуд» (рис. 141: 4). Второй очаг — «сильно прокаленный слой золы диаметром 1,1 м». Около него лежали несколько обожженных камней.

На полу у северной стенки котлована обнаружены обломки сильно фрагментированного лепного сосуда с отогнутым наружу венчиком (рис. 141: 2), а также обломок зернотерки и пестик. Фрагменты третьего груболепного горшка (рис. 141: 3) происходят из заполнения полуземлянки (Комаров, 1972; Обломский, 2011а, с. 54–55).

Памятник относится к линии Кривец верхневоронежской культурной группы.

2. ***Большая Кузьминка-4А*** (Липецкий р-н, Липецкой обл.). Поселение находится в пойме правого берега р. Воронеж. Раскопки в зоне реконструкции нефтепровода «Дружба-2» в 2013 г. проводили Ю. Д. Разуваев (вскрыто 6285 кв. м) и И. Е. Бирюков (исследовано 12 677 кв. м). На памятнике обнаружены материалы верхнего палеолита, бронзового и раннего железного века, позднескифские первых вв. н.э., древнерусские, Нового времени. К раннему Средневековью относятся железная вертикально-овальная пряжка из раскопа Ю. Д. Разуваева и два скопления хозяйственных ям на раскопе И. Е. Бирюкова с керамикой, которая в предварительной публикации отнесена к III–IV вв., возможно к середине I тыс. Пряжка тем не менее по форме рамки и язычка имеет аналогии на поселении Кривец-4 (рис. 10: 17). Материалы памятника являются одним из эталонов раннеславянской традиции древностей линии Ярок, они не опубликованы, издана лишь предварительная информация о раскопках (Бирюков, 2014, с. 14, 15; Разуваев, 2014, с. 13).

3. ***Капитанщино-6*** (Добровский р-н Липецкой обл.). Поселение находится к северо-западу от с. Капитанщино в 1,24 км к юго-востоку от слияния рек Кузьминка и Воронеж, в 1,54 км к северо-западу от базы отдыха «Горицы», на первой надпойменной террасе левого пологого берега левобережной старицы р. Воронеж. Территория памятника задернована, по большей части занята лесом. Максимальные размеры памятника — 106 × 46 м, высота от уровня низкой поймы реки — до 4 м (рис. 142).

Памятник был открыт в 2016 г. Т. В. Смольяниновой. В 2018 г. был заложен раскоп площадью 12 кв. м. Толщина культурного слоя составляет 0,15–0,26 м. Он представлял собой серый однородный гумусированный песок, слабо насыщенный материалом. Из слоя гумуса происходят изделия из кремня (в том числе эпохи мезолита), черепки груболепных сосудов, железный металлургический шлак, железная руда.

В пределах раскопа обнаружены металлургический горн и 6 ям различной формы и, вероятно, назначения (рис. 143).

Горн (сооружение А) (рис. 144). Сохранился на высоту до 0,2 м. Ориентирован устьем на северо-восток в сторону ямы Б. Общие размеры горна в основании — 0,53 × 0,4 м, первоначальные размеры топки — 0,22 × 0,46 м, ширина устья — 0,28 м. Стенки слегка сужены кверху (до 5–6 см с каждой стороны). Они вылеплены из песчанистого суглинка, довольно рыхлого. Суглинок слабо обожжен. Дно топки находилось ниже стенок на 5–6 см в ямке, выкопанной в грунте. Стенки по периметру топки и на всю ее высоту прокалены сильнее — до красного цвета. Сильно обожжено и дно топки — в ее центральной части. Глубина прокала составляет 4–8 см. В процессе эксплуатации северо-западная часть стенки горна отслоилась и находилась при расчистке внутри топки.

Топка горна была заполнена темно-серым песком с включениями углей. В центральной ее части зафиксирован довольно большой кусок железорудного шлака размерами 26 × 14 см. Из заполнения топки происходят еще 76 мелких кусков металлургического шлака и 20 — керамического. Крупные куски угля размерами до 6 × 6 см залегали на дне топки и чуть выше его. Здесь же найдены 12 мелких кусков металлургического шлака.

К югу от горна, практически около его южного угла, зафиксирована яма от столба. Ее диаметр составлял 0,2 м, глубина от поверхности материка — 0,1 м. Заполнение — однородный серый гумус. Находок не было.

Яма Б (рис. 143). В плане овальная. Размеры по верхнему краю — 1,05 × 0,56 м, по дну — 0,82 × 0,4 м. Общая глубина ямы — 0,11–0,14 м. В верхней ее части залегала прослойка углистого песка толщиной до 5 см. Ниже до дна заполнение представляло собой серый однородный песок.

В заполнении найдены 2 фрагмента стенок лепных сосудов с мелким шамотом и дресвой в тесте и мелкими расчесами на поверхности,

2 фрагмента стенок лепных сосудов со средним шамотом в тесте, 18 кусков металлургического шлака (из них один — крупный). Находки концентрировались в верхнем углистом слое. Судя по ориентировке горна, наличию прослойки угля в верхней части заполнения ямы Б, шлакам, она была как-то связана с горном.

Яма В (рис. 143). Своим западным краем выходит за пределы шурфа. В плане — овальная. Размеры исследованной части по верхнему краю — 1,6 × 0,8 м, по дну — 1,4 × 0,5 м. Максимальная глубина ямы — 0,21 м.

Заполнение представляло собой однородный углистый песок. Находок не было.

Объект 2 (рис. 143). Представляет собой овальную в плане яму с сегментовидным выступом с западной стороны, дно которого было полого наклонено в сторону центра объекта. Общие размеры ямы по верхнему краю — 1,35 × 1,3 м, в придонной части — 1,2 × 1,3 м. Максимальная глубина ямы — 0,19 м.

В целом заполнение ямы было однородным и представляло собой серый гумусированный песок. Из него происходят фрагменты днища (рис. 145: 3) и 7 стенок груболепных сосудов с примесью среднего шамота в тесте, 6 кусков железного шлака.

Северная и центральная часть сооружения на каком-то этапе его существования была вымазана глиной с обильной примесью песка, в результате чего получилась сегментовидная в профиле линза с более глубокой средней частью. По форме эта линза напоминала миску размерами по верхнему краю 0,7 × 0,65–0,7 м. Средняя (глубокая часть) была прямоугольной, размерами от 0,3 × 0,25 м до 0,2 × 0,1 м по дну. Верх «миски» соответствовал по глубине верхним контурам ямы, основание — ее дну. Глина при этом была слегка обожжена.

С севера, запада и востока линза глины была окружена тонкой (до 3 см) прослойкой угля.

При разборке линзы глины и прослойки угля обнаружены 4 фрагмента стенок лепных сосудов со средним шамотом в тесте, 13 кусков металлургического шлака (мелких), 2 куска керамического шлака, 1 отщеп кремня.

Функциональная роль этого сооружения загадочна. Можно предположить лишь, что линза глины представляла собой какой-то очаг, устроенный в объекте 2, но не в самом начале его функционирования, а несколько позже, когда яма уже была частично заполнена грунтом. Не исключено также, что очаг перекрыл более раннюю яму.

Объект 3 (рис. 143). Хозяйственная яма. Прослежена у северной стенки раскопа, большей частью своей площади уходит за его пределы. Размеры исследованной части по верхнему краю — 1,16 × 0,5 м, у дна — 0,2 × 0,7 м. Максимальная глубина ямы — 0,1 м. Из заполнения, которое представляло собой черный гумусированный песок, происходят 2 фрагмента стенок лепных сосудов со средним шамотом в тесте, 1 кусок металлургического шлака.

Объект 4 (рис. 143). Яма от столба, которая находилась между объектами 1А и 2. В плане — овальная. Размеры составляли 0,42 × 0,22 м, глубина — 0,19 м. В заполнении (серый однородный песок) найдены фрагмент днища груболепного сосуда с примесью среднего шамота в тесте, 2 куска железного шлака (рис. 145: 2, 4–6).

Наиболее массовой категорией материала на памятнике является железорудный шлак, который неоднократно встречен в культурном слое и объектах раскопа — 1А (горн), 1Б, 2, 3 и 4 (всего 174 куска). Учитывая, что раскоп имел небольшую площадь, концентрация железного шлака в его пределах весьма высока.

Обнаруженная на поселении лепная керамика в технологическом отношении делится на две группы. К сожалению, она сильно измельчена и формы сосудов восстановить невозможно. Отдельные черепки (с мелким шамотом и дресвой в керамическом тесте) по фактуре характерны для первых вв. н.э. Прочая керамика однородна. Она имеет довольно рыхлое тесто с примесями шамота средней величины, иногда с дополнительными включениями дробленой руды. Керамика со средним шамотом в тесте вместе со шлаками найдена во всех перечисленных выше объектах, кроме горна, т. е. она явно использовалась в быту ремесленниками-металлургами. Какие-либо другие вещи периода работы металлургов на поселении пока не обнаружены.

В бассейне р. Воронеж керамика со средним шамотом в тесте, в том числе и с дополнительными включениями зерен руды, характерна для памятников круга Чертовицкое — Замятино конца IV — V в. и для верхневоронежской культурной группы конца V — VII в. Теоретически, мастера в Капитанщино-6 могли работать в течение любого из этих хронологических этапов. Сузить дату помогает топография селища. Поселения гуннского времени занимают обычно господствующие высоты на местности (за редким исключением). А вот в раннем Средневековье в большинстве случаев они расположены

довольно низко над уровнем водных источников — на первых надпойменных террасах рек или на останцах в поймах (Смольянинова, 2019; Смольянинова и др., 2019, с. 163–164).

Таким образом, с наибольшей степенью вероятности металлургическое производство в Капитанщино-6 функционировало в раннем Средневековье. Горн, исследованный на этом памятнике, является пока единственным объектом такого рода для 2–3-й четвертей I тыс. н.э. в Верхнем Подонье. По своей конструкции он достаточно типичнен для ранней металлургии железа и относится к типу 1 (с наземной шахтой и ямой для выпуска шлака). С наибольшей полнотой такие горны изучены на позднезарубинецком поселении Лютеж в Среднем Поднепровье, но известны они и позже. С усредненными размерами лютежских горнов совпадает и диаметр топки печи из Капитанщино (Бидзиля и др., 1988, с. 50–55).

4. ***Кривец-4*** (Добровский р-н Липецкой обл.). Селище расположено в 400 м к северо-западу от северо-восточной окраины с. Кривец на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Воронеж, ограниченном с востока изгибом террасы, а с запада — небольшим оврагом. Высота памятника над уровнем поймы реки — 2–3,5 м, размеры 220 × 40–60 м. Приблизительно посередине поселение делится небольшим овражком на две части. Восточная из них получила обозначение «А», а западная — «Б». К северо-западу, северу и востоку от поселения находятся три небольших старичных озера (рис. 146). Поселение было открыто С. И. Андреевым в 2005 г. Им заложен шурф размерами 1 × 1 м и проведен сбор подъемного материала.

В 2010 г. памятник был обследован с шурфовкой А. М. Обломским совместно с С. И. Андреевым и Р. В. Смольяниновым. Поверхность поселения в настоящее время задернована, хотя по данным карт 1970-х гг. и по сообщениям местных жителей ранее она была распахана.

Перед началом земляных работ на памятнике был проведен сбор подъемного материала при помощи металлоискателя. В результате были составлены планы расположения вещей из металла, в том числе и раннесредневековых.

В 2011–2012 гг. Раннеславянской экспедицией Института археологии РАН на памятнике вскрыто 1386 кв. м. Из культурного слоя поселения происходят материалы эпох энеолита (ивановобугорской культуры), бронзы (конца развитого и среднего этапа среднедонской катакомбной, абашевской и бондарихинской культур), городецкой культуры раннего железного века, раннего Средневековья, Нового времени. К раннему Средневековью относятся три жилища, не менее трех хозяйственных построек с хранилищами-погребами, более 10 хозяйственных ям, около 10 локальных скоплений материала в культурном слое, ритуальный комплекс. Все жилища погибли в пожаре. Средневековые материалы поселения опубликованы (Обломский, 2012б). Ниже следует их перечисление и краткая характеристика.

К раннему Средневековью относятся 14 целых и фрагментированных железных ножей (рис. 147: 5–8), фрагмент топора, обломок серпа с зубчиками на лезвии (рис. 147: 16), 6 шильев или пробойников (рис. 147: 9–11). Для обработки дерева применялись стамеска (рис. 147: 12), скобель (рис. 147: 15), так называемые резцы-ложкорезы (рис. 147: 18). Орудиями рыболовства являются 6 железных крючков разных размеров (рис. 147: 13, 14).

Предметы вооружения представлены соединенными вместе двумя железными кольцами со склепанными концами, вероятно, фрагментом кольчуги (рис. 147: 1), обломками наконечника копья (рис. 147: 4) и дротика с двумя выступающими наружу шипами (рис. 147: 2), а также двумя железными наконечниками стрел (ромбовидным черешковым и втульчатым трехлопастным) (рис. 147: 3, 19).

На поселении найдены 5 пряжек от ремней (одна — с вертикально-овальной рамой, четыре — прямоугольные, вытянутые по горизонтали, у трех из них противоположные стороны рамы вогнуты (рис. 10: 14, 17)) и 5 язычков пряжек.

Из глины изготовлены 6 целых и фрагментированных пряслиц с относительно широкими отверстиями (6–8 мм). Одно из них было высоким биконическим, четыре — коническими средней высоты, причем у одного из них верхнее и нижнее основания — воронковидные, одно пряслице — низким биконическим, еще одно — бочонковидным (рис. 148: 1–5).

Одним из занятий обитателей поселения Кривец-4 было ювелирное ремесло. Практически все массивные изделия из бронзы, найденные на памятнике, представляют собой обломки или обрубки, т. е. они были предназначены для переплавки. На поселении обнаружено два выплеска бронзы. Не исключено в этой связи, что к раннему Средневековью относятся две глиняные льячки, происходящие из культурного слоя (рис. 148: 7,8).

Лепная керамика поселения делится на грубую (кухонную) и столовую с лощеной, подлощенной или хорошо заглаженной поверхностью. Тесто сосудов первой категории рыхлое, стенки толстые, в качестве примесей использовался шамот. Включения в тесто столовых сосудов мелкие. Ими могли быть шамот, песок, дресва или органика. Обжиг сосудов обеих категорий неравномерный.

По формам керамика относится к двум наборам разного происхождения. В состав первого входят сосуды, имеющие аналогии на памятниках колочинской культуры (рис. 8: 1–12), второго — на раннесредневековых памятниках Поочья (рис. 9) (см. главу 4).

Хронология Кривца-4 определяется по серии украшений и деталей поясных наборов.

При первом обследовании территории поселения в 2005 г. С. И. Андреев обнаружил обломки трех бронзовых изделий: нижней части большой пальчатой фибулы (рис. 10: 3), браслета с округлым расширенным концом, орнаментированным концентрическими кругами и насечками в виде сетки (рис. 10: 8), пинцета (рис. 10: 6) (Андреев, Филимонова, 2008, рис. 2: 2,3,11).

Во время работ Раннеславянской экспедиции в культурном слое и в объектах поселения найдены фрагмент большой фибулы, подобной той, что происходит из сборов С. И. Андреева (рис. 10: 2), малая пальчатая фибула, (рис. 10: 1), монетовидная подвеска с орнаментом в виде концентрических кругов (рис. 10: 5), конический колокольчик или ворворка (рис. 10: 4), обломок браслета или кольца с сохранившемся зооморфным окончанием (рис. 10: 7), фрагмент смятого височного кольца или гривны с узкими, подтреугольными в сечении лопастями, орнаментированными вдавлениями по ребру (рис. 10: 11), фрагмент браслета с расширенными концами, украшенными таким же способом, как и находка С. И. Андреева (рис. 10: 12), колечко с рифленой поверхностью (рис. 10: 9), бутылковидная подвеска (рис. 10: 10), пронизь с выступающими валиками, переделанная в подвеску (рис. 10: 13), две ременные накладки геральдического стиля (рис. 10: 15,16).

Большие фибулы из Кривца (рис. 10: 2,3) относятся либо к группе застежек с каймой из птичьих головок, либо к днепровским (или поствосточногерманским по другой терминологии) пальчатым типологической линии I (Родинкова, 2004, рис. 1: 17–22,41–43; Гавритухин, 1996, рис. 50: 2–6,14,14). Фибулы этих двух групп широко распространены в Восточной и Центральной Европе, но преимущественно встречаются в лесостепном Поднепровье и в Крыму. В Поднепровье они входят в состав кладов так называемых древностей антов 1-й группы по О. А. Щегловой (Щеглова, 1990, с. 169–175). Малая пальчатая фибула из Кривца (рис. 10: 1), по-видимому, представляет собой упрощенный вариант больших днепровских экземпляров с рядом поздних признаков (в частности, с циркульным орнаментом) (Гавритухин, 1991, с. 28). Аналогичная вещь найдена на поселении Сурская Забора у с. Волошское с материалами пеньковской культуры (Корзухина, 1996, табл. 108: 1). Браслеты с расширенными концами и орнаментом в виде перекрещивающихся и перпендикулярных корпусу изделия линий (рис. 10: 8, 12), а также браслеты с расплющенными зооморфными окончаниями (рис. 10: 7) на территории Восточной Европы распространены широко, но для упомянутых выше «антских» кладов они тоже типичны.

Бляшка из Кривца в виде геральдического щитка с отверстиями (рис. 10: 15) имеет аналогии в Суджанском и Трубчевском кладах (Корзухина, 1996, табл. 70: 4; Приходнюк, Падин, Тихонов, 1996, рис. 11: 4), а серебряная накладка из Кривца (рис. 10: 16) — в погребении 2 кургана 3 Сивашовки (причерноморская степь). Горизонт Сивашовки А. В. Комар датирует 668–685 гг. (Комар, 2006а, с. 238, рис. 48: 19). Похожие бляшки происходят из Куриловского клада круга «древностей антов» (Родинкова, 2010, рис. 6: 2–5).

Обломок височного кольца или гривны с лопастями у концов из Кривца (рис. 10: 11) представляет собой очень редкую для Восточной Европы находку. Прямая аналогия такому изделию происходит из погребения 3 кургана 13 Городни (2-я фаза культуры псковских длинных курганов по периодизации Е. Р. Михайловой — вторая половина VI — VII в.) (Михайлова, 2011, с. 536).

Бутылковидные подвески (рис. 10: 10) характерны для культур волго-окского региона, которые традиционно связывают с восточными финнами. Обычно они использовались в качестве деталей комбинированных украшений. То же самое справедливо для рифленого колечка из Кривца-4 (рис. 10: 9). Можно лишь констатировать, что в комплексах культур днепровского круга такие изделия не встречаются.

Таким образом, на поселении Кривец-4 найдена серия вещей разнообразных категорий, которые (в сочетании) имеют аналогии в днепровских кладах круга «древностей антов» 1-й группы

по О. А. Щегловой либо им синхронны. Сокрытие ранних днепровских кладов произошло во время военных действий второй половины — третьей четверти VII в., в результате чего пеньковская и колочинская культуры прекратили свое существование (Гавритухин, Обломский, 2009). Не исключено, что именно к этому времени относится и пожар на поселении Кривец-4.

По материалам поселения Кривец получила свое название одна из типологических линий верхневоронежской культурной группы (см. Введение).

5. ***Ярок-5*** (Мичуринский р-н Тамбовской обл.). Поселение находится на правом берегу р. Воронеж в 2 км к северо-северо-западу от центра с. Ярок и в 3 км к западу от Ярковского лесничества. Расположено на мысу первой надпойменной террасы высотой 1–3 м, образованном ее краем и руслом пересохшего ручья Чернава. Территория занята сосновым лесом. Размеры основной части поселения, вытянутого вдоль краев мыса, составляют 150 × 130 м. В 140 м севернее на небольшом (до 1 м) возвышении прослежен еще один изолированный участок культурного слоя размерами 35 × 20 м (рис. 149).

Памятник был открыт в 1988 г. Б. А. Фоломеевым. В 2012 г. Раннеславянская экспедиция Института археологии РАН исследовала его тремя раскопами общей площадью 59 кв. м.

Культурный слой поселения состоит из гумусированого песка темно-серого цвета и имеет толщину от 0,2 до 0,4 м, преимущественно 0,3 м. В слое встречаются разновременные материалы: керамика энеолита и эпохи ранней бронзы, обломки посуды раннего железного века (городецкое время и начало н.э.), материалы раннего и позднего Средневековья, Нового времени (Обломский, Разуваев, 2013).

Выразительный раннесредневековый керамический комплекс происходит из объекта 2 (хозяйственной ямы) раскопа 1 (рис. 150: 1–3,5–7,10). Под шейкой одного из сосудов находится массивный треугольный в сечении валик, орнаментированный редкими насечками. В культурном слое поселения обнаружены обломки сковородок со слабо отогнутым бортиком (рис. 150: 8,9). На территории Днепровского Левобережья подобный набор посуды характерен для пеньковской культуры. Типичными для этой археологической общности являются и горшки с валиками (описание пеньковской керамики см.: Горюнов, 1981, с. 71–82; Приходнюк, 1998, с. 33–35; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 111–113).

Не исключено, что к раннему Средневековью относятся несколько ям (объекты 3 раскопа 1, 3 раскопа 2, ямы 1, 2, 4, 7 раскопа 3) и очаг 1 раскопа 3. Во всех этих сооружениях найдена керамика с шамотом в тесте, но невыразительная.

Из культурного слоя происходят два биконических пряслица средней высоты (одно из них — с воронковидными основаниями) (рис. 150: 11, 12), обломок зеркала из бело-серого сплава (рис. 150: 14). При осмотре поселения на поверхности найдена часть комбинированного украшения с бутыльчатой подвеской (рис. 150: 13).

Последнее, по определению И. В. Белоцерковской, представляет собой подвеску к накоснику (цилиндрическая с выделенной узкой частью и двумя меньшими по размерам привесками; сохранилась одна из них). Она характерна для женского костюма рязано-окской культуры VI — первой половины VII в. Точная аналогия происходит из погр. 90 могильника Кораблино (Белоцерковская, 2014, с. 208, рис. 5: 55).

Материалы поселения Ярок-5 относятся к типологической линии Ярок верхневоронежской культурной группы.

6. ***Ярок-9*** (Мичуринский р-н Тамбовской обл.). Поселение занимает всхолмление высокой поймы левого берега р. Воронеж в 120 м к северу от северной окраины с. Ярок, находится на противоположном от домов села берегу старицы, которая постоянно подпитывается родниками и представляет собой озеро (рис. 151). Следы заболоченной старицы видны и к востоку поселения. Высота памятника над уровнем низкой поймы реки — до 3 м. Его территория задернована, хотя ранее, как показали профили раскопов, была распахана. Западная часть разрушена небольшими овражками. К востоку от них и к западу от раскопа 2 видны следы каких-то сельскохозяйственных конструкций, видимо, временных. Культурный слой в центральной и восточной частях памятника сохранился хорошо. Размеры поселения по данным раскопок и выходам культурных остатков на поверхности — 170 × 15–70 м.

Памятник обнаружен С. И. Андреевым в 2009 г. В 2010 обследован С. И. Андреевым и А. М. Обломским. В 2013–2014 гг. Раннеславянской экспедицией ИА РАН на поселении заложены 4 раскопа. Всего на памятнике вскрыт 971 кв. м. Его территория неоднократно заселялась. Из культурного слоя происходят керамика эпох неолита-энеолита, бронзы (среднедонской катакомбной, абашевской, срубной

и бондарихинской культур), раннего железного века, раннеримского времени, раннего Средневековья, Новейшего времени.

Толщина культурного слоя составляла 0,3–0,75 м, он был нарушен распашкой на глубину 0,15–0,3 м.

К раннему Средневековью относятся остатки плохо сохранившихся двух жилищ-полуземлянок, двух углубленных в землю хозяйственных построек, 11 ям, карьер для выборки глины, заполненный бытовым мусором. Сооружения составляли два скопления в центральной и северо-восточной части исследованной площади, очевидно, соответствовавшие двум усадьбам, в каждой из которых находилось по жилищу (объект 2 раскопа 3 и объект 4 раскопа 1) (рис. 152).

Раннесредневековая лепная керамика содержит примеси крупного и среднего шамота в тесте, иногда с дополнительными включениями дресвы. Набор составляют обломки горшков, дисков, сковородок с низкими бортиками, мисок-плошек, миниатюрные сосуды (рис. 2: 1, 2) (Обломский, 2016а, рис. 10, 11). Он является эталоном славянской традиции памятников линии Ярок. Сосуды окского набора на поселении совершенно отсутствуют (см. главу 4).

Из глины изготовлены 4 пряслица с отверстием диаметром 0,7–0,9 см (два высоких биконических, одно биконическое средней высоты и одно бочонковидное) (Обломский, 2016а, рис. 12: 7–10).

Большинство изделий из железа, найденных на памятнике (ножи с прямыми спинками, пробойники, обломки серпов), лишены этнокультурной специфики. С раннесредневековым горизонтом могут быть связаны сравнительно широкий железный пластинчатый наконечник ремня и железная прямоугольная пряжка, с внешней и внутренней сторон обложенная бронзовым или медным листом (Обломский, 2016а, рис. 12: 1, 3).

Не исключено, что к раннему Средневековью относится подвеска из свернутого в трубку бронзового листа (Обломский, 2016а, рис. 12: 11). Подобные изделия типичны для верхнедонских памятников круга Чертовицкое — Замятино. Они происходят из Нижнего Казачьего-10 и Ксизово-19 (Острая Лука, 2015, с. 157, рис. 236: 22, 23; 135; Обломский, 2018б, рис. 9: 9). Округлая подвеска из белого металла с петлей на оборотной стороне (Обломский, 2016а, рис. 12: 6), найденная на поверхности северо-восточной оконечности поселения, по всей видимости, также представляет собой раннесредневековое изделие. Аналогичная вещь входила в состав Гапоновского клада третьей четверти VII в., хотя не исключено, что такие изделия появились и раньше (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 23: 15).

Типичным раннесредневековым украшением является бронзовая серьга с литым многогранником, который у экземпляра из Ярка — массивный, округлой формы со слегка намеченными ребрами. Выступы-шишечки, очевидно, имитируют вставки из камня (рис. 6: 1) (Обломский, 2016а, рис. 12: 2). В бассейне р. Воронеж две подобные серьги найдены на поселении Стаево-5 (рис. 75: 194; 107: 516).

Уникальными являются две бронзовые малые двупластинчатые (или ранние пальчатые) фибулы с выступами на головке (рис. 5: 3) (Обломский, 2016а, рис. 12: 4, 5; 13: 1, 2), собранные из трех обломков каждая. Эти украшения имеют сегментовидный щиток на головке и листовидный — на ножке. На верхнем щитке помещены по три рельефных выступа (у меньшей по размерам фибулы сохранились только два). Ножка подобной фибулы найдена на поселении Стаево-4 (рис. 21: 3, см. главу 1). По типологическим соображениям такие фибулы должны датироваться не ранее второй половины V в.

Красная стеклянная цилиндрическая бусина из глухого стекла с мелкими коричневыми прожилками (Обломский, 2016а, рис. 13: 3) по О.С. Румянцевой относится к типу KIa5. В Центральной Европе такие бусы появились в середине III в. На соседней с Верхним Подоньем территории культуры рязано-окских могильников такие бусы входят в состав наборов групп III и IV, которые распространены на третьем и четвертом этапах относительной хронологии бус, преимущественно, в конце IV/V — конце V/начале VI в. (Румянцева, 2007, с. 220–221; 2015, с. 251).

Таким образом, раннесредневековый горизонт поселения Ярок-9 относится ко второй половине V — VI в., но это — максимально допустимые широкие рамки существования памятника в этот период.

Раннесредневековые материалы поселения Ярок-9 полностью опубликованы (Обломский, 2016а).

7. ***Ярок-10*** (Мичуринский р-н Тамбовской обл.). Городище. Обнаружено в 2012 г. во время разведки Раннеславянской экспедиции ИА РАН. При осмотре памятника, кроме автора отчета, из археологов присутствовали В.В. Приймак и С.И. Андреев. Памятник находится к 1,8 км

к северо-северо-востоку от северной окраины с. Ярок на высоком (до 26 м от низкой поймы), вдающемся в долину р. Воронеж, заросшем густым лиственным лесом мысу правого коренного берега. Площадка городища имеет подтреугольную форму. Она в основном плоская, с понижением к северо-востоку до 1 м. Общие ее размеры составляют 46 × 14–16 м. Склон со стороны реки — крутой, имеет изгиб, параллельный руслу р. Воронеж, которая протекает непосредственно под восточным краем городища. Не исключено, что мыс частично осыпался в реку.

На южном краю мыса заметно дугообразное возвышение высотой до 2 м, возможно, представляющее собой остатки сильно расплывшегося вала. Его общие размеры — 15 × 10 м, размеры наиболее высокой части — 9 × 3–4 м. По южному склону мыса и вдоль этого возвышения проходит относительно пологая тропинка, возможно, по месту древнего въезда на городище.

С западной и северной сторон площадка ограничена рвом шириной до 6 м и глубиной 1–2 м (рис. 153). На площадке заметны западины глубиной 0,5–0,7 м: прямоугольная размерами около 6 × 4 м и 4 овальных размерами до 4 × 3 м. По всей видимости, они представляют собой остатки сооружений Нового времени.

Исследования городища проводились в 2012 г. (шурфовка, общая площадь двух шурфов — 7,2 кв. м) и в 2014 г. (раскопки, площадь 36 кв. м).

В шурфах и раскопах обнаружены остатки сожженных укреплений раннего железного века, что подтверждается радиокарбонными датами. Керамика раннего Средневековья (сильно измельченная, с крупным шамотом в тесте), а также два обломка биконических пряслиц средней высоты с относительно широкими отверстиями происходят из культурного слоя. Материалы полностью опубликованы (Разуваев, Обломский, 2016).

8. ***Красный Городок-2*** (Мичуринский р-н Тамбовской обл.). Памятник находится в 0,4 км к югу от линии нефтепровода «Дружба», где расположено поселение Красный Городок-4, в 0,6 км к северо-востоку от бывшей дер. Красный Городок. Он занимает дюну в пойме левого берега р. Польной Воронеж на высоте около 3 м от уровня низкой поймы. Размеры селища — 70 × 50 м (Андреев, 2000, с. 31, рис. 44). Из сборов на поверхности происходят бронзовые наконечник пояса геральдического стиля (рис. 154: 2); конический колокольчик с трапециевидным ушком, орнаментированный параллельными прочерченными линиями, с остатками железных окислов (очевидно, от язычка) внутри (рис. 154: 3); изделие, которое интерпретируется, как отливка по оттиску римской (?) монеты с изображением неясного человеческого силуэта. Здесь же найден, по определению авторов публикации, «медный византийский фолис, чеканенный в 590-х гг. при императоре Маврикии в Херсонесе. На одной стороне монеты изображены император Маврикий и императрица Константина, на оборотной стороне — наследник престола Феодосий» (рис. 154: 1) (Андреев, Филимонова, 2008, с. 23, рис. 2: 5, 7, 8).

Наконечники поясов удлиненной формы с прямыми или слегка прогнутыми боками и прорезной орнаментацией специально исследовал И. О. Гавритухин. Они — довольно однообразны, достаточно широко распространены на юге Восточной Европы и на ряде других территорий (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 32, рис. 46). Очень близкие к экземпляру из Красного Городка изделия с орнаментом в виде замочной скважины происходят из двух «антских» кладов 1-й группы: Козиевка — Новая Одесса (Корзухина, 1996, табл. 55: 18), Гапоново (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 46: 6).

Конические колокольчики с относительно толстыми стенками и орнаментом в виде параллельных линий на корпусе распространены довольно широко, но в комплексы кладов круга «древностей антов» 1-й группы по О. А. Щегловой они также входят (см. публикации материалов Новой Одессы, Козиевки, цепи из Полтавской губ., Гапоново и др.: Корзухина, 1996, табл. 44: 5–10; 54: 1–11; 78: 3; Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 23: 19, 20).

К сожалению, коллекция керамики из Красного Городка-2 отсутствует, но, судя по вещам, этот памятник может относиться к линии Кривец, хотя этот вывод и предположительный.

9. ***Красный Городок-4***. Памятник находится на левом берегу р. Польной Воронеж, в 0,5 км к северу — северо-западу от урочища Красный Городок (остатки несуществующей сейчас деревни). Занимает первую надпойменную террасу высотой 3–5 м над уровнем поймы в месте, где террасу пересекает нефтепровод «Дружба». С востока и севера памятник ограничен рекой и заболоченным понижением, с западной — заболоченным понижением (протокой), размеры селища (по итогам всех уточнений)— 680 × 70–170 м.

Памятник открыт в 2014 г. Е.А. Макеевой. На поселении три раза проводились спасательные исследования, связанные с реконструкцией нефтепровода «Дружба». В 2015 г. на нем проведены раскопки экспедиции ООО НПО «Черноземье» под руководством А.Н. Голотвина и Е.Ю. Захаровой. Были заложены четыре раскопа общей площадью 11 146 кв. м (Бирюков и др., 2016; Бирюков, Голотвин, 2020, с. 225).

В 2016 г. на поселении Сейминско-Суджинской экспедицией ИА РАН (начальник О.А. Радюш) было вскрыто 5740 кв. м, а в 2020 г. экспедицией ООО «Археологическое общество Кубани» под руководством А.В. Суркова — еще 4167 кв. м (Сурков, 2020, с. 2, 20–24). Общая исследованная площадь, таким образом, составляет 21 053 кв. м, не считая шурфов.

В культурном слое поселения найдены материалы нескольких эпох: мезолита, неолита, бронзы; раннего Средневековья, древнерусского и Нового времени.

К раннему Средневековью на раскопе 2015 г. относятся два скопления культурных остатков. Из них и культурного слоя происходит выразительная коллекция лепной керамики. Посуда с шероховатой поверхностью имела примеси шамота, иногда песка, дресвы и руды в керамической массе (рис. 154: 4–16). Встречены также обломки лепных лощеных сосудов (рис. 154: 17). Найдены также 4 глиняных пряслица, обломок каменного жернова, обработанный рог, невыразительные предметы из железа и бронзы.

В 2016 г. материалы раннего Средневековья обнаружены не были.

Керамика раннего Средневековья происходит из культурного слоя раскопа 2020 г. Она сильно измельчена, по фактуре не отличается от найденной на памятнике в 2015 г. Выразительны два обломка дисков с отогнутыми наружу бортиками. Найдены также фрагмент биконического пряслица средней высоты и железная втульчатая мотыжка (Сурков, 2020, рис. 733: 4; 734: 2; 735: 1, 2).

Материалы раннего Средневековья обнаружены также в заполнении пяти ям и в двух скоплениях культурных остатков в слое гумуса. Из этих объектов, кроме керамики, происходят железный шлак, кости животных (включая обработанные), два массивных обработанных каменных диска (вероятно, заготовки жерновов), глиняное ошлакованное сопло (Сурков, 2020, с. 29–31).

Полностью опубликованы только материалы из раскопок 2015 г. (Бирюков, Голотвин, 2020). На рис. 154 приводятся рисунки некоторых сосудов из Красного Городка-4, сделанные А.М. Обломским. Лепная керамика Красного Городка-4 в целом соответствует раннеславянской традиции линии Ярок, кроме обломков лощеной миски и одного из груболепных горшков (рис. 154: 8, 17), которые по форме относятся к окскому культурному кругу.

10. ***Новоникольское-8*** (Мичуринский р-н Тамбовской обл.). Поселение занимает край первой надпойменной террасы левого берега р. Воронеж высотой до 2,5 м в 800 м к юго-западу от того места с. Устье, где в него входит восточная ветка магистральной ЛЭП. От санатория имени Калинина селище находится в 1,1 км к юго-востоко-востоку. Территория поселения изгибается углом по направлению террасы, по ее краю проходит грунтовая дорога из пос. Новоникольское к газовой станции. К северу и востоку от этой дороги поверхность поселения задернована, к югу и западу — распахана. Общие размеры селища по распространению подъемного материала на поверхности с запада на восток — 430 м, с севера на юг — 400 м, ширина — 50–180 м.

В 1999 г. С.И. Андреев по результатам разведки поместил на территории этого памятника два поселения: Новоникольское-3 древнерусского времени и Новоникольское-4 эпохи бронзы и древнерусского времени. Первое из них занимало западную оконечность селища, второе — южную. Во время обследования 2012 г., проведенного Раннеславянской экспедицией ИА РАН, выяснилось, что культурный слой в этом месте разрывов не имеет. «Единое» поселение получило название Новоникольское-8.

На поверхности поселения были собраны материалы эпохи бронзы, раннего Средневековья и Древней Руси монгольского времени. Груболепная керамика, которую можно отнести к раннему Средневековью, концентрировалась в районе изгиба террасы и на мысу на пространстве 180 × 60–100 м (рис. 155).

Для уточнения культурно-хронологической ситуации на поселении на мысу в его восточной части был заложен раскоп площадью 34 кв. м. Из культурного слоя происходит керамика срубной, абашевской, катакомбной и бондарихинской культур эпохи бронзы (преимущественно, срубной культуры), отдельные фрагменты груболепных сосудов раннего Средневековья, обломки гончарных сосудов эпохи Древней Руси.

К раннему Средневековью относится хозяйственная яма — **объект 3** (рис. 156: 1,2).

В пределы раскопа она вошла частично. Форма исследованного участка — подпрямоугольная в плане, размеры — 0,9 × 1,7 м, стенки почти отвесные. Контуры прослежены на поверхности материка. Общая глубина объекта — 0,09–0,11 м, заполнение — черный гумус. Из него происходят обломки сосудов срубной и абашевской культур эпохи бронзы. Здесь же найдены крупные фрагменты слабопрофилированного округлобокого горшка с крупным шамотом в тесте, по форме характерного для колочинской культуры эпохи раннего Средневековья (рис. 156: 4). Один из фрагментов этого сосуда был найден в культурном слое несколько выше объекта 3, но в его пределах. В заполнении ямы обнаружены также два глиняных блока подпрямоугольной и лепешкообразной формы — «хлебцев» с грубыми вдавлениями пальцами на поверхности (рис. 156: 3) (Обломский, 2012б, рис. 23: 1,2).

Яма 3 перекрывает объект 3А — яму эпохи бронзы (Обломский, 2013, с. 38–46).

Лепная керамика колочинского круга типична для раннесредневековых верхневоронежских памятников линии Кривец.

11–13. ***Стаево-3, 4, 5*** (Мичуринский р-н Тамбовской обл.). Селища представляют собой части торгово-ремесленного поселка конца V — VII в. (без конца этого столетия). Подробное описание материалов см. в главах 1 и 2.

Группа 2

14. ***Старое Тарбеево-2*** (Мичуринский р-на Тамбовской обл.) Поселение находится в 1,5 км к юго-востоку от школы с. Старое Тарбеево, примыкает с востока к шоссейной дороге Мичуринск — Доброе у моста через р. Воронеж. Памятник был открыт С. И. Андреевым в 1999 г. В 2017 г. поселение обследовано А. А. Куличковым и Р. В. Смольяниновым. В 2012 и 2018 гг. Раннеславянской экспедицией ИА РАН селище было осмотрено, снят уточненный план, собран подъемный материал, сделана зачистка культурного слоя и заложены 3 шурфа (Обломский, 2013, с. 29–31; 2019б, с. 19–24).

Общие размеры поселения — 570 × 30–100 м, оно вытянуто вдоль края первой надпойменной террасы левого берега р. Воронеж на высоте около 4 м от уровня низкой поймы. Река протекает непосредственно у подножия террасы, которая в этом месте расчленена тремя оврагами. По среднему из них протекает ручей Сестрёнка. С. И. Андреев определял границы поселения от дороги до русла ручья (Старое Тарбеево-2А). Во время нашего обследования выяснилось, что оно продолжается и восточнее: между Сестрёнкой и следующим оврагом. Эта часть памятника до наиболее узкого участка между ручьями получила обозначение Старое Тарбеево-2Б, а южнее — Старое Тарбеево-2В.

Западная оконечность поселения (к западу от моста) на пространстве около 60 × 60 м была уничтожена во время строительства дороги. Размеры участка А — 160 × 30 м; Б — 40–55 × 110 м; В — 240 × 40–70 м.

На памятнике найдены материалы эпохи бронзы, раннего железного века, раннего Средневековья (VI–VII вв.), древнерусские XIII–XV вв.

На участке к западу от р. Сестрёнки были обнаружены несколько металлических вещей: железный и бронзовый язычки пряжек, пробойник, обломок бронзового браслета с плоскими прямоугольными площадками, орнаментированными «ёлочкой». Все эти вещи были найдены в пределах небольшого всхолмления на этом участке, причем браслет — в его юго-восточной части (Обломский, 2012б, с. 196, рис. 23: 3–5).

Язычки пряжек имеют аналогии на поселении Кривец-4, где пряжки с ними относятся к эпохе раннего Средневековья (ср. рис. 10: 14, 17).

Браслет, очень похожий на происходящий из Старого Тарбеево (рис. 157: 2), найден в погр. 144 могильника Бжид в Северо-Восточном Причерноморье. Комплекс по пальчатой фибуле типа Удине — Планис датируется второй третью VI — началом VII в. Тем не менее такие украшения для Северо-Восточного Причерноморья считаются редкими. А. В. Мастыкова приводит аналогии браслету из Бжида из могильников Абхазии, но довольно отдаленные (Мастыкова, 2009, с. 56, 70; рис. 66: 4).

Лепная керамика со средним шамотом и иногда дресвой в тесте (правда, сильно измельченная) концентрируется на участке А в пределах небольшого возвышения. Отдельные черепки сосудов этого периода встречаются далее к востоку вплоть до западного мыса участка Б (по данным шурфовки).

Размеры раннесредневекового поселения, таким образом, составляют около 160 × 20 м.

15. ***Старое Тарбеево-6*** (Мичуринский р-н Тамбовской обл.). Поселение открыто Раннеславянской экспедицией ИА РАН в 2012 г. Находится в северо-западной части села Старое

Тарбеево в конце единственной улицы, которая идет с востока на запад, занимает мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Алёшня (правого притока р. Воронеж) высотой 3–3,5 м. Территория поселения частично занята сельскими постройками и огородами, частично задернована. Размеры поселения по распространению подъемного материала — 220 × 160 м. По данным зачистки края борозды, опахивавшей огород, толщина культурного слоя составляет около 0,5 м. Верхние 20 см его нарушены распашкой. На поселении собрана преимущественно лепная керамика эпохи бронзы, обломки гончарных сосудов Древней Руси и Нового времени.

Обломки лепных сосудов с примесью крупного шамота в тесте, которые можно было бы отнести к раннему Средневековью, единичны, но на памятнике найдено глиняное биконическое пряслице с шероховатой поверхностью, типичное для этой эпохи (рис. 158) (Обломский, 2013, с. 33, 34).

16. ***Стаево-10*** (Мичуринский р-н Липецкой обл.). Поселение открыто Раннеславянской экспедицией ИА РАН в 2018 г. Оно находится в 340 м к северу от водокачки с. Новоникольское (через реку). Памятник занимает часть узкого всхолмления высокой поймы правого берега р. Воронеж высотой 2–2,5 м от низкой поймы. В северо-западной и в юго-восточной части памятника наблюдаются два невысоких (до 0,5 м) возвышения. Размеры поселения определены по топографии, распространению подъемного материала и данным шурфовки. Они составляют около 800 × 40–150 м.

Наиболее ранние материалы на поселении относятся к рязанско-долговской культуре эпохи неолита (середина IV тыс. до н.э.). Следующий горизонт, материалы которого концентрируются на поверхности северо-восточного возвышения и в шурфах в этом районе, датируется II в. до н.э. — II вв. н.э. (позднескифская культура). Кроме лепной керамики с мелким шамотом в тесте, к нему относятся бронзовая фибула, обломки зеркала и фрагмент пряслица с узким отверстием.

На памятнике явно имеются какие-то объекты раннего Средневековья (VI–VII вв.). Из находок, сделанных во время разведки, с этим горизонтом связаны немногочисленные обломки сосудов со средним шамотом в тесте и типичное для этого периода пряслице с широким отверстием (рис. 159) (Обломский, 2019б, рис. 25: 8).

Фрагменты гончарных сосудов, которые собраны на поверхности северо-западной части памятника, включая обломок стенки сероглиняного горшка с волной на поверхности, относятся к Древней Руси. Имеются на памятнике также и материалы Новейшего времени (Обломский, 2019б, с. 35–40)

В 2020 г. на поселении были проведены пробные раскопки. Были заложены два раскопа площадями по 96 кв. м каждый.

На обоих раскопах в основании культурного слоя залегали находки эпохи неолита (ямочно-гребенчатая сильно измельченная керамика, встречались отщепы и орудия из кремня, включая обломок наконечника стрелы). В культурном слое преобладала позднескифская керамика первых вв. н.э. Найдены также обломок фибулы типа «Авцисса» и фрагмент железного псалия этого же периода.

Керамика раннего Средневековья происходит преимущественно из культурного слоя раскопа 1 (западного). К этому же времени, возможно, относится бронебойный черешковый наконечник стрелы (типа Беляусского могильника и Цибилиума, но меньшего размера), а также, вероятно, обломок наконечника копья или меча.

Интерес вызывают 2 ямы, заполненные глиной, зафиксированные на раскопе 1. Аналогичные объекты исследованы в Стаево-5, где они были связаны с мастерскими литейщиков бронзы. Не исключено, что подобного рода ремеслом занимались и на Стаево-10, о чем свидетельствуют выплеск бронзы и три небольших железных инструмента.

17. ***Стаево-11***. Поселение открыто Раннеславянской экспедицией ИА РАН в 2018 г. Его северо-западный край находится в 1,12 км к северо-западу от водокачки с. Новоникольское (через реку), в 150 м к югу от отдельно стоящего западного хутора с. Стаево. Селище Стаево-11 занимает северо-западную оконечность мыса того же узкого всхолмления высокой поймы правого берега р. Воронеж, на котором находится и поселение Стаево-10. Высота памятника над уровнем низкой поймы реки — до 2 м. Поселение задернованно. Размеры памятника определены по данным шурфовки и топографии местности. Условно его размеры составляют 220 × 20–70 м.

Культурный слой поселения слабо насыщен материалом. Территория памятника заселялась несколько раз. Самая ранняя керамика относится к эпохе энеолита (середина V тыс. до н.э.). В шурфе 2 найдены обломки горшка с мелким

и средним шамотом в керамической массе, форма которого (с резким уступом в месте наибольшего расширения тулова) близка к посуде окской традиции, материалы которой в верховьях р. Воронеж относятся к раннему Средневековью (рис. 160, см. главу 4). Самой поздней была древнерусская гончарная керамика монгольского времени (XIII–XIV вв.) (Обломский, 2019б, с. 40–43).

Группа 3

18. ***Доброе-32*** **(**Добровский р-н Липецкой обл.). Поселение расположено в 400 м к северо-западо-западу от моста через р. Воронеж на шоссейной дороге Доброе — Большой Хомутец, на высоте 4 м от уреза воды в реке, на всхолмлении в пойме левого берега. Размеры поселения составляют около 300 × 70–110 м. Памятник обследован в 2020 г. Р. В. Смольяниновым и А. В. Кокоткиной (с шурфовкой). Толщина слоя гумуса местами превышает 1 м. Обнаружены материалы среднедонской неолитической культуры, катакомбной культуры эпохи бронзы, Нового времени. К раннему Средневековью предположительно относится лепная керамика с примесью среднего шамота в тесте с дополнительными включениями дресвы и руды (судя по фотографиям) (Кокоткина, 2020, с. 30–39, рис. 107).

19**.** ***Ярок-4*** (Мичуринский р-н Тамбовской обл.). Поселение занимает край левой первой надпойменной террасы р. Воронеж на огородах с. Ярок между домом культуры и медпунктом. Высота пологого склона террасы — 10 м от уровня р. Воронеж или 5 м от низкой поймы реки. У подножия террасы находится старичное озеро.

Памятник открыт Б. А. Фоломеевым в 1988 г., в 2012 г. осмотрено Раннеславянской экспедицией ИА РАН.

Размеры поселения по распространению подъемного материала — 230 × 100 м. Наиболее ранней была лепная керамика с шамотом в тесте (4 фрагмента стенок). По данным раскопок эталонных поселений Кривец-4 и Стаево-4 и 5 такая керамика, скорее всего, относится к раннему Средневековью. Собрана также гончарная керамика Нового времени.

В 50 м к западу от развалин клуба был зачищен край глубокой борозды длиной 1,2 м. Культурный слой (темный гумусированный суглинок) имел толщину до 0,3 м (Обломский, 2013, с. 7).

20**.** ***Старая Казинка-1*** (Мичуринский р-н Тамбовской обл.). Памятник открыт в 2012 г. во время разведки Раннеславянской экспедиции ИА РАН. Поселение занимает мысовидный выступ возвышенного участка левой первой надпойменной террасы р. Воронеж высотой 2–4 м от уровня низкой поймы. Берег со стороны реки — обрывистый. В центре памятника находится невысокое (до 1 м) всхолмление. Поселение примыкает с севера к улице села. Центральная, наиболее высокая часть памятника расположена в 170 м к северо-западу от церкви. В юго-восточной части поселения находится смотровая вышка. Поверхность памятника задернована. В средней его части проходит глубокая траншея плантажной вспашки. К западу от поселения находится рекультивированный карьер.

Общие размеры поселения — 370 × 160 м. На памятнике заложены 3 шурфа и сделаны 3 зачистки обнажений культурного слоя, толщина которого составляет 0,35–0,6 м.

По данным сбора подъемного материала, шурфам и зачисткам наиболее ранние напластования на памятнике относятся к эпохе бронзы. Не исключено наличие на поселении и отдельных объектов раннего железного века. Груболепная неорнаментированная керамика с крупным шамотом в тесте аналогична по фактуре найденной на поселениях Кривец-4, Ярок-5 и 9, но, к сожалению, невыразительная и, скорее всего, относится к VI–VII вв. Интересно, что она концентрировалась в центре поселения на наиболее возвышенном его участке и рядом с ним — на пространстве около 110 × 50 м.

Следующий этап заселения памятника относится к монгольскому времени (XIV–XV вв.). Обильно представлен на селище и материал XVIII–XIX вв. (Обломский, 2013, с. 22–24).

21. ***Горитово-1*** (Мичуринский р-н Тамбовской обл.). Поселение открыто в 1988 г. Б. А. Фоломеевым. Селище находится на северо-восточной окраине с. Горитово на пологом мысу левой первой надпойменной террасы р. Воронеж в 0,3 км выше по течению от впадения в нее р. Горитовки. Высота поселения от уровня воды в реке — 7 м, от уровня низкой поймы — до 5 м. Поверхность частично задернована, частично занята огородами. Подъемный материал собран на территории 150 × 90–120 м. Б. А. Фоломеев отнес поселение к эпохе бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.).

Раннеславянской экспедицией ИА РАН в 2012 г. поселение было осмотрено, а в 2013 г.

проведена его шурфовка (Обломский, 2013, с.25, 26; 2014а, с. 4–12). Общая толщина культурного слоя колеблется в пределах 0,41–0,53 м и лишь в шурфе 1 она составляла 0,73–1,03 м.

На памятнике обнаружены материалы эпохи бронзы, раннего железного века, раннеримского периода, раннего Средневековья, позднего Средневековья, Нового времени. На большей части площади культурный слой поселения переотложен, по всей видимости, в эпоху позднего Средневековья.

Лепная керамика, предположительно относящаяся к раннему Средневековью (45 фрагментов сосудов) встречалась, преимущественно, на огородах. Находки ее в шурфах единичны. Преобладают фрагменты груболепных сосудов с крупным шамотом в тесте. Реже встречается лепная керамика с крупным шамотом и дресвой в тесте, еще реже — с шамотом и железной рудой в тесте. Не исключено, что к этой же культурно-хронологической группе относится обломок шейки сероглиняного гончарного горшка, по фактуре близкого к пастырскому типу (толстостенный, с относительно рыхлым тестом).

Возможно, раннесредневековым объектом была яма 1 шурфа 3, но керамика, которая происходит из ее заполнения, невыразительна.

22. ***Новое Тарбеево-3*** (Мичуринский р-н Тамбовской обл.). Поселение открыто в 2012 г. во время разведки Раннеславянской экспедиции ИА РАН, собран подъемный материал, заложен шурф. Оно расположено в 200 м к востоку от северо-восточной окраины села, занимает край первой надпойменной террасы левого берега р. Воронеж высотой 4–5 м от уровня низкой поймы. Рядом с террасой в западной части поселения находится старица реки, в которую впадает ручей. Здесь же по краю террасы проходит лесополоса, которая в центре поселения поворачивает к югу. К востоку от селища находится магистральная ЛЭП. Поверхность поселения практически полностью распахана. Его размеры по распространению подъемного материала составляют 1 × 0,04–0,05 км, территория вытянута вдоль края террасы.

Толщина культурного слоя — 0,4–0,45 м. Материал концентрировался на глубине до 0,2 м.

Проведенные работы показали, что основные периоды заселения памятника относятся к эпохе бронзы (возможно, к срубной культуре), раннему Средневековью и монгольскому времени (XIII–XV вв.). Допустимо наличие на поселении и каких-то объектов раннего железного века.

С ранним Средневековьем предположительно связана лепная керамика с крупным шамотом в тесте (25 фрагментов), правда, обломки сосудов невыразительны для более или менее точного культурно-хронологического определения (Обломский, 2013, с. 28, 29).

23. ***Новое Тарбеево-4*** (Мичуринский р-н Тамбовской обл.). Поселение открыто Раннеславянской экспедицией ИА РАН в 2012 г. Занимает мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Воронеж высотой 6 м от уровня низкой поймы. Селище находится к северо-востоку от восточной окраины села в 120 м к северу от водонапорной башни. Размеры поселения по распространению подъемного материала 240 × 40 м. Практически вся территория памятника, за исключением участка размерами 40 × 80 м на его северо-западной оконечности, занята современным дачным поселком, который в значительной степени разрушил культурный слой. Подъемный материал собран на территории поселка. На нетронутом участке памятника произведена зачистка края обрыва грунтовой дороги. Общая мощность гумусных напластований составляет около 0,8 м.

По полученным данным памятник был заселен в эпоху бронзы и монгольское время (XIII–XV вв.). Не исключено наличие на поселении объектов раннего Средневековья: встречены 4 лепных черепка с крупным шамотом в тесте (Обломский, 2013, с. 29).

24. ***Красный Городок-3*** (Мичуринский р-н Тамбовской обл.). Поселение расположено в 2,14 км к юго-востоку от железнодорожной станции Новоникольское на месте несуществующей деревни Красный Городок. Занимает небольшое всхолмление на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Польной Воронеж высотой 5 м от уровня воды в реке и 3 м от низкой поймы реки. Размеры поселения по распространению подъемного материала на поверхности — 100 × 70 м. Поверхность полностью задернована, по ней проходит грунтовая дорога.

Поселение открыто С. И. Андреевым в 1999 г. В 2012 г. во время осмотра Раннеславянской экспедицией ИА РАН был собран подъемный материал, заложен шурф. Толщина гумусного слоя составляет около 0,8 м.

Поселение возникло в эпоху бронзы, существовало в раннем железном веке и в период Древней Руси. Не исключено, что на памятнике имеются какие-то объекты раннего Средневековья: на поверхности найдена лепная керамика

с крупным шамотом в тесте (6 фрагментов стенок) (Обломский, 2013, с. 46, 47).

25. ***Стаево-6*** (Мичуринский р-н Тамбовской обл.). Поселение открыто Раннеславянской экспедицией ИА РАН в 2018 г. Оно находится в 1,85 км к юго-востоко-востоку от юго-восточной окраины с. Старое Тарбеево. Занимает мыс второй надпойменной террасы правого берега р. Воронеж высотой 5–6 м от уровня низкой поймы. Мыс имеет резкие обрывистые края, разрушающиеся во время разливов реки. В юго-западной части мыса находится карьер. Поверхность памятника в настоящее время задернована, местами заросла мелким кустарником. С севера к ней примыкает посаженный лес. По опушке проходят три линии противопожарной распашки, которые нарушили слой гумуса на всю его глубину. Размеры памятника определены по распространению подъемного материала в бороздах распашки и по данным шурфовки. Они составляют 20–40 × 60 м. Северо-западная граница условна: край поселения смыкается с территорией селища Стаево-7, где преобладает материал позднего Средневековья — Нового времени. В этом районе найден железный втульчатый наконечник стрелы формы, характерной для раннего железного века.

На памятнике встречена почти исключительно лепная керамика со средним шамотом в тесте, иногда с дополнительными включениями дресвы (сильно измельченная), которая, скорее всего, относится к раннему Средневековью. Тем не менее культурный слой Стаево-6 очень слабо насыщен находками. Поселение, по всей видимости, было кратковременным (Обломский, 2019б, с. 10, 11).

***

Приведенные выше сведения позволяют сделать следующие выводы.

1. Памятники верхневоронежской культурной группы, известные в настоящее время, составляют не менее трех областей концентрации. Крайняя восточная из них находится у истоков р. Воронеж вплоть до места впадения в нее р. Алешня и в низовьях р. Польной Воронеж (рис. 140). Следующая к западу расположена в районе современных сел Кривец — Горитово близ устья р. Иловай. Территория самой западной области — довольно расплывчатая, очевидно из-за отсутствия в этом регионе специальных разведок, нацеленных на выявление памятников раннего Средневековья. Ее верхние по течению Воронежа границы фиксируются где-то около пгт. Доброе, нижние — к северу от г. Липецка. Особняком стоит поселение Ярлуково в низовьях р. Матыры. Протяженность восточной зоны концентрации памятников составляет около 10–13 км, средней и западной — около 10 км.

В восточной зоне известны селища как линии Ярок (комплекс у с. Стаево, Красный Городок-4), так и Кривец (Новоникольское-8; вероятно, Красный Городок-2). Аналогичная картина наблюдается и в средней зоне концентрации поселений. Именно здесь расположены селища Ярок-9 и Кривец-4, по которым обе типологические линии памятников верхневоронежской группы и получили свое название.

В западной зоне концентрации раннесредневековых поселений находится селище Большая Кузьминка-4А — эталонное для древностей славянской традиции памятников линии Ярок. Южнее, но рядом с этой областью, расположено поселение Ярлуково с ярко выраженным комплексом керамики колочинского круга, т. е. относящееся к линии Кривец.

Наличие на р. Воронеж во всех областях концентрации раннесредневековых памятников поселений обеих типологических линий может косвенным образом свидетельствовать, что новое колочинское население, пришедшее в долину р. Воронеж около второй — третьей четверти VII в., не вытеснило полностью обитавшие здесь раньше группировки линии Ярок, а в какой-то степени сосуществовало с ними, по крайней мере, оседало на уже заселенных до этого территориях. Впрочем, вывод о частичной синхронности древностей линий Ярок и Кривец требует подтверждения на новых материалах и не может считаться окончательным.

2. Размеры памятников весьма различны, но нужно учитывать, что большинство их этих поселений — многослойные и ареал культурного слоя определяется по распространению массового материала разных эпох. Если принять во внимание планиграфию находок раннего Средневековья (где она известна), то получается, что в Кривце-4, где раскопана большая часть площади памятника, были расположены три жилища с хозяйственными объектами, а в Ярке-9 исследованы всего две усадьбы. Еще одна могла находиться в западной части поселения, где культурный слой поврежден не так давно существовавшими хозяйственными сельскими сооружениями.

В Большой Кузьминке-4А на громадном раскопе И. Е. Бирюкова (12 677 кв. м) исследовано лишь два скопления хозяйственных ям,

расположенных компактно. Размеры поселения Ярок-10, которое находится на высоком холме, небольшие — 46×14–16 м, т. е. на нем могли разместиться максимум две усадьбы, а на селище Красный Городок-2, где собрана серия раннесредневековых находок — тоже две (размеры дюны, которую занимает поселение — 70×50 м). На селище Красный Городок-4 все находки раннего Средневековья, несмотря на огромную вскрытую площадь (21 053 кв. м), расположены в пределах юго-восточной части памятника размерами не более 70–80×120–140 м, при этом исследованные объекты концентрировались лишь в средней части раскопа 2020 г.

На поселении Новоникольское-8 лепная керамика, которую можно отнести к раннему Средневековью (разумеется, во многих случаях условно), собрана на пространстве 180×60–100 м. На селище Старое Тарбеево-2 по данным сборов на поверхности и шурфовки керамика, которую можно продатировать ранним Средневековьем, распространена на сравнительно небольшой территории 160×20 м.

3. Получается, что поселения эпохи раннего Средневековья на р. Воронеж, как правило, соответствуют по размерам одной-трем небольшим усадьбам. Площадь торгово-ремесленного комплекса у с. Стаево (Стаево-3, 4, 5), сравнительно небольшая даже для Верхнего Подонья (9,2 га), на фоне других селищ выглядит весьма значительной. По наблюдениям, которые приводятся в главе 2, на территории комплекса у с. Стаево могли одновременно существовать до десяти усадеб.

Обзор современного состояния «поселенческой» археологии варварской части Европы в эпоху Средневековья сделан Д. С. Коробовым (Коробов, 2017, с. 11–49). Преобладающее проживание населения на хуторах или в небольших неукрепленных деревнях, отделенных друг от друга бóльшими или меньшими пространствами, соответствует так называемому рассеянному типу освоения территории, характерному для южной части Северной Европы, Северной Франции и Южной Германии. Поселок у Стаево, если сравнивать его с прочими селищами верхневоронежской группы, близок к «концентрированному» типу (Коробов, 2017, с. 289–290).

Особенность освоения верхнего и среднего течения р. Воронеж в раннем Средневековье заключается в сосредоточении поселений на определенных участках (трех), отделенных друг от друга свободными территориями. Для славянских культур такая система довольно типична. Ее наличие в раннем Средневековье отмечено И. П. Русановой, Б. А. Тимощуком, Е. А. Горюновым, О. М. Приходнюком, В. Д. Бараном, в римское время — Р. В. Терпиловским и Н. С. Абашиной, А. М. Обломским (Русанова, 1973, с. 8, 9; Тимощук, 1995, с. 12–14; Горюнов, 1981, с. 11–14; Приходнюк, 1998, с. 22; Баран, 1972, с. 13; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 24, 25; Відейко и др. 2005, с. 92; Обломский, 1991, с. 25–29; 2016в, с. 18).

Остатки ремесел зафиксированы на нескольких верхневоронежских поселениях: черной металлургии — в Капитанщино-6 и Красном Городке-4, ювелирного или бронзолитейного — в Кривце-4, возможно, в Стаево-10. Тем не менее только в Стаево-4 и 5 наблюдается ремесленная специализация на отдельных участках поселка (для ювелирного — с рабочими площадками, запасами сырья и глины для литейных форм и тиглей, матрицами, инструментами; для черной металлургии — с постройкой для получения шихты). Учитывая относительно большие общие размеры поселений Стаево-3, 4, 5, наличие следов массового изготовления ремесленной продукции и предметов, связанных с торговлей, на их территории, поселок, который здесь находился, явно был центром довольно значительной округи, а не только восточного сгустка селищ на р. Воронеж. На всей территории Верхнего Подонья аналогичных по статусу поселений пока нет.

Глава 4

Лепная керамика комплекса у с. Стаево на фоне этнокультурных традиций верхневоронежской группы

А. М. Обломский (Москва), Н. В. Сыщиков (Тамбов)

Анализ этнокультурных традиций населения археологического комплекса у с. Стаево невозможен без изучения массового материала — лепной керамики. При этом нужно учитывать не только находки из Стаево-4 и 5, но и с памятников верхневоронежской культурной группы в целом, иначе предложенная картина не будет достоверной.

Методической основой выделения этнокультурных традиций в лепной керамике верхневоронежской группы является сочетание форм сосудов на конкретных поселениях. В предварительных публикациях материалов этой археологической общности указывалось, что ее памятники составляют две линии — типа Ярок и круга Кривец, отличающиеся по структуре керамического комплекса и хронологии (Гавритухин, Обломский, 2018, с. 136–140). На первых, которые датируются в широких рамках концом V — VII в., кроме окского набора представлена раннеславянская керамика (посткиевской традиции с пеньковскими элементами) и, возможно, постчерняховская (Обломский, 2018а, с. 369). Вторые датируются второй — третьей четвертью VII в. На них встречена керамика окского набора и колочинского круга (Обломский, 2012б, с. 191–193).

Среди памятников 1-й линии (типа Ярок) определимая раннесредневековая керамика только славянской традиции происходит с поселений Ярок-5 и 9 (Обломский, 2012б, рис. 24; 2016а, с. 132, рис. 10, 11) и Большая Кузьминка-4А (Бирюков, 2014; Разуваев, 2014) (см также главу 3). На селище Красный Городок-4 найдены лишь два обломка сосудов окской традиции, а керамика прочих форм аналогична посуде перечисленных выше памятников (Бирюков, Голотвин, 2020)[1]. Этот набор сосудов стал основой для выделения близкого керамического комплекса на поселениях Стаево-4 и 5. Кроме раннеславянской, на этих двух селищах встречена и другая керамика. В ее составе по аналогиям были выделены окская и постчерняховская традиции.

Из поселений 2-й линии характерный набор колочинской керамики в чистом виде содержат селища Ярлуково, Коровий Брод, Терешковский вал (Обломский, 2011а, рис. 2, 3). По аналогиям с этими памятниками, керамика колочинского круга была выделена и в Кривце-4. Посуда окского круга резко отличается от колочинской по набору форм.

В качестве основы типологии форм использована схема, которая применялась при описании керамики из Замятинского и Ксизовского

[1] Сердечно благодарим И. Е. Бирюкова и А. В. Суркова, предоставивших для работы неопубликованные материалы из Красного Городка-4 и Большой Кузьминки-4А.

комплексов верхнедонских памятников гуннского времени (Острая Лука, 2004, с. 157, табл. 1, рис. 134; 2015, с. 95–103). Анализ профилировки сосудов заставил отказаться от отдельной классификации лощеной керамики. По структуре профиля она аналогична кухонной (включая большинство форм мисок).

К сожалению, керамические серии верхневоронежской группы пока невелики, а сама посуда, как правило, фрагментирована. По этой причине возможности дать полное представление о пропорциях сосудов пока нет.

Описание форм славянской традиции памятников линии Ярок

I,1,а,а, *горшки*. Округлобокие. Венчик изогнут, отогнут наружу, перегиб в месте шейки — плавный, участок между шейкой и бочком — выпуклый, участок ниже места наибольшего расширения тулова — слегка выпуклый или прямой (рис. 2: 1, 3, 4, 6). Из Ярка-5 происходит 1 экз. (рис. 150: 10) (Обломский, 2012б, рис. 24: 10), из Ярка-9 — 4 экз. (Обломский, 2016б, рис. 10: 12, 13; 11: 2, 11), из Большой Кузьминки-4А — 3 экз. (Бирюков, 2014, с. 15 и архивные материалы), из Красного Городка-4 — 5 экз. (рис. 154: 4) (Бирюков, Голотвин, 2020, рис. 4: 2; 5: 3, 4 и архивные материалы). В Стаево являются самой распространенной формой сосудов. В Стаево-4 их найдено 10 экз., а в Стаево-5 — 38 экз. (см. главы 1 и 2).

I,3-а, *горшки.* Округлобокие. Отличаются от предыдущих дугой неопределенной формы между шейкой и бочком, закрытые, т. е. диаметр венчика меньше или равен диаметру наибольшего расширения тулова (рис. 2: 9). На памятниках линии Ярок довольно редки. Определимые формы известны пока только в Стаево-4 (1 экз.) и в Стаево-5 (4 экз.) (см. главы 1 и 2).

I,3-б, *горшки*. Округлобокие, по структуре профиля аналогичны предыдущим, но диаметр венчика больше диаметра максимального расширения тулова. В коллекциях линии Ярок единичны: Ярок-9 — 1 экз. (Обломский, 2016а, рис. 10: 13), Стаево-4 — 2 экз. (см. главу 1).

I,4,а, *горшки.* Округлобокие, баночные, без отогнутого наружу венчика. Единственный определимый однозначно экземпляр происходит из Ярка-9 (Обломский, 2016а, рис. 11: 4). На этом же памятнике найдены обломки двух сосудов, которые в равной степени могут относиться как к таксону I, 4, а, так и II, 5. Последние отличаются только наличием ребра в месте наибольшего расширения тулова (Обломский, 2016б, рис. 10: 16, 17).

II,1, *горшки.* Ребристые с вогнутой линией профиля выше места наибольшего расширения тулова и прямой или слегка вогнутой — ниже (рис. 2: 5). Пока известны только в Стаево-5 (3 экз., см. главу 2).

II,2,а, *горшки.* Ребристые биконические. Венчик изогнут, отогнут наружу, перегиб шейки плавный, участок профиля между шейкой и плечом прямой, участок ниже ребра до дна — прямой или слегка вогнутый. Обломки одного такого сосуда происходят из Ярка-5 (рис. 150: 2) (Обломский, 2012б, рис. 24: 2). В Стаево-5 найдены фрагменты шести подобных форм (см. главу 2).

Из Стаево-5 происходит приземистый биконический горшок, край венчика которого утрачен. Он в равной степени может относиться к таксонам II,2, а и II,5 (рис. 2: 7; 103: 1).

II,5, *горшок*. Ребристый биконический без отогнутого венчика. Единственный сосуд этого таксона происходит из Красного Городка-4 (Бирюков, 2020, рис. 4: 1) (рис. 2: 10).

Миски-плошки, или усеченно-конические миски. Экземпляр с отбитым дном происходит из Ярка-9 (Обломский, 2016а, рис. 11: 14), полый поддон, вероятно, от такой миски — из Стаево-5 (рис. 57: 16).

Диски-сковородки. Плоские без закраин (диски I) найдены в Ярке-9 (1 экз.; Обломский, 2016а, рис. 10: 21), Большой Кузьминке-4А (3 экз., архивные данные), в Красном Городке-4А (рис. 154: 16) (1 экз.: Бирюков, Голотвин, 2020, рис. 4: 12). Диски с отогнутым наружу бортиком встречаются чаще (рис. 2: 11). Их обломки происходят из Ярка-5 (рис. 150: 8, 9) (2 экз., Обломский, 2012б, рис. 24: 8, 9), Ярка-9 (1 экз., Обломский, 2016а, рис. 10: 19), Большой Кузьминки-4А (1 экз.), Красного Городка-4 (1 экз., Бирюков, 2020, рис. 5: 6), Лавского комплекса (г. Елец). В Стаево-4 их найдено 5 экз., а в Стаево-5 — 8 экз. (см. главы 1 и 2).

В Ярке-9 обнаружены 4 сковородки, которые на других памятниках не встречены. Они имеют относительно высокий, специально смоделированный бортик либо прямой, отогнутый наружу, либо с внешним ребром (Обломский, 2016а, рис. 10: 15, 18–20) (рис. 2: 2).

Сосуды раннеславянского набора на памятниках линии Ярок представлены исключительно горшками с шероховатой поверхностью. Довольно часты диски и сковородки (названия

этих категорий посуды, разумеется, условны). Как отмечено в описании материалов Стаево-4 и 5, подавляющее большинство горшков перечисленных таксонов сильнопрофилированные. На прочих памятниках, где встречена керамика раннеславянского набора, слабопрофилированные горшки вообще отсутствуют.

В целом раннеславянский набор сосудов поселений линии Ярок находит параллели в керамике киевской традиции памятников типа Чертовицкое — Замятино (описание см. в: Острая Лука, 2004, с. 148, 149; 2015, с. 96–98). Кроме того, отдельные сосуды раннего Средневековья имеют аналогии в пеньковском керамическом комплексе. К ним относятся горшки с налепными валиками под венчиками (Ярок-5 и Ярок-9; рис. 2: 8) (Обломский, 2012б, рис. 24: 3; 2016а, рис. 11: 3; ср. Приходнюк, 1998, рис. 32: 10, 12; 34: 12 и др.), биконические горшки приземистых пропорций из Стаево-5 и Красного Городка-4 (рис. 2: 7, 10; 103: 1) (Бирюков, Голотвин, 2020, рис. 4: 1; ср. Приходнюк, 1998, рис. 32: 4; 35: 1; 37: 12; 42: 2). В ту же группу керамики, вероятно, входят обломки сосудов без выраженных венчиков из Ярка-9 (Обломский, 2016а, рис. 10: 16, 17). На пеньковских памятниках встречаются и сковородки-тазики с высокими прямыми венчиками, как в Ярке-9 (Приходнюк, 1998, рис. 30: 13; 31: 4; 32: 10; 34: 7 и др.).

Необходимо отметить, что появление керамики пеньковского облика в Подонье зафиксировано и на более ранних памятниках типа Чертовицкое — Замятино гуннского времени (Обломский, 2011, с. 58). В целом же раннеславянский набор керамики поселений линии Ярок существенно отличается от пеньковского прежде всего относительно небольшой долей ребристых сосудов (Обломский, 2016а, с. 132). Раннеславянский набор посуды древностей линии Ярок непосредственно продолжает традиции памятников типа Чертовицкое — Замятино.

Описание форм сосудов славянской традиции памятников линии Кривец

Все сосуды имеют шероховатую поверхность.

I,1,а,а, *горшки.* Два сосуда найдены в Кривце-4 (Обломский, 2012б, рис. 20: 1, 2) (рис. 8: 6, 7), один — на поселении Коровий Брод (Обломский, 2011а, рис. 3: 8).

I,3-а, *горшки.* Два сосуда происходят из Кривца-4, один — из Новоникольского-8 (рис. 156: 4) (Обломский, 2012б, рис. 20: 3, 4; 23: 1), два — из Ярлуково (рис. 141: 3,4) (Обломский, 2011а, рис. 2: 3, 4). Один горшок найден на поселении Коровий Брод (не опубликован).

I,3-б, *горшки.* Восемь целых и фрагментированных сосудов найдены на селище Кривец-4 (Обломский, 2012б, рис. 5: 1, 2; 10: 1–3; 20: 5–7) (рис. 8: 1–5), три — в Коровьем Броде (Обломский, 2011, рис. 3: 8 и два неопубликованных), еще один — в Ярлуково (рис. 141: 2) (Обломский, 2011а, рис. 2: 2).

I,4, г, *горшок.* Обломок такого сосуда усеченно-конической формы происходит с поселения Кривец-4 (Обломский, 2012б, рис. 20: 8).

II,1 и II,5, *ребристые горшки*. По одному сосуду этих таксонов происходят с поселения Терешковский Вал. У обоих резко оттянутые ребра в месте наибольшего расширения тулова (рис. 8: 13, 14).

На памятниках типа Кривец известны 24 горшка раннеславянской традиции. Чаще всего встречаются тюльпановидные формы таксона I,3-б, на втором месте находятся закрытые горшки подобной профилировки (I,3-а). Сосуды прочих форм единичны.

В отличие от раннеславянского набора горшков линии Ярок, в Кривце и на близких ему памятниках резко преобладают слабопрофилированные сосуды. Наклон венчика от плеча наружу более острый, чем 150°, наблюдается всего у 4 форм. Как отмечалось ранее, у этого набора сосудов есть аналогии на памятниках колочинской культуры лесостепного и лесного Поднепровья (Обломский, 2011, с. 57; 2012, с. 191). Очень показательны в этом отношении валики на ребрах горшков из Терешковского Вала. Тем не менее набор раннеславянской керамики линии Кривец по сравнению с колочинским имеет специфику. Она заключается, во-первых, в полном отсутствии дисков (по крайней мере, на исследованных в настоящее время памятниках), а во-вторых, в находках обломков груболепных низких миниатюрных мисок с относительно резким переломом корпуса (рис. 8: 9, 10). Происхождение этой формы пока не понятно. Не исключено, что она является результатом собственного творчества раннесредневекового населения верховьев р. Воронеж.

Описание форм сосудов «окской» традиции

I,1,а,а, *миски.* Округлобокие. Венчик изогнут, отогнут наружу, перегиб в месте шейки — плавный, участок между шейкой

и бочком — выпуклый или почти прямой, участок ниже места наибольшего расширения тулова — слегка выпуклый или прямой, у двух сосудов — отчетливо выпуклый. Все целые формы — широкодонные. Четыре миски происходят из Стаево-5 (все — лощеные) (рис. 3: 14, см. также главу 2), одна миска с шероховатой поверхностью найдена в Кривце-4 (рис. 9: 11).

Прототипы таких мисок достаточно часто встречаются на памятниках типа Чертовицкое — Замятино (Острая Лука, 2004, с. 151; 2015, с. 101 — тип 2), где имеют параллели в мощинской и позднедьяковской культурах.

I,1,а,а, особая форма. *Округлобокие горшки*. Основные признаки — такие же, как и у горшков I,1,а,а. Особенность таксона — выступ ниже шейки, но выше места наибольшего расширения тулова (рис. 3: 1, 2). Выделена по материалам Ксизовского комплекса, первоначально была отнесена к киевской традиции (Острая Лука, 2015, с. 96), хотя на памятниках собственно киевской культуры таких форм нет. В Стаево-5 представлена пятью сосудами. Один из них имеет подлощенную поверхность, другой — лощеную, прочие — шероховатую. В Стаево-4 найден один такой сосуд (груболепной). В Кривце-4 встречены 2 таких горшка, но выступ у них выделен резче, а профиль — более сглаженный.

Не исключено, что обычай украшать эти сосуды выступом возник под влиянием традиций мощинской культуры, где подобные формы имеются как в груболепном, так и в лощеном вариантах (Никольская, 1959, рис. 18: 3; Воронцов, 2013, рис. 23: 1; 28: 2; 53а; 53б). Они известны вплоть до финала культуры, о чем свидетельствуют материалы скопления 2 городища Акиньшино. Этот комплекс А. М. Воронцов относит к первой половине VII в. (Воронцов, 2016, с. 225, рис. 15: 1). Встречаются аналогичные формы на памятниках так называемого постдьяковского периода VI–VII (VIII?) вв., выделенных Н. А. Кренке в Среднем Поочье (Кренке, 2016, с. 282, 283): Болшево-3 (Чернов, Волков, 2009, рис. 10: 1631; 11: 1593), а также в слое штурма Тереховского городища рязано-окской культуры середины — третьей четверти VII в. (Ахмедов, 2016б, с. 68, рис. 4: 9). Найдены обломки подобных сосудов и в верхнем слое городища Ростиславль, который отложился выше горизонта пожара середины I тыс. н.э. (Тавлинцева, 2010, рис. 3: 6,14,17).

Во Владимиро-Суздальском Ополье выразительный комплекс керамики происходит из ямы 1 поселения Кибол-7. Украшения, собранные в 2002–2006 гг., датируются преимущественно V–VII вв. По данным сопоставления результатов радиокарбонного анализа вещей и керамики, территория памятника заселялась несколько раз, но основной период жизни приходится на III–VII вв. (Макаров и др. 2011, с. 45). Из ямы 1 по образцу из угля получена с 68,5% вероятности калиброванная радиокарбонная дата 430–690 гг. (Макаров и др., 2011, с. 40). Здесь же обнаружены обломки сосудов таксона I,1,а,а (особой формы) (Макаров и др., 2011, рис. 3: 3, 21)

I,1,а,а, особая форма. *Округлобокие миски*. Форма аналогична предыдущему таксону. Одна из них найдена на поселении Стаево-5 (рис. 3: 6), вторая — в Кривце-4 (рис. 9: 3). Первая из них имеет заглаженную поверхность, вторая — шероховатую. Прототипы этих мисок также встречены на донских памятниках круга Чертовицкое — Замятино, например, на поселении Ксизово-17Б (Острая Лука, 2015, рис. 185: 15). В Среднем Поочье очень похожая миска найдена в погр. 5 могильника Ундрих (Румянцева, 2007б, рис. 8: 6). Подобные сосуды происходят из горизонта пожара городища Ростиславль середины 1 тыс. (Тавлинцева, 2010, рис. 2: 2, 7), к северу от Оки — из комплекса гладкостенной и лощеной керамики Кикинского городища, который, по автору публикации В. И. Вишневскому, преимущественно относится к V–VIII вв. (Вишневский, 2007, с. 92, рис. 9: 3), а также с городища Отмичи (группа 5, форма Е), где они относятся к так называемому мощинскому периоду (ориентировочно датируется концом IV — V, возможно, VI в.) (Исланова, 2008, с. 35, 46; рис. 152: 7).

I,1,в, *горшки*. Округлобокие, венчик прямой или слегка выпуклый, гладкий, отогнут наружу. Шейка — плавная, иногда довольно резкая. В Стаево-5 к этому таксону относятся фрагменты 5 горшков, один из них — лощеный (рис. 3: 3, 4, см. также главу 2). Еще встречены несколько обломков прямых венчиков груболепных сосудов, которые могут относиться к этому таксону. Фрагмент такого сосуда найден в Красном Городке-4 (рис. 154: 8) (Бирюков, Голотвин, 2020, рис. 5: 5).

I,1,г, *горшки*. Отличается от предыдущего наличием закраины на венчике. В Стаево-5 такую форму достоверно имеет один груболепной горшок (рис. 3: 5). Пять обломков верхних частей (один с лощеной поверхностью, прочие — с шероховатой) в равной степени могли

принадлежать горшкам и мискам. В Кривце-4 найден один сосуд с шероховатой поверхностью (рис. 9: 10).

Обе формы (I,1,в и I,1,г) весьма широко распространены на памятниках типа Чертовицкое — Замятино. Происхождение их неоднозначно. В позднеримское и гуннское время такие сосуды встречены в черняховской культуре, где относятся к скифо-сарматской традиции, и на могильниках типа Дружное — Нейзац в Крыму. Другим регионом, где подобные сосуды распространены широко, является бассейн Оки (мощинская, позднедьяковская, рязано-окская культуры). Венчики у горшков этой формы, как правило, относительно низкие, что сближает их с керамикой верхневоронежской группы (Острая Лука, 2004, с. 149, 150; 2015, с. 99, 100).

В середине I тыс. н.э. такие сосуды известны на городище Ростиславль в Среднем Поочье (Тавлинцева, 2010, рис. 2: 10), на поселении и могильнике Соколова Пустынь, которые Н. А. Кренке отнес к кругу «постдьяковских» памятников (Потемкина и др., 2019, рис. 2: 1, 3, 6, 7, 10; 5: 2). Обломки горшков с прямыми венчиками и пологой линией профиля ниже шейки происходят из позднего скопления 2 городища Акиньшино (Воронцов, 2016, рис. 16: 1,2). По В. В. Гришакову, формы горшков, близкие к I,1,в (таксоны А5и и А8и по его классификации) распространены на четвертом этапе рязано-окских могильников (V–VII вв.) (Гришаков, 1993, с. 18, 19, 80, рис. 7: 8, 9). К таксону I,1,в относится горшок, в котором был сокрыт Ёлшинский клад VII в. (верховья р. Прони правого притока Оки) (Ахмедов, 2014б, с. 282). Сосуд формы I,1,г происходит из очень позднего погребения 66 Старо-Кадомского могильника — вместе с деталями геральдической ременной гарнитуры (Ахмедов, 2010, рис. 4).

К северу от Оки такая керамика встречена на Кикинском городище в наборе гладкостенной посуды (Вишневский, 2007, с. 86), в яме 1 поселения Кибол-7 (Макаров и др. 2011, рис. 3: 6).

I,1,г, *миски*. По форме аналогичны горшкам предыдущего таксона. Два экземпляра происходят из Кривца-4 (с заглаженной и лощеной поверхностью; рис. 9: 9, 10), на памятниках линии Ярок отчетливые формы пока не найдены, хотя, как было отмечено выше, имеются обломки верхних частей сосудов, которые могли в равной степени принадлежать и горшкам, и мискам. Низкие и высокие миски таких форм известны на памятниках типа Чертовицкое — Замятино Подонья (Острая Лука, 2004, с. 151; 2015, с. 101–102).

I,6, вариант 1. *Горшки.* Венчик — почти прямой, иногда имеет выраженную закраину, перегиб шейки — резкий, бочок — округлый, очень короткий, сведенный почти в уступ. Из Стаево-5 происходят обломки 4 таких сосудов (один из них с подлощенной поверхностью; рис. 3: 9, 10, см. также главу 2). Еще три обломка средних частей горшков могут относиться к этому таксону. Из Кривца-4 происходят три аналогичных сосуда (1 лощеный, 1 подлощенный, 1 с шероховатой поверхностью; рис. 9: 4, 5, 7).

I,6, вариант 1. *Миски.* По форме аналогичны горшкам предыдущего таксона. В Стаево-4 обнаружены обломки двух таких мисок с подлощенной и лощеной поверхностью (рис. 3: 8; 18: 10, 15, 16). Обломок еще одного подлощенного сосуда в равной степени может относиться к мискам и горшкам. Из Стаево-5 происходит крупный фрагмент такой миски с лощеной поверхностью (см. главу 2).

I,6, вариант 2. *Горшки.* Признаки — те же, что и у предыдущего таксона, отличие — в форме бочка. Он имеет вид резкого ребристого уступа. Фрагменты таких сосудов найдены в Стаево-4, Стаево-5, Красном Городке-4 (по одной форме; рис. 3: 7; 18: 5; 154: 17, см. также главы 1 и 2). Последний сосуд из перечисленных — лощеный.

По всей видимости, к этому же таксону относится и верхняя часть горшка с шероховатой поверхностью, найденная в шурфе на поселении Стаево-9 (рис. 160). Отличие заключается в том, что венчик этого сосуда — выпуклый снаружи.

I,6, вариант 2. *Миски*. По форме аналогичны горшкам, описанным выше. По одной миске происходят из Стаево-5 (рис. 3: 11) и Кривца-4 (рис. 9: 6). Последняя имеет подлощенную поверхность.

Формы таксона I,6 выделены по материалам Замятинского археологического комплекса гуннского времени (Острая Лука, 2004, с. 150). На Верхнем Дону в середине I тыс. н.э. они довольно широко распространены. Выразительная серия этих сосудов происходит, например, с памятников у с. Ксизово (Острая Лука, 2015, с. 98; 297). В позднеримское время сосуды этой формы имеют параллели в древностях мощинской и рязано-окской (в меньшей степени) культур (Острая Лука, 2004, с. 150; 2015, с. 98, 99).

На территории мощинской культуры обломки горшков подобной профилировки, как с уступом

под шейкой, так и со сглаженным бочком, известны в двух самых поздних комплексах городища Акиньшино (скопление 2 и постройка 11) (Воронцов, 2016, рис. 15: 5, 6, 12; 16: 3, 4; 19: 3). В раннем Средневековье Москворечья такая керамика встречена на поселениях Бородино и Болшево-3 (Кренке, 2016, рис. 44: 5; 45: 1, 2).

В междуречье Оки и Волги такие формы (обоих вариантов) найдены на Кикинском городище (Вишневский, 2007, с. 86, рис. 3; 4: 5; Кренке, 2016, рис. 44: 8, 10), в яме 1 поселения Кибол-7 (Макаров и др. 2011, рис. 3: 1).

Миски подобной формы с уступами под шейкой происходят из раннесредневековых напластований Тереховского городища на Средней Оке[2].

II,3, *ребристые горшки*. Венчик изогнут, отогнут наружу, перегиб в месте шейки — плавный, участок от шейки до бочка — вогнутый, участок профиля ниже ребра — выпуклый. Все сосуды — с шероховатой поверхностью. Целая форма и обломки двух горшков происходят из Стаево-5 (рис. 3: 12, 17; 110: 1, 15; 122: 1), фрагмент еще одного — из Лавского комплекса.

II,3, аналогичные по форме *ребристые миски*. Фрагменты шести таких мисок найдены в Стаево-5 (пять из них — с лощеной поверхностью, одна — с шероховатой; рис. 3: 13; 53: 2; 57: 17, 19; 115: 6, 14; 125: 1), одной — в Лавском комплексе. Одна миска (с шероховатой поверхностью) происходит из Кривца-4 (рис. 9: 12).

Миски похожей профилировки известны на поселениях типа Чертовицкое — Замятино, в позднеримское время встречены на памятниках позднедьяковской и мощинской культур (Острая Лука, 2015, с. 102).

Целый горшок подобной формы происходит из поздней постройки 11 городища Акиньшино (Воронцов, 2016, рис. 19: 1). На территории Верхнего Поочья традиция изготовления сосудов аналогичных форм сохраняется долго. По наблюдениям А. М. Колоколова, горшки с такой же, как у сосудов II,3, структурой профиля на городище Супруты встречены в комплексах роменской культуры IX — начала X в. (Колоколов, 2011, с. 53, рис. 1). Сосуд аналогичной формы, по данным В. В. Гришакова (таксон А5н по его классификации), найден в погребении 86 могильника Шатрищи, которое он датирует V–VI вв. (Гришаков, 1993, с. 18, 19, 80, рис. 7: 5). К северу от Оки обломок ребристого сосуда, близкого к типу II, 3, происходит из раннесредневекового Ратьковского могильника. Авторы публикации датируют этот памятник VI–X вв., при этом отмечая, что большая часть найденных на нем вещей со сравнительно узкой датой относятся к VI–VIII вв. (Вишневский, Кирьянова, Добровольская, 2007, с. 96, рис. 4: 19).

Ребристая лощеная миска с изогнутым венчиком и плавным переходом от венчика к тулову из Стаево-5 (рис. 53: 2) находит прямую аналогию среди материалов городища Картавцево (Воронцов, 2013, рис. 71: 1). Данное изделие принадлежит типу VI керамики мощинской культуры и представляет собой один из маркеров гуннского времени. Схожий по форме лощеный сосуд происходит с поселения гуннского времени Ксизово-19 на Верхнем Дону (Острая Лука, 2015, рис. 188: 1). Отдаленное сходство с сосудом из Стаево-5 можно найти среди материалов Ржевского Поволжья: на селище Суходол-2 найден ребристый сосуд близких пропорций (Исланова, 2007, рис. 23: 5).

Приведенные выше наблюдения показали, что все формы так называемого окского набора горшков и мисок памятников типа Ярок имеют прототипы в древностях круга Чертовицкое — Замятино.

Практически все «окские» формы сосудов из Кривца-4 находят параллели на памятниках линии Ярок. Исключением пока являются лишь горшки таксона II,3, которые на поселениях линии Кривец пока не найдены. Тем не менее фактически мы имеем дело с одним и тем же набором посуды, по крайней мере, на уровне сравнения форм.

Существенное различие керамики окского круга донских древностей типа Чертовицкое — Замятино гуннской эпохи и верхневоронежских заключается в отсутствии в наборе посуды последних ребристых мисок с высокими прямыми венчиками, характерными для мощинской культуры, которые на памятниках гуннского времени Подонья достаточно широко распространены (Острая Лука, 2004, с. 151–152; 2015, с. 297). В принципе, этот факт можно было бы объяснить эволюционным изменением лесостепного донского керамического набора, но этому предположению противоречат материалы городища Акиньшино, где миски такой формы встречены даже в самых поздних комплексах, относящихся уже к VII в. (Воронцов, 2016, рис. 17: 1–4; 19: 10),

[2] Неопубликованы, хранятся в ГИМе. Благодарю автора раскопок И. Р. Ахмедова за информацию об этих находках.

т. е. синхронных верхневоронежской группе. По всей видимости, происходит переориентация связей в рамках региона: мощинское влияние на верхнедонские памятники становится слабее, если не исчезает вовсе. О том, что связи верхневоронежского населения с группировками бассейна Оки сохранялись в раннем Средневековье, свидетельствуют находки украшений финского круга как на памятниках линии Ярок, так и Кривец (Обломский, 2012б, с. 195–197; Сыщиков, 2019, с. 140–143) (см. также главы 1 и 2).

Керамические наборы Поочья и Москворечья, в которых имеются параллели сосудам «окской» традиции верхневоронежской группы, специалисты относят к разным археологическим общностям, причем зачастую речь идет об одних и тех же памятниках. Городище Акиньшино А. М. Воронцов причисляет к мощинской культуре. Здесь обнаружены самые поздние мощинские комплексы из известных (скопление 2 и постройка 11 — первая половина VII в.) (Воронцов, 2016). Керамика из слоя пожара городища Ростиславль, по мнению Е. Ю. Тавлинцевой, характерна для всего москворецко-окского региона (мощинские и позднедьяковские древности), а также для ряда памятников Верхней Волги (Тавлинцева, 2010, с. 27). В статье о Соколовой Пустыни тем не менее Ростиславль определен как позднедьяковский памятник (Потемкина и др. 2019, с. 72). Саму Соколову Пустынь авторы публикации относят к могильникам с кремациями типа Щурово и считают, что ее материалы представляют собой новое явление раннего Средневековья на территории между мощинскими и рязано-окскими памятниками (Потемкина и др. 2019, с. 75). Ратьковский могильник по погребальному обряду имеет параллели в раннесредневековых финских сожжениях Поволжья, а в наборе вещей присутствуют предметы, характерные для рязано-окских, мерянских, муромских могильников, позднедьяковских городищ (Вишневский и др. 2007, с. 100, 101, 106). Керамика поселения Кибол-7, по мнению Н. А. Кренке, выполнена в стиле «мощинского круга» (Кренке, 2016, с. 282). Кикинское городище автор публикации отнес к позднедьяковской культуре (Вишневский, 2007, с. 92). Принадлежность могильников Шатрищи, Старый Кадом и городища Терехово к рязано-окской культуре (Ахмедов, Белоцерковская, 2007, рис. 1; Ахмедов, 2016б, с. 65) сомнений не вызывают. Весьма плодотворна идея Н. А. Кренке, который объединил Болшево-3, Бородино, Акиньшино, Кикинское городище и Соколову Пустынь в некий общий тип постдьяковских древностей (Кренке, 2016, с. 282, 283). Вряд ли, правда, к этому типу относится городище Акиньшино, керамика которого по набору груболепной и лощеной посуды, включая характерные ребристые миски с высокими прямыми венчиками, вполне соответствует «мощинскому стандарту».

Этнокультурное деление раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поочья, по всей видимости, не устоялось. Я разделяю точку зрения Е. Ю. Тавлинцевой о некоем общем круге древностей раннего Средневековья этого довольно обширного региона. Несомненно, в будущем выделятся более конкретные культурные группы.

Судя по приведенным аналогиям, лепная керамика «окской» традиции верхневоронежской группы относится к тому же культурному кругу.

В лесной зоне Восточной Европы имеется еще одна раннесредневековая археологическая общность, которая близка к верхневоронежским памятникам по своей структуре. И. В. Исланова выделила в Верхневолжском регионе древности типа Подол, которые датируются в широких рамках рубежа IV/V — VII в., правда сама Инна Васильевна подчеркивает условность этой датировки, поскольку хронологических индикаторов пока мало. На относящихся к типу Подол памятниках представлена лепная керамика нескольких групп. К первой относятся горшки с «высокой шейкой», коротким округлым бочком или ребристым уступом в месте наибольшего расширения тулова, очень близкие к таксону I, 6 верхневоронежской группы (Исланова, 2012, рис. 118; 2014, рис. 2). Вторую составляют горшки с изогнутым венчиком и ребром в верхней трети или четверти высоты тулова. Судя по фрагментам нижней части, стенки ниже ребра были выпуклыми (Исланова, 2012, рис. 119: 1–6; 2014, рис. 3). Эта форма близка к верхневоронежским сосудам таксона II,3. Горшкам первой группы И. В. Исланова находит аналогии на памятниках мощинской культуры.

Сосуды прочих групп (III–VII) связаны по происхождению с киевской культурой, включая ее северо-западные вариации типа Узмень, а также имеют параллели на памятниках культуры псковских длинных курганов и удомельского типа. От прочих археологических общностей раннего Средневековья Северо-Западного региона древности типа Подол отличаются относительно широким распространением керамики именно первых двух групп, которые явно имеют

окское происхождение (Исланова, 2012, с. 41, 42; 2014, с. 27–30; 2016, с. 162). Эта же традиция сближает древности типа Подол с верхневоронежскими.

Описание форм «постчерняховской» традиции

Лепная керамика этого круга (с шероховатой поверхностью) представлена пока только на поселении Стаево-4. Все сосуды относятся к категории горшков таксонов **I,1,в** (3 экз.) и **I,1,г** (2 экз.) (рис. 4: 2–7). В эту же группу можно включить и единственный экземпляр биконического горшка с раструбообразным венчиком формы **II,2,б** (рис. 4: 1). Как уже было отмечено выше, похожую структуру профиля имеют и некоторые округлобокие горшки «окской» традиции, т. е. выделение группы сосудов, связанных с возможным отдаленным наследием черняховской культуры, условно. Тем не менее горшки из Стаево-4 отличает от сосудов тех же таксонов из Стаево-5 и других памятников более резкая профилировка, свойственная черняховской керамике. Поразительное сходство по форме и пропорциям имеет сосуд из объекта 5 Стаево-4 (рис. 13: 1) с лепным горшком из наземной постройки на раскопе III 1948 г. черняховского поселения Кантемировка (Днепровское лесостепное Левобережье) (Обломский, 2002, рис. 58: 8). В ареале рязано-окской культуры аналогиями могут служить сосуды из могильника Никитино с шероховатой и лощеной поверхностью (Румянцева, 2007б, рис. 6: 2; 8: 8, 9). По мнению А. М. Обломского, формы этой серии в позднеримское время восходят к традициям пшеворской и вельбарской культур и могли появиться на средней Оке в результате крушения державы Германариха вместе с переселенцами из ареала черняховской культуры (Обломский, 2005, с. 38).

Косвенным подтверждением наличия черняховского наследия на раннесредневековых памятниках верховьев р. Воронеж являются находки биконических пряслиц с рельефной орнаментацией, хотя и единичные (рис. 117: 783; 120: 883).

***

Как было показано выше, практически все формы сосудов поселений линии Ярок имеют прототипы в верхнедонских древностях круга Чертовицкое — Замятино гуннского времени, причем, как и в конце IV — V в., в раннесредневековом керамическом наборе выделяется несколько этнокультурных традиций. Детальный анализ форм сосудов приводится выше. В целом в материалах Стаево к «посткиевскому» компоненту относятся закрытые округлобокие горшки с изогнутыми, отогнутыми наружу венчиками (рис. 2: 1, 3, 4, 6), тюльпановидные сосуды, диски-сковороды как плоские, так и с низкими бортиками (рис. 2: 11). Большинство сосудов «посткиевского» набора — сильнопрофилированные. Слабопрофилированные округлобокие горшки сравнительно редки. Встречены ребристые сосуды — как с выделенным венчиком, так и без него (Обломский, 2018а, с. 369) (рис. 2: 5, 7, 9). Представление о форме ребристых сосудов без выделенного венчика дает археологически целый горшок с поселения Красный Городок-4 (Бирюков и др., 2016, рис. 5) (рис. 2: 10), профиль которого типичен для пеньковской культуры Днепровского лесостепного Левобережья. Пеньковские традиции также ощущаются в обычае орнаментировать кухонные горшки налепными горизонтальными валиками под венчиками (Ярок 5 и 9) (Обломский, 2012б, рис. 24: 3, 7; 2016а, рис. 11: 3) (рис. 2: 8).

Окский набор составляют округлобокие горшки с ребром в верхней части профиля на изгибе бочка (рис. 3: 1, 2, 6) и с ребром под шейкой (рис. 3: 3–5, 8, 9), сосуды с плечиком, сведенным почти в уступ (рис. 3: 7, 10–13), ребристые горшки и высокие миски с выпуклой дугой в нижней части профиля (рис. 3: 14, 15, 17), вся лощеная посуда и все прочие типы мисок (как с лощеной, так и с заглаженной поверхностью) (рис. 3: 11, 16), «постчерняховский» — горшки с высокими раструбообразными венчиками, возможно, сосуды с выделенной шейкой и гранью под ней (рис. 4) (Обломский, 2018а, с. 369). Последние, впрочем, могут относиться и к окскому набору.

Посуда из Стаево, по сравнению с материалами более ранних памятников типа Чертовицкое — Замятино, менее разнообразна по формам. В ее наборе крайне редки такие широко распространенные на классических памятниках гуннского времени сосуды, как груболепные миски-плошки, отсутствуют ребристые так называемые мощинские миски (с прямой линией профиля выше ребра), нет лощеных сосудов причерноморской традиции, а также гончарной керамики.

Не удается пока выделить на памятниках линии Ярок керамику степного происхождения, хотя обломки горшков с обильной примесью органики наряду с минеральными включениями и имеются.

Посуда «окского» набора на классических поселениях круга Чертовицкое — Замятино имеет прототипы на памятниках культур мощинской, рязано-окских могильников и позднедьяковской. По известным в настоящее время данным, «окская керамика» памятников линии Ярок бассейна р. Воронеж наиболее близка к древностям Среднего Поочья, не имеющих еще пока однозначной культурной атрибуции, но явно похожих друг на друга по керамическому набору. Наиболее удачен в отношении их термин, который применяет Н. А. Кренке — «постдьяковские».

В лепной керамике поселений линии Кривец выделяются два набора форм, имеющих разное происхождение. В состав первого входят закрытые округлобокие горшки с изогнутым, отогнутым наружу венчиком и выпуклой дугой в верхней части профиля (рис. 8: 6, 7), слабопрофилированные, закрытые, округлобокие сосуды с дугой неопределенной формы на участке профиля от шейки до бочка, тюльпановидные, слабопрофилированные открытые горшки (рис. 8: 1–5, 11, 12), обломок усеченно-конического сосуда. Преобладают тюльпановидные горшки. На поселении Терешковский вал обнаружены два цилиндроконических сосуда с выступающими наружу треугольными в сечении ребрами в месте перелома корпуса (рис. 8: 13, 14). Такая же деталь оформления тулова отмечена на фрагменте одного из горшков в Кривце-4. Кухонные сосуды, как правило, неорнаментированны. Лишь два из них, происходящие из Кривца-4, были украшены легкой насечкой по венчику (рис. 8: 8). Этот набор типичен для колочинской культуры лесостепного и лесного Поднепровья. В Поднепровье, в том числе и на памятниках колочинской культуры, встречены и многие украшения, найденные в Кривце.

Ко второму керамическому набору относятся округлобокие, груболепные горшки и миски с шероховатой поверхностью с изогнутым, отогнутым наружу венчиком и уступом под ним, а также с бочком, сведенным практически в уступ, ребристые сосуды с выпуклой дугой ниже места наибольшего расширения тулова, все лощеные и заглаженные миски (рис. 9). Этот набор очень близок к «окскому» из Стаево и, видимо, свидетельствует о наличии на памятниках линии Кривец финского окского компонента.

Таким образом, получается, что памятники верхневоронежской группы обеих линий объединяет общий окский компонент. Раннеславянские же традиции сильно различаются. Исчерпывающего объяснения этому пока нет из-за сравнительно небольшого количества раннесредневековых материалов Верхнего Подонья и не ясного до конца хронологического соотношения обеих линий верхневоронежской группы[3]. Тем не менее совершенно очевидно, что этнокультурные связи населения Верхнего Подонья и бассейна Оки сохранялись в течение всего периода существования верхневоронежской группы: «окская» керамическая традиция в ее составе была постоянной, а раннеславянская менялась. Не исключено постоянное проникновение в Верхнее Подонье населения окского круга на протяжении конца V — VII в.

[3] Древности линии Ярок достаточно надежно датируются в широких рамках конца V — VII в., вероятно, исключая его конец. Набор вещей из Кривца-4 датируется второй — третьей четвертью VII в. Вполне возможно, что памятники обеих линий какое-то время сосуществовали.

Глава 5

Металлические зеркала с поселения Стаево

А. В. Мастыкова (Москва)

Металлические зеркала античности и Средневековья довольно хорошо изучены. При этом в Восточной Европе больше всего исследователи обращали внимание на так называемые сарматские зеркала, и все их классификации построены преимущественно с учетом морфологических признаков, которые характеризуют форму дисков и ручек.

В 1963 г. А. М. Хазанов опубликовал специальное исследование, посвященное генезису, типологии и датировке сарматских металлических зеркал. Изделия с центральной петлей были выделены в особый тип X независимо от характера декора (Хазанов, 1963, рис. 1). Автор отметил, что этот тип зеркал во II–IV вв. находился на стадии сложения, поскольку форма петли очень изменчива (Хазанов, 1963, с. 67, 68). Орнамент же, по мнению А. М. Хазанова, на зеркалах с центральной петлей формировался под влиянием декора сарматских зеркал с боковым ушком, но не исключалось и влияние орнаментальных мотивов китайских металлических зеркал, последние также известны у степных евразийских кочевников (Хазанов, 1963, с. 67, 68).

Большинство российских исследователей вслед за А. М. Хазановым, изучая зеркала с центральной петлей, также не принимали во внимание характер рельефного орнамента на оборотной стороне и рассматривали их как единый тип. Но еще в 1956 г. И. Вернер разработал классификацию восточноевропейских зеркал с центральной петлей гуннского и постгуннского времени, где именно по характеру декора на оборотной стороне такие изделия были разделены на типы (Werner, 1956, S. 117, 118). Позднее другой немецкий исследователь, Б. Анке, внес некоторые уточнения в типологию этих зеркал, но и он взял за основу орнамент на оборотной стороне зеркала (Anke, 1998a; 1998b).

В рассматриваемой коллекции находок с поселения Стаево (Стаево-4, Стаево-5) представлено 22 металлических зеркала. К сожалению, все зеркала фрагментированы, и в некоторых случаях совсем мелкие обломки невозможно с определенностью отнести к тому или иному типу. Это пять находок из Стаево-5: № 315[1] (2017 г.); № 572, 641, 750 (2018 г.), № 882 (2019 г.) (рис. 165: 7–11), которые здесь не рассматриваются. Из остальных 17 находок 13 относятся к двум типам зеркал с центральной петлей, а 4 не могут быть однозначно идентифицированы.

Зеркала типа Карповка — Анке-4

Зеркала с центральной петлей, украшенные на оборотной стороне одним, двумя или тремя[2] концентрическими рельефными кругами были выделены И. Вернером в отдельный тип Карповка-Сан-Сюльпис (Werner, 1956, S. 117, 118) (рис. 161). Б. Анке такие зеркала отнес к типу IV (Anke, 1998a, S. 26, 27). Я использую объединенное название этого типа: зеркала типа Карповка — Анке-4 (Мастыкова, 2009, с. 83, 84).

---

[1] Здесь и далее номера даются по полевой описи.

[2] Учитывается количество кругов на самом диске зеркала, без круга по борту.

Сводка античных и средневековых зеркал этого типа была составлена Б. Незабитовской от самих ранних, III в., и до X–XII вв. (Niezabitowska, 2004). Такие зеркала были подробно рассмотрены И. П. Засецкой и ее соавторами при изучении богатых комплексов Морской Чулек в устье Дона и Михаэльсфельд в бассейне Нижней Кубани (Засецкая и др., 2007, с. 18–24; Засецкая, 2010, с. 149, 150). Изучались такие изделия и для территории Центрального и Западного Предкавказья в эпоху Великого переселения народов (Мастыкова, 2009, с. 83, 84), а также в более широком, восточноевропейском контексте (Мастыкова, 2015; 2016).

На поселении Стаево к типу Карповка — Анке-4 относятся 11 фрагментированных зеркал. Из них 6 экз. представлены изделиями с двумя или тремя рельефными концентрическими кругами на диске оборотной стороны:

Стаево-5, 2015 г., № 6 — зеркало с тремя кругами (рис. 162: 1);

Стаево-5, 2016 г., № 49 — зеркало, видимо, с двумя кругами (Обломский, Швырёв, 2018, рис. 6: 8) (рис. 162: 2);

Стаево-5, 2017 г., № 546 — зеркало с двумя кругами (рис. 162: 3);

Стаево-5, 2018 г., № 784 — зеркало с двумя кругами (рис. 162: 4);

Стаево-5, 2019 г., № 846 — зеркало с двумя кругами (рис. 162: 5); № 864 — зеркало с двумя кругами (рис. 162: 6).

Найдены также 2 фрагмента зеркал с одним рельефным кругом:

Стаево-4, 2015 г., № 80 — зеркало с одним кругом (Обломский, 2018а, рис. 16: 11; Обломский, Швырёв, 2018, рис. 6: 9) (рис. 162: 7);

Стаево-4, 2015 г., № 2 — зеркало с одним кругом (Обломский, 2018а, рис. 16: 10; Обломский, Швырёв, 2018, рис. 6: 6) (рис. 162: 8);

Добавлю еще три экземпляра зеркал, которые относятся к типу Карповка, но фрагментарность находок не позволяет определить количество кругов на диске: Стаево-4, 2015 г., № 41 (Обломский, 2018а, рис. 16: 9; Обломский, Швырёв, 2018, рис. 6: 7) (рис. 162: 9); Стаево-5, 2017 г., № 355 (рис. 162: 10), № 398 (рис. 162: 11).

Рассмотрим, как зеркала типа Карповка — Анке-4 распространяются в интересующее нас время, для какой территории они более всего характерны и каковы их общие хронологические рамки. Отмечу сразу, что в этой работе приводится не весь список имеющихся аналогий зеркалам рассматриваемого типа.

Вероятней всего, зеркала этого типа появляются на Северном Кавказе. В этом регионе находки таких изделий известны уже в римское время: «Золотое кладбище» (курган 52) на Правобережье Кубани; Западное кладбище Кобань (погребение 3) в Северной Осетии; в Дагестане — некрополь Дербента Нарын-Кала (погребения 2, 3) и могильник Львовский Первый-4 (курганы 30, 54); Братские 1-е курганы (курган 54) в Чечне (Гущина, Засецкая, 1994, с. 51, табл. 17: 162; Абрамова, 1974, с. 29, рис. IX: 1; Кудрявцев, Гаджиев, 1991, рис. 5: 1; 9: 70; Абрамова, Красильников, Пятых, 2001, с. 18, 33, рис. 48: 8; 82: 3; Малашев и др., 2018, рис. 4: 5). Впрочем, зеркала рассматриваемого типа зафиксированы и в других ранних материалах, например, на Среднем Днепре, на черняховском поселении Дмитровка / Дмитрівка III конца III — начала IV в. (Башкатов, Шита, 2010, с. 149, рис. 2: 3).

Но более всего зеркала типа Карповка — Анке-4 становятся популярными в эпоху Великого переселения народов.

Зеркала типа Карповка с двумя/тремя концентрическими кругами на диске оборотной стороны[3]

В бассейне ***Верхнего Дона*** зеркала подобного типа известны на нескольких памятниках гуннского времени в Задонском районе Липецкой области (рис. 163: 1–5).

Женское погребение на поселении Мухино-2 — зеркало с двумя кругами на диске (Земцов, 2004; Мастыкова, Земцов, 2014, с. 203, рис. 3: 1; Мастыкова, 2015) (рис. 161: 2).

Поселение Ксизово-8 — зеркало с двумя кругами (Острая Лука, 2015, с. 10, рис. 5: 16).

Поселение Ксизово-19А — зеркало с двумя кругами (Острая Лука, 2015, с. 13, рис. 9: 8) и еще два обломка, но определить количество кругов у них не представляется возможным (Острая Лука, 2015, рис. 9: 7, 9).

Могильник Ксизово-19 — пять фрагментов зеркал с двумя кругами, один — с тремя, и еще у одного обломка количество кругов не определяется (Острая Лука, 2015, с. 161, рис. 243: 1–7).

Городище Подгорное (Хлевенский район, Липецкая область) — три зеркала с двумя кругами (Медведев, 1996, рис. 3: 1; Обломский, 2007,

[3] Напомню, что круг по борту не учитывается.

рис. 21: 8; Гончаров, Земцов, Фабрициус, 2018, с. 106, рис. 5; Голотвин, 2013, с. 17) (рис. 161: 1).

Поселение Балахна — пять находок фрагментированных зеркал с двумя рельефными кругами на диске (Обломский, 2018б, с. 103, рис. 3: 6–8, 10, 11).

На ***Нижнем Дону*** (рис. 163: 6, 7, 36) в *Танаисе* погребение 87 содержало зеркало с декором в виде двух концентрических кругов (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2006, с. 54, рис. 1: 4), такое же зеркало с двумя кругами обнаружено и в погребении *урочища Терны* в дельте Дона (Гудименко, 1990, рис. 1: 6). Оба комплекса можно отнести к V в., не исключая начала VI в. Также в дельте Дона в разрушенном погребении *могильника Дугино-10* найдено зеркало типа Карповка с двумя кругами[4].

Зеркала типа Карповка — Анке-4 известны на ***Боспоре Киммерийском***. Например, на Европейском Боспоре (рис. 163: 8–12).

Боспорский некрополь (Керчь):

— склеп 165/1904 г., погребение 6 второй половины IV — первой половины V в. — зеркало с двумя кругами (Засецкая, 1993, с. 84, табл. 54: 297);

— склеп 78/1907 г., погребение 4 — два зеркала с двумя и тремя кругами (рис. 161: 5), погребение 9 — зеркало с двумя кругами. Семейный склеп 78.1907 г. функционировал со второй половины V до середины VI в. Погребение 4, судя по сочетанию пары двупластинчатых фибул и цельнолитой пряжки «геральдического» стиля относится ко времени около середины VI в. (Kazanski, 1996, fig. 8: 8–13; Засецкая, 1998, с. 430, 432, табл. XIV: 7, 8).

Могильник Заморское (Южное Приазовье), погребение 22 второй половины IV в. — первой половины V в. — зеркало с двумя кругами (Корпусова, 1973, рис. 4: 22).

Могильник Старожилово I (Крымское Приазовье), склеп 5/5 второй половины IV в. — первой половины V в. [5]– зеркало с двумя кругами (Масленников, 1997, рис. 12: 13).

Могильник на поселении Сиреневая Бухта (Крымское Приазовье):

— склеп 13/1 (костяк 5), имеются предметы второй половины IV — V в., не исключая VI в. — зеркало с двумя кругами (Масленников, 1997. Рис. 29: 9);

— склеп 15/3, возможно, от IV в. до конца VI, не исключая начала VII в. — зеркало с двумя кругами (Масленников, 1997, рис. 33: 3).

Могильник Джурга-Оба (западный берег Керченского пролива, этот могильник является составляющей частью некрополя боспорского города Китея), склеп 34, погребение 2, можно отнести к позднему V в. и, возможно, к первой половине VI в. — зеркало с двумя кругами[6].

В «азиатской» части Боспора (рис. 163: 14, 15):

Фанагория, некрополь «С», склеп 50.1937/гроб 1, первой половины / середины V в. — зеркало с двумя кругами (Строков, 2018. с. 214, рис. 1: 5);

Фанагория, некрополь «В», могила 94.1938, датируется, вероятно, в рамках V в., не исключая самого начала VI в. — зеркало с тремя кругами (Блаватский, 1951, с. 203, рис. 9: 7)[7];

Ильичевское городище (Таманский полуостров), помещение XI, ниша — зеркало с двумя кругами. В целом коллекция находок из ранневизантийского слоя крепости относится к V — середине VI в. (Гавритухин, Паромов, 2003, с. 152–154, табл. 61: 61).

В ***Юго-Западном Крыму*** зеркала типа Карповка фиксируются и на памятниках этого региона (рис. 161: 16, 17, 19, 20).

Могильник Совхоз 10 («Севастопольский», Балаклавский район, г. Севастополь), склеп 8, погребение 1, IV–V вв. — зеркало с двумя кругами (Высотская, 1998, с. 257, 263, 271, рис. 5: 25) (рис. 161: 3).

Могильник у с. Лучистое (Алуштинский район), склеп 229 — зеркало с двумя кругами (Айбабин, Хайрединова, 2017, рис. 171: 1), по сопутствующему инвентарю (дериваты фибул типа Арчар-Истрия и пряжка остроготской традиции с растительным декором, см.: Казанский, 2018; 2020а) склеп, скорее всего, датируется второй третью VI в.

Могильник Карши-Баир II (Нахимовский район, г. Севастополь), склеп 10 конца первой трети — середины V в. — зеркало с двумя

[4] Сердечно благодарю Ирину Викторовну Толочко за предоставленные неопубликованные материалы.

[5] Выражаю свою глубокую признательность Ларисе Алексеевне Голофаст за консультации по датировке стеклянных и керамических сосудов из некрополей Старожилово I и Сиреневая Бухта.

[6] Сердечно благодарю Александра Леонидовича Ермолина за предоставленные неопубликованные материалы.

[7] Пользуясь случаем, благодарю Антона Александровича Строкова за любезно предоставленные фотографии и информацию об этом склепе.

кругами (Ушаков, Филиппенко, 2006, с. 218, 219, рис. 5: 1).

Скалистинский могильник (Бахчисарайский район), склеп 449 — зеркало с двумя кругами (Веймарн, Айбабин, 1993, с. 111, 112, рис. 59: 13). В этом склепе захоронено несколько человек и обнаружены предметы, относящиеся как к постгуннскому времени, так и элементы геральдической ременной гарнитуры. Кости скелетов и вещи были сдвинуты в угол склепа, определить к какому конкретному захоронению принадлежит зеркало, не представляется возможным.

На ***Северном Кавказе*** зеркала типа Карповка — Анке-4 представлены только в западной половине региона — на Черноморском побережье и на Кубани (рис. 163: 21–24, 32–35).

Могильник Дюрсо (Краснодарский край, г. Новороссийск) (Дмитриев, 1979):

— погребение 298 — зеркало с двумя кругами (фаза 1–2: 450 — 480/490 гг.) [8];

— погребение 300 — зеркало с двумя кругами (начало фазы 1–2: 430/440 — 470/480 гг.);

— погребение 306 — зеркало с двумя кругами (фаза 1–2: 450 — 480/490 гг.);

— погребение 410 — зеркало с двумя кругами (третья фаза: 470/480 — 530/540 гг.);

— погребение 483 — зеркало с двумя кругами (фаза 1–2: 450 — 480/490 гг.) (рис. 161: 4),

— погребение 500 — зеркало с двумя кругами (промежуточное положение между фазами 450 — 470/480 и 3 фазой 470/480 — 530/540 гг.);

— погребение 516 — зеркало с двумя кругами (третья фаза 470/480 — 530/540 гг.).

Могильник Бжид 1 (Краснодарский край, Туапсинский район):

— погребение 57, по инвентарю сопоставимо с третьей фазой могильника Дюрсо: 470/480 — 530/540 гг. — зеркало с двумя кругами (Казанский, 2001, с. 47–52; Пьянков, 2002);

— погребения 5, 16, 46, 79, 80, 87, 100, 116, 117, 129 датированы в пределах второй половины V — первой половины VI в., содержали зеркала с двумя кругами (Пьянков, 2006, рис. 38; 39).

Могильник Сопино (Краснодарский край, Туапсинский район):

— погребение 3 гуннского/постгуннского времени, от 360/370 по 530/550 гг. — зеркало с двумя кругами (Мастыкова, 2009, с. 197, табл. 17: 5);

— погребение 11 гуннского/постгуннского времени, от 360/370 по 530/550 гг. — зеркало с двумя кругами (Анфимов, 1980, рис. 13: 2; Мастыкова, 2009, с. 197).

Могильник Пашковский № 1 (г. Краснодар), погребения 7.1948 г., 14.1948 г., 1.1949 г. — зеркала с двумя кругами (Смирнов, 2016, рис. 19: 2; 31: 8; 39: 3), датированные постгуннским горизонтом (430/470 — 530/570 гг.) (Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016, с. 79–81), и зеркало с тремя кругами из раскопок Н. В. Анфимова 1936 г. (номер погребения неизвестен) (Анфимов, 2016, рис. 180: 1).

Могильник Елизаветинского городища № 2 (г. Краснодар, Елизаветинский округ), погребение 95 — зеркало с двумя кругами; авторы раскопок датируют этот комплекс, как и все остальные погребения поздней группы могильника, концом V — первой половиной VII в. (Лунёв, Пьянков, 2016, с. 156, 157, рис. 1: 10).

Могильник Мешоко (Республика Адыгея, Майкопский район):

— погребения 5 (раскоп III) — зеркало с тремя кругами;

— погребение 7 (раскоп III) — зеркало с двумя кругами;

— погребение 3 (раскоп V) — зеркало с двумя кругами (Дитлер, 1995, с. 144–146, 151, табл. XXXII: 1–3). Все погребения датируются в рамках V–VII вв.

Могильник Ново-Вочепшийский (Республика Адыгея, Теучежский район) — зеркало с двумя кругами, происходит из разрушенных погребений вместе с предметами V–VI вв. (Мастыкова, 2009, с. 207, рис. 90: 4).

Тауйхабль (Республика Адыгея, Теучежский район) — зеркало с двумя кругами (случайная находка), найдено вместе с обломком малой двупластинчатой фибулы черняховской традиции (Мастыкова, 2009, с. 207, рис. 90: 3)

Зеркала типа Карповка с одним концентрическим кругом на диске оборотной стороны

В то же время в материалах памятников Боспора Киммерийского, Юго-Западного Крыма, Западного Предкавказья и в одном случае — Северного Кавказа известны и зеркала типа Карповка с одним кругом на оборотной стороне

[8] Датировки комплексов даются по: Казанский, 2001.

(рис. 161: 6–8). Причем они более всего характерны для горизонта так называемых геральдических поясов, который датируется в рамках 550 — 670/700 гг.

На ***Боспоре Киммерийском***, в его «европейской» части (рис. 163: 10, 11):

могильник Старожилово I, склеп 6/6, имеет широкую дату: V–VI вв., не исключая начала VII в. — зеркало с одним кругом (Масленников, 1997, рис. 15: 2);

могильник на поселении Сиреневая Бухта, склеп 18/6, имеет широкие хронологические рамки, возможно от второй половины V в. по VII в. — зеркало с одним кругом (Масленников, 1997, рис. 40: 5).

В ***Юго-Западном Крыму,*** могильник *Лучистое* (рис. 163: 17):

— склеп 77/погребение 2 — зеркало с одним кругом (Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 39, 40, рис. 10: 23–25, табл. 185: 11; 246: 6); погребение по сопутствующему инвентарю, скорее всего, относится к концу VI — второй четверти VII в. (рис. 161: 8; 163: 17);

— склеп 232/погребение 9, конец VI — первая четверть VII в., — зеркало с одним кругом (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 43, рис. 23: 12–20);

— склеп 104, конец VI — первая четверть VII в. — зеркало с одним кругом (Айбабин, Хайрединова, 2017, рис. 172: 9–11)[9].

В ***Западном Предкавказье*** (рис. 163: 21, 22, 24, 27–29, 31):

могильник Дюрсо, погребение 135 — зеркало с одним кругом обнаружено вместе с элементами геральдической гарнитуры (Дмитриев, 2003, с. 201, 202, рис. 83: 95) (рис. 161: 6);

могильник Бжид, погребения 2, 81, 101, 127, 144 второй половины VI — VII в. — зеркала с одним кругом (Пьянков, 2002; 2006, рис. 36: 1–5);

могильник Пашковский №1, раскопки 1949 г. — найдено зеркало с одним кругом в слое могильника; на этом участке расположены погребения, относящиеся к горизонту геральдических гарнитур (550 — 670/700 гг.) (Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016, с. 81, табл. 18: 4);

могильник Борисово (Краснодарский край, Геленджикский район), погребения с элементами геральдической гарнитуры (вторая половина VI — VII в.):

— погребение 15 — зеркало с одним кругом (Саханев, 1914, с. 80, рис. 20: 1, 6, 3, 14, 17; рис. 22; 3, 14) (рис. 161: 7);

— погребение 30 — зеркало с одним кругом (Саханев, 1914, с. 85, 86, рис. 20: 10; рис. 22: 1, 4, 6, 10, 13);

могильник Карповка/Агойский (Краснодарский край, Туапсинский район), погребение 3 — зеркало с одним кругом с вещами горизонта геральдических поясов (вторая половина VI — VII в.) (Миллер, 1909, с. 87, 88, рис. 22: 8);

могильник поселения Варнавинское-3 (Краснодарский край, Абинский район), погребение 97, датировано в пределах второй половины VI — VII в. — зеркало с одним кругом (Суханов, Свиридов, 2018, с. 117, рис. 4: 7);

могильник Старокорсунского городища № 2 (г. Краснодар, Карасунский округ), погребение 194в — зеркало с одним кругом (Лимберис, Марченко, 2009, с. 127, 128, рис. 1: 3), датировка комплекса затруднительна, поскольку в могиле, кроме зеркала, имелось лишь глиняное пряслице.

В ***Кабардино-Балкарии*** — *могильник Нижний Джулат* (Верхний Терек, Терский район) (рис. 163: 30) в погребении 15 обнаружено зеркало с одним кругом, по составу инвентаря можно датировать от второй половины IV по вторую половину VI в. (Мастыкова, 2009, с. 248, рис. 90: 2).

Отмечу, что некоторые зеркала с двумя кругами, характерные для гуннского и постгуннского времени, иногда попадают и в комплексы, датированные от второй половины VI в. по VII в., например:

Дюрсо, погребение 151, зеркало с двумя кругами вместе с элементами геральдической гарнитуры (Дмитриев, 2003. С. 201, 202, табл. 83: 94) (рис. 163: 21);

Пашковский №1, погребение 5.1949 г., 530/550 — около 570/600 гг., — зеркало с двумя кругами (Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016, с. 19, 20, 81, табл. 18: 2) (рис. 163: 24);

Суук-Су (Южный берег Крыма), погребение 91, вторая половина VI — первая половина VII в., — зеркало с двумя кругами (Репников, 1906, с. 27, 28, рис. 68) (рис. 163: 18);

Лучистое, склеп 181, вторая половина VI — первая четверть VII в. — зеркало[10] с двумя

[9] Сердечно благодарю Александра Ильича Айбабина и Эльзару Айдеровну Хайрединову за консультации и полученную информацию о материалах неопубликованного склепа.

[10] Искренне признательна Александру Ильичу Айбабину и Эльзаре Айдеровне Хайрединовой за возможность ознакомиться с неопубликованными находками зеркал из могильника Лучистое.

кругами (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 26, рис. 16: 10, 16, 19);

Лучистое, склеп 131, рубеж VI–VII вв. — зеркало с двумя кругами (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 26, рис. 16: 14, 15) (рис. 163: 17).

Как видно из всего приведенного списка аналогий, зеркала типа Карповка — Анке-4 представлены в древностях, прежде всего, оседлого населения Верхнего и Нижнего Дона, Западного Предкавказья, Боспора и Юго-Западного Крыма. Можно считать, что они являются одним из индикаторов культуры оседлого населения Понто-Кавказского региона и Дона в эпоху Великого переселения народов.

В кочевнических могилах этого времени зеркала такого типа практически не встречаются. На сегодняшний день можно назвать только четыре случая, когда зафиксированы такие находки у кочевников:

— на ***Среднем Дону,*** в насыпи кургана 27 (абашевская культура) у с. Подклетное (Семилукский район Воронежской области) обнаружено впускное захоронение, совершенное в яме с заплечиками. Помимо зеркала типа Карповка с двумя кругами, в могиле было три небольших бронзовых предмета: височное кольцо в полтора оборота и два украшения, вероятно, от головного убора (Медведев, 1990, с. 14, 26, 27, рис. 5: 1–4) (рис. 163: 37)[11];

— на ***Нижнем Дону,*** в погребении у хут. Пухляковский (Ростовская область) найдено зеркало типа Карповка с двумя кругами вместе с элементами ременной геральдической гарнитуры. Авторы публикации датируют этот комплекс VI–VII вв. (Безуглов, Парусимов, 2013, с. 259, 261, рис. 2: 18) (рис. 163: 26);

— в ***Краснодарском крае,*** в разрушенном погребении у с. Михаэльсфельд (ныне с. Джигинское, Анапский район), середины — второй трети VI в. — зеркало с двумя кругами обнаружено вместе с типичными для кочевников золотыми колтами (Засецкая и др., 2007, рис. 4: 2; 2010, с. 132, 151, 156, илл. 7: 4) (рис. 163: 25);

— в ***Восточном Крыму,*** в погребении постгуннского времени у с. Новопокровка (Кировский район) зеркало с двумя кругами зафиксировано также вместе с золотыми колтами того же типа, что и в Михаэльсфельде (Гаврилов, 1996, с. 11, 517, рис. 2: 5; Засецкая и др., 2007, с. 15–18, рис. 4: 1; 2010, с. 151) (рис. 163: 13).

Подчеркну, что во всех этих кочевнических комплексах присутствуют зеркала с двумя кругами, причем в двух случаях — в постгуннское время, т. е. в период значительного спроса на эти изделия.

Итак, приведенные аналогии выявляют определенную закономерность и позволяют сделать некоторые выводы.

1. Если судить по самым ранним находкам, зеркала типа Карповка с концентрическими рельефными кругами появляются в III в. на Северном Кавказе («Золотое кладбище», Кобань, Нарын-Кала и др.), они становятся наиболее популярными в V–VI вв. и распространяются, как казалось прежде, в первую очередь, в Северном Причерноморье и в Западном Предкавказье (рис. 163: 6–12, 14–24, 27–29, 31–36). Однако раскопки последних лет на Верхнем Дону показали, что в этом регионе также фиксируется целая серия зеркал этого типа (Обломский, 2007; 2018а; 2018б; Острая Лука в древности, 2015) (рис. 163: 1–5). Причем зеркала типа Карповка распространяются практически только в Восточной Европе, они, в отличие от других типов (см. ниже), не представлены, например, в материалах Центральной и Западной Европы. Можно отметить только два случая попадания зеркал типа Карповка — Анке-4 на Запад:

— к гепидам Среднего Дуная (зеркало, видимо, с тремя кругами — погребение 10 первой половины VI в. некрополя Мезёбанд-Банд/ Mezőbánd-Band: Anke, 1998b, S. 85, Taf. 11: 16);

— к бургундам Восточной Галлии (погребение 57 конца V в. некрополя Сан-Сюльпис/ Saint-Sulpice: Marti, 1990, Taf. 5: 6), зеркало из этого некрополя сильно отличается от всех прочих рассматриваемого типа — оно имеет около шести плотно расположенных рельефных концентрических кругов и отнесение его к типу Карповка, на мой взгляд, надо считать условным.

[11] Судя по обряду погребения — впускная ингумация в кургане — данная могила может принадлежать кочевникам гуннского/постгуннского времени. Вместе с еще одним впускным захоронением второй трети V — первой половины VI в. (т. е. финал гуннского и ранняя фаза постгуннского времени) в кургане эпохи бронзы у с. Новая Чигла (Таловский район Воронежской области) (Березуцкий, Мастыкова, 2016) эти находки свидетельствуют о присутствии в Среднедонском регионе каких-то групп степных кочевников. Возможно, они соответствуют акацирам — племя «не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты», которых Иордан в постгуннское время локализует где-то на северной окраине причерноморских степей (Иордан, Getica, 37).

2. Было высказано предположение, что зеркала типа Карповка являются частью материальной культуры эллинизированного понтийского населения Боспора Киммерийского и Танаиса гуннского и постгуннского времени (Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006, p. 182). Действительно, для эпохи Великого переселения народов зеркала этого типа чаще всего встречаются именно в этой культурной среде.

Известно, что оседлое население Верхнего Дона гуннского времени включало значительное число выходцев с юга, вероятней всего из понтийского региона. Об этом свидетельствуют как данные биоархеологии (Добровольская и др., 2015), так и многие элементы материальной культуры (Обломский, 2011б; Мастыкова, Земцов, 2014). Видимо, зеркала типа Карповка попадали в верхнедонской регион из Северного Причерноморья и, таким образом, эти изделия, найденные на поселении Стаево, являются еще одним индикатором связей населения Верхнего Дона с северопонтийским регионом в эпоху Великого переселения народов.

3. Зеркала типа Карповка — Анке-4, украшенные концентрическими рельефными кругами, как правило, всеми исследователями определялись в целом именно по этому декору, а количество рельефных кругов на обороте не принималось во внимание. Исключением является работа А. В. Пьянкова, который зеркала типа Карповка из могильника Бжид I разделил по количеству кругов и таким образом получил две хронологические группы (Пьянков, 2006). Мною разделение зеркал по количеству кругов проведено по всем регионам — Северо-Западному Предкавказью, Северному Причерноморью, Верхнему Подонью, в результате чего выделены также две хронологические группы:

1-я группа — это зеркала с двумя/тремя кругами, более всего они характерны для гуннского и постгуннского времени, т. е. 360/370 — 470/480 гг. и соответственно 430/470 — 530/570 гг.;

2-я группа — зеркала с одним кругом на обороте, более характерны для последующего периода — горизонта геральдики, т. е. около 550 по 670/700 гг.

Конечно, отмечаются случаи, когда зеркала 1-й группы попадают в комплексы горизонта геральдики, как уже указывалось выше, но каждый такой случай требует отдельного рассмотрения и в целом не противоречит общей тенденции распространения зеркал типа Карповка 1-й и 2-й группы во времени. При этом наибольшая концентрация зеркал с одним кругом наблюдается в Северо-Западном Предкавказье (рис. 163: 21, 22, 24, 27–29, 31), что, видимо, свидетельствует о более длительном переживании здесь культурных традиций гуннского и постгуннского времени.

Зеркала типа Чми-Бригецио — Анке-1[12]

Зеркала такого типа имеют центральную петлю и декор в виде двух концентрических рельефных линий (одна из них — круг по борту), между которыми расположены рельефные радиальные линии (рис. 164). На поселении Стаево-5 к этому типу можно отнести фрагментированный обломок зеркала № 865 (2019 г.), имеющий по борту две параллельные концентрические линии, от которых расходятся радиальные (рис. 165: 1) и фрагмент зеркала № 524 (2017 г.) с радиальными линиями между двух кругов (рис. 165: 2; 166: 77).

На ***Верхнем Дону*** к зеркалам такого типа, видимо, относится фрагмент, найденный на *поселении Замятино-5* (однако этот экземпляр можно включить и в тип Березовка[13]) (Острая Лука, 2004, с. 65, рис. 112: 8), и, возможно, один фрагмент, найденный на *могильнике Ксизово-19* (Острая Лука, 2015, с. 161, рис. 243: 11) (рис. 166: 73, 74).

Интересно отметить, что зеркала Чми-Бригецио дважды встречены в материалах черняховской культуры, хотя в целом металлические зеркала для этой культуры совершенно не характерны. Они найдены на памятниках гуннского времени в Поднепровье — *Бизюков монастырь* и *Борохтянская Ольшанка* (Kazanski, 1992, fig. 2: 27, 31) (рис. 166: 13, 14).

Встречаются такие зеркала в «азиатской» части ***Боспора Киммерийского***, например, в *Фанагории* (рис. 166: 1):

— погребение 30/1950 (Марченко, 1956, рис. 5: 12);

— погребение 30/1964, V в., Восточного некрополя (Паромов, 2003, с. 158, табл., 64: 33).

[12] Здесь и далее по-прежнему используется объединенная классификация И. Вернера и Б. Анке (Werner, 1956; Anke, 1998a; 1998b).

[13] К типу Березовка — Анке-2 относятся зеркала с центральной петлей на оборотной стороне, где расположены концентрические круги с пересекающими их радиальными, иногда зигзагообразными, линиями, создавая, таким образом, крупный ячеистый декор по всей поверхности диска (см. примеры: Мастыкова, 2009, с. 84, 85, рис. 93; 94).

В ***Горном Крыму*** (рис. 166: 15–17, 78, 79) они представлены, например, на следующих памятниках.

Могильник Дружное (Предгорный Крым, Симферопольский район), могила 3, IV в. (Храпунов, 2002, с. 67, рис. 73: 9) (рис. 164: 1).

Могильник Нейзац (Предгорный Крым, Белогорский район), могила 238, IV в. (Храпунов, 2011, рис. 34: 19).

Могильник Алмалык-Дере (юго-восточное Мангупское плато, Юго-Западный Крым), погребение 65/1998 периода D2 (горизонт Унтерзибенбрунн: 380/400 — 440/450 гг.), (Mączyńska et al., 2016, S. 105, 106, Taf. 39: 4).

Скалистинский могильник, могила 481 позднеримского времени или самого начала эпохи Великого переселения народов (Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 89: 2).

Могильник Лучистое, погребение 41, отнесенное по сопровождающему инвентарю к VI–VIII вв. (Aibabin, Khairedinova, 1999, p. 275, fig. 4: 1; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 119, 120, табл. 172: 11) (рис. 164: 2).

Известны зеркала типа Чми-Бригецио — Анке-1 в ***Западном Предкавказье***, в частности, на *могильнике Бжид I* (рис. 166: 2):

— погребение 3 первой половины V в. (Пьянков, 2006, рис. 43: 1). Причем фрагмент зеркала из этого погребения является полной аналогией фрагменту № 865 с поселения Стаево, в обоих случаях имеются два концентрических круга у борта (ср.: рис. 164: 3; 165: 1);

— погребение 38, датируется в рамках IV–V вв. (Пьянков, 2006, рис. 43: 2);

— погребение 158, датируется IV–V вв. (Пьянков, 2006, рис. 43: 3) (рис. 164: 4).

Зеркала такого типа встречаются и в других регионах, например: в ***Абхазии —*** в некрополе Цебельда 1, в погребении 76.1979 г., отнесенном к III хронологической стадии могильника, т. е. 380/400 — 440/450 гг. (Воронов, 2003, рис. 36: 10; Kazanski, Mastykova, 2007, p. 57, 58) (рис. 166: 3); в ***Центральном Предкавказье —*** на могильнике Мирный-2 (Ставропольский край) в погребении 1 постгуннского времени (Мастыкова, 2009, с. 235, рис. 95: 3, табл. 146: 4) (рис. 166: 5); в ***Северной Осетии*** на могильнике Чми 1 (Werner, 1956, Taf. 45: 4) (рис. 166: 11); в ***Кабардино-Балкарии —*** на могильнике Кишпек (Баксанский район) в кургане 13 (Бетрозов, 1980, рис. 2: 5), датированном началом IV в. (Kazanski, 1995, p. 189, 190) (рис. 166: 75); в ***Дагестане*** — на могильнике Паласа-Сырт (Западный Прикаспий), хронологические рамки памятника — от середины / второй половины IV в. по первую половину / середину V в. (Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015, с. 116–119) (рис. 166: 12):

— курган I (Гм) (Гмыря, 1993, рис. 38: 1; Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015, рис. 202: 7);

— курган 20 (Гм) (Гмыря, 1993, рис. 38: 2; Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015, рис. 202: 8) (рис. 164: 5);

— так называемый курган А. В. Комарова (Абрамова, 2007, с. 89–93, рис. 59: 2; Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015, 202: 9);

— курган 1 (К) (Котович, 1959; Абрамова, 2007, рис. 55: 2; Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015, рис. 2020: 11).

Созданная И. О. Гавритухиным и М. М. Казанским карта зеркал Чми-Бригецио — Анке-1 избавляет меня от перечисления многочисленных находок этих изделий (Гавритухин, Казанский, 2018, рис. 9) (рис. 166). Отмечу лишь, что такие зеркала в большом количестве бытовали в Карпато-Дунайском бассейне (Werner, 1956; Istvanovits, Kulcsar, 1993; Anke, 1998a,b; Tejral, 2011). Например, они обнаружены в «княжеских» могилах Унтерзибенбрунн/Untersiebenbrunn (земля Нижняя Австрия) (рис. 164: 7; 166: 42) и Хохфельден/Hohfelden (департамент Нижний Рейн, Эльзас) (рис. 164: 6; 166: 18), опорных для периода D2 (горизонт Унтерзибенбрунн: 380/400 — 440/450 гг.), по которым, собственно, этот период и выделяется (Tejral, 2011, Abb. 122: 5; 243: 3; 291; Kazanski, Mastykova, 2018). Использовали такие зеркала и жители позднеримских и постримских крепостей и городов дунайского пограничья — Виминациум/*Viminacium* (рис. 164: 8), Сингидунум/*Singidunum* (рис. 164: 9), Бригецио/*Brigetio* (Ivanišević, Kazanski, 2002, pl. VII: 1; Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006, fig. 16: 1–4; 42: 4, 5; Werner, 1956, S. 21, Taf. 13: 5) (рис. 166: 26, 27, 36).

Итак, зеркала Чми-Бригецио — Анке-1, как мы видим, распространялись на очень широкой территории от Кавказа до Галлии (рис. 166), они существовали в гуннскую эпоху (вторая половина IV — первая половина V в.), а также и в раннее постгуннское время (вторая половина V — начало VI в.).

Зеркала типа Чми-Бригецио представлены в основном в древностях оседлого населения как в Среднем Подунавье, так и в Понто-Кавказском регионе, в кочевнические погребения они практически не попадают. Находка фрагментов таких зеркал на поселении Стаево еще раз

подтверждает идею о существовании определенных контактов с Северным Причерноморьем в эпоху Великого переселения народов.

Зеркала с мелким ячеистым декором по борту зеркала

На поселении Стаево найдено три небольших фрагмента зеркал — №480 (Стаево-5, 2017 г.) (рис. 165: 3), №628 (Стаево-5, 2018 г.) (рис. 165: 4), №100 (Стаево-4, 2019 г.) (рис. 165: 5). Они имеют мелкий ячеистый декор по борту, остальная часть диска зеркала отсутствует. Рассматриваемые фрагменты очень малы, в силу этого отнесение их к какому-либо типу достаточно затруднительно.

Также на поселении Стаево-5 было обнаружено фрагментированное зеркало (№744) с мелким ячеистым декором по борту, диск декорирован четырьмя рельефными небольшими кругами, а в центре — выступающая шишечка (рис. 165: 6). Это зеркало А.М. Обломский включил в позднескифские материалы и отнес к зеркалам с боковой петлей (вторая половина I — начало II в., не исключая середины III в.) (Обломский, 2020б, с. 374, 375, рис. 10: 744). Действительно, по борту изделия имеется полукруглая выемка, которую можно интерпретировать как след от бокового ушка-петли.

Тем не менее возникает вопрос: к какому типу относятся эти находки — к зеркалам с боковой петлей или с центральной?

Можно, конечно, согласиться с мнением А.М. Обломского, что зеркало №744 принадлежит типу IX по А.М. Хазанову, т.е. к изделиям с боковым ушком. Однако в работе А.А. Труфанова, посвященной крымским зеркалам с боковой петлей, где использованы коллекции Усть-Альминского, Битакского могильников, некрополей Брянское, Курское, Неаполя, Нейзац, Дружное, Бельбек IV, Заветное, Суворово, Танковое, Левадки (Труфанов, 2007), эта представительная выборка не содержит изделий с декором, как на зеркале из Стаево. В материалах памятников на других территориях зеркала с подобным декором, имеющие боковую петлю, мною не найдены.

В то же время в могиле 47 некрополя Дружное (Предгорный Крым), датированной И.Н. Храпуновым IV веком по железной двучленной фибуле с узкой ножкой, найдено зеркало с центральной петлей, которое имеет мелкий ячеистый декор по борту и плохо сохранившийся рельефный орнамент на диске в виде неясных следов полуокружностей (Храпунов, 2002, с. 69, рис. 115: 2, 3) (ср.: рис. 165: 3–6 и рис. 167: 9). Это наиболее близкая параллель зеркалу из Стаево.

Стоит упомянуть зеркало также с центральной петлей и ячеистым декором по борту, но с не декорированным остальным пространством диска (не исключено, что три фрагмента из Стаево с ячеистым декором могли относиться к подобным зеркалам) из кургана 20 могильника Львовский Первый-4 в Дагестане (Терско-Сулакское междуречье) (Абрамова, Красильников, Пятых, 2001, с. 12, рис. 27: 1). В целом этот могильник отнесен исследователями ко II–IV вв., но преобладающими, по их мнению, на этом памятнике являются материалы III в. и даже, скорее, второй половины этого столетия (Абрамова, Красильников, Пятых, 2001, с. 56). По мнению В.Ю. Малашева, датировку комплексов этого памятника следует ограничить второй половиной III в. (Малашев, 2016, с. 49).

Подобное зеркало с ячеистым декором по борту и пустым пространством диска до центральной петли было найдено в погребении 1 некрополя Мархэгг/Marchegg (Нижняя Австрия) (ср.: рис. 165: 3–6 и рис. 167: 6), датированном периодом D2 (380/400 — 440/450 гг.) (Tejral, 2011, S. 224, Abb. 169: 1–6). И. Вернер это зеркало отнес к типу Березовка[14] (Werner, 1956, S. 116, 117, Taf. 12: B: 2), а Б. Анке в своей классификации — к типу 5 (Anke, 1998a, S. 27; 1998b, Taf. 6: 10). Впрочем, как отмечает сам Б. Анке, зеркала этого типа не имеют концентрических кругов как, например, у типа Березовка, но могут быть украшены радиальными линиями, идущими к ушку, расположенному в центре изделия (Anke, 1998a, S. 27). Поэтому в этот тип 5, помимо зеркала из Мархэгг, исследователем включено и зеркало (случайная находка) из Балатонхидвег/Balatonhidvég (округ Веспрем, Западная Венгрия), имеющее радиальные линии на диске помимо ячеистого декора по бортику изделия (рис. 167: 11); находка датирована V в. (Anke, 1998a, S. 27; 1998b, S. 10, Taf. 20: 3). Э. Иштванович и В. Кульчар это зеркало причисляют к типу

[14] Напомню, зеркала типа Березовка — Анке-2 имеют на оборотной стороне концентрические круги с пересекающими их радиальными, иногда зигзагообразными, линиями, создавая, таким образом, крупный ячеистый декор по всей поверхности диска, а не только по его краю, как у зеркала из Мархэгг.

Чми-Бригецио (Istvánovits, Kulcsár, 1993, p. 28, tábla. II: 5). Мне же представляется, что зеркало из Балатонхидвег является гибридной формой между типами Березовка — Анке-2 и Чми-Бригецио — Анке-1.

Вернемся к находкам из Стаево — вопрос, к какому же типу относятся рассматриваемые зеркало и три фрагмента, остается пока открытым. Возможно, прав А. М. Обломский, который полагает, что зеркало № 744 (рис. 165: 6) все-таки имело боковую петлю-ушко, хотя замечу — подобный декор на диске нигде больше на зеркалах этой группы не отмечен. В то же время, учитывая существующие параллели зеркал с центральной петлей (особенно Дружное), можно предположить, что стаевское зеркало — это бракованный экземпляр, шишечка-выступ в его центральной части может представлять собой незаконченную петлю. Также показательно, что диаметр этого зеркала более соотносится с размерами зеркал с центральной петлей. В любом случае надо констатировать, что зеркала с таким декором или небольшими вариациями как для зеркал с боковой петлей, так и для зеркал с центральной петлей крайне редки.

Что касается трех небольших фрагментов (№ 480, 628, 100; рис. 165: 3–5) зеркал с ячеистым декором по борту, то они могли быть подобными зеркалам, например, из могильников Львовский Первый-4, Мархегг, Дружное или как фрагментированное зеркало № 744 из Стаево.

***

Итак, находки зеркал на поселении Стаево (Стаево-4, Стаево-5) еще раз подчеркивают связи Верхнего Дона с культурной средой оседлого населения Северного Причерноморья эпохи Великого переселения народов. Эти связи возникли, скорее всего, не только благодаря экономическим контактам между двумя регионами, но и в результате переселения каких-то групп северопонтийского населения на Верхний Дон (см. выше). Не исключено, что такого рода миграции были вызваны экспансией степняков (гуннское нашествие, покорение акацир Аттилой, разгром акацир оногурами и пр.) (см. подробнее: Казанский, Мастыкова, 2009, с. 123, 124; Казанский, 2020б, с. 115–117). Это могло быть как вынужденное бегство перед лицом военной опасности, так и организованное переселение/депортация каких-то северопричерноморских жителей под эгидой доминирующих групп кочевников — такие случаи хорошо известны в раннесредневековой истории Восточной и Южной Европы (см.: Мастыкова, 2020, с. 84, 85). Во всяком случае, у оседлого населения окраины степного пояса в постгуннское время хорошо представлен женский убор, включавший зеркала с центральной петлей, антропоморфные фаллические фигурки, серьги с полиэдрическим окончанием, калачевидные серьги, некоторые типы подвязных и двупластинчатых фибул, браслеты с зооморфными окончаниями (Мастыкова, 2020, рис. 1). Этот набор вещей не характерен для степных древностей того же времени, поэтому его появление на степной периферии нельзя связывать с культурным влиянием кочевников. В то же время различные группы оседлого населения вдоль степной границы в Поволжье, Подонье, Приднепровье, в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе едва ли поддерживали между собой активные культурные и экономические связи, особенно когда речь идет о территориально удаленных друг от друга памятниках. Вряд ли распространение этих вещей можно объяснить торговой деятельностью, например, боспорских купцов. Маловероятно, чтобы христиане или иудеи Боспора Киммерийского стали бы поставлять своим клиентам нечестивые фаллические фигурки (Мастыкова, 2020, с. 84). Поэтому предположение, что вышеперечисленные предметы женского убора свидетельствуют о переселениях каких-то оседлых варваров, мне представляется наиболее вероятным.

Глава 6

Детали ременных гарнитур «геральдического» стиля

И. О. Гавритухин (Москва)

Вводные замечания

Круг вещей, относимых к «геральдическим» ременным гарнитурам, базовые исследования по ним, методолого-методические основы этих и моих собственных разработок охарактеризованы мною в ряде публикаций (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 22–24; Гавритухин, 1999, с. 160–163; Gavritukhin, 2018, p. 49, 71). Обзор современного состояния исследований по этой проблематике подготовлен также в связи с исследованием хронологии «геральдических» гарнитур из Кисловодской котловины (Гавритухин, в печати 1). Исходя из этого, строится и данная работа.

Рассматриваемые находки сгруппированы по категориям, выделяемым с учетом обычных функций схожих со стаевскими вещей, внутри этих блоков — по группам, типам, сериям и тому подобными подразделениями, по возможности доходя до наиболее «узкой» таксономической единицы, которая характеризуется наиболее подробно в связи со стаевскими экземплярами. Очерки по каждой из стаевских находок выполнены в разном ключе и с разной степенью детализации, что объяснимо особенностями вещей и разной степенью изученности их аналогий. Завершает исследование общая характеристика «геральдического» набора, представленного в Стаево.

1. Пряжки

1.1. В-образные, полые, с площадками в задней части рамки (рис. 168)

Эта группа пряжек делится на ряд подгрупп, имеющих особые ареалы, культурный и хронологический контекст. Одним из ключевых признаков для выделения подгрупп является характер оформления площадок в задней части рамки и сечение рамки.

Прямоугольные площадки без выступов или с чуть намеченными выступами, как правило, украшенными вертикальными[1] врезными линиями, почти всегда двухгранное (если смотреть сверху) сечение рамки[2] (как рис. 168: 16–17, 19, 21, 23–26) — важнейшие признаки восточно-средиземноморской подгруппы. Подавляющее большинство таких пряжек сделано из бронзы, имеющей после очистки от окислов красно-коричневый или желтый («латунный») цвет. Эти пряжки являются развитием позднеантичных образцов, встречающихся в гарнитурах так называемого позднеримского воинского стиля (как рис. 168: 22), хотя господствуют там пряжки других типов. Не позднее середины VI в. их полая модификация, показательная для рассматриваемой подгруппы, становится господствующей (см. обзоры в Shulze-Dörrlamm, 2002, типы B15–18;

[1] Если ремень с пряжкой расположить горизонтально.

[2] На значение этого признака обратил внимание А. И. Айбабин (1990. С. 38–39 — варианты 1 и 2 типа II В-образных пряжек).

Гавритухин, 2002а, с. 220–221; Gavritukhin, 2018, p. 55–56; Трайкова, 2017, с.115–116).

Вырезы по бокам площадок или подчеркнутые выступы в ее задней части, зачастую трехгранное сечение рамки или (значительно реже) сглаженные грани, внешняя массивность — показательны для восточноевропейской подгруппы. Резко выраженные, «оттянутые» выступы, что хорошо фиксируется на пряжках с неподвижной обоймой, — признак кавказского блока серий (Гавритухин, 1999, с. 163–170). В отличие от восточносредиземноморской, у этой подгруппы пряжек не удается проследить местные истоки. Судя по всему, она производна от образцов, полученных из Византии, и не может датироваться раньше них. Внешняя массивность при сравнительно небольшой толщине сечения явно связана с местными традициями, хорошо известными, например, по многим пряжкам так называемого шиповского круга. Металл рассматриваемых пряжек весьма разнообразен; отмечу, что после очистки от окислов он нередко имеет белесый (часто атрибутируют как «серебро») или сероватый оттенок.

Отличие пряжек с неподвижной обоймой от соединенных с ремнем подвижно (с металлической обоймой или без нее), безусловно, существенно, так же как форма и другие особенности обоймы, рамки, язычка. К признакам, заслуживающим внимание, явно относится и форма внутреннего контура рамки. Она может быть прямоугольной, овальной, В-образной/8-видной. Следует учитывать и отличие крупных (как правило, поясных) пряжек от мелких, обычно связанных с уздой, обувью, другими «вспомогательными» ремнями. В ряде случаев эти признаки и их сочетания позволяют говорить об особых подгруппах или служить подразделениям в рамках подгрупп.

Систематическое исследование всей этой группы пряжек с учетом всех хотя бы указанных признаков — отсутствует. Опубликованы лишь принципы работы с пряжками рассматриваемой группы на фоне других В-образных (Гавритухин, 1999, с. 160–163), ряд наработок по пряжкам с неподвижной обоймой (Гавритухин, 1999, с. 163–204; Gavritukhin, 2018, p. 56–58), общие наблюдения о крупных пряжках восточносредиземноморской подгруппы (Gavritukhin, 2018, p. 55–56).

Пряжка из Стаево-4 (рис. 168: 1) — крупная (очевидно, поясная), имеющая В-образный внутренний контур рамки[3]. Последний признак присутствует у пряжек разных подгрупп, что позволяет выделять внутри каждой из них блоки серий.

В восточносредиземноморской подгруппе такие пряжки принадлежат к весьма многочисленным блокам серий, часто имеющим разнообразные обоймы. Форма металлических обойм обычно служит для выделения типов (например, Shulze-Dörrlamm, 2002). Среди таких пряжек очевидны разновидности по вариациям рамки: с невысокой двухгранной рамкой (как рис. 168: 19, 23, 24), с двухгранной высокой сравнительно узкой рамкой (как рис. 168: 16, 26)[4], массивные с трехгранной (с «подрезкой» внизу внешней стороны) рамкой (как рис. 168: 21, 25) и другие. Даже из приведенных примеров видно, что эти пряжки, связанные с византийской традицией, к северу от Черного моря хотя и встречаются не часто, но были довольно широко распространены — до верховьев Западного Буга, Верхнего Поднепровья, Окско-Сурского региона[5] (рис. 168: 16, 17, 26)[6]. Интересующий нас экземпляр (рис. 168: 1) хоть и вписывается в этот ареал, но сделан иначе.

Судя по сечению рамки и вырезам на площадках, он принадлежит восточноевропейской подгруппе, т. е. восходит к византийским изделиям не непосредственно, а через их переработки в Восточной Европе. К таковым, явно близкими византийским образцам, можно отнести сравнительно невысокие пряжки без вырезов или с чуть намеченными вырезами на площадках (серии Бжид, как рис. 168: 13) и близкие ей (как рис. 168: 18). На этой основе или в качестве особой линии развития появляются вариации с площадкой, задняя часть которой оформлена в виде треугольника (как рис. 168: 8, 9, 14, 27). Скорее всего, именно они повлияли на формирование

[3] А. И. Айбабин выделял такие вещи в вариант 6 типа II В-образных пряжек (Айбабин, 1990, с. 40). Однако три приведенные им находки из Крыма относятся к разным подгруппам, а в качестве их дериватов указаны образцы псевдопряжек (ср. Гавритухин, 2001а, рис. 8: 1–6; 11: 8).

[4] К их кругу, возможно, местным подражаниям, относятся некоторые пряжки из Среднего Подунавья (как рис. 168: 20).

[5] Ряд находок из Окско-Сурского региона, с позволения авторов, учтен по рукописи о «геральдических» гарнитурах этого региона, подготовленной И. А. Ахмедовым, А. Н. и А. П. Гавриловыми, В. В. Гришаковым, В. Н. Шитовым и мною, но не законченной.

[6] В этом ряду стоит и переработка византийских образцов, найденная в погребении 2 могильника Красное-3 на юге Нижегородской обл. (Алексеев, Зеленеев, 1990, табл. 4: 2).

упомянутых выше пряжек кавказского блока серий. По имеющемуся рисунку трудно сказать, с какими перечисленными восточноевропейскими или другими вариациями связана находка на Оби в Сибири (рис. 168: 7).

На основе серии Бжид и/или близких ей вариаций складывается и черноморско-волжский блок серий восточноевропейских пряжек, для которых показательны полуовальные вырезы на площадке в задней части рамки. Такие вырезы могут быть весьма широкими (как рис. 168: 3, 10, 11), зауженными (как рис. 168: 6, 12) или, как и стаевский экземпляр, иметь средние размеры (как рис. 168: 1, 2, 4, 5). Варьируют эти пряжки и по размерам, ширине рамки, очертаниям ее внутреннего контура, типу язычков. С пряжками этого круга связаны и псевдопряжки типа 5, имеющие внутренний контур («прорезь») рамки варианта «б» (как рис. 168: 15; Гавритухин, 2001а, с. 34–35; рис. 4: 1–3; 5: 1, 5–6, 13; 6:1–3; 7: 5–7). Они показательны для горизонтов 2 и 3 комплексов с псевдопряжками типа 5 (конец VI — первая половина VII в.), встречены в Среднеокско-Сурском регионе, Южном Приуралье, на Севером Кавказе, с выходцами из Восточной Европы попадали в Сирию (Гавритухин, 2001а, с. 36–45; рис. 17: 3–8).

Среди пряжек черноморско-волжского блока серий находке из Стаево по сумме признаков наиболее близки экземпляры из погребения 36 могильника Серповое на севере Тамбовской обл.; погребения, открытого в 1976 г. на могильнике Шатрище в Рязанском Поочье; погребения 4 могильника Кушнаренково в Южном Приуралье (рис. 168: 1, 2, 4, 6). Несмотря на индивидуальность каждого экземпляра, я считаю возможность объединить их в *серию Шатрище*.

Опорным для датировки является комплекс из Шатрищ, который принадлежит периоду 1/2 эволюции псевдопряжек типа 5, т. е. датируется в пределах 3-й трети VI — 1-й трети VII в. (Гавритухин, 2001а). Хронологию погребения 4 из Кушнаренково определяет рассматриваемая пряжка, однако на этом могильнике представлены только находки периода II эволюции поволжских «геральдических» гарнитур, датированные около конца VI — 3-й четверти VII в., в основном первой половиной VII в., не исключая для некоторых комплексов несколько более ранние или более поздние хронологические рамки (Гавритухин, 1996; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 85–86, 89–92; рис. 89, 90). Для находки из Серпового следует учесть, что могильники среднецнинской мордвы датируются не ранее 2-й половины VII в. (Зеленцова, 1998; 2005), правда, в них присутствуют и единичные более ранние вещи, вероятно, принесенные переселенцами, основавшими эти кладбища.

Схожие пряжки с более широкой рамкой и, соответственно, меньшим ее внутренним контуром, известные в Поочье и на Днепровском лесостепном Левобережье (рис. 168: 5, 11), датируются несколько позднее. Клад из Углов, найденный в 1925/1926 г., относится к кругу Мартыновского. Сокрытие таких кладов датировано около 3-й четверти VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996), правда, следует отметить, что язычок у интересующей нас пряжки из этого клада явно заменен, т. е. она долго была в употреблении. Опубликованные материалы из Подболотья относятся к этому же и (в основном) более позднему времени (Городцов, 1914; Зеленцова, 2014).

Находки рассматриваемого круга есть и на Кавказе: на его Черноморском побережье (например, рис. 168: 10)[7], в центральных (например, находки 1914 и 1920 г. в Нальчикском округе, известные мне по схематичным рисункам из фонда А. К. Амброза в архиве ИА РАН, со ссылкой на КМСО, № 183 и 3645) и восточных (например, рис. 168: 12) районах. Однако все они принадлежат сериям, явно далеким от упомянутых чуть выше. Их специальное исследование для нашей темы не имеет принципиального значения.

Зоны распространения и даты пряжек черноморско-волжского блока серий, имеющих В-образный внутренний контур рамки, в основном совпадают с зонами концентрации псевдопряжек типа 5, имеющих прорезь варианта «б». Последние отражают ареалы групп преимущественно оседлого населения, связанного с периферией западной части так называемого Первого, затем Западного Тюркских каганатов (Гавритухин,

[7] Возможно, к этому кругу относится пряжка, схематичный рисунок которой опубликован В. Б. Ковалевской (1979, табл. XVIII: 18; 5: 1) со ссылкой на «комплекс 5» Пашковского могильника 1. Однако нумерация погребений этого могильника не сплошная, а своя для каждого года раскопок, и в наиболее полной публикации памятника (Пашковский, 2016) нет ни одной пряжки, сопоставимой с этим рисунком. Кроме путаницы с привязкой, стоит иметь в виду и особенности рисунков в своде В. Б. Ковалевской. Например, к интересующему нас кругу пряжек мог бы относиться экземпляр, приведенный там на табл. XX под № 7, однако есть более точный рисунок и фото этой пряжки (Айбабин, 1990, рис. 39: 8; Репников, 1907, табл. XV: 17), относящейся к восточносредиземноморской подгруппе.

2001а, с. 40-45). Комплекс из Шатрищ демонстрирует сочетание отмеченных псевдопряжек и пряжек непосредственно. Формальное исключение из этой картины — комплекс из Углов. Однако псевдопряжки варианта Углы производны от прототипов из Поочья и Приуралья (Гавритухин, 2001а, с. 47), что вписывается в контекст аналогий пряжке и подтверждает, а не опровергает предложенное сопоставление.

Итак, рассматриваемая пряжка из Стаево-4 принадлежит группе полых В-образных пряжек, формирование которых связано с позднеантичными византийскими традициями. Переработки ряда образцов восточносредиземноморской подгруппы, попадавших и далеко на северо-восток от византийских границ, привели к формированию восточноевропейской подгруппы, в рамках которой оформился черноморско-волжский блок вариантов. На его северной периферии (от Поочья до Южного Приуралья) среди вариаций пряжек с В-образным внутренним контуром рамки сложилась серия Шатрище, к которой относится и стаевский экземпляр. Этот ареал связан с контекстом северо-западной зоны влияния Первого и Западного Тюркского каганатов. На эту эпоху (3-я треть VI — 1-я треть VII в.) относится оформление и «пик популярности» серии Шатрище. К середине VII в. такие пряжки вытесняются другими вариациями, хотя иногда и могли продолжать использоваться.

1.2. Маленькие, с трапециевидной рамкой и неподвижным «геральдическим» щитком, имеющим вырезы по бокам (рис. 169)

Такие пряжки до недавнего времени специально рассматривались лишь А.И. Айбабиным и Э.А. Хайрединовой в связи с анализом крымских материалов. А.И. Айбабин выделил их в вариант 7 типа I прямоугольнорамчатых пряжек, бытовавший в конце VI — 1-й половине VII в. (Айбабин, 1990, с. 48–49; рис. 2: признак 87). Э.А. Хайрединова (2003) убедительно показала, что эти пряжки во всех крымских находках *in situ* связаны с конструкцией обуви, и предложила варианты ее реконструкции. Она наметила и признаки для хронологического членения таких пряжек: для образцов «2-й половины VI в.» показательны углубления для язычка на рамке и язычки с высоким выступом в задней части; в «1-й половине VII в.» появляются пряжки без такого углубления, язычки часто изготавливаются из уплощенной проволоки (Хайрединова, 2003, с. 128). Следует отметить, что эти наблюдения указывают лишь самую обобщенную тенденцию. «Ранние» признаки встречаются и на образцах VII в. (например, углубления под язычок, рис. 169: 9, 10), «поздние» — и у пряжек, не исключающих датировку VI в. (например, «простой» язычок, рис. 169: 18), а для многих изделий эти признаки отсутствуют (например, пряжки с утраченным язычком) или не ясны по публикациям. Высокие выступы на язычке, судя по пряжкам других групп, не могут быть четким индикатором VI в., не говоря о том, что этот выступ может быть невысоким (как на рис. 169: С1, С3), что требует дополнительных комментариев к признаку «высота выступа на язычке».

Количество пряжек рассматриваемого типа, доступных для данного исследования, по сравнению с тем, что учтено упомянутыми крымскими коллегам, существенно увеличилось. Это дает возможность более полно взглянуть на ряд вопросов их изучения, что и сделано мной в специальной работе более чем 10-летней давности, краткий вариант которой лишь недавно опубликован (Gavritukhin, 2018, p. 59–65). Ниже изложены результаты рассмотрения находок из Стаево (рис. 169: С1–3) в свете этих наработок, в ряде случаев дополненные аргументацией более развернутой, чем опубликованная.

Рассматриваемые пряжки весьма разнообразны в деталях. Кроме признаков, отмеченных Э.А. Хайрединовой (см. выше), они различаются размерами, пропорциями рамки, обоймы, прорезями рамки. Шпеньков бывает два (они могут располагаться как вдоль, так и поперек оборотной стороны щитка) или один. Есть литые и прессованные образцы, с разной степенью проработанности деталей. Находки этих пряжек концентрируются в Горном Крыму и на Северном Кавказе. В других районах они сравнительно немногочисленны и встречены в культурных группах, для которых зафиксированы связи с культурами Северного Кавказа и Горного Крыма. Показательно, что в Крыму рассматриваемые пряжки не характерны для Херсонеса или могильников Южного Берега, нет их и на многих других территориях Византии, т.е. там, где концентрируются находки пряжек византийских серий (например, с В-образной рамкой, имеющей выступы в задней части, восточносредиземноморской подгруппы — см. часть 1.1 этой главы).

Серии в рамках этого массива пряжек выделяются по характеру оформления задней части щитка (рис. 169: серии I–IV), что было

предложено мной для работы с аналогичными пряжками, имеющими В-образную или овальную рамку (Гавритухин, 1999, с. 185–189). Для серии I показательна скругленная задняя часть щитка; для серии II — наличие четко проработанного выступа в полукруглой задней части щитка; для серии III — плавный, но четкий выступ; для серии IV — щиток с заостренной задней частью, но без четко выраженного выступа.

Наиболее типологически выразительные серии I и II и, по-видимому, появившиеся раньше других (как рис. 169: 2, 5; подробнее см. ниже), связаны преимущественно с Северным Причерноморьем; лишь единичные изделия попадают в относительно близкие западные районы Кавказского региона. Недавно такие пряжки стали известны в Поволжье: из сборов 1983 г. (так называемое захоронение близ пос. Коминтерн) в низовьях Камы (БГИАМЗ, КП 343-47/152), на могильнике Комаровка в Ульяновской обл. (сообщение Леонида Александровича Вязова). Находка из Свети-Ламберт в Словении[8], судя по всему, отражает практически не исследованные причерноморские связи этого региона. В Стаево эти серии не представлены.

Находка №91/2016 в Стаево-5 (рис. 169: С3) относится к серии III, которая наиболее многочисленна и имеет самый обширный ареал. Кроме основной зоны концентрации рассматриваемых пряжек, находки этой серии зафиксированы в Азово-Черноморской степи, на примыкающих к степи территориях в Приуралье, а также в верховьях Суры, т. е. включает зоны, откуда возможен непосредственный контакт с верховьями р. Воронеж, где расположено Стаево.

Находки из Стаево-4 и №501/2017 в Стаево-5 (рис. 169: С1, С2) относятся к серии IV. Она распространена на Северном Кавказе от Черноморского побережья (например, рис. 169: 23) до восточных областей этого региона (например, рис. 169: 22). Находка из Градижска, судя по ближайшему аналогу из Бжида (рис. 169: 23), отражает связи Среднего Поднепровья с Черноморским побережьем Кавказа. Район, где она сделана, — перекресток важных речного и сухопутного путей; оттуда происходит и ряд других находок VI–VII вв., свидетельствующих о дальних связях (например, ряд фибул византийского круга: Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 53: 17, 22, 27; Гавритухин, 2003, рис. 2: 16). Находка из Виноградного в Причерноморских степях маркирует, вероятно, одного из посредников или участников этих контактов. Образец из Вишенок на юге лесной зоны Поднепровья отражает, очевидно, опосредованные кавказские влияния. По-видимому, два рассматриваемых стаевских экземпляра, как и находка из комплекса Буераки в Ульяновской обл. (сообщение Леонида Александровича Вязова), связаны с импульсом с Северного Кавказа, подобным тому, что прослеживается в Поднепровье.

В основу выделения блоков вариантов, имеющих **хронологическое значение**, положена длина рассматриваемых изделий (не считая язычка). Их распределение по датированным комплексам (рис. 169: 1–23; Gavritukhin, 2018, fig. 22; p. 59–64) позволяет сделать следующие выводы.

Пряжки блока вариантов 1 (длина около 29–30 мм) — наиболее ранние. Они появились не позднее 2-й половины VI в., а в 1-й половине VII в. (скорее, ближе к его началу) выходят из употребления. В пределах последних десятилетий VI — 1-й половины VII в. датируются наиболее крупные (длина около 25–26 мм) пряжки блока вариантов 2. Одна такая пряжка (рис. 169: С1) длиной 25 мм представлена в Стаево-4.

Небольшие пряжки блока вариантов 2 (длина около 23–24 мм) появляются приблизительно тогда же, когда и чуть более крупные; возможно, несколько позднее, но по существующим хронологическим системам эта разница не может быть зафиксирована. Такие пряжки продолжают бытовать и в 3-й четверти VII в. В Стаево они представлены одним экземпляром (рис. 169: С2) серии IV, типологически наиболее поздней, что подтверждает и отсутствие среди находок этой серии образцов блока вариантов 1.

Бытование блока вариантов 3 (показательна длина 20–21 мм), представленного в Стаево одной находкой (рис. 169: С3), укладывается в рамки 2-й и 3-й четвертей VII в., не исключая некоторого запаздывания и лишь гипотетически включая более ранее время. К концу VII в. интересующие нас пряжки выходят из употребления.

Наиболее типологически поздняя из рассматриваемых стаевских пряжек имеет язычок, сделанный из металла, отличающегося от того, что использован для изготовления ее корпуса. Очевидно, что она ремонтировалась, т. е. попала в слой поселения не в самом начале времени

[8] Публикации находок, упоминаемых ниже без ссылок, см. в: Gavritukhin, 2018; Хайрединова, 2003; Комар, 2010; Гавритухин, Савенко, в печати.

бытования серии. Язычок у нее типологически близок тому, что имеет другая (типологически наиболее ранняя) пряжка с того же поселения (рис. 169: С1), у которой язычок сильно сработан. Третья стаевская пряжка (рис. 169: С2) имеет железный, т. е. явно замененный язычок. Не исключено, что все эти пряжки бытовали до того же времени, что и наиболее поздняя, и попали в культурный слой около 3-й четверти, не ранее середины VII в.

В отношении **функций** рассматриваемых пряжек, наблюдение Э. А. Хайрединовой о том, что в Крыму аналогичные изделия принадлежали обувным наборам, подтверждается и большинством материалов с других территорий (Гавритухин, в печати 2). Там, где такие пряжки находят в надежных комплексах, они, как правило, парные или встречаются в паре с маленькой пряжкой другого типа. Нередко они входят в комплект и с накладками, зафиксированными в крымских комплексах в связи с обувными наборами: специальными разделителями на 3 ремня или используемыми для этого удлиненными накладками (горизонтально симметричными или двучастными с «рогами»), небольшими, как правило, парными заостренными к низу наконечниками ремней и другими элементами (ср. Комар, 2010, рис. 14). Такие вещи представлены и в Стаево (рис. 171; 172Д; 173А; 174).

Рассмотрение комплектности наборов с учетом ближайших аналогий их деталям и датировок (Гавритухин, в печати 2) позволило сделать вывод, что тип ременных гарнитур мягкой обуви, в котором использовались пряжки с прямоугольной или трапециевидной рамкой и неподвижной щитовидной обоймой, имеющей вырезы по бокам, сформировался в Горном Крыму и оттуда распространился на Кавказ и другие территории. Часть пряжек изготавливалась в Крыму и вывозилась оттуда вместе с обувью, но многие изготавливались в других местах по крымским образцам для аналогичной крымской или другой обуви.

Для понимания **распространения** рассматриваемых изделий важна находка в районе Градижска производственного брака важной для нашей темы пряжки, к сожалению, неопределенной серии (задняя часть обоймы не ясна). Локализация в лесостепном Поднепровье свидетельствует, что производство интересующих нас пряжек и, возможно, связанных с ними гарнитур не было централизованным. Впрочем, вопросы о том, кем, для кого и зачем (не исключено, что здесь делали не обувь, а только пряжку для ее ремонта) изготавливали эту пряжку на перекрестке путей в Градижске (см. об этом выше), имеют не однозначные ответы.

Итак, две рассматриваемые находки из Стаево свидетельствуют о связях с Северным Кавказом, и одна соотносится с контекстом зоны контактов степных и лесостепных культур. Эти находки могли принадлежать обитателям стаевских поселений, что выделяет их на фоне большинства жителей лесостепи, и/или быть связанными с ремонтом обувных наборов, имеющих южное происхождение.

Маленькая пряжка (рис. 169: С3) является важным хронологическим репером, указывающим на существование стаевских поселений в пределах середины — 3-й четверти VII в. Две другие пряжки (рис. 1: С1-2) могут датироваться так же или несколько более ранним временем, но едва ли выходящим за рамки VII в.

2. Накладки

2.1. Горизонтальносимметричные накладки (рис. 171А)

Горизонтальносимметричные накладки весьма разнообразны. Строго говоря, к таковым относятся даже круглые накладки, однако классификация по формальным критериям не может быть самоцелью. Этот термин введен для того, чтобы среди вытянутых по вертикали накладок отделить ряд стилистически связанных подгрупп (обзор некоторых из них см. в: Гавритухин, Обломский, 1996, с. 27–29, 90, 91).

В данной работе ограничимся типом, представленным в Стаево (рис. 171А: 1), для которого показательна форма в виде двух пересекающихся кругов, имеющих выступ вверху и внизу изделия. Это — разновидность вариаций, выделенных А. И. Айбабиным как производные от варианта 1 накладок из двух кружков или овалов (Айбабин, 1990, с. 54; ср. Амброз, 1973, рис. на с. 289: 41–45 и 46). Предложенная А. И. Айбабиным датировка этих дериватов (2-я половина VII в.) не убедительна хотя бы потому, что их прототипы датированы им же 2-й половиной VI в. (о современных датировках см. ниже). Ныне массив таких находок существенно увеличился и вполне позволяет выделить особый тип (*Пятра-Фрекэцей — Кугуль*), охарактеризованный выше, при описании рассматриваемой стаевской находки.

По композиции прорезей в рамках типа выделяются **серии**, нередко имеющие выразительную локализацию.

Серия Борисово (рис. 171А: 12–14), варианты которой встречены в разных частях Причерноморья, характеризуется парой крупных округлых прорезей, расположенных по одной в каждой из вертикальных половин изделия и соединенных узкой или сравнительно широкой прорезью-полосой. Находки из Богачевки в Степном Крыму, если следовать ряду публикаций (Айбабин, 1990, рис. 51: 8; Bálint, 1992, Taf. 42: 1), надо отнести к этой серии, однако по уточненным изображениям (рис. 171А: 10–11; несколько другое в: Комар, 2006. Рис. 48: 64) они имеют прорези в виде полукругов с соединительной полосой, напоминая два горизонтально симметричных гриба, т. е. эти накладки принадлежат особой серии или же варианту (деривату?) серии Борисово.

Серия Цебельда (рис. 171А: 15–17), которая характеризуется такими же прорезями, как у накладок серии Борисово, но без соединительной полосы, представлена на Кавказе от Причерноморья до центральных районов. Из этой же зоны происходит накладка с парными вытянутыми по горизонтали прорезями (рис. 171А: 18), которую можно отнести к особой серии или же варианту (деривату?) серии Цебельда.

Серия Бжид (рис. 171А: 6–7), представлена накладками с двумя парами круглых прорезей, соединенными прорезью-полосой. Ее ближайший аналог — серия Борисово. С ней и серией Цебельда у серии Бжид пересекаются ареалы.

Серия Мокрая Балка (рис. 171А: 3–4), характеризуемая двумя парами прорезей в виде запятых, известна только в Кисловодской котловине.

Несколько накладок из Крыма и с Кавказа (рис. 171А: 5, 8, 9) имеют индивидуальную наиболее сложную композицию прорезей. Часть из них явно перекликается с накладками других типов, имеющими схожие композицию и/или элементы прорезей, что позволяет предполагать индивидуальную переработку мастерами образцов широко распространенных серий, сохраняя форму (абрис) изделия.

Находка из Стаево имеет ближайшие аналогии в Северо-Западном Приазовье (рис. 171А: 1, 2). Правда, стаевский экземпляр немного крупнее и имеет по центру орнаментальной композиции деталь в виде рельефного «птичьего глаза». Орнаментацию — такую же, как у этих накладок, — можно встретить на ряде других типов деталей гарнитур «геральдического» круга (например, рис. 172А: 1; 172Б; 172Д), в том числе у горизонтальносимметричных накладок, отличающихся от стаевской наличием вырезов по бокам в центральной части изделия (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 40: 35–42).

В датированных комплексах наиболее ранние накладки типа Пятра-Фрекэцей — Кугуль представлены в погребении В14 из Пятра-Фрекэцей (рис. 171А: 12) среди деталей ременной гарнитуры, всеми исследователями относимым к наиболее ранним, т. е. середины VI — начала VII в. При этом данная гарнитура выглядит несколько типологически более поздней в сравнении с наборами из Садовца, погр. 54 в Суук-Су и тому подобными «классическими» наиболее ранними образцами (ср.: Амброз, 1973, рис. на с. 289: 14–15 и 17). Верхнюю дату могильника Пятра-Фрекэцей определяют монеты из византийского города Берое, с которым связан этот некрополь; позднейшая из них относится к 613 г., определяя *terminus post quem* финала жизнедеятельности в городе (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 60–63; рис. 64).

Погребение 4 склепа 77 в Лучистом (с накладкой на рис. 171А: 14) авторы публикации относят к не самым ранним и не самым поздним захоронениям в этом склепе, что и определяет дату около 1-й четверти VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 37–39). Мне эта дата представляется в целом соответствующей современным хронологическим разработкам. Склеп 175 из Лучистого не опубликован, но авторы приводят интересующую нас накладку (рис. 171А: 5) среди инвентаря, «сопровождающего» византийскую подвязную фибулу (Айбабин, Хайрединова, 2017, рис. 124: 1–11). Все исследователи отмечают бытование таких застежек в VI в. с «заходом» в VII в. (см. обзор ИС-57 по Гавритухин, в печати 1). Этому не противоречат остальные приведенные находки из склепа 175, лишь по обилию «геральдических» накладок ограничивая его нижнюю хронологическую границу серединой / 2-й половиной VI в.

Накладка (рис. 171А: 7) из погребения 144 в Бжиде (Пьянков, 2002) по ранней переработке В-образных пряжек восточносредиземноморской подгруппы (рис. 168: 13; часть 1.1 данной главы) и фибуле варианта 3 балкано-понтийской серии типа Удине — Планис (Гавритухин, 2011) датируется около последних десятилетий VI в., в пределах от середины VI до начала VII в.

По хронологической шкале «геральдических» наборов Кисловодской котловины серия

Мокрая Балка (рис. 171А: 3–4) и находка из Мачт (рис. 171А: 9) относятся к группам III-1 и III-2, датируемым 1-й половиной VII в., не исключая для некоторых комплексов группы III-2 «заход» в чуть более позднее время, но не позднее середины VII в. (Гавритухин, в печати 1). По реперам из этого региона накладки из Цебельды (рис. 171А: 17), Сивашовки (рис. 171А: 2), Богачевки (рис. 171А: 10–11) датируются в пределах 1-й половины — 3-й четверти VII в., не исключая конца VI в. (см. обзор ИС-32 и ИС-47 по Гавритухин, в печати 1). Эта дата, судя по близкому, но более бедному набору деталей гарнитуры, приемлема и для накладки (рис. 171А: 8) из погребения 2 склепа 41 в Чуфут-Кале (Кропоткин, 1965).

Как мы видим, к наиболее ранним относятся образцы серии Бжид и варианта из Лучистого с весьма сложной орнаментацией (рис. 171А: 5, 7), а также более простые серии Борисово (рис. 171А: 12, 14), появившиеся в пределах 2-й половины VI — начала VII в., скорее, в последние десятилетия VI в. Остальные серии и отдельные варианты (рис. 171А: 2–4, 8–11, 17) — более поздние, бытовавшие в основном в 1-й половине VII в., не исключая конец VI и 3-ю четверть VII в. К последим явно тяготеет и стаевский экземпляр (рис. 171А: 1).

По функции рассматриваемые накладки могли быть частью поясной гарнитуры. В склепе 77 из Лучистого они (рис. 171А: 14) зафиксированы *in situ* на основном ремне пояса, который реконструируется (Айбабин, Хайрединова, 2014, табл. 181; 191: 19). В районе пояса найдены такие накладки (рис. 171А: 4, 8, 17) в погребении 94 из Мокрой Балки (Афанасьев, Рунич, 2001, с. 157; рис. 106), погребении 4 склепа 41 из Чуфут-Кале (Кропоткин, 1955), погребении 313 из Цебельды (Воронов, 2003, с. 62; рис. 146). В погребении В14 из Пятра-Фрекэцей они (рис. 171А: 13) лежали в скоплении деталей явно поясной гарнитуры, положенной между ног покойника (Petre, 1962, p. 582–583; fig. 19). Однако в Сивашовке такие накладки (рис. 171А: 10–11) связаны с конской уздой (Комар, Кубышев, Орлов, 2006, рис. 4). К обувной гарнитуре относится накладка (рис. 171А: 7) из погребения 144 в Бжиде (Пьянков, 2002, с. 106; рис. 1). Следует иметь ввиду и то, что в Крыму горизонтальносимметричные накладки схожего облика и размера, хотя и относимые к другому типу, тоже зафиксированы среди деталей обуви (Хайрединова, 2003, рис. 2: 8, 9, 36), но нередки и на ремнях другого назначения.

Итак, для типа Пятра-Фрекэцей — Кугуль находка из Стаево является самой северной и стоящей далеко от зон распространения накладок этого типа. При этом она является единственной известной матрицей для изготовления таких накладок. Конечно, стаевские мастера не обслуживали всех людей, которые использовали накладки типа Пятра-Фрекэцей — Кугуль. Кроме общих соображений, об этом свидетельствует, например, литейная форма для горизонтальносимметричных накладок типа, весьма близкого интересующему нас, происходящая из Восточных Родоп на Балканах (Даскалов, 2012, обр. 82: 9).

Скорее всего, потребителями накладок, сделанных с помощью рассматриваемой стаевской матрицы, были степные кочевники или жители Причерноморья и/или Кавказа, возможно, бывавшие в Стаевском торгово-ремесленном центре. Не исключено, что ремни с такими накладками имели и обитатели этого поселка, для которых стили, распространенные далеко на юге, не были чуждыми. Дата стаевской матрицы определима в рамках конца VI — 3-й четверти VII в.

2.2. Щитовидные накладки (рис. 170)

Накладки в форме «геральдического» (заостренного с одной стороны и прямого с другой) щита очень разнообразны. В работах А.К. Амброза и А.И. Айбабина на примере наиболее выразительных вариаций предложен ряд наблюдений об эволюции щитовидных накладок, связанных с гарнитурами «геральдического» круга (Амброз, 1973, рис. на с. 289: 51–62; Айбабин, 1990, с. 54). Мною было отмечено, что такие накладки использовались не только как украшения всей поверхности ремня (как правило, пояса) или его части, но и как пластины, противостоящие пряжке на застегнутом поясе (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 29–32).

Накладки, наиболее близкие обеим стаевским находкам (рис. 170: 1, 4), А.И. Айбабин отнес к варианту 2 щитовидных бляшек, отметив, что они «обычно датируются» 2-й половиной VII в. (Айбабин, 1990, с. 54). Наиболее полный по охвату материала обзор щитовидных накладок представлен В.Б. Ковалевской (2000, с. 150–152), выделившей их в отдел 10 и положившей в основу их систематизации априорную идею о деградации «исходного» для накладок гарнитур «геральдического» круга изображения «человеческой личины» через утрату или схематизацию «элементов». Отсутствие анализа

хронологии находок заставляет рассматривать эту работу лишь как свод материала, конечно, нуждающийся в дополнении (см. также часть 4.1.1 данной главы).

2.2.1. Щитовидные накладки с крупной круглой прорезью или углублением

По типологии В.Б. Ковалевской, накладки, наиболее близкие рассматриваемой стаевской (рис. 170: 4), в рамках отдела 10 принадлежат типу 6. В отношении таких накладок было отмечено, что наибольшее их количество (среди 30 учтенных экземпляров) происходит из Крыма, причем из Керчи на востоке этого полуострова и Скалистого в Горном Крыму, а не из Херсонеса и Суук-Су, расположенных на юге Крыма; 7 таких накладок учтено в Поволжье (включая бассейны Белой, Суры, Оки), 2 на Северном Кавказе, 1 «на Донце» (Ковалевская, 2000, с. 151–152).

Учтенные мною находки позволяют пересмотреть эту картину. Накладки рассматриваемого типа известны по всему Закавказью (в Абхазии, Восточной Грузии, Южной Осетии, Азербайджане; например, рис. 170: 8, 28, 30) и Северному Кавказу (от Черноморского побережья до Горной Чечни; например, рис. 170: 21, 22, 29, 35, 50, 51), на севере их ареал доходит до Подмосковья (рис. 170: 10), Поветлужья в Нижегородской области (рис. 170: 7), Пермского Прикамья (рис. 170: 32). Не чужды они и Южному берегу Крыма (например, Турова, Черныш, 2015, рис. 32: 153). Учитывая находки во всех основных «локальных группах» степняков от Присивашья до Волги (Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 268), в указанных выше границах можно говорить о практически сплошном ареале щитовидных накладок с округлой прорезью в центре.

Единичные находки таких накладок есть на востоке в Приаралье (Левина, 1996, рис. 130: 35), на западе — в лесостепном Поднепровье (Скиба, 2016, рис. 35: 18) и, вероятно, в окрестностях Очакова (рис. 170: 15). На северо-востоке Балкан известны две накладки рассматриваемого типа (Трайкова, 2017, №№ 1422, 1423), выполненные, судя по наличию пластин с отверстием для крепления к ремню («ушкам»), в византийских традициях. К сожалению, мне не известно изображение обратной стороны накладки из Суботицы в Среднем Подунавье (Balogh, 2014, fig. 3: 1), чтобы понять, сделана эта вещь в византийских или восточноевропейских традициях.

При единообразии общего облика, рассматриваемые накладки весьма вариативны в деталях. Однако, за редким исключением, устойчивых сочетаний этих особенностей, указывающих на локальную или хронологическую специфику серий или вариантов таких накладок, выделить пока не удается. Вероятно, это связано с тем, что изучить весь этот огромный массив по оригиналам или полноценным изображениям у меня нет возможности. Не исключено и то, что «колебания вариативности» у этих изделий были не столь велики, чтобы вылиться в устойчивую специфическую форму, или же мы не умеем ее увидеть.

Тем не менее рассматриваемое изделие из Стаево (рис. 170: 4) явно выделяется на фоне большинства вещей этого типа. Попробуем рассмотреть некоторые его особенности.

Размеры центральной прорези/углубления у большинства таких накладок не превышают половину их высоты, а чаще — заметно меньше ее. У стаевского же экземпляра эта деталь занимает значительную часть его внешней поверхности. Среди накладок с крупной прорезью назову находки из Пермского Приуралья (рис. 170: 32), Посеймья (рис. 170: 36), Восточного Закавказья (рис. 170: 30). Они явно не серийны и очень сильно разбросаны географически. Весьма условно по сходству абриса можно объединить единичные вещи из Кисловодской котловины (рис. 170: 35), Татарстанского Поволжья (рис. 170: 34), Керчи (рис. 170: 43), но это не проясняет общую картину. Накладки, у которых высота прорези доходит почти до половины высоты, можно назвать, например, на Северном Кавказе (рис. 170: 50, 51), в верховьях Суры (рис. 170: 56–57). Однако легко указать и экземпляры, у которых прорезь лишь чуть меньше, еще чуть меньше и т.д. — четкой границы по этому признаку не фиксируется. Показателен набор из «Царского кургана», где размер прорези у однотипных накладок сильно различается (рис. 170: 19–20; Атавин, 1996, табл. 17: 2–5). Создается впечатление, что вариативность размеров центральной прорези у интересующих нас накладок не имела строгой закономерности (по крайней мере, локальной).

На фоне большинства накладок с округлой прорезью стаевскую выделяет и то, что у нее прорезь замкнутая, т.е. не имеет «выхода» к нижнему краю изделия. Вещей с таким признаком можно найти немало, в том числе в Окско-Сурском регионе и примыкающем к нему Поволжье (рис. 170: 3, 7, 9, 14, 23, 26–27, 33, возможно, 10), в Южном Приуралье (рис. 170: 18),

степных регионах (рис. 170: 15, 19–20, 25), Южном Крыму (рис. 170: 24), на Боспоре (рис. 170: 17), Северном Кавказе (рис. 170: 21, 22, 29), в Закавказье (рис. 170: 8, 28, 29). Легко заметить, что даже в одном регионе указанные находки весьма различаются деталями. По-видимому, этот признак сочетался с другими весьма произвольно.

Отмечу и то, что прорезь у рассматриваемой накладки из Стаево как бы подрезана снизу, что напоминает изделия с полуовальной и подтреугольной прорезью. Среди них намечаются серии. Например, к серии Гапоново (рис. 170: 40–42) относятся сравнительно крупные изделия с непрофилированными боками, иногда украшенные вставками. Они встречаются в лесостепном Поднепровье по одному в комплексе, т. е., вероятно, являются накладками, противостоящими пряжке на застегнутом ремне (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 29–30). Аналогичную функцию могли иметь накладки серии Виноградное (рис. 170: 37–39) — более мелкие, с профилированными боками, зауженной прорезью, встреченные в комплексах по одной. Они известны в степи, но попадали и к оседлому населению Поднепровья.

Весьма выразительны накладки с крупной прорезью, предназначенной для вставки. В Кисловодской котловине найден великолепный набор с 5 такими накладками (рис. 170: 52), очевидно, византийской работы, сделанный или собранный в Крыму (Gavritukhin, 2018, p. 81–82). Им близка накладка из богатого степного комплекса в Васильевке (рис. 170: 46), вероятно, имевшая вставку, как и другие детали этой гарнитуры с крупными прорезями (рис. 173Б: 15; Комар, 2005, рис. 6: 1–8). Есть и специфичные восточноевропейские серии таких накладок, вероятно, сложившиеся как переработки византийских образцов. В Приуралье таковы серии Маняк (рис. 170: 48, 53 и тому подобные) и Неволино (с вариантами как на рис. 170: 49, 54, 55 и тому подобные).

С местной кисловодской традицией связана накладка из Кугуля (рис. 170: 47; ср. рис. 170: 21; о кисловодской школе см. Gavritukhin, 2018; Гавритухин, в печати 1). Для даже предварительной неформальной группировки и интерпретации ряда других накладок (рис. 170: 2, 31, 44, 45 и др.) у меня недостаточно данных.

Стаевскую матрицу для накладки (рис. 170: 4) нельзя безусловно вписать ни в одну из этих серий. По ряду признаков она занимает промежуточное положение между вариантом серии Неволино (рис. 170: 54) и экземпляром из Кисловодской котловины (рис. 170: 47), связанным с местными школами. Для кисловодской школы, помимо набора форм, показательны вставки не в прорезь (как бывает у рассматриваемых вещей чаще всего), а два других варианта их крепления: в каст, напаянный на плоскость (как рис. 170: 47), и в каст, опущенный в углубление (как рис. 170: 21). Очень вероятно, что для изготовления вещей, имеющих вставку, сделанную по схеме последнего из этих вариантов, была предназначена и рассматриваемая стаевская матрица.

Важная для нас накладка из катакомбы 122 в Мокрой Балке (рис. 170: 21) происходит из комплекса, по кисловодской шкале «геральдических» гарнитур относящегося к ранней части группы II, т. е. датируется около конца VI — 1-й четверти VII в. (Гавритухин, в печати 1). Накладки серии Неволино — часть прикамских женских поясов так называемого неволинского типа, сложившихся из ряда южных и других элементов во 2-й половине VII в., а бытовавших до немалой части VIII в. (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 86–89, рис. 90, колонка «Приуралье»: Н). Скорее всего, дата рассматриваемой стаевской матрицы должна частично накладываться на хронологические отрезки и южных прототипов, и северных дериватов, что определяет период около 1-й половины — 3-й четверти VII в.

Отметим и небольшую врезку в нижний край стаевской матрицы. Такая деталь обычна у накладок, противостоящих пряжке на застегнутом поясе (например, рис. 170: 33, 42; Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 42: 1, 8, 24, 31, 33, 38; 60: 26; 89: 119, 137, 142), и лишь как исключение встречается у накладок, украшающих остальные части ремня (например, рис. 170: 52).

Итак, рассматриваемая стаевская матрица предназначалась для изготовления накладок весьма редкой формы, но вполне вписывающейся в широко распространенный спектр вариаций щитовидных накладок с округлой прорезью. Индивидуальность изделия хорошо соответствует его предназначению в качестве противостоящей пряжке накладки, как правило, несколько отличающейся от остальных, зачастую повторяющихся накладок на этот же пояс. Скорее всего, накладки, сделанные с помощью стаевской матрицы, были рассчитаны на вставку, которая крепилась так же, как у ряда изделий кисловодской школы. По-видимому, прототипы стаевского изделия связаны с югом, но сделано оно могло быть и местными мастерами.

В ближайшей к Стаево Окско-Сурской зоне щитовидные накладки с округлой прорезью известны не менее, чем в 7 пунктах, причем многие из них стилистически близки стаевской матрице. И. Р. Ахмедов и А. П. Гаврилов относят их к основным формам прессованных деталей «геральдических» гарнитур у «рязанских финнов» (Ахмедов, Гаврилов, 2017а, с. 25; рис. 7: 1–3). Вполне вероятно, что изделия, сделанные при помощи рассматриваемой матрицы, предназначались для ближайших северных и северо-восточных соседей Стаевского торгово-ремесленного центра. Однако это не отменяет возможности сбыта такой продукции степнякам и другим потребителям, связанным с южным и восточным спектрами связей Стаевского центра.

2.2.2. Щитовидные накладки с прямоугольной прорезью (или имитирующим ее углублением) в нижней части и вогнутыми боками

Точных аналогов такой находке из Стаево (рис. 170: 1) мне не известно. Углубление/вырез в нижней части — свидетельство ее предназначения, скорее всего, в качестве пластины, противостоящей пряжке на застегнутом поясе (см. в части 2.2.1).

Прямоугольный вырез/углубление в центральной части (как правило, ближе к нижнему краю) у накладок, среди которых есть щитовидные и полукруглые, показателен для гарнитур катандинского типа, появившихся в Китае, оттуда — у тюрок (характерны для их так называемого Второго Восточного каганата) и распространившихся на обширных территориях (включая Восточную Европу), куда прямо или опосредовано доходило влияние этих культур (Торгоев, 2011), породив ряд местных переработок. Однако для этих гарнитур не характерны накладки в форме геральдического щита.

В Восточной Европе щитовидные накладки с прямоугольной прорезью в нижней части, как правило, имеют сложную орнаментальную схему, нередко напоминающую человеческую «личину» (например, Ковалевская, 2000, рис. XII: 41–44, 48–50). Даже вариации, наиболее типологически близкие рассматриваемому изделию (как на рис. 170: 13), украшавшие женские так называемые неволинские пояса, явно принадлежат особому кругу и могут рассматриваться лишь как далекие переработки накладок, сопоставимых со стаевской матрицей.

Среди щитовидных восточноевропейских накладок, имеющих только прямоугольную прорезь, отметим находку из погребения 66 Старо-Кадомского могильника (рис. 170: 11) на крайнем востоке ареала культуры рязано-окских могильников. Этот, как и комплекс из погребения 53 того же могильника (Ахмедов, 2010, рис. 3–4), сопоставимы с ранними наборами «геральдического» круга Поволжья (ср.: Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 89: 118, 120, 127, 130, 137–139, 144, 145, 147; Гавритухин, 2001а, горизонты 1 и 2), что и определяет дату в рамках 2-й половины VI — начала (не позднее 1-й трети) VII в.

Интересующие нас изделия могли появиться как местные вариации очень широко распространенных прямоугольных накладок с прямоугольной прорезью по центру (см. о них и базовую литературу в: Гавритухин, 2002а, с. 221–222), иногда имеющих дополнительные элементы сверху. Например, как упрощенное воспроизведение трехлепесткового (как рис. 170: 12) или подобного мотива. Другой вариант происхождения таких накладок — подражание некоторым образцам, известным в Китае не позднее 2-й половины VI в. и легшим в основу развития катандинских поясов (как рис. 170: 16; см. Торгоев, 2011). Такие вещи вполне могли быть принесены из Азии в эпоху так называемого Первого Тюркского каганата. В пользу реальности такого трека влияний укажу на накладку из Иловатки (рис. 170: 25), имеющую, как и упомянутые китайские из Шэньси, слегка вогнутый низ и принадлежащую ранним «геральдическим» гарнитурам Поволжья.

Как бы то ни было, щитовидные накладки с прямоугольной прорезью у прямого края бытовали в Восточной Европе в виде редких вариаций, наряду с более сложно или иначе украшенными, со 2-й половины VI в. (рис. 170: 11) до эпохи агафоновских гарнитур (рис. 170: 5), судя по всем современным разработками, получившим широкое распространение с середины VII в. Можно указать и находки, вероятно, заполняющие промежуток между ранними и поздними комплексами (рис. 170: 6; Баранов, 1990, рис. 6: 2, 7, 8). В этом контексте следует рассматривать и стаевскую матрицу.

Среди особенностей экземпляра из Стаево следует отметить прогнутые бока. Этот признак упомянут В. Б. Ковалевской в ряду характеристик щитовидных накладок как форма варианта 1б (Ковалевская, 2000, с. 150), однако никаких выводов из этой констатации сделано не было. По моей выборке, такие вариации

накладок с одной прорезью распространены от Поднепровья, Причерноморья и Закавказья до Поочья, Горьковского Поволжья, Пермского Прикамья (напр., рис. 170: 3, 7, 13, 15, 20, 23, 24, 28–30, 36), но везде сравнительно немногочисленны и не образуют выразительных зон концентрации.

Вдавление в нижней части стаевского экземпляра по пропорции, на фоне приведенных аналогов, близко квадрату. Вполне вероятно, что оно предназначалось для сравнительно небольшой каменной или (чаще) стеклянной вставки, как, например, у некоторых щитовидных накладок, рассмотренных в части 2.2.1 данной главы (рис. 170: 15, 21, 42, 47). Отметим и то, что крепление такой вставки могло осуществляться в углубление, а не прорезь, как у продукции другой стаевской щитовидной матрицы и кисловодских мастеров (рис. 170: 4, 21).

Эти стаевские матрицы (рис. 170: 1, 4) сближает также вероятное предназначение для изготовления накладок, противостоящих пряжке на застегнутом поясе, индивидуальность сочетания широко распространенных элементов, которое могло быть результатом творчества местных мастеров, имеющих широкие связи. Хотя треки влияний, отразившихся в этих изделиях, различны, судя по всему, они принадлежат одному стилю работы мастера, не любившего стандартных решений.

2.2.3. Цельная двухчастная накладка со щитовидной верхней и луновидной нижней частью

Точных аналогов этой вещи (рис. 172А: 1) мне не известно. Аналогии же ее частям — щитовидной с прямыми боками и двумя круглыми прорезями, как и луновидной (округлой, с круглым вырезом, примыкающим к краю изделия), — распространены очень широко.

Щитовидная часть свидетельствует о принадлежности этого изделия ременным гарнитурам «геральдических» стилей, бытовавших как минимум от начала до пика их распространения в Восточной Европе (например, рис. 172Д), т. е. от 2-й половины VI до 3-й четверти VII в. Сочетания аналогичных щитовидных деталей с другими можно встретить у некоторых горизонтальносимметричных (например, Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 40: 9–12, 35–42), Т-образных и других накладок, трех- и четырехлепестковых накладок-разделителей ремней (например, Ковалевская, 2000, рис. XVI: 43; XIX: 6, 26).

Еще более широк географически и хронологически круг аналогий округлым накладкам с круглым или полукруглым вырезом (очень неполный обзор см. в Ковалевская, 2000, с. 149), восходящим к позднеантичной традиции. Таковые встречаются и в составе «геральдических» гарнитур как ранних в Причерноморье (например, рис. 172А: 3), так и поздних в Прикамье (например, рис. 172А: 4). Отмечу и сочетание луновидного элемента с другими деталями, нередкое, например, в гарнитурах с катандинскими накладками (как рис. 172А: 2), не говоря о других восточноевропейских и североазиатских изделиях (например, Ковалевская, 2000, с. 155–156). Они не связаны с рассматриваемым стаевским экземпляром, лишь свидетельствуют о широком распространении приема комбинации элементов, который использовали мастера различных школ.

Пока данную вещь следует считать единичной вариацией «геральдических» накладок, вполне вероятно, изготовленную в Стаевском торгово-ремесленном центре. Такая атрибуция затрудняет «узкую» датировку этого изделия и определение его связи с локальной группой вещей.

3. Накладки-разделители/распределители с петлей/зажимом (рис. 173А)

В Стаево таковые представлены одной находкой (рис. 173А: 7). Эти разделители/распределители ремней состоят из обоймы, к которой крепился конец одного ремня, и петли или зажима, через которые в две стороны пропускался второй ремень. Так получалась конструкция, рассчитанная на три конца ремня. Она бывает двух типов. Первый характеризует сплошная, отлитая вместе с обоймой петля (вариант 1 по Хайединова, 2003, с. 130). К типу 2 относятся накладки-обоймы (зажимы), лицевая сторона которых переходит в пластину, загнутую и образующую обратную сторону обоймы, зажимая конец одного ремня и образуя петлю для другого. По форме пластины в рамках типа 2 различаются: подтип А, для которого показательно то, что ширина петли в месте сгиба равна ширине обоймы, а между ними, как правило, присутствуют боковые вырезы (как рис. 173А), и подтип Б, который отличает то, что петля не имеет расширения в месте сгиба (варианты 2 и 3 по Хайединова, 2003, с. 130–131).

Специально такие разделители до недавнего времени рассматривались лишь Э. А. Хайрединовой в связи с находками из Лучистого в Южном Крыму. Она показала, что все они связаны с конструкцией обуви, подразделила на охарактеризованные выше варианты (типы), указала на хронологические рамки в пределах 2-й половины VI — VII в. и привела представительный ряд примеров бытования таких вещей у населения Крыма, Причерноморских и Приазовских степей, Северного Кавказа (Хайрединова, 2003, с. 130–131). Число таких или конструктивно близких изделий заметно больше, чем учтено Э. А. Хайрединовой при краткой характеристике фона для рассмотрения крымских находок, которым посвящена ее упомянутая статья.

Ременные разделители/распределители подтипа 2А делятся на блоки серий по форме боковых вырезов на лицевой стороне. В данной работе я остановлюсь лишь на изделиях, имеющих вырезы, близкие по форме полуовалу, что придает месту сгиба с лицевой стороны Т-образную форму, как у рассматриваемой стаевской находки. По форме щитка (здесь — части лицевой стороны, отделенной вырезом), этот массив делится на **серии**.

Для серии Кугуль показателен скругленный конец непрофилированного щитка. Такие находки (рис. 173А: 18–22, 27–32) многочисленны на Северном Кавказе, а известны также в Закавказье, степях Кубани, Волги, в Южном Крыму, т. е. сравнительно недалеко от северокавказской зоны их концентрации.

Серию Сивашовка характеризует щиток, имеющий профилированные бока и выступ на конце (рис. 173А: 8–14). Она представлена на Северном Кавказе, в степях Причерноморья, Южном Крыму. Этот ареал во многом накладывается на область распространения серии Кугуль, но как бы сдвинут на запад и исключает Закавказье.

У разделителей серии Арцибашево щиток по бокам не профилирован, но на конце имеет выступ; для многих вариаций показателен щиток, расширяющийся к концу. Такие находки (рис. 173А: 1–5) характерны для ряда степных памятников от Северного Причерноморья до Восточного Приазовья. Эпоним расположен на юге Рязанской области, в лесостепи, вне зоны рязано-окских могильников, а сам этот комплекс (разрушенное погребение; Монгайт, 1951) специалисты связывают с кочевниками (например, Комар, 2006; Ахмедов, 2010).

Пятиугольный щиток показателен для серии Лучистое. Такие изделия (рис. 173А: 15–16, 23, 25, 26) известны на памятниках Крыма и культуры Коман в Албании. Эти отдаленные друг от друга регионы объединяют также вещи византийского производства и их переработки, находки (правда, немногочисленные) пальчатых фибул днестро-дунайской подгруппы, что подтверждает принадлежность одному кругу контактов, в данном случае, вероятно, опосредованных.

Щиток у разделителей серии Мокрая Балка имеет непрофилированные бока и приостренный конец (рис. 173А: 6, 7, 17, 24). Она представлена в степях Нижней Кубани, Кисловодской котловине, бассейне Белой, Верхнем Подонье (Стаево). Этот ареал частично накладывается на зону распространения серии Арцибашево, но в целом сдвинут на восток от нее. Отметим, что щитки изделий этих серий весьма схожи. Вероятно, с этой серией связаны и плохо сохранившиеся разделители из Острого мыса (рис. 173А: 37–38) в Кисловодской котловине.

Серия Дымовка (рис. 173А: 33, 35) выделяется по щитку в форме прямоугольника с двумя скругленными углами. Она зафиксирована в Абхазии, степях Крыма и, возможно, производна от серии Кугуль, например, через вариацию, представленную в Борисово (рис. 173А: 22) на черноморском побережье Кавказа, как бы соединяя пункты находок разделителей серии Дымовка. Интересно, что в указанных гарнитурах сочетаются экземпляры этой серии и других вариаций (рис. 173А: 34, 36), напоминающих серии Сивашовское, Лучистое, Мокрая Балка.

Хронология серий не столь отчетлива, как локализация. С ранними «геральдическим» гарнитурами (2-я половина VI в., иногда чуть позднее) встречены распределители серий Кугуль (рис. 173А: 31), Сивашовское (рис. 173А: 11), Лучистое (рис. 173А: 26). Однако в каждой из этих серий представлены и находки из явно более поздних комплексов (рис. 173А: 8, 10, 15–16, 19, 27–29). Впрочем, ни один из них не может датироваться позднее 3-й четверти VII в. Накладки из Цебельды (рис. 173А: 35–36), казалось бы, типологически производные от массовых выразительных серий, найдены в «предгеральдическом» комплексе (Воронов, Юшин, 1971). Сопоставимый же с ним набор (рис. 173А: 33–34) — заметно более поздний, судя по пряжкам (Айбабин, 1985, рис. 8: 8–15, 22). Все это заставляет отказаться от построения относительной хронологии на основании возможных

эволюционно-типологических рядов, а к датировке серий по одному-двум комплексам относиться с осторожностью.

Наиболее важная для темы данной книги серия Мокрая Балка имеет следующие хронологические реперы. Катакомба 11К в Мокрой Балке (с накладкой на рис. 173А: 17) по хронологической шкале «геральдических» наборов Кисловодской котловины относится к поздней части группы II, т. е. датируется около 1-й четверти/трети VII в. (Гавритухин, в печати 1). В погребении 2 кургана 2 из Лебеди 4 (с накладкой на рис. 173А: 24) найдена обувная пряжка (как рис. 169: 21–22) длиной 21 мм (Скарбовенко, Лифанов, 2012, с. 25: №2; рис. 4: 4), что и определяет дату около 2–3-й четвертей VII в. (см. часть 2.2 данной главы). Находки из кургана 10 в Ново-Турбаслы (с накладкой на рис. 173А: 6) малопригодны для узкой датировки. Безусловно, они доагафоновские и могут синхронизироваться с рассмотренными комплексами, не исключая в принципе и несколько более раннюю дату.

Итак, рассматриваемая накладка/обойма-разделитель/распределитель связана, скорее всего, с обувной гарнитурой, которая получила распространение на Северном Кавказе, в Крыму, степи от Северного Причерноморья до Восточного Приазовья, попадая и к людям, которые имели контакты с этими регионами. Принадлежала она одному из жителей Стаевского торгово-ремесленного центра или же приезжему с юга или востока. Такие вещи весьма просты в изготовлении и в ряде случаев делались на месте, что вполне приемлемо для нашего случая. С другой стороны, они были частью нередко сравнительно сложных конструкций обуви и в этом качестве могли импортироваться или служить образцами для подражания.

4. Наконечники

4.1. Подвесные крепежные наконечники

Для гарнитур «геральдических» стилей речь идет в данном случае о наконечниках в основном боковых («вспомогательных») ремней пояса или деталей узды. Они могут иметь вид простой рамки, крепящейся одной из сторон к концу ремня; рамки, имеющей для крепления к ремню обойму; перекладины, крепящейся в петле из ремня, веревки и тому подобно, или же к концу ремня с помощью обоймы, изготовленной вместе с перекладиной (как рис. 172В) или отдельно от нее. К рамке необходимые вещи могли подвешиваться с помощью ремня, веревки, фиксируемых узлом, или различных специальных конструкций. Наличие рамки (часто они металлические, известны и костяные) обеспечивало жесткость принимающей «петли», что удобнее, чем просто узел, как для прикрепления, так и отсоединения. Аналогичную функцию могли выполнять пряжки, крепящиеся на подвесном ремне или к предмету, который подвешивался к ремню. Для подвешивания с помощью принимающей перекладины, у прикрепляемого объекта должна быть петля из мягкого материала, набрасываемая на перекладину. Такая конструкция крепежа менее надежна, чем рамчатая, но позволяет проще и быстрее крепить или отсоединять вещь.

В Стаево крепежный наконечник представлен Т-образной накладкой (рис. 172В: 1).

4.1.1. Т-образные накладки

По расположению многих таких вещей на конце ремня, что в ряде случаев зафиксировано *in situ* и/или по остаткам кожи на накладке, эти вещи правильнее было бы назвать наконечниками, а по функции отнести к подвесным крепежным. Однако не единично достоверно известны и случаи использования таких вещей как декоративных или крепящих вспомогательный ремень накладок. Кроме того, практически невозможна «исходная» функция и для экземпляров, изготовленных прессовкой, а таковых довольно много. Так что многие вещи с Т-образной перекладиной имели не крепежную, а зачастую декоративную функцию. Наконец, не стоит бороться с устоявшейся традицией называть такие вещи накладками, если помнить, что любой термин условен (о ряде затронутых аспектов см. также: Гавритухин, Обломский, 1996, с. 51; Bálint, 1992, S. 383–384; Скиба, 2017; Гавритухин, в печати 1).

Впервые дифференцировано рассматривать Т-образные накладки стал А. К. Амброз, наметивший направления их типологической эволюции на основе доступных ему «опорных» комплексов (Амброз, 1973, с. 294; рис. на с. 289: 29–40). К настоящему времени оформилось несколько тенденций методики работы с этим весьма обширным и пестрым в деталях материалом. Одна из них связана с работами, рамки которых ограничены определенной группой памятников. В исследуемом материале выделяются схожие и явно различающиеся находки, их основные признаки ставятся в контекст доступных аналогий с других территорий, на основе чего предлагается культурная и/или хронологическая

интерпретация полученных типов и вариантов (Айбабин, 1990, с. 52–53; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 25–27)[9]. Основное ограничение этого подхода — невозможность представить всю группу Т-образных накладок систематически, как целое, — авторами понимается, но, учитывая сложность такой задачи, они предпочитают пока не выходить за рамки исследования части всего массива, привлекая остальные находки в качестве «фона».

Рассмотреть Т-образные накладки как целое пытались два автора. Ч. Балинт ограничился общей характеристикой вещей этой группы и заметками о ряде их вариаций, но довольно скептически оценил перспективы последовательной работы над созданием детальной типологии (Bálint, 1992, S. 381–384). Такой скептицизм представляется мне чрезмерным и, конечно, малопродуктивным.

В. Б. Ковалевская пыталась решить эту проблему, придумывая универсальную априорную типологическую схему. Наверное, столкнувшись с описанными выше или другими трудностями, достичь убедительного упорядочивания всего затронутого массива ей, по-моему, не удалось.

В отношении Т-образных накладок как целого она ограничилась таблицей образцов (включив туда крючки), имеющих обоймы, и списком известных ей находок, похожих на приведенные рисунки (Ковалевская, 2000, рис. XIX: 16–33, XX; приложение, табл. 6). Аналитическая часть ее труда ограничилась обзором работ некоторых авторов, вклад которых оценен как несоответствующий требуемому универсализму, и рассуждениями, направленными на подтверждение схемы об эволюции накладок с пламеневидным («геральдическим») щитком от имеющих прорези, напоминающих человеческую «личину», к непрорезным (Ковалевская, 2000, с. 188–195). Предложенная схема осталась гипотезой, поскольку анализ оснований датировки находок, необходимый для доказательства того, что типологический ряд отражает именно эволюцию, был игнорирован. Я считаю эту гипотезу неверной хотя бы потому, что многие щитовидные накладки с прорезями, составляющими полный набор элементов «личины» (как в: Ковалевская, 2000, рис. XII: 43, 44 и тому подобные) украшали женские пояса неволинского типа, которые все специалисты относят к поздним на фоне «геральдических» гарнитур. Противоречат этой гипотезе и данные о хронологии накладок других типов, имеющих «личиноподобный» орнамент (например, Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 192).

Таким образом, в отношении интересующих нас накладках мы имеем: 1) общее (эскизное) представление об их вариациях; 2) несколько явно неполных списков находок; 3) ряд наблюдений над некоторыми типами и вариантами. Попытаться кардинально изменить ситуацию в рамках данной публикации нет возможности. Не разделяя скептицизм Ч. Балинта и априоризм В. Б. Ковалевской, остается работать в рамках охарактеризованного выше «ограниченного» подхода, рассматривая его как подготовительную ступень для исследования группы вещей как целого.

4.1.1.1. Т-образные накладки со щитовидной/пламеневидной пластиной и полуовальной прорезью (рис. 172В)

Приведенные в названии этой части характеристики рассматриваемой накладки из Стаево (рис. 172В: 1) отражают предложенные мною наброски к классификации Т-образных накладок: группу А (с пламеневидной/щитовидной пластиной), в рамках которой выделяется ряд типов, серий, вариантов и других разноуровневых таксономичесих единиц; тип «с полуовальной прорезью», наиболее многочисленный и весьма пестрый в деталях (пропорции и профилировка пластины, форма ее верхней части, оформление основания перемычки, набор элементов перекладины и другие) (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 25–27; Gavritukhin, 2018, p. 84–86).

В рамках типа «с полуовальной прорезью» группы А пока не удается выделить локальные серии или варианты. Показателен недавний опыт украинских коллег, опубликовавших хорошую (конечно, нуждающуюся в дополнениях и уточнениях) сводку таких накладок по регионам (Скирда, Володарець-Урбанович, 2019, с. 86–93), но не сделавших даже попытки выделить локальные вариации.

Немного лучше обстоит дело с датировкой: удается наметить лишь некоторые признаки,

[9] В недавней работе А. В. Скибы предложена очень дробная классификация Т-образных накладок, представленных на славянских памятниках (Скиба, 2016, с. 37–38), однако не ясно, какая реальность стоит за тем или другим таксоном. Подобные формальные упражнения не единичны и могут рассматриваться лишь как подготовительные опыты, пользу которых может показать только результативность в понимании локального, хронологического или других аспектов, отражаемых выделяемыми подразделениями.

показательные для сравнительно поздних разновидностей Т-образных накладок. К таковым относится перемычка между щитком и перекладиной, длина которой превосходит высоту щитка. Все погребения, для которых возможна «узкая» хронология и где встречены такие накладки, относятся к периоду, датируемому около 620/640–660/680 гг. (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 73; рис.74: 29, 37, 38, 59; 76: 39; 66: 9; Гавритухин, 2005, с. 400 и рис. 1: ИС-5). Нередко Т-образные накладки имеют находящееся на перекладине треугольное «основание» для перемычки, что также является признаком Т-образных накладок этого периода (Гавритухин, 2005, с. 400 и рис. 1: ИС-4). Судя по всему, удлинение перемычки, наряду с другими изменениями в облике Т-образных накладок, было близким по времени феноменом, отразившимся на образцах разных серий и даже групп от Подунавья до Кавказа. Впрочем, это тенденция не универсальна, например, длинная перемычка не фиксируется на Т-образных накладках явно поздних стилей — агафоновского круга и других (как в: Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 37: 2, 3, 6, 10).

У рассматриваемого стаевского экземпляра длина перемычки несколько меньше высоты щитка, но больше, чем у многих Т-образных накладок (например, Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 37: 1–3, 6–11, 13–29, 31–44; 38: 2–4, 6–9, 12–14, 17–18, 20–24, 26–29; Айбабин, 1990, рис. 43: 33; 49: 8, 23, 24, 27, 28; 50: 13–23; Ковалевская, 2000, рис. XIX: 19–33; XX: 1–3, 5–9, 12, 23–25). Однако грань, отделяющую обычную длину перемычек от чуть боле длинной, определить не удается.

Из других признаков я попробовал рассмотреть сочетание: а) щитка, имеющего плавные боковые выступы в нижней части, но не отогнутые вниз (как это часто бывает); б) врезной горизонтальной полосы в нижней части щитка; в) основания перемычки в виде двух валиков. Однако даже незаконченная выборка вещей с такими признаками (некоторые см. на рис. 172В) меня не удовлетворила. Такие вещи можно указать во многих регионах (как всех тех, с которыми зафиксированы контакты Стаевского торгово-ремесленного центра, так и других), но нигде они не дают заметных зон концентрации. Не являются эти накладки и чуткими хронологическими индикаторами.

Работа с другими вариативными признакам (например, размером прорези на щитке) не дала внятных результатов или затруднена из-за недостатка информации; в частности, по ряду публикаций не ясно, концы перекладины в сечении округлые (как на рис. 172В: 9), сегментовидные (как на рис. 172В: 6) или дуговидные разной толщины (как на рис. 172В: 1, 7).

Как мы видим, ситуация в понимании вариаций интересующих нас накладок аналогична той, что описана в связи с рассмотрением тоже многочисленных и пестрых в мелких деталях щитовидных накладок с круглой прорезью (часть 2.2.1 данной главы).

Рассматриваемая накладка была смята, что, по убедительному объяснению, предложенному А. М. Обломским, было сделано для удобства ее переплавки. Вполне вероятно, что она — продукт Стаевского ремесленного центра, но неудачный и предназначенный для утилизации там же. Впрочем, утилизовать могли и привезенную вещь. Дата этого изделия, с учетом того, что она не относится к явно поздним типам и вариациям, пока не может быть сужена в рамках 2-й половины VI — 3-й четверти VII в.

4.2. Наконечники с прямыми или слегка прогнутыми боками

Как правило, при классификации таких наконечников исследователи обращают внимание на абрис (очертания) изделия (прямая или профилированная верхняя часть; округлая, килевидная, треугольная нижняя), их орнаментацию, реже — на пропорции. Нередко это результативно. Однако для различных культур и производственных центров тенденции изменения пропорции наконечника могут быть разными, даже противоположными (например, Гавритухин, Обломский, 1996, с. 35). Следует учитывать и принадлежность наконечников «основному» ремню (как правило, поясу) или «вспомогательному» (боковые/подвесные ремни к поясу, уздечные, обувные и другие). В «геральдических» гарнитурах первые имеют ширину устья, как правило, превышающую 15 мм, вторые, за единичными исключениями, — уже этой отметки, установленной эмпирически[10].

[10] Функция определялась по положению наконечника в погребении, кроме того, наличие нескольких стандартных наконечников — показатель принадлежности их к «вспомогательным» ремням. Граница в 15 мм просчитывалась для «геральдических» и синхронных им поясных наборов; в конской узде и некоторых других случаях стандартные «вспомогательные» (нередко — декоративные) наконечники могут быть крупнее.

В определённых случаях важны, даже имеют решающие значение, технологические признаки. Наконечники могут быть изготовлены из одной пластины и крепиться к ремню шпеньками; в ряде случаев для увеличения прочности конструкции площадь шляпки шпенька, прижимающего ремень к наконечнику, увеличивается за счет подкладки небольшой пластинки под каждую шляпку или пластины, вытянутой вдоль всего наконечника. Есть наконечники с прорезью для ремня; они собирались из двух пластин, прижатых в нижней и несомкнутых в верхней части, или же прорезь предусматривалась при отливке. Особый блок технологических схем — полые наконечники, крепящиеся к ремню ушками (пластиной с отверстием), шпеньками (в том числе, усиленными пластинами — см. выше), загнутыми штырями или скобами. Эти крепежные детали могли изготавливаться вместе с наконечником, или быть посажены в специальную массу, заполняющую пространство под, как правило, прессованным наконечником, или шпеньки, изготовленные отдельно, могли пробивать лицевую сторону наконечника, или ремень зажимала пластина, припаянная с обратной стороны наконечника, и фиксировал шпенек. Есть наконечники-«коробочки», т. е. изготовленные из двух пластин, соединенных металлической лентой при помощи пайки. Особая группа — цельные наконечники, с полостью, открытой только сверху; технология их изготовления требует отдельного анализа специалистом. Наверное, этот список можно продолжить.

Два наконечника и матрица для изготовления наконечников, имеющих прямые или слегка прогнутые бока, найденные в Стаево (рис. 172Г: 1; 172Д: 1; 173Б: 3), относятся к узким («вспомогательным») ремням, но к разным типам и технологическими группам.

4.2.1. Гладкие маленькие наконечники с полукруглым концом (рис. 172Г; 173Б)

4.2.1.1. С прогнутыми боками

В Стаево представлены матрицей (рис. 172Г: 1). Наличие в ее верхней части выступов и горизонтальных полос напоминает обкладку устья, служащую у многих наконечников-коробочек или полых наконечников с задней пластиной для укрепления паяной конструкции (как на рис. 172Г: 9, 20). Для наконечников других технологических схем такая деталь излишня, и полоса по верхнему краю не является отдельно изготовленной деталью (как на рис. 172Г: 4–6, 11–12, 14, 15, 18, 21–28, 33, 34), играя декоративную роль, вероятно, в ряде случаев не без влияния стилистики наконечников-«коробочек».

Маленькие наконечники с прогнутыми боками можно найти в гарнитурах византийской традиции. Как и стилистически близкие им более многочисленные наконечники с прямыми боками, они относятся к технологической группе «коробочек», имеют прорезную или гравированную орнаментацию. При внешнем сходстве некоторых таких вещей со стаевским (например, рис. 172Г: 33; Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 46: 41, 42; Трайкова, 2017, №№ 1951, 1968), очевидно, что они не являются прямыми прототипами рассматриваемого изделия.

Многие наконечники (как рис. 172Г: 22–28), с разной степенью вероятности связываемые с Сирией (все они — покупки), имеют, как и стаевская матрица, гладкую неорнаментированную (за исключением верхней полосы) поверхность. Однако они сильно профилированы (черта, присущая и многим гарнитурам из Ирана), а их длина более чем в 3 раза превышает ширину устья, т. е. и с ними стаевская матрица связана не напрямую. На территории империи Сасанидов (в современном Азербайджане) известен и наконечник, по абрису более близкий стаевской находке (рис. 172Г: 29), однако по публикации непонятно, как он сделан, т. е. относится к рассматриваемому сирийско-иранскому или северокавказскому контексту (см. о нем чуть ниже).

Гладкие наконечники широко представлены в зоне Аварского каганата, часть из них имеет прогнутые бока или напоминающее эту стилистику расширение книзу. Многие сделаны «коробочкой», но нередки и полые. Среди них есть и весьма близкие рассматриваемому стаевскому экземпляру, например, маленькие прессованные паянные и укрепленные у устья рельефным ободком наконечники из погребения 1 в Сегваре—Шаполдале (рис. 172Г: 20) и прессованные, но посаженные на специальную массу наконечники из погребения 18 могильника Деск Н (рис. 172Г: 21). Погребение в Сегваре—Шаполдале относится к не самой ранней части «раннеаварского» периода (его хронологические рамки: 568 — около 620/640 гг.) и датируется подражанием византийской монете 584–602 гг. (Garam, 1992, Taf. 23; Гавритухин, 2001в, рис. 35, 64; с. 139, 141, 156–157). Однако наконечники такой формы известны и позднее, в комплексах круга Боча — Перещепина (например, рис. 172Г: 31), датированных 620/640–660/680 гг.

(обоснование дат см. в Гавритухин, 2001в; 2005). Полые прессованные наконечники, не столь близкие стаевской матрице, как только что упомянутые, но подтверждающие типичность этих шаполдалских экземпляров, есть и в других комплексах «раннеаварского» периода (например, Гавритухин, 2001в. Рис. 35; подборки в: Garam, 1992; Balogh, 2004; 2014). Традицию широкого использования гладких маленьких наконечников, иногда с расширением книзу или с прогнутыми боками, можно проследить и по комплексам I и II «среднеаварских» периодов (например, Гавритухин, 2001в, рис. 34: 17, 25, 36; 1: 5, 13, 50; 2: 18, 30; 3: 7; 4: 4; 8: 49; подборки в: Balogh, 2004; 2014), т. е. на протяжении всего VII в.

Изделия, близкие шаполдалским, могли быть образцом для рассматриваемой стаевской матрицы, однако другими находками связи Стаевского центра с Аварским каганатом не зафиксированы. Правда, несколько изделий, имеющих аналогии в Среднем Подунавье, есть в Шиловской группе культуры рязано-окских могильников, имевшей хорошие связи со Стаевским микрорегионом. Однако этого недостаточно для убедительных выводов. Механизм подобных очень дальних избирательных связей требует специального изучения; зачастую мы пока не знаем возможного общего источника появления таких вещей и посредников их распространения, особенно степняков, культура которых известна много хуже, чем их оседлых соседей.

Небольшие наконечники с прогнутыми боками известны также на памятниках меровингского круга и связанных с ним культур. Однако для Восточной Европы связи с ними опосредованы Византией, Аварским каганатом (об этих регионах речь шла выше), носителями пражской культуры (на ее памятниках наконечники, важные для нашей темы, не известны).

Наиболее близкие интересующим нас наконечники, известные на Северном Кавказе, относятся к вариациям, характерным в основном для его центральной части, и датируются не ранее середины или 2-й половины VII в. (Gavritukhin, 2018, p. 78, 79). Сделаны они «коробочкой». Как и рассматриваемая стаевская матрица, эти маленькие наконечники — гладкие, с прогнутыми или расширяющимися книзу боками, но имеют значительно более вытянутые по вертикали очертания. Только единичные вещи по пропорциям сопоставимы с рассматриваемой стаевской (например, рис. 172Г: 19; возможно, 172Г: 9; Bálint, 1992, Taf. 41: 8–13), да и те весьма приблизительно. Значительно реже на Северном Кавказе встречаются полые гладкие наконечники, форма которых (например, рис. 172Г: 16, 18) близка рассмотренным изделиям. Они схожи с наконечниками, сделанным «коробочкой», и по датировке, что хорошо видно на фоне более ранних вариаций (как рис. 172Г: 32). Более всего напоминают стаевскую матрицу два наконечника (рис. 172Г: 7–8) из катакомбы 345 могильника Клин-Яр 3 в Кисловодской котловине. Однако они единичны на фоне многочисленных охарактеризованных кавказских наконечников, близких этим по времени.

Известные мне маленькие гладкие наконечники из «геральдических» гарнитур Причерноморья и восточноевропейских степей еще более типологически далеки от интересующей нас стаевской матрицы, чем рассмотренные выше находки (среди наиболее близких — рис. 172Г: 30, 34). Следует остановиться лишь на одном из образцов, происходящих из Вознесенки в области Днепровских порогов (Комар, 2006а, рис. 36: 9). По схематичному изображению, один бок у этого наконечника прогнут, другой — нет; неясна и технология изготовления этой вещи. Ее анализ будет возможен после уточнения упомянутых характеристик, а для нашей темы важно, что эта вещь, судя по масштабу, явно значительно крупнее, чем рассматриваемая матрица из Стаево.

Среди находок в зоне раннеславянских культур, связанных с Поднепровьем, для нашей темы интересен наконечник из клада в Козиевке / Новой Одессе (Скиба, 2016, рис. 9: 12). Он имеет очень слабо прогнутые бока, изготовлен, скорее всего, «коробочкой», но заметно крупнее рассматриваемой стаевской матрицы, т. е. как и упомянутый чуть выше наконечник из Вознесенки, напрямую не связан с интересующей нас вещью. Ближе ей наконечник из Градижска (рис. 172Г: 14). Однако он явно чужд стилям, распространенным в Поднепровье (ср. выборку по Скиба, 2016), и попал на Градижский перекресток путей (см. в части 2.2 данной главы), по-видимому, издалека.

В Волго-Уральском регионе гладкие наконечники, в том числе с горизонтальными нарезками, обильно представлены на агафоновских (не ранее середины VII в.) и (реже) на сменяющих их катандинских поясах. Они — полые, с чуть скошенными боками и резко отличаются от рассматриваемого стаевского экземпляра тем, что являются узкими и длинными, лишь редко имеют слабо прогнутые бока или чуть расширяются

книзу (как рис. 172Г: 4–6). Более ранние формы (как рис. 172Г: 2, 3, возможно, 172Г: 15) ближе к интересующему нас изделию из Стаево по пропорциям, но отличаются отсутствием профилировки боков.

В этот контекст в целом вписываются наконечники из погребения 10 раскопа II Манякского могильника и из Ново-Бикинского кургана в Башкирии. Среди них два (рис. 172Г: 11, 12) близки рассматриваемой стаевской матрице по размерам, имеют горизонтальные полосы в верхней части, расширяются книзу, у одного есть и слабые прогибы по бокам, отличаясь главным образом тем, что нижний конец у них немного приострен. Впрочем, для тех же гарнитур не чужды и наконечники со скругленным низом (рис. 172Г: 10, 13). Ново-Бикинский комплекс (Мажитов, 1981, рис. 8) относится к поздней части периода II, а манякский (Мажитов, 1981, рис. 7: 118) — к периоду III эволюции «геральдических» гарнитур Урало-Волжского региона, т. е. первый датируется около 2–3-й четвертей, а второй около середины — 2-й половины VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 85–86, 89–92; рис. 89, 90).

Как видно из представленного обзора, наконечники, близкие тем, для которых предназначалась рассматриваемая матрица из Стаево, распространены очень широко. Однако типологически ей наиболее близки серии находок в зоне Аварского каганата в Карпатской котловине и в бассейне р. Белой в Южном Приуралье. Приуральские находки ближе к Стаево географически; в обоих регионах нередко встречаются вещи, схожие на уровне типов, а иногда и серий. Интересующая нас вариация накладок, вероятнее всего, сложилась в зоне, куда входили эти территории, возможно, не без влияния традиций, представленных в Сирии (ср. распространение псевдопряжек варианта «б.Г» типа 5: Гавритухин, 2001а, рис. 17: 7). Произошло это ко 2-й четверти или середине VII в., а вещи таких вариаций бытовали и во 2-й половине VII в. Нельзя исключать и контакты этой зоны с Подунавьем, где интересующие нас наконечники появились заметно раньше.

4.2.1.2. Наконечники с прямыми боками

Такие наконечники нередко стилистически близки только что рассмотренным (с прогнутыми боками), но многочисленнее. В Стаево они представлены экземпляром (рис. 173Б: 3), выполненным «коробочкой», одна сторона которой имела сверху фигурный вырез. Эта украшенная сторона наверняка была лицевой, т. е. оборотная сторона наконечника, имеющая утраты, едва ли была декорирована прорезью. Наконечник пробит шпеньком, предназначенным для его фиксации на конце ремня, т. е. некоторое время был в употреблении.

Наконечники с украшенным вырезами устьем встречаются среди изделий византийского круга, причем сделаны они могут быть по-разному (рис. 173Б: 10–13), в том числе «коробочкой». Кроме Востока Балкан и Южного Крыма, непосредственно входивших в Византийскую империю, такие наконечники попадали и к степнякам (рис. 173Б: 15). В Юго-Западном Крыму и степях (от Черноморо-Азовских до Поволжских) встречены подражания указанным «стильным» образцам, выполненные с разной степенью отхода от прототипов (рис. 173Б: 1, 14, 5).

Рассмотренные наконечники принадлежали, судя по всему, основному ремню пояса. Однако в Посеймье известны маленькие наконечники с профилированным устьем (рис. 173Б: 6, 7), в том числе наиболее близким по форме выреза рассматриваемому стаевскому изделию. Правда, они полые, т. е. сделаны иначе. Среди маленьких наконечников-«коробочек» для нашей темы интересна находка из погребения кочевника в Шелюгах (рис. 173Б: 2), но по крупному фото, любезно предоставленному А. В. Комаром (рис. 173Б: 2а), видно, что верхний край у этого наконечника раскрошился, поэтому сейчас нельзя сказать, был он прямым или имел вырезы.

Отмечу и наконечники из Чапаевского в Кубанских степях и Селексы в верховьях Суры (рис. 174: 15, 47), хотя и принадлежащих к не рассматриваемому сейчас типу, имеющих, как и упомянутая выше находка из Картамышево (рис. 173Б: 6), форму врезов, наиболее близкую представленной в Стаево. Более отдаленная аналогия происходит из Среднего Поднепровья (рис. 171Б: 16).

Небольшие наконечники с профилированным верхнем краем известны и в Прикамье (например, рис. 173Б: 4). К сожалению, комплекс с указанным наконечником не имеет узкой даты, но его ближайшая аналогия по форме выреза, правда, у крупного наконечника (рис. 173Б: 8) на том же могильнике зафиксирована в наборе с катандинскими и раннесалтовскими элементами (Голдина, 2012, табл. 54). Это свидетельствует о связи упомянутых прикамских вещей с традициями профилировки устья наконечников (как

рис. 173Б: 9; Ковалевская, 2000, с. 124–125, рис. V: 6–19, 21–25), весьма далекими от тех, что представлены в Стаево.

Византийские наконечники и накладки (например, Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 35: 32–37) с фигурными вырезами по верхнему краю показательны для ранних «геральдических» стилей. Впрочем, некоторые их элементы могли сохраняться и порождать новые формы довольно долго, например, в гарнитурах, представленных в кладах круга Мартыновки, бытовавших до 3-й трети VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996).

Итак, рассматриваемый стаевский наконечник является подражанием образцам византийского круга. Его прототипы были актуальны во 2-й половине VI — начале / первых десятилетиях VII в. Однако их имитации могли быть использованы для переработки и несколько позднее.

4.2.2. Маленькие полые наконечники с заостренным концом и двумя круглыми прорезями (рис. 172Д)

В классификации таких (рис. 172Д: 1) и схожих наконечников, как правило, учитываются элементы очертаний изделия и их сочетание, орнаментация, пропорции (Айбабин, 1990, с. 55–56; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 32–33; Ковалевская, 2000, с. 119–123). Наконечники с прямыми боками, украшенные двумя круглыми отверстиями или их имитацией, распространены очень широко — от Подунавья и Балкан до Монголии. Однако преобладают среди них изделия, имеющие двускатную (от оси симметрии) лицевую поверхность (подтип А).

Среди наконечников этого типа с плоской лицевой стороной (подтип Б) остановимся на тех, длина которых более, чем в 1,5 раза превышает ширину, нижняя часть приострена. Таковые известны в Византии (например, рис. 172Д: 4), на Черноморском побережье Кавказа (например, рис. 172Д: 8), в ряде регионов степи (например, рис. 172Д: 3, 5, 6), они попадают и к соседям носителей этих культур вплоть до Средней Оби в Сибири (например, рис. 172Д: 7). Правда, нигде такие вариации не образуют выразительных серий или линий развития. Отмечу и то, что перечисленные вещи, как правило, более широкие, чем стаевское изделие. Известные мне наконечники подтипа Б, близкие рассматриваемой матрице по ширине, отличаются пропорциями и абрисом (например, рис. 172Д: 3) или же из-за утрат ряд их характеристик неясен (например, рис. 172Д: 2; не исключено, что он имел прорезь, т. е. относится к типам, которые здесь не рассматриваются).

По сумме признаков стаевской матрице наиболее близок наконечник (рис. 172Д: 8) из погребения 475 в Дюрсо под Новороссийском. По сочетанию византийских подвязных фибул (см. в части 2.1 данной главы) и не раннего «геральдического» набора (Дмитриев, 1982, рис. 3: 20, 21; 12: 28–31) этот комплекс датируется около конца VI — начала VII в. или несколько шире. Набор наконечников, вполне сопоставимый с рассматриваемым изделием (рис. 172Д: 6), происходит и из захоронения кочевника в Сивашовке, датируемого в рамках 1-й половины — середины VII в. (см. в части 2.1 данной главы). Конечно, единичные реперы дают лишь ориентир для понимания хронологии несерийных изделий, но я не вижу оснований для выхода за указанные хронологические границы, впрочем, как и для их сужения.

По-видимому, рассматриваемый наконечник из Стаево принадлежит единичным модификациям, которые могли быть заимствованы из Причерноморья или степи в промежутке от конца VI до 3-й четверти VII в.

4.3. Маленькие «геральдические» наконечники с вырезами по бокам и прорезями схемы «два кружка и треугольник/галочка» (рис. 174: 1–25)

По классификации А. И. Айбабина, такие наконечники (рис. 174: 1) относятся к варианту II-1, представленном в Крыму. Из перечисленных им находок интересующему нас «узкому» варианту принадлежат вещи из двух керченских склепов, датированных 1-й и 2-й половиной VII в. (Айбабин, 1990, с. 55). В. Б. Ковалевской (2000) такие наконечники в отдельный тип не выделены, специально не рассматривались они и в других работах, за исключением моей, 25-летней давности (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 31). Ныне источниковая база для работы с ними существенно увеличилась, не остались неизменными и некоторые мои подходы к классификации. Все это требует корректировки старой типологической схемы.

Геральдические наконечники с вырезами по бокам делятся на **типы** по схеме прорезей. К типу 1 относятся наконечники с крупной прорезью в виде полуовала или схожей фигуры; к типу 2 — с прорезью в виде замочной скважины; к типу 3 — в виде треугольника или «галочки». Этот список открыт (например, рис. 174:

33, 47), а в данной работе я остановлюсь только на типе 3, представленном в Стаево. Кроме «базового» отмеченного элемента, схема прорезей у рассматриваемых наконечников обычно включает и другие. Их сочетание, нередко наряду с другими признаками, определяет **серии**.

Безусловно выделяется византийский блок серий, для которого показательны сложные композиции прорезей и система крепления с помощью «ушек», имеющих отверстие. Выразительна серия Рогачево (рис. 174: 41–44) с двумя очевидными вариантами. Конечно, она не исчерпывает список серий этого блока (например, рис. 174: 26, 49, 50).

Среди восточноевропейских выделяется блок серий, вариации которых имеют двухуровневую структуру прорезей. Наиболее близка византийским изделиям серия Шатрище (рис. 174: 34, 35). Ее варианты, сочетающие прорезь, по форме напоминающую стилизованное «сердечко» и треугольник или «галочку» с двумя кружочками, зафиксированы в Рязанском Поочье и на Балканах, как бы задавая географическое поле всего блока серий. Более далека от византийских прототипов серия Изобильное (рис. 174: 16, 18, 27–32), для которой показательна схема «пара галочек с кружками». Ее варианты есть на Северном Кавказе, в степи, Окско-Сурском регионе. Там же представлена серия Сивашовка (рис. 174: 36–38), отличающаяся от описанной тем, что верхняя прорезь у нее имеет форму треугольника, а не галочки. Не исключение и особый вариант, происходящий из Кисловодской котловины (рис. 174: 45), возможно, являющийся накладкой (если рисунок перевернуть сверху вниз) с абрисом схемы «круг и трапеция».

Представителен и восточноевропейский блок серий, выделяемых по одноуровневой структуре прорезей. Из-за сравнительной простоты структуры прорезного орнамента выделение серий здесь не так очевидно, как в описанных выше случаях. Иногда простота орнамента компенсировалось необычностью абриса изделия (например, рис. 174: 15; ср. рис. 174: 47 и заметки в части 4.2.1.2). Наконечник из Рисового в Степном Крыму нередко публикуется с закругленным верхом (как на рис. 174: 8а), однако уже в публикации И. А. Баранова (1990, рис. 6: 8) этот элемент показан как реконструируемый от места слома. На изображении, предоставленным мне А. И. Кубышевым (рис. 174: 8), показаны еще бóльшие утраты. Таким образом, неясно, относить этот наконечник к особому варианту с двухуровневой композицией прорезей или же отверстие вверху можно считать следом от шпенька, аналогичного сохранившемуся в нижней части изделия, что меняет атрибуцию вещи.

У наконечников с одноуровневой структурой орнамента прорезь в виде галочки или напоминающего ее треугольника, в сочетании с двумя кружками (рис. 174: 8–15, 17, 19–24), встречается в Болгарском и Северо-Восточном Причерноморье, в степях, на Северном Кавказе, в Окско-Сурском регионе. Наконечники, отличающиеся наличием у прорези трех (а не двух) кружков (рис. 174: 1–7) отмечены на юге указанного чуть выше ареала (Причерноморье от Северо-Восточной Болгарии до окрестностей Новороссийска) и на его севере — в Верхнем Подонье (Стаево). К этому ареалу примыкают находки наконечников с прорезью в виде треугольника без дополнительных элементов, которые зафиксированы в Южном Крыму (рис. 174: 39–40), и с тремя кружками напротив углов треугольника, найденные в Посеймье (рис. 174: 25).

Особое явление — наконечники днепровского блока серий (рис. 174: 51–54). Они немногочисленны и индивидуальны, т. е. могут рассматриваться и как блок вариантов или типологически пестрая серия. При всем своеобразии элементы их прорезной орнаментации наиболее близки тем, что есть на наконечниках рассматриваемого подтипа 3. Эти вещи представлены в кладах круга Мартыновки или в комплексах, содержащих аналогичные ременные гарнитуры, и, судя по всему, принадлежали основному ремню пояса. Вероятно, местными вкусами обусловлено и отмеченное выше своеобразие маленьких наконечников интересующего нас типа из Днепровской лесостепи (рис. 174: 25, 33). Отмечу и то, что случаи, когда наконечники этого типа использовались для основного поясного ремня, в других регионах крайне редки (например, рис. 174: 17).

То, что восточноевропейские серии производны от византийских, не вызывает особых сомнений. Однако изделия со сравнительно простой одноуровневой прорезью едва ли следует считать производными от имеющих двухуровневую прорезь, более близкую византийским вариациям, ведь наконечники с простой структурой прорезей можно встретить уже в ранних «геральдических» комплексах. Например, в склепе 15/3 могильника Сиреневая Бухта (Маслеников, 1997, рис. 32–34) такой наконечник (рис. 174: 5), разделитель ремня (рис. 173А: 26) и фокейское

краснолаковое блюдо являются самыми поздними находками — при преобладании тех, что характерны для «догеральдической» эпохи. В погребении 1 склепа 107 из Скалистого (Веймарн, Айбабин, 1993, с. 12–13; рис. 5: 2–22) такие наконечники (рис. 174: 24) находились вместе с пряжкой типа Сучидава, аналоги которой показательны для комплексов VI в., и лишь единично встречаются позднее (Гавритухин, 2009), а из соседнего погребения 2 происходит большая пряжка с крестом на обойме, характерная для 2-й половины VI в. (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 27; рис. 15).

Показателен комплекс из катакомбы 1 в Дагоме (Шестопалова, 2018, рис. 9–15), где представлены наконечники и с одно-, и с двухуровневой структурой прорезей (рис. 174: 16, 17). По шкале «геральдических» наборов из Кисловодской котловины большинство найденных в ней вещей относится к группе III, которая датируется в рамках 1-й половины VII в., не исключая для некоторых комплексов середины VII в. (Гавритухин, в печати 1). Не ранее того датируется наконечник с двухуровневой структурой прорезей (рис. 174: 27) из этого же региона — Северной Осетии (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 82–83; 90: колонка «Чми»). Наконечники рассматриваемого типа в той же аланской культуре, но Кисловодской котловины, показательны для группы II (конец VI — 1-я четверть (треть?) VII в.; Гавритухин, в печати 1), да и вообще, в комплексах, достоверно датированных 2-й половиной VII в., такие наконечники мне не известны.

Итак, интересующий нас наконечник из Стаево принадлежит кругу восточноевропейских изделий, сложившихся на основе переработок византийских образцов. Такие наконечники получили весьма широкое распространение и бытовали во 2-й половине VI — 1-й половине (возможно, середине) VII в.

4.4. Маленькие полые «геральдические» наконечники с выступами по бокам и прорезями схемы «два кружка и треугольник» (рис. 171Б)

Очень близкие аналогии таким стаевским находкам (рис. 171Б: 1–2) происходят из погребения 11 кургана 1 у с. Черноморское в Херсонской области (рис. 171Б: 3) и из погребения10 в склепе 65 из Лучистого на южном склоне Крымских гор (рис. 171Б: 4). По типологии А.И. Айбабина, такие по форме и схожие по орнаментации вещи относятся к наконечникам варианта II-2, представленным в Горном Крыму, на Северном Кавказе, в Приуралье (Айбабин, 1990, с. 55). По своду В.Б. Ковалевской таковые должны относиться к типу 2 подотдела 3 отдела 15 (Ковалевская, 2000, с. 127). Следует отметить, что ее описание 2-го и 1-го варианта этого подотдела, как и ссылки на иллюстрации, явно перепутаны. Непонятно и игнорирование ею приуральских материалов, формально вполне соответствующих характеристикам упомянутого варианта 2 в ее классификации.

Зоны, очерченные А.И. Айбабиным применительно к рассматриваемым вещам, следует уточнить. Упомянутые им находки с Кавказа и Приуралья, судя по ссылкам, имеют нижнюю прорезь не треугольную, как интересующие нас вещи, а другой формы (как Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 43: 19, 25). Существенно пополнился и массив таких наконечников, что позволяет рассмотреть их дифференцировано, выделяя серии.

Для начала укажу на наконечник (рис. 171Б: 29), сделанный в византийской традиции, но не обычный для нее по абрису и характеру орнаментации. Аналогичные прорези показательны для многих наконечников восточноевропейских серий, имеющих не выступы, а вырезы по бокам (см. часть 4.3 данной главы и рис. 174). Среди восточноевропейских наконечников с выступами по бокам и такой прорезью, дополненной парой круглых, выразительна серия Чми (рис. 171Б: 8, 15, 25, 30). Она представлена крупными изделиями (судя по всему, для основного ремня), неоднократно встречена в контексте аланской культуры Кавказа и один раз в Донских степях.

Прорезь рассматриваемой формы есть у мелких наконечников в одноуровневых вариациях из Среднего Поднепровья и с Балкан (рис. 171Б: 16, 24), и двухуровневых (рис. 171Б: 22, 23, 26–27, 31) из Южного Крыма и с Балкан, а также с далекого для них севера — с Верхней Суры. Отмечу, что все отмеченные находки с Балкан имеют крепление к ремню загнутыми шпеньками, что нередко для Восточной Европы и необычно для «классических» византийских изделий «геральдических» стилей да и других элементов византийских ременных гарнитур, выполненных литьем. Судя по складывающейся картине, этот (восточноевропейско-балканский) блок серий отражает восточноевропейские традиции, имеющие выход на Балканы, вероятно, в основном после бунта Фоки 602 г., когда дунайский лимес фактически перестал

существовать, а византийское политическое присутствие на Балканах стало принимать форму пятен. В этот контекст, наверное, следует поставить и некоторые другие наконечники с Балкан (напр., рис. 171Б: 32), а также единичные вещи, сделанные в византийской традиции, в том числе ту, с которой начался этот экскурс (рис. 171Б: 29).

Наряду с этим выделяется и восточноевропейский блок серий «геральдических» наконечников с выступами по бокам, украшенных прорезями схемы «два кружка и треугольник». Напомню, что наконечники, имеющие такой абрис, насчитываются в Восточной Европе и связанных с ней культурах многими десятками (например, Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 43: 15–19, 25–29, 35–37, 42–43, 48–51; 45: 1–46, 50–53). Наконечники с рассматриваемой схемой орнаментации подразделяются на **серии**.

Серию Аланская крепость (рис. 171Б: 5, 9–12) характеризует простейшая реализация орнамента схемы «два кружка и треугольник». Она представлена наконечниками вспомогательных ремней, встреченных на западе аланской культуры Северного Кавказа, в Кубанских степях, бассейне Верхней Камы.

У наконечников серии Адонь (рис. 171Б: 6, 7, 13, 14, 28) такой орнамент сверху дополняют дуги или сегменты, что придает композиции вид «личины». Вариации этой серии могут быть наконечниками как основных поясных ремней, зафиксированных на Северном Кавказе и в Подунавье (там найдена и матрица, ставшая эпонимом серии — рис. 171Б: 7), так и дополнительных, найденных в Южном и Юго-Западном Крыму.

Серия Стаево (рис. 171Б: 1–4) включает ближайшие аналоги эпониму, указанные в начале этой части главы. Они представлены в Южном Крыму, Причерноморской степи, Верхнем Подонье.

Все эти серии не образуют сплошных ареалов. Отмечу и то, что они представлены небольшим числом комплексов. Скорее всего, эти серии — вариации на основе распространенных широко элементов и фиксируют избирательные связи жителей иногда весьма отдаленных друг от друга территорий или же конвергентные формы, сложившиеся в результате комбинирования схожих элементов.

Типологически промежуточное положение между двумя рассмотренными боками серий занимает серия Сынтыштамак (рис. 171Б: 19, 20) в Южном Приуралье и некоторые пока единичные вариации из Рязанского Поочья (рис. 171Б: 17–18) и Юго-Западного Крыма (рис. 171Б: 21).

Датировки, предлагавшиеся для рассматриваемых вещей ранее, требуют уточнения. Остановлюсь лишь на хронологических реперах для серии Стаево. Погребение 10 из склепа 65 в Лучистом с интересующими нас наконечниками (рис. 171Б: 4) относится к ранним комплексам слоя 2 (нижнего) этого склепа и датировано 1-й четвертью VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 25–29). Однако в ранних захоронениях этого слоя представлена пряжка типа Сиракузы (Айбабин, Хайрединова, 2014, табл. 142: 1). Такие византийские пряжки получили распространение с эпохи императора Ираклия (610–641 гг.), т. е. ранние погребения лучистинского склепа 65 следует датировать после 610 г., однако, судя по другим находкам, ненамного (Гавритухин, 2019, с. 301).

Формирование комплекса из погребения 11 кургана 1 у с. Черноморское с рассматриваемыми наконечниками (рис. 171Б: 3) А. В. Комар датировал в пределах 654–681 гг. (Комар, Орлов, 2006, с. 397). Предложенная этим киевским коллегой датировка древностей восточноевропейских кочевников V–VIII вв. нередко плохо согласуется с датировкой ременных гарнитур, аналогичным тем, что происходят из степи, по хронологическим колонкам других регионов. Встреченные в рассматриваемом комплексе детали пояса имеют аналогии в не ранней части периода II «геральдических» гарнитур Волго-Уральского региона (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 89: 56, 73, 74, 95), группах 3 и 6 крымских «геральдических» гарнитур, что указывает на период 2б и 3а древностей типа нижнего слоя Суук-Су (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 68: 104, 155–157; 72), ременных наборах группы III-1 по шкале для Кисловодской котловины (Гавритухин, в печати 1). По всем этим шкалам комплекс из Черноморского должен датироваться 1-й половиной VII в.

Итак, рассматриваемые наконечники из Стаево указывают на связи с Южным Крымом и/или Причерноморской степью в 1-й половине VII в. Представленный ими круг традиций был весьма продуктивен, охватывая многие группы населения от Северо-Восточных Балкан до Приуралья. Такие наконечники могли относиться к боковым поясным ремням, обуви, узде. Эта гарнитура могла принадлежать посетителю Стаевского торгово-ремесленного центра, приехавшему

с юга, или местному жителю, использовавшему привозные изделия или же заказавшему их по привозным образцам местному мастеру.

4.5. Фрагмент наконечника с боковыми выступами и двумя расположенными рядом с ними круглыми отверстиями

Эта находка (рис. 172Б: 3) могла быть частью наконечника, относящегося к разным типам, даже если ограничится экземплярами, на которые рассматриваемый фрагмент накладывается практически идеально (например, рис. 172Б: 2, 4, 5). Если же подходить к поиску аналогов не столь строго, то круг изделий, с которыми может быть связан данный фрагмент (например, рис. 172Б: 1; Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 43: 19, 25–29, 42; 45: 16, 26, 37–39, 51; 74: 81; 87: 105; Трайкова, 2017, №1621, 1637, 1638) будет еще менее понятен. Отмечу лишь, что даже в приведенной выборке легко найти серии и варианты изделий, локализация и датировка которых сопоставима с этими характеристиками у других находок из Стаево, рассмотренных в данной главе.

5. Общая характеристика набора деталей «геральдических» гарнитур из Стаево

5.1. Зоны аналогов и направления культурных связей

Для реконструкции связей Стаевского торгово-ремесленного центра 17 рассмотренных находок имеют разную степень информативности. Одна из них (рис. 172Б: 3) непригодна для такого исследования. Остальные можно объединить в условные группы.

К первой группе (наиболее представительной) относятся вещи, заимствованные с юга (Причерноморье, Северный Кавказ, примыкающие к ним степи) или сделанные в рамках этих традиций:

— наконечник-«коробочка» с профилированным устьем (рис. 173Б: 3), принадлежащий кругу подражаний образцам византийского круга, известным в Юго-Западном Крыму и степях (от Черноморско-Азовских до Поволжских), с особыми формами, представленными в Посеймье, Кубанских степях, верховьях Суры;

— горизонтальносимметричные накладки типа Пятра-Фрекэцей — Кугуль (рис. 171А: 1), с ближайшим аналогом стаевской матрице в Северо-Западном Приазовье;

— маленький наконечник с прямыми боками, плоской лицевой стороной, заостренным концом, двумя круглыми прорезями в верхней части (рис. 172Д: 1) с ближайшими аналогами стаевской матрице в Причерноморье и степи;

— маленькие пряжки с неподвижной щитовидной обоймой, имеющей вырезы по бокам, относящиеся к серии IV (рис. 169: С1, С2), характерные для Северного Кавказа, откуда тянутся цепочки связей и на северо-запад через Причерноморские степи в Поднепровье;

— накладки/зажимы-распределители (рис. 173А: 7) серии Мокрая Балка, представленной также в степях Нижней Кубани, Кисловодской котловине, бассейне реки Белой;

— маленькие полые «геральдические» наконечники с выступами по бокам и прорезями схемы «два кружка и треугольник» (рис. 171Б: 1–2), связанные с весьма продуктивным кругом традиций, охватывающим многие группы населения от Северо-Восточных Балкан до Приуралья; в этих рамках стаевским наиболее близки находки из Южного Крыма и Причерноморской степи.

Ко второй группе относятся изделия, прототипы которых заимствованы в южных культурах, но принадлежащие локальным формам, связанным со средой, сложившейся на северо-западной периферии зоны влияния так называемых Первого и Западного Тюркских каганатов:

— крупная В-образная пряжка с В-образным внутренним контуром рамки (рис. 168: 1) серии Шатрище, представленной, кроме Стаево, в Поочье, на Верхней Суре, в Южном Приуралье;

— щитовидная накладка с прямоугольной прорезью (рис. 170: 1); прототипы таких вещей, вероятнее всего, принесены из Азии в эпоху Первого Тюркского каганата, а местные восточноевропейские переработки бытовали в некоторых зонах, куда доходило связанное с ним влияние;

— вариация маленьких гладких наконечников с прогнутыми боками (рис. 172Г: 1), близкие аналоги которой представлены небольшой серией в Южном Приуралье; их прототипы связаны с образцами, полученными в эпоху тюркских походов в Закавказье, или отражают среду, связывающую некоторые регионы Восточной Европы с Аварским каганатом в Карпатской котловине. В последнем случае политический контекст меняется на противоположный — антитюркский, которому принадлежали авары, что указывает на датировку временем, когда в Западном

Тюркском каганате началась смуты (с 630-х гг.) и тюркское влияние на Европу ослабло.

К третьей группе принадлежат вещи, широко распространенные в Восточной Европе, и на этом фоне выделить для стаевских находок более узкий контекст затруднительно:

— маленькая пряжка с трапециевидной рамкой, с неподвижной щитовидной обоймой, имеющей вырезы по бокам, относящаяся к серии III (рис. 169: С3);

— Т-образная накладка (крепежный наконечник) с пламеневидным щитком, украшенным полуовальной прорезью (рис. 172: 1);

— маленький «геральдический» наконечник с вырезами по бокам и прорезями схемы «два круга и треугольник/галочка» (рис. 174: 1);

— матрица для изготовления щитовидных накладок с круглой прорезью (рис. 170: 4), не имеющая аналогов по сочетанию элементов, каждый из которых известен весьма широко;

— уникальная двухчастная накладка (рис. 172А: 1), круг аналогов каждой части которой очень широк.

5.2. Датировка

Большинство рассматриваемых изделий из Стаево принадлежат типам, датирующимся сравнительно широко. При этом в имеющейся не маленькой выборке нет ни одной формы, показательной только для поздних «геральдических» гарнитур, что ограничивает возможную верхнюю хронологическую границу стаевского набора 3-й четвертью VII в. Его нижнюю хронологическую границу (в рамках 2-й половины VI в.) задает время, когда «геральдические» стили стали широко распространяться в Восточной Европе.

В этих рамках нельзя сузить дату для Т-образной накладки (крепежного наконечника) с пламеневидным щитком и полуовальной прорезью в нем (рис. 172: 1), матриц для изготовления щитовидных накладок (рис. 170: 1, 4), уникальной двухчастной накладки (рис. 172А: 1), обломка наконечника ремня (рис. 172Б: 3). Остальные 12 находок могут датироваться более узкими отрезками времени. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

К наиболее ранним принадлежит В-образная пряжка с В-образным внутренним контуром рамки серии Шатрище (рис. 168: 1), «пик популярности» таких изделий относится к 3-й трети VI — 1-й трети VII в.

Маленький наконечник (рис. 173Б: 3) является подражанием образцам, актуальным во 2-й половине VI — начале / первых десятилетиях VII в. Однако их имитации могли быть продуктивны для переработки и несколько позднее.

Маленькие «геральдические» наконечники с вырезами по бокам и прорезями схемы «два кружка и треугольник/галочка» (рис. 174: 1) бытовали во 2-й половине VI — 1-й половине / середине (?) VII в.

Аналоги маленькой пряжке с трапециевидной рамкой и неподвижной щитовидной обоймой, имеющей вырезы по бокам (рис. 169: С1), датируются в рамках последних десятилетий VI — 1-й половины VII в., но, учитывая ее ремонт, вполне вероятно, что она использовалась позднее, как вторая такая пряжка (рис. 169: С2), аналоги которой появляются одновременно с аналогами первой или несколько попозже, а бытуют и в 3-й четверти VII в.

Накладки типа Пятра-Фрекэцей — Кугуль, наиболее близкие стаевской (рис. 171А: 1), бытовали в основном в 1-й половине VII в., не исключая конец VI и 3-ю четверть VII в.

Маленький наконечник с прямыми боками, заостренным концом, двумя круглыми прорезями в верхней части (рис. 172Д: 1) принадлежит типу, датируемому широко, но его ближайшие аналоги имеют хронологические реперы около конца VI — начала VII в. или несколько шире и в рамках 1-й половины — середины VII в.

Маленькие полые «геральдические» наконечники с выступами по бокам и прорезями схемы «2 кружка и треугольник» (рис. 171Б: 1–2) имеют два очень близких аналога, датируемых 1-й половиной VII в.

Щитовидные накладки с крупной круглой прорезью (рис. 170: 4) датируются широко, но большинство аналогов стаевской матрицы характерны для 1-й половины — 3-й четверти VII в.

Накладки/зажимы-распределители серии Мокрая Балка (рис. 173А: 7) имеют хронологические реперы около 1-й четверти/трети VII в. и около 2–3-й четвертей VII в.

Вариация маленьких гладких наконечников с прогнутыми боками (рис. 172Г: 1) по близким аналогам из Башкирии датируется от 2-й четверти или середины VII в. до его 2-й половины, однако не исключено, что стаевская вариация более ранняя, а с учетом всего стаевского набора ее верхнюю хронологическую границу следует ограничить 3-й четвертью VII в.

Пряжка с трапециевидной рамкой, с неподвижной щитовидной обоймой, имеющей

вырезы по бокам, относящаяся к блоку вариантов 3 серии III (рис. 169: С3), датируется около 2–3-й четвертей VII в.

Как мы видим, лишь одна из перечисленных находок (последняя в этом списке) дает узкую дату, свидетельствующую о функционировании Стаевского торгово-ремесленного центра во 2–3-й четвертях VII в. Однако большинство находок включают в свои хронологические рамки 3-ю четверть VII в., хотя могут датироваться и более ранним временем.

Если наложить друг на друга хронологические отрезки всех деталей «геральдических» ременных гарнитур из Стаево, мы получим явный пик, приходящийся на 1-ю половину — 3-ю четверть VII в. В эту группу попадают все матрицы для изготовления деталей «геральдических» ременных гарнитур, найденные в Стаево.

Лишь по одной находке из Стаево-4 (из двух) и Стаево-5 (из пятнадцати) связаны с ранними «геральдическими» стилями, причем обе являются дериватами византийских образцов, т. е. не самыми ранними в этом ряду.

5.3. Функции изделий

Все рассматриваемы находки сделаны в культурном слое поселений Стаево-5 (15 экз.) и Стаево-4 (2 экз.), где они не образуют выразительных скоплений, а тем более — комплексов. Отсутствует такая информация и для других интересующих нас находок верхневоронежской культурной группы. Поэтому функция представленных изделий определяется их аналогиям в других культурах.

5.3.1. Место в уборе

Крупная пряжка (рис. 168: 1), судя по всему, является поясной, как и накладка, скорее всего, противостоящая пряжке на застегнутом поясе, представленная матрицей (рис. 170: 1). Накладка того же типа, тоже представленная матрицей (рис. 170: 1), могла быть также противостоящей пряжке на застегнутом поясе, но вполне вероятно, что такие изделия могли украшать другие части основного ремня пояса (в другом достоверном контексте однотипные изделия мне не известны). Близкие аналоги горизонтальносимметричной накладке (рис. 171А: 1) украшали поверхность пояса, кроме одного случая, когда такая же вещь была найдена у черепа коня; в контексте обувных гарнитур известны лишь предметы схожего облика.

Наконечники-«коробочки» (рис. 173Б: 3) зафиксированы в подавляющем большинстве случаев в поясных наборах, хотя могли использоваться и в узде, а для обувных наборов нехарактерны. Большинство аналогов маленькому гладкому наконечнику с прогнутыми боками (рис. 172Г: 1) и Т-образной накладке / крепежному наконечнику (рис. 172В: 1) зачастую связаны с боковыми ремешками пояса, но известны в контексте узды или убранства коня.

Почти все известные мне аналоги маленьким пряжкам с трапециевидной рамкой и неподвижной обоймой, имеющей вырезы по бокам (рис. 169: С1–С3), и зажиму-распределителю (рис. 173А: 7) связаны с обувными гарнитурами или не исключают этого. Лишь в единичных случаях такая их функция может быть поставлена под сомнение.

Аналоги маленьким наконечникам с прорезями, представленным в Стаево (рис. 171Б: 1–2; 172Б: 3; 172Д: 1; 174: 1) могли использовать широко — как обкладки, укрепляющие конец боковых ремешков поясов, в составе обувных и уздечных наборов.

Функцию накладки уникальной формы (рис. 172А: 1) по понятным причинам обсуждать преждевременно.

Итак, в Стаево, несомненно, представлены детали «геральдических» гарнитур, предназначенные для поясных и обувных наборов. Связь некоторых находок с уздой и убранством коня может рассматриваться как вероятная.

5.3.2. Свидетельства производства

В Стаево найдено 5 матриц (рис. 170: 1, 4; 171А: 1; 172Г: 1; 172Д: 1), которые могли быть использованы для изготовления вещей прессовкой или как мастер-модели для вещей, изготовляемых литьем, не исключая для очень тонкой пластины с прямыми боками (рис. 172Г: 1) использования как лекала. Одна накладка (рис. 172В: 1) смята и, скорее всего, предназначалась стаевскими мастерами для переплавки. Очень вероятна такая функция и для найденного в Стаево обломка наконечника (рис. 172Б: 3). Одна накладка (рис. 172А: 1), три матрицы для накладок (рис. 170: 1, 4; 171А: 1) весьма своеобразны и, очень возможно, связаны с работой стаевских мастеров.

Все 8 перечисленных вещей найдены на поселении Стаево-5, где зафиксированы свидетельства практического всего цикла работ по изготовлению предметов из цветных

металлов. За исключением крупной пряжки (рис. 168: 1) из Стаево-4, все рассматриваемые вещи невелики по размерам и могли помещаться в тигли для переплавки, представленные в Стаево-5. В мастерских на этом поселении могли делать детали «геральдических» гарнитур для ремонта, а учитывая, что до нас дошли не все предметы, связанные со стаевскими мастерскими, не исключено изготовление в них и полных гарнитур.

6. Источники иллюстраций

Базы данных, использованные мной в этой работе, формировались долгое время, и здесь нет возможности поблагодарить каждого из друзей и коллег, которые так или иначе помогали мне в этом. Кроме упомянутых в подписях под рисунками, многие коллекции были учтены при анализе, хотя вещи оттуда не приведены в иллюстрациях.

Глава 7

Литейные мастерские на поселении Стаево-5

Е.А. Шаблавина (Санкт-Петербург)

При рассмотрении и характеристике древнего ювелирного дела мы, как правило, основываемся на изучении металлических вещей, исследуя их стилистические, типологические, технологические особенности. Несмотря на широкую географию распространения предметов, все они когда-то были сделаны в мастерских, которые во время археологических раскопок встречаются не часто. Основными признаками производственных мастерских служат наличие инструментов, отходов производства, лома, полуфабрикатов и почти каждая из них имеет свои особенности в изготовлении определенных видов изделий. В традиционном понимании ювелирное ремесло подразумевает работу с драгоценными материалами особыми приемами (пайка, филигрань, чернь, золочение, инкрустация и др.) и специализированными инструментами. Литейное дело представляет собой самостоятельное производство, предназначенное для решения иных технических задач и требующее соответствующего оборудования, а также знаний других способов обработки металлов (Минасян, 2014). Поэтому не каждую мастерскую, найденную на археологическом памятнике, можно квалифицировать как ювелирную.

В эпоху раннего Средневековья на территории расселения древних славян и финно-угров в Восточной Европе преимущественно занимались кузнечным и литейным делом. Интересным примером памятника этого периода являются поселения Стаево-4 и 5, расположенные на территории Верхнего Подонья в Мичуринском районе Тамбовской области. Исследование поселений проводились Раннеславянской экспедицией Института археологии РАН в 2015–2019 гг. (Обломский, Масленников, 2017, с. 173–175). В ходе раскопок на поселениях Стаево-4 и 5 была выявлена обширная производственная зона со следами обработки железа и цветных металлов. В настоящей работе рассматривается техника изготовления некоторых групп археологических предметов, найденных на этих поселениях, характеризующих бронзолитейное дело и некоторые несложные способы холодной обработки металлов: отходы производства, инструменты, сырье, предназначенное для изготовления предметов, полуфабрикаты изделий и готовые украшения. Результаты изучения этих вещей основаны на данных их трасологического обследования.

Сырье. С территории этого комплекса происходят многочисленные обломки и вышедшие из употребления деформированные изделия, которые, с большой долей вероятности, можно идентифицировать как основной сырьевой источник металла. Среди них выделяются фрагменты бронзовых зеркал, большинство которых (рис. 21: 9–11, 19; 26: 3, 6; 27: 49; 31: 315, 355, 524, 546; 36: 572, 882, 864, 865; 66: 628, 641, 750; 69: 480; 88: 398; 117: 784; 118: 846; 175 :1) относятся к широко известным типам изделий, распространенных в гуннскую и постгуннскую эпоху на территории Северного и Северо-Восточного Причерноморья, Северного Кавказа.

Это — круглые зеркала, украшенные рисунками из тонких рельефных линий или концентрических окружностей на оборотной стороне, с петелькой в центре и невысоким бортиком по краю (Засецкая и др., 2007, с. 18–24; Мастыкова, 2009, с. 84–85; 2016; Хайрединова, 2002б, с. 72–73). Эти предметы были отлиты в двустворчатых глиняных формах, о чем свидетельствует характерная незачищенная литейная поверхность на оборотной стороне и наличие тонкого шва на торцах по линии совмещения створок. Литейная полость в створке формы делалась отпечатком шаблона в виде плоского диска. Затем в глине по краю окружности оттиска прорезали канавку, чтобы сформировать бортик изделия, а на поверхности рисовали орнамент из тонких неглубоких линий или кругов (рис. 175: 1а, б, г). Также на этой стороне в центре продавливали небольшое углубление и поперек него помещали стерженек (часть литейной формы) для получения отверстия в ушке. Следы конструкции такой створки формы представлены на фрагменте зеркала № 80 (Стаево-4; рис. 175: 1б). Вторая глиняная створка формы была плоской. После литья лицевую сторону зеркал тщательно механически обрабатывали, зачищали торцы и поверхность петли. Найденные на памятнике некоторые обломки зеркал складываются почти в целый предмет (Стаево-5; рис. 26: 3; 175: 1в). Это свидетельствует о том, что зеркала в данном случае, вероятнее всего, ломали на месте и использовали как металл для изготовления изделий и слитков.

Фрагмент бронзовой сломанной пальчатой фибулы типа Гурзуф, вышедшей из употребления, с большой долей вероятности также можно считать металлоломом (Стаево-5, рис. 27: 27; 175: 2). Полукруглый щиток декорирован расходящимися углубленными линиями и соединен рельефной дужкой с поврежденным ромбовидным щитком, украшенным концентрическими ромбами. Первоначально украшение было отлито целиком в двустворчатой глиняной форме и механически обработано с лицевой стороны. Судя по следам изношенности стойки для крепления устройства застежки и высверленного в ней отверстия, а также истончившегося от употребления и позднее сломанного иглоприемника, это изделие использовали долгое время. Впоследствии была отломана нижняя часть фибулы. В культурный слой рассматриваемая вещь попала уже в поврежденном и сильно затертом состоянии. Похожей, видимо, была судьба и обломка нижнего щитка литой бронзовой двупластинчатой фибулы, украшенной кербшнитным орнаментом (Стаево-4, рис. 21: 3).

К этой же группе вещей относится фрагмент браслета с расширенным круглым концом (Стаево-5, рис. 27: 58). Первоначально изделие было изготовлено из литого круглого бронзового стержня, диаметр которого равнялся толщине концов браслета. Затем заготовку отковали посередине и согнули в овальное кольцо. Трудно ответить, когда браслет был сломан, но в местной мастерской фрагмент изделия хранился для последующей переплавки. Аналогичные браслеты распространены широко, известны, в том числе, и на Боспоре. Они сделаны подобным же способом, но из серебра, и, скорее всего, наряду с орлиноголовыми пряжками, пальчатыми фибулами типа Аквилея и геральдическими поясными наборами являются изделиями боспорского производства (Шаблавина, 2006; 2007).

Слитки и заготовки изделий. На поселении Стаево-5 найдено много обрубков круглых дротов, изготовленных из слитков. Среди находок из Стаево-5 имеются два идентичных слитка в виде стержня — один с округлыми концами (рис. 64: 375), на втором экземпляре один конец раскован в граненый дрот и обломан (рис. 40: 59; 176). Длина обоих — 10,5 см.

Оба предмета по всему периметру имеют ступенчатый шов, на отдельных участках сильно выраженный. На одной стороне — литейная поверхность прутов неровная снизу, немного пористая, а на другой — гладкая и слегка покатая, края закруглены. Сравнение размеров и конфигурации округлых концов, не поврежденных обработкой, литейных швов и характер поверхности показали, что слитки были отлиты в одной открытой литейной глиняной форме, расположенной в горизонтальной позиции. При заливке расплавленного металла в форму излишек сплава не поместился в углубление и осел на ее поверхности. В результате этого на отливках появился ступенчатый шов. Еще один литой стержень из Стаево-5 (рис. 40: 87) длиной 9,5 см, откованный почти по всей длине, изготовили, вероятно, в той же литейной форме.

Полуфабрикаты изделий в Стаево-5 представлены проволочными кольцами и заготовками браслетов с расплющенными концами (рис. 27: 115; 31: 484; 64: 247; 81: 469; 107: 513). Они выполнены из толстой кованой круглой проволоки медного сплава. В некоторых случаях проволоку, скорее всего, протягивали, о чем свидетельствует равный диаметр на всем протяжении дротов.

Окончания предметов украшены стилизованным изображением личин двух видов. Отпечатки одной имеются на концах незаконченного браслета (№ 247; рис. 177: 1), а второй — на кольцах и фрагменте браслета (рис. 177: 2). Они были нанесены на проволоку фигурными чеканами, на рабочих концах которых имелись негативные изображения личин. Каким образом был сделан этот инструмент, судить сложно. Он мог быть либо отлит из бронзы, как штемпель для чеканки монет, либо изображение было вырезано на железном пунсоне. В любом случае такой чекан относится к профессиональному набору ювелирных инструментов.

Подобные бронзовые браслеты с фигурными окончаниями встречаются на раннесредневековых памятниках Северного Причерноморья, Черноморского побережья Кавказа, Северного Кавказа, Среднего Поднепровья, Верхнего Подонья (Амброз, 1989, с. 107, 113; Ковалевская, 2005, с. 266; Ахмедов, 2016а, с. 214–232; Острая Лука Дона, 2015, с. 575, рис. 234). На расплющенных концах браслетов из погребения Боспорского склепа 163 (инв. № 1820/383–384, Государственный Эрмитаж); погр. 196 мог. Суук-Су (инв. № 2358/31, Государственный Эрмитаж); погр. 2 и 15 1948 г. Пашковского I мог.; погр. 4 мог. Чми, погр. 30 Борисовского могильника имеются одинаковые изображения львиной морды, нанесенные также односторонней чеканкой с помощью фигурного пунсона. Большинство проволочных браслетов из днепровских кладов украшены чеканным изображением в виде «елочки», имеющим второе название «змеиная головка» (Корзухина, 1996, с. 612, 614, 641, 694; Щеглова, Егорьков, 1998, с. 280–307; Егорьков, Щеглова, 2001). Такими специализированными инструментами могли украшать не только браслеты, но и другие категории изделий, однако такие вещи, сделанные с применением подобных фигурных чеканов, неизвестны. Для локализации места изготовления северо-причерноморских, днепровских и стаевских браслетов необходимо отдельное исследование.

Инструментарий. При раскопках мастерских наиболее редкими и важными находками являются инструменты. Во время работ на памятнике было обнаружено много фрагментов тиглей. Известны и целые экземпляры (рис. 88: 414, 416). Последние сделаны из глины в виде закрытых приплюснутых купелей с носиком и небольшим хвостиком с противоположной стороны для прихвата тигля щипцами (рис. 178: 1). Сначала из глины лепили небольшую округлую чашечку, стороны которой затем сводили друг к другу и защипывали по краю, формируя полость для плавки металла и носик слива. Небольшой диаметр отверстия носика позволяет предположить, что определенную порцию металла для литья предмета закладывали в полость во время лепки тигля. Закрытая форма емкости обусловлена равномерным нагревом расплава, удерживанием одной температуры и консистенции, а также предохранением металла от его окисления. Эти тигли предназначались для одноразового использования.

Другие инструменты из Стаево-5 представлены небольшим набором металлических моделей с плоской оборотной стороной для изготовления «геральдических» поясных накладок и пальчатой фибулы типа Гурзуф (рис. 178: 2; 179; 180: 1). Все они отлиты из разных сплавов бронзы и отличаются качеством механической обработки. К наиболее качественным отливкам относятся матрицы для поясного наконечника (рис. 64: 376; 178: 2а) и двучастной «восьмеркообразной» накладки (рис. 31: 502; 178: 2б). Их отливали в двустворчатых глиняных формах, лицевые створки которых были сделаны оттиском готовых вещей или по восковым моделям, орнаментированных круглыми выемками или концентрическими кружками. Оборотная створка литейной формы была плоской. После литья изделия тщательно механически обработали со всех сторон, а выемки дополнительно рассверлили, подтверждением чего являются концентрические риски на стенках углублений. Судя по одинаковому исполнению, материалу и диаметру рассверленных круглых выемок, оба предмета сделаны одним человеком.

К иному уровню работы относятся бронзовые модели в виде щитовидных накладок с круглой (рис. 27: 22) и прямоугольной прорезью (рис. 31: 249) и вытянутого поясного наконечника рис. 31: 337; 179). Они отлиты из другого сплава, но также в разъемных глиняных формах, о чем свидетельствует не зачищенный облой на одной из матриц. Лицевые и оборотные стороны механически обработаны удовлетворительно, в прорезях фиксируется литейная поверхность.

При нахождении подобных инструментов часто возникает вопрос, при каком способе изготовления их использовали? Стилистически изображения стаевских матриц аналогичны типам поясных накладок, известных на раннесредневековых памятниках территории Северного

и Северо-Восточного Причерноморья, Северного Кавказа. Здесь детали пояса отливали и тиражировали в двустворчатых глиняных формах по металлическим образцам, сделанным, в свою очередь, по восковым моделям «навыплеск». Различная позиция штифтов при одинаковых оборотных сторонах внутри одной серии бляшек указывает, что на литом выпукло-вогнутом образце отсутствовала какая-либо система крепления. Литые накладки аналогичного вида с плоской оборотной стороной не известны.

Конечно, с помощью металлических образцов, имеющую плоскую, гладкую оборотную сторону, можно изготовить восковую модель «навыплеск». Но рассматриваемые модели в мастерских Стаево вероятно использовали как матрицы для изготовления поясных накладок из тонкого листового металла способом тиснения. На оборотной стороне этих моделей отсутствуют следы от ударов молотка.

Скорее всего, давление инструмента на тонкий лист осуществляли с помощью посредника, например, деревянной доски. Это было необходимо, чтобы создать прижимное поле вокруг матрицы, позволяющее получить четкий контур оттиска на пластине и избежать ее вздыбливания. С Тереховского городища происходит подобная серебряная тисненая заготовка (Ахмедов, Гаврилов, 2017а, с. 21, рис. 3: 6). После изготовления оттиска выпукло-вогнутую накладку вырезали из листа и оборотную сторону заполняли свинцом, чтобы сделать систему крепления в виде пластин или штифтов. Примером такой работы являются детали ременных гарнитур из памятников рязано-окской культуры (Ахмедов, Гаврилов, 2017а, с. 17–39). Помимо самих вещей в этом регионе также были найдены различного вида бронзовые матрицы для их изготовления. Единичной находкой является тисненый поясной наконечник, обнаруженный на площади могильника Курман, схожий по форме и изображению со стаевской матрицей (Ахмедов, Гаврилов, 2017а, с. 28, рис. 8: 2). Щитовидные же накладки с круглой выемкой посередине, подобные стаевской модели, представлены в рязано-окских гарнитурах серийно, как, например, на поясе из погр. 1991 могильника Борок (Ахмедов, Гаврилов, 2017а, с. 30, рис. 10, 7). Среди вещей из Елшинского клада, найденного на городище неподалеку от г. Пронска в Рязанской области, помимо матрицы, тисненой шлемовидной накладки имеются обрезки пластин (Ахмедов, Гаврилов, 2017а, с. 32). По-видимому, тиражирование литых типов накладок способом тиснения было более простым и дешевым приемом изготовления серебряных вещей.

Бронзовая же модель пальчатой фибулы типа Гурзуф с плоской оборотной стороной (рис. 31: 475) применялась для литья таких украшений (рис. 180: 1). Она была отлита в двустворчатой глиняной форме, о чем свидетельствуют зачищенные литейные швы на торцах предмета. Створки формы были сделаны оттиском с готовой вещи, доказательством чего являются следы конструкции готового изделия на дужке и верхнем щитке на оборотной стороне модели. Качество отливки удовлетворительное. Поверхность предмета механически обработали с обеих сторон. Литой рельефный линейный рисунок доработали резьбой небрежно. Несмотря на наличие в коллекции из Стаево нескольких фибул типа Гурзуф, все предметы при сравнительном анализе оказались разными и не имеют никакого отношения к данной модели. Кроме того, качество отливки и обработки некоторых фибул гораздо лучше, чем рассматриваемый шаблон.

Изготовление модели с готовой вещи причерноморского типа является не единичным случаем. В собрании древностей Краковского археологического музея хранится бронзовый шаблон пальчатой фибулы керченского типа вида I, варианта 1 по типологической классификации И.П. Засецкой, предположительно происходящий с территории Среднего Поднепровья (Засецкая, 1998). Как показало исследование, модель была отлита с помощью боспорского серебряного экземпляра фибулы (Shablavina, Szmoniewski, 2006, p. 519–526). Примером местного воспроизведения пальчатой фибулы типа Гурзуф в древностях рязано-окской культуры является фибула в Спас-Перекше на р. Угре (Ахмедов, 2014а, с. 159, 176, рис. 12: 1).

Отходы производства представлены большим количеством выплесков бронзы, обрезками пластин и обрубками дротов. Концы последних раскованы в виде лопаточек (см. главы 1 и 2). Такая форма, скорее всего, объясняется тем, что дрот было удобно зажимать и удерживать при ковке проволоки. По завершению работы эти концы обрубали.

Любое литейное дело обычно не обходится без бракованных изделий. На территории рассматриваемого комплекса также были найдены бракованные отливки украшений, которые с большой долей вероятности можно отнести к продукции местного производства. Таким

изделием является фрагмент верхнего щитка пальчатой фибулы из Стаево-5 (рис. 64: 264; 180: 2). Здесь хорошо прослеживается грубая, шершавая, неровная литейная поверхность с трещинами и порами на обеих сторонах. Рисунок на щитке не пролился. Наличие таких дефектов объясняется перегревом расплава металла. Фибулу отливали в двустворчатой глиняной форме, о чем свидетельствует шов на торце изделия. Литейную полость в створках на этапе изготовления формы делали оттиском металлического шаблона (без участия восковой модели). Несмотря на неудовлетворительное качество отливки, на лицевой стороне механически обработали пальцы и торцы фибулы. Стойка для крепления устройства застежки на оборотной стороне была опилена и в ней высверлено отверстие. Но эта вещь так и не была закончена. На поверхности и в отверстии стойки нет следов изношенности. Скорее всего, на стадии обработки отливки изделие сломалось, доказательством чего является место слома на щитке, или мастер, отказавшись заканчивать предмет, сломал его на части для последующего использования в качестве сырья.

Другим примером литейного брака является еще один полукруглый щиток пятипальчатой фибулы с облоем по краю из Стаево-5 (рис. 64: 292; 180: 3). Рисунок щитка в виде симметрично расположенных волют очень нечеткий, стойки на оборотной стороне для иглодержателя полностью не пролились. Отливка достаточно толстая. В данном случае брак случился из-за того, что при заливке расплава лопнула двустворчатая глиняная литейная форма. При этом створки сместились относительно друг друга, в результате чего вокруг щитка, на облое, образовалась канавка (ступенька) — часть отпечатка оборотной створки. Судя по характеру поверхности и форме щитка, оттиск предмета при формировании литейной полости в створках формы делался с помощью металлического шаблона или готовой фибулы. Как и предыдущий фрагмент щитка, эта бракованная отливка, скорее всего, была сделана в стаевской мастерской.

Украшения и детали ременных гарнитур

Фибулы

Бронзовая фибула типа Гурзуф из Стаево-5 с полукруглым верхним щитком, орнаментированным расходящимися углубленными линиями и пятью профилированными пальцами-выступами по краю (рис. 51: 133; 181: 1). Щиток соединен сильно выгнутой дужкой с ромбовидной ножкой (нижнем щитком), декорированной вписанными друг в друга ромбами и двумя круглыми боковыми выступами. На фибуле есть следы изношенности. Она отлита в двустворчатой глиняной форме, сформированной с помощью металлического шаблона. На торцах пальцев-выступов прослеживается шов от совмещения створок. Отливка механически обработана с обеих сторон, орнамент проработан резьбой, о чем четко свидетельствуют продольные борозды в канавках (рис. 181: 1). На оборотной стороне располагается поврежденный иглоприемник и видны следы починки на месте отсутствующих стоек (на верхнем полукруглом щитке) в виде свинцовой круглой «нашлепки». Трудно определить однозначно, сломались ли стойки во время ношения фибулы, либо изначально не отлились в процессе изготовления. Характерные следы на свинце, два круглых углубления и небольшой выступ посередине, свидетельствуют, что мастер в ходе ремонта изделия припаял на свинцовый припой пластину с согнутым перпендикулярным выступом-стойкой посередине. Но в процессе использования вещи припаянное устройство крепления было утрачено. К последнему владельцу фибула попала в поврежденном состоянии. Судя по ассортименту находок, ее предполагалось использовать в качестве шаблона для отливки фибул.

Другая подобная пальчатая фибула из Стаево-5 (рис. 31: 260; 181: 2) также является механически обработанной с лицевой стороны отливкой, сделанной с помощью металлического шаблона, как в вышеописанном случае. По сравнению с предыдущим предметом качество изделия крайне удовлетворительное. Литье изделия осуществлялось со стороны ножки в разъемной глиняной форме, установленной в вертикальной позиции. В этом месте, на оборотной стороне кончика нижнего щитка, имеется запиленный наплыв, оставшийся от литника литейной формы. На полукруглом щитке заметна большая литейная раковина, образовавшаяся в следствие нехватки металла в процессе заливки расплава в форму. Несмотря на брак, отливку механически обработали. На оборотной стороне предмета высверлили отверстие в верхней стойке для закрепления пружины застежки, позже утраченной, а нижнюю стойку (иглоприемника) отковали и конец загнули в петлю для фиксации иглы. Судя по следам основательной

потертости на устройстве застежки, фибулу долго носили.

С соседнего поселения Стаево-4 происходит еще один экземпляр бронзовой пальчатой фибулы типа Гурзуф (рис. 21: 1), отличающейся от выше рассмотренных размерами, отсутствием боковых выступов на ромбовидном нижнем щитке (рис. 182: 1). Она сломана на две части по дужке в основании верхнего щитка и деформирована. Изделие также было отлито в двустворчатой глиняной форме по металлическому образцу. На оборотной стороне пальцев полукруглого щитка четко фиксируется ступенька от перекоса совмещенных створок (рис. 182: 1). Возможно, этими техническими причинами объясняется отсутствие боковых выступов на нижнем щитке. Отливка механически опилена с обеих сторон, рельефный декор проработан резьбой (рис. 182: 1). В стойках устройства застежки сохранился бронзовый штифт и ржавые остатки пружины железной иглы. Судя по следам изношенности предмета и ее деформации, фибула не является местным изделием. Для определения места ее производства необходимо отдельное исследование[1].

Бронзовая двупластинчатая фибула из Стаево-5 (рис. 27: 28) с треугольным верхним щитком, украшенным тремя выступами (один не сохранился), гладкой, сильной выгнутой дужкой и вытянутым листовидным нижним щитком. На оборотной стороне находится устройство застежки с железной иглой. Изделие также является механически обработанной с лицевой стороны отливкой. Литье производилось в разъемной глиняной форме, вероятно, по металлическому образцу или готовой вещи. На оборотной стороне верхнего щитка и дужки прослеживается неровная шершавая литейная поверхность. Нижний же щиток в отличие от верхнего зачищен. Один боковой выступ на треугольном щитке, вероятно, не отлился, и это место запилили. Также напильником в верхней части листовидного щитка нанесли орнамент из ряда косых линий. На поселении эта фибула находится в пригодном для использования состоянии, тем не менее трудно ответить на вопрос, была ли она сделана в стаевской мастерской или в другом месте.

Детали ременных наборов. Три маленьких пряжки — две из желтой бронзы (Стаево-5, рис. 27: 91; 31: 501) и одна из белого сплава (Стаево-4; рис. 16: 19) (рис. 182: 2). Пряжки имеют геральдический щиток и трапециевидную рамку. Они отлиты в двустворчатых глиняных формах. Оборотные стороны изделий вогнутые и разные. Оттиск на лицевых створках был сделан с помощью шаблона, а на оборотных — посредством восковой модели «навыплеск», с участием которых формировалась литейная полость и толщина будущих изделий. Об использовании воска свидетельствует конфигурация вогнутой оборотной стороны предметов — плавный переход из бортов в плоскость. На отпечатках оборотных створок литейных форм делались проколы для формирования штифтов-шпеньков, с помощью которых пряжки крепились на кожаном поясе. Отливки механически обработали только с лицевой стороны. Нынешняя неровная поверхность с кавернами образована коррозией металла. Отверстия в щитках для крепления язычка рассверлены. Язычки отлиты и опилены со всех сторон. При сборке каждого изделия конец язычка расковали, продели через отверстие на щитке пряжки и загнули в петлю на перекладине. В процессе изготовления на пряжке из белого сплава не пролился шпенек, о чем свидетельствует круглый выступ на оборотной стороне предмета (рис. 182: 2в). Бракованную отливку не стали переплавлять, а отремонтировали. На щитке высверлили отверстие и закрепили в нем штифт из круглый проволоки, позже утраченный. Что касается двух пряжек из желтого сплава, то одну из них носили, подтверждением чего является расклепанный штифт и закрепленная на нем пластина-шайба. На втором экземпляре штифты короткие, с округлыми кончиками без следов крепления к ремню (рис. 182: 2а). Несмотря на близкие параметры формы пряжек, они различаются размерами деталей. Более того, на одном предмете имеется один штифт для крепления, а на другом — два. Все это свидетельствуют о том, что пряжки сделаны не в одном месте.

Детали ременных накладок с поселения Стаево-5 представлены бронзовыми геральдическими наконечниками и серебряной полукруглой накладкой (рис. 27: 57; 31: 474; 64: 306; 183: 1). Скорее всего, предметы принадлежат разным гарнитурам, поскольку такие наборы обычно

[1] Такое исследование было проведено И.О. Гавритухиным. По его мнению, не исключено, что фибула из Стаево-4 имеет дунайское происхождение, хотя ряд деталей сближает ее с некоторыми украшениями из Восточной Европы (Гавритухин, Обломский, 2018, с. 146). — *Прим. ред.*

делали из одного материала, а не из разных. Наконечники являются выпукло-вогнутыми отливками, механически обработанными с лицевой стороны. На обороте обоих изделий сохранилась литейная поверхность, а на торцах фиксируются остатки зачищенных литейных швов, образованных на стыке совмещения створок литейной формы. Поскольку ременные наконечники найдены в единственных экземплярах, а не серийно, трудно установить точно, отливались ли эти предметы по восковой модели «навыплеск», как в выше рассмотренном случае, или по металлическому образцу, сделанному по восковой модели «навыплеск». Торцы ажурных прорезей зачищены, форма литых отверстий выровнена сверлением. На лицевой стороне верхний край фигурных накладок украшен двумя параллельными линиями, которые после литья были запилены, скорее всего, треугольным напильником. В канавках, клинообразных в сечении, фиксируются характерные следы в виде четких регулярных бороздок. Подобным инструментом нанесен зубчатый декор по краю серебряной литой полукруглой накладки (рис. 64: 306). Шпеньки на рассматриваемых предметах отливались вместе со щитком. Для этого на оборотной створке глиняной литейной формы делались проколы. Расклепанные шпеньки свидетельствуют, что изделия крепились к ремню.

Подобной формы, конструкции и способа изготовления геральдические детали ремней известны на памятниках эпохи раннего Средневековья территории Северного и Северо-Восточного Причерноморья. На предмет определения техники изготовления были изучены четыре комплекта геральдических керченских поясных наборов, происходящих из Боспорского некрополя. Три из них, найденные в погребениях, хранятся в собрании Государственного Эрмитажа, один (покупка) находится в коллекции Берлинского музея. Согласно относительной хронологии И. П. Засецкой, разработанной для склепов Боспорского некрополя, эти гарнитуры также, как и орлиноголовые пряжки и пальчатые фибулы типа Аквилея, относятся к третьей хрологической группе, датируемой второй половиной VI — началом VII в. (Засецкая, 1990, с. 104–105).

Каждый из этих четырех комплектов, представленный разными типами поясных накладок, наконечников и пряжек, был выполнен из серебра (Шаблавина, 2003, с. 105–107). Все детали — литые, и, как может первоначально показаться, отлиты по восковым моделям, сделанным способом «навыплеск». На это указывает характер оборотной стороны вещей. Однако, разный тип накладок и поясных наконечников в каждой гарнитуре представлен несколькими экземплярами. Изучение каждого вида бляшек внутри одной серии показывает, что они идентичны и с лицевой, и с оборотной стороны. При этом позиции штифтов на дублях различаются. Данное обстоятельство вызвано тем, что одинаковые поясные накладки изготавливались не по индивидуальным восковым моделям, а оттиском металлических образцов, которые в свою очередь отливались по восковым моделям «навыплеск», но без системы крепления. Шпеньки для каждого изделия уже формировались в процессе изготовления литейной формы. Поскольку технические аналогии стаевским находкам известны в северо-причерноморском регионе, можно заключить, что они — не местного производства.

Серьги. Еще одним видом украшения женского убора среди находок являются две серьги от разных пар с многогранной бусиной на конце. Проволочные дужки, изначально согнутые в кольцо, деформированы и разогнуты. Одна серьга из Стаево-5 (рис. 107: 516) была полностью отлита из медного сплава по утрачиваемой восковой модели. Литник находился со стороны дужки, которую после литья отковали, заострили на конце и согнули в кольцо. В Стаево эта вещь, как вышедшая из употребления, находилась в качестве металлолома.

Второй экземпляр (рис. 31: 518) был сделан иначе — из двух разных медных сплавов (рис. 183: 2). Дужка откована из бронзового дрота и, скорее всего, протянута, доказательством чего является одинаковый на всем протяжении диаметр круглого дрота. Многогранная бусина отлита из свинцово-оловянистой бронзы. Ее модель слепили из воска и на некоторых гранях вырезали ромбовидные гнезда под вставки. Затем в модель воткнули бронзовую проволоку. Эту конструкцию заформовали в глину и затем отлили бусину с проволокой внутри. Литник находился со стороны бусины. После все плоскости отливки тщательно запилили, о чем свидетельствуют четкие регулярные борозды на гранях. Гнезда под вставки не обрабатывались, в них фиксируется литейная поверхность. Одно из них бракованное, полость под вставку залита металлом. Судя по следам в четком сформированном гнезде, вставку в нем никогда не закрепляли. На конечном этапе бронзовую проволоку согнули в кольцо.

Этот тип серьги с многогранной бусиной на конце восходит к роскошным южно-крымским и боспорским золотым образцам с гранатовыми вставками, у которых бусина насажена на окончание золотой проволочной дужки. В рассматриваемом случае мастер своеобразным способом копирует конструкцию подобных изделий из благородных металлов. Такой метод изготовления биметаллической серьги встречается впервые и позволяет предположить, что, возможно, она была изготовлена в Стаево. На это обстоятельство косвенно указывает тот факт, что толстая проволока, из которой была сделана дужка, встречается также на памятнике в виде обрезков (рис. 27: 115) или заготовок для браслетов и «височных» колец (рис. 64: 247; 81: 469; 31: 484; 107: 513). Поскольку серьга некомплектная, а дужка у нее деформирована, предмет хранился тоже в качестве металлолома.

Амулеты в виде мужских стилизованных фигурок из Стаево-5 (рис. 26: 1; 27: 210; 31: 540) и фрагмент верхней части подобного изделия (рис. 31: 476) (рис. 183: 3). Все подвески, несмотря на внешнее сходство, являются разными. Лицевые и оборотные стороны изделий плоские, за исключением выпуклой петли на шее с оборота и мягких, слегка расплющенных контуров головы. Ширина линии плеч, таза и кончиков ног одинаковая, все строение тела вписывается в воображаемый прямоугольник. Параметры и четкая геометрия строения тела указывает на то, что все фигурки резали из толстой восковой пластины. Сначала вырезали восковую рамку с четырьмя прямоугольными отверстиями, а затем удаляли перемычки между кончиками рук и линиями бедер, а также между ногами. Аналогичным способом сделан подобный антропоморфный амулет из погр. 2 катакомбы 52 Боспорского некрополя (Керчь), где кончики рук соединены с ногами одной линией (Кругликова, 1957, с. 255, рис. 2: 6; Шелов, 1984, с. 242). В этом случае человеческую фигурку также вырезали из восковой прямоугольной заготовки. Голову либо вырезали вместе с телом, либо восковой расплющенный шарик прилепляли по центру к верхней планке корпуса. Затем при изготовлении литейной разъемной формы восковую модель отпечатывали в глине. Оборотная створка была плоской с небольшой выемкой, образующей форму петельки для подвешивания. Перед совмещением створок внутрь литейной формы вкладывался круглый металлический стержень, формирующий отверстие в ушке. Литье предметов осуществлялось в вертикальной позиции с головы фигурок. Отливки были тщательно механически обработаны со всех сторон, рот и прямые линии на теле фигурок пропилены. На торцах прослеживаются зачищенные литейные швы. На поселении эти подвески найдены в поврежденном состоянии: одна — погнута, и две — сломаны. Еще один фрагмент верхней части амулета является бракованной отливкой (рис. 183: 3в). Ушко на оборотной стороне не пролилось, расплав затек только до середины формы.

Аналогичной формы литые амулеты были широко распространены в эпоху раннего Средневековья на территории Северного, Северо-Восточного Причерноморья, Северного Кавказа, в лесостепной зоне (восток Днепровского Левобережья и Среднее Поволжье) (Ковалевская, 1983, с. 43–50; 2005; Шелов, 1984, с. 241–246; Володарец-Урбанович, 2016, с. 79–88). Специальной работы, посвященной технике изготовления этой категории предметов, нет. Вероятнее всего, рассмотренные выше подвески, найденные на поселении Стаево-5, были изготовлены в других местах. Об этом можно судить по некоторым стилистическим отличиям, связанным с изготовлением восковой модели, особенностям механической обработки и характеру повреждений. Но для окончательного вывода это предположение требует проверки и технического изучения с привлечением большого количества сравнительного материала. Что касается бракованного амулета, то его, по всей вероятности, следует отнести к местной работе.

Открытие археологического производственного комплекса на поселении Стаево-5 очень важно для истории изучения металлообработки в эпоху раннего Средневековья не только на территории Верхнего Подонья, но и Восточной Европы, так как древних мастерских этого периода известно мало. На памятнике представлены разнообразные предметы, связанные с различными производственными процессами и позволяющие выявить особенности данных мастерских. Тем не менее существует определенная сложность, как отделить вещи, сделанные на месте, от привозных. Все находки (выплески металла медного сплава, целые тигли и их фрагменты, обрубки дротов и пластин, полуфабрикаты, металлолом, бракованные отливки) свидетельствуют о функционировании на поселении Стаево-5 бронзолитейных мастерских. Стаевские литейщики отливали в открытых формах слитки для

последующей ковки из них дротов и проволоки, воспроизводили в разъемных двустворчатых глиняных литейных формах пальчатые фибулы и, возможно, поясные пряжки по чужим образцам, в основном, северо-причерноморским, сделанным иными способами. Найденный здесь бронзовый шаблон пальчатой фибулы типа Гурзуф отлит с использованием готовой вещи. Местные мастера не резали шаблоны, не создавали собственные фасоны изделий и мало работали с воском. Скорее всего, они делали и другие изделия, но таких данных, как например находок литейных форм и серийных вещей, пока нет. В качестве сырья использовались ломаные разновременные предметы. Металл плавился в закрытых тиглях-купелях, объем которых позволял расплавить бронзу для отливки небольшой фибулы. Остается вопрос, плавили ли в этих мастерских серебро, ответ на который зависит от результатов исследования тиглей[2].

Помимо литья, вещи здесь изготавливали холодными способами обработки металла. Найденные на Стаево-5 бронзовые матрицы поясных накладок свидетельствуют, что ременные гарнитуры делали тиснением, имитируя литые, как правило, серебряные поясные наборы, распространенные в северо-причерноморском регионе. Находки бронзовых проволочных колец и заготовок браслетов с фигурными расплющенными концами указывают, что стаевские мастера обладали двумя фигурными чеканами с изображением личин. Рабочие концы этих инструментов были изношенными, подтверждением чего являются нечеткие оттиски. Нахождение браслетов с такими личинами на других памятниках позволит определить место изготовления этих изделий.

Наличие в мастерской разных украшений не означает, что они были сделаны именно здесь. Изучение предметов показало, что многие из них имеют следы изношенности, деформации, разную обработку поверхности, что указывает на иное место их изготовления.

Таким образом, археологический материал с поселения Стаево-5 свидетельствует, что в эпоху раннего Средневековья на этом месте функционировали бронзолитейные мастерские. Результаты дальнейших исследований памятника покажут, занимались ли здесь также ювелирным делом, но пока таких данных нет.

[2] Небольшие слитки серебра и серебряные изделия в Стаево-4 и 5 найдены (см. главы 1 и 2). — *Прим. ред.*

Глава 8

Инструменты для металлообработки с поселения Стаево-5

Н. А. Биркина (Москва)

В большинстве случаев исследование технологических аспектов доступно ученым лишь при работе с уже готовыми изделиями, которые подвергаются химико-технологическому изучению. Трасологический и металлографический анализы дают возможность реконструировать приемы и способы металлообработки, применявшиеся при изготовлении вещей. Кроме того, эти способы позволяют восстановить, какие инструменты были использованы мастером для создания предмета. Сами же инструменты редко становятся предметом изучения исследователя, в первую очередь это связано с тем, что их находки крайне редки. Немаловероятно и то, что из-за коррозии и плохой сохранности не все они могут быть идентифицированы при проведении раскопок. Чаще всего рассматриваются инструменты, которые происходят из погребений, производственных кладов или мастерских, так как их атрибуция в этом случае значительно упрощается.

На памятниках древнерусского времени мастерские, связанные с металлообработкой (литье, кузнечное и ювелирное дело), хорошо известны, этому вопросу посвящено множество работ (например: Рябинин, 1994; Колчин, 1953; Завьялов, Терехова, 2013; Зайцева, Сарачева, 2011). Однако для раннего Средневековья сведения о производственных комплексах, связанных с обработкой цветных и черных металлов, крайне редки, что и делает памятники Стаево-4 и 5 очень важными для изучения древних способов металлообработки. Выявление таких комплексов обычно происходит на основании находок сырья, брака, полуфабрикатов, инструментов и т. д. Рассмотрению последних и посвящена эта глава. Помимо отдельных предметов, происходящих из культурного слоя, был найден набор инструментов, состоящий из 29 предметов, он будет проанализирован отдельно.

В исследовании И. Е. Зайцевой и Т. Г. Сарачевой (Зайцева, Сарачева, 2011) был предложен принцип систематизации ювелирных инструментов XI–XIII вв. Использование его представляется удобным и для предметов более раннего времени. Группировка предметов на основании этого списка была применена для инструментальной базы, реконструированной на основании трасологического анализа предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей (Биркина, 2020), и показала свою эффективность и практичность. В связи с этим применение такой сортировки представляется приемлемым и для анализируемого в этой работе материала.

Сразу заметим, что исследование находок связано с рядом сложностей. К ним относится, во-первых, степень сохранности коллекции. Обследованные вещи сделаны из железа, и коррозия в разной степени повредила их все. Многие из инструментов — это небольшие по размеру вещи, например штихели или чеканы. Их рабочая поверхность может сильно пострадать со временем, что делает возможность их идентификации очень сложной. Во-вторых, большинство изделий были отреставрированы и у некоторых взяты пробы для металлографического анализа. Также некоторые из находок могли быть повреждены

еще в древности. Из-за этих сложностей не все исследованные вещи могут быть уверено идентифицированы и систематизированы, поэтому в ряде случаев они были сгруппированы на основании внешних характеристик, которые не дают представления об их функции.

Отмечу также, что некоторые из инструментов могли быть многофункциональными и использоваться при работах как с цветным, так и с черным металлами, так как на поселениях Стаево-4 и 5 были исследованы производственные комплексы, связанные с черной металлургией и литьем бронзы (см. главы 1 и 2).

Опорных кузнечных инструментов в ходе раскопок обнаружено не было, однако это не свидетельствует о том, что они не использовались мастерами в Стаево. Ковка как формообразующий прием активно использовалась (см. главу 10), в качестве наковальни могли применять, например, плоский камень.

Такой большой камень размерами около 37 × 60 см при высоте 30 см, формы, близкой к кубической, представлял собой грубо обработанный валун со следами ударов на поверхности (Острая Лука, 2015, рис. 196: 2,3). Для его исследования был заложен раскоп 8 на поселении Ксизово-19, которое расположено на Острой Луке Дона и относится к гуннскому времени. Не исключено, что в древности этот камень служил наковальней (Острая Лука, 2015, с. 95).

Самая ранняя находка металлической наковальни в лесной зоне Восточной Европы сделана в Старой Ладоге и относится к VIII–IX вв. (Минасян, 2014, с. 371).

Находок ударных инструментов, используемых в ювелирном деле, также не было. Тем не менее на памятнике были найдены кричные молотки/кирки, один целый и один фрагмент (рис. 184: 1). Эти инструменты использовались для дробления криц и руды, а также отделения шлаков. По форме они близки к топору, но имеют слегка изогнутую форму, к концу сужаются и скругляются. Отметим, что на поверхности не заметны следы явной сработанности. Такие же клевцы были найдены в Новгороде (Сингх, 2009, с. 37, Пр. II: таб.3) и на Муранском могильнике (Жиганов, 1959, с. 142, Табл. 58: 1). На синхронном памятнике такие находки тоже встречаются на поселении Тюнино-1 (Бирюков, 2020, Т. 1, с. 81). Инструменты схожей формы применялись для работы с рудой вплоть до середины XX в. Примером может служить кайло с рудника им. Лазо (СКМ КП 566, ГК 21757198), хранящееся в Сеймчанском краеведческом музее (Магаданская обл., Колыма).

Из рубящих инструментов было найдено одно зубило (рис. 184: 2), используемое для отсекания металла, вырубки и нанесения насечек. На основании размеров оно может быть отнесено к ювелирным. Инструментов для резки металла на памятниках Стаево не обнаружено.

Одна из самых массовых находок — пробойники (бородки) (рис. 184: 3–7). Всего их было найдено 13 экземпляров. Они использовались для пробивания отверстий различного диаметра, также они могли использоваться как чеканы-канфарники. Такие чеканы необходимы для нанесения точечного орнамента и канфарения. Канфарение — способ декорирования металлических изделий с помощью нанесения матовости или зернистости, иногда под канфарением понимают разметку рисунка точечными пунктирными линиями (Минасян, 2014, с. 248).

Среди захватывающих инструментов можно отметить находку клещей (рис. 184: 8). Они имеют не очень большие размеры, больше соответствующие ювелирным (Сингх, 2009, Приложение II, табл.14), однако их конструкция ближе к тигельным (Сингх, 2009, Приложение II, табл.13, Рябинин, 1985, с. 29–30). Самой важной особенностью являются удлиненные губки, необходимые для захватывания тиглей и размещения их в горне либо изъятия из него, или других работ при плавке металла. Рукоятки клещей с поселения Стаево-5 обломаны, поэтому реконструировать их изначальную длину невозможно. Обычно окончания таких инструментов были заострены для более удобной фиксации деревянных частей.

Клещи использовались мастерами для самых разных операций (кузнечных и литейных), а также для обработки изделий после литья. Это требовало более аккуратных манипуляций. Находки клещей в позднеримское время и эпоху Великого переселения народов — не редкость, однако чаще они встречаются на территории Центральной и Западной Европы (Křápková, 2018). В Восточной Европе находка кузнечного набора зафиксирована на могильнике Тюм-Тюм, датирующегося III–IV вв. н. э. и относящемся к азелинской культуре. В погребении 45 был обнаружен набор орудий мастера, но миниатюрного размера, в состав этого набора среди прочего входили и клещи (Ошибкина, 2010, с. 18, 131: табл. 18).

Еще одним инструментом, относящимся к зажимным, является половина щипцов (рис. 185:

1). По конструкции они похожи на клещи, состоят из двух симметричных частей, скрепленных гвоздем или штифтом. Губки увеличены и имеют подпрямоугольную пластинчатую форму, которая необходима для фиксации предмета. Окончания ручек приострены, вероятно для фиксации на них деревянных элементов. Общие размеры небольшие — длина 10,3 см. Такой инструмент используется ювелирами до сих пор и является многофункциональным. С его помощью можно удерживать пластины и заготовки при ковке и чеканке, фиксировать предметы при изгибании и т. п. Более крупные клещи с плоскими губками используются в кузнечных работах так же при работе с плоскими и листовыми заготовками.

Среди зажимных инструментов выделяют также пинцеты, которые могли использоваться для самых разных операций: фиксация предмета, укладка камней, загибание проволоки и т. д. Заметим, что пинцеты являются многофункциональными инструментами, которые могли применяться не только в металлообработке, но и как косметические или медицинские принадлежности. Однако морфологические особенности предметов, происходящих с поселения Стаево-5, позволяют относить их к ювелирным инструментам. В отличие от характерных для эпохи Великого переселения косметических пинцетов, которые имели широкие губки, у исследованных предметов губки узкие. Такая форма была необходима для упрощения захвата и фиксации мелких деталей, например при пайке или собирании элементов восковой модели. Пинцеты применяются как в литейном деле при работе с воском, так и при ювелирных работах с металлическими деталями.

Всего на поселении было найдено 3 фрагмента железных предметов, которые могут быть идентифицированы как части пинцетов (рис. 185: 2–3), все они происходят из набора инструментов. На одном из них зафиксированы небольшие насечки на малом ребре, это может быть связано с особенностями использования и тем, что не вся поверхность равномерно сохранилась. На современных пинцетах, используемых в ювелирном деле, на губках делается насечка, чтобы увеличить сцепление с обрабатываемым изделием. Также насечки отмечаются на средневековых пинцетах-тисочках с зажимным кольцом и Г-образными губками. Этот инструмент использовался для удержания украшений во время обработки, в свою очередь насечки были необходимы для более плотной фиксации кольца (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 104).

Следующей категорией инструментов являются инструменты для нанесения декора. Сюда относятся чеканы и резцы-штихели. С помощью чекана на изделия наносился декор, соответствующий рабочей поверхности инструмента, посредством оказания давления (удара молотком) на противоположный конец. Идентифицировать с полной уверенностью среди найденных на памятнике инструментов чеканы не представляется возможным. Для чекана является важным переменное сечение, это необходимо для гашения вибраций (Сингх, 2009, с. 49). Изделий, точно соответствующих необходимым параметрам, нет, однако их форма и размеры могли измениться из-за коррозии. Как уже говорилось выше, нельзя исключать, что среди предметов, определенных как пробойники, могли быть и чеканы-канфарники.

Резцы-штихели используются для нанесения гравировки и орнамента типа «тремоло». Эти инструменты могут применяться как для обработки металлических изделий, так и для восковых моделей. С помощью резцов могли выполняться несколько операций: разметка, орнаментация и вырезание гнезд и углублений. Штихели — инструменты небольшого размера с рабочей поверхностью, заточенной под определенным углом к режущей кромке, которую мастер должен был поддерживать в надлежащем состоянии. Всего было найдено 11 предметов (рис. 185: 4–7), которые были определены как штихели, также 3 экземпляра были идентифицированы как резцы (рис. 185: 8–9).

Кроме инструментов, которыми наносился декор на украшения, найдены предметы, использовавшиеся для разметки поверхности перед нанесением орнамента или обозначения линии, по которой срезался лишний металл у края изделия — чертилки (острия). Всего найдено 6 экземпляров (рис. 185: 10–12).

Следующей категорией предметов являются формирующие инструменты, к которым относятся волочила. На памятнике не найдено фильер, хотя на основании технологического анализа, проведенного Е. А. Шаблавиной в главе 7, следует, что изделия из проволоки, полученной таким образом, на памятнике обнаружены. Также среди изделий из железа был выделен предмет в форме S-видного крюка (рис. 185: 13). Такой крюк мог применяться для облегчения протаскивания проволоки через волочильную доску. Инструмент

фиксировался на клещах специфической формы с кольцами на концах рукоятей. Окончания с кольцами фиксировались на крюках, которые, в свою очередь, зацеплялись за пояс. Это позволяло прилагать меньше усилий для трудоемкой процедуры формирования проволоки (Рябинин, 1985, с. 29–30).

На памятнике найдено несколько инструментов, относящихся к группе отделочных. Они применялись на финальном этапе работы с изделием и даже могли удалять некоторые виды производственного брака. К этой группе предметов относятся напильники, всего их обнаружено два экземпляра, которые были определены с большой долей вероятности (рис. 186: 1–2). Не исключено, что еще один предмет в древности являлся напильником, но сейчас с точностью это определить невозможно (рис. 186: 3). Сохранившиеся части этих инструментов имели подпрямоугольную форму, на поверхности слабо угадывается насечка, которая могла быть повреждена коррозией и реставрацией.

Напильники широко применялись как для работы с восковыми моделями, так и для финальной обработки изделия. Для создания восковых моделей насечки на рабочей поверхности инструмента располагаются реже, чтобы они меньше забивались. В исследованных вещах невозможно определить, как именно располагались насечки.

Еще одним отделочным инструментом являлась гладилка (рис. 186: 4). Она использовалась для финального заглаживания неровностей и наведения блеска. Гладилки могли быть сделаны из разных материалов — из железа, как находка из Стаево-5, и, например, из рога (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 110).

Еще одним из отделочных инструментов являются шаберы, которые использовались для скобления и точной обработки металлической поверхности (Минасян, 2014, с. 387). Они могут иметь сечения различной формы (треугольной, прямоугольной, квадратной). Всего обнаружено 7 экземпляров, которые могут быть идентифицированы как шаберы (рис. 186: 5–7).

Многофункциональным инструментом, который мог применяться и в металлообработке, являются сверла. Всего на памятнике обнаружено 3 экземпляра (рис. 186: 8–10). Они могут быть отнесены к спиральному типу, хотя имеют совсем незначительное скручивание в рабочей части. Сверла могли использовать и для доработки восковой модели, и для работы по металлу.

Ряд инструментов нельзя уверенно отнести к какой-то определенной группе (рис. 186: 11). Игла (рис. 186: 12) является многофункциональным инструментом, который мог применяться в разных бытовых и ремесленных нуждах. Помимо возможного использования для моделирования воска или разметки декора на металлических изделиях, она могла быть частью приспособления для пайки.

Как было сказано выше, помимо отдельных находок инструментов, связанных с металлообработкой, был найден набор, состоящий из 29 предметов. Все они имели небольшой размер и в момент находки были сильно коррозированы, из-за чего являли собой единый конгломерат. После реставрации и обработки комплекса в нем были выявлены: штихели, сверла, пробойники, шаберы, стержни, фрагменты пинцетов и острия. На основании их метрических характеристик можно предположить, что все эти предметы, вероятнее всего, связаны именно с ювелирным делом. Заметим также, что большинство инструментов необходимо для работы с металлическим изделием, хотя некоторые используются и при работе с воском.

В связи с тем, что набор инструментов найден единым скоплением, можно предполагать, что все эти орудия принадлежали одному мастеру, который занимался постлитейной доработкой вещей. На основании анализа функций предметов можно сделать заключение, что он убирал литейные браки, полировал поверхность вещи, наносил орнамент, пробивал или просверливал отверстия. Находки таких наборов орудий вне погребальных комплексов — большая редкость, учитывая сохранность, позволившую систематизировать и определить конкретные инструменты.

Археологические комплексы, связанные с ювелирным ремеслом и металлообработкой, являются редкостью для Восточной Европы. Для финала гуннского времени — начала Средних веков поселения Стаево-4, 5 позволяют получить новые многочисленные сведения о древних ремеслах. Инструментальная база мастеров-ювелиров раннеславянских культур пока исследована слабо и столь богатая коллекция позволяет существенно дополнить имеющиеся сведения. Сейчас, благодаря последним изысканиям, на памятниках типа Чертовицкое — Замятино в Верхнем Подонье стала пополняться база находок, связанных с металлообработкой. Здесь, помимо находок с поселений Стаево-4, 5, можно отметить набор инструментов, обнаруженный на селище

Тюнино (Акимов, Бирюков и др., 2017, с. 59–61). В него входило 9 предметов, зафиксированных в виде скопления. В ряде случаев предметы атрибутированы неверно. Среди инструментов было определено две стамески, однако найденные предметы скорее соответствуют инструментам для металлообработки. На основании внешнего вида и метрических параметров можно предположить, что это шаберы или зубила. Для двух других предметов авторами публикации также применен столярный термин — долото. Эти инструменты представляют собой стержни, сужающиеся в нижней части, рабочая поверхность заострена, а верхняя имеет ровную площадку. Такой внешний вид скорее соответствует пробойнику. Несмотря на путаницу с терминами, это не уменьшает важность находки из Тюнино.

Инструменты, обнаруженные в последние годы на археологических памятниках Восточной Европы, дают возможность пересмотреть некоторые принятые в науке гипотезы. Находка клещей, щипцов и напильников на Стаево-4, 5 позволяет иначе взглянуть на уровень металлообработки и приемы, доступные населению Подонья в V–VII вв. В комплексах раннеславянских культур до недавнего времени не находили клещи, напильники и т. д., наиболее простые инструменты — пробойники и зубила — также встречались редко. Предполагалось, что такая ситуация свидетельствует о слабом развитии металлообрабатывающего ремесла до IX в. (Минасян, 2014, с. 351–352, 370). Теперь можно уверенно говорить, что это не так, и основанием для этого служат не только трасологический анализ самих изделий, которые могли быть импортными, но и находки инструментов. В свете вышесказанного представляется крайне важным обнаружение комплекта орудий, применяемых для постлитейной обработки изделий. Дальнейшие работы на памятнике позволят существенно пополнить знания о ремесленниках раннеславянских археологических культур.

Глава 9

Результаты исследования состава цветного металла предметов и отходов бронзолитейного ремесла с поселения Стаево-5

И. А. Сапрыкина, Л. А. Пельгунова (Москва),
С. Е. Кичанов, Б. А. Абдурахимов, М. Р. Кенессарин (Дубна)

Тема исследования цветной металлообработки на поселениях раннесредневекового времени дополняется результатами изучения состава цветного металла коллекции предметов из раскопок на поселении Стаево-5. Само поселение занимает особое место среди памятников этого периода; то же самое можно сказать и в отношении металлообрабатывающего комплекса, действовавшего на поселении. Коллекция предметов, характеризующих этот комплекс, содержит разнообразные изделия, полуфабрикаты, инструментарий, сырье, остатки цветной металлообработки. Аналитическая выборка из поселения Стаево-5 состоит из 341 предмета (табл. 7), для которых установлен тип металла или сплава, а также серии тиглей, для которых определен химический состав остатков содержимого. В нее включены как предметы раннего железного века, римского времени, так и материал раннего Средневековья; значительная часть выборки представлена выплесками, обрезками, прутиками, которые как раз и позволяют реконструировать в более полном объеме характер бронзолитейного ремесла.

Методика исследования

Все предметы из выборки были исследованы методом безэталонного неразрушающего РФА на спектрометре M1 Mistral (Bruker). Для каждого из изученных предметов было получено от 2–3 проб на поверхности, после проверки и обработки спектров дальнейшая аналитическая обработка выборки велась по средним значениям для каждого из исследованных образцов. Часть изученных предметов прошла реставрацию перед проведением анализа, часть была проанализирована после предварительной механической очистки поверхности. Стандартное время измерений составило от 30 до 60 сек. (напряжение 50kV); методика измерений и обработки результатов опубликована (Сапрыкина, Гунчина, 2017).

Химический анализ содержимого тиглей проводился с помощью РФА-спектрометра M-4 Tornado (Bruker) — вакуум 20 миллибар, энергия — 200 мА, 600 мА, напряжение трубки — 50 kV, время измерения 15 сек., измерения в режиме Multi-Point (Сапрыкина, Пельгунова, 2013).

Исследования фазового состава фрагментов тиглей проводились с помощью метода

нейтронной дифракции на специализированном дифрактометре для исследования микрообразцов ДН-6 (Kozlenko et al., 2018., pP. 331) на импульсном высокопоточном реакторе ИБР-2 (г. Дубна, Россия). Дифракционные спектры получали при углах рассеяния $2\theta = 90^{o}$. Для данных углов рассеяния разрешение дифрактометра на длине волны $\lambda = 2$ Å составляло $\Delta d/d = 0{,}025$. Характерное время измерения одного спектра — 20 минут. Нейтронный пучок сканировал область тиглей с видимыми зеленоватыми вкраплениями. Анализ дифракционных данных производился с помощью программы FullProf.

Пространственное распределение различных фаз и компонентов во фрагментах тиглей исследовалось методом нейтронной радиографии и томографии (Podurets et al., 2021) на специализированной экспериментальной станции (Kozlenko et al., 2015; Kichanov et al., 2015) на 14-м канале импульсного высокопоточного реактора ИБР-2. В этом неразрушающем методе исследований из-за различной степени ослабления интенсивности нейтронного пучка при прохождении через компоненты разного химического состава возможно получить информацию о распределении фаз внутри объема исследуемого материала с пространственным разрешением на микронном уровне. В экспериментах по нейтронной томографии из набора отдельных радиографических проекций, полученных при различных угловых положениях образца относительно направления нейтронного пучка, выполняется объемная реконструкция внутреннего строения исследуемых фрагментов тиглей. Полученная трехмерная модель представляет собой массив данных из трехмерных вокселей, которые характеризуют степень или коэффициент ослабления нейтронного пучка в определенной точке исследуемого образца. Размер одного вокселя в нейтронном радиографическом эксперименте составлял 52×52×52 мкм. В радиографическом эксперименте конвертация нейтронов в видимый свет, регистрируемый CCD видеокамерой, происходит с помощью пластины сцинтиллятора ^{6}LiF/ZnS толщиной 0,1 мм производства фирмы RC TRITEC Ltd (Швейцария). Проведение томографических экспериментов обеспечивает система гониометров HUBER с минимальным углом поворота до $0{,}02^{o}$. Высокий поток нейтронов на исследуемом образце определяет короткое время экспозиции — 10 секунд при регистрации одного нейтронного изображения. Полученные нейтронные данные корректируются на фоновые шумы детекторной системы и нормализуются на падающий нейтронный пучок с помощью программного пакета ImageJ (Schneider et al., 2012). Томографическая реконструкция из набора угловых проекций исследуемых объектов осуществлялась программой SYRMEP Tomo Project (Brun et al., 2017). Для визуализации и анализа получаемых трехмерных данных использован программный комплекс VGStudio MAX 2.2 фирмы Volume Graphics (Heidelberg, Germany).

Результаты исследования состава цветного металла

Вся выборка распадается на три неравные группы, разделенные по хронологическому и функциональному признаку. В первую входят украшения, предметы одежды и личного пользования, относящиеся либо к городецкой археологической культуре (VI–III вв. до н.э.), либо к позднескифской культуре (II в. до н.э. — II в. н.э.), ко второй относятся предметы материального быта, личного пользования (в том числе, украшения), однозначно связанные со временем жизни на поселении в конце V — VII в. н.э. Третья группа предметов раннесредневекового времени (конец V — VII в. н.э.) — самая многочисленная. Она представлена серией выплесков, обрезков, прутиков, пластин и других видов сырья, необходимых для функционирования металлообрабатывающего производства на поселении.

Группа предметов II в. до н.э. — II в. н.э. Выборка самая малочисленная — анализ состава металла был выполнен для 9 предметов, которые относятся к позднескифской археологической культуре. В состав выборки входят: амулет-кольцо с шишечками (Обломский, 2020б, рис. 10: 26), изготовленный из высоколегированной оловом тройной бронзы, серия зеркал (Обломский, 2020б, рис. 10: 200, 374, 562, 744) и фибул (Обломский, 2020б, рис. 10: 274, 324, 566, 581). Как видно из гистограммы, зеркала отлиты из высокооловянной бронзы, фибулы — из низколегированной двухкомпонентной латуни (рис. 187).

Однако в этой выборке есть некоторые интересные особенности: так, зеркало №744, отлитое из традиционной для таких категорий изделий высокооловянной бронзы (Sn 37,07–40,33 %), содержит еще и небольшую примесь цинка (2,87 %). Зеркало датируется второй половиной I — началом II в. (Обломский, 2020б, с. 375). В этот период на территории Северного Причерноморья циркулируют латуни

и цинкосодержащие сплавы. Возможно, это зеркало было отлито из цинкосодержащего сплава, полученного путем многократной переплавки лома цветного металла, в который было дополнительно введено олово (до 31,46%). Латуни в выборке, из которых изготовлены фибулы, в основном, указывают на использование для их изготовления лома цветного металла, где цинк фиксируется на уровне 2,32–8,97% (среднее 3–6%).

Группа вещей конца V — VII в. н.э. (91 экз.). В составе этой группы присутствует инструментарий и предметы быта (матрицы для тиснения, шило 4-гранное), гирька-экзагий, зеркала, украшения и детали одежды (69 экз.), отходы и сырье металлообработки (заклепки, кованые прутики, фрагменты стенок котлов и др.).

Зеркала разных типов (рис. 27: 49; 31: 315, 355, 524, 546; 36: 572; 66: 628, 641, 750; 69: 480; 117: 784), датируемые раннесредневековым временем, изготовлены, как видно из гистограммы (рис. 188), из четырех типов сплавов. Три зеркала (№315, 524, 572) отлиты из «классического» для зеркал типа сплава — высокооловянной бронзы, где содержание олова крайне высоко (Sn 37,96–49,34%), что говорит о дополнительном введении олова в этот сплав.

Зеркала №480, 628, 641 отлиты из высоколегированной оловом тройной латуни (CuSnZn); зеркала №49, 355, 546, 750, 784 отлиты из высоколегированной оловом тройной бронзы (CuSnPb), где содержание свинца очень низкое (Pb 2,9–4,8%) (табл. 7). Подобные вариации в номенклатуре сплавов и в содержании основных легирующих компонентов указывают, скорее, на то, что в раннесредневековое время в гораздо большем объеме, чем в позднескифское, для литья зеркал использовались самые разные типы сплавов. Непременным условием являлось легирование их оловом, причем объем легирования настолько превышает необходимый уровень для получения качественной зеркальной бронзы, что позволяет говорить о вероятной утрате критического понимания технологии обработки зеркальной бронзы для получения необходимых свойств этого сплава.

Браслеты (12 экз.), проанализированные в выборке, изготовлены из двух типов сплавов: двухкомпонентной латуни (CuZn) и тройной бронзы (CuSnPb). Из двухкомпонентной латуни сделаны три браслета из выборки, в том числе дротовый с расплющенными концами (рис. 27: 115; 31: 404; 64: 247), где содержание цинка фиксируется на уровне 8,79–9,13%. Остальные браслеты (в том числе с расширенными или расплющенными концами) изготовлены из тройной бронзы, преимущественно высоколегированной оловом (от 4,2 до 46,99%) (рис. 189); дефектов обработки на браслете из высоколегированной оловом бронзы при визуальном осмотре не отмечено.

Такое высокое содержание олова может быть результатом как дополнительного введения его в тройную бронзу, так и следами лужения на браслетах, визуально не фиксируемыми (рис. 27: 128; 63: 669; 64: 286; 66: 648). Высокое содержание свинца в металле браслетов нуждается в дополнительной корректировке, так как браслеты анализировались с незначительной подготовкой поверхности перед анализом. Реальное его содержание в сплавах, скорее всего, не превышает значений, зафиксированных в браслетах на рис. 64: 470; 66: 656 или на рис. 63: 767.

Фибулы (7 экз.). Пальчатая фибула (рис. 27: 27) изготовлена из низколегированной двухкомпонентной латуни (CuZn, Zn — 6,23%). Еще три пальчатые фибулы (рис. 31: 260; 36: 563; 51: 133) и фрагмент спинки (рис. 66: 623) изготовлены из многокомпонентного сплава (CuSnPbZn), где содержание цинка колеблется от 3,48 до 6,29%, олово фиксируется в пределах 4,76–19,83%, свинец — 5,58–7,93%. Такое же относительно высокое содержание олова при низких значениях цинка зафиксировано и в металле двух фибул (рис. 31: 260; 64: 292) (Sn — 8,15, 24,44%; Zn — 4,85–4,91%); в сплаве фибулы №292 также отмечено высокое содержание свинца (19,64%). Полученные данные свидетельствуют, скорее, в пользу переплавки лома цветного металла для изготовления изученных фибул, сплав для которых был дополнительно легирован либо оловом, либо свинцом.

Пальчатая фибула (рис. 51: 133) имеет следы ремонта: вместо, видимо, утраченной петельки, была напаяна петелька из тройной бронзы (в металле петельки содержание олова фиксируется на уровне 35,69%, что в два раза превышает содержание олова в самой фибуле). В качестве припоя использовался легкоплавкий сплав (SnPb).

Еще одна фибула (рис. 64: 264) изготовлена из многокомпонентного сплава, высоколегированного оловом (CuSnPbZn), где содержание олова фиксируется на уровне 20,16%, свинца — 8,91%, а цинка — 2,79%.

Серьги (5 экз.). Проволочная серьга (рис. 81: 469) выполнена ковкой дротовой заготовки

из двухкомпонентной латуни (Zn 6,14 %), причем медь в этом сплаве может быть отнесена к категории «грязной металлургической» (Pb 2,15 %) (табл. 7). Из двухкомпонентной латуни также изготовлены: серьга в форме кольца (рис. 31: 484), серьга полиэдрическая (рис. 107: 516).

Из многокомпонентного сплава (CuSnPbZn) были выполнены серьга с полиэдрическим навершием (рис. 31: 518) и височное кольцо (рис. 107: 513). Этот сплав характеризуется в одном случае низким процентным содержанием цинка и свинца (Zn — 1,71 %, Pb — 1,92 %) при более высоком содержании олова (11,33 %) в сплаве серьги (№ 518); в другом случае в сплаве височного кольца (№ 513) содержание цинка превышает количество олова и свинца. В целом данная группа украшений выделяется на общем фоне исследованных предметов из Стаево-5 тем, что эти сплавы, по всей видимости, не были дополнительно легированы оловом или свинцом.

Амулеты антропоморфные (2 экз., рис. 31: 476, 540). Амулеты изготовлены из тройной бронзы (CuSnPb), где содержание олова в пределах 20,11–20,85 %, свинца — 6,32, 12,12 %.

Отдельные предметы из выборки (5 экз.). Заклепка (рис. 64: 387), время отложения которой в слой относится к раннесредневековому времени, изготовлена из «загрязненной» свинцом меди. Булавка (рис. 31: 519) выполнена из оловянной бронзы, где содержание олова зафиксировано на уровне 3,03 % (табл. 7). Кольцо (рис. 31: 544) выполнено из латуни, где содержание цинка зафиксировано на уровне 7,9 %, а содержание свинца — 1,54 %, что позволяет говорить также об использовании «загрязненной» свинцом меди при составлении этого сплава. Ременная обойма раннесредневекового времени (рис. 31: 213) выполнена из низколегированной двойной латуни (Zn — 3,64 %). Обувная пряжка (рис. 34: 311) выполнена из сплава, полученного из многократно переплавленного цинкосодержащего сплава с добавлением (?) «загрязненной» свинцом меди (Zn — 1,98 %, Pb — 2,69 %) (табл. 7).

Детали поясных наборов (21 экз.). В выборке представлены разные типы поясных накладок, пряжек, наконечников и поясных подвесок, изготовленные из следующих типов металлов и сплавов (рис. 190).

Из «чистого» серебра (Ag — 95,12–95,31 %) выполнены бляшка без штифта с глубокими нарезками по краям и круглая, с сегментовидной выемкой накладка с концами, на которых фиксируется наличие глубоких насечек (рис. 64: 253, 306) (табл. 7). Из так называемой чистой меди изготовлены следующие детали поясного набора: пластинчатая прямоугольная накладка со штифтами и пластина с отверстиями (рис. 41: 432), коробчатая подвеска («звездчатая») (рис. 36: 589); другая пластинчатая прямоугольная накладка (рис. 66: 653) изготовлена из так называемой загрязненной меди.

Легкоплавкий сплав в данной выборке использовался для изготовления круглой бляшки-«шайбы» (рис. 36: 609) и серии круглых бляшек с бордюром из рельефных валиков по краю (рис. 66: 776; 117: 796, 807). Эти бляшки отлиты из сплава с доминирующим содержанием олова (65,71–76,15 %). Обычно предпочтение таких сплавов для изготовления предметов поясных наборов обусловлено желанием получить качественные «имитации» высокостатусных украшений или предметов одежды, как правило, изготавливавшихся из серебра.

Больший объем в выборке занимают детали поясных наборов, для производства которых использовались сплавы на основе меди (рис. 191). Так, из двойной латуни сделаны: обоймы пряжки с оловянным покрытием (рис. 64: 285); миниатюрная пряжка с трапециевидной рамой и «геральдическим» щитком, отлитым вместе с рамой (рис. 31: 501); коробчатый наконечник ремня (рис. 66: 621); миниатюрная бляшка с геральдическим щитком и мотивом лунницы (рис. 66: 756). Из многокомпонентного сплава изготовлены: пластинчатая прямоугольная накладка со штифтами (рис. 64: 452); толстая пластина (рис. 43: 483); круглая заклепка (рис. 36: 814). Цинкосодержащие сплавы из этой выборки характеризуются долей цинка в сплавах в пределах от 5,23 до 8,14 % и низкими концентрациями как олова, так и свинца (до 4 %) (табл. 7).

Тройная бронза, из которой изготовлены Т-образная бляшка (рис. 66: 612), круглая пластинчатая накладка (рис. 66: 779), ажурный наконечник пояса геральдического стиля (рис. 117: 798), коробчатая подвеска («звездчатая») (рис. 36: 819) и поясной наконечник (рис. 31: 474), наоборот, характеризуется высоким процентным содержанием легирующих компонентов, прежде всего, олова (табл. 7). В тройной бронзе фиксируется олово на уровне от 10,74 до 37,23 % (среднее значение на уровне 24 %), свинец на уровне от 2,68 до 21,65 % (среднее значение на уровне 10 %).

Инструментарий и бытовые предметы (9 экз.), документированно относящиеся к раннесредневековому времени, представлены

серией матриц для тиснения, четырехгранным шилом, иглами и уникальной находкой византийской гирьки-экзагия, использовавшейся для взвешивания золотой монеты (Обломский, Швырев, 2018).

Маркированный экзагий (рис. 31: 388) изготовлен, как и большинство исследованных из выборки предметов, из многокомпонентного сплава (CuZnPbSn) со средним процентным содержанием цинка (6,92 %) и такими же значениями по содержанию олова и свинца (табл. 7). Понятно, что гирька была отлита из сплава, полученного в результате многократной переплавки цинкосодержащего лома цветного металла, выступавшего в качестве сырья (Pollard et al., 2015, p. 706). Интересно, что эти данные по содержанию легирующих компонентов сплава (в частности, цинка) гирьки-экзагия в целом сопоставимы с результатами по составу металла, полученными для слитка, найденного в слое первой половины III в. н.э. на поселении Паниковец-1 (Обломский, Сапрыкина, 2019, табл. 2: № 4, 12).

В то же время в рассматриваемой выборке присутствуют предметы, изготовленные из двухкомпонентной латуни (CuZn): это игла (рис. 64: 440), где содержание цинка фиксируется на уровне 8,31 %, и четырехгранное шило (рис. 64: 302) с цинком в пределах 13,32 %. Другая игла (рис. 64: 533) изготовлена из медной кованой проволоки.

В выборке исследовался также химический состав металла матриц. Анализировались матрицы для тиснения бляшек (рис. 31: 249, 502), наконечников поясных (рис. 31: 337; 64: 376), фибул (рис. 31: 475; табл. 7). Как видно из гистограммы (рис. 192), для их изготовления было использовано два типа сплава.

Из многокомпонентного сплава (CuSnPbZn) отлита матрица для изготовления пальчатых фибул (рис. 31: 475); по основным концентрациям элементов видно, что сплав был получен путем сплавления лома цветного металла, возможно, с дополнительным введением олова (Zn — 3,57 %; Sn — 15,84 %; Pb — 5,45 %).

Из тройной бронзы изготовлены четыре изученные матрицы бляшек и наконечников. В этой небольшой выборке, как представляется, выделяются два разных набора матриц: так, матрицы бляшки (рис. 31: 249) и наконечника (рис. 31: 337) изготовлены из низколегированной бронзы, а две другие матрицы (для бляшки и наконечника: рис. 64: 376; 31: 502) отлиты из высоколегированного оловом (26,76 %, 36,76 %) сплава. Скорее всего, из Стаево-5 происходит комплект матриц, использовавшийся мастерами для изготовления ременных наборов с определенной комбинацией бляшек и наконечников. Две из этих матриц предназначались для тиснения пластинчатых бляшек и наконечников (рис. 31: 249, 337), а две другие — для получения оттисков в глиняных формах, что необходимо для отливки вещей (рис. 64: 376; 31: 502). В пользу последнего предположения косвенно свидетельствует высокое содержание олова в сплаве двух матриц, предназначенных для отпечатывания в формах: при содержании в сплаве олова выше 20 % использование матриц для тиснения пластин крайне затруднено (Кащенко, 1937, с. 1617; Равич, 1983, с. 139).

Сырье, полуфабрикаты и отходы ювелирного комплекса конца V — VII в. на поселении Стаево-5

Ювелирный комплекс поселения Стаево-5 включает большое количество разнообразных отходов производства, полуфабрикатов и разного рода металлического сырья. Стратиграфически эти находки невозможно однозначно соотнести с металлообработкой раннесредневекового или более раннего времени; некоторое хронологическое ранжирование нами было проведено на основе результатов анализа состава металла этой категории вещевого материала.

РФА анализ металла выполнен для 248 предметов из этой выборки: это, преимущественно, выплески металла округлой или аморфной формы, обрезки кованых пластин, фрагменты кованых дротов, рубленые стенки котлов, фрагменты изделий, слиточек металла и другие категории. Результаты исследования химического состава цветного металла предметов дают нам бесценный материал для характеристики сырьевой базы непосредственно самого металлообрабатывающего комплекса, существовавшего на поселении Стаево-5.

Как видно из представленной гистограммы (рис. 193), в этой выборке присутствуют следующие типы металлов и сплавов (ранжирование выполнено на основании типологии и классификации сплавов с порогом легирования в 0,1 %): это так называемые чистая медь и чистый свинец, свинцовая и оловянная бронзы (CuPb, CuSn), тройная бронза (CuSnPb), многокомпонентный

сплав (CuSnPbZn), двойная латунь (CuZn) и свинцовая латунь (CuZnPb). Доминирующее положение в выборке занимает тройная бронза (CuSnPb) — 148 предметов, далее следует свинцовая бронза (CuPb) — 32 предмета, так называемая чистая медь — 22 предмета, двухкомпонентная латунь — 7 предметов. Другие типы металлов и сплавов, зафиксированные в выборке, представлены единичными экземплярами.

Группа тройной бронзы (CuSnPb), самая многочисленная в выборке, представлена выплесками, коваными пластинами и дротами (прутиками), рублеными стенками котлов, обломками нескольких изделий и единичным фрагментом слитка металла (рис. 194).

Основное количество проанализированного материала из этой группы принадлежит выплескам, найденным в культурном слое и объектах раскопа 6, откуда происходят и находки фрагментов тиглей. Тройная бронза, использовавшаяся на поселении Стаево-5, отличается повышенным содержанием олова (рис. 195; min/max — 1,26–62,26 %, среднее значение 21,86 %); в выборке не менее 30 выплесков характеризуются концентрациями олова от выявленного среднего значения до максимального. Содержание свинца в этих сплавах варьирует в пределах от 1,38 до 36,66 % (среднее содержание на уровне 12 %). Среди основных микропримесей зафиксированы железо, цинк, мышьяк, серебро, сурьма (табл. 7).

По соотношению легирующих компонентов вполне сопоставимыми оказались данные по содержанию олова и свинца в тройной бронзе прутиков и пластин, происходящих из культурного слоя поселения (рис. 196). Содержание олова в их металле фиксируется на уровне от 1,7 до 44,35 % (среднее значение — 19,33 %), свинца — в пределах от 2,76 до 47,89 % (среднее значение — 12,3 %).

В то же время такие предметы, как слиток и рубленые толстые пластины (стенки котлов, которые традиционно считаются еще одним источником металла), дают немного иную картину (табл. 7). Так, слиток относится к низколегированной как оловом, так и свинцом тройной бронзе. А состав металла стенок котлов демонстрирует содержание олова на уровне от 1,1 до 7,87 %, свинца — в пределах от 1,7 до 20,04 % (среднее — 8,2 %).

Группа свинцовой бронзы (CuPb), вторая по численности, представлена преимущественно пластинами (скорее, отходами производства); единичные пробы относятся к выплескам, дротам, стенкам котлов (?). Олово, как и железо, никель, цинк, мышьяк, серебро и сурьма, здесь относятся к микропримесям сплава. Содержание свинца зафиксировано на уровне 3,25 % (min/max 1,09–10,29 %). Возможно, что большая часть предметов из этой группы может быть отнесена не к свинцовой бронзе (искусственно легированному сплаву), а к так называемой грязной (черновой) меди, не очищенной от естественно сопутствующей присадки свинца, переходящей в медь из руды. Соответственно, количество проб, относящееся к меди, может быть расширено. ***«Чистая» медь (Cu)*** в данной выборке также оказалась представлена преимущественно пластинами и обрезками; выплески и здесь единичны. Микропримеси аналогичны зафиксированным в других группах сплавах; свинец присутствует здесь также на уровне микропримесей.

Многокомпонентный сплав (CuSnPbZn) зафиксирован в выплесках, дротах и прутках, а также пластинах, происходящих из культурного слоя поселения Стаево-5. Содержание цинка в этом сплаве зафиксировано на уровне от 1,3 до 8,77 %, олова — от 3,45 до 22,97 %, свинца — 2,37–11,55 %. По содержанию цинка (среднее значение 4,5 %) сплав представляет собой переплавленный лом цветного металла, вероятно, как и тройная бронза, дополнительно разбавленный оловом (возможно, также свинцом). Такое же низкое содержание цинка (среднее значение на уровне 6,9 %) отмечается и для свинцовой латуни ***(CuZnPb)***, из которой также были изготовлены прутки и пластины, найденные на поселении.

Здесь необходимо отметить наличие в выборке довольно редкой для этого хронологического периода группы двухкомпонентных ***латуней (CuZn)*** с содержанием цинка от 5,14 до 14,3 %, представленных 7 предметами с содержанием цинка от 5,14 до 15,86 %: кованым дротом (рис. 31: 275; 42: 585), кованой пластиной (рис. 60: 71), заклепками (рис. 31: 228; 59: 150), пластинчатым изделием (рис. 41: 252) и фрагментом пластины (рис. 40: 84). Из этой серии выделяется пластина (стенка сосуда?), где содержание цинка зафиксировано на уровне 30,22 %. Такое высокое процентное содержание цинка свидетельствует, прежде всего, в пользу того, что сплав был получен путем сплавления трудно получаемого металлического цинка с медью (Kharakwal, Gurjar, 2006, p. 149). Объекты с таким высоким содержанием цинка известны по материалам раннего железного века (как правило, в материалах из Южной

Азии) (Kharakwal, Gurjar, 2006, p. 149–150); такое же высокое содержание цинка в этом регионе фиксируется в сплавах, полученных методом цементации металлического цинка, датируемых V–VI вв. и более поздним временем (Craddock et al., 1983; Kharakwal, Gurjar, 2006, p. 151). В позднесредневековое — Новое время производство таких сплавов этим же методом с содержанием цинка до 33% освоили и в Европе (Dungworth, White, 2007). Конечно, нельзя полностью исключить попадание в материалы раннесредневекового времени из Стаево-5 пластины, изготовленной из высокоцинковой латуни на территории Индии или Пакистана; однако нам представляется наиболее вероятной версия с датировкой сосуда позднесредневековым периодом — Новым временем.

Зафиксированная для раннесредневекового ювелирного комплекса номенклатура металлов и сплавов хорошо коррелируется с данными, полученными при исследовании предметов, найденных в ходе раскопок поселения в заполнении археологических объектов. Так, украшения и предметы одежды из Стаево-5 изготовлены из тройной бронзы (CuSnPb), многокомпонентного сплава (CuSnPbZn), свинцовой латуни (CuZnPb), из меди или из «загрязненной» меди (свинцовой бронзы), оловянной бронзы (рис. 197). Результаты исследования металла выплесков, прутков и других отходов производства (найденных в заполнении археологических объектов) также хорошо сопоставимы с полученными данными.

Результаты исследования закрытых тиглей методами РФА и нейтронной томографии крайне интересны. Они более полно характеризуют номенклатуру металлов и сплавов, использованных для плавки и литья в ювелирных комплексах поселения Стаево-5. Корректная идентификация плавильных инструментов, следов их использования может помочь в дальнейшем в правильной интерпретации мастерских и реконструкции организации их работы.

Исследованные тигли происходят из наземной постройки раскопа 6 («объект 4», яма А). Сохранность их фрагментарная. Они имеют сильно ошлакованную поверхность, в их внутренних объемах не фиксируется присутствие металла, за исключением отдельных фрагментов.

Экземпляры из выборки представляют собой приплюснутые купели с носиком и небольшим хвостиком с противоположной стороны для прихвата щипцами. Такие тигли относятся к закрытому типу; в классификации, предложенной Дж. Бейли и Т. Реreном, они относятся к типу тиглей «с ручкой и ободком, зажатыми вместе» (Bayley, Rehren, 2007, p. 48, fig. 3d). Тигли подобных форм известны на разных территориях, использовались в разное время: они найдены в позднеримских и раннесредневековых материалах на Британских островах (Bayley, Rehren, 2007, p. 48, fig. 3d), на острове Хельго (Holmqvist, 1976), на территории Венгрии (Merva, 2017, p. 29, fig. 14-3), в материалах из раскопок Великого Новгорода, Гнездово, Владимира и др. (Eniosova, Mitoyan, 2005, p. 329, fig. 3; Eniosova, Rehren, 2012, p. 217, fig. 13.7; и др.).

Форма таких тиглей обеспечивает увеличение теплопередачи снизу при одновременном снижении потерь тепла с верхней поверхности расплава; именно поэтому тигли имеют такую закрытую форму и тонкие стенки. Ручка и носик, частично сохранившиеся на стаевских экземплярах, обеспечивают более точную заливку расплавленного металла в литейную форму без существенной теплопотери (Bayley, Rehren, 2007, p. 47). Особая форма донной части тиглей позволяла использовать их в печи, просто помещая в груду раскаленного угля; она также позволяла увеличить восстановительные условия в тиглях. Закрытая форма таких тиглей обеспечивала необходимые условия для процессов цементирования.

Аналогичные найденным в заполнении наземной постройки раскопа 6 (яма А) тигли происходят из ям 2, 3 и 13 ювелирной мастерской конца IV — начала V в. с поселения Сокол черняховской культуры, на среднем течении р. Днестр (Вакуленко, 2014, с. 217, рис. 9)[1]. На стаевских тиглях не сохранилась их верхняя часть в виде «высокого гребня», внешняя сторона тиглей имеет ярко выраженные следы воздействия высоких температур в виде остекловывания поверхности, предшествующей процессу плавления глинистых минералов (1000–1500°С) (Грим, 1967, с. 155). На большинстве тиглей визуально присутствие следов металла не фиксируется; для их поиска нами были использованы такие методы исследования, как нейтронная томография и дифракция. Эти методы позволяют определить присутствие разных по плотности и составу объектов во внешнем и/или внутреннем объеме исследуемых предметов.

[1] См. также аналогии, которые приводятся в главе 2.

Нейтронное томографическое исследование было проведено для нескольких тиглей из выборки (рис. 63: 702, а также из ямы А в наземной постройке «объект 4» и из объекта 34). Четыре фрагмента тиглей из ямы А были дополнительно исследованы методом нейтронной дифракции для поиска и определения соединений на их стенках, которые можно было бы связать с процессом литья и использования определенных типов металлов и сплавов. Метод позволил изучить фазовый состав и пространственное распределение химических компонентов в объеме фрагментов тиглей.

Пространственное распределение внутренних фазовых компонентов исследуемых фрагментов тиглей исследовалось с помощью метода нейтронной томографии. Известно, что коэффициент ослабления нейтронного пучка (Searf, 1992) со средней длиной волны нейтронов λ~2 Å для меди составляет Σ_{Cu}=0,09 см$^{-1}$. Это значение на порядок больше, чем соответствующий коэффициент для кварца: Σ_{SiO2}=0,004 см$^{-1}$. В этом случае ожидается формирование высокого радиографического контраста в экспериментах по нейтронной радиографии и томографии. Следует отметить, что при анализе томографических трехмерных данных следует учитывать малый объем исследуемых образцов. Тем не менее явственно было обнаружено неравномерное распределение объемов фаз с доминирующим содержанием меди в сравнении с основной кварцевой фазой (рис. 198).

Уже на нейтронных радиографических изображениях наблюдаются хорошо различимые сравнительно крупные объекты с высоким содержанием меди или других металлов в приповерхностном слое тигля. Размер этих областей не превышает 1–3 мм. Из данных нейтронной томографии можно оценить объемную долю медносодержащих компонентов в кварцевом материале фрагмента тигля №3: 6,2%.

В другом фрагменте тигля также наблюдается наличие дополнительной фазы с доминированием медносодержащих компонентов (рис. 199). В данном случае эта фаза находится более глубоко в объеме кварцевой матрицы и занимает до 15% от общего объема исследуемого фрагмента тигля.

На рис. 200 представлены нейтронные дифракционные спектры, полученные для исследованных трех фрагментов тиглей. Большинство дифракционных рефлексов на нейтронных спектрах соответствует фазе кварца: тригональной фазе с пространственной группой $P3_121$ и параметрами элементарной ячейки в гексагональной установке a=4,913(2) Å и c=5,404(2) Å.

Помимо кварцевой фазы на нейтронных дифракционных спектрах фрагментов тиглей обнаружены дополнительные дифракционные рефлексы. Так, на дифракционных спектрах образцов №1 и 3 обнаружены рефлексы на dhkl~1.75, 2.02 и 3.1 Å, которые могут соответствовать тетрагональной фазе оксида свинца PbO (Schoenung, 2008). Кристаллическая структура этой фазы описывается пространственной группой P4/nmm, а параметры элементарной ячейки составили a=3,990(4) Å и c=5,010(3) Å. Кроме этого, обнаружены дифракционные пики для сложного сплава Cu_6Sn_5 (Leineweber, 2020) с низкосимметричной моноклинной фазой $C1_2/c1$ и параметрами кристаллической ячейки a=11,036(2) Å, b=7,288(3) Å, c=9,841(2) Å и β=98,8(4)^0. Из данных нейтронной дифракции можно оценить относительные объемы дополнительных фаз. Так, для фрагмента тигля №2 доля фазы оксида свинца составляет ~6%, а для образцов №1 и 3 — ~2 и 3% соответственно. Максимальный объем до 5% сплава Cu_6Sn_5 наблюдается для фрагмента №2, для других образцов доля этой фазы не превышает ~2%.

В четвертом фрагменте тигля также обнаружены дифракционные пики, соответствующие дополнительным фазам PbO и Cu_6Sn_5. Однако для этого образца наблюдается заметно большее содержание медно-оловянного сплава — до 12%, в то время как содержание оксида свинца не превышает 2% (рис. 201).

Для определения качественных показателей сплавов, плавившихся в исследованных тиглях, был выполнен РФА-анализ небольших конгломератов с внутренних сторон стенок из ямы А («объект 4»); анализ выполнялся также на РФА-спектрометре M4 Tornado (Bruker). Результаты представлены в виде таблицы (табл. 8). На внутренней стороне тиглей в соскобах зафиксировано присутствие таких элементов, как Cu, Sn, Pb; цинк — в следовых концентрациях. По вариациям присутствия этих элементов в образцах можно предположить, что в изученных тиглях могла производиться плавка меди, оловянной бронзы (CuPb) и тройной бронзы (CuSnPb); относительно использования изученных тиглей для плавки цинкосодержащих сплавов полученных данных на данный момент недостаточно. Документировано использование тиглей для плавки (сплавления) на поселении Стаево-5 такого типа сплава,

как высокооловянная тройная бронза: в одном из исследованных фрагментов тиглей были зафиксированы повышенные концентрации олова (от 8,11 до 43,04 %; среднее — 22–26 %).

В то же время наличие в слое поселения Стаево-5 выплесков из многокомпонентного сплава свидетельствует в пользу обработки (литья) цинкосодержащих сплавов на территории самого поселения; тигли подобной стаевским формы, как уже говорилось выше, являются наиболее продуктивными для этого. Аналогичные тигли на поселении Сокол использовались для литья серебра и латуни, что задокументировано результатами анализа состава следов металла из внутренних полостей тиглей методами атомно-абсорбционного и рентгеноспектрального анализов (Вакуленко, 2014, с. 217–218).

Сырьевая база ювелирного раннесредневекового комплекса на поселении Стаево-5, таким образом, может быть охарактеризована данными из нескольких источников: это результаты анализа химического состава металла украшений и деталей одежды, найденных в ходе раскопок на поселении; данные анализа предметов, характеризующих цветную металлообработку поселения — выплесков, полуфабрикатов и отходов производства; а также результаты исследования остатков металла во внутренней части тиглей, найденных в сооружении, которое может быть отождествлено с ювелирной мастерской конца V — VII в. (рис. 202).

Методом сопоставления полученных данных можно документировать типы металлов и сплавов, с которыми работали в ювелирных мастерских на поселении.

Прежде всего, это тройная бронза (CuSnPb), абсолютно доминирующая в обоих выборках (и по предметам, украшениям, и по выплескам); характерной чертой выборки является также большое количество выплесков, состав металла которых относится к многокомпонентному сплаву (CuZnSnPb). Среди выплесков, дротов и прутков, пластин зафиксировано также наличие таких металлов и сплавов, как чистая и так называемая черновая медь, свинец и легкоплавкий сплав, свинцовая латунь (CuZnPb). Следует отметить, что наличие в аналитической выборке большого количества выплесков однозначно документирует работу литейного комплекса на территории поселения Стаево-5. Выделенная для выплесков номенклатура металлов и сплавов коррелирует также с номенклатурой сплавов украшений и предметов одежды, вошедших в анализируемую выборку; возможно, что часть исследованных предметов действительно была изготовлена непосредственно на поселении.

Одной из ярких характеристик металлообрабатывающего комплекса Стаево-5 является литье цинкосодержащих сплавов, особенно — двухкомпонентной латуни (CuZn) (рис. 202): документированные выплески из культурного слоя содержат цинк от 5,14 до 14,3 %. Пока нет данных, которые позволили бы предположить получение латуни на поселении Стаево-5 путем цементации; однако вполне можно предположить, что в ювелирном комплексе поселения осуществлялась переплавка цинкосодержащего сырья (скорее всего, фрагментов сосудов, прутков и кованых дротов из выборки, где фиксируется высокое содержание цинка в сплаве). Находки тиглей специфической формы также свидетельствуют в пользу этого предположения.

Вполне вероятно, что площадки ювелиров, выявленные на поселении Стаево-5, могут быть интерпретированы как остатки интенсивного сезонного производства мобильными профессиональными мастерами, изготавливавшими металлические предметы для продажи на периодических рынках (Söderberg, 2004, p. 116). Нельзя, конечно, исключить, что ювелирные мастерские, функционировавшие на поселении, в какой-то мере предназначались и для так называемого домашнего бытового литья, по определению К. Р. Хедегаард (Hedegaard, 1992). На это указывают находки простых форм ювелирных украшений, наличие на отдельных украшениях следов ремонтных работ (пайка), а также некоторого количества заклепок, тонких прутиков и проволоки, использовавшихся преимущественно при ремонтных работах. Нельзя также полностью исключить, что обработка металлов в раннесредневековое время носила смешанный характер: в определенный период к постоянно работавшим на поселении мастерам «широкого профиля», осуществлявшим мелкие и ремонтные работы по металлу, присоединялись высокопрофессиональные мастера, работавшие с большей номенклатурой металлов и сплавов в разных техниках.

Цветная металлообработка Окско-Донской равнины, куда относится и ювелирный комплекс поселения Стаево-5, таким образом, показывает достаточно широкую сырьевую базу. Дополнительной характеристикой возможных изменений в ресурсной базе могут служить результаты исследования химического состава цветного

металла с многослойного поселения Ксизово-19 (Задонский р-н Липецкой обл.), раскопки которого проводились А. М. Обломским в 2008–2010 гг. (Острая Лука, 2015, с. 75–164). Памятник представляет собой поселение и могильник, расположенные на одном участке, причем культурные отложения поселения перекрывают более ранние захоронения (эпохи бронзы и раннего железного века), а погребения гуннского периода оказались впущенными в слой поселения позднеримского — гуннского времени. Кроме того, на поселении был зафиксирован также материал древнерусского времени (Острая Лука, 2015, с. 134–135). На территории поселения была найдена коллекция украшений, предметов одежды, отходы производства, выплески металла и другие категории, характеризующие наличие на памятнике ювелирной мастерской конца IV — V в. (Острая Лука, 2015, с. 108).

Украшения и предметы одежды позднеримского — гуннского времени из Ксизово-19 (преимущественно фибулы, браслеты, детали поясных наборов) были исследованы методами безэталонного РФА (аналитик — Р. А. Митоян, МГУ) и РЭМ-ЭДС (аналитик — Г. Юрков, ИМЕТ РАН). В отличие от выборки с поселения Стаево-5, доминирующим сплавом, из которого было изготовлено значительное количество вещей в Ксизово-19, является многокомпонентный сплав (CuZnSnPb) — 22 предмета (в основном фибулы разных типов). В многокомпонентном сплаве Ксизово-19 содержание цинка фиксируется в пределах от 2,38 до 23,22 % (среднее значение — 7,9–8 %). В выборке также зафиксировано присутствие предметов из тройного сплава (CuSnPb — 9 пр.: булавки, браслет, накладки, фибулы); свинцовой латуни (CuZnPb — 5 пр.: фибулы, пряжки); оловянной бронзы (CuSn — накладка), двойной латуни (CuZn — фибула), серебро с медным сплавом (фрагмент фибулы).

Сырьевая база ювелирного комплекса Ксизово-19 также может быть охарактеризована по выплескам, отходам производства, полуфабрикатам. В этой выборке доминирует «чистая» медь — 9 пр., свинцовая бронза (CuPb) — 6 пр., многокомпонентный сплав (CuZnSnPb) — 2 пр., тройная бронза (CuSnPb) — 2 пр., двойная и тройная (свинцовая) латуни. Выплески фиксируют использование на Ксизово-19 таких сплавов, как двойная латунь, свинцовая бронза, тройная бронза, а также меди. Разнообразные пластины, заготовки предметов, отходы производства фиксируют использование в цветной металлообработке в раннесредневековое время также таких сплавов, как свинцовая латунь, свинцовая бронза и медь. Небольшая серия пинцетов изготовлена из многокомпонентного сплава с содержанием цинка 9,29–11,64 % и из меди, в том числе так называемой черновой.

Сопоставляя полученные данные по химическому составу предметов и отходов производства из Стаево-5 и Ксизово-19, необходимо отметить присутствие в обеих выборках таких металлов и сплавов, как «чистая» и «черновая» меди, оловянной бронзы, свинцовой бронзы, свинцовой латуни, многокомпонентного сплава и тройной бронзы, а также двойной латуни и серебра (серебросодержащих сплавов) (рис. 203). Однако эти две выборки демонстрируют различные сырьевые базы цветной металлообработки конца IV — V в. и конца V — VII в.: металлообработка раннего Средневековья (Стаево-5) базируется на тройной бронзе, доля меди, многокомпонентного и других типов сплавов значительно меньше. Металлообработка лесостепного Подонья в гуннское время (Ксизово-19) демонстрирует преимущественное использование многокомпонентных сплавов, при этом доля меди в выборке также значительна.

Имеются существенные отличия в рецептуре сплавов одной группы: в отличие от ксизовской выборки, тройная бронза с поселения Стаево-5 относится к сплавам, высоколегированным оловом. А в отличие от раннесредневекового ювелирного комплекса на Стаево-5, на поселении Ксизово-19 в гуннское время использовались цинкосодержащие сплавы с более высоким, чем в стаевской выборке, средним содержанием цинка. Выборка из Ксизово-19 по своему составу (номенклатуре металлов и сплавов) и содержанию основных легирующих компонентов сплавов (преимущественно, олова и цинка) более близка к данным по химическому составу цветного металла, полученным по материалам черняховской культуры (Барцева и др., 1972, с. 58–59, 83–105).

Вполне вероятно, что в ювелирном комплексе поселения Стаево-5 мы фиксируем дальнейшее развитие во времени этих «постчерняховских» традиций цветной металлообработки, однако уже с местными вариациями. Одной из основных особенностей цветной металлообработки конца V — VII в., как уже упоминалось выше, является доминирование высоколегированных тройных бронз и «чистой» и/или «черновой» меди, а также свинцовой латуни. Сплавы с цинком здесь

занимают более скромное место, но, судя по результатам исследования, на поселении велась их плавка, и, вероятно, происходило разбавление латуней (двойных и тройных) высоколегированной оловом двойной и тройной бронзой. Сами цинкосодержащие сплавы характеризуются более низким, по сравнению с Ксизово-19, содержанием цинка; в целом это находится в русле общей тенденции развития раннесредневековой цветной металлообработки в лесной зоне (Сапрыкина, 2018). Возможно, на сложение и развитие традиций цветной металлообработки на поселении Стаево-5, скорее всего, оказала влияние и близость к северопричерноморской зоне, характеризующейся высокими концентрациями олова в сплавах на основе меди.

Глава 10

Технологическая характеристика железных изделий из Стаево-4 и Стаево-5

В. И. Завьялов (Москва)

С самых ранних периодов железного века производство и обработка черного металла играли решающую роль в жизни социума. В настоящее время получены значительные результаты по истории развития металлообрабатывающего производства различных регионов Восточной Европы от переходного периода от бронзового века к железному и до позднего Средневековья (Вознесенська и др., 1996; Завьялов, 2005; Завьялов и др., 2007; 2009; 2012; Завьялов, Терехова, 2013; Терехова и др., 1997). На этом фоне наименее исследованным остается период раннего Средневековья (третья четверть I тыс. н.э.).

Уникальный раннесредневековый комплекс поселений в верховьях р. Воронеж у с. Стаево Мичуринского р-на Тамбовской обл., исследованный А. М. Обломским, имеет большое значение для изучения особенностей раннесредневековой черной металлургии и кузнечного ремесла. Это объясняется не только значительным числом обнаруженных на поселениях Стаево-4 и Стаево-5 артефактов из черного металла, но и зафиксированными на Стаево-4 комплексами, связанными с получением и обработкой железа (Обломский, 2018а). В этой связи следует обратить внимание на объекты № 11 и 13 на поселении Стаево-4. Оба они расположены на берегу оврага, что характерно для топографии размещения металлургических мастерских. Кроме того, в обоих объектах отмечена концентрация металлургического шлака (конгломерата).

Методы

Не вызывает сомнений факт, что традиционный археологический подход к изучению металлических артефактов имеет определенные ограничения, поскольку он не раскрывает заложенной в предметах информации о технологии и способах изготовления, т. е. о мастерстве, знаниях и навыках мастера, и в конечном итоге о производственной культуре конкретного социума. Получение подобной информации стало возможным с внедрением в археологию методов металлографического исследования. Неоценимая заслуга в адаптации технической металлографии к изучению археологических объектов принадлежит известному российскому ученому Борису Александровичу Колчину (1914–1984).

В основе археометаллографического метода лежит выявление технологической схемы изготовления предмета, которая отражает характер используемого сырьевого материала и последовательность технологических операций. Обобщение результатов проведенных исследований позволяет перейти к построению историко-технологических концепций с выходом на социально-экономические проблемы. Таким образом, металлические артефакты становятся полноценным историческим источником.

Для получения наиболее полной информации о характере и уровне металлургического производства на рассматриваемых поселениях было предпринято комплексное изучение артефактов,

связанных с черной металлургией и металлообработкой, а также самих изделий.

Исследование началось с определения химического состава образцов шлака и металлургического конгломерата из поселения Стаево-4. Работы проводились с использованием рентгенофлуоресцентного метода в лаборатории реставрации Института археологии Академии наук Чешской Республики (Прага)[1] на анализаторе NITON XL3t GOLDD+. В результате в образцах было установлено процентное содержание основных элементов (табл. 9).

Визуальный осмотр коллекции железных предметов из поселений Стаево-4 и Стаево-5 показал удовлетворительную сохранность металла и пригодность большинства артефактов для археометаллографического изучения. Исследование проводилось в кабинете археометаллографии Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН по методике, разработанной сотрудниками лаборатории Н.Н. Тереховой, Л.С. Розановой и В.И. Завьяловым (Завьялов и др., 2012, с. 12–14; Завьялов, Терехова, 2013, с. 32–34; Завьялов, 2016, с. 261–267). Шлифы, вырезанные из рабочих частей артефактов, после полировки и травления реактив**ом** ниталь (4% раствор азотной кислоты в этиловом спирте) просматривались на металломикроскопе ММР-2Р при увеличениях 70х, 150х и 490х. Микротвердость измерялась на микротвердомере ПМТ-3 при нагрузке 100 г. Фотографирование **микроструктур** проводилось на цифровую камеру для микроскопа серии ToupCam с последующей обработкой снимков в программе ToupVew 3.7. Нумерация анализов приводится согласно Книге регистрации образцов, поступивших в Лабораторию.

Результаты аналитических исследований

Анализ соотношения содержания железа, кремния (кремнезем) и алюминия (глинозем) (рис. 204) — главных составляющих металлургических артефактов — демонстрирует присутствие в исследованной коллекции двух групп: с высоким (выше 45%) содержанием железа (соответственно, низким содержанием кремния и алюминия): образцы 1187–1190, 1197–1199; и низким (ниже 45%) содержанием железа: образцы 1192–1196. Группа с низким содержанием железа является собственно шлаком, т.е. стекловидной массой, получившейся в ходе расплава пустой породы, основу которой составляют кремнезем (SiO_2) и глинозем (Al_2O_3). Группа с высоким содержанием железа представлена металлургическим конгломератом — механической смесью недоошлакованной пустой породы, перезакиси железа (магнетита Fe_3O_4) и мелких фрагментов восстановленного железа (корольков).

Таким образом, результаты рентгенофлуоресцентного исследования свидетельствуют о присутствии на поселении Стаево металлургического производства, в ходе которого наряду с рудой возможно использовался и металлургический конгломерат, полученный в ходе предыдущих плавок. О возможности вторичной переработки отходов металлургического производства писали Б.А. Колчин (Колчин, Круг, 1965) и А. Эспелунд (Espelund, 2005). Получение железа из металлургического конгломерата было подтверждено также в ходе экспериментальных работ (Zavyalov, 2018). Кроме того, с определенной долей уверенности можно говорить о существовании на поселении и кузнечной мастерской (мастерских?).

Известно, что железо, полученное сыродутным способом, — очень чистый металл (содержание Fe может достигать до 99,98%). Все же фиксируемые при анализе микропримеси (за исключением фосфора) содержатся в шлаках — неотъемлемой части сыродутного процесса. В результате рентгенофлуоресцентного анализа железных изделий установлено, что шлаки в изделиях из Стаево-4 и Стаево-5 содержат такие микропримеси, как мышьяк, вольфрам, медь, титан, серу и в более значительных концентрациях (выше 0,1%) — фосфор и магний, а также кобальт (зафиксирован только в одном образце) (табл. 10).

Для решения вопроса о характерных чертах руды, из которой были изготовлены железные предметы, проведен сравнительный анализ содержания микропримесей в металле изделий. Анализ проводился по трем диагностирующим элементам, содержащихся как в шлаках, так и в изделиях — фосфору, титану и магнию. Результаты исследования представлены в виде графика (рис. 205). Нетрудно заметить, что титан в изделиях присутствует в минимальных количествах (до 0,07%). По содержанию магния образцы разделились на две группы: не содержащие

[1] Автор выражает глубокую признательность И. Гошеку за возможность провести анализы.

этот элемент (0% Mg) и с содержанием магния 0,9–3,2%. Аналогичная картина наблюдается и по содержанию фосфора: в этом случае также выделяются две группы: с высоким (0,32–0,55% P) и низким (0–0,17% P) содержанием микропримеси. Следует отметить, что содержание фосфора и магния коррелируются: образцы с высоким содержанием фосфора демонстрируют и более высокое содержание магния.

Содержание фосфора в железе очень важно, поскольку это один из немногих элементов, способных переходить в железо из руды при сыродутном процессе и влиять на качество черного металла. Известно, что фосфористое железо отличается повышенной твердостью и в определенной степени корозостойкостью. Но в то же время такой металл более хрупок по сравнению с обычным железом и требует знания режимов его обработки. К вопросу об изделиях из фосфористого железа я вернусь ниже после рассмотрения результатов археометаллографического исследования.

Сравнение распределения диагностирующих элементов в отходах металлургического производства и железных изделиях свидетельствует о сходстве рассмотренных показателей. Иными словами, абсолютное большинство найденных в Стаево железных артефактов являются местной продукцией.

Для проведения металлографического исследования из коллекции обоих поселений было отобрано 100 предметов, представляющие 16 категорий (табл. 11). Рассмотрение результатов анализов приводится по категориям, а внутри категорий — по технологическим схемам.

*Ножи***.** Всего исследовано 50 предметов. Наиболее многочисленны орудия, откованные из кричного железа (23 экз.; ан. 13323, рис. 59: 123; ан. 13310, рис. 32: 488; ан. 13319, рис. 28: 46; 206). Среди железных ножей по характеру использованного сырья выделяются две группы — ножи из обычного (с микротвердостью до 193 кг/мм^2) железа и изделия из фосфористого (с микротвердостью выше 193 кг/мм^2) железа (рис. 207: 1). Первая из этих групп представлена 14 ножами, вторая — восемью. Еще один нож (Стаево-4, №12, рис. 20: 6,7) продемонстрировал довольно любопытную технологию изготовления: заготовка орудия была сварена из двух полос — обычного и фосфористого железа (ан. 13285, рис. 207: 2), что дает основания говорить о целенаправленном использовании железа с повышенным содержанием фосфора.

В ходе сыродутного процесса наряду с кричным железом металлурги получали и так называемую сырцовую сталь. Такая сталь отличалась неравномерным и, как правило, невысоким содержанием углерода (рис. 206, ан. 13310; 32: 488), но в отличие от железа могла при определенных условиях (при содержании углерода выше 0,2%) принимать термообработку, что значительно улучшало эксплуатационные качества изделия. В исследованной коллекции ножи из сырцовой стали представлены 16 экземплярами. В эту же группу включен и предмет (ан. 13341; рис. 65: 90), представляющий черенок ножа с небольшим остатком клинка. Шлиф с полного поперечного сечения сохранившейся части клинка выявил структуры феррита и феррита с перлитом, типичные для сырцовой стали. Содержание углерода составляло 0,2–0,3%. Термообработанными оказались всего три ножа (рис. 207: 3), откованные из сырцовой стали, хотя у шести незакаленных образцов сталь содержала более 0,2% углерода, т. е. могла воспринять термообработку. Следует отметить невысокую микротвердость закаленных образцов (структура мартенсита, 193–420 кг/мм^2). Столь низкая микротвердость закаленной стали (обычно мартенсит имеет микротвердость выше 420 кг/мм^2), по-видимому, объясняется низким содержанием и крайне неравномерным распределением углерода в стали.

Два ножа (ан. 13315, рис. 32: 254; 13332, рис. 25: 1) откованы из специально науглероженных полуфабрикатов (цементованная сталь). Такая сталь отличалась сравнительно высоким (0,4–0,8% C) и равномерным распределением углерода (рис. 207: 4). Получали цементованную сталь путем дополнительного науглероживания полуфабриката. Процесс цементации требовал длительных временных и энергетических затрат (необходимо было поддерживать температуру не ниже 900°C в течение нескольких часов). Содержание углерода в исследованных образцах составляло 0,5–0,6%. Оба изделия были термообработаны — нож 13332 полностью закален (рис. 207: 5), а у ножа 13315 закалена была только режущая кромка.

Операцией по улучшению рабочих качеств орудия была цементация, которая заключалась в науглероживании лезвий уже готовых изделий. Этот прием использовался при изготовлении семи ножей. Содержание углерода на лезвии составляло от 0,4 до 0,6%. Лезвия двух ножей (ан. 13316, рис. 65: 380; 13333, рис. 27: 142) были закалены (рис. 207: 6).

Два ножа продемонстрировали технологическую схему наварки (вариант косой боковой наварки) стального лезвия на железную основу. Сварка обоих орудий проведена на высоком уровне. Лезвия ножей были закалены (ан. 13319, рис. 28: 35). Следует отметить, что подобная технология в Восточной Европе во второй половине I тыс. н. э. применялась крайне редко, и, скорее всего, была освоена лишь в крупных ремесленных центрах. В связи с незначительным количеством ножей с наварным лезвием и сравнительно высоким качеством их изготовления эти образцы можно рассматривать как импорт.

Топоры представлены обломками лезвий. Исследовано шесть экземпляров. Два орудия откованы из фосфористого железа (микротвердость феррита 206–254 кг/мм^2), один — из сырцовой стали с последующей закалкой лезвия. Заготовка топора №5 из Стаево-5А (ан. 13293, рис. 25: 5) была сварена после сгибания для формовки проушного отверстия (рис. 208). Окончательной операцией была резкая закалка. При изготовлении двух топоров использовались сварные технологии. Один образец (ан. 13351, рис. 33: 261) продемонстрировал технологию наварки стального лезвия на основу из сырцовой стали с последующей закалкой (рис. 209: 1). Основа другого орудия сварена из полос обычного железа, сырцовой стали и фосфористого железа. Таким образом, лезвие приобрело трехслойную структуру: железо по краям и сталь посередине.

Сельскохозяйственные орудия представлены *серпами*. Исследовано четыре экземпляра. Два из них (Стаево-4, ан. 13295, №3, рис. 20: 20; Стаево-5, ан. 13354, рис. 33: 415) откованы из кричного железа. В феррите образца 13354 наблюдается повышенное содержание фосфора (микротвердость 206–274 кг/мм^2). Один серп (ан. 13296, Стаево-4, №26, рис. 20: 21) откован из сырцовой стали. В результате ликвации микроэлементов на одном участке шлифа наблюдалась полосчатая структура (рис. 209: 2). Более высокие эксплуатационные свойства демонстрирует серп из Стаево-5 (ан. 13353, рис. 30: 4). После выковки это изделие подверглось цементации, а заключительной операцией была мягкая закалка.

Фрагмент широкого клинка со слабо изгибающейся спинкой из Стаево-5 может быть интерпретирован как обломок *косы* (ан. 13347, рис. 33: 506). Изделие отковано из фосфористого железа (микротвердость 221–274 кг/мм^2).

Оружие в исследованной коллекции представлено обломком однолезвийного *меча* из Стаево-5 (ан. 13348, рис. 35: 258) и *наконечниками стрел*. Ширина клинка меча составляла 3,5 см, толщина обушка 0,5 см. Клинок откован из сырцовой стали (содержание углерода до 0,3%; рис. 208) с повышенным содержанием фосфора (микротвердость ферритных участков 254–274 кг/мм^2).

Наконечники стрел (5 экз.) представлены разнообразными типами. Присутствуют и трехлопастные, и с широким пером (типа срезня), и с подтреугольным пером. Все наконечники откованы из кричного железа (рис. 209: 3).

Шилья или пробойники. Исследовано 6 экз. из Стаево-5. Один предмет откован из фосфористого железа (микротвердость 221–254 кг/мм^2), два из обычного кричного железа. При ковке трех других инструментов использовалась сырцовая сталь (рис. 209: 6), при этом два шила были закалены (ан. 13368, рис. 65: 498) (рис. 210).

Рыболовные крючки ковались из кричного железа (рис. 211), (Стаево-5А, ан. 13355, рис. 25: 6), фосфористого железа (Стаево-5, ан. 13357, рис. 69: 497; 209: 4) и сырцовой стали со следами перегрева (структура видманштетта; Стаево-4, №30, ан. 13304; рис. 20: 24; 209: 5). Последний крючок отличается тем, что в верхней части стержня по его бокам были нанесены насечки.

В коллекции железных предметов из Стаево-4 и Стаево-5 присутствует большое количество артефактов, интерпретируемых как различные инструменты. Их небольшие размеры свидетельствуют о применении в ювелирном или каком-либо другом (деревообрабатывающем, кожевенном), но не железообрабатывающем производстве.

Наиболее многочисленную часть этих инструментов составляют *пробойники* (9 экз.). Большинство пробойников отковано из кричного железа (Стаево-5, ан. 13374, рис. 94: 125; 210). При этом основным сырьем служило фосфористое железо. Повышенное содержание фосфора в металле позволило повысить микротвердость изделия до 236–254 кг/мм^2. Еще два пробойника откованы из стальных заготовок (Стаево-4, №6, ан. 13301, рис. 19: 20; 208; Стаево-5, ан. 13377, рис. 29: 85а; 210). Содержание углерода в металле составляет 0,3–0,4% у образца 13377 и 0,5–0,6% у образца 13301.

Инструмент (Стаево-4, №38, ан. 13303, рис. 19: 15), атрибутированный автором раскопок как *зубильце*, представляет из себя железный прямоугольный в сечении стержень длиной

около 13,5 см. Оба конца стержня уплощены. Для определения технологии изготовления предмета на обоих концах были сделаны продольные шлифы длиной около 1 см. В результате микроструктурного исследования было установлено, что на одном конце присутствует структура стали с содержанием углерода 0,2–0,4 %, а на другом, сваренном из двух полос, структура закаленной стали (мартенсит). Таким образом, именно закаленный конец можно считать рабочей частью инструмента. Следует отметить небольшое количество шлаковых включений, что свидетельствует о тщательной проковке заготовки. Сварной шов, зафиксированный на рабочем конце инструмента, скорее всего, не имеет технологического значения и свидетельствует о вытяжке и складывании заготовки при тщательной проковке изделия.

Два предмета из Стаево-5 были определены как *напильники* (ан. 13372, рис. 69: 462; 13376). Это небольшие пластинки длиной около 5 см и толщиной 0,5 см. Насечки (если они были) не сохранились. Оба предмета откованы из кричного железа со следами науглероженности металлургического происхождения и повышенным содержании фосфора (микротвердость 193–221 кг/мм^2 у образца 13372 и 181–236 кг/мм^2 у образца 13376). Если придерживаться высказанного в главе 2 определения предметов, то следует считать, что оба артефакта являются или заготовками напильников, которые предстояло процементировать для придания большей твердости инструментами, или предназначались для обработки каких-то сравнительно мягких материалов (но не металлов).

Два артефакта определены как предметы непонятного назначения. Один из них (Стаево-5, ан. 13375, рис. 29: 156) представлен стержнем с уплощенным и слегка выгнутым концом, возможно, является резцом. Образец полного поперечного сечения предполагаемой рабочей части продемонстрировал структуру сырцовой стали с содержанием углерода до 0,6 %. Металл инструмента тщательно прокован. Результаты металлографического анализа не противоречат высказанному предположению о назначении инструмента.

Еще один инструмент, вероятно, является *пробойником* (Стаево-5А, ан. 13379, рис. 25: 4). Это небольшой стержень прямоугольного сечения с сужающимся концом. Металлографический анализ продольного сечения этого конца выявил структуру хорошо прокованной стали с содержанием углерода 0,3 %.

О железообрабатывающем производстве на поселениях свидетельствуют находки *полуфабрикатов* и *заготовок*.

Один из полуфабрикатов (Стаево-5, ан. 13342, рис. 29: 145) представлен стержнем прямоугольного сечения длиной около 7 см, сужающимся к одному концу. Другой полуфабрикат (ан. 13345) имеет вид массивной пластины (длина 9 см, ширина 2 см, толщина 0,6 см) с сужающимися концами. Оба полуфабриката откованы из фосфористого железа.

Одна из заготовок, вероятно, предназначалась для изготовления ножа (Стаево-5, ан. 13344, рис. 33: 243). Это плоская полоса металла размерами 8,5 × 1 × 0,2 см. Откована заготовка из кричного железа.

Определить назначение другой заготовки (Стаево-5, ан. 13343, рис. 51: 116а) не представляется возможным — это небольшой фрагмент металла вытянутой формы. Заготовка откована из фосфористого железа.

Из деталей костюма проанализированы две булавки и язычок овальной пряжки из Стаево-5. Одна из булавок откована из сырцовой стали с содержанием углерода до 0,3 % (ан. 13364, рис. 34: 277; 211). В железе наблюдается повышенное содержание фосфора. Сырьем для другой булавки (ан. 13363, рис. 34: 356) послужило кричное железо с незначительными участками науглероженности металлургического происхождения. Из кричного железа оказался откован и язычок пряжки (ан. 13365, рис. 34: 531) (рис. 211).

Обсуждение результатов исследования

Археометаллографическое исследование кузнечной продукции из поселений Стаево-4 и Стаево-5 свидетельствует, что в целом технология изготовления железных изделий была довольно простой и ограничивалась обычными приемами свободной ковки. Основным сырьем местным кузнецам служили кричное железо, фосфористое железо и сырцовая сталь. При этом применялись простые кузнечные операции свободной ковки. Непосредственно из сырьевого материала без улучшения рабочих свойств предмета было отковано более 80 % исследованных предметов. Причем в эту группу попали и артефакты, функциональные особенности которых требовали более твердой рабочей части (ножи, пробойники, топоры, меч и т. п.).

Следует остановиться на использовании такого сырья, как фосфористое железо. Целиком из такого железа было отковано 26 изделий. Поскольку фосфор переходил в железо при сыродутном процессе из руды, а, как уже отмечалось, значительная часть предметов была откована из обычного железа, то из этого следует вывод о преднамеренном использовании металлургами двух различных типов руд (с высоким и низким содержанием фосфора). На это же указывает и корреляция содержания в изделиях фосфора и магния.

Видимо, с использованием преимущественно железа и сырцовой малоуглеродистой стали связано и редкое применение термообработки (всего было термообработано 15% изделий; в абсолютном большинстве случаев использовалась резкая закалка, реже — закалка с последующим отпуском). Но если учитывать предметы, сталь которых могла принимать закалку (т. е. изделия с содержанием углерода выше 0,2%), то термообработанными окажутся более 50% орудий. Таким образом, кузнецы, изготовившие рассматриваемые артефакты, хорошо представляли значение термообработки для улучшения рабочих свойств изделия.

С этой же целью применялась и цементация заготовок и готовых изделий (всего 15 артефактов). В основном это ножи (9 экз.). В эту технологическую группу входят также один серп, два пробойника, зубильце и оба не определенных инструмента.

Крайне редким приемом изготовления изделий в исследованной коллекции была технологическая сварка, позволявшая сочетать в орудии твердое стальное лезвие и вязкую основу. Этот технологический прием будет широко распространен в кузнечном деле восточноевропейских мастеров в более позднее время — в эпоху Древней Руси. В исследованной коллекции обнаружено всего четыре предмета (два ножа и два топора). Из них два орудия были термообработаны. Редкость подобных изделий в рассматриваемой коллекции делает весьма вероятным предположение об их импортном происхождении.

Выводы

Выявление на поселении Стаево-4 комплексов, связанных с производством и обработкой черного металла, значительное количество найденных шлаков и металлургического конгломерата, широкий категориальный состав и большое количество предметов из черного металла, значительную долю среди которых составляют орудия труда и разнообразные инструменты, позволяют считать, что местные кузнецы полностью удовлетворяли потребность общины в железных изделиях. В целом коллекция железных изделий из поселений Стаево-4 и Стаево-5 представляет продукцию кузнецов невысокой квалификации. При этом следует отметить использование сырья из двух различных рудопроявлений (с высоким и низким содержанием фосфора).

Наиболее близким в культурном и хронологическом плане памятником, коллекция железных изделий которого исследована с помощью металлографического метода, является археологический комплекс Замятино. Исследование проведено М. М. Толмачевой (Острая Лука, 2004). Результаты аналитического исследования подробно рассмотрены в главе Р. В. Терпиловского (Острая Лука, 2004, с. 139–141). Итогом проделанной работы стал вывод, что железные и стальные изделия, происходящие из Замятинских поселений, по технологическим особенностям наиболее близки черняховским и провинциально римским (Острая Лука, 2004, с. 141). Можно отметить и черты сходства в технологии кузнечной обработки на поселениях Замятино и исследованной коллекции из Стаево. Прежде всего это наблюдается в характере используемого сырья — железо, фосфористое железо и сырцовая сталь. На большинстве орудий, сталь которых могла воспринять термообработку, фиксируются структуры закалки. Редким приемом улучшения рабочих свойств орудия была цементация (10% в Замятино и 14% в Стаево). Еще реже использовался такой материал, как цементованная (специально полученная) сталь (в Замятино изделия из такой стали на ножах не зафиксированы). Не могу согласиться с выводом М. М. Толмачевой, что кузнецами из Замятино хорошо была освоена сварка (Острая Лука, 2004, с. 102). В Замятино, как и в Стаево, орудия, и, в частности, ножи, изготовленные с помощью технологической сварки, единичны, и не исключено, что они являются импортными изделиями. Таким образом, обе исследованные коллекции железных артефактов демонстрируют определенную близость в технологии изготовления, что вполне согласуется и с культурно-исторической близостью памятников.

Глава 11

Обзор коллекции костей животных из раскопок 2019 г. на территории торгово-ремесленного центра эпохи раннего Средневековья (VI–VII вв.) Стаево-5

Е. Е. Антипина (Москва)

Проводимые в течение четырех лет (2016–2019 гг.) раскопки на поселении Стаево-5 (Раннеславянская экспедиция ИА РАН, руководитель д.и.н. А. М. Обломский) выявили слабую насыщенность культурного слоя костями животных на фоне многочисленных и разнообразных по категориям археологических материалов — керамики, изделий из цветного металла, а также сырья и отходов бронзолитейного ремесла, орудий труда, быта и вооружения из железа и т. п., которые позволили археологам интерпретировать поселение как торгово-ремесленный центр эпохи раннего Средневековья.

В 2019 г. на разных участках и объектах раскопа 9 (площадь прирезки 384 кв. м) были собраны практически все обнаруженные обломки костей размером не менее 1 см. Представленная для изучения в лабораторию естественнонаучных методов ИА РАН остеологическая коллекция содержала 335 костных остатков (табл. 12). Проекция их числа на один кв. м раскопа 9 составляет 0,8 фрагмента, что подтверждает отмечаемую археологами для всего поселения малую насыщенность культурного слоя костями животных. Такая ситуация нередко является следствием неблагоприятных для органических материалов тафономических условий археологизации, а также перемещений культурных напластований в результате более поздней хозяйственной деятельности. Она может отражать к тому же масштабы и специфику использования или производственного назначения территории и даже продолжительность существования поселения. Поэтому в процессе исследования остеологического материала из Стаево-5 прежде всего были оценены такие его особенности, как тафономическое состояние и степень фрагментированности костей. В количественном выражении эти характеристики представлены двумя показателями — естественной сохранностью (ЕС) и индексом фрагментированности или раздробленности (ИФ, табл.12), методика фиксации и подсчета которых разработана и используется в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Антипина, 2004а; 2016). Одновременно была проведена анатомическая и таксономическая идентификация костных остатков, с фиксацией на качественном уровне возраста животных и индивидуальных особенностей их скелета.

Полученные результаты приведены в трех таблицах отдельно по шести выборкам, косвенно отражающим распределение костей животных по культурному слою и объектам. Статистические оценки для обсуждаемой коллекции не рассчитываются, так как она в количественном отношении не репрезентативна.

В археозоологии минимальный объем остеологической выборки, который считается представительным, должен составлять 300–400 определимых до вида костей (Косинцев, 1989; Антипина, 2004а). Однако при обсуждении представляемой коллекции на качественном уровне и в сравнении с информацией по поселенческим памятникам лесостепного Подонья гуннского времени удается обозначить некоторые реперы в использовании животных обитателями поселения Стаево-5.

Тафономическая (естественная) сохранность костей из раскопа 9 оказалась разной, хотя ее оценки находятся в сходном диапазоне от 3 до 1 балла по пятибалльной шкале, высший балл в которой фиксирует наилучшее тафономическое состояние костной ткани (Антипина, 2016). Несмотря на видимые в пределах каждой выборки различия костей друг от друга по этому параметру (столбец «сохранность», табл. 12), обобщенно худшую сохранность имеют обломки из культурного слоя, а кости из объектов сохранились лучше. Более того, в культурном слое, особенно в верхних его прослойках, раздробленность (фрагментированность) костных остатков существенно больше, чем в объектах: фиксируемый здесь самый высокий индекс означает, что в объеме 1 куб. дм поместились бы 78,5 относительно мелких костных фрагментов (столбец «ИФ», табл. 12). А в объекте 19 обнаружено всего три костных обломка, но они крупнее по размерам, и таких обломков в объеме 1 куб. дм поместится уже только 15 штук. Стоит отметить, что за единственным исключением (плюсна лошади из выборки — культурный слой 0,2–0,4 м) на всех костных фрагментах, как совсем мелких, так и более крупных, нет следов разрушения под влиянием биогенных и/или погодных факторов, которые возникают при нахождении кости в условиях поверхностного «активного» почвенного слоя с природной микробиотой. Практически все сломы и сколы на обломках имеют относительно древнее происхождение. Показателен и тот факт, что в культурном слое достаточно много сожженных костей (в среднем около 30%, табл.12). По-видимому, распашка территории памятника в XX в. все же не повлияла кардинально на состояние (тафономическую сохранность и фрагментированность) сохранившихся в культурном слое и объектах остатков костей животных, а их количество на раскопанной территории поселения действительно было крайне небольшим.

Проведенная таксономическая идентификация показала, что абсолютно все остатки в коллекции из Стаево-5 принадлежали млекопитающим и, прежде всего, копытным животным двух размерных групп — крупным и средним, с превалированием первой группы. Зафиксированное тафономическое состояние остеологического материала — от 3 до 1 балла — объясняет небольшую долю определимых до видового уровня обломков (в среднем 44%, табл. 12). Диагностированы кости пяти видов, это крупный рогатый скот (КРС) ***Bos taurus***, лошадь ***Equus caballus***, мелкий рогатый скот (овца или коза ***Ovis/Capra***) и свинья ***Sus domestica***, а также лось ***Alces alces*** (табл. 13). Две наиболее крупные по количественному объему выборки из культурного слоя (культурный слой 0,2–0,4 м) фиксируют полный набор из этих пяти видов. В формировании редуцированного видового набора остальных выборок из культурного слоя основную роль, несомненно, играет фактор случайности. Этот фактор также влияет и на соотношения остатков по видам во всех выборках из культурного слоя. Выборки же из объектов демонстрируют другую, вероятно, более реальную их специфику. Особенно это касается объекта 4, в верхнем темно-сером заполнении которого вместе с неопределимыми мелкими костными обломками обнаружен один верхний зуб лося и 13 костных фрагментов от одной лопаточной кости (рис. 212: А). В заполнении объекта 19 были всего три фрагмента двух костей (лопаточной и лучевой) крупного рогатого скота.

Анатомическая структура, полученная для домашних копытных, фиксирует присутствие в коллекции всех элементов скелета, что достаточно типично для кухонных остатков. Этот аспект становится ярче при рассмотрении неопределимых до вида костей, среди которых превалируют фрагменты от скелетов крупных домашних копытных. В анатомическом спектре этой группы максимальную долю составляют остатки из мясных частей туш (табл. 14). К тому же структура костной ткани практически всех этих костных остатков указывает на их принадлежность взрослым особям. Такое сочетание — кухонные остатки от мясных частей туш взрослых домашних копытных, в частности, КРС — позволяет на основе остеологического спектра предположить, что в обыденном мясном рационе жителей Стаево-5 важнейшим белковым продуктом была говядина.

Рассматриваемые особенности материалов из Стаево-5 (общий остеологический спектр

и предполагаемый мясной рацион) достаточно схожи с коллекциями из ремесленных усадеб Замятинского комплекса гуннского времени (конец IV — V в.), в которых также превалируют кости домашних копытных, главным образом, КРС. В количественном же отношении замятинские коллекции были вполне репрезентативны для того, чтобы рассчитать и обосновать максимальный вклад говядины в мясной рацион обитателей усадеб, а также реконструировать направления скотоводческой деятельности с преимущественным разведением именно крупного рогатого скота (Острая Лука, 2004, с. 106–120). Следует отметить и другие, хотя и единичные, особенности остеологических выборок из Стаево-5, которые опять же заставляют обратить внимание на материалы Замятинского комплекса. Это анатомическая специфика костных остатков лося, среди которых только три элемента — уже обозначенная выше лопаточная кость, зубы и фрагмент рога. Лопаточную кость и зубы можно рассматривать как ритуальные предметы. А роговой фрагмент предстает, несомненно, как сырьевой объект (рис.212: Б), тем более что на нем присутствуют следы от зубов грызунов, что нередко встречается в природной ситуации и чаще всего указывает на сброшенный зимний рог. Аналогичные сырьевые заготовки в значительном количестве обнаружены на территории косторезных мастерских двух усадеб Замятинского комплекса (Острая Лука, 2004, с. 69–83). К тому же ритуальные комплексы с использованием отдельных частей туш животных зафиксированы в ямах одной из замятинских усадеб (Острая Лука, 2004, с. 106–120). Так же как и в замятинской коллекции, в материалах Стаево-5 среди костей крупного рогатого скота обнаружены фаланги со следами разрастания костной ткани в форме остеофитов (рис. 212: В). Эти изменения типичны для тягловых животных, которые могли использоваться и в аграрном секторе, и для перевозки тяжестей как гужевой транспорт.

Таковы любопытные аспекты, проявившиеся в совсем небольших остеологических выборках из раскопок Стаево-5. По-видимому, они могут указывать на неформальное сходство основных направлений скотоводства у разнокультурного населения лесостепного Подонья на протяжении длительного времени. Мозаичность природных условий и разнообразие богатых растительных ресурсов этого региона, очевидно, способствовали успешному разведению и содержанию крупных домашних копытных с круглогодичным их выпасом вокруг поселений. На этой базовой отрасли в сопряжении с земледельческим сектором, а также другими занятиями и промыслами строилась устойчивость и сбалансированность всей экономической жизни. В этом плане нельзя исключить, что реконструированная для усадеб Замятинского комплекса модель хозяйственной деятельности (Острая Лука, 2004, с. 106–128, 138–144; Антипина, Лебедева, 2007) может стать ключом для понимания системы жизнеобеспечения торгово-ремесленного центра Стаево-5.

Глава 12

Археоботаника и возможности реконструкции аграрной отрасли хозяйства в Стаево-5

Е. Ю. Лебедева (Москва)

Хронологический диапазон существования раннесредневекового поселения Стаево-5 (V–VII вв.) для российской археоботаники представляется совершенно белым пятном и уже одним этим привлекает к себе особое внимание. Кроме того, известно не так много поселений со столь ярко выраженной ремесленной направленностью, что, в свою очередь, вызывает особый интерес к реконструкции других хозяйственных отраслей, поддерживающих жизнеобеспечение населения — земледелия и скотоводства, в частности. Слабая насыщенность костями животных культурного слоя поселения, которая стала очевидной уже в первый год раскопок, невозможность создать полноценную археозоологическую выборку сильно ограничивали возможности для палеоэкономической реконструкции. Поэтому большие надежды возлагались на изучение археоботанических материалов с памятника.

Сбор образцов для археоботанического анализа и их флотация проводились археологами в полевых условиях в процессе раскопок поселения Стаево-5 в 2018–2020 гг. Для извлечения растительных макроостатков применялся метод обычной ручной флотации при соблюдении единого стандартного объема почвенных проб (10 л), согласно методике, принятой в ИА РАН (Лебедева, 2016). За три полевых сезона удалось собрать 36 образцов: 11 с раскопа 6 и 25 с раскопа 9. Пробоотбором были охвачены археологические объекты различного функционального назначения и в меньшей мере — культурный слой вне сооружений, чтобы минимизировать возможность попадания в пробы более ранних археоботанических материалов (табл. 15). В дополнение к этому была исследована керамическая коллекция из раскопок, проводившихся в 2017 г. (около 3000 фрагментов — табл. 17).

К сожалению, лишь 13 собранных в Стаево-5 образцов можно с высокой долей вероятности связывать с раннесредневековой верхневоронежской культурной группой (**ВВ** — в таблицах); в комплексах, где они отбирались, не было встречено другой керамики, кроме средневековой. Те объекты и слой, которые по археологическим признакам также относятся к Средневековью, но содержали в разных количествах керамику раннего железного века (городецкой и позднескифской культур), с археоботанической точки зрения можно лишь условно отнести к верхневоронежской группе (**ВВ-смеш**.; 12 обр.). К ним примыкают и объекты, лишенные датирующих археологических материалов (**ВВ?**; 4 обр.). Еще четыре пробы происходят из сильно перемешанного поздней распашкой культурного слоя вне сооружений (**смеш**.). И, наконец, последние три образца принадлежат более ранним эпохам: один — городецкой культуре (**Гор**), два — позднескифской (**Пск**).

Карбонизированные растительные макроостатки были обнаружены лишь в каждом втором образце (в 18 из 36) общим числом 348 (табл. 15). Среди них оказались шесть раннесредневековых, восемь — условно к ним отнесенных, два — из смешанного культурного слоя и по одному — городецкой и позднескифской культур. Зерна и семена культурных растений обнаружены только в 15 образцах (табл. 15, 16). Исключив из этого списка материалы железного века, получаем, что два важнейших показателя сельскохозяйственной активности населения[1] — результативность флотации для культурных растений (39%) и насыщенность ими культурного слоя (8) в целом для памятника являются весьма низкими в сравнении с поселениями предшествующего гуннского периода на Среднем Дону (Антипина, Лебедева, 2007). Сходный индекс насыщенности культурного слоя был установлен только для Ксизово-19, однако показатель результативности флотации ни на одном из трех поселений (помимо Ксизово, это были Замятино-7 и Мухино-2) не был ниже 83% (рис. 213 А). Не менее выразительно это демонстрирует и так называемая шкала насыщенности, где образцы распределяются по классам согласно содержанию в них макроостатков культурных растений (рис. 213 Б). В Стаево-5 в экономически значимые классы (III и IV, от 11 до 100 макроостатков) попадает всего 18% образцов.

В общей сложности в 16 результативных средневековых образцах было зафиксировано 335 различного рода археоботанических макроостатков (табл. 16). Среди них 75,2% относятся к культурным растениям (включая неопределимые даже до рода фрагменты злаков Cerealia — 15,5%), 14,3% — к сорным и 2,7% — к лесным плодам. Заметное число неопределимых карбонизированных объектов (7,8%), которые могут быть остатками пищи или другой сгоревшей органики, включено в категорию «прочие». Сюда же отнесены и различные таксономически неопределимые части растений (семена, плоды, почки и т. п.). Сохранность зерен и семян, обнаруженных в образцах можно оценить в 2,5–3 балла по пятибалльной шкале. Таксономическая идентификация затрудняется, кроме того, сильной загрязненностью семян.

Определимые зерна и семена культурных растений, составляющие основу археоботанического спектра (АБС) средневекового Стаево-5, присутствуют всего в 12 образцах в количестве 200 экз. Среди них основная масса принадлежит просу обыкновенному *Panicum miliaceum* (76,0%). Просо было главной культурой региона и в предшествующее время, хотя доля его не была столь высокой ни на одном из ранее исследовавшихся поселений (Антипина, Лебедева, 2007). Заметим также, что просо — единственный злак, представленный в образцах городецкой (одна зерновка) и позднескифской (шесть) культур на нашем поселении (табл. 16).

Вторая сельскохозяйственная культура на поселении — ячмень *Hordeum vulgare* — присутствует в многократно меньшем числе (всего 20 зерновок), и его доля в спектре составляет 10%. Наиболее вероятно, что это был пленчатый многорядный ячмень *Hordeum vulgare* ssp. *vulgare.* Пшеница двузернянка, или эммер *Triticum turgidum* ssp. *dicoccum,* появилась лишь в трех образцах из раскопок 2020 г. (табл. 16) в сопоставимом с ячменем количестве — 16 зерновок (9%). Четыре фрагмента как минимум от двух зерен пшеницы из этих же образцов не определены до видового уровня *Triticum* sp. (1%), но, скорее всего, они тоже принадлежат эммеру.

Статус овса как посевной культуры на таком малом числе находок (всего 8 зерен; 4%) не может быть определен без колосовых остатков (Cappers, Neef, 2012). Лишь одна зерновка по размеру и очертаниям может соответствовать посевному овсу *Avena sativa*. Остальные были определены как *Avena* sp., особенно с учетом того, что в отпечатках на керамике по меньшей мере в двух случаях четко фиксировались зерновки в чешуях с явными морфологическими признаками диких видов овса (см. ниже). И тем не менее, поскольку на карбонизированных зернах подобные признаки отсутствовали, мы включаем все их в АБС (рис. 214: 1).

Бобовые растения представлены одной семядолей, которая по форме и размерам (макс. диаметр 4,2 мм) может принадлежать гороху (cf. *Pisum sativum*; 0,5%). Еще два фрагмента из-за худшей сохранности таксономически определены лишь до уровня семейства (Fabaceae), но, судя по размерам, относятся к культурным видам и, наиболее вероятно, тоже к гороху. Единственное семя конопли *Cannabis sativa* (0,5%) характеризует в АБС сегмент так называемых технических культур (прядильных и масличных).

[1] Подробнее об археоботанических параметрах и характеристиках для палеоэкономических реконструкций см.: Лебедева, 2008; 2016.

Значительное число фрагментов (50 экз.) культурных злаков Cerealia также по причине плохой сохранности не удалось верифицировать даже до родового уровня. Примечательно, что не было обнаружено никаких остатков мякины культурных злаков (сегментов колосового стержня, оснований колосков или чешуй), а все зерновки были лишены чешуй. И это при том, что практически все обнаруженные виды хранятся на поселениях обычно в неочищенном состоянии, а от чешуй освобождаются лишь небольшими партиями для приготовления пищи, если, конечно же, не используются в качестве фуражных.

Помимо культурных злаков и бобовых определенную роль в структуре питания жителей Стаево-5 играли и лесные растения. Обнаружено семь фрагментов скорлупок лесного ореха *Corylus avellana* и два семени малины *Rubus idaeus* (табл. 16).

Сорных растений в коллекции немного (48 семян), они в большинстве своем относятся к рудерально-сегетальным видам, т. е. могли произрастать на любых антропогенно нарушенных местообитаниях, а также засорять поля культурных растений (табл. 16).

Приведенный выше видовой состав культурных растений характеризует совокупный археоботанический спектр поселения Стаево-5, в нем не учтены только материалы из сооружений железного века. Однако, если во многих объектах наблюдалось присутствие керамики разных эпох, то мы с очень большой вероятностью можем прогнозировать и разновременность обнаруженных в них растительных макроостатков.

Самый надежный способ понять это — прямое радиоуглеродное AMS-датирование археоботанических объектов. Оно фиксирует перемещение семян как из более ранних в поздние слои, так и интрузию из более поздних (Pelling et al., 2015). Иногда интрузивная природа обугленных семян выявляется даже на однослойных памятниках, как было на поселении катакомбной культуры Рыкань-3 на Среднем Дону, где все семь датированных зерен и семян оказались разновременными и в целом сильно моложе культурного слоя, в котором были обнаружены, т. е. не имели никакого отношения к бронзовому веку (Гак и др., 2019; Лебедева, 2019). Второй пример касается так называемых закрытых комплексов. В одном абсолютно целом узкогорлом сосуде из Телль Кадеша в Израиле были обнаружены семена, разрыв между радиоуглеродными датами которых превышал 500 лет (Borojević, 2011); здесь интрузия произошла в прямом смысле через «бутылочное горлышко». Подобные случаи в археоботанике встречаются все чаще, а приведенные здесь наиболее яркие примеры показывают, что столь малые археологические объекты, как семена, гораздо более «подвижны» в культурном слое, чем можно было бы предполагать.

Именно поэтому в самом начале этой главы мы достаточно жестко поделили образцы на кластеры по степени надежности их датировки и соотнесения с раннесредневековой верхневоронежской культурной группой. Напомню, что лишь в шести из 13 таких образцов были обнаружены растительные макроостатки, а зерна и семена культурных растений — только в пяти. Однако число последних вполне сопоставимо с остальной частью коллекции из семи образцов, которую можно назвать «условно средневековой», и даже немного ее превосходит: 114 против 86. Две эти выборки можно представить как субспектры АБС-1 и АБС-2 (рис 214: 2,3). Не сложно заметить, что суб-спектр по материалам из перемешанных слоев намного беднее в таксономическом отношении, в нем представлено всего три культуры: просо, ячмень и овес (статус которого невозможно верифицировать). Тогда как АБС-1 содержит максимум разнообразия культурных растений, найденных в Стаево-5, и в значительной мере именно он лежит в основе совокупного спектра. Более высокие значения проса в последнем, скорее всего, и можно было бы объяснить примесью зерен, оставшихся в культурном слое от жизнедеятельности населения городецкой культуры и/или в позднескифское время. Сложность, однако, заключается в том, что не только просо, но и ячмень, и пленчатая пшеница двузернянка также возделывались в железном веке на Среднем Дону (Лебедева, Антипина, 2009; Горбаненко, 2014; Андреев и др., 2014). И то, что мы не обнаружили их всего в трех образцах этого времени, не означает, что их не было на поселении.

Контрольным маркером для уточнения средневекового АБС в Стаево-5 могут послужить отпечатки культурных растений на керамике с этого памятника. В поисках отпечатков зерен и семян было просмотрено 2937 фрагментов керамики (из раскопок 2017 г.) — как раннесредневековой, так и железного века, при подавляющем большинстве материалов первой группы.

Несмотря на достаточно большое число зафиксированных следов растительного

происхождения (преимущественно зерна злаков) достоверная их таксономическая верификация оказалась весьма затруднительной по нескольким причинам: 1) грубое керамическое тесто, в котором, как правило, отпечатки сохраняются очень нечетко, и 2) загрязнение самих отпечатков. При этом попытки даже очень легкой их механической очистки приводили к разрушению следа зерновки. В связи с этим и изготовление слепков с таких отпечатков не всегда оказывалось продуктивным. В общей сложности всего на 45 фрагментах (1,5% от всей обследованной керамики) удалось обнаружить 81 отпечаток, из которых 68 были зафиксированы на раннесредневековой керамике (табл. 17).

Основными культурными растениями, зерна которых попали в керамику верхневоронежской группы, были просо, ячмень и пшеница двузернянка. Наиболее массовыми оказались отпечатки проса — 53 экз. (рис. 215: 1–3, 8), из которых 18 отличались не очень хорошим качеством и поэтому определены с некоторой долей сомнений (в табл. 18: столбец cf. *Panicum miliaceum*). Всего два отпечатка были верифицированы как зерновки эммера (рис. 215: 4–5). Причем одна из них, лежащая спинкой кверху, по очертаниям немного напоминает рожь, но положение и форма зародыша не характерны для *Secale cereale*, что и позволяет нам остановиться на своем определении *Triticum turgidum* ssp. *dicoccum*. Три отпечатка были отнесены к пленчатому многорядному ячменю *Hordeum vulgare* ssp. *vulgare* (рис. 215: 6, 7). Еще шесть следов не были достаточно четкими, но по форме и размеру соответствовали крупным культурным злакам (Cerealia). Из дикорастущих, а скорее — сорных злаков, удалось идентифицировать две зерновки овса *Avena* sp. (возможно, *Avena fatua*) с характерным признаком в виде остатка ости на нижней цветковой чешуе чуть выше центра зерновки (рис. 215: 10) и три неопределимых зерновки, соответствующих диким злакам (Poaceae) по размеру и форме (рис. 215: 9). Отпечатки соломы встречаются на керамике достаточно редко; достоверных следов мякины — чешуй и колосовых сегментов культурных злаков — не обнаружено. В отпечатках на керамике раннего железного века из Стаево-5 (табл. 17, 18), как и во флотах, зафиксированы только зерна проса — 7 экз. и неопределимые семена — 3 экз.

Таким образом, отпечатки на керамике подтверждают, что три посевных культуры — просо, ячмень и эммер были основными злаками, возделывавшимися населением верхневоронежской культурной группы в раннем Средневековье. Именно они же составляли основу археоботанического комплекса группы поселений типа Чертовицкое —Замятино, хотя видовой состав там был более разнообразен преимущественно за счет малопредставительных культур: голозерной пшеницы (возможно, мягкой), ржи, чечевицы и льна (Острая Лука, 2004, с. 121–128; Острая Лука, 2015, с. 365–372, 657; Антипина, Лебедева, 2007). С чем связана обедненность АБС Стаево-5, судить трудно, поскольку никаких материалов с синхронных поселений не существует. Только с накоплением новых данных с других памятников верхневоронежской группы можно будет обсуждать вопрос: был ли редуцирован состав земледельческих культур в этот период или же это исключительно специфика рассматриваемого памятника. Преемственность в составе урожая по основным культурам безусловна и уходит своими корнями в железный век.

Относительно земледелия в самом Стаево-5 с сожалением следует признать, что объем полученной коллекции макроостатков и ее базовые характеристики не позволяют с уверенностью оценить роль этого сектора хозяйства. Что же мешает принять версию скромного по масштабам собственного земледелия, как это было предложено для памятников гуннского времени в Острой Луке Дона, с которыми мы проводили сравнение (Антипина, Лебедева, 2007)?

Во-первых, это чрезвычайно малые объемы сельскохозяйственной продукции на поселении, обусловившие редкость и неравномерность распределения растительных макроостатков в культурном слое, на что указывают низкие показатели насыщенности, а главное — результативности флотации (рис. 213). Даже для 13 «чистых» раннесредневековых образцов результативность составляет всего 38%, а индекс насыщенности равен 11, т. е. оба показателя очень близки к общим для поселения. Кроме того, истинная картина с количественными показателями затеняется перемешанностью культурного слоя в большинстве исследованных участков и объектов (табл. 15).

Во-вторых, это полное отсутствие следов обработки урожая — не было обнаружено ни мякины, ни соломы в исследованных образцах. Даже если считать, что обмолот осуществлялся за пределами поселения, то мы должны были встретить хотя бы небольшое количество колосовых фрагментов или же остаточные следы чешуй

на зерновках, так как основные злаковые культуры в Стаево-5 — это виды, требующие дополнительной очистки перед использованием и приготовлением пищи, а хранятся они в хозяйстве либо в колосках (пшеница), либо заключенными в цветковые чешуи (просо, ячмень). Отсутствие мякины — еще один признак, отличающий нашу коллекцию от материалов с памятников типа Чертовицкое — Замятино, а также большинства известных автору поселений, где пленчатые злаки были в основе АБС. Этот фактор, как и низкая доля сорняков в коллекции (в шести из 16 образцов они вообще не обнаружены), делает вполне вероятным предположение, что на поселение поступало уже готовое к употреблению очищенное зерно.

Такой тезис не противоречит археологическим данным. Если Стаево-5 было, как предполагается, специализированным ремесленным поселением, то мы не можем полностью исключать вероятность поступления продовольствия извне. Вопрос в том, заходило ли так далеко разделение труда в регионе в этот период? На примере поселка горняков и металлургов бронзового века Горный (Каргалинский комплекс на Южном Урале) мы уже видели, что даже в столь раннее время узкая производственная специализация освобождала жителей от необходимости заниматься животноводством или земледелием. Необходимые для жизнеобеспечения продукты они получали в результате обмена на руду и, возможно, металл (Антипина и др., 2002). Блестящий археозоологический анализ остеологической коллекции, проведенный Е. Е. Антипиной, показал, что более 2,5 млн костей животных из культурного слоя Горного не были следствием собственной скотоводческой практики жителей поселка, а оказались в нем именно благодаря торгово-обменным операциям (Антипина, 2004б).

В качестве поддержки версии собственного земледелия часто рассматриваются отпечатки культурных злаков на керамике. Такой вывод исходит, как правило, из априорного предположения, что вся лепная посуда изготавливалась непосредственно на поселении его жителями. На мой взгляд, подобный подход требует более основательных доказательств, чем просто уверенность, особенно, когда речь идет не о неолите или бронзовом веке, а о Средневековье с гораздо более развитой системой торгово-обменных отношений. Более того, даже собственный урожай — одна из самых вероятных, но не единственная возможность попадания зерна в керамическое тесто, равно как и обугленных зерен в культурный слой.

Резюмируя все сказанное, следует признать, что на данный момент вряд будет правомерным и обоснованным остановиться на какой-либо из двух предложенных версий палеоэкономической реконструкции — небольшого земледельческого сектора в хозяйстве или поставок продовольствия извне в обмен на ремесленную продукцию. Замечу только, что Стаево-5 — не единственное поселение, где даже с хорошей обеспеченностью археоботаническими и археозоологическими материалами не удалось предпочесть какую-либо из альтернативных палеоэкономических моделей (Лебедева, Антипина, 2017; Антипина, Лебедева, 2015).

Заключение

А. М. Обломский (Москва)

Подведем краткие итоги. Комплекс поселений у с. Стаево (Стаево-3, 4, 5) является самым крупным по площади не только в верхнем и среднем течении р. Воронеж, но и среди всех известных в настоящее время памятников раннесредневековой верхневоронежской группы (конец V — VII в.). Распределение находок на поселении и их характер свидетельствует, что обитатели поселка были преимущественно ремесленниками (что не исключает, разумеется, их занятий сельским хозяйством и необходимыми для жизни домашними промыслами — рыболовством, ткачеством, изготовлением глиняной посуды, кузнечным делом и тому подобным). При этом обитатели Стаево-4 занимались преимущественно черной металлургией, а Стаево-5 — бронзолитейным (ювелирным) ремеслом. Наличие в Стаево-4 специализированной постройки, в которой производилось приготовление шихты для последующей загрузки в горны, а в Стаево-5 — производственных площадок литейщиков цветных металлов, а также обилие изделий из железа и различных видов бронзы (включая отходы ремесла и брак) показывает, что ремесленники Стаево работали не на ближайшую округу, а на более широкий круг потребителей. Остатки ремесел зафиксированы и на других поселениях (черной металлургии — в Капитанщино-6 и Красном Городке-4, ювелирного или бронзолитейного — в Кривце-4, возможно, в Стаево-10), но они гораздо менее масштабны. Продукция ремесленников этих поселков явно была рассчитана на их обитателей или на жителей поселений в окрестностях.

О торговле свидетельствуют целые и многочисленные обрубки прутиков из бронзы. Эти вещи были предназначены именно для торговли, иначе слиткам не нужно было бы придавать стандартизированную форму (см. главу 7). Явно с торговлей связана находка экзагия с характерной маркировкой — византийской гирьки для взвешивания золотой монеты (рис. 31: 388). Не исключено, что для торговли предназначались и неравноплечие весы, детали которых (предположительные) найдены в Стаево-5 (рис. 137).

Интересна гипотеза, высказанная Е. Ю. Лебедевой. По данным, полученным методом флотации и отпечаткам зерен на лепной керамике, она предположила, что в Стаево не занимались земледелием. Зерна культурных растений есть, но отсутствуют остатки, которые появляются в результате обмолота урожая (мякина, солома и тому подобное). Если это предположение в дальнейшем подтвердится, то не исключено, что население торгово-ремесленного поселка получало зерно в обмен на продукцию ремесла.

Связи населения линии Ярок верхневоронежской группы можно реконструировать, в основном, по украшениям и деталям ременной гарнитуры, большинство из которых происходит из комплекса памятников у с. Стаево. По общему распределению аналогий украшения, зеркала и амулеты делятся на три группы.

А. Изделия окского происхождения. К ним относятся детали комбинированных украшений из Стаево-4 и 5 (рис. 21: 7, 14, 20; 36: 589, 819; 69: 478), круглые нашивные бляшки типа находок на мощинских городищах Велегож и Акиньшино (рис. 66: 776; 117: 796, 807) из Стаево-5. В эту группу можно включить и подвеску к накоснику с поселения Ярок-5 (определение И. В. Белоцерковской, рис. 7: 4).

Б. Вещи, имеющие преимущественно южные аналогии или представляющие собой упрощенные и переработанные варианты южных изделий (Крым, Кавказ, Северное Причерноморье). Эту

группу составляют гибридные двупластинчато-пальчатые фибулы из Стаево-4, 5 (рис. 21: 2, 3; 27: 28) и Ярка-9 (рис. 5: 1-3), железная фибула византийского круга из Стаево-5 (рис. 46: 98), массивный язычок пряжки из белого металла из Стаево-4 (рис. 21: 5), зеркала с петлей на обороте и разнообразным орнаментом из Стаево-4 и 5 (рис. 21: 9-11, 19; 26: 3,6; 27: 49; 31: 315, 355, 524, 546; 36: 572, 864, 865, 882; 66: 628, 641, 750; 69: 480; 88: 398; 117: 784; 118: 846), серьги с полиэдрическим окончанием из Стаево-5 и Ярка-9, имитирующие изделия со вставками (рис. 6: 1; 31: 518; 75: 194; 107: 516), некоторые браслеты и височные кольца или серьги из Стаево-5 и Старого Тарбеево-2 (рис. 27: 115; 31: 484; 81: 469; 107: 513; 157: 2). Византийское происхождение имеет экзагий для взвешивания солида.

Некоторые из вещей этих типов распространены шире, изредка они встречаются в лесостепном Поднепровье, в степи и Урало-Поволжском регионе. На этих же территориях встречаются котлы гуннских типов (рис. 27: 88; 43: 220, 245, 289, 471, 483, 522, 523, 558; 61: 358; 62: 679, 726, 734, 735; 64: 288, 300, 419; 86: 327; 107: 510). Находки амулетов группы 1 по Д. Б. Шелову (рис. 26: 1; 27: 210; 31: 476, 540) концентрируются на юге, но известны они и в лесостепи Поднепровья, в Поочье и Поволжье (см. Приложение 1).

В причерноморской стилистике выполнены имеющие дунайские прототипы пальчатые фибулы из Стаево-4 и 5 (рис. 5: 5,6).

В. В эту группу включены вещи, параллели которым находятся преимущественно на юге и в Волго-Окском регионе: браслеты с изображением морды животного или мужского лица (рис. 31: 404; 64: 247), браслеты из дрота с гладкими расплющенными концами (рис. 27: 128; 69: 479; 66: 648, 656).

Амулеты в виде изображения лица, помещенного на кольце с выступами (Стаево-4; рис. 21: 13) происходят, в основном, из Верхнего Подонья. Отдельные находки подобных вещей известны на территории Поочья и востока Днепровского Левобережья (глава 2).

Детали геральдической гарнитуры, найденные в Стаево, И. О. Гавритухин разделил на три группы. Изделия третьей группы широко распространены на территории Восточной Европы. К первой группе относятся вещи, «заимствованные с юга (Причерноморье, Северный Кавказ, примыкающие к ним степи) или сделанные в рамках этих традиций» (рис. 169: С1, С2; 171А: 1; 173А: 7; 173Б: 1–3). Во вторую группу включены изделия, «прототипы которых заимствованы в южных культурах, но принадлежащие локальным формам, связанным со средой, сложившейся на северо-западной периферии зоны влияния так называемых Первого и Западного Тюркских каганатов» (рис. 168: 1; 170: 1; 172Г: 1) (подробнее см. главу 6).

В отношении обработки цветных металлов И. А. Сапрыкина фиксирует в Стаево-5 в целом продолжение традиций гуннского времени на Дону, но при этом отмечает влияние приемов северопричерноморского изготовления бронзы, которая характеризуется повышенным содержанием олова и относительно низкой долей цинка в сплавах.

Памятники верхневоронежской группы и, в первую очередь, комплекс у с. Стаево демонстрируют промежуточное положение между окско-волжским и южным культурными мирами, причем именно в Стаево сходятся линии связей как с севером и северо-востоком, с одной стороны, так и с югом, с другой. Очень показательно в этом отношении использование зеркал с петлей на обороте, концентрация которых наблюдается на юге Восточной Европы. В лесостепной зоне в раннем Средневековье они нигде, кроме Стаево, не представлены массовыми сериями.

Парадокс Стаево заключается еще и в том, что некоторые типы южных вещей престижа изготавливали местные ювелиры (фибулы с ромбами на ножке и другие малые пальчатые, детали геральдической ременной гарнитуры, возможно, браслеты с антропо-зооморфными концами, серьги с полиэдрическими завершениями, см. главы 2 и 7).

Какова же роль комплекса памятников у с. Стаево в структуре древностей Подонья гуннского времени и раннего Средневековья?

Памятники линии Ярок в археологическом смысле являются продолжением (следующим этапом) культурной группы Чертовицкое — Замятино лесостепного Подонья гуннского времени. В первую очередь об этом свидетельствуют параллели в керамическом комплексе. К сожалению, из-за малого количества известных на раннесредневековых памятниках сосудов пока нет возможности рассчитать их пропорции. Сведения о соотношении форм в рамках керамического набора также пока приблизительны (расчеты см. в главе 2). Тем не менее подавляющее большинство форм горшков, мисок и дисков конца V — VII в. имеют аналогии в древностях

предшествующей эпохи. Причем это справедливо для всех трех традиций в керамике раннего Средневековья — посткиевской, окской и постчерняховской, которые и на памятниках гуннского периода являются основными.

Технологически (по примесям в керамической массе) лепная посуда конца IV — V в. и конца V — VII в. очень близка (см. главу 2). На памятниках обеих хронологических групп встречается посуда как с шероховатой, так и с лощеной поверхностью. Совпадают основные приемы орнаментации венчиков груболепных горшков — вдавлениями палочкой и насечками по краю.

Большинство форм пряслиц памятников линии Ярок имеет аналогии в древностях круга Чертовицкое — Замятино. Близка и структура типологического набора пряслиц гуннского времени и раннего Средневековья (см. главу 2). В конце V — VII в. на памятниках верхневоронежской группы продолжается использование вертикального ткацкого станка, судя по находкам на них конических грузил (таких же, как в гуннское время). Интересно, что в ближайших к Подонью с запада славянских культурах (пеньковской и колочинской) грузила крайне редки и встречаются только на ранних памятниках.

То же самое можно сказать и о ротационных жерновах, которые известны на поселениях типа Чертовицкое — Замятино (Острая Лука, 2015, с. 32), а в раннем Средневековье на р. Воронеж — на поселении Красный Городок-4 (включая заготовки, см. главу 3).

На памятниках раннего Средневековья на р. Воронеж, как и на верхнедонских гуннского периода, отмечены находки зеркал и антропозооморфных браслетов.

В археологическом комплексе поселений раннего Средневековья по сравнению с предшествующим временем имеются и новации. В конце V — VII в. чаще встречаются специфические формы пеньковского набора (биконические горшки без венчика, сосуды с налепным валиком, миски-плошки с высокими краями), почти исчезают конические миски на полых поддонах, более часты сосуды, венчики которых орнаментированы вдавлениями, нанесенными пальцами. Исчезают постчерняховские формы, которые имеют аналогии в западном круге культур (пшеворской, вельбарской), а также лощеные ребристые миски с прямым верхним краем так называемого мощинского типа и столовые лепные кувшины танаисского облика (об этой керамике см.: Острая Лука, 2015, с. 102, 300). Единичны в раннем Средневековье пряслица с рельефной орнаментацией, связанные с черняховской традицией.

В принципе, все эти изменения можно объяснить более поздней хронологией памятников верхневоронежской группы по сравнению с древностями типа Чертовицкое — Замятино. Тем не менее в культуре Верхнего Подонья раннего Средневековья имеется и ряд других новых черт, для объяснения которых только хронологических наблюдений недостаточно.

Так, в регионе прекращается производство местной гончарной посуды, которое в гуннское время было отмечено в Ксизово (Острая Лука, 2004, с. 67, 68). На поселениях раннего Средневековья практически не встречаются обломки импортных гончарных сосудов, включая амфоры.

В.И. Завьялов в специальном исследовании отметил, что изделия из черного металла из Стаево-4 и 5, с одной стороны, и Замятино гуннского времени, с другой, близки, что означает сохранение большинства традиций в отношении характера используемого сырья (железо, фосфористое железо и сырцовая сталь) и основных приемов его обработки (ковка, закалка, реже цементация, еще реже сварка) (глава 10). Однако по наблюдениям М.М. Толмачевой, мастерам из Замятино были известны пакетный металл (42% исследованных предметов и 55% ножей), причем пакет использовался даже для изготовления кольчужных колец, наварка стали на железо и вварка стали в железную основу. Встречены изделия из многослойного пакета и «дамаскированные». Некоторые из этих вещей В.И. Завьялов считает импортными, но в этом есть сомнения. По своей форме они ничем не отличаются от обычных для культурной группы Чертовицкое — Замятино, а кольца для кольчуг явно изготавливались на месте. Они концентрируются на поселении Замятино-5 около постройки 2, вероятно, служившей жилищем ремесленника. Р.В. Терпиловский, проанализировавший итоги исследований М.М. Толмачевой, пришел к выводу об использовании мастерами из Замятино кузнечных приемов, характерных для черняховского и провинциально-римского ремесла (Острая Лука, 2004, с. 102, 103, 140, 141, рис. 116).

Таким образом, получается, что в Стаево по сравнению с гуннским временем наблюдается определенная деградация кузнечного дела. Производство было массовым (в Стаево-4 обнаружено 46, а в Стаево-5 на 2019 г. 252 железных предмета; для поселений раннего Средневековья

это — гигантское количество), но довольно примитивным.

Памятники типа Чертовицкое — Замятино обычно имеют хорошо насыщенные материалом слои, что отражает интенсивность жизни. Наряду с небольшими поселениями на Острой Луке исследованы крупные центры, из которых Замятино был ремесленным, Ксизово — торгово-ремесленным (Острая Лука, 2004, с. 143; 2015, с. 304, 305). Инструменты для работы по металлу, обломки изделий из бронзы, явно предназначенные для переплавки, обнаружены и в Тюнино (Акимов и др. 2017, с. 57–62). В раннем Средневековье выделяется только один торгово-ремесленный центр (Стаево). По площади (9,2 га) он сильно уступает большинству агломераций, известных на Острой Луке Дона (археологические комплексы у сел Верхнее Казачье — не менее 8 га, Каменка — около 18 га, Мухино-2 и 7 — около 13 га, Замятино — более 16,19 га, Ксизово — 75,62 га)[1].

В гуннское время наряду с селищами известны и городища, хотя пока и немногочисленные (Акимов, 2017; Обломский, 2018б, с. 122). В начале Средневековья укрепления на поселениях не возводились, на городище Ярок-10 они были построены в раннем железном веке (глава 3).

Округа Стаево представлена небольшими по площади селищами, весьма слабо насыщенными материалами. Ярким примером является Красный Городок-4. На огромной площади (21 053 кв. м) обнаружено только несколько скоплений материала в культурном слое и отдельные ямы раннего Средневековья, расположенные относительно компактно, а сама коллекция находок невелика (глава 3). За пределами верховьев Воронежа памятники линии Ярок в основном такие же по характеру. В Большой Кузьминке-4А вскрыто около 19 000 кв. м. Немногочисленные материалы раннего Средневековья происходят из культурного слоя и двух скоплений хозяйственных ям (глава 3). В Лавском комплексе (древний Елец) во время многолетних раскопок Н. А. Тропина находки раннего Средневековья обнаружены в одной хозяйственной яме и в прилегающем к ней культурном слое[2]. Ничего подобного комплексу у Стаево на территории лесостепного Подонья для периода раннего Средневековья пока не обнаружено.

В конце V — VII в. существенно изменилась общая картина заселения региона. Памятники гуннского периода в основном расположены на Дону и на прилегающих участках его западных притоков. На р. Воронеж они находятся в ее среднем и нижнем течении, ниже г. Липецка (Острая Лука, 2015, рис. 1; Обломский, 2018б, с. 118-123; Акимов, 2017). В раннем Средневековье по имеющимся данным отмечается концентрация памятников на р. Воронеж выше г. Липецка и ближе к ее истокам. Возможно, карта на рис. 1 отражает современное состояние изучения территории (весьма неравномерное), но за пределами этого сгустка поселений нам известны пока всего два (Лавский комплекс и Терешковский вал) и случайные находки вещей, да и то немногочисленные. Масштабные работы на новостройках, которые велись в последние годы в долине Дона, существенных материалов раннего Средневековья не выявили.

Верхняя хронологическая граница поселений типа Чертовицкое — Замятино и связанных с ними могильников круга Животинного приходится на время около рубежа V/VI вв. (либо конца V — начала VI в.) (Острая Лука, 2015, с. 291–295). Приблизительно в это же время появляются памятники линии Ярок верхневоронежской группы.

Таким образом, в конце V или на рубеже V/VI вв. в лесостепном Подонье произошли какие-то события, которые для местного населения имели весьма серьезные последствия. Наиболее существенные из них следующие.

1. В долине Дона, к западу от него, в нижнем и среднем течении Воронежа исчезают памятники типа Чертовицкое — Замятино, включая крупные агломерации на Острой Луке Дона (некие центры).

2. Прекращаются захоронения на могильниках круга Животинного.

3. Меняется локализация населения. Оно сосредотачивается в среднем и верхнем течении Воронежа, где памятники типа Чертовицкое — Замятино пока не известны. Сюда же, ближе к истокам Воронежа, переносится торгово-ремесленный центр (Стаево). Эти наблюдения пока не окончательные, но, судя по имеющимся материалам, на самом Дону население в VI–VII вв. было редким.

---

[1] Данные на 2016–2017 гг. В настоящее время благодаря разведкам археологов из Липецка площади памятников существенно уточняются, но в сторону увеличения.

[2] Сообщение Николая Александровича Тропина, раскопки 1995 и 1999 гг.

4. Большинство поселений (кроме Стаево) имеют небольшие размеры. Судя по малочисленности происходящих с них материалов, они производят впечатление кратковременных.

5. Наблюдается общее огрубление (упрощение) материальной культуры.

Кризисные явления где-то в это же время, т. е. около конца V — начала VI в., зафиксированы и в соседнем окском регионе. Н. А. Кренке отмечает, что жизнь на москворецких городищах позднедьяковской культуры продолжалась в IV–V вв. Тем не менее в V–VII вв. наблюдается некоторый «спад жизненной активности», который привел к фактическому запустению Москворечья в VII–VIII(?) вв. (Кренке, 2014, с. 354, 355). В IV–V вв. на позднедьяковских городищах распространяется керамический стиль «мощинского круга». Вещи VI–VII вв. на москворецких памятниках известны, но они довольно редки и с трудом связываются с контекстом какой-либо определенной культуры. Выделяется серия так называемых постдьяковских памятников, но их количество пока невелико (Кренке, 2016, с. 281–283).

Большинство городищ мощинской культуры датируется не позднее V в. (Воронцов, 2013, с. 37–42; 2016, с. 232). Более поздние памятники единичны (Картавцево, Акиньшино, несколько случайных находок). Мощинское население в Поочье, по всей видимости, осталось (Воронцов, 2016, с. 231), но сильно сократилось по численности.

На вопрос, в чем была причина кризиса в Подонье, Верхнем и Среднем Поочье, пока ответа нет. Версий можно предложить несколько (нашествие, втягивание населения в военные действия на стороне, истощившие людские ресурсы, эпидемия, экологический кризис), но любое предположение пока недоказуемо. Нам остается довольствоваться лишь описанием последствий событий.

История Верхнего Подонья в гуннское время и раннее Средневековье во многом связана с торговым путем из Причерноморья по Дону на Оку. Обоснование функционирования этого пути в гуннское время и раннее Средневековье принадлежит М. М. Казанскому. Основные аргументы взяты им из письменных источников, но приводились и археологические. М. М. Казанский обратил внимание на находки боспорских монет в бассейне Верхней Оки, которые в восточноевропейском Барбарикуме редки, и на распространение некоторых импортных изделий. Особое значение он придавал памятникам Верхнего Подонья гуннского периода (по принятой сейчас терминологии «поселения типа Чертовицкое — Замятино и могильники круга Животинного»), в археологическом комплексе которых переплетены дунайско-причерноморские черты и традиции культур лесной зоны, в частности, мощинской (Казанский, 2010, с. 94, 95; 2017, с. 220–222), в чем с ним нельзя не согласиться.

Более детальное археологическое обоснование времени функционирования пути по Дону было предложено мною после подведения итогов масштабных исследований древностей лесостепного Подонья гуннского периода. По моему мнению, карта импортных предметов далеко не всегда показывает маршруты реальных торговых путей. Вещи могли передаваться «по цепочке», быть трофеями, подарками и тому подобное.

Торговый путь представляет собой некую ось, по которой происходило движение товаров и людей, осуществлявших покупку-продажу товаров, охрану караванов и так далее. В археологическом отношении по этой оси должно быть прослежено движение групп населения, обитавших в начальных и конечных точках пути, культурные связи, шедшие в тех же направлениях, найдены атрибуты торговли. Должны существовать также базы обеспечения (ремесленные центры), торжища.

Древности типа Чертовицкое — Замятино лесостепного Подонья (конец IV — V в.) представляют собой сложное явление, в составе которого выделяются раннеславянские (связанные по происхождению с сейминско-донецким вариантом киевской культуры), окские, постчерняховские, степные и причерноморские компоненты (Острая Лука, 2015, с. 296–304).

Северная лесная (окская) традиция представлена лепной керамикой и серией украшений. Некоторые типы браслетов имеют как окские, так и причерноморские аналогии (Острая Лука, 2015, с. 155, 156, 297–299; Ахмедов, 2016а). Мощинские параллели наблюдаются у конструкции наземной постройки 2 на поселении Замятино-5. Причерноморское происхождение имеют некоторые традиции обработки черного металла и гончарство в Ксизово. В Верхнем Подонье найдена специфическая лепная керамика южного, в первую очередь танаисского происхождения, серия разнообразных украшений, исследованы погребения причерноморской традиции (Обломский, 2011б, с. 444–454), в Замятино-10 обнаружены детали ременной гарнитуры, восходящие

к римским воинским поясным наборам (Острая Лука, 2004, с. 12, 13). На памятниках донской лесостепи найдены фибулы, прототипы которых происходят из Причерноморья или Причерноморья — Подунавья (Острая Лука, 2015, с. 202–240; Гавритухин, Швырёв, 2020, с. 230–234). Все это свидетельствует не только о проникновении в Верхнее Подонье вещей, но и о непосредственном присутствии в регионе как выходцев с севера, так и с юга. Из Причерноморья переселялись в том числе и ремесленники.

Начальным этапом этого торгового пути в гуннское время, очевидно, был Танаис — порт этого периода в устье Дона (Обломский, 2009). Роль промежуточной базы обеспечения играли крупные поселения на Острой Луке Дона, на которых зафиксированы следы разнообразной по характеру ремесленной деятельности (гончарства, черной металлургии, обработки цветных металлов, изготовления гребней из рога, кольчуг и луков). Ярким проявлением торговой функции поселка у с. Ксизово являются обнаруженные на его территории поздние римские монеты, а также клад боспорских статеров. Интересно, что обитатели Ксизово знали южные фрукты — инжир, судя по находкам из коллективного захоронения на могильнике Ксизово-19 (Острая Лука, 2015, с. 369).

При анализе костей скелета и зубов из погребения знатной женщины на поселении Мухино-2 антропологи сделали вывод, что она большую часть своей жизни прожила «в условиях достаточно аридных ландшафтов» и поэтому была «мигранткой из более южных районов», чем Верхнее Подонье (Добровольская и др., 2015, с. 55). Не подвергая сомнению заключение специалистов по антропологии, хочется все же отметить, что в V в. аридные ландшафты могли быть не только на Юге. В непосредственной близости от Мухино-2 (3–4 км) находятся два поселения, расположенные в высокой пойме Дона — Замятино-9 и Ксизово-6. На обоих памятниках зафиксирован достаточно насыщенный культурный слой с материалами группы типа Чертовицкое — Замятино, но он перекрыт мощными аллювиальными отложениями (речными наносами) толщиной до 1,2–1,5 м (Острая Лука, 2004, с. 11; 2015, с. 9,10). В настоящее время оба участка долины Дона периодически заливаются водой в половодье, особенно часто — территория поселения Ксизово-6, которое находится в устье р. Сновы немного ниже селища Мухино-2, где было совершено захоронение знатной женщины. В V в., таким образом, люди могли жить прямо на берегу Дона, не опасаясь его разливов. Климат, очевидно, был достаточно сухим, соответствовавшим признакам аридной зоны.

Тем не менее погребение в Мухино имеет один отчетливый южный признак. Я имею в виду не золотые бляшки, которыми был расшит костюм женщины. Они распространены достаточно широко, по наблюдениям А. В. Мастыковой, — от Дуная до Северного Кавказа (Мастыкова, 2014). Лощеный лепной кувшин, который находился выше могилы и относился к погребальному комплексу (Добровольская и др. 2015, с. 46) имеет форму, типичную для сосудов этой категории из Танаиса гуннского периода (Обломский, 2011б, с. 450, 451, рис. 3: 1).

Сведения о конечном пункте торгового пути появились только в 2016 г., когда А. М. Воронцовым и Е. А. Столяровым было раскопано поселение Упа 2 — Криволучье на окраине г. Тулы с материалами гуннского времени, очень близкими к памятникам типа Чертовицкое — Замятино (Воронцов, Столяров, 2017). Торговый путь, таким образом, доходил до ареала мощинской культуры в бассейне Оки.

Гипотеза М. М. Казанского о существовании в раннем Средневековье торговли мехом из лесной зоны на юг по Дону основана на сообщении Иордана о хунугурах, торговавших пушниной. Последние локализованы в низовьях Дона и на прилегающих территориях (Казанский, 2010, с. 95, 96). Ранее я высказывал сомнения в отношении возможности функционирования этого пути в начале Средневековья, поскольку южные связи населения Верхнего Подонья в доборшевское время тогда практически не прослеживались (Обломский, 2011б, с. 459–460).

После раскопок комплекса поселений у с. Стаево в пользу гипотезы М. М. Казанского появились археологические аргументы.

Как уже было отмечено выше, тесные связи населения линии Ярок верхневоронежской группы с югом очевидны. Ювелиры, обитавшие в Стаево, наладившие изготовление пальчатых фибул и геральдической поясной гарнитуры, должны были получить первоначальные образцы, освоить технологию и так далее. Не исключено, что «учителями» были люди, носившие амулеты в виде человечков. Концентрация этих амулетов отмечена именно на юге Восточной Европы.

Ювелирное производство требовало сырья. В Стаево явно переплавляли бронзовые украшения и другие изделия (найдены их обломки,

в том числе и свернутые в трубочки под размер тиглей). Кроме них во множестве обнаружены обрубки бронзовых прутиков, есть и целые экземпляры. По-видимому, эти прутики были товарной формой бронзового сырья. Можно высказать предположение, что бронза была основной статьей экспорта с юга на р. Воронеж.

С торговлей явно связана находка в Стаево-5 бронзовой гирьки-экзагия для взвешивания золотой монеты. На поселении Красный Городок-2 найден «медный византийский фоллис, чеканенный в 590-х гг. при императоре Маврикии в Херсонесе» (Андреев, Филимонова, 2008, с. 23). Железная фибула византийского круга происходит с поселения Стаево-5.

На памятниках линии Ярок, в том числе и в Стаево, зафиксировано присутствие населения из Поочья (по лепной керамике и украшениям финского круга, см. главы 2 и 4). Как отмечено выше, в Стаево найдены вещи, которые имеют, с одной стороны, волго-окские, а с другой, южные параллели.

В бассейне Оки также известны находки византийских вещей (фибул, пряжек, монет) (Ахмедов, 2016б, с. 64–70). С. И. Андреев опубликовал два свинцовых медальона с изображением крестов, происходящих с городища Давыдово в Моршанском р-не Тамбовской обл., которые представляют собой характерные предметы ранневизантийской металлопластики (Андреев, 2012, с. 260–262, рис. 1: 1–2).

Продолжение функционирования донского торгового пути из Причерноморья в Поочье в конце V — VII в., таким образом, весьма вероятно. Учитывая самые большие для Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья размеры поселка у Стаево, ремесленную специализацию его участков, наличие предметов, связанных с торговлей, он, по всей видимости, играл роль лесостепной базы на этом пути.

Тем не менее маршрут причерноморско-окского пути к началу Средневековья изменился. Около середины V в. исчезло поселение-порт в Танаисе. Судя по распространению амулетов-человечков первой группы по Д. Б. Шелову, торговый путь в раннем Средневековье начинался на Боспоре, но не в низовьях Дона, где фактории этого времени пока не зафиксированы.

В донской лесостепи в результате каких-то катастрофических событий рубежа V/VI вв. торгово-ремесленная база была перенесена в верховья р. Воронеж. Изменилась и структура заселения территории.

Поселение Упа 2 — Криволучье, которое, по всей видимости, было конечным пунктом донского пути в гуннский период, к раннему Средневековью прекратило свое существование. Памятники типа Криволучья были выделены сравнительно недавно (Воронцов, 2020, с. 52), но данных о существовании их позже V в. пока нет. Не исключено, что конечными получателями продукции торговли было население Среднего Поочья, в том числе, и рязано-окской культуры. И. Р. Ахмедов отмечает в ее погребениях значительное количество изделий южного происхождения. В этом отношении представляется перспективным обратить внимание на комплекс памятников (микрорегион) у с. Шилово (Ахмедов, 2016б, с. 64–70).

Для реконструкции истории Верхнего Подонья в конце V — VII в. важной является проблема локализации народа акациров по историческим и археологическим данным, о чем мне уже доводилось писать применительно к памятникам донской лесостепи гуннского времени (Острая Лука, 2015, с. 307–308).

Как известно, акациры (варианты: акатцири, акатициры, акатиры, акациты) упоминаются в трех исторических источниках: у Приска Панийского применительно к событиям эпохи Аттилы и более позднего времени в его сочинении «История Готики», законченном в 474 г.; у готского историка Иордана, работа которого «Гетика» была завершена около 551 г., в описании народов современной ему Скифии; в «Космографии» Равеннского Анонима — сочинении около рубежа VII/VIII вв. (Буданова, 2000, с. 127; Фурасьев, 2013, с. 185–186). Эти источники связаны между собой. Иордан в своем труде несколько раз ссылается на Приска, а Равеннский Аноним — на Иордана.

В современной литературе по археологии Восточной Европы оформились две точки зрения о локализации акациров. Согласно первой, они были кочевниками, родственными гуннам или являвшимися их частью, в гуннское время обитавшими в степном Крыму, к востоку от Днепровских порогов, на Нижнем Дону и далее до Приуралья (Айбабин, 1993, с. 209; 1999, с. 77; 2019, с. 51; Казанский, Мастыкова, 2009, с. 114, рис. 1). Основанием для этого является сообщение Приска, что акациры обитали где-то в Припонтийской Скифии. В археологическом отношении им соответствуют в Крыму «захоронения номадов первой половины V в.», а в других областях — восточная группа гуннских памятников

(Айбабин, 2019, с. 51; Казанский, Мастыкова, 2009). Погребения второй половины V — первой половины VI в. в степном Крыму принадлежали, по А.И. Айбабину, гуннам-альциагирам (Айбабин, 2019, с. 51). По М.М. Казанскому, после разгрома акациров коалицией сарагуров и других народов в 463 г. в причерноморской степи распространяются древности шиповского горизонта, а сами акациры оказываются оттесненными на север, «возможно, в верхнедонской регион или в междуречье Дона и Днепра». На схеме, помещенной им, они локализуются в лесостепном Подонье и рядом с ним (Казанский, 2016, с. 97, рис. 1: 2).

Вторая гипотеза принадлежит А.Г. Фурасьеву. По его мнению, прямых сведений, что акациры были кочевниками-скотоводами, нет. Иордан лишь сообщает, что они земледелием не занимаются, а питаются скотом и дичью, что прямо не свидетельствует о кочевом образе жизни. Термин «скифы» у позднеантичных авторов чаще всего применяется к оседлым народам Скифии. У Приска скифы — разноплеменная смесь варваров Скифии, включающая оседлые и кочевые народы. Акациры-гунны, вероятно, представляли собой ту часть акациров, которая подчинилась гуннам. Это упоминание Приска «не может служить основанием для отождествления этнических понятий».

Припонтийская Скифия Приска представляет собой часть этой страны, которая простирается над Понтом. У Иордана в центре Скифии, которая примыкает к Понтийскому морю, находятся Рифейские горы и истоки Танаиса, т.е. «Припонтийская Скифия» не обозначает только побережье Черного моря, а представляет собой более широкое понятие. Можно предположить, что и у Приска акациры обитали не у моря, а в глубине материка.

По Иордану, акациры жили югу от эстов. В степи же обитали гунны и болгары (разные их племена, имевшие разные названия). Для локализации акациров останется «вполне определенная территория, включающая лесную и лесостепную зону Днепровского левобережья, преимущественно Подесенье и междуречье верховьев Десны, Оки и Дона».

Название «акациры» А.Г. Фурасьев вслед за А.В. Гадло, Д. Моравчиком, Э.А. Томпсоном, Ф. Альтхаймом переводит как «лесные люди» (из тюркских языков) (Фурасьев, 2013, с. 185–192).

Таким образом, локализация акациров в середине V — первой половине VI в. у М.М. Казанского и А.Г. Фурасьева совпадает. Наиболее вероятно присутствие их в лесостепном Подонье, не исключается и Днепровское Левобережье и Поочье (Фурасьев, 2013, с. 190, 191, ил. 2; Казанский, 2016, рис. 1: 2). Приблизительно к таким же выводам пришел и я, размещая народы современной Иордану Скифии на карте по географической системе Птолемея (Обломский, 2014б, с. 18, рис. 2, 3). Проблема заключается в возможности распространения этой локализации на более раннее, гуннское время.

В сочинении Приска Панийского делается акцент на описание того, что он видел сам, т.е. оно очень «этнографично». Большое значение придается истории событий, причем тех, свидетелем которых были сам автор или его информаторы. Локализация же мест, которые упоминаются Приском, не отличаются конкретностью. Уже очень давно ведутся поиски ставки Аттилы, которую посетил Приск и описание которой оставил. Маршрут походов Васиха и Курсиха давно стали предметом дискуссии, и конца ей не видно. Работа Приска дошла до нас не целиком, а в отрывках. Не исключено, что в несохранившейся части и было какое-то географическое руководство. Но сейчас, исходя только из текста Приска, однозначно ответить на вопрос, обитали ли современные ему акациры в степи или нет, невозможно. Упоминаемый им термин «Припонтийская Скифия» можно трактовать по-разному.

Предполагал ли Иордан, что раньше акациры могли обитать в степи? Прямого ответа на этот вопрос в его тексте нет, но имеются некоторые косвенные данные. В части, где описываются походы войск Германариха на север и восток, упоминается племя герулов. «По сообщению историка Аблавия, вышеуказанное племя жило близ Мэотийского болота, в топких местах, которое греки называют “ele” и потому и именовалось элурами» (Iord. Get., 117). Таким образом, на побережье Азовского моря в предгуннское или раннегуннское время (Германарих погиб в результате связанных с появлением гуннов в Причерноморье событий) жили элуры.

Гунны, по Иордану, первоначально расселились на дальнем берегу Меотиды, затем вслед за оленем переправились в Скифию (Iord. Get., 121–126). Меотида вообще была какой-то очень важной областью в истории гуннов. Так, Аттила в речи, произнесенной на Каталаунских полях, сказал: «Наконец, к чему фортуна утвердила гуннов победителями стольких племен, если не для того, чтобы приготовить их к ликованию

после этого боя? Кто же, наконец, открыл предкам нашим путь к Мэотидам, столько веков пребывавший замкнутым и сокровенным?» (Iord. Get., 206; цит. по: Иордан, 1997). Разумеется, мы не знаем, что действительно говорил тогда Аттила: «Гетика» написана через 100 лет после этой битвы, но приведенный отрывок наглядно демонстрирует мнение Иордана.

Таким образом, Иордан не считал Приазовье местом обитания акациров. Здесь он размещает элуров, а затем гуннов.

В локализации акациров ключевую роль может сыграть археология. А.Г. Фурасьев в поиске археологического соответствия им предложил обратить внимание на два критерия.

1. Смешанный этнический состав, включающий оседлое и кочевое население.

2. Время: середина V — начало VI в.

В качестве наиболее вероятных общностей он назвал королевство Винитария на северной окраине черняховской культуры, культуру рязано-окских могильников и так называемое Верхнедонское королевство[3] (Фурасьев, 2013, с. 195).

Королевство Винитария вряд ли имеет отношение к теме акациров. Во всех основных областях концентрации черняховских памятников на территории Днепровского Левобережья известны древности раннегуннского периода (фаза D1), но их немного. Черняховское население постепенно уходит из этого региона (Гавритухин, Обломский, 2007, с. 37, 38). В последнее время О.А. Радюш успешно занимается изучением льговско-фатежской группы памятников, которая находится на северо-восточной окраине черняховской культуры и является достаточно поздней (относится к гуннскому времени) (Радюш, 2018). По предварительным публикациям трудно сделать окончательное заключение, но не исключено, что именно она и является археологическим отражением королевства Винитария. Как бы там ни было, эта группа была осколком черняховской культуры, т.е. Готской державы.

Полностью совпадают с гипотетическим ядром акациров древности линии Ярок верхневоронежской культурной группы, причем именно здесь находился центр ремесел и торговли на оси Причерноморье — Ока (Стаево), а многие вещи, которые изготавливались в этом поселке, имеют параллели в степных древностях.

М.М. Казанский, критикуя концепцию А.Г. Фурасьева, отметил, что она «нуждается, как минимум, в развернутой аргументации» (Казанский, 2016, с. 97). Именно таким аргументом и стало открытие верхневоронежской культурной группы и центра у с. Стаево, ориентированного на южные, с одной стороны, и окско-волжские, с другой, связи.

Памятники линии Ярок верхневоронежской группы являются дальнейшим этапом развития древностей Верхнего Подонья гуннского времени (типа Чертовицкое — Замятино), также имевших определенные связи с Причерноморьем. Замечу, что в их составе, наряду с прочими, выделяются и степные элементы (лепная керамика, юртообразные жилища в Ксизово-19 и Мухино-2, предметы вооружения, причем не только стрелы гуннского типа, но и детали сложных луков, которые изготавливали на поселении Ксизово-16). Некоторые типы лепных сосудов и украшения связывают памятники донской лесостепи конца IV — VII в. с населением бассейна Оки — мощинской, позднедьяковской и рязано-окской культур на раннем этапе, постдьяковским и рязано-окским — на позднем.

Если население Верхнего Подонья (древности линии Ярок раннего Средневековья) можно отождествить с акацирами Иордана, то, по всей видимости, памятники типа Чертовицкое — Замятино также принадлежали акацирам, но в более раннее время (конец IV — V в.). В споре о локализации этого народа прав, по-видимому, А.Г. Фурасьев, разместивший акациров к северу от степей Причерноморья.

В заключение — несколько слов о дальнейших судьбах населения верхневоронежской культурной группы. Они нам пока не известны и какого бы то ни было продолжения на территории Верхнего Подонья эти древности не имеют. Что послужило причиной исчезновения памятников верхневоронежской археологической общности, мы пока не знаем. Понятно лишь, что с древностями боршевской культуры преддревнерусского и раннедревнерусского периода они ничего общего не имеют. В лесостепном Подонье не позднее середины — второй половины VIII в. произошла смена населения.

[3] Очевидно, поселения типа Чертовицкое — Замятино и могильники круга Животинного.

Приложение 1

Антропоморфные амулеты-фигурки из Стаево на фоне находок из Евразии

И. О. Гавритухин, А. М. Обломский (Москва),
А. И. Торгоев (Санкт-Петербург)

1. Объект исследования

Поводом для данной работы послужили находки антропоморфных подвесок-амулетов в Стаево-5 (рис. 218: 1, 2, 4, 7; описание см. в Каталоге[1]) со схожими признаками. Все они относятся к группе 1 по Д. Б. Шелову (1984; см. также главу 2 монографии и ниже, части 1.2, 2.1). Их важнейшие признаки следующие.

1. Высота около 4–5 (редко около 3 и 6) см. С учетом утрат и деформаций, изделия симметричны относительно вертикальной оси. Их корпус — пластинчатый (лишь голова может иметь рельефную проработку), представляет собой как бы две поставленные друг на друга повернутые буквы «Ш».

2. Обязательно наличие верхнего выступа (головы) с разной степенью детализации проработки лица. Часто схематически даны линии волос.

3. Руки и ноги — угловатые, примерно равны по высоте, как правило, имеют отходящие вовне выступы (условно — ладони и ступни). В отдельных случаях на выступах-ступнях бывают заметны выемки, образующие как бы каблуки. На одном из амулетов из Стаево-5, который найден грабителями (Каталог, 1-и9/3), ноги с каблуками имеют 2 параллельные горизонтальные линии, что, вероятно, должно было обозначать наличие обуви вроде сапога.

4. В ряде случаев на плечах и на бедрах наблюдаются горизонтальные углубленные линии.

5. Оборотная сторона изделий гладкая, в верхней части имеется ушко для подвешивания.

У некоторых фигурок плечи сглажены, аналогии таким вариантам есть среди образцов, включенных Д. Б. Шеловым в группу 1.

Экземпляры, у которых нижняя часть не сохранилась, могут относиться и к группе 2 по Д. Б. Шелову. От образцов группы 1 их отличает отсутствие нижней средней пластины, которую практически все исследователи считают изображением фаллоса. Таких фрагментов найдено немало, и исключение их из анализа существенно сузит поле аналогий. Кроме того, фигурки типов 1 и 2 часто имеют явно очень близкие детали, что бывает важно для рассмотрения признаков, их сочетаний и других аспектов анализа.

Исходя из сказанного, в качестве объекта исследования мы берем подвески групп 1 и 2 по Д. Б. Шелову, исключая изображения, заключенные в кольцо (как рис. 222: 14, 18); они не известны в Стаево и требуют особого исследования.

---

[1] В ссылке на Каталог (см. в конце текста) указывается его часть (номер региона, к которому относится находка) и (через дефис «-») номер позиции в этой части; «и» обозначает, что в этой части надо смотреть список находок, известных нам по данным интернета.

Остальные фигурки привлекаются нами для анализа лишь по мере необходимости, они не включены в Каталог.

2. Из истории изучения

Амулеты интересующего нас типа вошли в научный оборот с середины XIX в. (рис. 219: 10, 11; Каталог, 3-3/1–2). Примечательно, что уже в 1879 г., публикуя опись коллекции К.И. Ольшевского в трудах V Археологического съезда, среди очень ограниченного числа иллюстраций авторы сочли нужным поместить литографию важной для нашей темы фигурки из Камунты (рис. 220: 18; Каталог, 5-2), а рядом — двух упомянутых выше аналогичных подвесок из Херсонеса и двух изображений стилистически близких фигурок на коже (рис. 223: 8–9).

С конца XIX в. появились данные о находках таких подвесок[2] при раскопках в Керчи (рис. 219: 12–16; Каталог, 4-3/1–4). В 1900 или 1905 г. одна из рассматриваемых здесь находок (рис. 218: 14; Каталог, 2-3) поступила в Херсонскую губернскую ученую архивную комиссию. По-видимому, не позднее 1914 г. три интересующие нас подвески были приобретены Музеем доисторического периода и ранней истории в Берлине (рис. 218: 11; 220: 8, 13; Каталог, 2-8, 5-4, 7-1).

Тем не менее специального интереса, насколько нам известно, находки конца XIX — начала XX в. не вызвали. Видимо, упомянутая выше подборка 1879 г., явно предполагавшая широкий взгляд на подобные находки, уже забылась.

В Северокавказском регионе подвески рассматриваемых нами групп в комплексах впервые были найдены в 1927 и 1936 гг. на Кубани (Рис. 230Г: 1; 230Д: 3; Каталог, 4-4), в 1937 г. в Кисловодской котловине (рис. 230А: вверху; Каталог, 5-8). М.В. Покровский (1936, с. 89) упомянул аналогию таким вещам из коллекции К.И. Ольшевского; Н.В. Анфимов в неопубликованном тогда отчете — в Херсонесе (Анфимов, 2016, с. 54).

Первая этнокультурная оценка таких предметов, во всяком случае оказавшая заметное влияние на последующую историографию, кажется, принадлежит В.Ф. Гайдукевичу. Для найденной в Тиритаке «итифаллической мужской фигурки» (рис. 219: 17; Каталог, 4-5) он указал аналогии на Кубани и «Кавказе» и пришел к выводу, что они связаны с «сармато-аланским» воздействием на культуру Европейского Боспора (Гайдукевич, 1949, с. 42; 1958, с. 172).

Существенно более полная подборка подобных амулетов была представлена А.Т. Кругликовой в связи с публикацией комплекса из Айвазовского (рис. 230В: 1; Каталог, 2-1) в 1957 г. Она указала 11 находок из Керчи (в основном) и с Северного Кавказа, отметив, что в Керчи они появились не позднее IV в. Образцы «общего типа» таких фигурок можно найти от античных городов Северного Причерноморья до Прикамья, при этом фигурка из Айвазовского и близкие ей «представляют собой нечто новое по форме, но по существу, вероятно, здесь сохраняются прежние представления об этих привесках как об амулетах или «оберегах»» (Кругликова, 1957, с. 254–256). Могилу из Айвазовского исследовательница датировала концом IV или началом V в., а стилистику фигурки считала свидетельством «о приходе гуннских племен в Крым с востока» (Кругликова, 1957, с. 256, 257). Эта линия в понимании интересующих нас фигурок получила развитие в ряде работ 1960–1970-х гг.

Н.В. Пятнышева (1967, с. 186) обратила внимание на «амулеты в виде схематически стилизованных человеческих фигурок из бронзы» в Херсонесе (не привлеченные к анализу В.Ф. Гайдукевичем и Т.А. Кругликовой) и поставила их в контекст «гуннско-тюркской прослойки» населения этого города.

Л.М. Левина среди антропоморфных изображений джетыасарской культуры отметила бронзовые фигурки, наиболее близкие находкам в Керчи и на Северном Кавказе, и вслед за А.Т. Кругликовой объясняла это сходство как свидетельство гуннской экспансии, но связывала не с самими гуннами, а с вовлеченными в их миграцию народами (Левина, 1968, с. 170–173, 178). Однако в более поздних работах Л.М. Левиной и Л.В. Чижовой подобные трактовки не фигурируют, а акцент анализа контекста антропоморфных изображений переносится на северную, в основном приуральскую и западносибирскую металлопластику (Левина, Чижова, 1995; Левина, 1996, с. 246–248).

Пожалуй, наиболее жестко гуннская атрибуция интересующих нас вещей сформулирована в очень краткой заметке Б.Ю. Михлина (1972). Его аргументы — упомянутые выше статьи

[2] В.В. Шкорпил сначала посчитал такую вещь фибулой (Шкорпил, 1910, с. 32), но потом специально написал, что это — подвески (Шкорпил, 1913, с. 19).

Н. В. Пятнышевой и Л. М. Левиной, а также «монголоидный тип гунна» на публикуемой им белосарайской находке (рис. 219: 5; Каталог, 2-4) и ее привязке к степной зоне. Опубликованные крымские экземпляры он считал более примитивными по исполнению, хотя амулет с Белосарайской косы связывал с работой крымских мастеров.

А. К. Амброз в диссертации, защищенной в 1972 г., «удивительно однообразные угловатые фаллические фигурки человечков» из Северного Кавказа и Керчи, опираясь на свою хронологическую систему, отнес к VII в. (Амброз, 1992, с. 84). В статье начала 1980-х гг. такие фигурки из Керчи были отнесены им к эпохе, датируемой второй половиной VI — VII в. (Амброз, 1994, рис. 3: вверху). И. А. Баранов (1990, с. 18–19), ссылаясь на диссертацию А. К. Амброза, датирует такие подвески серединой — 2-й половиной VII в. А. И. Айбабин в таблице сериации крымских комплексов отнес такие фигурки к индикаторам 4-й четверти VII в., хотя в тексте не настаивал на столь узкой дате, а позднее использовал такие находки как аргумент о наличии на памятнике материалов VII в.; в вопросе об этнической принадлежности таких амулетов он придерживался «сармато-аланской» атрибуции, указывая на их ареал (Айбабин, 1990, с. 58, рис. 2: 164; 1999, с. 137). Однако многими археологами такая хронология (и не только для амулетов) не была принята. Так, И. П. Засецкая вещи из ряда комплексов, на которые опирались А. К. Амброз и А. И. Айбабин, отнесла ко 2-й половине V — 1-й половине VI в. и ко 2-й половине VI — началу VII в. (Засецкая, 1998; 2003; 2008).

Особая линия исследования интересующих нас фигурок сложилась с 1960-х гг. в кавказоведческих работах. В. А. Кузнецов, опираясь на атрибуцию Т. А. Кругликовой, не только бронзовые фигурки, но и кожаные мешочки, на которых были вышиты подобные фигурки (рис. 223: 8–9), связывал с амулетами; принимая даты крымских находок (IV–V вв.), он отметил, что у алан эта традиция существовала дольше (Кузнецов, 1962, с. 39). Он же в связи с публикацией находки из Владикавказа (рис. 220: 16; Каталог, 5-1) приводит дату «V–VI вв.», отмечая, что везде, где есть такие амулеты, отмечено «сармато-аланское» присутствие, а в «Паннонии», где был центр Гуннской державы, таких находок нет (Кузнецов 1980, с. 64). Г. Е. Афанасьев амулет из Мокрой Балки (рис. 220: 12; Каталог, 5-7) соотнес с фаллическим культом, сочетающимся с культом вождей (центральный выступ снизу он определил как фаллос, а перпендикулярный ему — как пряжку, служившую «иерархическим символом»), наличие же подобных амулетов, окаймленных кольцом, дополняет такой семантический набор солярным культом (Афанасьев, 1976, с.130).

Следующий этап в изучении рассматриваемых подвесок связан со статьями, опубликованными в начале 1980-х гг.

В. Б. Ковалевская (Ковалевская, 1983)[3] из 23 известных ей антропоморфных амулетов Северного Кавказа «VI–IX вв.» выделяет тип 1 (пять экземпляров) — подвески в виде обнаженных фигурок с ярко выраженными фаллическими признаками и «прямоугольными формами», средней высотой 4,5 ± 0,19 см, шириной 1,8 ± 0,1 см. Голова у них — круглая или в коническом головном уборе, черты лица отсутствуют или схематические, ноги повторяют «линию рук». Указывая на находки таких амулетов в катакомбах и «грунтовых северокавказских могильниках» (очевидно, имеется в виду Пашковский могильник) делается вывод «в пользу… аланоболгарской принадлежности» рассматриваемых подвесок; аналогии типу 1 указаны от Крыма до Прикамья и Приаралья (Ковалевская, 1983, с. 44–45). Отметив случаи, когда амулет типа 1 или его изображение на керамике встречены в катакомбе, где рядом с мужчиной погребена женщина или девочка-подросток (судя по инвентарю), В. Б. Ковалевская пишет об обряде посмертного бракосочетания и тут же о наложницах, в том числе не прошедших инициацию, ссылаясь на детские погребения в Крыму (Ковалевская, 1983, с. 45–46). Сами фаллические подвески предложено считать изображением «Главного Божества Неба», «небесного огня, плодородия и чадородия» (Ковалевская, 1983, с. 48).

«Наиболее выразительный» комплекс из Мокрой Балки (рис. 231: Б; Каталог, 5-7) В. Б. Ковалевская датировала «не ранее рубежа VII–VIII вв.», хотя указывает и дату «VII–VIII вв.»; комплекс из Лермонтовской скалы (рис. 231: А; Каталог, 5-5) — «VI–VII вв.»; Пашковский

[3] Основной текст этой статьи В. Б. Ковалевской практически дословно, но без ссылки, повторен как часть ее же статьи 1995 г., т. е. ряд авторов, ссылаясь на него, имеют в виду то же, что и мы, ссылаясь на публикацию 1983 г. (первую по времени).

могильник в целом (рис. 230: Г, Д; Каталог, 4-4/1-2) — «VII в.»; появление же типа 1, который она считает наиболее ранним среди всех рассматриваемых ею антропоморфных амулетов, относит ко «второй половине VI — VII в.» (Ковалевская, 1983, с. 45, 48). Отметим, что эти даты обосновываются *перечислением категорий* находок из упоминаемых комплексов без указаний, кем и как получены даты таких вещей. Не аргументировано и утверждение, что «хронологическим признаком, очевидно, можно считать изображение ног как прямое продолжение рук» (Ковалевская, 1983, с. 44)[4].

Чуть позже, в 1984 г., вышла компактная, но очень насыщенная материалом статья Д. Б. Шелова. Он, полемизируя с И. Т. Кругликовой, Б. Ю. Михлиным, В. Б. Ковалевской, считал, что подход к типологии антропоморфных амулетов требует строгости и более четкого определения признаков. По аналогии с изделием из Танаиса (рис. 219: 1; Каталог, 2-9) он выделяет особый тип амулетов (группу 1): из бронзовых пластинок, представляющих схематическую человеческую фигуру с геометризированным изображением туловища, конечностей, фаллоса, «изгибающихся и пересекающихся под прямыми углами» (Шелов, 1984, с. 241, 242). Отмечены были и вариации таких изображений, но без изображения фаллоса в виде пластинки, отнесенные к группе 2 (Шелов, 1984, с. 242–243).

Важное значение имеет и представленная Д. Б. Шеловым, исчерпывающая для своего времени сводка подвесок 1-й группы, насчитывающая 25 находок (правда, не все они определены достоверно — см. Каталог) из Крыма, Приазовья, с Северного Кавказа (Шелов, 1984, с. 242). Перечислены были и находки 2-й группы (в том числе с изображениями, заключенными в кольцо), концентрирующиеся на Северном Кавказе, за исключением одной находки с Дона; при этом привлекаемые рядом авторов аналогии с других территорий — «лишь приблизительны и не могут способствовать выяснению вопроса о хронологии и происхождении рассматриваемых памятников» (Шелов, 1984, с. 243).

Анализируя датировку археологического контекста находок, Д. Б. Шелов обратил внимание на показания монет и надписей, делая вывод, что амулеты впервые появляются на Керченском полуострове в догуннское время; экземпляр из Танаиса, судя по контексту, принадлежит раннегуннскому времени («конец IV — 1-я треть V в.»); находки с Северного Кавказа, судя по датам В. Б. Ковалевской, наиболее поздние, учитывая, что в склепе 118 из Чуфут-Кале есть монета 325 г., т. е. и амулет из него может быть античком (Шелов, 1984, с. 243–244).

Подводя итог, Д. Б. Шелов в отношении амулетов 1-й группы присоединился к предложенной В. Ф. Гайдукевичем сармато-аланской атрибуции, но отметил, что их датировка «свидетельствует как будто бы в пользу обратного пути проникновения — с Керченского полуострова на Северный Кавказ» (Шелов, 1984, с. 244).

И. О. Гавритухин, тоже обратив внимание на разнородность антропоморфных амулетов, отметил для VI–VII вв. по доступным ему материалам «черноморско-кавказские» формы (сюда были отнесены все интересующие нас находки), отличающиеся от «кавказско-волжско-приаральских» и тех, стилистика которых отражена в фигурках, представленных в кладах круга Мартыновки (Гавритухин, 2004, с. 210–211). В связи с анализом находок на Ильичевском городище (рис. 220: 1–3, 5–6; Каталог, 4-2) он подчеркнул, что основной зоной концентрации рассматриваемых амулетов является Боспор (причем как Европейский, так и Азиатский) и, еще более расходясь с Д. Б. Шеловым, ставил их в контекст эпохи Великого переселения народов (Гавритухин, Паромов, 2003, с. 154). Были уточнены и датировки ряда «реперных» комплексов с такими подвесками, в том числе склепа 78/1907 из Керчи (рис. 232; Каталог, 4-3/1) 1-й половиной и серединой VI в. (Гавритухин, Казанский 2006, с. 304, 314, 319), Ильичевского городища (рис. 220: 1–3, 5–6) в пределах V (конца IV?) в. — 576 г. (Гавритухин, Паромов 2003, с. 152–154), катакомбы 4К(1969) из Мокрой Балки (рис. 231: Б; Каталог, 6-7) серединой — 2-й половиной VI в., вероятно, не позднее 580 г. (Гавритухин 2001б, с. 43, 48).

А. М. Новичихин (2007), публикуя находку из Анапы или из ее окрестностей (рис. 220: 10; Каталог, 4-1) тоже связал ее с «общебоспорским культурным пространством», но IV–V вв., приняв даты Д. Б. Шелова. При этом «плоские» амулеты «IV–VIII вв.» он возводит к широко представленным в Северном Причерноморье

[4] Оно сопровождается отсылкой на рисунок фигурки из погребения на р. Подкумок (рис. 220: 14). Однако приведенная характеристика не стыкуется с изображением. Вероятно, произошла ошибка при ссылке, и имелось в виду изображение находки из Пашковского могильника (рис. 220: 4), расположенное на рисунке в статье рядом с упомянутым выше.

«скульптурным» I–III вв., сделанным из бронзы и египетского фаянса, отмечая, что все эти вещи не несут этнической информации. Соглашаясь с В. Б. Ковалевской в определении функции таких амулетов, исследователь делает принципиально важное уточнение, что они не связаны с погребальным культом и носились при жизни, о чем свидетельствуют потертость публикуемой вещи и наличие находок на городищах.

А. В. Мастыкова (2009, с. 82–83) при анализе женских уборов западной части Северного Кавказа конца IV — середины VI в. «антропоморфные фигурки с петлей на оборотной стороне» рассматривала в рамках подборки, сопоставимой с типами 1 и 2 по В. Б. Ковалевской, очевидно, считая типы 3 и 4 более поздними. «Не претендуя на решение» вопроса датировки, А. В. Мастыкова среди наиболее ранних назвала находку в Танаисе (рис. 219: 1; Каталог,2-9) «370–380-х — 450–460-х гг.», а северокавказские находки отнесла «к постгуннскому времени, т. е. к позднему V — второй трети VI в.», указав на комплекс из Мокрой Балки (рис. 231: Б; Каталог, 5-7) среди позднейших, что подтверждается материалами «раннего VI в.» из склепа 78/1907 в Керчи (рис. 232; Каталог, 4-3/1). Позднее, в связи с исследованием материалов Пашковского могильника, она опиралась на эти выводы, лишь уточнив датировку склепа 78/1907 в Керчи, отнесенного к 1-й половине VI в. (Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016, с. 23–24).

Важным событием стала публикация подвески 1-й группы по Д. Б. Шелову из Самарской области (рис. 218: 10; Каталог, 1-11), что положило начало корректировке устоявшихся представлений об ареале таких находок. Это совпало с интенсивным исследованием именьковской культуры и вызвало в 2000-х гг. обсуждение интересующих нас подвесок археологами из Самары.

Г. И. Матвеева, рассматривая антропоморфные амулеты Волго-Уральского региона V–VII вв., предложила их детальную классификацию, в отношении интересующих нас вещей следуя типологии В. Б. Ковалевской. Анализируя эти фигурки (без подразделения на типы!), она отмечала, что погребения с ними в рассматриваемом регионе, как и в некоторых других, принадлежат женщинам и детям, а наиболее ранние (I–IV вв.) указывала в Крыму, «изредка» у сармат Прикубанья и Поднепровья (Матвеева, 2003, с. 59–61). Отмечая принадлежность таких амулетов разным культурам Волго-Уралья, исследовательница в связи с этим писала: «Столь тесное смешение именьковских (романовских) и турбаслинских племен возможно объясняется их совместным проживанием на одной территории до прихода в Южное Приуралье», называя наиболее вероятным ареалом Нижнее Поднестровье и Подунавье, где известны «черняховские и сарматские» памятники (Матвеева, 2003, с. 63).

Д. А. Сташенков (2004) в вопросе об этнической атрибуции амулетов посчитал «наиболее аргументированной» точку зрения В. Ф. Гайдукевича и Д. Б. Шелова. Так как у публикуемой им находки (рис. 218: 12; Каталог, 1-4) недоделано отверстие для подвешивания, исследователь включил территорию именьковской культуры, наряду с Крымом, Северным Кавказом, Приаральем, в «основные центры» производства антропоморфных амулетов, связанных с «сармато-аланскими группами, входившими в состав полиэтничного населения этих регионов в период IV–VII вв. н. э.» (Сташенков, 2004, с. 286). Проработка головы этой фигурки трактуется как изображение шлема с наносником, что позволяет говорить о связи амулета с «дружинным» культом (Сташенков, 2004, с. 286).

А. В. Богачев тоже принимает типологию антропоморфных амулетов Г. И. Матвеевой и склоняется к их этническому определению, данному Д. Б. Шеловым, и не разделяя такие вещи на типы, ставит их в ряд «этномаркирущих типов… оставленных как протославянским, так и сармато-аланским населением» (Богачев, 2011, с. 112–117, 169; 2016, с. 40).

Практический отказ от призыва Д. Б. Шелова опираться в выводах на рассмотрение конкретных, четко выделенных типов, имеющих обоснованную насколько возможно «узкую» датировку, характеризует и работы ряда других авторов. Среди них — те, где обсуждаются вопросы семантики амулетов (например, Гарустович, 2015), конечно, на археологическом материале требующие большой осторожности и строгости методик. В работах Е. В. Вдовченкова (2010а, 2010б, 2019 — наиболее полные известные нам варианты) затронуты практически все вопросы изучения рассматриваемых фигурок. Однако предложенные им наблюдения и выводы (иногда весьма оригинальные) не получили необходимой аргументации.

Список работ в этом ключе, где только затрагиваются интересующие нас типы подвесок, нет возможности (да и нужды) приводить.

В ряде публикаций, безусловно ценных вводимыми в научный оборот материалами, авторы

ссылаются на ряд общеизвестных работ, не приводя новых аргументов в пользу той или другой точки зрения (например, Швецов, 2009/2018; Ушаков, 2010, с. 96), а иногда довольствуются статьей В.Б. Ковалевской (например, Карыгин, 2008, с. 170–171; Бажин, 2018, с. 149–150).

В некоторых недавних работах изданы материалы, существенно расширяющие представления о распространении подвесок рассматриваемого нами типа. Я.В. Володарец-Урбанович опубликовал экземпляр из Полтавской области (рис. 218: 9; Каталог, 1-3), происходящий с памятника пеньковской культуры (Володарець-Урбанович, 2016, с. 79, рис. 1). Рассматривая его аналогии, он дал наиболее полные список и карту (к сожалению, с несколькими неточностями; о некоторых см. Каталог) амулетов типа 1 по В.Б. Ковалевской (Володарець-Урбанович, 2016, с. 79–82; рис. 2–4). В аналитической части автор ограничился обзором некоторых точек зрения на аналогичные и схожие изделия, сосредоточившись на рассмотрении связей славян Поднепровья с Крымом и Кавказом.

Похожая карта с некоторыми дополнениями приводится и в статье, посвященной подробной публикации подвески из Алешковских песков (рис. 218: 14; Каталог, 2-3) группы 1 по Д.Б. Шелову. Авторы связывают распространение таких фигурок в Приднепровской степи с продвижением «сармато-аланов» или с торговыми связями населения Нижнего Поднепровья с Боспором (Володарец-Урбанович, Ганощенко, 2020, с. 15). Дата (IV–VII вв.), по-видимому, получена комбинированием разнородных точек зрения. Отметим и то, что в этой статье представлена наиболее полная, по сравнению с предшествующими работами, панорама истории изучения рассматриваемых фигурок.

Сенсацией стала публикация находок с поселения Стаево-5 в Тамбовской обл. (Обломский, 2019, с. 212, рис. 1). Кроме местоположения, удивляло число — 4 экземпляра получено в ходе раскопок, 3 известны по данным о нелегальных сборах, уточненным краеведом А.Д. Швырёвым. Рассматривая эти подвески, А.М. Обломский строго следует методике Д.Б. Шелова, работая с группой 1 по его типологии, а в вопросах хронологии принимая датировки И.П. Засецкой и А.В. Мастыковой. Составленная карта (наиболее полная) и рассмотрение этнокультурной атрибуции памятников позволили автору присоединиться к коллегам, писавшим об основной концентрации рассматриваемых находок на Боспоре, и выдвинуть гипотезу о принадлежности этих амулетов купцам, имевшим дальние связи (Обломский, 2019, с. 215–216, рис. 2). Это предположение уже вызывало желание продолжить дискуссию (Мастыкова, 2020, с. 83-85).

Таким образом, в ряде работ были поставлены основные вопросы (обозначены проблемные узлы) в понимании рассматриваемых амулетов-подвесок, предложены подходы к типологии, обсуждались хронология, функции, поло-возрастная принадлежность, этнокультурная атрибуция, причины, по которым иконографически очень схожие амулеты распространяются весьма широко. Попробуем дать на эти вопросы свою версию ответов.

3. Типология

Одной из важнейших идей в изучении рассматриваемых фигурок мы считаем призыв Д.Б. Шелова (1984) опираться в умозаключениях на типологическую систему с четко обозначенными таксонами и их признаками. С одной стороны, для понимания вещей, ставших поводом данной публикации, кроме ближайших аналогий, требуется некий «типологический зазор» — фон, без которого невозможно правильно оценить специфику рассматриваемых вещей. С другой стороны, этот фон не может быть безграничным и расплывчатым. В отношении категорий вещей, с которыми работали несколько поколений специалистов, решение этой дилеммы не сложно. Например, если надо рассмотреть вариант фибул, фоном будет тип, если тип — группа или подгруппа. Для интересующих нас подвесок столь тривиального решения мы не знаем. Поэтому начнем издалека, ориентируюсь на таксономическую структуру и терминологию, успешно применяемую для фибул.

3.1. Общие основания

Группа, к которой относятся рассматриваемые вещи, — металлические (как правило, бронзовые) антропоморфные подвески с петлей на обороте.

Подгруппа — «угловатые» фигурки с пластинчатыми (главным образом, прямоугольными) частями туловища[5].

[5] Так как речь идет об антропоморфных фигурках, название частей тела мы употребляем без кавычек, кроме тех случаев, когда атрибуция может вызывать сомнения или условна.

Тип — часть подгруппы, объединяющая несколько вариантов. Иногда синонимом этого термина является «серия» (например, Амброз, 1966, с. 7–8). Для нас важно их семантическое различие. Термин «тип» мы применяем в случаях, когда таксон выделяется по нескольким жестко обозначенным признакам. Последовательность и значение этих признаков отражены в названии типа.

Серия — тоже представляет собой объединение вариантов, в случае, если нами предполагается не только формальная, но и конкретно-историческая их взаимосвязь. Поэтому серия может быть частью типа, но может и не укладываться в его рамки.

Вариант, когда он является подразделением типа или отличается от других вариантов по одному признаку, логично обозначить цифрами или буквами. Для вариантов в рамках серий (как и для самих серий) более органично наименование именем собственным — по выразительному или общеизвестному образцу, ареалу, следуя традиции или тому подобное.

Необходимо отметить, что варианты, задаваемые устойчивым сочетанием значимых признаков (см. ниже), в нашем случае удается выделить редко. Отчасти это объяснимо тем, что серии, как правило, количественно невелики. Нужно учесть также, что изготовление интересующих нас амулетов, судя по всему, не было массовым — такие вещи делались, наверное, всегда по индивидуальному заказу, в пользу чего свидетельствует и немалое число несерийных предметов. Тем не менее создавался вполне конкретный образ, в котором часть признаков диктовал заказчик, а другие отражают особенности стиля мастеров. В любом случае мы выходим на пучки реальных взаимосвязей.

Иногда требуется **дополнительное подразделение или группировка** таксонов или вещей. Тогда вводятся термины «блоки» серий и/или вариантов, «разновидность», «вариация» и т. п.

Признаки — основа классификации по любой из методик, определяющая эффективность системы. Попытки учесть их «максимально» — логический тупик, ведь число признаков бесконечно. Кроме как эмпирически, их отбор невозможен, остается опираться на опыт предшественников и на свой, а также, конечно, на интуицию. Мы считаем, что признаки имеют «вес», и один признак может быть важнее нескольких других. Поэтому их механическое комбинирование как «условно равноценных» — малоперспективно, хотя иногда и бывает полезно. Но и «взвесить» признаки мы не умеем, поэтому указываем на те, что считаем важными, исходя из опыта, накопленного нами и нашими предшественниками. Критерий их правильного отбора — работающая (позволяющая увидеть значимую информацию) классификация.

3.2. Подразделения подгруппы «угловатых» фигурок

При рассмотрении интересующих нас фигурок обращалось внимание на следующие признаки:

а) наличие или отсутствие «фаллоса», т. е. нижняя часть фигурки напоминает перевернутую букву «Ш» или же «П». Добавим, что чаще всего «фаллос» имеет прямоугольную форму и доходит до уровня ступней;

б) наличие или отсутствие выступа-бугорка в центре таза, иногда — чуть выше. Добавим, что, как правило, он один и имеет полусферическую форму;

в) наличие или отсутствие врезных горизонтальных линий на уровне плеч и бедер. Добавим, что такие линии могут быть парными или одиночными (единично — тройными), иногда встречаются они и на ладонях, ступнях;

г) очертания головы, с учетом наличия или отсутствия головного убора (он может быть разной формы), вероятной прически. Предположение об отражении этой деталью «искусственной деформации головы» не представляется нам обоснованным;

д) характер и степень проработки лица, прически, головного убора;

е) наличие «аксессуаров». О головных уборах (пишут и о «шлемах») — см. выше; о пряжках (идея Г. Е. Афанасьева) — см. про бугорки в районе таза. Обратим внимание на каблучки, в том числе в комбинации с выступами и/или врезками в нижней части ног, очень напоминающие стремление обозначить сапоги.

Типообразующими мы считаем взятые обобщенно признаки «а» и «б». Остальные важны при выделении серий и вариантов, насколько это позволяет доступный материал. Таким образом, получается следующая классификационная система.

Тип 1 (рис. 224: 1–10, 12–18; 20–22; 225: 1–24, 26–29) — с нижней частью в виде перевернутой буквы «Ш». В целом он соответствует группе 1 по Д. Б. Шелову.

Подтип 1А (рис. 224: 1–10, 12–18; 20–22) отличается от 1Б отсутствием выступа-бугорка в районе таза.

Серия Белосарайская названа нами по одному из самых «стильных» экземпляров на фоне рассматриваемых типов и включает иконографически близкие ему фигурки (рис. 224: 1–4; Каталог, 1-9/1, 1-и2, 1-и9/2, 1-и12, 2-1, 2-4, 3-и2 4-3/1, 7-и1/1, 7-и3/1, 7-и5/1, 7-и6/1). Для ее выделения показательны: округлая/овальная или яйцевидная голова, иногда с «подрезкой» внизу; наличие прически, обозначаемой горизонтальной чертой (нередко и рельефно) и/или вертикальными линиями, с прямой челкой (достоверно только на рис. 224: 1 имеющей форму двух соединенных слабо выгнутых дуг); детали лица проработаны, как минимум, присутствует их обозначение, например, глаз, рта; на плечах и бедрах нанесены парные или одиночные (в одном случае — тройные) горизонтальные линии, есть случаи, когда такие линии имеются на ладонях и ступнях, которые обычно обозначены загибами, как правило, Г-образными.

Ареал этой серии (рис. 226: а1) включает бассейн Верхнего Дона (2 экз. в Стаево, Битюг, Тимирязево), Северное Приазовье (Белосарайская коса), степной (Айвазовское) и горный Крым, Европейский Боспор (Керчь), что подтверждают вещи, точнее не локализуемые. Находка с «Северного Кавказа» может происходить с Тамани (Азиатского Боспора; не картографирована) или с тесно связанных с этим регионом памятников черноморско-кубанской зоны, но не исключает и расширение южной части ареала рассматриваемой серии на восток.

Как дериваты серии Белосарайская ***или гибридные формы*** можно рассматривать экземпляры из, вероятно, Юго-Западного Крыма и еще одну находку из Крыма (рис. 224: 13; Каталог, 3-4, 7-и1/2). У них голова сверху не имеет вертикальных врезок, а кроме горизонтальной линии, расположенной над лицом, есть еще одна, отделяющая верх головы так, что эта деталь похожа на маленькую шапочку, напоминающую тюбетейку или ермолку. Головные уборы встречаются у некоторых изделий других серий, но они зачастую отличаются от рассматриваемого формой или размерами (см. подробнее ниже, в части 6.1). Из Юго-Западного Крыма происходит и вариация-гибрид серии Белосарайская с серией Керчь подтипа 1Б (Каталог, 3-и1/2).

У экземпляра из Мордово в Самарском Поволжье (Каталог, 1-и6/1) прическа и черты лица не проработаны (углублениями обозначены лишь места глазниц), горизонтальные полосы (две) есть только на уровне плеч, «фаллос» выступает за линию ступней, несколько расширяется к низу, а на его торце есть маленькая вертикальная черточка-врезка. Очевидно, что это — гибрид с серией Куюк-кала 1 подгруппы 1Б. Аналогичную атрибуцию мы предлагаем и для находки из Куюк-калы (рис. 224: 12), у которой не проработаны детали, но весьма показателен абрис.

В ряд дериватов или гибридов можно поставить и фигурку из Стаево (рис. 224: 6; Каталог, 1-9/2), у которой овальная голова сверху и с боков имеет окаймление из черточек. Возможно, это отражение стилистики причесок, характерных для ряда находок из Азии (например, рис. 224: 26; 225: 31), не исключено, что повлиявших и на другие экземпляры, например, блок вариантов 1 серии Марьинка подтипа 1Б (как рис. 224: 8; см. о нем ниже). Схожую стилистику окаймления головы отметим и у матрицы из Мощенки (рис. 225: 38) подгруппы 2А.

Экземпляр из Херсонеса (рис. 224: 5; Каталог, 3-3/1) отличается от «классических» образцов только отсутствием проработки волос. Даже если считать элементом упрощения сильно укороченный «фаллос» (четких аргументов для этого нет), этот амулет следует отнести к дериватам «первого порядка».

Находку из Саратовской области (Каталог, 2-и4) на этом фоне выделяет изображение лица, занимающее лишь центральную часть головы, отсутствие на теле горизонтальных полос. Фигурка из степного Крыма (Каталог, 2-и5) — гладкая полностью или за исключением верхней части головы (по доступному фото судить об этом трудно); ладони на ее руках, похоже, не выделены, хотя нельзя исключить того, что они утрачены в древности (про ступни ничего сказать нельзя, так как большая часть ног утрачена). Экземпляр, место находки которого не известно (Каталог, 7-и7/1) — полностью гладкий, без выраженных ступней, с ладонями, только намеченными косым срезом на конце внутренней стороны рук.

Не исключено, что по мере увеличения числа находок, рассмотренные вариации можно будет отнести к особым сериям. Пока же отметим, что их география (рис. 226: а2, а3) в основном не выходит за ареал основных вариаций серии Белосарайская. Однако две находки расширяют зону их влияния до Самарского Поволжья, и одна — до Средней Азии.

Рассматриваемой серии близки некоторые вариации подтипов 1Б и 2Б, но вот близких ей примеров подтипа 2А пока не зафиксировано.

Серия Марьинка отличается от Белосарайской тем, что у фигурок нижние части головы оформлены дугами, как бы вырезающими из нее нижние боковые сегменты; упрощенная проработка деталей. Второй признак имеет вариации, позволяющие разделить серию.

Блок вариантов 1 (рис. 224: 8; Каталог, 1-и7, 1-и9/1, 2-5, 2-и1, 2-и7) характеризуют: голова с обозначенными деталями, в том числе врезными черточками в верхней части ее периметра, глазами, ртом, зачастую сочетанием этих элементов; горизонтальные врезные линии. Его ареал (рис. 228: в) охватывает степи Северного Приазовья (Марьинка, Харьковская область) и Восточного Подонья (Волково), север бассейна Дона (Стаево), Среднее Поочье (окрестности Пронска).

Блок вариантов 2 (рис. 224: 9–10, вероятно, и 224: 11; Каталог, 1-9/3, 2-10; вероятно, 1-9/4) характеризуют: обозначение глаз, носа или рта, в том числе их сочетание, но всегда без черточек по периметру; отсутствие врезных линий на туловище. Зона его распространения (рис. 228: в) близка ареалу блока вариантов 1 — Нижний Дон (Филипповская), север бассейна Дона (Стаево, один экземпляр — несомненно; второй — теоретически может относиться к другому подтипу, но по сумме сохранившихся признаков наиболее близок образцам блока вариантов 2).

Как дериваты некоторых из этих образцов можно рассматривать экземпляры, совсем не имеющие врезных деталей. У фигурки из Краснодарского края (Каталог, 7-и2/1) не выделены или утрачены в древности ладони и ступни; голова сильно, сравнительно с указанными выше экземплярами, вытянута по вертикали. Схожую форму головы имеет подвеска из Мордово в Самарском Поволжье (Каталог, 1-и6/2), но у нее своеобразно оформлены ладони и ступни — они выделены прогибом внешней стороны нижней части рук и ног, слабо отогнуты, на концах приострены.

Ряд находок мы относим к ***отдельным вариациям***. Они имеют переклички с описанными и друг с другом, но их признаки не дают устойчивых сочетаний, а некоторые детали необычны для других находок рассматриваемой серии, иногда и не только для нее.

У экземпляра из Куюк-калы в Азии (рис. 224: 7; Каталог, 6-3/2) прическа аналогична образцам серии Белосарайская и связанным с ней вариациям других подгрупп, при этом «фаллос» расширяется книзу и заходит ниже уровня ступней, что показательно для серии Куюк-кала 1 подгруппы 1Б и некоторых, вероятно, связанных с ней, единичных вариаций других серий.

Расширенный книзу «фаллос» с вертикальной врезкой сближает фигурку с реки Мокша в Рязанской области (Каталог, 1-и5) с серией Куюк-кала 1; горизонтальные врезные полосы (они есть и на Г-образно выделенных ладонях и ступнях) — с блоком вариантов 1; отсутствие намека на прическу показательно для блока вариантов 2, но приостренная вверху голова и ребро, идущее от ее вершины до рта, напоминая нос, не характерны для него.

Находка без точной локализации, возможно, из Крыма (Каталог, 7-и5/2), напоминает описанную формой и проработкой головы, наличием горизонтальных полос, но отличается формой «фаллоса», нарочитой приостренностью локтей и колен — они загнуты под углом немного более острым, чем прямой.

Фигурка из Сумской области (Каталог, 1-и10/2) наиболее близка экземплярам блока вариантов 1, но у нее не проработана прическа. Кроме того, слабое выделение конца «фаллоса» ставит ее в ряд с двумя упомянутыми чуть выше находками, хотя по деталям этого признака она несколько отличается от них.

К ***гибридной*** с серией Керчь ***вариации*** относится находка из Сумской области (Каталог, 1-и10/5), с блоком вариантов 1 ее сближает наличие врезных горизонтальных линий, с блоком вариантов 2 — неорнаментированная голова, с серией Керчь — «сросшиеся» руки и ноги.

Места находок дериватов, гибридной формы и индивидуальных фигурок серии Марьинка существенно расширяют ее ареал (рис. 228: в) — до Днепровского Лесостепного Левобережья (два экземпляра из Сумской области) на западе, Краснодарского края и, возможно, Крыма (не картографировано) на юге, низовий Амударьи (Куюк-кала) на востоке. Находки с Мокши и из Мордово приурочены к северной и северо-восточной периферии ареала этой серии.

Серия Глинище выделяется по каплевидной форме головы (рис. 224: 15, 16; Каталог, 1-и10/3, 4-3/4, 5-8, 4-и2; гибриды — рис. 224: 17, Каталог, 5-6, 7-и1/3). У всех известных фигурок нет врезных линий; выступы, обозначающие ладони и ступни, нечеткие, кроме гибридного с серией Керчь экземпляра (у него они Г-образно выделены)

и кисловодского варианта (см. о них ниже). У эпонимного экземпляра черты лица лишь намечены, у экземпляра с Кубани, судя по доступному нам фото, они намечены очень слабо или отсутствуют, у находки из Сумской области — проработаны лучше, но весьма схематично.

Кисловодский вариант выделяется сглаженными локтями и коленями, непроработанными деталями лица, невыделенными ладонями и ступнями (рис. 224: 16). Экземпляр из Мачт (рис. 224: 17) — плоский и необычно тонкий; низ туловища и верхняя часть ног у него образуют как бы треугольник, напоминающий полы кафтана, обозначенного на фигурках других подгрупп (например, рис. 222: 12, 13, 16, 17). Эта вещь представляет собой гибрид кисловодского варианта и образцов других типов и групп (учитывая отсутствие петли для подвешивания). Экземпляр с привязкой к Сумам (Каталог, 1-и11) стилистически наиболее близок кисловодскому варианту, скорее даже, его дериватам, но доступное нам плохое фото оставляет в этой атрибуции сомнения.

Находку из Крыма (Каталог, 7-и1/3) со «сросшимися» руками и ногами можно рассматривать как ***гибридную*** с серией Керчь подтипа 1Б, а по другим особенностям (прогнутые плечи, длинный треугольный «фаллос») следует выделять в особый вариант.

Места находок (рис. 227: а) образуют как бы пунктир от Боспора (Керчь) на Кубань и далее на восток в центральную часть Северного Кавказа (кисловодский вариант). Другое направление, вероятно, связанное с Боспором, уходит в Днепровскую лесостепь (Сумская область). Экземпляр из Крыма (не картографирован) может вписываться в эту картину, если происходит с Боспора или маркирует ответвление связей из Боспора на запад.

Серия Ильичевская выделяется по форме верхней части, близкой шестиугольнику — голове с остроконечным головным убором и приостреным подбородком (рис. 224: 18; Каталог, 1-и8, 5-и1, 7-2/1). Остальные детали у этих фигурок отличаются между собой, а небольшое число находок делает выделение вариантов преждевременным.

Изделие с Ильичевского городища не закончено, судя по неубранным остаткам литья в двустороннюю форму, «разнокалиберности» глаз, прерывистости и разной толщине деталей на месте рта. Поэтому нельзя исключить, что мастер намеревался доделать некоторые детали головы, линии или врезки на теле и тому подобные элементы, но не успел. Весьма неаккуратно выполненная фигурка из Самарской области, вероятно, тоже продукция местного мастера.

Ареал по трем точкам можно только наметить (рис. 227: е), он включает Азиатский Боспор (Ильичевское городище), Карачаево-Черкессию, Самарскую область.

Индивидуальные фигурки

Экземпляр из Алешковских песков в Северо-Западном Причерноморье (рис. 224: 20; Каталог, 2-3) выделяется: крупными размерами (высота 60 мм); наличием головного убора (шлема?); намеченными чертами лица; ногами, соединенными с руками и «фаллосом»; врезками (но не горизонтальными!) на плечах, ладонях, ногах; обозначением сапог. Соединенные руки и ноги напоминают серию Керчь подтипа 1Б и ее гибриды с другими сериями. Размеры и головной убор этой фигурки ближе всего экземпляру из Мокрой Солянки (рис. 224: 31; Каталог, 2-6). Отметим и сходство некоторых деталей с уникальной фигуркой из Червоноармейского (рис. 222: 26), не относящуюся к рассматриваемым нами типам, но, как и алешковская подвеска, найденную в степях Северо-Западного Причерноморья.

Фигурка с Северного Кавказа (Каталог, 7-и3/2) имеет необычные миндалевидную голову, торчащий нос, прогнутую нижнюю часть рук, почти вертикальные, но все же выделенные ступни; руки у нее «срослись» с ногами, что показательно для серии Керчь подгруппы 1Б, но встречается и у гибридов этой серии, в том числе с подгруппой 1А.

Экземпляр из Танаиса на Нижнем Дону (рис. 224: 14; Каталог, 2-9) отличается на общем фоне предельной простотой. У него голова рельефно не выделяется, она пластинчатая, как и вся подвеска; гладкие не только конечности, но и лицо; ладони и ступни не обозначены. Своеобразна и форма верхней части этой фигурки — она близка ромбу с высокой треугольной верхней частью.

Находка из Николаева или его окрестностей (Каталог, 2-и2) имеет очень маленькую округлую голову, гладкую поверхность, ладони и ступни у нее не обозначены. Она наиболее близка (если не считать особенностей головы) только что рассмотренному амулету из Танаиса, в меньшей степени — экземпляру из Стаево (рис. 224: 10). Это сходство трудно интерпретировать, учитывая небольшое число столь лаконичных изображений.

К сожалению, неизвестно место находки экземпляра (Каталог, 7-и6/2) с коническим головным убором, имеющим сверху грибовидный выступ (более всего напоминает головной убор на рис. 222: 10), выступающий нос, два полусферических углубления на груди и три таких же, расположенных треугольником, в районе бедер, намеченные пальцы и каблуки, другие особенности.

Не ясна принадлежность к сериям фигурок подтипа 1А из Анапы или ее окрестностей, Миздахкана, Сидак-тобе (рис. 224: 21, 22; Каталог, 4-и1/2, 6-4, 6-5), от которых сохранились только нижние части.

Подтип 1Б (рис. 225: 1–24, 26–29) отличается от 1А наличием выступа-бугорка в районе таза.

Серия Нижнекундрюченская представлена как вариациями, близкими образцам серии Белосарайской подтипа 1А, если не считать признак подтипа и (за единичным исключением) отсутствие в районе бедер врезных линий, что, наверное, связано с наличием там бугорка (рис. 225: 1–3; Каталог, 1-1/1, 1-и9/3, 3-1, 3-и2, 5-и2, 7-2/2, 7-и1/5), так и вариациями, постепенно теряющими характерные для нее детали или видоизменяющими их, подобно некоторым дериватам серии Белосарайская (рис. 225: 4–6; Каталог, 1-10, 2-7, 3-2, 3-и3). Аналогично этой серии, детали фигурок серии Нижнекундрюченская не образуют устойчивых сочетаний, позволяющих выделять варианты и/или их блоки. Отметим вариацию из Стаево — у этого человечка (Каталог, 1-и9/3) на ногах горизонтальными врезными линиями и каблуками показаны сапоги.

Ареал рассматриваемой серии (рис. 226: б) включает юго-запад Крымского полуострова (Херсонес, Карши-Баир, Чуфут-Кале, Горный Крым, окрестности Севастополя) и, наверное, Боспор (вероятно, Ильичевское городище) с ответвлением по Дону через степную зону (Нижнекундрюченская) к верховьям р. Воронеж (Уткино, Стаево) и в Среднее Поочье (Борок), а также на восток (Чечня). Отметим, что северные находки и основная часть юго-западных типологически наиболее далеки от образцов серии Белосарайская.

Серия Керчь выделяется по наличию у фигурок соединенных («сросшихся») рук и ног (ладоней с коленями). По остальным признакам (кроме показательного для подтипа) они в основном аналогичны образцам серии Белосарайская подтипа 1А (рис. 225: 17–19; Каталог, 4-3/2, 4-3/3, 7-1) или близки им, отличаясь непроработанностью прически (рис. 225: 20–21; Каталог, 3-3/2, 4-4/1). По указанным признакам намечаются ***блоки вариантов 1*** и ***2***.

К ***особой вариации*** относится фигурка из Борка (рис. 225: 24; Каталог, 1-1/3), которая выделяется наличием маленькой шапочки, как у вариации, отмеченной для серии Белосарайская, правда, в данном случае не выделена прическа. Нельзя исключить, что приостренная верхняя часть у еще двух находок (рис. 225: 22, 23; Каталог, 4-2/1, 4-3/5) является рудиментом такой шапочки. Впрочем, у одной из них (рис. 225: 22) абрис верхней части вполне сопоставим и с экземплярами, имеющими яйцевидную голову с «подрезанным» низом (например, рис. 224: 4; 225 1), т. е. она вполне вписывается и в блок вариантов 2. Фигурка с каплевидной формой головы (рис. 225: 23) может рассматриваться в контексте связей со стилистикой, представленной серией Пашковская подтипа 1Б или серией Глинище подтипа 1А, тогда она будет являться ***гибридной***.

Серия Керчь, наряду с формой головы большинства экземпляров, близка серии Белосарайская и тем, что характеризуется наличием горизонтальных линий на уровне плеч (на уровне бедер они отсутствуют, так как здесь расположен бугорок, как правило, исключающий врезную полосу). Отметим и то, что у экземпляров серии Керчь чаще, чем у других, встречается оформление горизонтальными линиями-врезками ладоней и ступней, не чуждое и серии Белосарайская.

Ареал серии Керчь весьма компактен (рис. 226: в): Боспор (3 экз. в Керчи; Ильичевское городище, причем весьма выразительный блок вариантов 1 достоверно зафиксирован только в Керчи), Юго-Западный Крым (Херсонес), Нижняя Кубань (Пашковский могильник). Находка из Борка в Среднем Поочье указывает на дальние южные связи этого региона, шедшие, судя по всему, через бассейн Дона на Боспор.

Следует отметить и гибридные вариации — с сериями Белосарайская, Марьинка, Глинище подтипа 1А, найденные в том же ареале, что блоки вариантов 1 и 2. Находка, гибридная с серией Марьинка, фиксирует связи с Днепровским Лесостепным Левобережьем.

Серия Лермонтовская скала отличается очертанием головы фигурок — оно близко ромбу (рис. 225: 29; Каталог, 1-и4, 1-и10/1, 5-5). Этот признак напоминает индивидуальный экземпляр подтипа 1А из Танаиса, однако

у рассматриваемых изображений ромб, если продолжить его нижние стороны, практически не только вертикально, но и горизонтально симметричен.

У эпонимного экземпляра проработаны волосы, глаза, рот. У человечка из Малых Алабухов лицо плоское, как у аналога из Танаиса, однако на этом сходство кончается — на плечах намечены две горизонтальные линии. Врезные черточки, перпендикулярные краю, покрывают верхние грани головы, напоминая блок вариантов 1 серии Марьинка подгруппы 1А, однако они нанесены и на внешней стороне плеч и рук. Узкие треугольные врезки имеются на торцах «фаллоса» (напоминая некоторые вариации серии Куюк-кала 1 подтипа 1Б) и ног (их ступни, в отличие от ладоней, не выделены). Намеченный в районе таза бугорок имеет форму равностороннего треугольника, повернутого вершиной вниз. Своеобразна, судя по доступному нам плохому фото, и фигурка из Сумской области — черты лица схематичны, бугорок в районе бедер имеет форму квадрата, конец «фаллоса» выделен горизонтальной полоской.

Как мы видим, рассматриваемая серия малочисленна, типологически пестра, находки не образуют сплошного ареала (рис. 227: г) — Донская и Днепровская лесостепь, центральные районы Северного Кавказа.

Серия Пашковская объединяет фигурки с каплевидной головой, что показательно и для серии Глинище типа 1А; сближает экземпляры этих серий и отсутствие врезных линий на голове и/или теле (рис. 225: 9–12; Каталог, 1-6, 1-7, 4-2/2, 4-4/2, 4-5). Для выделения вариантов слишком мало находок. Отметим экземпляр из Тиритаки (рис. 225: 12) с выделенными пятками, которые, судя по аналогиям (например, рис. 225: 27, 35), обозначают сапоги, а не анатомию ступней.

Ареал серии (рис. 227: б) включает Европейский и Азиатский Боспор (Тиритака, Ильичевское городище), Нижнюю Кубань (Пашковская), восток Днепровского Левобережья (Прозовское городище), Среднее Поочье (Нармушадь).

Серия Алексеевка выделяется по форме головы, аналоги которой представлены у ряда находок серии Марьинка подтипа 1А (рис. 225: 27; Каталог, 2-2, 2-и8, 7-и1/4). У эпонимного экземпляра (рис. 225: 27) присутствуют две врезные линии на уровне плеч (горизонтальные, если плечи выпрямить так, как обычно у рассматриваемых фигурок), два врезных отрезка нанесены на место лица, бугорок на уровне бедер имеет четырехугольную форму, на ногах каблуками и утолщением в нижней части икр отмечено наличие сапог. У двух других экземпляров (оба явно до конца не доработаны после отливки) намека на сапоги нет, а другие детали, в том числе пропорции частей тела, различаются. У находки из Херсонской области намечены глазницы-впадины и, возможно, нос, выступающий на их фоне; в районе бедер горизонтально расположены три бугорка. У человечка из Крыма макушка сглажена, детали лица, судя по доступному нам фото, не читаются, зато на уровне плеч, кажется, намечены две горизонтальные полосы.

Ареал этой серии (рис. 228: г) намечен двумя точками в Азово-Черноморских степях и одной в Крыму (к сожалению, без уточнения региона в его рамках, поэтому она не картографирована).

Серия Шелехметь включает амулеты с миндалевидной головой (рис. 225: 26; Каталог, 1-11, 2-и3). У обоих — прическа с прямой челкой проработана вертикальными врезными линиями, лицо не проработано или на нем намечены глаза, имеются сапоги, выделен конец «фаллоса». Это позволяет рассматривать данные фигурки в рамках ***блока вариантов 1***, подразумевая, что новые находки этой серии могут не иметь его характеристик.

Оба амулета происходят (рис. 226: г) из степи или примыкающей к ней лесостепи (Ростовская область и Шелехметь в Самарской области).

Серия Куюк-кала 1 объединяет фигурки (рис. 225: 7–8; Каталог, 2-и6, 3-и1/1, 6-3/3-4, 7-и5) с округлой или близкой овалу головой, небольшим на ее фоне головным убором, в том числе имеющим выступ, напоминающим «фригийский колпак». Еще более показателен «фаллос», он расширен книзу и внизу имеет врезку или скруглен и выступает за линию ступней.

Две эпонимные фигурки (рис. 225: 7–8) явно выделяются наличием «фаллоса», особенно сильно расширенного книзу, имеющему вырез в виде тупоугольного треугольника, и четко выраженной шапочкой. Они составляют ***блок вариантов 1***. По форме головного убора, неизвестного нам у фигурок других серий, к рассматриваемой серии относится фрагмент еще одного амулета из Куюк-калы (рис. 224: 19; Каталог, 6-3/3-9), судя по деталям, относящийся к другому блоку вариантов.

Из остальных находок каждая весьма своеобразна и их слишком мало для группировки. Отметим вариацию, представленную амулетом

с юга Харьковской области (Каталог, 2-и6), у фигурки имеется шапочка, напоминающая как небольшие, характерные для этой серии (рис. 225: 7), так и встреченные на особой вариации серии Белосарайская подтипа 1А (рис. 224: 13), на ногах каблуками обозначены сапоги.

Изделия блока вариантов 1 и фрагментированный экземпляр встречены на одном памятнике в низовьях Амударьи, остальные — в Ставропольском крае, Юго-Западном Крыму (Бахчисарайский район), на юге Харьковской области (рис. 228: а).

Следует упомянуть и ряд фигурок подтипа 1А, у которых «фаллос» имеет черты, близкие тем, что у образцов рассматриваемой серии, в том числе гибрид с серией Белосарайская подтипа 1А, ряд индивидуальных фигурок серии Марьинка подтипа 1Б и другие (см. в части 6.1 данной главы, рис. 228: д).

Индивидуальные фигурки и неопределимые экземпляры

Находка из Мокрой Балки (рис. 225: 15; Каталог, 5-7) выделяется формой головного убора, не имеющей полных аналогий, но наиболее близкой соответствующим деталям у некоторых экземпляров серии Куюк-кала 1 подтипа 1Б (например, рис. 225: 8); остальные детали переданы весьма скупо, необычен короткий заостренный «фаллос», аналог которому присутствует у фигурки тоже из Куюк-калы (рис. 225: 16; см. следующий экземпляр).

Человечек из Куюк-калы (рис. 225: 16; Каталог, 6-3/5), судя по прорезям на туловище, выступу на голове и другим деталям, является гибридным с рядом экземпляров из Азии, принадлежащих иной или неясной подгруппе (например, рис. 222: 4–6; 236: 23), правда, у тех прорезь более широкая и в нее вставлялся подвижный язычок (его функция непонятна), что у данного экземпляра едва ли возможно. Отметим и то, что выступ на голове у упомянутых аналогов явно передает пучок волос, а у рассматриваемой фигурки он приострен, напоминая шапочку у особой вариации серии Белосарайская подтипа 1А (как на рис. 224: 13).

Фигурку из Борка (рис. 225: 14; Каталог, 1-1/2) из-за отсутствия головы нельзя отнести к выделенным сериям безусловно. По сумме признаков ей наиболее близки амулеты серии Нижнекундрюченская (рис. 225: 1–3), в том числе найденный в том же микрорайоне, что и рассматриваемый. К редким деталям следует отнести наличие трехчастного бугорка в районе таза. Это напоминает ряд фигурок из Азии (например, рис. 225: 7, 30), но три бугорка расположены в данном случаем не треугольником, а вытянуты по горизонтали, что встречено и у фигурки серии Алексеевка подтипа 1Б, происходящей из Сумской области (Каталог, 2-и8).

Экземпляр из Нармушади (рис. 225: 13; Каталог, 1-6) близок упрощенным вариациям серии Нижнекундрюченская (рис. 225: 3, 5), но выделяется наличием конического головного убора или шлема, аналоги которому есть среди степных находок (например, рис. 224: 20, 31). Говоря об аналогиях, отметим и находку из Ерахтура, рассматриваемую следующей.

Экземпляр из Ерахтура (рис. 225: 28; Каталог, 1-2) известен по очень схематичному рисунку. Более всего он близок вариациям в рамках серий Нижнекундрюченская и только что рассмотренной, не имеющим выделенные Г-образно ладони и ступни (рис. 225: 3–4, 13, вероятно, и 225: 5). Показательно и расположение бугорка на поясе (заметно выше, чем обычно), что документировано у еще одной находки из Шиловского района (рис. 225: 13; и фото на рис. 238: 2).

Две вещи одной серии мы рассматриваем отдельно, но не выделяя, так как их локализация весьма расплывчата, а известны они пока лишь по данным из интернета. У этих фигурок тоже (Каталог, 7-и2/2, 7-и7/2) головы практически нет, наличествует лишь выступ («шея» или маленькая голова, как бы втянутая в плечи). Трудно сказать, будут ли другие схожие черты — горизонтальные линии на плечах, бугорок в районе таза, имеющий форму равностороннего ромба (поставленного на угол квадрата), «раздвоенный» конец «фаллоса» — характеристиками всей серии или ее подразделений. У фигурки из Краснодарского края «фаллос» не только имеет выемку-врезку на конце, но и расширяется книзу, как у ряда экземпляров серии Куюк-кала 1, тоже подтипа 1Б.

Тип 2 (рис. 224: 27–28; 225: 25, 30–40) — с нижней частью в виде буквы «П».

Подтип 2А отличается от 2Б отсутствием выступа-бугорка в районе бедер. Три учтенных нами экземпляра (рис. 224: 27–28; Каталог, 1-и13, 4-2/4, 6-2) имеют каплевидную форму головы; лицо проработано у одного экземпляра, да и то весьма схематично. По этим признакам они близки к серии Глинище подтипа 1А.

Данный таксон, как и другие указанные чуть выше, представлены разбросанными точками. Для подтипа 2А (рис. 227: в) — это Азиатский Боспор (Ильичевское городище), Самарское Поволжье (Тольятти), Приаралье (Косасар-2).

Подтип 2Б (рис. 225: 25, 30–40) отличается от 2А наличием у фигурок выступа-бугорка в районе бедер. Как и в подтипе 2А, многие экземпляры подтипа 2Б имеют очень близкие соответствия среди находок типа 1. В случаях, когда мы считаем более целесообразным отнести вещи к уже выделенным сериям, для удобства восприятия они будут обозначаться «блок вариантов П», или «вариация П», указывая на П-образную нижнюю часть фигурки.

Серия Куюк-кала 2 выделяется прической с прямой челкой и волосами, закрывающими уши (рис. 225: 31–32; Каталог, 6-3/6, 10). Сохранившиеся верхние части еще одной находки из Куюк-калы и экземпляра из Хишт-тепа (рис. 224: 25, 26; Каталог, 6-3/7, 6-6) аналогичны упомянутым целым экземплярам. Однако такая же верхняя часть представлена на фигурке другого типа (рис. 222: 1), впрочем, очень близкого рассматриваемой серии. Человечек из Дуана IV (рис. 225: 30; Каталог, 6-1), судя по доступному нам изображению, может принадлежать вариации серии Куюк-кала 2 или же близкой ей, если окажется, что у него присутствует головной убор.

Все отмеченные находки происходят из Западного Приаралья и бассейна Амударьи (рис. 228: б). Однако особенности оформления деталей, связанных с головой, у ряда европейских находок, в том числе блока вариантов 1 серии Марьинка, дериватов серии Белосарайская подтипа 1А и некоторых других (например, рис. 224: 6, 8, 24; 225: 38), позволяют ставить вопрос о влиянии стилистики серии Куюк-кала 2 далеко на северо-запад и запад от ее основного ареала.

Серия Цимлянская объединяет три экземпляра (рис. 225: 33–35; Каталог, 1-4, 2-8, 2-11), схожесть которых позволяет говорить о ее соответствии ***блоку вариантов***, включающему фигурки с головой, близкой равностороннему треугольнику с чуть выпуклыми боками и рельефной полосой-валиком по оси симметрии. Две такие подвески (рис. 225: 34–35) очень близки между собой, они даже одинаково слегка асимметричны, т. е. вероятно, что одна послужила формой для отливки другой или же они имели общую матрицу. На их фоне крупными размерами выделяется экземпляр из Никополя (рис. 225: 33). Он известен нам лишь по изображению в инвентарной книге, от которого, конечно, не стоит ожидать точности передачи нюансов. Возможно, мелкие детали (в том числе детали сапожков и другие) оно просто не отражает. Уточнение типологической атрибуции этого экземпляра будет зависеть от того, сохранился ли он после Второй мировой войны.

Ареал этого блока вариантов (рис. 229: б) связан со степной полосой от Нижнего Поднепровья и Нижнего Подонья до Самарского Поволжья (Никополь, Цимлянская, Лбище).

Блок вариантов П серии Нижнекундрюченская включает две находки (рис. 225: 39–40; Каталог, 5-2, 5-3) из центральных районов Северного Кавказа (рис. 226: д) — Кисловодск, Камунта. Очевидно, что до этой территории следует расширить зону влияния рассматриваемой серии. Отметим и то, что такие фигурки неоднократно встречены на амулетах в кольце, тоже происходящих из этого кавказского региона (см. также ниже, часть 6.3).

Блок вариантов П серии Пашковская объединяет три находки с Северного Кавказа (рис. 225: 36–37; Каталог, 5-1, 5-4, 7-и2/3) — две из Северной Осетии (Владикавказ, Кумбулта) и одну из Краснодарского края (рис. 227: д). Есть у него и аналоги в кольце, найденные в этом же регионе.

Гибрид серии Куюк-кала 1 и серийных находок другого типа представлен одной подвеской (рис. 225: 25; Каталог, 6-3/8) на том же памятнике, что экземпляры блока вариантов 1 серии Куюк-кала и блока вариантов, характеризуемого округлой прической или шапочкой, относящегося к типам, которые здесь не рассматривается (рис. 222: 3–10, 12–13).

Индивидуальные фигурки и гибридные формы

Экземпляр из Мощенки (рис. 225: 38; Каталог, 1-5) выделяется очень маленькими размерами и головой, особенно непропорционально крупной по отношению к телу, окаймлением ее полосой из часто поставленных линий, в основном перпендикулярных краю (напоминая убор из перьев у североамериканских индейцев), что уже отмечалось (Гавритухин, 2004, с. 210–211). Добавим, что в проработке лица у этой вещи читаются надбровные дуги, что характерно для ряда «личин», показательных для степняков, и некоторых фигурок не рассматриваемых нами типов (например, рис. 223: 3, 4). Схожий элемент

у «угловатых» фигурок представлен на находке с Белосарайской косы (рис. 224: 1). На ладонях экземпляра из Мощенки видны горизонтальные линии. Отметим и линию, соединяющую пятки, что напоминает алешковскую находку (рис. 224: 20). Похоже, на правой ноге у человечка из Мощенки намечался каблук, но его не видно на левой ноге; возможно, это — рудимент, отражающий прототип рассматриваемого изображения, не ставший для нового мастера важным элементом.

Фигурка с пограничья Брянской и Сумской областей (Каталог, 1-и3) формально не относится к рассматриваемому кругу находок, так как нижняя часть у нее не П-образная, а дуговидная. Однако и от амулетов с такой формой нижней части она отличается четкой Г-образной (не сглаженной) формой плеч/локтей. Близость по очертаниям экземпляру из Дуаны IV серии Куюк-кала подтипа 2Б (рис. 225: 30) является еще одним аргументом в пользу того, чтобы рассматривать эту фигурку как гибридную с изделиями рассматриваемого нами типа.

Широко атрибутируемые фигурки

У фигурки из Пронска (рис. 224: 23; Каталог, 1-8) у самого слома по рисунку все же читается бугорок, т. е. она относится к подтипу 1Б или 2Б. По очертанию головы она сопоставима с серией Марьинка или Алексеевка, если боковые выступы в районе скул не являются неубранными следами литья, что можно уточнить лишь по оригиналу, нам не доступному.

Фрагменты угловатых фигурок с округлой головой (рис. 224: 24, 29, 30; Каталог, 1-3, 4-1, 4-и1/1, 6-3/9) могут относится к сериям Белосарайская подтипа 1А, Нижнекундрюченская и Керчь подтипа 1Б, блоку вариантов П серии Нижнекундрюченская подтипа 2Б. Конечно, для фрагментов в принципе не исключена другая атрибуция, особенно для упрощенных изображений со сглаженными углами локтей/плеч (рис. 224: 29). На прорисовке у изделия из Засулья изображены волосы, как бы идущие от лица в разные стороны, и непроработанное лицо. Однако на фото (рис. 218: 9) видно, что большая часть верха головы покрыта вертикальными линиями, изображающими прическу, а черты лица, вероятнее всего, прорабатывались, но не закончены, или же испорчены корозией.

В отношении находки из пограничья Белгородской и Сумской областей (Каталог, 1-и1) нам было доступно только фото с обратной стороны фигурки, по которому можно сказать, что она относится к типу 1, ее голова по очертаниям близка экземплярам серии Белосарайская подтипа 1А и Нижнекундрюченская подтипа 1Б.

4. Хронология

По степени информативности, особенностям набора находок, важных для хронологических изысканий, специфике комплексов интересующие нас памятники делятся на несколько групп.

4.1. Единичные погребения

Айвазовское погребение, исследованное в 1956 г. (Каталог, 2-1). Захоронение произведено на месте поселения эллинистического времени но, конечно, не имеет к нему непосредственного отношения. Скелет был вытянут на спине и ориентирован головой на северо-восток, что обычно для многих погребений кочевников эпохи «геральдических» ременных гарнитур (середина / 2-я половина VI — VII в.). Однако аналогичные детали обряда встречаются и в более раннее время (например, Засецкая, 1994, с. 167, 181, 189, 190; Храпунов, Казанский, 2016, с. 205). Инвентарь (рис. 230В) включал лепной горшок, бусину из голубого глухого стекла, интересующий нас амулет; в засыпи могилы находилась костяная пряжка (Кругликова, 1957, с. 253–254).

Рассматриваемый комплекс многие исследователи датировали сравнительно узко или даже очень узко: в пределах 2-й половины VI — VII в., VII в. или его 2-й половиной (например, Айбабин, 1990, с. 58; Баранов 1990, с. 19; Володарец-Урбанович, Ганощенко, 2020, с. 7). Единственным аргументом в пользу такой даты является костяная пряжка (рис. 230В: 2). Распространенное представление об узкой дате пряжек этого типа в Восточной Европе следует пересмотреть. Кроме того, что они весьма широко датируются в материалах из Азии, отметим их наличие в Крыму уже в гуннское время, например, в Беляусе (Дашевская, 2014, табл. 172: 8; Айбабин, 2019, рис. 3: 8).

Более ранняя дата (конец IV — начало V в.), предложенная Т. И. Кругликовой при публикации комплекса, основана, как и было принято до появления работ А. К. Амброза в начале 1970-х гг., на выборочных и не всегда точных аналогиях, датировка которых ныне зачастую пересмотрена или требует ревизии. В отношении ссылки на материалы «V–VII вв.» из Суук-Су следует учесть, что после работ Й. Вернера и В. К. Пудовина,

с 1960-х гг. этот памятник все специалисты датируют не ранее VI в. или его 2-й половины.

Ссылаясь на аналогии горшку из Айвазовского в боспорских материалах III–IV вв., автор публикации отмечает, что такая форма «по-видимому, имела широкое распространение и в более позднее время» (Кругликова, 1957, с. 256). Отметим, что аналогичные сосуды часто встречаются у восточноевропейских степных кочевников эпохи Великого переселения народов и даже позже (Обломский, 2012а), а ведь именно с ними связано погребение в Айвазовском.

Единственная узко датируемая аналогия в поддержку предлагаемой даты — бусина «из могильника конца IV — начала V в. н. э. близ Гагр» (Кругликова, 1957, с. 256). Однако опубликовавший эти находки А. А. Спицын лишь предварительно датировал их V в. и, главное, справедливо сомневался в принадлежности коллекции одному комплексу, считая ее сборной. Другая аналогия этой бусине указана в могиле 86 из Суук-Су. Однако в том же погребении найдены две пальчатые фибулы днепровской подгруппы и орлиноголовая пряжка с длиной держателя рамки около 25 мм (по Амброз, 1988, рис. 2.II: 14), что соответствует варианту 3 по А. И. Айбабину. Такое сочетание характерно для комплексов, датированных около 2-й четверти VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 20, 56: № 4, 57: №№ 18–19; рис. 12: 28–30).

Итак, строго говоря, дату антропоморфной фигурки из Айвазовского мы пока не можем сузить в пределах конца IV — VII в., хотя обряд погребения, конечно, характерен для не ранней части этого временного отрезка, что позволяет говорить о дате «середина VI — VII в.» как наиболее предпочтительной.

Пашковский могильник 1, погребение (?), доследованное 20.08.1927 (Каталог, 4-4/1). Судя по описанию, на одном участке и глубине были обнаружены: 3 кувшина (в том числе два с клеймами в виде круга с «крестообразным знаком» внутри него), 2 миски, 1 горшочек с веревочным орнаментом, гривна, интересующая нас фигурка среди бус (янтарных, хрустальных, сердоликовых) и голубой фаянсовой пронизи в виде льва на подставке, височное кольцо, пластинчатая фибула с истлевшей иглой, браслет (Покровский, 1936, с. 83).

К сожалению, фотографии, которыми снабжена публикация, с ее текстом не связаны, а инвентарь описан отдельно от обзора полевых работ и без отсылки на обстоятельства его обнаружения. Большая часть вещей из интересующего нас скопления имеет аналогии по описаниям находок в других местах могильника. Зацепку дает лишь «пластинчатая фибула». По описанию и методом исключения ей соответствует только застежка, приведенная в публикации в нижней части рис. 6 (рис. 230Г: 2).

Эта фибула относится к так называемым трехпалым, выделенным И. О. Гавритухиным в вариант 6 северокавказской серии, датированный в пределах середины или 2-й половины V — первых десятилетий VI в., исходя из общей тенденции эволюции схожих застежек (Гавритухин, Казанский, 2006, с. 322–323, 328, рис. 22: 3). Позднее была предложена более широкая дата таких фибул (430/470 — 530/570 гг.) с учетом того, что в погребении 15/1948 Пашковского могильника, где фибула варианта 6 единственный раз найдена в комплексе, бусы относятся к «переходному» горизонту (на стыке «шиповского» и «геральдического» периодов) этого некрополя (Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016, с. 11, 79–81).

Следует отметить, что на Пашковском могильнике нет вещей, показательных для времени становления и расцвета Гуннской державы (ступени D2 и D2/D3 по Я. Тейралу). Показательно и отсутствие пряжек с хоботковидным язычком, чаще всего встречающихся в этот период, в том числе и на близлежащих территориях. Нижняя хронологическая граница Пашковского могильника, скорее всего, относится ко 2-й половине или последним десятилетиям V в.

Учитывая сказанное, интересующая нас антропоморфная фигурка датируется в пределах 2-й половины (3-й трети?) V — середины VI в.

Пашковский могильник 1, погребение 3/1936 г. (Каталог, 4-4/2). Инвентарь этого погребения, если опираться на его описания без ссылки на изображения (Анфимов, 2016, с. 56, 62–63), — проволочное височное кольцо, янтарные и желтая глухого стекла бусы, бисер, проволочные браслеты, в том числе с расплющенными концами и изображениями «антропоморфных» «головок» — малопригоден для узкой датировки. Могильник же в целом датирован в пределах 430/470 — 670/700 гг. (Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016, с. 81). Впрочем, вещи поздних вариаций «геральдических» стилей на памятнике не представлены, что отмечают и авторы его недавней публикации (Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016, с. 13–16, 80).

К позднейшим вещам из Пашковского могильника относится В-образная пряжка с выступами

и вырезами в задней части рамки (рис. 230Д: 1). Их дата — сравнительно широкая, но нам важно, что в Восточной Европе такие пряжки появляются не позднее конца или последних десятилетий VI в., а может быть, и несколько раньше (Гавритухин, 2001б, с. 37–40; Гавритухин, в печати 1). Широкую дату имеют и пряжки с трапециевидной рамкой (как на рис. 230Д: 2), но и они появляются не позднее 2-й четверти или 1-й половины VI в. (например, рис. 232: 3, 44, 57 — см. о дате комплекса ниже; обзор аналогий см. в: Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016, с. 14–15). К накладкам «геральдического» круга относятся лишь две очень близкие находки (рис. 230Д: 5). Они принадлежат редкой вариации типа, получившего распространение со 2-й половины VI в. (Гавритухин, в печати 1). Отметим, что вещей «геральдического» круга и близких или синхронных им на Пашковском могильнике немного. Это позволяет исключить из хронологических рамок памятника значительную часть, а может быть, и весь VII в.

К сожалению, нам не известен план раскопок на Пашковском могильнике в 1936 г. Вполне вероятно, что неподалеку от интересующего нас погребения 3 находилось погребение 2. Оно датировано пряжкой (рис. 230Д: 4), т. е. «скорее всего поздним V или ранним VI в.» (Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016, с. 13; там приведены аналогии и библиография). Отметим, что на памятнике она — одна из наиболее ранних вещей, имеющих узкую датировку. Учитывая, что на могильнике, судя по планам раскопок в 1948–1949 гг., выделяются отчетливые хронологические зоны, можно осторожно предполагать хронологическую близость и погребения 2/1936 с погребением 3/1936.

Принимая во внимание нижнюю хронологическую границу памятника (см. выше о предметах, найденных 20.8.1927), дата погребения 3/1936 и происходящего из него амулета определяется в рамках 2-й половины или 3-й трети V — первых десятилетий VII в., весьма вероятно, что не позднее середины VI в.

Юг Харьковской области (Каталог, 2-и6). Состав вещей из этого набора, по приведенной информации — «найденных вместе», вполне мог составлять комплекс, связанный с погребением одного человека. Дата деталей обувной гарнитуры, указанных как происходящих из этого набора, укладывается в рамки 2-й половины VI — первых десятилетий VII в. (Гавритухин, в печати 1). Это дает хронологический репер для антропоморфной фигурки, хотя, конечно, данный набор и не может считаться в полной мере достоверным.

4.2. Северокавказские (аланские) катакомбы

Все интересующие нас комплексы этого круга происходят из Кисловодской котловины. За единичными, причем — спорными, исключениями в аланских катакомбах этого региона, которых раскопаны многие сотни, захоронения производились в сравнительно короткий промежуток времени. В катакомбе часто были два захоронения (мужчины и женщины, взрослого и ребенка), нередко одно или три. Вероятно, в каждом таком сооружении хоронили представителей одной малой семьи. Поэтому вполне оправдано то, что специалисты зачастую дают дату для катакомбы в целом.

Мокрая Балка, катакомба 4/1969 г. из раскопок В. Б. Ковалевской (часто обозначается «4К») (рис. 231Б; Каталог, 4-7). Дата, предложенная для этого комплекса автором раскопок, не обоснована и не получила поддержки у специалистов (см. выше, часть 2). Он неоднократно рассматривался В. Ю. Малашевым и И. О. Гавритухиным, по разработкам которых относится к периоду Iг по шкале кисловодской керамики, датированному около 500–550/580 гг. Недавний анализ ременных гарнитур привел И. О. Гавритухина (в печати 1) к выводу, что дата комплекса тяготеет к ранней части этого хронологического отрезка. К схожей датировке пришла и А. В. Мастыкова, отнесшая комплекс «скорее всего ко второй трети VI в.», «530–570 гг.» (Мастыкова, 2009, с. 82–83, 243). Причем на сужение ею даты в рамках «шиповского» горизонта повлияло определение полой В-образной пряжки (рис. 231Б: 5). Отметим, что этот экземпляр, имеющий «почковидный» щиток, украшенный в стиле *клуазоне*, относится к ранним в серии Цебельда — Бирск (по И. О. Гавритухину) и датируется 1-й половиной VI в. или чуть шире; так же датируется и накладка (рис. 231Б: 6) из той же гарнитуры, что и пряжка (Гавритухин, в печати 1). Этой дате не противоречат, даже более соответствуют наблюдения А. В. Мастыковой о хронологии ряда других находок из того же комплекса (Мастыкова, 2009, с. 33, 43, 85, 88).

Опираясь на указанные разработки, амулет из рассматриваемой катакомбы следует датировать около 1-й половины VI в.

Лермонтовская скала 2, катакомба 13 (3/1973 г.), женский скелет (рис. 231А; Каталог, 5-5). По керамическому набору, включающему

кувшин и кружку (таксоны Кв.5 и Кр.1Б) комплекс отнесен В.Ю. Малашевым (2001) к периоду IIб1. В календарных датах (по: Гавритухин, 2001б) это — «около 600 — 630/650 гг.». А.В. Мастыкова синхронизировала рассматриваемый комплекс с «шиповским горизонтом», дата которого определена в пределах 430/470 — 530/570 гг. (Мастыкова, 2009, с. 234–235). Очевидно, что требуется дополнительное рассмотрение датировки этой катакомбы.

Многие из вещей, в том числе простые браслеты из округлого в сечении стержня, серьги, колесики-подвески (рис. 231А: 4, 11, 15, 16), имеют широкую дату, «покрывающую» обе указанные выше (Мастыкова, 2009, с. 66–67, 72–74, 78–79). Не противоречит этому, судя по доступным нам схематическим рисункам (рис. 231А: 8, 10), и хронология пряжек.

Металлические флаконы, однотипные интересующему нас (рис. 231А: 2–3), бытуют в основном не позднее VI в. (Мастыкова, 2009, с. 89). Однако такой флакон встречен и в Западном Кугульском склепе 3 с «геральдическими» гарнитурами, показательными для выделенной И.О. Гавритухиным (в печати 1) хронологической группы III-1 их эволюции в Кисловодской котловине, т.е. в комплексе, датируемом в рамках 1-й половины VII в.

Браслет с антропоморфными окончаниями, судя по доступному нам изображению (рис. 231А: 14), по классификации И.Р. Ахмедова относится к типу 2в, представленному в ряде комплексов с «геральдическими» ременными гарнитурами, что и определяет дату от середины / 2-й половины VI в. до значительной части VII в. (Ахмедов, 2016а, с. 216, 219–220).

Двучленные прогнутые подвязные фибулы с широким кольцом для крепления оси пружины и дужкой, обмотанной проволокой (рис. 231А: 12), в центральных областях Северного Кавказа многочисленны в комплексах 2-й половины V — середины VI в., но появились раньше, а бытовали и несколько позднее (Гавритухин, Малашев, 1998, с. 47; Мастыкова 2009, с. 44–45). В комплексах с «геральдическими» ременными гарнитурами, отнесенными И.О. Гавритухиным к хронологическим группам I и IIа таких гарнитур, датируемым в рамках от середины или 2-й половины VI в. до конца VI или начала VII в., в Кисловодской котловине они встречены лишь дважды (Клин-Яр 3, катакомба 381; Мокрая Балка, катакомба 122).

При датировке керамического набора надо учесть, что кружки Кр.1Б (рис. 231А: 6) бытовали от периода Iг до периода IIб1, а кувшины Кв.5 (рис. 231А: 7) — от периода IIб1 до периода IIIа (Малашев, 2001, рис. 66, 67). Поздняя дата этого набора основана лишь на отсутствии кувшинов Кв.5 в комплексах более ранних, чем периода IIб1. Учитывая архаизм кружки и фибулы, нельзя исключить, что появление этих кувшинов произошло чуть раньше, чем в период IIб1, но незначительно, так как пик их бытования относится к периоду IIб2 (Малашев, 2001, рис. 59).

Отметим и то, что по уточненной хронологии «геральдических» ременных гарнитур два комплекса с керамическими наборами периода IIб1 (Мокрая Балка, катакомбы 122 и 125) относятся к хронологической группе II, датируемой концом VI — 1-й четвертью (или третью) VII в., причем включая ее раннюю часть — группу IIа (Гавритухин, в печати 1). Это позволяет и нижнюю хронологическую границу керамических наборов периода IIб1 удревнить до конца VI в.

Как мы видим, наложение рассмотренных хронологических отрезков указывает на дату комплекса около конца VI в. или чуть шире. Ее мы и принимаем для рассматриваемого антропоморфного амулета.

Мачты, катакомба 3 (рис. 230Б; Каталог, 5-6). Керамический набор этого комплекса, согласно определению В.Ю. Малашева[6], включает таксоны Кс.3, Кв.8, Кр.11А/Б. Такое сочетание может появиться в период IIIа и существовать до периода IIIв, т.е. в календарных датах — от «620/630 — 650/670» до «около 700 — 730/760» гг. (по: Гавритухин, 2001б).

Буллы-коробочки (рис. 230Б: 15) обычны для более ранних комплексов, но встречены и в материалах, даты которых соотносимы с теми, что указаны выше для керамического набора (Гавритухин, Малашев, 1998, с. 66; Мастыкова 2009, с. 87–88). Маленькие зеркала с петелькой и сравнительно массивным валиком по краю (рис. 230Б: 14) характерны для комплексов периода IIIв или чуть более ранних (Гавритухин, Малашев, 1998, с. 62; Гавритухин, 2001б, с. 46–47, рис. 78: 37). Остальной инвентарь по известным нам разработкам не может помочь откорректировать эти даты. Комплекс, следовательно,

[6] Ряд типологических определений сосудов и их хронологических позиций сделан Владимиром Юрьевичем Малашевым специально для данной работы.

датируется в пределах 2-й половины (трети?) VII — 1-й половины (трети?) VIII в.

Подкумок, могила, обнаруженная летом 1937 г. (рис. 230А; Каталог, 4-8). Согласно В. Ю. Малашеву, кружка из этого комплекса (таксон Кр.11А) имеет аналогии в комплексах, датируемых от периода IIб1 до периода IIIа. Это соответствует хронологическому отрезку от «около 600 — 630/650» до «620/630 — 670/680» гг. (по: Гавритухин, 2001б). Другие находки не дают оснований для корректировки этой даты.

Мокрая Балка, катакомба 11/1969 г. из раскопок В. Б. Ковалевской (часто обозначается «11К»). Здесь найдена не интересующая нас фигурка, а изображения ее аналогов на керамическом кувшине (рис. 223: 11). Комплекс по шкале кисловодской керамики относится к периоду IIб.1 (Малашев, 2001), датированному около 600 — 630/650 гг. (Гавритухин, 2001б). Встреченные в нем элементы ременных гарнитур принадлежат по их местной шкале к хронологической подгруппе IIс, т. е. не ранней части отрезка, датированного концом VI — 1-й четвертью (третью?) VII в. (Гавритухин, в печати 1). Это и определяет дату комплекса в пределах 1-й трети VII в.

4.3. Крымские склепы

Эти склепы использовались для захоронений многократно, иногда на протяжении более столетия, но иногда заполнялись сравнительно быстро. Считается, что наиболее ранними являются погребения, дальние от входа, наиболее поздними — расположенные близко ко входу, особенно те, что перекрывают доступ к некоторым частям склепа. Это и нам представляется логичным, хотя любое правило может иметь исключения. К сожалению, инвентарь части интересующих нас склепов полностью не опубликован, а по ряду причин компенсировать это нам удалось не всегда.

Керчь, северный склон горы Митридат, склеп 78(1)/1907 г., погребение 5 (рис. 232; Каталог, 4-3/1). Инвентарь склепа опубликован полностью (Шкорпил, 1910, с. 31–34; Засецкая, 1998, табл. XIII–XVI). Еще до публикации изображения всех вещей А. К. Амброз в одной из своих последних работ (начала 1980-х гг., опубликованной позднее) отнес этот склеп к группе «2-й половины VI — VII в.», наметив в нем разновременные захоронения (Амброз, 1994, с. 33–34, рис. 3). А. И. Айбабин на основе созданной им крымской хронологической шкалы погребение 9 этого склепа датировал 1-й половиной VI в.; погребение 12 — 1-й четвертью VII в.; погребения 7 и 8 — 2-й четвертью VII в.; погребение 5 — 4-й четвертью VII в. (Айбабин, 1990, рис. 2).

Хранитель находок и автор полной публикации изображений инвентаря интересующего нас склепа И. П. Засецкая отнесла его ко 2-й хронологической группе (2-я половина V — 1-я половина VI в.) своей периодизации некрополя Боспора V–VII вв. При этом было отмечено, что архаичные вещи встречены в склепе 78/1907 в погребениях, местоположение которых должно указывать на сравнительно позднюю (для склепа) дату или наоборот (поздние вещи в сравнительно ранних захоронениях), а хронологические рамки склепа, который «мог использоваться в течение длительного времени», включают и середину VI в. (Засецкая, 1998, с. 430–432; 2003, с. 38; 2008, с. 81–82).

И. О. Гавритухин и М. М. Казанский акцентировали внимание на том, что фибулы, представленные в этом склепе, характерны для двух эпох в истории Боспора: до его присоединения к Византии в конце 520-х или начале 530-х гг. и после аннексии Боспора. Тем самым поддержано и наблюдение И. П. Засецкой, что пара архаичных фибул (рис. 232: 11) происходит из захоронения, которое не может быть в склепе ранним, а наиболее типологически поздняя пара (рис. 232: 28; см. о них также Гавритухин, 2011), скорее, относится не к самым поздним погребениям. Из этого был сделан вывод, что склеп был заполнен на стыке двух указанных эпох сравнительно быстро, в пределах 1-й половины и/или середины VI в. (Гавритухин, Казанский, 2006, с. 304, 314, 319).

Тезис о хронологической компактности склепа хорошо иллюстрируют пряжки, что уже отмечалось (Gavritukhin, 2018, p. 52, 65). Особенно показательны схожие до мелких деталей В-образные (рис. 232: 4, 54–56), встреченные в погребении 5 (на полу близ входа, т. е. явно не раннем) и погребении 13 (у дальней от входа стены лежанки, т. е. в одном из ранних). Этому же кругу принадлежит и экземпляр из погребения 9 (рис. 232: 45). Пряжке с прямоугольной рамкой из погребения 13 (рис. 232: 57) очень близок экземпляр из погребения 9 (рис. 232: 44), совершенного, во-видимому, позднее погребения 10, но раньше большинства захоронений, расположенных на полу, среди инвентаря которых есть пряжка того же варианта (рис. 232: 3). Весьма гомогенны и пряжки с округлым сечением рамки

(рис. 232: 18, 30, 43, 46). Однотипны и подвижные обоймы маленьких пряжек, в том числе разных типов (рис. 232: 4, 18, 46, 56).

Датировки всех находок из склепа накладываются в рамках 1-й половины — середины VI в., и в данном случае нет оснований предполагать более широкую дату для некоторых погребений. Возможно, сначала были заполнены лежанки, расположенные на плане склепа справа и внизу; два детских погребения 2 и 6, скорее всего, близки по времени позднейшим на этих лежанках. Правая от входа лежанка (слева на плане), наверное, по неким причинам стала заполняться позднее других — это объясняет наличие в ее глубине пары поздних фибул (рис. 232: 28). Погребение 1 с парой фибул (рис. 232: 15), характерных для гепидских могил конца V — первых десятилетий VI в. (не позднее середины VI в.)[7], в принципе, могло быть произведено несколько раньше заполнения правой лежанки, или быть совершено в тот же промежуток времени, или чуть позже. Ряд погребений 3–4–5, очевидно, относится к позднейшим захоронениям в склепе, а архаичную фибулу из погребения 4 (рис. 232: 11) нужно рассматривать среди позднейших двупластинчатых боспорских, что и не позволяет поднимать верхнюю хронологическую границу склепа 78/1907 позднее середины VI в.

Погребение 5, как мы видели, относится к позднейшим в склепе 78/1907. Это определяет дату захоронения с интересующим нас амулетом около середины VI в.

Керчь, северный склон горы Митридат, склеп 52(3)/1909 г., погребение 2 (рис. 233А; Каталог, 4-3/2). Вещи из этого склепа опубликованы в виде перечисления по погребениям и иллюстрированы очень выборочно (Шкорпил, 1913, с. 18–21), что позднее было частично исправлено (полная публикация готовится И. П. Засецкой).

Т. И. Кругликова считала «пряжку и бусы» из склепа 52/1909 аналогичными находкам из могильника Суук-Су, ориентируясь на отсылки В. В. Шкорпила к публикации Н. И. Репникова (Кругликова, 1957, с. 255). Д. Б. Шелов, имея в виду эту же отсылку В. В. Шкорпила, посчитал упомянутую пряжку (рис. 233А: 5) «характерной… IV в.» (Шелов, 1984, с. 243), указав в качестве аналогии на находку из Шагвара в Венгрии (приведенную А. К. Амброзом среди образцов IV в.), по-видимому, из-за В-образной формы рамки. Сам А. К. Амброз (1994, рис. 3) отнес рассматриваемый склеп к группе «2-й половины VI — VII в.», отметив среди инвентаря интересующий нас амулет, пряжку, реконструируемую по ссылке В. В. Шкорпила на находку из Суук-Су, золотые зерненые вставки в ременные наконечники (рис. 233А: 2, 3, 5).

И. П. Засецкая назвала склеп 52 среди «наиболее ярких памятников» 2-й хронологической группы (2-я половина V — 1-я половина VI в.) по своей периодизации некрополя Боспора V–VII вв., приведя в иллюстрациях три стеклянных и один керамический сосуд, интересующий нас амулет и прямоугольную накладку (Засецкая, 2003, с. 38, табл. 13: 29, 30, 32; 17: 1, 5, 20). Позднее она опубликовала все сохранившиеся в ГЭ стеклянные сосуды из склепа 52/1909 и на основе их рассмотрения сделала вывод, что он занимает в ее шкале промежуточное положение между 1-й и 2-й хронологической группой и датируется в рамках 2-й половины V в. (Засецкая, 2008, с. 81).

Как мы видим, расхождения в датировке интересующего нас склепа очень существенны. Рассмотрим известные нам находки с учетом дополнительных данных, полученных по коллекции, хранящейся в ГЭ.

Погребение 4, очевидно, финальное в склепе, безынвентарное.

К явно поздним относится погребение 1. Найденные в нем золотые зерненые вставки (рис. 233А: 2) в серебряные ременные наконечники характерны для ряда комплексов VII в. (Станилов, 2006, с. 62–70; Gavritukhin 2018, p. 80–81). Как правило, форма таких вставок корреспондирует с абрисом наконечника. Наконечники же, имеющие U-образную форму, повторяющую ее крупную прорезь, появляются в эпоху «геральдических» гарнитур и характерны для ряда из них, т. е. датируются не ранее середины VI в. (Трайкова, 2017, с. 150–152). Однако экземпляры, допускающие раннюю дату, явно более мелкие, чем интересующие нас, да и золотые зерненые вставки в них не зафиксированы. Очевидно, в этих случаях контраст с серебряной поверхностью наконечника давала видимая в прорезь часть ремня, который мог быть окрашен. Как мы видим, удревнение этого погребения в VI в. может быть только очень гипотетическим. К сожалению, одноручный стеклянный сосуд из этого погребения был разбит, и других данных о нем нам не известно.

[7] Обзор дискуссии о ее атрибуции и литературу по датировке фибул этого круга см.: Гавритухин, 2018, с. 468–470.

Погребение 2 содержало истлевшие деревянные блюдо и шкатулку, в которую, кроме интересующей нас фигурки, были положены распавшиеся зеркала и «готские» серьги с «гранчатыми колбочками», игла, пряжка «готского» стиля. Именно упоминание В. В. Шкорпилом пряжки со ссылкой на аналогию Суук-Су стало основой целого ряда датировок. А. К. Амброз, иллюстрируя хронологию склепа 52/1909, даже специально привел пунктиром изображение пряжки, следуя ссылке (рис. 233А: 5; Амброз, 1994, рис. 3, вверху слева). Однако в коллекции ГЭ схожая пряжка отсутствует, зато есть одна целая и фрагменты пластин (рис. 233А: 4), не упомянутые в отчете В. В. Шкорпила. По-видимому, учитывая плохую сохранность многих находок, эти пластины В. В. Шкорпил и посчитал аналогичными пластинчатым обоймам пряжки из Суук-Су, введя в заблуждение ряд исследователей. Можно подумать, что эти пластины принадлежат широкому поясу, выполненному под влиянием поясов позднеримских воинских стилей, что дало бы раннюю (не позднее V в., скорее, даже его середины) дату. Однако напомним, что пряжки в этом погребении нет, а пластинки могли украшать шкатулку, а не пояс, или храниться в ней долгое время.

Серьги из погребения 2, судя по описанию, явно принадлежат к типу серег с полым многогранником, которые в Крыму обычны для 2-й половины VI и особенно для 1-й половины VII в. (Хайрединова, 2013). И. П. Засецкая отметила такие серьги среди показателей 2-й группы по своей хронологической системе (Засецкая, 2003, с. 38, табл. 17: 17). Однако приведенный ею образец происходит, судя по любезной консультации А. Г. Фурасьева, из гробницы 25/1900 в Керчи, в которой нет других находок. В датированном же комплексе на Боспоре такие серьги известны в могиле, раскопанной в Керчи в 1977 г., и были найдены вместе с фибулами типа Удине — Планис (как на рис. 232: 28) и боспорской орлиноголовой пряжкой (Айбабин, 1999, с. 100, рис. 38: 2), т. е. показателями 3-й хронологической группы по И. П. Засецкой, что соответствует датам Э. А. Хайрединовой.

В Западном Средиземноморье такие серьги, судя по материалам остготов Италии и вестготов Испании, обычны для конца V — VI в., лишь единично встречаются позднее (Eger, 2005; там приведена литература). У франков они появляются в период «440/450 — 470/480 гг.», а массово бытуют позднее, некоторые варианты и в VII в. (Legoux, Périn, Vallet, 2004, признаки 303 и 304). По-видимому, прототипами западных серий являются золотые экземпляры из богатых погребений восточногерманского круга в Подунавье, относящиеся к эпохе доминирования здесь Гуннской державы и более позднему времени (не ранняя часть ступени D2, ступени D2/D3, D3, т. е. с 420/430-х гг.) (например, Bierbrauer, 2008, Taf. 10: 3–4; 12: 7; 14: 3).

Судя по материалам из Дагестана, такие серьги появляются не позже середины IV в. (Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015, с. 91–92, 117–118). Возможно, они связаны с плохо нам известными центрами Переднего или Среднего Востока. Однако на уборы жителей Боспора влияние из Восточного Кавказа и связанных с ним регионов не зафиксировано. Скорее всего, рассматриваемые серьги получили в Крыму распространение с запада не ранее середины V в. (чисто гипотетически) или вместе с импульсом конца 520-х — начала 530-х гг. (см. выше о склепе 78/1907 из Керчи; из недавних обзоров — Казанский, 2019). В любом случае они получают в Крыму широкое распространение с середины VI в.

Среди бус из погребения 2 присутствует «крапчатая». Пик распространения ее аналогий приходится на 2-ю треть V — начало VI в., хотя единично они известны и несколько позднее (Мастыкова, 2015, с. 60; там литература).

Кувшин из погребения 3 (рис. 233А: 6) отнесен И. П. Засецкой к виду III наряду с двумя экземплярами из склепа 154/1904, датированными 1-й половиной V в.; ею же отмечено, что все они связаны с боспорским производством и по форме схожи с колбами, датированными 2-й половиной V — VI в. (Засецкая, 2008, с. 41–42). Однако интересующий нас сосуд имеет в сравнении с находками в склепе 154/1909 все же меньшие размеры и не в полной мере шаровидное тулово. Колбы с высоким плечиком, как у кувшина из склепа 52/1909, судя по приведенным образцам из Керчи, характерны для VI в. (Засецкая, 2008, рис. 20: 11, 14, 17). Бусина из этого погребения, судя по описанию, может относиться к «крапчатым» (см. о погребении 2).

Из погребения 5 происходит пряжка с зооморфным язычком (рис. 233А: 10–12), аналогии которой датируются в пределах V в., в основном его 1-й половиной (Айбабин, 1990, с. 29; Казанский, 2019б, рис. 2: 2–5, 11; Гавритухин и др. 2020, с. 238). Со 2-й половины V в. распространяются более крупные пряжки с зооморфным язычком треугольного сечения и щитком, украшенным

в технике *кербшнит* (варианта 1-1 по: Айбабин, 1990, с. 29–30), т. е. с язычком, по-видимому, типологически производным от интересующих нас экземпляров. Конечно, смена одного типа другим не была одномоментной. Отметим, что рамка у пряжки из склепа 52/1909 сильно потерта ремнем.

Стеклянный сосуд из этого погребения (рис. 233А: 9) отнесен И. П. Засецкой к бутылям, по форме близким колбам типа I, но более крупных размеров и датируемых V в. (Засецкая, 2008, с. 61). Это соответствует дате пряжки, а форма его тулова ближе к экземплярам с приподнятым плечиком, сравнительно поздним среди колб (см. о погребении 3). Вероятная дата этого погребения — около середины или 2-й половины V в. В более раннем, судя по местоположению, погребении 6 найдены фрагменты шкатулки и грубо сделанный стеклянный кувшинчик (рис. 233А: 22), что не может уточнить дату (ср. Засецкая, 2008, с. 49).

В области шеи покойника в погребении 7 найдены фрагменты ножек от рюмок и ручки лампады (рис. 233А: 18–22)[8]. Лампады с аналогичными ручками не имеют узкой даты, но для VII в. уже не характерны (см. о погребении 9). Рюмки по классификации Л. А. Голофаст принадлежат к подтипу 1, распространение которого относится к концу (не ранее 2-й половины) V в., а время бытования уходит в VII в., а иногда и более позднее время (Голофаст, 2001, с. 154–158; Засецкая, 2008, с. 36). Верхнюю хронологическую границу (начало VI в.) определяют 4 «крапчатые» бусины (см. о погребении 2). Погребение 8, второе на этой лежанке, — безынвентарное.

Лампадка из погр. 9 (рис. 233А: 7) относится по классификации Л. А. Голофаст к подтипу 1, датируемому с конца IV по VI в., в Херсонесе — не ранее V в.; оснований для сужения этой даты нам не известно (Голофаст, 2001, с. 139–142; Засецкая, 2008, с. 34). Рюмка (рис. 233А: 8) принадлежит переходному (архаичному) типу, известному с V в., правда, находки этого времени очень редки, часть из них отличается от рассматриваемого экземпляра формой емкости, наличием орнаментации из синих налепов и другими чертами (Голофаст, 2001, с. 153–154; Засецкая, 2008, с. 36; Гавритухин, 2015). Скорее всего, рюмка из погребения 9 принадлежит не к самым ранним вариациям и хронологически примыкает к типу 1 (см. о погребении 7). Нож, зеркало типа Карповка, два стеклянных сосуда, о которых известно, что они «без ручек», из этого погребения не дают оснований для уточнения даты.

Колба из погребения 10 (рис. 233А: 16) отнесена И. П. Засецкой к варианту I-4-В, представленному во 2-й и 3-й хронологических группах ее системы, правда, рифленое тулово и высокое качество изготовления позволили предполагать его импортное происхождение и сравнительно раннюю (в пределах V в.) дату (Засецкая, 2008, с. 60–61). Заметим, что эта датировка основана на представлении исследовательницы о хронологии рассматриваемого склепа, а не на других датированных комплексах. Стеклянный кувшин (рис. 233А: 15), отнесенный И. П. Засецкой (2008, с. 46–47) к виду VIII, «обломки другого стеклянного гладкого сосуда без ручек, красное глиняное блюдце диаметром 0,16 м и железный ножик» (Шкорпил, 1913, с. 20–21) не дают возможности уточнить дату.

Сохранившаяся обувная пряжка из погребения 11 (рис. 233А: 14), судя по язычку, относится к долго бытовавшему типу, в Крыму и Кисловодской котловине (вероятно, и в ряде других регионов Северного Кавказа) вышедшему из употребления во 2-й половине VI в. (Хайрединова, 2003; Гавритухин, в печати 1, ХИ-6). Колба (рис. 233А: 13) отнесена И. П. Засецкой к варианту II-1-Б, представленному только этой находкой, и рассматриваемому как типологически промежуточный между вариантами II-1-А и II-1-В, характерными, соответственно, для 1-й и 2-й хронологических групп ее системы (Засецкая, 2008, с. 58). Нам представляется, что этот экземпляр наиболее близок колбе из могилы 19/1904 в Керчи, относящейся ко 2-й группе (Засецкая, 2008, каталог, № 67). Две бусины из глухого «синеватого» стекла не уточняют даты.

При датировке погребений мы ориентировались на даты других материалов склепа, предпочитая максимально близкие друг другу, а не допустимо широкие, хотя и не исключая их вероятность полностью.

Как мы видим, дата заполнения левой (от входа) лежанки склепа 52/1909 (погребение 5) вполне допускает период около середины — 2-й половины V в. Заполнение лежанки,

[8] Описание этих вещей в контексте погребения 9 (Засецкая, 2008, с. 33–34, 36) противоречит данным этой же публикации (Засецкая, 2008, каталог, № 34 и 37) и отчету В. В. Шкорпила (1913, с. 20). Очевидно, это — досадное недоразумение, не исправленное в окончательном варианте книги И. П. Засецкой.

противоположной входу, по сочетанию бус и ножек рюмок (погребение 7), скорее всего, относится к концу V — началу VI в., что приемлемо и для расположенного рядом погребения 3. Для правой лежанки (погребения 9–11) возможна схожая хронология, не исключая 1-ю половину VI в.

С этим хронологическим отрезком контрастирует дата погребения 1, которую пока нет возможности «сдвинуть» из VII в. хотя бы во 2-ю половину VI в. Можно предположить, что в использовании склепа был перерыв, тогда интересующее нас погребение 2 по времени не должно сильно отличаться от погребения 1, однако наличие «крапчатой» бусины не дает возможности датировать погребение 2 позднее VI в., скорее всего, исключая его позднюю часть, а может быть, и середину. Впрочем, единичная вещь могла запаздывать, тем более что в погребении 2 бусы находились не в ожерелье, а в шкатулке.

Пока же мы принимаем для интересующего нас амулета широкую дату: конец V или 1-я половина VI в. (после заполнения лежанок) — середина VII в. (когда зерненые вставки в наконечники, аналогичные находкам в погр. 2, были уже широко распространены).

Карши-Баир, склеп 5, погребение 3 (рис. 234; Каталог, 3-1). Один из авторов раскопок, С. В. Ушаков, отнес весь склеп 5 ко 2-й половине V в. (Ушаков, 2010, с. 46: табл. 3) без детального рассмотрения инвентаря. Я. В. Володарец-Урбанович и В. В. Ганощенко отметили, что пряжка, встреченная с антропоморфным амулетом (рис. 234: 47), принадлежит «геральдическому кругу древностей», датируемому 2-й половиной VI — VII в. (Володарец-Урбанович, Ганощенко, 2020, с. 7). Следует отметить, что в публикации была ошибка — эта пряжка и амулет найдены не в одном, а в соседних захоронениях (см. Каталог, 3-1 и ниже), однако это не снимает актуальность замечания.

Вещи из интересующего нас склепа опубликованы (Ушаков, 2010, рис. 73–76), а благодаря любезной информации С. В. Ушакова мы имеем возможность учесть и обстоятельства находок. Инвентарь погребения 3 склепа 5 (рис. 234: 51–57), включающий интересующую нас фигурку, для узкой датировки мало пригоден, что отчасти компенсируется выразительностью соседних комплексов. Хотя склеп был ограблен современными мародерами, в засыпи, образованной обрушившимся сводом, осталось немало вещей, а три захоронения, расположенные в ряд от восточной стенки почти до центра склепа, остались практически непотревоженными.

Рядом с погребением 3 находилось погребение 2 (рис. 19: 45–50). В его инвентаре сразу же обращает на себя внимание сочетание явно разновременных пряжки и фибулы.

Пряжка (рис. 19: 47) имеет полую В-образную, внешне массивную рамку без выступов в задней части, что не редко у изделий как «развитого шиповского», так и «раннего геральдического» круга, т. е. в основном VI в. Пятиугольная форма щитка, как у рассматриваемой пряжки, встречается как не позднее середины VI в. (например, рис. 232: 3 — о дате погребения см. выше), так и не редкость у «геральдических» гарнитур, т.е. не ранее середины VI в. Сочетание же В-образного контура рамки с узкой прорезью для продевания ремня характерно для многих пряжек, распространившихся со 2-й половины VI в. (Shulze-Dörrlamm, 2002, типы B15-18 и подобные им). Сказанное позволяет датировать интересующую нас пряжку 2-й половиной VI — началом VII в.

Двучленная прогнутая подвязная фибула (рис. 234: 46) относится к варианту 3, обычному в комплексах IV в., но встречающемуся и позднее (Амброз, 1966, с. 67). Причем в комплексах постгуннского времени такие застежки нам неизвестны. Следует отметить, что, хотя от костяков остался только тлен, инвентарь располагался в тех местах, где его обычно носили. Фибула — у предполагаемого правого плеча; пряжка — в районе пояса; браслеты — на руках (сохранились на костях *in situ*), перстень — в районе правой ладони; серьга (рис. 234: 48) — в районе головы. Т. е. фибула была частью убора или его имитации. К сожалению, непонятно, была ли у нее сломана пружина до совершения погребения или позднее. Во втором случае это был бы антик, использованный в имитации убора, в первом — пример удивительно долгого использования вещи. Так или иначе дату погребения определяет позднейшая узко датируемая вещь — пряжка.

Погребение 1 находилось рядом с погребением 2, в северо-западном углу склепа, и явно принадлежит к числу наиболее ранних в нем. Из его инвентаря (рис. 234: 35–44) для датировки наиболее важны поясная и чуть меньшая, видимо, портупейная (учитывая меч) пряжки, обувные ременные гарнитуры. Аналогичные обувные гарнитуры (рис. 234: 38–39, 41–42) отнесены Э. А. Хайрединовой к типу 2, показательному для 1-й половины VI в. (Хайрединова, 2003,

с. 135). Крупные пряжки с рифлеными линиями на щитке (рис. 234: 35, 40) датируются в пределах 2-й половины V — 1-й половины VI в., не исключая единичного бытования в середине VI в. (Казанский, 2013, с. 164–169). Пропеллеровидные накладки (рис. 234: 36, 37) принадлежат позднеримской традиции, просуществовавшей как минимум до середины VI в. (Гавритухин, в печати 1, ХИ-5), причем наиболее близкий аналог им происходит из склепа 211 в Лучистом, датированном по сочетанию пряжек (в том числе аналогичным упомянутым выше обувным) и краснолаковой миски около 2-й четверти VI в. (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 52, рис. 27: 9). Учитывая соседство с погребением 2 и даты инвентаря, погребение 1 датируется в пределах 1-й половины — середины VI в., вероятно, ближе к середине этого столетия.

В головах погребений 1, 2 и 3, расположенных в ряд, находились сосуды. Стеклянная колба (рис. 234: 61), по классификации И. П. Засецкой, наиболее близка единственному образцу вида 3 типа 1, датированному в каталоге VI в., а в хронологической таблице отнесенному к эпохе «геральдических» ременных гарнитур, т. е. не ранее середины VI в. — при том, что в могиле 123/1904 из Керчи вместе с этой колбой найден только железный нож (Засецкая, 2008, с. 50, 134: № 89, рис. 18: 5; 20: 17). Отметим, что эта колба находилась ближе всего к важному для нашей темы погребению 3 склепа 5 Карши-Баира.

Одно из краснолаковых блюд (рис. 234: 58), по К. Домжальскому, принадлежит форме 1B понтийской группы, отличающейся от более ранней формы 1A более тонкими стенками, закругленным краем, низким поддоном и датированной поздним IV — V в. (Domżalski, 2007, p. 77). Следует отметить, что жесткой границы между этими формами нет, отчего выделяются и переходные вариации 1A/B, причем сравнение приведенных К. Домжальским эталонов для форм 1A и 1B на примере находок из Танаиса (по: Arsen'eva, Domżalski, 2002) убеждает, что наиболее диагностичным признаком для их различения является закругленный край («à bord arrondi»). А. В. Смокотина, по-видимому, следуя А. В. Сазанову (см. ниже), предложила относить к форме 1B только блюда с валикообразным краем, а интересующие нас блюда «с вогнутым округлым венчиком, толщина которого равна толщине стенок сосуда» — к форме 1A/B2, отметив их наличие в Кечи в комплексах V в., но в основном в комплексах VI–VII вв., правда, как «примесь снизу» (Смокотина, 2014, с. 50).

А. И. Айбабин и А. В. Сазанов относили миски, аналогичные понтийским формы 1, к формам 62B и более ранней 50A африканской группы краснолаковой керамики (ARS, ARSW), предлагая их более широкую датировку по сравнению с выделившим эти формы Дж. Хейсом и другими исследователями, писавшими о таких находках. А. И. Айбабин в таблице сериации показательных комплексов из Крыма зафиксировал такие блюда с 1-й половины IV до 1-й половины V в., но отметил бытование (например, по материалам Дюрсо) до 1-й половины VI в., а позднее указал и на находку 2-й половины VI в. из Крыма (Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2: 15; 1999, с. 259–260, 268, 275, табл. XXVII: 53, 61, 140; XXIX: 3). А. В. Сазанов для таких мисок выделял варианты 1 (с заостренным краем) и 2 («с загнутым внутрь валиком») и оба ранее датировал от середины IV до 3-й четверти VI в. (Сазанов, 1989, с. 51–53; 1994, с. 407; табл. 1–4). Современные специалисты по краснолаковой керамике, включая А. В. Сазанова (2012, с. 135–138), принимают атрибуцию К. Домжальского, но в ряде случаев учитывают и наблюдения упомянутых и других авторов (см. обзор в: Иванова, 2009, с. 29–34; Голофаст, Ольховский, 2016, с. 67).

Начало бытования блюд понтийской формы 1 не позднее 2-й четверти или 2-й половины IV в. у исследователей не вызывает сомнений (уточнения для нашей работы не имеют существенного значения). Это подтвердили недавние раскопки на могильнике Фронтовое 3 близ Севастополя (Гавритухин и др., 2020, с. 240, рис. 1: r; Суханов, Гавритухин, Нессель, 2021). Там же, в склепе 178, датируемом 4-й четвертью IV — началом V в., представлена и интересующая нас форма Домжальский-1B / Смокотина-1A/B2 (Гавритухин и др., 2020, с. 238, 240, рис. 3: 9). В пользу долгого употребления этой формы свидетельствует находка из погребении 7 склепа 100 могильника Лучистое, датированная по ранней орлиноголовой пряжке 2-й половиной VI в. (Айбабин, 1999, с. 275, табл. XXIX: 3; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 52: № 1 7-й группы, рис. 12: 1)[9], что подтверждает наблюдения А. И. Айбабина и А. В. Сазанова.

[9] Находки в более позднем контексте известны нам лишь с поселений, и для них не исключено перемещение из более ранних слоев.

Второе краснолаковое блюдо (рис. 234: 59) наиболее близко форме 7 понтийской группы (отметим, что на доступном нам изображении характерные для нее желобки по периметру венчика отсутствуют на разрезе, но показаны на общем виде сосуда). К. Домжальский датировал эту форму серединой (2-й четвертью?) V — ранним VI в., не исключая более позднюю верхнюю хронологическую границу (Arsen'eva, Domżalski, 2002, p. 427–428; Голофаст, Ольховский, 2016, с. 67). Указанная нижняя хронологическая граница соответствует наблюдениям других специалистов, иногда описывающих такие блюда, как форму 2 кипрской группы (LRD), однако период бытования этой формы на основе материалов с поселений они продлевают до 3-й четверти VI в., или всего VI в., или начала VII в. (Сазанов, 1989, с. 53; Иванова, 2009, с. 45–46; Смокотина, 2014, с. 56–57).

Из погребальных комплексов с такими блюдами к позднейшим узко датируемым относятся погребения 259, 410, 420 в Дюрсо, которые автор раскопок отнес к выделенным им на могильнике этапам II и III, датировав, соответственно, 1-й и 2-й третью VI в. (Дмитриев, 1982, с. 104, 106, рис. 5: 37; 8: 12, 34; 11). М.М. Казанский счел возможным ограничить верхнюю хронологическую границу этих комплексов 1-й третью VI в., а этап/фазу III датировал 470/480 — 530/540 гг. (Казанский, 2001). Однако следующую IV фазу Дюрсо характеризуют уже «геральдические» ременные гарнитуры, появление которых ныне общепризнанно датируется не ранее середины VI в., а смена уборов, характерных для фаз, требовала времени, т.е. финал фазы III следует распространить, как минимум, на середину VI в. (Гавритухин, 2010, с. 57; о бытовании двупластинчатых фибул, показательных для фазы III, до середины VI в. см. выше: о склепе 78/1907 из Керчи). Отметим, что находок в датируемых погребениях насчитываются лишь единицы, и они дают лишь реперы, а не четкие хронологические границы бытования краснолаковой посуды.

Краснолаковая мисочка (рис. 19: 60) относится к форме 3 фокейской группы (PhRSW, PRS; она же — позднеримская C / LRC). По профилировке венчика эта мисочка наиболее близка типу E, для которого сначала были названы реперные комплексы 4-й четверти V в. — рубежа V и VI вв. (Heyes, 1972, p. 337–338), однако позднее и 1-й половины VI в., включая 530 — 540/550 гг. для Средиземноморья, одновременные им и более поздние для Керчи (Смокотина, 2014, с. 97–98). А.В. Сазанов поднимал верхнюю границу бытования этого типа до 1-й половины VII в., однако приведенные им поздние комплексы имеют контекст длительного накопления (Сазанов, 1989, с. 53; 1994, с. 412, рис. 6: А, табл. 5), а венчик, наиболее близкий интересующему нас, датирован 2-й четвертью VI в., правда, без указания комплекса, откуда он происходит (Сазанов, 1994, рис. 6: А, табл. 2 и 3).

Лепные сосуды (рис. 234: 62, 63) не изучены настолько, чтобы корректировать дату. Таким образом, набор сосудов, расположенных у изголовья погребений 1, 2 и 3, не противоречит дате этих захоронений, предложенных на основе анализа их инвентаря.

Погребения, расположенные к востоку от погребения 3, разграблены, не сохранились даже их следы, но осталось довольно много их инвентаря (рис. 234: 1–34). Судя по числу браслетов и серег, а также размерам склепа, захоронений могло быть еще три, чему не противоречит наличие двух пряжек, наверное, учитывая размеры, поясных.

В-образная пряжка с узким прямоугольным отверстием для продевания ремня, выступами и вырезами в задней части рамки (рис. 234: 1) относится к типу, появившемуся в Восточной Европе не позднее конца или последних десятилетий VI в., а может быть и несколько раньше (см. выше о дате погребения 3/1936 Пашковского могильника, рис. 230Д: 1). Выходят из употребления такие пряжки вместе с «классическими» группами «геральдических» ременных гарнитур, т.е. около 3-й четверти VII в., не исключая и несколько более позднее время, судя по бытованию пряжек с аналогичной рамкой и неподвижной обоймой (Гавритухин, в печати 1, ХИ-37). Вторая пряжка (рис. 234: 2) показательна для комплексов 2-й половины VI — первых десятилетий VII в. (Гавритухин, в печати 1, ХИ-39).

Все найденные серьги с литым многогранником (рис. 234: 3, 6, 9), согласно разработкам Э.А. Хайрединовой, относятся к варианту 1, появившемуся в Крыму не ранее рубежа IV и V вв., в Юго-Западном Крыму особенно популярному в VI в., а из употребления вышедшему в 1-й четверти VII в. (Хайрединова, 2015). Прочие находки на современном уровне их изучения не противоречат датам по пряжкам и серьгам, но и не уточняют их. О месте находок бус (рис. 234: 64–98) у нас нет информации, однако едва ли их хронология изменит датировки, полученные по другим категориям инвентаря.

Итак, склеп 5 Карши-Баира, несомненно, использовался в середине и немалой части 2-й половины VI в. Вполне вероятно, что первые захоронения в нем датируются чуть раньше, а последние — попозднее, но едва ли выходят за переделы начала VII в. Погребение 3 в этом склепе — явно не самое раннее, что и определяет дату интересующей нас фигурки около 2-й половины VI — начала VII в., вероятно, в пределах 2-й половины VI в.

Чуфут-Кале, склеп 118 (рис. 233Б; Каталог, 3-2). Комплекс не опубликован систематически. Нами он учтен по полевому отчету и материалам из архива автора раскопок В. В. Кропоткина, которые хранятся в ИА РАН, а также уточнениям А. В. Строкова, который работал с некоторыми вещами по оригиналам, хранящимся в ГИМ. Даты, предложенные В. В. Кропоткиным для этого склепа, — «VII–VIII вв.» и «VI–VII вв.» (Кропоткин, 1965, с. 110, 114), конечно, не могли быть обоснованы в краткой обзорной публикации, а позднее об этом комплексе он не писал. Отметив неясность предложенных датировок, Д. Б. Шелов обратил внимание на найденный в склепе статер Рискупорида VI («вероятно, 325 г.» по: Кропоткин, 1965, с. 114), предположив, что «и амулет может иметь сравнительно раннее происхождение» (Шелов, 1984, с. 244).

Более детально дату этого склепа рассматривал лишь А. И. Айбабин. По сочетанию 3-лепесткового разделителя ремня, относящегося к поздним вариациям изделий «геральдического» круга (по-видимому, рис. 233Б: 4), и интересующего нас амулета склеп был отнесен к 4-й четверти VII в. (Айбабин, 1990, рис. 2: 147, 164). Им же опубликована пряжка из этого склепа (рис. 233Б: 1; Айбабин, 1990, рис. 41: 10), однако комментария к ней в его текстах нам найти не удалось.

По описанию автора раскопок, склеп был ограблен, вещи передвинуты, часть находилась в заполнении; погребений было, судя по найденным черепам, не менее двух (Кропоткин, 1961, с. 4–5). Кроме амулета и упомянутой пряжки, из склепа происходят бусы, керамика, фрагмент стеклянной рюмки, ряд изделий из металлов.

Сочетание колокольчиков и металлических трубочек (рис. 233Б: 11–12, 15) не редко в крымских уборах, состав которых перекликается с наборами, представленными в кладах круга Мартыновки. В Крыму такие вещи обычны в хронологической группе 9, но встречаются и в группе 8 по системе А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой, т. е. на протяжении VII в. (последнюю версию хронологии см. в: Айбабин, Хайринова, 2008; 2014). Согласно И. О. Гавритухину эти группы датируются, соответственно, около 620/640 — 660/680 и 580/600 — 620/640 гг., причем аналогии днепровским наборам в группе 8 показательны для ее не ранней части (Гавритухин, 2019, с. 298–203).

Точных аналогий пряжке (рис. 233Б: 1) нам найти не удалось. Отметим экземпляр из погребения 1156 могильника Тисафюред (северо-восток Венгрии), имеющий прямоугольную рамку, щиток из двух парных волют, расположенных по оси, которую завершает выступ (Garam, 1995, Taf. 154: 1156–1; Гавритухин, 2001в, рис. 12: 32). Правда, он отличается от рассматриваемой пряжки размерами и пропорциями расположения деталей. По разработкам И. О. Гавритухина, погребение 1156 находится в зоне группы 18 могильника Тисафюред и относится к периоду «d», для которого показательна смена «среднеаварских» стилей «позднеаварскими», что и определяет дату около конца VII — начала VIII в. (Гавритухин, 2001в, с. 82, 85–86, 89, 155, 157, рис. 64).

Другой вариант аналогий рассматриваемой вещи — серия пряжек, отличающихся от нее 8-образными очертаниями рамки и лишь одной парой волют на обойме. Они неоднократно встречены в составе поясов так называемого неволинского типа (например, Голдина, 2012, табл. 10: 13; 35: 10; Гаврилов, Конов, 2020, рис. 2: 5; Ахмедов, 2020, рис. 1: 5; 2: 3). Пояса неволинского типа А. К. Амброз считал синхронными гарнитурам агафоновского типа, Р. Д. Голдина — более поздними, чем агафоновские, И. О. Гавритухин поддержал А. К. Амброза в том, что эти гарнитуры отражают не этапы, а две линии развития «геральдических» гарнитур Прикамья, а Р. Д. Голдину в том, что эти наборы синхронны лишь частично и неволинские пояса продолжают бытовать в эпоху, когда агафоновские гарнитуры сменяются катандинскими (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 85–89; там литература). Ныне у исследователей нет сомнений в том, что в Прикамье неволинские пояса — женские; агафоновские и катандинские — в основном, мужские (впервые, кажется, в: Иванов, 1997, с. 99–100)[10], что подтверждает точку зрения И. О. Гавритухина. Таким образом, появление неволинских поясов следует относить ко 2-й половине VII в., а бытование — и к части VIII в., что и предлагалось

[10] Позднее об этом писали неоднократно разные авторы, но, как правило, без упоминания предшественников.

ранее (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 90: колонка «Приуралье»).

«Серьги» с небольшим простым (без замка) овальным кольцом и подвижной подвеской (как рис. 233Б: 2) в Среднем Подунавье распространяются в «позднеаварском» периоде, т. е. в VIII в. В целом это справедливо и для ряда регионов Восточной Европы, хотя серьги такой схемы известны, например, в более ранних сасанидских и тюркских традициях (Сташенков, 1998). Для Крыма интересующей нас эпохи такие серьги не характерны, однако укажем на схожие экземпляры с плохо сохранившейся штампованной подвеской, происходящие из погребения 18 склепа 59 в Лучистом, датируемого 1-й четвертью VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 23, 87: №53; табл. 104: 11), что согласуется с датами И. О. Гавритухина (Гавритухин, 2019, с. 301; Гавритухин, Обломский, 2019, с. 148–149).

Кувшины (рис. 233Б: 24, 25)[11] принадлежат так называемому скалистинскому типу, появление которого относится ко времени не позднее 576 г., судя по материалам из Ильичевского городища (Гавритухин, Паромов, 2003, с. 153, табл. 63: 38–39,41–42; см. о нем ниже), распространение — не позднее 1-й половины VII в. (Голофаст, Рыжов, 2013, с. 68–90, рис. 18: 5; 46: 1–10), бытование — до X в. включительно. Прочие находки тоже не дают оснований уточнить дату, определяемую рассмотренными «мартыновским» набором и пряжкой с волютами.

Как мы видим, датировка склепа 118 укладывается в рамки VII в., хотя реально он использовался для захоронений, наверное, более короткий промежуток времени.

Керчь, Глинище, гробница 87(34)/1909 г., погребение 1 (Каталог, 4-3/3). Опубликованы лишь описание гробницы и найденного в ней инвентаря без иллюстраций (Шкорпил, 1913, с. 31), а также интересующий нас амулет (рис. 219: 15). Т. И. Кругликова и Д. Б. Шелов отметили среди этих находок монету Рискупорида VI, приняв ее дату («303–341 гг.», «1-я треть IV в.») как основу датировки комплекса (Кругликова, 1957, с. 254; Шелов, 1984, с. 243). Однако боспорские медные монеты имели хождение в течение столетий после их выпуска (см. выше о Чуфут-Кале и ниже об Ильичевском городище). Из перечисленных в отчете находок датирующими могут быть только две пряжки. Однако хранители керченских коллекций в ГИМ (Д. В. Журавлев), куда поступил амулет, и в ГЭ (А. Г. Фурасьев) этих пряжек не нашли. Таким образом, дата этого погребения остается неясной, лишь монета указывает на *terminus post quem* — 1-я треть IV в.

Херсонес, склепы, раскопанные А. С. Уваровым в 1853 г. (Каталог, 3-3/1).

Опубликованы лишь общее описание работ и некоторые находки без точной привязки (Извлечение… 1853, с. 137–153), упоминаются и монеты с I по X в. (Извлечение… 1853, с. 149). Интересующий нас амулет (рис. 219: 11) фигурирует как происходящий из датированного монетами «семейного склепа IV столетия», наряду с бронзовой цилиндрической курильницей (Извлечение… 1853, с. 150–151). Где хранятся эти находки и есть ли о них более точные сведения — нам неизвестно. Фибула, происходящая из этих раскопок, по данным А. К. Амброза (1966, с. 68, табл. 15: 27), хранится в ГЭ. Однако неясно, имеет ли она отношение к склепу, где была найдена упомянутая фигурка.

4.4. Боспорские и донские поселения

Ильичевское городище (Каталог, 4-2). Все интересующие нас амулеты были получены Э. Я. Николаевой, из которых три или четыре — в ходе раскопок. Она выделяет на памятнике 6 культурно-хронологических слоев, охватывающих практически все 1 тыс. н. э. (Николаева, 1981а; 1984, с. 38–55). Слои 5 и 6 мы исключаем из рассмотрения, поскольку они фиксируются лишь в верхних напластованиях на некоторых участках, а фигурки найдены на полу помещения XXXII, на 4-м штыке квадрата XX и на 7-м штыке квадрата XV, где явно поздние материалы не отмечены. Исключается и 3-й слой, учитывая, что он зафиксирован ниже уровня дворовой вымостки, т. е. ниже интересующих нас находок. Этот слой хорошо представлен на селище, примыкающем к городищу («батарейке»), причем рассматриваемых нами амулетов там не найдено. Остается слой 4, лучше всего представленный на городище.

Наиболее подробно керамический материал этого слоя рассмотрен в цикле работ А. В. Сазанова, причем слой 4 выступает в них «эталоном для комплексов 570–580 гг.» или 3-й четверти VI в. (Сазанов, 2000, с. 223; 1994, табл. 4; в этих работах см. ссылки на его более ранние публикации). Однако даже очень краткий обзор хронологических индикаторов для позднеантичных

[11] За консультацию о них мы благодарим Ларису Алексеевну Голофаст.

и раннесредневековых слоев этого памятника (Гавритухин, Паромов, 2003, с. 152–153) показывает, что материал, связываемый с его слоем 4, не может датироваться столь узко. Остановимся на деталях, важных для нашей темы.

В обзорах А. В. Сазанова не приведено ни одной находки из слоя 4 Ильичевского городища, достоверно датируемой позднее 3-й четверти VI в., что полностью подтверждает дату, предложенную Э. Я. Николаевой, которая соотносила разрушение этой ранневизантийской крепости с походом тюрок на Боспор в 576 г. Не противоречат этому и известные нам изделия из металлов и стекла, связанные со слоем 4 (Гавритухин, Паромов, 2003, с. 152–153). Показателен и нумизматический материал. В слое 4, кроме большого количества медных позднебоспорских монет, есть золотые ранневизантийские. Позднейшие из них, наряду со 130 боспорскими статерами, выпущенными от 262 до 336 г., представлены в «кладе 1975 г.» и отнесены к эмиссиям 527–538 гг. (2 экз.) и 538–565 гг. (3 экз.) (Фролова, Николаева, 1978). Всего же на городище найдены один солид Юстина I (518–527 гг.) и семь Юстиниана I (527–565 гг.), причем четыре из них выпущены не ранее 538 г. (Фролова, 1998, с. 247–248). Ныне датировка 576 г. верхней хронологической границы слоя 4 Ильичевского городища у специалистов не вызывает сомнений (например, Журавлев и др., 2010, с. 193–196).

Сложнее с датой постройки этой крепости. Скорее всего, ее основали не византийцы, аннексировавшие Боспор в конце 520-х или начале 530-х гг. (см. выше о склепах 78/1907 и 52/1909 в Керчи), в пользу чего есть ряд аргументов.

Среди находок на городище представлена фокейская краснолаковоая керамика (LRC) форм 3B-C (Гавритухин, Паромов, 2003, табл. 61: 37, 38), появившихся около середины V в., весьма популярных в 3-й четверти V в. или 460–490 гг., бытовавших в основном до начала VI в. (Hayes, 1972, p. 337; Arsen'eva, Domżalski, 2002, p. 429, 432, 436; Reynolds, Bonifay, Cau, 2011, p. 19–21; Смокотина, 2014, с. 93–96), и формы 5A (Гавритухин, Паромов, 2003, табл. 61: 42), датированной около 460–500 гг., не исключая чуть более позднего времени, когда она сменяется формой 5B (Heyes, 1972, p. 339; Смокотина, 2014, с. 104–105). Несколько краснолаковых блюд (Гавритухин, Паромов, 2003, табл. 61: 45–47) по доступным нам изображениям имеют два варианта атрибуции. Это может быть форма 3 понтийской группы по К. Домжальскому, датированная от конца IV или начала V в. до середины V в. (Arsen'eva, Domżalski, 2002, p. 426–427; Смокотина, 2014, с. 52–54; Голофаст, Ольховский, 2016, с. 67), и/или типы A и B формы 2 фокейской группы, датированные концом IV — серединой V в., не исключая бытование до 2-й четверти VI в. (Hayes, 1972, p. 327–329; Arsen'eva, Domżalski, 2002, p.431; Смокотина, 2014, с. 91–92).

Среди изделий из металлов отметим две двупластинчатые фибулы гуннского времени плохой сохранности, но найденные вместе (т. е. едва ли они были просто примесью среди находок в помещении XXVIII), другие вещи, не исключающие приведенную выше дату (Гавритухин, Паромов, 2003, табл. 61: 52, 53, 55–56).

С другой стороны, в помещениях на городище практически нет стеклянной посуды, украшенной синими налепами, обычной для периода от последних десятилетий IV до середины V в., бытующей и во 2-й половине V в. (Голофаст, 2001, с. 123–127; Засецкая, 2008, с. 8–28; Gavritukhin, 2017, p. 101–103; там литература). Она не редкость на селище, массово представлена в завалах у стен крепости, формирование которых Э. Я. Николаева связывала с периодом строительства укреплений, встречена и ниже вымостки двора, т. е. в слое 3 (например, Гавритухин, Паромов, 2003, табл. 61: 43). Показательно и отсутствие на краснолаковой посуде штампов группы I (см. подборки штампов в: Николаева 1978; Сазанов, 2000; Гавритухин, Паромов, 2003, табл. 61), отнесенной ко времени около 360–450 гг. (Hayes, 1972, p. 349). Зато встречено много штампов группы III, датируемой в основном VI в., но использовавшихся и в VII в., и группы II, относимой ранее к 440–490 гг., но бытовавшей, согласно новым наблюдениям, и много позднее (Hayes, 1972, p. 346–368; Голофаст, 2002; Смокотина, 2014, с. 112 и далее).

Таким образом, время постройки крепости может быть отнесено и к гуннскому периоду, и к эпохе, когда доминированию гуннов на значительной части Европы был положен конец. Мы считаем более убедительной вторую точку зрения. Она соответствует статистике ранних вещей, наблюдениям над датой штампов на краснолаковой керамике и находками стеклянной посуды, а присутствие единичных ранних изделий из материалов, сохраняющихся лучше, чем стекло, объяснимо обычной на причерноморских многослойных памятниках «примесью снизу» или (как с упомянутыми выше двупластинчатыми фибулами) вторичным использованием, особенно понятным на долговременных поселениях.

Кроме того, строительство крепости логичнее связывать с неспокойной эпохой, наступившей после появления в Восточной Европе с 460-х гг. новых волн кочевников (см. обзор в: Засецкая и др., 2007, с. 101–105), а не более ранней, когда относительная стабильность была связана с гуннским доминированием в Подунавье и на юге Восточной Европы. Отметим и передатировку Ю. Г. Виноградовым (1998) надписи о строительстве или восстановлении некой башни при боспорском царе Диптуне (КБН, № 67) на 483 г. Даже если соотносить эту деятельность с устранением последствий землетрясения 480 г., зафиксированного для Херсонеса (Виноградов, 1998, с. 243), для Боспора мы имеем свидетельство о важности хорошего состояния и/или возведения укреплений в 480-е гг.

Исходя из сказанного, для слоя 4 Ильичевского городища мы принимаем дату 460/480-е гг. — 576 г., а сужение ее для конкретных помещений или находок возможно только при детальном анализе всего материала из соответствующих участков. К сожалению, определить точный состав находок, сопровождавших те, что интересуют нас, не всегда возможно. Рассмотрим эти данные, опираясь на отчеты Э. Я. Николаевой о ее полевых исследованиях.

Помещение XXXII (рис. 235; Николаева, 1991, с. 18–22) сохранилось плохо (следует учитывать, что оно относится к слою разрушения крепости — см. ниже), а часть его нарушена более поздними перекопами, однако до пола, где найден амулет (Каталог, 4-2/4), судя по описанию, планам и профилям (рис. 235: 42), они не дошли. Среди находок упоминаются фрагменты не менее 10 краснолаковых сосудов; для большей части из них есть прорисовки венчиков и штампов. Фокейская группа представлена формами 3F (рис. 235: 12), 3G (рис. 235: 4), 3H (рис. 235: 3), близкими им вариациями (рис. 235: 2) и, похоже, переходной или гибридной формой между 3G и 10A (рис. 235: 5). Для других краснолаковых изделий по доступным нам прорисовкам (рис. 235: 6–8, 10, 11) мы не рискнем делать определения.

Формы 3F, 3G и близкие им датировались около 1-й половины — середины VI в. (с пиком бытования во 2-й четверти VI в.), не исключая несколько более позднее время (Heyes, 1972, p. 338; Смокотина, 2014, с. 98–103). Наличие форм 3E, 3F, 3G, 3H в 3-й четверти VI в. отмечено П. Рейнолдсом по материалам из Аликанте/Луцентума (Reynolds, Bonifay, Cau, 2011, p. 20: № 76, tab. 1: 76; Reynolds, 1987, № 899–939, 942–957). В склепе 192/2007 из Алмалык-Дере блюдо типа 3F стояло у стенки, противоположной входу, а погребения 2 и 5 (последнее — у стены справа от входа — одно из самых ранних) датированы большими пряжками с прямоугольной обоймой, украшенной крестом (Bemmann et al., 2013, Taf. 346; 348: 1; 350: 2; 353: 2), относящимися к ранним формам варианта 5 по А. И. Айбабину, показательным для 2-й половины VI в. (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 27, 52–53: № 4, рис. 15: 4, 5), не исключая чуть более раннего времени (Гавритухин, 2019, с. 298–299). В склепе 406 в Скалистом (Веймарн, Айбабин, 1993, с. 95, рис. 66: 4–29), содержавшим перемешанные материалы, по-видимому, трех захоронений, наряду с блюдом формы 3F, имеющим клеймо группы III по Дж. Хейсу, найдены детали «геральдических» ременных гарнитур (вероятно, не одной), появление которых датируется всеми специалистами не ранее середины VI в., причем в данном склепе представлены их не самые ранние типы, хотя и не поздние.

Атрибуция одной из форм краснолаковой посуды (рис. 235: 5) как переходной от 3G к 10A (а тем более, если она гибридная) подразумевает хронологический «нахлест» с периодом бытования формы 10, ведь смена форм не была одномоментной. Дж. Хейс сначала появление формы 10 датировал около 580 г., что создавало хронологическую лакуну с формами 3, исключавшую вопрос об их преемственности (Hayes, 1972, p. 338, 345). Однако позднее нижняя хронологическая граница формы 10A была сдвинута ближе к 550 г. и появились работы, демонстрирующие варианты перехода к форме 10A от 3G и/или 3F/3G около середины VI в., с бытованием таких вариаций и позднее (из недавних работ см. Смокотина, 2014, с. 107–108; Quaresma, 2019).

Наличие вариации, переходной к типологически более поздней форме, и отсутствие ранних форм фокейской краснолаковой посуды свидетельствует о накоплении комплекса в византийское время (не ранее конца 520-х или начала 530-х гг.) вплоть до гибели крепости. Наличие клейма, близкого мотиву 71 по Дж. Хейсу (рис. 235: 13), не противоречит этой дате (Hayes, 1972, p. 365–367; Голофаст, 2002, № 78–108, рис. 6; Смокотина, 2014, с. 123–127)[12].

[12] Клейму на рис. 235: 12 по имеющемся изображению мы не нашли аналогий, но для нашей темы достаточно приведенного определения формы этого блюда.

Среди амфор[13] определимы тип LRA 1B1 по Д. Пьери (рис. 235: 26), датированный VI — 1-й половиной VII в. (Pieri, 2005, p. 76), и критская типа TRC 4 (рис. 235: 22). Последние датировались концом V — VII в. (Portale, Romeo, 2001, p. 307). Но в Северном Причерноморье А. В. Сазанов относил их ко 2-й четверти VI — 3-й четверти VII в. (Sazanov 2014, p. 401–402), а в Западном Причерноморье они датируются VI — началом VII в. (Paraschiv, 2006, p. 103). Еще одна амфора (рис. 235: 21) больше всего похожа на критскую типа TRC 2 (см.: Голофаст, Ольховский, 2016, рис. 10: 7; Bushi, 2016, fig. 1: 2), датированного 2-й половиной V — VI в., не исключая VII в. (Sazanov, 2014, p. 400). Остальные амфоры по доступным изображениям трудноопределимы, а полученная дата вполне корреспондирует с результатом по краснолаковой керамике.

Находки стеклянных рюмок (рис. 235: 16–17), костяных изделий, в том числе характерных трубочек («игольниц»? «отводов из детских колыбелей»?) (рис. 235: 39), керамических пряслиц (рис. 235: 14–15), лампы (рис. 235: 36), сосудов местной традиции — обычны для большинства других помещений, связанных с основным периодом существования крепости, главным образом с поздним этапом ее функционирования (ср. набор из помещения XXX: Гавритухин, Паромов, 2003, табл. 62: 1–50).

Судя по всему, помещение XXXII, во всяком случае, его верхний горизонт, фиксируемый полом, отмеченным на разрезе (рис. 235: 42), относится к византийскому периоду существования крепости (с конца 520-х или начала 530-х гг.), а погибло оно, учитывая следы пожара и сырцовые завалы, вместе с разрушением крепости в 576 г.

Среди двух находок амулетов, не привязанных к слоям, есть полуфабрикат (рис. 220: 6; Каталог, 7-2/2). Следует полагать, что он свидетельствует о местном производстве — следы разнообразной ремесленной деятельности на городище многочисленны (Журавлев, Мокроусов, Сапрыкин, 2010, с. 194–195). Едва ли изделие, у которого не были убраны следы литья, хранилось долго. Скорее всего, недоделанная вещь связана с периодом, непосредственно предшествующим гибели поселения.

Итак, находки рассматриваемых амулетов с Ильичевского городища мы считаем возможным датировать следующим образом.

Две фигурки (рис. 220: 1, 2; Каталог, 4-2/1 и 4-2/2) нет оснований датировать уже, чем в хронологических рамках слоя 4, т. е. 2-й половиной или концом V — 3-й четвертью VI в.

Скорее всего, этим же хронологическим рамкам соответствует и находка, происходящая не из раскопок (Каталог, 4-2/3; вероятно, рис. 220: 5).

Одна фигурка (рис. 220: 3; Каталог, 4-2/4) связана с византийским периодом функционирования крепости — от 530-х гг. до 576 г.

Изготовление еще одной фигурки (рис. 220: 6; Каталог, 4-2/5) было, вероятно, прервано гибелью поселения в 576 г., т. е. ее иконография была актуальна несколько ранее этой даты и, скорее всего, не забыта сразу же после нее. Этот хронологический репер «с допуском» можно определить в рамках 2-й половины VI в. или узко — около 570-х гг.

Тиритака, участок XV, слой 2, раскопки 1947 г. (Каталог, 4-5). Материалы этих раскопок опубликованы очень кратко (Гайдукевич, 1949, с. 42–43; 1958, с. 172–175), в полевом отчете интересующих нас сведений еще меньше. Отчасти это объяснимо тем, что раскопки 1947 г. были прирезкой к части участка XV, где раскопками 1939, 1940, 1946 гг. была открыта хорошо сохранившаяся усадьба, ставшая эталонной для слоев Тиритаки, датированных III–IV вв. (рис. 233В: 1, нижняя часть, имеющая нумерацию помещений), и описанная весьма подробно (Гайдукевич, 1952, с. 105–127). Однако находки и из нее приведены очень выборочно, что было обычным для публикаций позднеантичных материалов вплоть до недавнего времени.

Напластования на участке XV относятся в основном к двум эпохам. Слой 1 мощностью 1–1,4 м связан с салтовским периодом, строительные остатки в нем сильно нарушены выборкой камня в Новое и Новейшее время. Ниже расположен слой 2 с неплохо сохранившимися остатками сооружений позднеантичного времени, при строительстве которых почти все более ранние напластования были снивелированы, остались лишь единичные находки бронзового века и архаического периода, а также часть небольшой постройки IV–III вв. до н. э. В слое 2, начинающимся практически от материка, лучше всего сохранилась упомянутая выше усадьба «III–IV вв.» с семью (не считая перестроек) помещениями вокруг мощеного двора.

[13] Этот абзац написан на основе консультаций Ларисы Алексеевны Голофаст.

В. Ф. Гайдукевич этот дом-усадьбу связывал с восстановлением жизни после потрясений середины III в., а гибель ее в пожаре соотносил с гуннским разгромом 370-х гг. Помещение 7 этой усадьбы, вырезанное перегородкой в пределах более обширного раннего, и пристроенные к нему «сени» автор раскопок рассматривал как перестройку, «когда на месте сожженного большого дома обосновались жители, использовавшие только одно его помещение» (Гайдукевич, 1952, с. 125). Этот верхний горизонт слоя 2 был датирован концом IV — началом V в. и расценивался как свидетельство возрождения жизни в Тиритаке после нашествия гуннов.

В системе передатировок боспорских позднеантичных памятников, предложенной А. В. Сазановым и Ю. Ф. Иващенко, была отмечена значимость материалов «дома III–IV вв.» и датировок В. Ф. Гайдукевича как отправной точки для многих более поздних публикаций и концепций, а гибель этого дома связывалась с пожаром, «охватившем большую часть города», который было предложено датировать в пределах 2-й четверти VI в. и связывать, как и слои разрушений, отмеченные на ряде других боспорских памятников, с событиями «528 или 534 гг. н. э. … (история Горда)» (Сазанов, Иващенко, 1989, с. 84, 98–99, 100). В вышедшей следом статье этот дом был датирован уже 2–3-й четвертью VI в., что обосновалось наличием 11 хронологических индикаторов (Сазанов, 1989, табл. 3 и 5). В итоге же памятник был поставлен в число немногих боспорских поселений, доживших до событий 576 г.

А. И. Айбабин принял дату 576 г. для общегородского пожара в Тиритаке, что для выделенного В. Ф. Гайдукевичем верхнего горизонта слоя 2 указывает, по его мнению, на конец VI и «весь» VII в.; в качестве аргумента о наличии на участке XV материалов VII в. приводится и интересующий нас амулет (Айбабин, 1999, с. 137). Схожего взгляда придерживаются В. Н. и А. В. Зинько, которые верхнюю хронологическую границу ряда комплексов относят к 3-й четверти VI в., явно соотнося ее с событиями 576 г., но отмечая, что «в последней трети VI в. н. э. Тиритака приходит в запустение, однако какое-то население сохраняется еще в VII в.» (Зинько В. Н., Зинько А. В., 2008, с. 94, 96).

Рассмотрим доступные нам материалы усадьбы в западной части участка XV. Краснолаковую посуду из нее А. В. Сазанов без ссылок на конкретные изображения и описания В. Ф. Гайдукевича отнес к рассмотренным Дж. Хейсом форме 62B африканской группы (ARSW), форме 2 кипрской группы (LRD), формам 2 и 3 фокейской группы (LRC), отметив для нее и штампы III хронологической группы (Сазанов, 1989, признаки 14, 15, 17–19).

Под формой 62B африканской группы А. В. Сазановым, очевидно, имелась в виду форма 1 понтийской группы (рис. 233B: 11), появившаяся не позднее середины IV в. и бытовавшая как минимум до 3-й четверти VI в. (см. выше о находках из Карши-Баира). Под формой 2 LRD, судя по характеристике и ссылкам, имелась в виду форма 1 у Дж. Хейса, чему в публикации можно найти лишь весьма отдаленную ассоциацию (рис. 233B: 10). Еще более непонятна отсылка к форме 2 LRC, под которой, вероятно, имелся в виду оставшийся из трех опубликованных экземпляров (рис. 233B: 9). Два последних блюда, судя по рисункам, скорее напоминают варианты формы 7 понтийской группы, появившейся не позднее середины V в. и бытовавшей до 1-й трети или середины VI в. (см. выше: о находках из Карши-Баира).

Что А. В. Сазанов подразумевал под формой 3 LRC — непонятно, так как ни одни профиль керамики фокейской группы с участка XV в публикации не приведен. Хотя, конечно, керамика этой группы среди находок есть, ведь опубликованы характерные для нее штампы. На двух из них представлен мотив 71 (рис. 233B: 4, 5), на одном — мотив 66 (рис. 233B: 3) по Дж. Хейсу. Они действительно относятся к группе III и датируются в основном от последних десятилетий V до 3-й четверти VI в., а единично — и существенно более поздним временем (Голофаст, 2002, с. 157–162, 171–173; Голофаст, Рыжов, 2013, с. 82). Представлено и сочетание мотива 69 с несколькими штампами мотива 10 (рис. 233B: 7). Сами эти мотивы относятся, соответственно, к группам III и II, а такое сочетание не отмечено Дж. Хейсом ни в одной из них, при этом наличие нескольких штампов на одном сосуде в группе III встречается редко, в отличие от предшествующих ей групп штампов (см. обзор в Голофаст, 2002, с. 176). Скорее всего, рассматриваемое сочетание штампов следует отнести к ранним вариациям группы III.

Стеклянная посуда в помещениях усадьбы, погибших в пожаре, представлена округлой лампадой с тремя ручками (рис. 233B: 6; Сазанов, 1989, признак 24) конца IV (в основном с V в.) — VI в., а также ножкой рюмки (Гайдукевич, 1952,

с. 113), что указывает на дату не ранее середины / конца V в. (о датах таких сосудов см. выше: о склепе 52/1909 из Керчи). В кладке 94, т. е. в подпорке юго-западной стены помещения 3, найден фрагмент сосуда с синими налепами (Гайдукевич, 1952, с. 119; Сазанов, 1989, признак 22), датируемый в пределах 4-й четверти IV — V в. (см. выше: об Ильичевском городище).

Амфоры из помещений усадьбы, согласно определениям Л. А. Голофаст, сделанным по публикации, относятся к типам (в скобках ссылки на рис. по: Гайдукевич, 1952): Зеест-96/97 (рис. 138), LRA1A или переходный вариант к LRA1B (рис. 150: 1), узкогорлые светлоглиняные типа Е по Д. Б. Шелову (рис. 150: 2), так называемые тиритакские, схожие с типом Кх ID_2 по С. Ю. Внукову (рис. 149: 1). Этот набор весьма близок тому, что связан с горизонтом разрушений, который был реконструирован Л. А. Голофаст для Фанагории и датирован временем около середины V в. Однако набор стеклянной посуды там отличается от интересующего нас тиритакского, очевидно, несколько более позднего.

Денежно-вещевой клад из помещения 5 (с боспорскими монетами) по калачевидной серьге (рис. 233В: 14, слева) может датироваться от гуннской эпохи до VII в., судя по очень представительной выборке таких серег с Северного Кавказа, однако в Крыму они известны главным образом в ранней части этого временного интервала (Мастыкова, 2009, с. 72). Остальные вещи из этого клада (рис. 233В: 13, 14; Гайдукевич, 1952, с. 123–124) по доступной информации неопределимы или имеют широкий диапазон времени бытования.

Складывается впечатление, что значительная часть краснолаковой керамики из рассматриваемой усадьбы относится к понтийской группе. Кроме показательной выборки форм в публикации, отметим днище сосуда, украшенное композицией, выполненной с помощью гребенки (рис. 233В: 12), что характерно для посуды этой группы, в основном формы 3, выходящей из употребления в середине V в. (Arsen'eva, Domżalski, 2002, p. 426–427; Смокотина, 2014, с. 52–54; Голофаст, Ольховский, 2016, с. 67). Правда, рассматриваемая композиция не относится к числу распространенных и (теоретически) может принадлежать вариации, датируемой и несколько позднее. Смена периода преобладания краснолаковой посуды понтийской группы на период господства изделий фокейской группы приходится, судя по выборке из раскопок в Тиритаке в 2002–2010 гг., на начало или 2-ю четверть VI в. (Домжальский, Смокотина, 2019а, с. 157; 2019б, с. 197) или, если опираться на общебоспорскую (в основном, керченскую) выборку, на начало 2-й четверти VI в., что соотносимо с включением Боспора в состав Византии (Смокотина, 2015, с. 320).

Учитывая поздний для понтийской группы набор форм (ср. явно более ранний набор из Танаиса — Arsen'eva, Domżalski, 2002), функционирование интересующей нас усадьбы приходится на период в пределах 2-й половины V — начала или 1-й четверти VI в. А так как она была построена на снивелированной практически до материка поверхности, фрагмент стеклянного сосуда с синими налепами является аргументом о включении в этот отрезок части V в., при этом штампы группы III на фокейской краснолаковой посуде, ножка рюмки свидетельствуют в пользу датировки пожара на усадьбе не ранее конца V в., скорее, в пределах ранней части VI в.

«Индивидуальные» находки (зеркало типа Карповка[14], костяная пиксида — Гайдукевич, 1952, с. 113, 123, рис. 155), состав клада в помещении 5, как и монета, вероятно, Льва I (454–474 гг.) из вымостки усадебного двора вполне вписываются в предложенную датировку.

Материалы, связываемые с «послепожарным» контекстом, учитывая, что мы располагаем лишь подборкой штампов группы III, могут датироваться, начиная с конца V в., а принимая во внимание стратиграфически более ранний набор, — не ранее VI в. При этом отметим, что достоверных находок последних десятилетий VI и VII вв. в Тиритаке, включая изданные материалы и обзоры по современным раскопкам (Сазанов, Иващенко, 1989; Зинько В. Н., Зинько А. В., 2008; Smokotina, 2016; Домжальский, Смокотина, 2019а; 2019б), нам не известно. Напомним в этой связи и о стерильных прослойках, в ряде случаев зафиксированных В. Ф. Гайдукевичем между интересующим нас слоем 2 и слоем 1 (салтовского времени).

Относится ли угасание жизнедеятельности на участке XV к тому же времени, что и в других частях Тиритаки, или, вероятно, к несколько более раннему — трудно сказать наверняка. Как аргумент в пользу ранней даты отметим, что единственный опубликованный образец керамики

[14] См. о них главу 5 данной монографии.

фокейской группы с участка V–VI (рис. 233В: 8), расположенного рядом с интересующим нас участком XV (откуда, напомним, ни одна форма фокейской группы не опубликована), относится, скорее, к форме 3С, а не 3Н, как полагал А. И. Айбабин (1999, с. 137). С учетом наличия штампа группы III, дата этого сосуда укладывается в пределы позднего V — раннего VI в. (см. выше об Ильичевском городище).

Таково наше понимание контекста участка Тиритаки, где был найден рассматриваемый амулет. К сожалению, о точном местонахождении интересующей нас фигурки в имеющихся у нас источниках не сказано — понятны только номер участка и год раскопок.

В 1947 г. (когда был найден амулет) изучалась северо-восточная часть участка XV (рис. 233В: 1), где был исследован отделенный от улицы оградой долговременный (судя по не одному слою) мощеный двор, с поздним периодом которого связан угол дома с очагом (Гайдукевич, 1949, с. 43; 1958, с. 174–177). В восточной части участка XV, расположенной на террасе, укрепленной стеной, зафиксированы три последовательные вымостки, с верхней из которых (№ 157) связаны две (вероятно, и третья) цистерны. Судя по указанным В. Ф. Гайдукевичем датам находок, слои участка, исследованные в 1947 г., синхронизируются с рассмотренными выше слоями, исследовавшимися ранее чуть южнее. Фигурка же датировалась так же, как верхние слои, расположенные близ цистерн. Это дает основания думать, что она связана с поздним горизонтом слоя 2 участка XV, а найдена в восточной части раскопа, по-видимому, на мощеной террасе с цистернами.

Таким образом, дату интересующей нас фигурки мы определяем в пределах 1–3-й четвертей VI в., вероятно, до середины этого столетия. Во всяком случае, нет причин сомневаться в связи этой находки со слоем 2, датированным по имеющимся данным от 2-й половины V в. до 2-й или 3-й четверти VI в.

Танаис, помещение ДО, раскопки 1981 г. (Каталог, 2-9). Д. Б. Шелов отнес это помещение «к последнему периоду существования Танаиса, т. е. к концу IV — первой трети V в.», подчеркнув: «Поскольку никаких следов жизни после середины V в. н. э. в Танаисе до сих пор не обнаружено, танаисский амулет не может быть датирован более поздним временем» (Шелов, 1984, с. 244). Для «позднего» Танаиса предлагались и другие датировки, однако А. М. Обломский, рассмотрев основные аргументы, показал, что нет оснований датировать его шире, чем конец IV — первая половина / середина V в. (Обломский, 2010).

Отметим, что в Танаисе есть материалы и более позднего времени. Безусловно, они не дают основания, чтобы говорить о продолжении жизни обширного поселения гуннского времени, но свидетельствуют о периодическом посещении людьми некоторых частей городища. Из находок, связанных с темой данного исследования, отметим матрицу для изготовления накладок шиповского (постгуннского) периода (как рис. 223: 4; Гавритухин, 2004б, с. 210, рис. 4: 6–9). С осторожностью, но следует иметь в виду и фигурировавшую в интернете находку (якобы конца 1990-х гг. из отвалов раскопа на городище) двух фигурок, близких серии Пашковская, но подтипа 2Б и с руками, сходящимися у пояса (как на рис. 223: 2–3).

Итак, с учетом сказанного, интересующий нас танаисский амулет, возможно, датируется от конца IV до середины V в., но более поздняя дата его не исключается.

Стаево-5 (рис. 218: 1, 2, 4, 7; Каталог, 1-9, 1-и9). Все семь (безусловно — четыре) интересующих нас амулетов с этого памятника происходят не из закрытых комплексов. Стратиграфия и планиграфия находок не дают оснований для сужения даты, неплохо обеспеченной хронологическими индикаторами для поселения в целом (см. главы 1 и 2 данной книги). С учетом соотношения с поздними материалами памятников типа Чертовицкое — Замятино, судя по всему, предшествующих Стаевскому комплексу, интересующее нас поселение возникло около конца V в., а прекратило существование в середине или 3-й четверти VII в.

4.5. Средняя Азия и Казахстан

Несмотря на обширность региона, интересующие нас и явно связанные с ними антропоморфные амулеты других типов имеют вполне компактный культурный контекст. Подавляющее большинство этих фигурок происходит с памятников джетыасарской культуры и сложившейся при ее участии кердерской культуры. Единичные находки сделаны на памятниках культур, родственных или так или иначе связанных с указанными. Поэтому, несмотря на разнохарактерность памятников, мы рассматриваем хронологию всех этих амулетов вместе.

Дуана, могильник IV. Здесь исследовано 7 курганов, соотнесенных с кочевниками,

близкими позднесарматской культуре, и датированных в пределах II–V вв. (Древняя…, 1978, с. 104–115; Ягодин В.Н., Китов, Ягодин В.В., 2020). Инвентарь (керамика, костяные стрелы и обкладки лука, фрагменты деревянных и железных изделий) узко не датируется. Одним из опорных для хронологии является особенно важный для нашей темы ***курган 34***, отнесенный автором раскопок В.Н. Ягодиным к IV–V вв. на основании антропоморфной подвески (рис. 236Г: 1; Каталог, 6-1) со ссылкой на работы И.Т. Кругликовой и Л.М. Левиной (Древняя..., 1978, с. 113). В этом же погребении найден сверленый диск из раковины (рис. 236Г: 2). Такие изделия массово поступали из Индии в среднеазиатский регион в III–IV вв., откуда распространялись на северо-запад до бассейнов Дона и Камы (Красноперов, 2007).

К наиболее поздним, узко датированным комплексам со сверленными дисками из раковины относится погребение 5 могильника Коминтерн II в низовьях Камы. Особенно показательны в этом комплексе (Казаков, 1998, рис. 9) пряжки с внешне массивной полой овальной рамкой и неподвижным щитком. Одна из них (с вырезами по бокам щитка) отнесена И.О. Гавритухиным к волжской серии, датированной серединой VI — серединой VII в. (Гавритухин, 1999, с. 186–189). Ближайшая аналогия коминтерновскому экземпляру найдена в погребении 3 кургана 9 Верхсаинского могильника. Стратиграфически этот курган позднее кургана 21 с пряжками шиповского круга, но раньше кургана 3, ровик которого перекрыт курганом 26, откуда происходят детали ременных гарнитур ранних «геральдических» стилей (Гавритухин, 1996, рис. 3; полная публикация памятника — Голдина Р.Д., Перевозчикова, Голдина Е.В., 2018). Учитывая, что в погребении 1 кургана 9 найден ременный наконечник «геральдического» круга, интересующая нас пряжка должна относиться к самому началу распространения «геральдических» стилей в Восточной Европе, т.е. к середине — 2-й половине VI в. По-видимому, рассматриваемые диски бытовали, как минимум, до этого времени. С другой стороны, в среднеазиатских материалах более позднего времени такие находки нам не известны.

Итак, курган 34 могильника Дуана IV может быть датирован в широких хронологических рамках, не исключающих в качестве верхней даты середину VI в.

Косасар-2. Интересующая нас фигурка (рис. 236В: 12; Каталог, 6-1) найдена в разрушенном погребении, данных о котором нет, что заставляет обратиться к памятнику в целом. Материалы 78 курганов (из не менее 120), опубликованные не систематически, привели автора раскопок Л.М. Левину к выводу, что верхняя дата могильника приходится на II–IV вв. (см. обзор в: Левина, Галиева, 1993б, с. 12–15, 19; Левина, 1993б, с. 50–78; разрозненные упоминания в: Левина, 1993а, 1996). Отметим, что ряд пряжек типа П10 и наконечник типа Н8 (по: Малашев, 2000) (как рис. 236В: 5–7; Левина, 1993б, рис. 50: 1–2, 5–8; 49: 16) свидетельствуют об активном функционировании некрополя в середине — 2-й половине IV в. Некоторые пряжки, судя по рисункам (рис. 236В: 8–11), более всего напоминают изделия начала эпохи Великого переселения народов, что позволяет датировать финал могильника не ранее конца IV — начала V в.

Могильник Косасар-2 выделен условно и входит в систему обширных курганных полей вокруг городища Большой Косасар (Джеты-асар-11), разделенных протоками (Левина, Галиева, 1993а; 1993б, рис. 5, с. 11–19). На могильниках Косасар-1 и Косасар-3, расположенных недалеко от Косасара-2, было раскопано еще 25 курганов (Левина, 1993б, с. 41–50). Датируемые комплексы были получены только в Косасаре-3, северо-восток которого находится не более, чем в 200 м от юго-запада Косасара-2, а с учетом несохранившихся насыпей это расстояние может быть еще меньше. В Косасаре-3 представлены полихромные пряжки V в., пряжка с выступами на обойме, датируемая не ранее этого, полая, но не массивная пряжка шиповского круга (рис. 236В: 1–4; Левина, 1993б, рис. 20: 1–3, 7).

Таким образом, группа могильников, расположенная к северу от городища Большой Косасар, функционировала как минимум до 2-й половины или конца V в., скорее даже до начала или 1-й половины VI в. Это и определяет возможную верхнюю хронологическую границу для рассматриваемого амулета.

Куюк-кала. Все найденные здесь интересующие нас фигурки являются подъемным материалом (рис. 236А: 1–11; Каталог, 6-3), что заставляет обратиться к памятнику в целом. Это городище относится к крупнейшим в кердерской культуре, датированной в пределах VII–XI вв. (Ягодин, 2008, с. 136–143).

Комплекс Куюк-кала включает собственно городище, примыкающие к нему обширные неукрепленное поселение и некрополь. Раскопками Е.Е. Неразик в 1956 г. и В.Н. Ягодина в 1961 г.

на городище выделено четыре горизонта. Однако В. Н. Ягодин отмечает, что «общая дата всей свиты культурных напластований Куюк-калы уже достаточно узка (менее 100 лет) и ее расчленение на более узкие хронологические отрезки вызывает затруднения» (Ягодин, 1984, с. 65–66). Раскопки М. М. Мамбетуллаева в 2000–2002 гг. на городище не позволили уточнить эту картину. На некрополе под руководством М. М. Мамбетуллаева в 2002–2006 гг. вскрыто 364 могилы. К сожалению, в их публикации (Ходжайов, Мамбетуллаев, 2008) много неясностей и явных ошибок, а иллюстрации не дают адекватного представления о находках[15]. Огромное количество вещей получено в ходе несанкционированных сборов и раскопок, в том числе с применением металлоискателей. Из этих находок для изучения доступна лишь малая часть, но и она весьма выразительна (например, Торгоев, Сапаров, 2021, в печати).

На памятнике найдено много хорезмийских монет. Наиболее ранние относятся к VII в., преобладают эмиссии 1-й половины VIII в. К позднейшим принадлежит немалое число монет Савашфана (Шаушфарна), который отправлял посольство в Китай между 750 и 762 гг. (Ягодин, 1984, с. 66; Мамбетуллаев, Торежанова, Турманов, 2001, с. 161; Lurje, 2008, p. 302). О находках в верхнем слое монет его преемника Абдаллаха (3-я четверть VIII в.) имеется только сообщение (Неразик, Рапопорт, 1959, с. 138). Одна монета середины VIII в. была найдена на полу помещения второй фазы второго периода (Ягодин, 1984, с. 66). Горизонт I, находящийся на материке и вскрытый лишь в некоторых местах, не содержит монет, но, судя по керамике, датируется не ранее VII в.

К датирующим относятся и находки деталей «геральдических» ременных гарнитур, среди которых особенно выразительны так называемые агафоновские (рис. 236А: 13–22, 24, 28; Ходжайов, Мамбетуллаев, 2008, рис. XLIV: 12; XLVI: 1–11, 19, 29), появление которых относится ко времени около середины VII в. (см. выше о дате находки из Чуфут-Кале). Верхнюю дату гарнитур этой стилистики обычно ограничивают концом VII или началом VIII в., когда они сменяются поясами катандинского («общетюркского») круга, получившими распространение вплоть до Восточной Европы с эпохи так называемого Восточного (Второго) Тюркского каганата (680-е гг. — 744 г.). В 720-е гг. процесс смены гарнитур уже произошел в Чаче, Согдиане, Семиречье, а также на Средней Сырдарье, судя по стратиграфии городища Сидак-тобе (Распопова, 1980, с. 94; Смагулов, 2014, с. 207–210, рис. 4). Однако в погребении 382 Бирского могильника (Башкирия) детали агафоновских гарнитур найдены с пробитой для ношения хорезмийской монетой Савашфана (Мажитов, 1990). По-видимому, в некоторых регионах бытование деталей агафоновских поясов продолжалось как минимум до начала 2-й половины VIII в. В этот ряд следует поставить и низовья Амударьи.

К поясам катандинского круга в Куюк-кале относится одна пряжка (рис. 236А: 12) (Неразик, Рапопорт, 1959, рис. 9), что в сочетании с большим числом изделий агафоновской стилистики и показаниями монет, позволяет датировать затухание жизни на этом поселении городского типа 3-й четвертью VIII в.

Кроме агафоновских, в Куюк-кале представлены и другие поздние «геральдические» стили (рис. 236А: 25–27; Ходжайов, Мамбетуллаев, 2008, рис. XLIV: 19–23, 26–28; XLV: 18–22), известные в комплексах 2–3-й четверти и 2-й половины VII в. Ряд находок, в том числе наборов (рис. 236А: 32–36, 40–44; Ходжайов, Мамбетуллаев, 2008, рис. XLV: 1–17; XLVI: 18), сопоставимы с горизонтом 2 урало-поволжских «геральдических» и синхронных им гарнитур, датированных от 1-й до 3-й четверти VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 84–86; рис. 89: II; 90: колонка «Приуралье»; Гавритухин, 1996).

Некоторые находки допускают такую и более раннюю дату (рис. 236А: 31, 37–39, 45–51; Ходжайов, Мамбетуллаев, 2008, рис. XLIV: 1–11, 13–18, 30; XLVI: 12–15, 17, 23–28). Говорить об этом более определенно трудно из-за качества ряда иллюстраций и ненадежности привязок к комплексам. Аналогии некоторым вещам (рис. 236А: 37–38, 49–51; Ходжайов, Мамбетуллаев, 2008, рис. XLIV: 1–8, 24–25, 30) есть и в «догеральдических» наборах (например, для надежных рис. 236А: 49–51 см. рис. 230Д: 2; 232: 3, 44, 57, с анализом в частях 4.1 и 4.3 нашего текста). Однако многочисленный набор монет с памятника и керамика из его нижних слоев противоречат ранней датировке и заставляют принять для рассматриваемых пряжек поздний

[15] Полевая документация раскопок после кончины М. М. Мамбетуллаева не была обнаружена в его бумагах. Изделия из цветных металлов, хранящиеся в Нукусском государственном педагогическом институте, обработаны А. И. Торгоевым.

(заходящий в VII в.) отрезок времени существования типов, к которым они относятся.

Итак, судя по хронологии памятника в целом, дата происходящих с него антропоморфных подвесок укладывается в рамки VII — 3-й четверти VIII в. Лишь очень гипотетично для единичных находок можно предполагать немного более раннее время существования.

Датировки по историческому контексту, конечно, могут быть оспорены поклонниками «чистых» методик, но их все же следует иметь в виду.

В Среднеазиатском узле мы имеем два случая находок интересующих нас амулетов (рис. 236В: 12; 236 Г: 1) в контексте не позднее VI в. В первом случае (Косасар) «заход» в VI в. вероятен на основе единичных находок. Хотя городище Большой Косасар раскопками не исследовано, выборка по более 100 курганам из его округи позволяет согласиться с Л. М. Левиной и З. С. Галиевой (1993), что затухание жизни в этом микрорегионе произошло раньше, чем во многих других джетыасарских. С учетом очень малого числа поздних находок, их дату следует максимально приблизить к датировке основного массива хроноиндикаторов, т. е. ограничить 2-й половиной V, возможно, началом или 1-й половиной VI в. В культурно-историческом контексте косасарская находка дает нам репер существования в Азии интересующих нас амулетов в *дотюркское* время. Такая атрибуция (второй случай) приемлема и для кургана 34 из Дуаны IV (рис. 236Г).

Основная масса и наибольшее типологическое разнообразие рассматриваемых фигурок по Куюк-кале (рис. 236А: 1–11) датируется существенно позднее — эпохой так называемого Западного Тюркского каганата (после 581/603 гг.) и Тюргешского каганата (699–766 гг.). Находки в Куюк-кале очень близки позднему этапу джетыасарской культуры (Джетыасар III в понимании Л. М. Левиной). К общеизвестным наблюдениям добавим находку в верхнем горизонте раскопа XIV на Куюк-кале амулета (рис. 236А: 23; Ходжайов, Мамбетуллаев, 2008, рис. XLII: 3; с. 150–151), типичного для джетыасарской культуры (рис. 222: 4–6). Показательна и перекличка этого амулета с другими куюккалинскими по форме головного убора или прически (рис. 236А: 4; ср. рис. 222: 3–4, 7–9) и по наличию прорезей (рис. 236А: 6; ср. рис. 222: 4–6).

Находка амулета на Сидак-тобе (рис. 236Б: 2) в Туркестанском оазисе может объясняться тем, что с распадом джетыасарской общности, начавшемся в VII в., часть входившего в него населения ушла вверх по Сырдарье в Туркестанский и Отрарский оазисы к носителям родственной отрарско-каратаусской культуры. Скорее всего, именно этим временем датируется и интересующий нас амулет.

Фигурка из Миздахкана (рис. 236Б: 3), судя по месту находки, связана с кердерской культурой, т. е. для нее вполне приемлема датировка по материалам Куюк-калы (ср. рис. 236А: 10–11).

Самый южный рассматриваемый амулет (рис. 236Б: 1) обнаружен на Хишт-тепа, которое расположено в верхнем течении Амударьи, фактически на ее берегу. Очевидно, что эта фигурка (скорее всего, серии Куюк-кала 2) попала туда с низовий реки, так как навигация по Амударье существовала с очень раннего времени и составляла важную часть доходов как Хорезма, так и Бактрии-Тохаристана. Ближайшие аналогии этому обломку есть в Куюк-кале (рис. 236А: 5, 7), что дает дату не ранее VII в. Однако он вполне сопоставим и с более ранней находкой с Устюрта, судя по доступному ее изображению (рис. 236Г: 1).

С угасанием стилистики интересующих нас амулетов на примере близких им типов связана находка из Кескен-Куюк-калы (рис. 222: 2). Это городище относится уже к культуре «болотных городищ» Нижней Сырдарьи, на которых нет слоев ранее середины / конца VIII в.

4.6. Клады

Мордово (Каталог, 1-и6). В интернете эти находки фигурируют как происходящие из некого «клада». Учитывая, что в составе этого «клада» приведены разновременные вещи, это — либо набор длительного накопления, либо сборная коллекция. В любом случае мы не можем опираться на этот набор при датировке включенных в него вещей.

4.7. Итоговые заметки

На рис. 237 мы расположили полученные даты интересующих нас амулетов от ранних к поздним, учитывая и принадлежность памятников определенному культурному кругу.

Большинство датированных находок в Европе происходит с Боспора и имеет хронологические рамки от 2-й половины V в. до 3-й четверти VI в. или не исключает их, причем формально (методом накладывания хронологических отрезков — «узкой датировки» по М. Б. Щукину) эта

дата сужается до середины — 3-й четверти VI в. (рис. 237: 4–8, 12–13). Однако этот метод дает, конечно, не жесткие хронологические рамки, а «временной пик» бытования вещей. Аналогичную картину дают находки из Пашковского могильника (рис. 237: 10–11), что вполне объяснимо, учитывая сильное влияние боспорской культуры на население региона Нижней Кубани (многие примеры см. в: Гавритухин, Казанский, 2006).

Среди этих экземпляров представлены образцы серий Белосарайская (рис. 237: 12) и иконографически близкой ей Керчь (рис. 237: 5, 10, 13), а также Ильичевская (рис. 237: 8), относящиеся к подтипу 1А, Пашковская подтипа 1Б (рис. 237: 4, 6, 11) и, наверно, производной от нее вариации подтипа 2А (рис. 237: 7). В этой выборке явно выделяются два иконографических блока (см. ниже, часть 6.1, о блоках серий 1 и 2), причем оснований, чтобы выделить среди них более ранний, у нас нет. Лишь одну вариацию (рис. 237: 8) можно считать на фоне этого набора сравнительно поздней, т. е. типологически не исходной.

Набор из Юго-Западного Крыма укладывается в боспорский, что особенно хорошо видно с учетом ряда недатированных находок. Экземпляр серии Нижнекундрюченская, иконографически близкой сериям Белосарайская и Керчь (рис. 237: 14), примыкает к боспорской подборке и хронологически. Фигурка из Чуфут-Кале (рис. 237: 23) указывает на бытование не ранних вариаций серии Нижнекундрюченская в VII в. В этот контекст вписываются амулет из Степного Крыма (рис. 237: 18), относящийся к типологически не ранним вариациям серии Белосарайская, и с юга Харьковской области (рис. 237: 16), представляющий вариацию «с сапожками» серии Куюк-кала 1.

Набор из Стаево-5 (кроме приведенных на рис. 237: 19–22, здесь учитываются и грабительские находки, так как их происхождение понятно, что и определят дату в хронологических рамках поселения) частично близок боспорскому, причем его очень компактному сектору: серия Белосарайская (рис. 237: 19) представлена двумя экземплярами, ее дериваты (рис. 237: 20) одним, серии Нижнекундрюченская (вариация «с сапожками») еще одним. Три экземпляра относятся к серии Марьинка (рис. 237: 21–22), причем только стаевские находки дают реперы для ее датирования. Вероятно, к поздним (поздняя часть VI — середина или 3-я четверть VII в.) можно отнести находки серии Марьинка, дериват серии Белосарайская, вариацию (все они индивидуальны) серии Нижнекундрюченская, не имеющие ранних хронологических реперов. «Классические» же образцы серии Белосарайская (рис. 237: 19) имеют хронологический «нахлест» с боспорскими находками, но датируются не ранее конца V в., как само Стаево-5.

Выборка из Кисловодской котловины весьма гетерогенна. Экземпляр из Мокрой Балки (рис. 237: 9) формально — самый ранний для всей европейской выборки (!), если не считать находку из Танаиса (см. ниже), очень своеобразен (см. выше, часть 2). Не похож на других и амулет из Лермонтовской Скалы (рис. 237: 15), ставший эпонимом для серии, включающей еще две фигурки, отличающиеся многими деталями и очень далекими географически. Еще две фигурки (рис. 237: 24–25) показывают местную эволюцию дериватов серии Глинище в VII в., причем даты этих находок подтверждают эволюционный ряд, намеченный типологическим анализом.

Наконец, находка из Танаиса (рис. 237: 3), если отбросить гипотетические сомнения, в Европе должна быть не только самой ранней из датируемых (конец IV в. — 440/460-е гг.), но даже отделенной от их основной массы весьма вероятной хронологической лакуной. Очень своеобразна эта вещь и типологически: она удивительно проста, бедна деталями, если не считать рассмотренных выше поздних вариаций. Из датируемых европейских находок в типологический ряд с амулетом из Танаиса можно поставить лишь экземпляр из могильника Лермонтовская Скала (рис. 237: 15), отделяемый лакуной лет в 150, с некоторым допуском — ильичевский (рис. 237: 7), отделенный не менее чем столетним промежутком, или еще более поздние кисловодские (рис. 237: 24–25).

Если эта вещь относится к кругу дериватов упомянутых (явно не ранних) изделий или близких вариаций, то следует пересмотреть ее дату, на которой настаивал Д. Б. Шелов (по помещению, в котором она найдена). До появления недостающей информации мы оставляем этот вопрос открытым.

Ранние находки из Азии (рис. 237: 1–2) могут датироваться тем же и даже более ранним временем, что танаисский экземпляр. Однако для них возможна синхронизация и с многими европейскими находками 2-й половины/конца V — середины VI в. (рис. 237: 4–13). Чисто хронологическими аргументами очертить круг

самых ранних вариаций пока не представляется возможным. Понятно лишь, что их появление и в Азии, и в Европе относится к дотюркскому времени (до середины VI в.).

В Азии пик бытования и наибольшее разнообразие рассматриваемых амулетов приходится на позднеджетыасарское/раннекердерское время (VII — середина VIII в.). Большинство фигурок, несомненно, относится к местным сериям и вариантам (рис. 237: 26–32). Однако есть примеры и явного влияния европейских образцов (рис. 237: 35 — прическа), не говоря об изображениях, не исключающих этого (рис. 237: 33, 34, 36).

С влиянием из Азии можно связать формирование специфичного абриса головы у фигурок серии Марьинка (как рис. 237: 21–22), отражающего детали, характерные для серии Куюк-кала 2 (как рис. 237: 29–30). Единственные датированные находки серии Марьинка (из Стаево-5) вполне допускают их отнесение к эпохе Тюркских каганатов (в Европе — с конца 560-х гг.). Однако по доступному нам изображению формирование серии Куюк-кала 2 может относиться к дотюркскому времени (рис. 237: 1), хотя полностью и не исключает раннетюркское.

Еще один элемент, ярко представленный в Куюк-кале, — удлиненный «фаллос» (как рис. 237: 26–27, 35–36) — в датированных комплексах Европы представлен находкой (рис. 237: 24), синхронной ранним куюккалинским. Однако большое число фигурок с этим признаком в Европе не датировано, что требует осторожности в ответе на вопрос о месте и времени формирования рассматриваемого элемента.

Бытование традиции интересующих нас амулетов позднее середины или 3-й четверти VII в. достоверно зафиксировано лишь для Северного Кавказа, некоторых регионов Средней Азии и Казахстана. На остальных землях антропоморфные амулеты больше не используются или представлены другими типами.

5. Функции, половозрастная и этнокультурная принадлежность

Мы согласны с общепризнанным мнением, что интересующие нас фигурки являются амулетами. Функцию и семантику этих вещей рассматривали главным образом в контексте погребальных обрядов (см. обзор выше, в части 2). На ограниченности такого подхода акцентировал внимание А.М. Новичихин (2007, с. 59). Многие новые находки, в том числе из Стаево, подтверждают, что эти подвески связаны не с погребальными обрядами и, судя по всему, они перемещались вместе с владельцами. Особенно показательны в этом отношении находки амулетов в жилом помещении на Ильичевском городище и на других поселениях.

Для суждения о характере использования рассматриваемых амулетов в погребениях у нас есть сведения лишь по нескольким могилам. Вот доступные данные по ним.

Карши-Баир 1, погребение 3 (Каталог, 3-1): «девочка-подросток» с фигуркой (без петли для подвешивания) в области предполагаемой грудной клетки.

Керчь, гробница 87(34)/1909 г., погребение 1 (Каталог, 4-3/3): ингумация ребенка; подвеска — на шее.

Керчь, склеп 78(1)/1907 г., погребение 5 (Каталог, 4-3/1): иногда эту фигурку связывают с детским погребением, опираясь на обобщенную характеристику Т.И. Кругликовой (1957, с. 255), однако в отчете о раскопках указано, что детским было погребение 6 (с фигуркой другого типа), а о погребении 5 подобной информации не приведено (Шкорпил, 1910, с. 32–33). Судя по плану (рис. 232: 1), захоронение было не самых крупных размеров, но и не явно детское. Вероятно, оно — женское или подростка, но инвентарь (глиняный сосуд, астрагалы) для уточнения пола малопригоден. Подвеска найдена на грудной клетке скелета.

Керчь, склеп 52(3)/1909 г., погребение 2 (Каталог, 4-3/2): ингумация, судя по размерам на плане (рис. 233А: 1), взрослого человека, но так как вещей на костяке не было, пол остается неясным; подвеска лежала у ног погребенного в шкатулке вместе с иглой, серьгами, бусами, двумя зеркалами, «пряжкой» (вероятно, пластинами — рис. 233А: 4; см. об этом выше, в части 4.3).

Пашковский могильник 1, погребение (?), доследованное 20.08.1927 (Каталог, 4-4/1): фигурка зафиксирована «окруженная комком бус» в скоплении других предметов.

Пашковский могильник 1, погребение 3/1936 г. (Каталог, 4-4/2): ингумация ребенка; амулет — в области шеи, среди бус.

Лермонтовская скала 2, катакомба 13 (3/1973) (Каталог, 5-5): фигурка лежала с внутренней стороны места сгиба левой руки «женского» скелета (рис. 231: 1).

Мачты, катакомба 3 (Каталог, 5-6): с двумя погребенными, судя по всему, женщиной и мужчиной; о местоположении подвески данных нет.

Мокрая Балка, катакомба 4/1969 г. (4К) (Каталог, 5-7): «девочка-подросток», о местоположении подвески данных нет.

Айвазовское (Каталог 2-1), подвеска лежала у пояса предположительно (по длине скелета) детского погребения.

Дуана IV, курган 34 (Каталог, 6-1): детское погребение; подвеска — «на черепе» вместе с диском из раковины.

Как мы видим, в Юго-Западном Крыму, на Боспоре и Нижней Кубани, в Кисловодской котловине, на Устюрте рассматриваемые амулеты в погребениях связаны с женщинами или детьми (девочками?).

Тем не менее абсолютизировать эти данные не стоит. Во-первых, все определения сделаны археологами, а не антропологами, во-вторых, на общем фоне находок 11 погребений с определением пола и возраста представляют собой единичные случаи.

В уборе эти подвески нередко составляли часть ожерелья, однако могли быть связаны с украшением головного убора (Дуана) или располагаться ниже груди сбоку, близ пояса, возможно, в сумочке (Лермонтовская скала). При этом кто и как носил эти амулеты при жизни, особенно в других культурах, мы не знаем. Следует иметь в виду и изображения рассматриваемых и схожих фигурок на керамике (рис. 223: 1, 6, 7, 11), едва ли имеющей гендерную «привязку».

Суждения о конкретных божествах и культах, с которыми связаны амулеты, без единого намека про них в письменных источниках интересующего нас времени, а тем более эволюционистские религиоведческие построения, представляются нам малодоказательными. Согласимся лишь с оценками, которые являются более-менее очевидными. Это — амулеты-обереги, апеллирующие к мужской силе. Вполне вероятно, что владелец мог при определенных обстоятельствах передать его близкому человеку, например, члену семьи или «кунаку».

В этнокультурном отношении амулеты связаны с различными археологическими общностями (см. Каталог). В Крыму они происходят из раннесредневекового Херсона, из могильников юго-западной части полуострова (Чуфут-Кале, Карши-Баир), из городов и крепостей Европейского и Азиатского Боспора (Керчь, Тиритака, Ильичевское городище). На Северном Кавказе амулеты найдены на памятниках как аланского (Лермонтовская Скала, Мокрая Балка), так и явно иного (Пашковский) круга.

Серия находок обнаружена в степи от Днепра до Волги, включая низовья Дона. В Танаисе амулет происходит из постройки города гуннского времени со смешанным населением, но не исключен и его более поздний степной контекст. Стаево-5 по лепной керамике является одним из самых поздних памятников бассейна Верхнего Дона с преобладающими раннеславянским и окским компонентами. Контекст прочих находок в Поднепровье, Подонье, Поочье и Поволжье не ясен, но в Поочье находки сделаны на территории рязано-окской, и, возможно, древнемордовской культур, в Среднем Поволжье — на территории именьковской культуры, на востоке Днепровского Левобережья — пеньковской, возможно, колочинской.

В Средней Азии и в Казахстане амулеты найдены на памятниках джетыасарской, кердерской и других родственных или иначе связанных с ними культур.

Очевидно, что эти вещи не соотносятся с какой-то определенной этнической общностью.

6. Культурно-историческая интерпретация

6.1. Взаимосвязи серий и некоторых деталей фигурок

Для начала отметим **зоны и узлы концентрации** находок. На рис. 216 отчетливо видна дуга массовых находок, включающая южные регионы Крыма и большую часть Северного Кавказа. Ее центром практически является Боспор, учитывая, что в пунктах «несколько экземпляров» (рис. 216: г) из Керчи и Ильичевского городища (рис. 216: 48, 50) происходит не менее чем по 5 вещей, на остальных же известно не более чем по две.

В остальных регионах на периферии общего ареала мы видим узлы концентрации находок, от которых отходят как бы «щупальца». В ряде случаев каждый такой узел можно связать с определенным памятником. Пока таких узлов мы насчитали как минимум пять.

Сумской узел имеет «щупальца» в Полтавской, Черниговской, Брянской, Белгородской областях (рис. 216: 16–21). Здесь расположены памятники северо-востока пеньковской и юга родственной ей колочинской культур. На каком памятнике находился центр этого узла, к сожалению, не понятно. Цепочкой находок вдоль Северского Донца и Дона через Азовское море этот узел явно связан с Боспором. Треки связей с иными зонами концентрации находок не столь очевидны, хотя и не исключаются.

Стаевский узел соотносится с памятниками верхневоронежской группы. Его центр находится на поселении Стаево-5 (7 находок — см. Каталог, 1-9, 1-и9), судя по всему, являющемся важнейшим торгово-ремесленным центром для линии Ярок этой группы. С ним (его «щупальцами») явно связаны находки в зоне этой группы и близ нее (рис. 216: 6–10). Очевидна и его связь по Дону и Азовскому морю с Боспором.

Шиловский узел относится к культуре рязано-окских могильников и выделяется на фоне других ее памятников не только по интересующим нас фигуркам. Его центр и географически, и по степени концентрации находок связан с комплексом памятников у с. Борок, откуда «щупальца» шли на север по Оке и на юг по Проне (рис. 216: 1–4). Вполне вероятно, что он является как бы производным от Стаевского центра/узла.

Находки в Пронском микрорегионе (рис. 216: 5) могут быть связаны и со Стаевским, и с Шиловским узлами. Одно не исключает другого. Расположенные здесь памятники интересующего нас времени, несмотря на раскопки, в том числе не малые на Пронском городище, где найдена интересующая нас фигурка (Каталог, 1-8 и заметки там), к сожалению, изучены явно недостаточно.

Самарский узел, скорее всего, имеет центр на Самарской Луке Волги. По-видимому, из расположенного там пока неясного центра расходятся «щупальца» в разные стороны (рис. 126: 11–15). Хотя ни одна из находок здесь достоверно не связана с конкретным памятником, этот ареал для интересующего нас времени соотносится с южной частью именьковской культуры. Этот узел, вероятно, через Иловлю, имел выход на Дон и далее на юго-запад — к Боспору. Нельзя исключить и сухопутные трассы: к Стаевскому и Шиловскому узлам на запад, к Среднеазиатскому — на юго-восток.

Среднеазиатский условный узел весьма обширен (рис. 216: 65–70). Очевидно, что для его лучшего понимания необходимо рассмотрение амулетов других типов, что выходит за рамки нашей работы. Нет сомнений, что его важный центр связан с Куюк-калой, откуда происходит более половины известных нам рассматриваемых находок этого региона. Связь Среднеазиатского узла с другими зонами концентрации рассматриваемых находок можно реконструировать через западное направление — на Мангышлак, через Каспийское море на Северный Кавказ и далее до Боспора. Другой вариант, не исключающий первый, определяется степными трассами.

Для лучшего понимания соотношения зон концентрации находок следует рассмотреть вещи детальнее.

Тип 1 (с низом в виде перевернутой буквы «Ш») для «угловатых человечков» является доминирующим (рис. 216: а). Тип 2 (с П-образным низом) показателен для восточных регионов (рис. 216: б), от степей Поволжья и Азиатского Боспора до Северного Кавказа и Средней Азии. Лишь на территории Северной Осетии намечается зона концентрации находок именно этого типа (рис. 216: 61–63). Немало таких фигурок представлено в Среднеазиатском узле. Отметим, что в этом узле, центральных районах Северного Кавказа, Поволжье известно немало фигурок других типов, стилистически связанных с рассматриваемыми. В то же время амулеты типа 2 и стилистически близкие к ним чужды Стаевскому узлу, единичны на Боспоре, в Юго-Западном Крыму, Сумском узле.

Явных закономерностей в распространении признака «бугорок в районе бедер», отличающего **подтипы** 1А и 1Б от 2А и 2Б, мы не видим.

Более показательны **блоки серий**.

Блок серий 1 включает фигурки с округлой и овальной головой, нередко с проработанной вертикальными линиями прической и/или горизонтальными линиями на теле. Это серии Белосарайская подтипа 1А, Нижнекундрюченская, Керчь, Шелехметь (у него показательна проработка деталей) подтипа 1Б, блоков вариантов «П» серии Нижнекундрюченская подтипа 2Б.

Очень выразительна концентрация этих находок (рис. 226) на Боспоре, с двумя линиями/треками сильных связей — западной в Юго-Западный Крым, северной по Азовскому морю и Дону к Стаевскому и Шиловскому узлам. Принадлежность Самарского узла этой системе не столь очевидна — находки, связанные с этим регионом, имеют ближайшие аналогии в степи (рис. 226: а2, б, г), т. е. его контакты непосредственно до Боспора могли и не доходить. Еще слабее связи основной зоны с Кавказом. Если не считать находку на расположенном сравнительно недалеко от Боспора Пашковском могильнике, где представлена культура, испытывавшая сильные боспорские влияния (Гавритухин, Казанский, 1996), и единичную находку, не обязательно связанную с рассматриваемыми узлами напрямую (рис. 226: б), то останутся два своеобразных экземпляра (рис. 226: д), отражающих, скорее всего, развитие в рамках местных традиций.

«Узкая» дата основной массы амулетов блока серий 1 (см. рис. 237: 5, 10, 12–14, 18–20 и часть 4) может быть формально (наложением хронологических отрезков) ограничена 2-й и 3-й четвертями VI в. Тогда широкое распространение (а может быть, и появление) рассматриваемых фигурок можно связать с утверждением Византии на Боспоре в конце 520-х — начале 530-х гг. Однако большинство указанных датированных находок допускают более раннюю дату — опускающуюся к концу (для Боспора не исключая всей 2-й половины) V в. Поэтому ничто не мешает относить появление амулетов рассматриваемого блока серий на Боспоре ко 2-й половине V или началу VI в., а их широкое распространение к концу V — началу VI в. Появление же Византии не имело для боспорян и системы их контактов негативных последствий. Отметим, что интересующие нас фигурки пока ни разу не встречены в регионе «Южный берег Крыма», где перемены, связанные с Византией, особенно хорошо видны, а памятники VI–VII вв. неплохо известны. Верхняя граница бытования блока серий 1, по крайней мере, дериватов серии Белосарайская, уходит в VII в. (см. рис. 237: 23 и часть 4).

Блок серий 2 объединяет фигурки с каплевидной и угловатой головой, для которых в проработке деталей не характерно использование врезных линий, аналогичных тем, что обычны для изделий блока серий 1. К блоку 2 относятся серии Глинище и Ильичевская подтипа 1А, Пашковская и Лермонтовская скала подтипа 1Б, все учтенные экземпляры подтипа 2А, блок вариантов «П» подтипа 2Б серии Пашковская.

Зоны концентрации находок блока серий 2 (рис. 237) фиксируются на Боспоре и прилегающих к нему западных регионах Кавказа, но в остальном существенно отличаются от картины, полученной для блока серий 1. Значительно более сильными предстают связи с Северным Кавказом, хотя, как обычно, можно отметить своеобразие ряда происходящих отсюда вариаций. Контакты Боспора (вероятно, именно Азиатского) с Самарским узлом есть все основания считать непосредственными. Весьма выразительны юго-восточные связи Сумского узла (совсем не представленного в блоке серий 1), шедшие, очевидно, через Дон. Зато никак не фиксируется Стаевский узел, а южные контакты Шиловского узла предстают слабыми. Для единичной находки из низовий Сырдарьи вероятна как связь с Боспором через Каспийское море и зоны концентрации «угловатых» фигурок на Северном Кавказе, так и по степи к Самарскому узлу (о евразийских контактах подробнее см. ниже).

Говоря о зонах распространения, отметим, что Стаевский центр соотносится с линией Ярок верхневоронежской группы, а днепровские аналогии в этом регионе связаны с линией Кривец. Это хорошо увязывается с отсутствием амулетов блока серий 1 в Сумском, а блока серий 2 в Стаевском узлах, хотя оба они связаны через Нижний Дон с южными зонами, включая Боспор. Любопытен и «пунктирный» трек от Сумской зоны к Шиловской, идущий в обход Стаевской зоны. Эта картина хорошо корреспондирует с наличием в Шиловской группе культуры рязано-окских могильников пряжек типа Сиракузы, византийских цельнолитых фибул и некоторых других находок, аналоги которым есть в лесостепном Поднепровье (Ахмедов, 2016б; Гавритухин, 2019), но не известны на памятниках линии Ярок верхневоронежской группы.

Датированные находки (см. рис. 237: 2–4, 6–8, 11, 15, 24–25 и часть 3) позволяют утверждать, что блок серий 2 появился не позднее середины VI в., а может быть, и раньше. Вполне вероятно, что это произошло одновременно с появлением фигурок блока серий 1, и генезис этих серий обусловлен схожими причинами. Блок серий 2 продолжал бытовать в VII в. как минимум на Кавказе (см. рис. 237: 23–24 и часть 4).

Блок серий 3 определяют фигурки, черты которых вызывают типологические ассоциации, указывающие на евразийский контекст. Это серии Марьинка подтипа 1А, Куюк-кала 1, Алексеевка подтипа 1Б, Куюк-кала 2 подтипа 2Б.

Зоны концентраций находок блока серий 3 (рис. 228: а–г), конечно, включают Куюк-калу; можно говорить о таковых для Стаевской и Сумской зон, не исключая Самарскую и Шиловскую. Причем все указанные европейские зоны могут быть связаны между собой напрямую, но не менее вероятно, что схожесть фигурок из них отражает общий или близкий источник влияний. Обращает на себя внимание обилие степных амулетов, которые в данном случае уже нельзя рассматривать лишь в контексте треков, связывающих зоны концентраций находок[16]. Это подчеркивает наличие вариаций, представленных

[16] Сравнивая количество находок в степи с показателями по другим регионам, всегда следует учитывать, что комплексов степных кочевников определенного периода известно намного (нередко — на порядок, даже два) меньше, чем

только в степи (рис. 228: г; см. также ниже, при рассмотрении «аксессуаров»). Находки из Ставропольского и Краснодарского края, не имеющие более точной привязки, вполне могут быть связаны со степью. Экземпляр из Бахчисарайского района, единственный в Крыму, не противоречит сказанному. Отметим отсутствие экземпляров блока серий 3 на Боспоре, при том что он был «фаворитом» при рассмотрении зон находок блоков серий 1 и 2.

Для датировки блока серий 3 в Европе оснований немного. Находки серии Марьинка из Стаево (рис. 237: 21–22 и Каталог, 1-и9; а также часть 4) имеют хронологический диапазон в рамках конца V — середины VII в. Дата вариации серии Куюк-кала 1 из, вероятно, погребения на юге Харьковской области (рис. 237: 16; часть 4) укладываются в рамки 2-й половины VI — первых десятилетий VII в. Большинство датируемых азиатских находок происходит из Куюк-Калы и относятся к VII — середине VIII в. (рис. 237: 26–32, 35), но одна фигурка датируется не позднее середины VI в. (рис. 237: 1), правда, ее атрибуция сделана по непроверенному рисунку. В любом случае, массовость рассматриваемых находок в Азии позволяет считать, что они появились здесь не позднее, чем в Европе, т. е. около 2-й половины VI — первых десятилетий VII в.

Судя по распространению находок, связь их азиатской части с европейской шла не через Кавказ, а через степь. Евразийские контакты через Мангышлак и Каспийское море прекращаются в начале VI в. или в конце 550-х гг. (Гавритухин, Астафьев, Богданов, 2019), что дает «негативный» хронологический репер — не ранее 1-й половины или середины VI в. Зато активные связи ряда регионов Средней Азии и Казахстана с юго-востоком Восточной Европы через степь очевидны для эпохи Первого и Западного Тюркских каганатов. Массовое движение тюркских отрядов в Европу до Дона и Кавказа произошло, судя по всему, после разгрома ими эфталитов и утверждения границы с Ираном, т. е. в конце 560-х — начале 570-х гг. (в 576 г. тюрки уже громят Боспор). Отметим, что граница тюрок с Ираном прошла по среднему и верхнему течению Амударьи, т. е. все интересующие нас амулеты в Азии происходят из зоны тюркского контроля (наверное, распространившегося и на Хорезм), что, наверное, не случайно. Сказанное позволяет рассматривать амулеты блока серий 3 (или их подавляющее большинство) в рамках реалий 3-й трети VI — немалой части или всего VII в.

Показательно, что из семи датированных находок с Боспора (рис. 237: 4–8, 12–13; часть 4) шесть соотносятся с контекстом «до 576 г.» и одна не исключает этого. По всей видимости, тюркский разгром негативно отразился на активности тех боспорян, с которыми связаны рассматриваемые амулеты. Однако это не позволяет ограничить 576 годом верхнюю дату всех фигурок блока серий 1 и 2. Ведь несколько более позднюю дату имеют некоторые «стильные» экземпляры (рис. 237: 14, 15) и заметно более позднюю дериваты (рис. 237: 23–25) этих серий. Да и Боспор не позднее 590-х гг. вернулся под византийский контроль, что способствовало возрождению здесь экономической активности и старых традиций.

Дополнительные данные дает рассмотрение **ряда деталей** интересующих нас человечков.

У фигурок блока вариантов 1 серии Куюк-кала и нескольких серий Марьинка подтипа 1Б «фаллос» особенно выделяется размерами, его конец опускается ниже ступней и/или акцентирован расширением, утолщением, вырезкой снизу, врезной линией. Фигурки с такими чертами (рис. 224: 7, 12, 16, 17, 20; 225: 7, 8, 26), относящиеся к другим сериям, встречены в тех же зонах, что и указанные в начале этого абзаца (рис. 228: а, в+д, д). Исключение — две явно поздние находки в Кисловодской котловине (рис. 224: 16, 17; 228: 57, 59; 237: 24, 25), чуть расширяющие этот ареал.

«Фаллосы», имеющие треугольную форму, существенно различаются длиной — от весьма коротких (рис. 225: 15, 16) до опускающихся ниже уровня ступней. Таких находок не много для выводов, особенно если картографировать варианты (рис. 229: з). Различается длина и у более или менее равномерно расширенных «фаллосов», не имеющих выделенного конца, однако в ряде случаев рассматриваемая деталь частично утрачена или имеет плохую сохранность, что препятствует достоверному результату анализа.

Выразительный ряд составляют фигурки, у которых наличием каблуков, черточек или выступов в нижней части ног, по-видимому, обозначены сапоги (рис. 224: 20; 225: 12, 26, 27, 34, 35). Показателен

у оседлого населения. Иногда один могильник оседлого населения даст больше комплексов, чем вся синхронная ему степная зона.

и ареал таких находок (рис. 229: а, б, в): в основном полоса, идущая от степей Поднепровья до Самарского Поволжья, с единичными (особенно учитывая процентное соотношение с общим числом находок в каждой зоне) ответвлениями в Сумской и Стаевский узлы, а также на Боспор.

Схожий ареал намечается для головных уборов треугольной формы, выделенных горизонтальной линией (рис. 224: 18, 20, 31; 225: 13) — степи от Днепра до Заволжья, с ответвлениями в Шиловский узел и на Боспор (рис. 229: в, г). Возможно, близкую семантику имеет треугольная форма головы у человечков серии Цимлянская, характерных для степной полосы (рис. 225: 33–35; 229: б). Другие фигурки с приостренным верхом (каплевидным и тому подобным, в основном характерные для блока серий 2) не обязательно связаны с этим контекстом, поскольку такой абрис может быть дериватом изображения головы с маленькой шапочкой или подобной деталью (как на рис. 225: 16, 24), а иногда включает обозначение волос до макушки (например, рис. 225: 29).

Представляется, что распространение и, очень вероятно, появление идеи передавать при изображении фигурок конический головной убор и/или сапоги связано со степным контекстом, для которого выделяются и характерные вариации интересующих нас человечков. Скорее всего, именно через степных кочевников, во всяком случае, не без их участия, осуществлялось распространение элементов, характерных для евразийского контекста, фиксируемого блоком вариантов 3. Причем детали, соотносимые со степным влиянием, появились до экспансии тюрок в Европу, на что указывает хотя бы датировка фигурки из Тиритаки (рис. 237: 4; часть 4).

Говоря о головных уборах, не затронутых выше, отметим, что они явно разнообразны, напоминая то «фригийский колпак» (например, рис. 224: 19; 225: 7, 8), то феску (например, рис. 225: 15), то тюбетейку или ермолку (например, рис. 224: 13). Картографирование отмеченных головных уборов по условным вариантам (рис. 229: д–ж) свидетельствует, скорее, об их локальности.

Обращает на себя внимание и треугольник в верхней части груди некоторых фигурок (например, рис. 224: 30; 225: 11). Такая деталь встречается редко (рис. 229: и). Возможно, нечто подобное изображали наклонные линии в верхней части груди и плеч фигурки из Алешковских песков (рис. 218: 14; 224: 20; 229: в), богатой аксессуарами (шапка или шлем, сапоги). Предположение, что эта деталь отражает вырез одежды, кажется нам маловероятным, скорее, это — изображение (знак) наличия некого амулета непосредственно или того, что он подвешен и надет на шею. Весьма вероятна схожая семантика и для «андреевского креста» на груди одной фигурки из Куюк-калы (рис. 221: 16).

6.2. Места и контекст изготовления

Пестрота сочетаний элементов рассматриваемых фигурок, наличие локальных вариаций, связь находок с очень разным культурным контекстом свидетельствуют о полицентричности изготовления этих амулетов.

Это подтверждает и разброс мест, где найдены незаконченные и/или бракованные изделия, а также матрица:

— фигурка, вероятно, недоработанная после отливки (Каталог, 1-и11), и матрица (Каталог, 1-5) в Сумском узле;

— у верхней части фигурки расплав затек до половины формы, ушко не пролилось (Каталог, 1-9/4; глава 7 монографии) — в Стаевском узле;

— изделие с необработанной поверхностью (Каталог, 1-6) в Шиловском узле;

— фигурки без отверстия в петле (Каталог, 1-4) и со сдвинутой частью (головой и левой рукой), с неубранными следами литья (Каталог, 1-и13) в Самарском узле;

— недоработанные после отливки фигурки (Каталог, 2-и7, 2-и8) в степной зоне;

— изделия с неубранными следами литья (Каталог, 4-2/5), с непроработанными деталями, без петли (Каталог, 4-и1/1) на Боспоре (неясно, плохой сохранности или недоработан экземпляр из Тиритаки, Каталог, 4-5);

— бракованная фигурка из Средней Азии (Каталог, 6-3/8).

Элементы интересующих нас амулетов с весьма отдаленных территорий имеют явные переклички, в том числе необъяснимые конвергентным появлением (например, горизонтальные полосы на уровне плеч). Серии этих вещей почти всегда имеют весьма обширный ареал, а блоки серий подчеркивают вполне прозрачный контекст этого сходства. Таким образом, мы можем констатировать как множественность мест изготовления, так и их явную взаимосвязь.

Почти все рассматриваемые изделия индивидуальны. Судя по всему, они делались на заказ в тех местах, где находились люди определенного круга. Избирательность связей этих людей хорошо видна на примере культуры рязано-окских

могильников. Эти памятники весьма многочисленны и насыщены бронзовыми изделиями, но «угловатые» антропоморфные амулеты найдены лишь в трех пунктах, близко расположенных друг от друга. Очевидно, что эти недорогие вещи свидетельствовали не о ранге владельцев, но об их статусе, обусловленном связями. Аналогичную картину мы видим для Самарского узла на фоне именьковской культуры, для Сумского — на фоне пеньковской и колочинской или их части, где известны клады круга Мартыновки.

В Юго-Западном Крыму интересующие нас фигурки происходят из нескольких пунктов на фоне немалого числа памятников, в том числе ряда обстоятельно исследованных. С каждым из этих пунктов связано по одной находке, причем комплексы с ними неотличимы от соседних. Лишь в Херсонесе — крупном полиэтничном торговом центре — известно несколько экземпляров. Заметим, что содержащие «человечков» комплексы здесь датируются в целом несколько позже, чем боспорские. По-видимому, после разгрома тюрками Боспора в 576 г. часть его жителей бежала в более западные районы Крыма, а некоторые там остались и после восстановления византийского контроля над Европейским Боспором и уходом тюрок за Керченский пролив.

В Куюк-кале (низовья Амударьи), где очень много интересующих нас амулетов, по-видимому, находилась весьма многочисленная община, с которой связано и местное их изготовление, что подтверждается наличием локальных серий и вариаций (причем не только для интересующих нас типов фигурок — см. ниже, часть 6.3) и бракованного экземпляра. Фигурки изготавливались и на Северном Кавказе, что видно хотя бы по наличию местных вариаций, серий, даже типов (см. ниже, часть 6.3). Рассмотрение этих мест изготовления заслуживает специального цикла исследований. Пока ограничимся констатацией, что они наиболее далеки от структуры Стаевского торгово-ремесленного центра, отличаясь как минимум пестротой типов и наличием местных вариаций.

6.3. О происхождении «угловатых» антропоморфных амулетов

Исследовали неоднократно отмечали, что фаллические антропоморфные фигурки (как рис. 222: 20–21; металлические подвески типа 19 по: Алексеева, 1982) были широко распространены в позднеантичных центрах Северного Причерноморья и связанных с ними культурах главным образом в I–II вв. (Алексеева, 1982, с. 24–25; Бонин, 2020). Основное отличие этих подвесок от интересующих нас — рельефность всей фигурки, малые размеры, отсутствие выраженной «угловатости».

В этой связи особенное значение имеет находка в погребении 138 из Танаиса (рис. 222: 22), явно иконографически близкая указанным позднеантичным, но плоская и более крупная. Т. М. Арсеньева датировала этот комплекс IV — началом V в., опираясь на хронологию «подобных» фигурок, предложенную И. Т. Кругликовой (Арсеньева, 1977, с. 39, 42). Однако керамика из него, по определению И. В. Толочко, не характерна для Танаиса гуннского времени, а бусы, которые по нашей просьбе ею были осмотрены в коллекции, относятся к типам 3, 54, 484 (по: Алексеева, 1978, с. 63, 67; 1982, с. 43), т. е. этот набор датируется II–III вв. и принадлежит некрополю Танаиса до разгрома города около 250 г.

Тем не менее эта танаисская фигурка может рассматриваться в ряду прототипов для амулетов, у которых нижняя часть туловища и бедра оформлены в виде треугольника (как рис. 222: 2, 7–13, 16–17; близки типу 2 по Ковалевская, 1983, с. 46). К ранним амулетам этого типа относится экземпляр (рис. 222: 17) из Новославского II могильника на Нижней Каме, синхронизируемого с расположенным неподалеку Коминтерновским (Валиев, 2018). Причем в Новославском нет вещей «геральдического» круга, и по составу находок дата его исследованной части укладывается в пределы раннего и «классического» периодов шиповской эпохи (от 2-й половины V до середины VI в.). Первой половиной VI в. датируется и находка из Керчи (рис. 232: 16; см. о дате погребений выше, в части 4.3). Рассматриваемый тип существовал долго, он представлен в эпоху «геральдических» наборов как 2-го горизонта поволжских гарнитур, так и агафоновских поясов (например, рис. 222: 7–12, 16), а позднейшие датируются не ранее 2-й половины/конца VIII в. (рис. 222: 2, 13)[17].

Для нашей темы эти амулеты, характерные для треугольника Северный Кавказ (в основном центральные районы) — Южное и Восточное Приаралье — Урало-Поволжье[18], важны тем, что имеют многие переклички в деталях

[17] Обоснование дат см. выше, в части 4. Амулет на рис. 222: 13 происходит из комплекса салтовского времени.

[18] Лишь отдельные находки встречаются шире, например, рис. 232: 16; 238: 4.

с рядом фигурок специально рассматриваемых нами серий, да и некоторые их вариации не лишены «угловатости» (рис. 222: 1–3, 7–11; 232: 16; 238: 4). С этим контекстом, вероятно, связана каплевидная форма головы, как у вероятного прототипа (рис. 222: 22), встречающаяся у ряда фигурок типа 2 по Ковалевской (как рис. 222: 17) и выделенного выше, в части 6.1, блока серий 2 (рис. 224: 15–17, 27–28; 225: 9–12, 36–37).

В исследовании происхождения интересующих нас фигурок почти не рассматривались кавказские материалы (если не считать отсылки на «сармато-аланские» традиции и тому подобные обобщенные суждения). Преемственность ряда деталей антропоморфных изображений прослеживается здесь с бронзового и раннего железного века до Средневековья[19]. Среди этих фигурок немало фаллических — разных вариантов, в том числе — с рельефными только головой и фаллосом (как рис. 222: 24, 25), не говоря про очень разные размерные стандарты. С раннего железного века не единичны примеры Г-образно согнутых ног, правда, это «сидячие» фигурки с расставленными коленями, торчащими вперед (как рис. 222: 19, 23). Особенно ярко «угловатость» проявляется в оформлении рук. Однако представлена она почти всегда двумя канонами. Первый — так называемая поза ферта, когда ладони рук сложены на животе (как рис. 222: 24–25). Второй — так называемая поза адорантов/адорации, с ладонями, воздетыми к небу (как рис. 222: 19; чаще всего они заканчиваются ладонями, переданными так же, как на рис. 222: 24). Остальные неединичные вариации еще дальше от интересующей нас.

В целом же при рассмотрении иконографии и датировок кавказских находок создается впечатление, что в аланской культуре, сложившейся на Северном Кавказе во II в. н. э., местные традиции, ставшие основой ряда аланских, в отношении антропоморфной пластики ушли на «второй план», сохраняясь, по-видимому, на периферии и вне аланской культуры. Показатель этого — сравнительная немногочисленность и гетерогенность интересующих нас находок (см. часть 5 Каталога и часть 4.7 нашего текста), а главное — отсутствие антропоморфных подвесок в многочисленных аланских могильниках II–V вв. Судя по всему, лишь под новыми влияниями использование антропоморфных изображений получило на Северном Кавказе «резонанс» в местных традициях, что и отражено местными вариациями и типами.

В этой связи показательны антропоморфные подвески в кольце с шишечками (как рис. 222: 18; тип 4 по Ковалевская, 1983, с. 46, 48). Нет сомнений, что этот тип сложился на Северном Кавказе (по неопубликованной сводке З. Х. Царикаевой (Албеговой), их здесь не менее 25) под влиянием интересующих нас типов (преобладает подтип 2Б, но встречаются и другие). В Азии к этому типу можно отнести лишь своеобразную подвеску из Куюк-калы (рис. 222: 14). Говоря об укоренении мотивов интересующей нас иконографии у кавказских алан, отметим их кожаные амулеты-«мешочки» (рис. 223: 8–9), получившие распространение в Средневековье и несущие очень разные изображения (например, Кузнецов, 1962, с. 39–40, рис. 13: 2–9).

Таким образом, северокавказские центры, с которыми связаны интересующие нас и близкие им амулеты, вторичны, и их появление инспирировано инокультурными импульсами. Упоминание же сарматских традиций при решении этого вопроса — декларативно: ничего подобного в позднесарматской культуре Европы и Зауралья не известно[20].

Связь среднеазиатских и казахстанских находок с приуральскими и сибирскими, о чем для джетыасарской металлопластики наиболее обстоятельно писали Л. М. Левина и Л. В. Чижова (1995), не имеет прямого отношения к нашей теме. Все приведенные ими аналогии связаны с исследованием фигурок других типов. Наиболее близки интересующей нас стилистике три отлитые в одной форме фигурки группы Г из Сапоговского клада (рис. 223: 13) раннесарматского времени, найденного в Южном Зауралье (Зуев, 1993; Яценко, 2001, там библиография). С. А. Яценко рассматривает изображения из этого клада как образец синтеза традиций ираноязычных степняков и угроязычных лесных жителей. Вывод исследователя: «плоды таких экспериментов выглядят весьма оригинально, в некоторых элементах неизбежно уникальны и лишь отчасти

[19] Далее мы приводим лишь некоторые важные для нашей темы примеры. Их можно умножить, зачастую многократно, по недавнему исследованию, включающему свод (Брилева, 2012). На него мы опирались и в вопросах датировки этих находок.

[20] Отметим, что позднесарматская и аланская (восходящая к среднесарматской) культуры имеют разные корни, поэтому само сочетание «сармато-аланская» для реалий, более поздних, чем середина II в., с точки зрения современной археологии выглядит странным, как минимум — требующим специального обоснования.

имеют продолжение в иконографии более поздних периодов» (Яценко, 2001, с. 112), — полностью соответствует оценке деталей сапоговских фигурок, важных для нашей темы.

Следует отметить и фигурки, оттиснутые на трех бронзовых пластинах (рис. 223: 5, 10, 14), из погребения 1 могильника Залесный на окраине Тулы (неопубликованные раскопки Е.В. Столярова и А.М. Воронцова). В мощинской культуре пластины этого круга не единичны (Воронцов, 2020, рис. 4; 6: 3), но представленные на них антропоморфные изображения, за исключением отмеченных выше, не фаллические и имеют иной изгиб рук. Такие пластины соотносятся с ранним этапом мощинской культуры, датируемым в пределах III в., ближе к его середине, для которого характерны изделия круга восточноевропейских выемчатых эмалей (Воронцов, 2020, с. 259). Вскоре традиция использования таких пластин, как и вещей круга эмалей, в мощинской культуре прекращается. Не прослеживается интересующая нас иконография в находках с более поздних памятников и других культур Поочья. Как мы видим, феномен изображений из Залесного напоминает рассмотренный чуть выше сапоговский случай.

«Угловатые» и «фаллические» изображения можно найти и на петроглифах, например, енисейских (как рис. 223: 16–24, 32–35). Уже приведенная выборка фигур, наиболее близких интересующей нас иконографии, показывает, что это не некий канон, а один из вариантов схематической передачи антропоморфного изображения[21]. Такие фигуры не образуют скоплений и ничем не выделяются из других вариантов. Особенно показательны группы явно одновременных изображений (например, рис. 223: 24). Сопоставлению с интересующими нас амулетами препятствуют и трудности узкой датировки петроглифов. Лишь иногда их можно датировать сравнительно точно. Например, изображения на надгробных камнях у озера Шира (рис. 223: 16–17) связаны с могильником раннего этапа тагарской культуры (Рыгдылон, 1959), т.е. очень далеки от занимающих нас амулетов по времени[22]. Наконец, в регионах с такими петроглифами нет важных для нашей темы металлических подвесок[23].

Интересующие нас или близкие им изображения на керамике (как рис. 223: 1, 6–7, 11–12) датируются не ранее, чем аналогичные амулеты в тех же культурах. Фигура на каменной стеле (рис. 223: 15) уникальна и может датироваться лишь исходя из самого изображения.

Как видно из предпринятого обзора, интересующие нас особенности антропоморфных изображений распространены во времени и пространстве весьма широко, но до эпохи Великого переселения народов нигде не представлены сериями амулетов.

К наиболее ранним рассматриваемым нами амулетам (обоснование дат см. выше, часть 4) могут относиться типологически весьма близкие экземпляры, в датированных комплексах представленные в Казахстане. Их широкая хронология, от II/IV до середины VI в. (рис. 237: 1, 2; 236В; 236Г), с учетом возможности сравнительно ранней даты для находки из Танаиса (рис. 237: 3), позволяет предложить несколько вариантов картины генезиса фигурок, которым посвящена наша работа.

Гипотеза 1. Формирование в промежутке II–IV вв. на территории Казахстана типологически близких вариаций (рис. 237: 1, 2) в контексте местных культур, связанных с позднесарматской (кочевников Устюрта и джетыасарской культуры). У этих фигурок каплевидная голова, и они не имеют опущенного вниз «фаллоса» (т.е. относятся к типу 2 по нашей классификации). Их прототипом вполне могли быть экземпляры, схожие со смыкающейся хронологически находкой из Танаиса (рис. 222: 22) и являющиеся, скорее всего, дериватами позднеантичных подвесок (как рис. 222: 20–21). Связь Азово-Черноморского региона с Приаральем могла осуществляться из Танаиса через степь, т.е. позднесарматскую культуру, или же из этого или других центров Боспорского царства через Северный Кавказ и Каспийское море к узлу торговых путей на Мангышлаке (Гавритухин, Астафьев, Богданов, 2019, с. 176, 177, 184).

В ходе экспансии гуннов вариации таких фигурок (уже «угловатые») из Приаралья попадают на юг Восточной Европы, где складываются

[21] Отчасти это аналогично тому, как антропоморфные мотивы могут передаваться на тамгах-клеймах (например, рис. 223: 26–31).

[22] Показательно, что в ряд с амулетами *позднего бронзового века*, имеющими аналогии на петроглифах, М.Д. Хлобыстиной (1967, с. 248, рис. 2: 7) была поставлена находка вне комплекса близ станицы Филипповской (рис. 219: 2).

[23] Только И.Т. Савенков (1910) в подписи к табл. VIII: XIV упоминает «параллель» в Минусинском музее для приведенного им схематичного изображения фигурки из Камунты (рис. 223: 25). Даже если это сопоставление точное, мы имеем дело с единичным случаем, причем сибирская находка не датируется.

новые вариации, пока представленные в датированных комплексах одной находкой (рис. 237: 3). Она очень напоминает вероятные приаральские прототипы; инновацией является опущенный вниз «фаллос», что периодически встречается в разных культурах (например, рис. 222: 19; 223: 5, 13, 16–18, 20–24, 32–35). На основе этих форм и идет дальнейшая эволюция.

Гипотеза 2. Формирование на востоке Гуннской державы конца IV — 1-й половины V в., что может быть представлено находкой из Танаиса (рис. 237: 3). Она демонстрирует канон, сложившийся из разных элементов, в том числе дериватов позднеантичных амулетов-подвесок первых веков н. э. (как рис. 222: 22)[24]. Такой механизм вполне возможен, учитывая то, что «поздний» Танаис был заметным торговым центром с неоднородным населением и широким спектром связей. Тех, кто в Танаисе носил эти амулеты, судя по материалам проводившихся здесь обширных раскопок, были единицы. Отсутствие таких фигурок в центре Гуннской державы на Дунае, на что уже обращалось внимание (Кузнецов, 1980, с. 64), свидетельствует, что это были не «царские» гунны или тесно связанные с ними германцы (готы, гепиды и другие).

После прекращения функционирования Танаисского центра в середине V в., часть его населения могла переместиться в другие места, сохранив привычные занятия и связи по всему востоку бывшей зоны гуннского влияния Вариация амулетов, близких танаисскому (тоже «угловатых», но попроще), могла попасть и в азиатские регионы, где европейское влияние времени могущества и распада Гуннской державы неоднократно отмечалось для важных нам Устюрта (рис. 237: 1) и джетыасарской культуры (рис. 237: 2).

Гипотеза 3. Формирование к середине V в. на территории Казахстана в контексте местных культур (рис. 237: 1, 2), представители которых могли оказаться в Европе с одной из волн азиатских кочевников, пришедших в Европу в 460-е гг. или несколько позднее. В таком случае связь интересующих нас амулетов с позднеантичной традицией становится маловероятной (в других гипотезах она все же «пунктирная»), а истоки нового канона — очень неопределенными. Зато хронология фигурок рассматриваемых типов (рис. 237) становится компактной, снимая ранние даты, которые не безусловны. Это является сильной стороной и гипотезы 4.

Гипотеза 4. Формирование на Боспоре во 2-й половине V в. одновременно двух близких иконографических схем — блоков серий 1 и 2 (рис. 237: 4–6, 10–11, 13) на основе «окрошки» позднеантичных и других традиций юга Восточной Европы гуннского времени. Тогда и вопрос о дате танаисского амулета (рис. 237: 3) теряет остроту. Он может быть синхронен боспорским и даже более поздним или же быть единичной вариацией в среде прототипов.

Амулеты блока серий 2 (рис. 227; как рис. 237: 4, 6, 7, 11) могли сложиться как вариации на основе танаисской (рис. 237: 3) и/или близких фигурок другого типа (как рис. 222: 17), но могли быть обусловлены и новой волной передвижений азиатских кочевников в 460-е гг. (рис. 237: 1–2; см. выше гипотезу 3). Аналогичные прототипы, переработанные в степном европейском контексте (учитывая иконографию накладок, близких рис. 223: 4), вполне объясняют стилистику амулетов, показательную для блока серий 1 (рис. 226; как рис. 237: 5, 10, 12–13). Напомним, что перед аннексией конца 520-х или начала 530-х гг. Боспор находился под контролем кочевников («гуннов», по Прокопию Кесарийскому), что объясняет актуальность иконографии, связанной со степью. В то же время боспорским купцам можно было получить доступ ко всему спектру связей сюзеренов.

В любом случае (возможны и комбинации сформулированных выше гипотез), широкое распространение (а может быть и появление) интересующих нас амулетов происходит не ранее 2-й половины (скорее, ближе к концу) V в. или в 1-й половине VI в. В Европе оно, несомненно, связано с Боспором и зонами его контактов (рис. 226; 227; наблюдения в части 6.1).

7. Заключение

Итоги нашей работы можно представить следующим образом.

По доступному нам массиву рассматриваемых амулетов (см. Каталог и рис. 216), несомненно, что они не связаны с какой-либо этнокультурной, тем более локальной традицией. Очевидно и то, что в каждой археологической культуре / группе памятников распространение таких амулетов

[24] Напрашивается вопрос о прямой связи двух упомянутых танаисских фигурок, однако мы не можем ответить на него безусловно положительно, поскольку на памятниках, заполняющих хронологическую лакуну (2-й половины III — IV в.) между ними — типа Рогожкино в низовьях Дона (Гудименко, Толочко, 2012) и в синхронных им могилах донских кочевников, антропоморфных амулетов не найдено.

было очень выборочным, т. е. связано с небольшой группой местного или контактирующего с ним населения. Понятно также, что эти недорогие (и не особенно технологически сложные) изделия, соотносимы не с иерархическими стратами общества. При всем этом фиксируются явные переклички элементов (среди которых и те, что не могут возникнуть конвергентно) в очень удаленных друг от друга пунктах.

Рассмотренные нами амулеты имеют специфическую форму и устойчивый набор других признаков. Мы придерживаемся гипотезы, что группы людей, которым принадлежали такие антропоморфные амулеты определенной серии или блока серий, были некими кланами («товариществами», «компаниями») купцов. В Стаево зафиксировано присутствие выходцев с Боспора, осуществлявших торговую деятельность, в основном, в северном и западном направлениях (рис. 226). Амулеты перемещались с носившими их хозяевами, могли передаваться как партнеру (другу, кунаку), так и любимым женщине или ребенку — в особых ситуациях, например, при разлуке, не исключая и посмертный дар. Это объясняет наличие таких вещей в могилах некоторых женщин и детей.

При этом А. М. Обломский считает, что люди, которые носили такие амулеты, явно специально выделяли себя из общей массы, а сами эти вещи указывали на принадлежность к какой-то группе их самих и членов их семей. И. О. Гавритухин это уточнение расценивает как слишком смелое: в субкультуре «компании» торговцев с такими амулетами могли быть связаны представления о «фарте», особой силе и подобные; едва ли они играли «представительскую» роль. Впрочем, мы не можем верифицировать эти умозаключения по доступным источникам.

На основе типологического и хронологического анализов, нами предложено 4 варианта гипотез о происхождении таких амулетов: 1) азиатская предгуннская; 2) гуннского контекста; 3) азиатская постгуннская; 4) позднебоспорская. Однако широкое распространение (а может быть, и появление) фигурок интересующих нас типов происходит не ранее 2-й половины (скорее, ближе к концу) V в. или даже в 1-й половине VI в. Находки же VI в. (или не исключающие эту дату) представлены во всех регионах, где есть датированные комплексы (рис. 237: 1–22).

Господство в VI в. амулетов блоков серий 1 и 2, явно замыкающихся на Боспор (рис. 226; 227; 237: 4–8, 10–14), позволяет считать, что выходцы оттуда играли в ряде торговых операций ведущую роль. Эта деятельность шла через фактории на местах. Судя по всему, одна из них была в Стаевском торгово-ремесленном центре.

Появление и военно-политическое присутствие Тюркских каганатов в Восточной Европе явно недооценено во многих реконструкциях ее культурной и экономической истории 3-й трети VI — VII в. Новый импульс евразийских связей отразился и в особенностях торговых контактов, что фиксирует ряд вариаций и зоны концентраций амулетов блока серий 3 (рис. 228; 229). Упомянутые выше купеческие «компании», связанные с Боспором, были вынуждены вписываться в новые реалии — возрастание роли связанных со степняками культурных стандартов и деятельность среднеазиатских купцов, пользовавшихся покровительством тюрок.

Тем не менее старые торговые структуры не были «до основания» разрушены. Рассмотрение «геральдических» ременных гарнитур из Стаево (глава 6 данной книги) позволило сделать вывод о сохранении традиционных тесных связей этого центра с югом (Причерноморьем и Кавказом), наряду с новыми конфигурациями контактов.

В третьей четверти VII в. в Поднепровье и на связанных с ним землях прекратили существование пеньковская и колочинская культуры, к этому же времени относится коллапс культуры рязано-окских могильников на Средней Оке и именьковской в Среднем Поволжье, т. е. по всей северной зоне распространения рассматриваемых нами амулетов. В ходе хазарской экспансии 660–680-х гг., наряду с переменами в степи, пострадали Керчь и другие боспорские поселения, в Крым с востока продвинулись группы населения, связываемые с болгарами, которых теснили и/или переселяли хазары.

Стаевский куст поселений, находящийся почти в географическом центре этого «водоворота», не мог остаться в стороне. Хронологические индикаторы позволяют датировать финал жизнедеятельности в Стаевском центре да и во всей верхневоронежской группе памятников этим же временем (см. введение, главы 1, 2, 6 данной книги).

Из зон, где были распространены рассматриваемые нами амулеты, потрясений эпохи хазарской экспансии избежали многие регионы Северного Кавказа, где жили аланы и другие народы, ставшие союзниками хазар в ходе их экспансии. По-своему шла история и в среднеазиатских центрах. Только в этих регионах мы видим продолжение традиции использования интересующих нас фигурок в VIII в.

Каталог

Принципы, определяющие отбор материала, см. в части 1 данного приложения. Находки сгруппированы по регионам (рис. 216). Для каждого из них отдельно даны вещи, полученные в ходе незаконных сборов или раскопок и учтенные в основном только по данным интернета. Кроме первой и/или наиболее полной публикации, мы сочли полезным и показательным привести упоминание рассматриваемых вещей в наиболее полных для своего времени списках (Шелов, 1984; Володарець-Урбанович, 2016), а также публикации, где даются иные изображения данной вещи или сведения о ней. Место хранения и размеры (в миллиметрах) даются в тех случаях, когда мы работали с находками непосредственно или эти данные есть в публикации. Типологическое определение приведено по части 4 нашего исследования.

1. Лес и лесостепь

1. Борок, Шиловский р-н, Рязанская обл. (рис. 216: 3).

1) Городище «Белые Бугры», находка 1984 г. См. Приложение 2, № 1 (рис. 238: 1; 225: 3). Подтип 1Б, серия Нижнекундрюченская.

2) Селище на западной окраине села, находка 1979 г. См. Приложение 2, № 2 (рис. 238: 3; 225: 14). Подтип 1Б, более точное определение затруднительно из-за утрат; наиболее близка серии Нижнекундрюченская.

3) Могильник Борок II, находка 1984 г. См. Приложение 2, № 3 (рис. 238: 6; 225: 24). Подтип 1Б, серия Керчь, особая вариация «с шапочкой»

2. Ерахтур, Шиловский р-н, Рязанская обл. (рис. 216: 1). Находка на территории разрушенного могильника, сделанная не позднее 1978 г. (рис. 238: 5; 225: 28). См. Приложение 2, № 4. Подтип 1Б.

3. Засулье — Мгарь, Лубенский р-н, Полтавская обл. (рис. 216: 21). Находка 2011 г. на поселении или могильнике пеньковской культуры Дубина-1 (Володарець-Урбанович, 2016, с. 79, рис. 1). Полтавский областной краеведческий музей: 86913, А 13073.

По публикации. Верхняя часть фигурки; 27 × 19 (рис. 218: 9; 224: 24). Атрибуция широкая.

4. Лбище, гор. округ Жигулевск, Самарская обл. (рис. 216: 12). Находка в окрестностях городища, передана в Самарский областной краеведческий музей весной 2004 г. (Сташенков, 2004, с. 285, рис. 1).

По публикации. Целая фигурка; 48 × 20 (рис. 218: 12; 225: 35). Подтип 2Б, серия / блок вариантов Цимлянская. Отверстие в петле для подвешивания не закончено.

5. Мощенка, Городнянский р-н, Черниговская обл. (рис. 216: 16). Находка, сделанная до 1985 г. на поле близ городища (Гавритухин, 2004б, с. 210, рис. 3: 2; Ахмедов, Гаврилов, 2017а, с. 34, рис. 13: 1).

По публикации 2017 г. Целая фигурка (рис. 218: 8; 225: 38). Подтип 2Б, индивидуальная вариация.

6. Нармушадь, Шиловский р-н, Рязанская обл. (рис. 216: 2). Находка 1979 г. на городище (рис. 238: 2; 225: 13). См. Приложение 2, № 5. Подтип 1Б, индивидуальная фигурка близка упрощенным вариациям серии Нижнекундрюченская.

7. Прозовское городище, Грайворонский р-н, Белгородская обл. (рис. 216: 20). Находка 1990 г. на многослойном городище (Ерошенко, Любенский, 2001, с. 65, рис. (5?) на с. 69: сверху).

По публикации. Целая фигурка; судя по публикации, отсутствует петля для подвешивания (рис. 218: 3; 225: 11). Подтип 1Б, серия Пашковская.

8. Пронск, Пронский р-н, Рязанская обл. (рис. 216: 5). Раскопки на многослойном городище в 1970 г. (Фехнер, 1970, с. 10–11, рис. 11: справа сверху; Мальм, Фехнер, 1974, рис. 2: 2-й ряд).

По публикации и отчету. Верхняя часть фигурки (рис. 218: 5; 224: 23). Атрибуция широкая, в рамках подтипа 1Б или 2Б.

9. Стаево-5, Мичуринский р-н, Тамбовская обл. (рис. 216: 6). Находки на поселении (рис. 217) верхневоронежской группы (см. о ней главу 2).

1) Сборы 2015 г., находка № 1. Рисунок (реконструкция) и фото А. М. Обломского. Фигурка практически целая, но согнута; 36 × 15 (рис. 218: 2; 224: 2). Подтип 1А, серия Белосарайская.

2) Сборы 2016 г., находка № 210. Рисунок и фото А. М. Обломского. Фигурка практически целая, но слегка согнута; состоит из двух частей, найденных рядом; 42 × 18 без учета деформации (рис. 218: 1; 224: 6). Подтип 1А, дериват серии Белосарайская или гибридная форма.

3) Сборы 2017 г., находка № 540. Рисунок и фото А. М. Обломского. Фигурка почти целая, утрачены части ноги и фаллоса; 40 × 18 (рис. 218: 4; 224: 10). Подтип 1А, серия Марьинка, блок вариантов 2.

4) Сборы 2017 г., находка №476. Рисунок и фото А. М. Обломского. Верхняя часть фигурки; утрачена и задняя часть ушка для подвешивания; 28 × 22 (рис. 218: 7; 224: 11). Вероятно, подтип 1А, серия Марьинка, блок вариантов 2, но не исключено, что близкая форма других подтипов.

10. Уткино, Задонский р-н Липецкой обл. (рис. 216: 7). Находка в 1–1,2 км к югу от южной окраины села, на невысоком всхолмлении на левом берегу Дона. По данным И. Е. Бирюкова — многослойное поселение Уткино-7. Эта и другие вещи переданы находчиком в Институт археологии РАН (публикуется впервые).

Рисунок и фото А. М. Обломского. Целая фигурка; утрачены части правой руки, нижних конечностей, задняя часть ушка (рис. 218: 6; 225: 5). Подтип 1Б, серия Нижнекундрюченская.

11. Шелехметь, Волжский р-н, Самарская обл. (рис. 216: 13). Находка на землях села (Матвеева, 2003, с. 59, рис. 27: 1, сверху слева).

По публикации. Целая фигурка; похоже, что левая нога деформирована (рис. 218: 10; 225: 26). Подтип 1Б, серия Шелехметь.

По данным из интернета

и1. Белгородская или Сумская обл., их пограничье (рис. 216: 19). Нам было доступно только фото с обратной стороны, по которому можно сказать, что фигурка относится к типу 1, ее голова по очертаниям близка экземплярам серии Белосарайская подтипа 1А и Нижнекундрюченская подтипа 1Б.

и2. Битюг, близ этой реки, Воронежская обл. (рис. 216: 10). Подтип 1А, серия Белосарайская.

и3. Брянская или Сумская область, их пограничье (рис. 216: 17). Гибридная форма, близкая подтипу 2Б.

и4. Малые Алабухи Первые, Грибановский р-н, Воронежская обл. (рис. 216: 8). Находка на землях села, в 500 м от р. Ворона. Подтип 1Б, серия Лермонтовская скала.

и5. Мокша (бассейн этой реки) или **Шацкий р-н**, Рязанская обл. (рис. 216: 4). Подтип 1А, серия Марьинка, отдельная вариация.

и6. Мордово, Ставропольский р-н, Самарская обл. (рис. 216: 11). Находки на землях села, в составе «клада» (см. о нем в части 4.6 нашего текста).

1) Подтип 1А, серия Белосарайская, гибрид с типом Куюк-кала 1.

2) Подтип 1А, дериват серии Марьинка.

и7. Пронск, Пронский р-н, Рязанская обл. (рис. 216: 5). Находка в окрестностях города. Подтип 1А, серия Марьинка, блок вариантов 1.

и8. Самарская область, вероятно, в районе города Тольятти (рис. 216: 15). Подтип 1А, серия Ильичевская.

и9. Стаево-5, Мичуринский р-н, Тамбовская обл. (рис. 216: 6). По координатам, которые предоставил находчик, обнаружены в районе северного края раскопа 6 Раннеславянской экспедиции (см. рис. 217).

1) Подтип 1А, серия Марьинка, блок вариантов 1.

2) Подтип 1А, серия Белосарайская.

3) Подтип 1Б, серия Нижнекундрюченская, вариация «с сапогами».

и10. Сумская обл. (рис. 216: 18).

1) Подтип 1Б, серия Лермонтовская скала.

2) Подтип 1А, серия Марьинка, вариация, близкая блоку вариантов 1.

3) Подтип 1А, серия Глинище.

4) Верхняя «половина» фигурки. В целом этот экземпляр более всего напоминает верхнюю часть фигурки на рис. 224: 2.

5) Подтип 1А, гибрид серии Марьянка и серии Керчь подтипа 1Б или единичных гибридов серии Керчь с некоторыми другими сериями подтипа 1А.

и11. Сумы (рис. 216: 18). Находка в черте города или его окрестностях.

Подтип 1А, серия по доступному изображению не ясна, стилистика близка кисловодскому варианту серии Глинище подтипа 1А.

и12. Тимирязево, Новосуманский р-н, Воронежская обл. (рис. 216: 9). Находка севернее от села. Подтип 1А, серия Белосарайская.

и13. Тольятти, Самарская обл. (рис. 216: 14). Находка в городе или его окрестностях. Подтип 2А.

2. Степь

1. Айвазовское, Феодосийский р-н, Республика Крым (рис. 216: 40). Погребение, исследованное в 1956 г. на поселении эллинистического времени; подвеска лежала у пояса предположительно (по длине скелета) детского погребения (Кругликова, 1957, с. 253–254, рис. 1: 3; Шелов, 1984, с. 242: №10; Баранов, 1990, рис. 6: 12, в подписи неверное указание на Рисовое; Володарець-Урбанович, 2016, с. 81, рис. 2: 9а–б).

Фото по: Кругликова, 1957; рис. по: Баранов, 1990. Целая фигурка (рис. 219: 6; 224: 4). Подтип 1А, серия Белосарайская.

2. Алексеевка, Куйбышевский р-н, Запорожская обл. (рис. 216: 28). Находка при

земляных работах в колхозном саду (Тарасенко, 2017, глава 4; Володарець-Урбанович, 2016, с. 82, рис. 2: 30).

По публикации. Целая фигурка; 47 × 18; ушко для подвешивания упомянуто в публикации (рис. 218: 13; 225: 27). Подтип 1Б, серия Алексеевка, отдельный вариант.

3. Алешковские пески, Херсонская обл. (рис. 216: 23). Находка на берегу Днепра, в Алешковских (Нижнеднепровских) песках, переданная в Херсонскую губернскую ученую архивную комиссию в 1900 или 1905 г. (Володарец-Урбанович, Ганощенко, 2020, с. 5–6, обр. 1, 2). Херсонский областной краеведческий музей: ХЕМ-а-4211, КП-25323.

По публикации. Целая фигурка; 60 × 24 (рис. 218: 14; 224: 20). Подтип 1А, индивидуальная фигурка.

4. Белосарайская коса, Первомайский р-н, Донецкая обл. (рис. 216: 29). Находка на селище у основания косы, близ села Ялта; есть предположение (аргументация не опубликована), что происходит из разрушенного детского погребения (Михлин, 1972, с. 95–96, рис. 1; Шелов, 1984, с. 242: № 13; Володарець-Урбанович, 2016, с. 82, рис. 2: 23; Тарасенко, 2017, глава 4).

Фото по Тарасенко, 2017; рис. по Михлин, 1972. Целая фигурка; 47 × 22 (рис. 219: 5; 224: 1). Подтип 1А, серия Белосарайская.

5. Марьинка, Марьинский р-н, Донецкая обл. (рис. 216: 30). Находка на памятнике неясной культурной атрибуции, расположенном на огородах села, на надпойменной террасе правого берега р. Осыковой **(**Швецов, 2018 (2009), с. 148).

Рисунок предоставлен М. Л. Швецовым. Целая фигурка (рис. 219: 7; 224: 8). Подтип 1А, серия Марьинка, блок вариантов 1.

6. Мокрая Солянка, Балаковский р-н, Саратовская обл. (рис. 216: 38). Находка 2007 г. в ходе мониторинга местонахождения на левобережье р. Малый Иргиз (Каргин, 2008, с. 170, рис. 6: 1).

По публикации. Верхняя половина фигурки (рис. 218: 15; 224: 31). Подтип не ясен, по ряду деталей и размерам близка № 2-3.

7. Нижнекундрюченская, Усть-Донецкий р-н, Ростовская обл. (рис. 216: 32). Находка в окрестностях станицы (Вдовиченков, 2013, рис. на с. 24: снизу справа; Вдовиченков, Курасова, 2019, с. 56, рис. 1: 5). Новочеркасский музей истории донского казачества: КП-1986.

По публикации. Целая фигурка; высота 45 (рис. 219: 3; 225: 4). Подтип 1Б, серия Нижнекундрюченская.

8. «Никополь», Никопольский р-н, Днепропетровская обл. (рис. 216: 25). Приобретение, сделанное MFFG до 1914 г. (не публиковалось).

По инвентарной книге MFFG: IIId, No 6229 (рис. 218: 11; 225: 33). Подтип 2Б, серия / блок вариантов Цимлянская.

9. Танаис, окраина хутора Недвиговка, Мясниковский р-н, Ростовская обл. (рис. 216: 31). Раскопки на античном городище в 1981 г., помещение ДО (Шелов, 1984, с. 241, 242: № 25, рис. на с. 242; Володарець-Урбанович, 2016, с. 82, рис. 2: 24).

По публикации. Целая фигурка; 54 × 19 (рис. 219: 1; 224: 14). Подтип 1А, индивидуальная вариация.

10. Филипповская, Цимлянский р-н, Ростовская обл. (рис. 216: 34). Находка в окрестностях ныне несуществующей станицы; дар станичного атамана Е. Е. Антонова, судя по статусу дарителя — до 1920-х гг. (Шелов, 1984, с. 242: № 20; Володарець-Урбанович, 2016, с. 82, рис. 2: 25; Вдовиченков, Курасова, 2019, с. 56, рис. 1: 3). Новочеркасский музей истории донского казачества: КП-1985.

По: Вдовиченков, Курасова, 2019. Целая фигурка; по-видимому, утрачены окончания правых руки и ноги; высота 52 (рис. 219: 2; 224: 9). Подтип 1А, серия Марьинка, блок вариантов 2.

11. Цимлянская, Цимлянский р-н, Ростовская обл. (рис. 216: 35). Находка 1904 г. в балке Простильной у хут. Тимохина близ станицы Цимлянской (ныне города) (Шелов, 1984, с. 242: № 21; Володарець-Урбанович, 2016, с. 82, рис. 2: 26; Вдовиченков, Курасова, 2019, с. 56, рис. 1: 4). Новочеркасский музей истории донского казачества: КП-984 (возможно, опечатка в публикации, и должно быть «КП-1984» — ср. № 2-7 и 2-10).

По: Вдовиченков, Курасова, 2019. Целая фигурка; высота 50 (рис. 219: 4; 225: 34). Подтип 2Б, серия / блок вариантов Цимлянская.

По данным из интернета

и1. Волково, Еланский р-н, Волгоградская обл. (рис. 216: 36). Находка на землях села. Подтип 1А, серия Марьинка, блок вариантов 1.

и2. Николаев, Николаевская обл. (рис. 216: 22). Находка в городе или его окрестностях. Подтип 1А, индивидуальная фигурка.

и3. Ростовская обл. (рис. 216: 33). Подтип 1Б, серия Шелехметь, блок вариантов 1.

и4. Саратовская обл. (рис. 216: 37). Подтип 1А, дериват серии Белосарайская.

и5. Степной Крым (рис. 216: 39). Подтип 1А, вероятно, дериват серии Белосарайская.

и6. Харьковская обл. Находка на юге области (рис. 216: 27); «в комплексе» с «геральдической» ременной гарнитурой (см. также в части 4.1). Подтип 1Б, серия Куюк-кала 1, вариация «с сапожками».

и7. Харьковская обл. (рис. 216: 26). Подтип 1А, серия Марьинка, блок вариантов 1.

и8. Херсонская обл. (рис. 216: 24). Подтип 1Б, серия Алексеевка.

3. Юго-западные регионы Крыма

1. Карши-Баир 1, близ ж.-д. станции Верхнесадовая, Нахимовский р-н, Севастополь (рис. 216: 44). Склеп 5, погребение 3 (Ушаков, 2010, с. 96, рис. 74: 7; Володарець-Урбанович, 2016, с. 81, рис. 2: 22)[25]. Погребение 3 определено авторами раскопок как принадлежащее «девочке-подростку», учитывая инвентарь и длину отпечатков тлена костяка 1,2 м; фигурка лежала в области предполагаемой грудной клетки (информация С. В. Ушакова).

Рис. И. О. Гавритухина, фото Т. Ш. Гацаева. Целая фигурка (рис. 219: 8; 225: 1). Подтип 1А, серия Белосарайская.

2. Чуфут-Кале, Бахчисарайский р-н, Республика Крым (рис. 216: 45). Склеп 118, который разграблен, содержал на менее двух захоронений; амулет лежал у стенки камеры напротив входа, рядом вещей не было; инвентарь и части скелетов разбросаны в беспорядке (Кропоткин, 1961, с. 5; 1965, рис. 44: 6; Шелов, 1984, с. 242: № 14; Володарець-Урбанович, 2016, с. 81, рис. 2: 10).

Фото из архива В. В. Кропоткина; прорисовано по фото И. О. Гавритухиным. Целая фигурка (рис. 219: 9; 225: 6). Подтип 1Б, серия Нижнекундрюченская.

3. Херсонес, Севастополь (рис. 216: 41). Я. В. Володарец-Урбанович приводит три изображения фигурок из Херсонеса, однако одно из них (Володарець-Урбанович, 2016, с. 61, рис. 2: 13) отнесено сюда ошибочно, эта вещь из Камунты (см. № 5-2). Неверно и утверждение, что это вещи происходят из коллекции К. И. Ольшевского (Володарец-Урбанович, Ганощенко, 2020, прим. 4).

1) Из «семейного склепа IV в.», раскопанного А. С. Уваровым в 1853 г. (Извлечение, 1853, с. 150–152, № 60; Атлас, 1879, табл. VIII: А; Шелов, 1984, с. 242: № 11 или 12; Зубарь, 1982, с. 102, рис. 66: 2; Володарець-Урбанович, 2016, с. 81, рис. 2: 12).

По публикациям. Целая фигурка (рис. 219: 11; 224: 5). Подтип 1А, дериват серии Белосарайская.

2) Находка не позднее 1879 г., возможно, из раскопок или покупок А. С. Уварова (Атлас, 1879, табл. VIII: В; Шелов, 1984, с. 242: № 11 или 12; Володарець-Урбанович, 2016, с. 61, рис. 2: 14).

По публикации. Фигурка с утраченной ногой (рис. 219: 10; 225: 21). Подтип 1Б, серия Керчь, блок вариантов 2.

4. Юго-Западный Крым, вероятно, Севастополь или его окрестности, но не исключен и более широкий ареал (рис. 216: 43). Из коллекции антиквара Д. И. Шпака, переданной им в музей в 1925 г. (не публиковалась). ГМЗХТ: № 35273.

Фото К. В. Зыковой, рис. В. Г. Добрынина. Целая фигурка (рис. 220: 9; 224: 13). Подтип 1А, дериват или гибридная форма серии Белосарайская, вариант «с шапочкой».

По данным из интернета

и1. Бахчисарайский район (рис. 216: 46).

1) Подтип 1Б, серия Куюк-кала 1.

2) Подтип 1А, серия Белосарайская, гибридный вариант с серией Керчь.

и2. Горный Крым (рис. 216: 47). Подтип 1Б, серия Нижнекундрюченская.

и3. Севастополь, окрестности города (рис. 216: 42). Подтип 1Б, серия Нижнекундрюченская.

4. Боспор и Нижняя Кубань

1. Анапа, окрестности города, Анапский р-н, Краснодарский край (рис. 216: 51). Находка местного жителя; передана в Анапский археологический музей в 1999 г. (Новичихин, 2007).

По публикации. Верхняя часть фигурки; 30 × 22 (рис. 220: 10; 224: 30). Атрибуция широкая.

2. Ильичевское городище, близ поселка Ильич, Темрюкский р-н, Краснодарский край (рис. 216: 50). Находки в ходе раскопок и сборов на городище «Батарейка» (см. о нем в части 4.1). По устной информации Э. Я. Николаевой, не менее 5 находок. По сообщению Э. Р. Устаевой,

[25] В публикации материалы погребений 2 и 3 ошибочно даны как «погребение 2» (уточнено по информации, полученной от С. В. Ушакова).

2 из них хранятся в Таманском музейном комплексе. Местонахождение остальных нам не известно.

1) 1980 г., квадрат XV, штык 7 (Николаева, 1981б, с. 12; Шелов, 1984, с. 242: №22–24; Гавритухин, Паромов, 2003, табл. 61: 72). Таманский музейный комплекс: КМ-8827/37.

Рис. И.О. Гавритухина, фото Э.Р. Устаевой. Целая фигурка; 50×20 (рис. 220: 1; 225: 22). Подтип 1Б, серия Керчь, блок вариантов 2 или особая вариация.

2) 1981 г., квадрат XX, штык 4 (Николаева, 1981б, с. 11, рис. 74: е; Шелов, 1984, с. 242: №22–24). Таманский музейный комплекс: КМ-8827/38.

Рис. И.О. Гавритухина, фото Э.Р. Устаевой. Целая фигурка; утрачены конец правой руки, большая часть от ног; 47×15 (рис. 220: 2; 225: 9). Подтип 1Б, серия Пашковская.

3) Передана Э.Я. Николаевой местным жителем И.Ф. Морозовым в 1981 г.; по его сообщению, найдена на восточном склоне городища (Николаева, 1981б, с. 12; Шелов, 1984, с. 242: №22–24). См. также №7-2/1.

4) 1991 г. Помещение XXXII, пол, квадрат XXXV (не публиковалась).

Рис. И.О. Гавритухина. Целая фигурка; плохой сохранности, утрачены концы ног; 41×19,5 (рис. 220: 3; 224: 27). Подтип 2А.

5) Данных нет. См. также №7-2/2.

3. Керчь, Республика Крым (рис. 216: 48).

1) Северный склон горы Митридат. Склеп 78(1)/1907 г., погребение 5. Ингумация в коллективном склепе; подвеска — на груди (Шкорпил, 1910, с. 32–33; Кругликова, 1957, с. 255; Шелов, 1984, с. 242: №5 и 6; Засецкая, 1998, табл. XV: 6; 2003, табл. 17: 6; Володарець-Урбанович, 2016, с. 82, рис. 2: 20). ГЭ: ОАВЕС, №1820/924.

Рис. И.О. Гавритухина, фото ГЭ. Фигурка с утраченными большей части ног и «фаллоса», задней части ушка для подвешивания; 37×20 (рис. 219: 13; 224: 3). Подтип 1А, серия Белосарайская.

Д.Б. Шелов в списке амулетов группы 1 приводит и находку из погребения 6 в этом склепе, ссылаясь на описание В.В. Шкорпила, однако изображение этой вещи позднее было опубликовано (Засецкая, 1998, табл. XVI: 1), и она относится к другому типу (рис. 232: 16).

2) Северный склон горы Митридат. Склеп 52(3)/1909 г., погребение 2. Ингумация в коллективном склепе; подвеска — в шкатулке (Шкорпил, 1913, с. 19; Кругликова, 1957, с. 255, рис. 2: 6; Шелов, 1984, с. 242: №1; Засецкая, 2003, табл. 17: 5; Володарець-Урбанович, 2016, с. 81: прим. 3, с. 82, рис. 2: 19а–б). ГЭ: ОАВЕС, №1820/979.

Рис. И.О. Гавритухина, фото ГЭ. Целая фигурка; 49×21 (рис. 219: 12; 225: 18). Подтип 1Б, серия Керчь, блок вариантов 1.

3) Глинище, гробница 87(34)/1909 г., погребение 1. Ингумация ребенка в земляной гробнице, покрытой плитами; подвеска — на шее (Шкорпил, 1913, с. 31; Кругликова, 1957, с. 254, рис. 2: 1; Шелов, 1984, с. 242: №2; Володарець-Урбанович, 2016, с. 81: прим. 3; 82; рис. 2: 15). ГИМ: оп. Б-87, №17-1.

Рис. по публикации, фото А.А. Строкова. Целая фигурка (рис. 219: 15; 225: 19). Подтип 1Б, серия Керчь, блок вариантов 1.

4) Глинище, из разрушенного детского погребения (Шкорпил, 1913, с. 31, прим. 1; Кругликова, 1957, с. 255, рис. 2: 2; Шелов, 1984, с. 242: №3 и 4; Володарець-Урбанович, 2016, с. 82, рис. 2: 16). ГИМ: оп. Б/87, №17-2.

Рис. по публикации, фото А.А. Строкова. Целая фигурка (рис. 219: 16; 224: 15). Подтип 1А, серия Глинище.

Д.Б. Шелов в списке амулетов группы 1 приводит и находку из второго разрушенного детского погребения на Глинище, тоже упомянутого В.В. Шкорпилом, однако изображение этой вещи опубликовано (Кругликова, 1957, с. 256, рис. 2: 3), и она относится к другому типу.

5) Приобретение К.Е. Думберга (Кругликова, 1957, с. 255, рис. 2: 4; Шелов, 1984, с. 242: №7; Володарець-Урбанович, 2016, с. 82, рис. 2: 18). ГИМ.

По публикации. Фигурка с утраченными частями ног и, вероятно, «фаллоса» (рис. 219: 14; 225: 23). Подтип 1Б, серия Керчь, особая вариация, близкая серии Пашковская этого же подтипа и Глинище подтипа 1А.

4. Пашковский могильник 1, близ станицы Пашковская (ныне в черте города Краснодар), Краснодарский край (рис. 216: 52).

1) Погребение (?), доследованное 20.08.1927. Среди скопления предметов, соотношение которых с костями не понятно, фигурка зафиксирована «окруженная комком бус» (Покровский, 1936, с. 83, рис. 5: справа; 6: 3(?), т.е. в верхнем ряду справа; Кругликова, 1957, с. 255, рис. 2: 7; Ковалевская, 1983, с. 44, рис. 1: 1; Шелов, 1984, с. 242: №15 и 16; Володарець-Урбанович, 2016, с. 79, 81, рис. 2: 4а–б).

По 1-й публикации. Целая фигурка (рис. 220: 4; 225: 20). Подтип 1Б, серия Керчь, блок вариантов 2.

Д. Б. Шелов (1984, с. 245, прим. 16) считает, что на двух фото в публикации М. В. Покровского «представлены два очень похожих, но несомненно различных экземпляра». Однако это не имеет подтверждения в известных нам источниках и не поддержано другими исследователями. Скорее всего, в публикацию попали фотографии разного качества, но одной вещи. В статье М. В. Покровского, на которую опирался Д. Б. Шелов, есть и другие случаи дублирования изображений на разных фото.

Я. В. Володарець-Урбанович (2016, с. 81: прим. 2) отметил несовпадение изображений в публикациях М. В. Покровского и В. Б. Ковалевской. Конечно, мы отдаем предпочтение фотографии (см. также № 5-7).

2) Погребение 3/1936 г. Ингумация ребенка; амулет — в области шеи, среди бус (Анфимов, 1941, с. 218, табл. XXXVI: 16; 2016, с. 56, 62; Володарець-Урбанович, 2016, рис. 2: 2).

По публикации. Целая фигурка (рис. 220: 7; 225: 10). Подтип 1Б, серия Пашковская.

5. Тиритака, близ совр. порта Камыш-Бурун в г. Керчь, Республика Крым (рис. 216: 49). Раскопки 1947 г.; участок XV, слой 2 (Гайдукевич, 1949, с. 42, рис. 17: 2; 1958, с. 172, рис. 27; Шелов, 1984, с. 242: № 8; Володарець-Урбанович, 2016, с. 81, рис. 2: 11).

По публикации. Целая фигурка (рис. 219: 17; 225: 12). Подтип 1Б, серия Пашковская, вариант «с сапогами».

По данным из интернета

и1. Анапа, возможно, Анапский р-н, Краснодарский край (рис. 216: 51).

1) Верхняя часть фигурки. Атрибуция широкая.

2) Нижняя часть фигурки. Подтип 1А, серия неопределима.

и2. Кубань, Краснодарский край (рис. 216: 54). Подтип 1А, серия Глинище.

Не исключена принадлежность к рассматриваемым типам

мб1. Кыз-аульский могильник, Керченский р-н, Республика Крым. Раскопки 1930 г. Находка двух антропоморфных амулетов (Шелов, 1984, с. 245: прим. 10; Володарець-Урбанович, 2016, с. 81).

Находки утрачены, по описанию тип установить нельзя. Однако многие исследователи ставят их в ряд рассматриваемых нами вещей.

мб2. Сюр-Таш (Сююр-Таш; Сюрташ), Керченский р-н, Республика Крым. Раскопки А. А. Дирина на мысе Зюк в 1897 г. Ингумация ребенка в плитовой гробнице, устроенной на плитах более ранней плитовой могилы (Шкорпил, 1898, с. 10; Кругликова, 1957, с. 254; Шелов, 1984, с. 242: № 9; Володарець-Урбанович, 2016, с. 81).

Изображение нам не известно. Описание В. В. Шкорпила: «бронзовая фигурка часто встречающегося типа с ушком на спине» — Т. И. Кругликова сочла основанием для того, чтобы считать: «по-видимому, такого же типа фигурка», что в Айвазовском и из гробницы 87(34)/1909 в Керчи на Глинище (№ 2-1 и 4-3/3). К этому мнению присоединился Д. Б. Шелов, не приведя дополнительных сведений.

5. Центральные и восточные регионы Северного Кавказа

1. Владикавказ (бывший Орджоникидзе), Республика Северная Осетия — Алания (рис. 216: 63). Находка 1961 г. на приусадебном участке (ул. Цолгоева, 103), на территории городища или крупного селища на юге современного города (Кузнецов, 1980, с. 63–64, рис. 5: 12; Володарець-Урбанович, 2016, с. 81, рис. 2: 6).

По публикации; информация о могильнике с дополнениями З. Х. Албеговой (Царикаевой). Целая фигурка; 41 × 18 (рис. 220: 16; 225: 37). Подтип 2Б, блок вариантов П серии Пашковская.

2. «Камунта», Ирафский р-н, Республика Северная Осетия — Алания (рис. 216: 62). Приобретение в коллекцию К. И. Ольшевского (Описание, 1882, с. 264: № II.257; Атлас…, 1879, табл. VIII: III. 257; Фотоархив ИИМК: Q.503.77, № III, 257).

По публикации. Целая фигурка; утрачена часть левой ноги (рис. 220: 18; 225: 40). Подтип 2Б, блок вариантов П серии Нижнекундрюченская.

3. Кисловодск, Ставропольский край, окрестности города (рис. 216: 60). Данных о находке/поступлении не приведено (Ковалевская, 1983, с. 44, рис. 1: 4; Володарець-Урбанович, 2016, с. 81, рис. 2: 8). Как место хранения В. Б. Ковалевской указан «Кисловодский народный музей… без номера».

По публикации. Целая фигурка (рис. 220: 17; 225: 39). Подтип 2Б, блок вариантов П серии Нижнекундрюченская.

4. «Кумбулта», Ирафский р-н, Республика Северная Осетия — Алания (рис. 216: 61).

Приобретение, сделанное MFFG до 1914 г. (не публиковалось).

По инвентарной книге MFFG: IIId, No 4474. Целая фигурка (рис. 220: 8; 225: 36). Подтип 2Б, блок вариантов П серии Пашковская.

5. Лермонтовская скала 2, Кисловодск, Ставропольский край (рис. 216: 56). Катакомба 13 (3/1973 г.) с двумя погребенными (мужчина и женщина, по определению автора раскопок А.П. Рунича); фигурка лежала с внутренней стороны места сгиба левой руки женского костяка (Рунич, 1973, с. 3–4, рис. 8: 7; Шелов, 1984, с. 242: №19; Мастыкова, 2009, с. 235; рис. 87: 1; табл. 145: 6; Володарець-Урбанович, 2016, с. 79, рис. 2: 1).

По отчету А.П. Рунича (частично опубликован А.В. Мастыковой). Целая фигурка; утрачена часть левой руки (рис. 220: 11; 225: 29). Подтип 1Б, серия Лермонтовская скала.

6. Мачты, Кисловодск, Ставропольский край (рис. 216: 57). Катакомба 3, с двумя погребенными; описание нам не известно (не публиковались; рис. из архива А.П. Рунича), рис. предоставлен нам С.Н. Савенко, им же уточнены данные о памятнике.

По рисунку из архива А.П. Рунича. Целая фигурка (рис. 220: 15; 224: 17). Гибрид типа, который здесь не рассматривается, и кисловодского варианта серии Глинище подтипа 1А.

7. Мокрая Балка, Кисловодск, Ставропольский край (рис. 216: 58). Катакомба 4/1969 г. (раскопки В.Б. Ковалевской; в ряде публикаций обозначается «кат. 4К») (Афанасьев 1976, с. 130, рис. 1: 7; Ковалевская, 1983, с. 45, рис. 1: 3; 2: 1; Шелов, 1984, с. 242: №18; Ковалевская, 2005, рис. 91: 2; Володарець-Урбанович, 2016, с. 81, рис. 2: 3а–б).

Рис. В.Ю. Малашева; по публикации 2005 г. Целая фигурка (рис. 220: 12; 225: 15). Подтип 1Б, индивидуальная фигурка.

8. Подкумок, Кисловодск, Ставропольский край (рис. 216: 59). Могила, обнаруженная рабочим К.М. Еловским летом 1937 г. в срезе левого берега р. Подкумок на территории свинарника (иногда так называют сам памятник); около 750 м от Кольцо-горы и 1250–1300 м к западу от моста через реку (Ковалевская, 1983, с. 44, рис. 1: 2; Шелов, 1984, с. 242: №17; Володарець-Урбанович, 2016, с. 81, рис. 2: 7); информация уточнена С.Н. Савенко.

Вид сзади по рис. Н.Н. Михайлова, вид спереди по: Ковалевская, 1983. Целая фигурка; утрачена задняя часть ушка (рис. 220: 14; 224: 16). Подтип 1А, серия Глинище, кисловодский вариант.

По данным из интернета

и1. Карачаево-Черкесская республика (рис. 216: 55). Подтип 1А, серия Ильичевская.

и2. Чеченская республика (рис. 216: 64). Подтип 1Б, серия Нижнекундрюченская.

6. Казахстан и Средняя Азия

1. Дуана IV, Кунградский район, Республика Каракалпакстан, Узбекистан (рис. 216: 65). Могильник находится на восточном чинке Устюрта, некогда на берегу Аральского моря. Курган 34. В каменном кургане находилось детское погребение, из уцелевшего после ограбления инвентаря «на черепе были обнаружены диск из раковины и бронзовая антропоморфная подвеска» (Древняя..., 1978. С. 113; рис. 25: II).

По публикации. Целая фигурка (рис. 221: 13; 225: 30). Подтип 2Б, вариация серии Куюк-кала 2 или близкая ей.

2. Косасар-2, Кармакшинский р-н, Кызылординская обл., Казахстан (рис. 216: 66). Разрушенное погребение (Левина, 1996, рис. 169: 10, ил. 48: сверху справа; Володарець-Урбанович, 2016, с. 82, рис. 2: 27).

По публикации. Целая фигурка (рис. 221: 10; 224: 28). Подтип 2А, вариация, близкая серии Глинище подтипа 1А.

3. Куюк-кала. Чимбайский р-н, Республика Каракалпакстан, Узбекистан (рис. 216: 67). Городище; все фигурки найдены в верхнем слое (Торгоев, Сапаров, 2021, в печати).

Все рисунки и фото А.И. Торгоева.

1) Целая фигурка, 44×19 (рис. 221: 1; 224: 12). Подтип 1А, гибрид серии Белосарайская с серией Куюк-кала 1 подтипа 1Б.

2) Целая фигурка, 46×23 (рис. 221: 3; 224: 7). Подтип 1А, гибрид серии Марьинка с серией Куюк-кала 1 подгруппы 1Б.

3) Целая фигурка, 47×25 (рис. 221: 4; 225: 7). Подтип IБ, серия Куюк-кала 1, блок вариантов 1.

4) Два обломка, вероятнее всего, одной фигурки, сломанной в древности, около 50×29 (рис. 221: 5; 225: 8). Подтип IБ, серия Куюк-кала 1, блок вариантов 1.

5) Целая фигурка, 39×22 (рис. 221: 6; 225: 16). Подтип 1Б, вариация, гибридная с амулетами другого типа, лучше всего представленного в джетыасарской культуре.

6) Целая фигурка, 47×25 (рис. 221: 14; 225: 31). Подтип 2Б, серия Куюк-кала 2.

7) Верхняя часть фигурки, сохранившаяся ширина 24 (рис. 221: 11; 224: 26). Подтип не ясен, но прическа характерна для серии Куюк-кала 2 подтипа 2Б, чему не противоречат остальные детали.

8) Целая фигурка, 43 × 4 (рис. 221: 15; 225: 25). Подтип 2Б, гибрид серии Куюк-кала 1 и серийных находок другого типа.

9) Верхняя часть фигурки, сохранившаяся ширина 20 (рис. 221: 12; 224: 19). Подтип не ясен, но головной убор (или, менее вероятно, прическа) наиболее близок таким деталям, показательным для серии Куюк-кала 1 подтипа 1Б и гибридным с ней вариациям подтипа 2 Б.

10) Почти целая фигурка, сохранившаяся высота 44, ширина 23 (рис. 221: 16; 225: 32). Подтип 2Б, серия Куюк-кала 2.

11) Верхняя часть фигурки, сохранившаяся высота 20, полная ширина 19 (рис. 221: 8; 224: 29). Подтип не ясен.

4. Миздахкан. Ходжейлийский р-н, Республика Каракалпакстан, Узбекистан (рис. 216: 68). Найдена на городище в слое золотоордынского времени, однако на городище есть и более ранние напластования, откуда обломок фигурки мог быть перемещен (Кдыриниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш., 2012, рис. 5, 6).

По публикации. Нижняя часть фигурки (рис. 221: 2; 224: 21). Подтип 1А, серия не ясна.

5. Сидак-тобе, городская администрация Кентау, Туркестанская обл., Казахстан (рис. 216: 69). Городище известно также как Садык-ата-тобе. Случайная находка 2011 г. на поверхности городища у так называемых ворот цитадели. Публикуется впервые.

Рисунок А. И. Торгоева, фото Е. А. Смагулова. Утрачена голова; ширина 18, сохранившаяся высота 21, реконструируемая высота не превышает 31 (рис. 221: 9; 224: 22). Подтип 1А, серия не ясна.

6. Хишт-тепа, Кобадианский р-н, Таджикистан (рис. 216: 70). На поверхности многослойного городища, верхний слой которого относится к развитому Средневековью, ниже встречались фрагменты керамики, указывающие на наличие раннесредневекового слоя, зафиксирован и строительный горизонт кушано-сасанидского периода (Литвинский, Седов, 1983, с. 71; табл. VII: 1).

По публикации. Верхняя часть фигурки (рис. 221: 7; 224: 25). Подтип не ясен, но прическа характерна для серии Куюк-кала 2 подтипа 2Б, чему не противоречат остальные детали.

7. С широкой привязкой (как правило, не картографированы)

1. Южная Россия (юг Европейской части Российской империи). Приобретение, сделанное MFFG до 1914 г. (не опубликовалось). MFFG: IId, No 6927.

Рисунок и фото И. О. Гавритухина. Фигурка целая, утрачены часть левой ноги и, возможно, «фаллоса» (рис. 220: 13; 225: 17). Подтип 1Б, серия Керчь, блок вариантов 1.

2. У И. О. Гавритухина сохранились ксерокопии его рисунков без указания на памятник. Судя по всему, это — находки с Ильичевского городища (см. №4-2, 4-5); часть из них хранились у Э. Я. Николаевой дома, и там они были им зарисованы.

1) Подтип 1А, серия Ильичевская (рис. 220: 6; 224: 18).

2) Подтип 1Б, серия Нижнекундрюченская (рис. 220: 5; 225: 2).

По данным из интернета

и1. Крым. Более точных данных нет.

1) Подтип 1А, серия Белосарайская.

2) Подтип 1А, дериват или гибридная форма серии Белосарайская, крымский вариант.

3) Подтип 1А, особый вариант на основе гибридной формы серий Глинище и Керчь.

4) Подтип 1Б, серия Алексеевка.

5). Подтип 1Б, серия Нижнекундрюченская.

и2. Краснодарский край.

1) Подтип 1А, дериват серии Марьинка.

2) Подтип 1Б, отдельная серия индивидуальных фигурок.

3) Подтип 2Б, блок вариантов П серии Пашковская.

и3. Северный Кавказ.

1) Подтип 1А, серия Белосарайская.

2) Подтип 1А, индивидуальный экземпляр.

и4. Ставропольский край.

Подтип 1Б, серия Куюк-кала.

и5. Возможно, Крым.

1) Подтип 1А, серия Белосарайская.

2) Подтип 1А, серия Марьинка, блок вариантов 1.

и.6. Очень сомнительная привязка. Эти экземпляры фигурировали в интернете на протяжении сравнительно небольшого времени с привязкой к Житомирской области. Однако с той же привязкой в это же время периодически объявлялись вещи и целые наборы из комплексов, явно принадлежащих культурам Крыма и зоне Хазарского каганата. В одном случае фигурка, связываемая с Житомирской областью, в интернете

фигурировала и как происходящая из Крыма (№ 7-и1/5).

1) Подтип 1А, серия Белосарайская.

2) Подтип 1А, индивидуальная фигурка.

и7. Без привязки к месту нахождения.

1) Подтип 1А, серия Белосарайская, дериват.

2) Подтип 1Б, отдельная серия индивидуальных фигурок.

Благодарности

За помощь в работе с коллекциями и документацией: Ирине Петровне Засецкой, Алексею Генадьевичу Фурасьеву (ГЭ); Денису Валерьевичу Журавлеву, Галине Алексеевне Камелиной, Анне Анатольевне Кадиевой (ГИМ); Хейно Ноймауеру, Хорсту Видеру, Марион Бертрам (MFFG); Татьяне Юсуфовне Яшевой, Елене Алексеевне Денисовой; Валентину Валерьевичу Дорошко (ГМЗХТ).

За ценные консультации: Ларисе Алексеевне Голофаст по позднеантичной керамике, Владимиру Юрьевичу Малашеву по керамике и другим сторонам культуры алан Северного Кавказа, Ирине Викторовне Толочко по находкам из Танаиса.

За предоставленные рисунки, фотографии, информацию: Ярославу Владимировичу Володарцу-Урбановичу, Зарине Хаджи-Муратовне Цирикаевой (Албеговой); Игорю Анатольевичу Бажану, Олегу Александровичу Радюшу, Мырзамурату Мамбетуллаевичу Мамбетуллаеву, Ербулату Акижановичу Смагулову, Назбергену Жанабаевичу Сапарову, Антону Александровичу Строкову, Эмилии Яковлевне Николаевой; Эльмире Радифовне Устаевой, Александру Дмитриевичу Швырёву, Сергею Владимировичу Ушакову, Сергею Николаевичу Савенко, Михаилу Львовичу Швецову, Александру Петровичу Гаврилову, Данилу Александровичу Костромичеву, Ренату Рафаиловичу Валиеву; Вячеславу Геннадьевичу Добрынину, Тимуру Шамильевичу Гацаеву, Кире Васильевне Зыковой; Олегу Васильевичу Шарову.

Приложение 2

Антропоморфные подвески эпохи Великого переселения народов, найденные в Шиловском районе Рязанской области

А. П. Гаврилов (Шилово, Рязанская обл.)

В задачи данной работы входит введение в научный оборот группы антропоморфных подвесок, найденных на территории Шиловского района Рязанской области, ныне хранящихся в собрании Шиловского районного краеведческого музея (ШРКМ) и, надеюсь, в Школьном музее села Нармушадь, а также хранившихся в школах Шиловского района или у его жителей, но потом, по-видимому, утерянных. Все эти находки и сведения о них публикуются впервые.

Памятники Шиловского района интересующей нас эпохи относятся к культуре рязано-окских могильников (др. названия — культура среднеокских финнов, рязанских финнов и т. п.). Ныне выделяется 5 периодов ее развития с рубежа I и II вв. до середины или 3-й четверти VII в. (Ахмедов, 2007; 2010; Ахмедов, Белоцерковская 2007; 2015; Белоцерковская, 2007; 2014).

В середине или 3-й четверти VII в. прекращается использование большей части могильников этой культуры, происходят разрушения и пожар, отмеченные на Тереховском городище (см. обзор в: Ахмедов, 2010), что указывает на гибель и уход значительной части населения. Однако на некоторых территориях жизнь продолжалась, в том числе и на землях Шиловского района. Об этом свидетельствуют материалы упомянутого Тереховского городища (верхняя хронологическая граница которого — около конца X в., т. е. практически смыкается со временем появления в регионе славян), открытого недавно Городищенского могильника и другие (Гаврилов, 2016; Гаврилов, Конанов, 2020).

Антропоморфные фигурки, аналогичные публикуемым (см. Каталог и рис. 238) в культуре рязано-окских могильников известны лишь на памятниках центральной (Шиловской) группы. Только с ней связаны и ряд других находок, указывающих на дальние связи рязано-окского населения в интересующее нас время. В этом числе фрагмент стеклянного сосуда с синими налепами (готовится к публикации), не менее шести мечей с Р-образными скобами (Гавритухин, Иванов, 1999, прим. 5 на с. 105, с. 119, 123, 124; Ахмедов, Гаврилов, 2017а, рис. 10: 15; 11: 1–2), византийские фибулы и пряжки (Ахмедов, 2016б; Гавритухин, 2019, с. 312, 315: №№ 2.1–2, 2.4–5, рис. 2Б: 16–19; 3: 4, 5, 8, 9), редкие типы пальчатых фибул (см. в обзоре: Ахмедов, Гаврилов, 2017б) и другие изделия, уникальные или единичные для лесной зоны Восточной Европы. Шесть публикуемых фигурок-подвесок явно вписываются в этот контекст.

Каталог находок из Шиловского р-на

1. Борок (рис. 238Б: 1). Находка Андрея Николаевича Гаврилова в 1984 г. во время разведки на площадке городища Борок с материалами от раннего железного века до 3-й четверти

I тыс. н. э. Оно относится к группе памятников, включающей нескольких селищ, городищ, могильников и ритуальных объектов культуры рязано-окских могильников. Фигурка передана в ШРКМ: № 693.

Целая фигурка, размеры 5,4 × 1,7 см (рис. 238: 1). Медный сплав; литье по восковой модели. Голова яйцевидной формы, сегментовидная в сечении. Схематичное изображение личины включает линию, отделяющую волосы или головной убор, три вдавленных точки, изображающих глаза и нос, дуговидную черточку, напоминающую улыбающийся рот. Четко обозначенная шея плавно переходит в покатые плечи. Г-образные руки в нижней части вытянуты вдоль тела, оканчиваются резко отогнутым наружу уступами-«ладонями». От одного плеча к другому идут две параллельные врезные линии. Туловище узкое лентовидное, опускающееся ниже линии бедер в виде «третьей ноги», идущей до уровня конца ног. Ноги Г-образные, в нижней части параллельные туловищу; в месте расхождения от него ног имеется полусферическое возвышение-«полужемчужина». Края фигурки сглаженные. С обратной стороны в месте расположения шеи и нижней части головы находится полуовальная плоская петля для подвешивания.

2. Борок (рис. 238Б: 3). Находка жителя села Владимира Владимировича Маркина на территории селища Борок с материалами от раннего железного века до 3-й четверти I тыс. н. э. Оно относится к группе, включающей упомянутое городище (см. № 1). Фигурка в 2019 г. поступила в ШРКМ: № 6165.

У фигурки утрачены голова и большая часть левой ноги; размеры 3,9 × 2,5 см (рис. 238: 3). Медный сплав, с зелеными окислами на красной подоснове; литьё в двухсторонней форме (виден литейный шов). Шея с внешней стороны весьма узкая. Г-образные руки в нижней части вытянуты вдоль тела, чуть расходясь от него снизу; оканчиваются резко отогнутым наружу уступами-«ладонями». От одного плеча к другому идут две врезные параллельные линии. Такая же линия прослеживается на правой ладони. Туловище узкое лентовидное, опускающееся ниже линии бедер в виде «третьей ноги», заходящей немного ниже уровня ступни. Нога Г-образная прямая, в нижней части вытянута вдоль тела, чуть расходясь от него; снизу оканчивается резко отогнутой наружу уступом-«ступней». В месте расхождения ног от тела расположен линзовидный с усеченными концами выступ, разделенный двумя пропилами на три части, расположенными в горизонтальную линию. Края фигурки — скошенные и сглаженные. С обратной стороны в месте расположения шеи к голове шла плоская петля для подвешивания.

3. Борок (рис. 238Б: 6). Находка жителя села Владимира Владимировича Буйнова в 2020 г. на территории могильника Борок II. Могильник относится к культуре рязано-окских могильников, датируется в пределах III–VIII вв., входит в группу, включающую упомянутые городище и селище (см. № 1 и 2). К сожалению, он был уничтожен при разработке песка для строительства дороги Шилово — Борок. Фигурка поступила в ШРКМ: № 6165.

Фигурка с утратой нижней части, размеры 3,6 × 1,7 см (рис. 238: 6). Медный сплав; литье по восковой модели. Голова яйцевидной формы приострена сверху и как бы подрезана снизу, сегментовидная в сечении. Ее верхняя часть очерчена выступающим рельефом в виде небольшого головного убора, плавно переходящего в едва намечающийся нос, идущий по центру личины (возможно, шлем с наносником). Схематичное изображение личины состоит из двух округлых, симметрично расположенных углублений, изображающих глаза, из которых левый очерчен едва видным кружком и расположен чуть ниже правого. Шея четко обозначена. Г-образные руки вытянуты вдоль тела, оканчиваются Г-образно отогнутым наружу уступами-«ладонями», соединёнными с «коленями». От одного плеча к другому идут две параллельные врезные линии, такие же коротенькие линии идут параллельно им в средней части условных ладоней фигурки. Туловище узкое лентовидное, опускающееся ниже линии бедер в виде «третьей ноги». Ноги Г-образные прямые, параллельные туловищу; в месте расхождения от него ног имеется полусферическое возвышение-«полужемчужина». Края фигурки сглаженные. С обратной стороны в месте расположения шеи и нижней части головы находится полуовальная плоская петля для подвешивания.

4. Ерахтур (рис. 238Б: 5). Показана А. Н. Гаврилову в 1978 г. в Ерахтурской школе местным краеведом Николаем Андреевичем Пантюшовым, который нашел ее близ берега озера Ерхинка недалеко от села Ерахтур. В 1984 г. А. Н. Гаврилов обнаружил здесь сильно разрушенные могильники III–VII и VIII–XX вв. (Ерхинка 1 и 2; коллекция в фондах ШРКМ).

Приводится по зарисовке и описанию в полевом дневнике А. Н. Гаврилова; размеры 5 × 1,9 см

(рис. 238: 5). Плоская фигурка, с головой, близкой квадрату и почти не выраженной шеей. Лицо передано схематично. Г-образные руки и ноги в нижней части вытянуты вдоль лентовидного туловища. Его более узкая нижняя часть опускается ниже линии бедер в виде «третьей ноги», заметно не доходящей до уровня конца ног. В районе пупка имеется выпуклая «полужемчужина». Сзади находилась петелька для подвешивания.

5. Нармушадь (рис. 238Б: 2). Находка местного учителя Ивана Григорьевича Малахова в 1979 г. на городище Улиткина гора (Улитина гора, Лютая гора), где известны материалы от раннего железного века до раннего Средневековья. Хранилась в Нармушадьском школьном музее (данные на 2007 г.), где была сфотографирована и зарисована.

Фигурка с утратой большей части левой ноги; размеры 4,6 × 1,7 см (рис. 238: 2). Медный сплав (?), с зелеными рыхлыми окислами. Голова вытянута по вертикали, с приостренной верхней частью («шлемом»?), отделенной от места, где должно бы быть лицо. Руки — Г-образные, в нижней части вытянуты вдоль туловища, со сглаженными плечами/локтями, ближе к концу чуть отогнуты наружу. Туловище узкое, немного расширенное к подмышкам и бедрам. Его более узкая нижняя часть опускается ниже линии бедер в виде «третьей ноги», доходящей практически до уровня конца ног. В районе пупка имеется полусферическое возвышение-«полужемчужина». Ноги Г-образные, в нижней части почти параллельные туловищу. Сечение элементов в основном сегментовидное. Сзади находилась петелька для подвешивания. Правая нога, предположительно, носит следы воздействия огня.

6. Терехово (рис. 238Б: 4). Находка жителя села Терехово, ветеринарного врача Анатолия Ильича Кочеткова весной 2007 г. на юго-восточном склоне Тереховского городища, в урочище «Торчи», где ранее были родники. Хранится в ШРКМ: № 5841.

Целая фигурка, размеры 4,4×2,7 см (рис. 238: 4). Сплав светло-серого цвета, местами с зелеными окислами; литье в одностороннюю форму. Форма головы близка пятиугольнику; в ее верхней части расположены треугольные выступы, возможно, связанные с недоделанностью изображения или обозначающие волосы; глаза и рот выполнены вдавлением. Руки — Г-образные, их нижняя часть по отношению к телу немного отогнута наружу, завершается утолщениями. Туловище имеет вид песочных часов с длинным прямоугольным «перехватом»; по бокам груди и на животе — небольшие полусферические возвышения-«полужемчужины». От основания нижнего треугольника туловища (кафтана?) опускаются прямые ноги, имеющие неровности. Сзади фигурка очень неровная; похоже, что мастер пытался сделать петельку в районе затылка и верхней части спины.

7. Терехово (рис. 238Б: 7). Находка хранилась в музее Тереховской школы до её закрытия; зафиксирована автором в 1996 г. во время паспортизации школьного музея. По словам директора школы, фигурка была найдена на кладбище при рытье могил. Еще А. В. Городцов сообщал о находках древних вещей на территории сельского кладбища (Городцов, 1905, с. 647).

Фотографии и рисунки этой фигурки отсутствуют.

Таблицы

Таблица 1

Стаево-5. Участок Стаево-5А. Индивидуальные находки

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок
1	Подъемный материал	Нож железный	25
2	Подъемный материал	Нож железный	25
3	Подъемный материал	Нож железный	25
4	Подъемный материал	Пробойник железный	25
5	Подъемный материал	Фр-т железного топора	25
6	Подъемный материал	Крючок железный	25
7	Подъемный материал	Железное изделие с шарниром (деталь весов)	25
8	Подъемный материал	Фр-т железного ножа	25
9	Подъемный материал	Фр-т железного ножа	25
10	Подъемный материал	Фр-т железного серпа	25
11	Подъемный материал	Железный нож и язычок пряжки	25

Таблица 2

Стаево-5. Индивидуальные находки[1]

Индивидуальные находки 2015 г.

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок	Области концентрации подъемного материала
1/15	Подъемный материал	Бронзовый амулет в виде человечка	26	Зона 3
3/15	Подъемный материал	Фрагменты бронзового зеркала	26	Зона 3
4/15	Подъемный материал	Фр-т бронзовой накладки геральдического стиля	26	Зона 3
6/15	Подъемный материал	Фр-т бронзового зеркала (мелкий)	26	Зона 3
7/15	Подъемный материал	Железный рыболовный крючок	26	Зона 3
8/15	Подъемный материал	Железная часть удил	26	Зона 3
9/15	Подъемный материал	Железный резец-«ложкорез»	26	Зона 3
10/15	Подъемный материал	Железный пробойник	26	Зона 3
11/15	Подъемный материал	Железный пробойник	26	Зона 3
12/15	Подъемный материал	Железный пробойник	26	Зона 3
13/15	Подъемный материал	Фр-т железного ножа	26	Зона 3
14/15	Подъемный материал	Фр-т железного ножа	26	Зона 3
15/15	Подъемный материал	Фр-т железного ножа	26	Зона 3
16/15	Подъемный материал	Фр-т железного ножа или серпа	26	Зона 3
17/15	Подъемный материал	Железный пробойник	26	Зона 3
18/15	Подъемный материал	Железный инструмент	26	Зона 3

[1] Из таблицы исключены вещи раннего железного века, первых вв. н. э. и Нового времени.

Индивидуальные находки 2016 г.[2]

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок. Позиция соответствует номеру находки	Области концентрации подъемного материала
3	Подъемный материал	Крючок рыболовный	30	Зона 3
4	Подъемный материал	Серп железный (фр-т)	30	Зона 3
5	Подъемный материал	Пряжка железная	30	Зона 3
6	Подъемный материал	Нож железный	28	Зона 3
8	Раскоп 3, кв. А,1, гл. –109 см	Пробойник железный	46	
10	Подъемный материал	Нож железный	28	Зона 3
11	Подъемный материал	Нож железный	28	Зона 3
12	Подъемный материал	Нож железный	28	Зона 3
13	Подъемный материал	Пробойник железный	29	Зона 3
14	Подъемный материал	Нож железный	28	Зона 3
15	Подъемный материал	Нож железный	28	Зона 3
16	Подъемный материал	Нож железный	28	Зона 3
17	Подъемный материал	Нож железный	28	Зона 1/III
18	Подъемный материал	Нож железный	28	Зона 3
20	Подъемный материал	Прутик бронзовый расплющенный	40	Зона 3
21	Подъемный материал	Пластина бронзовая	40	Зона 3
22	Подъемный материал	Матрица бронзовая	27	Зона 3
23	Подъемный материал	Клещи железные	29	Зона 1/III
24	Подъемный материал	Рамка пряжки железная	30	Зона 3
25	Подъемный материал	Инструмент железный (зубило?)	29	Зона 3
27	Подъемный материал	Фр-т фибулы бронзовой (пальчатой)	27	Зона 3
28	Подъемный материал	Двупластинчатая бронзовая фибула	27	Зона 3
29	Подъемный материал	Наконечник стрелы железный (раннее Средневековье)	30	Зона 3
30	Подъемный материал	Нож железный	28	Зона 3
32	Раскоп 4, кв. А,3, гл. –83 см	Выплеск бронзы	46	
33	Подъемный материал	Нож железный	28	Зона 3
34	Подъемный материал	Нож железный	28	Зона 3
35	Подъемный материал	Нож железный	28	Зона 3
36	Подъемный материал	Пряжка железная (раннее Средневековье)	30	Зона 3
37	Раскоп 4, кв. Б,3, гл. –110	Выплеск бронзы		
38	Раскоп 4, кв. Б,5, гл. –110 см	Пластинка бронзовая	46	
39	Подъемный материал	Выплеск бронзы	40	Зона 3
40	Подъемный материал	Пряжка железная (раннее Средневековье)	30	Зона 3
41	Раскоп 4, кв. В,1, –110 см	Выплеск бронзы	46	
42	Раскоп 4, кв. И,2, гл. –146 см	Фр-т скобы железной	46	
43	Подъемный материал	Шайба из свинца (?)	27	Зона 3
44	Подъемный материал	Топор железный (раннее Средневековье)	30	Зона 3
45	Подъемный материал	Бусина стеклянная	27	Зона 3
46	Подъемный материал	Нож железный	28	Зона 3
47	Подъемный материал	Пробойник железный	29	Зона 3
48	Раскоп 4, кв. В,2, гл. –123 см	Выплеск бронзы	46	
49	Подъемный материал	Фр-т зеркала из белого сплава	27	Зона 3
50	Раскоп 4, кв. Ж,2, гл. –146 см	Глиняная льячка	46	
51	Подъемный материал	Язычок пряжки из бронзы (раннее Средневековье)	27	Зона 3
52	Подъемный материал	Выплеск бронзы	40	Зона 3
53	Подъемный материал	Фр-т прутика из бронзы	40	Зона 3
55	Раскоп 4, кв. Д,6, гл. –137 см	Нож железный	46	
56	Раскоп 4, кв. Д,6, гл. –137 см	Стеклянная бусина-бисерина (там же, где № 55)	46	

[2] Номера квадратов на раскопах приводятся для читателей, которые будут пользоваться отчетами.

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок. Позиция соответствует номеру находки	Области концентрации подъемного материала
57	Подъемный материал Участок А	Наконечник ремня геральдического стиля (бронза)	27	Зона 1/I
58	Подъемный материал Участок А	Фр-т браслета с расширенным концом (из бронзы)	27	Зона 1/I
59	Подъемный материал Участок А	Бронзовый прутик	40	Зона 1/I
60	Подъемный материал Участок А	Фр-т бронзового прута	40	Зона 1/I
61	Подъемный материал Участок А	Пластинка из бронзы	40	Зона 1/I
62	Подъемный материал Участок А	Выплеск бронзы или стенка котла	40	Зона 1/I
63	Подъемный материал Участок А	Выплеск бронзы	40	Зона 1/I
64	Подъемный материал Участок А	Рама пряжки из бронзы	27	Зона 1/I
65	Подъемный материал Участок А	Фр-т бронзового прута	40	Зона 1/I
66	Подъемный материал Участок А	Фр-т бронзового прута	40	Зона 1/I
67	Подъемный материал Участок А	Наконечник стрелы железный	Утрачен при реставрации	Зона 1/I
68	Подъемный материал Участок А	Черенок ножа железный	28	Зона 1/I
69	Подъемный материал Участок А	Скопление выплесков (5 экз.), пластин (10 экз.) и фр-т прутика (1 экз.) из бронзы	40	Зона 1/I
70	Раскоп 6, кв. Б,1, гл. +10 см	Нож железный	59	
71	Раскоп 6, кв. Б,2, гл. +21 см	Пластинка бронзовая	60	
72	Раскоп 6, кв. А,2, гл. +4 см	Выплеск бронзы	59	
73	Раскоп 6, кв. Б,2, гл. +19 см	Выплеск бронзы	59	
74	Раскоп 6, кв. А,2, 0-0,2 м	Фр-т прутика из бронзы	61	
75	Раскоп 6, кв. Б,1, гл. –6 см	Фр-т прутика из бронзы		
76	Раскоп 6, кв. Б,1, гл. +1 см	Пластинка бронзовая		
77	Раскоп 6, кв. А,2, гл. +2 см	Выплеск бронзы	59	
78	Раскоп 6, кв. Б,1, культурный слой	Выплеск бронзы	61	
79	Раскоп 6, кв. Б,1, гл. +6 см	Выплеск бронзы	59	
80	Раскоп 6, кв. А,2, гл. 0,2 –0,4 м	Выплеск бронзы	59	
81	Раскоп 6, кв. Б,2, гл. +11 см	Фр-т бронзового прутика	60	
82	Раскоп 6, кв. Б,2, гл. +12 см	Пластинка бронзовая	60	
83	Раскоп 6, кв. Б,2, гл. +14 см	Выплеск бронзы	59	
84	Подъемный материал Участок А	2 бронзовые пластинки с гвоздиком	40	Зона 1/I
85	Подъемный материал Участок А	Фр-т бронзового прутика	40	Зона 1/I
85а	Подъемный материал Участок А	Железный пробойник	29	Зона 1/I
86	Подъемный материал Участок А	Пластинка бронзовая	40	Зона 1/I
87	Подъемный материал Участок А	Бронзовый прутик	40	Зона 1/I
88	Подъемный материал Участок А	Обломок бронзового котла (фр-т рельефного изделия)	27	Зона 1/I
89	Раскоп 6, кв. Б,2, гл. –18 см	Пластинка бронзовая	60	
90	Раскоп 6, кв. Б,2, гл. –15 см	Железная пластина (черенок ножа?)	65	

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок. Позиция соответствует номеру находки	Области концентрации подъемного материала
91	Подъемный материал Участок А	Пряжка бронзовая (малая геральдического стиля)	27	Зона 1/I
92	Подъемный материал Участок А	Пластинка бронзовая	40	Зона 1/I
93	Подъемный материал Участок А	Пластинка бронзовая	40	Зона 1/I
94	Подъемный материал Участок А	Выплеск бронзы	40	Зона 1/I
95	Подъемный материал Участок А	Фр-т прутика из бронзы	40	Зона 1/I
96	Раскоп 6, кв. В,2, гл. +13 см	Выплеск бронзы	59	
97	Раскоп 6, кв. В,2, гл. 0 см	Выплеск бронзы	59	
98	Раскоп 4, кв. А,3, гл. –84 см	Фр-т железной фибулы (раннее Средневековье)	46	
99	Раскоп 4, кв. Е,4, гл.–142 см	Фр-т бронзового прутика	46	
100	Раскоп 4, кв. Д,3, гл.–100 см	Пластинка бронзовая	46	
101	Раскоп 6, кв. В2, гл. –2 см	Выплеск бронзы	59	
102	Раскоп 5, кв. Б,1, гл. –1 см	Выплеск бронзы	51	
103	Раскоп 5, кв. А,2, гл. +1 см	Выплеск бронзы	51	
104	Раскоп 5, кв. А,2, гл. +1 см	Выплеск бронзы	51	
105	Раскоп 5, кв. А,2, гл. +1 см	Выплеск бронзы и пластинка бронзовая	51	
106	Раскоп 5, кв. Б,2, гл. +15 см	Пластинка бронзовая	51	
107	Раскоп 4, кв. Е,1, гл. –143 см	Выплеск бронзы	46	
108	Раскоп 6, кв. А1, культурный слой	Выплеск бронзы		
109	Раскоп 5, кв. Г,2, гл. +5 см	Глиняное пряслице	51	
110	Подъемный материал Участок А	Пластинка бронзовая	40	Зона 1/I
111	Раскоп 6, кв. В,1, гл. –15 см	Пластинка бронзовая	61	
112	Раскоп 6, кв. В,2, гл. –4 см	Выплеск бронзы	59	
113	Подъемный материал Участок А	Втулка копья железная	30	Зона 1/I
114	Раскоп 5, кв. Б,1, гл. –7 см	Выплеск бронзы	51	
115	Подъемный материал Участок А	Фр-т браслета бронзового с расплющенным концом	27	Зона 1/I
116а	Раскоп 5, кв. Е,2, гл. +23 см	Железное изделие	51	
116	Раскоп 6, кв. Б,1’, гл. +5 см	Прутик бронзовый (фр-т)	60	
117	Раскоп 6, кв. Б,1’, гл. +6 см	Выплеск бронзы	59	
118	Подъемный материал	2 куска свинцовой пластинки	27	Зона 1/I
119	Подъемный материал	Пластинка бронзовая	40	Зона 1/I
120	Подъемный материал	Пластинка бронзовая	40	Зона 1/I
121	Подъемный материал	Пластинка бронзовая	40	Зона 1/I
122	Раскоп 6, кв. А,1’, гл. +3 см	Пластинка бронзовая	60	
123	Раскоп 6, кв. А,1’, гл. –15 см	Нож железный	59	
124	Раскоп 6, кв. Б,1’, гл. –23 см	Выплеск бронзы	59	
125	Раскоп 6, объект 2, гл. –23 см	Пробойник железный	94	
126	Раскоп 6, кв. А,1’, культурный слой	Выплеск бронзы	59	
127	Раскоп 6, кв. А,1’, культурный слой	Пластинка бронзовая	61	
128	Подъемный материал Участок А	Браслет бронзовый с расплющенным концом	27	Зона 1/I
129	Подъемный материал Участок А	Заклепка бронзовая и куски пластин	40	Зона 1/I
130	Раскоп 6, кв. Б,2, культурный слой	Выплеск бронзы	59	

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок. Позиция соответствует номеру находки	Области концентрации подъемного материала
132	Подъемный материал	Выплеск бронзы		Зона 1/I
133	Раскоп 5, кв. В,4, гл. +23 см	Бронзовая фибула	51	
133а	Раскоп 6, кв. Б’,2’, гл. –32 см	Железная скоба	59	
134	Раскоп 6, культурный слой	Бронзовый прут с раскованным концом	60	
135	Раскоп 6, кв. А’,3’, гл. 0–0,2 м	Пластинка бронзовая	60	
136	Раскоп 6, кв. А,2’, гл. –18 см	Слиток бронзы, выплеск бронзы	59	
137	Раскоп 6, кв. А,2’, гл. –15 см	Выплеск бронзы	59	
138	Раскоп 6, кв. Б’,1’, гл. –24 см	Нож железный	59	
139	Раскоп 6, кв. А,2’, гл. –25 см	Выплеск бронзы	59	
140	Раскоп 6, кв. А,2, гл. –17 см	Гвоздик из бронзы	59	
141	Раскоп 6, кв. А’,3’, гл. –24 см	Прутик из бронзы	60	
142	Подъемный материал Участок А	Нож железный	27	Зона 1/I
143	Подъемный материал Участок А	Прутик из бронзы	40	Зона 1/I
144	Подъемный материал Участок А	Выплеск бронзы	40	Зона 1/I
145	Подъемный материал Участок А	Зубило железное или полуфабрикат инструмента	29	Зона 1/I
146	Раскоп 6, кв. А’,1’, гл. –25 см	Прутик из бронзы	60	
147	Раскоп 6, кв. А’,1’, гл. –24 см	Выплеск бронзы	59	
148	Раскоп 6, кв. А’,1’, 0–0,2 м	Фр-т прутика из бронзы	60	
149	Раскоп 6, культурный слой	Пружина фибулы бронзовая	64	
150	Раскоп 6, кв. Б’,2’, гл. –27 см	Заклепка бронзовая	59	
151	Раскоп 6, кв. Б’,2’, гл. –42 см	Выплеск бронзы	59	
152	Раскоп 6, кв. А,2’, гл. –26 см	Выплеск бронзы	59	
153	Раскоп 6, кв. А,1’, гл. –22 см	Пластинка бронзовая		
154	Раскоп 6, кв. Б’,2’, гл. –28 см	Слиток бронзы	59	
155	Подъемный материал Участок А	Нож железный	28	Зона 1/I
156	Подъемный материал Участок А	Зубило железное (или резец)	29	Зона 1/I
157	Подъемный материал	Петля железная	30	Зона 1/I
158	Раскоп 6, кв. А’,1’, гл. 0,2–0,4 м	Слиток бронзы	59	
159	Раскоп 5, кв. А,3, гл. 0 см	Выплеск бронзы		
160	Раскоп 6, кв. Б’,2’, гл. –39 см	Гвоздь железный и прутик из бронзы	59	
161	Раскоп 6, кв. Б’,2’, гл. –41 см	Выплеск бронзы	59	
162	Раскоп 6, А’,2’, гл. –35 см	Выплеск бронзы	59	
163	Раскоп 6, А’,2’, гл. –39 см	Прутик бронзовый	60	
164	Раскоп 6, А’,2’, гл. –37 см	Пластинка бронзовая	60	
165	Раскоп 6, кв. Б’,2’, гл. –35 см	Выплеск бронзы	59	
166	Раскоп 6, кв. Б’, 3’, –35 см	Пластинка бронзовая	40	
167	Раскоп 6, А’,2’, гл. –28 см	Выплеск бронзы	59	
168	Раскоп 6, кв. А’,3’, гл. –36 см	Предмет железный		
169	Раскоп 6, кв. А’,3’, гл. –39 см	2 раскованных бронзовых прутика	60	
170	Раскоп 6, кв. А’,1’, гл. –20 см	Пластинка бронзовая	60	
171	Раскоп 6, объект 3, гл. –51 см	Прутик бронзовый	75	
172	Раскоп 6, кв. Б’,1’, гл. –42 см	Пластинка бронзовая	60	
173	Раскоп 6, кв. А’,3’, гл. –31 см	Слиток бронзы		
174	Раскоп 6, кв. А’,3’, гл. –34 см	Обрубок изделия и прутик бронзовый	60	
175	Раскоп 5, кв. Ж,4, гл. +54 см	Рама гитаровидной железной пряжки	51	
176	Раскоп 5, кв. Ж,4, гл. +50 см	Нож железный (фр-т)	51	
177	Раскоп 6, объект 3, гл. –41 см	Тигель глиняный (фр-т)		

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок. Позиция соответствует номеру находки	Области концентрации подъемного материала
178	Раскоп 5, Ж,3, гл. +35 см	Фр-т глиняного пряслица	51	
179	Раскоп 6, кв. Б',3', гл. –41 см	Выплеск бронзы	59	
180	Раскоп 6, кв. Б',3', гл. –48 см	Выплеск бронзы	59	
181	Раскоп 6, объект 3, гл.-57 см	Пряслице глиняное	74	
182	Раскоп 6, объект 3, гл. –38 см	Прутик бронзовый (фр-т)	75	
183	Раскоп 6, объект 3, гл. –34 см	Пряслице глиняное	74	
184	Раскоп 6, объект 3, гл. –50 см	Прутик бронзовый (фр-т)	75	
185	Раскоп 6, объект 3, гл. –41 см	Выплеск бронзы	75	
186	Раскоп 6, объект 3, гл. –48 см	Проколка железная	75	
187	Раскоп 6, объект 3, черный слой	Мелкие выплески бронзы и обломки пластинок	75	
188	Раскоп 6, объект 3, гл. –46 см	Тигель глиняный (фр-т)	74	
189	Раскоп 6, объект 3, гл. –50 см	Пряслице глиняное	74	
190	Раскоп 6, объект 3, заполнение	2 выплеска бронзы	75	
191	Раскоп 6, объект 3, гл. –47 см	Пластинка бронзовая	75	
192	Раскоп 6, объект 3, гл. –47 см	Пластинка бронзовая	75	
193	Раскоп 6, объект 3, гл. –51 см	Фр-т глиняного тигля (мелкий)		
194	Раскоп 6, объект 3, гл. –52 см	Полиэдрическая серьга из бронзы	75	
195	Раскоп 6, объект 3, гл. –52 см	Выплеск бронзы	75	
196	Раскоп 6, объект 3, гл. –58 см	2 выплеска бронзы	75	
197	Раскоп 6, объект 3, яма А, гл. –70 см	Фр-т глиняного тигля (мелкий)		
198	Подъемный материал	Выплеск бронзы	40	Зона 1/I
199	Подъемный материал	Пластинка бронзовая	40	Зона 1/I
201	Раскоп 6, кв. А',3', гл. –30 см	Фр-т железного топора	59	
202	Раскоп 6, кв. А',2', гл. –15 см	Скоба железная	59	
203	Раскоп 6, объект 3, гл. –32 см	Фт-т черешка железного ножа		
204	Раскоп 6, объект 3, гл. — 38 м	Кольцо кольчужное железное	75	
205	Раскоп 6, объект 3, гл. –35 см	Пластинка бронзовая		
206	Раскоп 6, объект 3, яма А, гл. –66 см	Накладка железная геральдического стиля	76	
207	Раскоп 6, объект 3, гл. –56 см	Пластинка бронзовая	75	
208	Раскоп 6, объект 3, яма Г, гл. –208 см	Пластинка бронзовая	76	
209	Подъемный материал	Прутик бронзовый	40	Зона 1/I
210	Подъемный материал Участок А	Бронзовый антропоморфный амулет	27	Зона 1/I
211	Раскоп 6, кв. Б',2', гл. –30см	Пластинка бронзовая	60	

Индивидуальные находки 2017 г.

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок. Позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
213	Подъемный материал	Бронзовая обойма ремня	31	Зона 1/II
214	Раскоп 6, кв. Е,2, гл. –10 см	Обрезок бронзовой пластины	61	
215	Раскоп 6, кв. Д,3, гл. –3 см	Обрезок бронзовой пластины	61	
216	Раскоп 6, кв. Д,3, гл. +1 см	Обрезок бронзовой пластины	61	
217	Подъемный материал	Бронзовый тонкий прутик	41	Зона 1/II
218	Подъемный материал	Железный нож	32	Зона 1/I
219	Подъемный материал	Железное долото	33	Зона 1/I
220	Подъемный материал	Бронзовая толстая пластина (фрагмент котла)	43	Зона 1/I
221	Подъемный материал	Фр-т бронзового рельефного изделия	41	Зона 1/I
221а	Подъемный материал	Бронзовая пластина	41	Зона 1/I
222	Подъемный материал	Выплеск бронзы	41	Зона 1/I

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок. Позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
223	Раскоп 6, кв. А,3, гл. –24 см	Обрезок бронзовой пластины	61	
224	Раскоп 6, кв. В,3, гл. –11 см	Выплеск бронзы	61	
225	Подъемный материал	Инструмент железный (маленькое долото)	34	Зона 1/II
226	Подъемный материал	Бронзовая пластина	41	Зона 1/I
227	Подъемный материал	Согнутая бронзовая пластина	41	Зона 1/II
228	Подъемный материал	Изделие бронзовое (заклепка)	31	Зона 1/I
229	Раскоп 6, кв. Ж,4, гл. +21 см	Выплеск бронзы	61	
230	Раскоп 6, кв. Д,3, гл. –7 см	Бронзовая пластина и бронзовый тонкий прутик	61	
231	Раскоп 6, кв. Д,3, гл. –9 см	Бронзовая пластина	61	
232	Раскоп 6, кв. Д,3, гл. –3 см	Выплеск бронзы	61	
233	Раскоп 6, кв. Г,2, –4 см	Выплеск бронзы	61	
234	Подъемный материал	Железное лезвие топора	33	Зона 1/II
235	Раскоп 6, кв. Г,2, гл. –7 см	Выплеск бронзы	61	
236	Раскоп 6, кв. Е,4, гл. +5 см	Выплеск бронзы	61	
237	Раскоп 6, кв. Ж,4, гл. +20 см	Выплеск и бронзовая пластина	61	
238	Раскоп 6, кв. Ж,5, гл. +26 см	Выплеск бронзы		
239	Раскоп 6, кв. Е, 5, гл. +10 см	Бронзовое острие		
240	Раскоп 6, кв. Ж,4, гл. +28 см	Обрезок бронзовой пластины	61	
241	Раскоп 6, кв. Ж,5, гл. +19 см	Выплеск бронзы	61	
242	Подъемный материал	Бронзовая пластина с отверстиями	41	Зона 1/I
243	Подъемный материал	Железная скоба из согнутой пластины	33	Зона 1/I5
244	Раскоп 6, кв. Е,3, гл. –2 см	Выплеск бронзы	61	
245	Раскоп 6, кв. Е,2, гл. –6 см	Обрезок толстой бронзовой пластины (фрагмент котла)	43	
246	Раскоп 6, кв. Г,2, гл. 30 см	Бронзовая пластина	61	
247	Раскоп 6, кв. В,3, гл. –25 см	Бронзовый браслет	64	
248	Подъемный материал	Выплеск бронзы	41	Зона 1/II
249	Подъемный материал	Бронзовая матрица для изготовления накладки геральдического стиля	31	Зона 1/II
250	Раскоп 6, объект 4, яма А, кв. Ж,2, гл. –115 см	Фр-т тигля глиняного	88	
251	Подъемный материал	Нож железный	32	Зона 1/II
251а	Раскоп 6, кв. Ж,5, гл. –5 см	Бронзовая пластина	61	
252	Подъемный материал	Бронзовые свернутые пластины (2 экз.)	41	Зона 1/II
253	Раскоп 6, кв. В,3, гл. –18 см	Серебряная бляшка с нарезками по краям	64	
254	Подъемный материал	Фр-т железного ножа	32	Зона 1/II
255	Раскоп 6, кв. Е,4, гл. –4 см	Бронзовая пластина	61	
256	Раскоп 6, кв. Ж,2, гл.–2 см	Фр-т бронзовой пластины	61	
257	Раскоп 6, кв. Б,3, гл. –18 см	Выплеск бронзы	61	
258	Подъемный материал	Фр-т железного однолезвийного меча	35	Зона 1/II
259	Подъемный материал	Железный пробойник	33	Зона 1/I
260	Подъемный материал	Бронзовая пальчатая фибула	31	Зона 2/II
261	Подъемный материал	Обломок железного лезвия топора	33	Зона 1/I
262	Раскоп 6, кв. Ж,3, гл. +4 см	Фр-т бронзового изделия (пластина с отверстием)	61	
263	Подъемный материал	В-образная железная пряжка	34	Зона 1/II
264	Раскоп 6, кв. Д,2, гл. +6 см	Фр-т головки бронзовой пальчатой фибулы	64	
265	Раскоп 6, кв. Е,3, гл. –4 см	Выплеск бронзы	61	
266	Раскоп 6, кв. Ж,2, гл. +3 см	Выплеск бронзы	61	
267	Раскоп 6, кв. Ж,2, гл. +4 см	Фр-т бронзовой пластины	61	
268	Раскоп 6, кв. Ж,2, гл. –6 см	Фр-т бронзовой пластины	61	
269	Раскоп 6, кв. Ж, гл. 2, 0 см	Фр-т глиняного тигля		
270	Подъемный материал	Бронзовая пластина	41	Зона 1/II
271	Подъемный материал	Нож железный	32	Зона 1/II

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок. Позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
272	Раскоп 6, кв. Ж,2, гл. –6 см	Фр-т глиняного тигля	56	
273	Подъемный материал	Железный пробойник	33	Зона 1/II
275	Подъемный материал	Бронзовый прутик — заготовка изделия	31	Зона 1/II
276	Подъемный материал	Железное зубило (маленькое)	33	Зона 1/II
277	Подъемный материал	Железная булавка	34	Зона 1/II
278	Подъемный материал	Нож железный	32	Зона 1/II
279	Подъемный материал	Железный рыболовный крючок	34	Зона 1/II
281	Раскоп 6, кв. Е,3, гл. –8 см	Фр-т бронзового изделия	64	
282	Раскоп 6, кв. Г-Д, 2–3, гл. 0,2–0,4 м	Обрезок бронзового прутика	61	
283	Раскоп 6, кв. Е-Ж, 2–3, гл. 0,2–0,4 м	Выплеск бронзы	61	
284	Раскоп 6, кв. В,3, гл. –21 см	Слиток бронзы с кусочком стекла		
285	Раскоп 6, кв. Б, 3, –28 см	Бронзовая обойма пряжки со слоем белого металла с внутренней стороны	64	
286	Раскоп 6, кв. Б,3, гл. –31 см	Фр-т бронзового браслета	64	
287	Раскоп 6, кв. Б,3, гл. –31 см	Выплеск бронзы	61	
288	Раскоп 6, кв. Е,6, гл. +15 см	Фр-т бронзового изделия с ребром (обломок котла)	64	
289	Раскоп 6, кв. Ж,7, гл. +10 см	Фр-т бронзовой толстой пластины (фрагмент котла)	43	
290	Раскоп 6, кв. Е,4, гл. –10 см	Выплеск бронзы	61	
291	Раскоп 6, кв. Ж,5, гл. –5 см	Выплеск бронзы	61	
292	Раскоп 6, кв. В,3, гл. –27 см	Бракованная бронзовая отливка пальчатой фибулы	64	
293	Раскоп 6, кв. Б,3, гл. –40 см	Выплеск бронзы	61	
294	Подъемный материал	Бронзовая пластина	41	Зона 1/II
295	Раскоп 6, кв. Б,3, гл. –39 см	Выплеск бронзы	61	
296	Раскоп 6, кв. Б,3, гл. –38 см	Бронзовая пластина	61	
297	Раскоп 6, кв. Б,3, гл. –42 см	Фр-т бронзового прутика	61	
298	Раскоп 6, кв. А,2, гл. 0,2–0,4 м	Фр-т бронзового прутика	61	
299	Раскоп 6, кв. В,2, гл.0,2–0,4 м	Бронзовое колечко	64	
300	Раскоп 6, кв. Е,6, гл. +5 см	Фр-т рельефного бронзового изделия (фр-т котла?)	64	
301	Раскоп 6, кв. Ж,6, +10 см	Бронзовая пластина	61	
302	Раскоп 6, кв. Б,3, гл. –36 см	Бронзовая игла с плоской верхней частью	64	
303	Раскоп 6, кв. Е, 6, +14 см	Бронзовая пластина		
304	Раскоп 6, кв. Б,3, гл. –22 см	Прутик из бронзы	61	
305	Раскоп 6, кв. Е,4, гл. –7 см	Бронзовая пластина	61	
306	Раскоп 6, кв. А-Б, 3, культурный слой	Серебряная накладка с зубчиками по краям	64	
307	Раскоп 6, кв. А,3, гл. –49 см	Бронзовая пластина	61	
308	Раскоп 6, кв. А,3, гл. –49 см	Выплеск бронзы	61	
309	Раскоп 6, кв. Ж,2, гл. +1 см	Глиняное пряслице	65	
310	Раскоп 6, кв. Б,3, гл. –45 см	Бронзовая пластина	61	
311	Раскоп 6, кв. Е,4, гл.–8 см	Бронзовая пряжка	64	
312	Раскоп 6, кв. А, 3, гл. –55 см	Две бронзовые пластины с отверстиями	61	
313	Раскоп 6, культурный слой	Выплеск бронзы	61	
314	Раскоп 6, кв. А,3, –58 см	Фр-т бронзового прутика	61	
315	Подъемный материал	Фр-т зеркала	31	Зона 1/I
315а	Раскоп 6, кв. В,3, гл. –33 см	Бронзовая пластина	61	
316	Раскоп 6, кв. Е,7, гл. –6 см	Бронзовая пластина	61	
317	Раскоп 6, кв. А,3, гл. –51 см	2 выплеска бронзы	61	
318	Раскоп 6, кв. Д,5, гл. –8 см	Выплеск бронзы	61	
319	Раскоп 6, кв. А,3, гл. –40 см	Выплеск бронзы	61	

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок. Позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
320	Раскоп 6, кв. Г,4, гл. –11 см	Бронзовая пластина		
321	Раскоп 6, кв. Ж,1’, гл. –3 см	Выплеск бронзы	61	
322	Раскоп 6, кв. Е,1’, гл. +1 см	Бронзовая пластина	61	
323	Раскоп 6, кв. Д,4, гл. –3 см	Выплеск бронзы	61	
325	Раскоп 6, кв. Д,4, гл. –4 см	Выплеск бронзы	61	
326	Раскоп 6, кв. Д,4, гл. –10 см	Выплеск бронзы	61	
327	Раскоп 6, объект 4, развал 5, гл. –10 см,	Бронзовая толстая пластина (фрагмент котла)	86	
327а	Раскоп 6, кв. Г,4, гл. –3 см	Выплеск бронзы	61	
328	Раскоп 6, объект 4, (пятно 2), гл. –7 см	Бронзовый тонкий прутик	86	
329	Раскоп 6, объект 4, темный слой (пятно 3)	Бронзовая пластина	86	
330	Раскоп 6, кв. Ж,1’, гл. –7 см	Бронзовая пластина	61	
331	Раскоп 6, кв. Ж,1’, гл. –9 см	Выплеск бронзы	61	
332	Раскоп 6, объект 4, заполнение	Выплеск бронзы	86	
333	Раскоп 6, кв. Д,5, гл. –10 см	Фр-т бронзового прутика	61	
334	Раскоп 6, кв. Д,5, гл. –16 см	Выплеск бронзы	61	
335	Раскоп 6, кв. Д,5, гл. –18 см	Выплеск бронзы	61	
336	Раскоп 6, объект 4, гл. –15 см	Выплеск бронзы	86	
337	Подъемный материал	Бронзовая матрица для наконечника ремня	31	Зона 1/I
338	Раскоп 6, объект 4, темный слой (пятно 3)	Выплеск бронзы	86	
339	Раскоп 6, кв. Д,5, гл. –18 см	Бронзовая пластина	61	
340	Раскоп 6, кв. Г,5, гл. –10 см	Бронзовая пластина	61	
341	Раскоп 6, кв. Г,4, гл. –16 см	Бронзовая пластина	61	
342	Раскоп 6, кв. Д,4, гл. –15 см	Бронзовая пластина	61	
343	Раскоп 6, объект 4, темный слой (пятно 3)	Бронзовая пластина	86	
344	Раскоп 6, объект 4, темный слой (пятно 3)	Выплеск бронзы	86	
345	Раскоп 6, кв. Г,1’, гл. –10 см	Пластина бронзовая	61	
346	Раскоп 6, кв. Г,1’, гл. –9 см	Пластина бронзовая	61	
347	Раскоп 6, кв. Г,1’, –9 см	Выплеск бронзы	61	
348	Раскоп 6, кв. Г,1’, гл. –19 см	Бронзовая пластина	61	
349	Раскоп 6, объект 4, темный слой (пятно 3)	Бронзовая заклепка	86	
350	Раскоп 6, объект 4, темный слой (пятно 3)	Выплеск бронзы	86	
351	Раскоп 6, объект 4, яма А, –27 см	Выплеск бронзы	87	
352	Раскоп 6, объект 4, темный слой (пятно 3), –8 см	Бронзовая пластина (свернутая)	86	
353	Раскоп 6, объект 4, яма А, –35 см	Выплеск бронзы	87	
354	Подъемный материал	Слиток бронзы («коготь»)	61	Зона 1/I
355	Подъемный материал	Фр-т зеркала	31	Зона 1/II
356	Подъемный материал	Фр-т железной булавки	34	Зона 1/II
357	Раскоп 6, кв. Д,5, гл. –29 см	Выплеск бронзы	61	
358	Раскоп 6, кв. В,3, гл. –27 см	Бронзовая пластина (толстая, фрагмент котла)	61	
359	Раскоп 6, объект 4, –10 см	Бронзовый прутик (тонкий)	86	
360	Подъемный материал	Изделие железное (дужка ведра?)	35	Зона 1/I
361	Подъемный материал	Бронзовый тонкий прутик	41	Зона 2/II
362	Раскоп 6, культурный слой	Выплеск бронзы	61	

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок. Позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
363	Раскоп 6, кв. Б,4, гл. –30 см	Бронзовая пластина	61	
364	Раскоп 6, кв. Б,4, гл. –28 см	Выплеск бронзы	61	
365	Раскоп 6, кв. В,5, гл. –14 см	Пробойник железный	65	
366	Раскоп 6, кв. А’,5, гл. –38 см	Бронзовая пластина	61	
367	Раскоп 6, кв. В,4, гл. –19 см	Бронзовый тонкий прутик	61	
368	Раскоп 6, кв. Б’,4, гл. –44 см	Бронзовая пластина	61	
369	Раскоп 6, кв. Б’,5, гл. –50 см	Бронзовая пластина	61	
370	Раскоп 6, кв. Б’,5, гл. –46 см	Бронзовая пластина	61	
371	Раскоп 6, кв. Б’,5, гл. –41 см	Выплеск бронзы	61	
372	Раскоп 6, кв. А’5, гл. –41 см	Бронзовая пластина	61	
373	Подъемный материал	Нож железный, согнутый, как скоба	32	Зона 2/I
375	Раскоп 6, кв. Б’,4, гл. –53 см	Бронзовый прутик (целый)	64	
376	Раскоп 6, кв. А’,4, гл. –50 см	Бронзовая матрица для изготовления наконечника ремня	64	
377	Раскоп 6, кв. А,5, гл. –41 см	Выплеск бронзы	61	
378	Раскоп 6, кв. А’,4, гл. –51 см	Бронзовая пластина	61	
379	Раскоп 6, кв. А’, 4, –43 см	Выплеск бронзы	61	
380	Раскоп 6, кв. А’,4, гл. –53 см	Фр-т железного ножа	65	
381	Раскоп 6, кв. Б,5, гл. –23 см	Обрезок бронзового прутика	61	
382	Раскоп 6, кв. В,4, гл. –9 см	Выплеск бронзы	61	
384	Раскоп 6, кв. А’,5, гл. –51 см	Бронзовая пластина	61	
385	Раскоп 6, кв. А’,4, гл. –54 см	Выплеск бронзы	61	
386	Раскоп 6, кв. А’,5, гл. –41 см	Бронзовая пластина	61	
387	Раскоп 6, кв. Б’,4, гл. –53 см	Фр-т бронзового изделия (заклепки)	64	
388	Подъемный материал	Бронзовая гирька-экзагий	31	Зона 2/I
389	Раскоп 6, кв. З,2, гл. +7 см	Глиняный тигель	56	
391	Раскоп 6, кв. В,4, гл. –27 см	Выплеск бронзы	61	
392	Раскоп 6, кв. А,4, гл. –43 см	Бронзовый прутик	61	
393	Раскоп 6, кв. Е,3, гл. –5 см	Бронзовая пластина	61	
394	Раскоп 6, кв. Д,3, гл. –20 см	Обрезок бронзового прутика	61	
395	Раскоп 6, кв. Д,3, гл. –8 см	Бронзовая пластина	61	
396	Подъемный материал	Железные удила	34	Зона 2/I
397	Раскоп 6, кв. А’,4, гл. –47 см	Бронзовый прутик	61	
398	Раскоп 6, объект 4, яма А, гл. –60 см	2 фр-та зеркала из белого сплава	88	
399	Раскоп 6, кв. В,1’, гл. –20 см	Инструмент железный (пробойник)	65	
400	Раскоп 6, кв. А,5, –53 см	Каменный терочник	65	
401	Раскоп 6, объект 4, яма А, гл. –65 см	Бронзовая пластина и выплеск бронзы	87	
402	Подъемный материал	Нож железный со слегка изогнутой спинкой	32	Зона 2/I
403	Подъемный материал	Бронзовый язычок пряжки	31	Зона 2/I
404	Подъемный материал	Фр-т бронзового браслета или височного кольца	31	Зона 2/I
405	Подъемный материал	Железный рыболовный крючок	34	Зона 2/I
406	Раскоп 6, объект 4, яма А, заполнение	Фр-т бронзового прутика	87	
407	Раскоп 6, объект 4, яма А, гл. –75 см	Бронзовый прутик	87	
408	Раскоп 6, кв. А’, 4, гл. –47 см	Фр-т бронзового прутика	61	
409	Раскоп 6, объект 4, яма А, кв. Ж,2, гл. –75 см	Глиняное подлощенное пряслице	88	
410	Раскоп 6, объект 4, яма А	Выплеск бронзы	87	
411	Раскоп 6, кв. Д, 5, –54 см	Выплеск бронзы	61	
412	Раскоп 6, объект 4, яма А, гл. –70 см	Выплеск бронзы	87	
413	Раскоп 6, кв. А’,4, гл. –60 см	Бронзовая пластина	61	

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок. Позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
414	Раскоп 6, объект 4, яма А, гл. –75 см	Глиняный тигель	88	
414а	Раскоп 6, объект 4, яма А, гл. –73 см	Глиняный тигель (фр-ты склеились с №414)	88	
415	Подъемный материал	Серп железный с зубчиками на лезвии (из 2-х фр-тов)	33	Зона 2/I
416	Раскоп 6, объект 4, яма А, гл. –64 см, кв. Ж,2.	Глиняный тигель	88	
417	Раскоп 6, объект 4, яма А, гл. –83 см	Бронзовый прутик	87	
418	Раскоп 6, объект 4, яма А, заполнение	Выплеск бронзы	87	
419	Раскоп 6, кв. А’,2, гл. –29 см	Фр-т рельефного бронзового изделия (обломок котла)	64	
420	Раскоп 7, кв. А,4, гл. –85 см	Выплеск бронзы	69	
421	Раскоп 6, объект 4, яма А, гл. –10 см	Железная поковка	88	
422	Раскоп 6, объект 4, яма А, заполнение	Бронзовая пластина	87	
423	Раскоп 6, объект 4, яма А, –28 см	Выплеск бронзы	87	
424	Раскоп 7, кв. А,1, гл. –100 см	Выплеск бронзы	69	
425	Раскоп 7, кв. А,5, гл. –108 см	Пластина бронзовая	69	
426	Раскоп 6, кв. Б’,2, гл. –46 см	Выплеск бронзы	61	
427	Раскоп 6, кв. А’,2, гл. –47 см	Пластина бронзовая	61	
428	Раскоп 6, объект 4, яма А, гл. –115 см	Каменный оселок	88	
429	Раскоп 7, кв. А,4, гл. –92 см	Инструмент железный	69	
430	Раскоп 7, кв. А,1–2, гл. 0–0,2 м	Пластина бронзовая	69	
431	Раскоп 6, кв. Д,5, гл. –28 см	Слиток бронзовый	61	
432	Подъемный материал	3 деформированные бронзовые пластины, 2 — с отверстиями, 1 — с заклепкой	41	Зона 2/I
433	Подъемный материал	Наконечник стрелы железный		Зона 2/I
434	Раскоп 6, объект 4, яма А, гл. 0,8 м	Фр-т бронзового прутика	87	
435	Раскоп 7, кв. А,3, гл. –105 см	Глиняное подлощенное пряслице	69	
436	Раскоп 7, кв. А,3, гл. –107 см	Выплеск бронзы	69	
437	Раскоп 6, кв. Б’,1, гл. –49 см	Фр-т бронзового рельефного изделия	64	
438	Раскоп 7, кв. А,4, гл. –87 см	Стеклянная фиолетовая бусина	69	
439	Раскоп 6, объект 4, яма А, гл. 0,92 м	Выплеск бронзы	87	
440	Раскоп 6, кв. Б’,2, гл. –45 см	Бронзовая проколка, заостренная с двух концов	64	
441	Раскоп 6, кв. Б’,2, гл. –62 см	Бронзовый прутик	61	
442	Раскоп 6, развал 2, гл. –15 см	Бисерина стеклянная	80	
443	Раскоп 6, развал 2, –15 см	Фр-т бронзовой пластины	80	
444	Раскоп 6, развал 2, гл. –3 см	Бисерина стеклянная	80	
445	Раскоп 6, развал 2, гл. –3 см	Глиняное пряслице	80	
446	Раскоп 6, развал 2	Бисерина стеклянная	80	
447	Раскоп 6, кв. А-В, 4, гл. 0–0,2 м	Фр-т бронзовой пластины		
448	Раскоп 6, кв. А,4, гл.–36 см	Выплеск бронзы	61	
449	Раскоп 6, кв. Б,4, гл.–38 см	Выплеск бронзы	61	
450	Раскоп 6, кв. Б,4, гл. –40 см	Выплеск бронзы	61	
451	Раскоп 6, кв. Б’,2, гл. –51 см	Выплеск бронзы	61	
452	Раскоп 6, кв. А’,2, гл. –55 см,	Фр-т бронзовой пластины с заклепкой	64	

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок. Позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
453	Раскоп 6, кв. А',2, гл. –53 см	Нож железный	65	Зона 2/I
454	Подъемный материал	Нож железный со слегка изогнутой спинкой	32	Зона 2/I
455	Подъемный материал	Стамеска железная	33	Зона 2/I
456	Подъемный материал	Стамеска железная	33	Зона 2/I
457	Подъемный материал	Нож железный	32	Зона 2/I
458	Подъемный материал	Бронзовый прутик	41	Зона 2/I
459	Раскоп 6, кв. А',2, гл. –55 см	Глиняное пряслице	65	
460	Раскоп 6, объект 4, над ямой А, гл. +1 см	Бронзовый прутик	86	
461	Раскоп 7, кв. А, 8, –103 см	Пластина бронзовая	69	
462	Раскоп 7, культурный слой	Железный инструмент	69	
463	Раскоп 6, культурный слой	Выплеск бронзы	61	
464	Раскоп 6, кв. В,4, гл. –35 см	Выплеск бронзы	61	
465	Раскоп 6, кв. В,4, гл. –35 см	Выплеск бронзы	61	
466	Раскоп 7, кв. А,7, гл. –104 см	Глиняное пряслице	69	
467	Раскоп 6, кв. Б,4, гл. –34 см	Железная игла (фибулы?)	65	
468	Раскоп 6, кв. Б,4, гл. –36 см	Фр-т ножа железного (черешок)	65	
469	Раскоп 6, кв. Б',2, гл. –53 см, объект 19	Фр-т бронзовой серьги	81	
470	Раскоп 6, кв. А',3, гл. — 61 см,	Фр-т бронзового браслета	64	
471	Подъемный материал	Фр-т рельефного бронзового изделия (обломок котла)	43	Зона 2/I
472	Подъемный материал	Выплеск бронзы	41	
474	Подъемный материал	Бронзовый наконечник ремня геральдического стиля	31	Зона 2/I
475	Подъемный материал	Матрица пальчатой фибулы	31	Зона 2/I
476	Подъемный материал	Фр-т бронзового антропоморфного амулета	31	Зона 2/I
477	Раскоп 6, кв. Б',2, гл. –67 см, объект 19	Бронзовый прутик	81	
478	Раскоп 7, кв. Б,4, гл. –100 см	Бронзовая коробчатая подвеска	69	
479	Раскоп 7, кв. В,4, гл. –117 см	Фр-т бронзового браслета с расплющенным концом	69	
480	Раскоп 7, кв. Б,2, гл. –104 см	Фр-т зеркала из белого сплава	69	
481а	Раскоп 7, кв. Б,2, гл. –97 см	Наконечник стрелы железный	69	
482	Раскоп 7, кв. Б,1, гл. –116 см	Пряжка железная (рама)	69	
483	Подъемный материал	Бронзовая толстая пластина (фрагмент котла)	43	Зона 2/I
484	Подъемный материал	Серьга бронзовая	31	Зона 2/I
485	Подъемный материал	Бронзовая обойма пряжки	31	Зона 2/I
486	Раскоп 7, кв. Б,1, гл. –114 см	Ф-т миниатюрного сосуда	69	
487	Подъемный материал	Железный нож		Зона 2/I
487а	Раскоп 7, кв. Б,2', гл. –104 см	Железный рыболовный крючок	69	
488	Подъемный материал	Железный нож со слегка изогнутой спинкой	32	Зона 2/I
489	Раскоп 6, кв. Г',1, гл. –53 см	Бронзовая пластина	61	
490	Подъемный материал	Железный резец	33	Зона 2/I
491	Подъемный материал	Нож железный	32	Зона 2/I
492	Подъемный материал	Нож железный	32	Зона 2/I
493	Подъемный материал	Нож железный	32	Зона 2/I
494	Подъемный материал	Нож железный	32	Зона 2/I
495	Раскоп 6, кв. Г',2, гл. –64 см	Железный пробойник (фр-т)	65	
496	Раскоп 6, кв. В',1, гл. –50 см	Бронзовая пластина	61	
497	Раскоп 7, культурный слой	Фр-т железного изделия (крючок)	69	
498	Раскоп 6, кв. В',1, гл. –78 см	Железный пробойник	65	
499	Раскоп 6, кв. Г',1, гл. –75 см	Фр-т бронзовой пластины	61	
500	Раскоп 6, культурный слой	Фр-т бронзовой пластины	61	

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок. Позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
501	Подъемный материал	Бронзовая пряжка геральдического стиля	31	Зона 2/I
502	Подъемный материал	Бронзовая матрица для изготовления накладки геральдического стиля	31	Зона 2/I
503	Подъемный материал	Крючок железный (коромысло весов?)	35	Зона 2/I
504	Подъемный материал	Железная поковка	33	Зона 2/I
505	Подъемный материал	Крючок железный (коромысло весов?)	35	Зона 2/I
506	Подъемный материал	Железное изделие (фр-т косы?)	33	Зона 2/II
507	Подъемный материал	Инструмент железный	33	Зона 2/II
508	Подъемный материал	Нож железный	32	Зона 2/II
509	Подъемный материал	Нож железный	32	Зона 2/II
510	Раскоп 8, кв. Г,1, гл. +1 см	Фр-т бронзовой пластины с ребрами (обломок котла)	107	
511	Раскоп 8, кв. В,2, гл. +9 см	Бронзовая пластина с отверстием	107	
512	Подъемный материал	Бронзовый прутик	41	Зона 2/II
513	Раскоп 8, кв. Ж,1, гл. +25 см	Бронзовое кольцо височное	107	
514	Раскоп 8, кв. З,1, гл. +35 см	Пластина бронзовая		
515	Раскоп 8, кв. Г,2, гл. +12 см	Фр-т глиняного пряслица	107	
516	Раскоп 8, кв. В,1, гл. –4 см	Бронзовая полиэдрическая серьга	107	
517	Подъемный материал	Свинцовая накладка (пуговица?)	31	Зона 2/II
518	Подъемный материал	Бронзовая полиэдрическая серьга	31	Зона 2/II
519	Подъемный материал	Бронзовая булавка	31	Зона 2/II
520	Раскоп 6, кв. Г’,1, гл. –74 см	Глиняное пряслице	65	
521	Раскоп 6, кв. В’-Г’, 1–2, гл. –0,3 м	Бронзовая пластина	61	
522	Подъемный материал	Бронзовая толстая пластина (фрагмент котла)	43	Зона 2/II
523	Подъемный материал	Бронзовая толстая пластина (фрагмент котла)	43	Зона 2/II
524	Подъемный материал	Фр-т зеркала	31	Зона 2/II
525	Подъемный материал	Железный инструмент	33	Зона 2/II
526	Подъемный материал	Бронзовая пластина	41	Зона 2/II
527	Подъемный материал	Выплеск бронзы	41	Зона 2/II
528	Подъемный материал	Выплеск бронзы	41	Зона 2/II
529	Подъемный материал	Выплеск бронзы	41	Зона 2/II
530	Подъемный материал	В-образная железная пряжка	34	Зона 2/II
531	Подъемный материал	Железная пряжка	34	Зона 2/II
532	Подъемный материал	Ручка железная (от ведра или деревянного сосуда)	34	Зона 2/II
533	Раскоп 6, кв. В’-Г’, 1–2, гл. 0,5 м	Бронзовая иголка с плоским ушком	64	
534	Раскоп 7, кв. А, 5–6, гл. 0,4–0,5 м	Железный наконечник стрелы	69	
535	Раскоп 7, кв. Б,1’, гл. –109 см	Глиняная льячка (фр-т)	69	
536	Раскоп 7, кв. В,1’, гл. –115 см	Глиняное грузило	69	
537	Раскоп 6, кв. В’-Г’, 1–2, гл. 0,4–0,5 м	Заклепка бронзовая	64	
538	Раскоп 6, кв. Г’,2, гл. –83 см	Бронзовая пластина	61	
539	Раскоп 6, кв. Г’,1, гл. –67 см	Бронзовая пластина	61	
540	Подъемный материал	Бронзовый антропоморфный амулет	31	Зона 1/II
541	Подъемный материал	Железный рыболовный крючок	34	Зона 1/II
542	Подъемный материал	Железный наконечник стрелы	35	Зона 1/II
543	Подъемный материал	Железный наконечник стрелы (бронебойный)	35	Зона 1/II
544	Подъемный материал	Бронзовое кольцо	31	Зона 1/II
545	Подъемный материал	Бронзовая накладка ременная малая	31	Зона 1/II
546	Подъемный материал	Фр-т зеркала	31	Зона 1/II

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок. Позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
547	Подъемный материал	2 фр-та пластин, один — с заклепкой	41	Зона 1/II
548	Подъемный материал	Выплеск бронзы	41	Зона 1/II
549	Подъемный материал	Выплеск бронзы	41	Зона 1/II
550	Раскоп 6, кв. В',3, гл. –48 см	Пластина бронзовая	61	
551	Раскоп 6, кв. В',3, гл. –60 см	Предмет железный	65	
552	Раскоп 8, кв. Ж,1, гл. +18 см	Глиняное пряслице	107	
553	Раскоп 6, кв. В',3, гл. –67 см	Бронзовая пластина	61	
554	Раскоп 6, кв. Г', 3, –73 см	Выплеск бронзы	61	
555	Раскоп 6, кв. Г',3, гл. –65 см	Выплеск бронзы	61	
556	Раскоп 6, кв. Г',3, гл. –68 см	Бронзовая пластина	61	
557	Раскоп 7, объект 9, нижний горизонт (глина и гумус), гл. –215 см	Глиняное пряслице	69	
558	Подъемный материал	Бронзовая пластина (толстая, фрагмент котла)	43	Зона 1/II

Индивидуальные находки 2018 г.

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок, позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
559	Подъемный материал	Серп железный	37	Зона 2/ II
560	Подъемный материал	Чекан железный	38	Зона 2/ II
561	Подъемный материал	Комплекс инструментов из железа (29 экз.)	39	Севернее зоны 1
563	Подъемный материал	Фибула пальчатая из бронзы	36	Зона 2/ II
565	Подъемный материал	Удила железные	37	Севернее зоны 1
567	Подъемный материал	Пряжка железная, Бронзовая пластинка	37	Севернее зоны 1
568	Подъемный материал	Бритва железная	37	Севернее зоны 1
569	Подъемный материал	Удила железные	37	Севернее зоны 1
570	Подъемный материал	Ручка железная	37	Зона 1/III
571	Подъемный материал	Рыболовный крючок железный	37	Зона 1/III
572	Подъемный материал	Зеркало из белого сплава (фр-т)	36	Зона 1/III
573	Подъемный материал	Инструмент железный (стамеска)	38	Зона 1/III
574	Подъемный материал	Инструмент железный (пробойник)	38	Зона 1/III
575	Подъемный материал	Инструмент железный (напильник)	38	Зона 1/III
576	Подъемный материал	Рыболовный крючок (железный)	37	Зона 1/III
577	Подъемный материал	Выплеск бронзы	42	Зона 1/III
578	Подъемный материал	Инструмент железный (сверло)	38	Зона 1/III
579	Подъемный материал	Нож железный	36	Зона 1/III
580	Подъемный материал	Пластинка бронзовая	42	Зона 1/III
582	Подъемный материал	Прутик бронзовый (расплющенный)	42	Зона 1/I
583	Подъемный материал	Подвеска железная	37	Зона 3
584	Подъемный материал	Выплеск бронзы	42	Зона 1/I
585	Подъемный материал	Прутик бронзовый	42	Зона 1/I
586	Подъемный материал	Пластинка бронзовая	42	Зона 1/I
587	Подъемный материал	Выплеск бронзы	42	Зона 1/I
588	Подъемный материал	Пластинка бронзовая согнутая	42	Зона 1/I
589	Подъемный материал	Подвеска коробчатая (бронза)	36	Зона 3
590	Подъемный материал	Пластинка бронзовая	42	Зона 1/I
591	Подъемный материал	Пробойник железный	38	Зона 3
592	Подъемный материал	Инструмент железный (сверло?)	38	Зона 3
593	Подъемный материал	Нож железный (фр-т)	36	Зона 3
594	Подъемный материал	Нож железный (фр-т)	36	Зона 3
595	Подъемный материал	Нож железный (фр-т)	36	Зона 3
596	Подъемный материал	Игла железная (фр-т)	38	Зона 3
597	Подъемный материал	Инструмент железный (резец)	38	Зона 3

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок, позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
598	Подъемный материал	Нож железный	36	Зона 3
599	Подъемный материал	Нож железный	36	Зона 3
600	Подъемный материал	Инструмент железный (крюк)	38	Зона 3
601	Раскоп 6, культурный слой	Выплеск бронзы	62	
602	Раскоп 6, кв. Е’1, гл. –84 см	Пробойник железный (фр-т)	37	
603	Раскоп 6, кв. Д’1, гл. — 62 см	Пластинка бронзовая	62	
604	Раскоп 6, кв. Д’3, гл. –63 см	Пластинка бронзовая	62	
605	Раскоп 6, кв. Д’1, гл. –63 см	Пластинка бронзовая	62	
606	Раскоп 6, культурный слой	Накладка (белый металл)	66	
607	Подъемный материал	Пластинка бронзовая	42	Зона 1/I
608	Подъемный материал	Прутик бронзовый расплющенный	42	Зона 1/I
609	Подъемный материал	Шайба свинцовая	36	Зона 1/I
610	Раскоп 6, кв. Е’2, гл. –83 см	Пластинка бронзовая	62	
611	Раскоп 6, кв. Д’1, гл. –81 см	Пластинка бронзовая	62	
612	Раскоп 6, кв. Г’,1’, гл. –50 см	Накладка костыльковая из бронзы (смята)	66	
613	Раскоп 6, кв. В’,1’, гл. –44 см	Пластинка бронзовая свернутая	62	
614	Раскоп 6, кв. Д’,1, гл. –79 см	Пластинка бронзовая	62	
615	Раскоп 6, кв. В’,3’, гл. –60 см	Пластинка бронзовая	62	
616	Раскоп 6, кв. В’,2’, гл. –58 см	Пластинка бронзовая утолщенная	62	
617	Раскоп 6, кв. Г’,3’, гл. –65 см	Прутик бронзовый	63	
618	Раскоп 6, кв. В’,3’, гл. –65 см	Прутик бронзовый расплющенный	63	
619	Раскоп 6, кв. Д’,2, гл. –93 см	Выплеск бронзы	100	
620	Раскоп 6, кв. Г’,3’, гл. –68 см	Пластинки бронзовые (2 экз.)	62	
621	Раскоп 6, кв. Г’,3’, гл. –73 см	Наконечник ремня из бронзы (геральдического стиля)	66	
622	Раскоп 6, кв. Г’,1’, гл. –57 см	Прутик бронзовый (со следами работы)	63	
623	Раскоп 6, кв. Г’,1’, гл. –56 см	Фибула бронзовая раннего Средневековья (фр-т спинки)	66	
624	Раскоп 6, кв. В’,2’, гл. –65 см	Прутик бронзовый расплющенный	63	
625	Раскоп 6, кв. Г’,1’, гл. –69 см	Прутик бронзовый	63	
626	Раскоп 6, кв. В’,2’, –58 см	Пластинка бронзовая	62	
627	Раскоп 6, кв. Д’,1, гл. –89 см	Прутик бронзовый со следами работы	63	
628	Раскоп 6, кв. В’,3’, гл. –73 см	Зеркало из белого металла (фр-т)	66	
629	Раскоп 6, кв. В’,2’, гл. –61 см	Пробойник железный	67	
630	Раскоп 6, кв. В’,2’, гл. –66 см	Инструмент железный	67	
631	Раскоп 6, кв. В’,3’, гл. –68 см	Пластинка бронзовая	62	
632	Раскоп 6, кв. В’,2’, гл. –70 см	Пластинка бронзовая	62	
633	Раскоп 6, кв. Г’,1’, гл. –63 см	Поковка железная	67	
634	Раскоп 6, кв. Г’,1’, гл. –86 см	Пластинка бронзовая	62	
635	Раскоп 6, кв. Г’,3’, гл. –84 см	Заклепка бронзовая	62	
636	Раскоп 6, кв. В’,3’, гл. –72 см	Пластинка бронзовая	62	
637	Раскоп 6, кв. В’,3’, гл. –68 см	Пластинка бронзовая	62	
638	Раскоп 6, кв. В’,2’, гл. –60 см	Пластинка бронзовая	62	
639	Раскоп 6, кв. В’,3’, –74 см	Прутик бронзовый	63	
640	Раскоп 6, кв. Б’,1, гл. –33 см	Прутик бронзовый расплющенный (фр-т)	63	
641	Раскоп 6, кв. Г’,3’, –81 см	Зеркало из белого сплава (фр-т)	66	
642	Раскоп 6, кв. В’,3’, гл. –73 см	Пластинка бронзовая	62	
643	Раскоп 6, кв. Г’,1’, гл. –22 см	Выплеск бронзы	62	
644	Раскоп 6, объект 21, гл. –97 см	Пряслице глиняное	100	
645	Раскоп 6, кв. В’,3’, гл. –66 см	Пластинка бронзовая	62	
646	Раскоп 6, кв. Д’,1’, гл. –64 см	Выплеск бронзы	62	
647	Раскоп 6, кв. Е’,3’, гл. –66 см	Пластинка бронзовая	62	

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок, позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
648	Раскоп 6, кв. Д',2', гл. –73 см	Браслет бронзовый (фр-т)	66	
649	Раскоп 6, кв. Е',1', гл. –81 см	Пластинка бронзовая	62	
650	Раскоп 6, кв. Е',2', гл. — 76 см	Прутик бронзовый расплющенный	63	
651	Раскоп 6, кв. Д',3', гл.– 73 см	Прутик бронзовый расплющенный	63	
652	Раскоп 6, кв. Е',1', гл. –84 см	Пластинка бронзовая	62	
653	Раскоп 6, кв. Д',1', гл. –82 см	Накладка бронзовая	66	
654	Раскоп 6, кв. Е',1', гл. –84 см	Пластинка бронзовая	62	
655	Раскоп 6, объект 30, –102 см	Фр-ты двух глиняных грузил	103	
656	Раскоп 6, кв. Д',5', гл. –79 см	Браслет бронзовый	66	
657	Раскоп 6, кв. Е',5', гл. –88 см	Грузило глиняное	68	
658	Раскоп 6, культурный слой	Пластинка бронзовая (толстая)	62	
659	Раскоп 6, кв. Е',1', гл. –92 см	Пластинка бронзовая (свернутая)	62	
660	Раскоп 6, объект 21, развал 7, гл. –80 см	Грузило глиняное	99: 10	
661	Раскоп 6, объект 21, развал 7, гл. –80 см	Грузило глиняное	99: 11	
662	Раскоп 6, объект 30, гл. –111 см	Фр-ты двух глиняных грузил	103	
663	Раскоп 6, кв. Д',4', гл. –87 см	Пластинка бронзовая (толстая)	62	
664	Раскоп 6, кв. Д',5', гл. –88 см	Прутик бронзовый (фр-т)	63	
665	Раскоп 6, кв. Е',1', гл. –93 см	Пряслице глиняное орнаментированное наколами	68	
666	Раскоп 6, кв. Д',1', гл. –89 см	Пряслице глиняное (фр-т)	68	
667	Раскоп 6, кв. А',5', гл. –19 см	Пластинки бронзовые (2 экз.)	62	
668	Раскоп 6, кв. Е',3', гл. –100 см	Бритва железная (фр-т)	67	
669	Раскоп 6, кв. В',5', гл. –74 см	Прутик бронзовый расплющенный или заготовка браслета	63	
670	Раскоп 6, кв. Г',4', гл. –60 см	Пластинка бронзовая	62	
671	Раскоп 6, кв. А',4', гл. –66 см	Изделие из бронзы (фр-т)	62	
672	Раскоп 6, кв. Б',4', гл. –37 см	Выплеск бронзы	62	
673	Раскоп 6, кв. Б',4', гл. –50 см	Выплеск бронзы	62	
674	Раскоп 6, кв. Г',4', гл. –72 см	Пронизь бронзовая	66	
675	Раскоп 6, объект 21, кв. Д',4, гл. –82 см	Пластинка бронзовая	100	
676	Раскоп 6, кв. В',5', гл. –72 см	Выплеск бронзы	62	
677	Раскоп 6, кв. В',5', гл. –65 см	Прутик бронзовый	62	
678	Раскоп 6, кв. Б', 5', гл. –60 см	Выплеск бронзы	62	
679	Раскоп 6, кв. А', 5', –53 см	Фр-т бронзового котла	62	
680	Раскоп 6, кв. Е',5, гл. — 97 см	Выплеск бронзы	62	
681	Подъемный материал	Пластинка бронзовая	42	Зона 1/I
682	Подъемный материал	Выплеск бронзы	42	Зона 1/I
683	Раскоп 6, кв. В',4, гл. –56 см	Прутик бронзовый (фр-т)	63	
684	Раскоп 6, кв. А',5', гл. –57 см	Пластинка бронзовая		
685	Раскоп 6, кв. Г',4, гл. –55 см	Глиняное пряслице (фр-т)	68	
686	Раскоп 6, кв. Г',4, гл. — 64 см	«Хлебец» глиняный с отверстием	68	
687	Раскоп 6, кв. Д',5, гл. –89 см	Заклепка бронзовая (из пластин)	62	
688	Раскоп 6, кв. В',4, гл. –68 см	Нож железный (фр-т)	67	
690	Раскоп 6, кв. Б,3', гл. –19 см	Выплеск бронзы	62	
691	Раскоп 6, кв. Б,3', гл. –19 см	Пластинка бронзовая	62	
692	Раскоп 6, кв. Б,2', гл. –8 см	Шлак керамический с включениями бронзы	62	
693	Подъемный материал	Выплеск бронзы	42	Зона 1/I
694	Подъемный материал	Пластинка бронзовая (скрученная)	42	Зона 1/I
695	Подъемный материал	Выплеск бронзы	42	Зона 1/I

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок, позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
696	Подъемный материал	Пластинка бронзовая	42	Зона 1/I
697	Подъемный материал	Выплеск бронзы	42	Зона 1/I
698	Подъемный материал	Выплеск бронзы	42	Зона 1/I
699	Подъемный материал	Пластинка бронзовая	42	Зона 1/I
700	Раскоп 6, кв. В’, 4’, –60 см	Пластинка бронзовая	62	
701	Раскоп 6, восточная часть, культурный слой	Прутик бронзовый (фр-т)	63	
702	Раскоп 6, кв. Д’,5, гл. –3 см	Фт-т тигля глиняного с остатками бронзы	63	
703	Раскоп 6, кв. Г,2’, гл. –13 см	Пластинка бронзовая согнутая	62	
704	Раскоп 6, кв. Д,2’, гл. –20 см	Прутик бронзовый		
705	Раскоп 6, кв. Д,3’, гл. –32 см	Прутик бронзовый	63	
706	Раскоп 6, кв. Г,3’, гл. –80 см	Пластинка бронзовая Прутик бронзовый	62, 63	
707	Раскоп 6, кв. В,3’, гл. –32 см	Пластинка бронзовая	62	
708	Раскоп 6, кв. Б,3’, гл. –21 см	Выплеск бронзы	62	
709	Раскоп 6, кв. Б,3’, гл. –20 см	Выплеск бронзы	62	
710	Раскоп 6, кв. З,2’, гл. –4 см	Выплеск бронзы	62	
711	Раскоп 6, кв. Г,3’, гл. –35 см	Нож железный	67	
712	Раскоп 6, кв. Г,3’, гл. –25 см	Прутик бронзовый	63	
713	Раскоп 6, кв. В,2’, гл. –25 см	Прутик бронзовый	63	
714	Раскоп 6, кв. В,2’, гл. –25 см	Прутик бронзовый (фр-т)	63	
715	Раскоп 6, кв. Б,2’, гл. –28 см	Прутик бронзовый	63	
716	Раскоп 6, кв. В,2’, гл. –25 см	Пластинка бронзовая	62	
717	Раскоп 6, кв. Б,2’, гл. –30 см	Пластинка бронзовая	62	
718	Раскоп 6, кв. Г,3’, гл. — 34 см	Выплеск бронзы крупный	62	
719	Раскоп 6, кв. В,3’, гл. –35 см	Прутик бронзовый плоский	63	
720	Раскоп 6, кв. В,3’, гл. –35 см	Прутик бронзовый тонкий согнутый	63	
721	Раскоп 6, кв. З,3’, гл. –20 см	Прутик бронзовый плоский	63	
722	Раскоп 6, кв. Ж,3’, гл. –26 см	Выплеск бронзы	62	
723	Раскоп 6, кв. З,2’, гл. –8 см	Выплеск бронзы	62	
724	Раскоп 6, кв. Г’-В’, 2–3, гл. 0–0,2 м	Пластинка бронзовая	62	
725	Раскоп 6, кв. Б,2’, гл. –30 см	Пластинка бронзовая	62	
726	Раскоп 6, кв. Г,3’, гл. –23 см	Фр-т толстой пластины (котла?)	62	
727	Раскоп 6, кв. Д,2’, гл. –11 см	Выплеск бронзы	62	
728	Раскоп 6, кв. Г,5’, гл. –24 см	Выплеск бронзы	62	
729	Раскоп 6, кв. Д,5’, гл. –26 см	Выплеск бронзы	62	
730	Раскоп 6, кв. Г,2’, гл. –34 см	Прутик бронзовый расплющенный	63	
731	Раскоп 6, кв. Д,2’, гл. –25 см	Пластинка бронзовая	62	
732	Раскоп 6, кв. Д,2’, гл. –38 см	Пластинка бронзовая	62	
733	Раскоп 6, кв. Б,3’, –39 см	Пластинка бронзовая тонкая	62	
734	Раскоп 6, кв. Б,3’, гл. –39 см	Пластинка бронзовая толстая (фр-т котла?)	62	
735	Раскоп 6, кв. Б,3’, гл. –42 см	Пластинка бронзовая толстая (фр-т котла?)	62	
736	Раскоп 6, кв. Д,5’, гл. — 35 см; кв. Г,3’, гл. –34 см	Выплеск бронзы	62	
737	Раскоп 6, кв. Г,5’, гл. –24 см	Пластинка бронзовая	62	
738	Раскоп 6, кв. Е-Ж, 2’–3’, гл. 0,2–0,4 м	Шило железное (фр-т)	67	
739	Раскоп 6, кв. Б,4’, гл. –29 см	Выплеск бронзы	62	
740	Раскоп 6, кв. Е’,6’, гл. –88 см	Выплеск бронзы	62	
741	Раскоп 6, кв. Б,4’, гл. –32 см	Пластинка бронзовая толстая	62	
742	Раскоп 6, кв. В,4’, гл. –12 см	Пластинка бронзовая тонкая	62	

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок, позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
743	Раскоп 6, кв. Б,4’, гл. –36 см	Прутик бронзовый расплющенный	63	
745	Раскоп 6, объект 34, –41 см	Тигель (фр-т)	97	
746	Раскоп 6, объект 34, гл. –42 см	Прутик бронзовый рубленый на угол	97	
747	Раскоп 6, кв. Г’,5’, гл. –27 см	Выплеск бронзы		
748	Раскоп 6, кв. А,4’, гл. –41 см	Пластинка бронзовая	62	
749	Раскоп 6, кв. Г,2’, гл. –44 см	Пластинка бронзовая	62	
750	Раскоп 6, кв. В,4’, гл. –39 см	Зеркало из белого сплава (фр-т)	66	
751	Раскоп 6, кв. Г,4’, гл. –34 см	Пластинка бронзовая (пронизка?)	62	
752	Раскоп 6, кв. Е,4’, гл. –18 см	Выплеск бронзы	62	
753	Раскоп 6, кв. Д’,6’, гл. –90 см	Оселок каменный	68	
754	Раскоп 6, кв. А, 5’, гл. –45 см	Пластинка бронзовая свернутая	62	
755	Раскоп 6, кв. Г, 3’, гл. –39 см	Фр-т глиняного тигля	63	
756	Раскоп 6, кв. Б,4’, гл. –49 см	Накладка из бронзы (геральдического стиля)	66	
757	Раскоп 6, кв. Е,4’, гл. –12 см	Топор железный (фр-т лезвия)	67	
758	Раскоп 6, кв. Б,3’, гл. –43 см	Фр-т глиняного тигля	63	
759	Раскоп 6, кв. А,4’ гл. –49 см	Пластинка бронзовая	62	
760	Раскоп 6, кв. Ж,4’, –15 см	Фр-т глиняного тигля с каплями бронзы	63	
761	Раскоп 6, кв. Ж,2’, гл. –26 см	Обломок железного чекана	67	
762	Раскоп 6, кв. З,2’, гл. –29 см	Зубило железное	67	
763	Раскоп 6, кв. З,2’, гл. –28 см	Прутик бронзовый	63	
764	Раскоп 6, кв. Д,4’, гл. –34 см	Прутик бронзовый	63	
765	Раскоп 6, кв. А,5’, гл. –59 см	Пластинка бронзовая	62	
766	Раскоп 6, кв. В,4’, гл. –48 см	Выплеск бронзы	62	
767	Раскоп 6, кв. В,4’, гл. –51 см	Прутик бронзовый расплющенный	63	
768	Раскоп 6, кв. В,2’, гл. –50 см	Пластинка бронзовая	62	
769	Раскоп 6, кв. Г,2’, гл. –34 см	Пластинка бронзовая скрученная	62	
770	Раскоп 6, кв. Г,4’, гл. –39 см	Пластинка бронзовая	62	
771	Раскоп 6, культурный слой	Пластинка бронзовая	62	
772	Раскоп 6, кв. Б,5’, культурный слой	Грузило глиняное (фр-т)	68	
773	Раскоп 9, кв. З,1, гл. –60 см	Ножи железные (2 фр-та)	117	
774	Раскоп 6, кв. З,2’, –22 см	Прутик бронзовый расплющенный (фр-т)	63	
775	Раскоп 9, кв. Е,2, гл. –42 см	Нож железный (фр-т)	117	
776	Раскоп 6, кв. Г,2’, гл. –31 см	Накладка из свинцово-оловянистого сплава	66	
777	Раскоп 9, кв. Ж,2, гл. –57 см	Изделие железное	117	
778	Раскоп 6, культурный слой	Выплеск бронзы	62	
779	Раскоп 6, культурный слой	Накладка бронзовая	66	
780	Раскоп 9, кв. Н,2, гл. –50 см	Нож железный с горбатой спинкой	117	
781	Раскоп 9, кв. И,2, гл. –65 см	Выплеск бронзы	116	
782	Раскоп 9, кв. К,1, гл. –69 см	Шило железное	117	
783	Раскоп 9, кв. З,1, гл. –64 см	Пряслице глиняное (фр-т)	117	
784	Раскоп 9, кв. К,1, гл. –72 см	Зеркало из белого сплава (фр-т)	117	
785	Раскоп 9, кв. Ж,2, гл. — 57 см	Фр-т глиняного тигля	116	
786	Раскоп 9, кв. Ж,1, гл. –68 см	Фр-т глиняного тигля	116	
787	Раскоп 6, кв. Г’,3’, гл. –70 см	Глиняное пряслице (фр-т)	68	
788	Раскоп 9, кв. И,1, гл. –78 см	Выплеск бронзы		
789	Раскоп 9, кв. З,1, гл. –74 см	Фр-т глиняного тигля	116	
790	Раскоп 9, кв. П,1, гл. –90 см	Инструмент железный (зубильце)	117	
791	Раскоп 9, кв. И,2, гл. –60 см	Фр-т глиняного тигля	116	
792	Раскоп 9, кв. И,2, гл. –62 см	Фр-т глиняного тигля	116	
793	Раскоп 9, кв. К,2, гл. 63 см	Глиняное пряслице (фр-т)	117	
794	Раскоп 9, кв. К,1, гл. –60 см	Фр-т глиняного тигля	116	

Продолжение табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок, позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
795	Раскоп 9, кв. И,1, гл. –67 см	Фр-т глиняного тигля	116	
796	Раскоп 9, кв. И,1, гл. –75 см	Накладка из свинцово-оловянистого сплава	117	
797	Раскоп 9, кв. К,1, гл. –65 см	Фр-т глиняного тигля. Выплеск бронзы	116	
798	Раскоп 9, кв. И,2, гл. –60 см	Наконечник ремня бронзовый (геральдического стиля)	117	
799	Раскоп 6, объект 34, заполнение	Фр-т глиняного тигля и выплеск бронзы	97	
800	Раскоп 6, объект 34, заполнение	Фр-ты глиняного тигля	97	
801	Раскоп 6, объект 34, заполнение	Фр-ты глиняного тигля (или нескольких тиглей)	97	
802	Раскоп 9, кв. К,1, гл. –75 см	Фр-т глиняного тигля	116	
803	Раскоп 6, кв. А,5’, гл. –54 см	Изделие железное	67	
804	Раскоп 9, кв. Л,2, гл. –99 см	Пряслице глиняное (фр-т)	117	
805	Раскоп 9, кв. К,1, гл. –72 см	Фр-т глиняного тигля	116	
806	Раскоп 9, кв. К,1, гл. –76 см	Фр-т глиняного тигля	116	
807	Раскоп 9, кв. К,2, гл. –76 см	Накладка из свинцово-оловянистого сплава	117	
808	Раскоп 9, кв. И,1, гл. –85 см	Зубильце железное	117	
809	Раскоп 9, кв. И,2, гл. –79 см	Выплеск бронзы	116	
810	Раскоп 9, кв. К,1, гл. –84 см	Пластинка бронзовая	116	
811	Раскоп 9, кв. М,2, гл. –105 см	Пробойник железный со смятым концом	117	
812	Подъемный материал	Пряжка железная	37	Зона 4
813	Подъемный материал	Топор железный (фр-т лезвия)	37	Зона 4
814	Подъемный материал	Заклепка бронзовая	36	Зона 4
815	Подъемный материал	Слиток серебра	42	Зона 2
816	Раскоп 9, кв. З,1, гл. –100 см	Пластинка бронзовая свернутая		
817	Подъемный материал	Топор железный (фр-т лезвия)	37	Зона 4
818	Подъемный материал	Пробойник железный	38	Зона 4
819	Подъемный материал	Подвеска коробчатая бронзовая	36	Зона 4

Индивидуальные находки 2019 г.

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок. Позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
820	Раскоп-9, кв. Д,2’,	Предмет железный (клёпка?)	119	
821	Раскоп-9, кв. Ж,1’, гл. –45 см	Фр-т железного ножа	119	
822	Раскоп-9, кв. М,1’, гл. –37 см	Черенок железного ножа?	119	
823	Раскоп-9, кв. Ж,2’, гл. –68 см	Изделие железное (зубило?)	119	
824	Раскоп-9, кв. Н,2’, гл. –65 см	Выплеск бронзы	Утрачен при реставрации	
825	Раскоп-9, кв. Д,2’, гл. –41 см	Железный инструмент	Утрачен при реставрации	
826	Раскоп-9, кв. Ж,2’, гл. –75 см	Пробойник железный	119	
827	Раскоп-9, кв. З,1’, гл. –74 см	Фр-т лезвия топора	119	
828	Раскоп-9, П,2’, гл. –63 см	Грузик или пряслице глиняное	120	
829	Раскоп-9, кв. З,2’, гл. –79 см	Фр-т пряслица	120	
830	Раскоп-9, кв. З,1’, гл. –68 см	Фр-т тигля (маленький)		
831	Раскоп-9, кв. А,6’, гл. –55 см	Инструмент железный	119	
832	Раскоп-9, кв. Д,5’, гл. –52 см	Железная поковка	119	
833	Раскоп-9 , кв. И,1’, гл. –87 см	Фр-т пряслица	120	
834	Раскоп-9, кв. И,1’, гл. –90 см	Фр-т тигля	121	
835	Раскоп-9, К,2’, гл. –92 см	Тигель	121	
836	Раскоп-9, кв. З, 5’, гл. –103 см	Изделие железное	119	
837	Раскоп-9, кв. И,5’, гл. –113 см	Фр-т железного крючка	119	

Окончание табл. 2

№	Условия находки	Характер находки	Рисунок. Позиция соответствует номеру находки	Область концентрации подъемного материала
838	Раскоп-9, кв. К,6’, гл. –140 см	Грузило или пряслице глиняное	120	
839	Раскоп-9, кв. П,6’, гл. –110 см	Фр-т железного инструмента	119	
840	Раскоп-9, кв. М,6’, гл. –145 см	Выплеск бронзы	118	
841	Раскоп-9, кв. М,5’, гл. –78 см	Железная поковка	119	
842	Раскоп-9, кв. И,1’, гл. –90 см	Нож железный	119	
843	Раскоп-9, кв. Л,5’, –147 см	Оселок	121	
844	Раскоп-9, кв. И,5’, гл. –137 см	Грузило глиняное коническое	121	
845	Раскоп-9, кв. К,6’, гл. –135 см	Фр-т пряслица	120	
846	Раскоп-9, кв. И,5’, гл. –141 см	Фр-т зеркала	118	
848	Раскоп-9, кв. Н,6’, гл. –174 см	Фр-т железного ножа	119	
849	Раскоп-9, кв. О,6’, гл. –127 см	Нож железный	119	
850	Раскоп-9, Н,3’, гл. –80 см	Фр-т бронзового изделия	118	
851	Раскоп-9, кв. М,1’, гл. –72 см	Свернутая бронзовая пластина	118	
852	Раскоп-9, кв. М,2’, гл. –79 см	Выплеск бронзы	118	
853	Раскоп-9, кв. Н,5’, гл. –78 см	Фр-т серебряного украшения с позолотой	118	
854	Раскоп-9, кв. М,1’, гл. –70 см	Бусина глиняная	120	
855	Раскоп-9, кв. О,5’, –87 см	Выплеск бронзы (с отверстием)	118	
856	Раскоп-9, кв. Г,5’, гл. –112 см	Бронзовое изделие с отверстием из пластины (смятое)	118	
857	Раскоп-9, кв. Л,М-3’,4’, гл. 0–0,2 м	Бронзовая пластина	118	
858	Раскоп-9, кв. М,3’, гл. –137 см	Пластина бронзовая с отверстием	118	
859	Раскоп-9, кв. П,3’, гл. –100 см	Бронзовая подтрапециевидная пластина	118	
860	Раскоп-9, кв. О,5’, гл. –98 см	Пластина бронзовая толстая	118	
861	Раскоп-9, кв. Л,3’, гл. –112 см	Выплеск бронзы	118	
863	Раскоп-9, кв. М,4’, гл. –157 см	Фр-т бронзовой пластины	118	
864	Подъемный материал	Фр-т зеркала	36	К северу от зоны 3
865	Подъемный материал	Фр-т зеркала	36	К северу от зоны 3
866	Подъемный материал	Прутик бронзовый	42	К северу от зоны 3
867	Раскоп-9, кв. М,4’, гл. –116 см	Выплеск бронзы	118	
868	Раскоп-9, кв. Л,3’, гл. –100 см	Пластина бронзовая	118	
869	Раскоп-9, кв. Л,3’, гл. –99 см	Нож железный	119	
870	Раскоп-9, Л,М-3’,4’, гл. 0,2–0,4 м	Фр-т пряслица	120	
871	Раскоп-9, кв. М,3’, гл. –102 см	Бусина красная	121	
872	Раскоп-9, кв. Л,М-3’,4’, гл. 0–0,2 м	Фр-т пряслица	120	
873	Подъемный материал	Пробойник железный	36	К северу от зон 1 и 3
874	Подъемный материал	Нож железный	36	К северу от зоны 3
875	Зачистка, участок 2, гл. –230 см	Выплеск бронзы	118	
876	Раскоп-9, культурный слой	Железная проволока	119	
877	Раскоп 9, культурный слой	Железный нож	119	
878	Раскоп-9, кв. К,5’, гл. –150 см	Грузик или пряслице глиняное	120	
879	Подъемный материал	Серп железный	36	К северу от зон 1 и 3
880	Подъемный материал	Пробойник железный	36	К северу от зоны 3
882	Подъемный материал	Фр-т зеркала	36	К северу от зоны 3

Стаево-5. Общая

Раскопы	Культурный слой, объект	Керамика со средним шамотом в тесте	Керамика со средним шамотом и рудой в тесте	Керамика со средним шамотом и дресвой в тесте	Керамика с рудой в тесте	Керамика с рудой и дресвой	
Шурфы 2016	культурный слой	67	16	35	5	12	
Раскоп 1 2016	культурный слой	19	7	1			
Раскоп 2 2016	культурный слой	1	1	2			
Раскоп 3 2016	культурный слой	34		4			
Раскоп 3 2016	объект 4	2	3				
Раскоп 4 2016	культурный слой	188	150	65		42	
Раскоп 4 2016	объект 11	7	3				
Раскоп 5 2016	культурный слой	189	151	68	27	1	
Раскоп 5 2016	объект 14, яма Д		1				
Раскоп 5 2016	объект 14, серый слой	6	8				
Раскоп 5 2016	объект 14, яма Б	2					
Раскоп 5 2016	объект 14, яма А	4	2				
Раскоп 5 2016	объект 14, яма В	4	3		1		
Раскоп 5 2016	объект 14, заполнение	1	2				
Раскоп 5 2016	объект 16, заполнение	3					
Раскоп 6 2016	культурный слой	86	90	4	10	9	
Раскоп 6 2016	Объект 2		6				
Раскоп 6 2016	Объект 3, черный слой	166	142	15	7		
Раскоп 6 2016	Объект 3, Яма Б						
Раскоп 6 2016	Объект 3, Яма А	18	5				
Раскоп 6 2016	Объект 3, Яма В	4	6				
Раскоп 6 2016	Объект 3, Яма Г, черный слой	2					
Раскоп 6 2016	Объект 3, серый слой		5				
Раскоп 6 2016	Объект 3, Яма Г	6	1				
Раскоп 6 2016	Объект 3, из завала глины						
Раскоп 6 2016	Объект 1, заполнение				1		
Раскоп 6 2017	культурный слой	364	134	75	11	37	
Раскоп 6 2017	Объект 11						
Раскоп 6 2017	Объект 12	1					
Раскоп 6 2017	Объект 13, яма	2					
Раскоп 6 2017	Объект 13, завал глины	1	2				
Раскоп 6 2017	Объект 15	10					
Раскоп 6 2017	Объект 17	5	7		1		
Раскоп 6 2017	Объект 18, развал 2	1	12	1			
Раскоп 6 2017	Объект 19	29	25	1	2		
Раскоп 6 2017	Объект 4, завал глины	3	6			1	
Раскоп 6 2017	Объект 4, очаг	4					
Раскоп 6 2017	Объект 4, черный слой (пятно 3)	22		26			
Раскоп 6 2017	Объект 4, яма А, низ заполнения	21		1			
Раскоп 6 2017	Объект 4, яма А, заполнение	3					

Таблица 3

статистика керамики

	Лепная лощеная керамика	Лепная подлощенная керамика	Керамика с крупным шамотом в тесте	Керамика с крупным шамотом и дресвой	Керамика с крупным шамотом и рудой	Неопределимая керамика	Шлаки	Руда	Обмазка	Фрагменты тиглей
	2		2			153	14	1	36	
						18	5		1	
						12	2			
	3		1			89	4	2	7	
									1	
	4	2	9			242	108	1	33	
						12	1			
	4									3
			6							
		1				8	1			
						4				
	1					6	1			
							1			
	1		1			2				
										1
	5		37			207	92	30	31	2
	5		9			13	4	2	5	2
	15	17	133	6		110	62	5	95	9
	1		7	4		3		3	1	1
	2		11			13	4		8	5
	1	1					1		1	1
			1							
		2	8			8	3		7	1
						2	3			
									2	
	16	1	16	4	4	592	288	132	72	28
										1
						1		1		
	1									
	3		5				7	10	5	3
	3	1	1			58	7	4	11	
	2					30	9		3	2
	2					43	18	12	4	
							1		11	2
	1						7		33	101
	2		4		3	26		4	19	290
	1				8			10	14	

Раскопы	Культурный слой, объект	Керамика со средним шамотом в тесте	Керамика со средним шамотом и рудой в тесте	Керамика со средним шамотом и дресвой в тесте	Керамика с рудой в тесте	Керамика с рудой и дресвой	
Раскоп 6 2017	Объект 4, яма Г, заполнение						
Раскоп 6 2017	Объект 4, яма В, заполнение					1	
Раскоп 6 2017	Объект 4, коричневый глинистый слой (пятно 2)	1		2			
Раскоп 6 2017	Объект 4, яма Б, заполнение	1					
Раскоп 6 2017	Объект 4, развал 5	7					
Раскоп 6 2017	Объект 5, темное пятно	2			1		
Раскоп 6 2017	Объект 6						
Раскоп 7 2017 г.	Культурный слой	433	104	11	29	22	
Раскоп 7 2017 г.	Объект 8, заполнение, нижняя часть						
Раскоп 7 2017 г.	Объект 8, завал камней	20		1			
Раскоп 8 2017	Культурный слой	47	52	6			
Раскоп 6 2018	Культурный слой	523	230	159	23	28	
Раскоп 6 2018	Объект 21, скопление 6	5	15				
Раскоп 6 2018	Объект 21, скопление 6, нижний уровень						
Раскоп 6 2018	Объект 21, скопление 7	159	27	3	12		
Раскоп 6 2018	Объект 21, скопление 7, субструкция очага	31	4	6	3		
Раскоп 6 2018	Объект 21	43	24	4			
Раскоп 6 2018	Объект 23	1	4	4			
Раскоп 6 2018	Объект 25	1			2		
Раскоп 6 2018	Объект 21, скопление 9	3					
Раскоп 6 2018	Объект 28						
Раскоп 6 2018	Объект 29	2		4			
Раскоп 6 2018	Объект 30	11					
Раскоп 6 2018	Объект 31	5				2	
Раскоп 6 2018	Объект 32	20		2	1	1	
Раскоп 6 2018	Объект 34	13	4	8			
Раскоп 6 2018	Объект 35	4					
Раскоп 6 2018	Объект 37	7					
Раскоп 9 2018	Культурный слой	728	203	13	10	15	
Раскоп 9 2018	Объект 3	1	5		4	1	
Раскоп 9 2018	Объект 4	8	3	3		1	
Раскоп 9 2019	Культурный слой	1211	558	444	199	31	
Раскоп 9 2019	Объект 12	5	1			2	
Раскоп 9 2019	Объект 14		3			5	
Раскоп 9 2019	Объект 14, скопление						
Раскоп 9 2019	Объект 15		3	4			
Раскоп 9 2019	Объект 19	5	5	1	2		
Раскоп 9 2019	Объект 4	26	6	1	1		
Раскоп 9 2019	Объект 9				3		

Окончание табл. 3

	Лепная лощеная керамика	Лепная подлощенная керамика	Керамика с крупным шамотом в тесте	Керамика с крупным шамотом и дресвой	Керамика с крупным шамотом и рудой	Неопределимая керамика	Шлаки	Руда	Обмазка	Фрагменты тиглей
	2									
					3			3		
									7	2
										4
	1		1				6			
									6	
									1	
	15	10	53	1	2	930	174	18	121	
					1			12		
	2	1				2			1	
	2		4			101	9	6	26	
	74	19	122	21	11	1055	242	71	292	1
			10			32			14	
				3				13		
	3	1	7		1	66			более 30	
			13		4	15			27	
	2		23	3		85	2		50	15
	1				1	10	1	1		
						33			7	
									120	
	1									
						5				
			4	2		15	4		12	
	2					19	3	1	3	
	1					8			7	
			2			12	5	1	2	9
						13		1	2	
						19			2	
	50	5	2			686	79	6	151	17
		2	1			19			3	
	1					4				
	128	111	114	12	58	1547	308	15	499	125
						5	1		4	
						12			5	
									7	
	2		1			16	6		3	2
	1	3	2			18	8		6	4
		1								

Таблица 4

Стаево-4 и 5. Типологическое определение целых и археологически целых форм сосудов

Стаево-4

Раскоп, объект	Категория	Поверхность	Таксон формы	Рисунок: позиция	Градус наклона венчика
Объект 5	горшок	шероховатая	II,2,б	13: 1	127
Развал 2	горшок	шероховатая	I,1,в	13: 6	100
Развал 2	горшок	шероховатая	I,1,г	13: 7	110
Объект 21	миска?	лощеная	II,3	13: 15	140
Объект 11, пол	горшок	шероховатая	I,1,в	14: 1	125
Объект 11, заполнение	горшок	шероховатая	I,1,а,а	14: 4	117
Объект 11, заполнение	горшок	шероховатая	I,1,г?	14: 2	
Объект 13	горшок	шероховатая	I,1,г	16: 1	120
Объект 13	горшок	шероховатая	I,1,в	16: 2	138
Объект 13	горшок	шероховатая	I,1,а,а	16: 3	115
Объект 13	горшок	шероховатая	I,1,а,а	16: 12	130
Объект 13	горшок	шероховатая	I,1,а,а	16: 13	134
Объект 13	горшок	шероховатая	I,1,а,а	16: 14	135
Объект 13	горшок	шероховатая	I,1,а,а	16: 16	130
Культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а особая форма	17: 1	135
Культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	17: 2	135
Культурный слой	горшок	шероховатая	?	17: 3	78
Культурный слой	горшок	шероховатая	I,3-б	17: 4	160
Культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	17: 5	100
Культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	17: 6	110
Культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	17: 8	100
Культурный слой	горшок	шероховатая	?	17: 9	145
Культурный слой	диск	шероховатая	Диск II	17: 11	
Культурный слой	диск	шероховатая	Диск II	17: 12	
Культурный слой	диск	шероховатая	Диск II	17: 13	
Культурный слой	горшок	шероховатая	I,3-а	18: 1	163
Культурный слой	горшок	шероховатая	I,6, вариант 2	18: 5	174
Культурный слой	горшок	шероховатая	I,3-б	18: 7	
Культурный слой	диск	шероховатая	Диск II	18: 8	
Культурный слой	диск	шероховатая	Диск II	18: 9	
Культурный слой	миска?	лощеная	I,6, вариант 1	18: 10	135
Культурный слой	горшок?	подлощенная	I,6, вариант 1	18: 15	153
Культурный слой	миска	подлощенная	I,6, вариант 1	18: 16	115

Стаево-5

Раскоп, объект	Категория	Поверхность	Таксон формы	Рисунок: позиция	Градус наклона венчика
Раскоп 4, объект 11	горшок	шероховатая	I,1,а,а	48: 2	135
Раскоп 5, культурный слой	диск	шероховатая	диск II	50: 11	
Раскоп 5, объект 14, яма А и заполнение	миска	лощеная	II,3	53: 2	140
Раскоп 5, объект 14, яма Д	горшок	шероховатая	I,3-а	53: 4	135

Продолжение табл. 4

Раскоп, объект	Категория	Поверхность	Таксон формы	Рисунок: позиция	Градус наклона венчика
Раскоп 6, культурный слой	горшок?	шероховатая	I,1,а,а	56: 1	
Раскоп 6, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	57: 5	115
Раскоп 6, культурный слой	горшок?	шероховатая	I,6 вариант 1	57: 9	
Раскоп 6, культурный слой	диск	шероховатая	диск II	57: 13	
Раскоп 6, культурный слой	диск	шероховатая	диск II	57: 14	
Раскоп 6, культурный слой	диск	шероховатая	диск II	57: 15	
Раскоп 6, культурный слой	миска	лощеная	II,3	57: 17	
Раскоп 6, культурный слой	миска	лощеная	I,6 вариант 1	57: 18	130
Раскоп 6, культурный слой	миска	лощеная	II,3	57: 19	
Раскоп 7, культурный слой	диск	шероховатая	диск II	58: 1	
Раскоп 6, объект 3, черный слой	горшок	шероховатая	I,6 вариант 1	72: 1	110
Раскоп 6, объект 3, черный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	72: 2	135
Раскоп 6, объект 3, черный слой	горшок	шероховатая	I,1,г	72: 3	130
Раскоп 6, объект 3, черный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	72: 4	105
Раскоп 6, объект 3, черный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	72: 6	
Раскоп 6, объект 3, черный слой	миска	заглаженная	I,6 вариант 2	72: 10	125
Раскоп 6, объект 3, черный слой	горшок	шероховатая	I,1,в	72: 9	130
Раскоп 6, объект 3, черный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	73: 1	135
Раскоп 6, объект 3, черный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	73: 2	135
Раскоп 6, объект 3, черный слой	горшок	подлощенная	I,1,а,а, особая форма	73: 6	120
Раскоп 6, объект 3, черный слой	горшок	подлощенная	II,2,а	73: 7	120
Раскоп 6, объект 3, черный слой	миска	лощеная	I,1,а,а	73: 9	140
Раскоп 6, объект 3, яма А	миска	заглаженная	I,1,а,а, особая форма	76: 1	130
Раскоп 6, объект 3, яма Б	диск	шероховатая	диск II	76: 8	
Раскоп 6, объект 4, яма А	горшок	шероховатая	I,1,в	91: 2	140
Раскоп 6, объект 2	горшок	шероховатая	II,1	94: 1	152
Раскоп 6, объект 2	горшок	лощеная	I,1,а,а	94: 3	130
Раскоп 6, объект 2	горшок	шероховатая	I,6 вариант 1	94: 2	
Раскоп 6, объект 2	горшок	шероховатая	I,6 вариант 2	94: 7	152
Раскоп 6, объект 13, верх слоя глины	горшок	шероховатая	II,1	95: 1	126
Раскоп 6, объект 34	горшок	шероховатая	II,2,а	96: 3	120
Раскоп 6, объект 21, серый слой	горшок	шероховатая	II,1	100: 1	135
Раскоп 6, объект 21, серый слой	горшок?	шероховатая	I,1,г	100: 2	
Раскоп 6, объект 21, серый слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	100: 3	128
Раскоп 6, объект 21, серый слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	100: 4	122
Раскоп 6, объект 21, серый слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а, особая форма	100: 5	
Раскоп 6, объект 29, развал 8	горшок	шероховатая	II,2,а или II,5	103: 1	
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,в	109: 11	
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	109: 12	110
Раскоп 9, культурный слой	оршок	шероховатая	I,1,а,а	109: 13	110
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	II,2,а	109: 18	120
Раскоп 9, культурный слой	горшок	подлощенная	I,6 вариант 1	109: 20	143
Раскоп 9, культурный слой	горшок	лощеная	I,1,а,а	109: 22	108
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	II,3	110: 1	128

Продолжение табл. 4

Раскоп, объект	Категория	Поверхность	Таксон формы	Рисунок: позиция	Градус наклона венчика
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а, особая форма	110: 5	125
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	II,2,а	110: 8	117
Раскоп 9, культурный слой	горшок?	шероховатая	I,1,г	110: 10	
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	110: 12	
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	110: 14	
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	II,3	110: 15	
Раскоп 9, культурный слой	горшок?	шероховатая	I,1,г	111: 1	
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	111: 3	140
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	111: 9	135
Раскоп 9, культурный слой	горшок?	шероховатая	II	111: 11	143
Раскоп 9, культурный слой	горшок?	шероховатая	I,1,г	111: 10	
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	111: 12	118
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	?	111: 14	110
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	?	111: 15	132
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	112: 1	133
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	112: 2	
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	112: 3	115
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	112: 4	118
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	112: 5	105
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	112: 6	
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а, особая форма	112: 7	137
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,3-а	112: 8	170
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,в	112: 9	137
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,3-а	113: 2	
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	113: 3	
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	113: 7	125
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	II,2,а	113: 5	
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	113: 8:	118
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	113: 9	132
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	113: 10	110
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	114: 2	132
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	II,2,а	114: 3	127
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	114: 6	115
Раскоп 9, культурный слой	горшок	шероховатая	I,1,а,а	114: 7	113
Раскоп 9, культурный слой	горшок	лощеная	I,1,в	115: 1	115
Раскоп 9, культурный слой	миска	лощеная	II,3	115: 6	122
Раскоп 9, культурный слой	горшок?	лощеная	I,1,г	115: 8	148
Раскоп 9, культурный слой	миска	лощеная	II,3	115: 14	120
Раскоп 9, культурный слой	миска	лощеная	I,1,а,а	115: 13	
Раскоп 9, скопление 3	горшок	шероховатая	II,3	122: 1	110
Раскоп 9, объект 4	миска	шероховатая	II,3	125: 1	132
Раскоп 9, скопление 1	горшок	шероховатая	I,3-а	127: 1	135
Раскоп 9, скопление 1	горшок	шероховатая	I,1,а,а	127: 2	130
Раскоп 9, скопление 1	миска	лощеная	I,1,а,а	127: 11	134

Окончание табл. 4

Раскоп, объект	Категория	Поверхность	Таксон формы	Рисунок: позиция	Градус наклона венчика
Раскоп 9, объект 14	диск	шероховатая	диск II	130: 1	
Раскоп 9, объект 14	диск	шероховатая	диск II	130: 2	
Раскоп 9, объект 9	миска	лощеная	I,1,а,а	132: 2	147
Раскоп 9, культурный слой	горшок?	лощеная	I,1,а,а, особая форма	115: 2	

Таблица 5

Формы пряслиц на памятниках типа Чертовицкое-Замятино

Памятник	Высокие биконические	Биконические средней высоты	Низкие биконические	Бочонковидные	Округлые	Плоские цилиндрические	Биконическое с расширением около трети высоты	Округло-биконические	Лепешковидные
Замятино-8 (по: Острая Лука, 2004, с. 24)	2	11	8	4	3	1			
Замятино-7 (по: Острая Лука, 2004, с. 46, 47)	1	26	3	4	1				
Замятино-5 (по: Острая Лука, 2004, с. 63, 64)	1	26	4	2		7	1	1	1
Ксизово-16 (по: Острая Лука, 2015, с. 19)		5	2						
Ксизово-17 (по: Острая Лука, 2015, с. 34, 35)	1	8							2
Ксизово-19 (по: Острая Лука, 2015, с. 105, 106)	2	36	10	2					
Чертовицкое Третье (по: Медведев, 1998, с. 57)	1	24		2	1	1	1	2	

Таблица 6

Стаево-5. Метрические характеристики ювелирных инструментов в см (определение А. А. Белявского и Н. А. Биркиной)

Долото

№	Длина общая	Ширина рабочей части	Длина рабочей части	Параметры середины (длина, ширина)
219	5,3	0,65	0,6	0,25 × 0,5

Игла

№	Длина общая	Параметры середины (длина, ширина)
596	6,15	0,2

Шаберы

№	Длина общая	Ширина рабочей части	Толщина вне рабочей части
573	3,9	0,5	0,3
498	3,4	0,4	0,2
225	6,8	0,4	0,2
Стаево-5А, №4	5,9	0,45	0,4

Резцы

№	Длина общая	Ширина рабочей части	Длина рабочей части	Толщина рабочей части	Параметры середины (длина, ширина)
790	7,1	0,45	3	0,2	0,45
55 (определение под вопросом)	5,2	1,2	3,3	0,2	0,2 × 0,3
597	4,4	0,25	1,5	0,15	0,3

Продолжение табл. 6

Пробойники

№	Длина общая	Ширина рабочей части	Длина рабочей части	Толщина рабочей части	Параметры середины (длина, ширина)
630 (возможно, заготовка сверла)	6,65	0,45	от изгиба — 2,65	0,3	0,5
525	5,5	0,8	2,3	0,5	
85	2,4				0,35 × 0,3
574	3,4				0,4 × 0,25
125	6,15				0,4 × 0,35
629	5,65				0,3 × 0,35
591	3,65				0,45 × 0,4
738	4,15				0,3 × 0,25
186	3				0,3
818	4,7				0,35
47	7,75				0,4 × 0,45
365	5,05				0,35 × 0,4
13	3,7				0,3 × 0,45

Гладило

№	Длина общая	Параметры корпуса
273	7,55	0,2 × 0,4

Сверло

№	Длина общая	Ширина рабочей части	Длина рабочей части	Толщина рабочей части	Параметры середины (длина, ширина)
578	4,6	0,4	2,65	0,25	0,25 × 0,7

Штихели

№	Длина общая	Ширина рабочей части	Длина рабочей части	Толщина рабочей части	Параметры середины (длина, ширина)
762	5,4	0,4	3,35	0,2	
259	7	0,4	4,2	0,2	0,35

Напильник или штихель

№	Длина общая	Ширина рабочей части	Длина рабочей части	Толщина рабочей части	Параметры середины (длина, ширина)
462	4,1	0,5	1,8	0,25	0,3 × 0,4

Зубило

№	Длина общая	Параметры середины (длина, ширина)
145	7,1	0,7 × 0,5

Крючок для натягивания проволоки

№	Длина от изгиба до изгиба	Длина отогнутых частей	Толщина короткой части	Толщина длинной части	Параметры середины (длина, ширина)
600	5,1	1,2 и 2,55	0,2 × 0,35	0,2 × 0,25	0,35 × 0,45

Напильники

№	Длина общая	Ширина рабочей части	Длина рабочей части	Толщина рабочей части	Параметры середины (длина, ширина)
575	5,1	0,35	2,1	0,2	0,3
131		0,7		0,25	0,4
429	4,2	0,45	2,45	0,2	0,2

Чеканы (кирки для криц)

№	Длина общая	Внешние параметры втулки	Внутренние параметры втулки	Длина рабочей части	Толщина максимальная	Толщина конца
761, обломок	3,2					
560	9,4	2 × 2	0,95 × 1,75	От втулки — 7,1	1,3	0,3

Продолжение табл. 6

Стамеска

№	Длина общая	Ширина рабочей части	Длина рабочей части	Толщина рабочей части	Параметры середины (длина, ширина)
25	12,8	0,65	5,7	0,4	0,5

Инструменты неясного назначения

№	Длина общая	Ширина рабочей части	Длина рабочей части	Параметры хвостовой части (длина, ширина)
592 (игла?)	2,7	0,3	1,1	0,25
156	7,65			0,3 × 0,5
808	3,9	0,35 × 0,15	1,85	

Комплекс инструментов (№ 561)

Резцы или сверла

№	Длина общая	Ширина рабочей части	Длина рабочей части	Толщина рабочей части	Параметры середины (длина, ширина)
в	4	0,4	1,9	0,3	0,5 × 0,7
н	4,9	0,45	1,8	0,3	0,5 × 0,6

Пробойники

№	Длина общая	Параметры середины (длина, ширина)
а	7,4	0,6
л	7,1	0,35

Стержни

№	Длина общая	Параметры середины (длина, ширина)
е	3,25	0,2
э	4,1	0,3
б	3,7	0,25
ё	2,9	0,35
о	4,5	0,25
я	5	0,2

Штихели

№	Длина общая	Ширина рабочей части	Длина рабочей части	Толщина рабочей части	Параметры середины (длина, ширина)
с	5,65	0,3	2,1	0,2 × 0,15	0,3 × 0,35
к	6,7	0,25	3,2	0,2	0,4
и	7,05	0,3	1,3	0,15	0,4
ъ	4,7	0,35	1,25	0,2	0,3
м	6,1	0,3	1,5	0,25	0,3 × 0,35
х	3,7	0,4	1,1	0,2	0,35
й	4,55	0,2	0,45	0,15	0,25
у’	5,15	0,3	0,5	0,2	0,3
т					

Крючки, скорее всего, части пинцетов

№	Длина до изгиба	Длина изгиба	Параметры плоской части	Параметры середины (длина, ширина)
ж	5,7	1,55		0,4 × 0,5
д	3,75	0,7	0,3 × 1,7 × 1	0,2
ю	3,3	0,45	1,4 × 0,25 × 0,05	1,5

Шаберы

№	Длина общая	Ширина рабочей части	Длина рабочей части	Толщина рабочей части	Параметры середины (длина, ширина)
у	4,1	0,45	0,35	0,2	0,3
г	3,35	0,5	0,7	0,2	0,2 × 0,4

Окончание табл. 6

Заостренные стержни

№	Длина общая	Параметры середины (длина, ширина)
й	3,5	0,2
р	3,5	0,25
ы	3,5	0,3
з	4,45	0,15 × 0,2
ь	3,4	0,2
ф	4	0,3
п		

Инструменты, не определявшиеся А. А. Белявским. Функция установлена предположительно

9/15 — резец по дереву
10/15 — заостренный стержень. Длина 5,4, ширина 0,1–0,2
11/15 — долото или стамеска. Длина 5,6, ширина 0,2–0,4
12/15 — пробойник. Длина 13,6, ширина 0,4–0,8
17/15 —пробойник. Длина 5,6, ширина 0,2–0,3
490 — резец
456 — стамеска
458 — стамеска
880 — пробойник. Длина 5,8, ширина 0,4–0,5
826 — пробойник, Длина 3, ширина 0,2–0,3
831 — пробойник. Длина 2,8, ширина 0,2–0,3
823 — зубило. Длина 5,6, ширина 0,5–0,7

Таблица 7

Стаево-5. Результаты исследования химического состава металла предметов раннего железного века — раннего Средневековья по методу безэталонного РФА

№	наименование	№ по табл. 2	Cu	Fe	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au
			с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%
1	дрот кованый с расширяющимися лопастями	*20*	93,474	0,000	0,000	0,000	0,000	0,100	3,760	0,076	2,588	0,000
2	пластина	*21*	99,024	0,226	0,000	0,07	0,000	0,146	0,039	0,039	0,454	0,000
3	амулет с шишечками	*26*	61,385	0,240	0,000	0,099	0,058	0,506	29,174	0,310	8,228	0,000
4	фибула пальчатая	*27*	92,488	0,545	0,088	6,238	0,179	0,000	0,270	0,046	0,147	0,000
5	выплеск металла	*32*	96,695	0,051	0,000	0,092	0,160	0,176	1,217	0,074	1,534	0,000
6	пластинка	*37*	64,907	0,634	0,000	2,982	0,998	0,298	22,977	0,170	7,033	0,000
7	пластина кованая	*38*	82,658	0,251	0,037	0,391	0,703	0,213	10,002	0,106	5,639	0,000
8	выплеск металла	*39*	91,307	0,027	0,000	0,133	0,690	0,166	4,508	0,178	2,991	0,000
9	выплеск металла	*41*	84,046	0,340	0,020	8,773	0,635	0,283	3,453	0,079	2,373	0,000
10	выплеск металла	*48*	86,955	0,134	0,168	0,000	0,708	0,335	6,242	0,151	5,307	0,000
11	зеркало	*49*	51,698	0,401	0,000	0,000	0,846	0,084	43,288	0,135	3,549	0,000
	оборот		42,514	0,342	0,000	0,000	0,943	0,105	51,987	0,148	3,961	0,000
12	выплеск металла	*52*	93,630	0,019	0,000	0,000	0,373	0,065	3,086	0,054	2,774	0,000
13	обломок округлого в сечении браслета с расширенным концом без орнамента	*58*	53,803	0,662	0,000	0,000	0,709	0,626	29,182	0,260	14,758	0,000
14	прутик	*59*	71,861	0,278	0,000	0,000	0,264	0,290	18,918	0,227	8,162	0,000
15	фр-т бронзового прута кованый	*60*	76,312	0,963	0,000	0,000	1,262	0,173	13,357	0,200	7,733	0,000
16	изделие пластинчатое	*61*	73,499	0,360	0,057	0,000	0,952	0,292	16,857	0,251	7,731	0,000
17	стенка котла	*62*	96,714	0,000	0,000	0,000	0,262	0,096	1,143	0,067	1,717	0,000

Продолжение табл. 7

№	наименование	№ по табл. 2	Cu	Fe	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au
			с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%
18	сплеск (выплеск) металла	*63*	97,317	0,042	0,000	0,000	0,210	0,078	0,983	0,059	1,313	0,000
19	фр-т бронзового прута кованый	*65*	83,950	0,066	0,032	0,000	0,398	0,095	11,318	0,069	4,072	0,000
20	фр-т прутика	*66*	84,812	0,000	0,000	0,000	0,415	0,090	10,875	0,076	3,733	0,000
21	слиток	*69*	91,848	0,071	0,000	0,000	0,705	0,097	1,098	0,073	6,108	0,000
			89,913	0,530	0,019	0,000	0,372	0,087	6,987	0,125	1,966	0,000
22	дрот кованый с расширяющимися лопастями	*69*	80,078	0,000	0,000	0,061	0,000	0,197	8,609	0,132	10,647	0,276
23	пластина	*71*	83,656	0,199	0,076	15,866	0,000	0,000	0,204	0,000	0,000	0,000
24	дрот кованый с расширяющимися лопастями	*74*	92,428	0,000	0,000	0,000	0,000	0,089	4,595	0,071	2,817	0,000
25	дрот кованый с расширяющимися лопастями	*75*	54,748	2,479	0,000	0,219	0,000	0,875	22,359	0,436	18,352	0,531
26	пластина	*84*	69,474	0,297	0,000	30,228	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
27	дрот кованый с расширяющимися лопастями	*85*	89,945	0,191	0,000	0,000	0,000	0,081	4,850	0,105	4,826	0,000
28	пластина	*86*	98,538	0,358	0,119	0,000	0,000	0,072	0,026	0,027	0,860	0,000
29	Фр-т прутика кованый	*87*	65,695	0,456	0,013	0,000	1,083	0,277	23,549	0,304	8,622	0,000
30	Фр-т котла	*88*	81,70	0,59	0,000	0,000	0,000	0,30	3,08	0,20	14,12	0,000
31	пластина	*92*	78,960	0,766	0,000	0,000	0,323	0,199	16,281	0,133	3,337	0,000
32	пластина	*93*	96,830	1,177	0,070	0,000	0,167	0,157	0,080	0,076	1,444	0,000
33	выплеск металла	*94*	75,775	1,601	0,000	0,261	0,550	0,551	10,140	0,265	10,805	0,052
34	дрот кованый с расширяющимися лопастями	*95*	92,039	0,000	0,000	0,000	0,000	0,076	4,389	0,066	3,429	0,000
35	Фр-т прутика кованый	*99*	61,520	4,350	0,000	2,337	1,570	0,946	16,766	0,874	11,637	0,000
36	пластина	*100*	68,605	0,854	0,000	0,000	0,781	0,308	21,917	0,251	7,283	0,000
37	выплеск металла	*102*	66,693	5,475	0,056	4,689	1,610	0,921	10,091	0,273	10,192	0,000
38	выплеск металла	*103*	80,913	0,253	0,119	0,000	0,791	0,021	10,477	0,085	7,342	0,000
39	выплеск металла	*104*	71,215	2,741	0,024	0,501	1,235	0,298	16,817	0,125	7,044	0,000
40	выплеск металла	*105*	63,608	3,215	0,000	0,000	0,454	0,405	24,361	0,261	7,696	0,000
41	пластина	*106*	97,812	0,000	0,104	0,000	0,502	0,040	0,000	0,073	1,469	0,000
42	выплеск металла	*107*	71,498	0,323	0,000	0,032	1,379	0,248	13,484	0,190	12,845	0,000
43	дрот кованый 4-хгранного сечения, фр-т	*107*	87,646	0,113	0,022	0,000	0,000	0,104	6,493	0,098	5,524	0,000
44	выплеск металла	*112*	50,806	1,565	0,000	0,000	1,186	0,406	34,624	0,237	11,177	0,000
45	выплеск металла	*114*	94,115	0,042	0,000	0,000	0,546	0,085	1,363	0,108	3,741	0,000
46	браслет из дрота с расплющенным концом	*115*	89,414	0,237	0,000	8,842	0,298	0,197	0,063	0,103	0,846	0,000
47	дрот кованый с расширяющимися лопастями	*116*	90,638	0,226	0,000	0,000	0,000	0,076	4,972	0,106	3,981	0,000

Продолжение табл. 7

№	наименование	№ по табл. 2	Cu	Fe	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au
			с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%
48	выплеск металла или стенка котла (?)	*126*	94,362	0,449	0,000	0,000	0,418	0,167	1,105	0,196	3,303	0,000
49	браслет из дрота с расплющенным концом	*128*	51,997	0,939	0,000	0,000	0,490	0,338	33,949	0,355	11,932	0,000
50	фибула пальчатая	*133*	65,48	4,64	0,06	4,47	1,03	0,19	18,38	0,16	5,59	0,000
	припой		33,84	0,62	0,00	0,53	3,17	0,08	35,41	0,00	26,35	0,00
	петелька		57,83	0,62	0,00	0,64	0,66	0,08	35,69	0,06	4,42	0,00
51	дрот кованый с расширяющимися лопастями	*134*	98,989	0,000	0,000	0,000	0,000	0,081	0,310	0,057	0,564	0,000
52	выплеск металла	*136*	97,670	0,099	0,000	0,000	0,075	0,114	0,884	0,093	1,065	0,000
53	дрот кованый 4-хгранный, фр-т	*141*	81,729	0,128	0,000	0,000	0,000	0,116	12,620	0,114	5,159	0,134
54	шайбочка	*143*	0,612	0,703	0,000	0,311	2,347	0,000	65,819	0,064	30,143	0,000
55	дрот кованый с расширяющимися лопастями	*146*	84,395	0,000	0,000	0,000	0,000	0,189	8,637	0,151	6,605	0,000
56	выплеск металла или стенка котла (?)	*147*	93,894	0,791	0,060	0,000	0,350	0,086	1,644	0,143	3,033	0,000
57	дрот кованый с расширяющимися лопастями	*148*	87,403	0,000	0,000	0,133	0,000	0,220	5,313	0,107	6,628	0,196
58	заклепка	*150*	83,828	0,430	0,061	14,303	0,315	0,107	0,025	0,096	0,834	0,000
59	выплеск металла	*159*	43,850	3,789	0,000	0,461	4,628	1,091	26,524	0,272	19,385	0,000
60	дрот кованый с расширяющимися лопастями	*163*	86,09	0,627	0,11	0,00	0,00	0,084	9,834	0,065	3,187	0,000
61	пластина	*164*	98,501	0,518	0,095	0,000	0,075	0,125	0,040	0,043	0,604	0,000
62	пластины обрезок	*166*	98,614	0,321	0,072	0,000	0,167	0,106	0,048	0,059	0,614	0,000
63	обрубок изделия	*174*	97,497	0,332	0,033	0,000	0,261	0,095	0,711	0,114	0,956	0,000
64	дрот кованый с расширяющимися лопастями	*174*	75,686	0,292	0,021	0,000	0,000	0,137	14,319	0,165	9,380	0,000
65	дрот кованый 4-хгранный, фр-т	*181*	77,964	0,119	0,000	0,000	0,000	0,122	14,961	0,157	6,677	0,000
66	дрот кованый 4-хгранный, фр-т	*182*	86,291	0,325	0,060	11,196	0,000	0,086	0,525	0,062	1,455	0,000
67	зеркало	*200*	58,822	0,327	0,000	0,000	0,000	0,050	40,330	0,077	0,394	0,000
68	выплеск металла	*200*	90,99	1,27	0,000	0,000	0,25	0,35	3,32	0,26	3,56	0,000
69	выплеск металла	*203*	86,37	1,36	0,000	2,98	0,000	0,22	5,23	0,14	3,71	0,000
70	дрот кованый 4-хгранный, фр-т	*209*	90,940	0,000	0,000	0,000	0,000	0,070	4,845	0,071	4,073	0,000
71	обойма геральдического стиля	*213*	95,712	0,128	0,000	3,674	0,000	0,014	0,000	0,064	0,408	0,000
72	прутик	*217*	77,40	4,56	0,000	8,17	0,95	0,43	0,45	0,20	7,84	0,000
73	фр-т котла	*220*	89,29	0,60	0,12	0,000	0,27	0,11	9,19	0,13	0,33	0,000
74	выплеск металла	*222*	43,32	0,55	0,000	0,000	0,000	0,20	29,02	0,34	26,58	0,000
75	выплеск металла	*224*	53,15	3,75	0,000	0,29	0,000	0,42	18,32	0,39	23,67	0,000
76	пластина	*226*	90,38	1,31	0,000	0,000	0,000	0,14	1,84	0,16	6,19	0,000
77	пластина	*227*	93,97	1,99	0,000	0,000	0,000	0,20	0,10	0,09	3,64	0,000

Продолжение табл. 7

№	наименование	№ по табл. 2	Cu	Fe	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au
			с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%
78	заклепка	*228*	87,506	0,364	0,017	9,751	0,513	0,105	0,013	0,084	1,647	0,000
79	выплеск металла	*229*	86,99	1,94	0,000	0,000	0,000	0,30	3,16	0,22	7,41	0,000
80	прутик	*230*	66,70	2,26	0,000	0,000	0,43	0,38	18,45	0,31	11,48	0,000
81	пластина	*230-1*	93,17	1,83	0,04	0,000	0,10	0,20	0,12	0,09	4,46	0,000
82	выплеск металла	*232*	54,38	1,22	0,000	0,000	0,000	0,32	36,06	0,29	7,75	0,000
83	выплеск металла	*233*	46,65	1,11	0,000	0,000	0,000	0,33	36,19	0,27	15,47	0,000
84	выплеск металла	*235*	67,09	4,20	0,000	0,000	0,000	1,09	19,83	0,39	7,07	0,35
85	выплеск металла	*236*	96,47	0,33	0,000	0,000	0,000	0,16	1,86	0,09	1,09	0,000
86	выплеск металла	*237*	89,85	3,20	0,000	0,000	0,26	0,32	0,18	0,13	6,06	0,000
87	пластина	*237-1*	62,97	2,30	0,000	0,000	0,000	0,29	24,06	0,23	10,18	0,000
88	пластина	*240*	86,86	2,20	0,05	0,000	0,08	0,32	3,75	0,25	6,50	0,000
89	выплеск металла	*241*	29,14	23,53	0,000	0,000	0,000	1,87	26,26	5,20	14,02	0,000
90	пластина с отверстиями	*242*	98,725	0,504	0,000	0,000	0,074	0,175	0,042	0,079	0,401	0,000
91	выплеск металла	*244*	96,47	0,28	0,000	0,000	0,000	0,11	1,63	0,05	1,47	0,000
92	фр-т котла	*245*	87,27	3,50	0,000	0,000	0,000	0,34	3,20	0,28	5,43	0,000
93	пластина	*246*	83,57	2,69	0,000	0,000	0,000	0,39	3,87	0,24	9,26	0,000
94	браслет	*247*	89,27	0,26	0,000	9,13	0,000	0,08	0,05	0,06	1,15	0,000
95	выплеск металла	*248*	61,87	1,36	0,000	0,19	0,000	0,85	16,13	0,46	18,26	0,90
96	матрица для изготовления накладки геральдического стиля	*249*	84,861	0,130	0,000	0,110	0,000	0,209	7,655	0,181	6,854	0,000
97	пластина	*251а*	59,57	2,64	0,000	0,000	0,000	0,33	23,44	0,34	13,71	0,000
98	изделие пластинчатое	*252*	86,846	0,282	0,096	10,674	0,532	0,244	0,432	0,048	0,847	0,000
			92,895	0,191	0,000	5,145	0,370	0,261	0,497	0,053	0,589	0,000
99	круглая бляшка из серебра без штифта с глубокими нарезками по краям	*253*	1,667	0,000	0,000	0,225	0,000	95,212	1,127	0,000	0,755	1,015
100	пластина	*255*	81,40	3,33	0,000	0,000	0,000	0,34	3,89	0,31	10,74	0,000
101	выплеск металла	*257*	0,000	99,74	0,000	0,000	0,000	0,09	0,11	0,08	0,000	0,000
102	пальчатая фибула	*260*	78,002	1,552	0,019	4,854	1,190	0,713	8,152	0,148	5,368	0,000
103	пластина	*262*	80,08	6,31	0,000	10,98	0,000	0,06	0,82	0,05	1,72	0,000
104	фр-т головки бронзовой пальчатой фибулы	*264*	66,212	0,876	0,000	2,792	0,515	0,278	20,168	0,224	8,936	0,000
105	зеркало	*864*	60,417	0,359	0,231	0,000	0,985	0,118	34,379	0,131	3,380	0,000
106	выплеск металла	*265*	67,72	8,68	0,000	0,000	0,000	0,45	10,31	0,49	12,37	0,000
107	выплеск металла	*266*	90,19	2,79	0,000	0,000	0,16	0,38	2,64	0,33	3,53	0,000
108	пластина	*267*	60,29	4,71	0,000	1,58	0,000	0,43	22,30	0,29	10,41	0,000
109	пластина	*268*	94,65	2,97	0,10	0,17	0,00	0,29	0,15	0,14	1,52	0,000
110	пластина	*270*	96,30	0,45	0,000	3,08	0,000	0,07	0,000	0,12	0,000	0,000
111	прутик со следами ковки	*275*	90,213	0,258	0,000	8,742	0,235	0,090	0,000	0,055	0,406	0,000
112	фибула	*274*	84,932	0,653	5,044	8,973	0,000	0,000	0,087	0,051	0,211	0,000
113	прутик	*282*	59,90	1,46	0,000	0,000	0,69	0,36	23,09	0,42	14,11	0,000
114	выплеск металла	*283*	52,37	2,54	0,000	0,000	0,000	0,24	34,71	0,21	9,95	0,000

Продолжение табл. 7

№	наименование	№ по табл. 2	Cu	Fe	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au
			с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%
115	обойма пряжки с покрытием	*285*	91,33	0,27	0,000	6,20	0,48	0,14	0,55	0,09	0,95	0,000
	покрытие		81,38	1,46	0,000	4,36	1,77	0,35	2,81	0,17	7,70	0,000
116	браслет	*286*	32,093	1,023	0,000	0,270	0,854	0,368	46,998	0,389	18,005	0,000
117	выплеск металла	*287*		99,70	0,000	0,000	0,000	0,10	0,11	0,10		0,000
118	фр-т котла	*288*	86,47	2,14	0,000	0,000	0,000	0,38	3,76	0,24	7,02	0,000
119	фр-т котла	*289*	77,63	1,25	0,000	0,000	0,08	0,43	4,74	0,30	15,60	0,000
120	выплеск металла	*291*	26,20	46,83	0,000	0,000	0,000	0,32	17,94	0,38	8,35	0,000
121	бракованная бронзовая отливка пальчатой фибулы	*292*	49,44	0,94	0,000	4,91	0,12	0,26	24,44	0,21	19,66	0,000
122	пластина	*294*	86,01	2,99	0,000	0,000	0,10	0,36	2,50	0,37	7,69	0,000
123	выплеск металла	*295*	95,36	0,57	0,000	0,000	0,000	0,26	1,26	0,13	2,43	0,000
124	прутик	*297*	73,94	0,89	0,000	0,000	0,08	0,24	15,56	0,21	9,10	0,000
125	прутик	*298*	67,04	0,67	0,000	1,30	0,19	1,12	20,03	0,32	9,34	0,000
126	пластина свернутая (колечко)	*299*	97,672	0,929	0,140	0,000	0,698	0,079	0,019	0,121	0,342	0,000
127	фр-т котла	*300*	96,265	0,062	0,000	0,000	0,292	0,098	1,171	0,078	2,035	0,000
128	бронзовая игла с плоской верхней частью	*302*	82,982	0,297	0,012	13,325	0,581	0,102	1,032	0,078	1,591	0,000
129	прутик	*304*	35,08	1,34	0,000	0,000	0,66	0,35	42,78	0,42	19,39	0,000
130	пластина	*305*	64,27	4,30	0,000	0,000	0,000	0,65	7,64	0,53	22,63	0,000
131	круглая с сегментовидной выемкой накладка из серебра с концами, на которых заметны глубокие насечки	*306*	2,363	0,000	0,000	0,767	0,000	95,316	0,110	0,000	0,286	1,158
132	выплеск металла	*308*	24,52	41,67	0,00	0,00	0,00	2,88	20,88	7,70	2,36	0,000
133	пряжка обувная	*311*	93,873	0,895	0,079	1,988	0,119	0,131	0,084	0,116	2,715	0,000
134	пластина	*312*	74,65	4,46	0,13	7,49	0,000	0,54	5,58	0,43	6,75	0,000
135	выплеск металла	*313*	59,61	2,62	0,000	0,000	0,000	0,33	27,67	0,29	9,50	0,000
136	прутик	*314*	84,12	0,77	0,03	10,13	0,56	0,34	0,43	0,13	3,50	0,000
137	фр-т зеркала	*315*	60,174	0,612	0,000	0,000	0,000	0,110	38,983	0,120	0,000	0,000
138	пластина	*316*	62,96	0,48	0,000	0,000	0,000	0,40	28,54	0,24	7,39	0,000
139	выплеск металла	*317*	58,82	5,51	0,08	0,31	0,000	0,67	30,49	1,43	2,69	0,000
140	выплеск металла	*318*	42,53	3,39	0,000	0,000	0,000	0,30	36,31	0,29	17,20	0,000
141	выплеск металла	*319*	81,14	3,31	0,000	0,67	0,000	0,30	4,64	0,22	9,72	0,000
142	пластина	*320*	96,29	0,67	0,000	0,000	0,000	0,28	0,03	0,06	2,68	0,000
143	выплеск металла	*321*	28,31	8,44	0,000	0,000	0,000	0,11	42,14	0,34	20,68	0,000
144	пластина	*322*	93,11	2,49	0,000	0,000	0,20	0,28	0,15	0,13	3,66	0,000
145	выплеск металла	*323*	43,32	4,97	0,000	0,33	0,000	0,98	21,96	0,48	26,47	1,51
146	фр-т фибулы	*324*	97,352	0,038	0,000	2,326	0,000	0,101	0,051	0,091	0,042	0,000
147	выплеск металла	*325*	60,72	0,97	0,000	0,000	0,000	0,53	26,49	0,28	11,02	0,000
148	выплеск металла	*326*	69,30	1,34	0,05	0,000	0,000	0,34	17,05	0,27	11,67	0,000
149	выплеск металла	*327а*	98,03	0,63	0,000	0,000	0,000	0,14	0,30	0,07	0,83	0,000
150	фр-т котла	*327*	72,09	2,97	0,05	0,000	0,000	0,26	4,26	0,35	20,04	0,000

Продолжение табл. 7

№	наименование	№ по табл. 2	Cu	Fe	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au
			с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%
151	прутик	*328*	93,55	1,49	0,000	0,000	0,50	0,14	0,16	0,14	4,02	0,000
152	пластина	*329*	92,48	3,10	0,000	0,000	0,000	0,46	0,11	0,15	3,72	0,000
153	пластина	*330*	88,78	3,06	0,000	0,000	0,000	0,33	2,50	0,36	4,98	0,000
154	выплеск металла	*331*	53,67	3,05	0,000	0,000	0,000	0,45	31,07	0,47	11,31	0,000
155	выплеск металла	*332*	90,81	1,44	0,000	0,000	0,000	0,18	2,04	0,18	5,36	0,000
156	прутик	*333*	53,59	1,03	0,08	0,000	0,31	0,35	32,14	0,24	12,28	0,000
157	выплеск металла	*334*	67,35	9,58	0,000	0,000	0,000	0,46	9,12	0,46	13,05	0,000
158	выплеск металла	*335*	79,54	2,45	0,000	0,000	0,000	0,53	6,03	0,41	11,05	0,000
159	выплеск металла	*336*	71,72	2,56	0,000	0,000	0,000	0,51	16,99	0,38	7,84	0,000
160	матрица для изготовления наконечников ремней	*337*	90,116	0,544	0,000	0,657	0,218	0,253	3,663	0,133	4,416	0,000
161	выплеск металла	*338*	83,82	0,82	0,000	0,000	0,000	0,60	3,86	0,25	10,65	0,000
162	пластина	*339*	82,84	2,92	0,000	0,000	0,000	0,38	3,93	0,26	9,69	0,000
163	пластина	*340*	88,22	4,31	0,13	0,000	0,000	0,34	0,24	0,18	6,61	0,000
164	пластина	*341*	83,39	2,03	0,04	0,000	0,77	0,45	3,52	0,41	9,41	0,000
165	пластина	*342*	91,93	2,12	0,09	0,000	0,000	0,24	0,15	0,11	5,38	0,000
166	пластина	*343*	38,08	0,42	0,000	0,000	1,94	0,000	43,53	0,15	15,88	0,000
167	выплеск металла	*344*	28,77	11,18	0,48	0,000	0,000	0,05	56,32	0,37	2,85	0,000
168	пластина	*345*	61,38	2,67	0,000	0,000	0,000	0,45	26,32	0,38	8,82	0,000
169	выплеск металла	*347*	93,91	1,07	0,000	0,000	0,000	0,21	3,24	0,20	1,38	0,000
170	дрот кованый (бронзовая заклепка)	*349*	90,045	5,698	0,000	0,000	0,837	0,126	0,343	0,254	2,697	0,000
171	выплеск металла	*350*	66,22	0,83	0,000	0,000	0,000	0,56	16,99	0,28	15,13	0,000
172	выплеск металла	*351*	57,21	5,93	0,000	0,000	0,000	0,57	23,98	0,78	11,54	0,000
173	выплеск металла	*353*	70,53	4,14	0,000	1,29	0,000	0,48	14,41	0,31	8,86	0,000
174	слиток	*354*	0,000	1,71	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,80	97,50	0,000
175	фр-т зеркала	*355*	47,052	0,380	0,000	0,000	0,958	0,093	48,298	0,155	3,064	0,000
			56,768	0,150	0,000	0,000	0,720	0,089	39,006	0,106	3,162	0,000
176	выплеск металла	*357*	39,14	4,79	0,000	0,000	0,000	0,60	43,75	0,37	11,35	0,00
177	фр-т котла	*358*	85,17	1,63	0,000	0,000	0,000	0,39	4,09	0,25	8,46	0,000
178	прутик	*359*	89,59	1,08	0,34	0,000	0,000	0,17	5,94	0,15	2,76	0,000
179	прутик	*361*	45,80	2,06	0,000	0,000	1,01	1,54	22,32	0,51	26,78	0,000
180	выплеск металла	*362*	84,83	1,24	0,000	0,000	0,000	0,34	3,77	0,28	9,56	0,000
181	выплеск металла	*364*	98,84	0,72	0,000	0,000	0,000	0,12	0,02	0,06	0,25	0,000
182	пластина	*366*	98,21	0,28	0,42	0,000	0,05	0,31	0,000	0,19	0,54	0,000
183	прутик	*367*	88,27	1,80	0,000	5,20	0,40	0,20	0,24	0,16	3,77	0,000
184	пластина	*369*	96,59	1,48	0,000	0,000	0,000	0,24	0,06	0,08	1,56	0,000
185	выплеск металла	*371*	65,84	1,16	0,000	0,26	0,000	0,80	14,61	0,41	16,30	0,64
186	пластина	*372*	59,87	1,80	0,000	0,000	0,000	0,24	24,92	0,21	12,97	0,000
187	фр-т зеркала	*374*	61,118	0,171	0,000	0,000	0,000	0,104	38,507	0,099	0,000	0,000
188	прутик	*375*	56,203	0,290	0,000	0,843	0,138	0,837	35,228	0,198	6,262	0,000
189	матрица для изготовления наконечников ремней	*376*	64,38	0,46	0,09	0,38	0,47	0,68	26,76	0,41	6,38	0,000

Продолжение табл. 7

№	наименование	№ по табл. 2	Cu	Fe	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au
			с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%
190	выплеск металла	*377*	45,74	4,80	0,000	0,20	0,000	0,45	34,52	0,44	13,86	0,000
191	выплеск металла	*379*	32,52	0,32	0,000	0,51	0,000	0,09	57,72	0,07	8,79	0,000
192	прутик	*381*	28,19	5,29	0,000	0,000	0,59	0,36	44,35	0,30	20,94	0,000
193	выплеск металла	*382*	49,62	4,39	0,000	0,000	0,000	0,50	34,05	0,39	11,06	0,000
194	пластина	*384*	85,47	0,73	0,20	0,000	0,000	0,14	3,01	0,22	10,24	0,000
195	выплеск металла	*385*	85,49	4,54	0,000	0,000	0,000	0,25	1,58	0,33	7,82	0,000
196	пластина	*386*	92,79	2,51	0,000	0,000	0,14	0,23	0,12	0,10	4,13	0,000
197	заклепка	*387*	96,862	0,986	0,000	0,000	0,313	0,256	0,063	0,093	1,426	0,000
198	гирька-экзагий	*388*	79,865	1,467	0,018	6,292	1,088	0,469	4,769	0,112	5,921	0,000
199	выплеск металла	*391*	44,26	6,42	0,000	0,000	0,000	0,62	22,79	1,66	24,27	0,000
200	прутик	*392*	63,18	2,02	0,000	0,000	0,16	0,39	20,91	0,26	13,08	0,000
201	прутик	*394*	63,75	0,74	0,000	0,000	0,46	0,19	24,54	0,26	10,07	0,000
202	прутик	*397*	51,56	1,37	0,000	0,000	0,26	0,16	35,21	0,20	11,25	0,000
203	выплеск металла	*401*	85,97	3,24	0,08	0,000	0,000	0,31	0,51	0,20	9,71	0,000
204	Выплеск металла	*401*	95,12	0,78	0,000	0,000	0,10	0,40	0,13	0,10	3,39	0,000
205	фр-т бронзового браслета или височного кольца	*404*	87,913	0,704	0,028	8,791	0,763	0,148	0,801	0,094	0,757	0,000
206	прутик	*406*	45,49	1,83	0,000	0,000	0,000	1,03	26,78	0,53	24,28	0,08
207	прутик	*407*	55,89	0,75	0,000	0,000	0,17	0,77	19,26	0,48	22,63	0,08
208	прутик	*408*	46,37	1,37	0,000	0,06	0,29	0,60	28,51	0,38	22,40	0,04
209	выплеск металла	*410*	0,00	83,14	0,000	0,000	0,000	3,43	6,32	7,11	0,00	0,000
210	выплеск металла	*411*	23,28	1,62	0,000	0,000	0,000	0,58	48,09	0,55	25,90	0,000
211	выплеск металла	*412*	88,92	0,31	0,000	0,000	0,000	0,34	1,68	0,11	8,57	0,07
212	пластина	*413*	99,00	0,75	0,04	0,000	0,10	0,02	0,02	0,03	0,06	0,000
213	прутик	*417*	52,56	0,97	0,000	0,000	0,15	0,85	20,50	0,53	24,37	0,08
214	выплеск металла	*418*	52,23	11,06	0,000	0,000	0,000	0,86	16,43	0,39	19,03	0,04
215	фр-т котла	*419*	96,43	0,93	0,000	0,000	0,000	0,20	1,41	0,16	0,88	0,000
216	выплеск металла	*420*	21,37	3,80	0,000	0,000	0,000	0,17	62,08	0,17	12,41	0,000
217	пластина	*422*	80,09	1,26	0,000	0,000	0,000	1,20	5,94	0,26	11,17	0,09
218	выплеск металла	*423*	0,08	1,00	0,000	0,000	0,000	0,000	62,26	0,000	36,66	0,000
219	выплеск металла	*424*	38,32	1,60	0,000	0,45	0,000	1,21	32,22	0,61	25,59	0,000
220	пластина	*425*	80,21	1,43	0,000	7,63	0,43	0,43	0,13	0,23	9,53	0,000
221	выплеск металла	*426*	97,92	0,82	0,000	0,000	0,000	0,19	0,06	0,09	0,93	0,000
222	пластина	*427*	93,87	2,92	0,000	0,000	0,09	0,23	0,13	0,12	2,66	0,000
223	пластина	*430*	92,64	2,31	0,000	0,000	0,00	0,31	0,07	0,09	4,58	0,000
224	слиток	*431*	76,97	0,39	0,000	0,000	0,21	0,38	16,36	0,28	5,43	0,000
225	пластинчатые прямоугольные накладки со штифтами	*432*	98,986	0,185	0,070	0,000	0,151	0,058	0,040	0,043	0,468	0,000
	пластина с отверстиями		99,184	0,206	0,247	0,000	0,299	0,000	0,050	0,014	0,000	0,000
226	прутик	*434*	44,56	0,65	0,000	0,000	1,80	0,20	4,65	0,26	47,89	0,000
227	выплеск металла	*436*	68,39	3,73	0,000	0,000	0,00	0,41	9,68	0,48	17,31	0,000

Продолжение табл. 7

№	наименование	№ по табл. 2	Cu	Fe	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au
			с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%
228	фр-т бронзового рельефного изделия (котла?)	*437*	97,871	0,046	0,000	0,000	0,257	0,130	0,980	0,084	0,632	0,000
229	выплеск металла	*439*	39,29	3,29	0,000	0,36	0,000	1,20	45,03	0,29	10,56	0,000
230	игла	*440*	90,361	0,285	0,000	8,315	0,234	0,084	0,071	0,042	0,607	0,000
231	прутик	*441*	85,51	0,21	0,000	0,000	0,09	0,11	8,70	0,12	5,28	0,000
232	выплеск металла	*448*	83,35	2,62	0,000	0,000	0,000	0,51	4,96	0,31	8,25	0,000
233	выплеск металла	*449*	46,64	1,69	0,000	0,000	0,000	0,35	39,39	0,50	11,45	0,000
234	выплеск металла	*450*	51,08	0,63	0,000	0,000	0,000	0,45	26,73	0,41	20,69	0,04
235	выплеск металла	*451*	31,49	2,63	0,000	0,000	0,000	0,25	34,21	0,25	31,17	0,000
236	фр-т бронзовой пластины с заклепкой	*452*	84,592	2,140	0,035	6,013	0,855	0,371	1,930	0,111	3,954	0,000
237	прутик	*458*	95,34	0,20	0,000	2,95	0,14	0,13	0,03	0,06	1,15	0,000
238	прутик	*460*	52,60	4,92	0,000	0,000	0,28	0,35	29,10	0,39	12,38	0,000
239	выплеск металла	*463*	69,18	6,47	0,000	0,000	0,000	0,49	12,06	0,59	11,23	0,000
240	выплеск металла	*464*	70,92	2,00	0,000	0,000	0,000	0,18	20,77	0,18	5,96	0,000
241	выплеск металла	*465*	53,23	1,52	0,000	0,000	0,000	0,37	28,05	0,31	16,53	0,000
242	фр-т серьги проволочной	*469*	90,45	0,27	0,000	6,14	0,05	0,19	0,60	0,16	2,15	0,000
243	браслет кованый	*470*	79,219	0,048	0,000	0,070	1,444	0,311	12,091	0,186	6,631	0,000
244	фр-т рельефного бронзового изделия (обломок котла)	*471*	94,05	1,84	0,04	0,000	0,000	0,15	1,74	0,11	2,10	0,000
245	выплеск металла	*472*	77,07	3,62	0,000	8,78	0,000	0,41	0,99	0,35	8,78	0,000
246	наконечник поясной	*474*	56,911	0,319	0,057	0,213	0,416	0,427	37,233	0,163	4,262	0,000
247	матрица фибулы	*475*	71,665	1,101	0,062	3,576	1,497	0,523	15,854	0,265	5,458	0,000
248	амулет антропоморфный	*476*	63,29	1,97	0,000	0,000	1,03	0,51	20,85	0,22	12,12	0,000
249	прутик	*477*	80,57	0,29	0,000	0,000	0,23	0,18	9,57	0,21	8,98	0,000
250	коробчатая подвеска	*478*	92,166	0,537	0,000	6,211	0,362	0,160	0,068	0,065	0,430	0,000
251	фр-т браслета	*479*	61,846	0,792	0,340	0,000	0,472	0,143	26,184	0,145	10,078	0,000
252	фр-т зеркала	*480*	62,699	0,550	0,000	2,909	0,107	0,109	33,118	0,188	0,321	0,000
253	фр-т котла	*483*	81,66	0,59	0,000	0,000	0,000	0,21	5,68	0,30	11,56	0,000
254	обойма пряжки	*485*	84,00	2,50	0,15	8,14	0,86	0,07	1,30	0,09	2,90	0,000
255	серьга в виде кольца	*484*	92,51	0,16	0,000	5,56	0,21	0,20	0,21	0,12	1,03	0,000
256	пластина	*496*	91,70	3,91	0,55	0,000	0,47	0,84	0,06	0,37	2,12	0,000
257	пластина	*499*	94,15	2,12	0,000	0,000	0,10	0,41	0,75	0,15	2,34	0,000
258	пластина	*500*	40,67	1,83	0,17	0,000	0,000	0,38	39,63	0,26	17,09	0,000
259	миниатюрная пряжка с трапециевидной рамой и «геральдическим» щитком, отлитым вместе с рамой.	*501*	90,684	0,308	0,000	6,114	0,140	0,443	0,518	0,082	1,712	0,000
260	матрица для изготовления накладок	*502*	45,77	0,35	0,03	0,20	0,000	2,52	36,76	0,23	14,05	0,10
261	фр-т котла	*510*	80,14	0,40	0,000	0,000	0,000	0,31	7,37	0,33	11,45	0,000
262	пластина	*511*	56,77	1,51	0,000	0,23	0,000	0,30	27,75	0,28	13,18	0,000

Продолжение табл. 7

№	наименование	№ по табл. 2	Cu	Fe	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au
			с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%
263	прутик	*512*	43,10	0,86	0,000	0,91	0,22	0,35	42,53	0,27	11,80	0,000
264	височное кольцо	*513*	88,66	0,39	0,02	5,58	0,41	0,12	1,30	0,09	3,44	0,000
265	серьга полиэдрическая	*516*	91,282	0,453	0,000	5,377	0,447	0,195	0,813	0,075	1,358	0,000
266	серьга с полиэдрическим навершием	*518*	83,314	0,423	0,000	1,718	0,047	1,154	11,336	0,081	1,927	0,000
267	булавка	*519*	96,436	0,373	0,000	0,000	0,000	0,070	3,036	0,085	0,000	0,000
268	пластина	*521*	92,12	5,75	0,13	0,000	0,10	0,53	0,13	0,40	0,86	0,000
269	фр-т котла	*522*	88,68	1,24	0,000	0,000	0,000	0,10	4,79	0,18	5,02	0,000
270	фр-т котла	*523*	80,97	2,30	0,06	0,000	0,13	0,11	7,87	0,25	8,32	0,000
271	фр-т зеркала	*524*	49,070	0,528	0,000	0,000	0,000	0,175	49,347	0,136	0,744	0,000
272	выплеск металла	*528*	32,48	17,82	0,000	0,14	0,000	0,32	36,62	0,63	12,01	0,000
273	выплеск металла	*529*	87,27	1,02	0,000	7,02	0,12	0,16	0,11	0,12	4,22	0,000
274	игла	*533*	99,068	0,495	0,129	0,000	0,264	0,000	0,000	0,000	0,045	0,000
275	заклепка	*537*	92,042	2,944	0,000	0,000	0,491	0,261	0,108	0,147	4,007	0,000
276	пластина	*538*	56,95	5,09	0,000	0,000	0,06	0,22	34,73	0,18	4,46	0,000
277	пластина	*539*	57,45	3,31	0,000	4,70	0,12	0,26	22,76	0,23	11,19	0,000
278	амулет антропоморфный	*540*	72,086	0,450	0,000	0,151	0,321	0,319	20,113	0,237	6,323	0,000
279	кольцо	*544*	89,077	0,399	0,000	7,903	0,523	0,086	0,402	0,067	1,544	0,000
280	фр-т зеркала	*546*	52,796	0,367	0,202	0,000	0,701	0,151	41,789	0,120	3,873	0,000
			59,413	0,232	0,173	0,000	0,591	0,129	36,318	0,107	3,037	0,000
281	пластина	*547*	95,73	2,03	0,17	0,000	0,17	0,32	0,06	0,16	1,38	0,000
282	выплеск металла	*548*	84,64	3,86	0,000	0,000	0,46	0,43	0,10	0,20	10,32	0,000
283	выплеск металла	*549*	50,07	2,44	0,000	0,93	0,10	0,56	28,44	0,32	17,16	0,000
284	пластина	*550*	94,75	4,43	0,000	0,000	0,11	0,13	0,12	0,18	0,30	0,000
285	пластина	*553*	88,11	2,00	0,000	4,83	0,09	0,31	0,11	0,11	4,46	0,000
286	выплеск металла	*554*	64,11	4,08	0,000	0,000	0,000	0,68	19,31	0,65	11,19	0,000
287	выплеск металла	*555*	91,76	5,84	0,20	0,08	0,18	0,27	0,20	0,09	1,40	0,000
288	пластина	*556*	58,78	5,29	0,000	5,19	0,000	1,77	19,24	0,33	9,42	0,000
289	фр-т котла	*558*	97,44	0,45	0,06	0,000	0,000	0,06	0,70	0,08	1,22	0,000
290	фр-т зеркала	*562*	62,135	0,080	0,000	0,000	0,054	0,068	37,078	0,110	0,474	0,000
291	пальчатая фибула	*563*	78,803	2,105	0,000	3,578	1,277	0,425	4,708	0,316	8,788	0,000
292	фибула	*566*	92,009	0,101	0,000	6,681	0,000	0,080	0,727	0,085	0,318	0,000
	игла		88,79	0,194	0,000	9,708	0,000	0,08	0,691	0,087	0,45	0,000
293	фр-т зеркала	*572*	61,303	0,542	0,000	0,000	0,000	0,106	37,967	0,083	0,000	0,000
294	пронизь	*574*	57,684	1,700	0,000	0,214	0,668	0,236	28,212	0,229	11,059	0,000
295	сплеск (выплеск) металла	*577*	91,209	0,040	0,000	0,000	0,335	0,117	5,264	0,083	2,952	0,000
296	пластина кованая	*580*	97,234	2,085	0,030	0,000	0,369	0,057	0,084	0,057	0,084	0,000
297	фибула	*581*	93,329	0,472	0,000	3,881	0,196	0,120	0,969	0,166	0,866	0,000
298	прутик расплющенный	*582*	69,111	0,752	0,000	0,000	1,309	0,227	18,542	0,163	9,896	0,000
299	сплеск (выплеск) металла	*584*	71,992	0,443	0,027	0,000	1,481	0,257	11,658	2,148	11,993	0,000
300	прутик кованый	*585*	82,798	0,466	0,073	15,127	0,545	0,087	0,096	0,060	0,749	0,000

Продолжение табл. 7

№	наименование	№ по табл. 2	Cu	Fe	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au
			с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%
301	пластина	*586*	98,483	0,419	0,000	0,000	0,177	0,209	0,014	0,046	0,652	0,000
302	выплеск металла	*587*	87,988	0,367	0,000	0,000	0,361	0,146	7,433	0,100	3,604	0,000
303	пластина свернутая	*588*	86,888	1,274	0,042	0,034	0,852	0,058	1,713	0,065	9,074	0,000
304	коробчатая («звезчатая») подвеска	*589*	99,250	0,301	0,132	0,000	0,249	0,000	0,022	0,045	0,000	0,000
305	изделие пластинчатое	*590*	75,442	0,736	0,066	0,000	0,456	0,191	18,582	0,230	4,298	0,000
306	круглая свинцовая бляшка-«шайба»	*609*	0,000	3,506	0,000	0,000	4,937	0,089	35,183	0,139	56,146	0,000
307	пластинка	*610*	98,444	0,575	0,000	0,000	0,104	0,180	0,038	0,070	0,590	0,000
308	Т-образная накладка	*612*	54,264	0,584	0,000	0,928	0,532	0,674	20,951	0,323	21,743	0,000
309	коробчатый наконечник ремня	*621*	91,599	0,296	0,000	7,587	0,000	0,000	0,494	0,024	0,000	0,000
310	прутик	*622*	58,02	1,28	0,041	0,000	0,348	0,343	23,809	0,401	15,759	0,000
311	обломок спинки пальчатой фибулы	*623*	66,918	0,623	0,000	3,489	0,802	0,221	19,837	0,174	7,935	0,000
312	прутик	*627*	95,636	0,237	0,000	0,092	0,563	0,134	0,531	0,102	2,705	0,000
313	фр-т зеркала	*628*	65,485	0,282	0,000	2,932	0,073	0,103	30,713	0,161	0,251	0,000
314	заклепка	*635*	95,187	1,615	0,000	0,000	0,428	0,231	0,048	0,090	2,401	0,000
315	зеркало	*641*	66,338	0,428	0,000	3,210	0,049	0,095	29,379	0,170	0,332	0,000
316	фр-т браслета	*648*	63,584	0,748	0,141	3,897	0,379	0,081	30,441	0,111	0,619	0,000
317	браслет с плоским расширенным концом	*648*	50,751	0,294	0,000	0,000	0,152	0,361	32,428	0,274	15,741	0,000
318	пластинчатая прямоугольная накладка	*653*	96,306	1,108	0,000	0,000	0,058	0,28	0,017	0,105	2,125	0,000
319	браслет с плоским расширенным концом	*656*	91,974	0,151	0,000	0,000	0,145	0,152	4,295	0,125	3,158	0,000
320	обрезок пластины	*659*	99,145	0,431	0,220	0,000	0,204	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
321	браслет кованый (заготовка?)	*669*	73,988	1,003	0,000	0,000	1,088	0,259	15,535	0,210	7,917	0,000
322	заклепка	*671*	95,035	0,080	0,000	0,000	0,428	0,108	1,213	0,073	3,062	0,000
323	фр-т котла	*679*	96,351	0,015	0,000	0,000	0,272	0,088	1,161	0,070	2,044	0,000
324	заклепка	*687*	98,498	0,531	0,041	0,036	0,199	0,156	0,049	0,080	0,411	0,000
325	пластина деформированная	*694*	94,573	2,808	0,000	0,000	0,497	0,199	0,115	0,096	1,712	0,000
326	Дрот кованый 4-хгранный, фр-т	*712*	80,939	0,056	0,000	0,000	0,000	0,094	12,754	0,103	6,053	0,000
327	выплеск металла	*718*	94,600	0,231	0,145	0,014	0,103	0,054	4,710	0,063	0,081	0,000
328	стенка котла	*726*	84,318	0,557	0,000	0,000	1,087	0,194	4,780	0,258	8,806	0,000
329	фр-т зеркала	*744*	66,466	0,408	0,000	2,937	0,069	0,098	29,619	0,161	0,242	0,000
			64,386	0,468	0,000	2,871	0,098	0,099	31,647	0,168	0,263	0,000
330	фр-т зеркала	*750*	62,737	0,205	0,251	0,000	1,102	0,119	31,710	0,129	3,746	0,000
			62,092	0,146	0,216	0,000	1,153	0,122	31,263	0,133	4,874	0,000
331	пластина свернутая	*751*	99,082	0,338	0,000	0,072	0,054	0,053	0,095	0,055	0,250	0,000
332	миниатюрная бляшка с геральдическим щитком и мотивом лунницы	*756*	90,756	0,333	0,051	8,135	0,173	0,245	0,151	0,036	0,121	0,000

Окончание табл. 7

№	наименование	№ по табл. 2	Cu	Fe	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au
			с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%	с/%
333	фр-т раскованного конца прутика	*767*	69,718	0,756	0,000	0,000	1,461	0,232	19,290	0,241	8,301	0,000
334	круглых бляшки с бордюром из рельефных валиков по краю	*776*	0,091	0,688	0,000	0,000	0,000	0,000	76,158	0,034	23,029	0,000
335	круглая бронзовая пластинчатая накладка	*779*	76,147	0,544	0,000	0,711	1,055	0,451	10,741	0,214	10,136	0,000
336	фр-т зеркала	*784*	64,157	0,000	0,032	0,000	0,528	0,130	32,109	0,113	2,930	0,000
337	круглая бляшка с бордюром из рельефного валика по краю	*796*	0,094	0,728	0,000	0,056	0,634	0,000	65,896	0,000	32,592	0,000
338	ажурный наконечник пояса геральдического стиля	*798*	77,788	0,241	0,072	0,325	0,308	0,621	17,832	0,133	2,68	0,000
339	круглая бляшка с бордюром из рельефного валика по краю	*807*	0,452	0,668	0,000	0,259	0,000	0,000	65,715	0,000	32,906	0,000
340	круглая бронзовая пластинчатая накладка	*814*	85,139	1,335	0,000	5,236	1,183	0,197	2,545	0,147	4,217	0,000
341	коробчатая («звезчатая») подвеска	*819*	51,366	1,210	0,000	0,796	1,205	0,523	33,833	0,269	10,797	0,000

Таблица 8

Стаево-5. Результаты исследования химического состава остатков (соскобов) с внутренних стенок тиглей (образец — тигель)

образец	Al	Si	P	K	Ca	Ti	Cr	Mn	Fe	Cu	Zn	As	Sr	Sn	Ba	Pb	Cl
1	4,53	24,50	5,43	1,63	16,96	0,49	0,04	0,18	3,53	36,98	0,14	0,44	0,35	2,10	0,25	2,45	0,00
2	7,14	12,26	10,90	0,00	17,22	0,43	0,00	0,35	3,6	44,63	0,00	0,32	0,00	0,00	0,40	1,81	0,95
3	3,12	7,38	4,64	0,00	9,58	0,24	0,00	0,07	2,43	60,72	0,07	0,50	0,00	7,65	0,25	3,09	0,27
4	2,49	16,10	1,67	0,84	2,39	0,12	0,00	0,03	1,24	51,47	0,11	0,27	0,00	21,42	0,00	0,00	0,00
5	9,00	67,44	0,58	5,97	7,80	1,77	0,03	0,05	3,94	2,88	0,07	0,03	0,00	0,00	0,35	0,00	0,00
6	11,21	64,77	0,74	7,51	6,24	1,93	0,07	0,05	4,01	3,07	0,11	0,00	0,00	0,00	0,28	0,00	0,00
7	12,13	49,92	1,41	6,27	9,05	1,48	0,03	0,10	13,46	4,66	0,16	0,13	0,00	0,00	0,44	0,00	0,00
8	11,66	57,07	1,28	7,13	6,74	1,79	0,00	0,08	11,54	2,11	0,20	0,00	0,00	0,00	0,42	0,00	0,00
9	10,14	41,67	5,94	6,04	16,90	2,34	0,06	0,12	10,56	2,49	0,19	0,12	0,19	0,00	0,48	0,31	2,46

Таблица 9

Стаево-4. Содержание основных элементов в металлургических артефактах

№ анализа	Археологический шифр	Fe	Si	Al	Zr	Mn	Ti	V	Cr	Ca	P
1187	Раскоп 1, кв. И, 7	48,218	24,832	21,762	0,011	0,426	0,237	0,012	0,014	1,002	0,232
1188	Раскоп 2	58,282	14,929	11,473	0,008	0,076	0,101	0,014	0,014	1,221	0,553
1189	Раскоп 1, кв. И, 7	62,409	11,636	8,913	0,003	0,343	0,067	0,018	0,012	0,241	0,113
1190	Раскоп 1	61,121	13,144	7,091	0,004	0,599	0,057	0,021	0,017	0,366	0,181
1192	Раскоп 1, кв. Б, 6	19,13	31,908	12,069	0,027	0,213	0,264	0,012	0,01	0,881	–
1193	Раскоп 2	21,798	40,057	3,621	0,027	0,068	0,077	–	0,008	1,163	–
1194	Раскоп 1, кв. И, 7	36,039	19,427	14,375	0,007	0,665	0,089	0,014	0,013	3,391	1,188

Окончание табл. 9

№ анализа	Археолого-гический шифр	Fe	Si	Al	Zr	Mn	Ti	V	Cr	Ca	P
1195	Раскоп 1, кв. И, 7	44,131	16,744	10,744	0,009	0,494	0,113	0,015	0,011	3,558	2,15
1196	Раскоп 1, кв. З, 4	35,165	33,895	20,921	0,008	0,218	0,311	–	0,015	1,037	–
1197	Раскоп 1, кв. З, 4	59,753	10,923	7,654	0,02	0,588	0,065	0,024	0,018	0,465	0,55
1198	Раскоп 1, кв. З, 7	47,657	17,443	11,468	0,003	0,39	0,109	0,02	0,019	0,899	0,316
1199	Раскоп 1, кв. И, 7	61,259	16,083	12,82	0,004	0,663	0,068	0,017	0,018	0,561	0,401

Таблица 10

Стаево-4 и 5. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа железных изделий из поселения (основа — железо)

Номер анализа	Sn	Cd	Bi	As	Pb	W	Cu	Co	Ti	P	S	Mg
13324	0	0,007	0,019	0,01	0,014	0,04	0	0	0	0,322	0,035	0,906
13324	0,02	0	0	0,032	0	0	0,027	0	0	0,452	0,049	3,002
13321	0	0	0,016	0,008	0,01	0	0	0	0	0,17	0,074	1,048
13320	0	0,005	0,035	0,007	0,042	0	0	0	0	0,121	0,083	0
13320	0,007	0	0,016	0,009	0	0,019	0	0	0	0,112	0,04	1,044
13319	0	0,003	0,003	0,001	0	0	0	0	0,008	0	0,043	0
13314	0,006	0	0	0,006	0	0	0	0	0,016	0,051	0,058	0
13313	0	0,003	0,004	0	0,004	0	0	0	0,072	0	0,09	0
13305	0	0,002	0,009	0,003	0,008	0,023	0	0	0,009	0,038	0,062	0
13304	0	0	0,003	0,002	0,003	0	0	0	0	0,051	0,035	0
13296	0	0	0	0	0	0,021	0,021	0	0	0	0,015	0
13295	0	0	0,007	0,004	0	0,072	0,075	0,29	0	0	0,032	0
13295	0	0	0	0,003	0	0	0,025	0,152	0	0	0,023	0

Таблица 11

Стаево-4 и 5. Изделия, подвергшиеся металлографическому анализу. Распределение проанализированных категорий железного инвентаря по памятникам

Категория	Стаево-4	Стаево-5	Всего
Ножи	13	37	50
Меч		1	1
Топоры	3	3	6
Серпы	2	2	4
Коса		1	1
Шилья	1	6	7
Пробойники	3	6	9
Пуансон		1	1
Зубильце	2		2
Напильники (?)		2	2
Наконечники стрел	2	3	5
Булавки		2	2
Пряжки		1	1
Рыболовные крючки	1	3	4
Полуфабрикат		2	2
Заготовки		3	3
Всего	27	73	100

Таблица 12

Стаево-5. Раскоп 9, 2019 г. Базовые параметры остеологических материалов

Выборки из культурного слоя (к/сл.) и объектов	Кости животных					
	ВСЕГО	Доля (%) определимых до вида	Сохранность (по 5-балльной шкале)	Объем (дм^3)	Индекс фрагментирования (ИФ)	% сожженных
к/сл. 0,0-0,2 м	**69**	34,8	2–1	1,0	69,0	46,4
к/сл. 0,2-0,4 м	**157**	39,5	2–3	2,0	78,5	29,9
к/сл. 0,2-0,4 м (кв. Л-М, 3'–4')	**63**	52,4	2–1	1,2	52,5	23,8
к/сл. 0,4-0,6 м	**17**	70,6	2–3	0,3	56,7	0,0
объект 4	**26**	53,8	3–2	1,4	18,6	7,7
объект 19	**3**	100,0	3–2	0,2	15,0	0,0
ИТОГО	**335**	44,2	2–3	6,1	54,9	28,7

Таблица 13

Стаево-5. Раскоп 9, 2019 г. Видовая структура остеологической коллекции

Выборки из культурного слоя (к/сл.) и объектов	Абсолютное число костей копытных					
	всего	среди них:				
		крупный рогатый скот	лошадь	мелкий рогатый скот	свинья	лось
к/сл. 0,0-0,2 м	**24**	19	2	3		
к/сл. 0,2-0,4 м	**62**	30	16	2	10	4
к/сл. 0,2-0,4 м (кв. Л-М, 3'–4')	**33**	21	2	2	7	1
к/сл. 0,4-0,6 м	**12**	6	4		1	1
объект 4	**14**					14
объект 19	**3**	3				
ВСЕГО	**148**	**79**	**24**	**7**	**18**	**20**
остео-спектр	100,0%	53,4	16,2	4,7	12,2	13,5

Таблица 14

Стаево-5. Раскоп 9, 2019 г. Анатомическая структура остеологической коллекции

Элементы скелета		Абсолютное число костей копытных:					
русские термины	латынь сокр.	крупный рогатый скот	лошадь	мелкий рогатый скот)	свинья	лось	неопределимых до вида
рог	COR	11				4	
череп	CRA	4			1		7
нижняя челюсть	MAN	15	1	1	2		9
зубы	DEN	12	8	4	9	3	
позвонки	VER				1		12
ребра	COS						14
лопаточная	SCA	6			1	13	22
плечевая	HUM						18
кости предплечья	RAD+	9	2		2		20
тазовая	PEL		1				16
бедренная	FEM	5			1		34
берцовые	TIB		5	1	1		21
метаподии	MTP	6	5	1			7
мелкие кости конечностей	POD	7	2				5
фаланги	PHA	4					2
ИТОГО		**79**	**24**	**7**	**18**	**20**	**187**

Таблица 15

Стаево-5. Список флотационных образцов и структура археоботанической коллекции

Примечание к таблицам 15, 16
Культурная принадлежность и хронология объекта:
ВВ — объекты верхневоронежской культурной группы (раннее Средневековье)
ВВ-см — объекты верхневоронежской культурной группы с примесью материалов более раннего времени
ВВ? — объекты без датирующих материалов
смеш — перемешанный слой вне сооружений
Гор — объект городецкой культуры РЖВ
Пск — объекты позднескифской культуры

№ ан.	Год сборов	Место отбора пробы	Хроно-логия	Посевные культуры		лесные	сорные	прочие	Всего
				зерна и семена	неопр. фрагм.				
3241	2018	Раскоп 9, объект 4	ВВ-см				1		**1**
3242		Раскоп 6, объект 21	ВВ-см	1	2				**3**
3243		Раскоп 6, объект 30	ВВ	19	5	4	6	4	**38**
3244		Раскоп 6, объект 24	ВВ	7	4		4	3	**18**
3245		Раскоп 6, объект 25	смеш.	25	16	2	4	3	**50**
3246		Раскоп 6, объект 32	ВВ-см	2			5	1	**8**
3247		Раскоп 6, объект 31	ВВ-см	1					**1**
3248		Раскоп 6, объект 34	ВВ-см	53	7			4	**64**
		Раскоп 6, объект 29	ВВ						**0**
		Раскоп 6, объект 30	ВВ						**0**
		Раскоп 9, кв. П-Р, 1,2	смеш.						**0**
3249		Раскоп 9, скопление 1	ВВ			3	1	1	**5**
3250		Раскоп 6, объект 38	Гор.	1					**1**
3251		Раскоп 9, объект 3	ВВ-см	3			3		**6**
3252		Раскоп 6, объект 37	ВВ-см					1	**1**
3253	2019	Раскоп 9, кв. Ж-З, 3',4'	смеш.		1			1	**2**
		Раскоп 9, скопление-3	ВВ						**0**
		Раскоп 9, объект 4 (верхний серый слой) слой)	ВВ-см						**0**
		Раскоп 9, объект 11	ВВ?						**0**
3254		Раскоп 9, объект 12	ВВ-см	1					**1**
3255		Раскоп 9, объект 13 (темный слой)	Пск	6			4	2	**12**
		Раскоп 9, объект 13 (серое заполнение)	Пск						**0**
		Раскоп 9, объект 15	ВВ-см						**0**
		Раскоп 9, объект 16	ВВ?						**0**
		Раскоп 9, объект 16А	ВВ?						**0**
		Раскоп 9, слой вне объектов	смеш.						**0**
	2020	Раскоп 9, кв. Ж-З, 3-4, южное темное пятно	ВВ						**0**
		Раскоп 9, кв. Ж-З, 5, гл. 0,4-0,5; пятно 2	ВВ						**0**
		Раскоп 9, кв. Ж-З, 3-4, северное темное пятно	ВВ-см						**0**
		Раскоп 9, объект 20, пятно 3	ВВ						**0**
		Раскоп 9, объект 20, гл. 0,2-0,3	ВВ						**0**
		Раскоп 9, объект 21	ВВ-см						**0**
3468		Раскоп 9, объект 23	ВВ	2	2		1		**5**
		Раскоп 9, объект 24	ВВ?						**0**
3469		Раскоп 9, объект 26, придонная часть	ВВ	13	5		4		**22**
3470		Раскоп 9, объект 26	ВВ	73	10		19	8	**110**
Всего:				**207**	**52**	**9**	**52**	**28**	**348**
%				*59,5*	*14,9*	*2,6*	*14,9*	*8,1*	*100,0*

Таблица 16

Стаево-5. Таксономический состав карбонизированных растительных макроостатков в образцах

Таксон / № ан.	3243	3244	3249	3468	3469	3470	3241	3242	3245	3246	3247	3248	3252	3251	3253	3254	3250	3255	Всего
Ист.-культ. принадл.	ВВ						ВВ + смеш.										Гор.	Пск	
Культурные																			
Triticum turgidum ssp. *dicoccum*				1	12	3													**16**
Triticum sp.					2														**2**
Hordeum vulgare	4			1	6	3		1	1	1		2		1					**20**
Panicum miliaceum	12	6			49	5			21	1	1	51		2		1	1	6	**156**
cf. *Panicum miliaceum*		1			2														**3**
Avena sativa/ Avena sp.	2				1	2			3										**8**
cf. *Pisum sativum*	1																		**1**
Cannabis sativa					1														**1**
Cerealia, неопред. фрагменты	3	4		2	10	5		2	16			7			1				**50**
Fabaceae, неопред. фрагменты	2																		**2**
Лесные																			
Rubus idaeus	2																		**2**
Corylus avellana	2		3						2										**7**
Сорные																			
Poaceae	1					1													**2**
Echinochloa crus-gali					2														**2**
Cyperaceae	1	2																	**3**
Carex sp.														1					**1**
Polygonaceae	1				1				1									1	**4**
Fallopia convolvulus					1	1			3										**5**
Chenopodiaceae					6														**6**
Chenopodium album														2					**2**
Chenopodium hybridum							1			3									**4**
Neslia paniculata	1																		**1**
Fabaceae, мелкосеменные		1			1													2	**4**
Vicia sp.					1					1								1	**3**
Stachys sp.						1													**1**
Galium sp.				1	5	1													**7**
Galium verum/mollugo			1																**1**
Xantium strumarium		1																	**1**
неопределенные	2				2					1									**5**
Прочие	4	3	1		8				3	1		4	1		1			2	**28**
Всего макроостатков:	**38**	**18**	**5**	**5**	**110**	**22**	**1**	**3**	**50**	**8**	**1**	**64**	**1**	**6**	**2**	**1**	**1**	**12**	**348**

Таблица 17

Стаево-5. Список образцов керамики с отпечатками зерен и семян

Хронология	№ ан.	Местонахождение керамики	Количество фрагментов	Количество отпечатков
Раннее Средневековье, верхневоронежская группа	3011	Раскоп 6, кв. А'-Б', 1, 3, гл. 0,2-0,4 м; оп. 89-97	2	**4**
	3012	Раскоп 6, кв. А'- Б', 4, гл. 0,0-0,2 м; оп. 218-219	1	**1**
	3013	Раскоп 6, кв. А'-Б', 4-5, гл. 0,0-0,2 м; оп. 14-23	2	**2**
	3014	Раскоп 6, кв. А'-Б', 4-5, гл. 0,2-0,4 м; оп. 2-13	1	**13**
	3015	Раскоп 6, кв. А-В, 4-5, гл. 0,2-0,4 м; оп. 57-58	1	**1**
	3016	Раскоп 6, кв. В,1', гл. 0,0-0,2 м; оп. 59	1	**1**
	3017	Раскоп 6, кв. В', 1-2, гл. 0,2-0,4 м; оп. 565	1	**13**
	3018	Раскоп 6, кв. В'-Г', 1-2, гл. 0,2-0,4 м; оп. 264	1	**2**
	3019	Раскоп 6, кв. В'-Г', 1-2, гл. 0,2-0,4 м; оп. 320-327	1	**6**
	3020	Раскоп 6, кв. В'-Г', 1-2, гл. 0,4-0,6 м; оп. 286	1	**1**
	3021	Раскоп 6, кв. Е-Ж, 2-3, гл. 0,0-0,2 м; оп. 119-120	1	**1**
	3022	Раскоп 6, кв. Е-Ж, 2-3, гл. 0,2-0,4 м; оп. 121-134	1	**1**
	3023	Раскоп 6, объект 4, черный слой; оп. 154-156	3	**3**
	3024	Раскоп 6, объект 4, яма Г, заполнение; оп. 176-177	1	**1**
	3025	Раскоп 6, объект 13, завал глины сверху; оп. 182-183	1	**1**
	3026	Раскоп 7, кв. А, 1'-2', гл. 0,0-0,2 м; оп. 317	1	**1**
	3027	Раскоп 7, кв. А-Б, 1-2, гл. 0,4-0,6 м; оп. 305	1	**1**
	3028	Раскоп 7, кв. А, 3'-4', гл. 0,0-0,2 м; оп. 335-348	1	**2**
	3029	Раскоп 7, кв. А, 3-4, гл. 0,2-0,4 м; оп. 354-362	1	**1**
	3030	Раскоп 7, кв. А, 5-6, гл. 0,2-0,4 м; оп. 490-493	1	**1**
	3031	Раскоп 7, кв. Б-В, 1, гл. 0,2-0,4 м; оп. 628	1	**1**
	3032	Раскоп 7, кв. Б-В, 1-2, гл. 0,2-0,4 м; оп. 380-399	1	**1**
	3033	Раскоп 7, кв. Б-В, 1-2, гл. 0,4-0,6 м; оп. 469-481	1	**1**
	3034	Раскоп 7, кв. Б-В, 3-4, гл. 0,0-0,2 м; оп. 400-405	1	**1**
	3035	Раскоп 7, кв. Б-В, 3-4, гл. 0,2-0,4 м; оп. 370-379	1	**2**
	3036	Раскоп 7, кв. Б-В, 3,4, гл. 0,2-0,4 м; оп. 433-449	1	**1**
	3037	Раскоп 7, объект 9; оп. 508-510	2	**2**
	3038	Раскоп 8, кв. Д-Е, 1-2, гл. 0,0-0,2 м; оп. 590-593	2	**2**
городецкая	3039	Раскоп 6, кв. Е-Ж, 2-3, гл. 0,2-0,4 м; оп. 121-134	1	**2**
позднескифская	3040	Раскоп 6, кв. А-В, 1-2; разбор борозды; оп. 25	1	**2**
позднескифская	3041	Раскоп 7, кв. А, 5-6, гл. 0,2-0,4 м; оп. 490-493	1	**1**
позднескифская	3042	Раскоп 7, кв. Б-В, 1-2, гл. 0,4-0,6 м; оп. 469-481	2	**2**
позднескифская	3043	Раскоп 6, кв. А'-Б', 1-3, гл. 0,0-0,2 м; оп. 78-88	1	**1**
РЖВ?	3044	Раскоп 6, кв. А-Б, 1-3, гл. 0,0-0,2 м; оп. 60-64	1	**1**
РЖВ?	3045	Раскоп 7, кв. А, 3-4, гл. 0,0-0,2 м; оп. 338	1	**1**
Неопределенная	3046	Раскоп 6, объект 4; яма Б	1	**1**
Неопределенная	3047	Раскоп 8, кв. И-К, 1-2; гл. 0,0-0,2 м; оп. 594	2	**2**
Всего:	**37**		**45**	**81**

Примечание. Оп. 317 — номер фрагмента сосуда по полевой описи массового материала.

Таблица 18

Стаево-5. Таксономический состав отпечатков на керамике поселения

№ ан.	*Panicum miliaceum*	cf. *Panicum miliaceum*	*Triticum turgidum* ssp. *dicoccum*	*Hordeum vulgare* ssp. *vulgare*	Cerealia	Poaceae	*Avena* sp.	Неопределимые семена	Всего отпечатков
Верхневоронежская группа									
3011	1	3							**4**
3012	1								**1**
3013		2							**2**
3014	13								**13**
3015		1							**1**
3016	1								**1**
3017	10	3							**13**
3018		2							**2**
3019	5			1					**6**
3020	1								**1**
3021		1							**1**
3022		1							**1**
3023				1		1	1		**3**
3024		1							**1**
3025			1						**1**
3026	1								**1**
3027					1				**1**
3028	1							1	**2**
3029		1							**1**
3030						1			**1**
3031								1	**1**
3032			1						**1**
3033		1							**1**
3034				1					**1**
3035	1	1							**2**
3036						1			**1**
3037		1			1				**2**
3038					2				**2**
Железный век									
3039	2								**2**
3040	2								**2**
3041								1	**1**
3042		1						1	**2**
3043	1								**1**
Неопределенная керамика									
3044		1							**1**
3045								1	**1**
3046							1		**1**
3047					2				**2**
Всего:	**40**	**20**	**2**	**3**	**6**	**3**	**2**	**5**	**81**

Иллюстрации

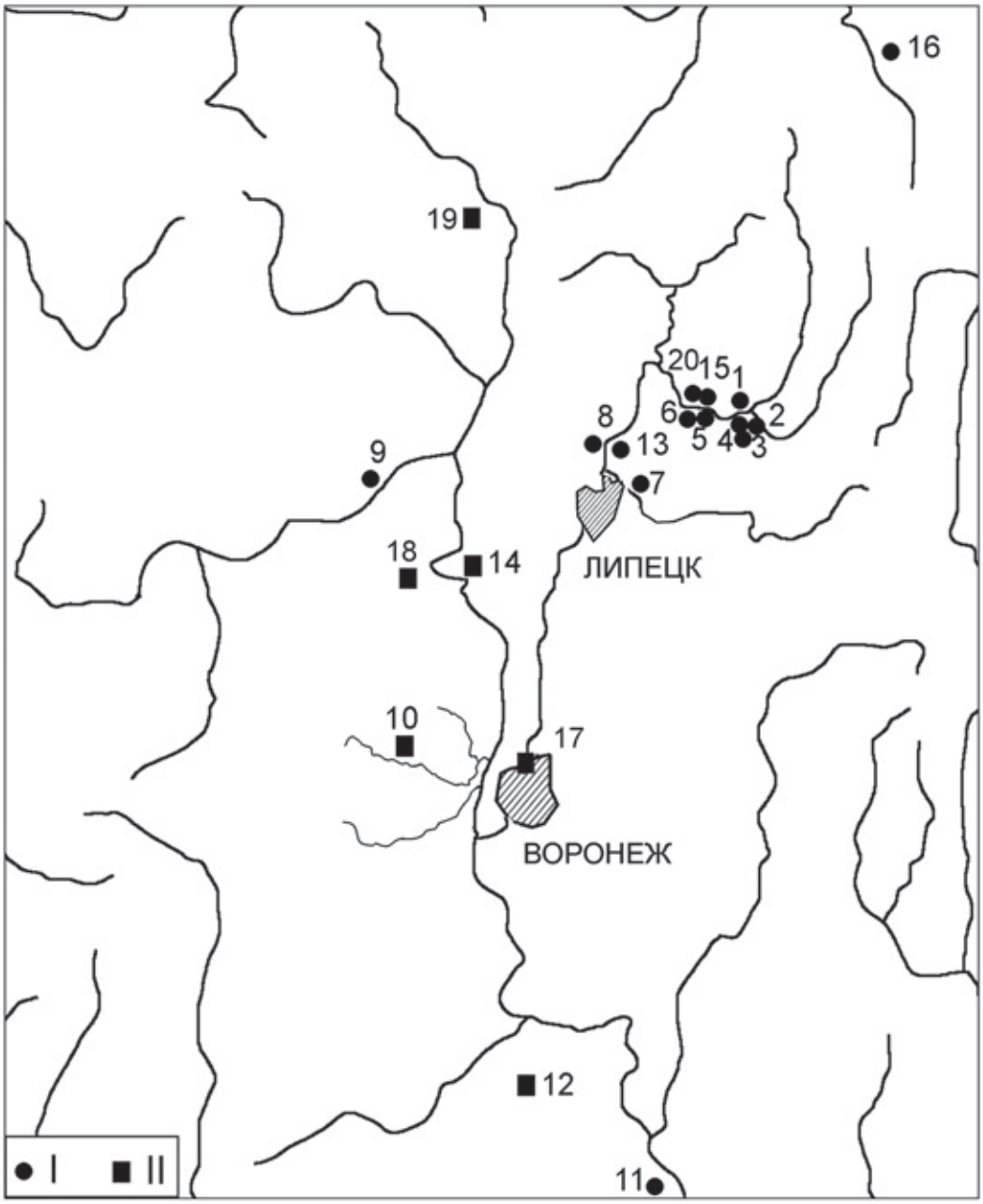


Рис. 1. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья
(верхневоронежская группа и случайные находки).

I — поселение, исследованное раскопками; II — случайная находка. 1 — Стаево-3, 4, 5 (Обломский, 2016б; 2018; Обломский, Швырёв, 2018; Гавритухин, Обломский, 2018); 2 — Красный Городок-2 (Андреев, Филимонова, 2008); 3 — Красный Городок-4 (Бирюков и др., 2016); 4 — Новониколь-ское-8 (Обломский, 2012); 5 — Ярок-9 (Обломский, 2016а); 6 — Кривец-4 (Обломский, 2012); 7 — Ярлуково (Комаров, 1972; Обломский, 2011); 8 — Большая Кузьминка-4А (Бирюков, 2013; Разуваев, 2013); 9 — Елец, Лавский комплекс (Обломский, 2021); 10 — р. Ведуга (Зиньковская, 2012); 11 — Терешковский вал (Обломский, 2021); 12 — Острогожский клад (Березуцкий и др., 2017); 13 — Капитанщино-6 (см. данную монографию, гл. 3, №3); 14 — Уткино (см. Приложение 1, Каталог, часть 1, №10); 15 — Ярок-5 (Обломский, 2012); 16 — Коровий Брод (Обломский, 2011); 17 — г. Во-ронеж (не опубликовано); 18 — Мухино-2 (Обломский, 2021); 19 — Лес Озерки (не опубликовано); 20 — Ярок-10 (Разуваев, Обломский, 2016)

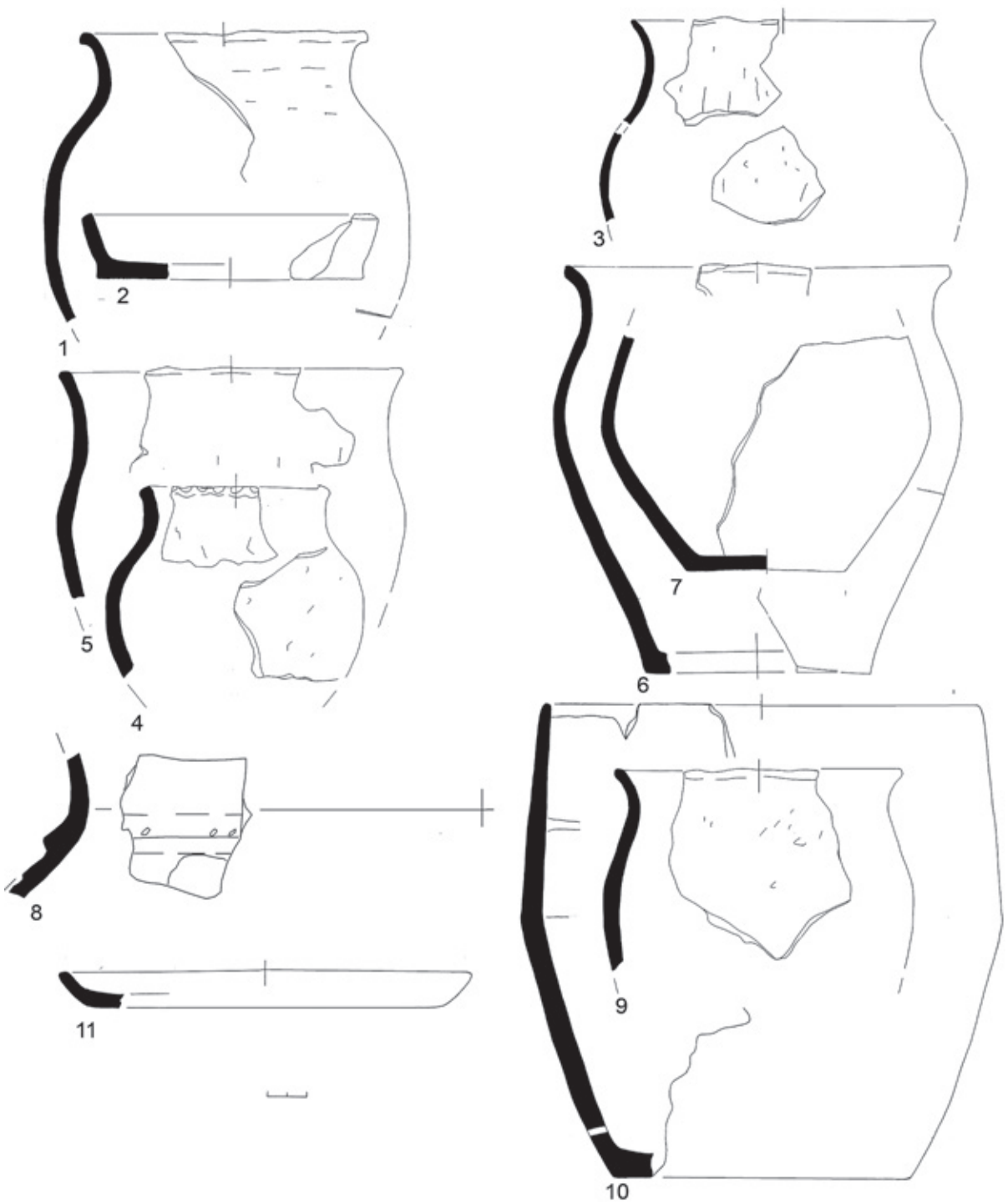


Рис. 2. Лепная керамика «посткиевской» традиции с памятников линии Ярок.
1, 2 — Ярок-9; 3 –7, 9 — Стаево5; 8 — Ярок-5; 10, 11 — Красный Городок-4.
Рисунки А. М. Обломского

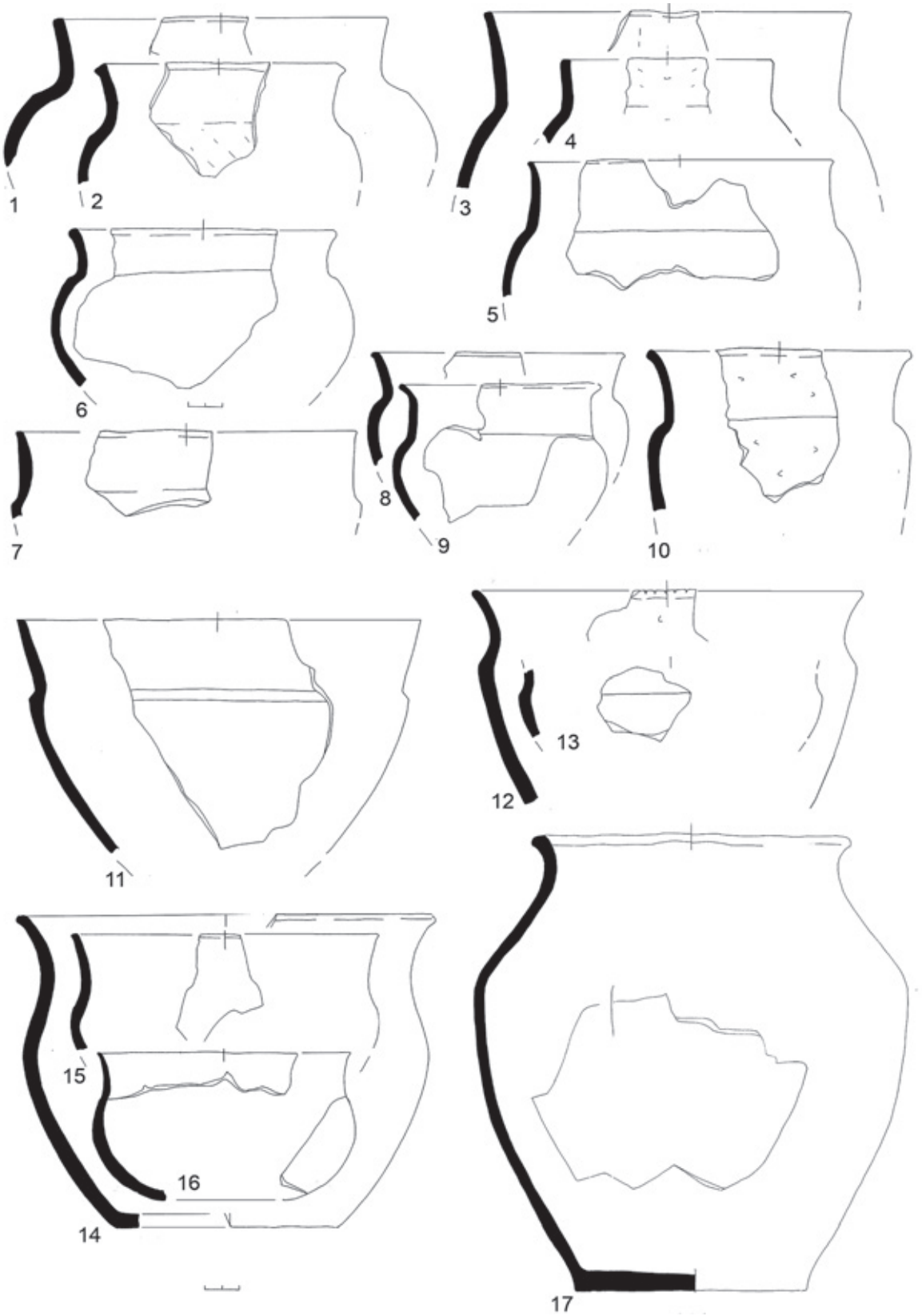


Рис. 3. Лепная керамика «окской» традиции с памятников линии Ярок.
1 –6, 9 –17 — Стаево-5; 7 — Красный Городок-4; 8 — Стаево-4; 1, 8 — с подлощенной поверхностью; 2–6, 9, 10, 12, 17 — с шероховатой поверхностью; 7, 13–16 — с лощеной поверхностью; 11 — с заглаженной поверхностью. Рисунки А. М. Обломского

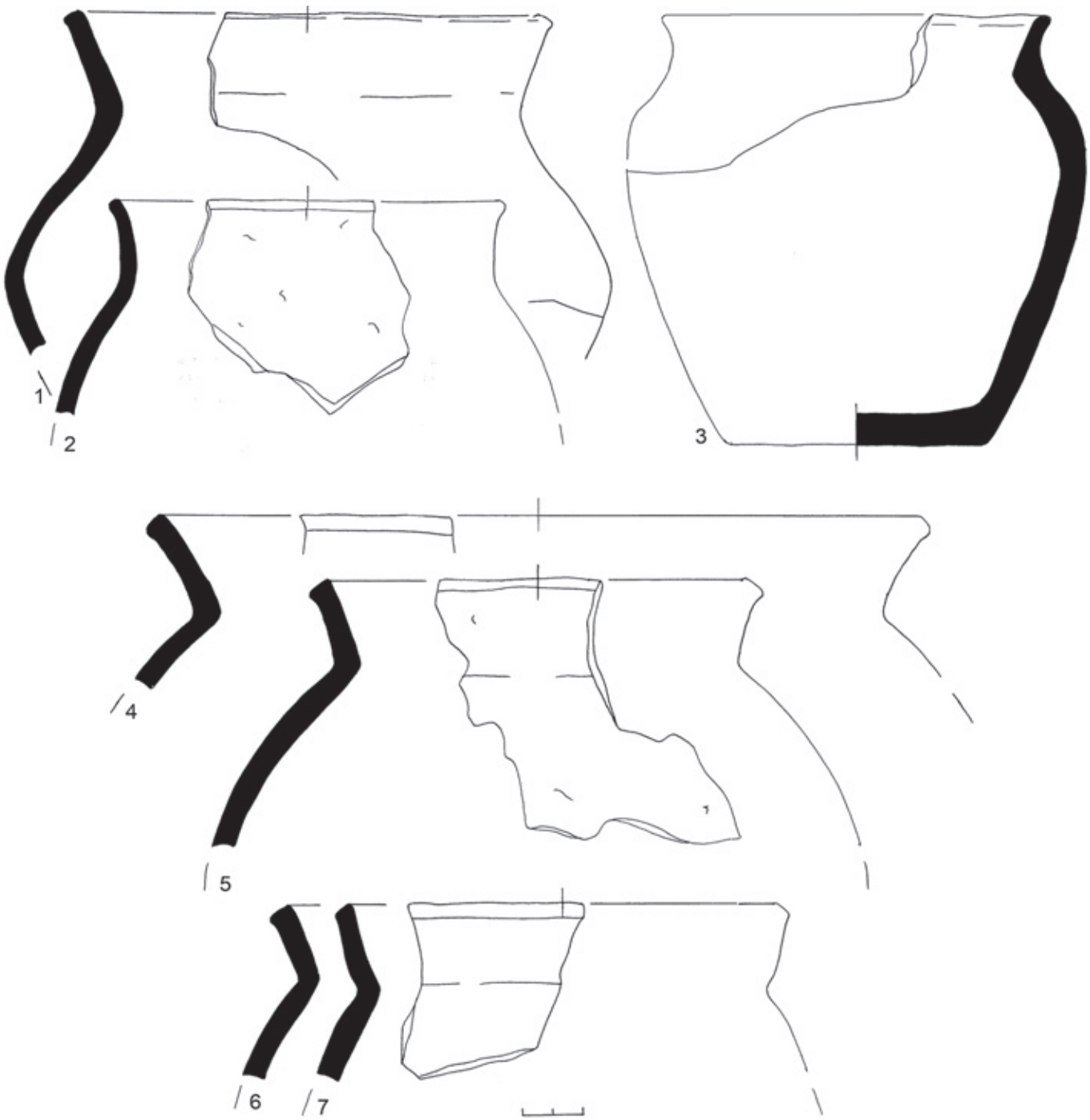


Рис. 4. Стаево-4. Лепная керамика «постчерняховской» традиции (с шероховатой поверхностью). Рисунки А. М. Обломского

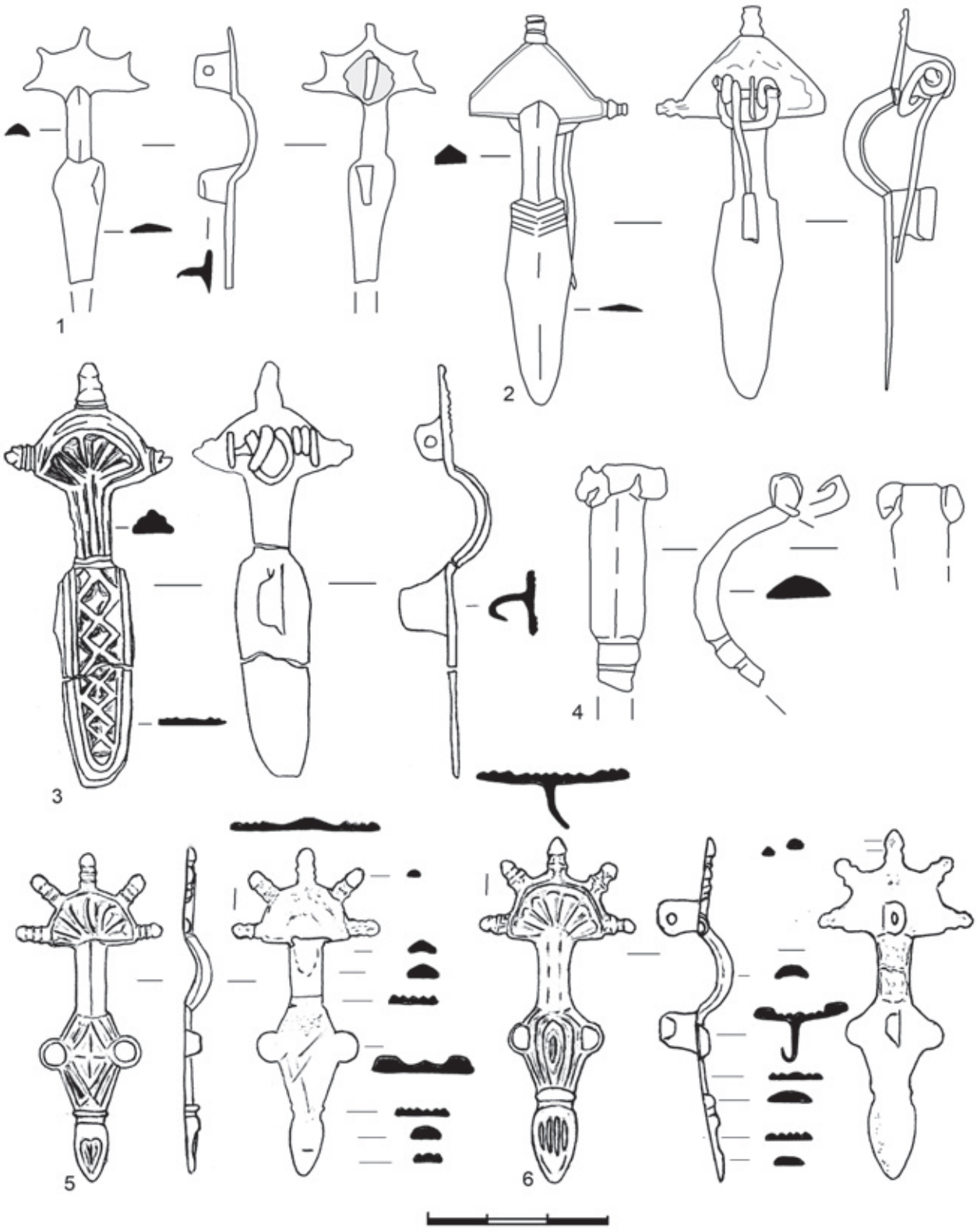


Рис. 5. Образцы украшений с памятников линии Ярок. Фибулы (1 –4, 6), матрица (5).
4 — железо, остальное — бронза; 1 — Стаево-4; 2, 4–6 — Стаево-5; 3 — Ярок-9.
1, 4 — рисунки А. М. Обломского; 3, 5, 6 — рисунки И. О. Гавритухина

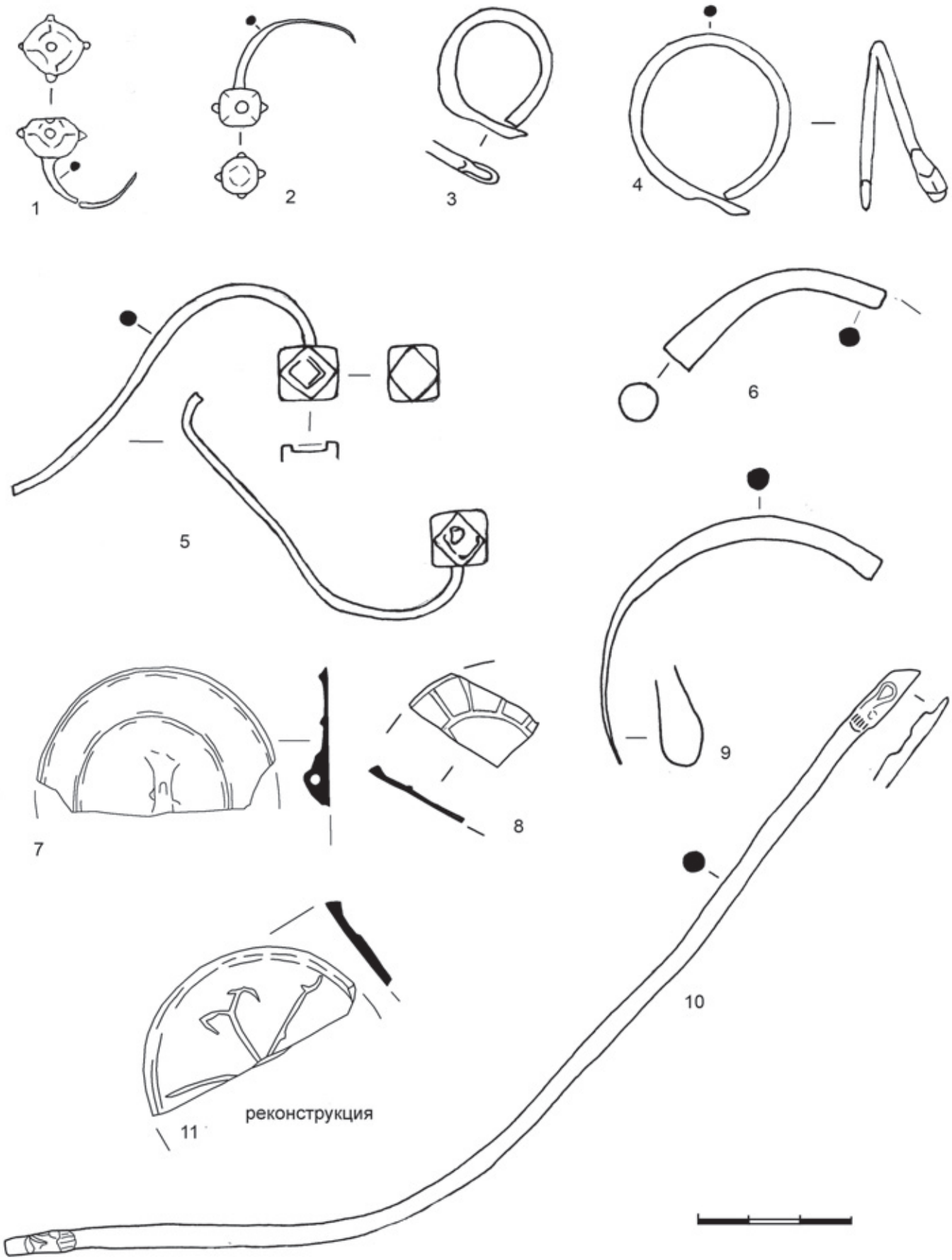


Рис. 6. Образцы украшений (серьги, браслеты, височные кольца: 1–5, 9, 10) и зеркала (7, 8, 11) с памятников линии Ярок.
1–6, 9, 10 — бронза; 7, 8, 11 — белый сплав; 1 — Ярок-9; 7 — Стаево-4; 2–6, 8–11 — Стаево-5.
Рисунки А. М. Обломского

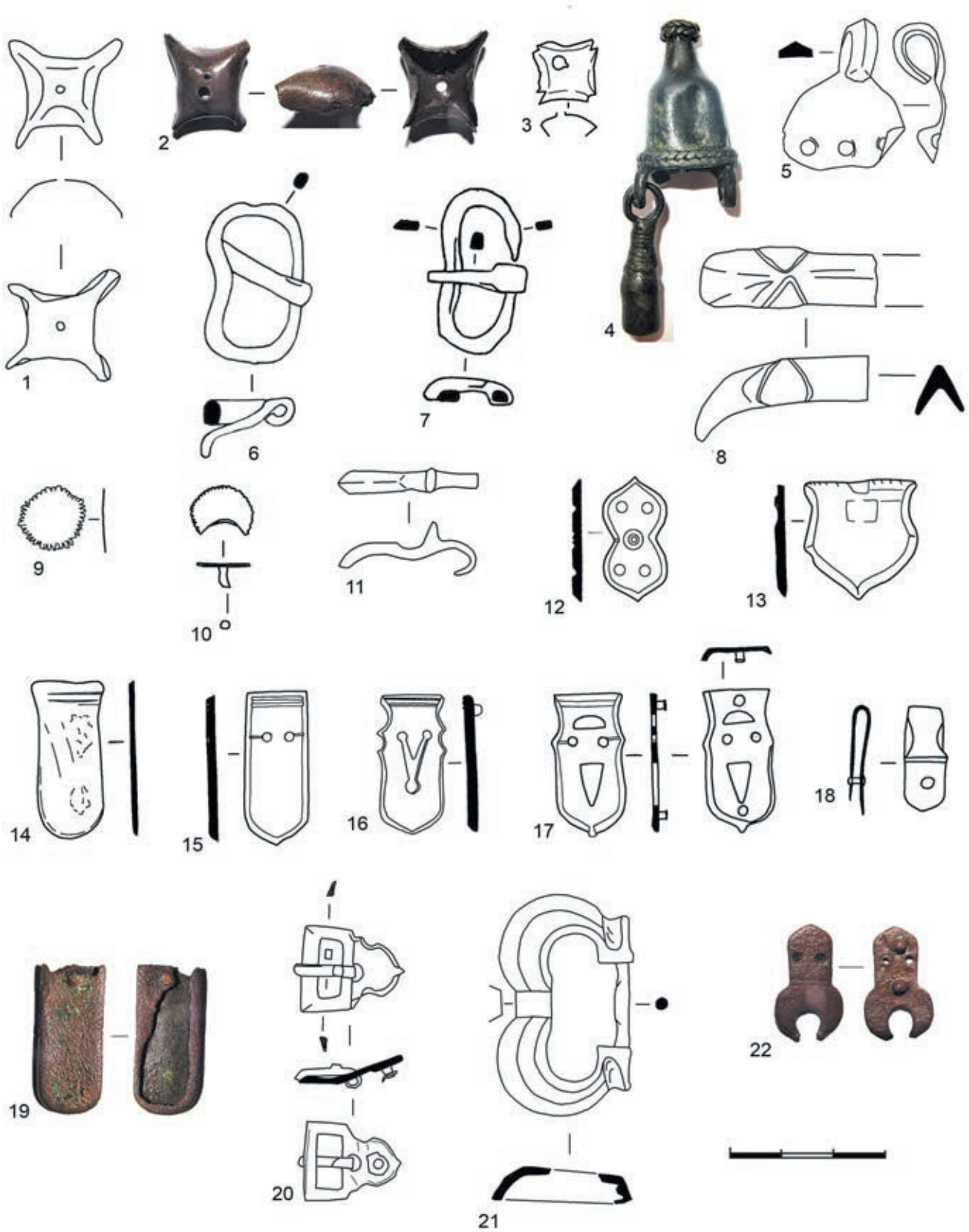


Рис. 7. Детали комбинированных украшений (1–5), образцы деталей ременной гарнитуры (6–11, 16–22), матрицы (12–15) с памятников линии Ярок.
1–5, 9, 11–20, 22 — бронза; 6, 7 — железо; 8, 10, 21 — серебро; 1, 5, 8, 21 — Стаево-4; 2, 3, 6, 7, 9–20, 22 — Стаево-5; 4 — Ярок-9. Рисунки и фото А. М. Обломского

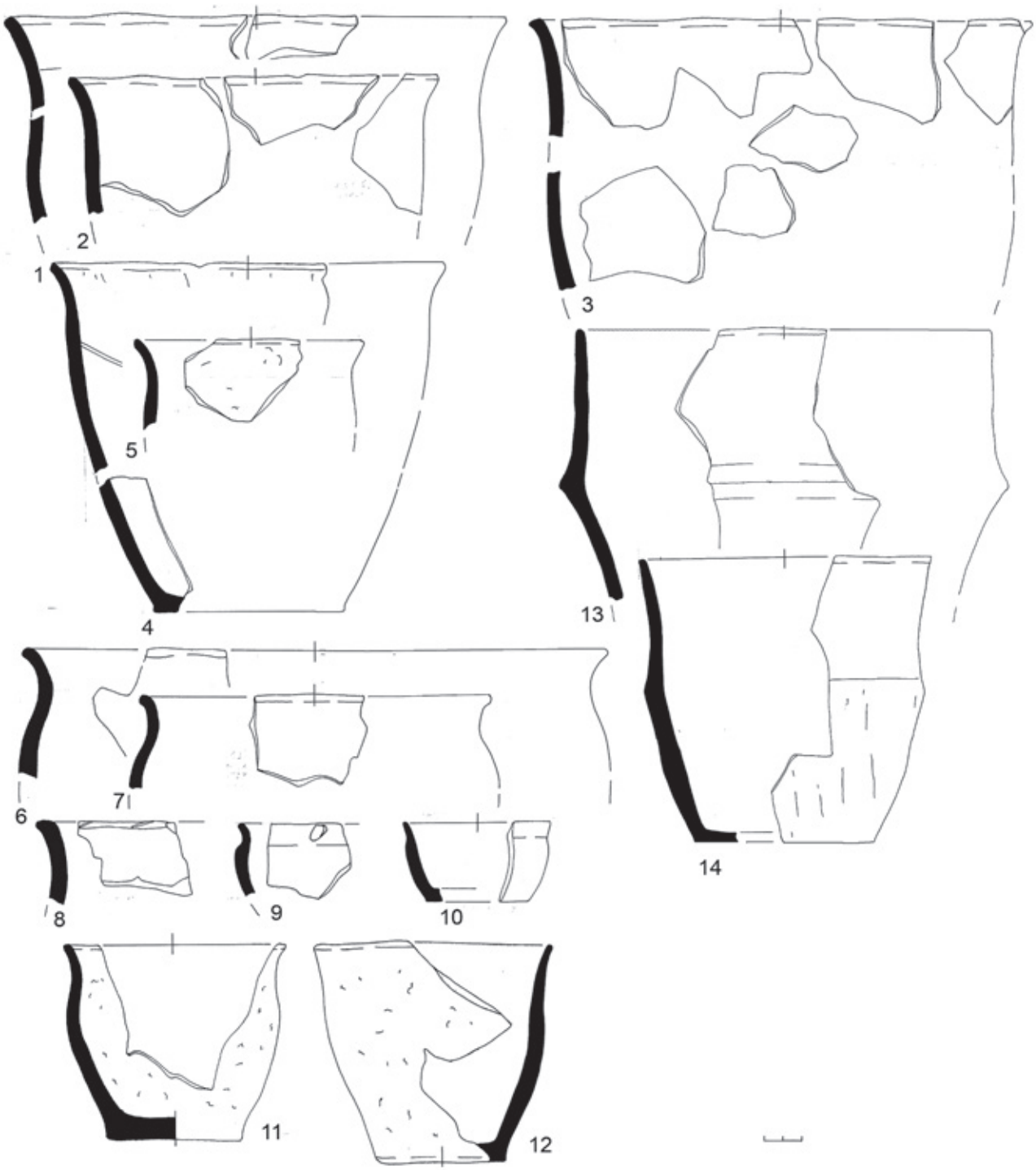


Рис. 8. Лепная керамика колочинской традиции с памятников линии Кривец.
1 –12 — Кривец-4; 13, 14 — Терешковский вал.
Рисунки А. М. Обломского

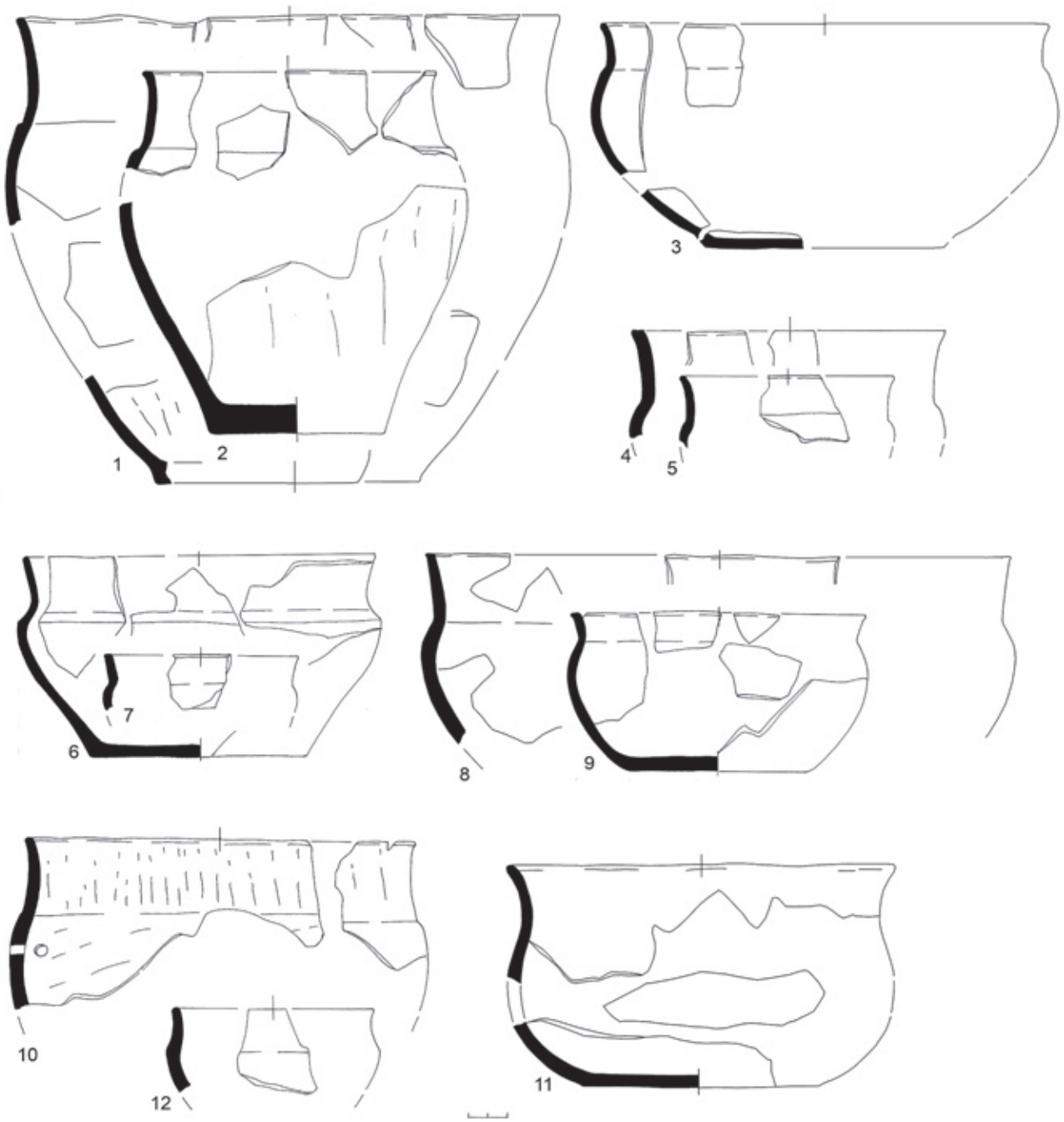


Рис. 9. Лепная керамика «окской» традиции с памятников линии Кривец.
1–4, 10, 11 — с шероховатой поверхностью; 5, 6 — с подлощенной поверхностью;
7, 9 — с лощеной поверхностью; 8 — с заглаженной поверхностью.
Рисунки А. М. Обломского

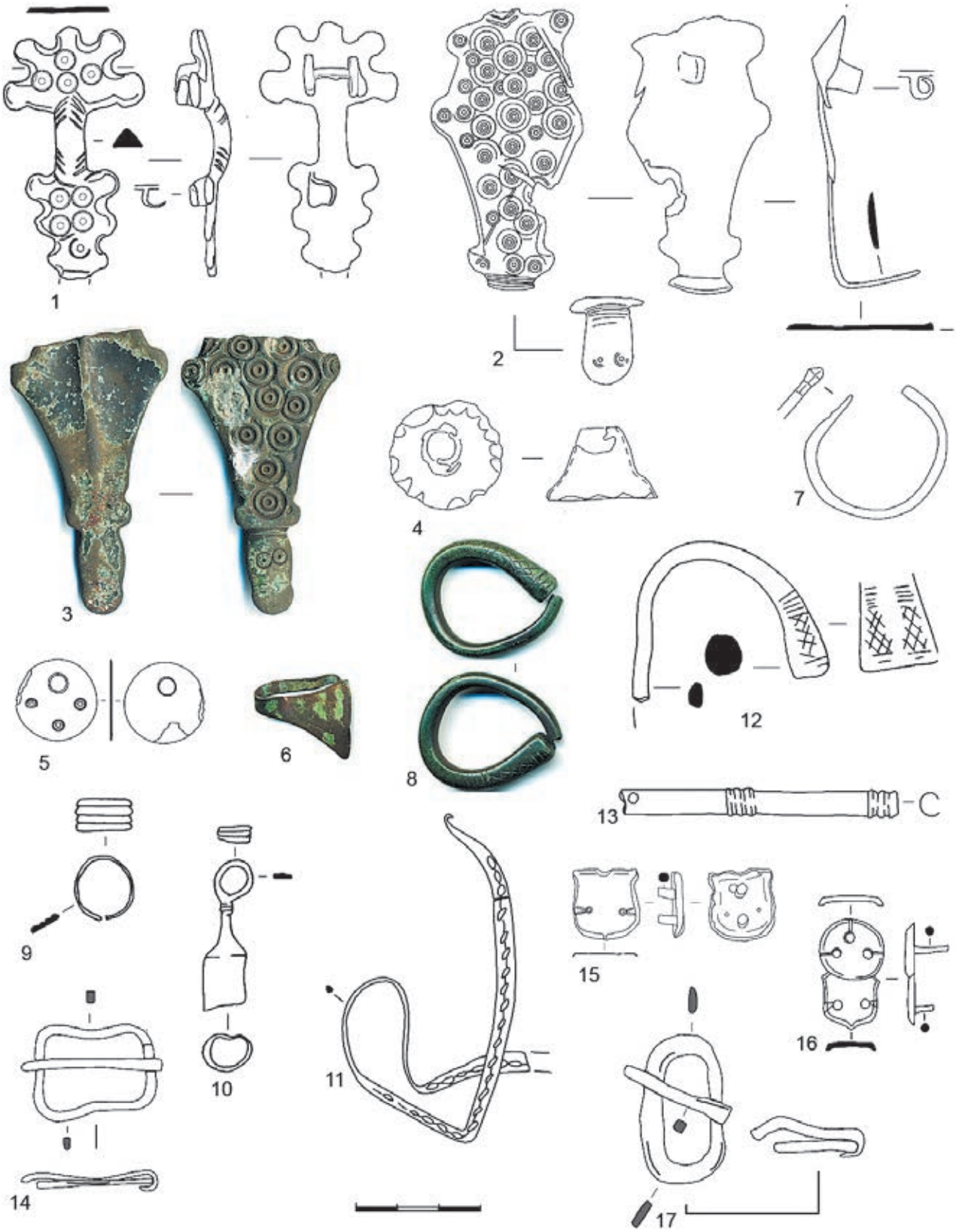


Рис. 10. Украшения и детали ременной гарнитуры с памятников линии Кривец.
1–16 — бронза; 17 — железо. 3, 6, 8 — фото С. И. Андреева; рисунки А. М. Обломского

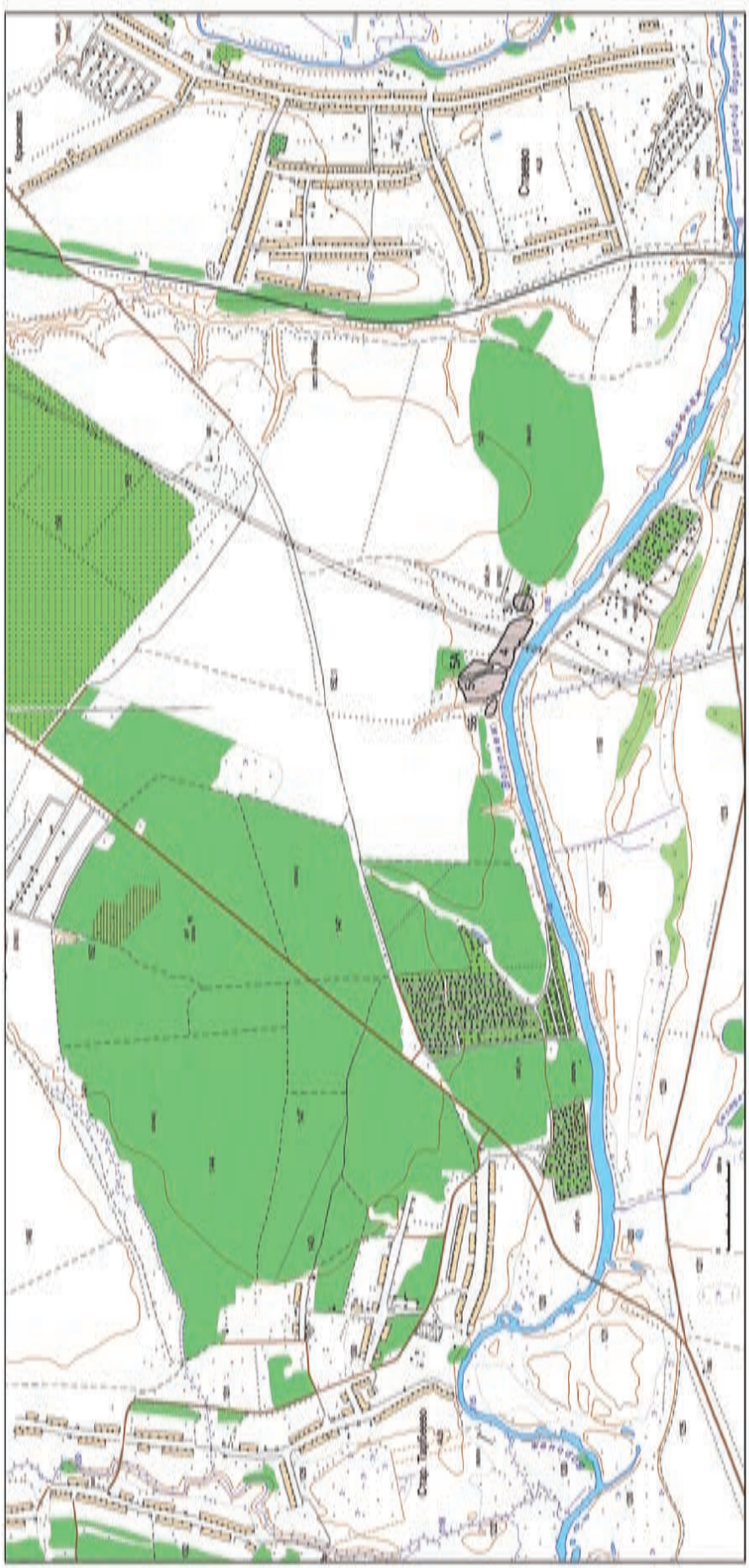


Рис. 11. Ситуационный план памятников археологического комплекса у с. Стаево

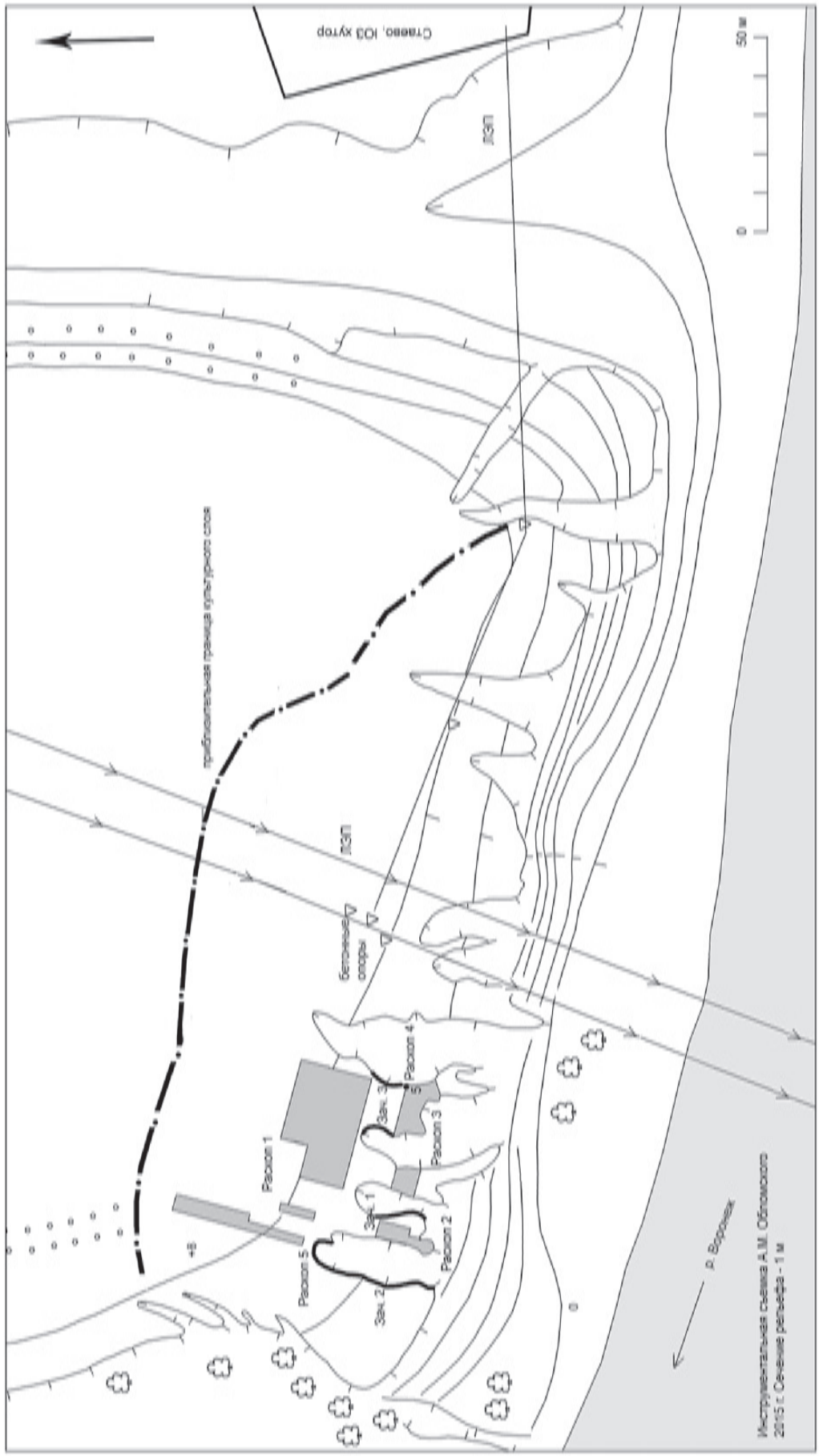


Рис. 12. Стаево-4. Топографический план

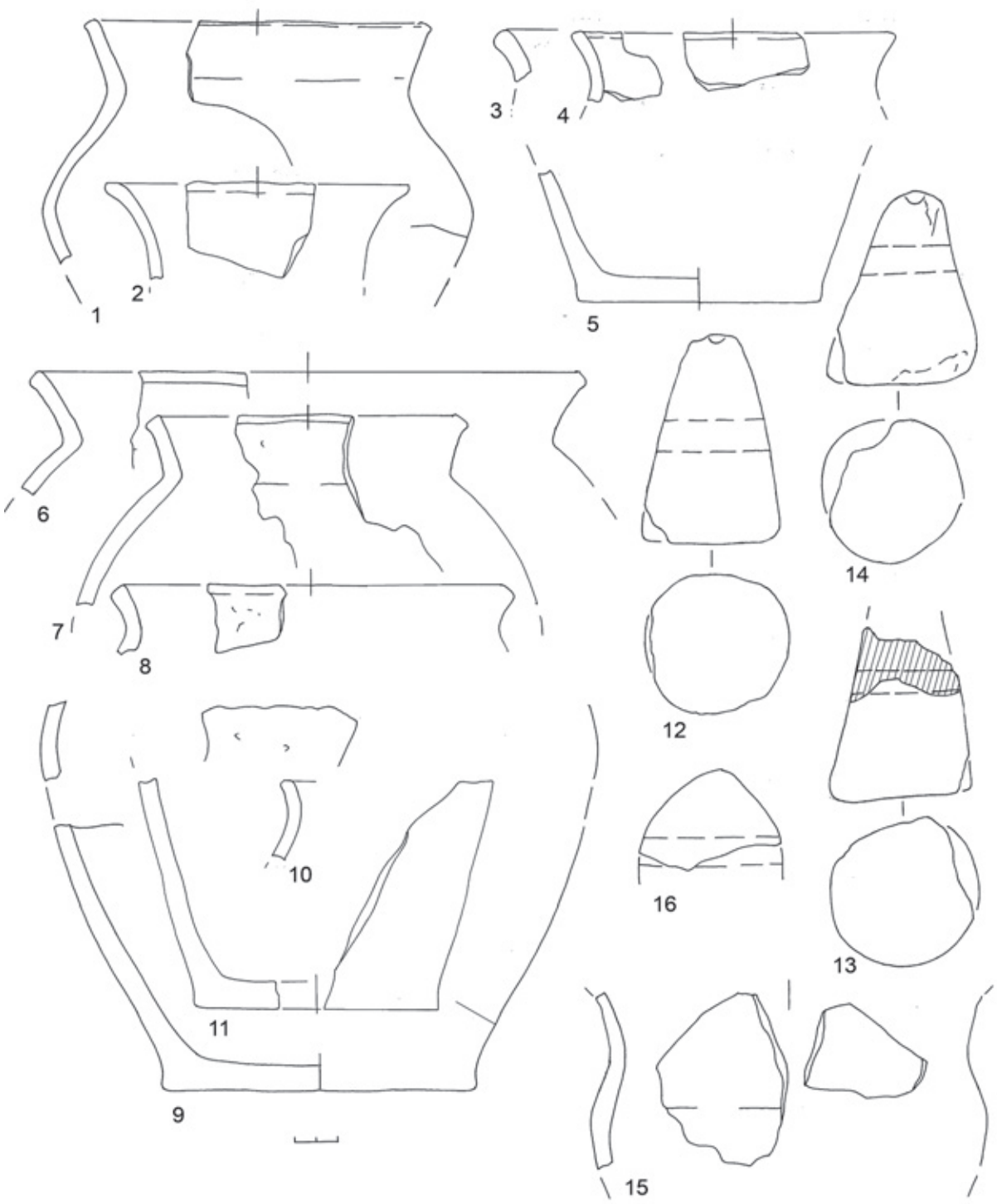


Рис. 13. Стаево-4. Находки из объектов.

1, 6–9, 11 — керамика с крупным шамотом в тесте; 2 — фрагмент горшка со средним шамотом и дресвой в тесте; 3–5 — керамика со средним шамотом и рудой в тесте; 10 — фрагмент груболепного сосуда со средним шамотом в тесте; 15 — фрагменты лепной лощеной миски; 12–14, 16 — глиняные грузила.

1 — из объекта 5; 2 — из объекта 7; 3–5 — развал 1; 6–9 — развал 2; 10, 11 — из заполнения объекта 15; 12–14 — над объектом 15; 15, 16 — из заполнения объекта 21.

Рисунки А. М. Обломского

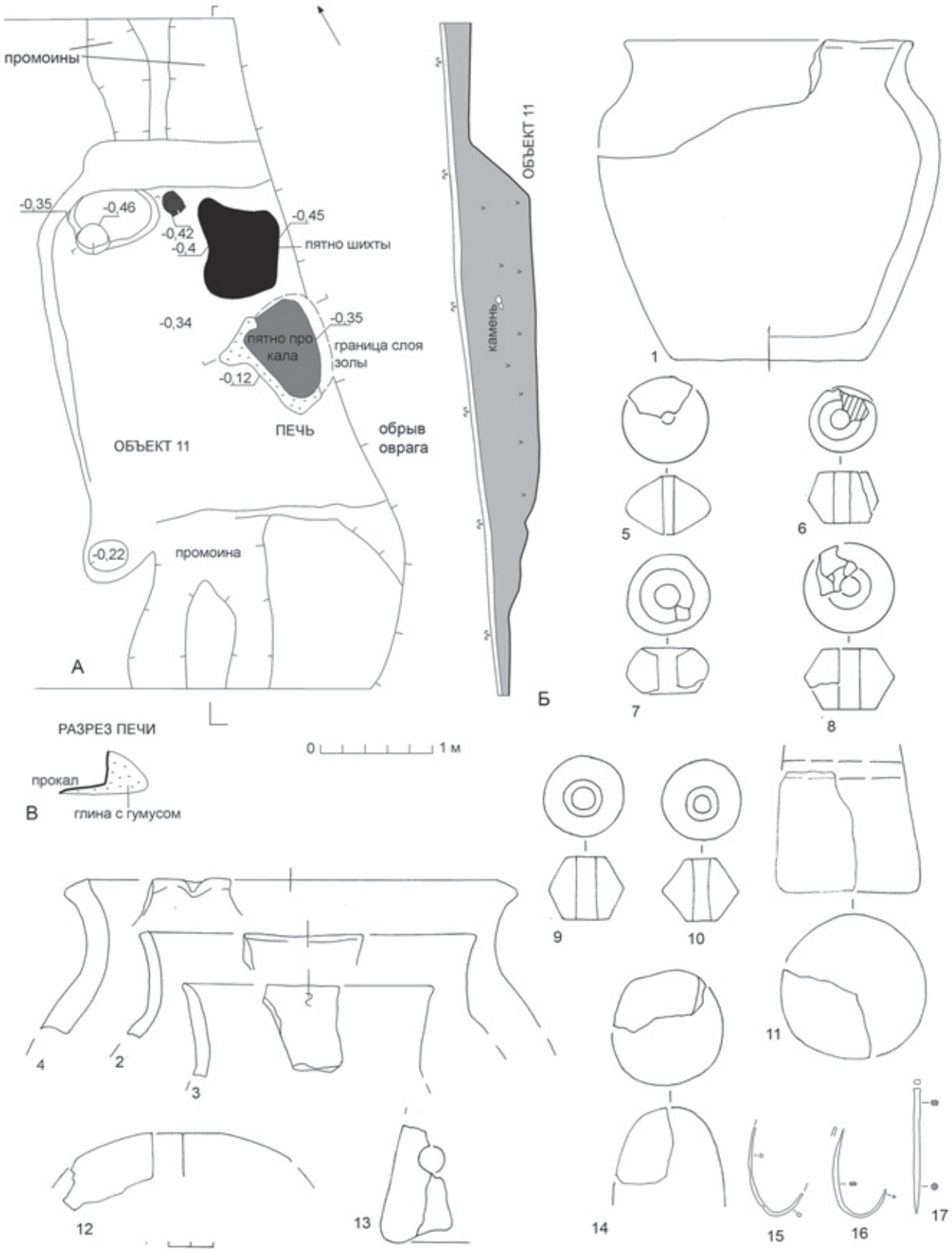


Рис. 14. Стаево-4. Объект 11: план и разрезы (А–В), находки (1–17).
1, 4 — находки на полу; остальные — из заполнения; 1 — груболепной сосуд с крупным шамотом и органикой в тесте; 2, 4 — фрагменты лепных сосудов со средним шамотом в тесте; 3 — фрагмент лепного сосуда с крупным шамотом в тесте; 5–10 — глиняные пряслица (8 — с лощеной поверхностью); 11–14 — фрагменты глиняных грузил; 15–17 — изделия из железа.
Рисунки А. М. Обломского

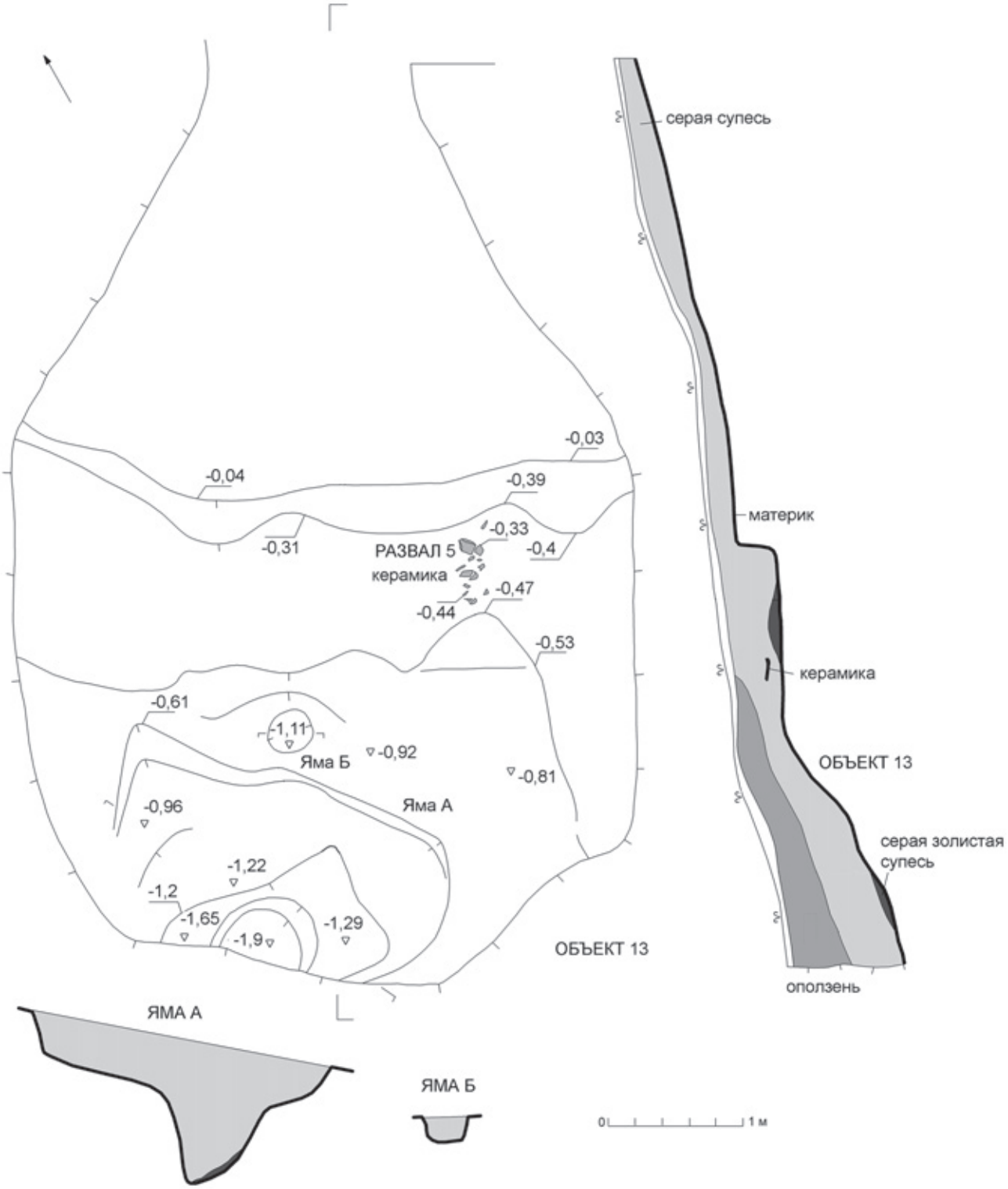


Рис. 15. Стаево-4. Объект 13: план, разрезы

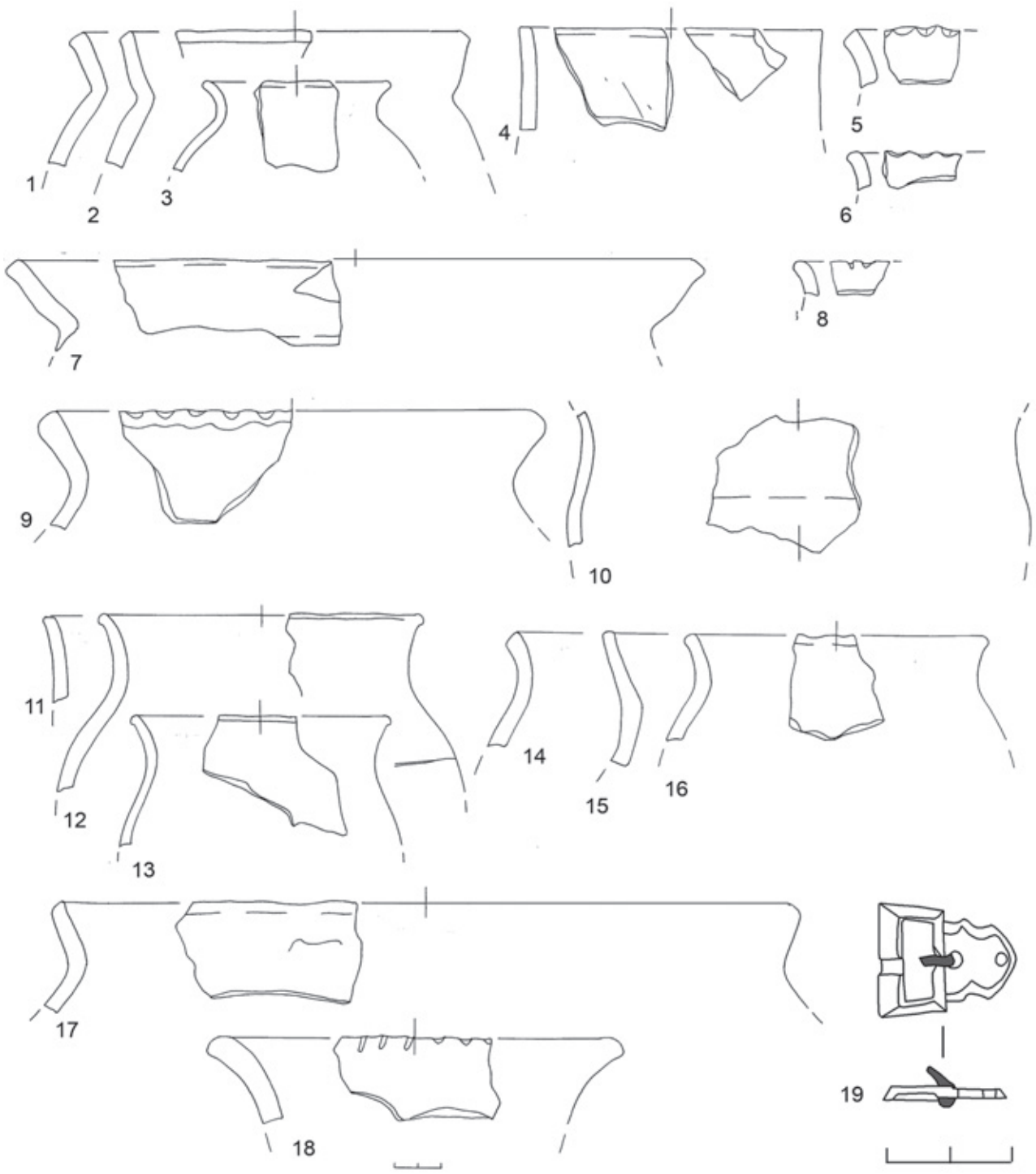


Рис. 16. Стаево-4. Объект 13: находки.
1–18 — груболепная керамика (1–4, 6, 7, 8 — со средним шамотом; 5, 18, 11–13 — со средним шамотом и дресвой; 9 — с дресвой и рудой; 10 — с дресвой; 14, 17 — с крупным шамотом; 15, 16 — со средним шамотом и органикой); 19 — бронзовая пряжка с остатками железного язычка; 1–10 — из серого слоя заполнения; 11–19 — из заполнения ямы А.
Рисунки А. М. Обломского

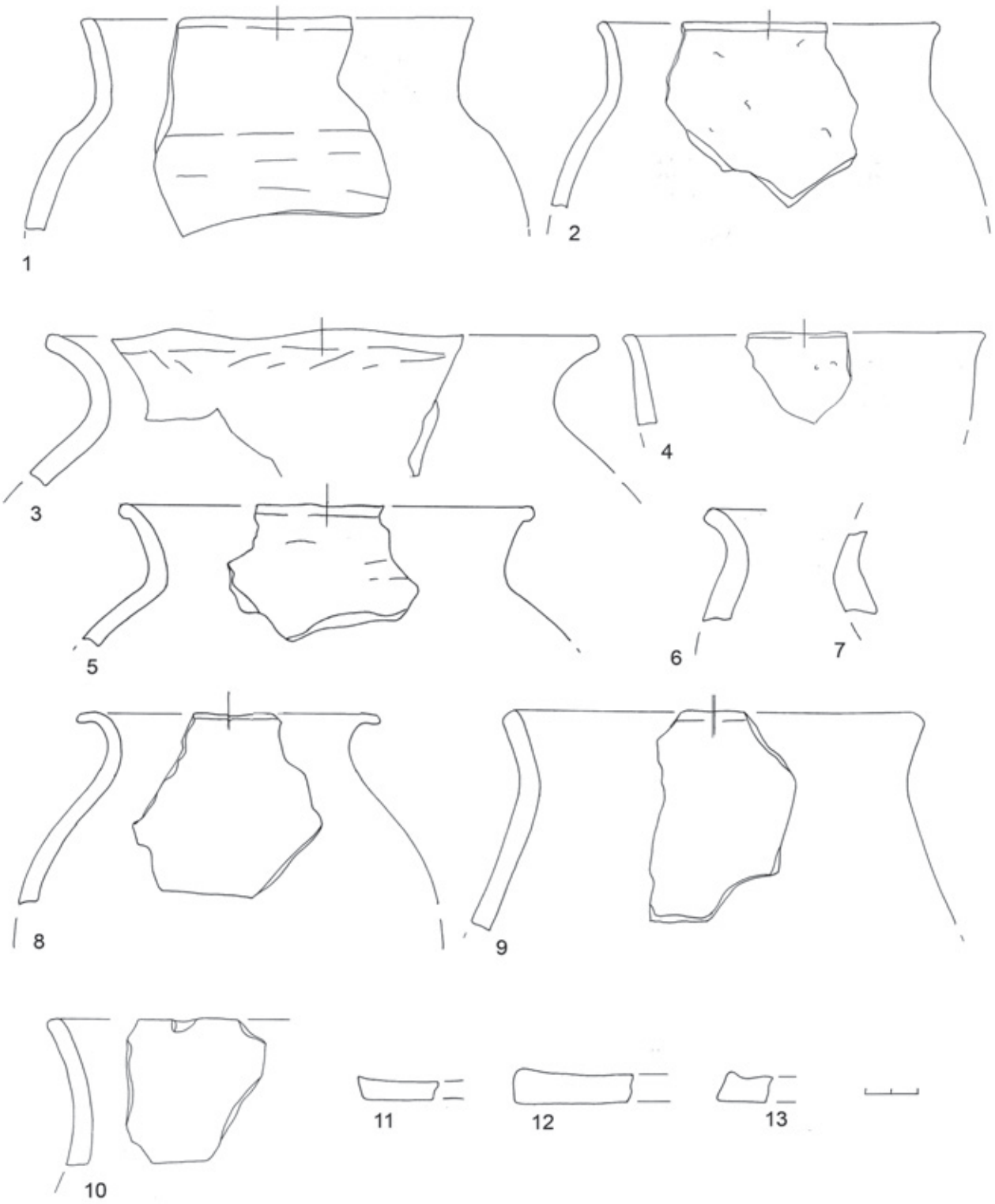


Рис. 17. Стаево-4. Культурный слой. Груболепная керамика.
1, 4, 6, 12 — со средним шамотом в керамическом тесте; 2, 8 — со средним шамотом и рудой; 3, 7, 9, 13 — с крупным шамотом; 5, 11 — со средним шамотом и дресвой; 10 — с рудой в тесте.
Рисунки А. М. Обломского

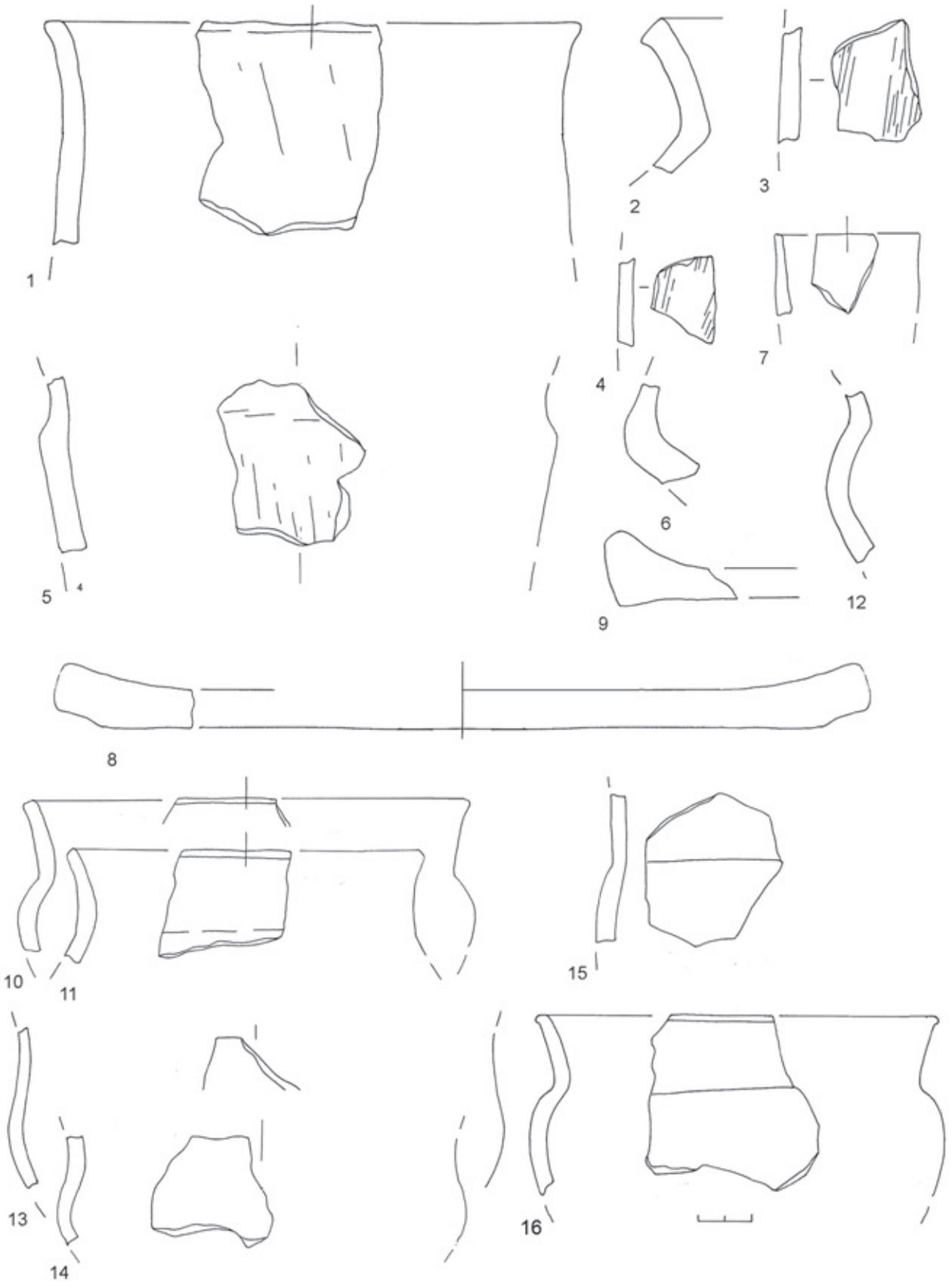


Рис. 18. Стаево-4. Культурный слой. Лепная керамика.
1–4, 6 — груболепная керамика со средним шамотом в тесте; 5 — фрагмент груболепного сосуда с крупным шамотом в тесте; 7 — фрагмент лепного миниатюрного сосуда с песком в тесте; 8 — фрагмент диска со средним шамотом и рудой в тесте; 9 — фрагмент диска с рудой в тесте; 10–14 — лепная лощеная керамика; 15, 16 — фрагменты лепных сосудов с подлощенной поверхностью. Рисунки А. М. Обломского

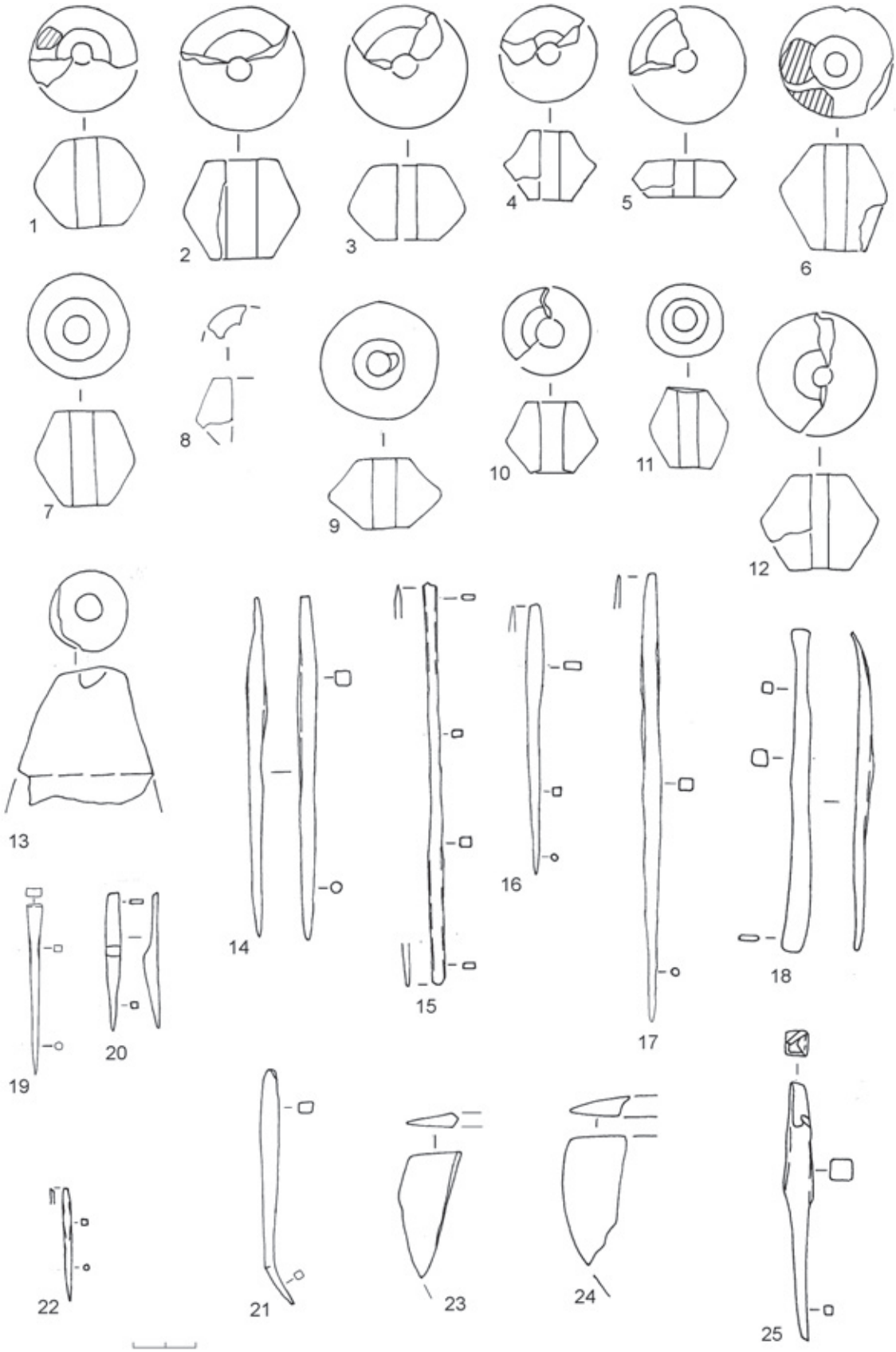


Рис. 19. Стаево-4. Глиняные пряслица, обломок грузила и изделия из железа.
1–12 — глиняные пряслица (10 — с подлощенной поверхностью, остальные — с шероховатой); 13 — фрагмент глиняного грузила; 14–22, 25 —железные инструменты; 23, 24 — обломки железных топоров; 1–13, 20–23 — из культурного слоя; 14–19, 24, 25 — подъемный материал.
Рисунки А. М. Обломского

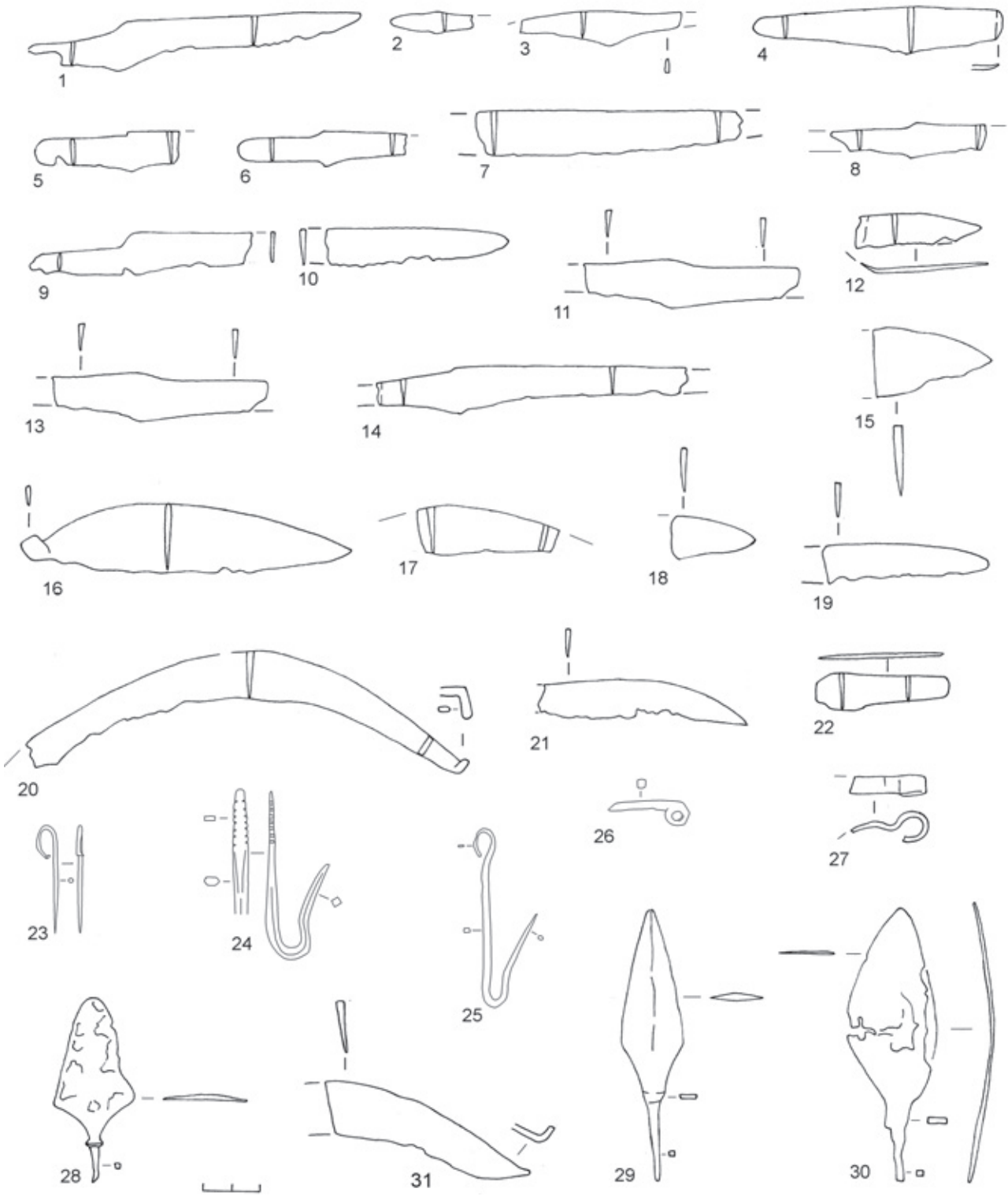


Рис. 20. Стаево-4. Изделия из железа.
1–14 — ножи и их фрагменты; 15–19 — серповидные ножи и их фрагменты; 20, 21, 31 — фрагменты серпов; 22 — резец; 23 — булавка; 24, 25 — рыболовные крючки; 26, 27 — язычки пряжек; 28–30 — наконечники стрел; 1, 4, 7, 8, 10, 12, 14, 16–19, 21–24, 26–31 — подъемный материал; 2, 3, 5, 6, 9, 11, 13, 15, 20, 25 — из культурного слоя. Рисунки А. М. Обломского

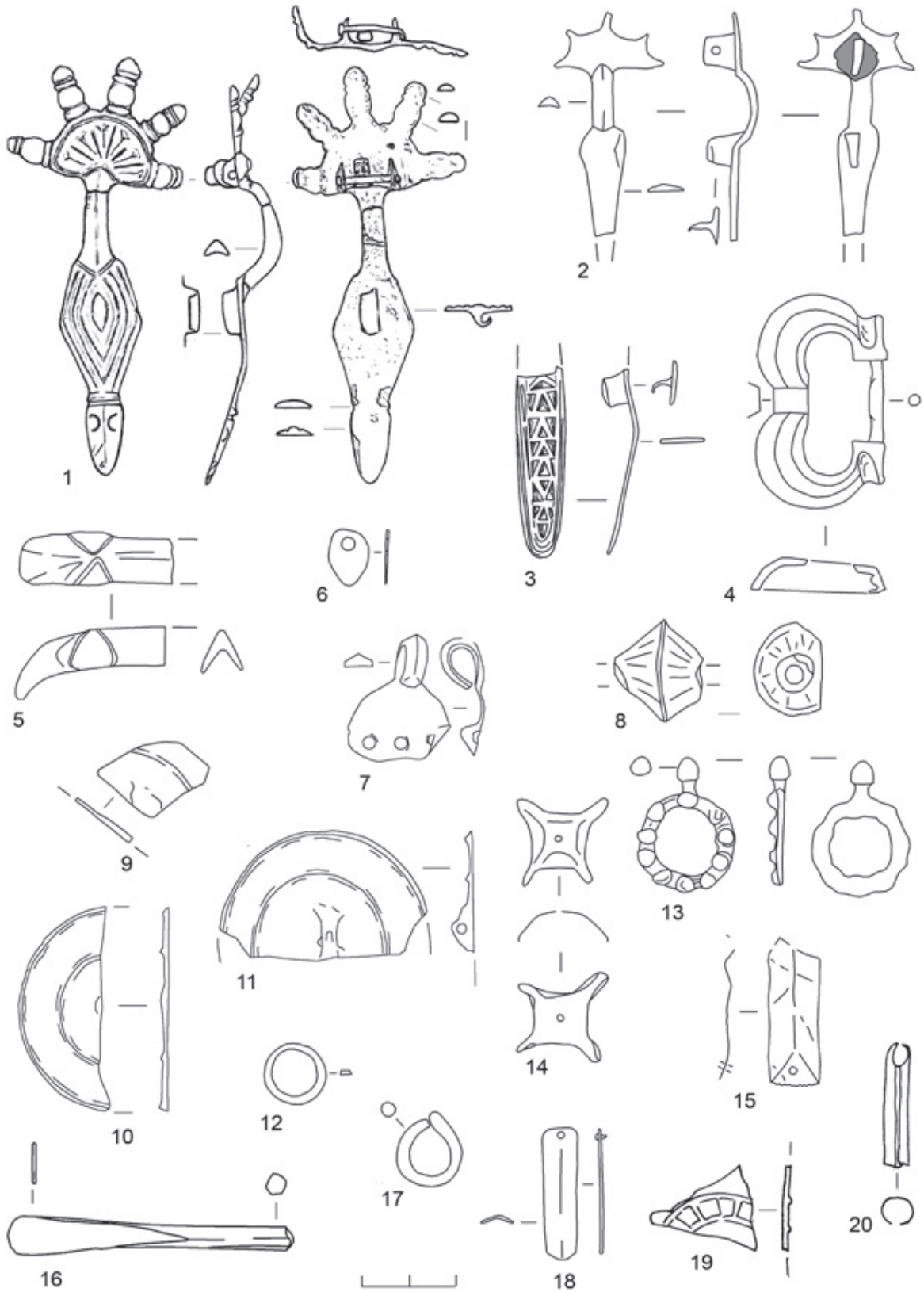


Рис. 21. Стаево-4. Изделия из цветных металлов.
1–3, 6, 7, 12–14, 16–18, 20 — бронза; 4, 15 — серебро; 5, 9–11, 19 — белый сплав; 8 — свинец или свинцово-оловянный сплав. 1, 2, 7, 8, 10, 12, 15, 17 — из культурного слоя; 3–6, 9, 11, 13, 14, 16, 18–20 — подъемный материал. 1 — рисунок И. О. Гавритухина, остальные — А. М. Обломского

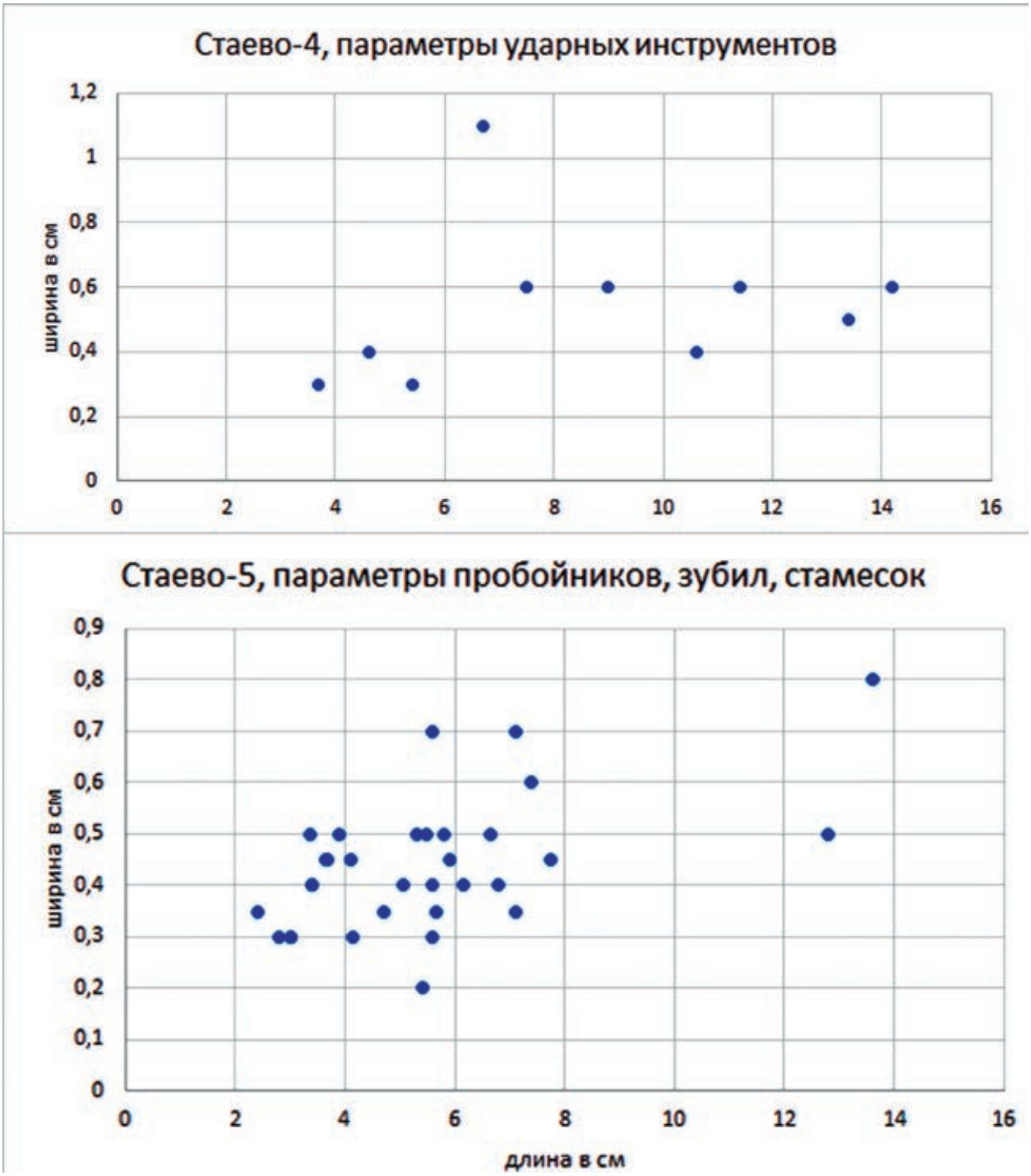


Рис. 22. Графики параметров инструментов для нанесения ударов (пробойников, зубил, стамесок) из Стаево-4 и 5

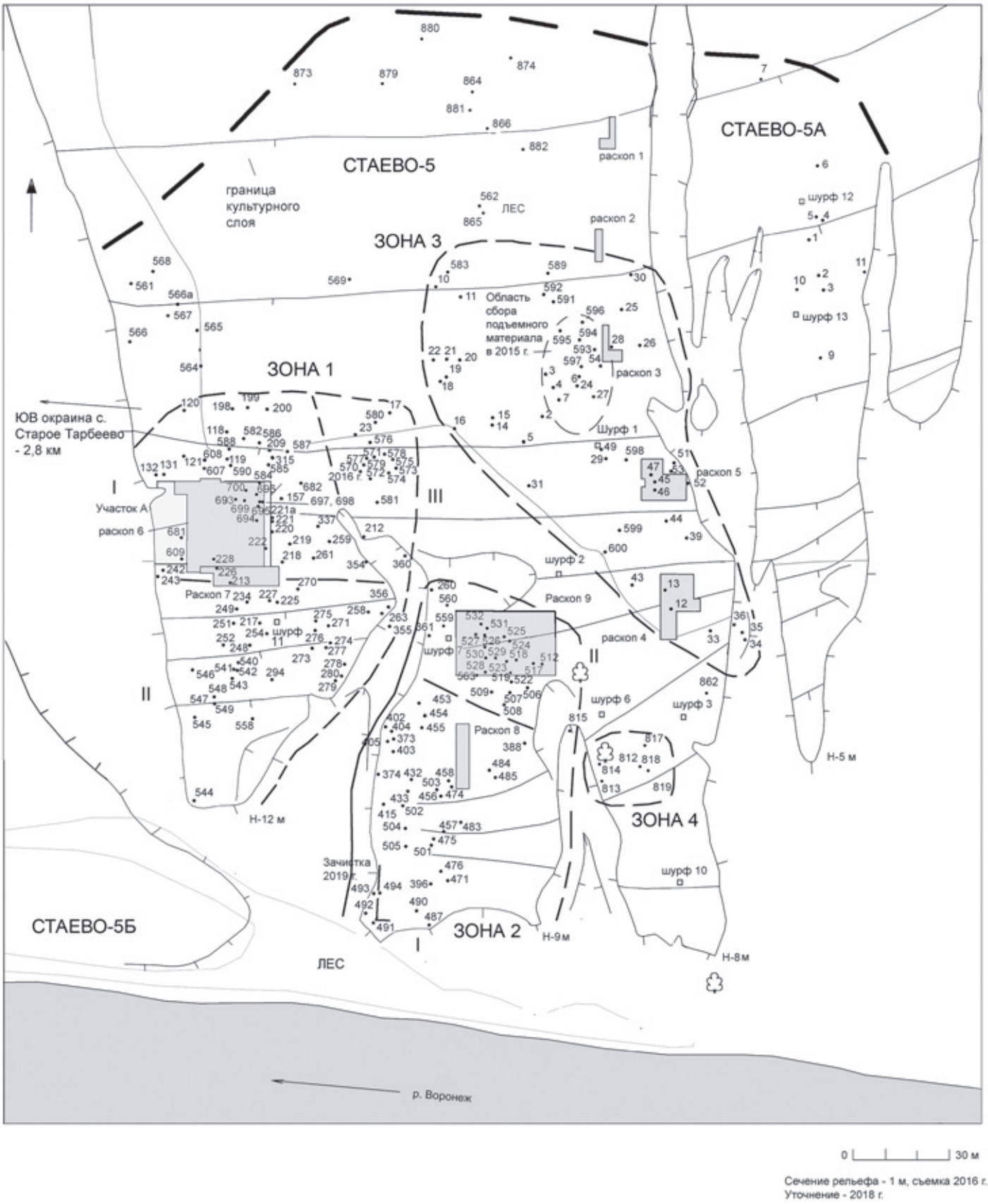


Рис. 23. Стаево-5. План поселения с обозначением шурфов, раскопов и находок из сборов подъемного материала. Нумерация соответствует табл. 1, 2

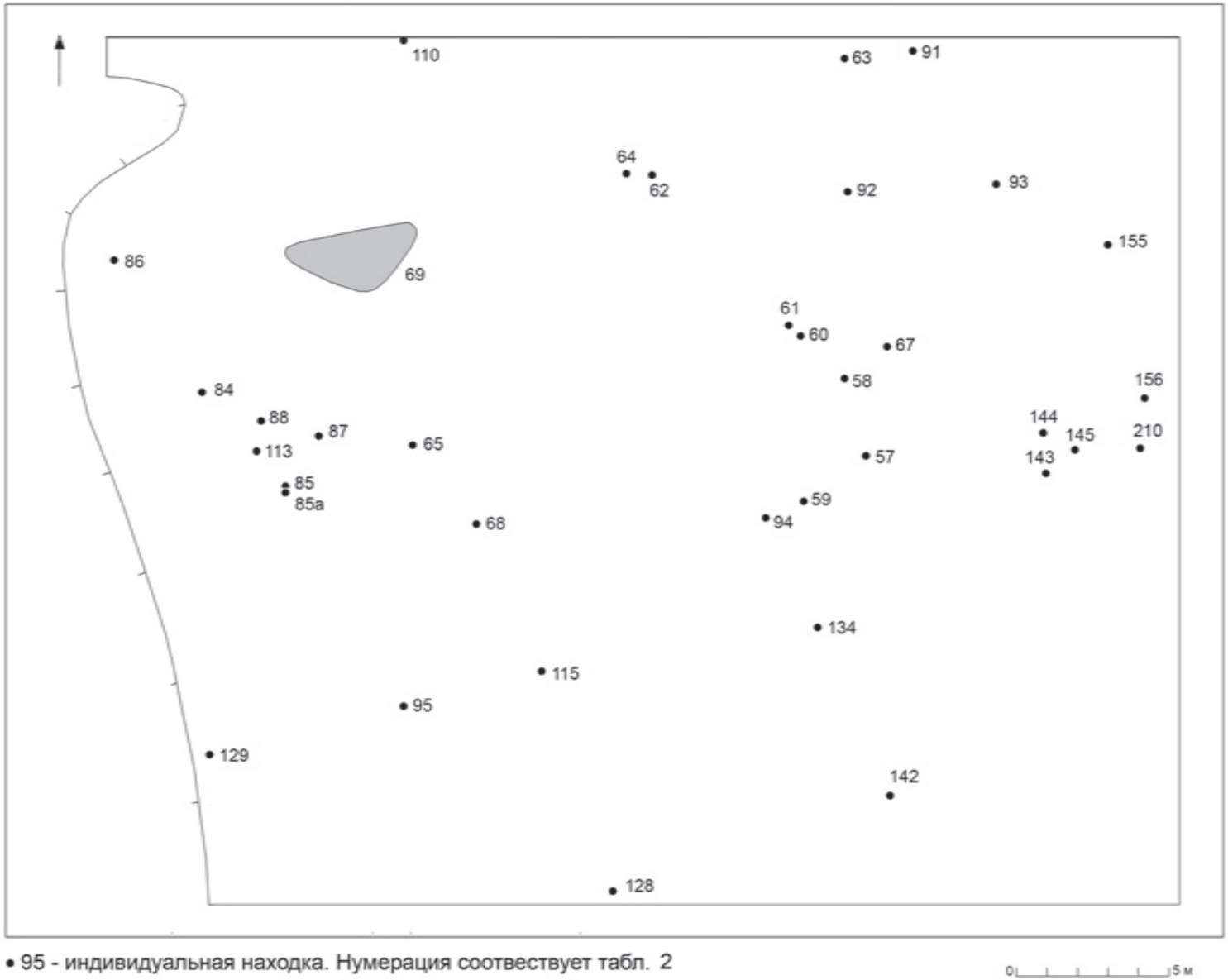


Рис. 24. Стаево-5. Расположение индивидуальных находок на участке А сбора подъемного материала (см. общий план на рис. 23)

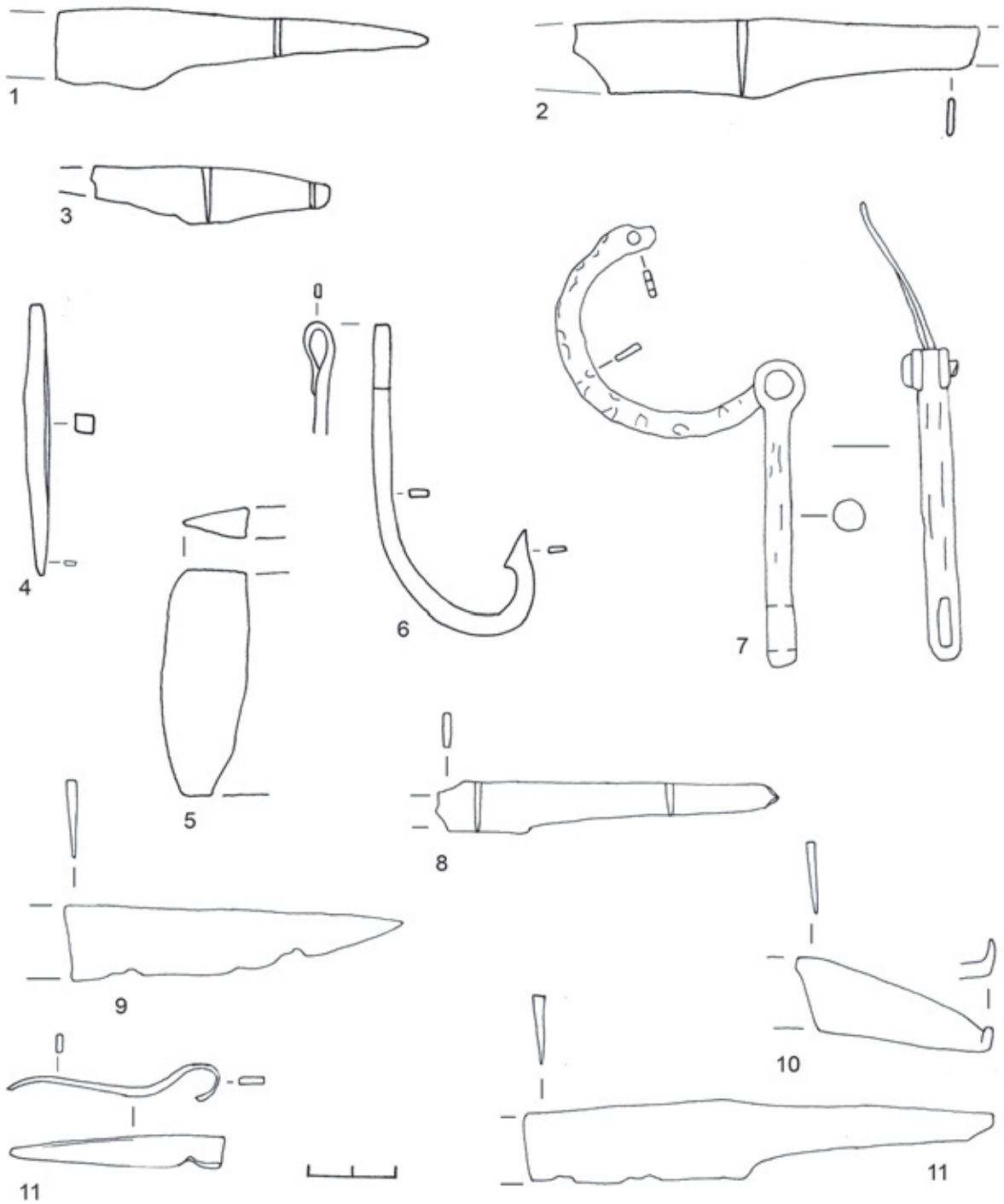


Рис. 25. Стаево-5А. Железные находки из сборов подъемного материала. Нумерация соответствует табл. 1. Рисунки А. М. Обломского

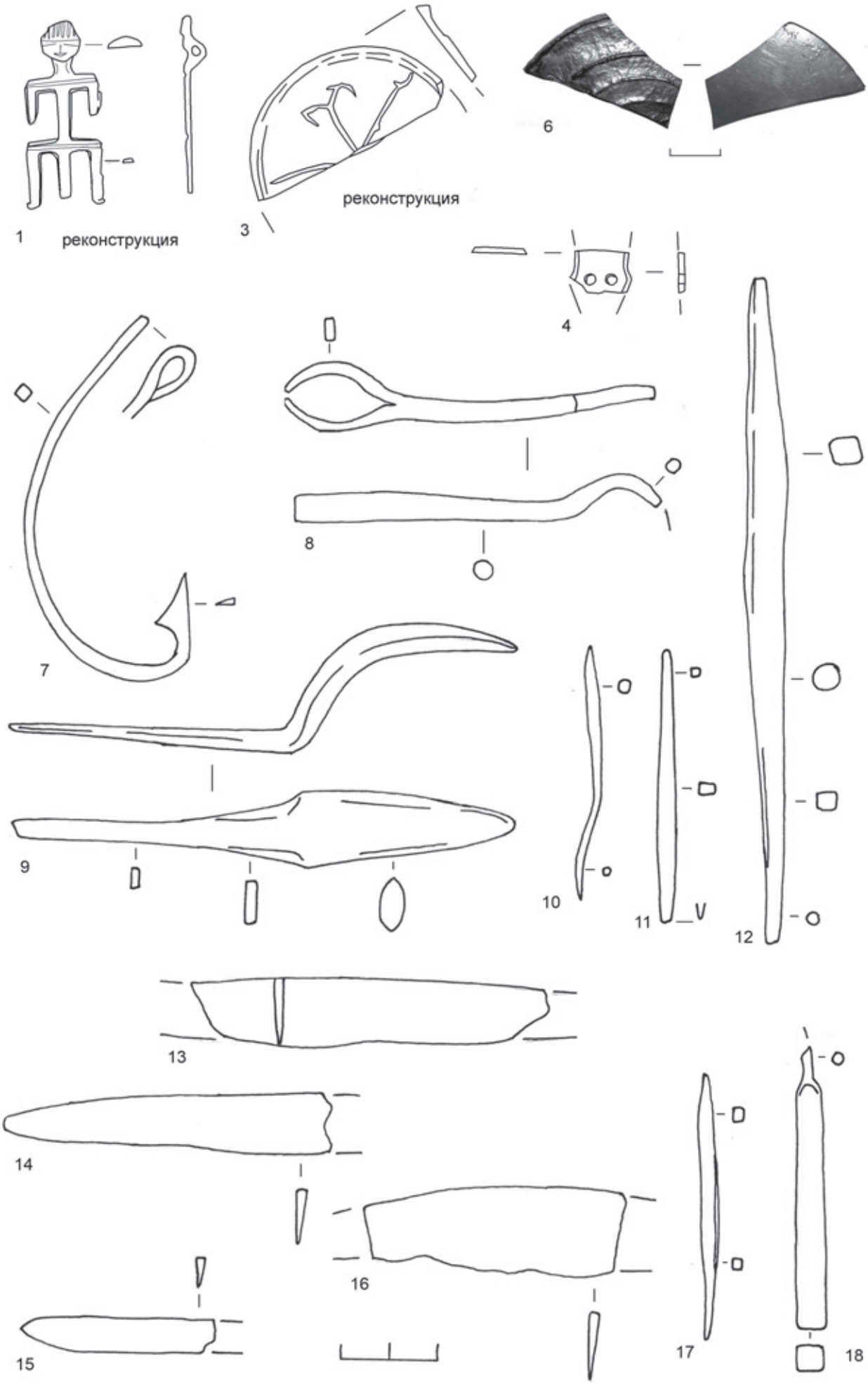


Рис. 26. Стаево-5. Находки из сборов подъемного материала 2015 г.
1, 4 — бронза; 3, 6 — бело-серый сплав; остальное — железо. Нумерация соответствует табл. 2.
Рисунки А. М. Обломского

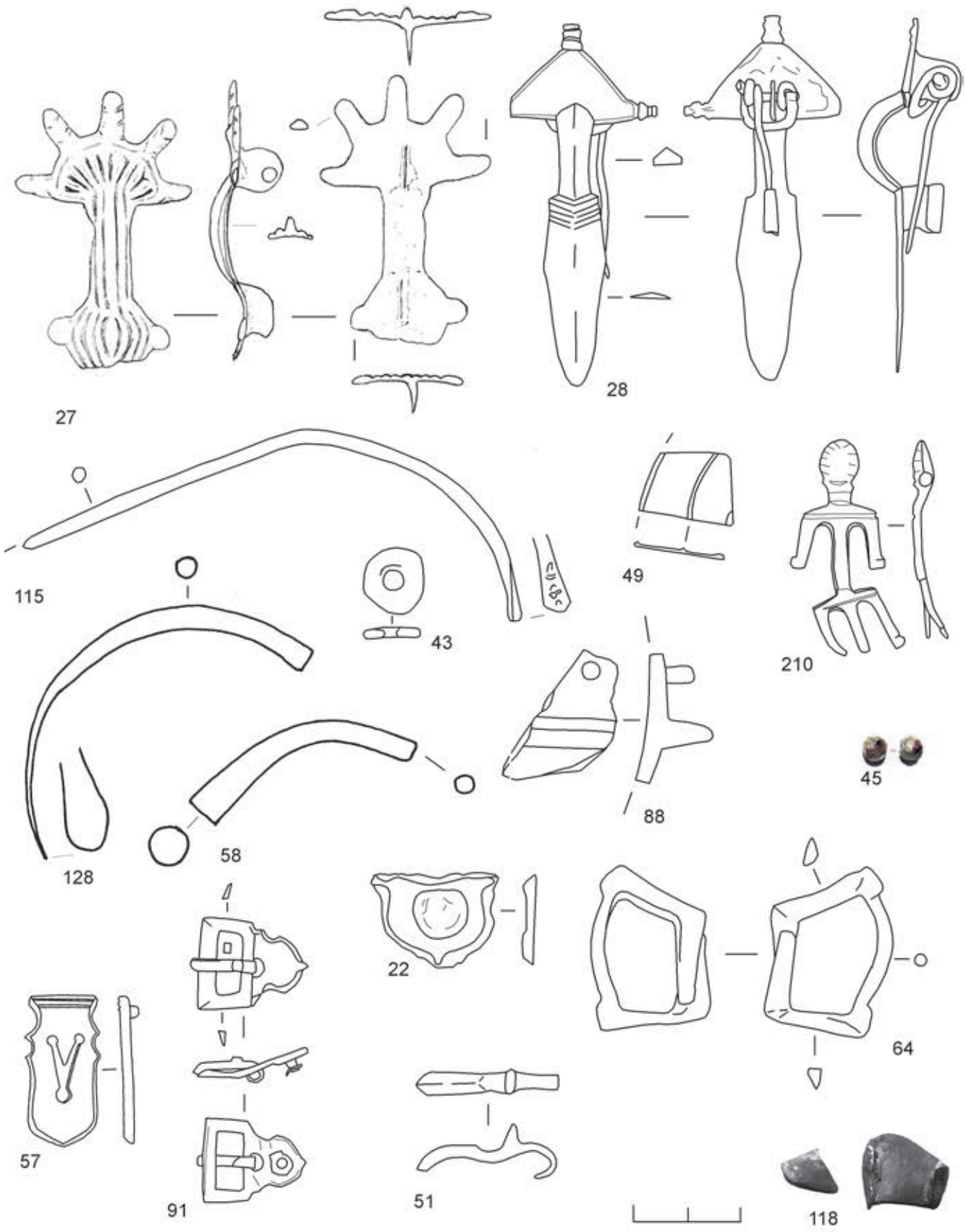


Рис. 27. Стаево-5. Находки из сборов подъемного материала 2016 г.
43, 118 — свинец; 45 — стекло; 49 — бело-серый сплав; остальное — бронза.
Нумерация соответствует табл. 2.
27 — рисунок И. О. Гавритухина, остальные — А. М. Обломского

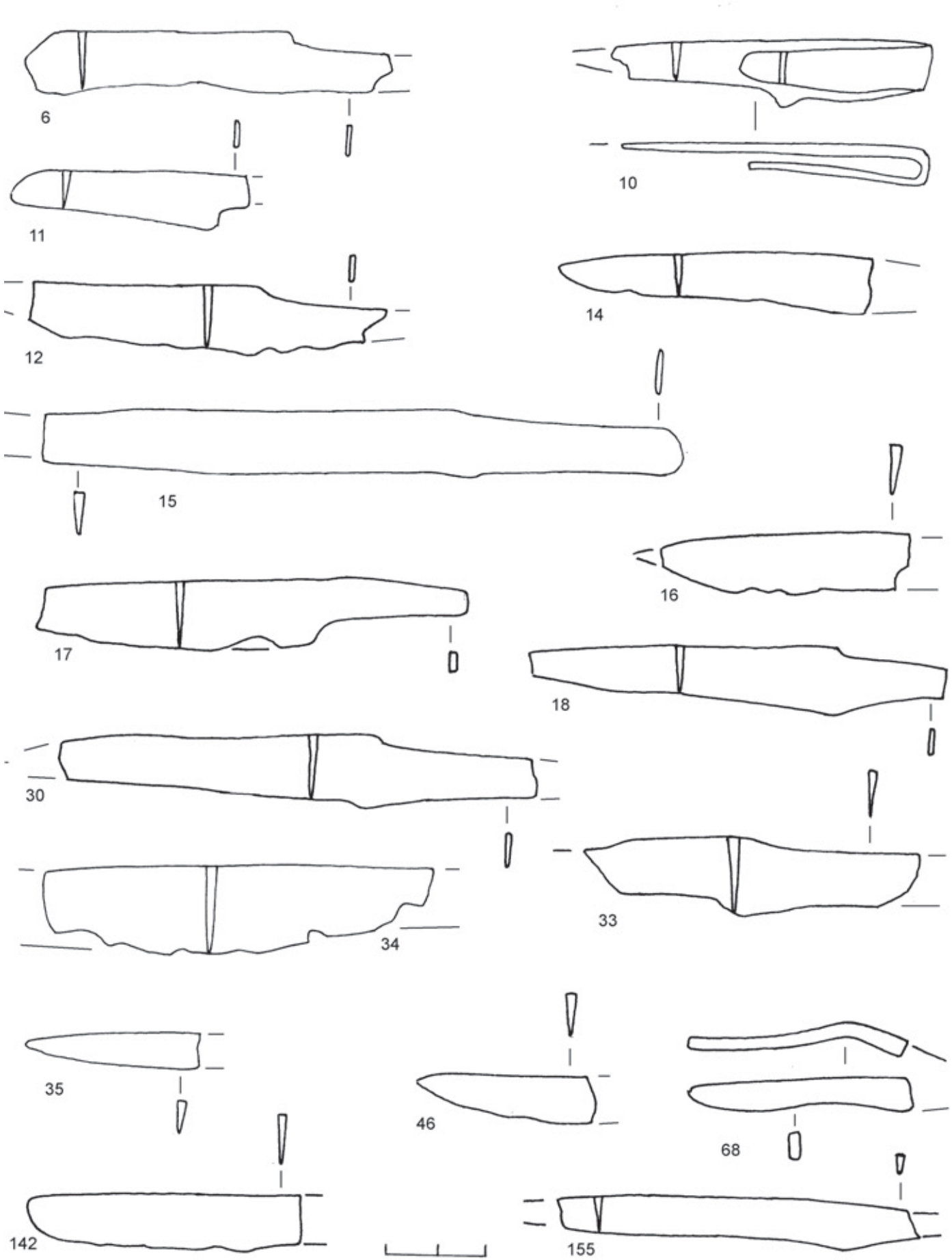


Рис. 28. Стаево-5. Железные ножи из подъемного материала 2016 г.
Нумерация соответствует табл. 2. Рисунки А. М. Обломского

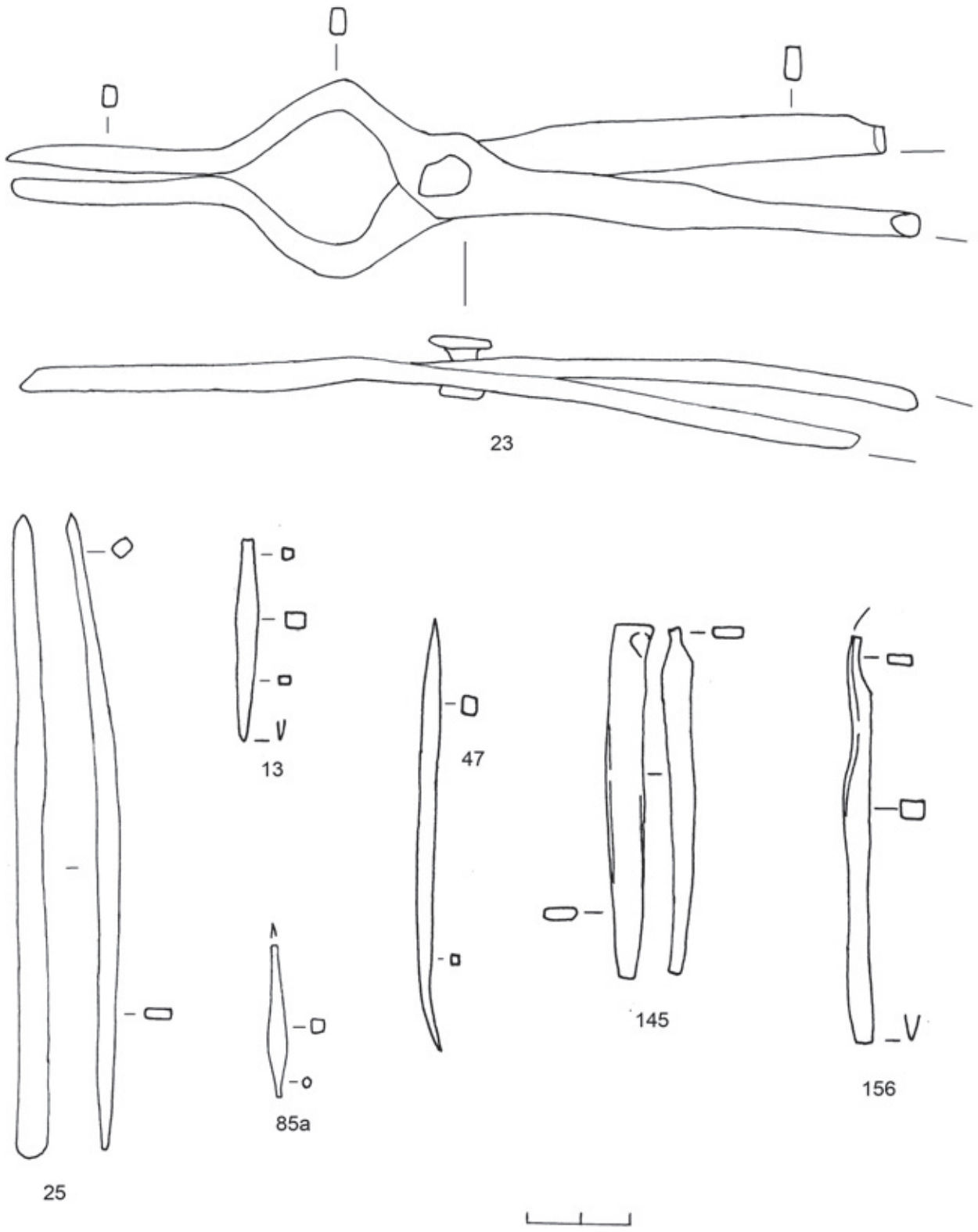


Рис. 29. Стаево-5. Железные инструменты из сборов подъемного материала 2016 г. Нумерация соответствует табл. 2. Рисунки А. М. Обломского

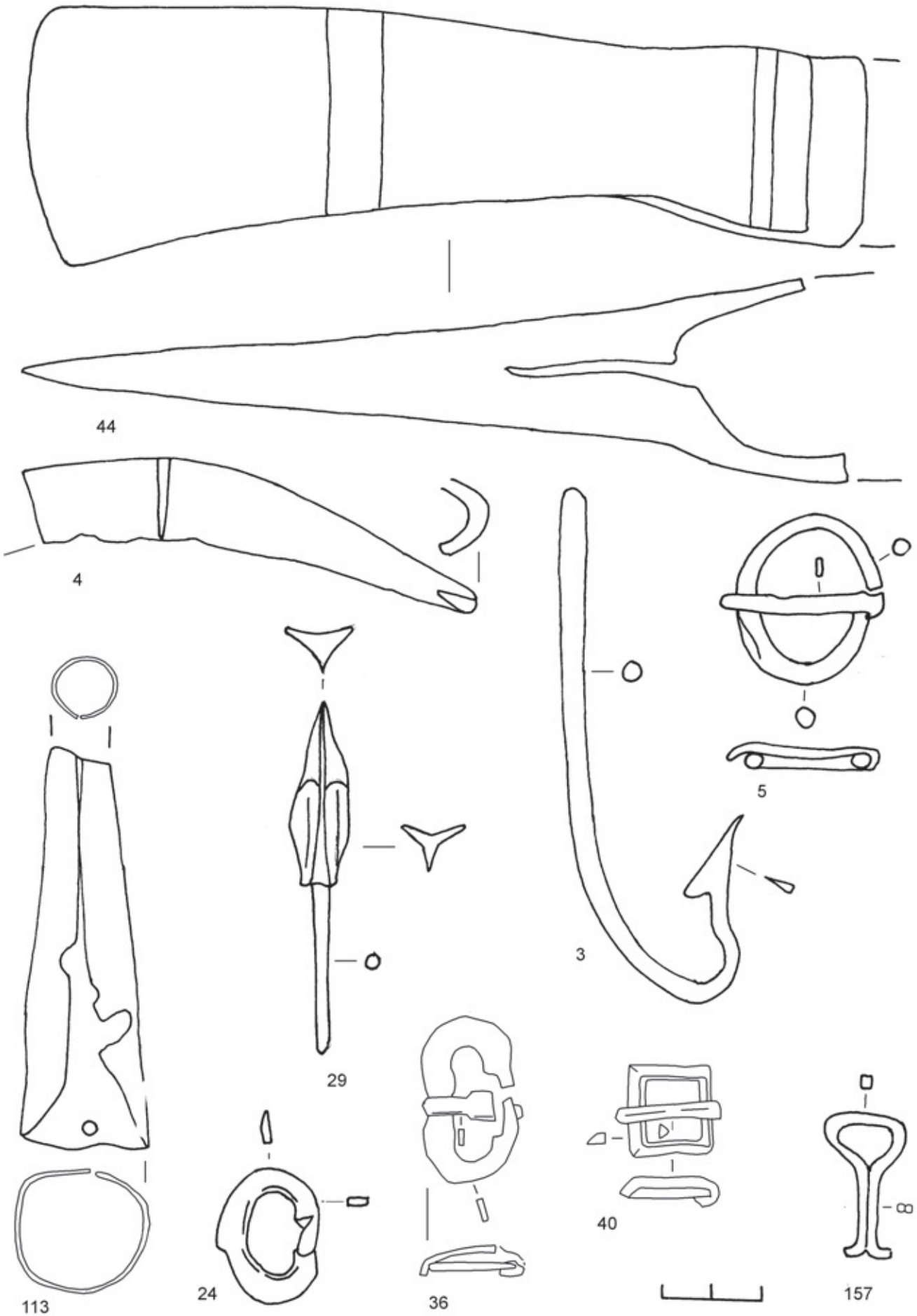


Рис. 30. Стаево-5. Железные изделия из сборов подъемного материала 2016 г.
Нумерация соответствует табл. 2.
Рисунки А. М. Обломского

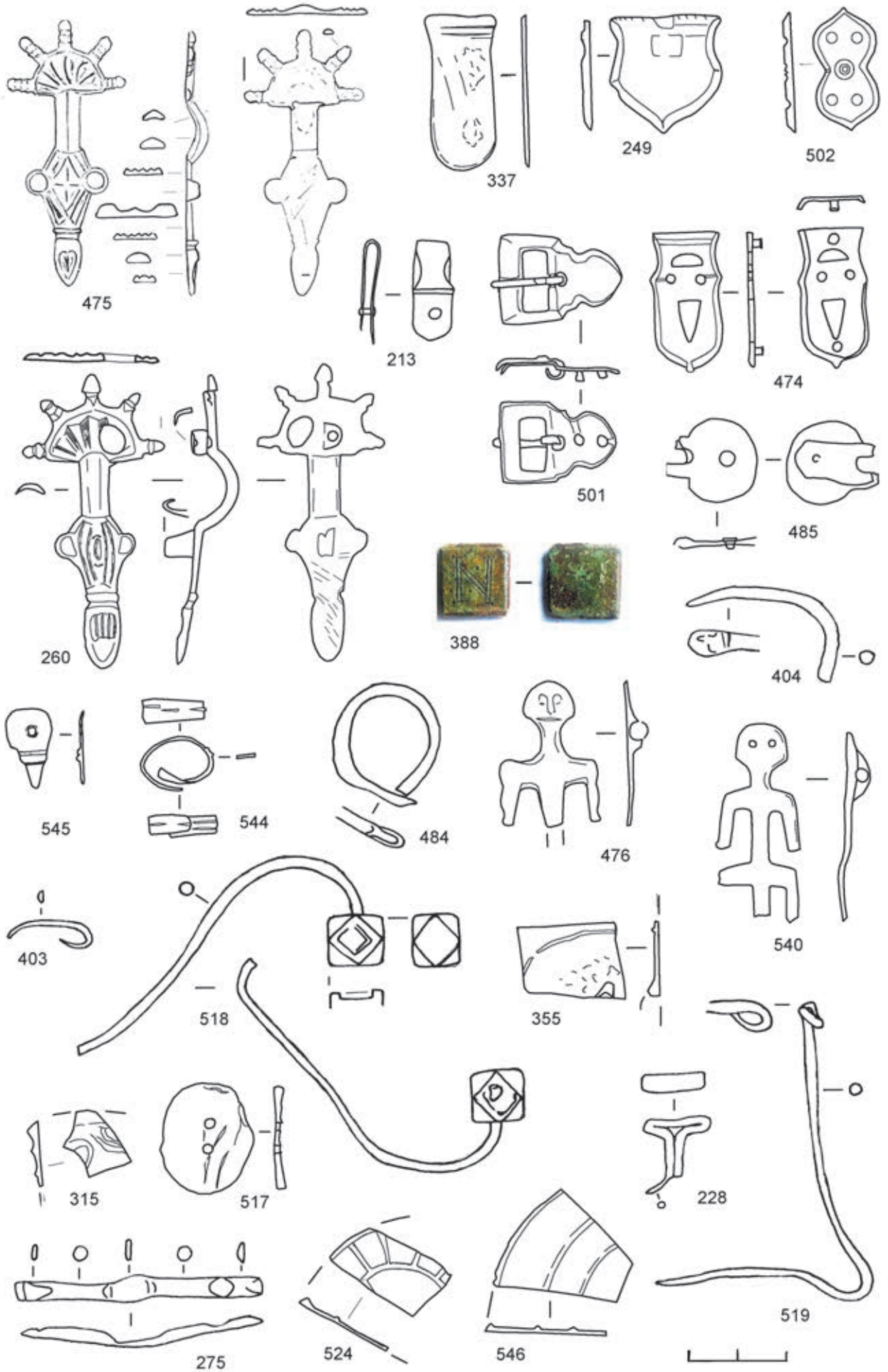


Рис. 31. Стаево-5. Находки из сборов подъемного материала 2017 г.
517 — свинец; 315, 355, 524, 546 — серо-белый сплав; остальное — бронза. Нумерация соответствует табл. 2. 260, 475 — рисунки И. О. Гавритухина, остальные рисунки и фото А. М. Обломского

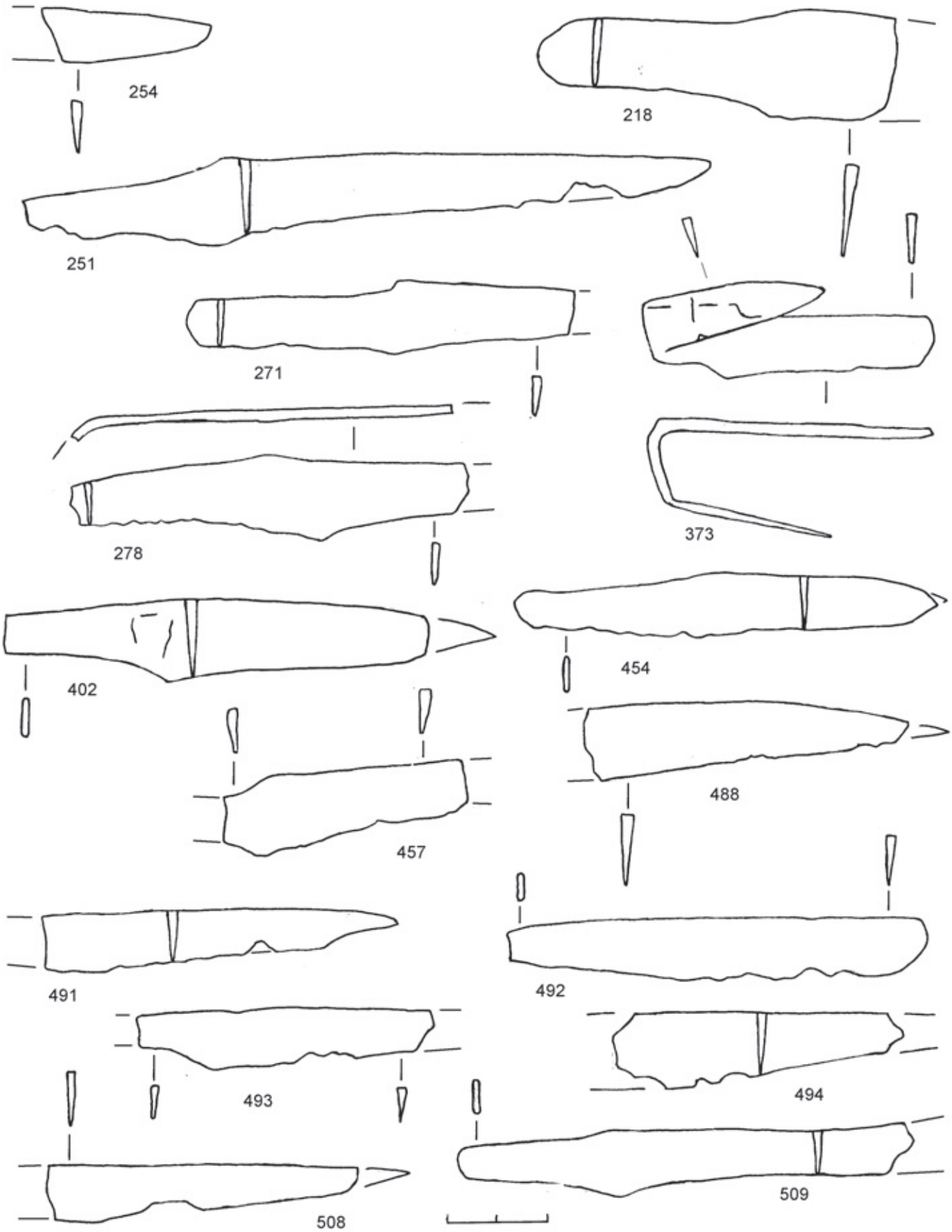


Рис. 32. Стаево-5. Железные ножи из подъемного материала 2017 г.
Нумерация соответствует табл. 2. Рисунки А. М. Обломского

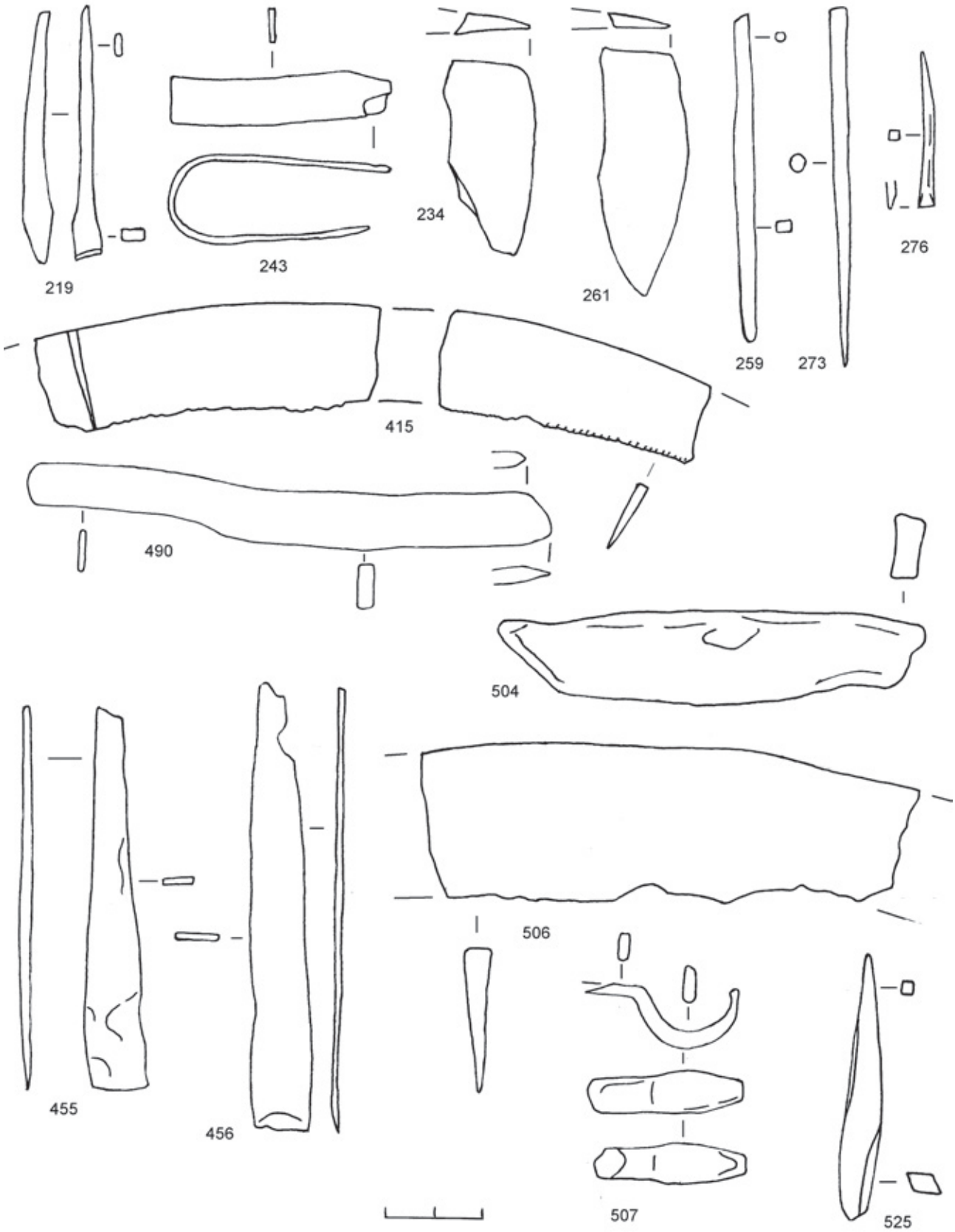


Рис. 33. Стаево-5. Железные орудия труда и инструменты из сборов подъемного материала 2017 г. Нумерация соответствует табл. 2. Рисунки А. М. Обломского

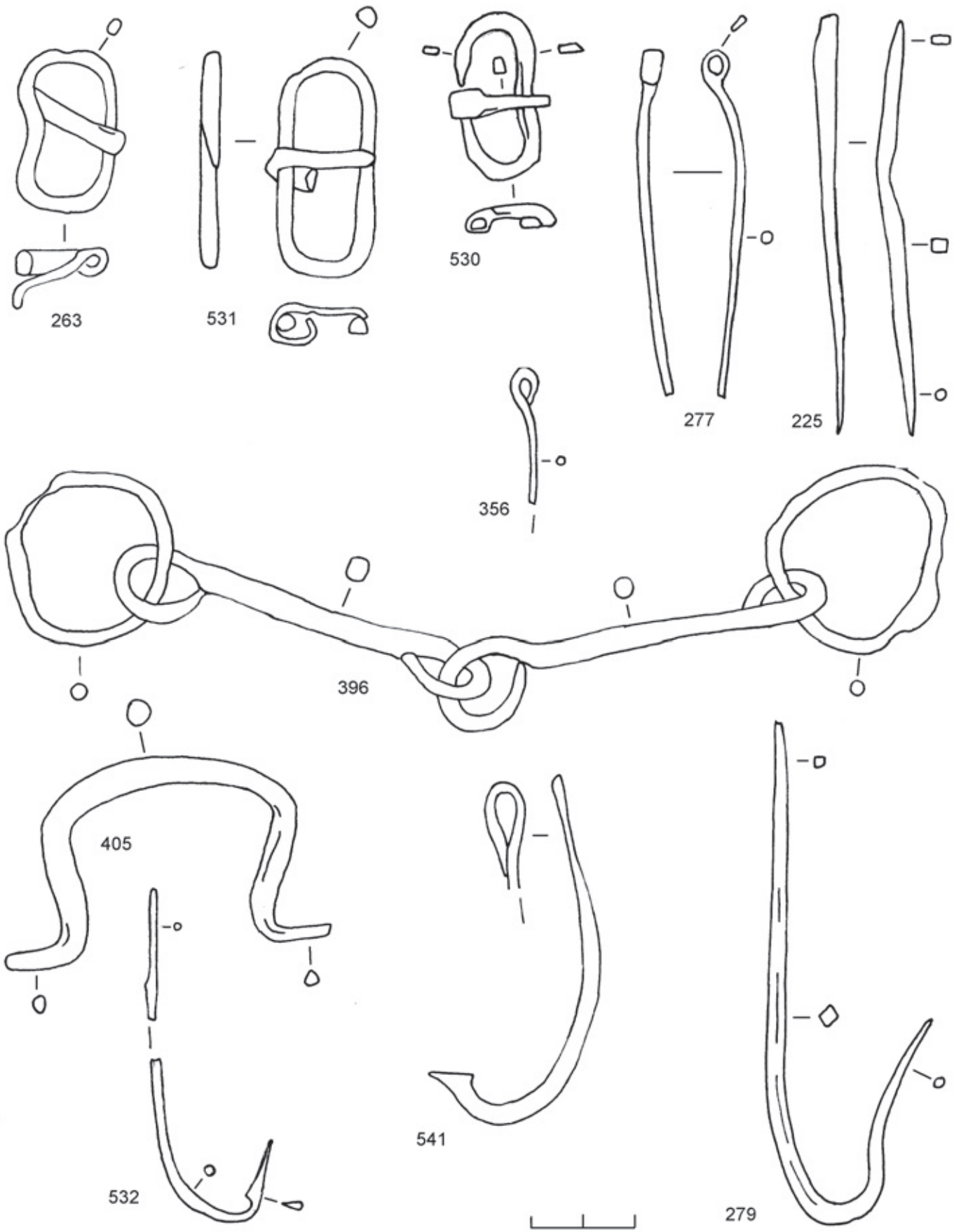


Рис. 34. Стаево-5. Железные предметы быта из сборов подъемного материала 2017 г. Нумерация соответствует табл. 2. Рисунки А. М. Обломского

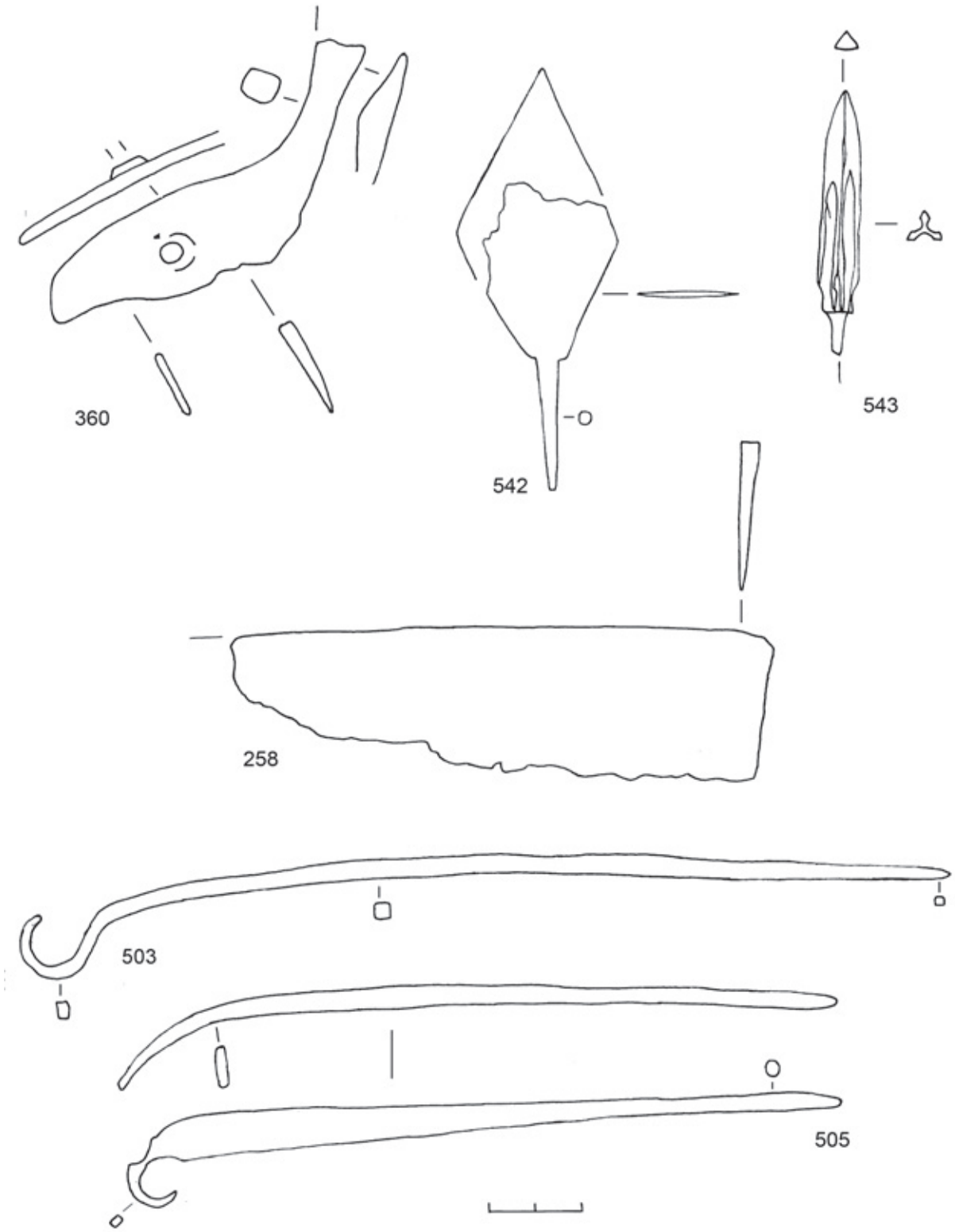


Рис. 35. Стаево-5. Железные изделия из сборов подъемного материала 2017 г. Нумерация соответствует табл. 2. Рисунки А. М. Обломского

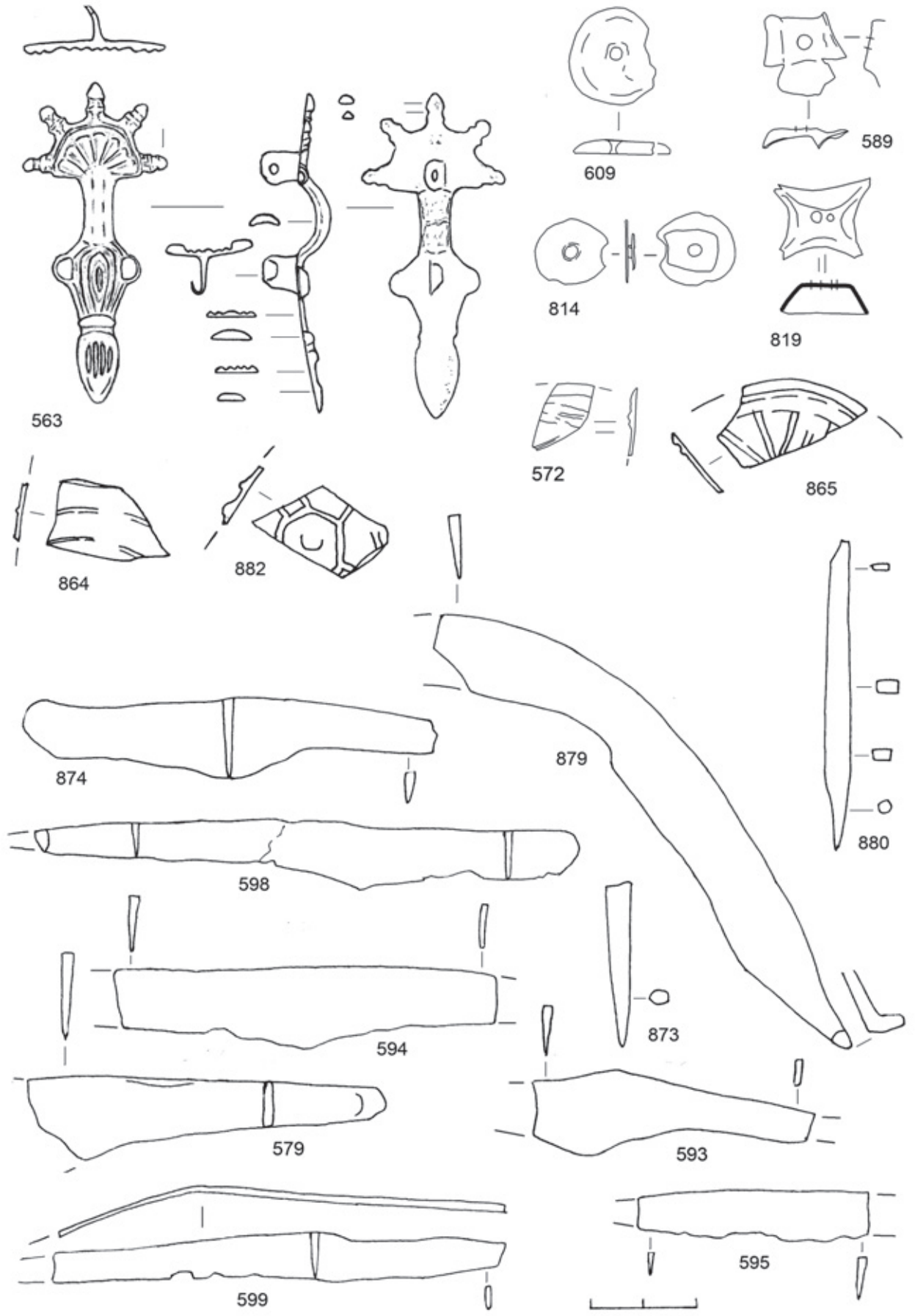


Рис. 36. Стаево-5. Металлические изделия из сборов подъемного материала 2018–2019 гг. 563, 589, 814, 819 — бронза; 572, 864, 865, 882 — бело-серый сплав; 609 — свинец; 579, 593, 594, 595, 598, 599, 873, 874, 879, 880 — железо. Нумерация соответствует табл. 2.
563 — рисунок И. О. Гавритухина, остальные рисунки А. М. Обломского

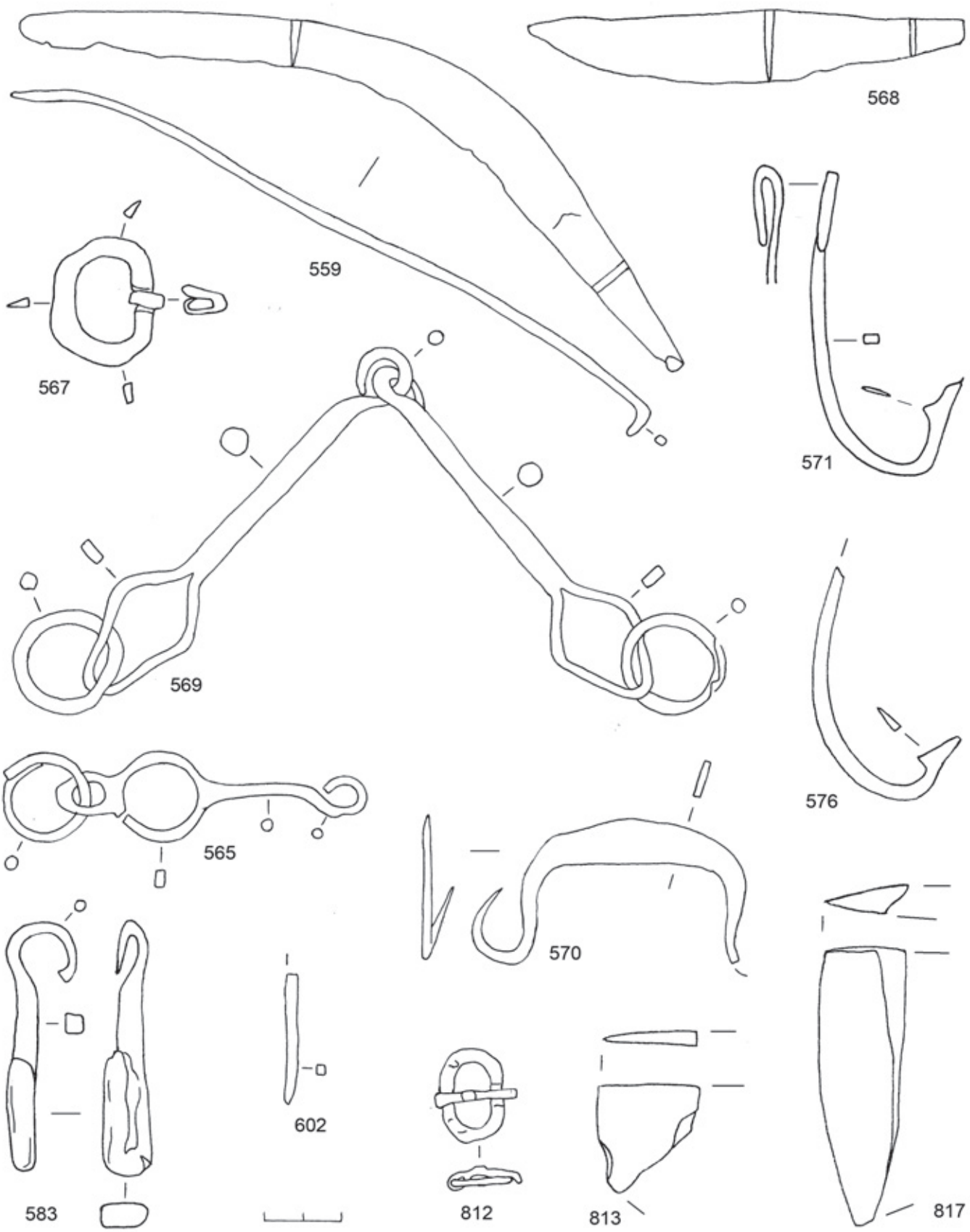


Рис. 37. Стаево-5. Железные изделия из сборов подъемного материала 2018 г.
Нумерация соответствует табл. 2.
Рисунки А. М. Обломского

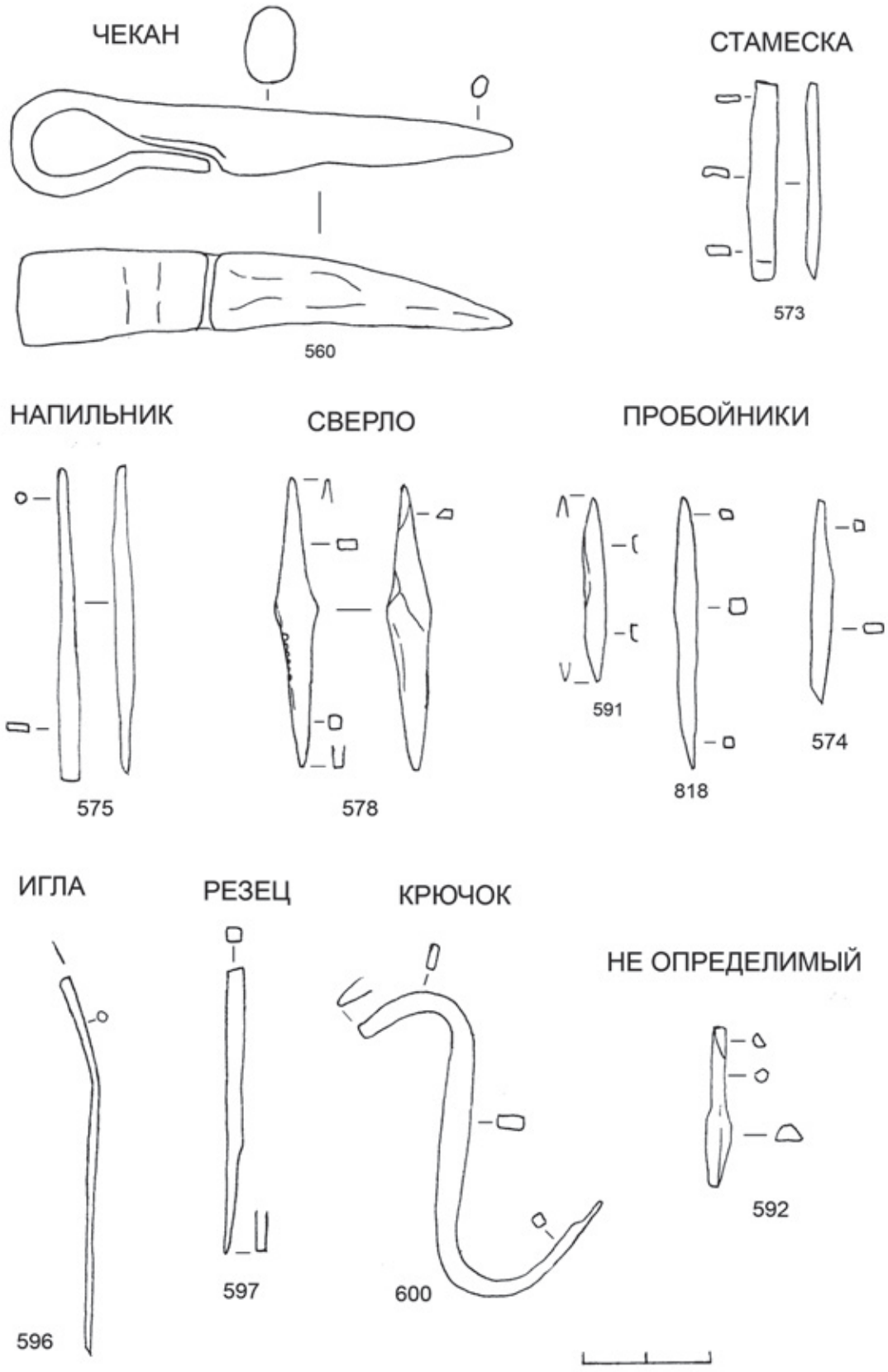


Рис. 38. Стаево-5. Железные инструменты из сборов подъемного материала 2018 г. (определение А. А. Белявского). Нумерация соответствует табл. 2. Рисунки А. М. Обломского

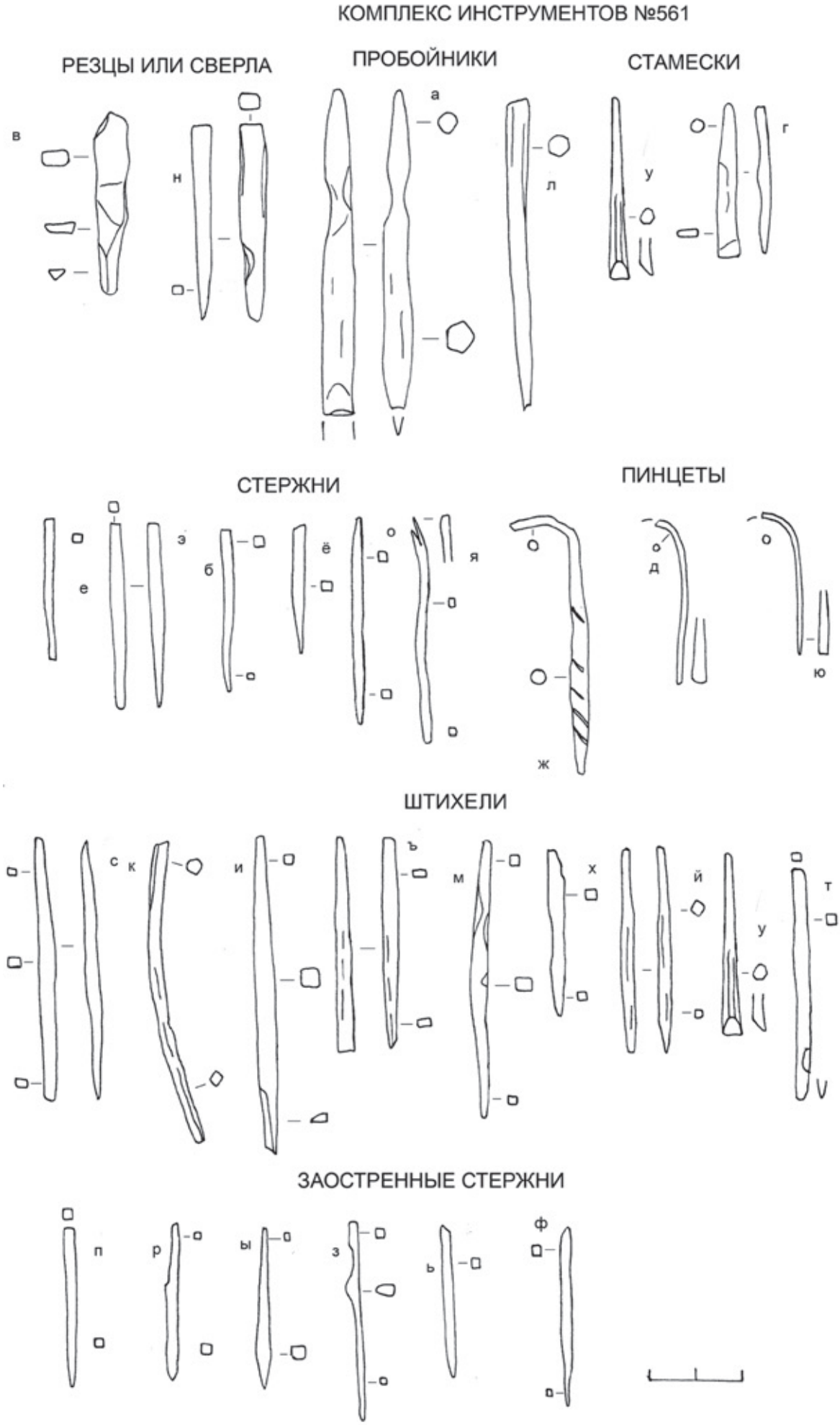


Рис. 39. Стаево-5. Коллекция железных инструментов из сборов подъемного материала 2018 г. (единый комплекс) (определение А. А. Белявского). Нумерация соответствует табл. 2. Рисунки А. М. Обломского



Рис. 40. Стаево-5. Отходы бронзолитейного ремесла (выплески, прутики и их обломки, пластинки) из сборов подъемного материала 2016 г. Нумерация соответствует табл. 2.
Фото и рисунок А. М. Обломского



Рис. 41. Стаево-5. Отходы бронзолитейного ремесла (выплески, обломки прутиков, пластинки) из сборов подъемного материала 2017 г. Нумерация соответствует табл. 2.
Фото и рисунки А. М. Обломского



Рис. 42. Стаево-5. Отходы бронзолитейного ремесла (выплески, прутики и их обломки, пластинки) из сборов подъемного материала 2018–2019 гг. 815 — серебро; остальное бронза. Нумерация соответствует табл. 2. Фото А. М. Обломского

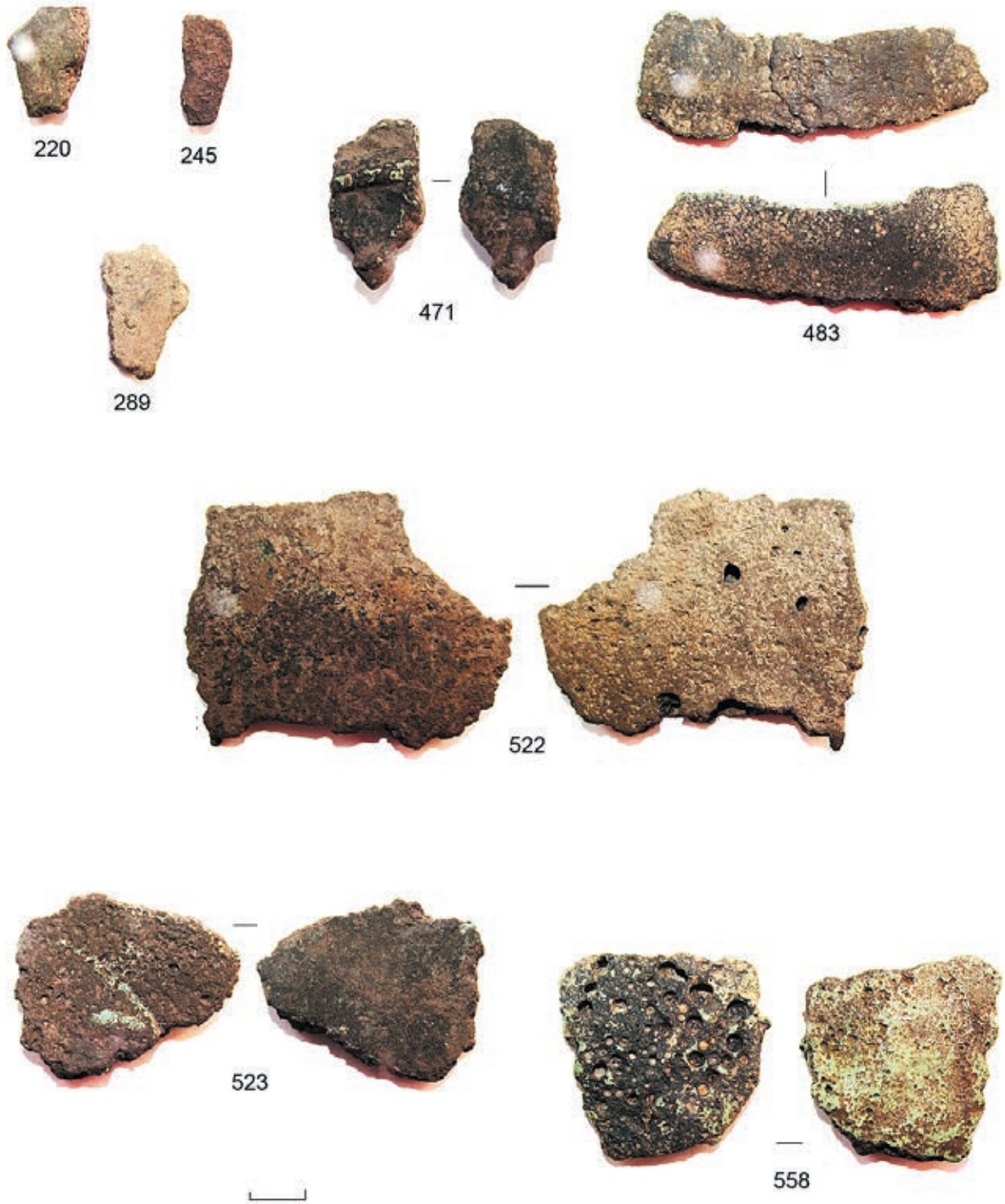


Рис. 43. Стаево-5. Обломки бронзовых котлов из подъемного материала 2017 г. Нумерация соответствует табл. 2. Фото А. М. Обломского

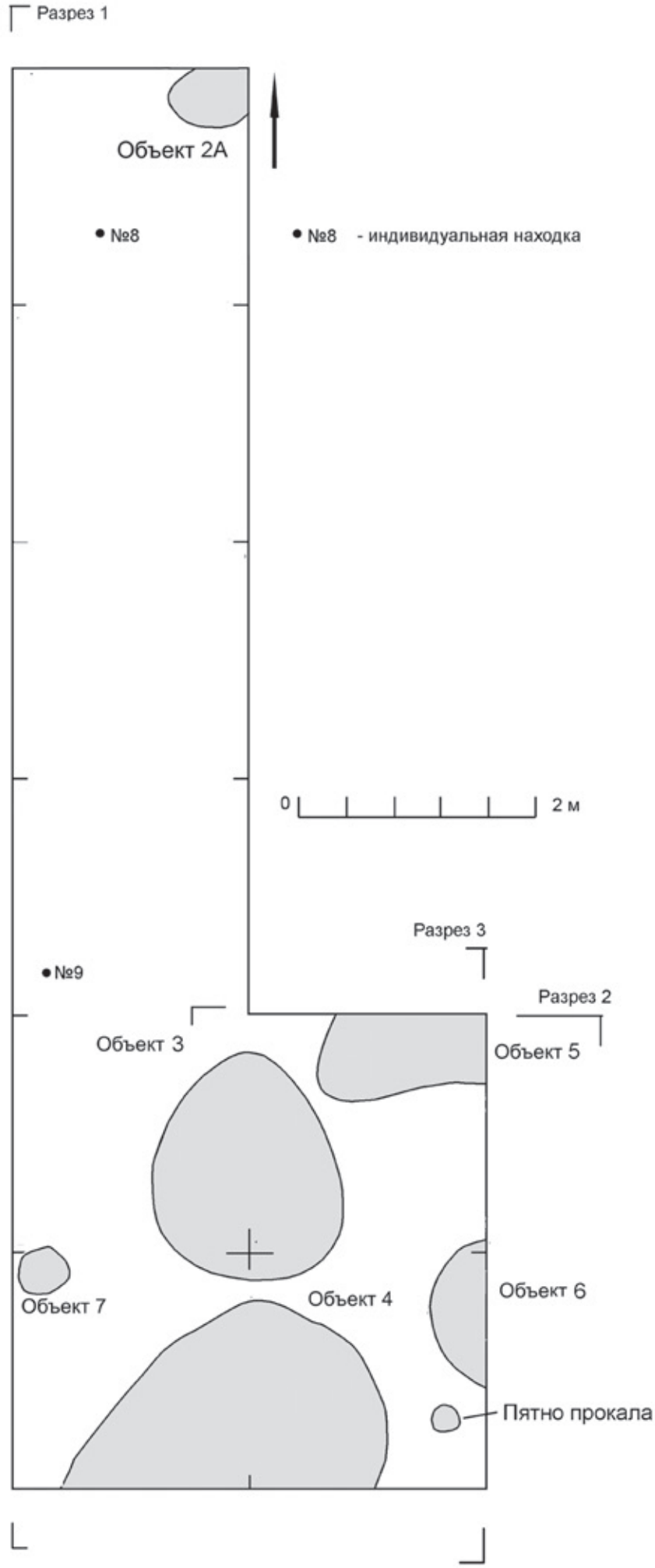


Рис. 44. Стаево-5. Раскоп 3, общий план. Нумерация находок соответствует табл. 2

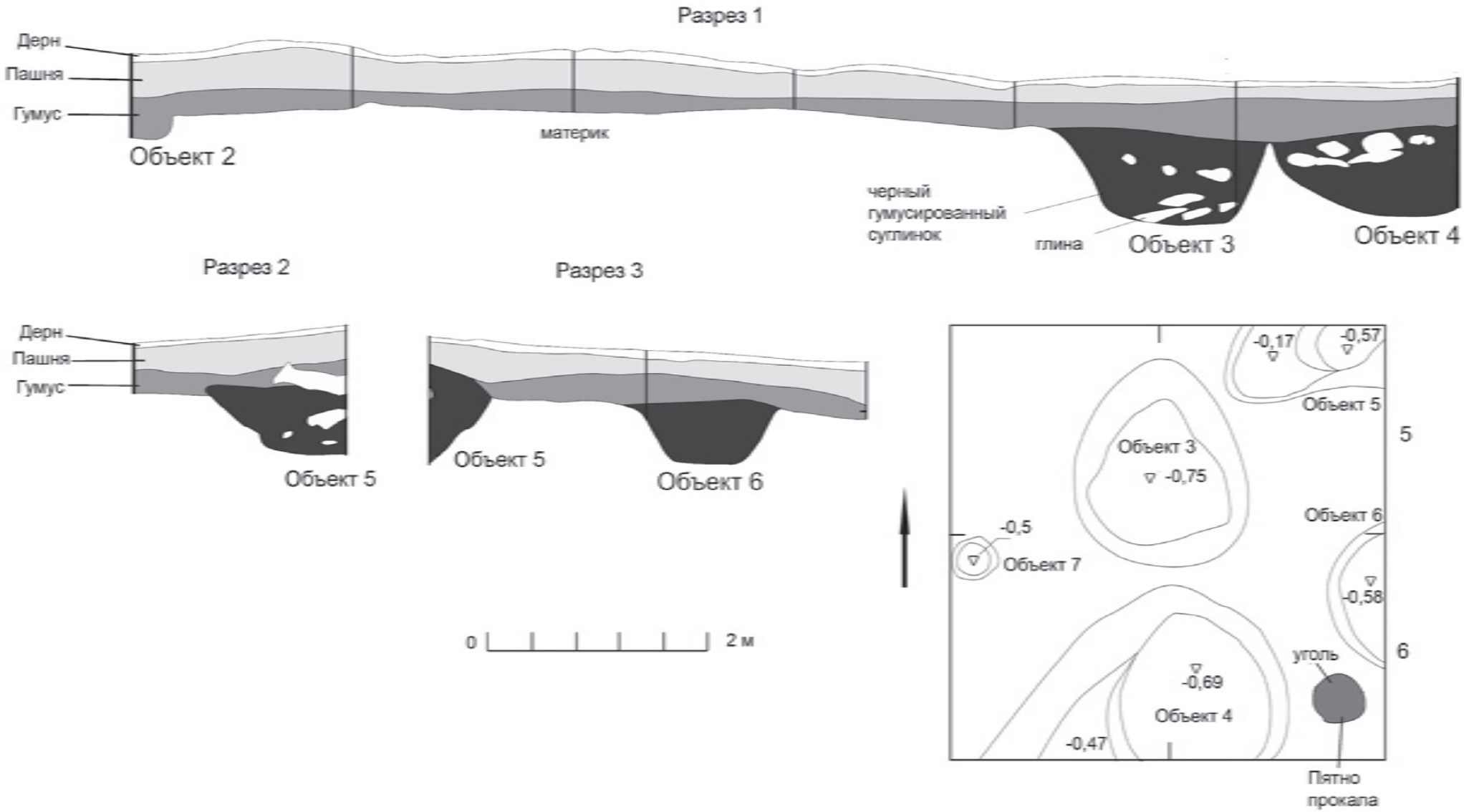


Рис. 45. Стаево-5. Раскоп 3, разрезы, и планы объектов в южной части раскопа

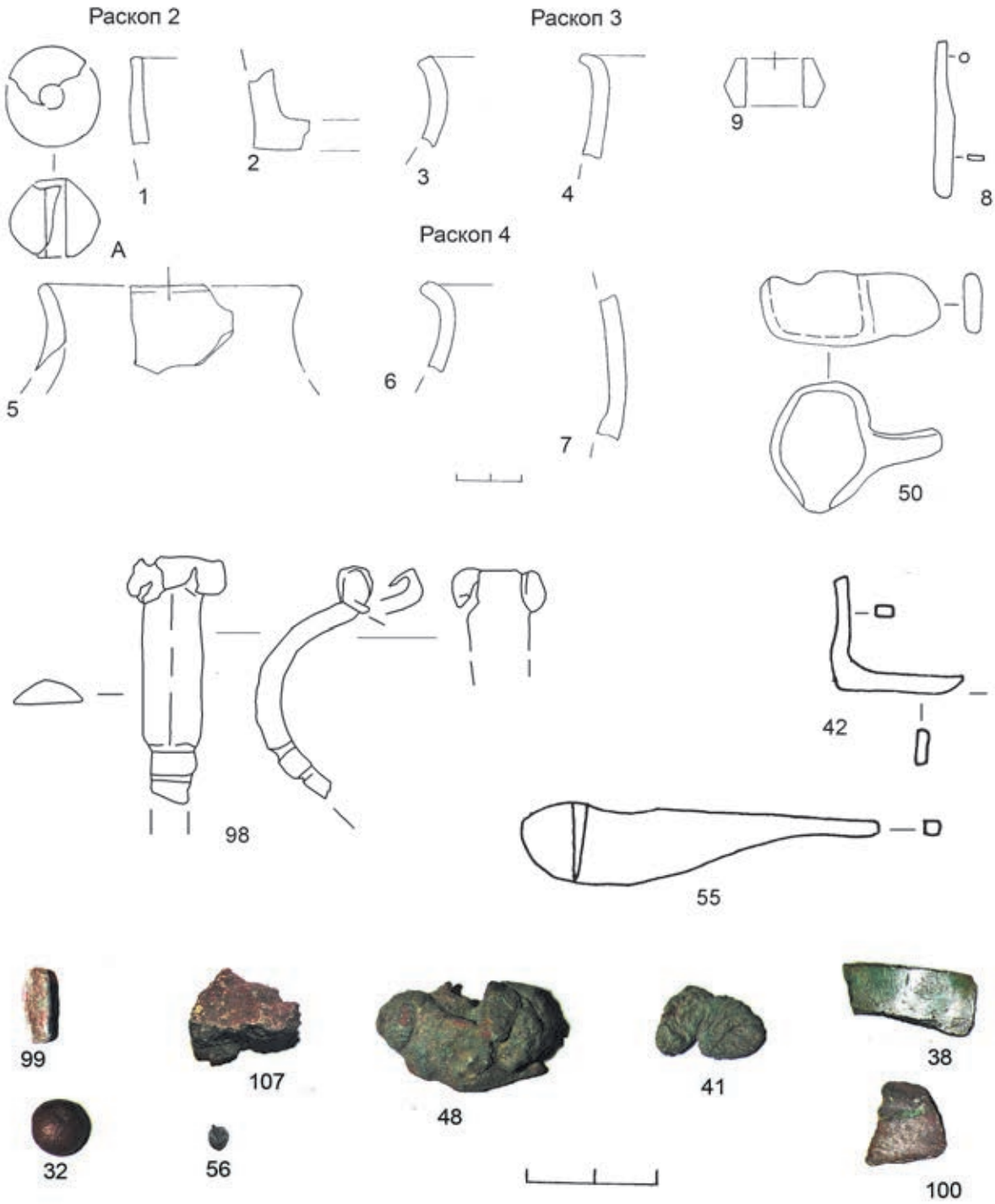


Рис. 46. Стаево-5. Раскопы 3 и 4. Находки.
1, 2, 7 — груболепная керамика со средним шамотом в тесте; 3, 6 — груболепная керамика с крупным шамотом в тесте; 4 — фрагмент лепного лощеного сосуда; 5 — фрагмент лепного сосуда с подлощенной поверхностью; 8, 42, 55, 98 — изделия из железа; 9 — фрагмент лощеного глиняного пряслица; А — фрагмент глиняного пряслица с шероховатой поверхностью; 32, 41, 48, 107 — выплески бронзы; 38, 100 — пластинки из бронзы; 50 — глиняная лепешка; 56 — стеклянная бисерина; 99 — обрубок бронзового прутика. Нумерация находок (кроме 1–9) соответствует табл. 2.
Рисунки и фото А. М. Обломского

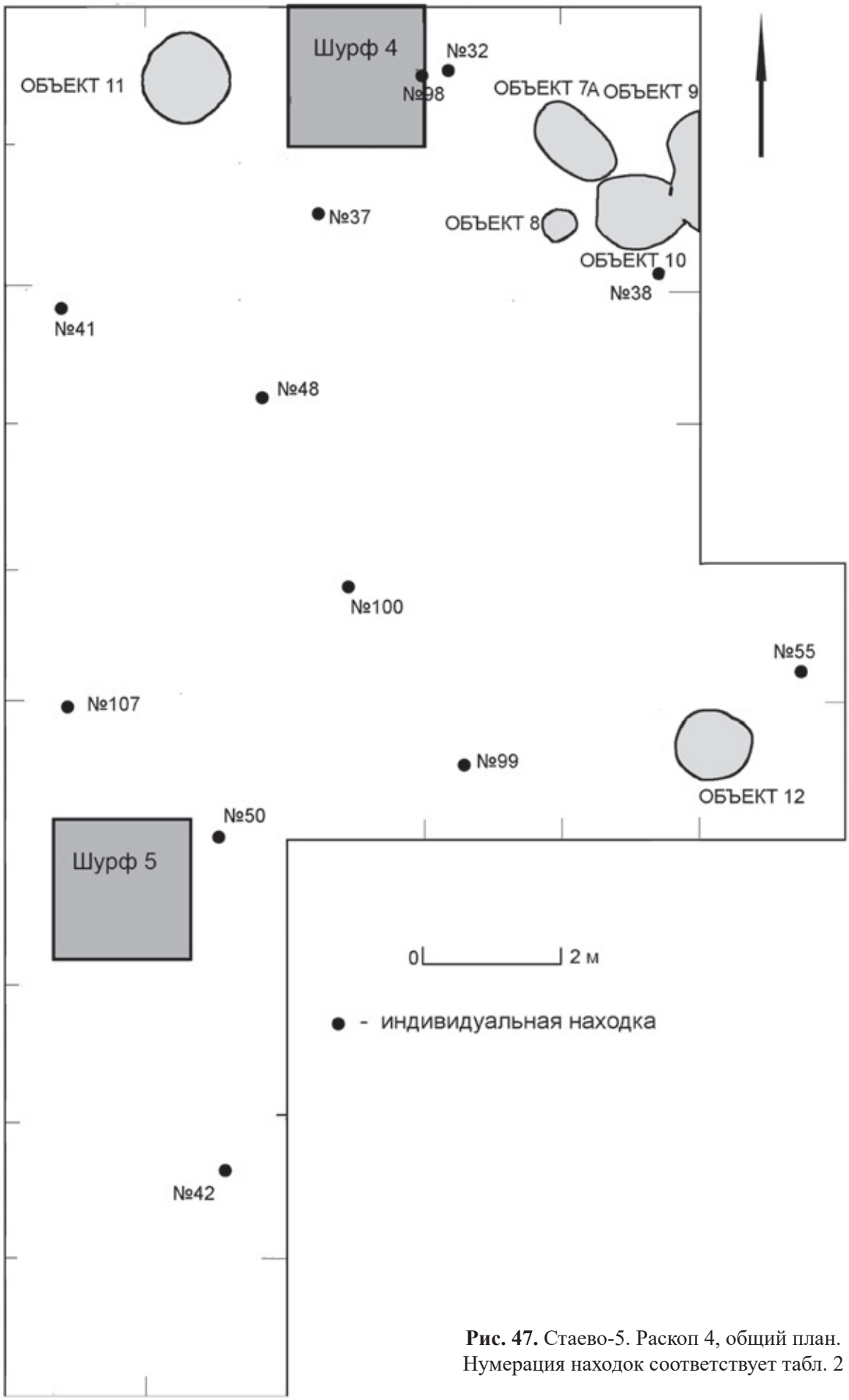


Рис. 47. Стаево-5. Раскоп 4, общий план. Нумерация находок соответствует табл. 2

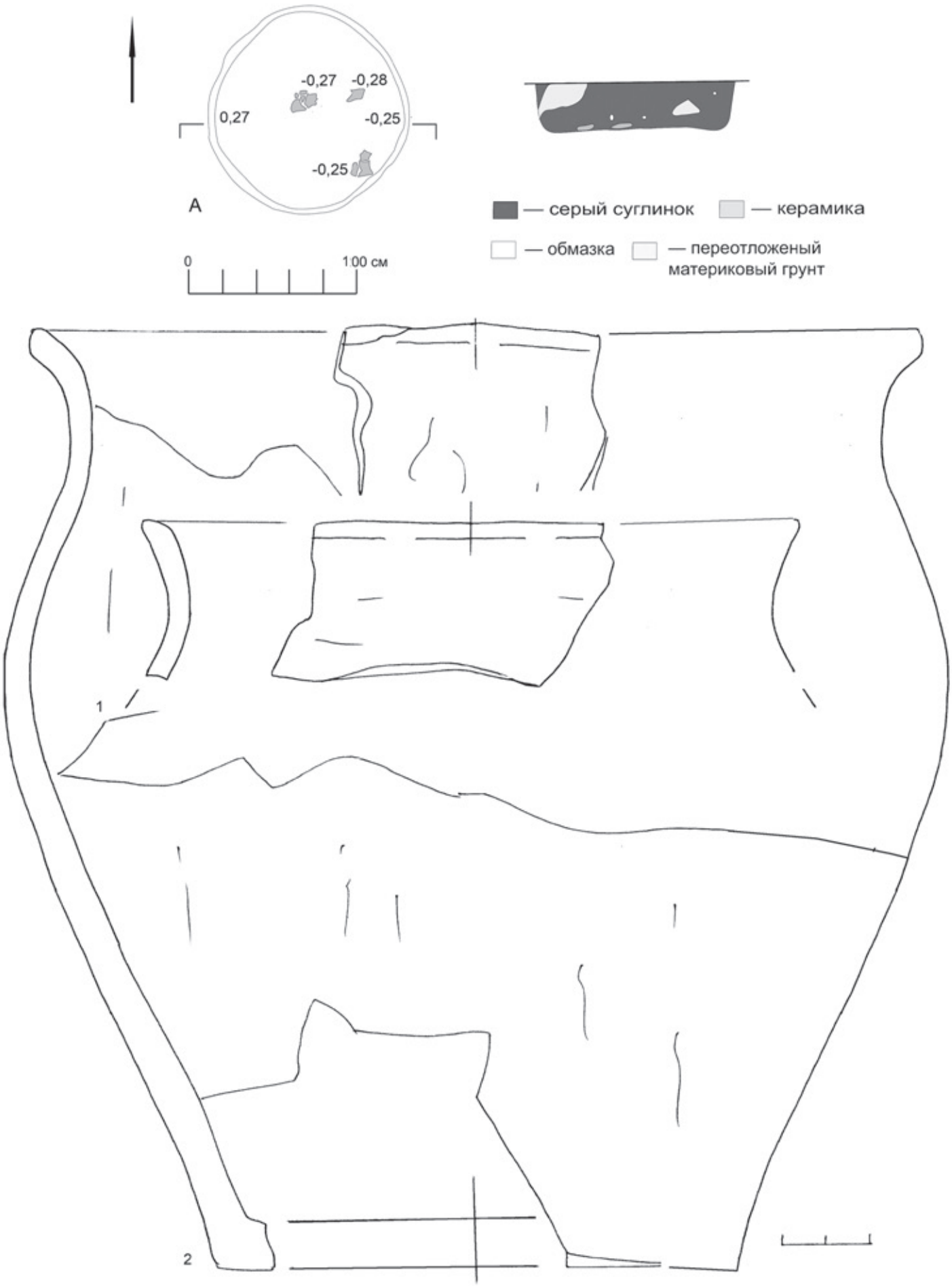


Рис. 48. Стаево-5. Раскоп 4, объект 11. План, разрез, находки. Груболепная керамика: 1 — со средним шамотом и рудой в тесте; 2 — с крупным шамотом в тесте. Рисунки А. М. Обломского

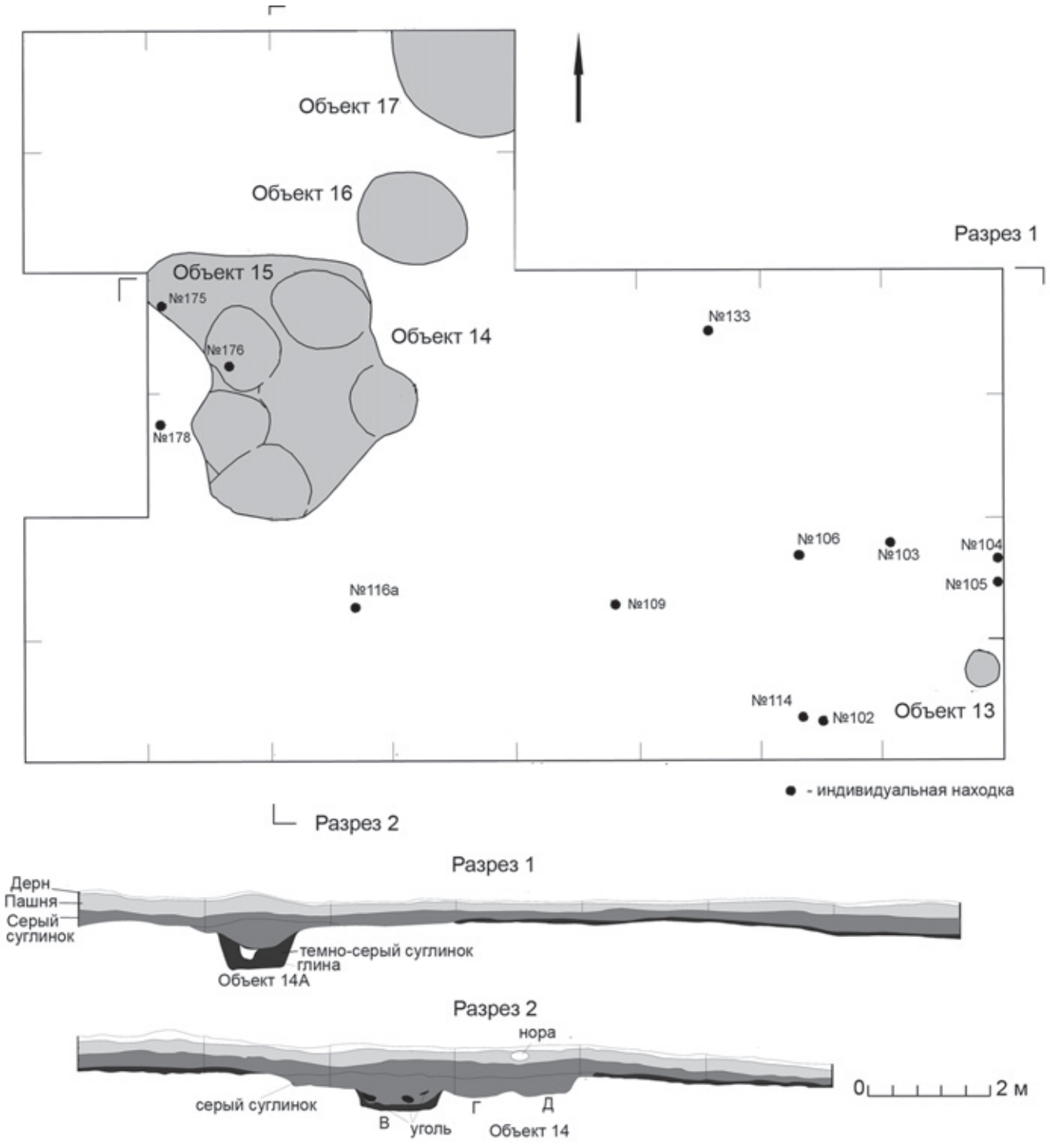


Рис. 49. Стаево-5. Раскоп 5, общий план, разрезы.
Нумерация находок соответствует табл. 2

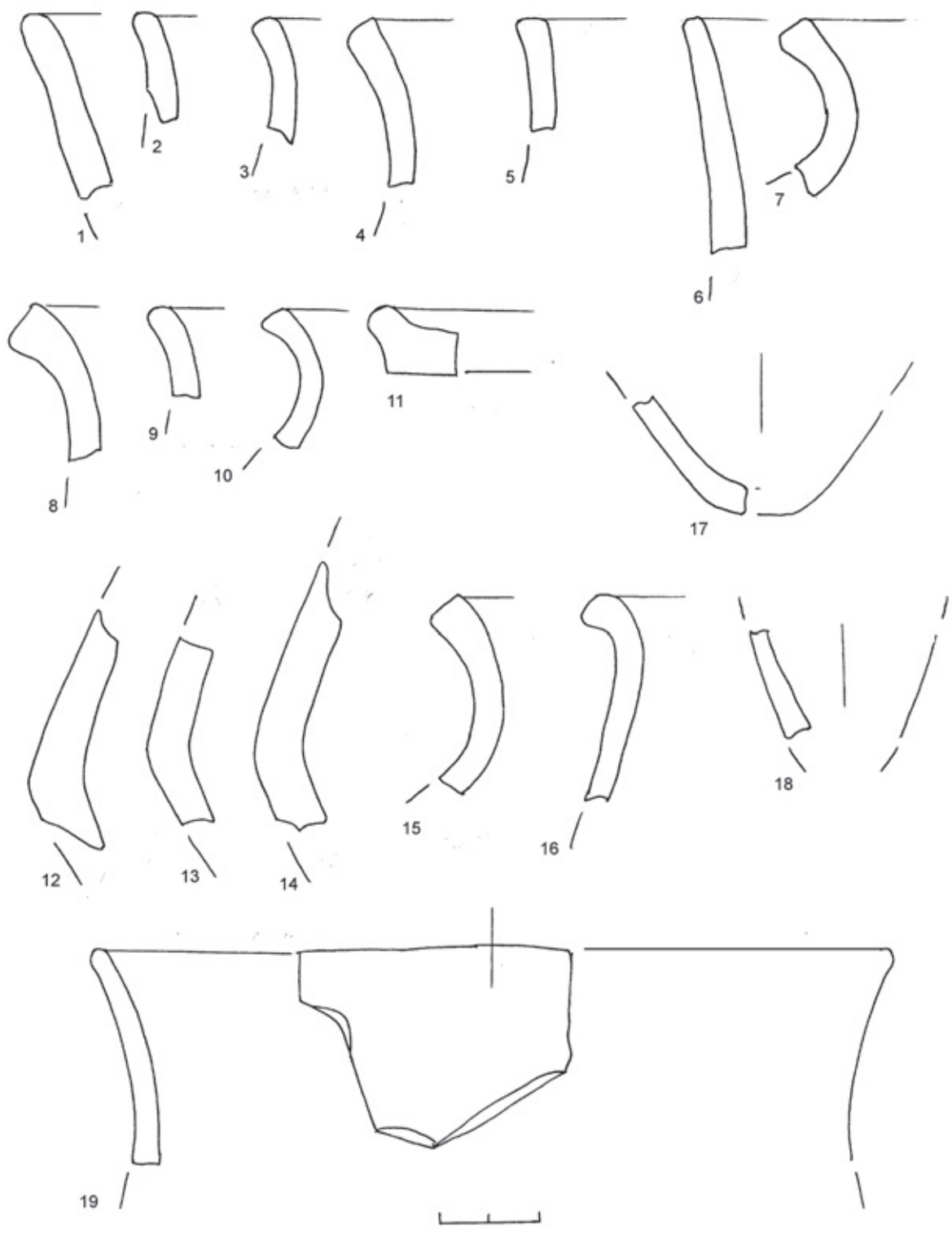


Рис. 50. Стаево-5. Раскоп 5. Лепная керамика раннего Средневековья из культурного слоя.
1, 2, 5, 6, 9 — груболепная керамика со средним шамотом и дресвой; 3, 10, 11, 15, 19 — груболепная керамика со средним шамотом; 4, 7, 8, 16 — груболепная керамика с крупным шамотом; 12, 13 — груболепная керамика с крупным шамотом и рудой; 14 — фрагмент груболепного сосуда со средним шамотом и рудой; 17, 18 — фрагменты глиняных ошлакованных тиглей.
Рисунки А. М. Обломского

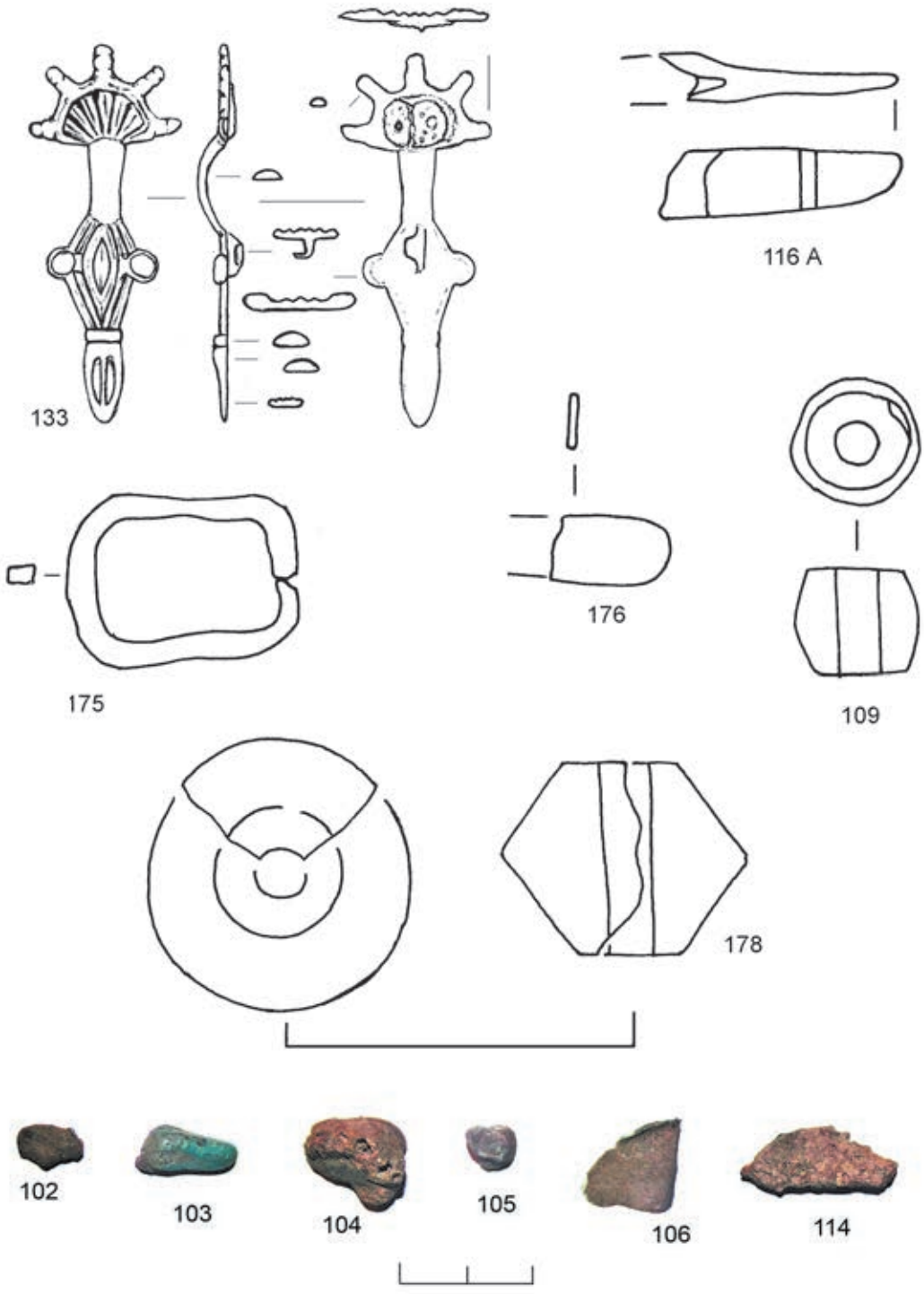


Рис. 51. Стаево-5. Раскоп 5. Находки из культурного слоя.
133 — бронзовая фибула; 116А, 175, 176 — изделия из железа; 109, 178 — глиняные пряслица; 102, 103, 104, 105 — выплески бронзы; 106, 114 — бронзовые пластинки. Нумерация находок соответствует табл. 2. 133 — рисунок И. О. Гавритухина, остальные рисунки и фото А. М. Обломского

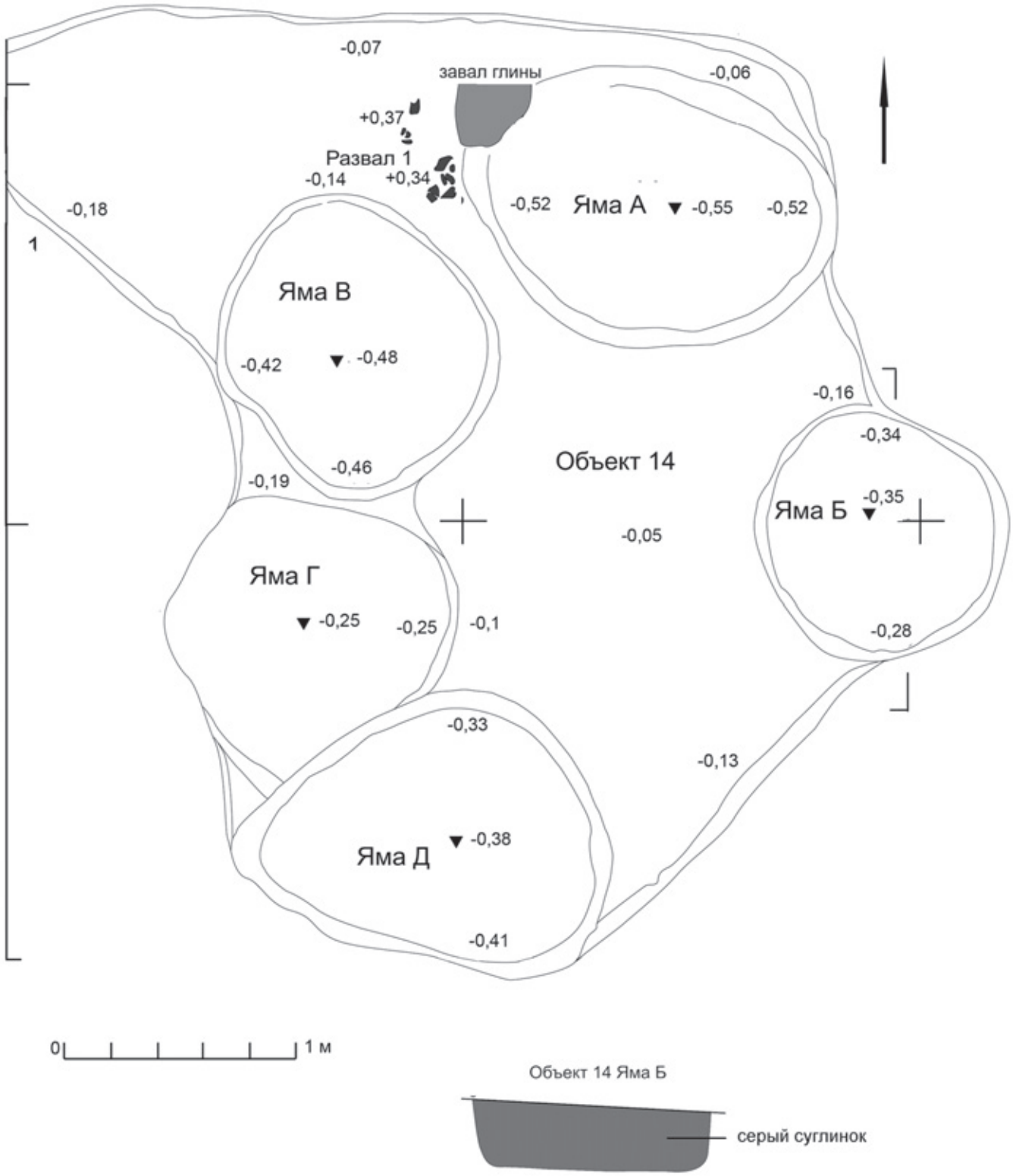


Рис. 52. Стаево-5. Раскоп 5, объект 14. Общий план и разрез ямы Б

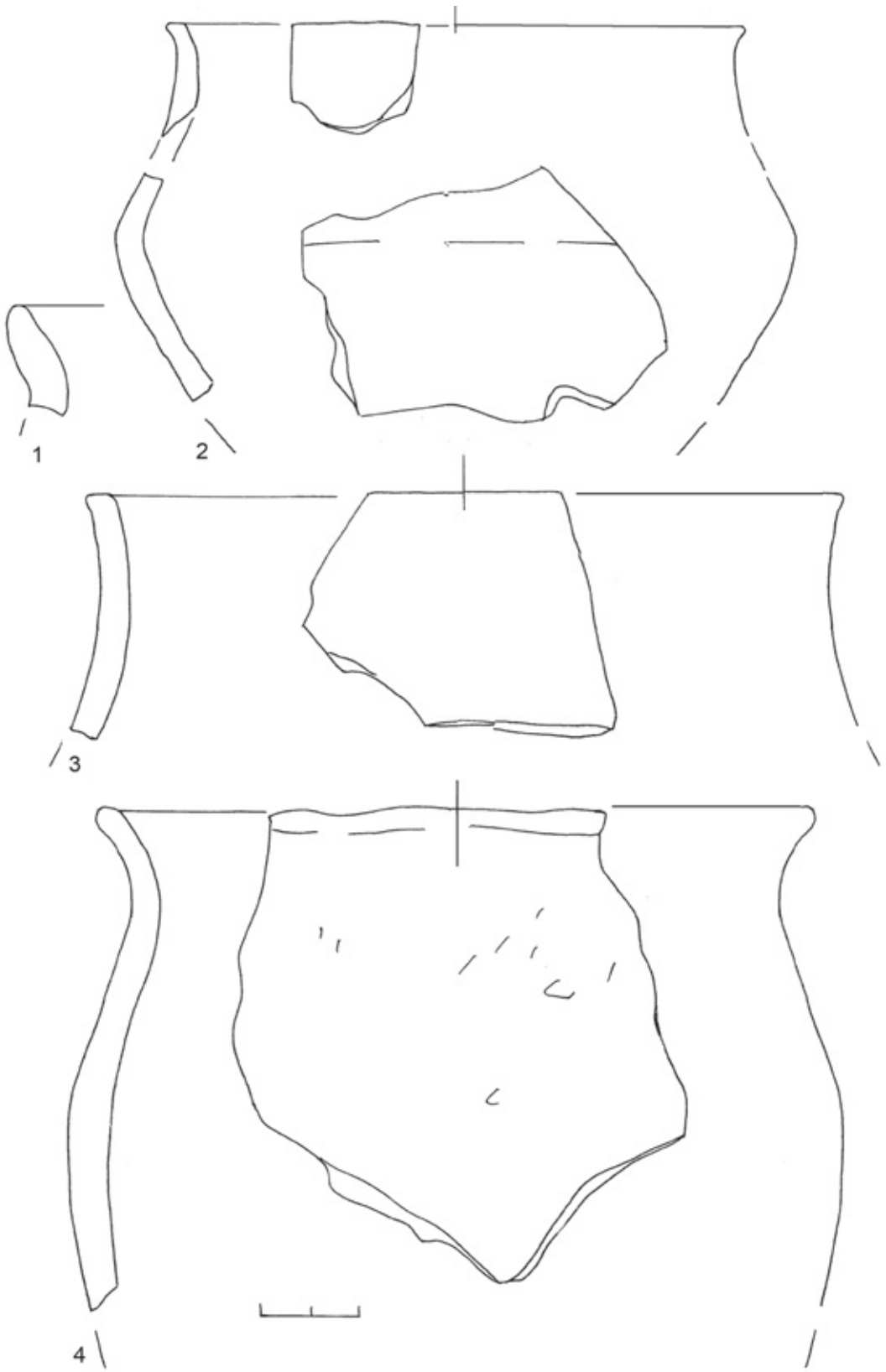


Рис. 53. Стаево-5. Раскоп 5, объект 14. Лепная керамика.
1 — яма А; 2 — яма А и серый слой заполнения; 3 — серый слой заполнения; 4 — яма Д; 1 — фрагмент груболепного сосуда со средним шамотом в тесте; 2 — фрагменты чернолощеной миски; 3 — фрагмент подлощенного сосуда; 4 — фрагмент груболепного сосуда с крупным шамотом.
Рисунки А. М. Обломского

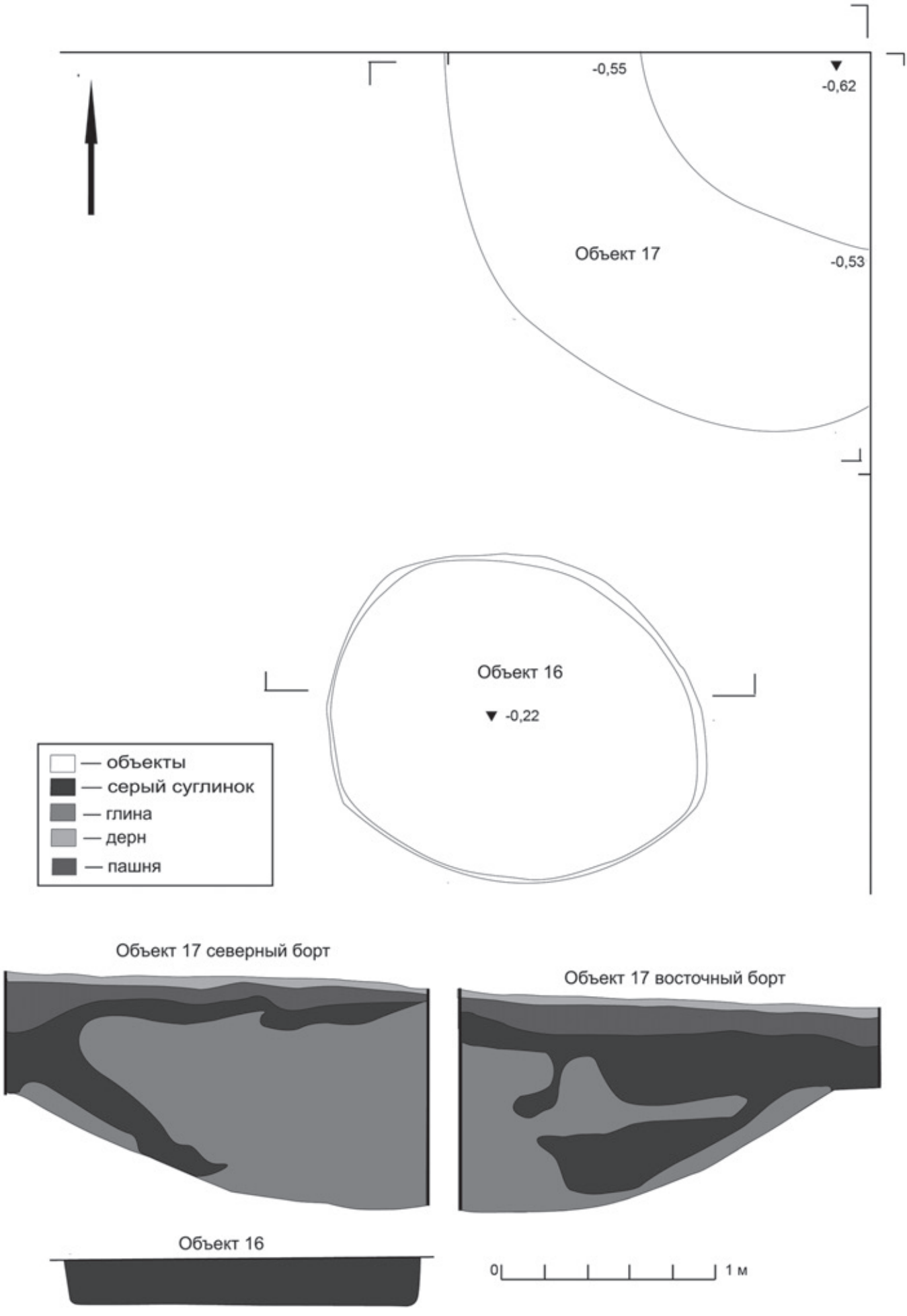


Рис. 54. Стаево-5. Раскоп 5, объекты 16 и 17. Планы и разрезы

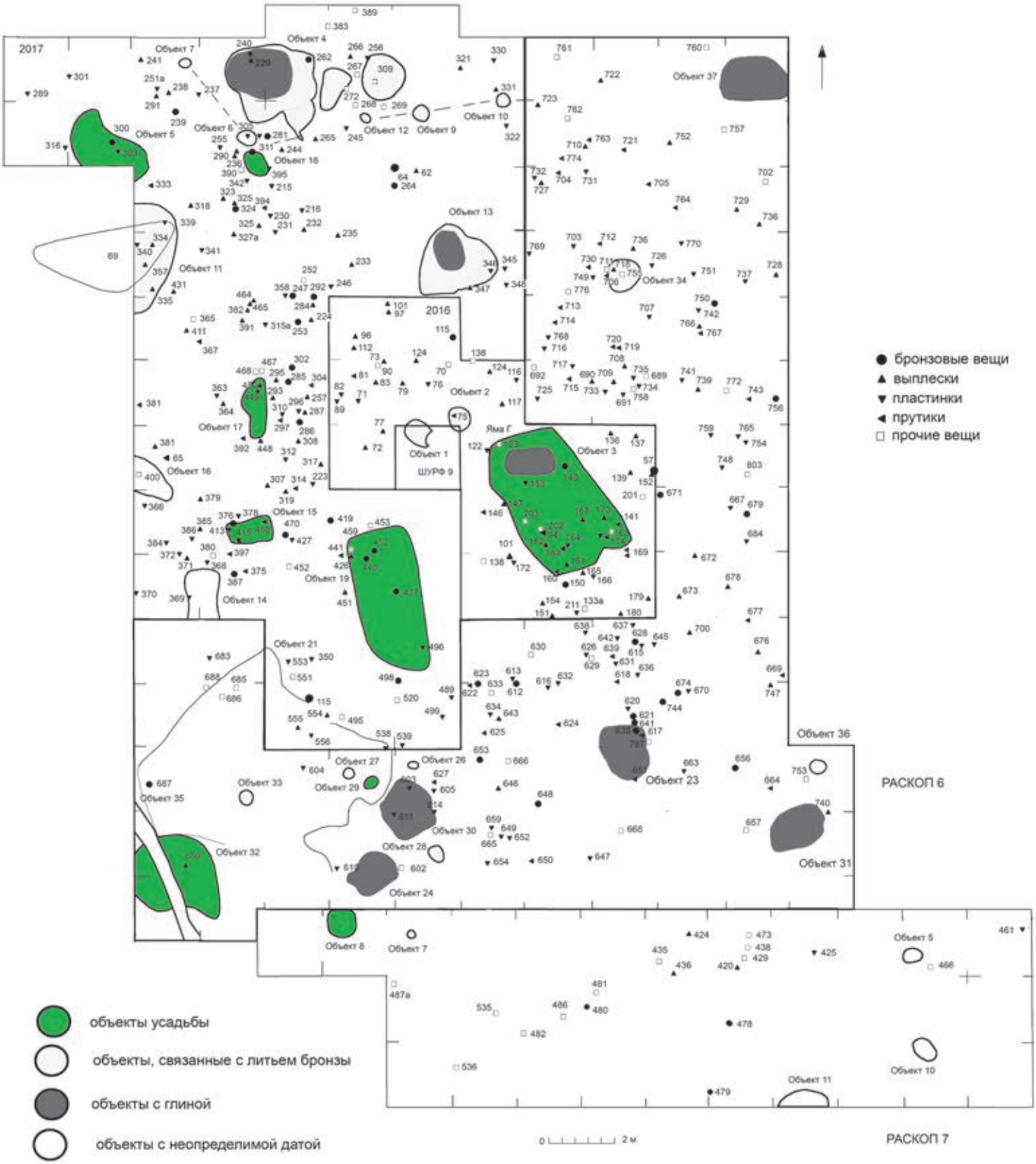


Рис. 55. Стаево-5. Раскопы 6 и 7. Общий план.
Нумерация находок соответствует табл. 2

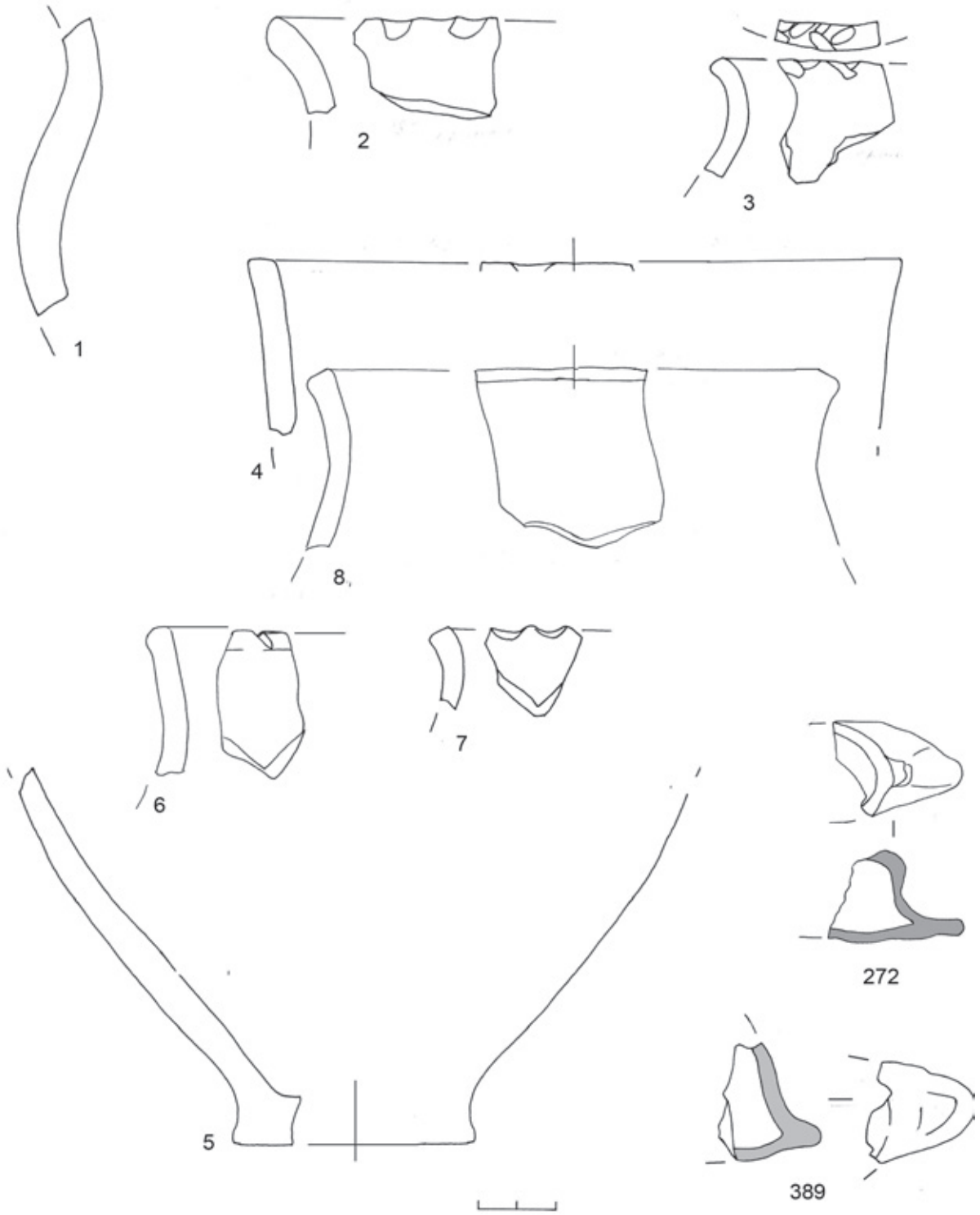


Рис. 56. Стаево-5. Лепная керамика из культурного слоя раскопа 6 2016–2017 гг.
1 — со средним шамотом и органикой; 2, 5 — с крупным шамотом; 3, 4, 6, 7 — со средним шамотом в керамическом тесте; 8 — фрагмент лепного сосуда со средним шамотом и рудой в тесте; 272, 389 — фрагменты ошлакованных тиглей, их нумерация соответствует табл. 2.
Рисунки А. М. Обломского

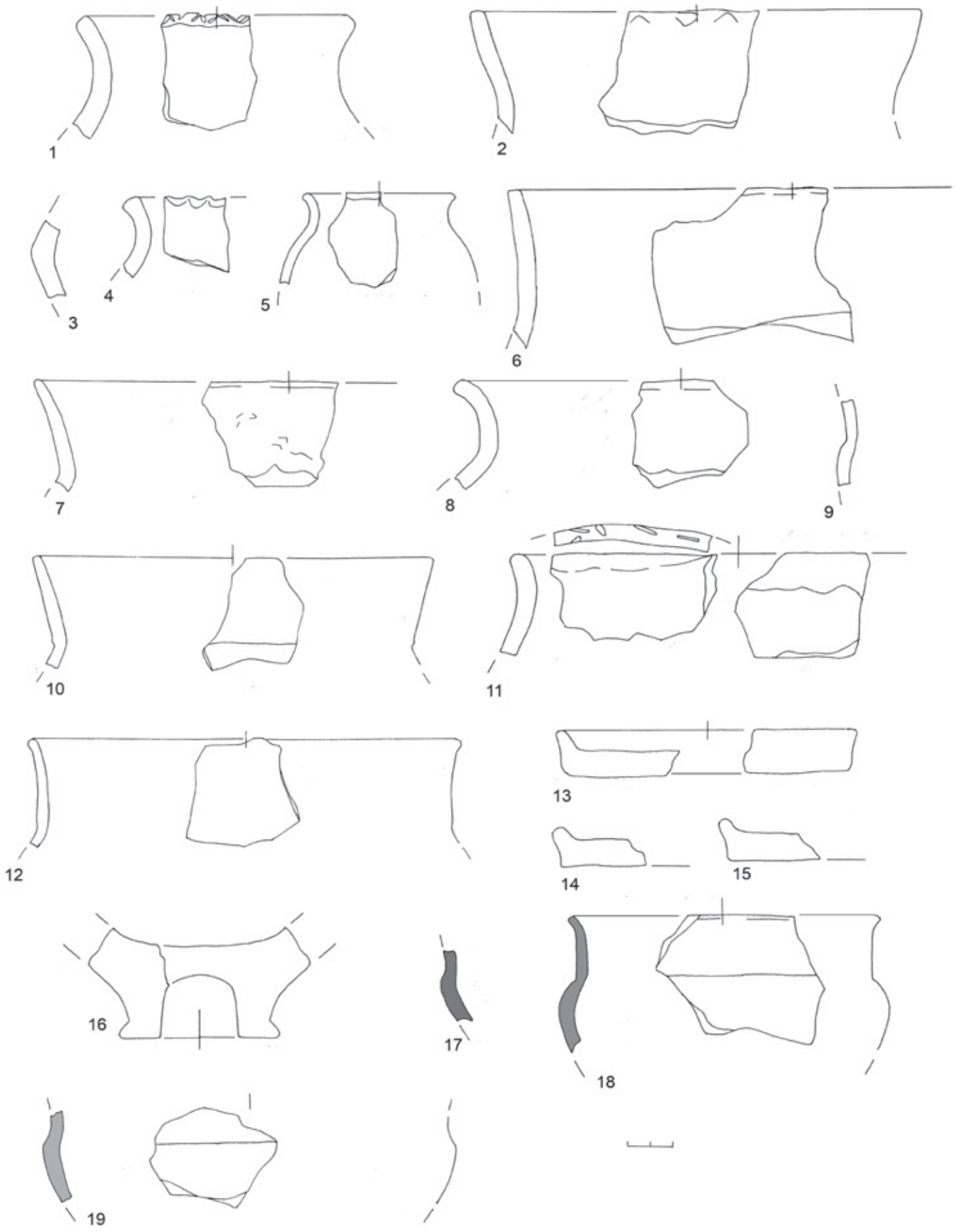


Рис. 57. Лепная керамика из культурного слоя раскопа 6 2018 г. 1–16 — груболепная (1 — с крупным шамотом; 2, 6, 7, 10, 13–16 — со средним шамотом; 3, 8 — с рудой; 4 — с мелким и средним шамотом; 5 — с мелким шамотом и рудой; 9, 11 — со средним шамотом и дресвой; 12 — с мелким, средним шамотом и рудой); 17–19 — лепная лощеная. Рисунки А. М. Обломского

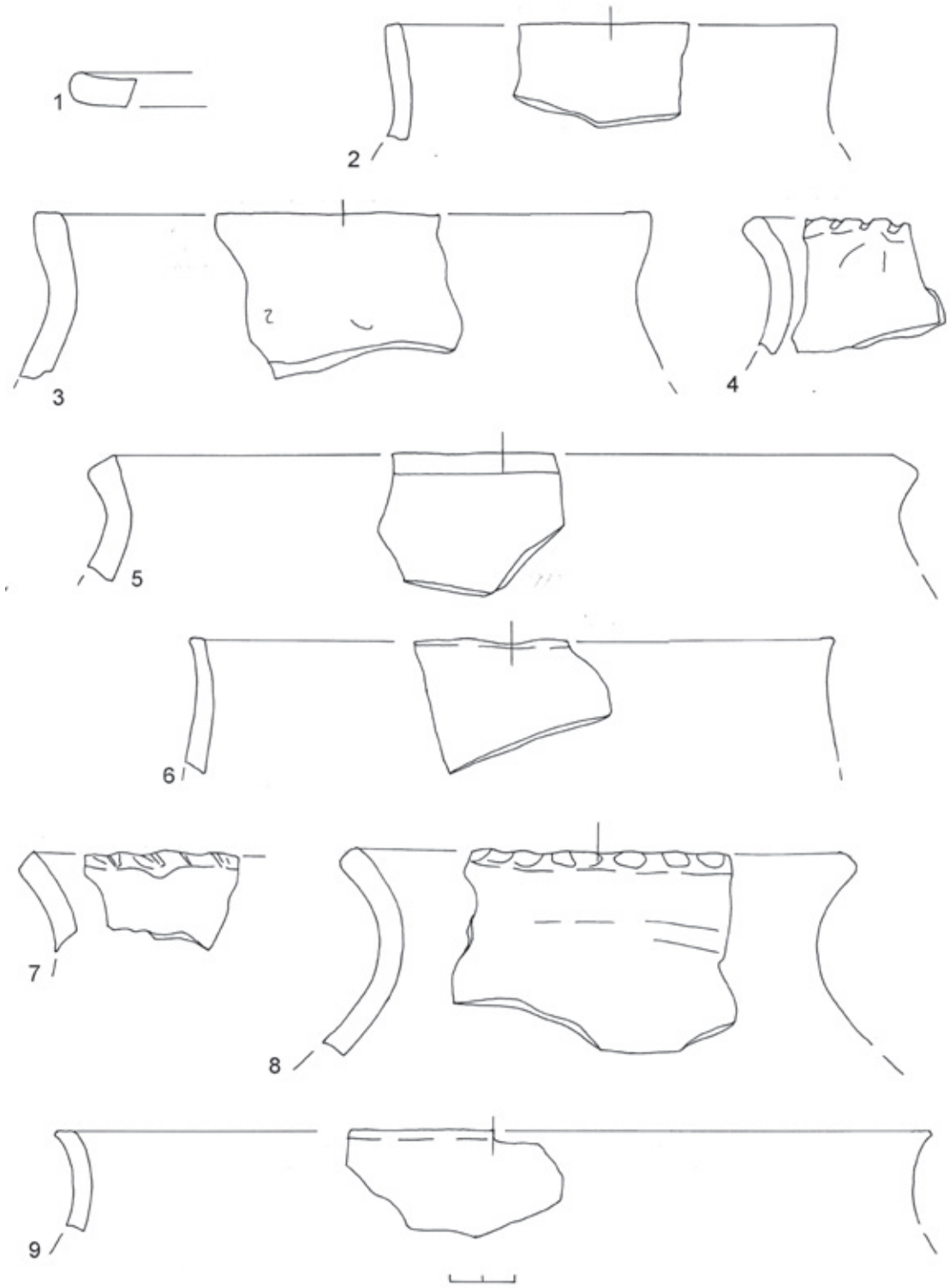


Рис. 58. Стаево-5. Раскоп 7. Лепная керамика из культурного слоя. 1–8 — груболепная (1, 2, 4, 6 — со средним шамотом в тесте; 3 — со средним шамотом и дресвой; 5 — с рудой; 7, 8 — с крупным шамотом); 9 — с подлощенной поверхностью. Рисунки А. М. Обломского

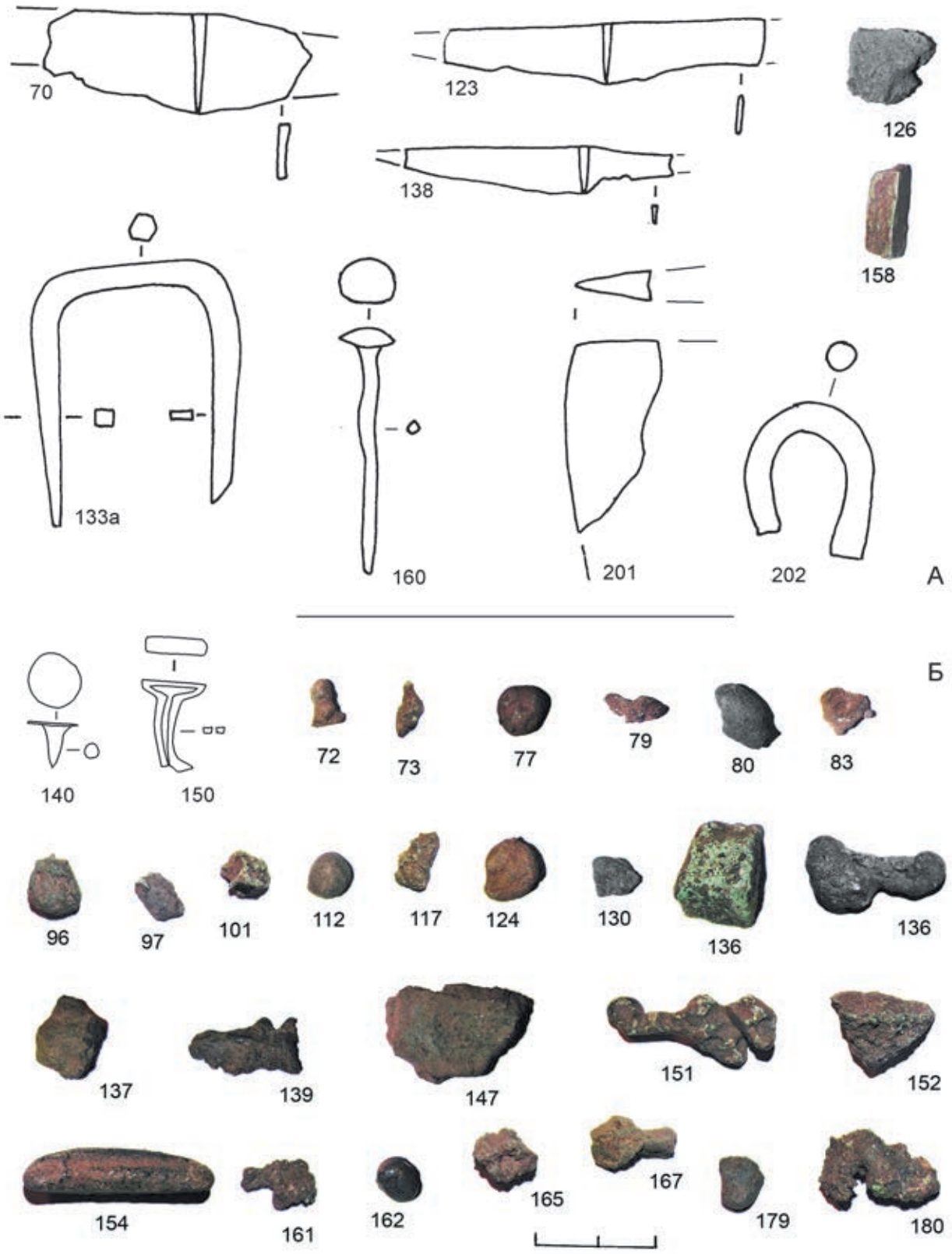


Рис. 59. Стаево-5. Раскоп 6 2016 г. Находки из культурного слоя. А — изделия из железа; Б — изделия из бронзы и выплески бронзы. Нумерация находок соответствует табл. 2. Рисунки и фото А. М. Обломского



Рис. 60. Стаево-5. Раскоп 6 2016 г., культурный слой. Пластинки и обрубки прутиков из бронзы. Нумерация находок соответствует табл. 2.
Фото А. М. Обломского



Рис. 61. Стаево-5. Раскоп 6 2016–2017 гг., культурный слой. Отходы ювелирного ремесла (выплески бронзы, пластинки, обрубки прутиков). Нумерация находок соответствует табл. 2. Фото А. М. Обломского



Рис. 62. Стаево-5. Раскоп 6 2018 г., культурный слой. Выплески бронзы и обрезки пластин. Нумерация находок соответствует табл. 2. Фото А. М. Обломского

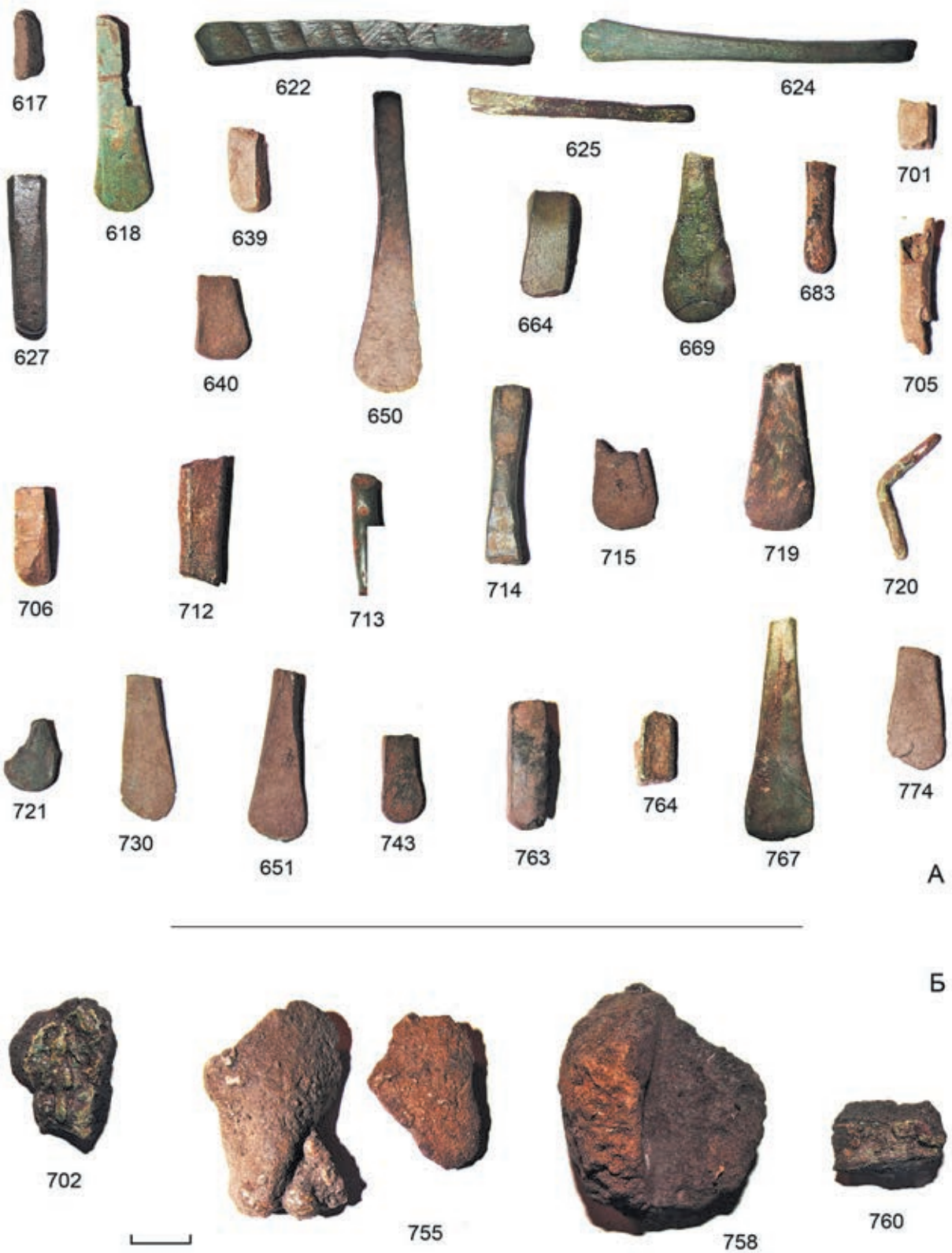
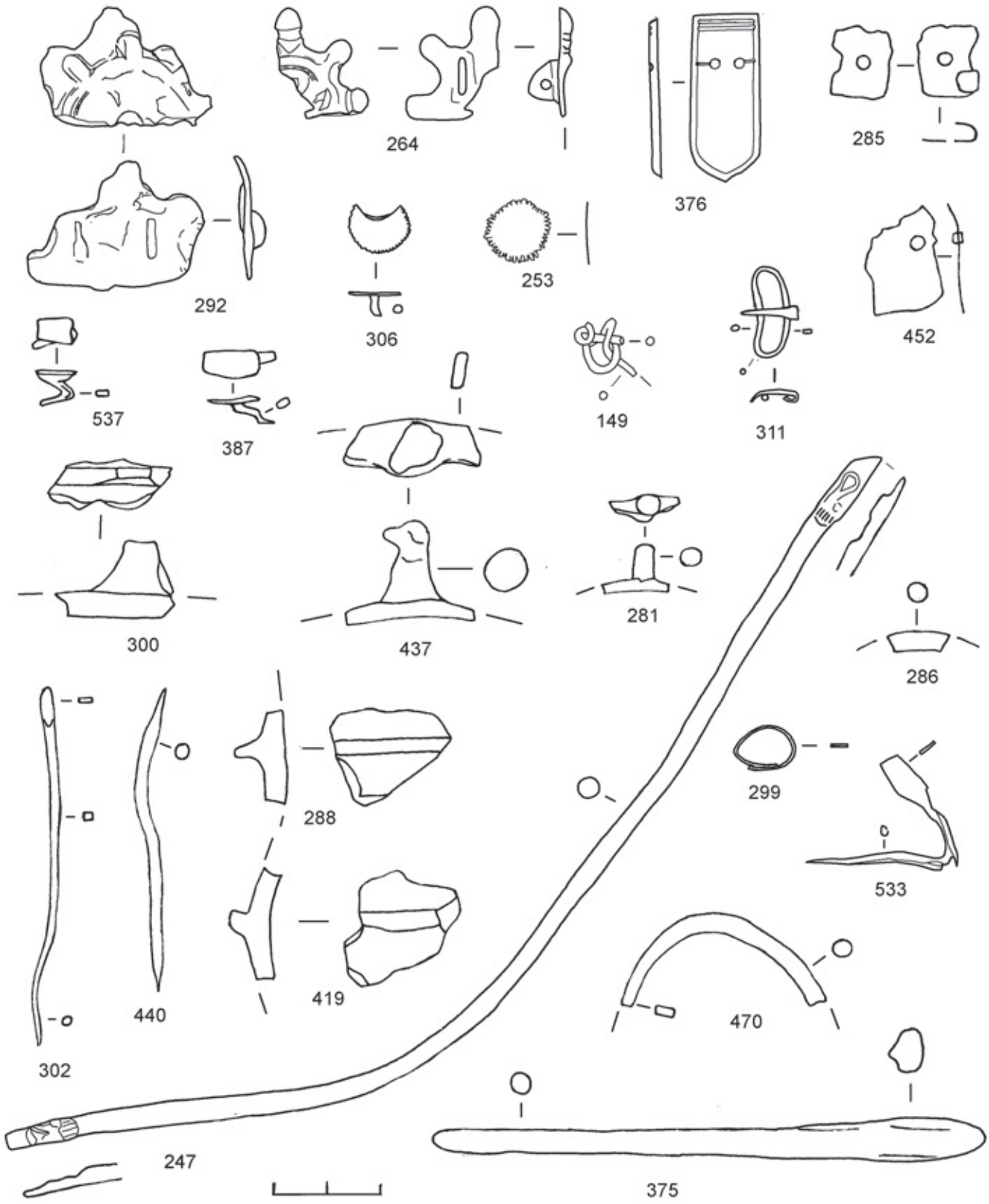


Рис. 63. Стаево-5. Раскоп 6 2018 г., культурный слой. Обломки прутиков (А) и тиглей (Б). Нумерация находок соответствует табл. 2. Фото А. М. Обломского



► **Рис. 64.** Стаево-5. Раскоп 6 2017 г., культурный слой. Находки.
253, 306 — серебро; остальное — бронза. Нумерация находок соответствует табл. 2.
Рисунки А. М. Обломского

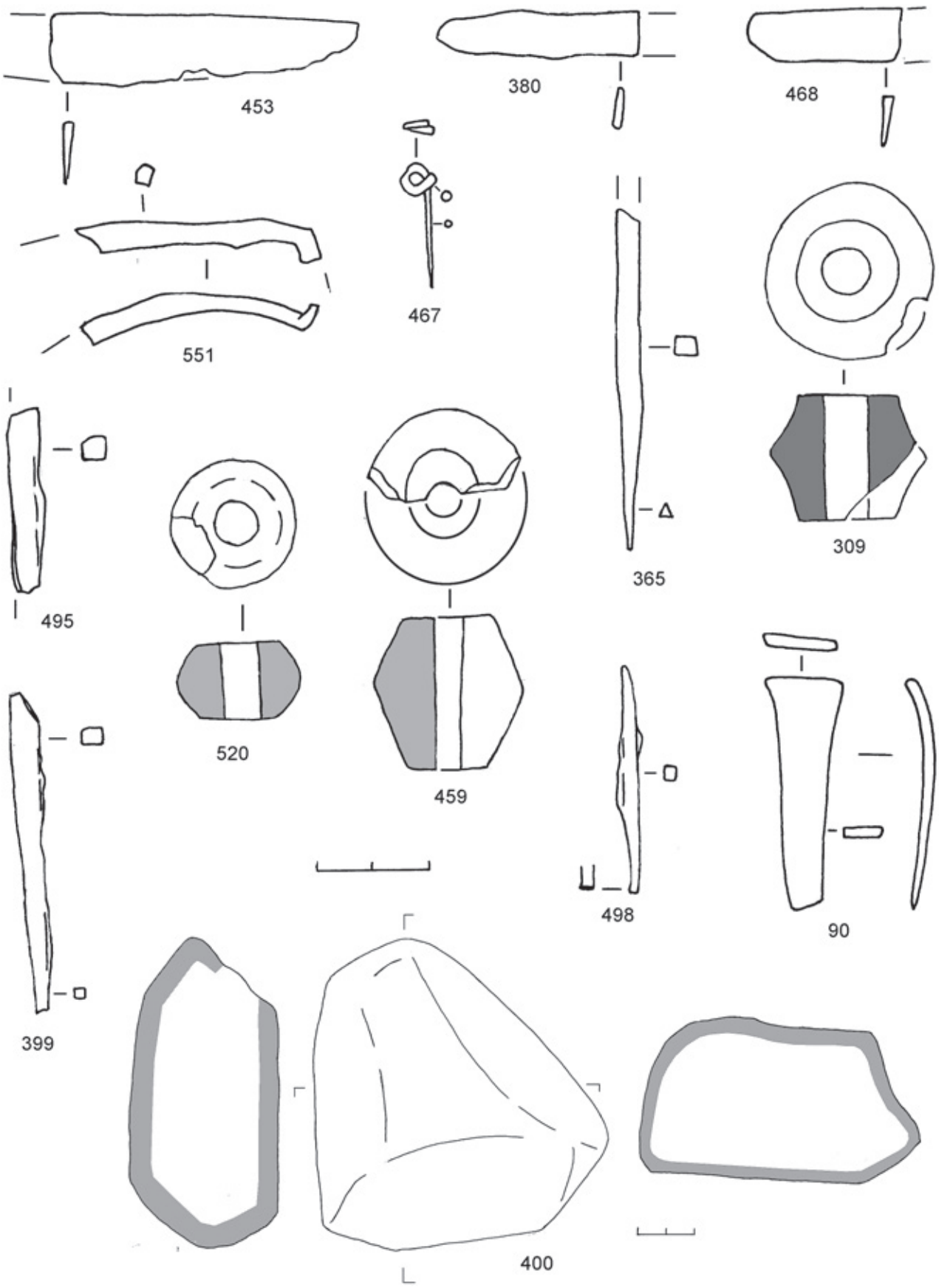


Рис. 65. Стаево-5. Раскоп 6 2017 г., культурный слой. Находки.
309, 459, 520 — глина; 400 — камень; остальное — железо.
Нумерация находок соответствует табл. 2. Рисунки А. М. Обломского



Рис. 66. Стаево-5. Раскоп 6 2018 г., культурный слой. Находки.
606, 628, 641, 750 — бело-серый сплав; 776 — свинцово-оловянистый сплав; остальное — бронза.
Нумерация находок соответствует табл. 2. Рисунки А. М. Обломского

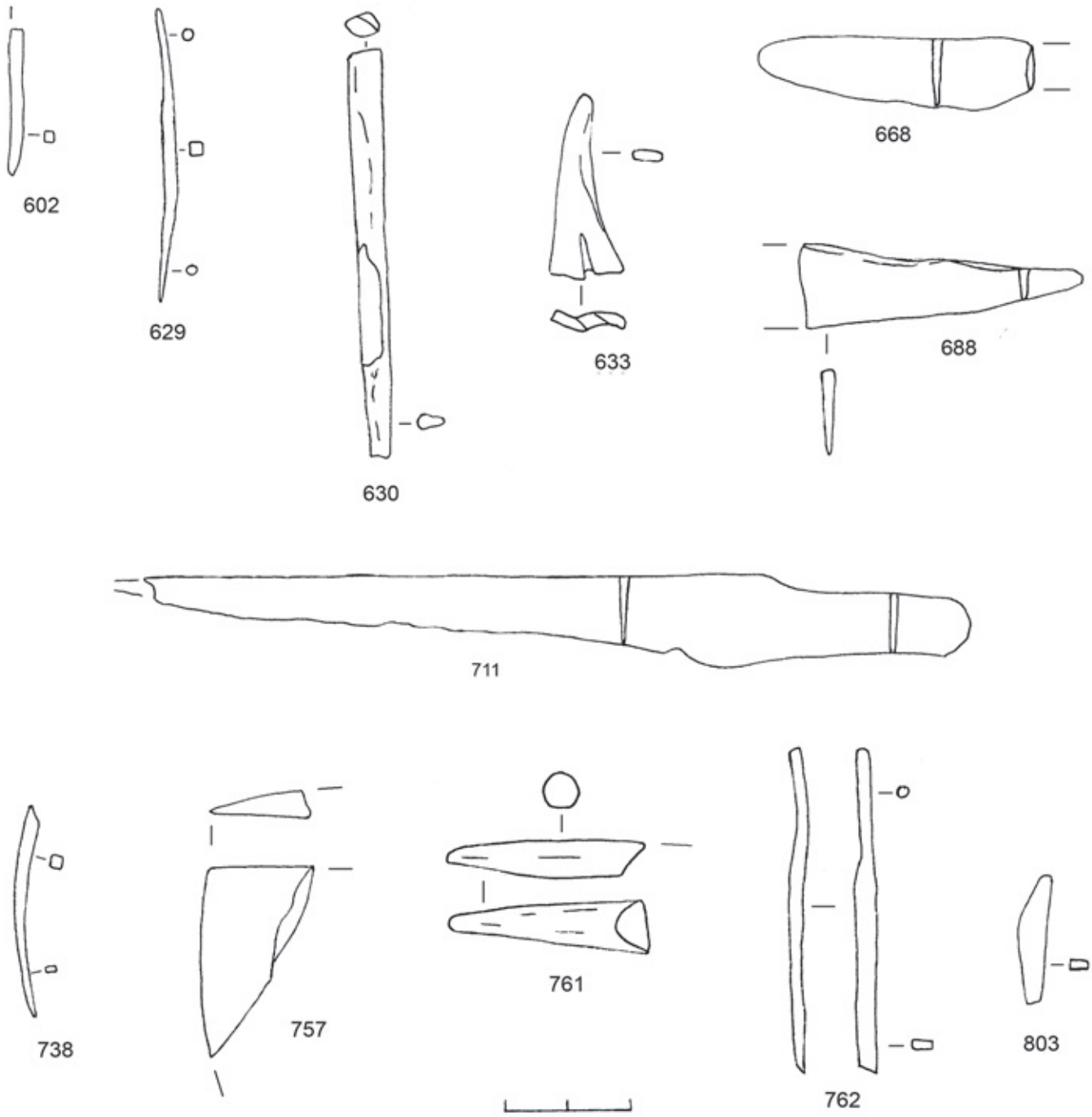


Рис. 67. Стаево-5. Раскоп 6 2018 г., культурный слой. Изделия из железа. Нумерация находок соответствует табл. 2. Рисунки А. М. Обломского

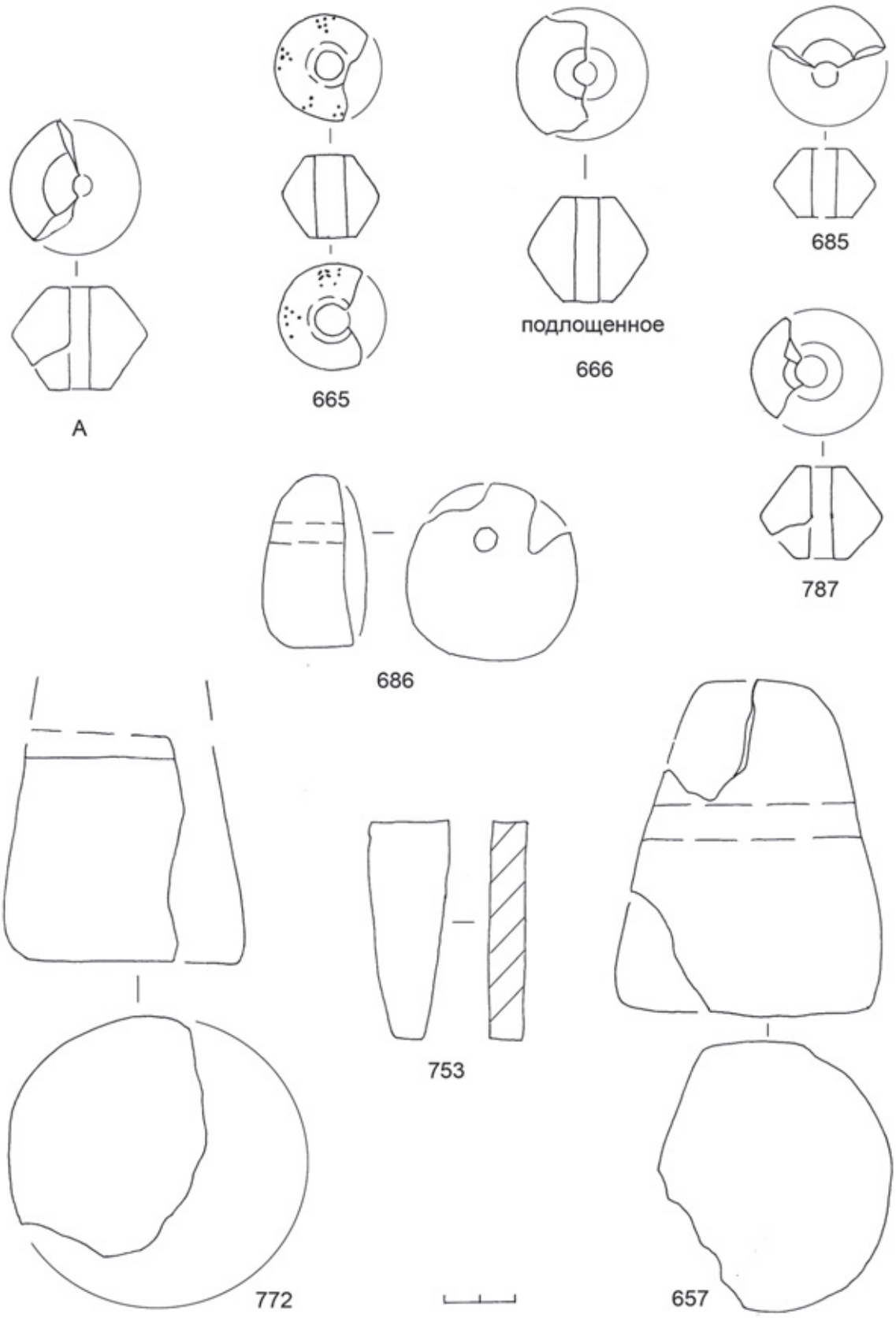


Рис. 68. Стаево-5. Раскоп 6 2018 г., культурный слой. Находки.
753 — точильный камень, остальное — глина. Нумерация находок соответствует табл. 2.
Рисунки А. М. Обломского



Рис. 69. Стаево-5. Раскоп 7, культурный слой. Находки.
435, 466, 486, 535, 536, 557 — глина; 480 — серо-белый сплав; 429, 462, 481а, 482, 487а, 497, 534 — железо; 438 — стеклянная фиолетовая бусина; остальное — бронза.
Нумерация находок соответствует табл. 2. Рисунки А. М. Обломского

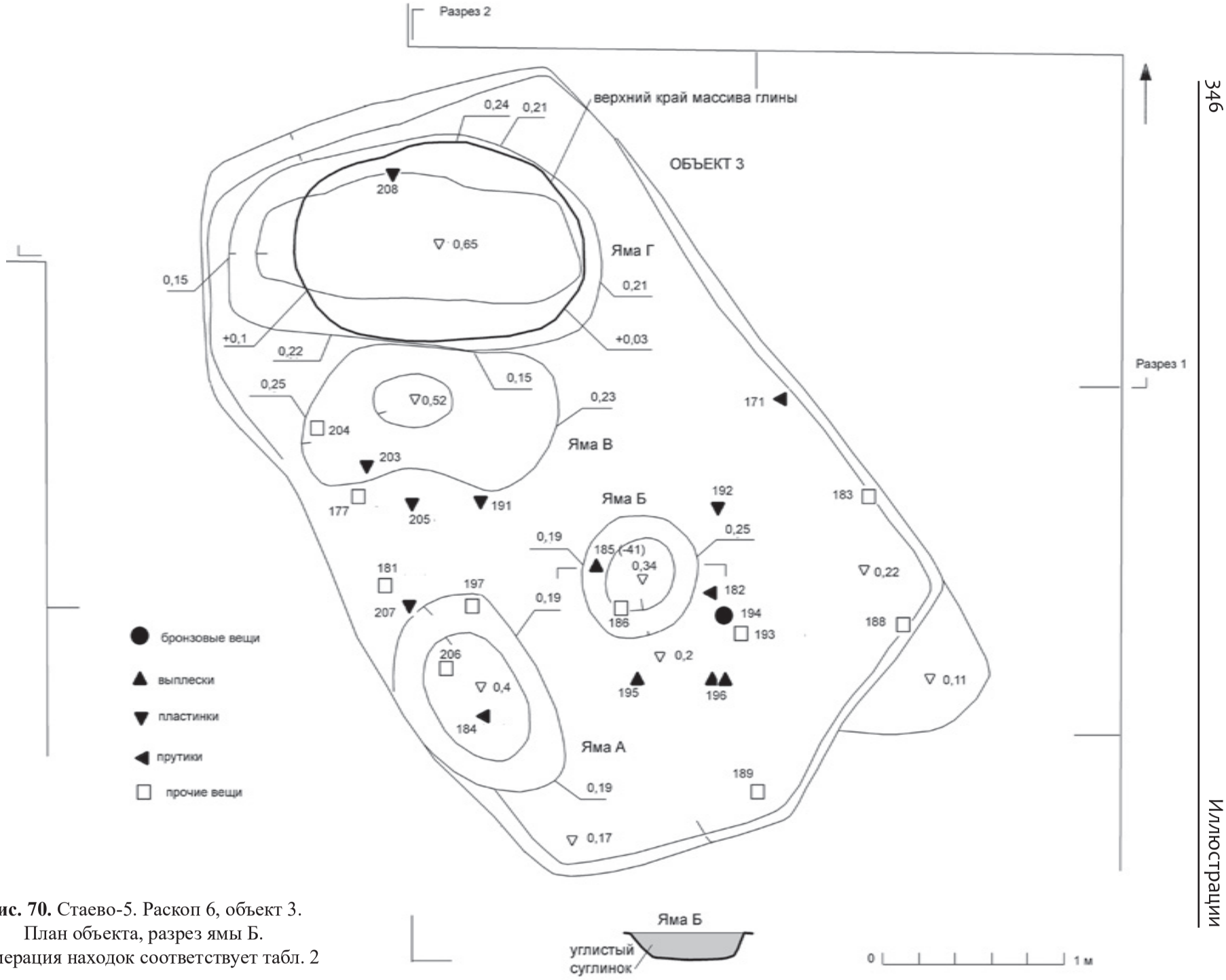


Рис. 70. Стаево-5. Раскоп 6, объект 3.
План объекта, разрез ямы Б.
Нумерация находок соответствует табл. 2

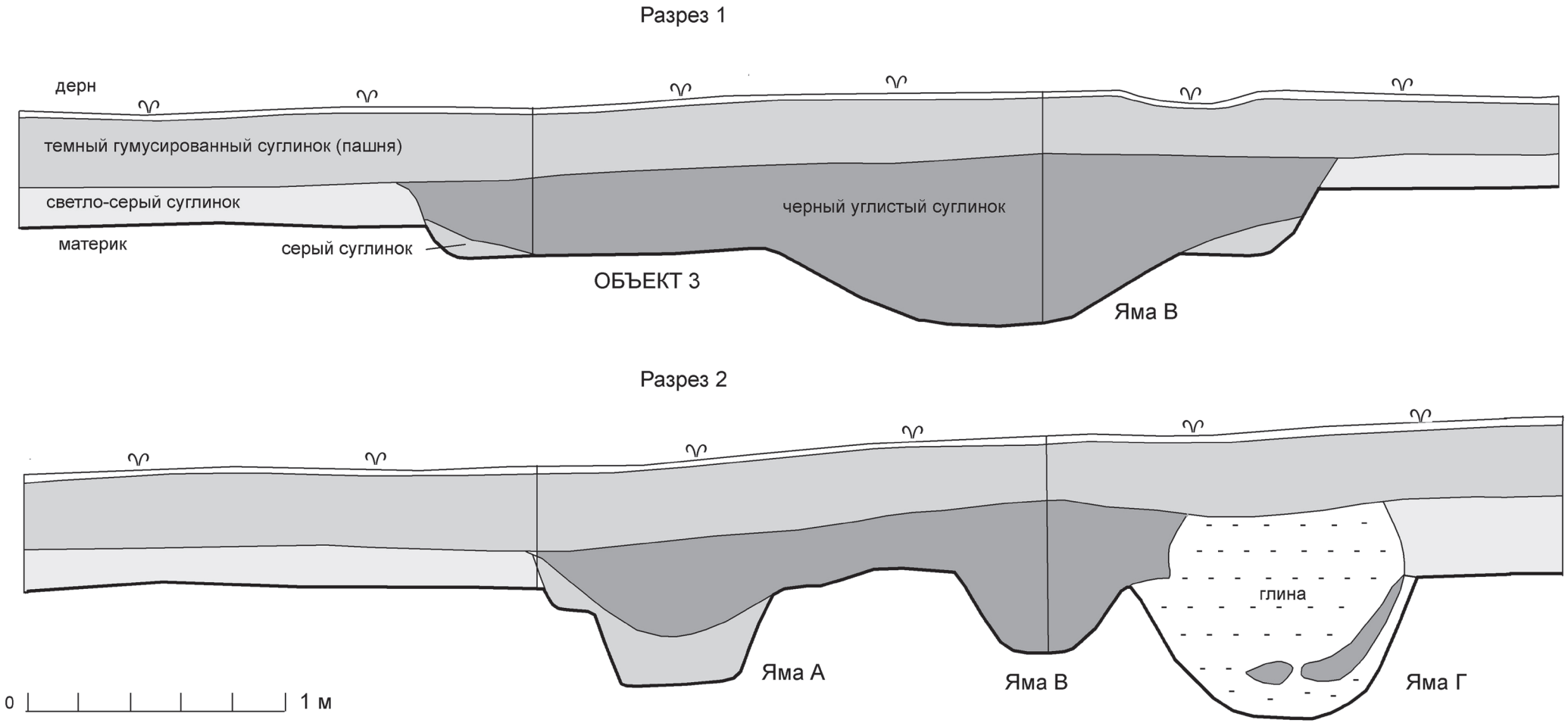


Рис. 71. Стаево-5. Раскоп 6, объект 3. Разрезы

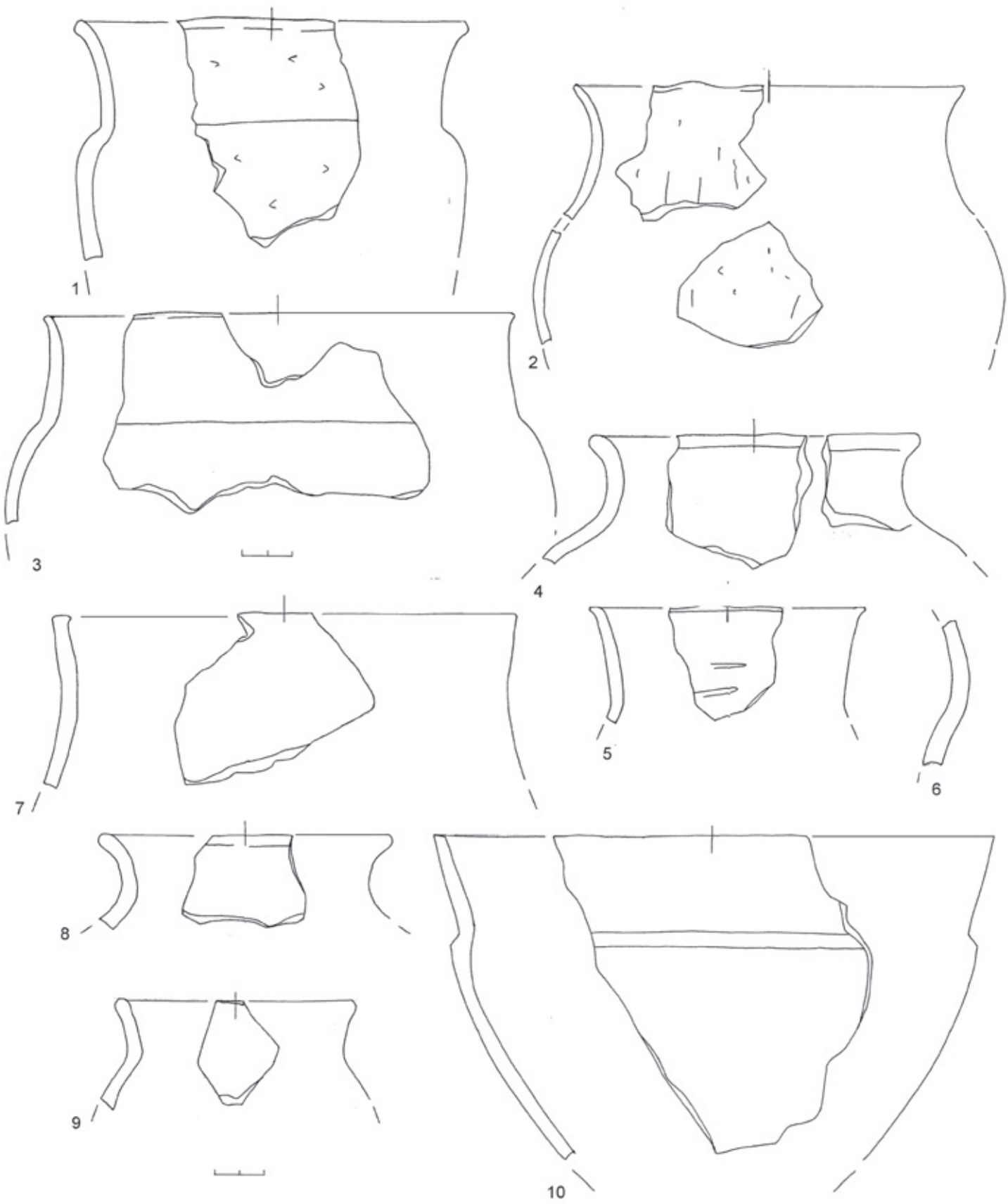


Рис. 72. Стаево-5. Раскоп 6, объект 3, черный слой заполнения. Керамика с шероховатой поверхностью.

1, 2, 4, 6 — с крупным шамотом в тесте; 3 — с крупным шамотом и дресвой; 5, 7 — со средним шамотом и рудой; 8, 9 — со средним шамотом; 10 — с мелкой рудой. Рисунки А. М. Обломского

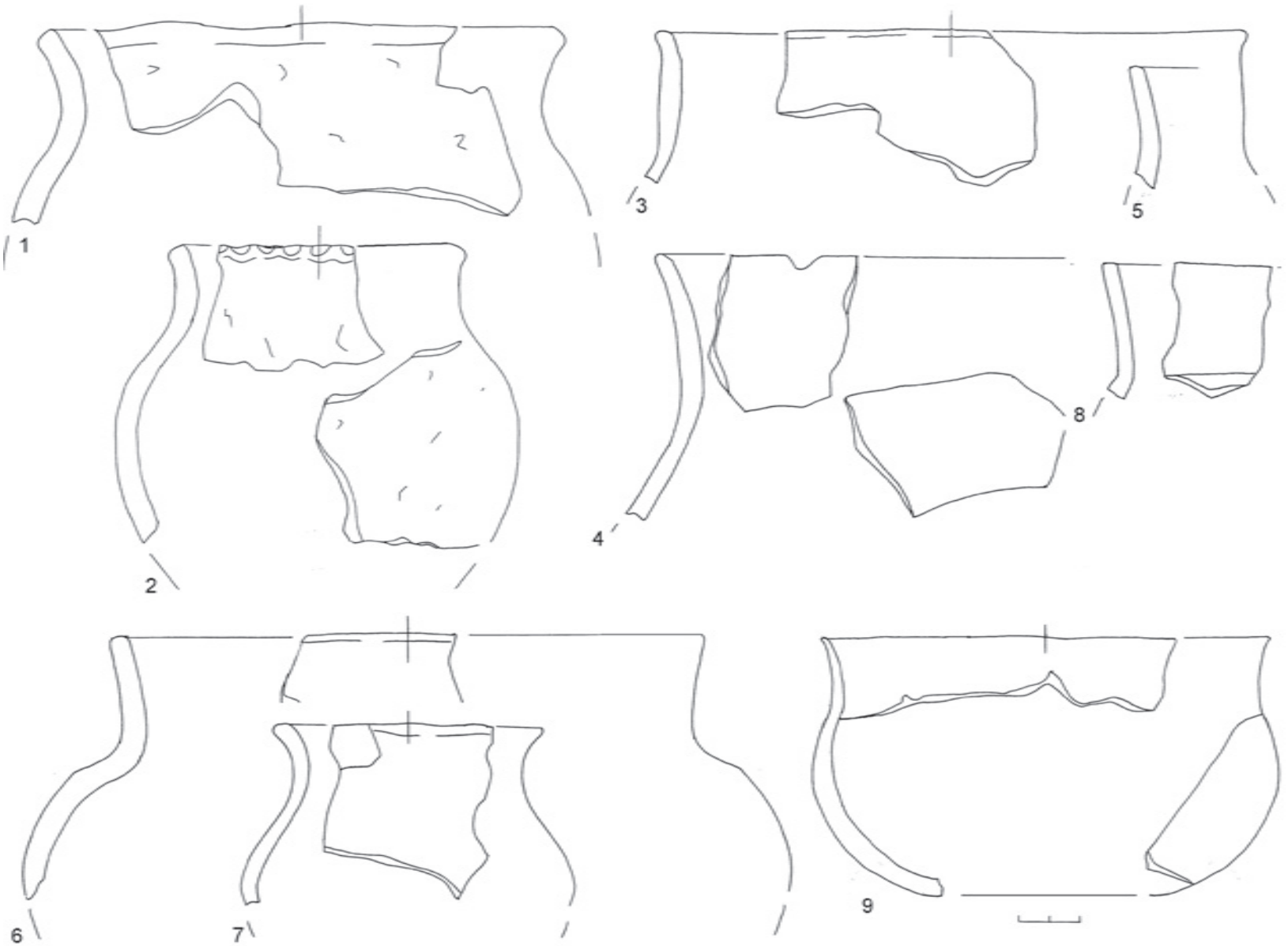


Рис. 73. Стаево-5. Раскоп 6, объект 3, черный слой заполнения. Лепная керамика.
1, 2 — груболепная с крупным шамотом в тесте; 3–8 — лепная подлощенная; 9 — лепная лощеная. Рисунки А. М. Обломского

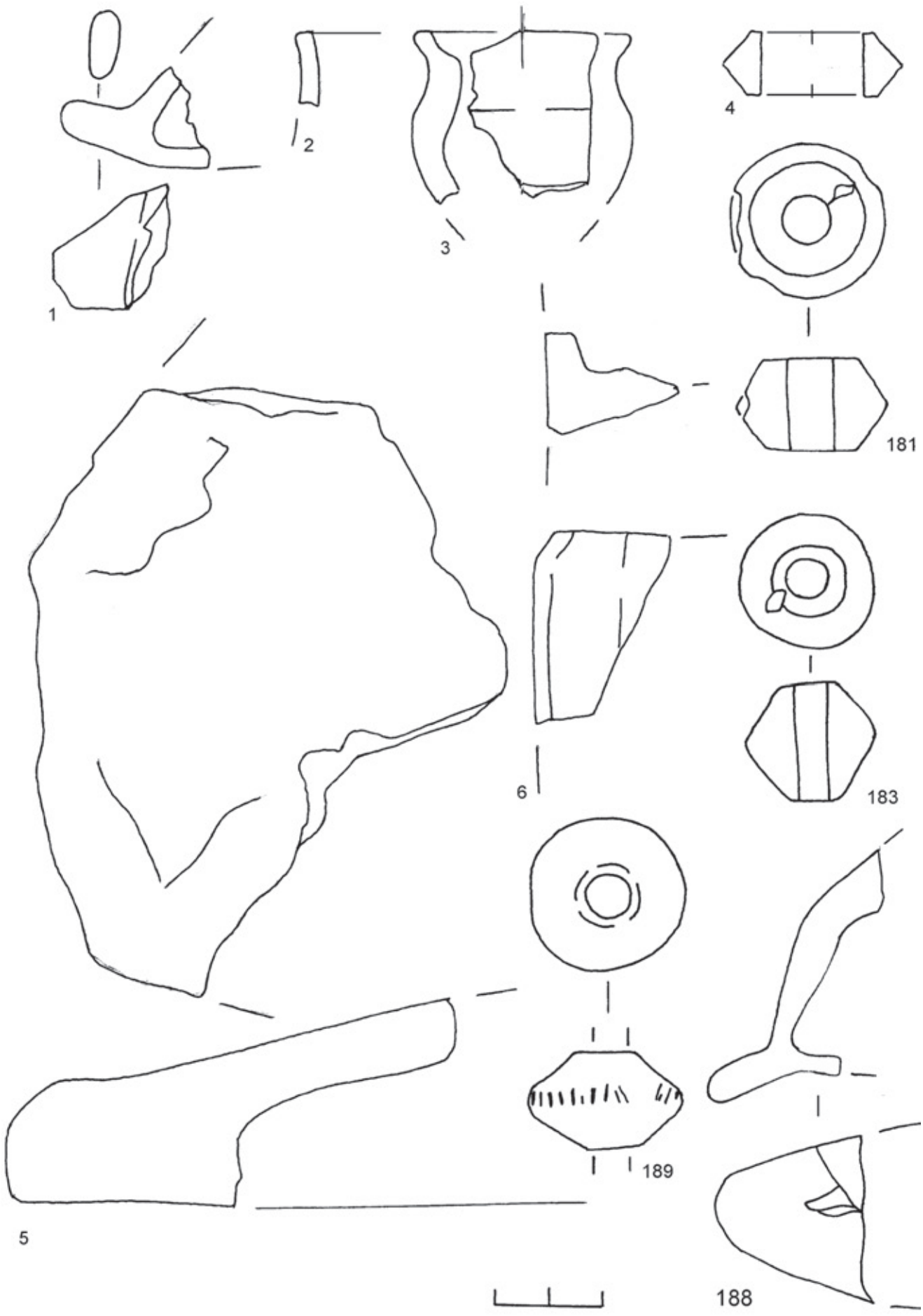


Рис. 74. Стаево-5. Раскоп 6, объект 3, черный слой заполнения. Изделия из глины.
1, 2, 188 — фрагменты ошлакованных тиглей; 3 — фрагмент миниатюрного сосуда; 4, 181, 183, 189 — пряслица с шероховатой поверхностью; 5, 6 — блоки. Нумерация находок 181, 183, 188, 189 соответствует табл. 2. Рисунки А. М. Обломского

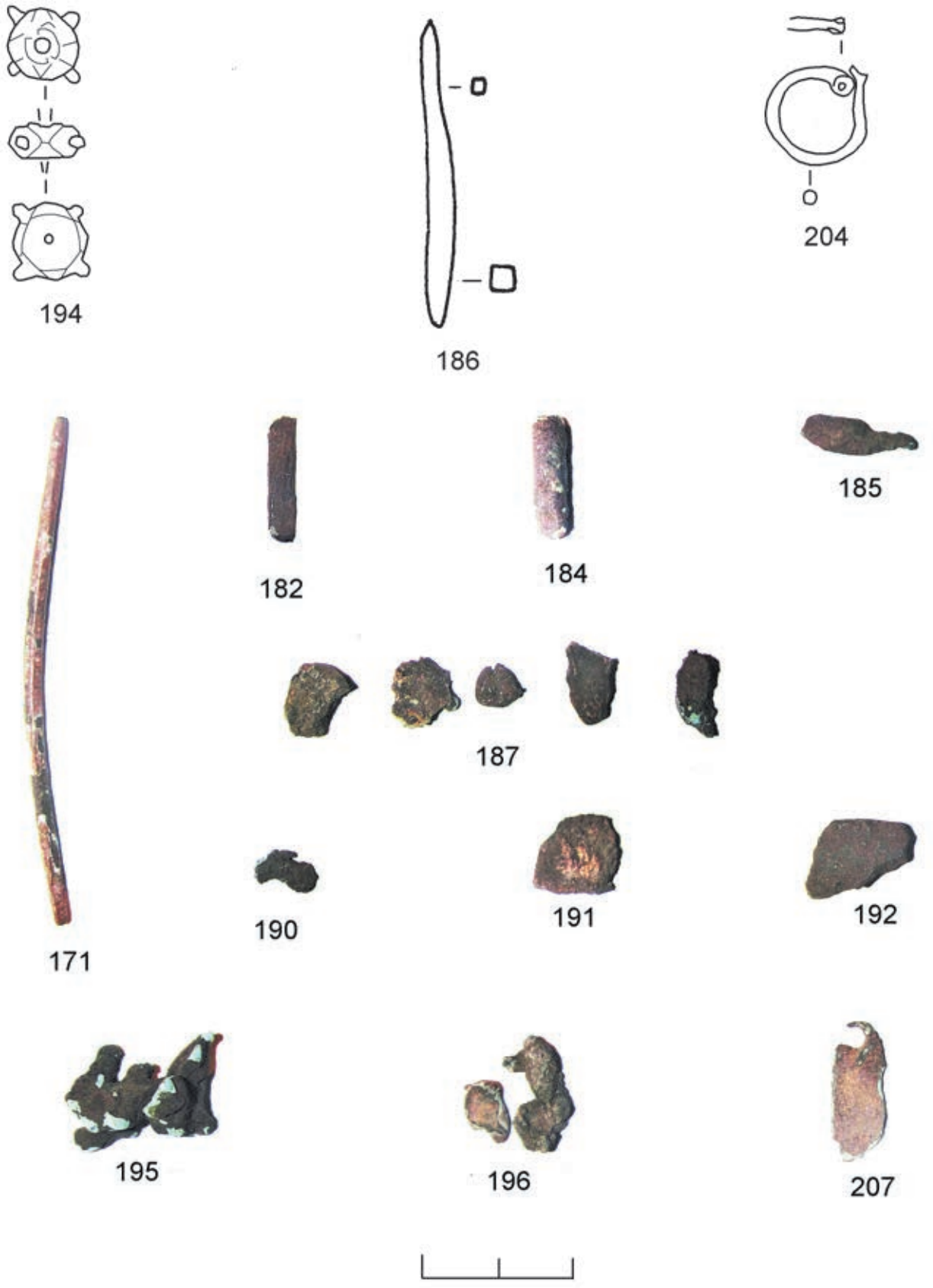


Рис. 75. Стаево-5. Раскоп 6, объект 3, черный слой заполнения. Вещи из металла. Нумерация находок соответствует табл. 2. Рисунки и фото А. М. Обломского

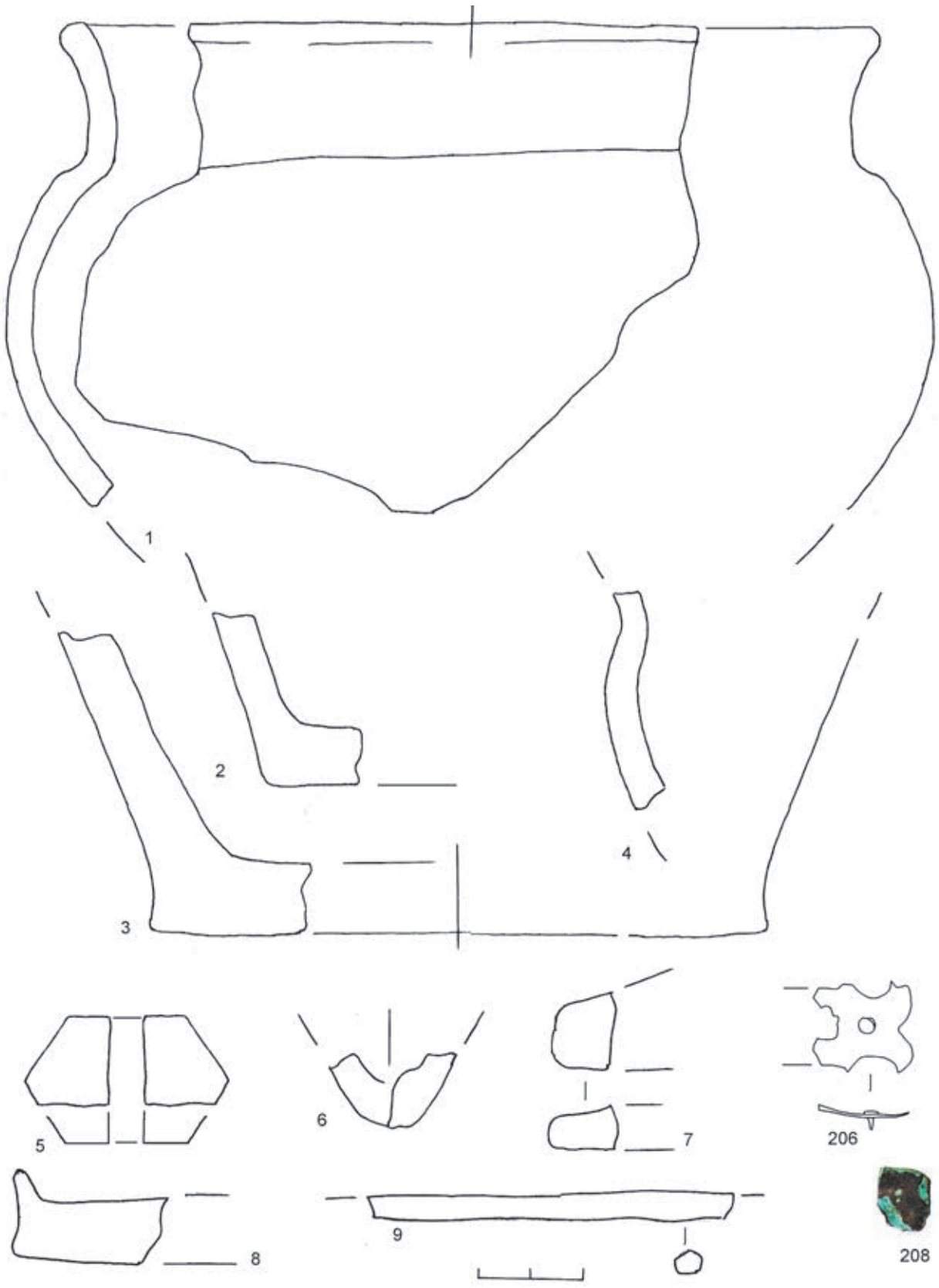


Рис. 76. Стаево-5. Раскоп 6, объект 3, заполнение ям.
1–7, 206 — яма А; 8 — яма Б; 9 — яма В; 208 — яма Г. 1–4, 8 — лепная керамика (1 — хорошо заглаженная со средним шамотом в тесте; 2 — груболепная со средним шамотом; 3 — груболепная с крупным шамотом; 4 — с подлощенной поверхностью; 8 — с шероховатой поверхностью и песком в тесте); 5 — фрагмент глиняного пряслица с шероховатой поверхностью; 6, 7 — фрагменты ошлакованных глиняных тиглей. 9, 206 — изделия из железа; 208 — бронзовая пластинка.
Нумерация находок 206, 208 соответствует табл. 2. Рисунки и фото А. М. Обломского

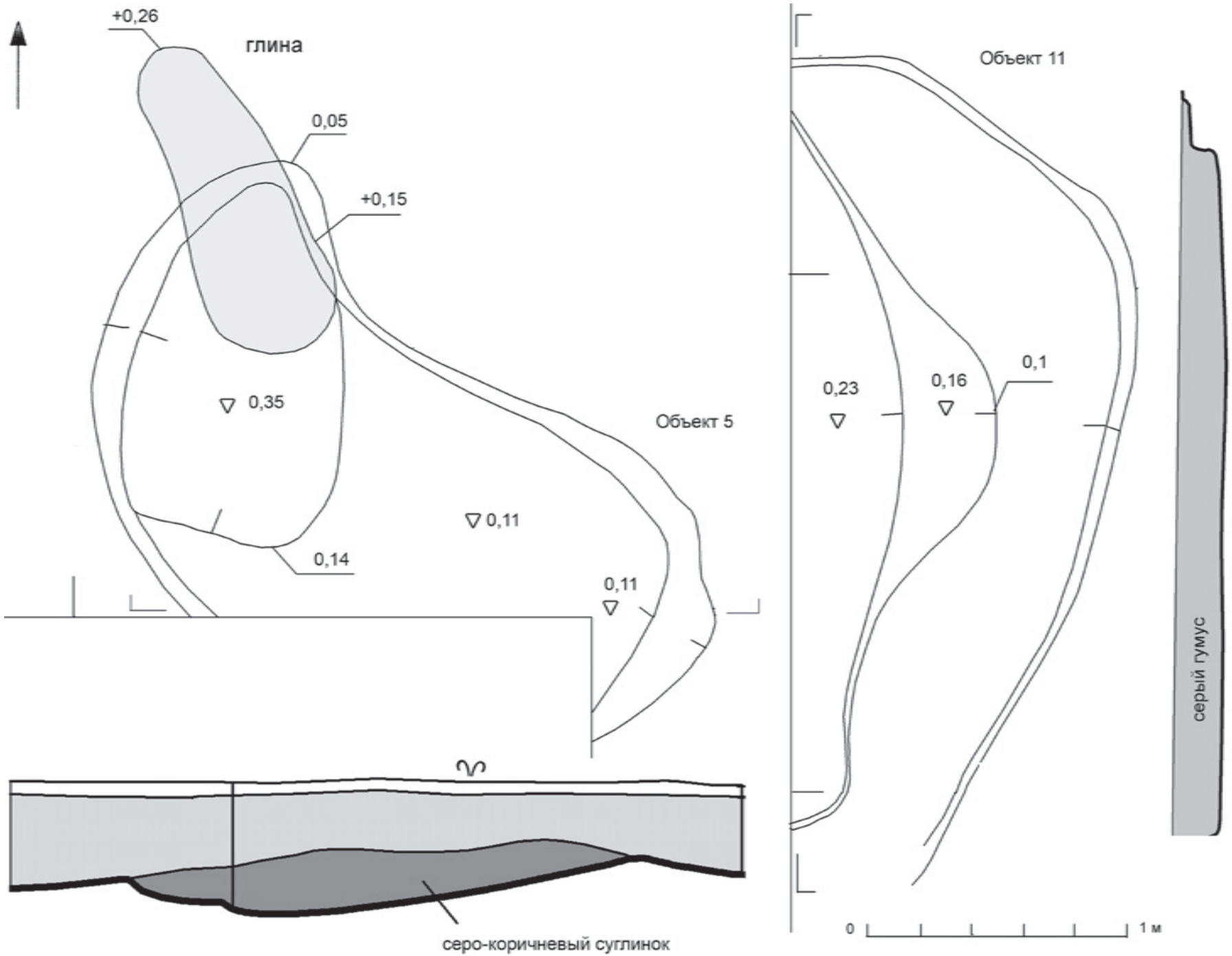


Рис. 77. Стаево-5. Раскоп 6, объекты 5 и 11. Планы, разрезы

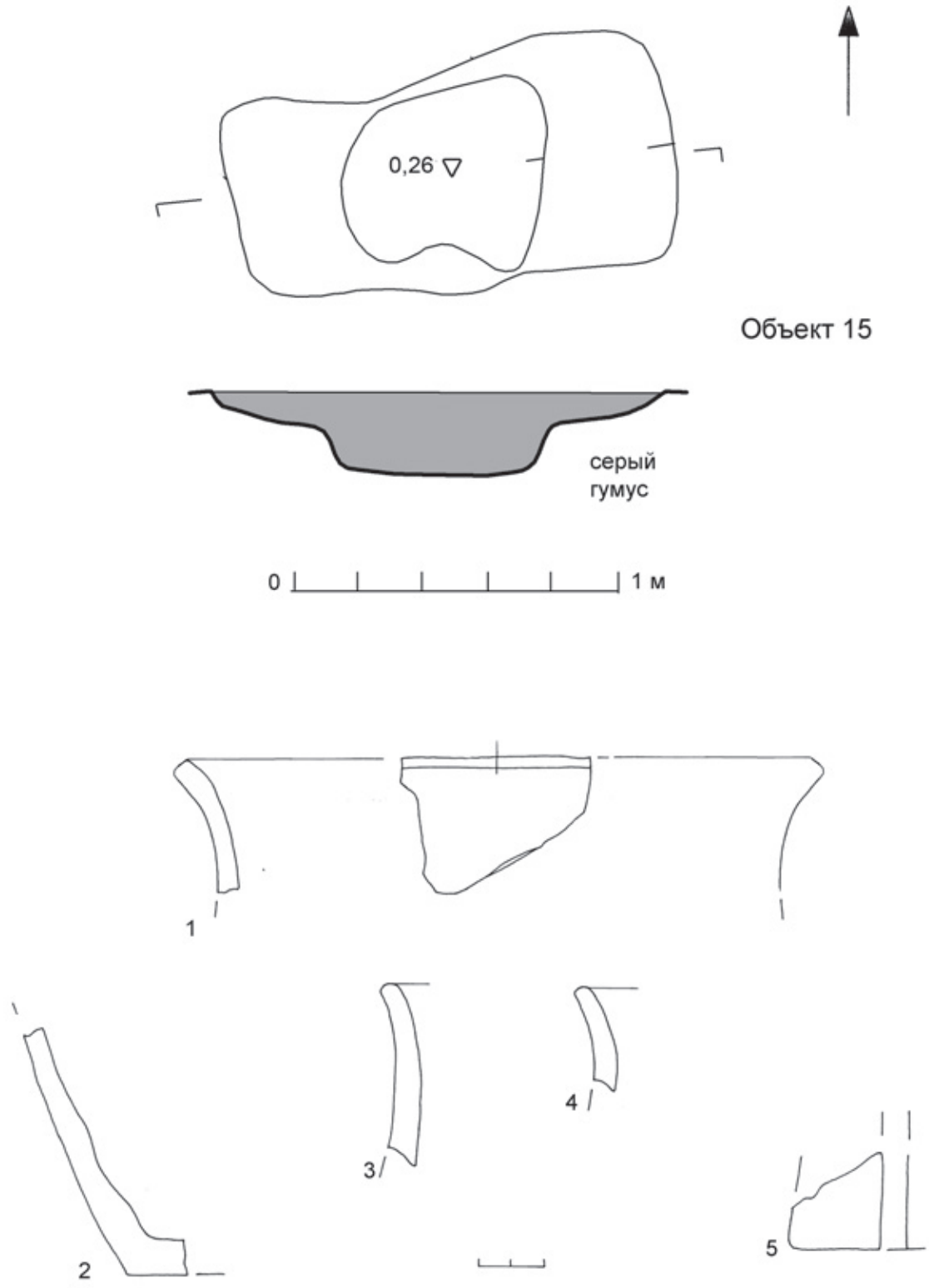


Рис. 78. Стаево-5. Раскоп 6, объект 15. План, разрез, находки.
1–4 — груболепная керамика (1, 3, 4 — со средним шамотом в тесте; 2 — со средним шамотом и рудой); 5 — фрагмент глиняного грузила. Рисунки А. М. Обломского

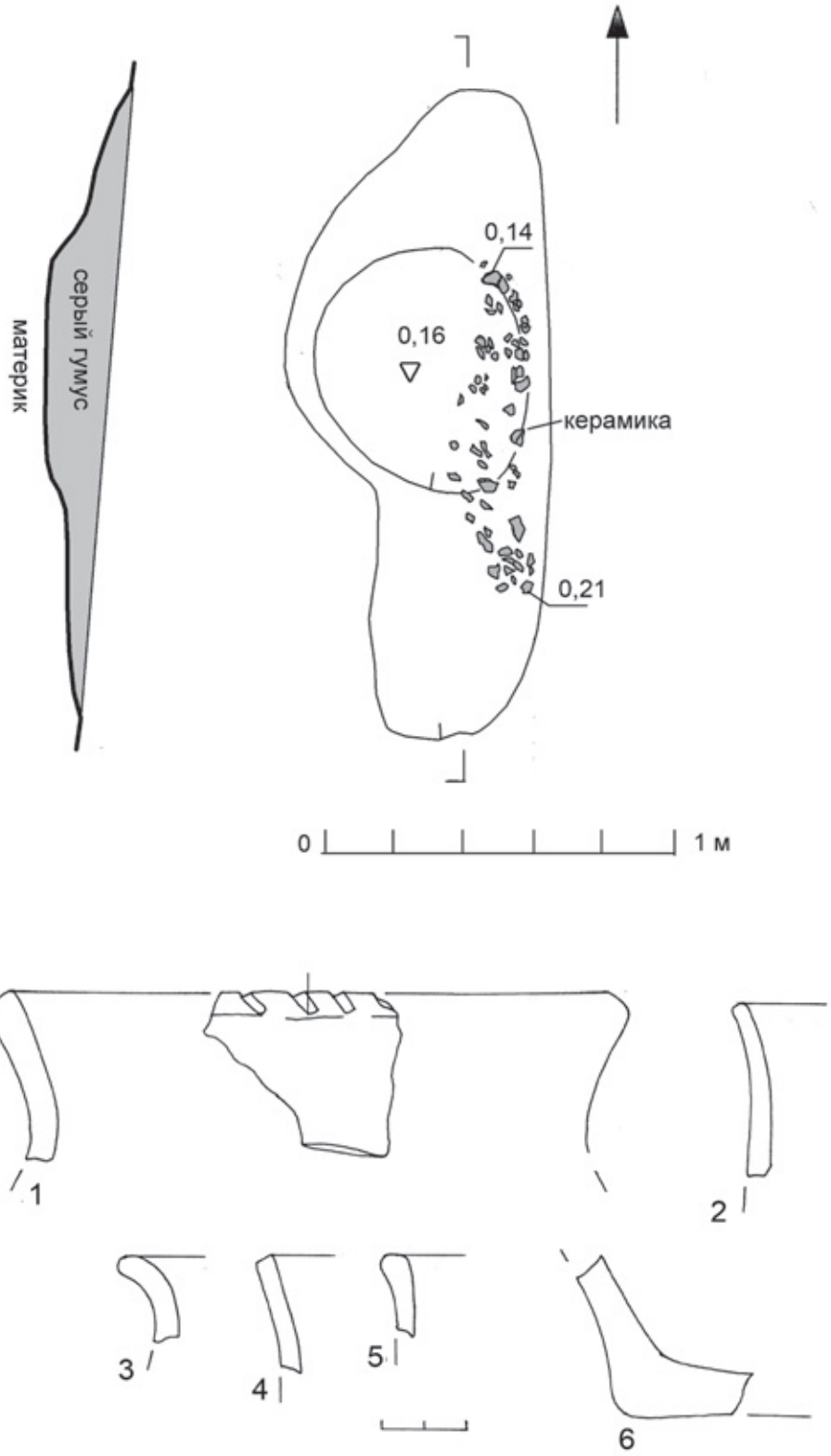


Рис. 79. Стаево-5. Раскоп 6, объект 17. План, разрез, находки.
1, 3–6 — груболепная керамика (1, 3, 5 — со средним шамотом; 4 — с мелким шамотом и рудой; 6 — с рудой); 2 — фрагмент чернолощеного сосуда.
Рисунки А. М. Обломского

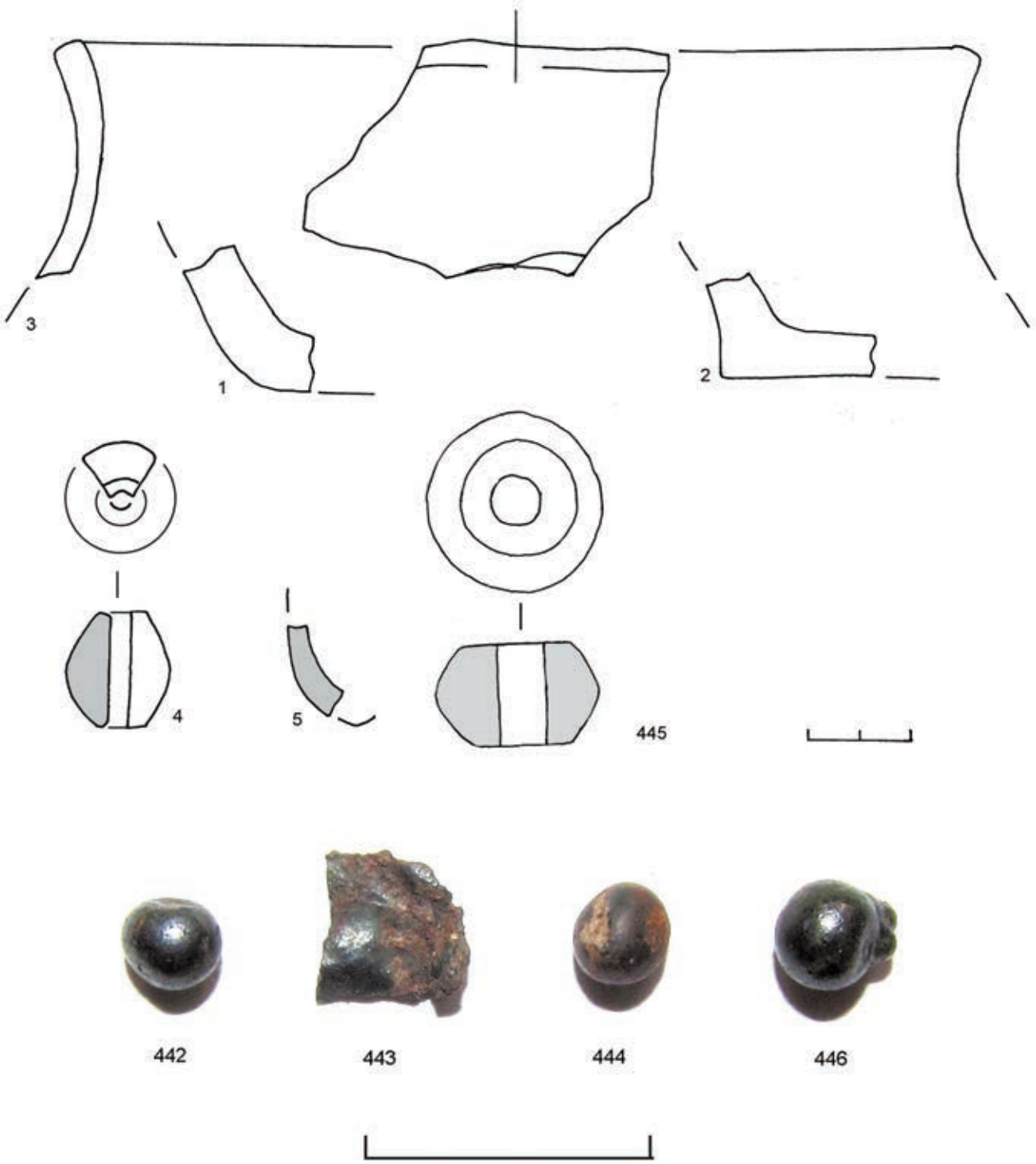


Рис. 80. Стаево-5. Раскоп 6, объект 18, развал 2.
1–3 — груболепная керамика (1 — со средним шамотом и дресвой; 2 — со средним шамотом в тесте; 3 — со средним шамотом и рудой); 5 — обломок глиняного тигля; 4, 445 — глиняные пряслица; 442, 444, 446 — стеклянные бисерины; 443 — бронзовая пластинка.
Нумерация находок 442–446 соответствует табл. 2.
Рисунки и фото А. М. Обломского

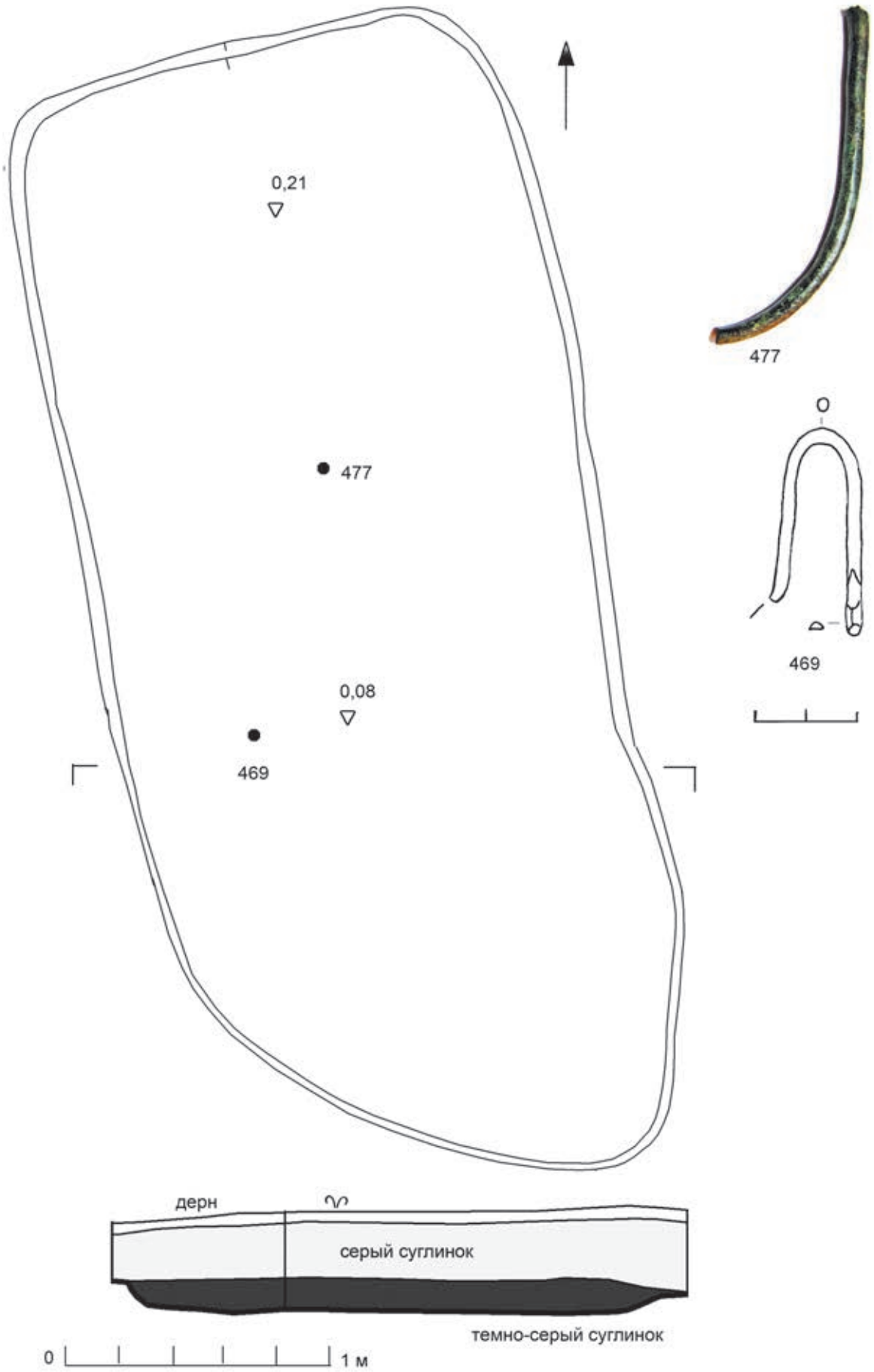


Рис. 81. Стаево-5. Раскоп 6, объект 19. План, разрез, изделия из бронзы.
Нумерация находок 469, 477 соответствует табл. 2. Рисунок и фото А. М. Обломского

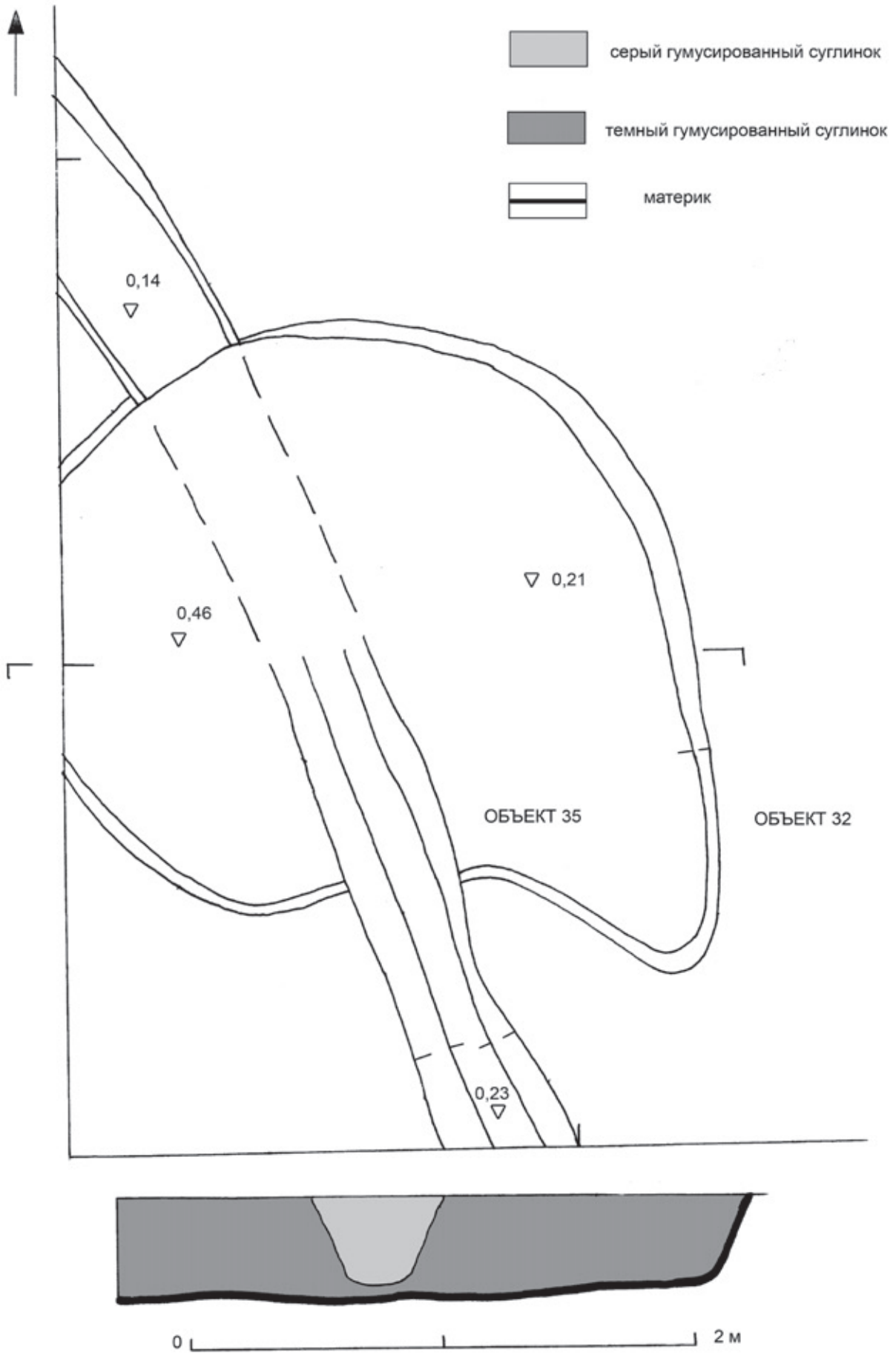


Рис. 82. Стаево-5. Раскоп 6, объекты 32 и 35. План, разрез

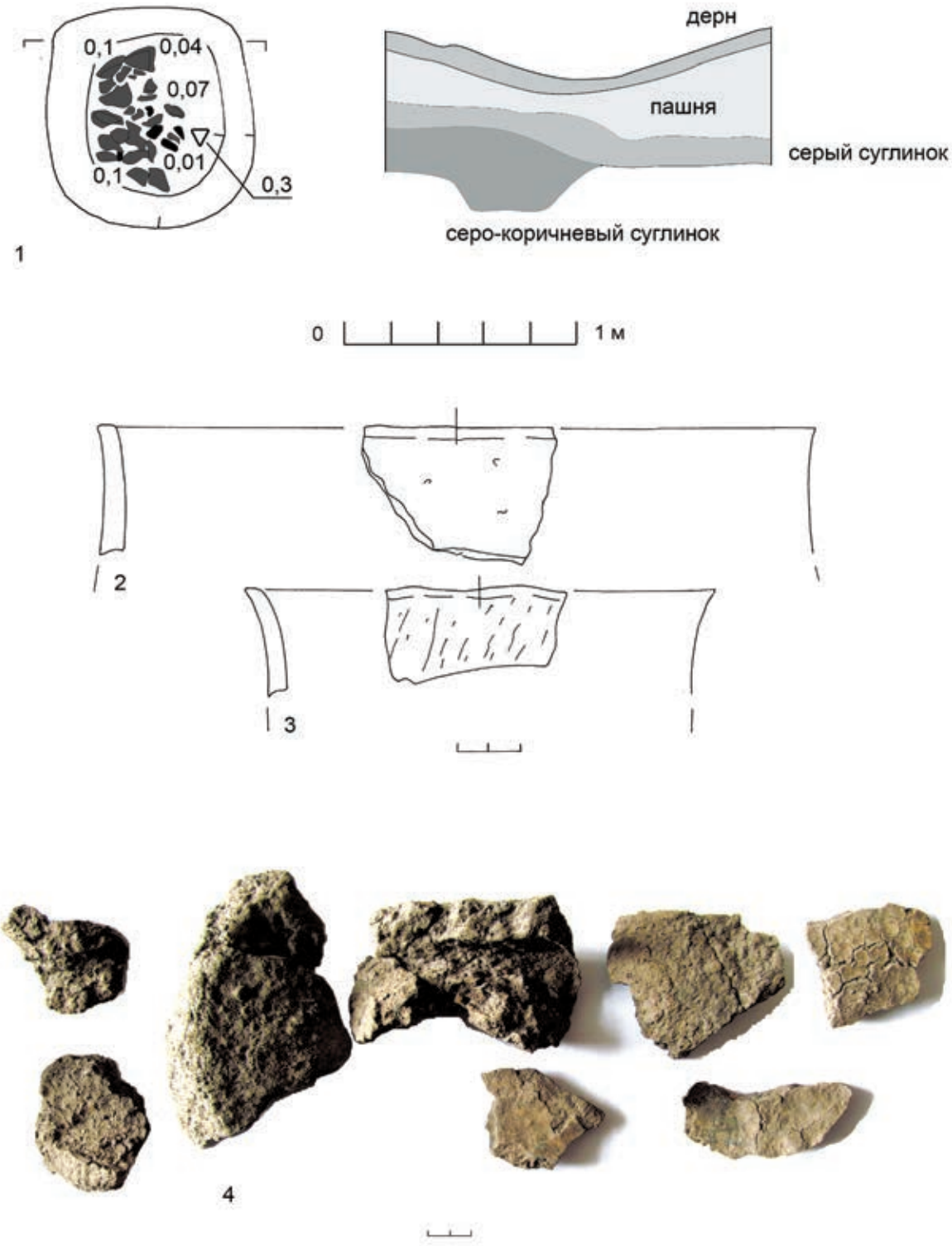


Рис. 83. Стаево-5. Раскоп 7, объект 8.
1 — план, разрез; 2–4 — груболепная керамика (2 — со средним шамотом в тесте; 3 — со средним шамотом и дресвой; 4 — обломки ошлакованных сосудов.
Рисунки и фото А. М. Обломского

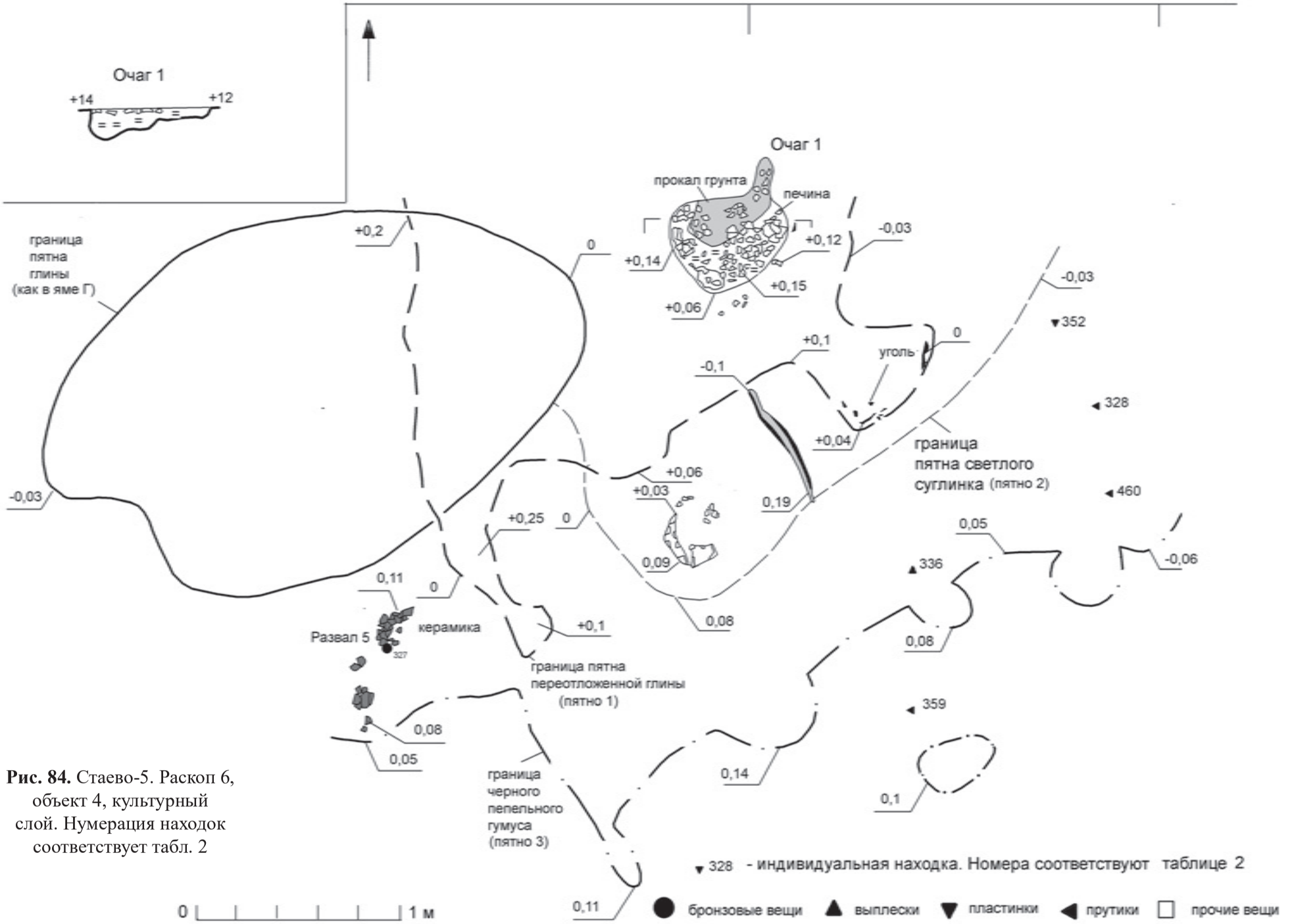


Рис. 84. Стаево-5. Раскоп 6, объект 4, культурный слой. Нумерация находок соответствует табл. 2

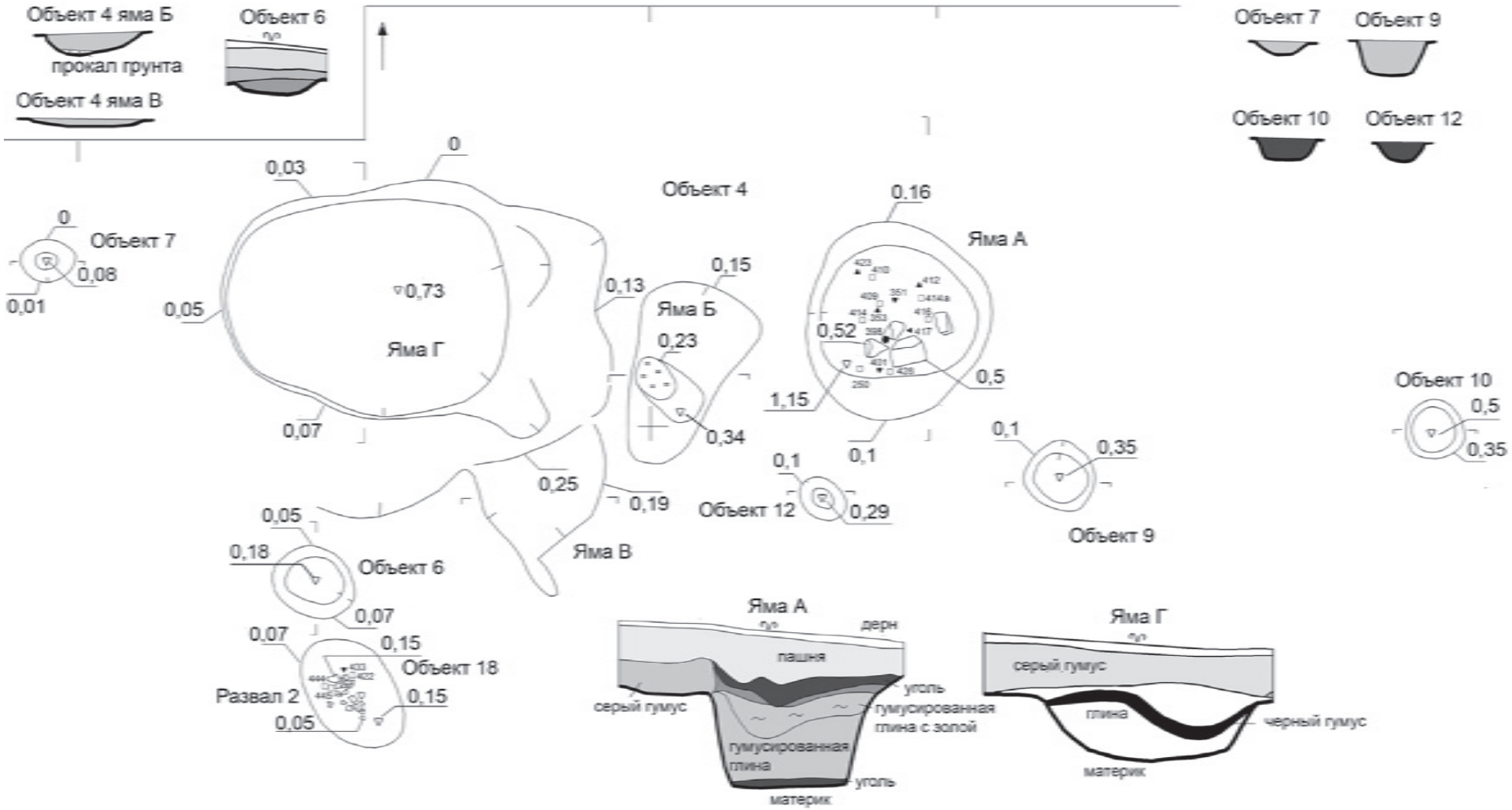


Рис. 85. Стаево-5. Раскоп 6, объект 4, материк (о реконструкции состава объекта 4 см. в главе 2). Нумерация находок соответствует табл. 2

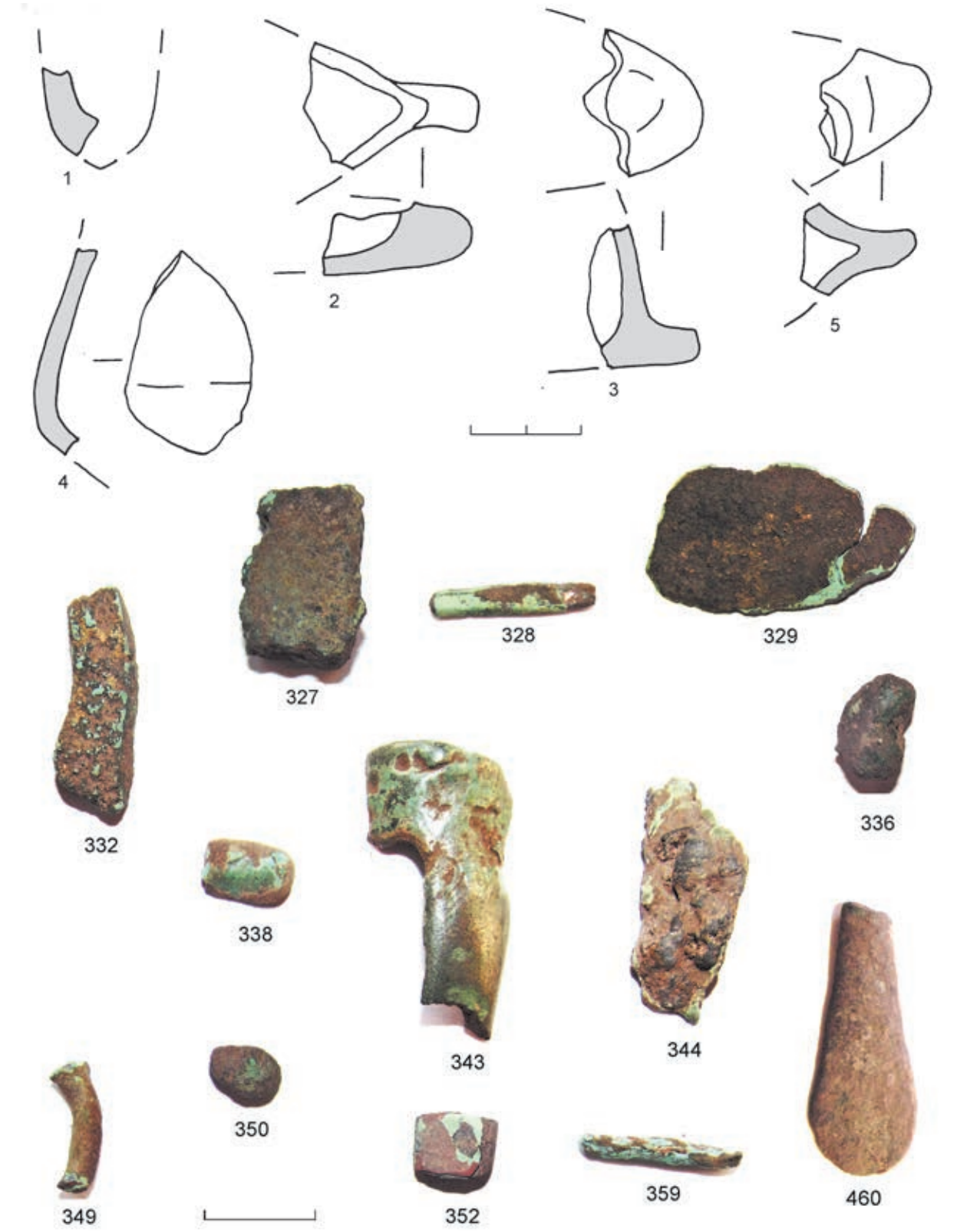


Рис. 86. Стаево-5. Раскоп 6, объект 4. Находки.
1 — глинистый слой (пятно 1); 2–5, 329, 336, 338, 343, 344, 349, 350, 352, 359, 460 — черный слой (пятно 3); 327 — развал 5; 328 — светлый слой (пятно 2); 332 — заполнение; 1–5 — обломки глиняных тиглей; прочее — выплеск бронзы, пластинки и прутики из бронзы.
Нумерация находок соответствует табл. 2. Рисунки и фото А. М. Обломского

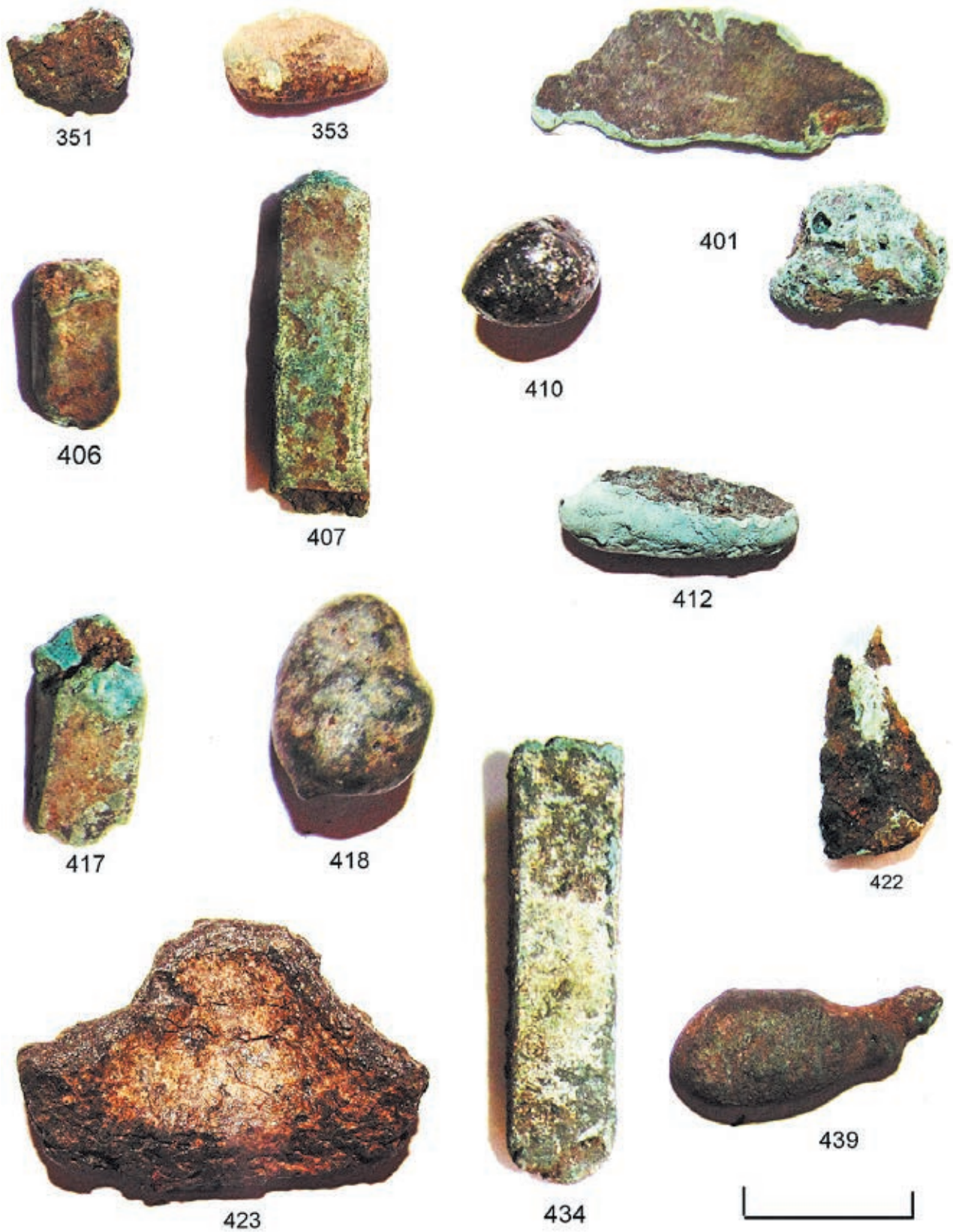


Рис. 87. Стаево-5. Раскоп 6, объект 4, яма А. Выплески бронзы, пластинки и прутики из бронзы. Нумерация находок соответствует табл. 2. Фото А. М. Обломского

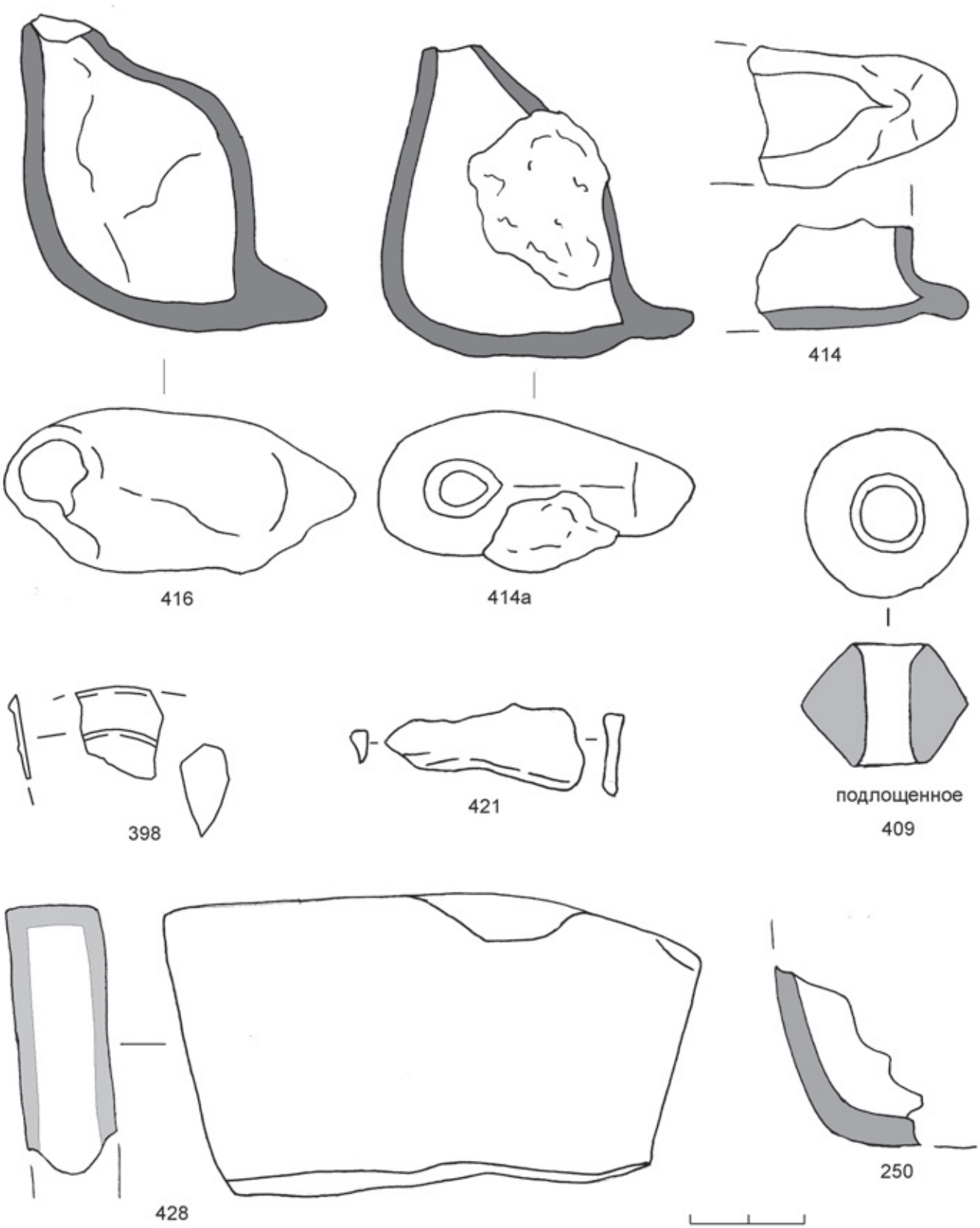


Рис. 88. Стаево-5. Раскоп 6, объект 4, яма А. Находки из глины (416, 414а, 414, 409, 250), камня (428) и металла (398, 421). Нумерация находок соответствует табл. 2. Рисунки А. М. Обломского

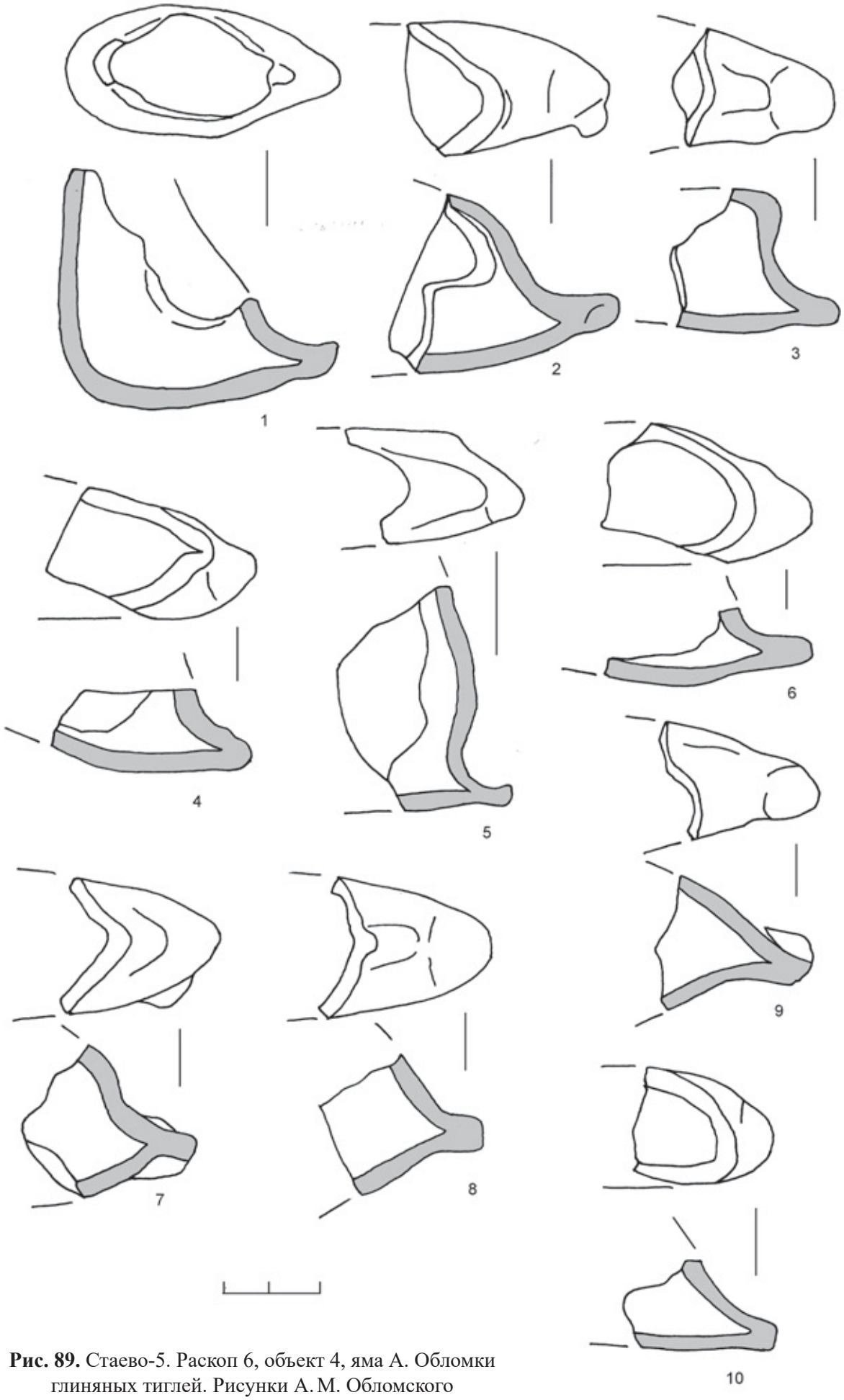


Рис. 89. Стаево-5. Раскоп 6, объект 4, яма А. Обломки глиняных тиглей. Рисунки А. М. Обломского

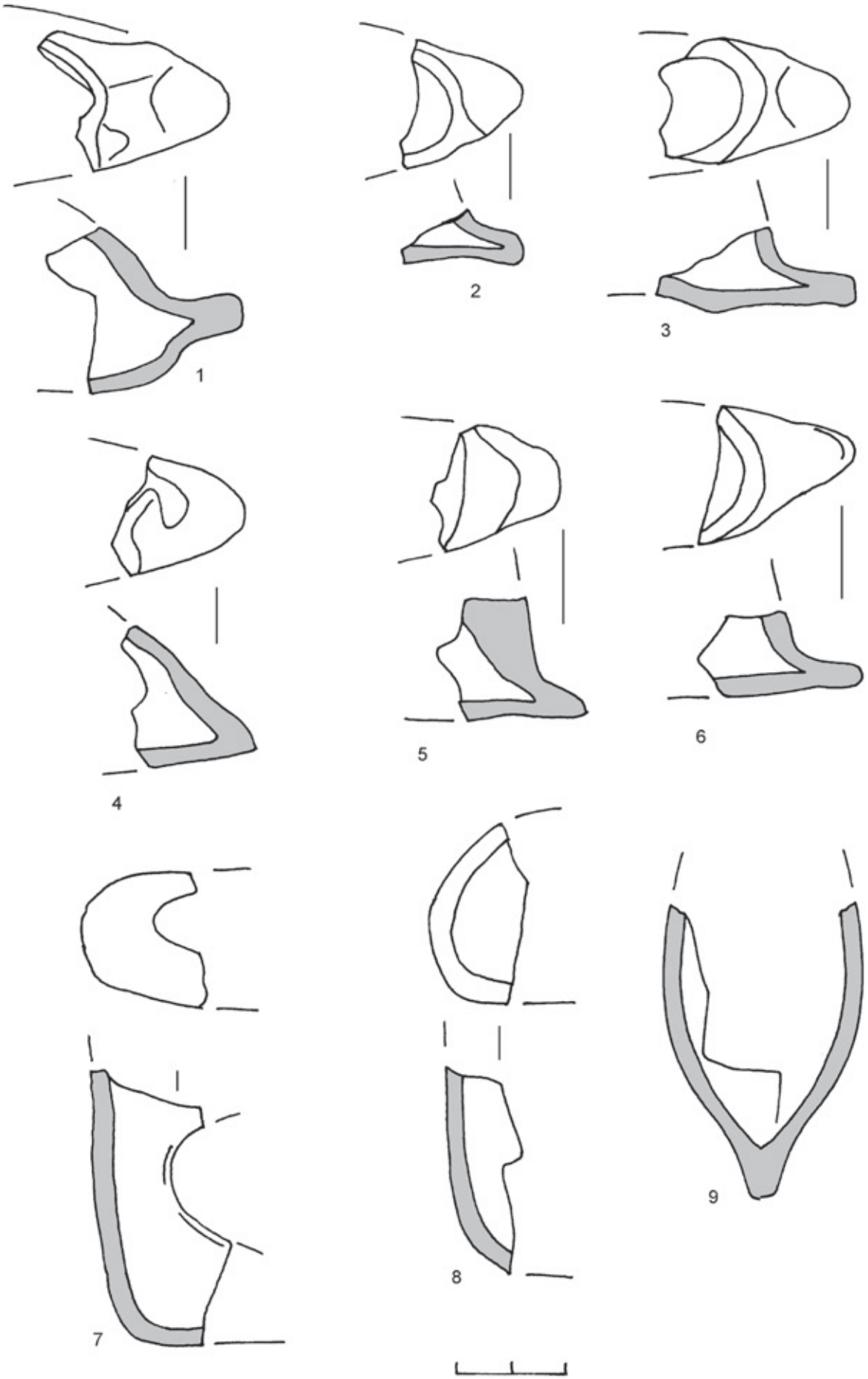


Рис. 90. Стаево-5, Раскоп 6, объект 4, яма А. Обломки глиняных тиглей.
Рисунки А. М. Обломского

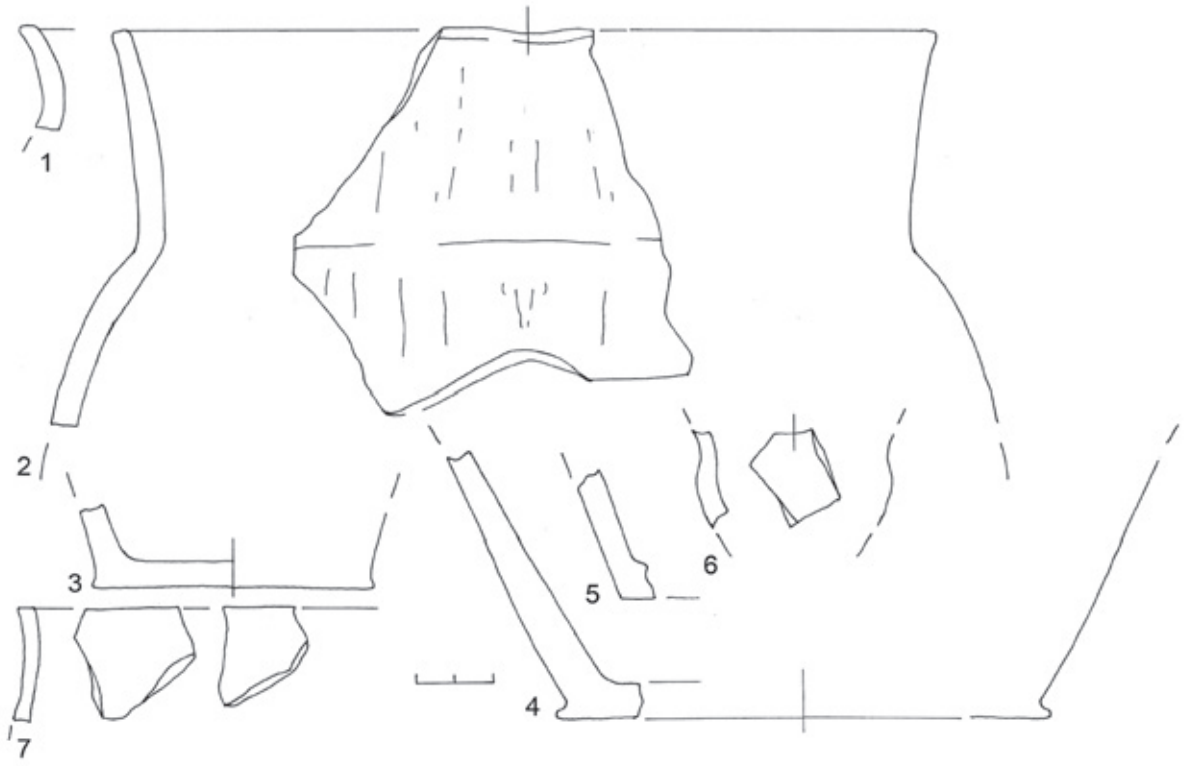


Рис. 91. Стаево-5. Раскоп 6, объект 4, яма А, нижняя часть заполнения. Лепная керамика. 1, 2, 4, 6 — со средним шамотом в тесте; 3 — с крупным шамотом и рудой в тесте; 7 — фрагменты чернолощеного сосуда. Рисунки А. М. Обломского

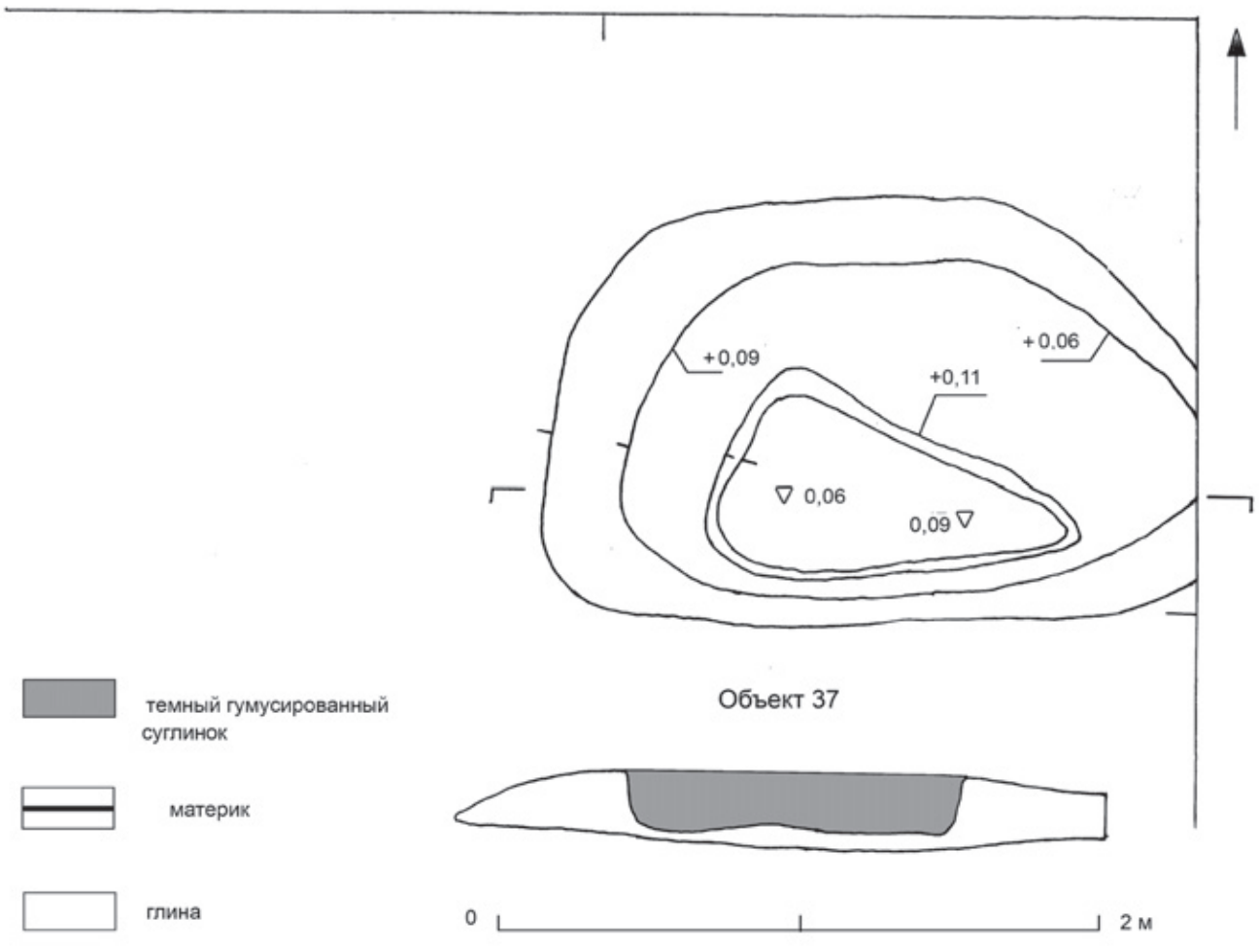


Рис. 92. Стаево-5. Раскоп 6, объект 37. План, разрез

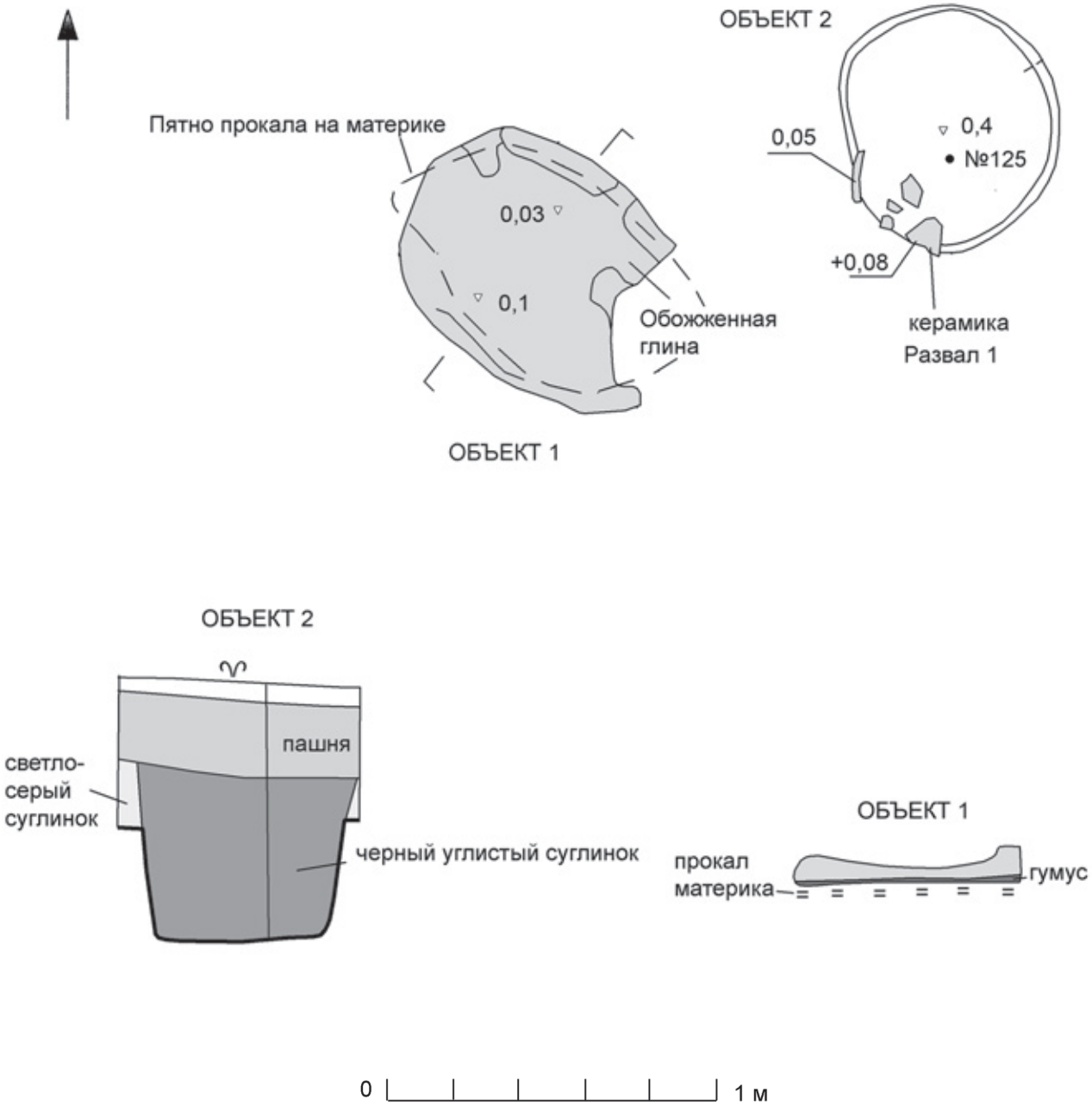


Рис. 93. Стаево-5. Раскоп 6, объекты 1 и 2. Планы, разрезы

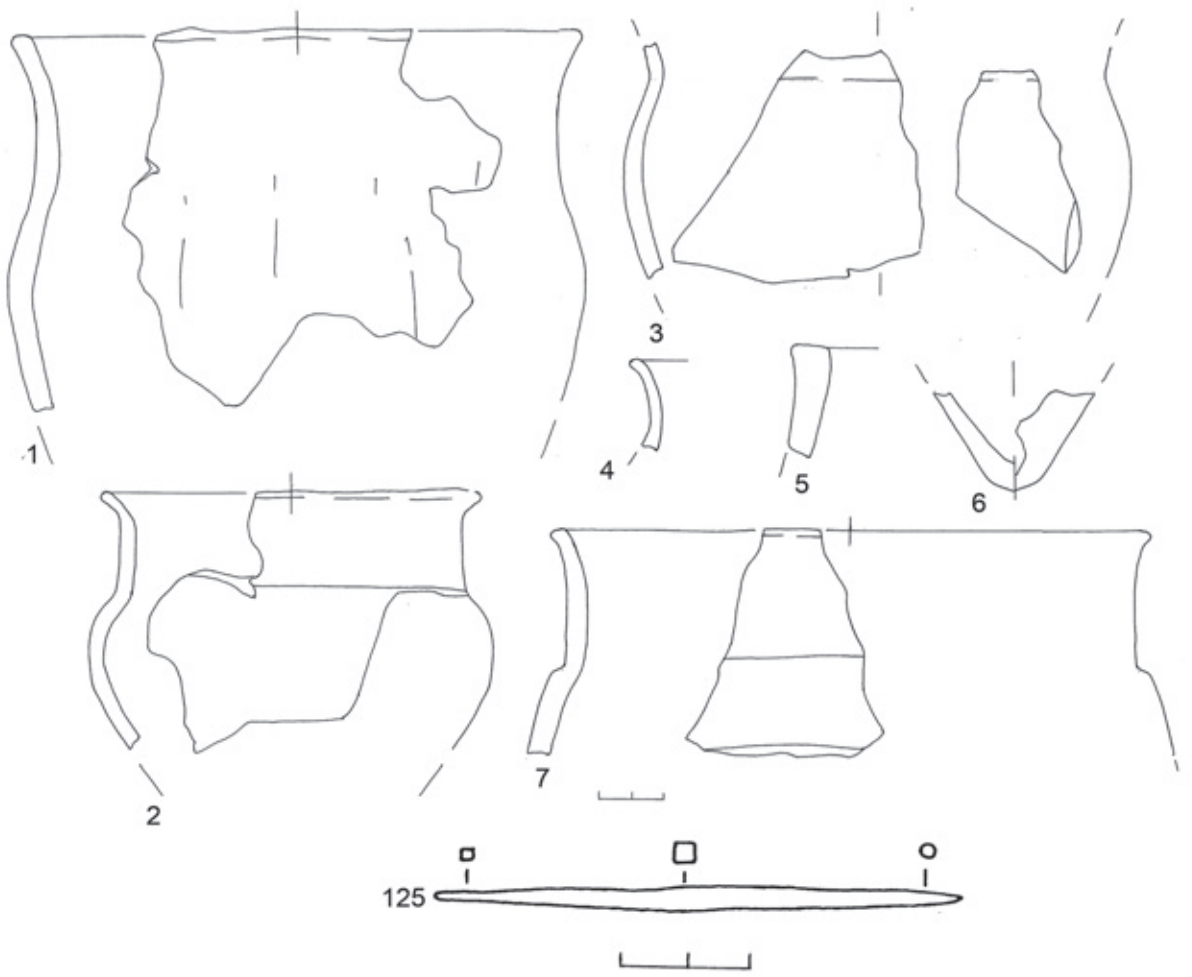


Рис. 94. Стаево-5. Раскоп 6, объект 2. Находки.
Груболепная керамика: 1, 7 — с крупным шамотом в тесте; 2 — со средним шамотом и рудой; 4 — со средним шамотом; 5 — с дресвой и мелким шамотом; чернолощеная керамика — 3; фрагмент ошлакованного глиняного тигля — 6. Железный пробойник — 125 (номер находки соответствует табл. 2).
Рисунки А. М. Обломского

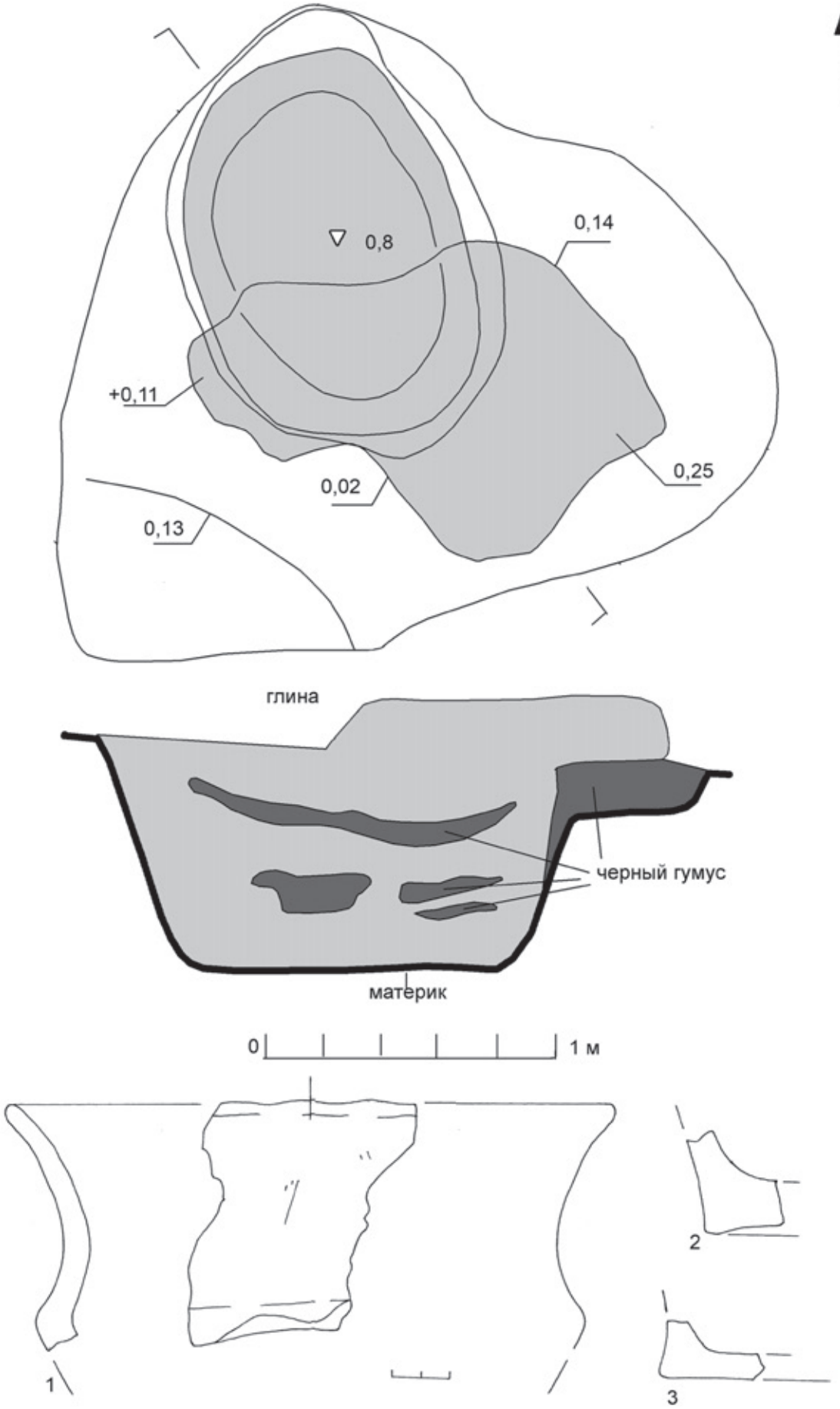


Рис. 95. Стаево-5. Раскоп 6, объект 13. План, разрез, находки.
1–3 — груболепная керамика со средним шамотом в тесте
(1 — верх слоя глины; 2, 3 — заполнение ямы. Рисунки А. М. Обломского

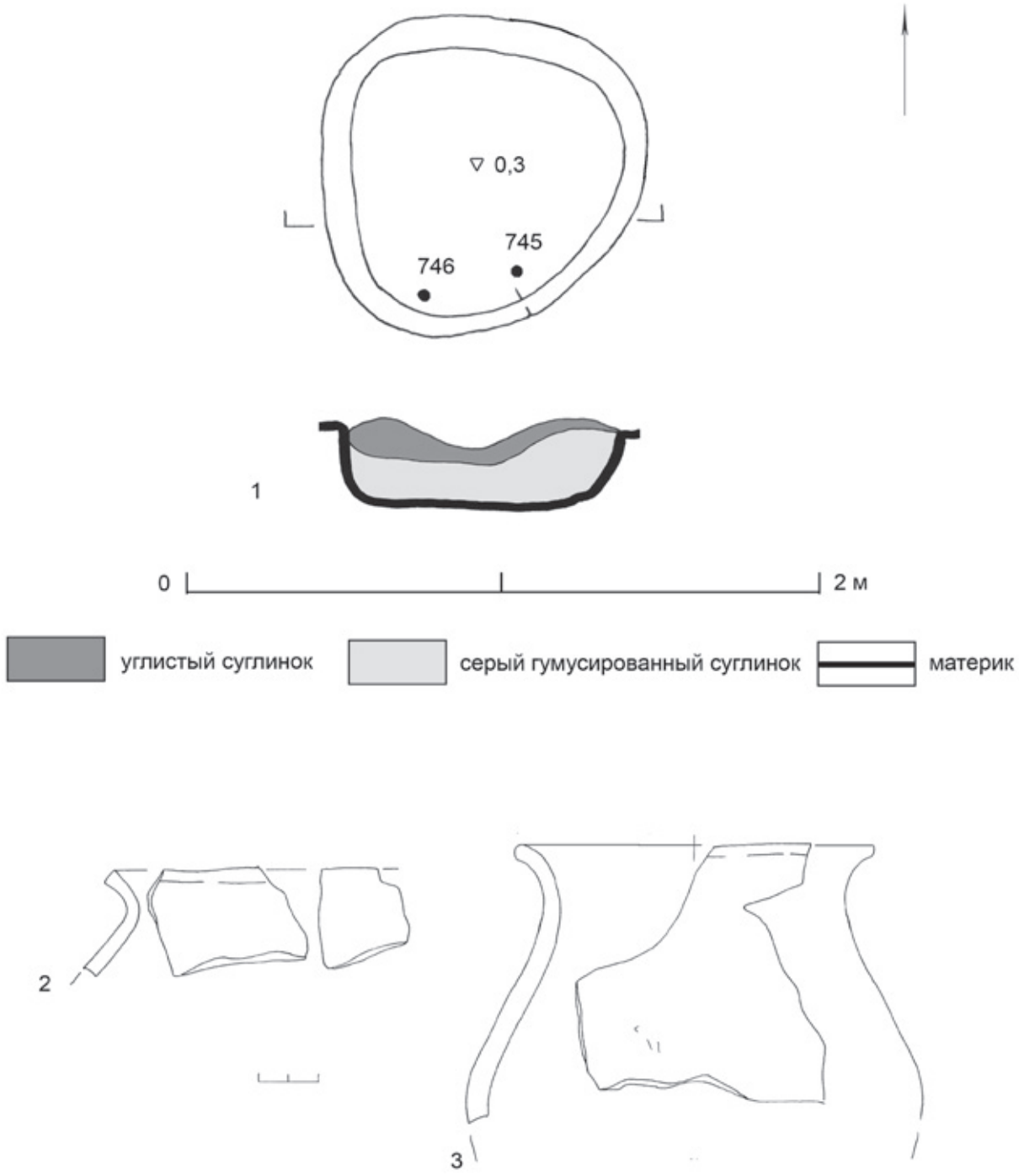


Рис. 96. Стаево-5. Раскоп 6, объект 34. План, разрез (1), лепная керамика со средним шамотом в тесте (2, 3). Нумерация находок соответствует табл. 2.
Рисунки А. М. Обломского

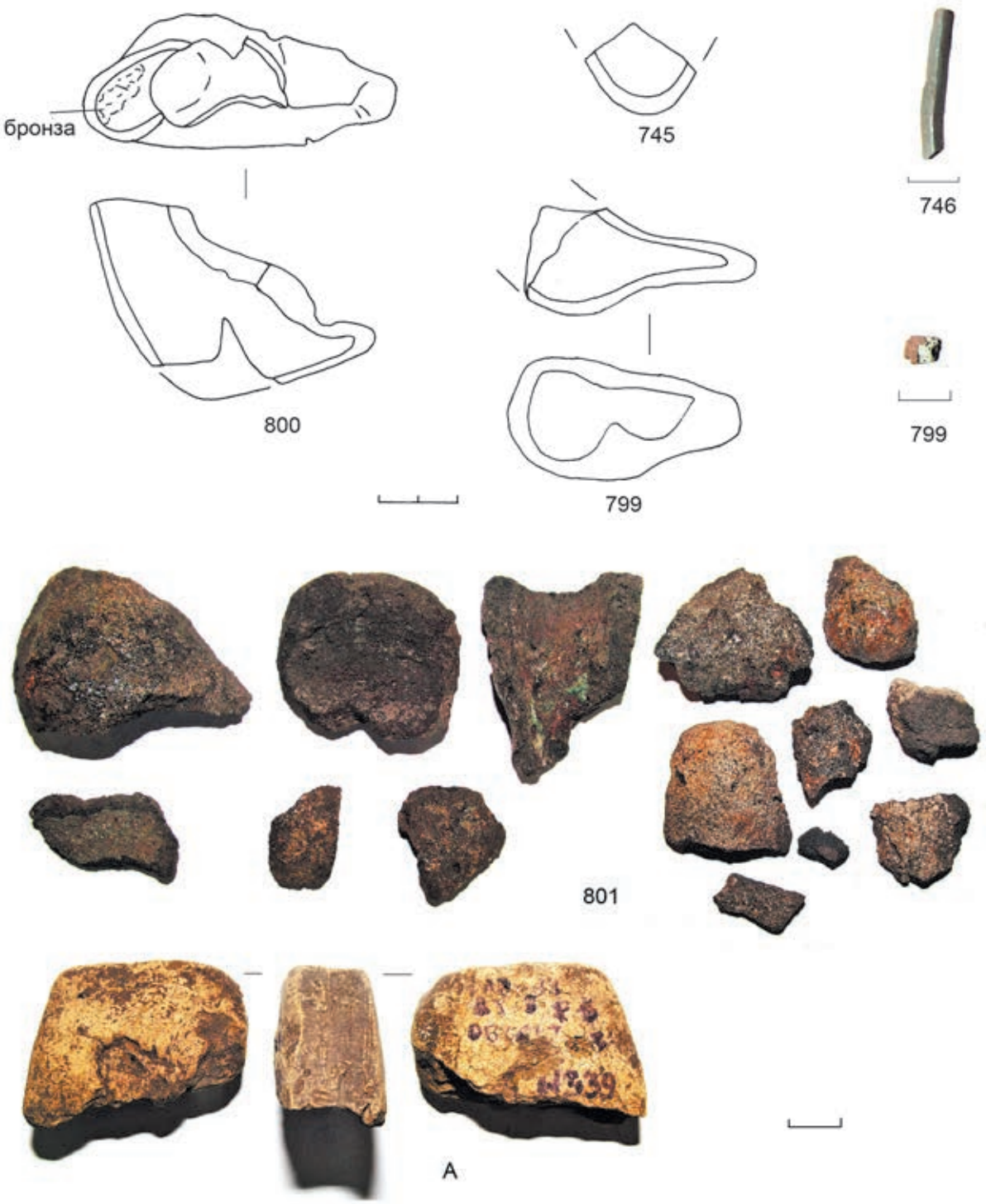


Рис. 97. Стаево-5. Раскоп 6, объект 34. Обломки тиглей (745, 799, 800, 801) и литейной формы (А), выплеск (799) и обрубок прутика (746) из бронзы. Нумерация находок соответствует табл. 2. Рисунки и фото А. М. Обломского

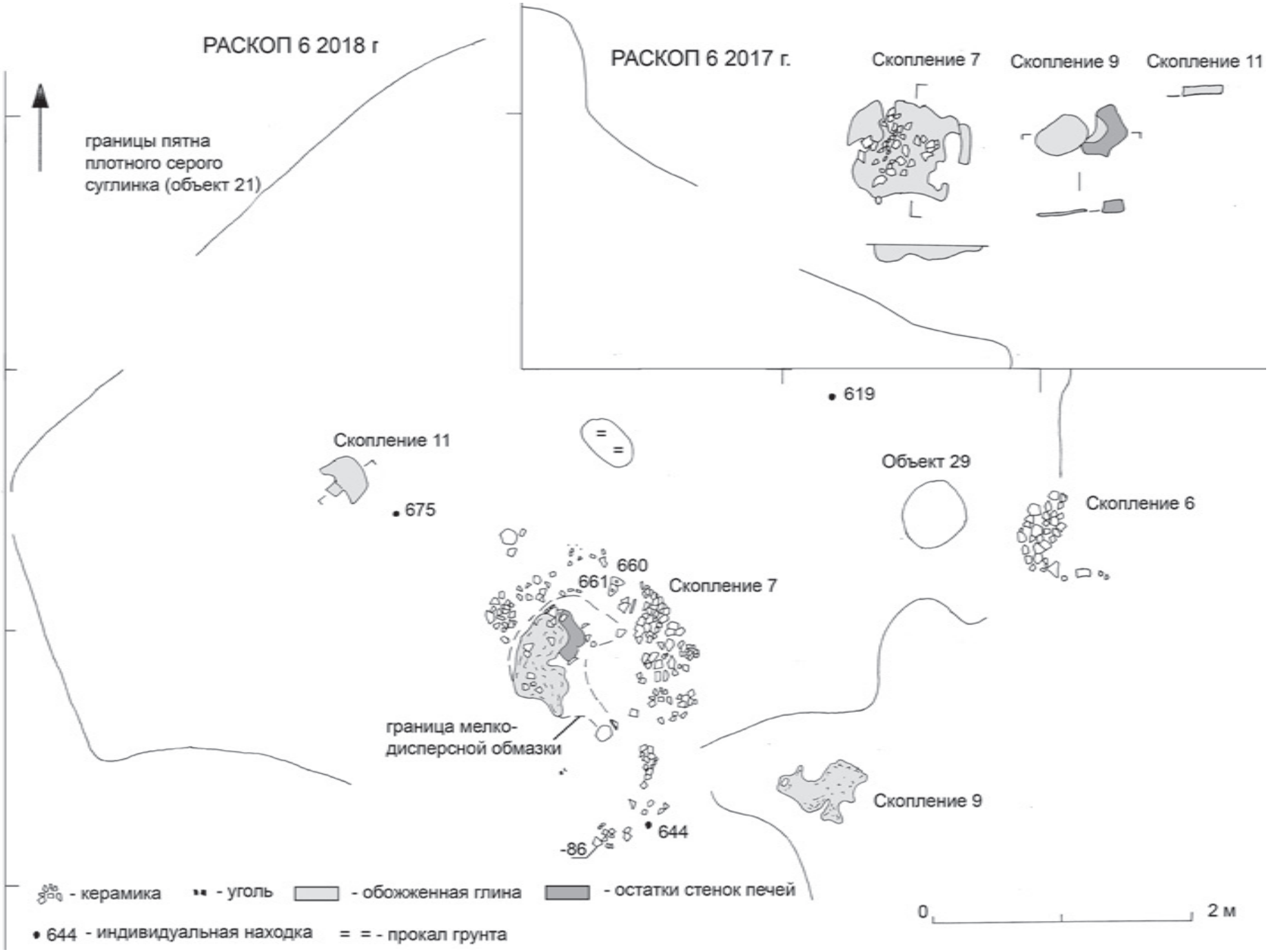


Рис. 98. Стаево-5. Юго-западная часть раскопа 6 и объект 21. Нумерация находок соответствует табл. 2

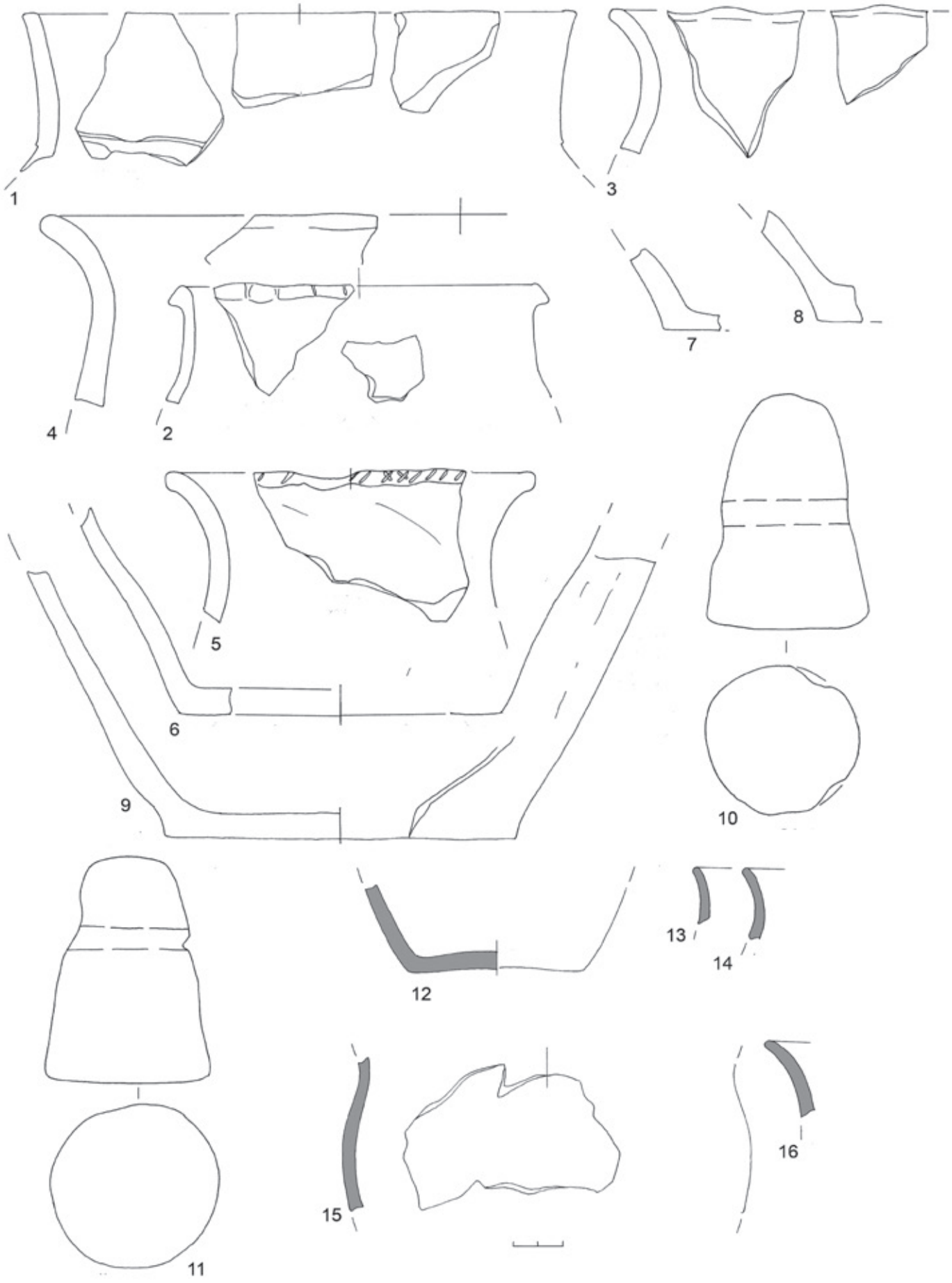


Рис. 99. Стаево-5. Раскоп 6, объект 21, скопления 6 и 7.
1–2 — скопление 6; 3 — субструкция печи скопления 7; 4–16 — скопление 7, керамика. 1–9 — груболепная керамика (1 — с мелким и средним шамотом; 2, 6, 7, 9 — со средним шамотом; 3, 4 — с рудой; 5 — со средним шамотом и рудой; 8 — с крупным шамотом); 10, 11 — глиняные грузила (10 — № 660; 11 — № 661); 12–14 — лепная лощеная керамика; 15, 16 — лепная подлощенная керамика.
Рисунки А. М. Обломского

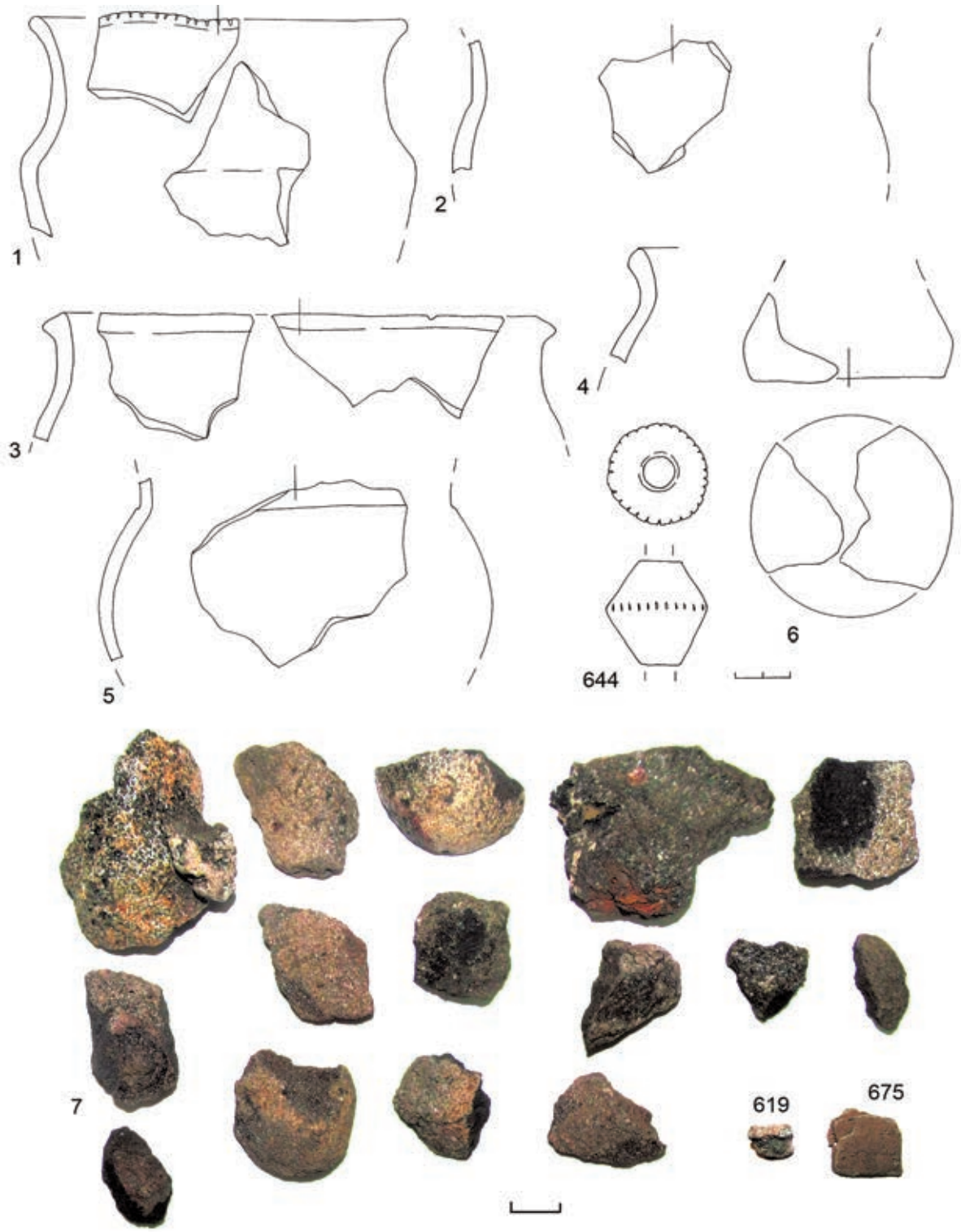


Рис. 100. Стаево-5. Раскоп 6, объект 21. Раннесредневековые находки из серого слоя.
1–5 — груболепная керамика (1, 5 — со средним шамотом, дресвой, рудой; 2 — со средним шамотом и рудой; 3, 4 — со средним шамотом); 6 — глиняное грузило; 7 — фрагменты глиняных тиглей; 619 — выплеск бронзы; 644 — глиняное пряслице; 675 — бронзовая пластина.
Нумерация находок 619, 644, 675 соответствует табл. 2. Рисунки и фото А. М. Обломского

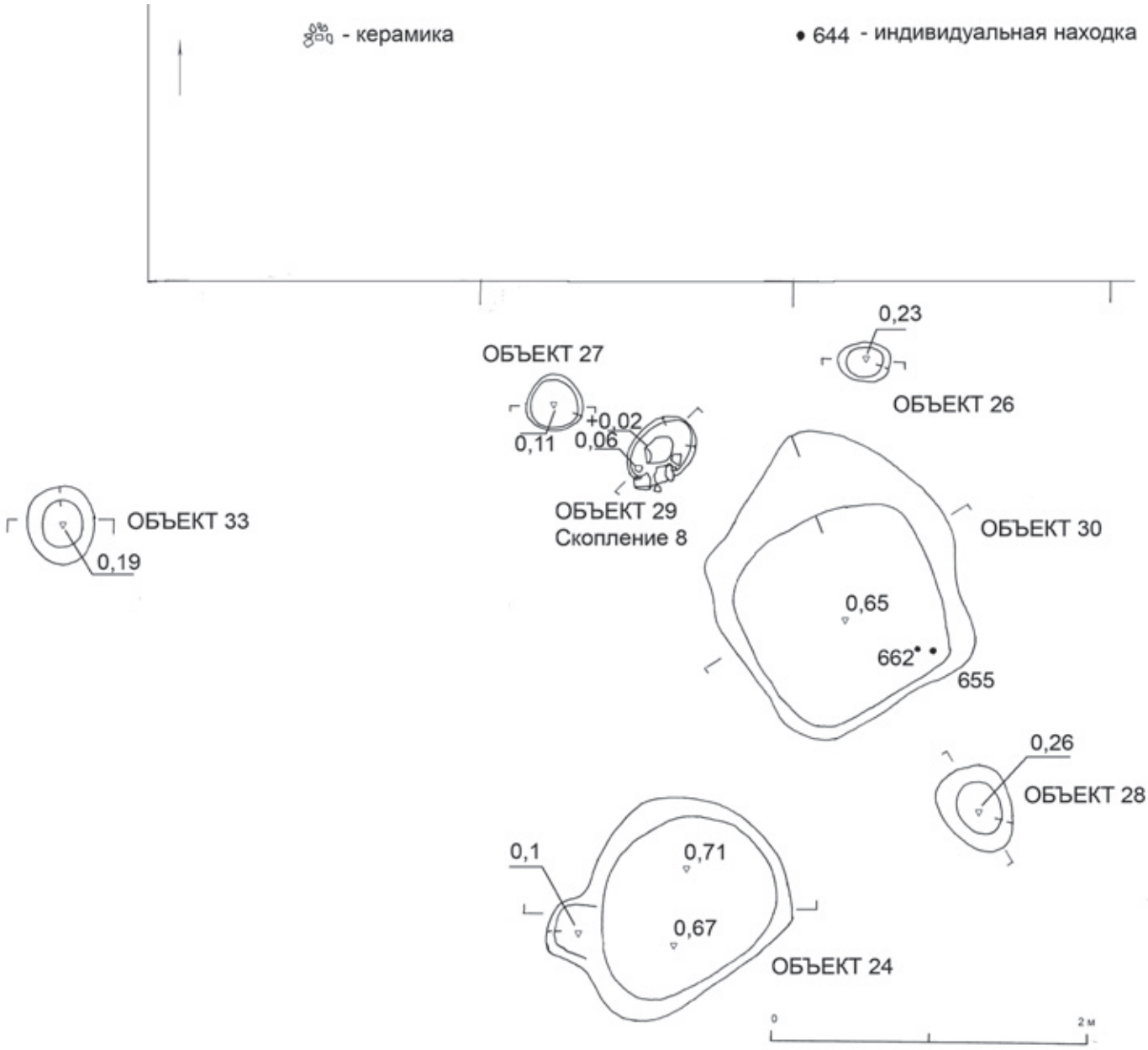


Рис. 101. Стаево-5. Раскоп 6. Объект 21, план ям
(о реконструкции состава объекта 21 см. в главе 2)

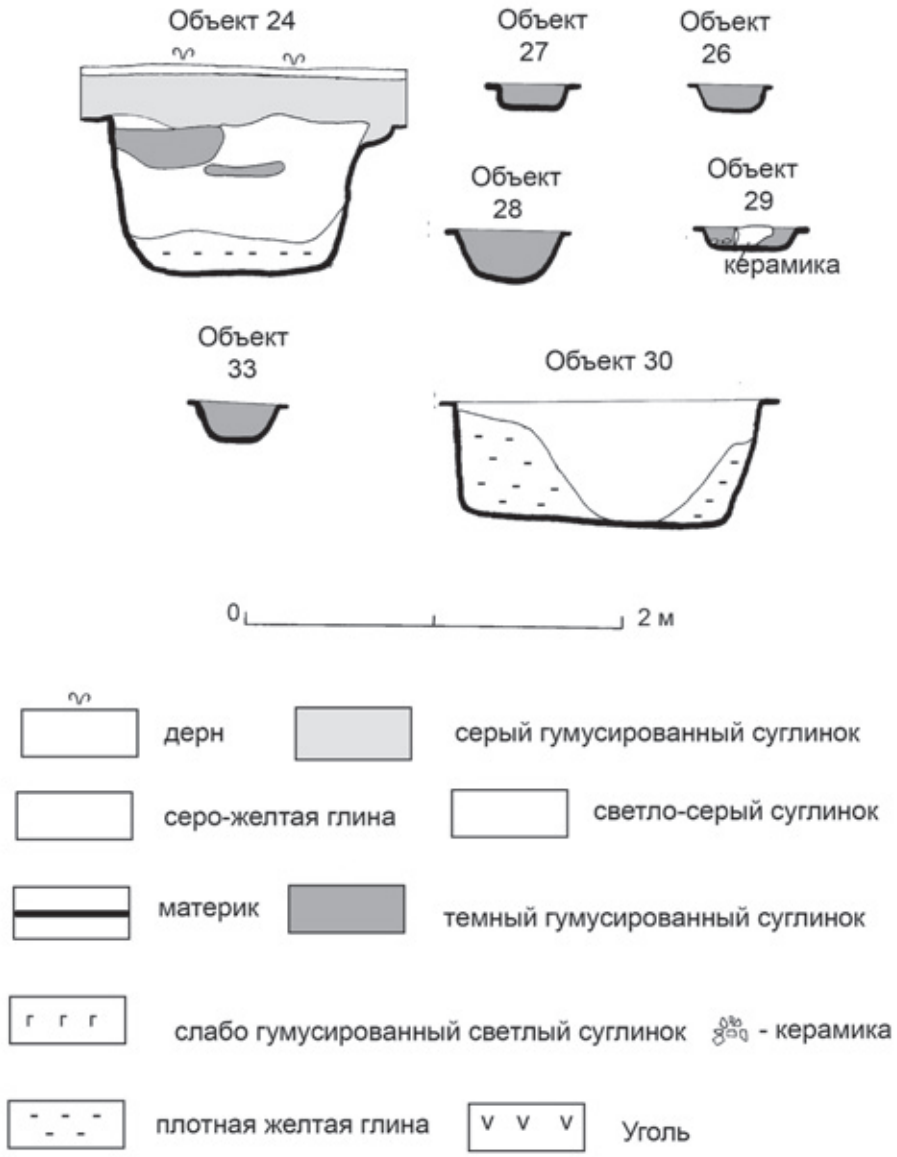


Рис. 102. Стаево-5. Раскоп 6, объект 21, разрезы ям (см. рис. 101)

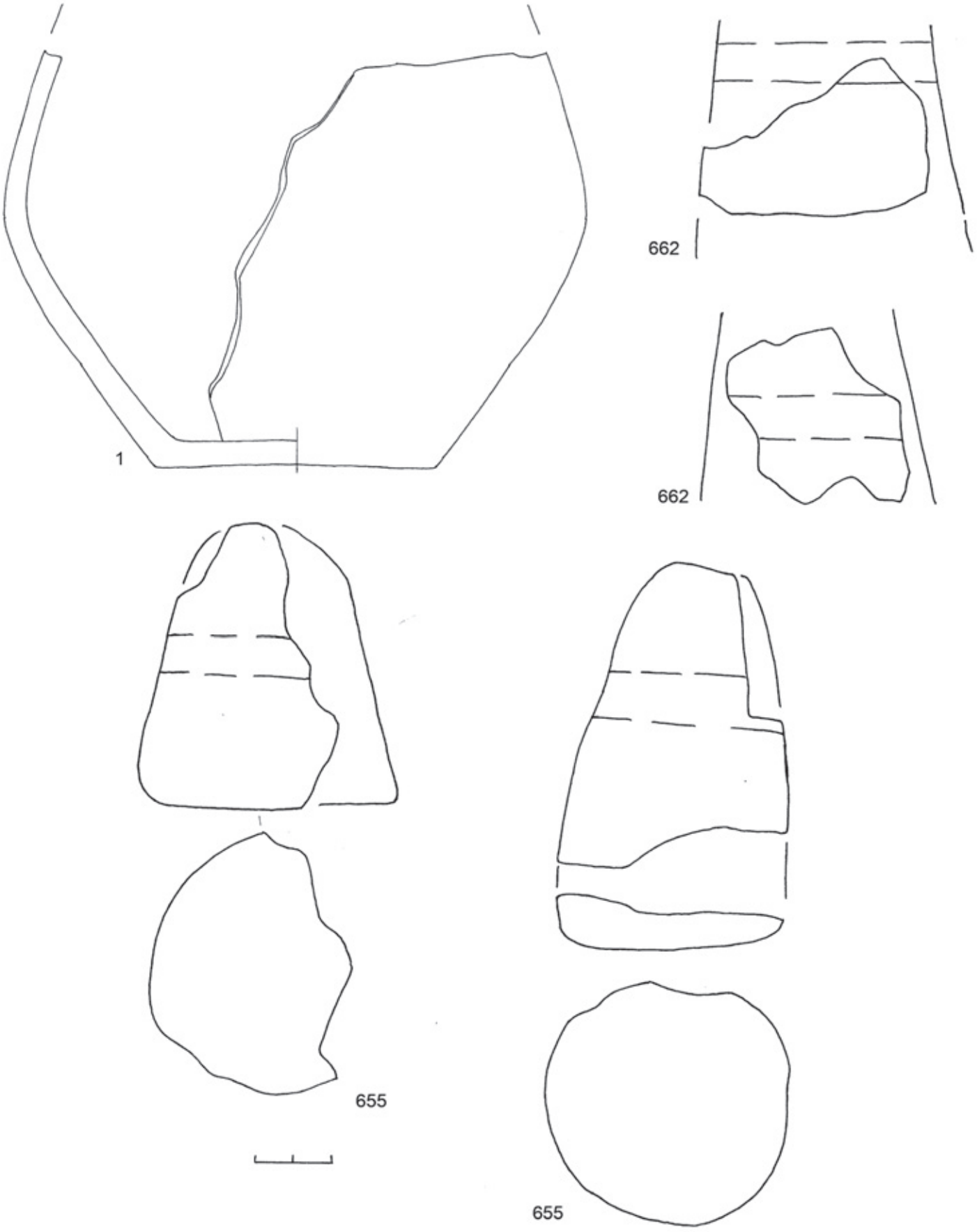


Рис. 103. Стаево-5. Раскоп 6, объект 21. Находки из ям.
1 — объект 29, развал 8; 655, 662 — объект 30; 1 — лепной горшок со средним шамотом и дресвой в керамическом тесте; прочее — глиняные грузила. Номера индивидуальных находок соответствуют табл. 2. Рисунки А. М. Обломского

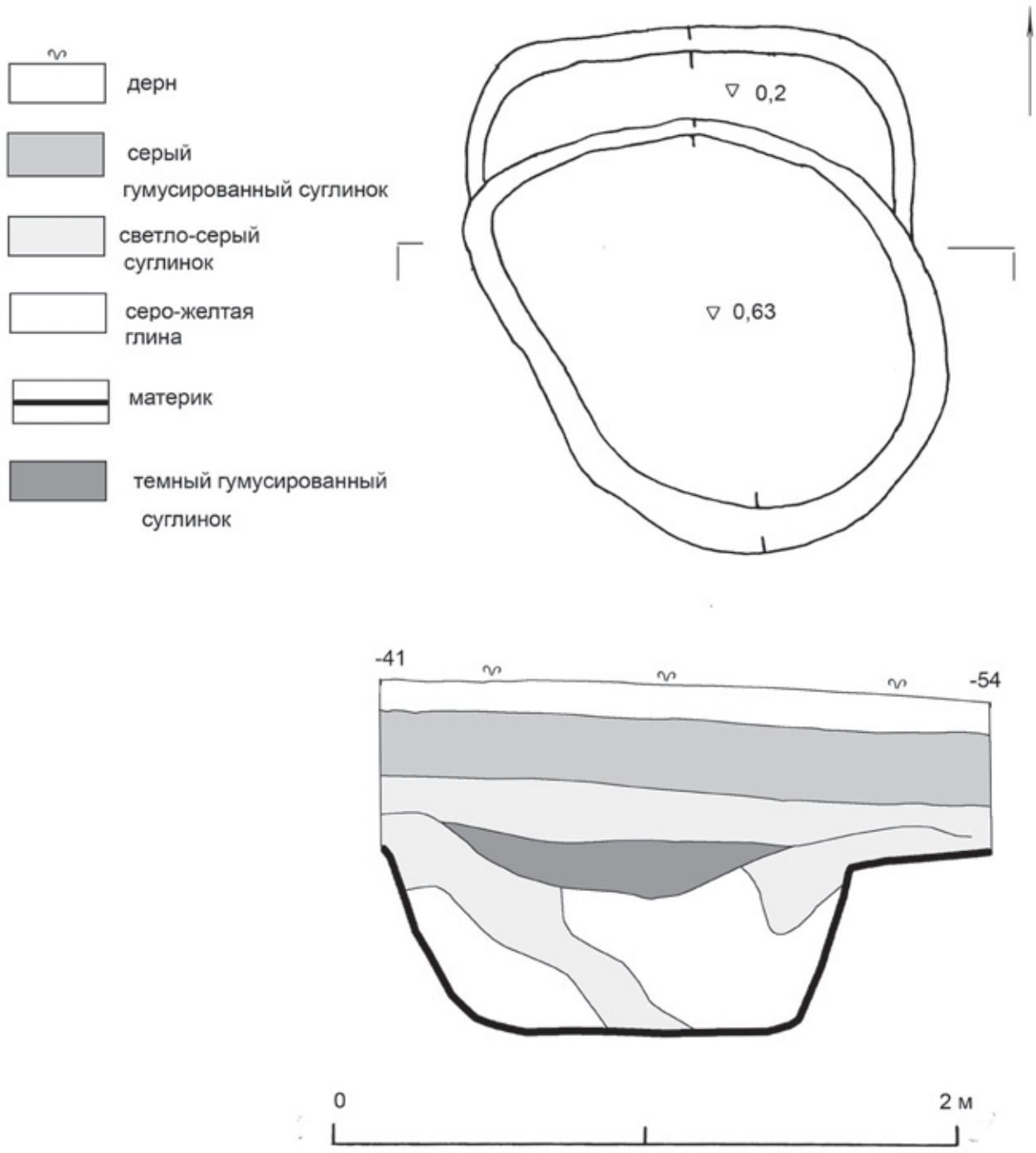


Рис. 104. Стаево-5. Раскоп 6, объект 23. План, разрез

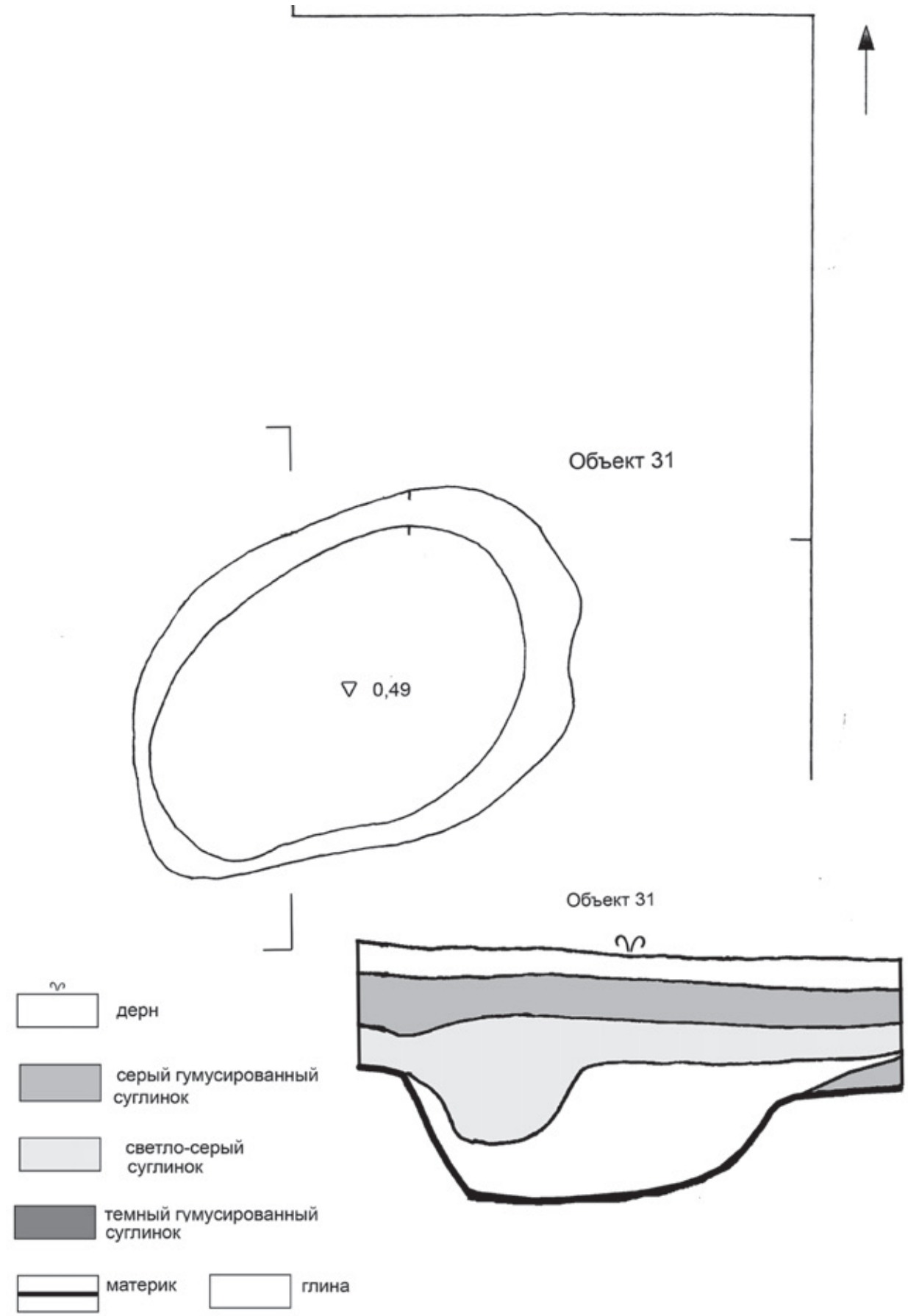


Рис. 105. Стаево-5. Раскоп 6, объект 31. План, разрез

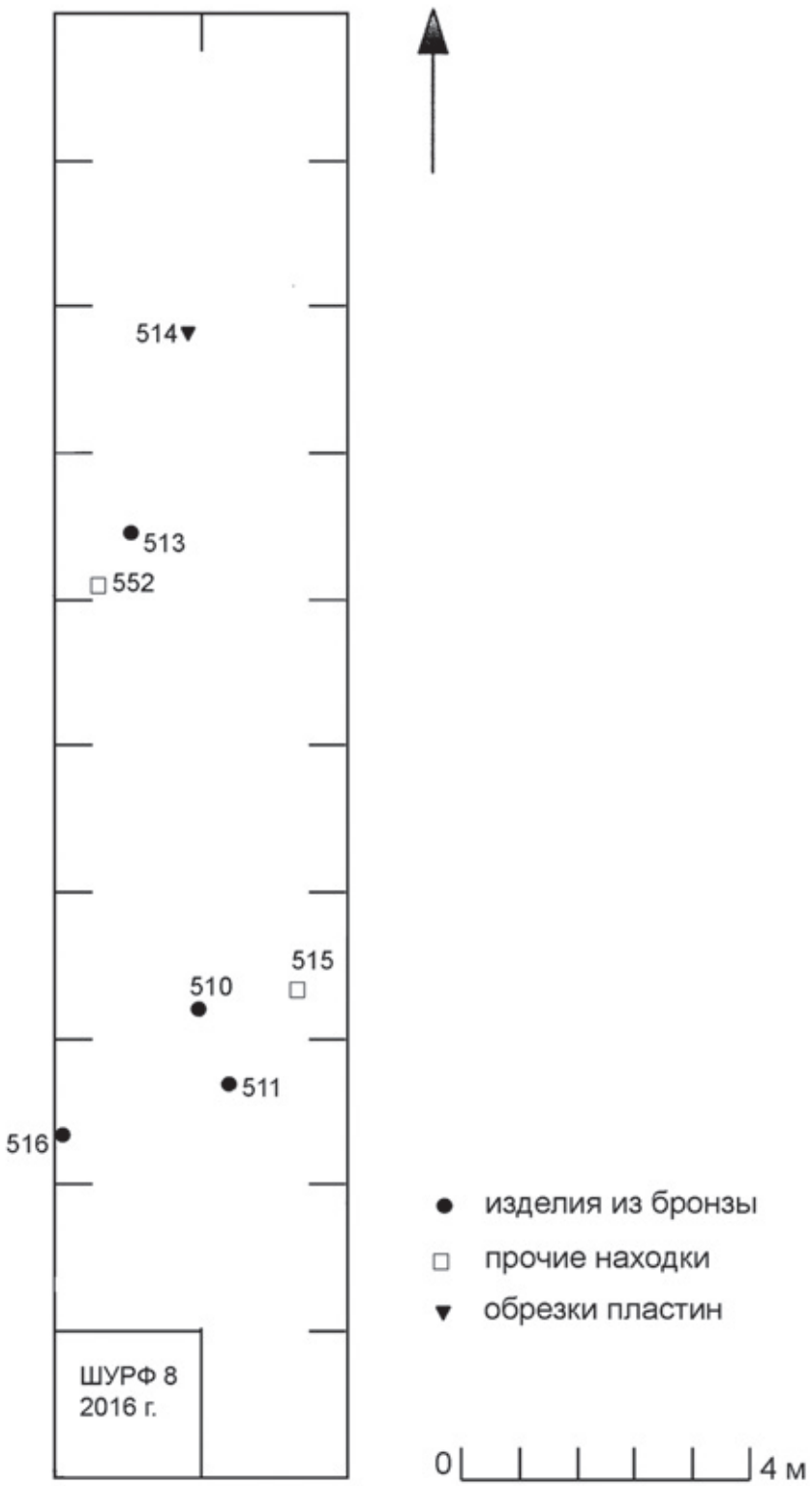


Рис. 106. Стаево-6. Раскоп 8. Общий план.
Номера находок соответствуют табл. 2

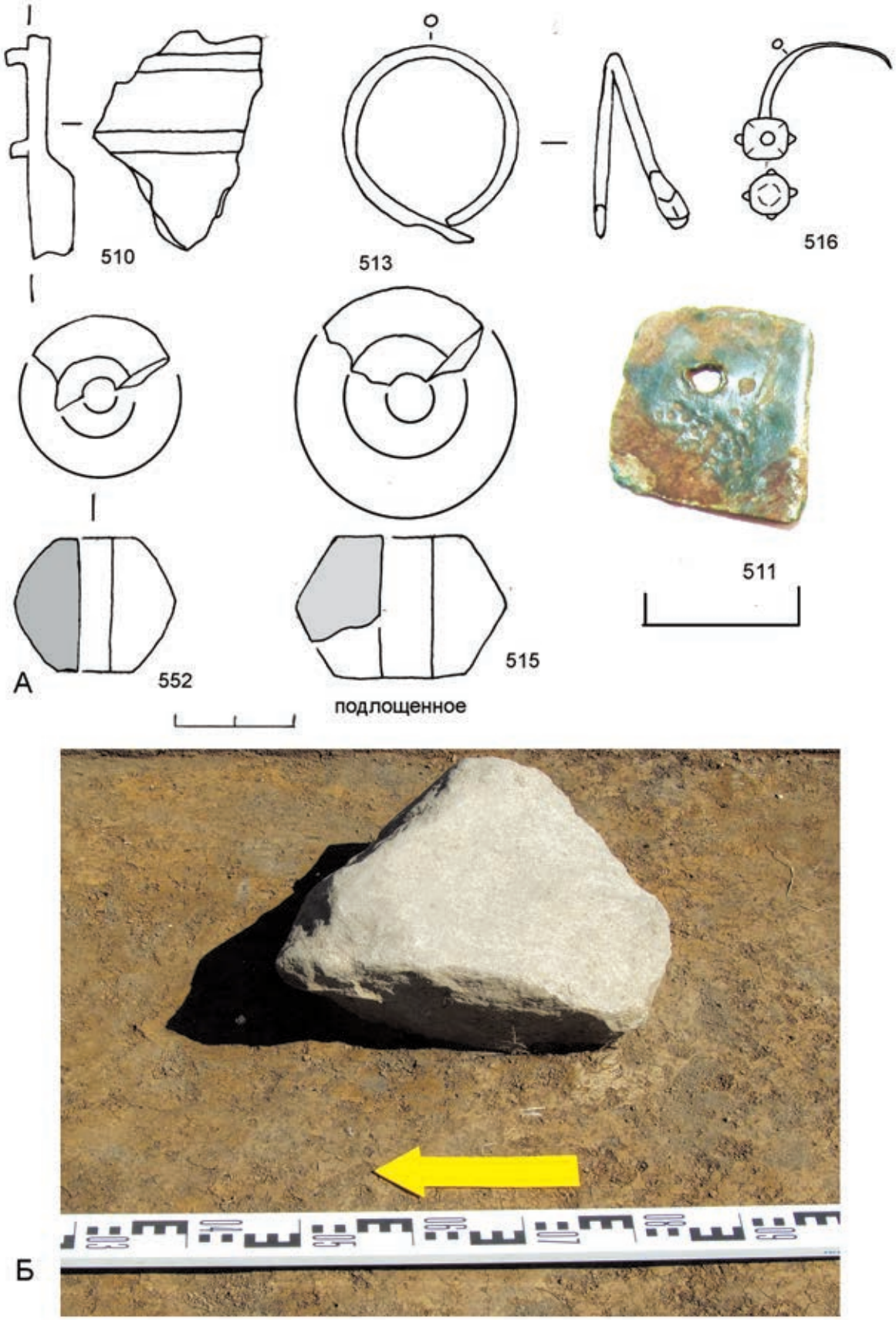


Рис. 107. Стаево-5. Раскоп 8. Индивидуальные находки (А), каменная зернотерка (Б). Номера индивидуальных находок соответствуют табл. 2. Рисунки и фото А. М. Обломского

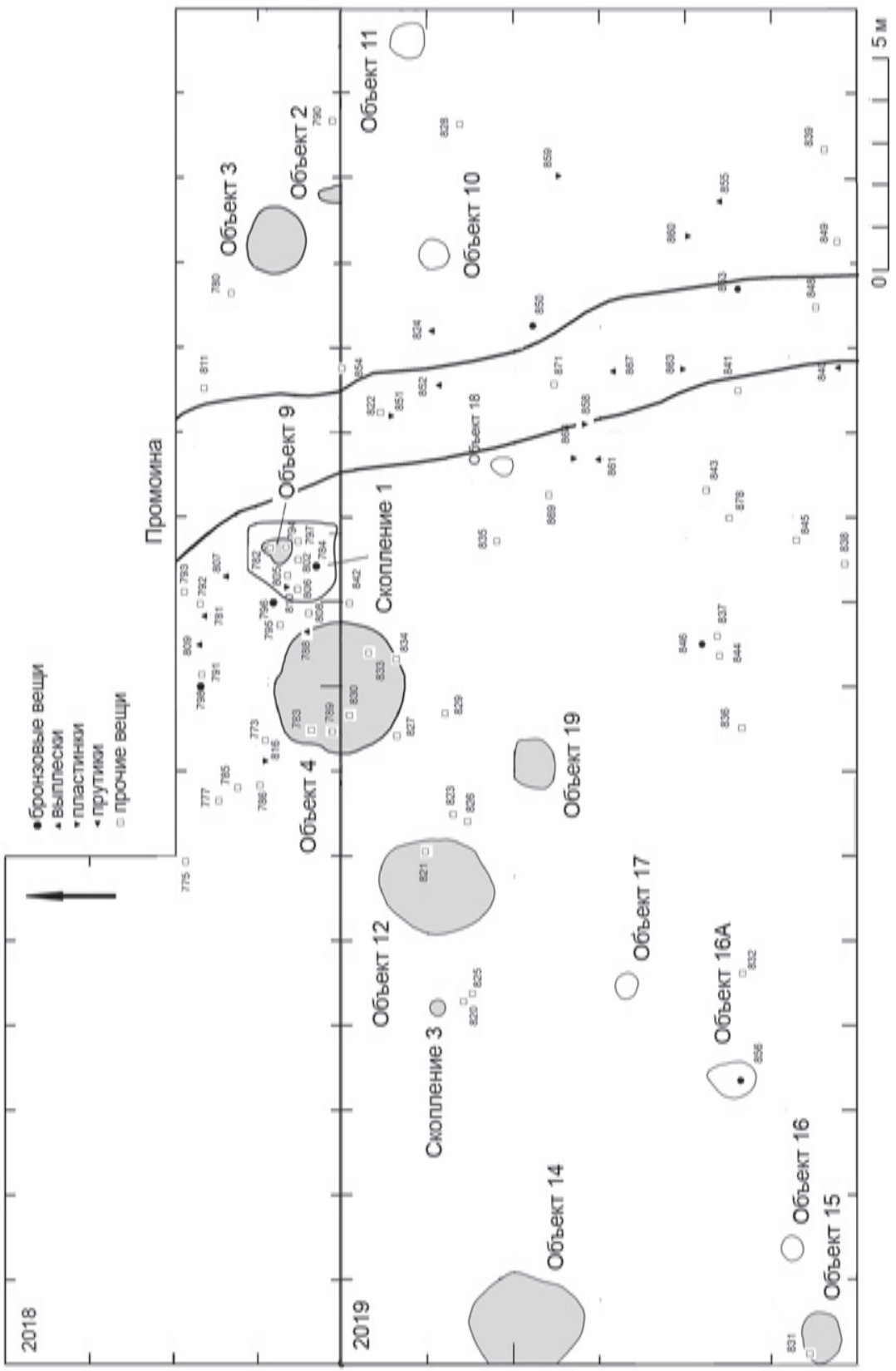


Рис. 108. Стаево-5. Раскоп 9. Общий план. Номера находок соответствуют табл. 2

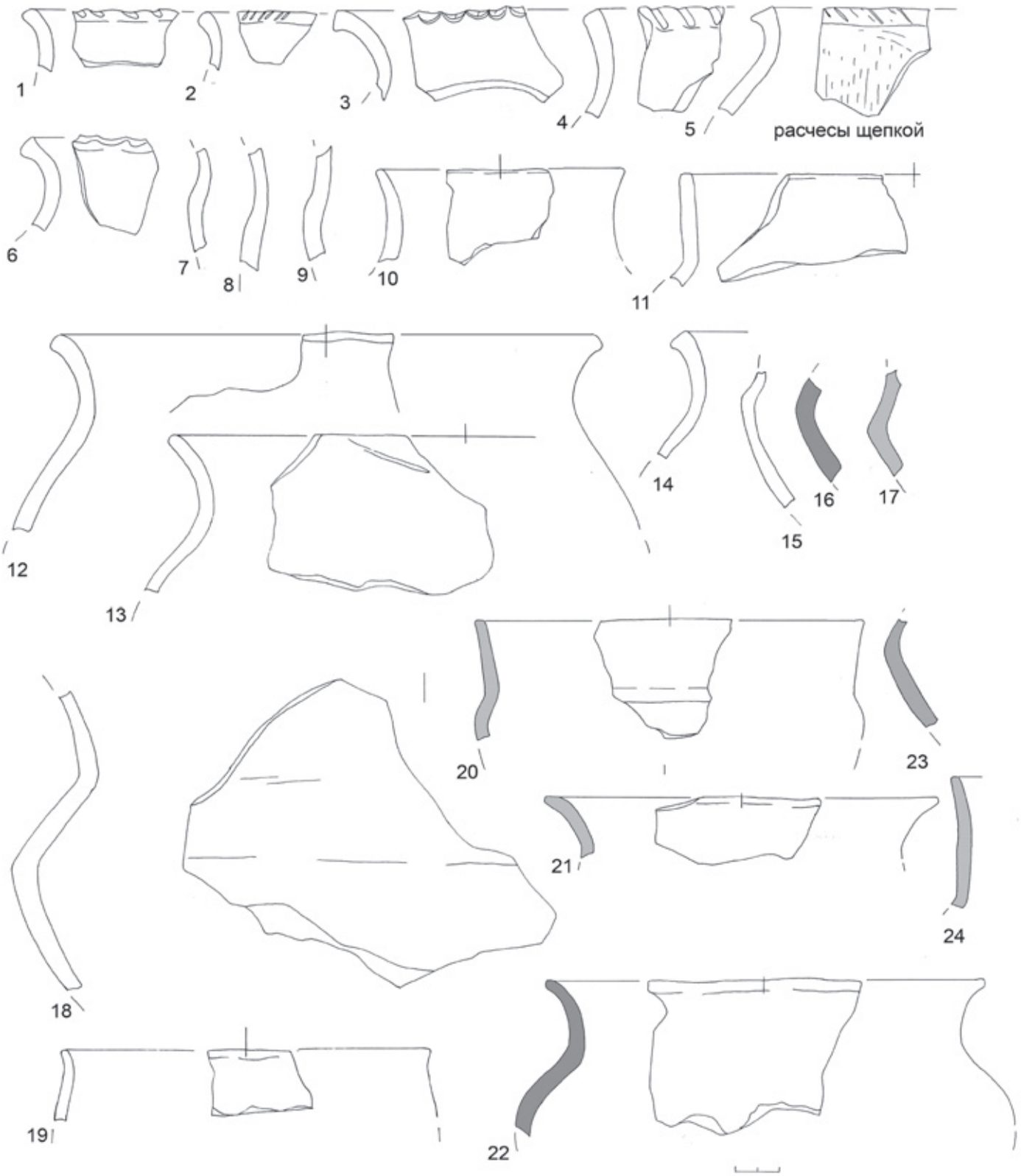


Рис. 109. Стаево-5. Раскоп 9 2018 г. Лепная керамика из культурного слоя.
1–15, 18–19 — груболепная (1, 2, 4, 5–11, 13–15, 19 — со средним шамотом; 3, 18 — со средним шамотом и рудой; 12 — со средним шамотом и дресвой); 16, 17, 21–24 — лощеная; 20 — фрагмент подлощенного сосуда. Рисунки А. М. Обломского

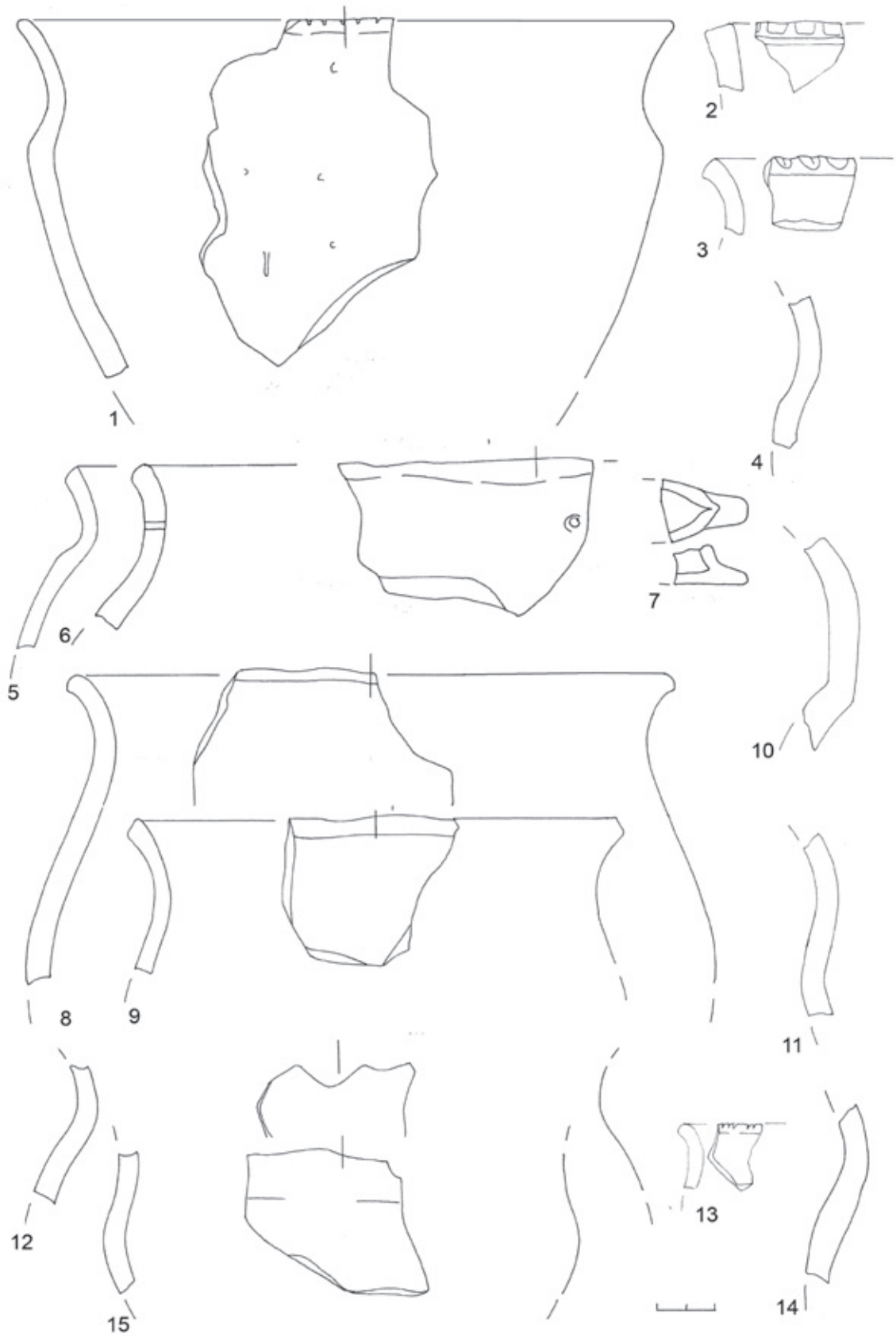
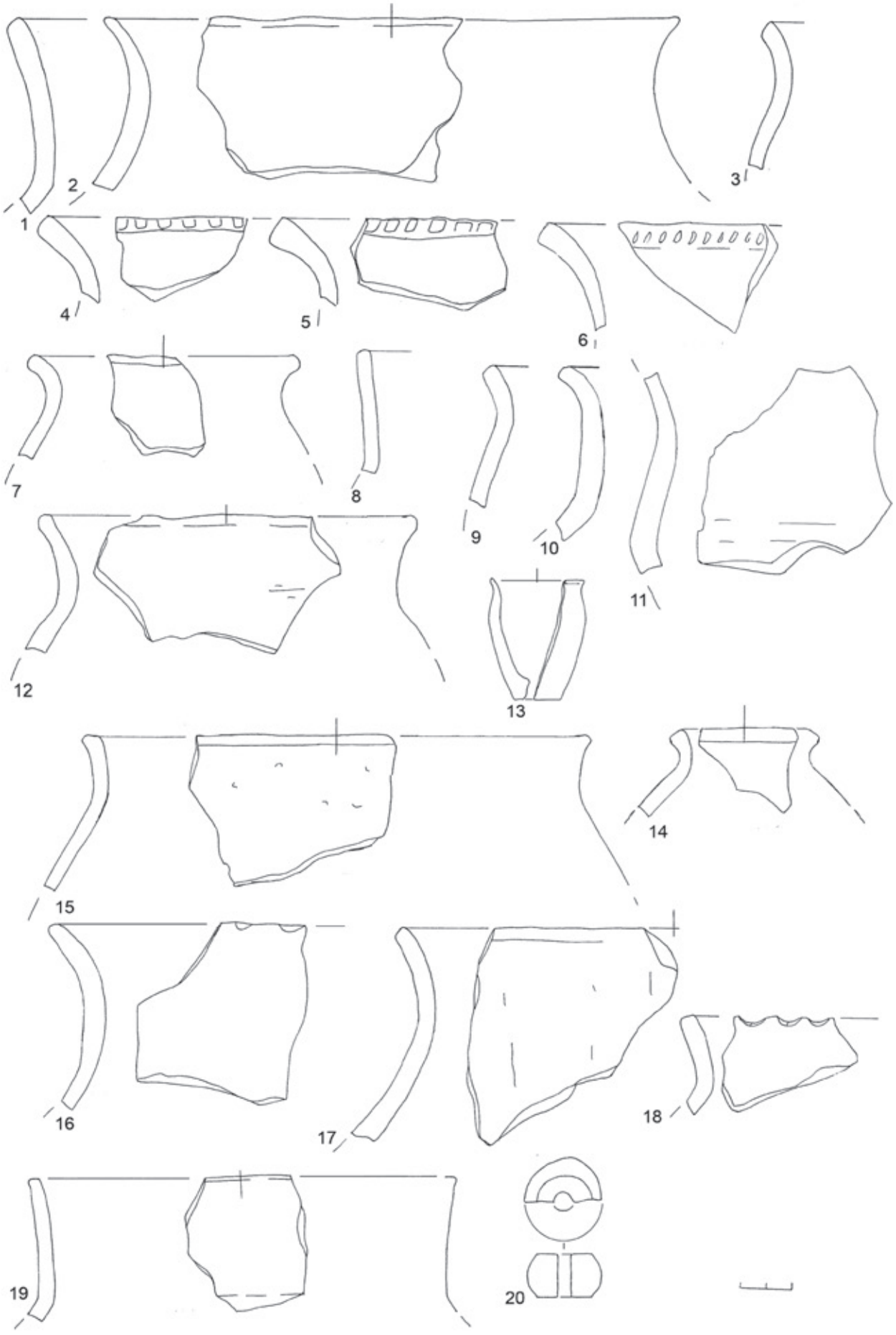


Рис. 110. Стаево-5. Раскоп 9 2019 г. Лепная керамика из культурного слоя.
1–6, 8–15 — груболепная (1, 3, 6, 8, 9, 11 — со средним шамотом в керамическом тесте; 2, 10 — с крупным шамотом; 4, 15 — со средним шамотом и дресвой; 5,12,14 — с рудой; 13 — без выраженных примесей); 7 — фрагмент глиняного тигля. Рисунки А. М. Обломского



◄ **Рис. 111.** Стаево-5. Раскоп 9 2019 г. Груболепная керамика (1–19) и глиняное пряслице (20) из культурного слоя.
1, 3, 4, 6, 9, 10, 14, 15, 17–19 — со средним шамотом в керамическом тесте; 2, 5, 8, 11 — с крупным шамотом; 7, 12 — с рудой; 13 — с мелким шамотом; 16 — со средним шамотом и дресвой.
Рисунки А. М. Обломского

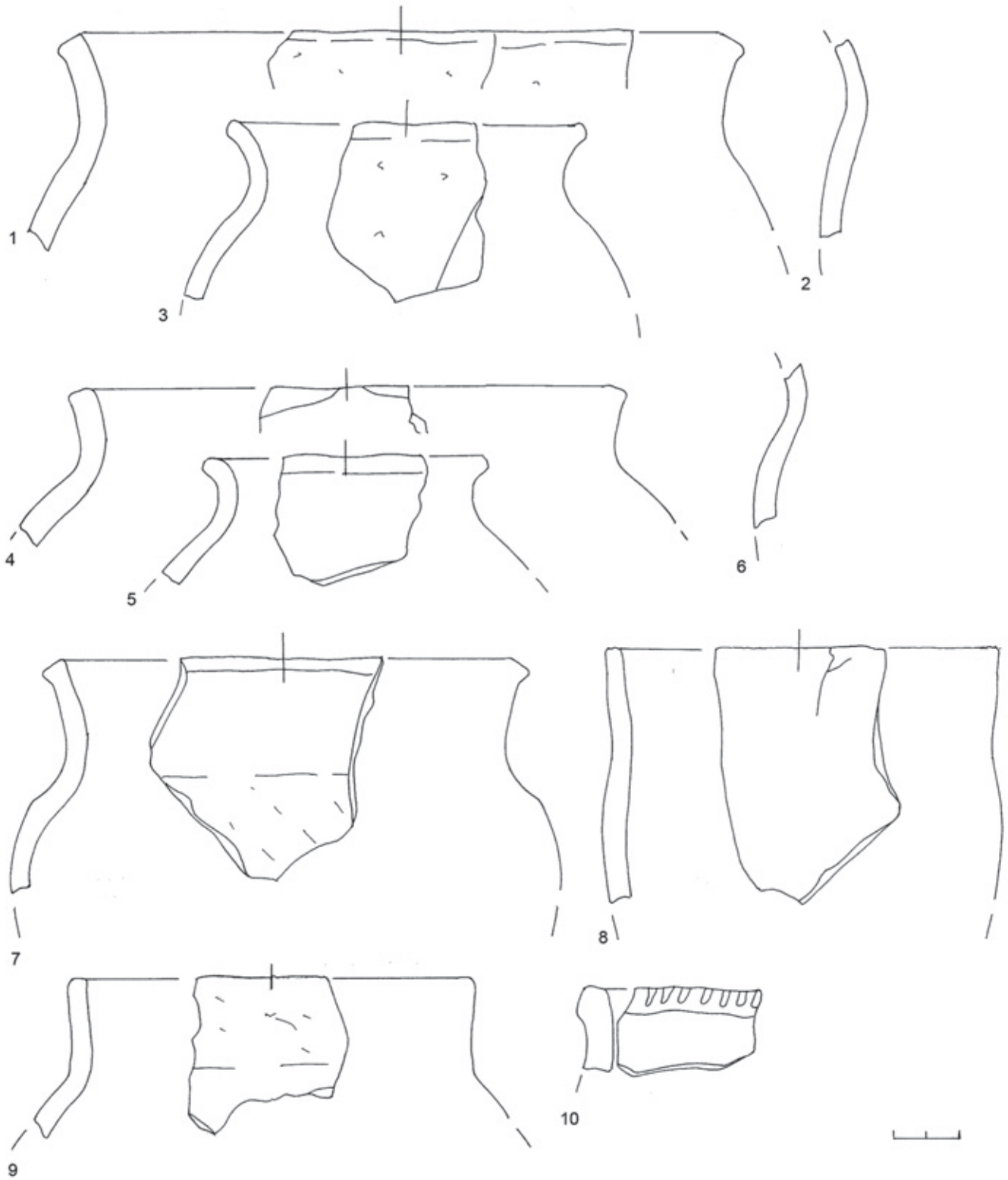


Рис. 112. Стаево-5. Раскоп 9 2019 г. Груболепная керамика из культурного слоя.
1, 5, 6, 8–10 — со средним шамотом в керамическом тесте; 2 — с рудой в тесте; 3, 4 — с крупным шамотом в тесте; 7 — со средним шамотом и рудой. Рисунки А. М. Обломского

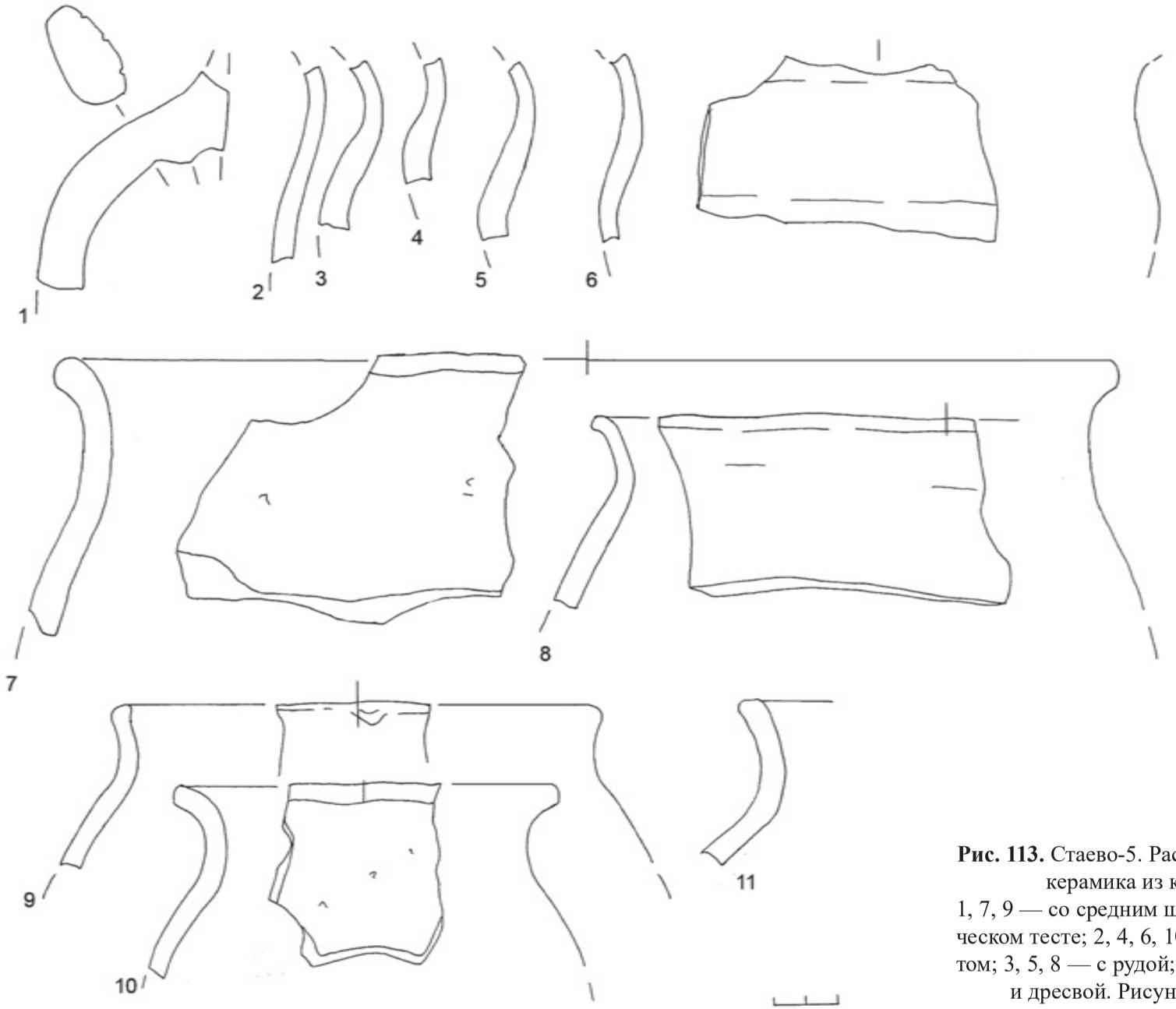


Рис. 113. Стаево-5. Раскоп 9 2019 г. Груболепная керамика из культурного слоя.
1, 7, 9 — со средним шамотом и рудой в керамическом тесте; 2, 4, 6, 10, 11 — со средним шамотом; 3, 5, 8 — с рудой; 7 — со средним шамотом и дресвой. Рисунки А. М. Обломского

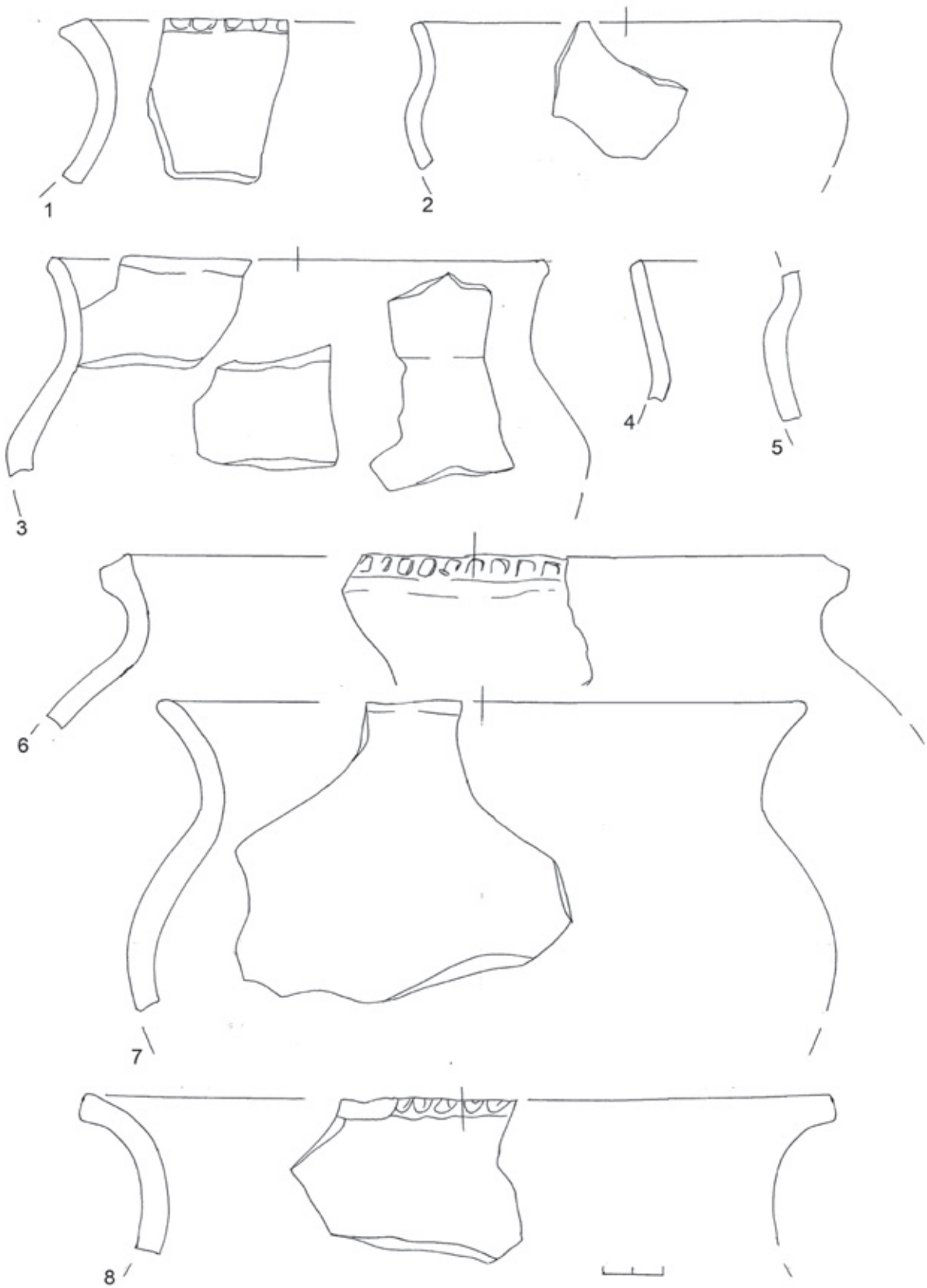


Рис. 114. Стаево-5. Раскоп 9 2019 г. Груболепная керамика из культурного слоя.
1 — со средним шамотом и дресвой в керамическом тесте; 2, 4–8 — со средним шамотом;
3 — со средним шамотом и рудой. Рисунки А. М. Обломского

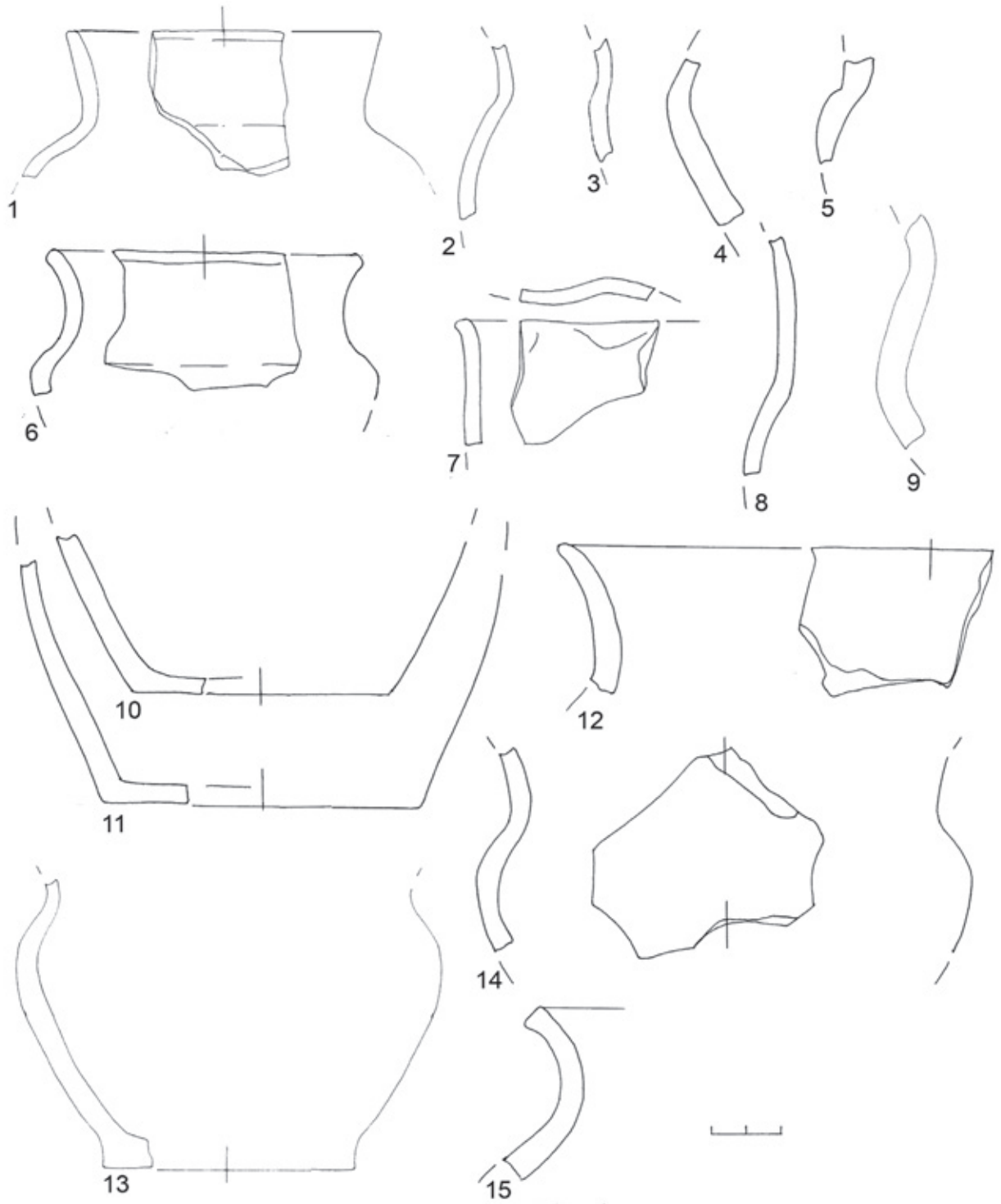


Рис. 115. Стаево-5. Раскоп 9. Лепная столовая керамика из культурного слоя.
1–6, 8–15 — с лощеной поверхностью; 7 — с подлощенной поверхностью.
Рисунки А. М. Обломского

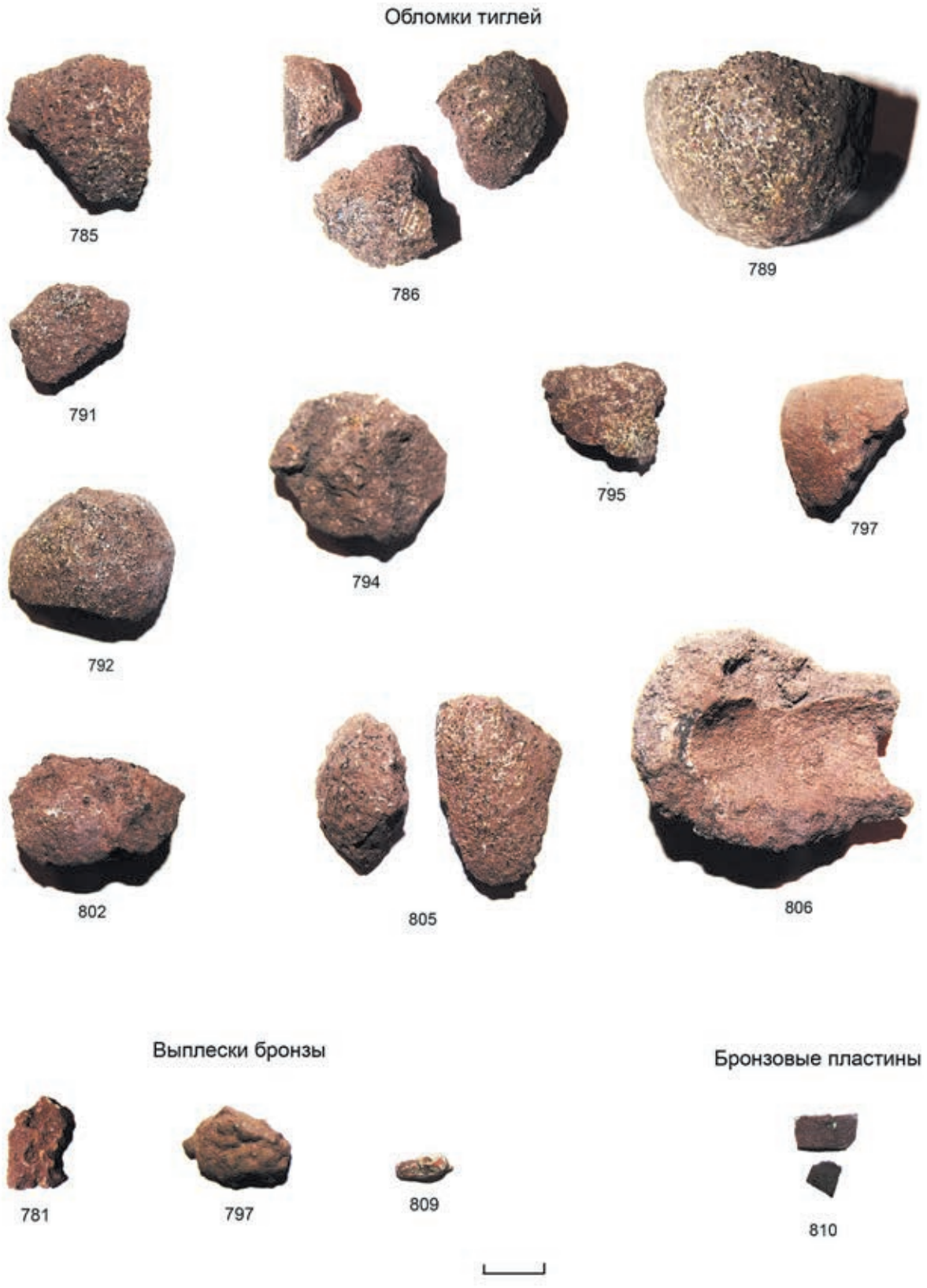


Рис. 116. Стаево-5. Раскоп 9 2018 г. Обломки тиглей, выплески бронзы и бронзовые пластины из культурного слоя. Номера находок соответствуют табл. 2. Фото А. М. Обломского

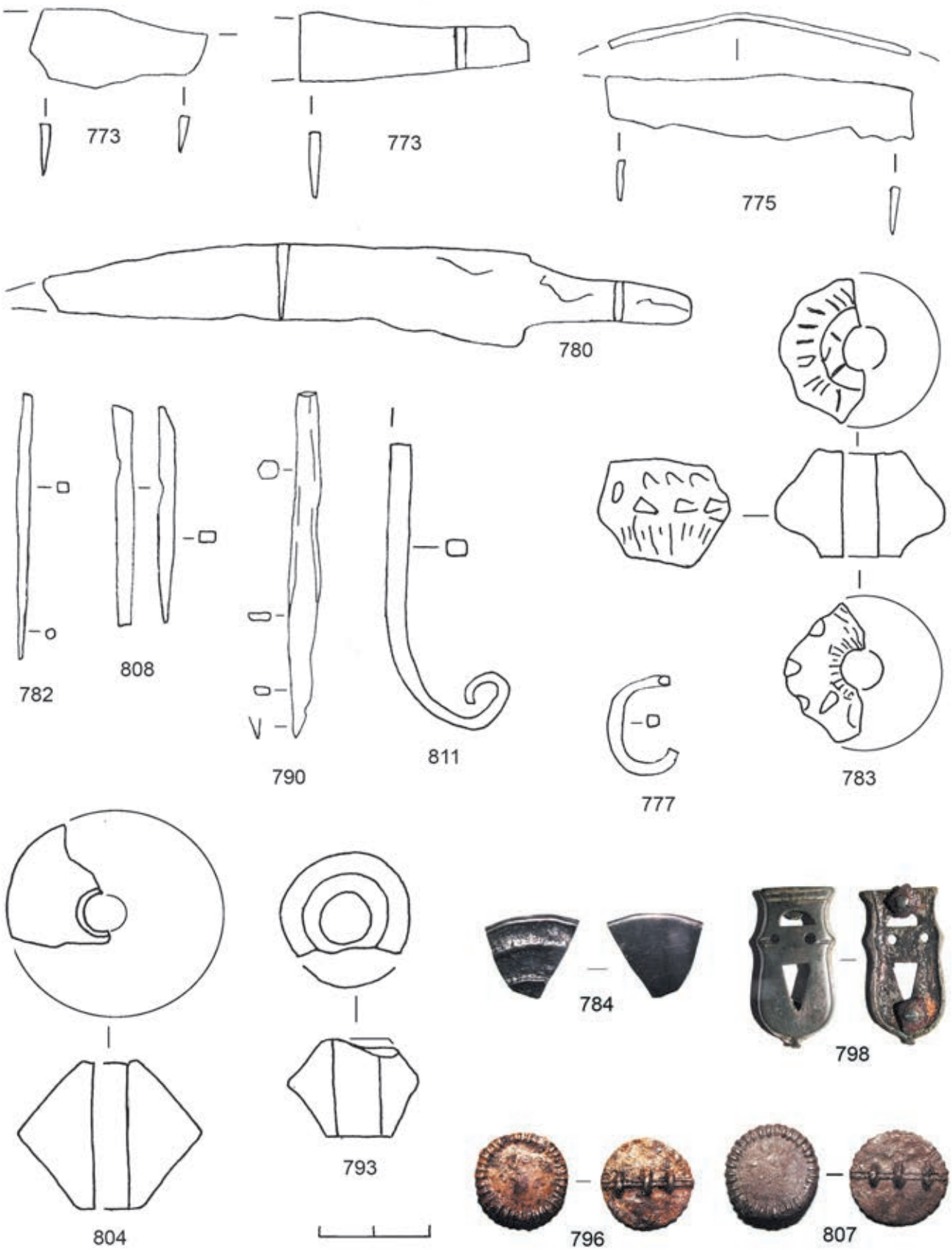


Рис. 117. Стаево-5. Раскоп 9 2018 г. Находки из культурного слоя.
773, 775, 780, 782, 808, 790, 811 — изделия из железа; 783, 793, 804 — глиняные пряслица; 784 — фрагмент зеркала из белого сплава; 798 — наконечник ремня из бронзы; 796, 807 — бляшки из свинца или свинцово-оловянного сплава. Номера находок соответствуют табл. 2.
Рисунки и фото А. М. Обломского

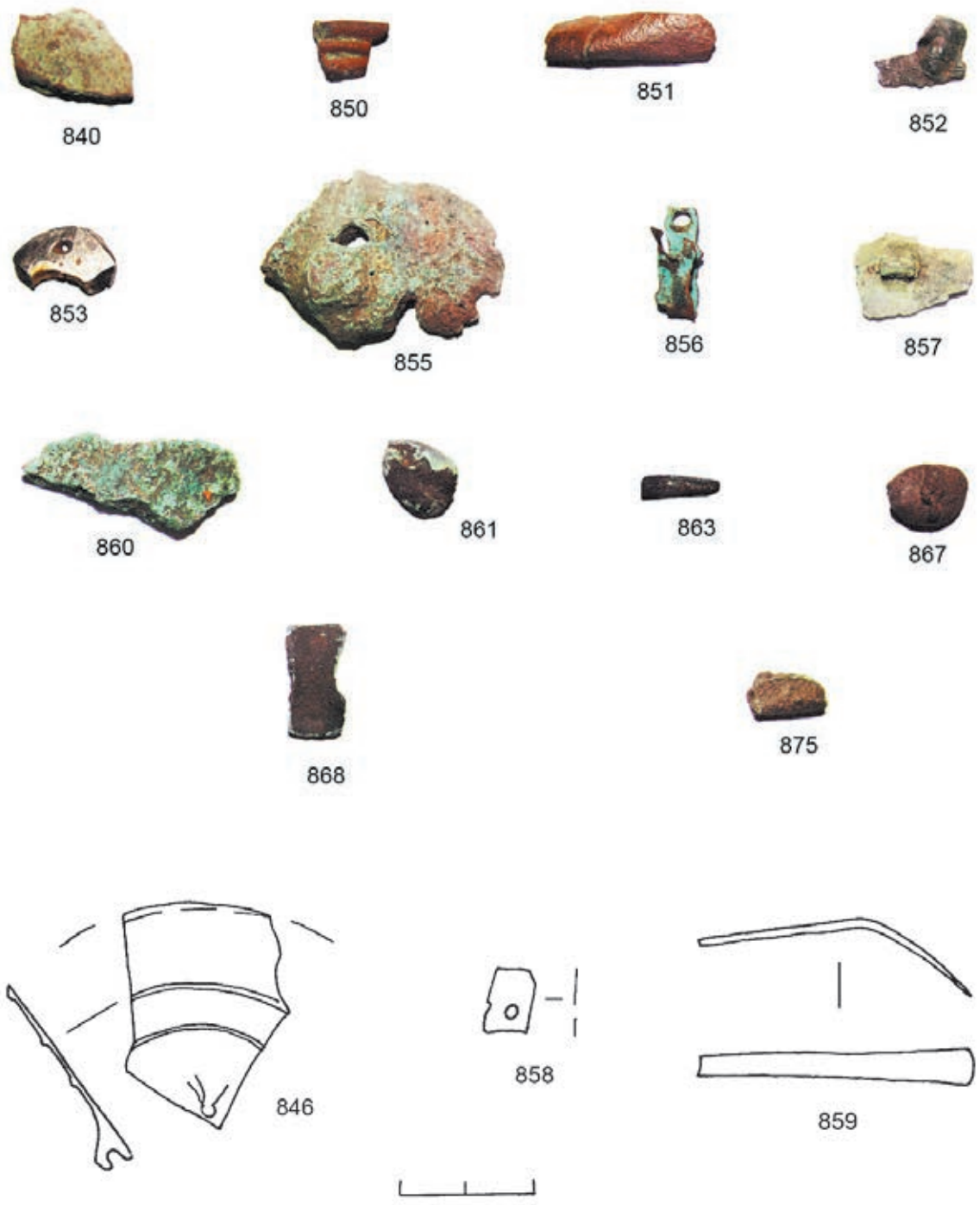


Рис. 118. Стаево-5. Раскоп 9 2019 г. Находки из цветных металлов из культурного слоя. 846 — белый сплав; 853 — серебро с позолотой; остальное — бронза. Номера находок соответствуют табл. 2. Рисунки А. М. Обломского

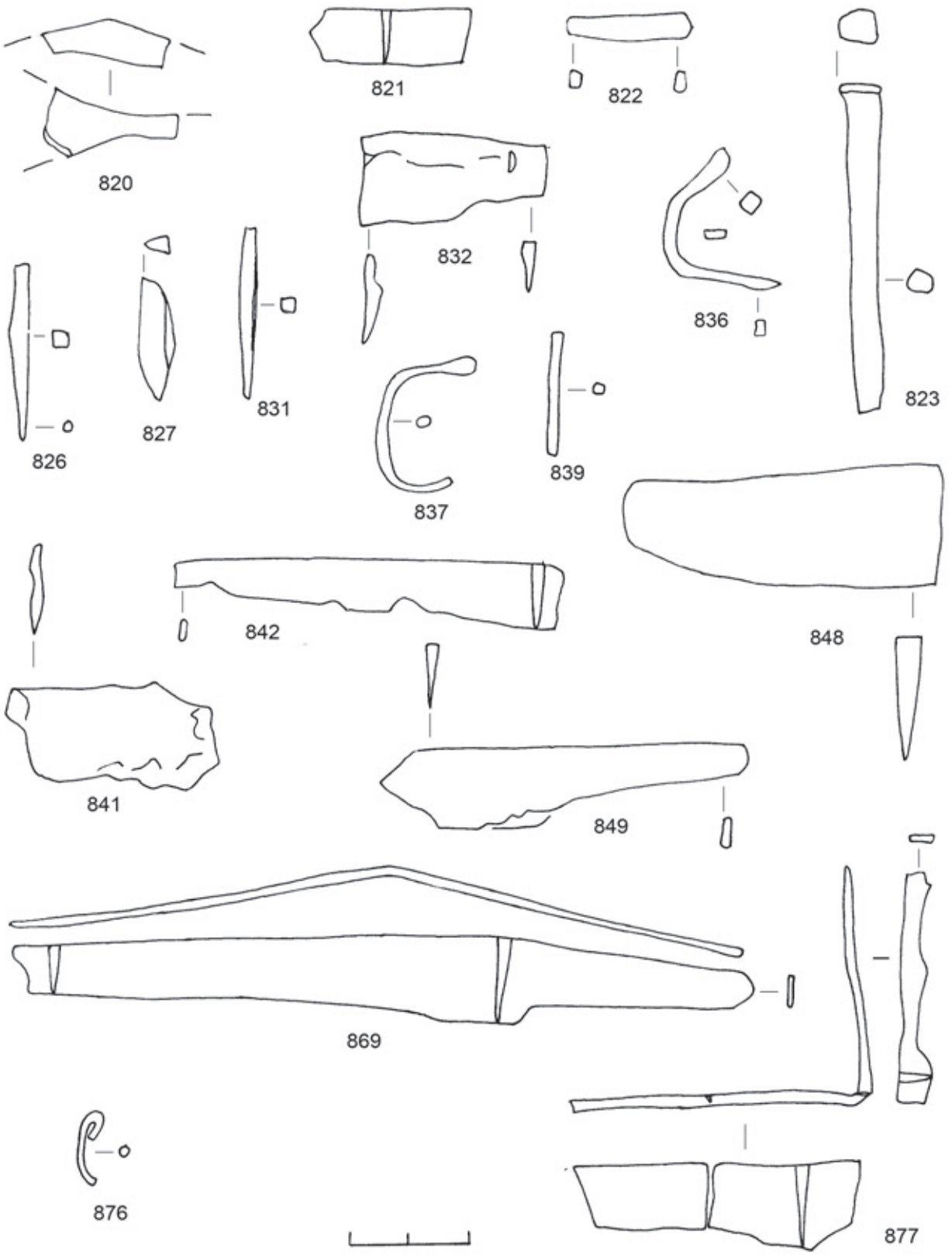


Рис. 119. Стаево-5. Раскоп 9 2019 г. Железные изделия из культурного слоя. Номера находок соответствуют табл. 2. Рисунки А. М. Обломского

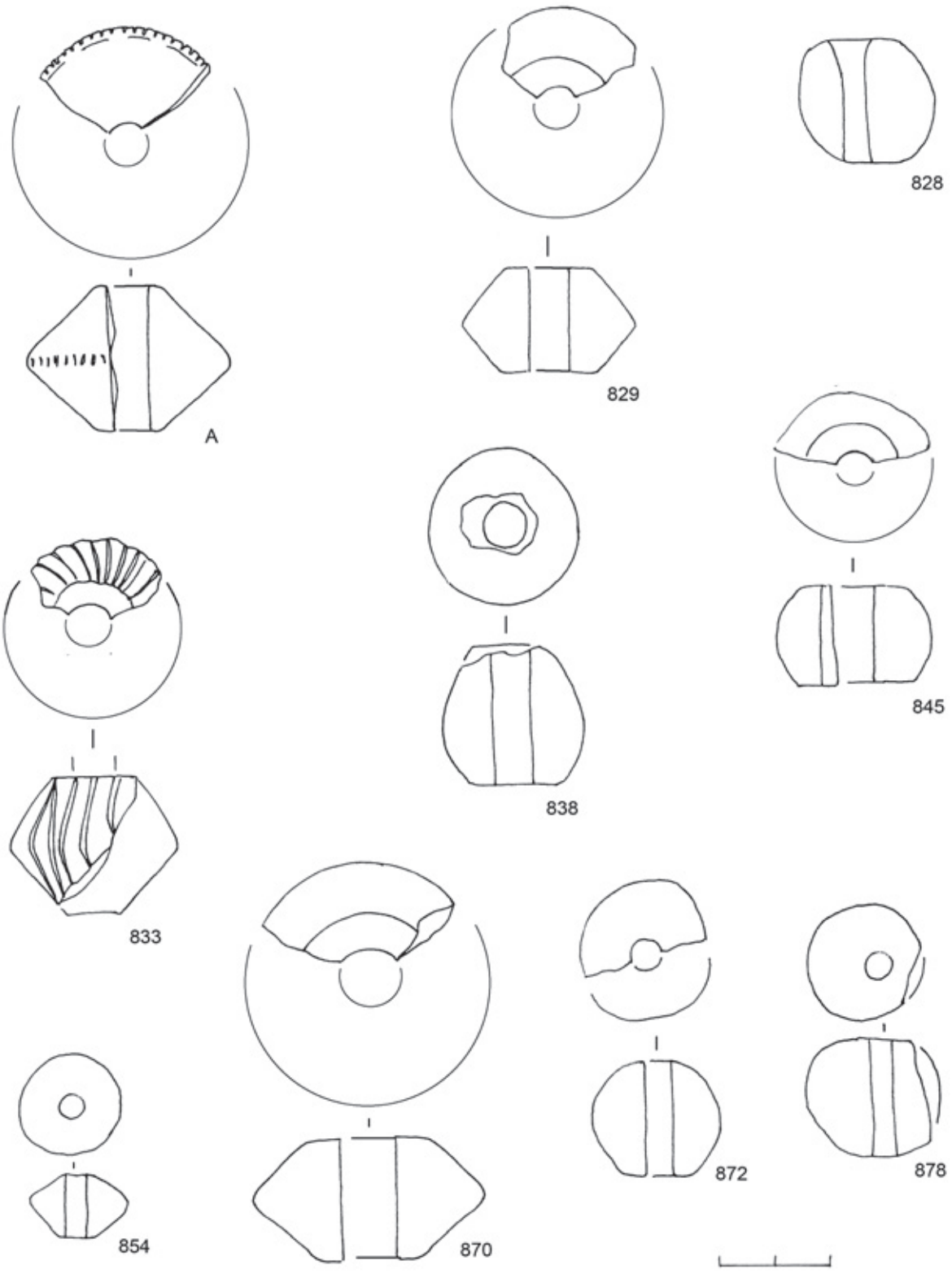


Рис. 120. Стаево-5. Раскоп 9 2019 г. Глиняные пряслица с шероховатой поверхностью. А — кв. И-К, 1’-2’, 0,2–0,4 м; номера прочих находок соответствуют табл. 2. Рисунки А. М. Обломского

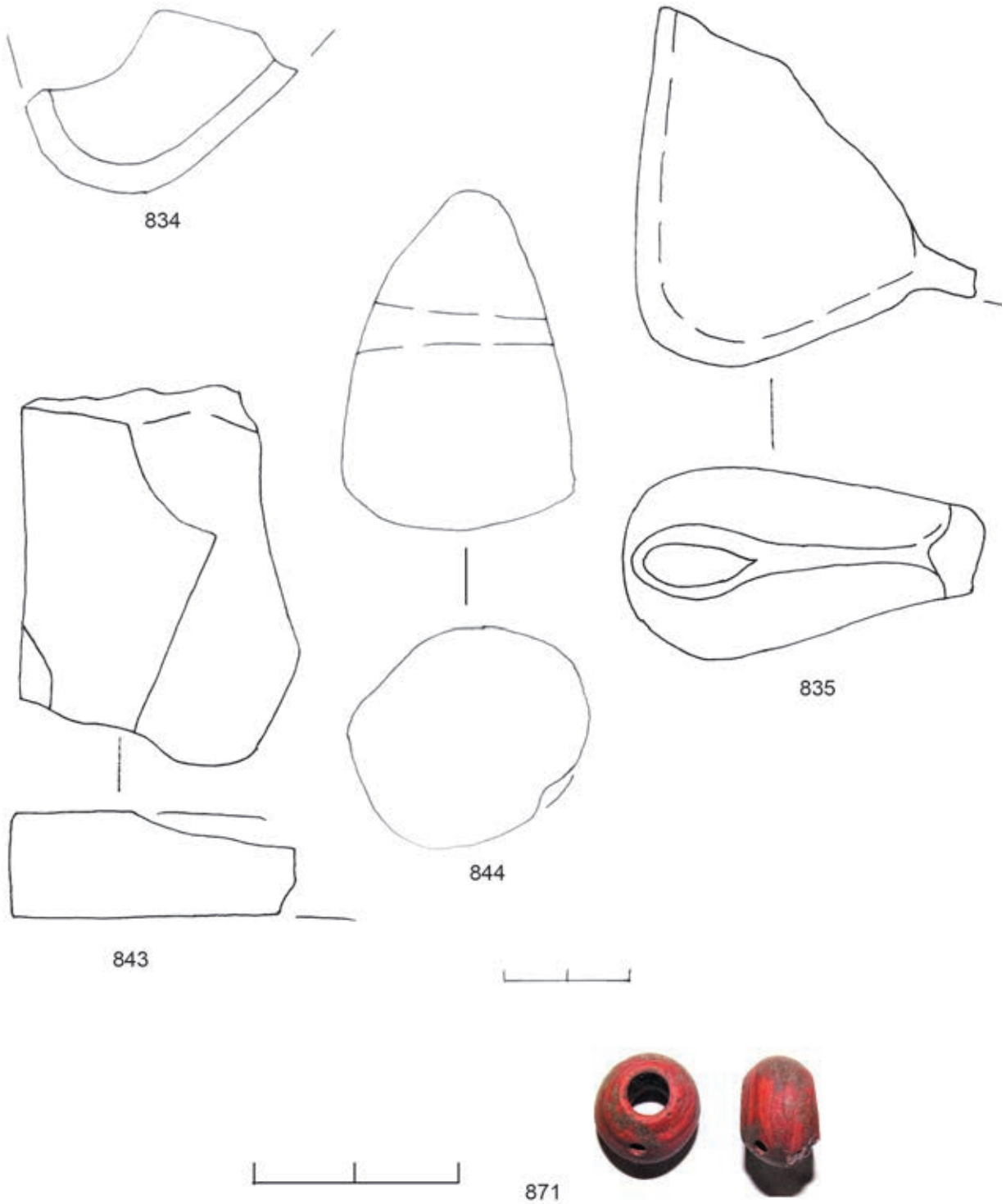


Рис. 121. Стаево-5. Раскоп 9 2019. Индивидуальные находки из культурного слоя.
834 — фрагмент глиняного тигля; 835 — глиняный тигель; 843 — точильный камень; 844 — глиняное грузило; 871 — стеклянная бусина. Номера индивидуальных находок соответствуют табл. 2.
Рисунки и фото А. М. Обломского

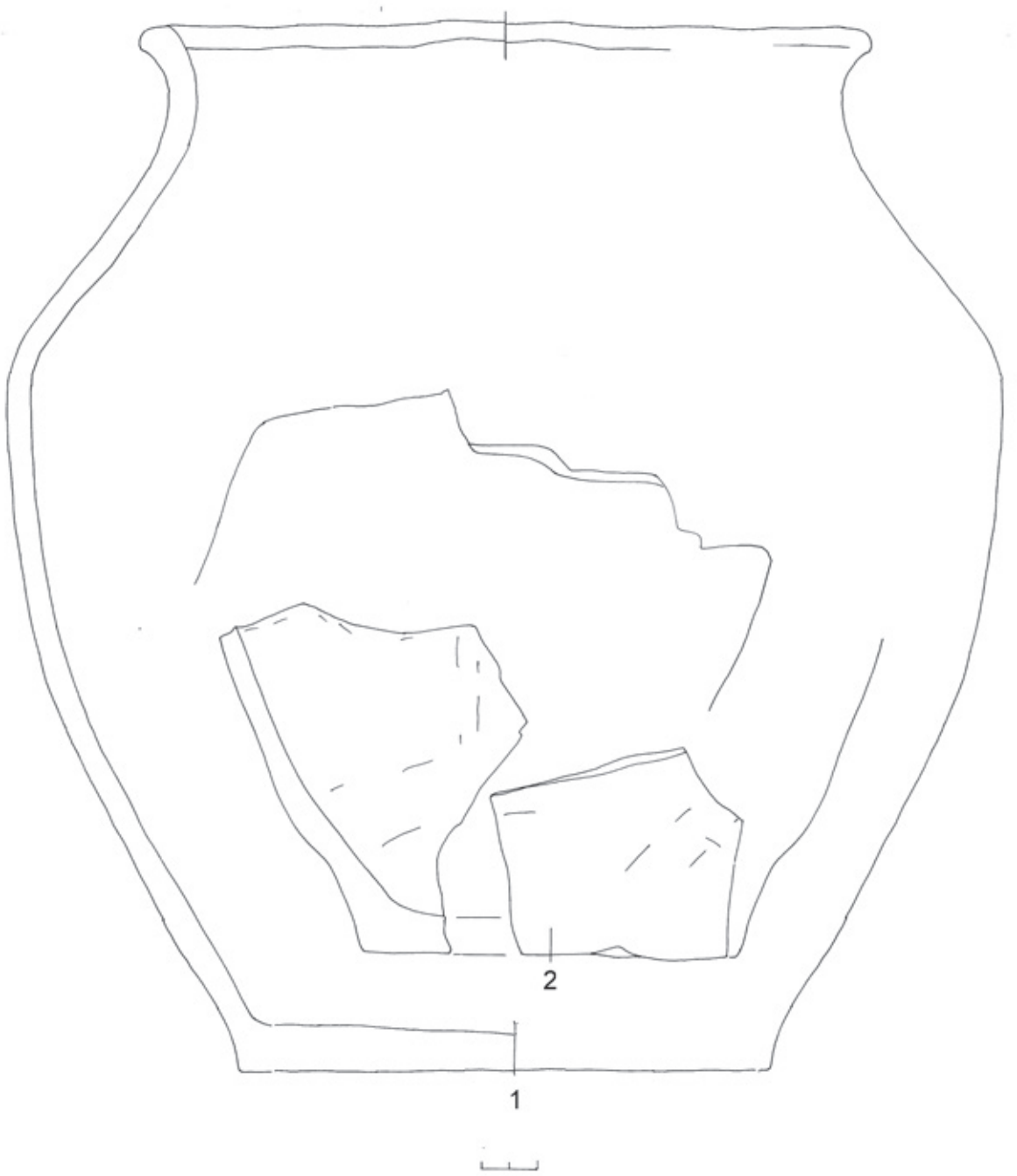


Рис. 122. Стаево-5. Раскоп 9, скопление 3. Лепная керамика.
1 — сосуд с рудой в тесте; 2 — днище горшка со средним шамотом в тесте.
Рисунки А. М. Обломского

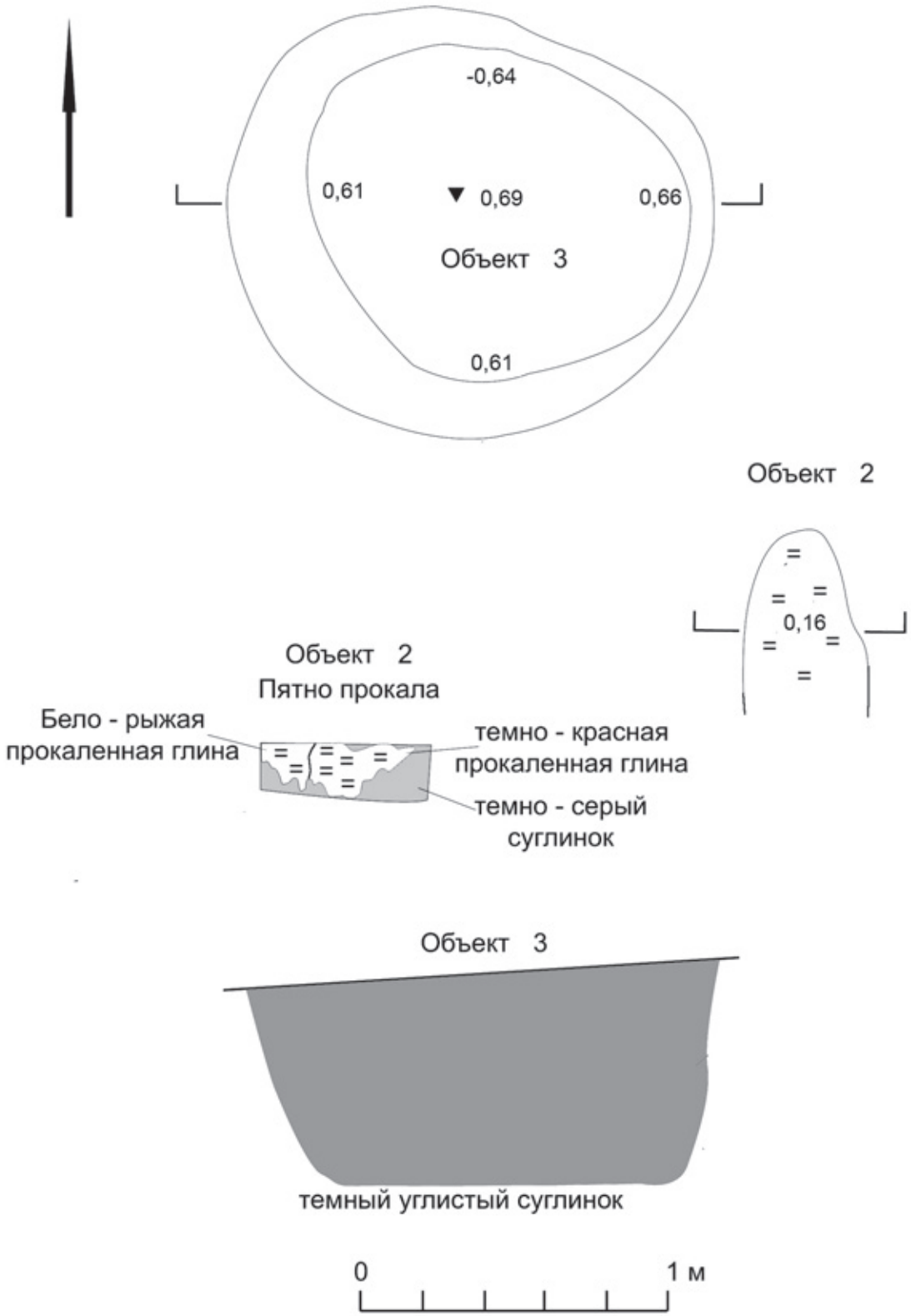


Рис. 123. Стаево-5. Раскоп 9, объекты 2 и 3. Планы и разрезы

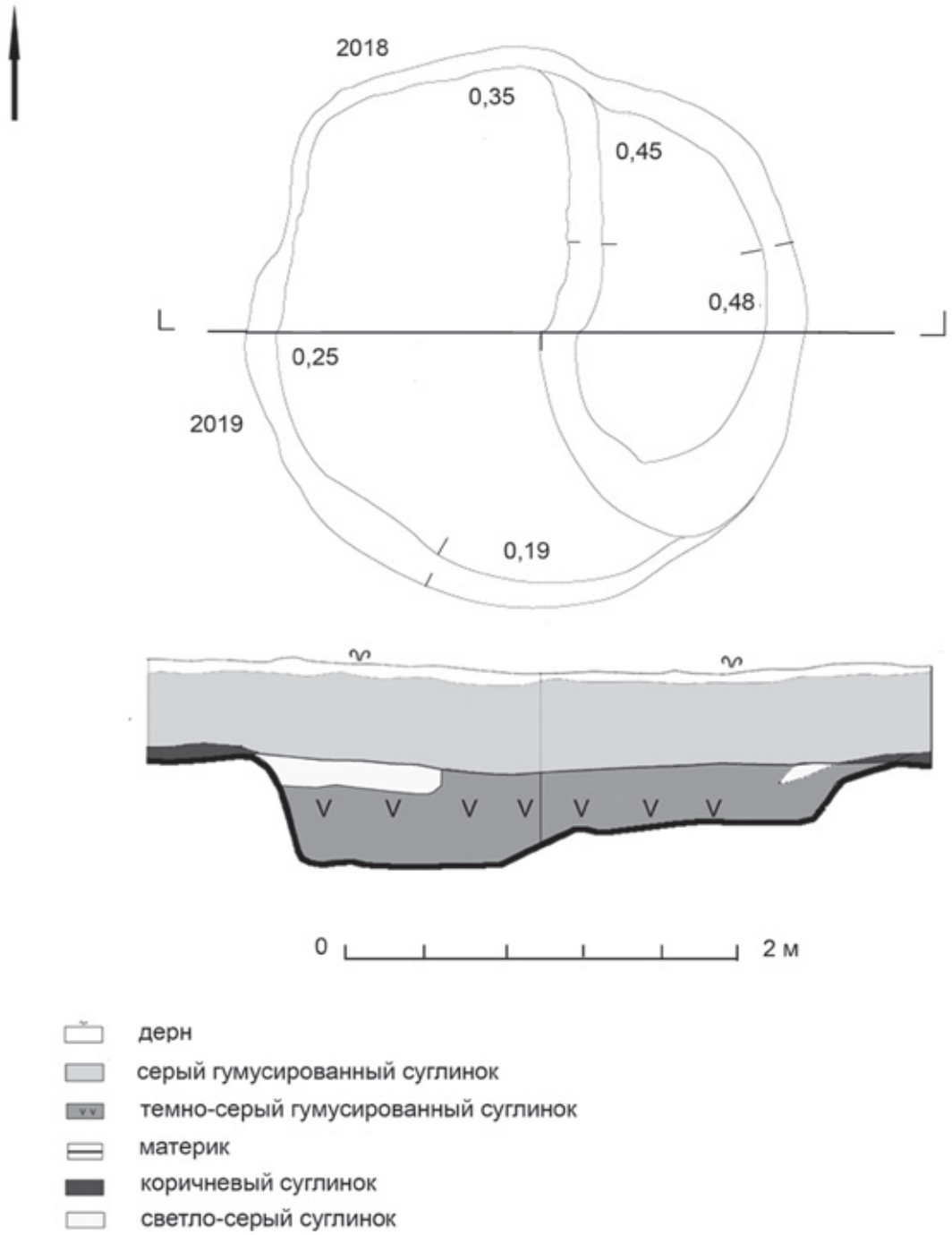


Рис. 124. Стаево-5. Раскоп 9, объект 4. План и разрез

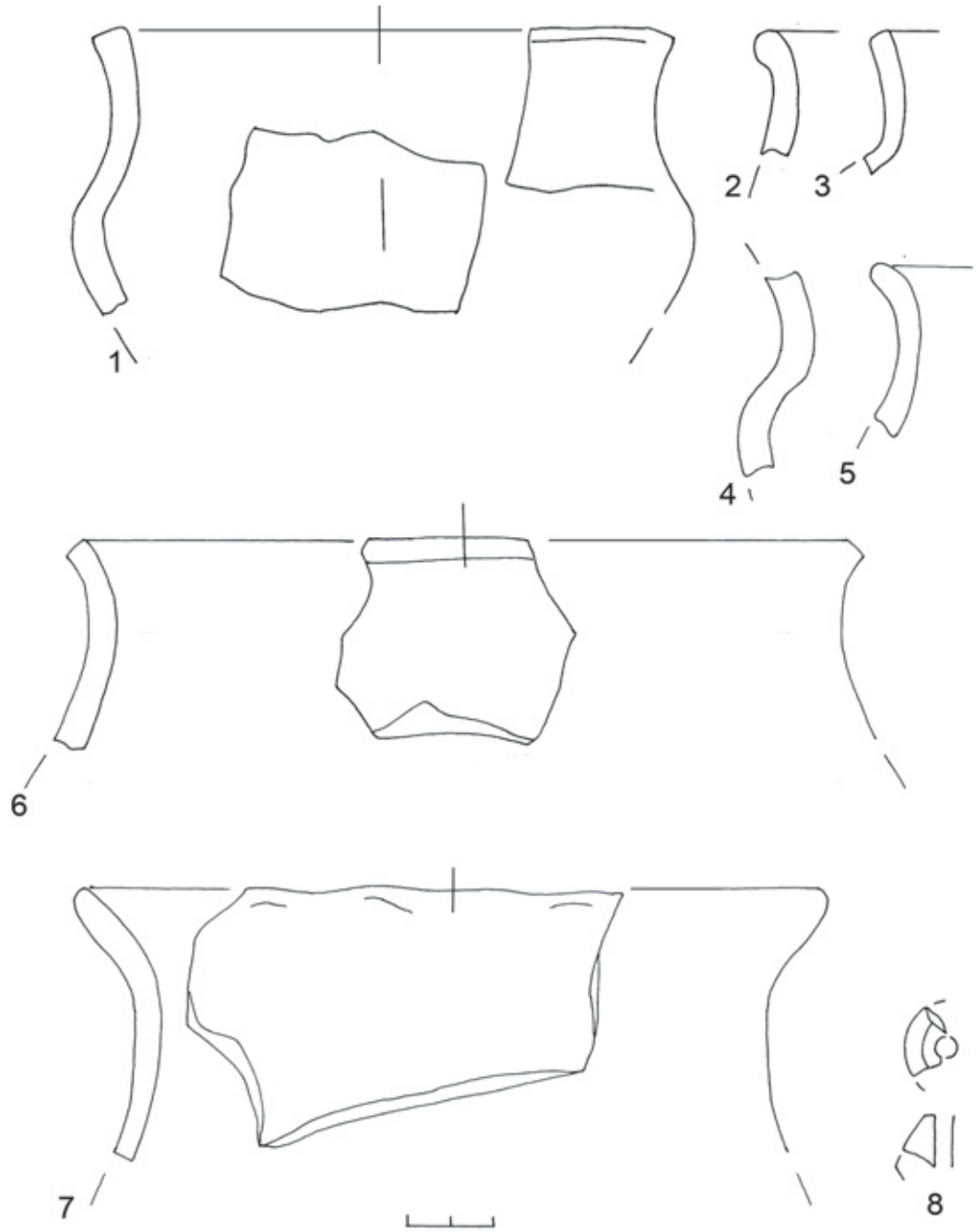


Рис. 125. Стаево-5. Раскоп 9, объект 4. Находки.
1–3 — заполнение; 4–8 — верхний слой заполнения. 1–7 — лепная керамика с шероховатой поверхностью; 8 — фрагмент глиняного пряслица; 1–4, 6 — со средним шамотом в керамическом тесте; 5 — со средним шамотом и рудой; 7 — с рудой. Рисунки А. М. Обломского

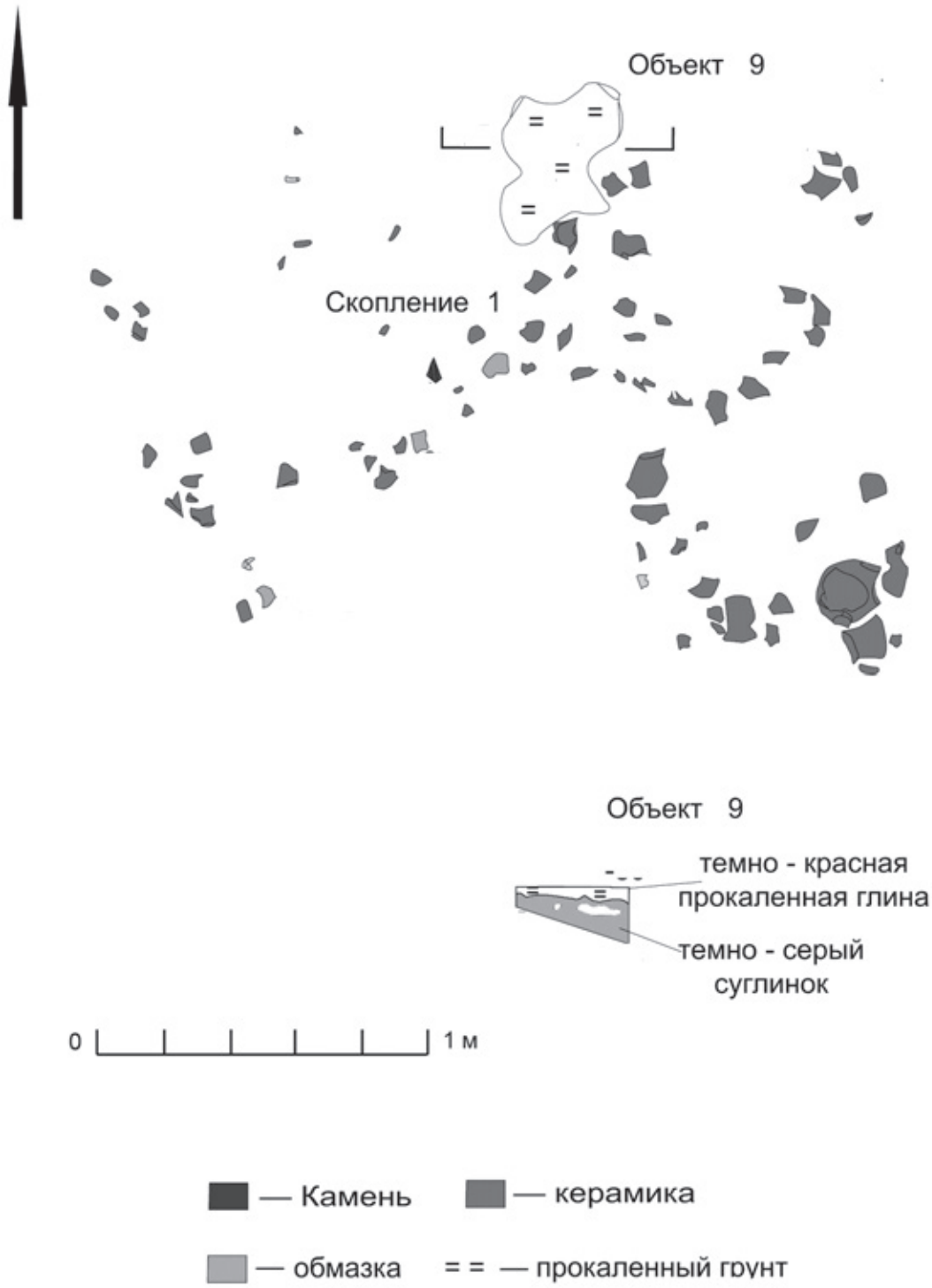


Рис. 126. Стаево-5. Раскоп 9, объект 9, скопление 1

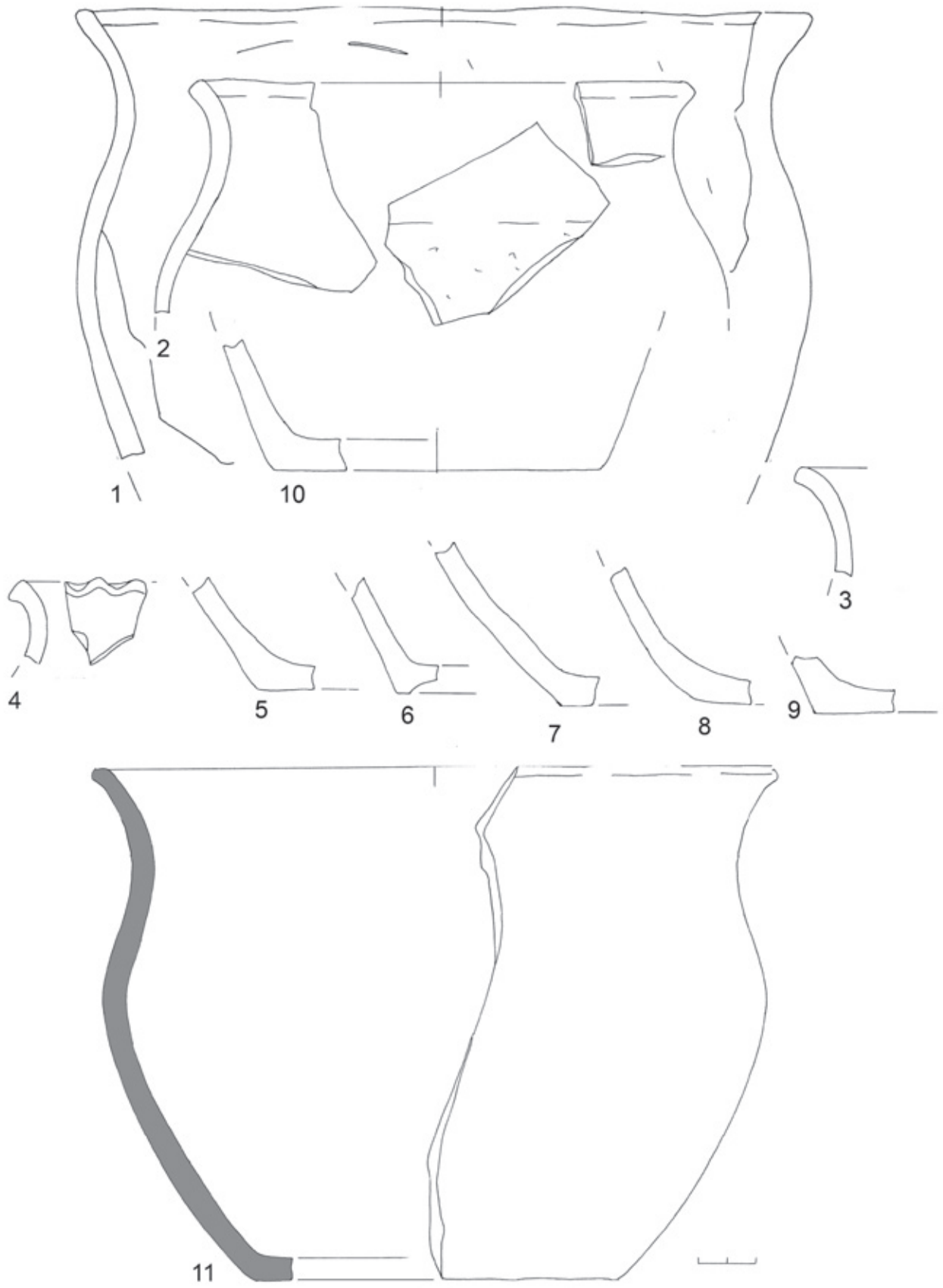


Рис. 127. Стаево-5. Раскоп 9, скопление 1. Керамика.
1–10 — груболепная (1–6, 8–10 — со средним шамотом в тесте; 7 — со средним шамотом и дресвой): 11 — лепная лощеная миска. Рисунки А. М. Обломского

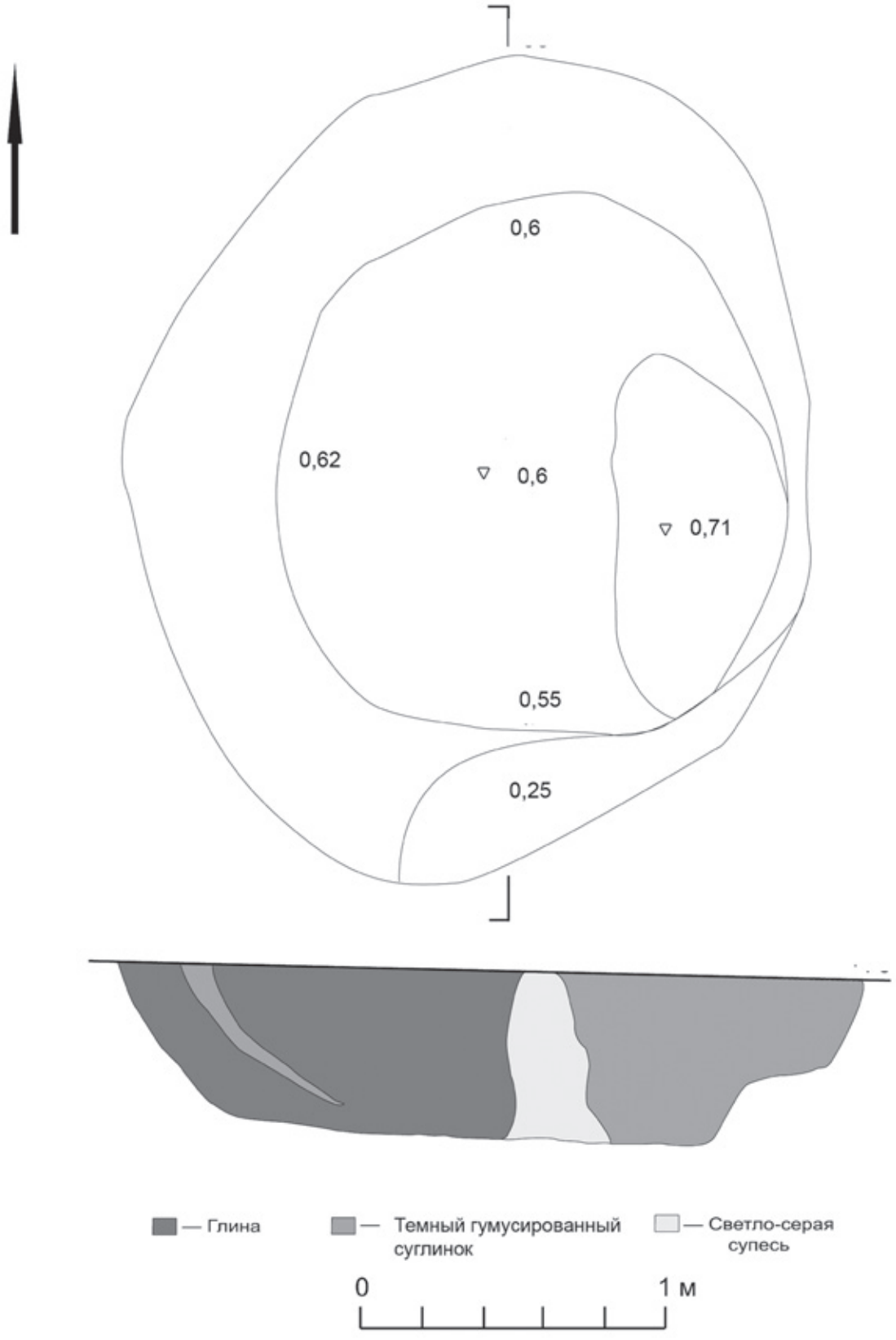


Рис. 128. Стаево-5. Раскоп 9, объект 12. План, разрез

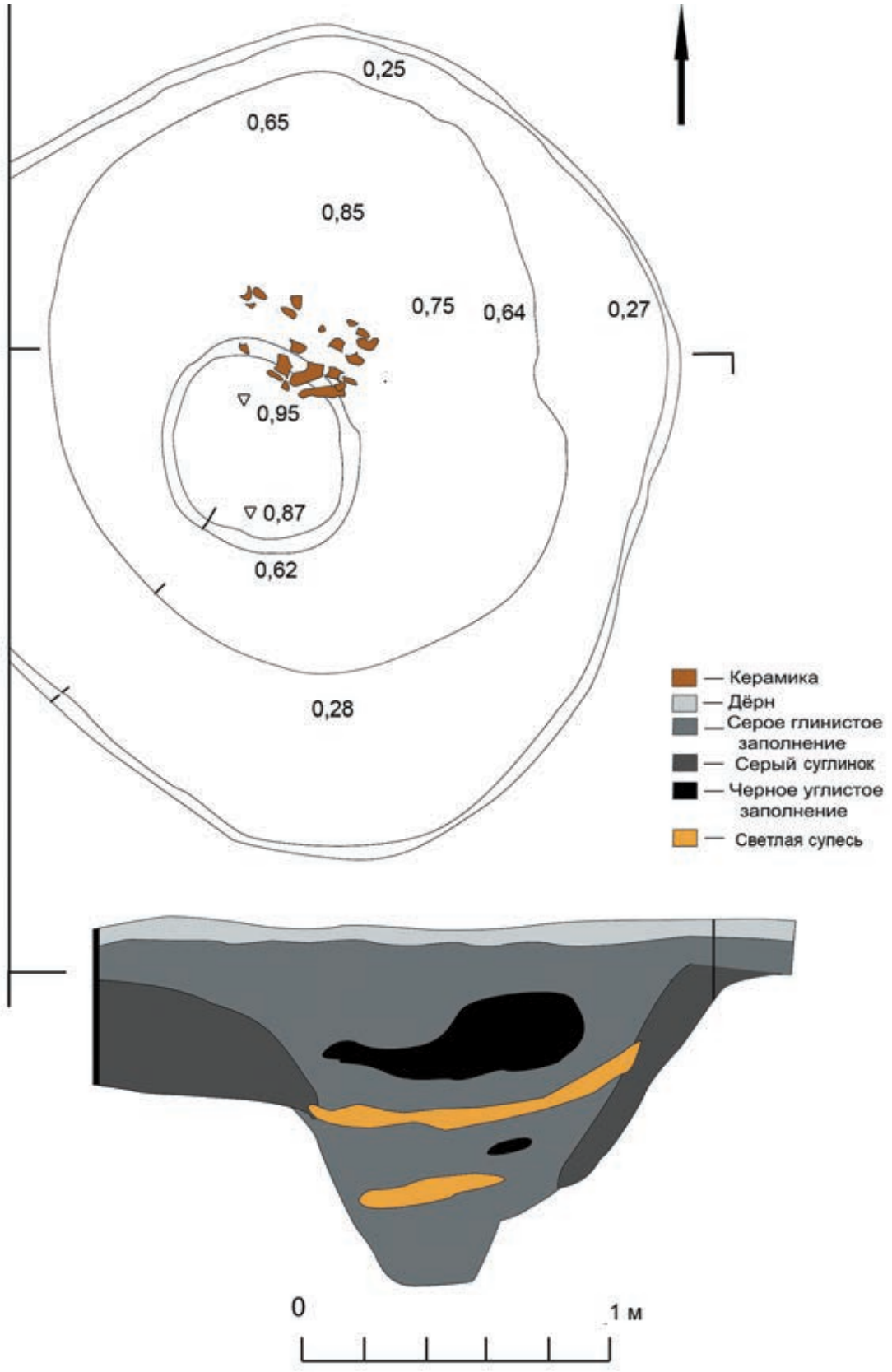


Рис. 129. Стаево-5. Раскоп 9, объект 14. План, разрез

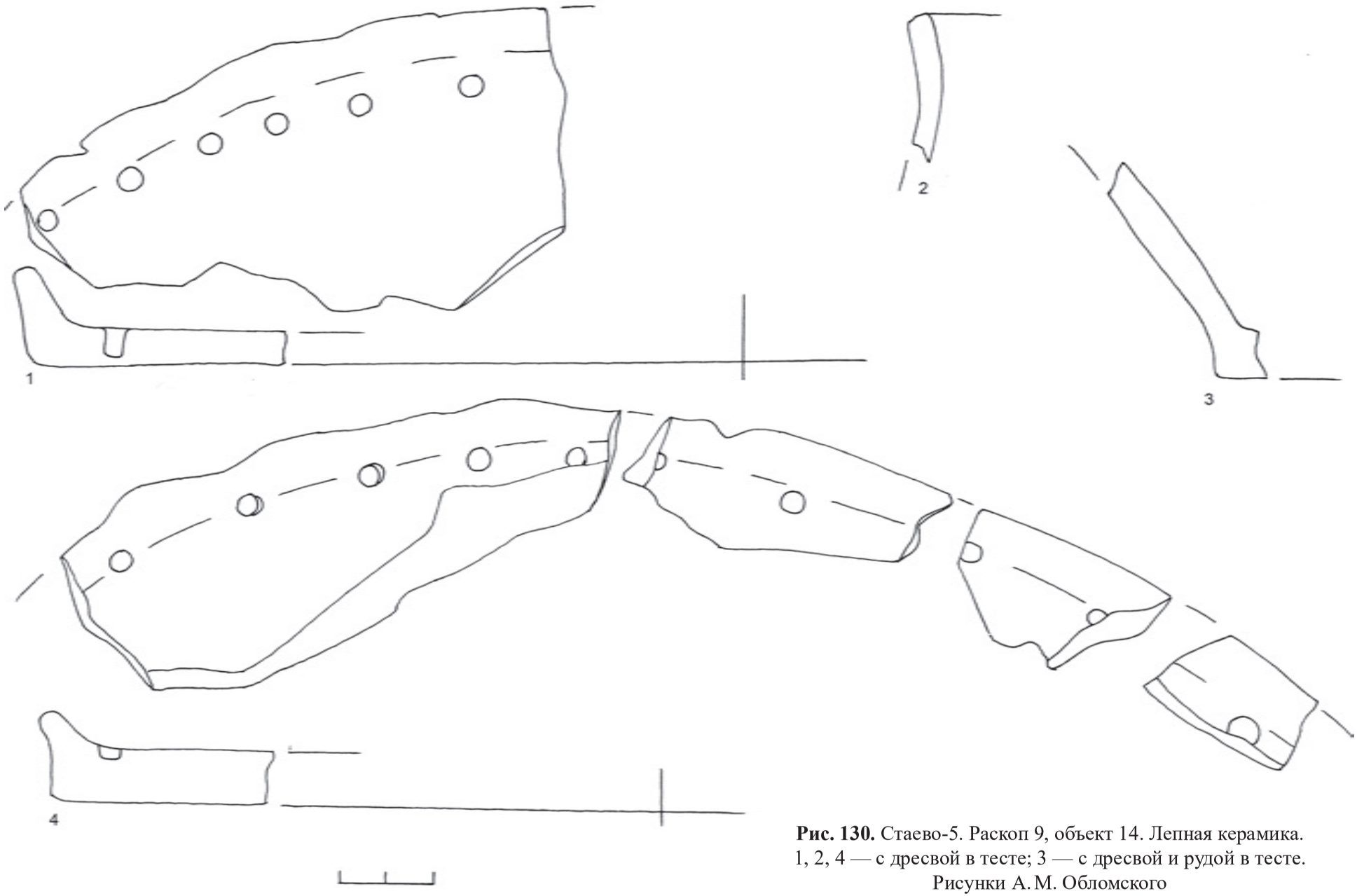


Рис. 130. Стаево-5. Раскоп 9, объект 14. Лепная керамика.
1, 2, 4 — с дресвой в тесте; 3 — с дресвой и рудой в тесте.
Рисунки А. М. Обломского

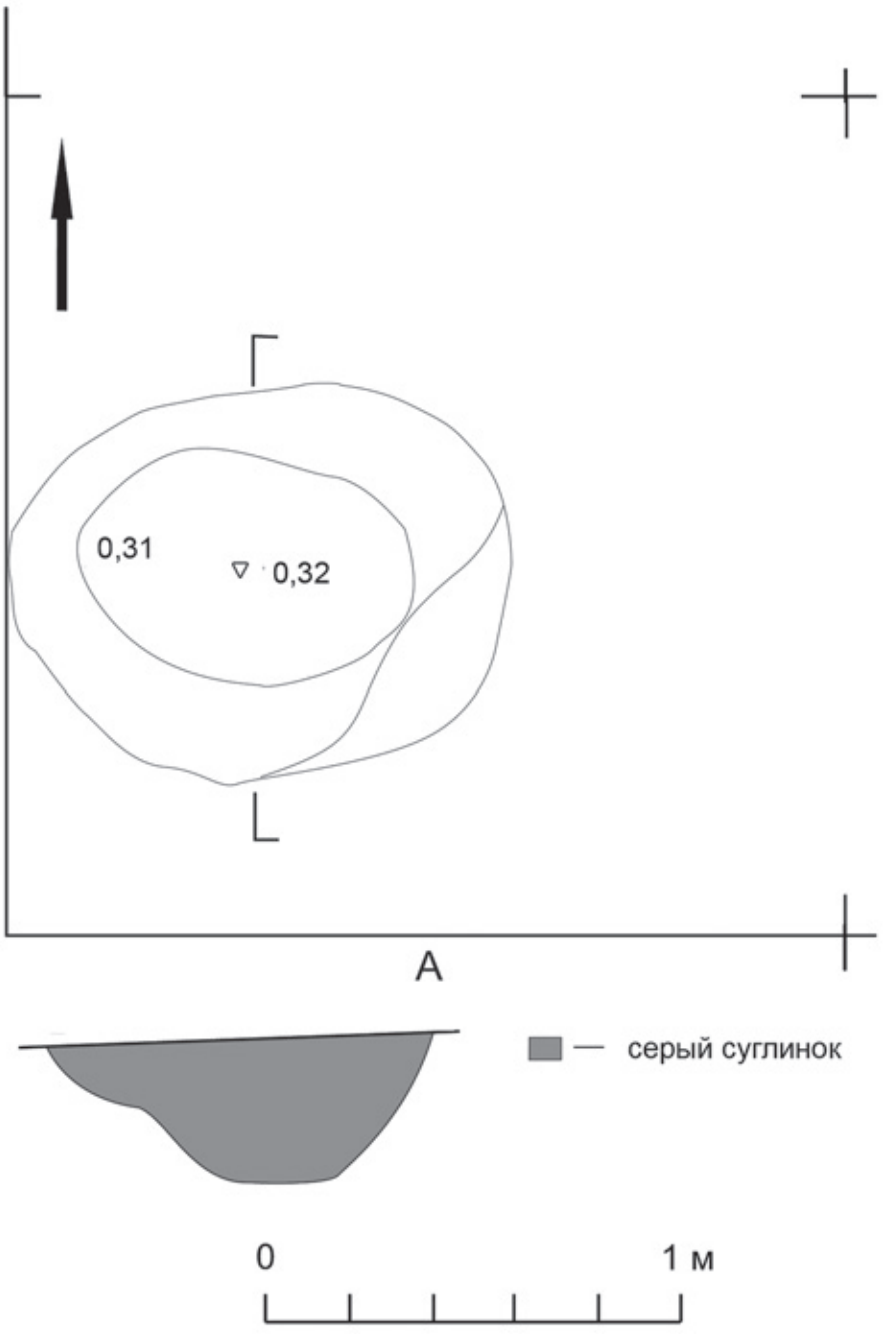


Рис. 131. Стаево-5. Раскоп 9, объект 15. План, разрез

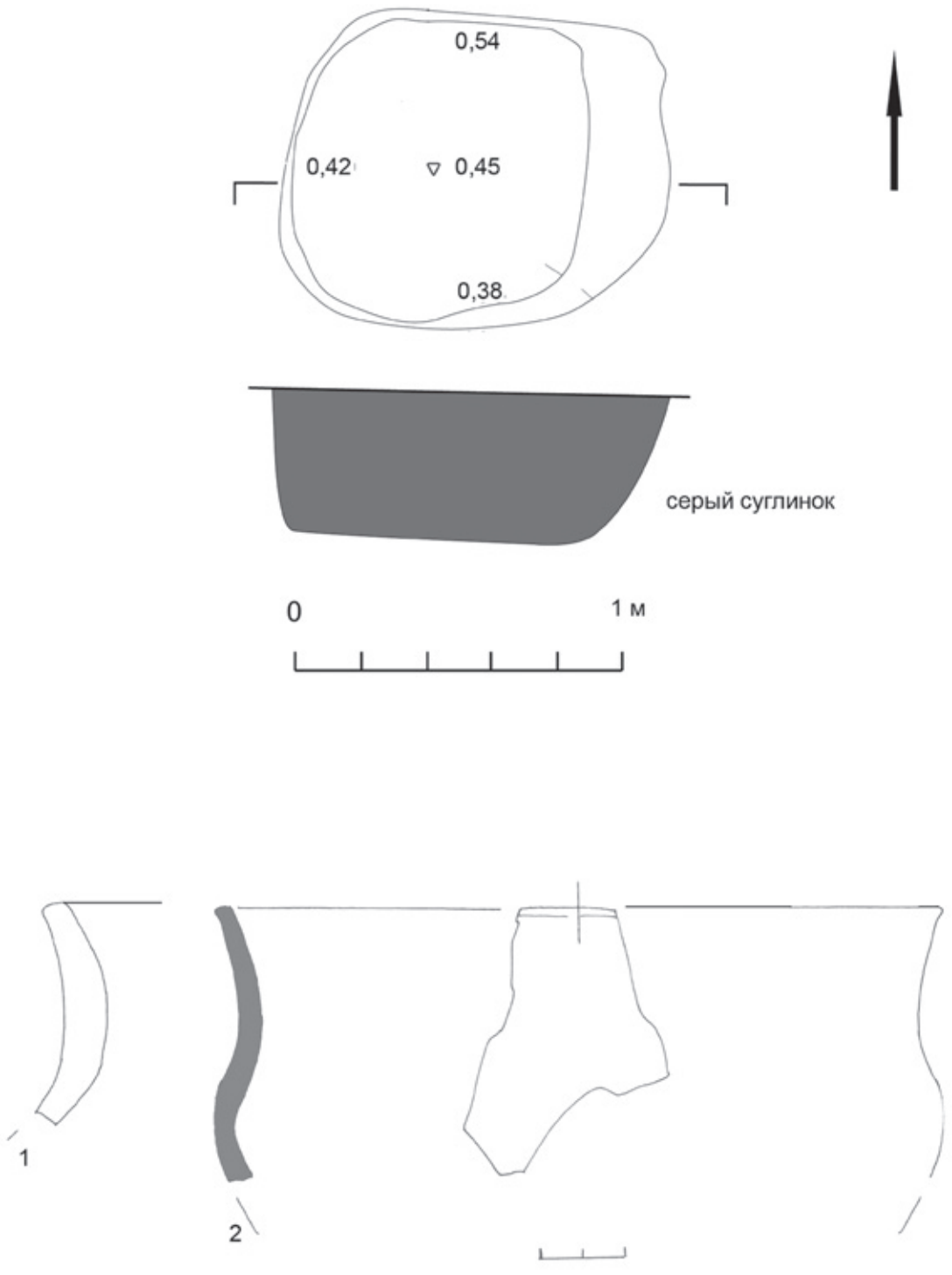


Рис. 132. Стаево-5. Раскоп 9, объект 19. План, разрез, лепная керамика.
1 — фрагмент груболепного сосуда со средним шамотом в тесте; 2 — фрагмент лепной лощеной миски. Рисунки А. М. Обломского

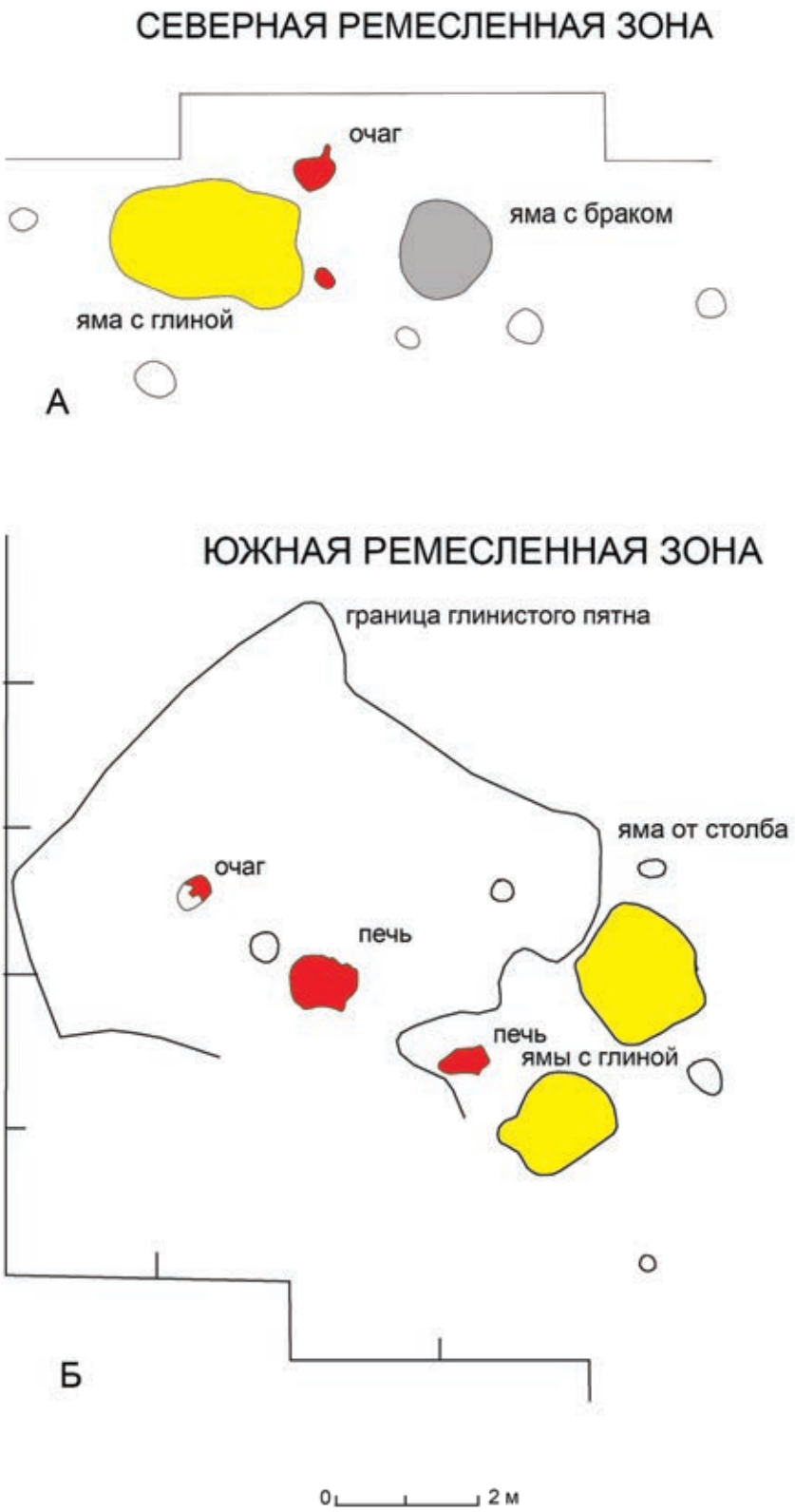


Рис. 133. Стаево-5. Раскоп 6. Реконструкции рабочих площадок литейщиков бронзы. А — объект 4; Б — объект 21

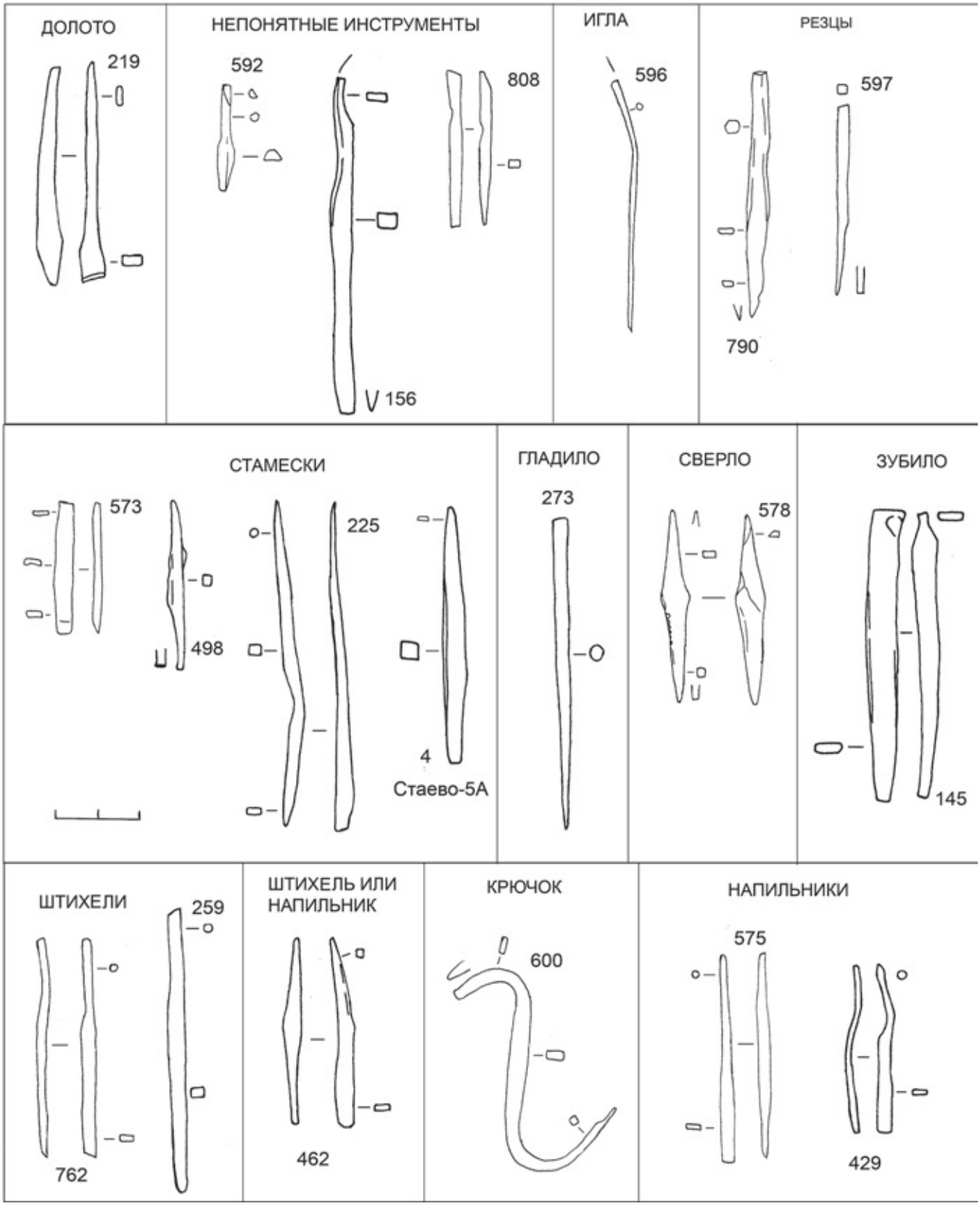
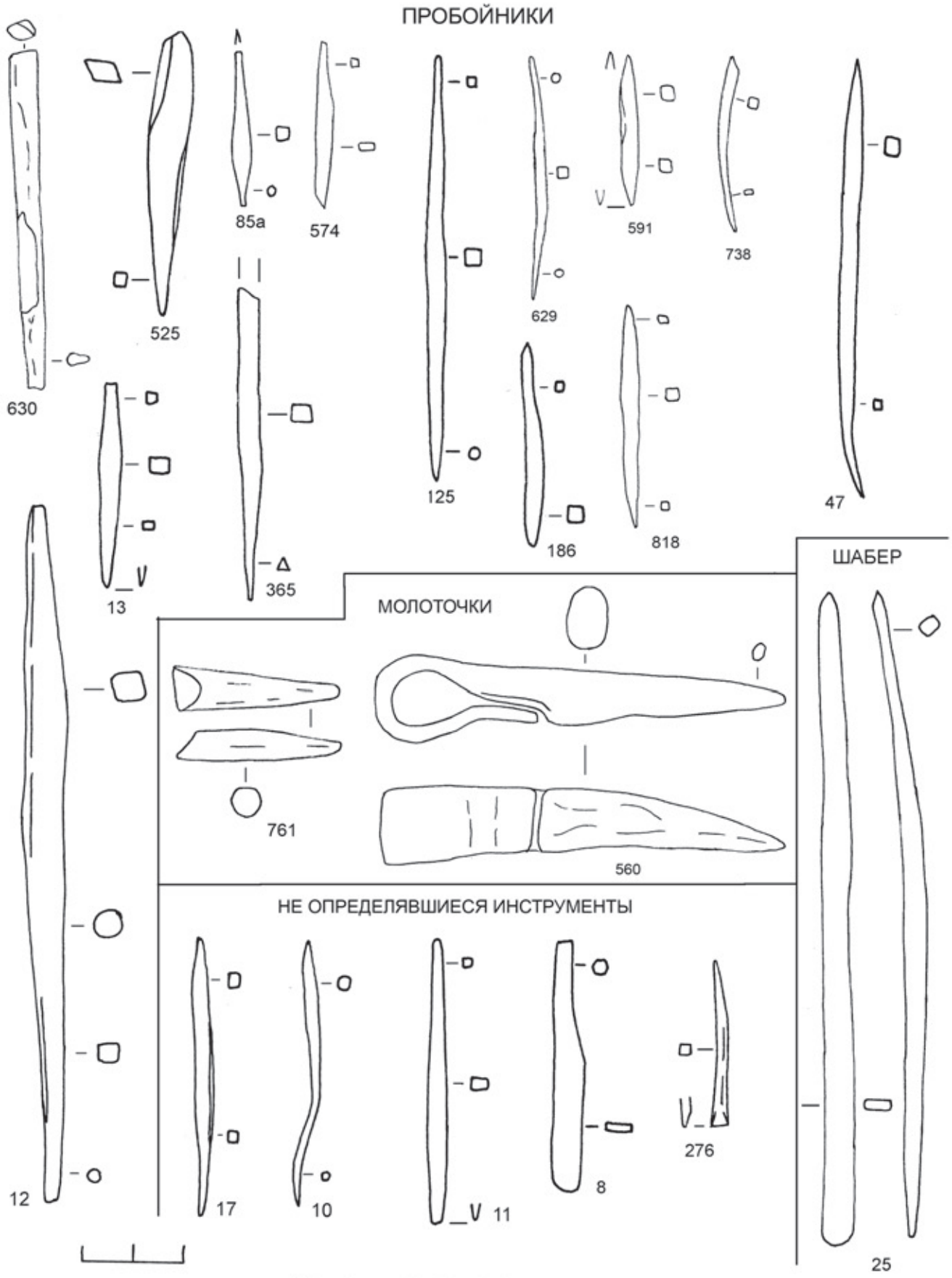


Рис. 134. Инструменты ювелиров из Стаево-5 (определение А. А. Белявского). Рисунки А. М. Обломского



Возможные определения.

10 - заостренный стержень; 11 - долото или стамеска; 12 - пробойник; 17 - пробойник

Рис. 135. Инструменты ювелиров из Стаево-5 (определение А. А. Белявского).
Рисунки А. М. Обломского

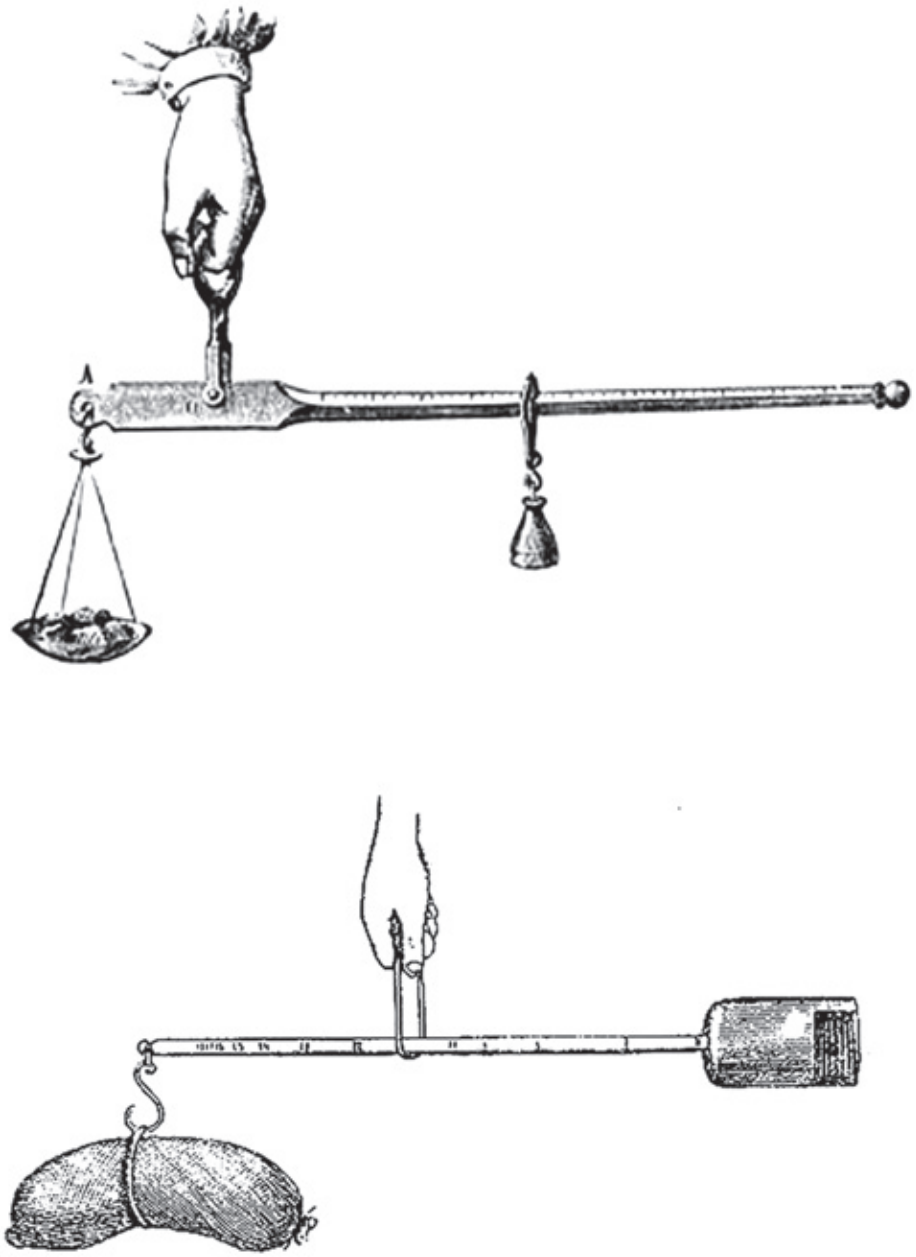


Рис. 136. Типы римских безменов (неравноплечих весов)

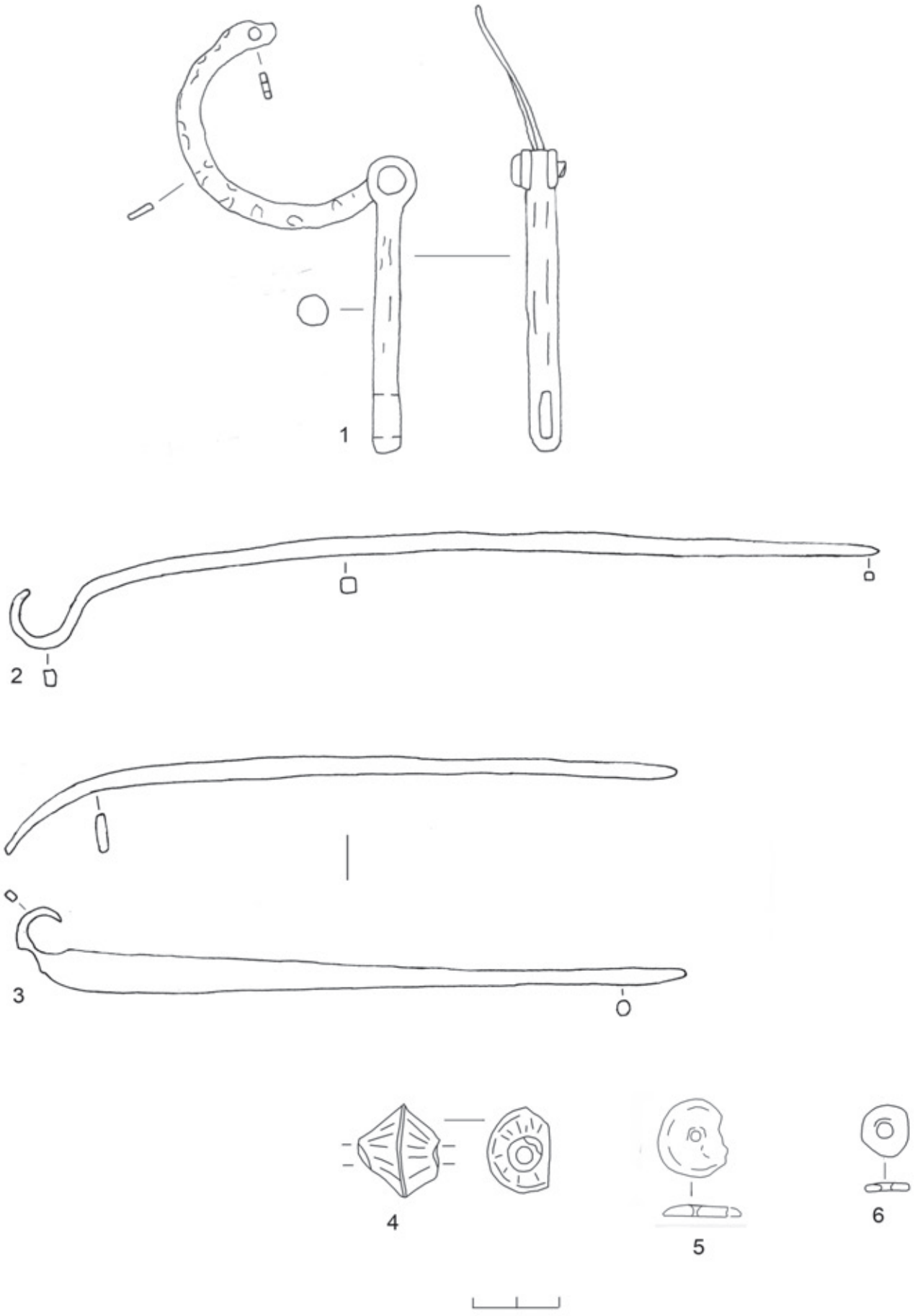


Рис. 137. Предметы из Стаево-4 и 5, являющиеся предположительно деталями неравноплечих весов.
1 — Стаево-5А; 4 — Стаево-4; остальное — Стаево-5. 1–3 — железо; 4–6 — свинец.
Они же: 1 — рис. 25: 7; 2, 3 — рис. 35: 503, 505; 4 — рис. 21: 8; 5 — рис. 36: 609;
6 — рис. 27: 43 настоящей монографии

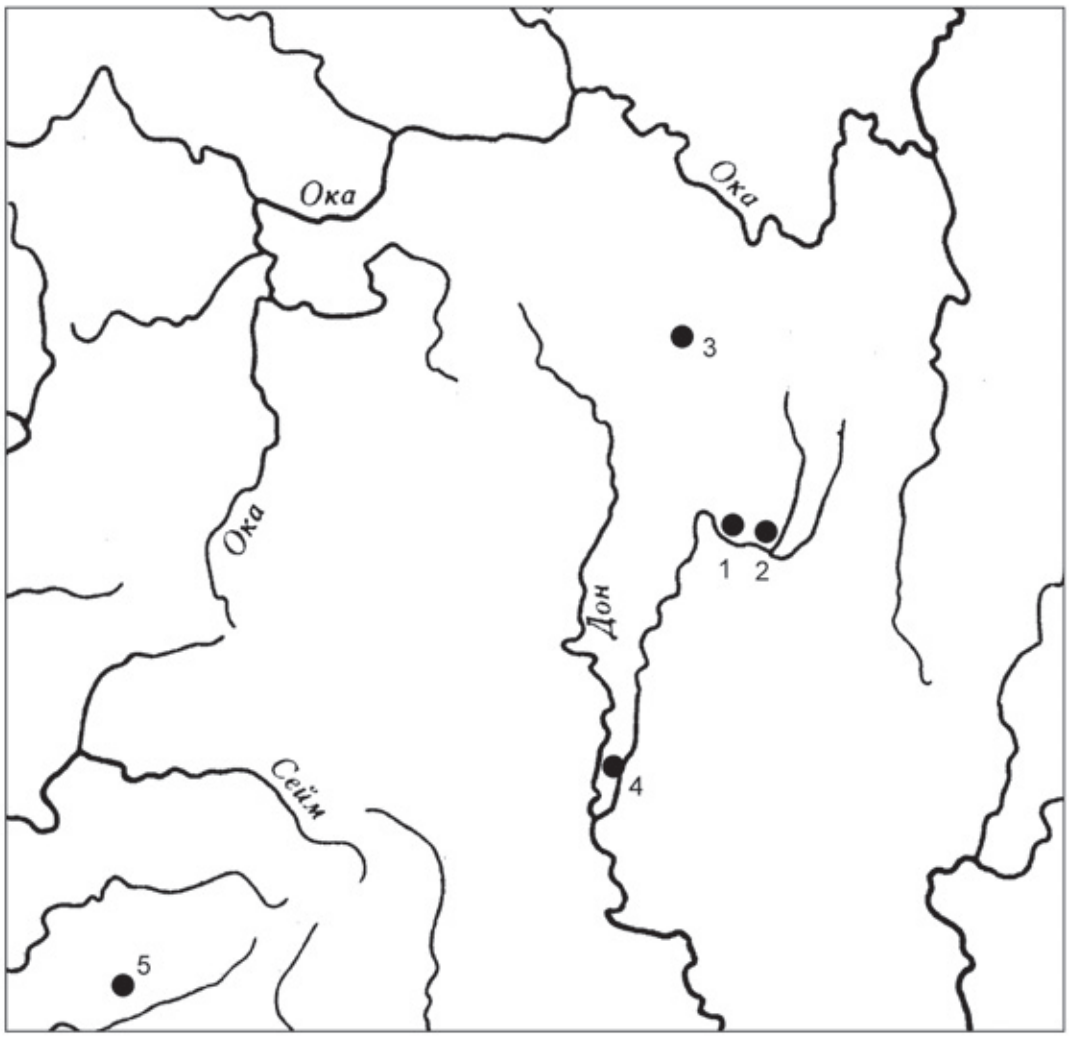


Рис. 138. Карта распространения кольцевидных амулетов с выступом в виде головы человека.
1 — Ярок-9; 2 — Стаево-4; 3 — р. Ранова; 4 — Староживотинное; 5 — Рябовка-3

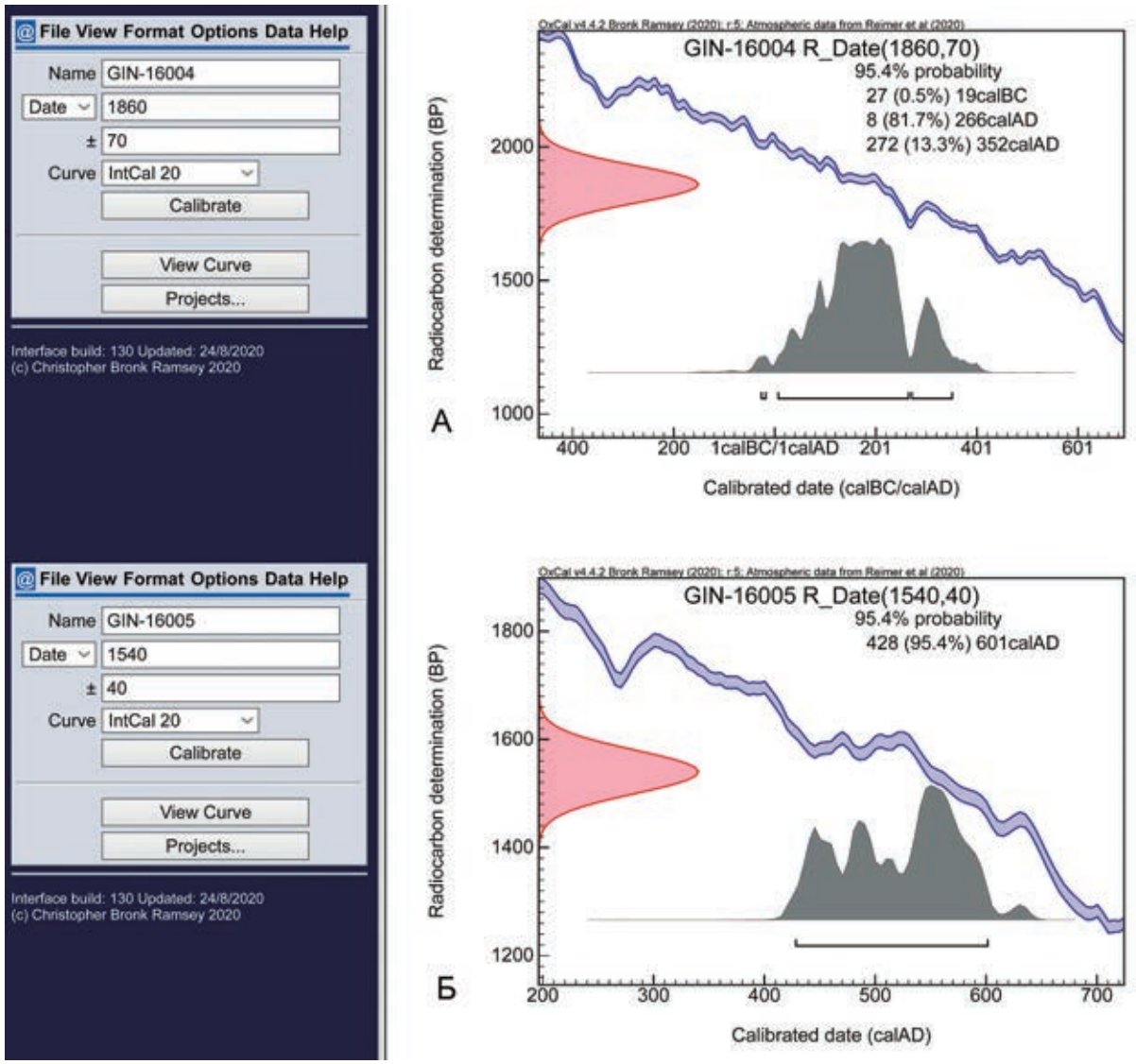


Рис. 139. Графики дат радиокарбонных образцов из Стаево-5. А — GIN-16004; Б — GIN-16005

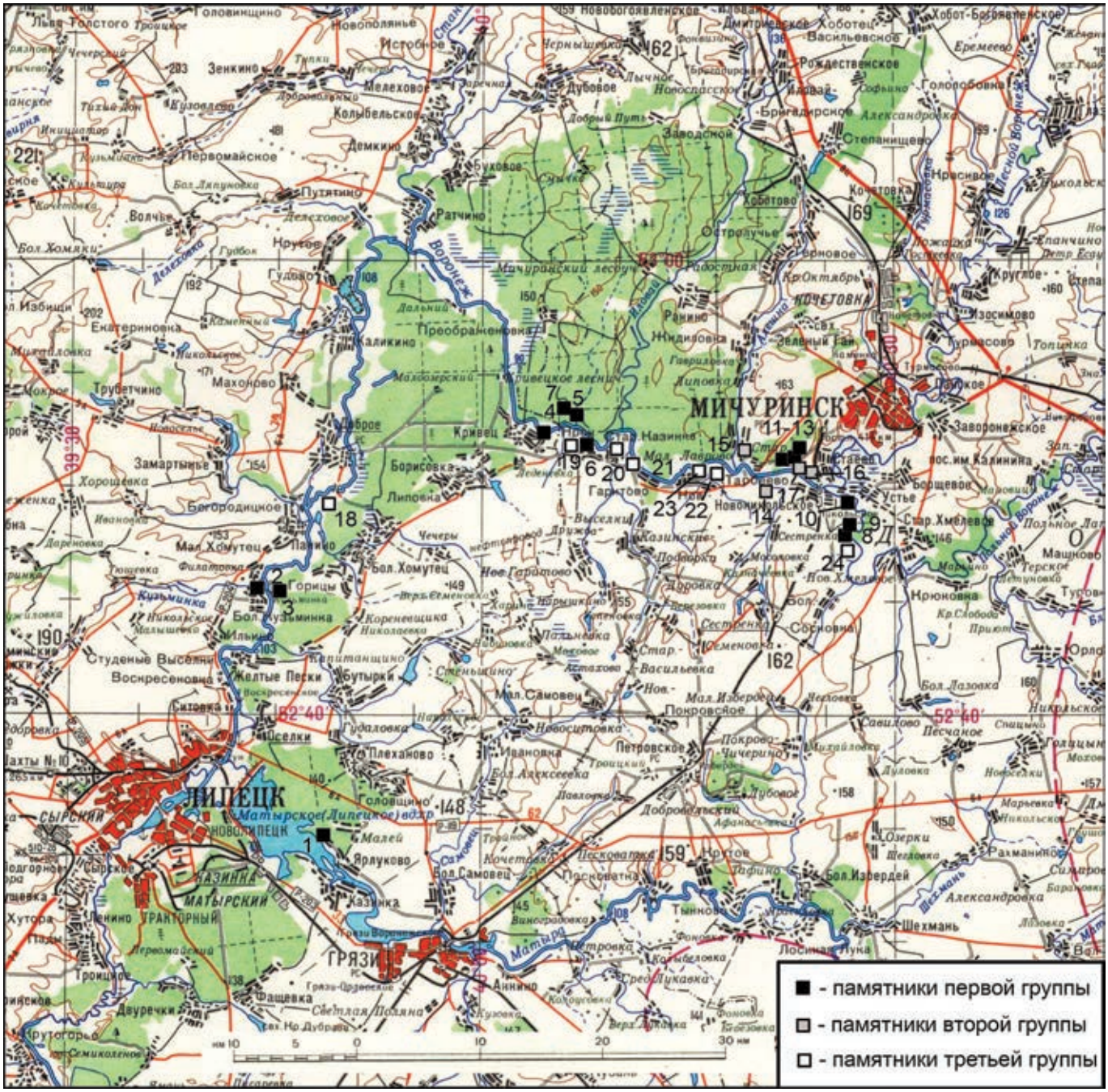


Рис. 140. Карта памятников верневоронежской группы в бассейне р. Воронеж.
Группа 1: 1 — Ярлуково; 2 — Большая Кузьминка-4А; 3 — Капитанщино-6; 4 — Кривец-4; 5 — Ярок-5; 6 — Ярок-9; 7 — Ярок-10; 8 — Красный Городок-2; 9 — Красный Городок-4; 10 — Новоникольское-8; 11 — Стаево-3; 12 — Стаево-4; 13 — Стаево-5.
Группа 2: 14 — Старое Тарбеево-2; 15 — Старое Тарбеево-6; 16 — Стаево-10; 17 — Стаево-11.
Группа 3: 18 — Доброе-32; 19 — Ярок-4; 20 — Старая Казинка-1; 21 — Горитово-1; 22 — Новое Тарбеево-3; 23 — Новое Тарбеево-4; 24 — Красный Городок-3; 25 — Стаево-6

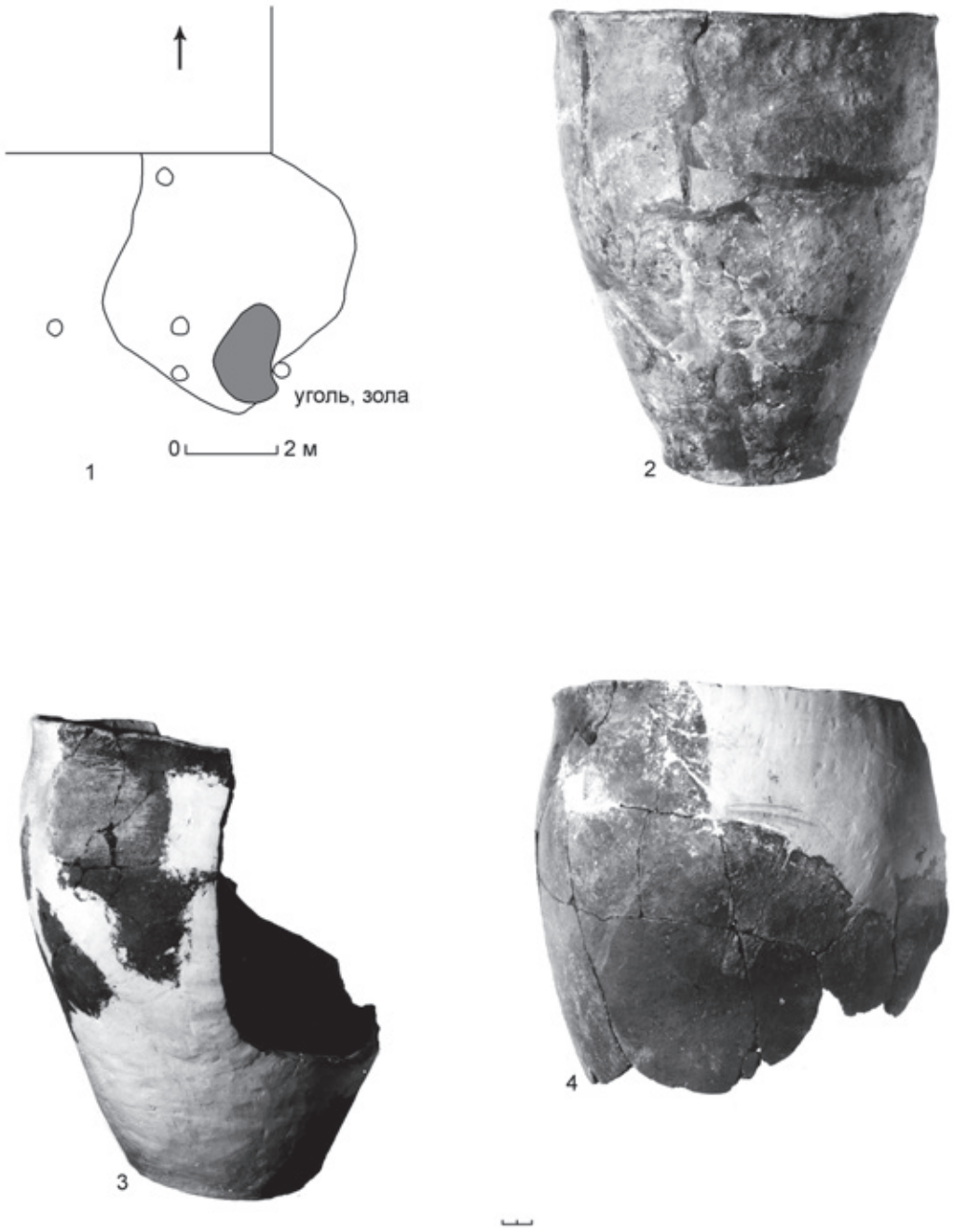


Рис. 141. Поселение Ярлуково, материалы. План постройки и находки.
1 — план полуземлянки; 2–4 — лепная керамика (по Б. Г. Тихонову и К. И. Комарову)

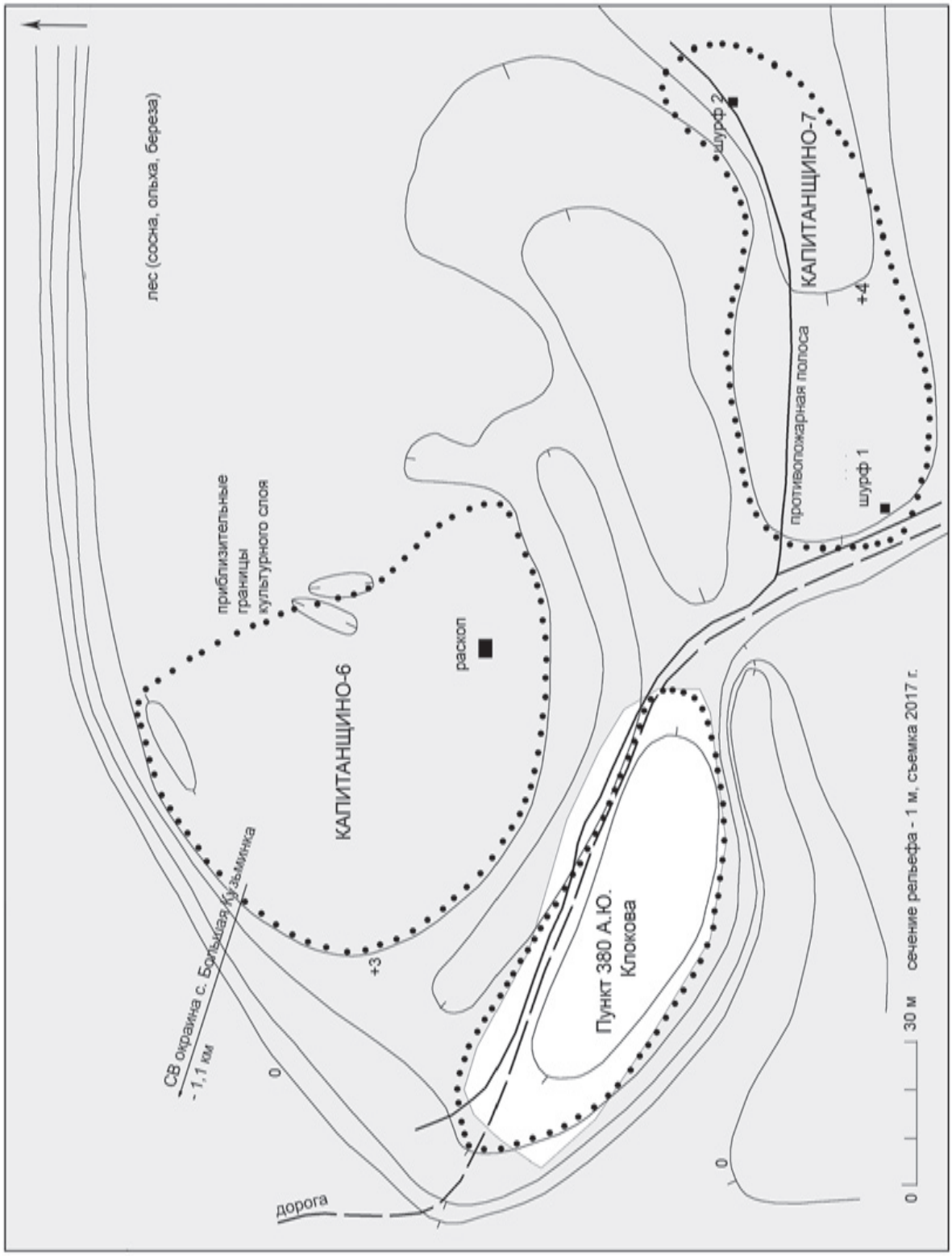


Рис. 142. Поселение Капитанщино-6. Общий план

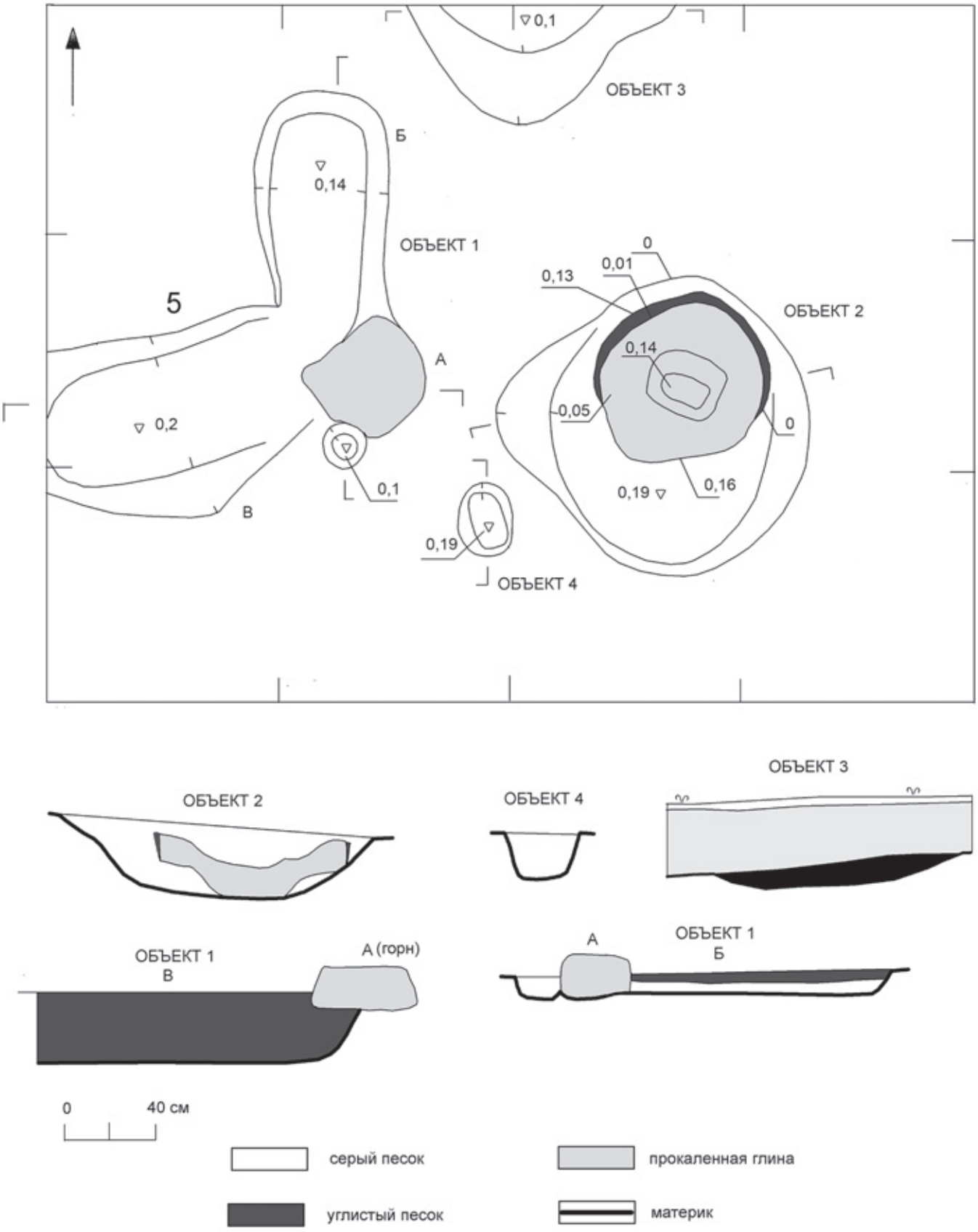


Рис. 143. Поселение Капитанщино-6. План раскопа, разрезы объектов

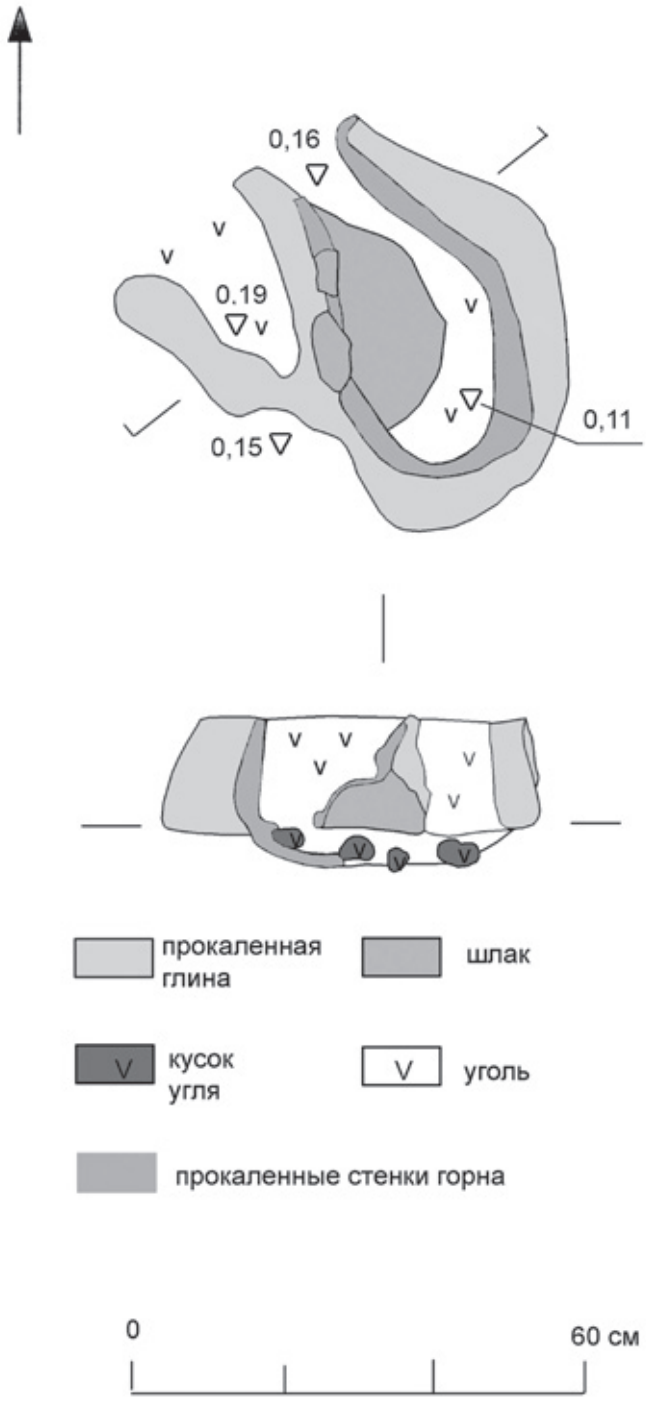


Рис. 144. Поселение Капитанщино-6. Металлургический горн (по: Смольянинова, Обломский, Масленников, 2019)

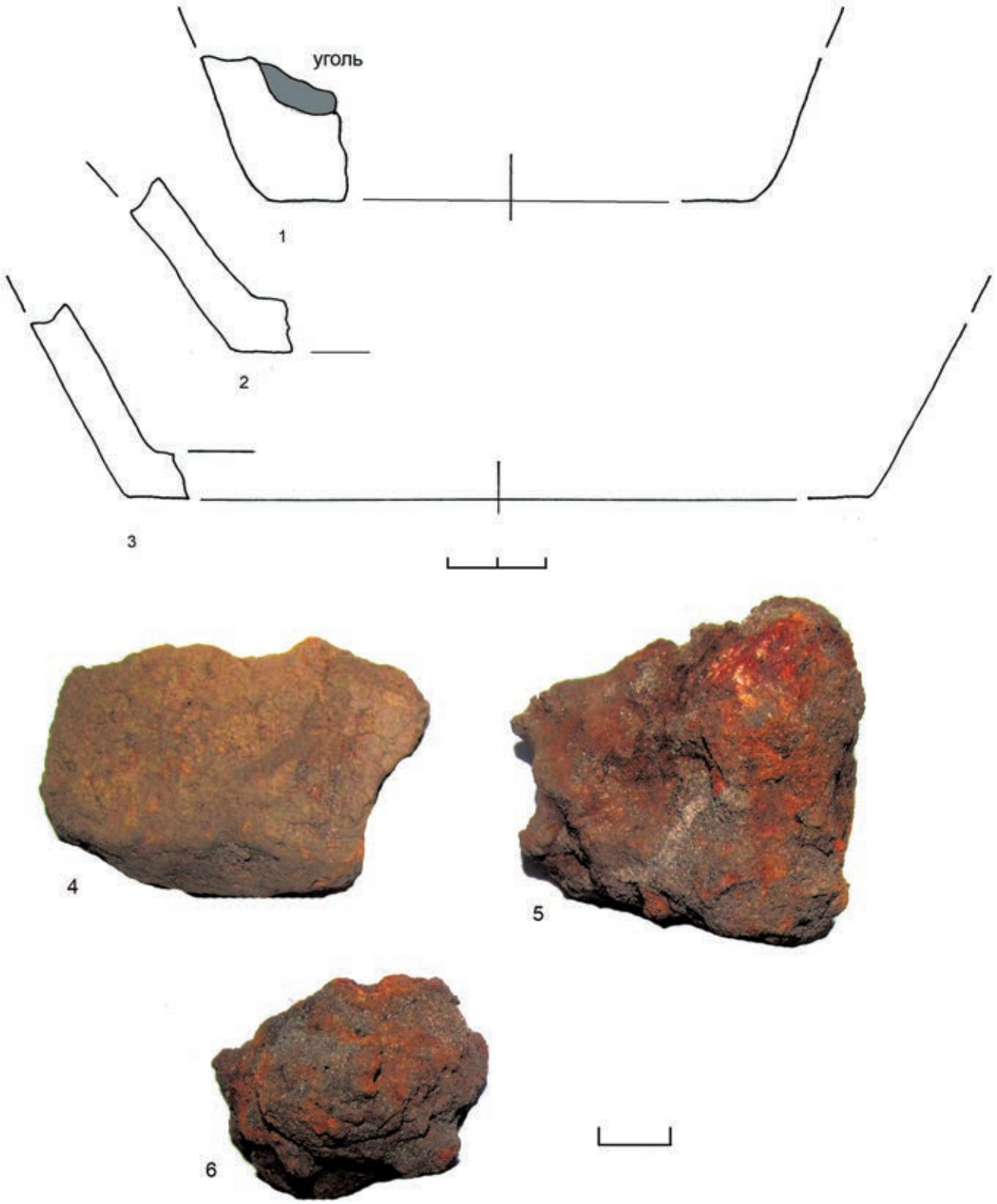


Рис. 145. Поселение Капитанщино-6. Лепная керамика и образцы железных шлаков.
1–4 — фрагменты груболепных сосудов с примесью шамота средней величины в тесте; 5, 6 — железные шлаки. 1 — культурный слой; 2, 4–6 — объект 4; 3 — объект 2.
Рисунки и фото А. М. Обломского

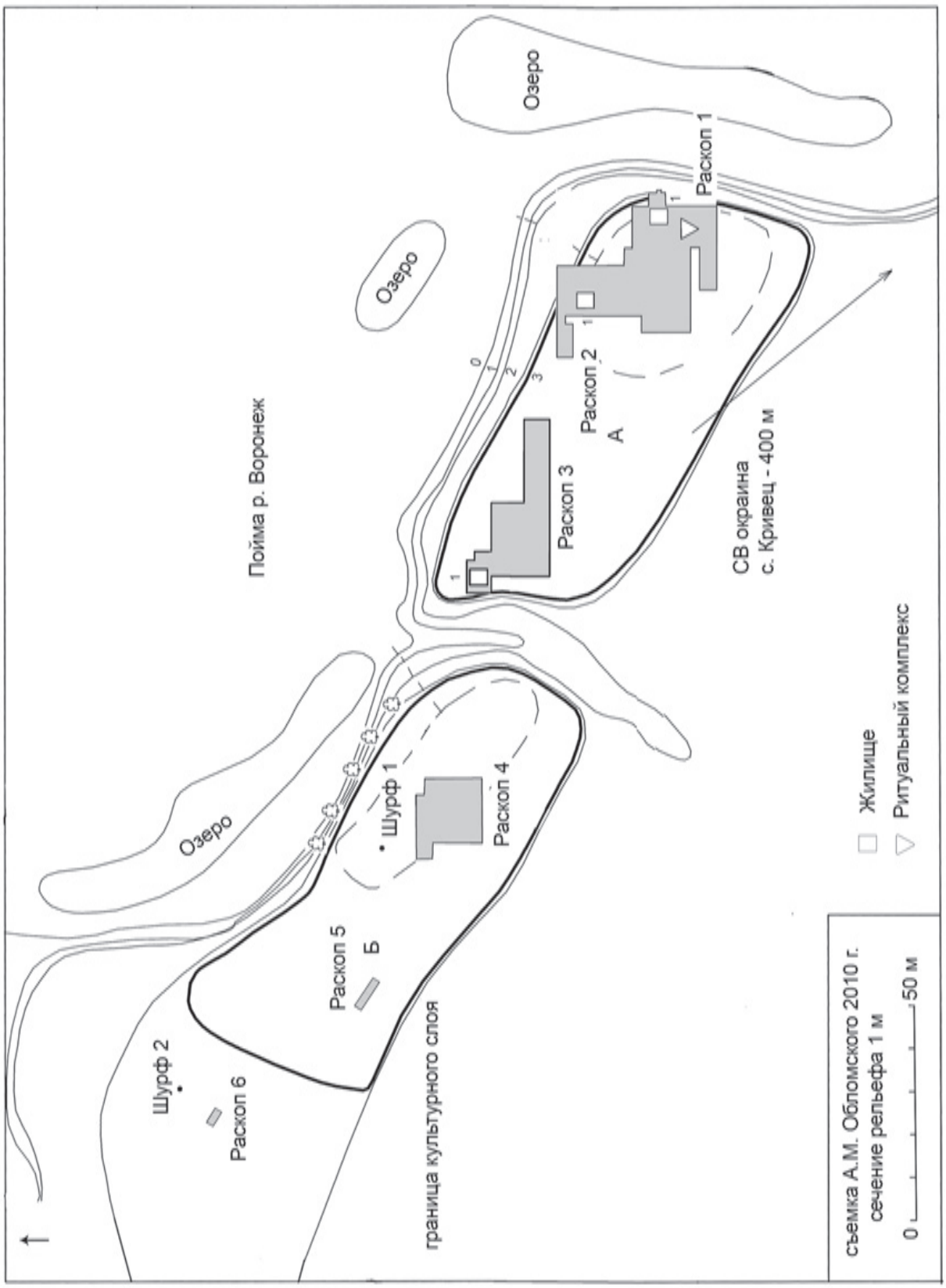


Рис. 146. Поселение Кривец-4. План

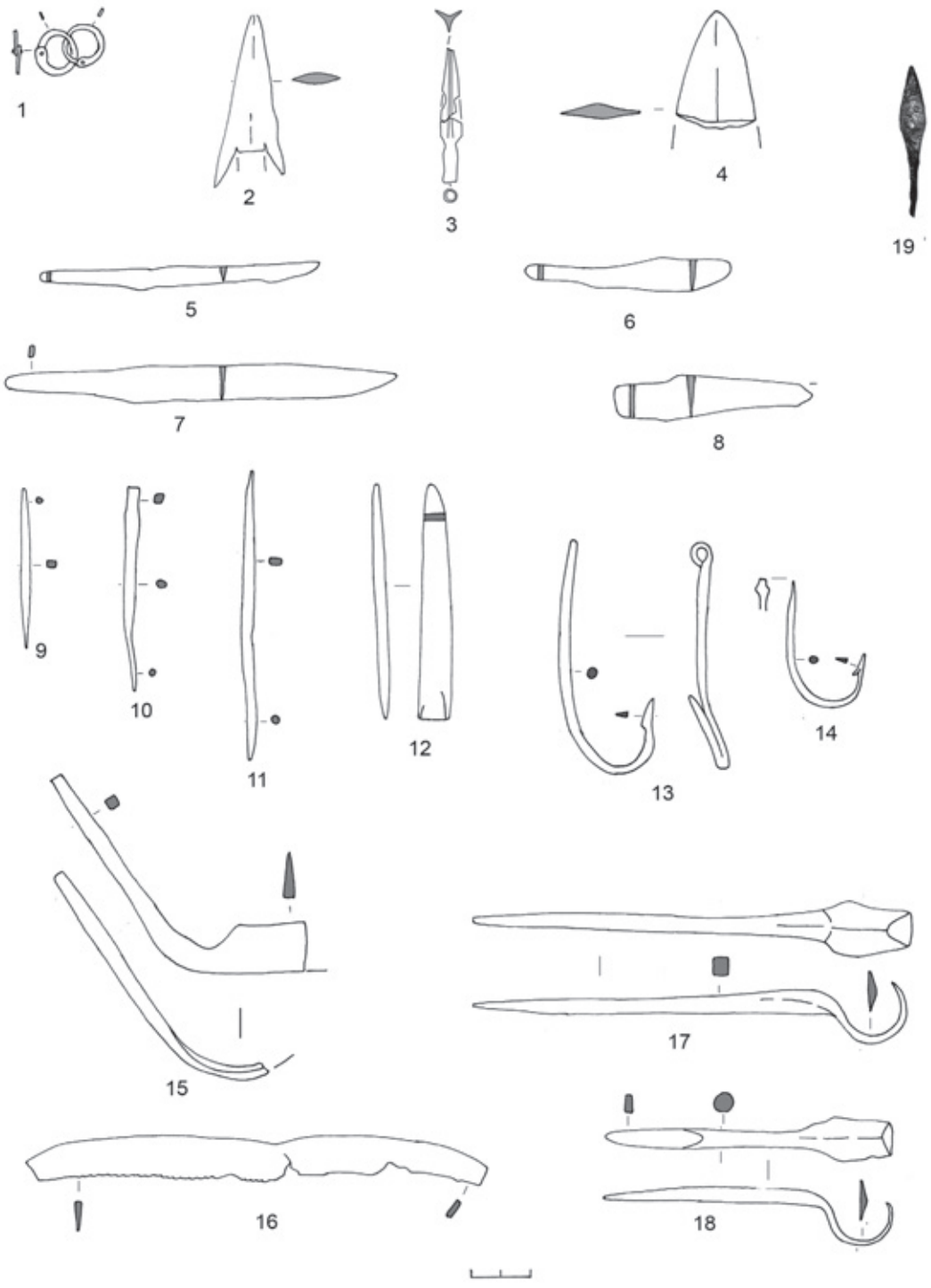


Рис. 147. Кривец-4. Изделия из железа.
Рисунки А. М. Обломского

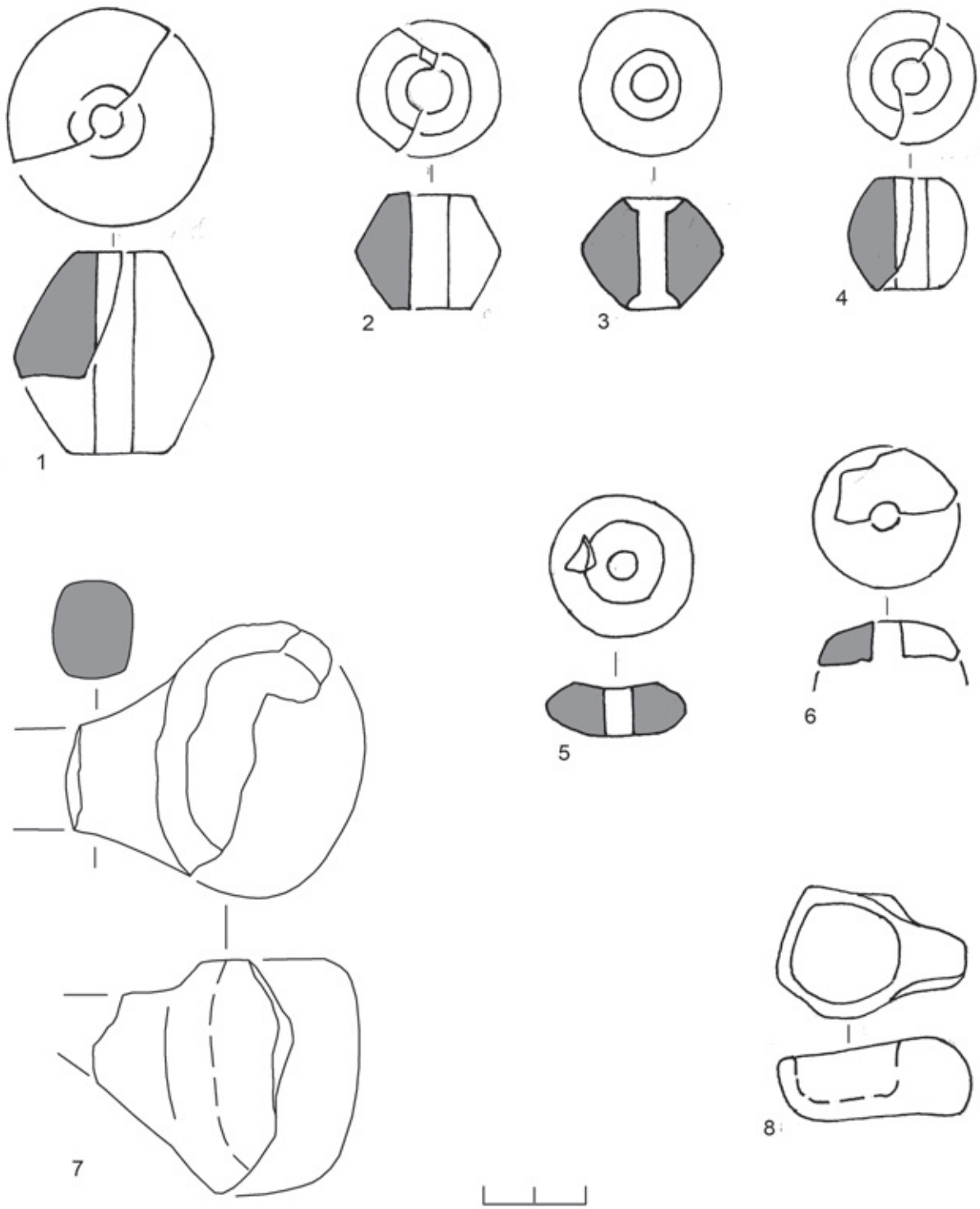


Рис. 148. Кривец-4. Изделия из глины.
Рисунки А. М. Обломского

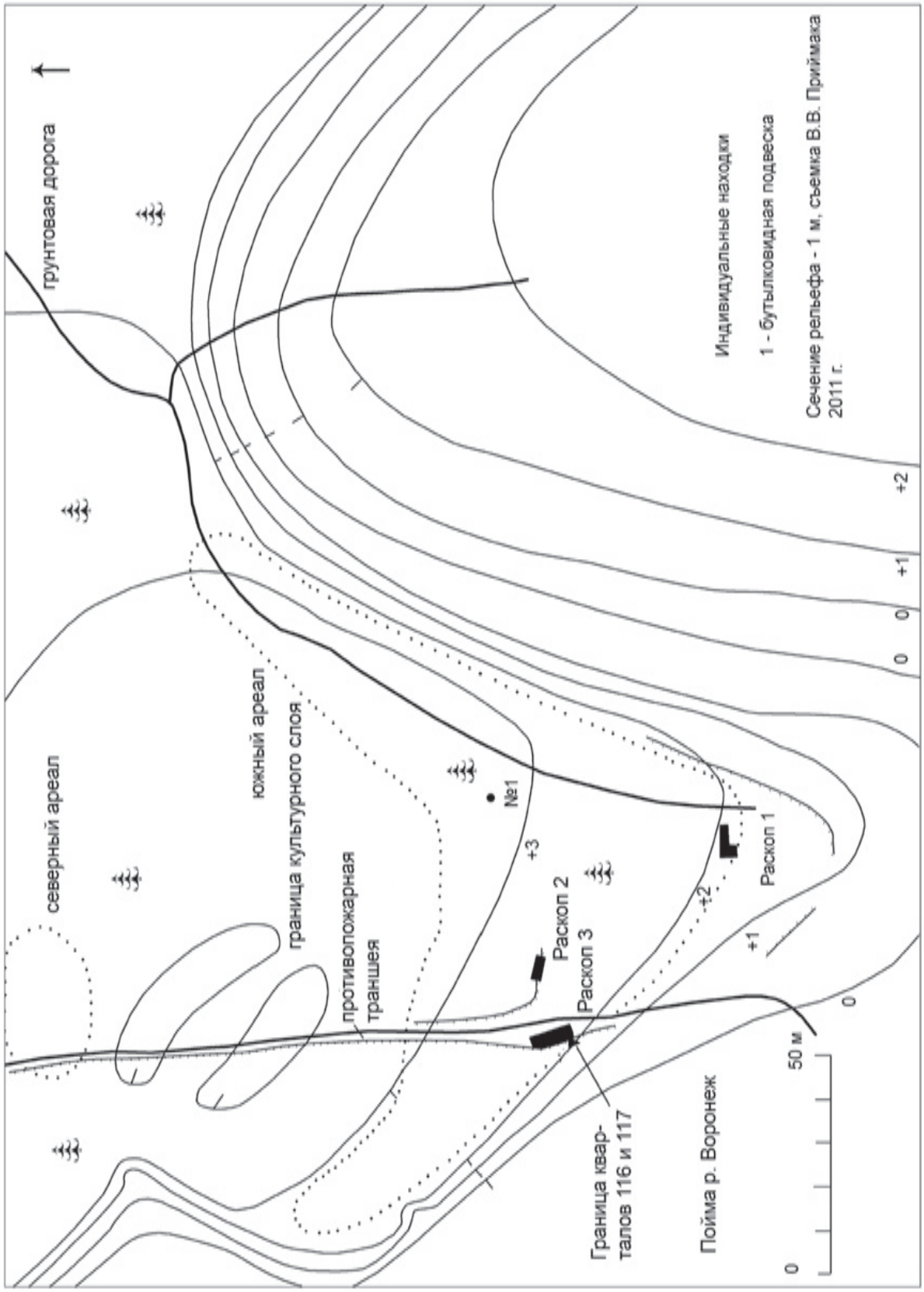


Рис. 149. Поселение Ярок-5. План

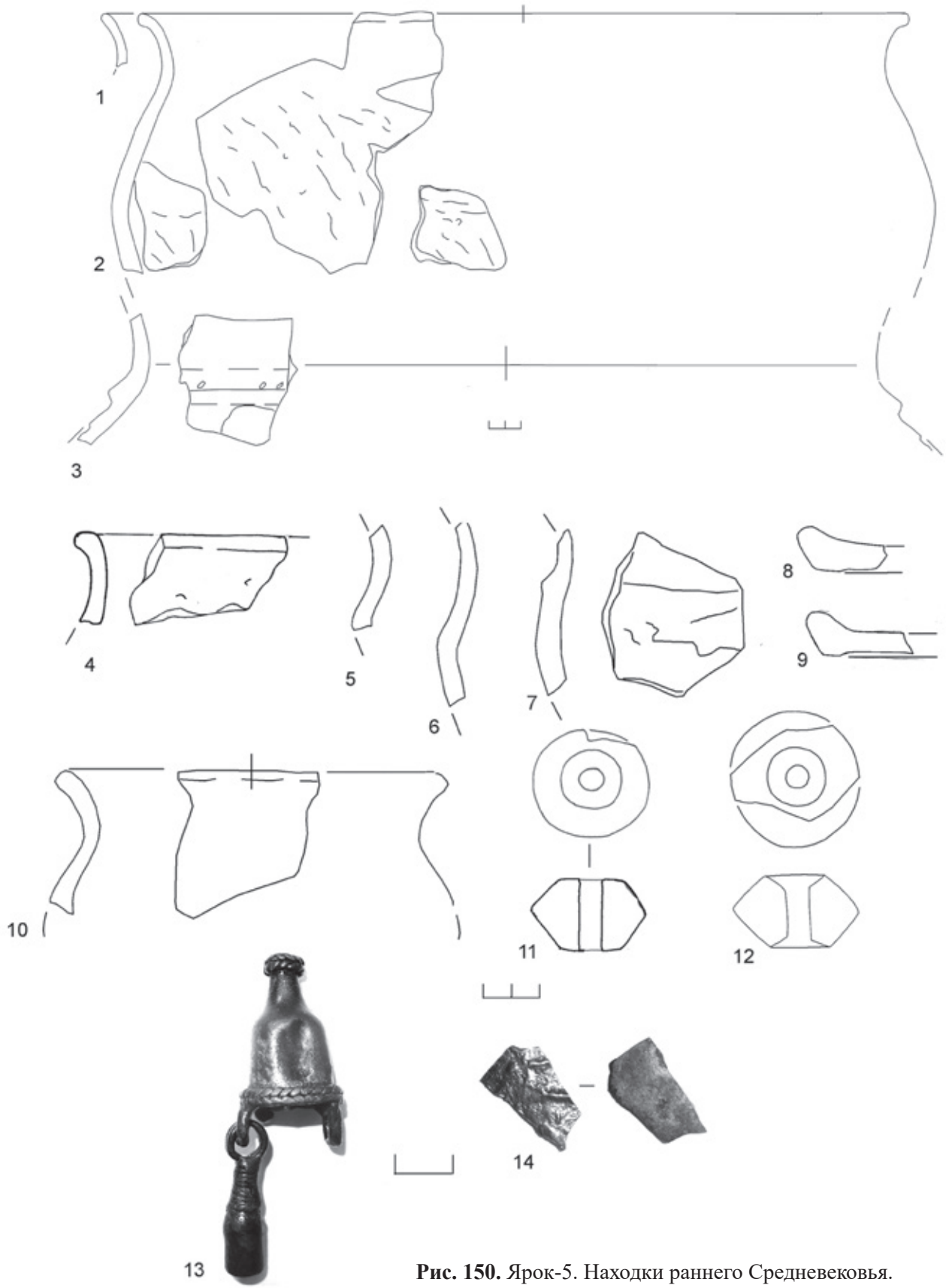


Рис. 150. Ярок-5. Находки раннего Средневековья.
1–3, 5–7, 10 — объект 2 раскопа 1; 4, 8, 9, 11–14 — культурный слой; 1–10 — груболепная керамика; 11, 12 — глиняные пряслица с шероховатой поверхностью; 13 — бронза; 14 — белый сплав. Рисунки и фото А. М. Обломского

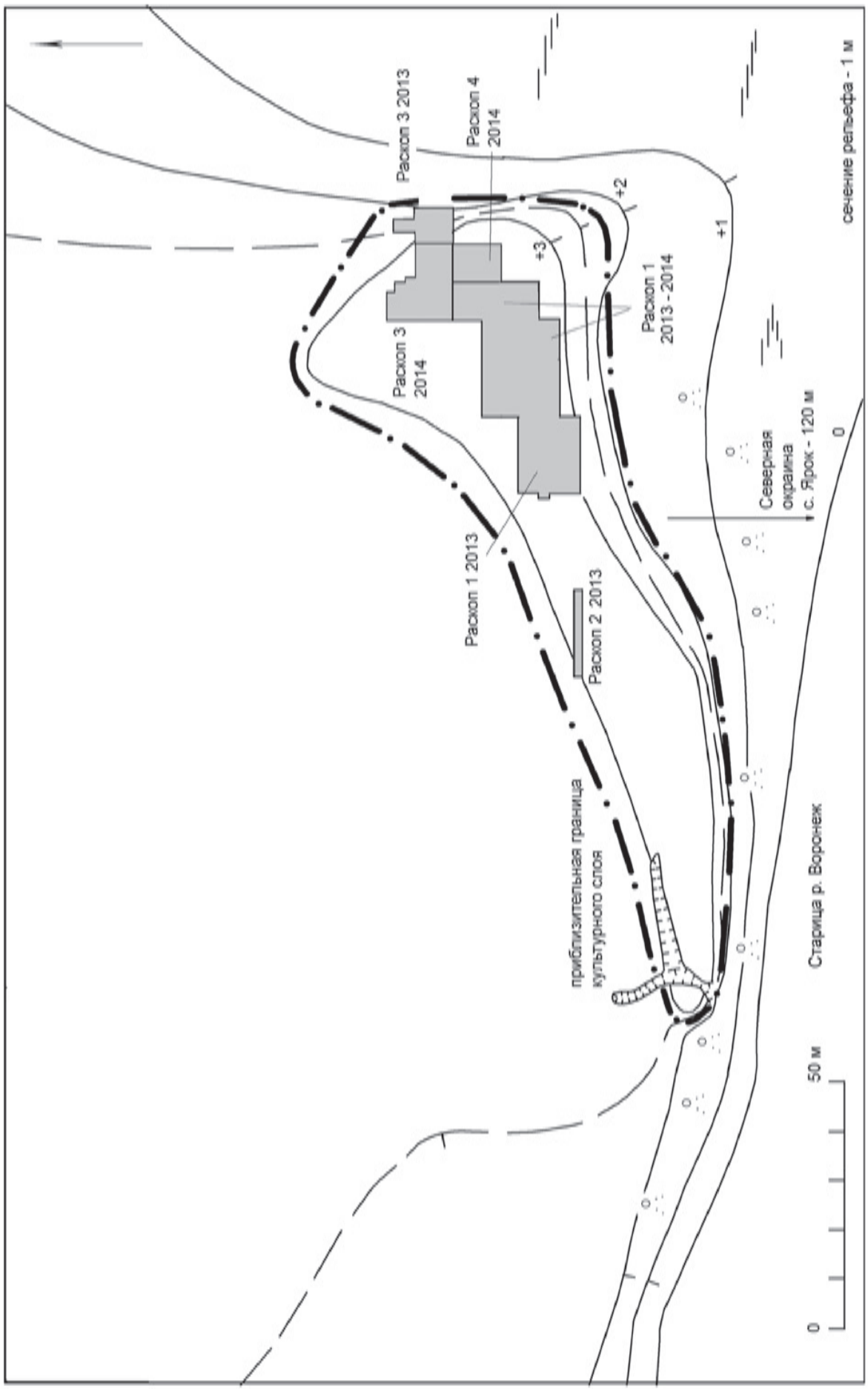


Рис. 151. Поселение Ярок-9. План

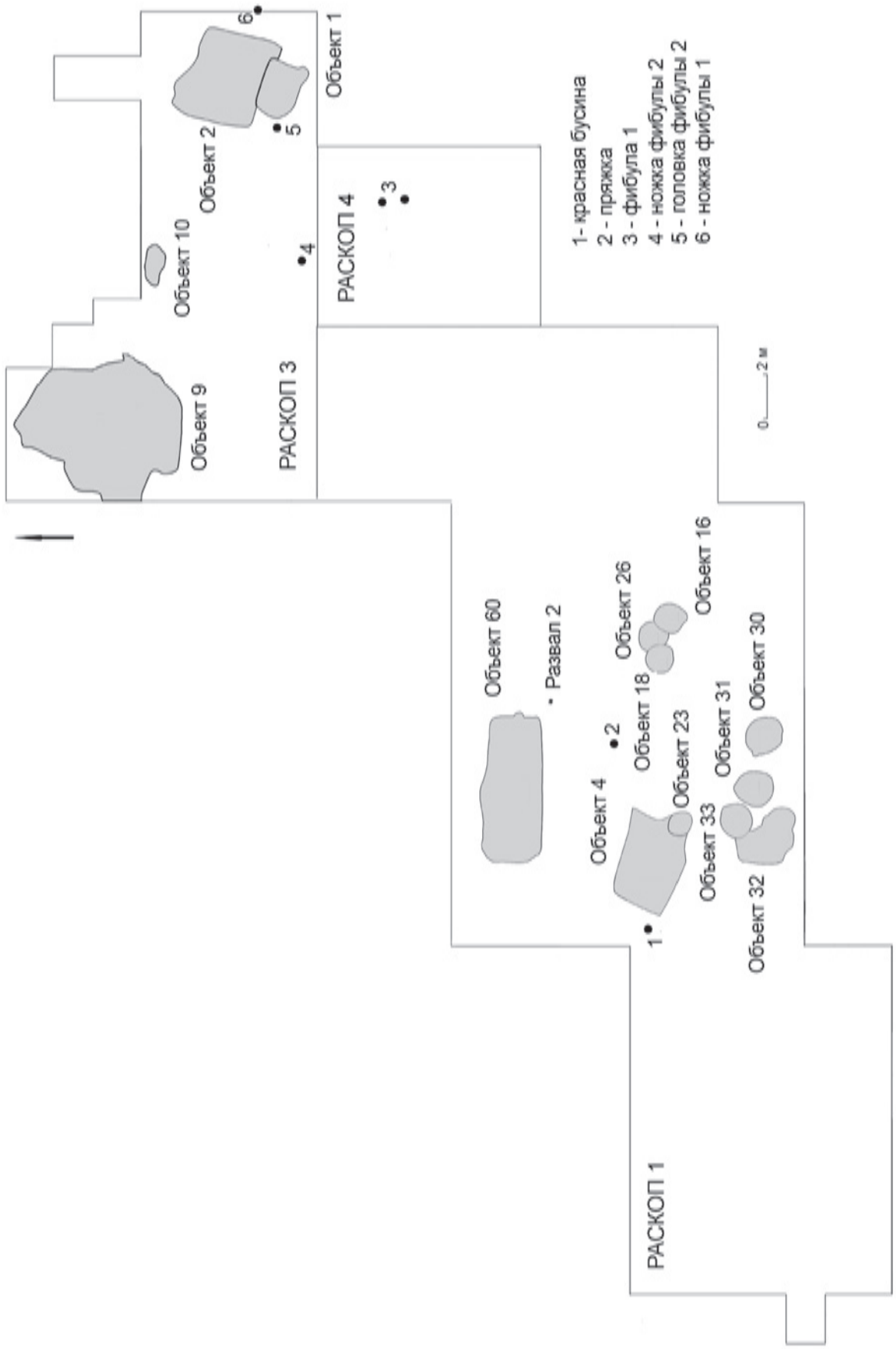


Рис. 152. Поселение Ярок-9. План раскопов

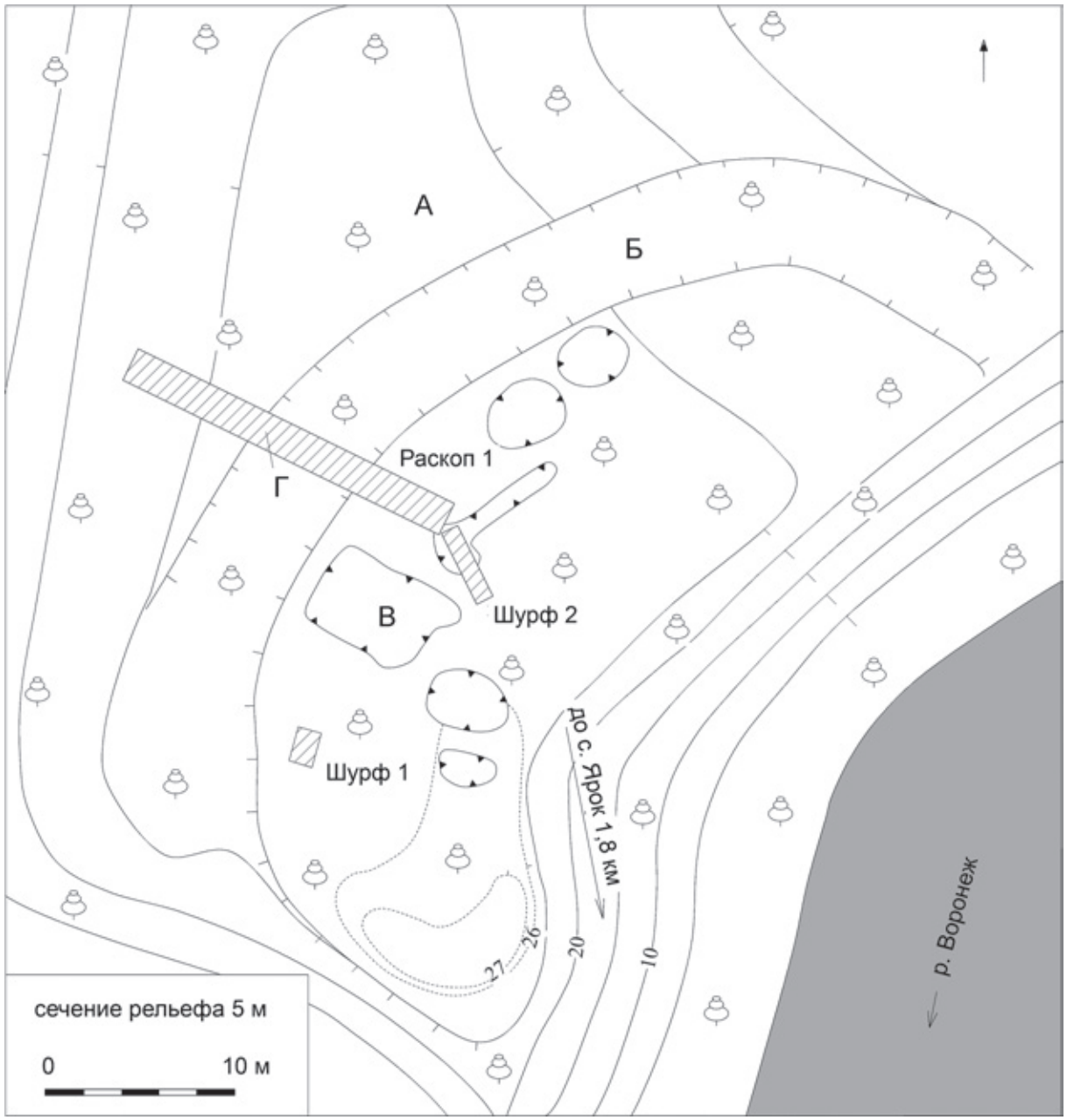


Рис. 153. Городище Ярок-10. План.
Съемка В. В. Приймака 2012 г. с дополнениями Ю. Д. Разуваева 2014 г.
А — лес; Б — ров; В — западина позднего перекопа; Г — раскопы и шурфы

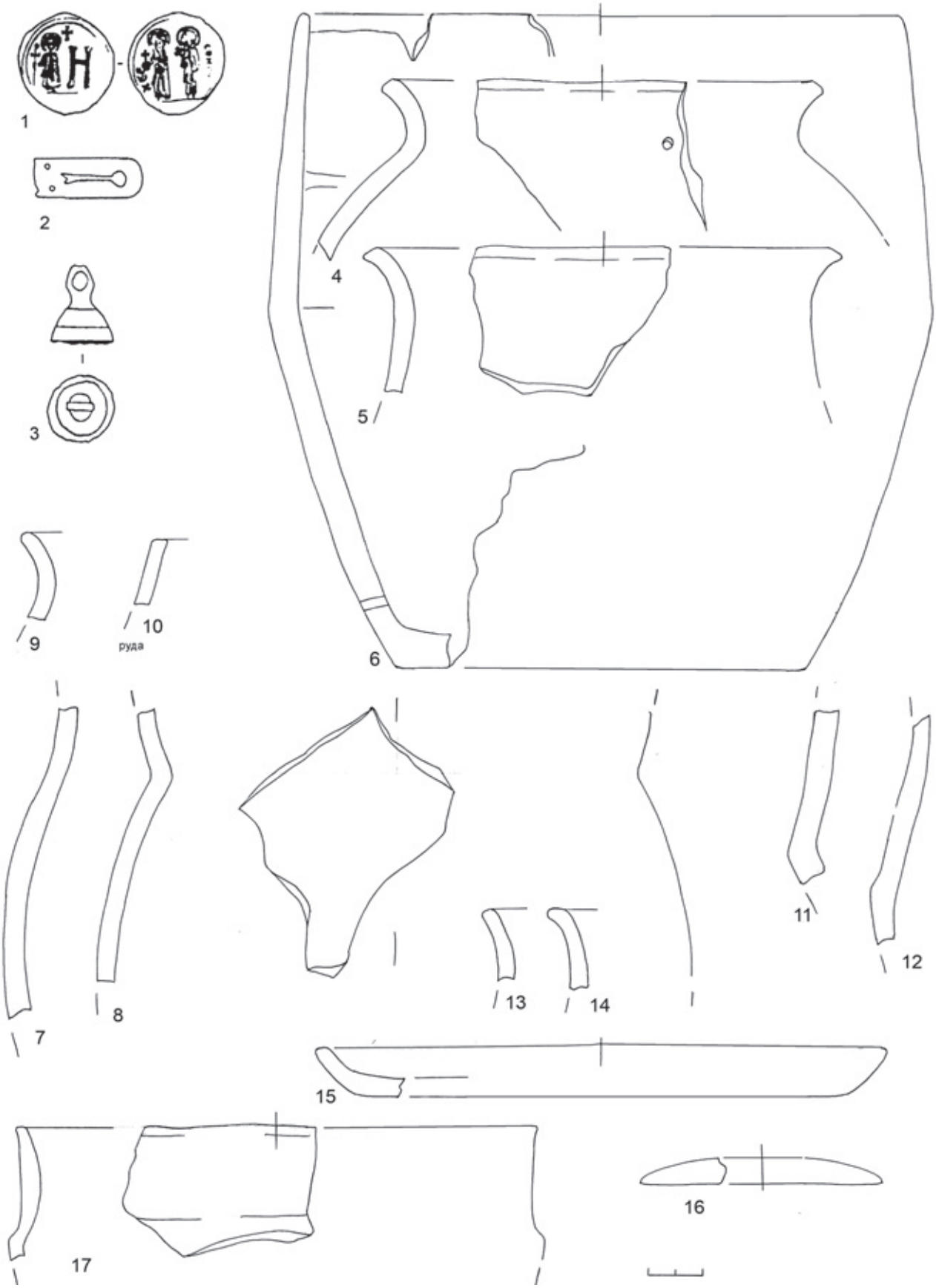


Рис. 154. Поселения Красный Городок-2 и 4. Находки.
1–3 — Красный Городок-2, сборы на поверхности (по: Андреев, Филимонова, 2008);
4–17 — Красный Городок-4, лепная керамика из раскопок 2015 г. Рисунки А. М. Обломского.
1–3 — бронза; 4–16 — груболеная керамика (4–9, 11–14, 16 — со средним шамотом в тесте;
10 — с рудой; 15 — со средним шамотом и рудой); 17 — фрагмент чернолощеной миски

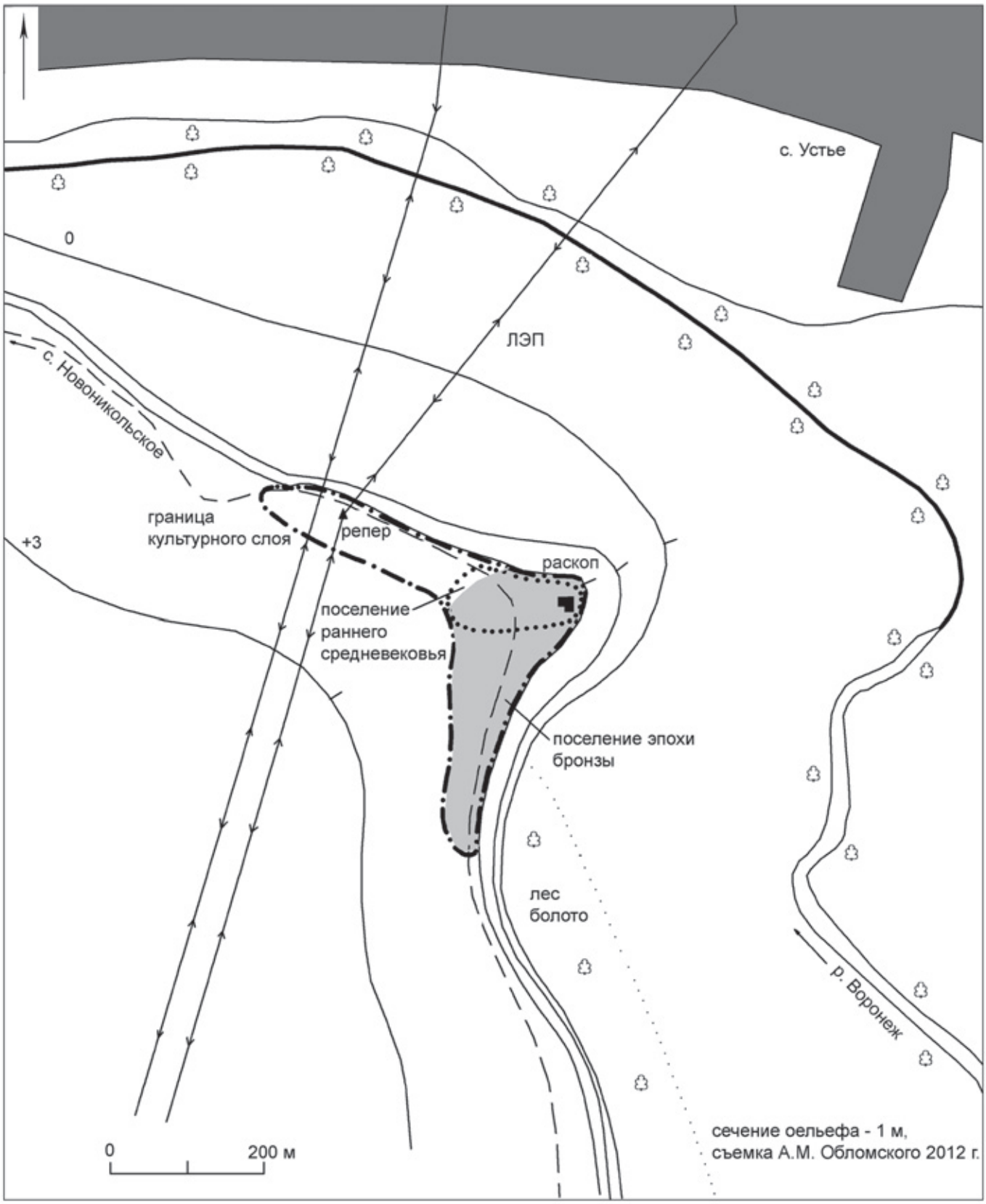


Рис. 155. Поселение Новоникольское-8. План

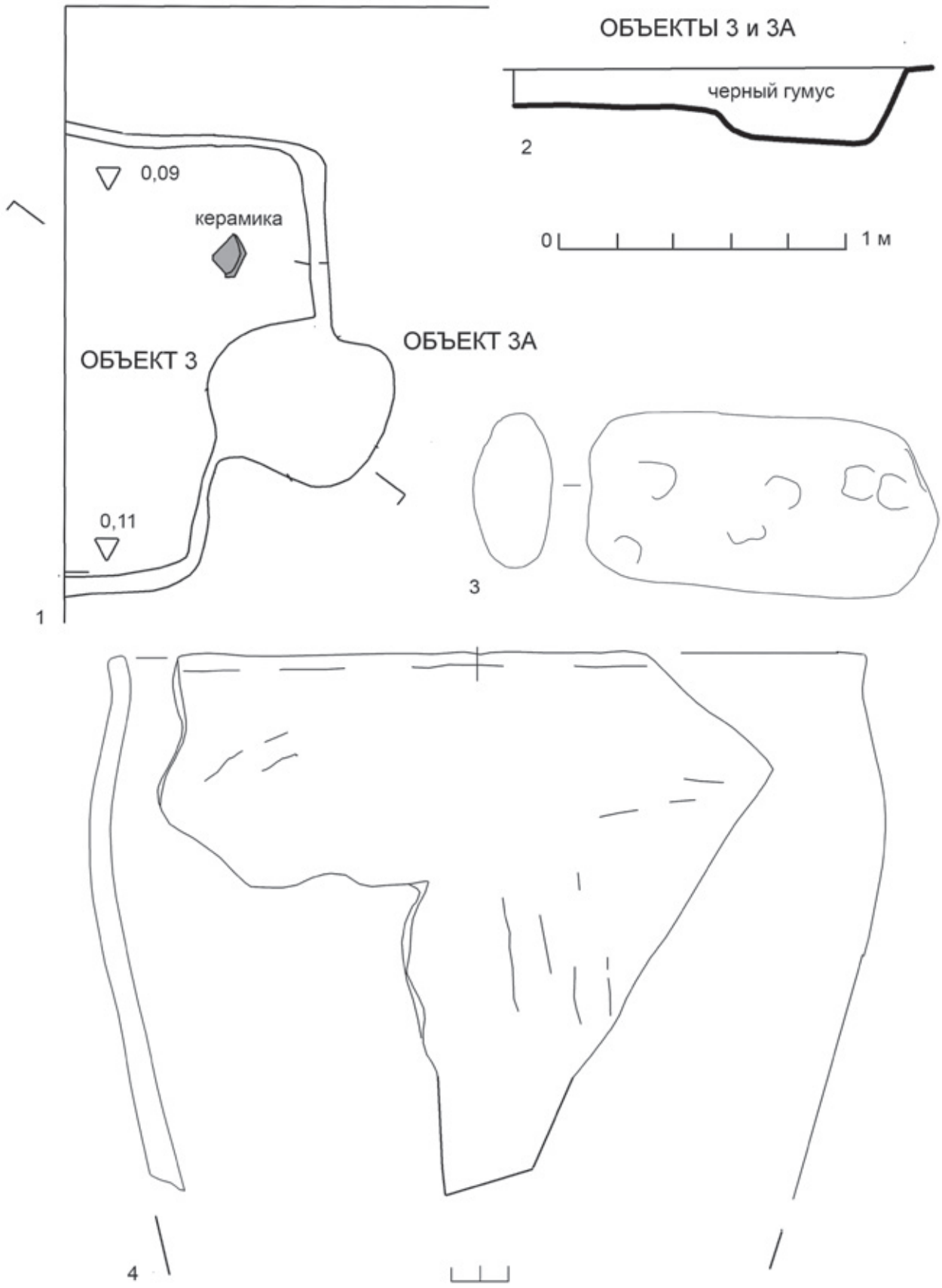


Рис. 156. Поселение Новоникольское-8. 1, 2 — объект 3, план, разрез;
3 — глиняный «хлебец»; 4 — груболепной сосуд. Рисунки А. М. Обломского

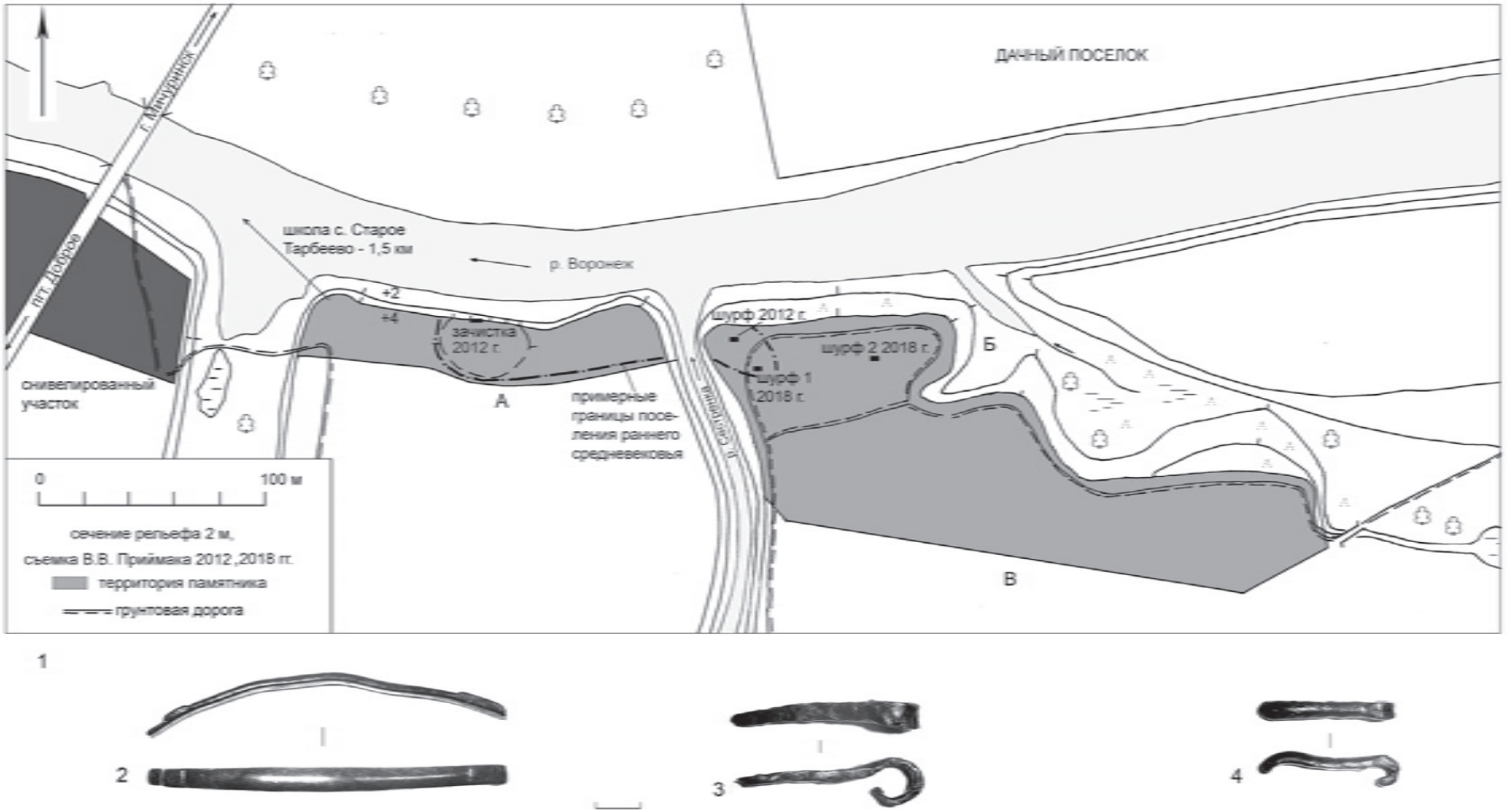


Рис. 157. Поселение Старое Тарбеево-2.
1 — план; 2, 4 — изделия из бронзы; 3 — язычок пряжки из железа. Фото А. М. Обломского

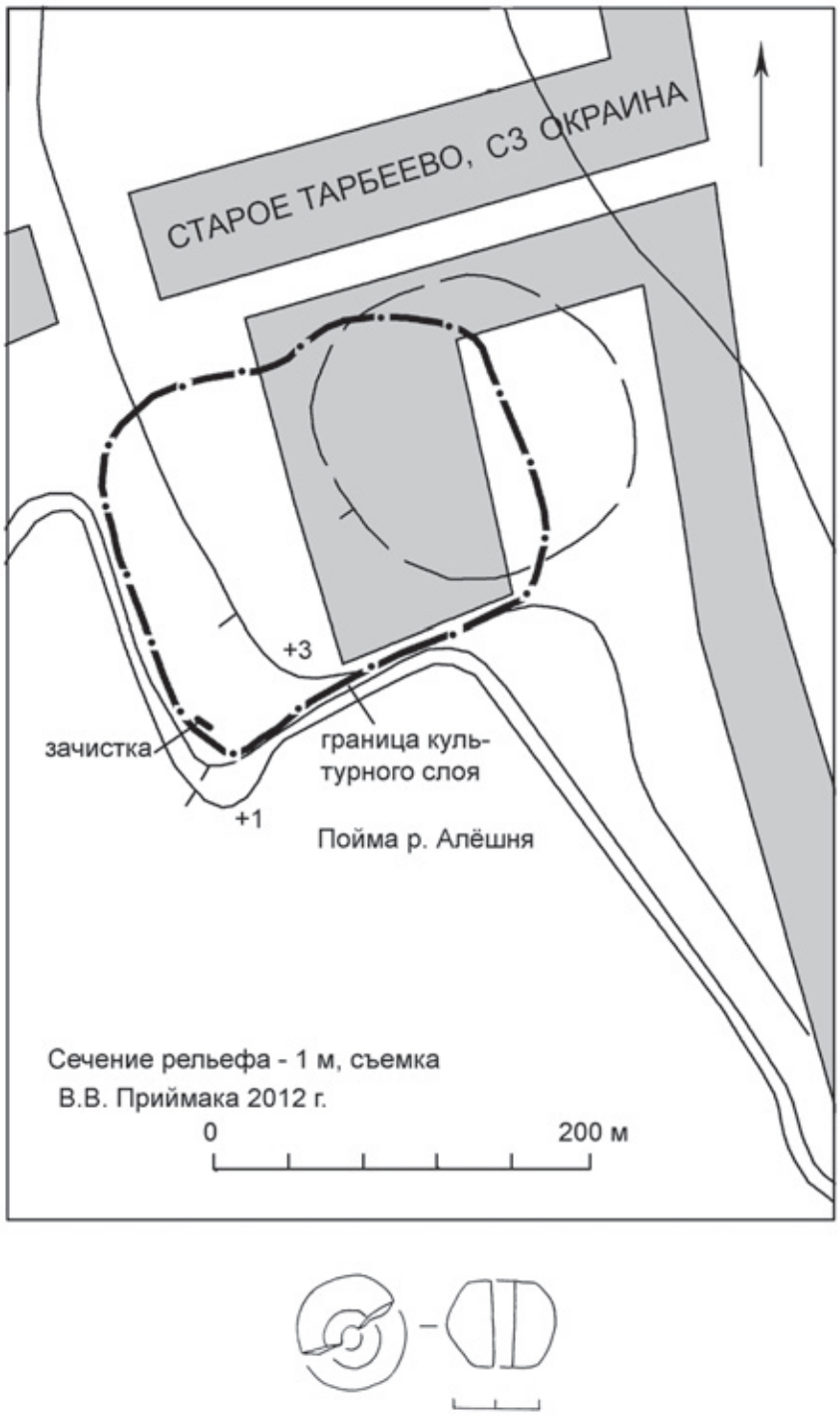
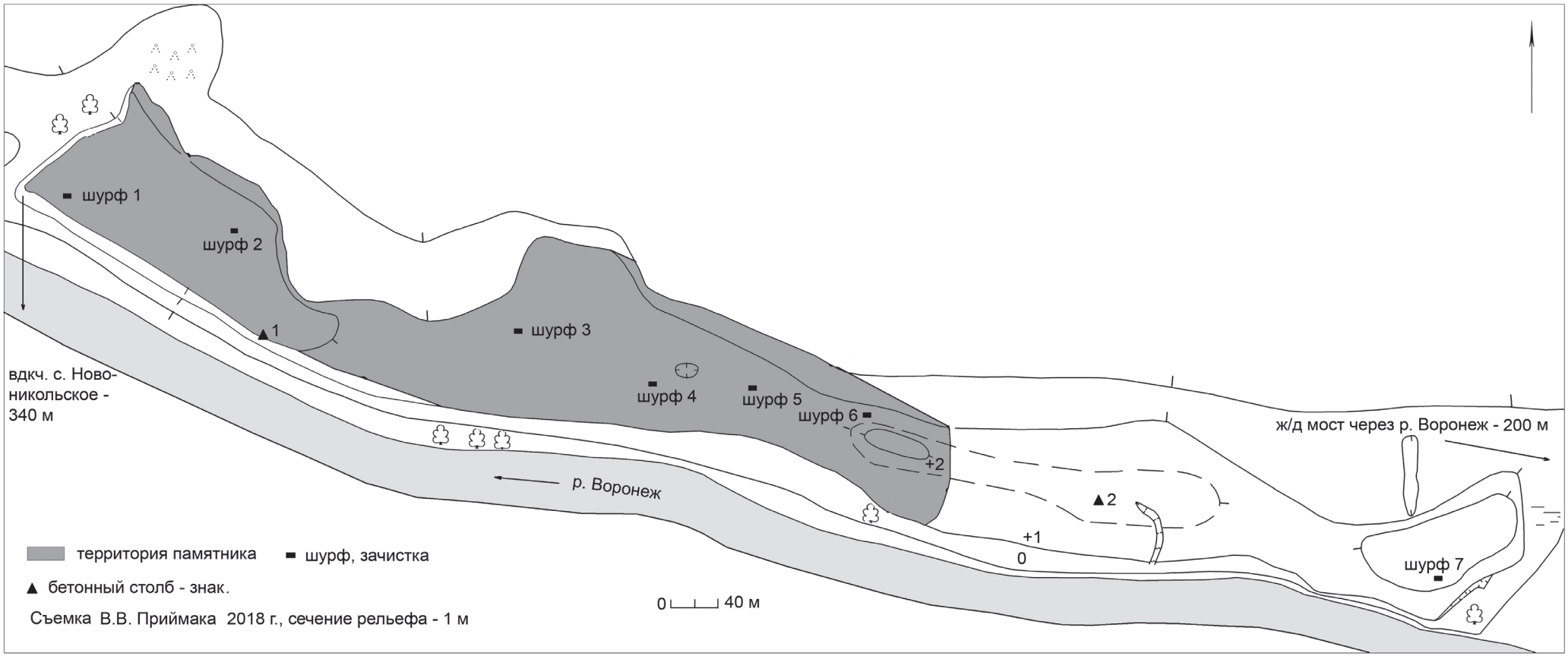


Рис. 158. Поселение Старое Тарбеево-6. План, фрагмент глиняного пряслица. Рисунок А. М. Обломского



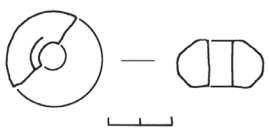


Рис. 159. Поселение Стаево-10. План, фрагмент глиняного пряслица. Рисунок А. М. Обломского

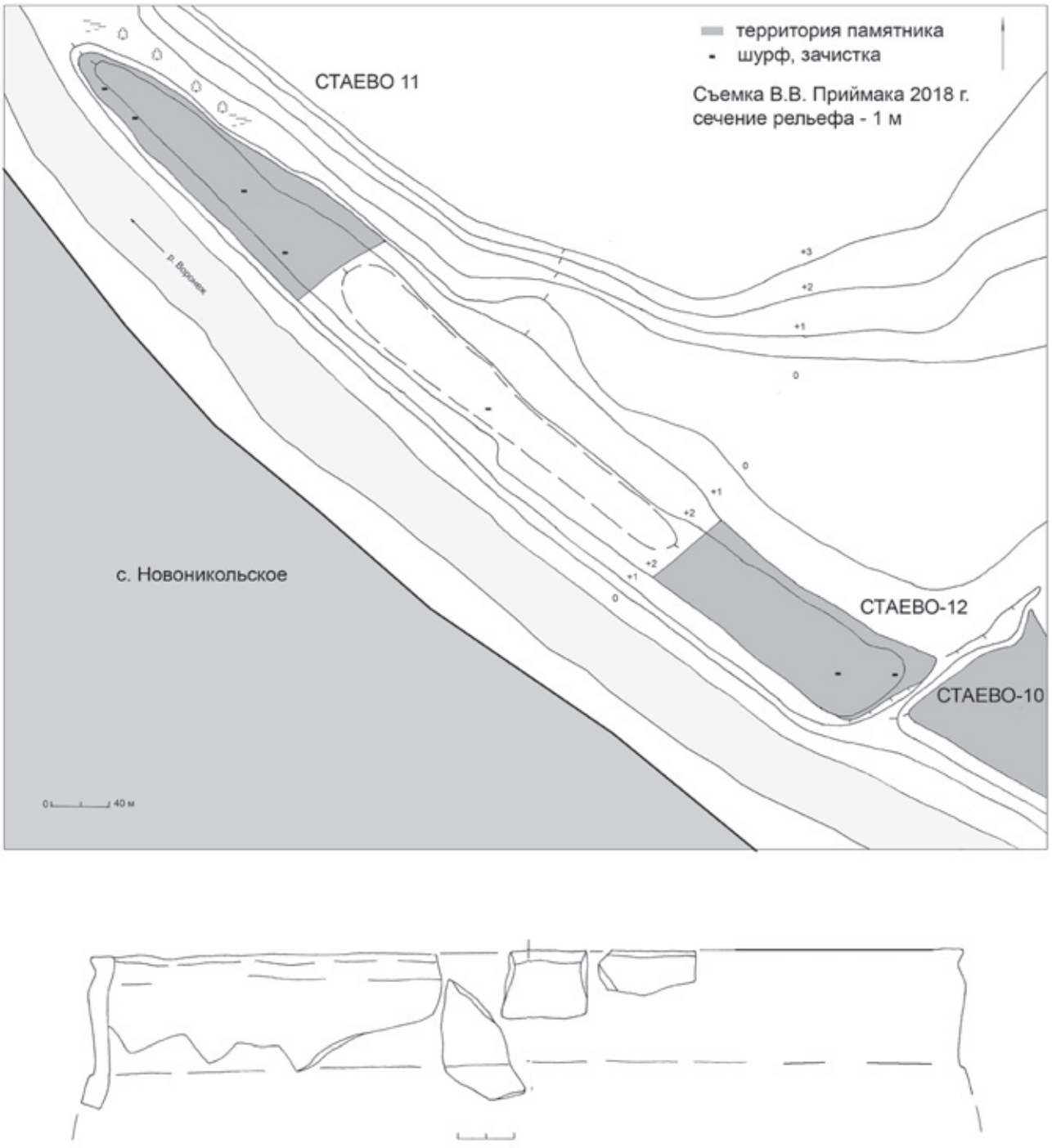


Рис. 160. Поселения Стаево-11 и 12, фрагмент груболепного горшка из Стаево-11. Рисунок А. М. Обломского

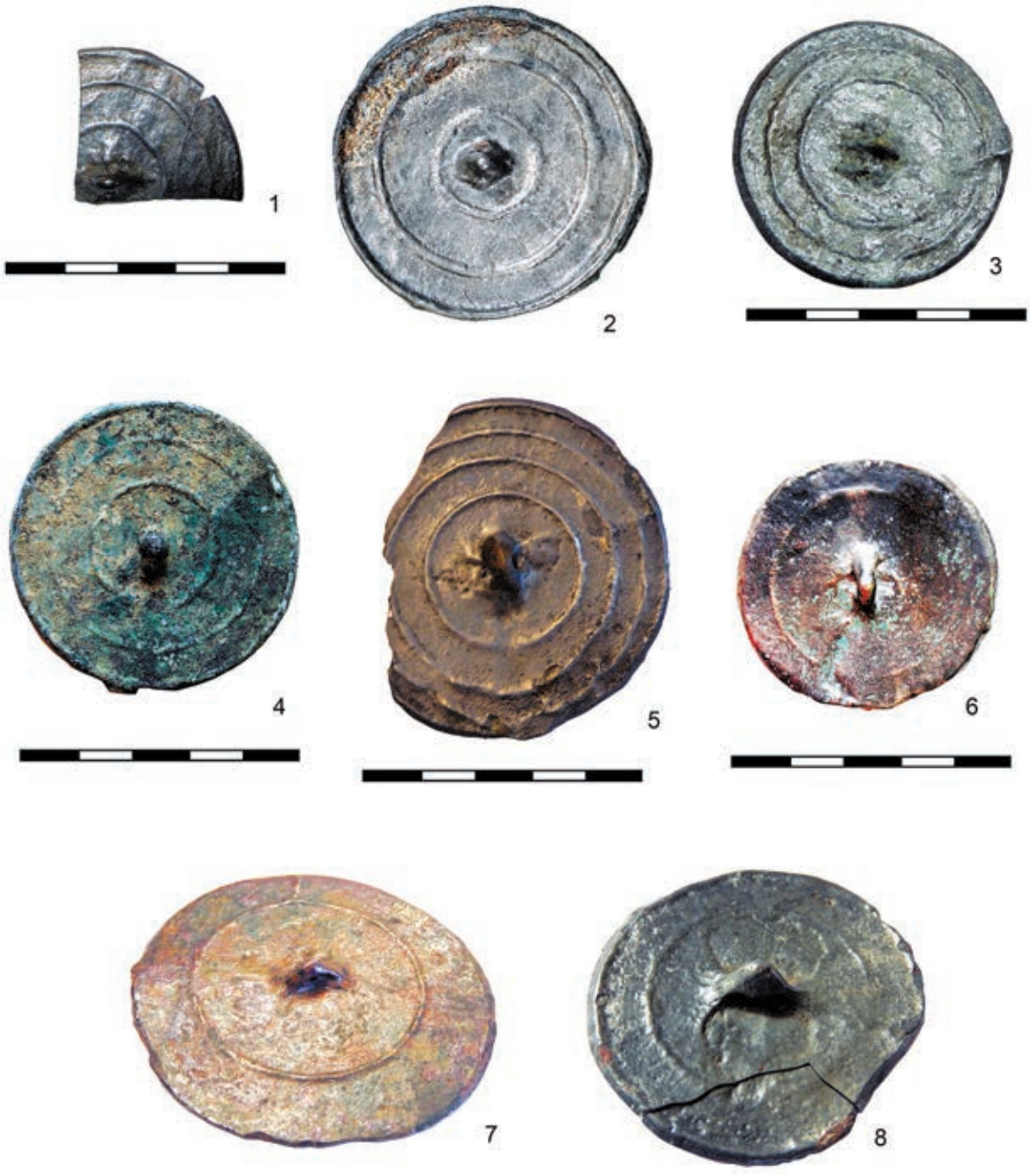


Рис. 161. Аналогии зеркал типа Карповка — Анке-4 с двумя/тремя кругами (1–5) и одним кругом на оборотной стороне (6–8).

1 — Подгорное (фото И. О. Гавритухина); 2 — Мухино-2 (хранение: Липецкий областной краеведческий музей; фото С. В. Ольховского); 3 — Совхоз-10, склеп 8/погр. 1 (хранение: Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», № 42/36637; фото А. В. Мастыковой); 4 — Дюрсо, погребение 483 (хранение: Новороссийский исторический музей-заповедник, № 4154; фото А. В. Колпаковой, Н. В. Федоренко); 5 — Боспорский некрополь, склеп 78.1907/погр. 4. (хранение: Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа, № 1820/919; фото А. В. Мастыковой); 6 — Дюрсо, погребение 135 (хранение: Новороссийский исторический музей-заповедник, № 1732; фото А. В. Колпаковой, Н. В. Федоренко); 7 — Борисово, погребение 15 (хранение: Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа, № 1108/181; фото А. В. Мастыковой); 8 — Лучистое, склеп 77/погр. 2 (хранение: Центральный музей Тавриды, № 47444/26416; фото А. В. Мастыковой)

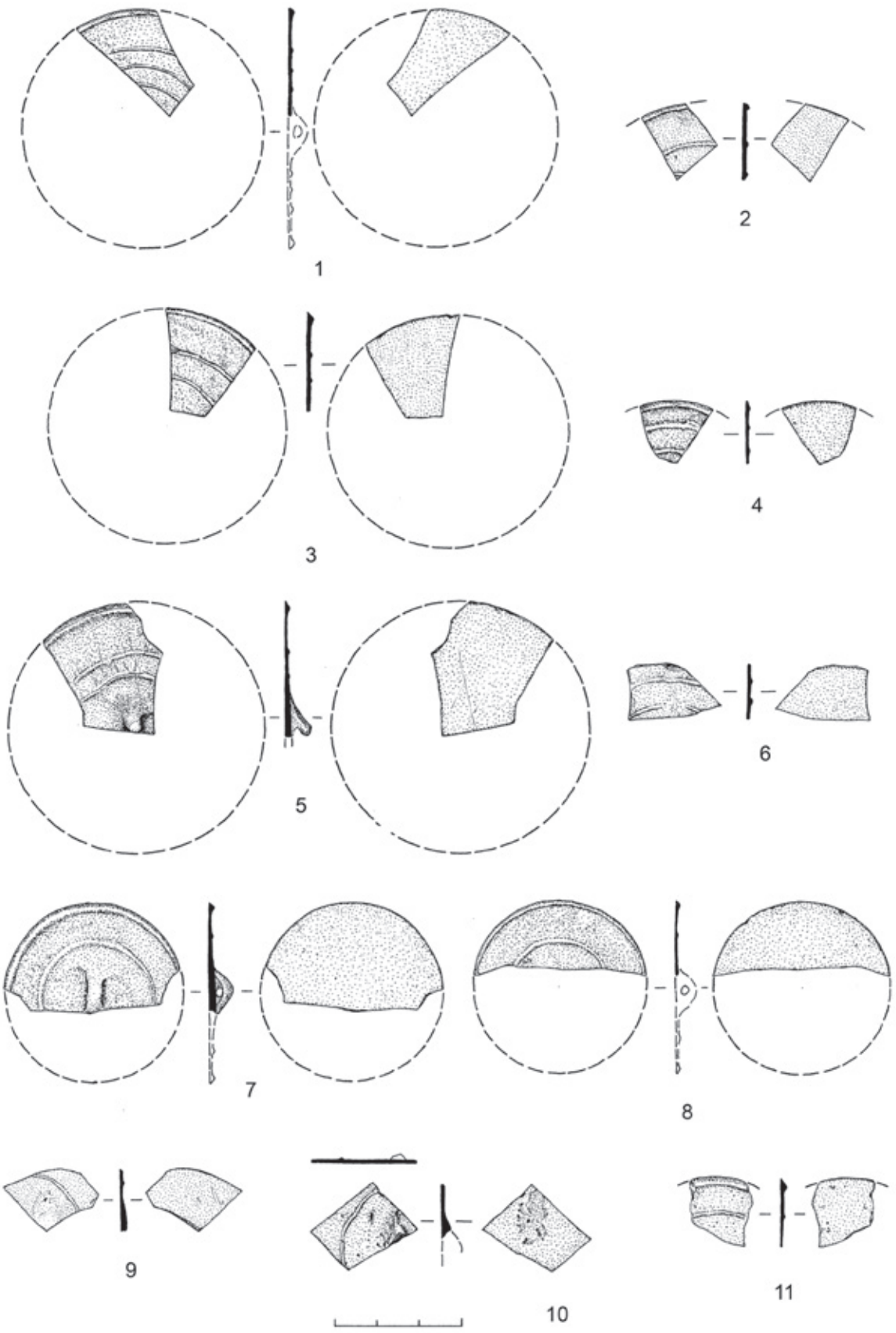


Рис. 162. Поселения Стаево-4 (7–9), Стаево-5 (1–6, 10, 11). Зеркала типа Карповка — Анке-4 с двумя/тремя кругами (1–6), с одним кругом (7–8) и зеркала с неопределимым количеством кругов на диске (9–11). Рисунки С. Л. Богаченко.
1 — № 6; 2 — № 49; 3 — № 546; 4 — № 784; 5 — № 846; 6 — № 864; 7 — № 80; 8 — № 2; 9 — № 41; 10 — № 355; 11 — № 398 (нумерация дана по Обломский, 2018а и табл. 2 настоящей монографии)

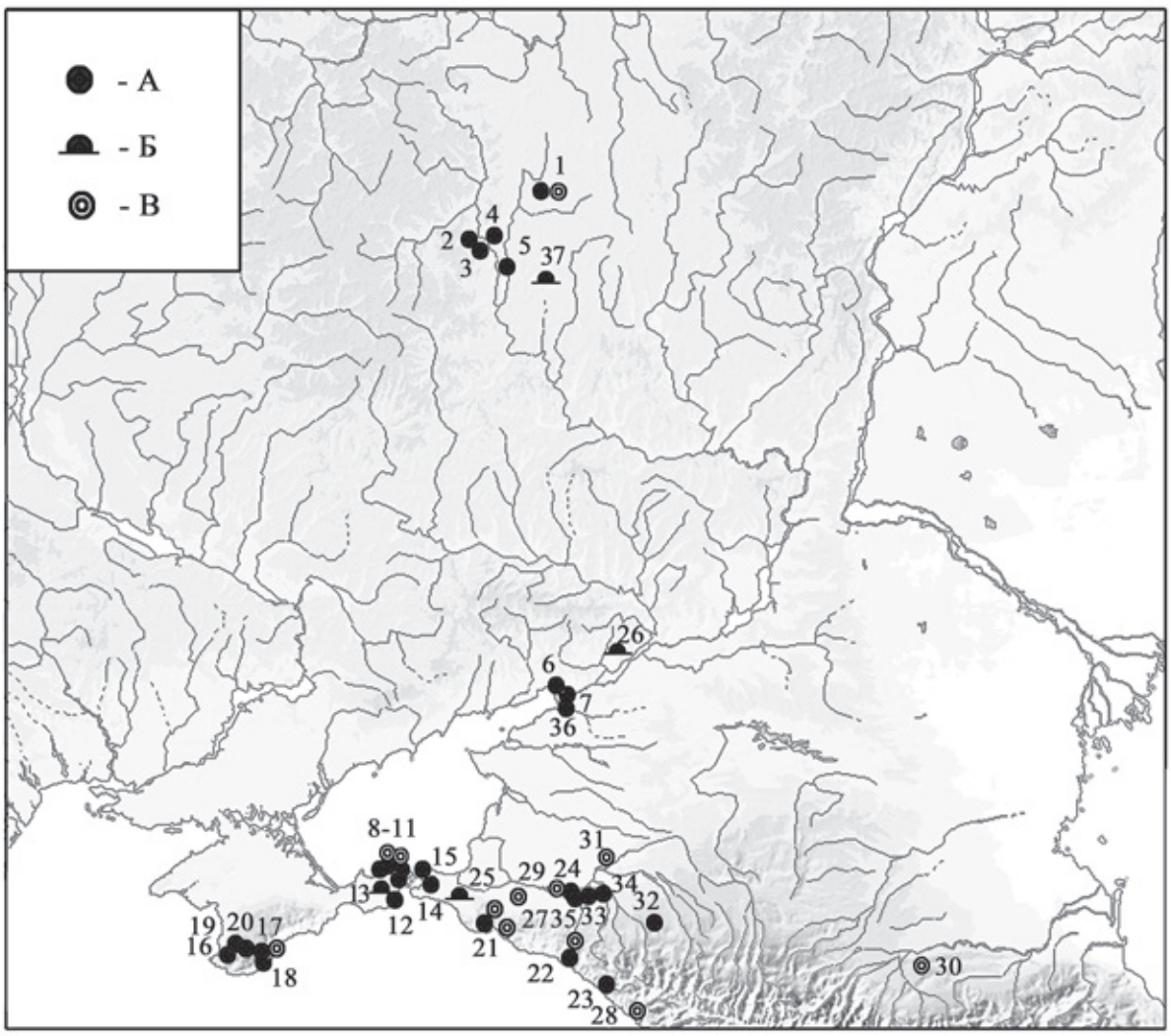


Рис. 163. Карта распространения зеркал типа Карповка — Анке-4 с двумя/тремя кругами и с одним кругом на оборотной стороне в конце IV — VII в.
А — зеркала с двумя/тремя кругами;
Б — кочевнические комплексы с зеркалами с двумя кругами;
В — зеркала с одним кругом;
Ввиду масштаба карты, локализация памятников приблизительна.
1 — Стаево; 2 — Мухино; 3 — Ксизово; 4 — Балахна; 5 — Подгорное; 6 — Танаис; 7 — Терны; 8 — Керчь; 9 — Заморское; 10 — Старожилово; 11 — Сиреневая Бухта; 12 — Джурга-Оба; 13 — Новопокровка; 14 — Фанагория; 15 — Ильичевка; 16 — Совхоз 10; 17 — Лучистое; 18 — Суук-Су; 19 — Карши-Баир; 20 — Скалистое; 21 — Дюрсо; 22 — Бжид; 23 — Сопино; 24 — Пашковский; 25 — Михаэльсфельд; 26 — Пухляковский; 27 — Борисово; 28 — Карповка; 29 — Варнавинское; 30 — Нижний Джулат; 31 — Старокорсунское; 32 — Мешоко; 33 — Ново-Вочепшийский; 34 — Тауйхабль; 35 — Елизаветинское; 36 — Дугино; 37 — Подклетное

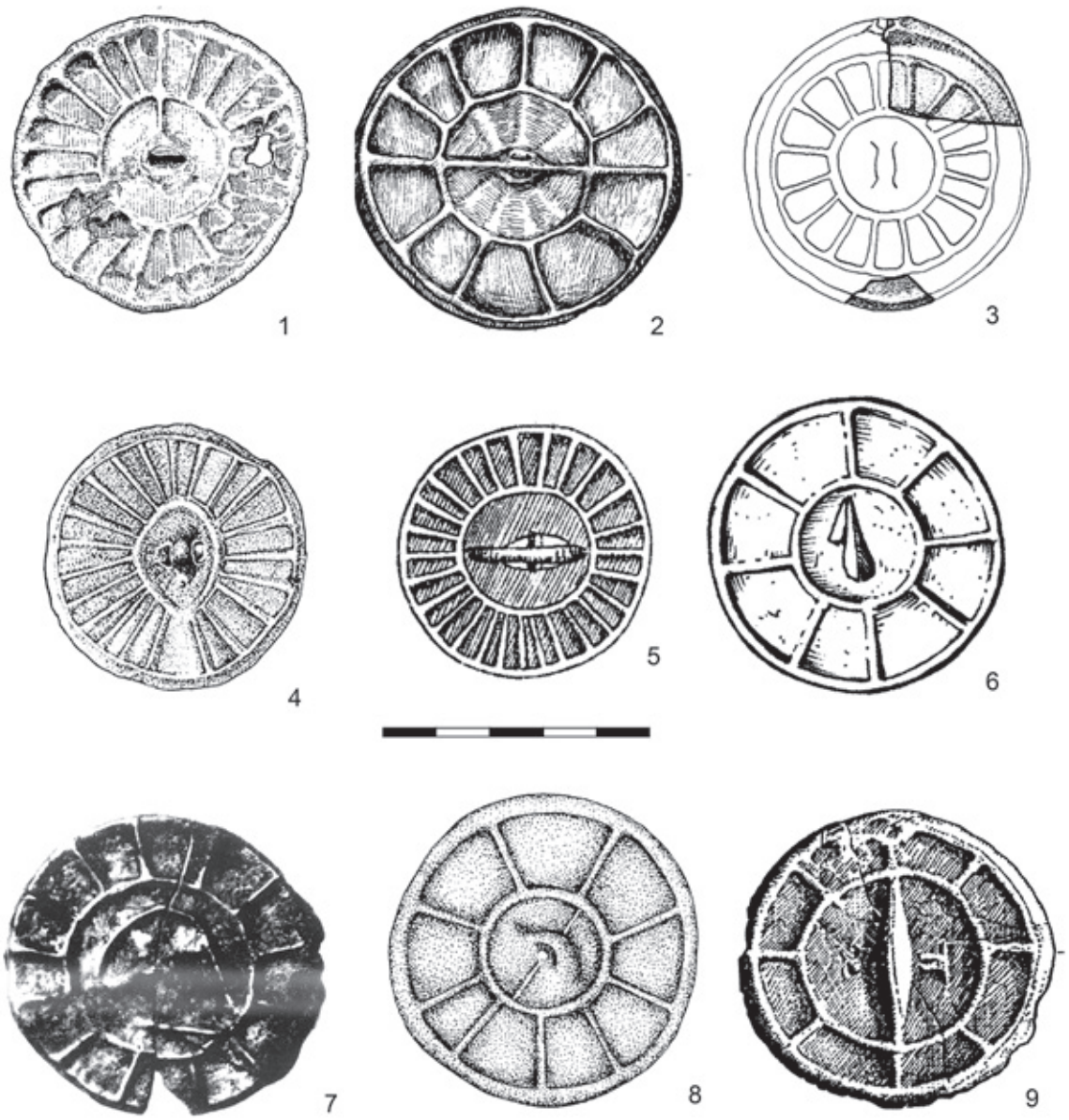


Рис. 164. Аналогии зеркал Чми-Бригецио — Анке-1.
1 — Дружное, могила 3 (по: Храпунов, 2002, рис. 73: 9); 2 — Лучистое, могила 41 (по: Айбабин, Хайрединова, 2008, табл. 172: 11); 3 — Бжид, погребение 3 (по: Пьянков, 2006, рис. 43: 1); 4 — Бжид, погребение 158 (по: Пьянков, 2006, рис. 43: 3); 5 — Паласа-сырт, курган 20 (Гм) (по: Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015, рис. 202: 8); 6 — Хохфельден (по: Tejral, 2011, Abb. 243: 3); 7 — Унтерзибенбрунн, женское погребение (по: Tejral, 2011, Abb. 122: 5); 8 — Виминациум, погребение 29 (по: Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006, pl. 5: 8, fig. 16: 1); 9 — Сингидунум, погребение 84 (по: Ivanišević, Kazanski, 2002, pl. VII: 84: 1)

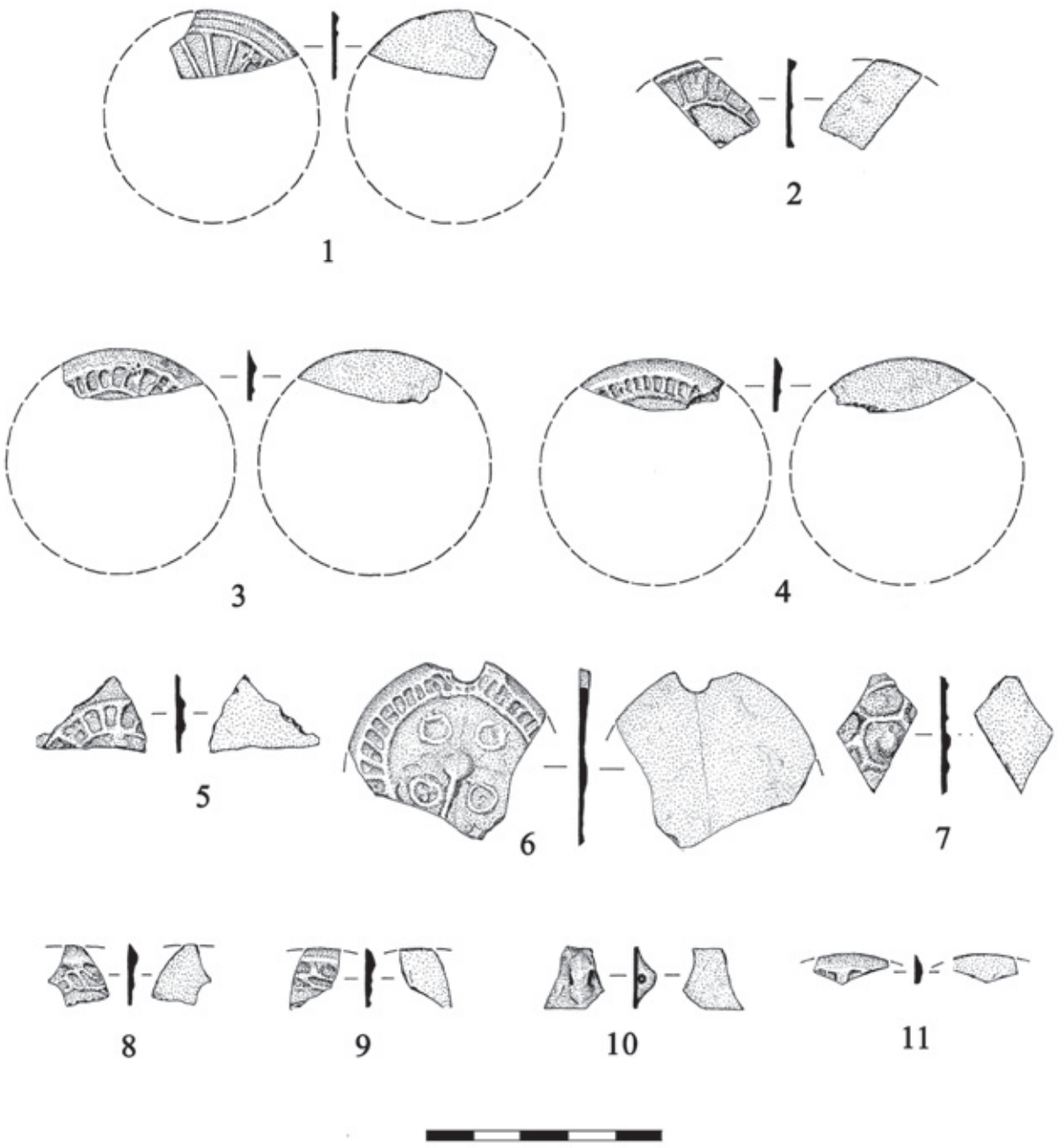


Рис. 165. Поселения Стаево-4 (5), Стаево-5 (1–4, 6–11). Зеркала типа Чми-Бригецио — Анке-1 (1, 2), зеркала с мелким ячеистым декором по борту (3–6), неопределимые фрагменты зеркал (7–11). Рисунки С. Л. Богаченко.
1 — № 865; 2 — № 524; 3 — № 480; 4 — № 628; 5 — № 100; 6 — № 744; 7 — № 882; 8 — № 315; 9 — № 572; 10 — № 750; 11 — № 641 (нумерация дана по: Обломский, 2019б; 2020б и по табл. 2 настоящей монографии)

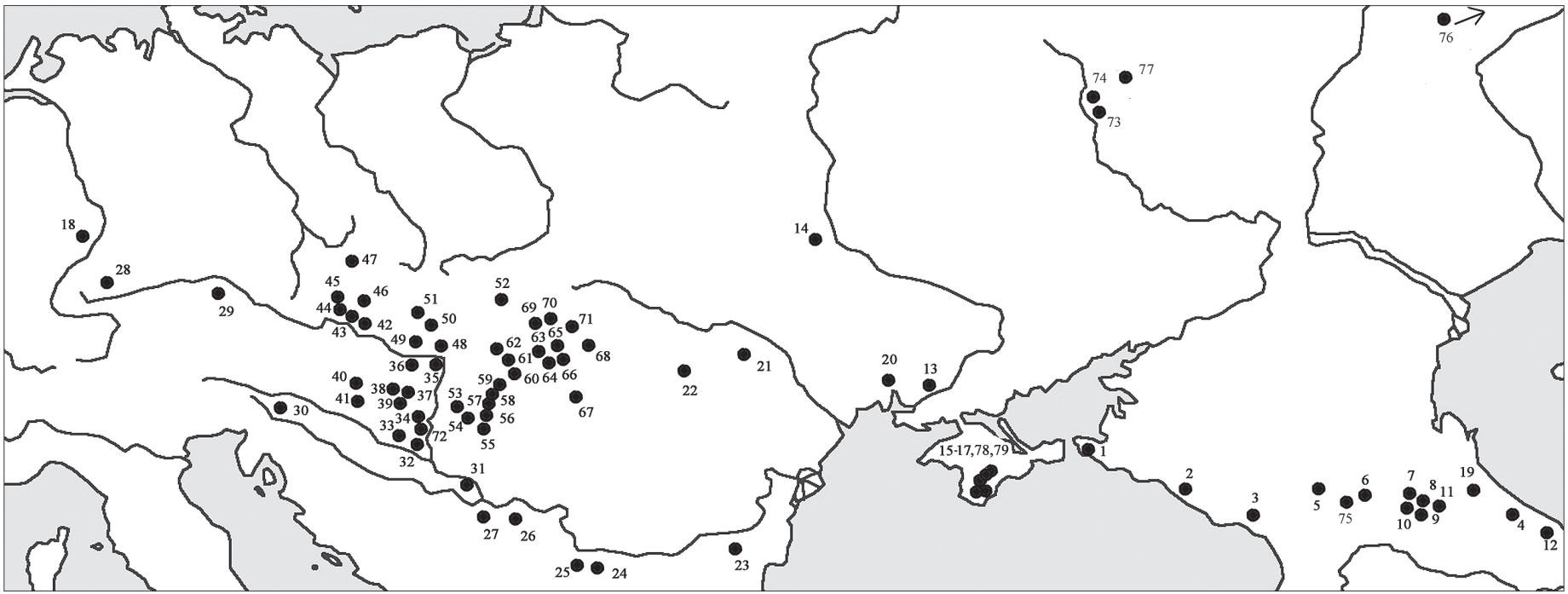


Рис. 166. Распространение зеркал типа Чми-Бригецио — Анке-1 гуннского и постгуннского времени (по: Гавритухин, Казанский, 2018, рис. 9; с модификациями). Ввиду масштаба карты, локализация памятников приблизительна.

1 — Фанагория; 2 — Бжид; 3 — Цебельда; 4 — Дербент; 5 — Мирный; 6 — Чегем; 7 — Галиат; 8 — Задалиск; 9 — Лизгор; 10 — Кобань; 11 — Чми; 12 — Паласа-Сырт; 13 — Бизюков монастырь; 14 — Борохтянская Ольшанка; 15 — Алмалык-Дере; 16 — Лучистое; 17 — Скалистое; 18 — Хохфельден; 19 — Темир-Хан-Шура (Буйнакск); 20 — «Ольвия»; 21 — Ханска; 22 — Ботошань–Деалул-Кэрэмидерей; 23 — Дебрене; 24 — Комарево; 25 — Лом (*Almus*); 26 — Пожаревац (*Viminacium*); 27 — Белград (*Singidunum*); 28 — Месстеттен; 29 — Штёффинг (*Bedaium*); 30 — Поточе; 31 — Нови-Бановци (*Burgenae*); 32 — Батина–Кошкёсег; 33 — Ковагосёоллош; 34 — Мисла; 35 — Пилишмарот; 36 — Бригецио (*Brigetio*); 37 — Сабадбатьян–Мариателеп; 38 — Кёрнье; 39 — Искасендьердь; 40 — Сомбатхей; 41 — Каполч; 42 — Унтерзибенбрунн; 43 — Рингельсдорф; 44 — Гросс-Харрас; 45 — Лаа; 46 — Дрёзинг; 47 — Ракшице; 48 — Соб; 49 — Нове-Замкы; 50 — Шаровце; 51 — Левице; 52 — Кошице; 53 — Кечкемет; 54 — Кишкунфеледьхаза; 55 — Ходбмезовашархель-Горжа; 56 — Чонград–Кендерфёльдек; 57 — Бокеньминдсент–Мадьяртес; 58 — Кунсентмартон–Бахоцка; 59 — Тисафольдвар–Эрхалом; 60 — Тисароф; 61 — Тисапалконья; 62 — Зольдхаломпуста; 63 — Балша; 64 — Тисаллок; 65 — Секей; 66 — Ниредьхаза–Стадион; 67 — Орадя-Маре; 68 — Диндешть; 69 — Мад; 70 — Залкод; 71 — Косино; 72 — Сексард–Бодьслой; 73 — Ксизово-19; 74 — Замятино-5, 75 — Кишпек; 76 — Бирск; 77 — Стаево; 78 — Дружное; 79 — Нейзац

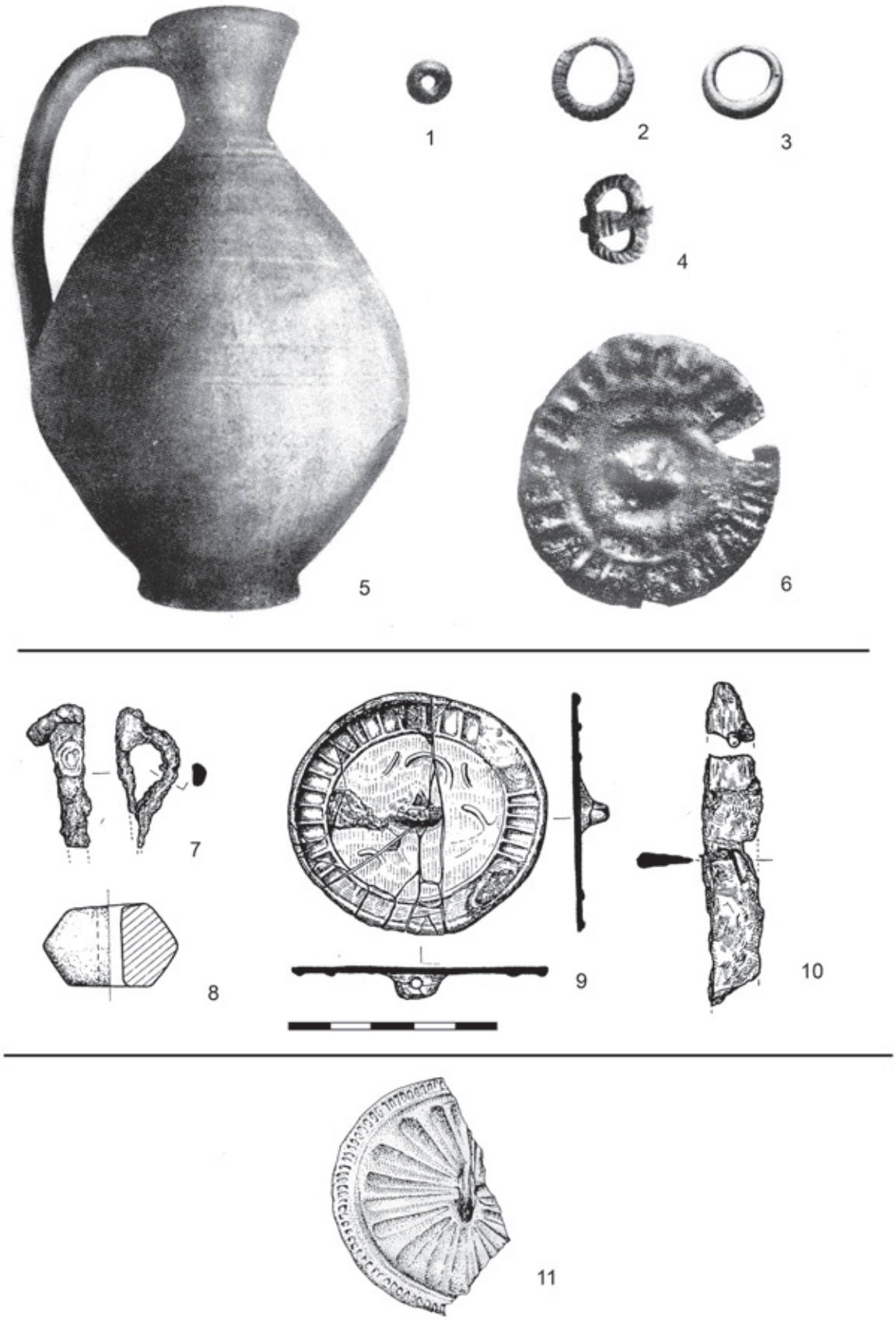


Рис. 167. Аналогии зеркал с мелким ячеистым декором по борту.
1–6 — Мархэгг, погребение 1 (по: Werner, 1956, Taf. 12: B: 1–6); 7–10 — Дружное, могила 47 (по: Хрупнов, 2002, рис. 115: 1–4); 11 — Балатонхидвег (по: Anke, 1998b, Taf. 20: 3)

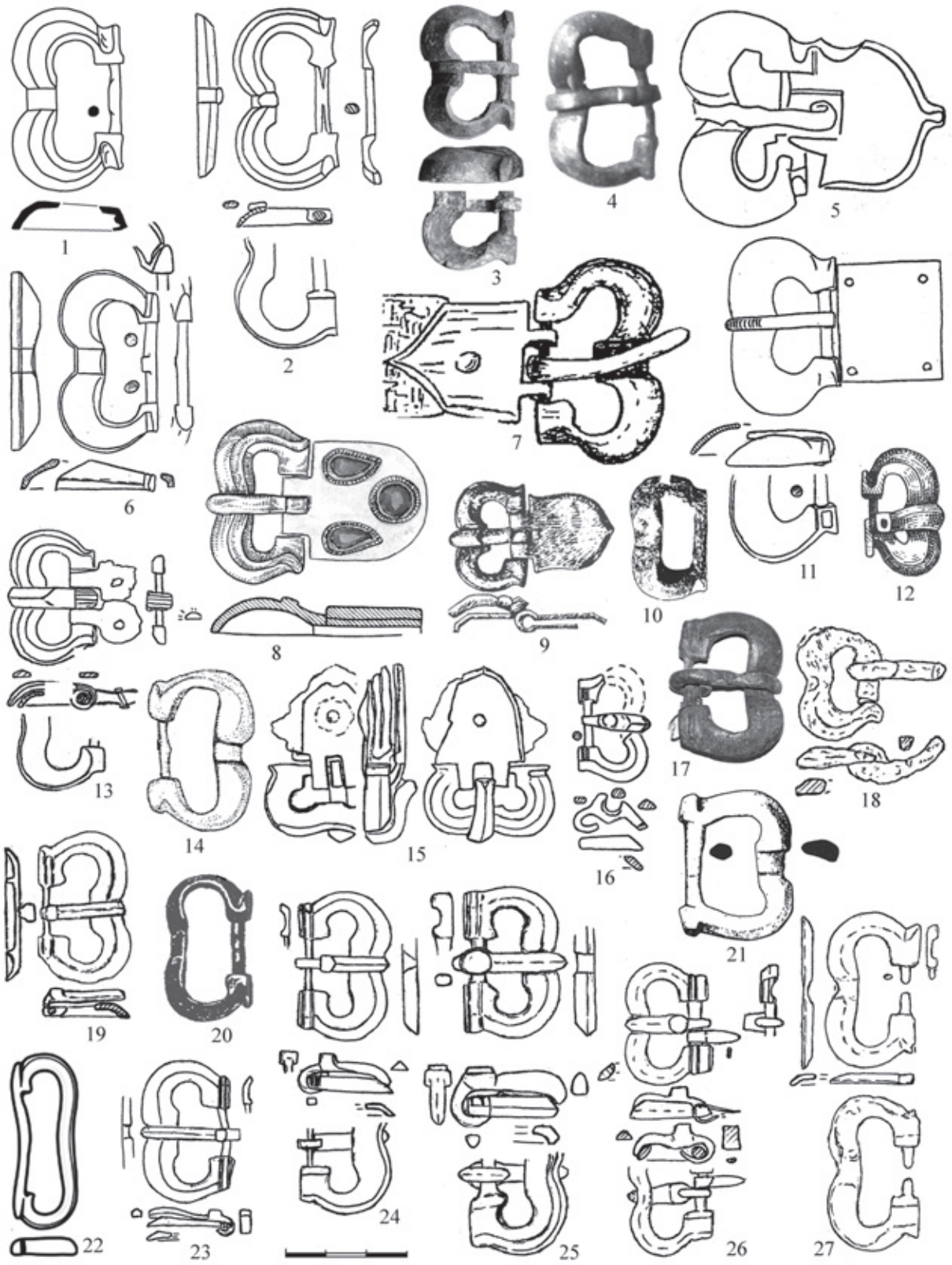


Рис. 168. В-образные пряжки с В-образным внутренним контуром и выступами в задней части рамки. Расшифровку см. на следующей странице

◄ **Рис. 168.** В-образные пряжки с В-образным внутренним контуром и выступами в задней части рамки.

1 — Стаево-4; 2 — Серповое; 3 — Образцово; 4 — Кушнаренково, погр. 4; 5 — Углы; 6 — Шатрище, погр. 1976 г.; 7 — Рёлка; 8 — Мокрая Балка, кат. 100, погр. 1; 9 — Скалистое, мог. 449; 10 — Небугская; 11 — Подболотье, погр. 217; 12 — Харачой, погр. 10; 13 — Бжид, погр. 144; 14 — Керчь, склеп 52 / Суук-Су, мог. 169; 15 — Ундрих, погр. 30; 16 — Зимно; 17 — Елизавет-Михайловка, погр. 92; 18, 26 — Никодимово; 19 — Херсонес; 20 — Печь–Кёзтеметё, погр. 54; 21 — Карфаген; 22 — Тутракан; 23 — Северо-Восточная Болгария; 24 — Абрит; 25 — Пор. Чучнево; 27 — окрестности Очакова.

1 — рис. А. М. Обломского; 2, 13, 16, 18 –19, 23 –27 — рис. И. О. Гавритухина (2 — ГИМ; 13 — дополнения на основе Пьянков, 2002; Гавритухин, Пьянков, 2003; 16 — Владимир-Волынский исторический музей; 18, 26 — Могилевский областной краеведческий музей; 19 — ГЭ; 23 — Археологический музей, Варна; 24–25 — Региональный исторический музей, Добрич (другие рис. в: Харалambиева 1993; Трайкова, 2017); 27 — Государственный археологический музей, Варшава, коллекция И. А. Хойновского); 3 — предоставлено А. М. Воронцовым; 4 — предоставлено А. Н. Никитиной (рис. в: Генинг, 1977); 5 — по: Корзухина, 1996; 6 — рис. А. К. Амброза (в: Гавритухин, 2001а); 7 — по: Чиндина, 1991; 8 — по: Афанасьев, Рунич, 2001 и рис. А. П. Рунича (Гавритухин, Савенко, в печати); 9 — по Веймарн, Айбабин, 1993; 10 — из рукописного архива ИИМК; 11, 15 — рис. И. Р. Ахмедова (11 — немного другой рис. в: Городцов, 1914; 15 — в: Гавритухин, 2001а); 12 — по: Багаев, Виноградов, 1972; 14 — по: Айбабин, 1990; 17 — фото О. В. Зеленцовой; 20 — по: Гавритухин, 2001в; 21 — по: Henig, 1984; 22 — по: Трайкова, 2017

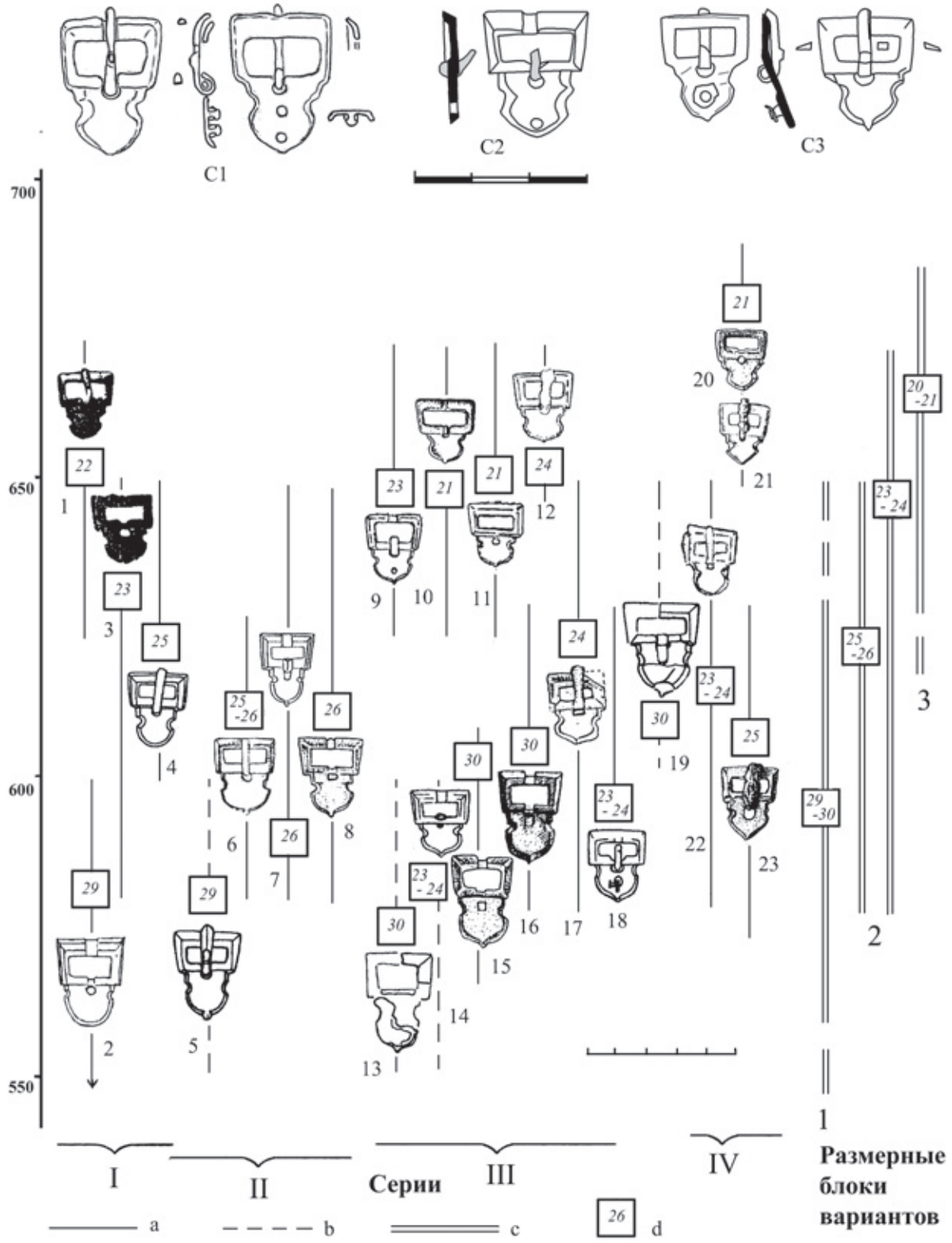


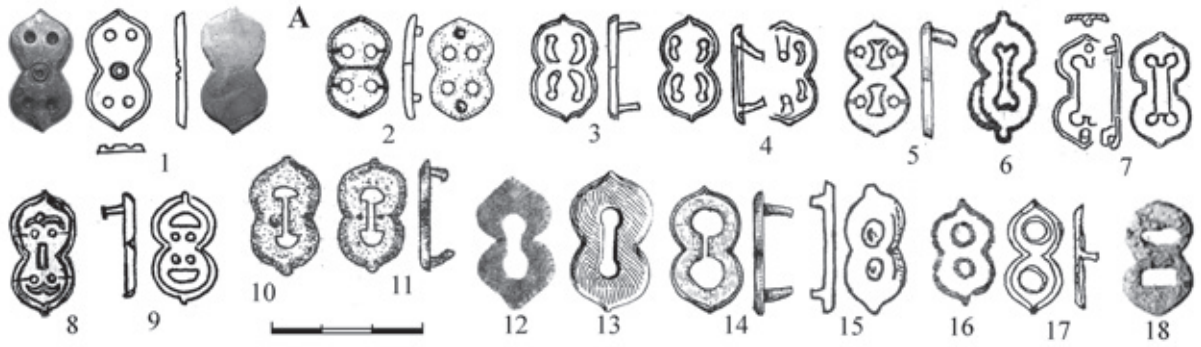
Рис. 169. Маленькие пряжки с трапециевидной рамкой и неподвижным «геральдическим» щитком, имеющим вырезы по бокам.

C1, C3 — Стаево-5; C2 — Стаево-4; 1 — Дюрсо, погр. 402; 2 — Пашковский, погр. 1/1936; 3 — Нижний Джулат, кат. 1; 4, 5, 13, 14, 18, 19 — Лучистое, мог. 102, склепы 170 (погр. 3), 189 (погр. 3), 64 (погр. 3), 77 (погр. 3), 164 (погр. 5); 6, 8, 13, 15, 16, 17 — Скалистое, склепы 420 (погр. 1), 486, 189, 420 (погр. 3), 420 (погр. 1 или 2), 486; 7 — Клин-Яр 4, кат. 5; 9, 10, 20–21 — Клин-Яр 3, кат. 360, 345, 341; 11, 12 — Мокрая Балка, кат. 90, 117; 22 — Харачой, погр. 19; 23 — Бжид, погр. 144.

a, b — даты комплексов; c — даты блоков вариантов; d — длина пряжки. C1 — рис. И. О. Гавритухина; C2–3 — рис. А. М. Обломского; остальное — по: Gavritukhin, 2018



Рис. 170. Щитовидные накладки.
Расшифровку см. на следующей странице



▲ Рис. 171А. Горизонтальносимметричные накладки из двух пересекающихся кругов с выступами по вертикали.

1 — Стаево-5; 2 — Сивашовка, куран 2, погр. 3; 3 — Кугуль, склеп 3; 4 — Мокрая Балка 1, кат. 94, пог. 1; 5, 14 — Лучистое, склепы 77 (погр. 4), 175; 6, 16 — Восточная Грузия; 7 — Бжид, погр. 144; 8 — Чуфут-Кале, склеп 41, погр. 2; 9 — Мачты, кат. 3/1991; 10, 11 — Богачёвка; 12 — Пьятра-Фрекацей, погр. 207А; 13 — Борисово; 15 — Аргунское ущелье; 17 — Цебельда, погр. 313; 18 — Самтавро. 1 — фото А.М. Обломского; 1, 3–4, 7 — рис. И.О. Гавритухина (3–4 — Гавритухин, Савенко, в печати; 7 — дополнения на основе: Пьянков, 2002; Гавритухин, Пьянков, 2003); 2 — по: Комар, Кубышев, Орлов, 2006; 5 — по: Айбабин, Хайрединова, 2017; 6, 16 — по: Апхазава, 1981; 8 — из архива В.В. Кропоткина (в ИА РАН); 9 — рис. С.Н. Савенко (Гавритухин, Савенко, в печати); 10, 11 — предоставлено А.И. Кубышевым; 12 — по: Petre, 1962; 13 — по: Саханев, 1914; 14 — по: Айбабин, Хайрединова, 2014; 15 — по: Багаев, 2008; 16 — по: Апхазава, 1981; 17 — по: Воронов, 2003; 18 — по: Длужневская, 2014

◄ Рис. 170. Щитовидные накладки.

1, 4 — Стаево-5; 2–3, 9 — Борок-2, Ко-267; 5, 13, 49, 54, 55 — Неволино, погр. 202, 53(?),155, 94, 132; 6 — Рисовое, курган 13, погр. 12; 7 — Селиваниха; 8 — Едыс, погр. 12; 10 — Луковня; 11 — Старый Кадом, погр. 53; 12 — обл. Дайламан; 14 — Шатрищи, погр. 12/1920 (Ефименко); 15 — окрестности Очакова; 16 — Шэньси, погр. согдийца в 579 г.; 17 — Керчь, погр. 31/1952; 18 — Бахмутино; 19–20 — «Царский курган»; 21, 35 — Мокрая Балка, кат. 122, 100; 22 — Дюрсо, погр. 413; 23 — Кузембкино, 1975 г.; 24 — Лучистое, склеп 65 (погр. 10); 25 — Иловатка; 26, 27 — Ундрих, погр. 30, 25; 28 — Восточная Грузия; 29 — Дай, погр. 3; 30 — Кучур-оба; 31 — Хусанты; 32 — Верх-Саинский, курган 15; 33 — Борок-2, Ко-197; 34 — Балымерский Шолом; 36 — Лебяжье; 37 — Вишенки; 38 — Виноградное, курган 35; 39 — Крупской; 40 — Мартыновка; 41 — Козиевка; 42 — Гапоново; 43 — «Керчь», покупка; 44 — Спокойная; 45 — Чми; 46 — Васильевка, курган 2, погр. 1; 47 — Кугуль, склеп 5; 48 — Бирск, погр. 359; 50 — Аланская крепость; 51 — Гудермес; 52 — Клин Яр 3, кат. 360; 53 — Маняк, погр. 1; 56, 57 — Селекса, погр. 32, 60.

17, 30 — без масштаба.

1 — фото А.М. Обломского; 1–3, 9, 10, 15, 18, 21, 25, 32–33, 35, 43–44 — рис. И.О. Гавритухина (2–3, 9, 33 — ШРКМ; 10 — Музей Москвы; 15 — Государственный археологический музей, Варшава, коллекция И.А. Хойновского; 18, 25 — ГИМ; 21, 35 — Гавритухин, Савенко, в печати; 32 — Удмуртский государственный университет; 43 — Британский музей; 44 — Армавирский краеведческий музей); 4 — рис. и фото А.М. Обломского; 5, 49, 54, 55 — по: Голдина, 2012; 6, 38, 46 — по: Комар, 2005; 7 — по: Морозов, 2014; 8 — по: Дзатиаты, 1985; 11 — рис. В.Н. Шитова (в: Ахмедов, 2010); 12, 30 — по: Bálint, 1992; 13 — по: Голдина, Водолаго, 1990; 14, 26 — рис. И.Р. Ахмедова; 16 — по: Торгоев, 2011; 17 — по фото в: Блаватский, 1955; 19 –20, 39 — по: Атавин, 1996; 22 — рис. А.В. Дмитриева; 23 — рис. А.П. Гаврилова; 24 — по: Айбабин, Хайрединова 2014; 27 — по фото А.П. Гаврилова; 28 — по: Апхазава, 1981; 29 — по: Багаев, 2008; 31 — из архива А.К. Амброза (в ИА РАН); 34 — по: Старостин, 1967; 36, 40 –41 — по: Скиба, 2016; 42 — по: Гавритухин, Обломский, 1996; 45 — из фотоархива ИИМК; 47 — рис. А.П. Рунича (Гавритухин, Савенко, в печати); 48 — рис. А.А. Красноперова; 50 — рис. С.Н. Савенко (Гавритухин, Савенко, в печати); 51 — по: Мамаев, 1986; 52 — по: Belinskij, Härke, 2018; 53 — по: Мажитов, 1981; 56 –57 — рис. В.В. Гришакова

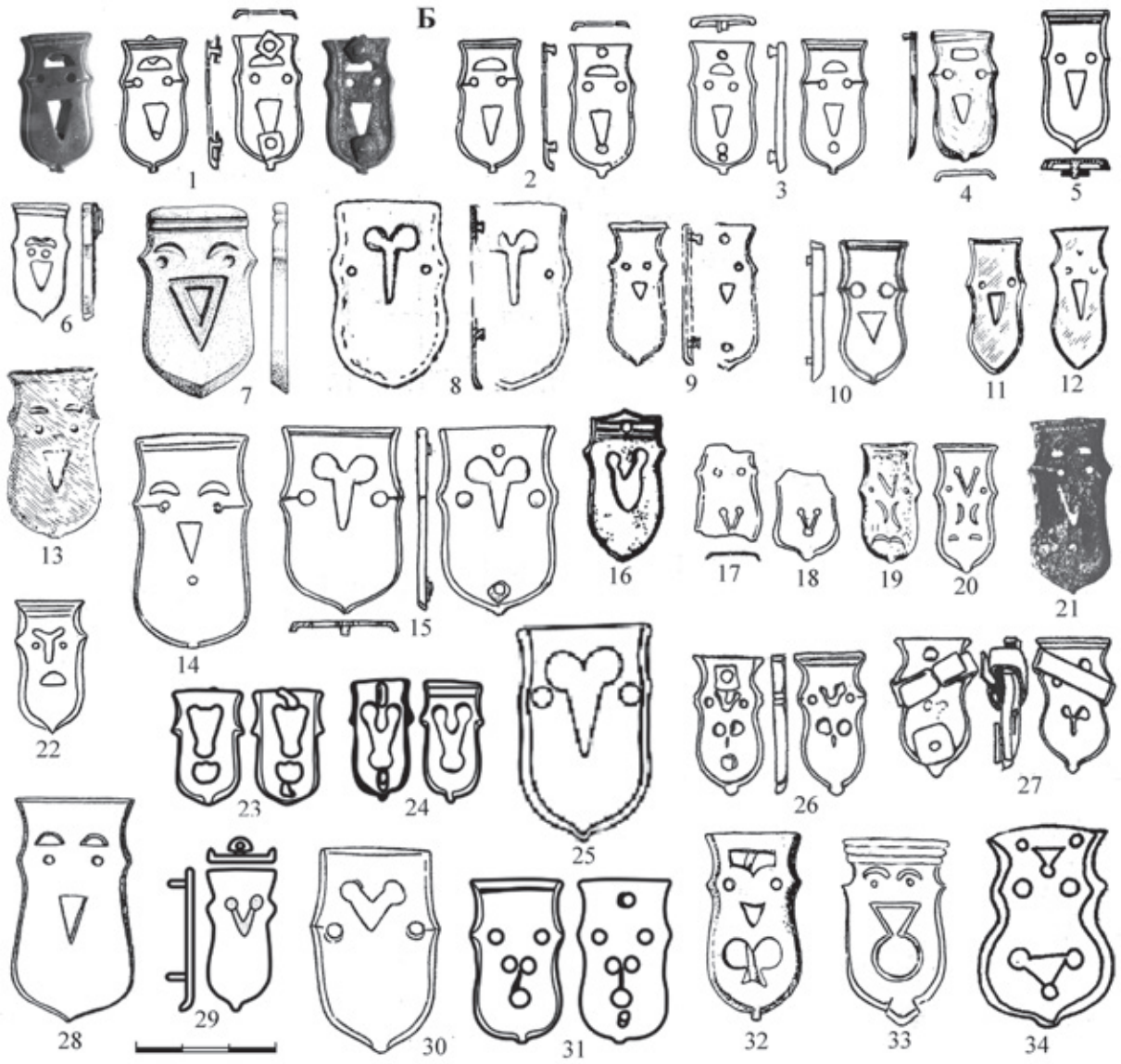


Рис. 171Б. Полые «геральдические» наконечники с выступами по бокам и прорезями схемы «2 круга и треугольник» или близкой ей.

1–2 — Стаево-5; 3 — Черноморское, курган 1, погр. 11; 4, 26–27 — Лучистое, склепы 65 (погр. 10), 177 (погр. 3); 5 — «Царский курган»; 6 — Крым; 7 — Адонь; 8–9 — Джамагат; 10 — Аланская крепость; 11 –12 — Аверкинский, погр. 149; 13 — Чуфут-Кале, склеп 34; 14 — Камунта; 15, 21, 30 — Чми, кат. 11, 17, вне комплекса; 16 — Среднее Поднепровье; 17 –18 — Ундрих, погр. 65; 19 — Маняк, погр. 2; 20 — Сынтыштамак; 22 — Селекса, погр. 32; 23 — Поп Русаново; 24 — Славейково; 25 — Матюхин Бугор; 28 — Сонта; 29 — Боряна; 31 — Жылыд; 31 — Славы-Русы; 33 — Каменка на р. Конке; 34 — Углы.

1 — фото А.М. Обломского; 1–2, 8–9, 15, 17–18 — рис. И.О. Гавритухина (8–9 — Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник; 15 — ГИМ; 17–18 — ШРКМ); 3 — по: Комар, Орлов, 2006; 4 — по: Айбабин, Хайрединова, 2014; 5 — по: Атавин, 1996; 6 — по: Айбабин, Хайрединова, 2017; 7 — по: Garam, 2001; 10 — рис. С.Н. Савенко (Гавритухин, Савенко, в печати); 11–12 — по: Голдина, 1985; 13 — из архива В.В. Кропоткина (в ИА РАН); 14, 20, 30 — по: Гавритухин, Обломский, 1996; 16, 34 — по: Корзухина, 1996; 19 — по: Мажитов, 1981; 21 — по: Мацулевич, 1927; 22 — рис. В.В. Гришакова; 23–24, 29, 31 — по: Трайкова, 2017; 26–27 — по: Хайрединова, 2003; 28 — по: Dimitrijević, Kovačević, Vinski, 1962; 32 — по: Даскалов, 2012; 33 — предоставлено Р.Л. Розенфельдом



Рис. 172А. Накладка с луновидной нижней частью и ее аналоги.
1 — Стаево-5; 2 — Неволино, погр. 146; 3 — Лучистое, склеп 77 (погр. 5); 4 — Агафоново, погр. 13.
1 — фото А. М. Обломского, рис. И. О. Гавритухина; 2 — по: Голдина, 2012; 3 — по: Айбабин, Хайреди-нова, 2014; 4 — по: Голдина, Королева, Макаров, 1980



Рис. 172Б. Полые «геральдические» наконечники с выступами по бокам и двумя круглыми отверстиями.
1 — Суджа–Замостье; 2 — Мокрая Балка, кат. 1; 3 — Стаево-5; 4 — Селекса, погр. 32; 5 — Мокрая Балка 1, кат. 107, погр. 1.
1 — предоставлено В. Е. Родинковой (рис. в: Родинкова, Сапрыкина, Сычева, 2018); 2 — по: Афанасьев, Рунич, 2001; 3 — рис. и фото А. М. Обломского; 4 — рис. В. В. Гришакова; 5 — рис. И. О. Гавритухина (Гавритухин, Савенко, в печати)

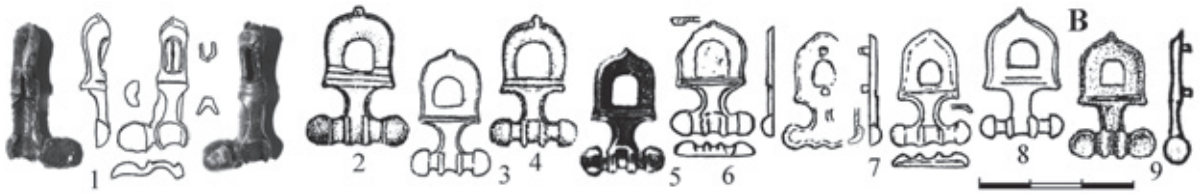


Рис. 172В. Т-образные крепежные наконечники с пламеневидным щитком, имеющим прямой низ и полуовальный вырез, с двумя валиками в основании перекладины.
1 — Стаево-5; 2 — Верхне-Садовое; 3 — Кузёмкино; 4 — Керчь, склеп 180; 5 — Чуфут-Кале, склеп 41, погр. 1; 6 — Херсонес; 7 — Верх-Саинский, курган 79, погр. 1; 8 — Самтавро, погр. 251/1940; 9 — Богачёвка, курган 8, погр. 12.
1 — фото А. М. Обломского; 1, 6–7 — рис. И. О. Гавритухина (6 — ГМЗХТ; 7 — Удмуртский государственный университет); 2, 4 — по: Айбабин, 1990; 3 — по фото А. П. Гаврилова; 5 — по: Кропоткин, 1965; 8 — по: Апхазава, 1979; 9 — по: Комар, 2005

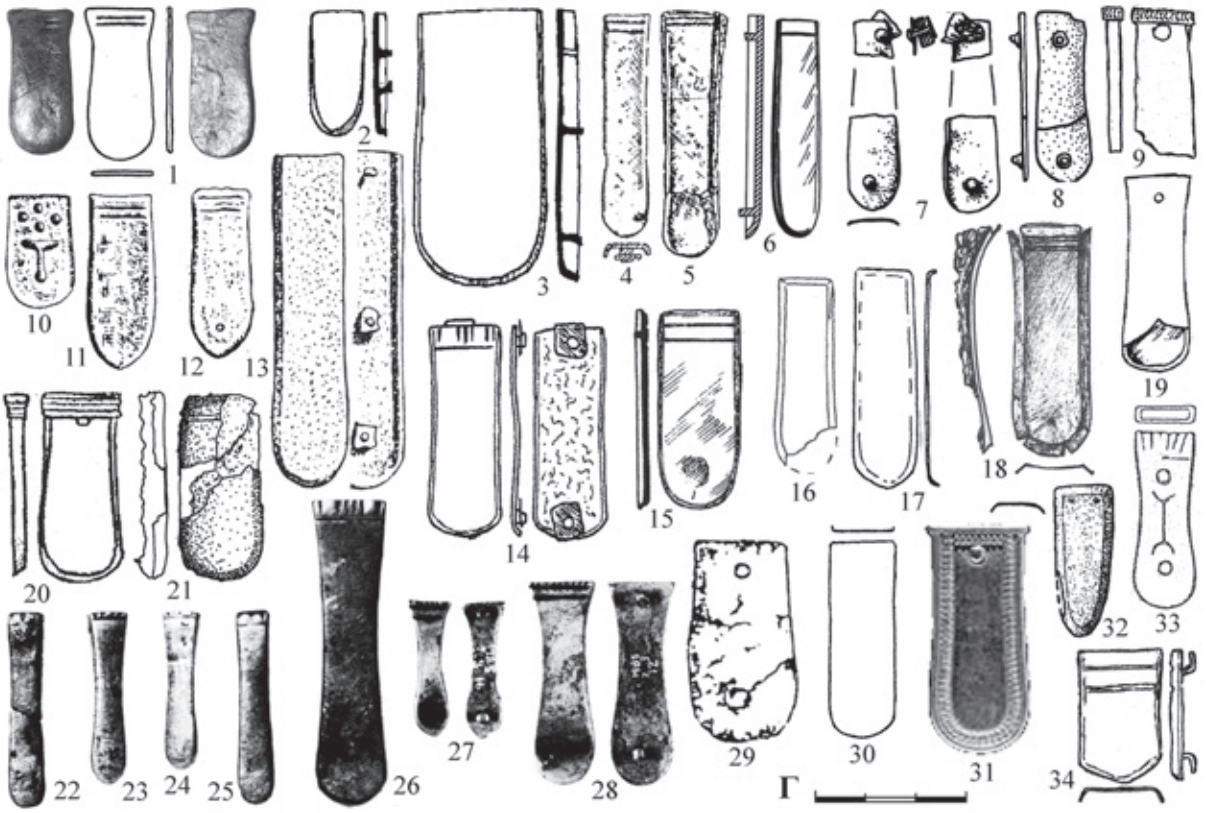


Рис. 172Г. Наконечники с расширением внизу.
1 — Стаево-5; 2–3 — Кара-Буура, курган 3; 4 и 5 — Агафоново 1, вне комплекса и погр. 13; 6 — Неволино, погр. 221; 7–8 — Клин-Яр 3, кат. 345; 9 — Мокрая Балка, кат. 117; 10–11 — Ново-Бикинский курган; 12, 13 — Маняк, погр. 10, 25; 14 — Градижск; 15 — Верх-Саинский, погр. 107; 16, 17 — Чир-юрт, погр. 90 (Костюченко), 8 (Путинцевой); 18 — Садон, кат. 68; 19 — Чми, кат. 17; 20 — Сегвар–Шаполдал; 21 — Деск Н, погр. 18; 22–26 — Северная Сирия; 27–28 — Сирия (?); 27 — Кучур-оба; 30 — Алония, склеп 1; 31 — Боча; 32 — Брут 2, курган 13; 33 — Альтенердинг, погр. 434; 34 — Дюрсо, погр. 286. 29 — без масштаба.
1 — фото А.М. Обломского; 1, 9, 34 — рис. И.О. Гавритухина (9 — Гавритухин, Савенко, в печати; 34 — Новороссийский исторический музей); 2–3 — по: Торгоев, 2011; 4–5 — по: Голдина, Королева, Макаров, 1980; 6 — по: Голдина, 2012; 7–8 — по: Belinskij, Härke, 2018; 10–13 — по: Мажитов, 1981; 14 — по: Левченко, 2001; 15 — по: Голдина Р.Д., Перевозчикова, Голдина Е.В., 2018; 16–17 — рис. А.К. Амброза (в: Ковалевская, 2005); 18 — рис. З.П. Кадзаевой; 19 — по: Амброз, 1989; 20 — по: Garam, 1992, воспроизведено в Гавритухин, 2001в; 21 — по: Balogh, 2004; 22–29 — по: Bálint, 1992; 30 — по: Турова, Черныш, 2015; 31 — по: Wicker, 2019; 32 — по: Габуев, Малашев, 2009; 33 — по: Sage, 1984

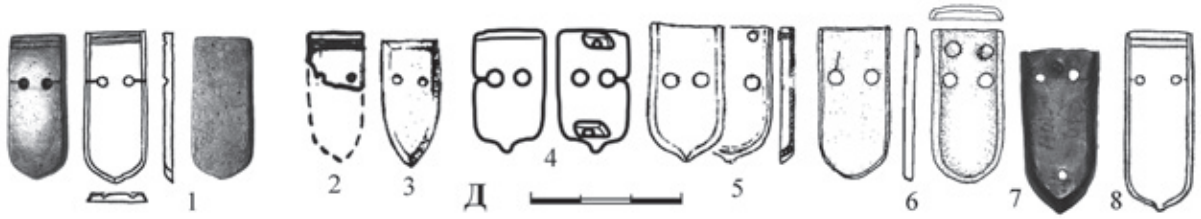


Рис. 172Д. «Геральдические» наконечники с прямыми боками и двумя круглыми отверстиями.
1 — Стаево-5; 2 — Едыс, погр. 12; 3 — Бережновка, курган 1, погр. 7; 4 — Драгоево; 5 — Спокойная; 6 — Сивашовка, курган 3, погр. 2; 7 — Релка, курган 1; 8 — Дюрсо, погр. 475.
1 — фото А.М. Обломского; 1, 5 — рис. И.О. Гавритухина (5 — Армавирский краеведческий музей); 2 — по: Дзатиаты, 1985; 3 — по: Синицын, 1959; 4 — по: Трайкова, 2017; 6 — по: Комар, Кубышев, Орлов, 2006; 7 — по: Vodyasov, Zaitceva, 2019; 8 — по: Гавритухин, Обломский, 1996

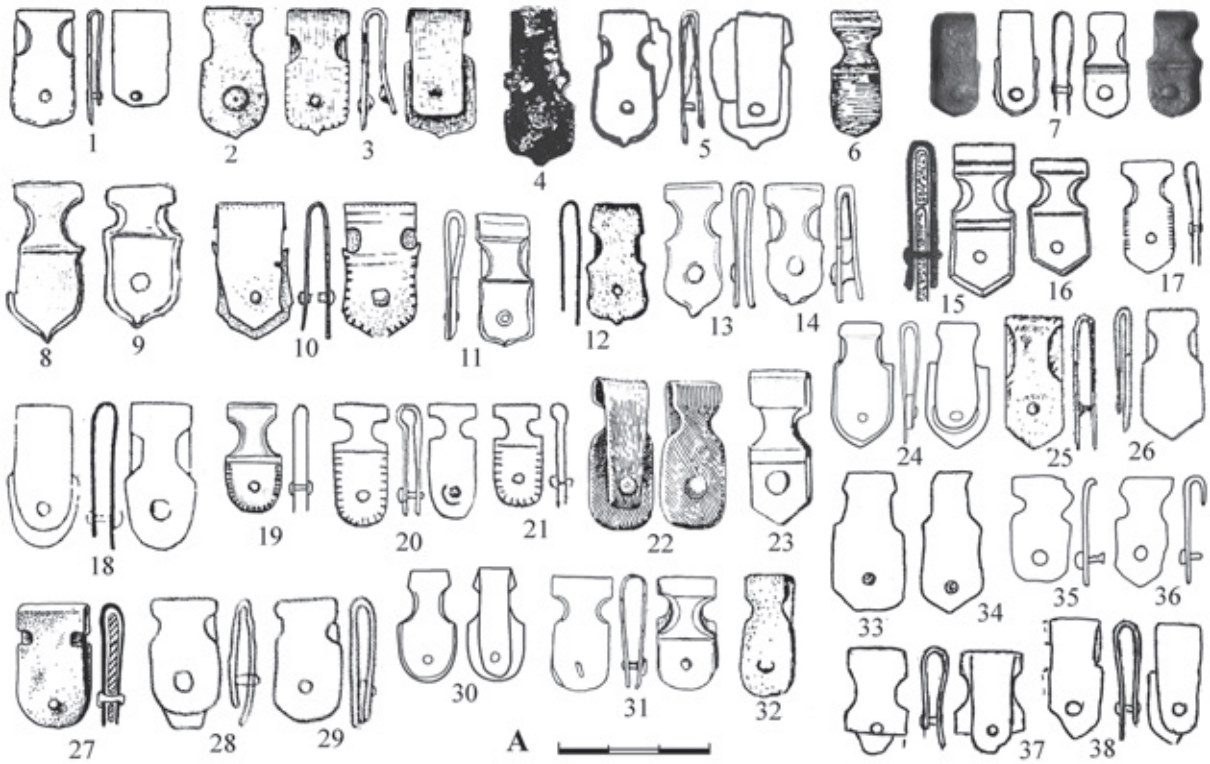


Рис. 173А. Ременные разделители, согнутые из пластины, с Т-образным основанием.
1 — «Царский курган»; 2 — Калининская, курган 30, погр. 3; 3 — Изобильное, курган 1, погр. 4; 4 — Васильевка, курган 2, погр. 1; 5 — Арцибашево; 6 — Ново-Турбаслы, курган 10, погр. 2; 7 — Стаево-5; 8 — Чми, кат. 17; 9 — Дюрсо, погр. 415; 10, 27 — Клин-Яр 3, кат. 360 (погр. 2), 341 (погр. 1); 11 — Шелюги; 12 — Сивашовское, курган 2, погр. 2; 13–14, 15–16, 31 — Лучистое, склепы 300, 77 (погр. 3), 204 (погр. 1); 17 — Мокрая Балка 1, кат. 11К; 18 — Калакол, склеп 1; 19 — Кугуль, склеп 3; 20–21 — Цебельда, погр. 326; 22 — Борисово; 23 — Дюрёс, погр. 29; 24, 30 — Лебеди 4, курганы 2 (погр. 2), 5; 25 — Богачёвка, курган 8, погр. 12; 26 — Сиреневая бухта, склеп 15/3; 28–29 — Забытый, курган 6; 32 — Зиновьевка; 33–34 — Дымовка; 35–36 — Цебельда, погр. с монетами; 37–38 — Острый Мыс 1, кат. 3, погр. 1.
1, 7, 9, 37–38 — рис. И. О. Гавритухина (1 — Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник; 9 — Новороссийский исторический музей; 37–38 — Гавритухин, Савенко, в печати); 2 — по: Атавин, 1996; 3 — по: Айбабин, 1999; 4 — предоставлено А. И. Кубышевым; 5 — предоставлено В. Кульчар; 6 — по: Мажитов, 1981; 7 — фото А. М. Обломского; 8 — из архива А. К. Амброза (в ИА РАН); 10, 27 — по: Belinskij, Härke, 2018; 11 — по: Комар, 2008; 12, 25 — по: Комар, 2010; 13 –14 — по: Айбабин, Хайрединова, 2016; 15–16, 31 — по: Хайрединова, 2003; 17 — рис. В. Ю. Малашева (в: Ковалевская, 2005); 18 — по отчету Л. Г. Нечаевой за 1969 г. (в архиве ИА РАН); 19 — рис. А. П. Рунича (Гавритухин, Савенко, в печати); 20–21 — по: Воронов, 2003; 22 — по: Саханев, 1914; 23 — по: Tartari, 1984; 24, 30 — по: Скарбовенко, Лифанов, 2012; 26 — по: Масленников, 1997; 28–29 — по: Лимберис, 1985; 32 — по: Рашев, 2004; 33–34 — по: Айбабин, 1985; 35–36 — по: Воронов, Юшин, 1971

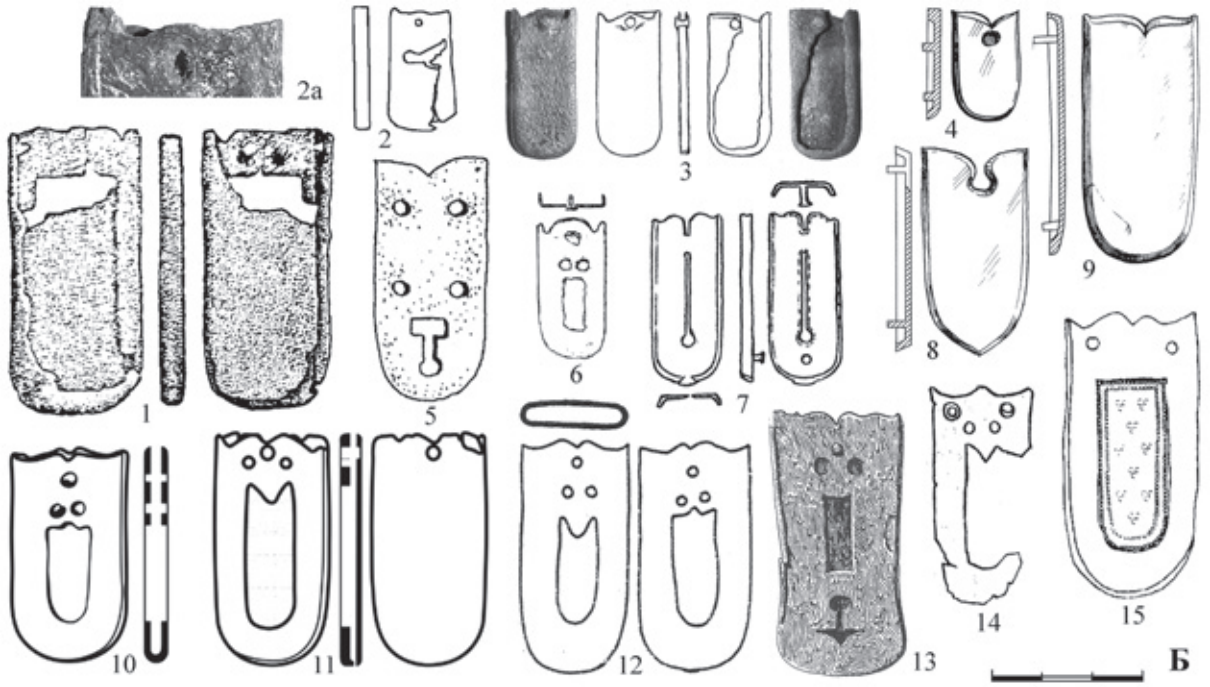


Рис. 173Б. Наконечники с неровным верхним краем.
1 — Сивашовское, курган 2, погр. 2; 2 — Шелюги; 3 — Стаево-5; 4, 8, 9 — Неволино, погр. 259, 146, 105; 5 — Зиновьевка; 6 — Картамышево; 7 — Пены 2; 10 — Славейково; 11 — Северо-Восточная Болгария; 12 — Томы, погр. 21/1992; 13 — Суук-Су, могила 191; 11 — Скалистое, склеп 449; 15 — Васильевка, курган 2, погр. 1.
1 — по: Комар, Кубышев, Орлов, 2006; 2 — по: Комар, 2008; 3 — фото А. М. Обломского; 3, 7 — рис. И. О. Гавритухина (7 — сборы О. А. Радюша); 4, 8–9 — по: Голдина, 2012; 5 — по: Рашев, 2004; 6 — рис. Н. В. Лопатина (другой рис. в: Родинкова, 1996); 10–11 — по: Трайкова, 2017; 12 — по: Bucovală, Paşca, 1992; 13 — по: Репников, 1907; 14 — по: Веймарн, Айбабин, 1993; 15 — по: Комар 2005



Рис. 174. «Геральдические» наконечники с вырезами по бокам и прорезями схемы «2 круга и треугольник» или близкой ей. Расшифровку см. на следующей странице.

◄ **Рис. 174.** «Геральдические» наконечники с вырезами по бокам и прорезями схемы «2 круга и треугольник» или близкой ей.

1 — Стаево-5; 2 –3 — Дюрсо, погр. 308; 4 — Дмитровка; 5 — Сиреневая Бухта, склеп 15/3; 6 — южные губернии Российской империи; 7, 44 — Северо-Восточная Болгария; 8 — Рисовое, курган 2, погр. 10; 9 — Острый Мыс 2, кат. 1, погр. 1; 10 — Богачёвка; 11, 21–22 — Керчь, погр., открытое в 1867 г., погр. 41; 12–14 — Никитинский, погр. 111; 15, 49 — Селекса, погр. 48;16–17 — Дагом, кат. 1; 18 — Чми, кат. 16; 19 — Кугуль, склеп; 20 — Нижний Баксан; 23 — Боряна; 24 — Скалистое, склеп 107; 25 — Куриловка; 26 — Дулово; 27 — Чми, кат. 16; 28–29, 32 — Борок 2, Ко-267, Ко-191; 30–31 — Изобильное, курган 1, погр. 4; 33 — Лебяжье; 34 — регион Монтана; 35 — Шатрище, погр. 12 (Ефименко); 36–37 — Сивашовка, курган 3, погр. 2; 38 — Мокрая Балка 1, кат. 89; 39–40 — Лучистое, склеп 77 (погр. 4); 41 — близ Велико-Тырново; 42 — Черноморец, п-ов Св. Никола (антич. Акра); 43 — Рогачево; 45–46 — Клин-Яр 3, кат. 345; 47 — Чапаевский; 49 — Хальмирис; 50 — Сарды; 51 — Хацки, 52 — Вильховчик; 53 — Мартыновка; 54 — Гайдары.

1 — рис. и фото А. М. Обломского; 2–3, 9, 28–29, 32, 38 — рис. И. О. Гавритухина (2–3 — Новороссийский исторический музей; другой рис. в: Дмитриев, 1982; 28–29, 32 — ШРКМ; 9, 38 — Гавритухин, Савенко, в печати); 4 — по: Комар, 2006б; 5 — по: Масленников, 1997; 6 — из архива MFFG; 7, 23, 34, 41–44 — по: Трайкова, 2017; 8, 10 — предоставлено А. И. Кубышевым; 8а, 11 — по: Айбабин, 1990; 12–14 — по: Ахмедов, 2010; 15 — рис. В. В. Гришакова; 16–17 — по: Шестопалова, 2018; 18–22, 27, 48, 50 — по: Гавритухин, Обломский, 1996; 24 — по: Веймарн, Айбабин, 1993; 25 — предоставлено В. Е. Родинковой (Родинкова, 2010); 26 — предоставлено дирекцией Регионального исторического музея, Силистра (другой рис. в: Трайкова, 2017, № 1622); 30–31 — по: Айбабин, 1999; 33 — по: Родинкова, 1996; 35 — рис. И. Р. Ахмедова; 36–37 — по: Комар, Кубышев, Орлов, 2006; 39–40 — по: Айбабин, Хайрединова, 2014; 45–46 — по: Belinskij, Härke, 2018; 47 — по: Атавин, 1996; 49 — по: Nuţu, 2011; 51 –54 — по: Скиба, 2016





Рис. 175. Стаево. Сырье бронзолитейных мастерских.
1 — фрагменты бронзовых литых зеркал (а — № 546, Стаево-5; б — № 80, Стаево-4; в — № 3/15, г — № 6, Стаево-5); 2 — фрагмент литой бронзовой пальчатой фибулы (№ 27, Стаево-5). Нумерация по Стаево-5 соответствует табл. 2. 1 — фото А. М. Обломского; 2 — фото Е. А. Шаблавиной



Рис. 176. Стаево-5. Два слитка, отлитых в одной литейной форме (№ 59 и № 375).
Нумерация соответствует табл. 2.
Фото Е. А. Шаблавиной



Рис. 177. Стаево-5. Изделия из бронзы.
1 — незаконченный браслет, украшенный оттисками личины на концах (№ 247); 2 — фрагменты проволочных колец с одинаковыми оттисками личины (а — № 484, б — № 469). Фото Е. А. Шаблавиной



Рис. 178. Тигли и матрицы из Стаево-5.
1 — закрытые тигли (а — № 414, б — № 416); 2 — бронзовые матрицы для изготовления ременного наконечника (а — № 376) и накладки (б — № 502). Нумерация соответствует табл. 2.
Фото Е. А. Шаблавиной



Рис. 179. Бронзовые матрицы из Стаево-5: для щитовидных накладок с круглой (1 — № 22) и прямоугольной прорезью (2 — № 249) и ременного наконечника (3 — № 337). Нумерация соответствует табл. 2. Фото Е. А. Шаблавиной



Рис. 180. Модель и отливки пальчатых фибул из Стаево-5. 1 — бронзовая модель пальчатой фибулы (№ 475); 2 — бракованная отливка пальчатой фибулы (№ 264); 3 — бракованная отливка пальчатой фибулы (№ 292). Нумерация соответствует табл. 2. Фото Е. А. Шаблавиной



Рис. 181. Пальчатые фибулы из Стаево-5. 1 — № 133; 2 — бракованная отливка № 260. Нумерация соответствует табл. 2. Фото Е. А. Шаблавиной





Рис. 182. Пальчатая фибула и пряжки из Стаево.
1 — сломанная бронзовая пальчатая фибула (№ 1, Стаево-4); 2 — бронзовые пряжки (а — № 501, Стаево-5; б — № 91, Стаево-5; в — № 79, Стаево-4). Нумерация по Стаево-5 соответствует табл. 2.
1 — фото Е. А. Шаблавиной, 2 — фото А. М. Обломского



Рис. 183. Стаево-5. Вещи из цветных металлов.
1 — бронзовый (а — №57) и серебряный (№474) «геральдические» поясные наконечники; 2 — биметаллическая серьга с многогранной бусиной на конце (№518); 3 — бронзовые антропоморфные амулеты (а — №1/2015, б — №210) и бракованная отливка амулета (в — №476). Нумерация соответствует табл. 2. 1, 2 — фото Е. А. Шаблавиной; 3 — фото А. М. Обломского

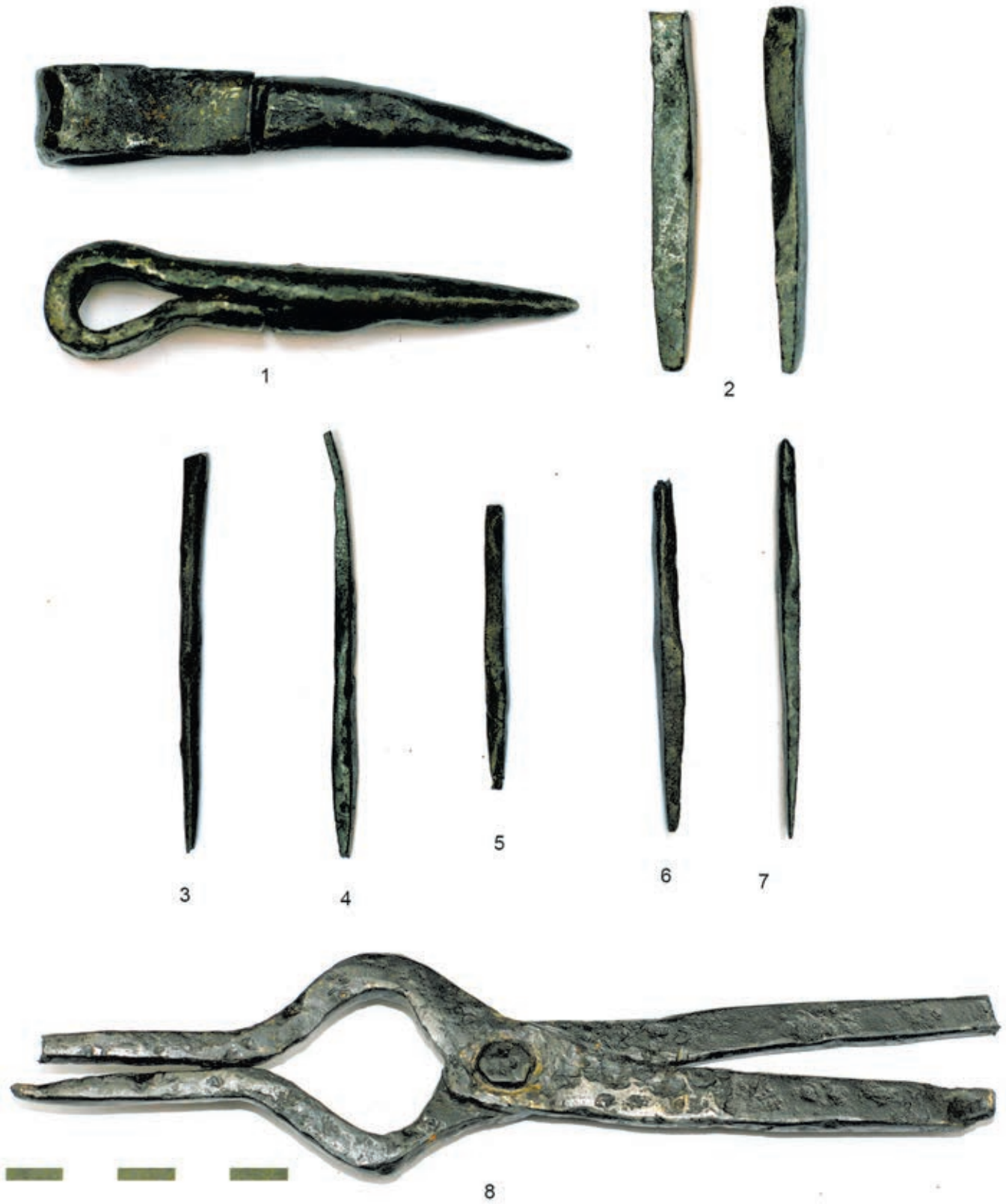


Рис. 184. Стаево-5. Ударные, удерживающие, рубящие и режущие инструменты.
1 — кирка для крицы (№ 560); 2 — зубило (№ 145); 3–7 — пробойники (3 — № 561л, 4 — № 47, 5 — № 365, 6 — № 125, 7 — № 818); 8 — клещи (№ 23). Нумерация соответствует табл. 2, 6).
Нумерация соответствует табл. 2, 6. Фото Н. А. Биркиной



Рис. 185. Стаево-5. Удерживающие инструменты, инструменты для декора и разметки. 1 — щипцы (№ 901, находка 2020 г.); 2–3 — пинцеты (2 — № 561д, 3 — № 561ю); 4–7 — штихели (4 — № 561м, 5 — № 561ъ, 6 — № 561т, 7 — № 561и); 8–9 — резцы (8 — № 790, 9 — № 597); 10–12 — чертилки-заостренные стержни (10 — № 561з, 11 — № 561ы, 12 — № 561ь); 13 — крюк (№ 600). Нумерация соответствует табл. 2, 6. Фото Н. А. Биркиной

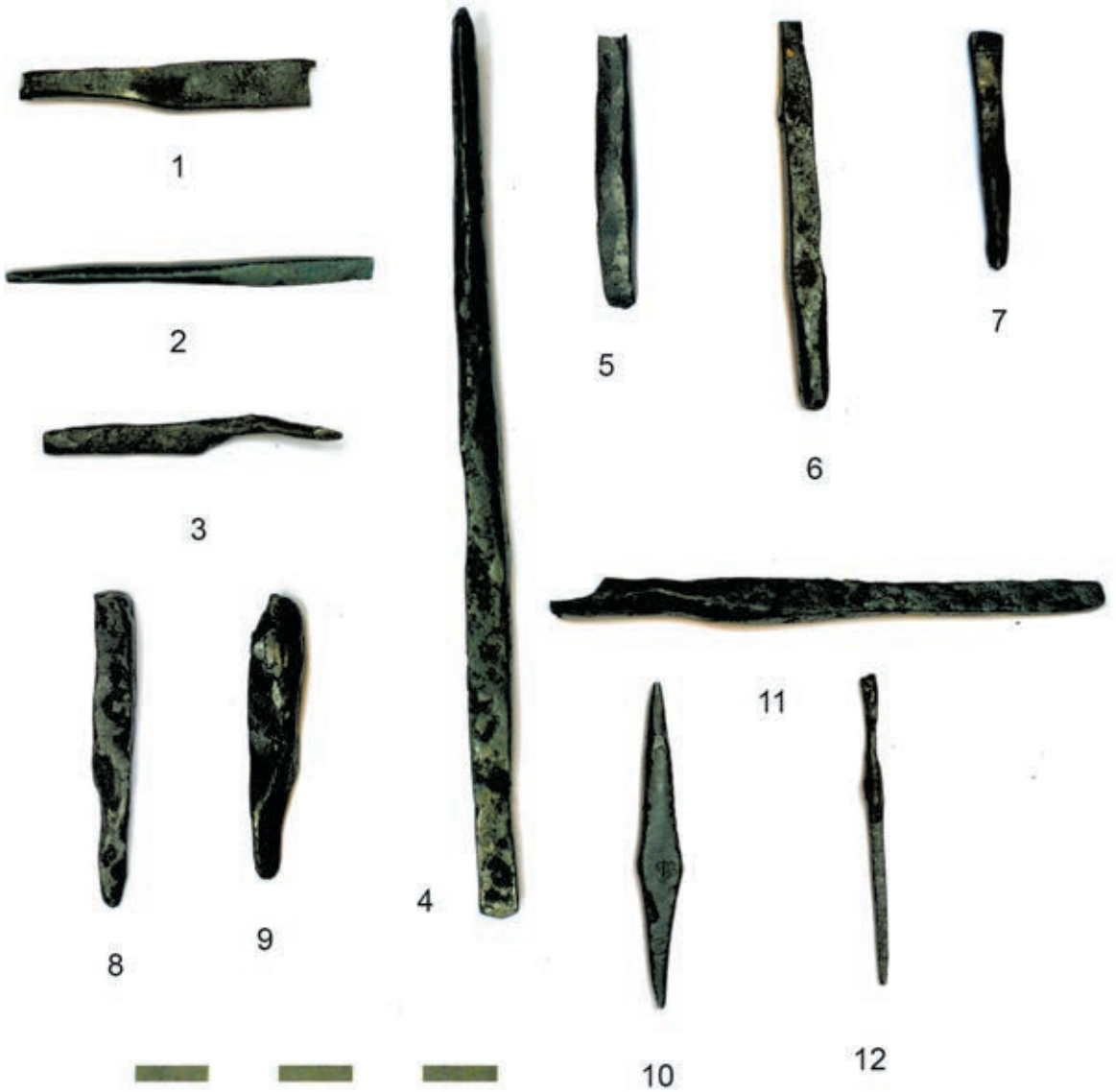


Рис. 186. Стаево-5. Отделочные инструменты.
1–3 — напильники (1 — № 462, 2 — № 575, 3 — № 429); 4 — гладилка (№ 273); 5–7 — шаберы (5 — № 573, 6 — 5А, № 4, 7 — № 561г); 8–10 — сверла (8 — № 561н, 9 — № 561в, 10 — № 578); 11 — неопределимый инструмент (№ 156); 12 — игла (№ 592). Нумерация соответствует табл. 2, 6.
Фото Н. А. Биркиной



Рис. 187. Гистограмма содержания основных легирующих компонентов в сплавах из выборки, датируемой II в. до н. э. — II в. н. э.



Рис. 188. Гистограмма содержания основных легирующих компонентов в сплаве зеркал из раннесредневековой выборки в Стаево-5

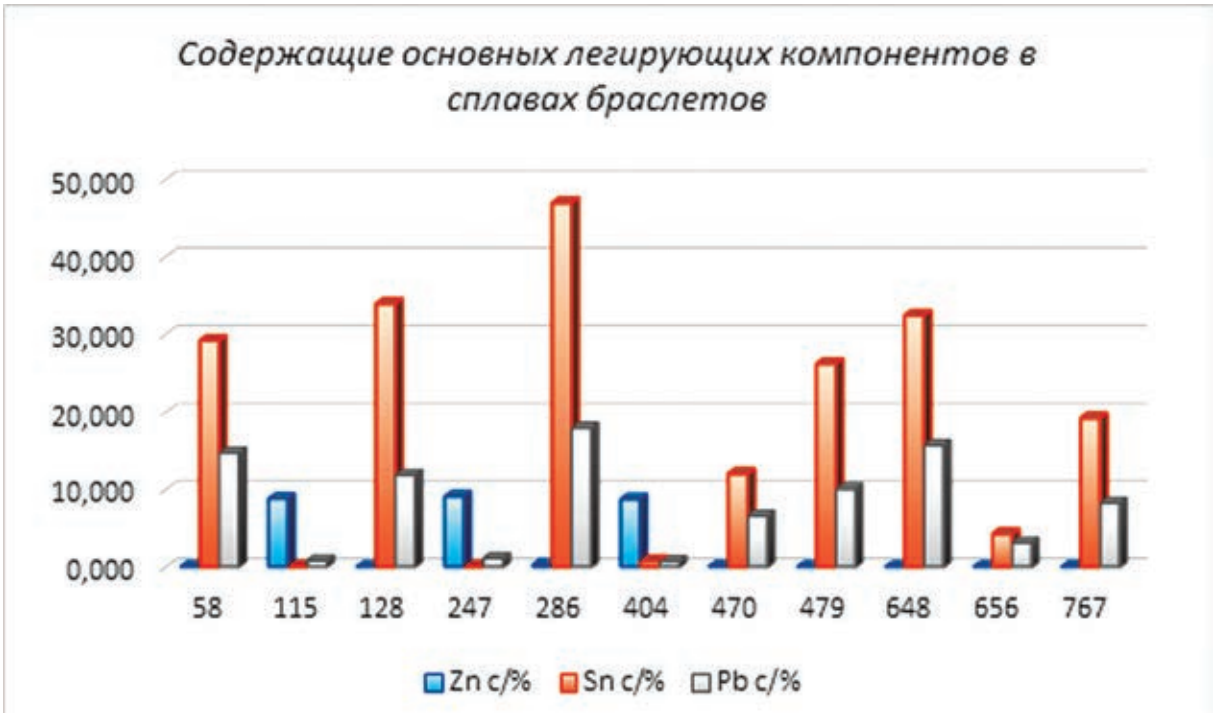


Рис. 189. Гистограмма содержания основных легирующих компонентов в сплаве браслетов из выборки раннесредневекового времени

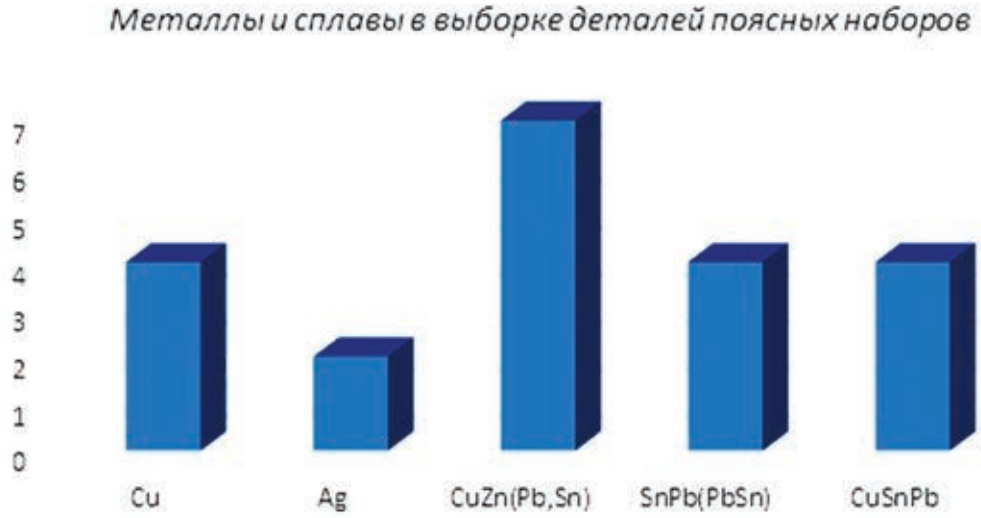


Рис. 190. Основные типы металлов и сплавов деталей поясных наборов из выборки раннесредневекового времени

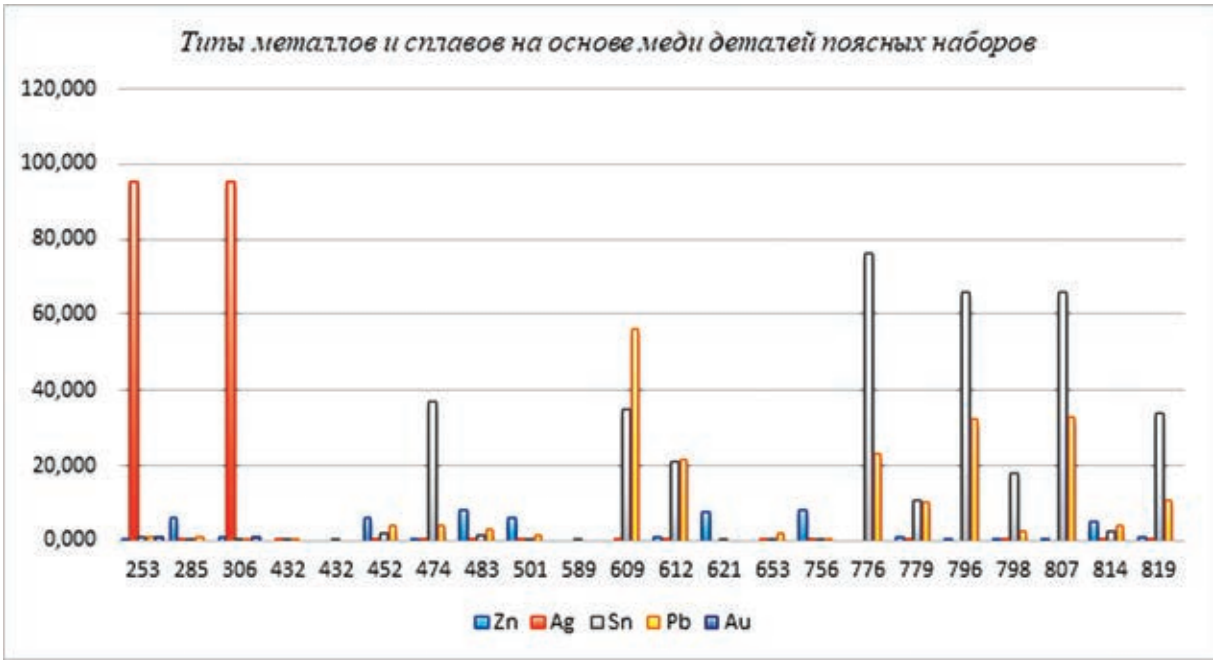


Рис. 191. Типы металлов и сплавов на основе меди в выборке деталей поясных наборов раннесредневекового времени

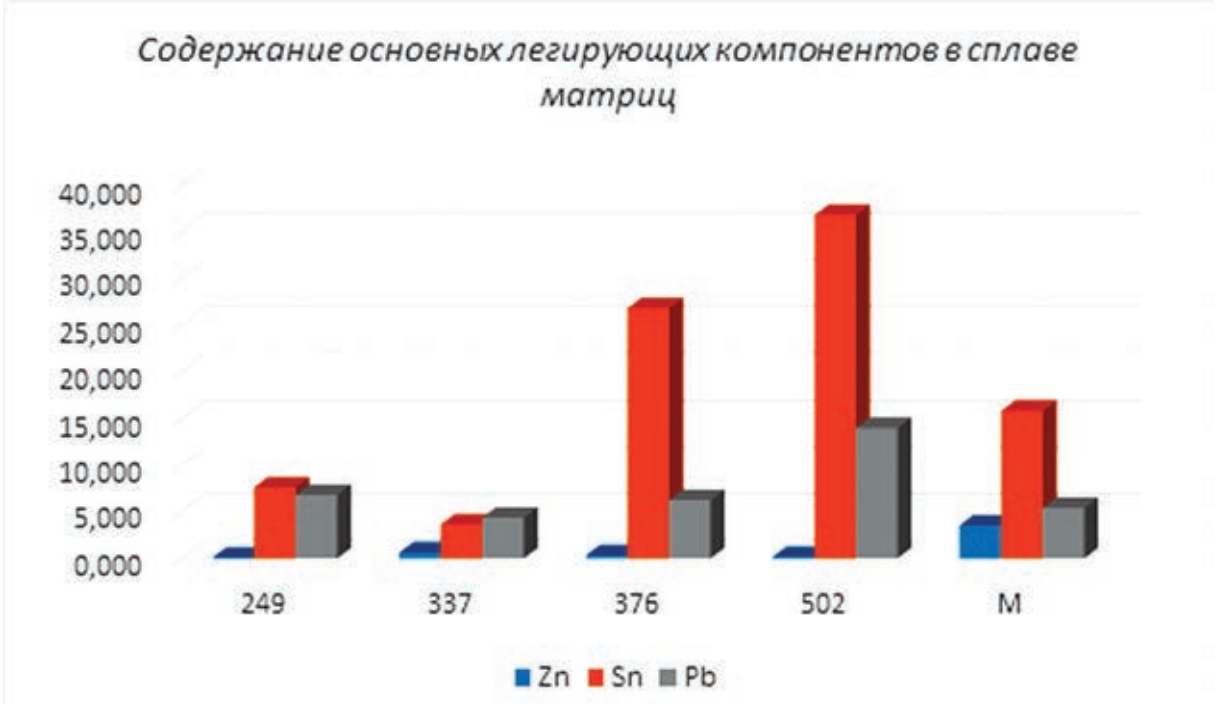


Рис. 192. Гистограмма содержания основных легирующих компонентов в сплаве матриц из выборки раннесредневекового времени

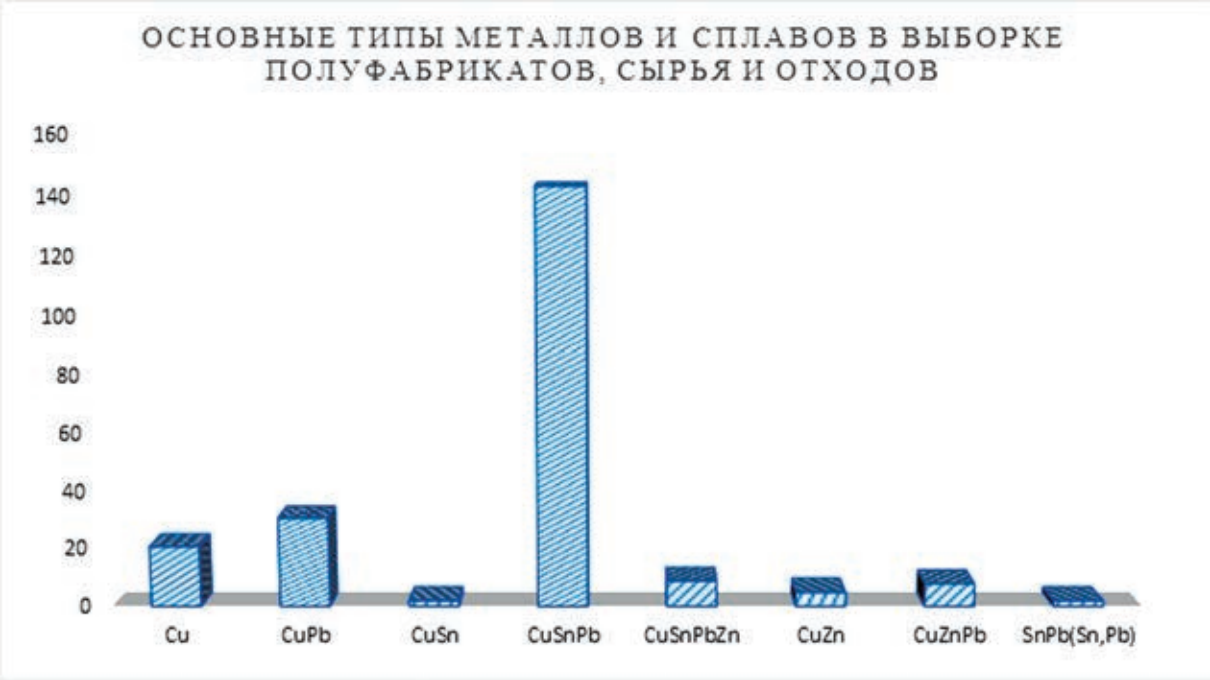


Рис. 193. Гистограмма основных типов металлов и сплавов из сырьевой выборки раннесредневекового времени поселения Стаево-5



Рис. 194. Гистограмма количественного соотношения основных категорий анализируемого материала в группе тройной бронзы



Рис. 195. Гистограмма содержания олова и свинца в тройной бронзе выплесков



Рис. 196. Гистограмма содержания олова и свинца в тройной бронзе дротов, прутиков и фрагментов пластин



Рис. 197. Номенклатура металлов и сплавов из выборки украшений и деталей одежды из раннесредневекового слоя поселения Стаево-5

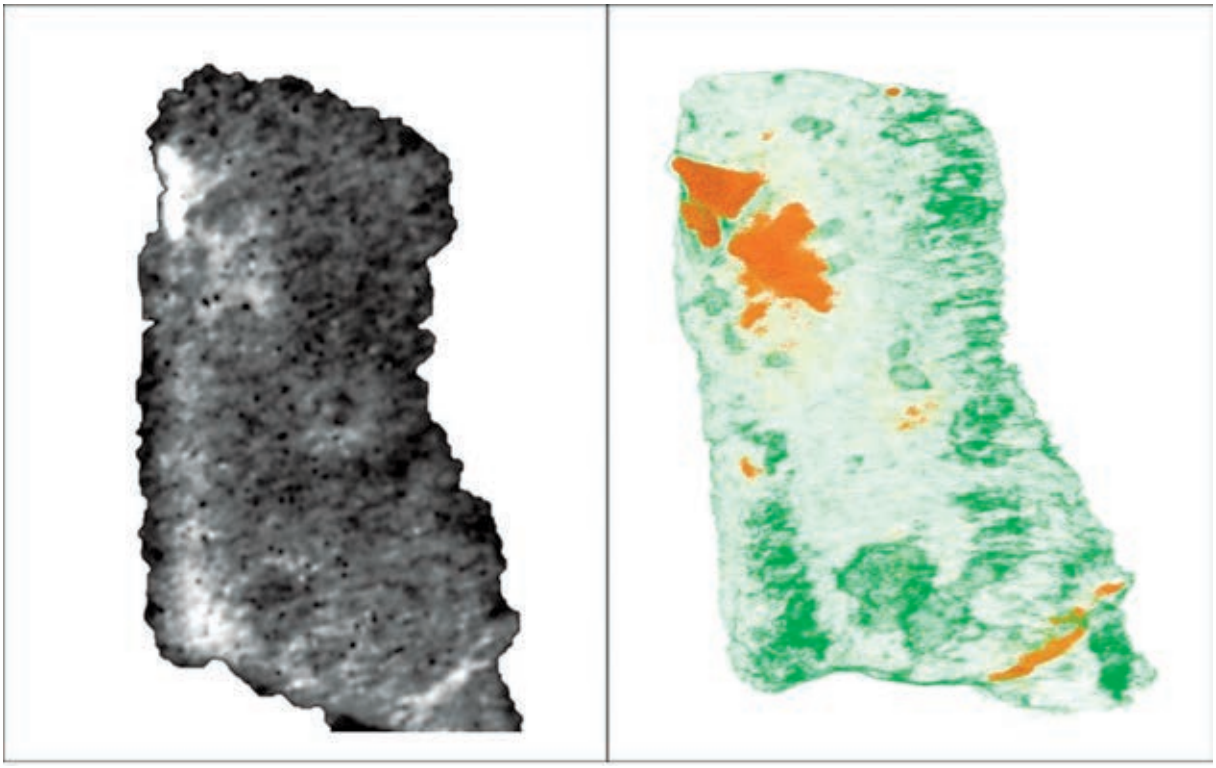
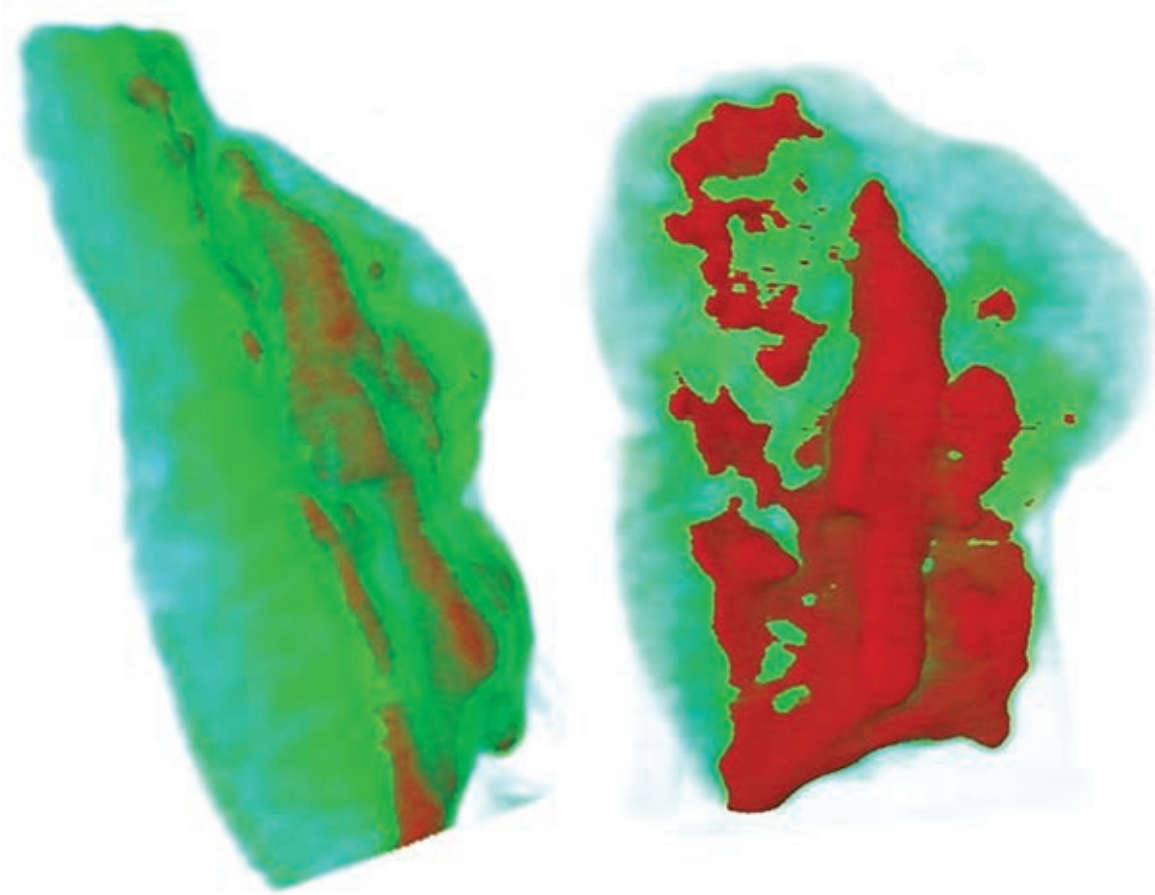


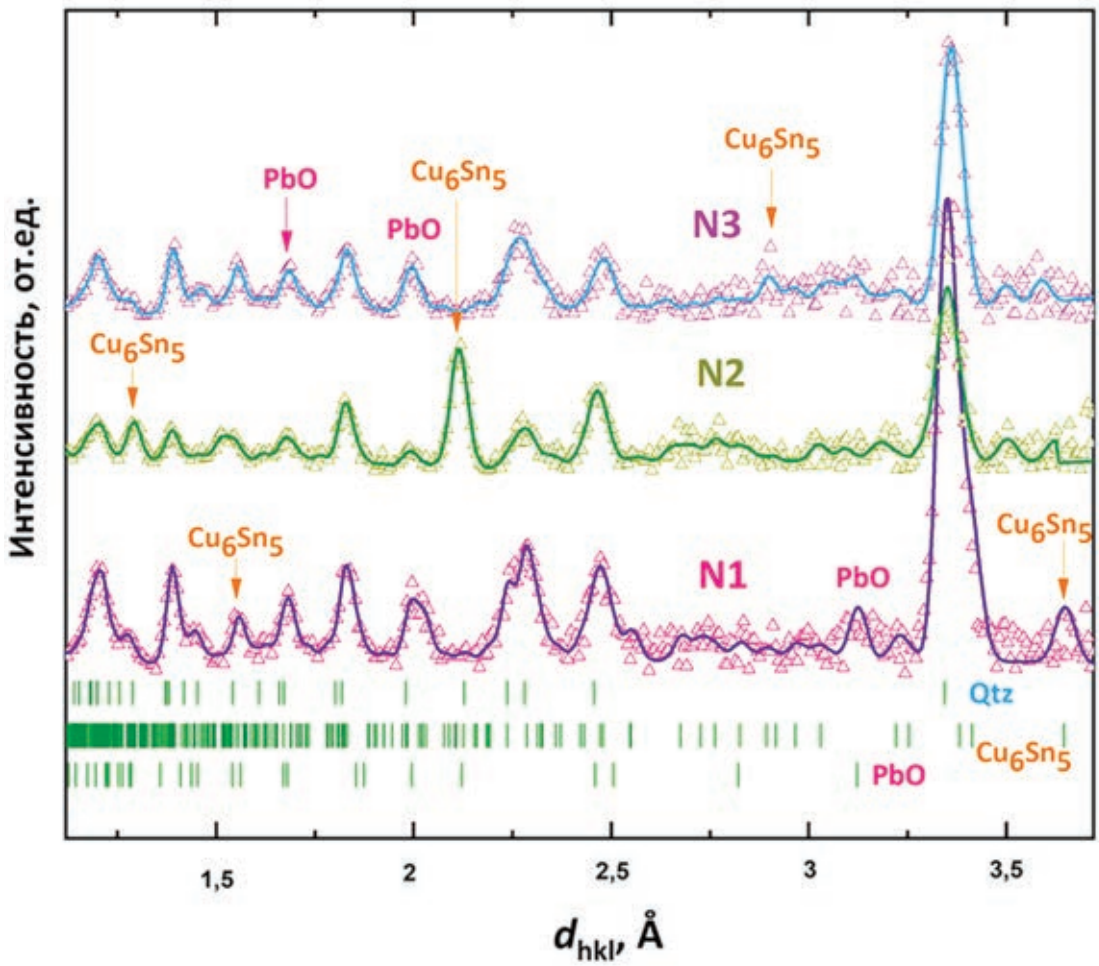
Рис. 198. Пример нейтронного радиографического изображения фрагмента тигля. Более светлые участки соответствуют большему коэффициенту ослабления нейтронного пучка или областям с повышенным содержанием меди и других металлов. Более темные серые области характеризуют низкое сечение полного поглощения нейтронов, что соответствует кварцевому материалу тиглей. Слева представлена восстановленная из данных нейтронной томографии трехмерная модель фрагмента тигля. Красные участки соответствуют пространственному распределению металлических компонентов относительно кварцевого материала тигля (зеленый участок)

► **Рис. 200.** Нейтронные дифракционные спектры фрагментов тиглей №1, 2 и 3. Представлены экспериментальные точки и рассчитанный профиль для основной фазы кварца и минорных металлических фаз. Штрихи внизу спектров соответствуют расчетным положениям брэгговских пиков для различных фаз, наблюдаемых в исследуемых тиглях. Отмечены некоторые характеристические дифракционные пики для фаз оксида свинца и сплава Cu_6Sn_5



▲ **Рис. 199.** Виртуальные продольные и поперечные срезы восстановленной из данных нейтронной томографии трехмерной модели фрагмента тигля №4. Красные участки соответствуют медносодержащим фазам в объеме кварцевой компоненты (зеленые участки)

► **Рис. 201.** Нейтронный дифракционный спектр фрагмента тигля №4. Представлены экспериментальные точки и рассчитанный профиль для основной фазы кварца и минорных металлических фаз. Штрихи внизу спектров соответствуют расчетным положениям брэгговских пиков для различных фаз, наблюдаемых в исследуемых тиглях. Отмечены некоторые характеристические дифракционные пики для фаз оксида свинца и сплава Cu_6Sn_5


Интенсивность, от.ед.
PbO
Cu6Sn5
PbO
Cu6Sn5
N3
Cu6Sn5
Cu6Sn5
N2
Cu6Sn5
N1
PbO
Cu6Sn5
Qtz
Cu6Sn5
PbO
1,5
2
2,5
3
3,5
dhkl, Å

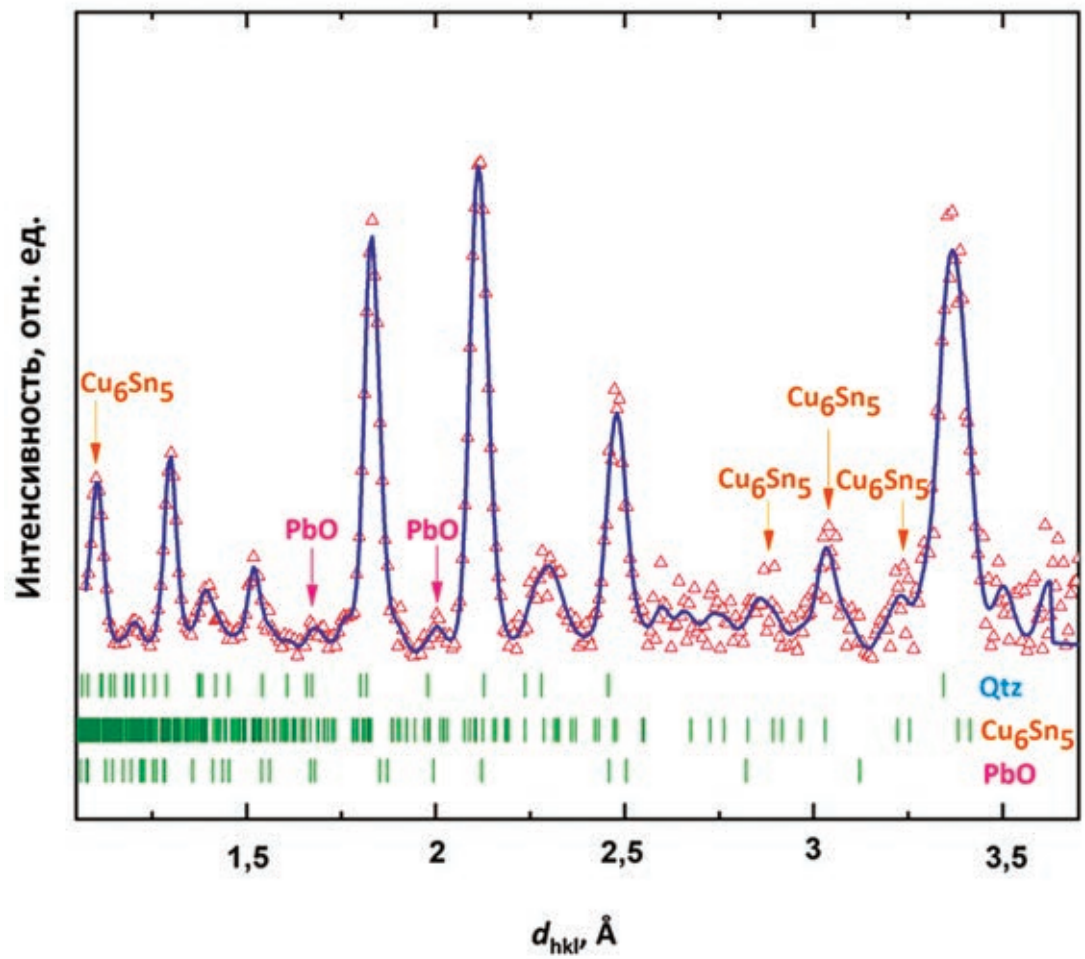

Интенсивность, отн. ед.
Cu6Sn5
PbO
PbO
Cu6Sn5
Cu6Sn5
Cu6Sn5
Qtz
Cu6Sn5
PbO
1,5
2
2,5
3
3,5
dhkl, Å



Рис. 202. Основные типы металлов и сплавов из выборки с поселения Стаево-5

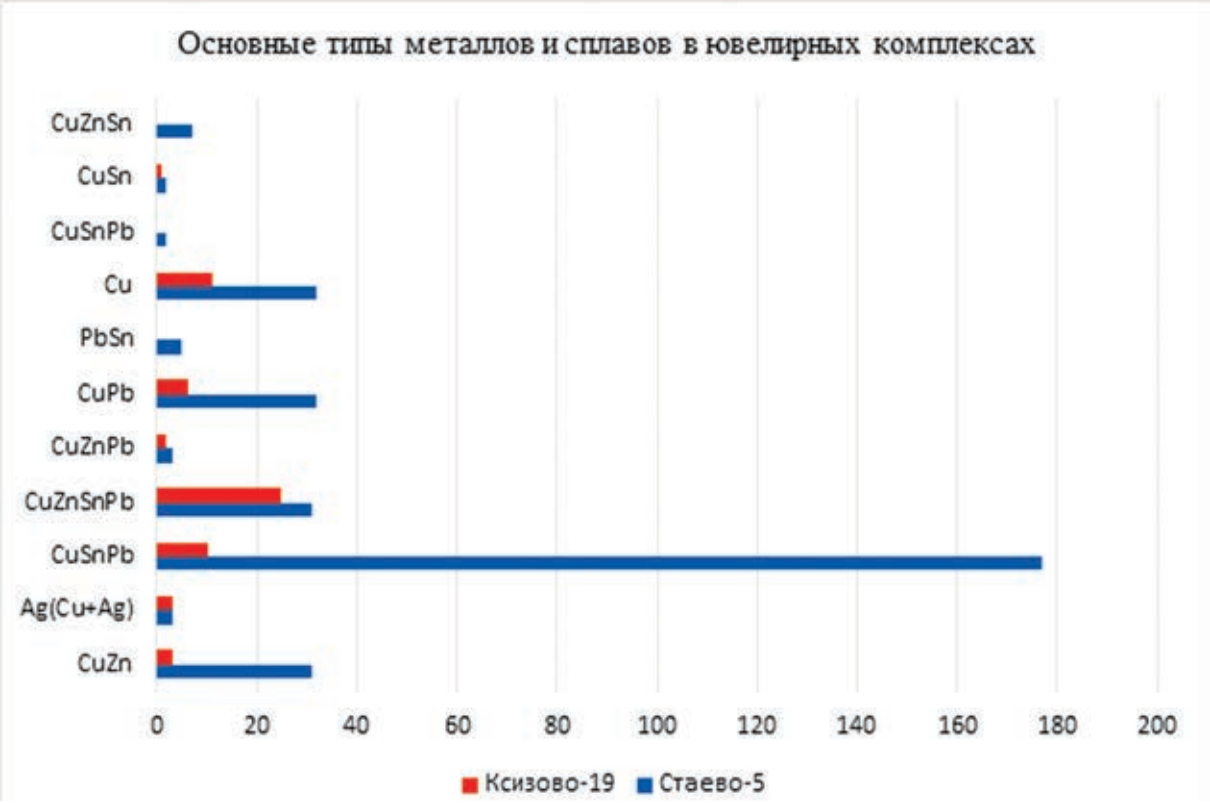


Рис. 203. Основные типы металлов и сплавов из аналитических выборок раннесредневековых ювелирных комплексов на поселении Стаево-5 и гуннского времени на поселении Ксизово-19

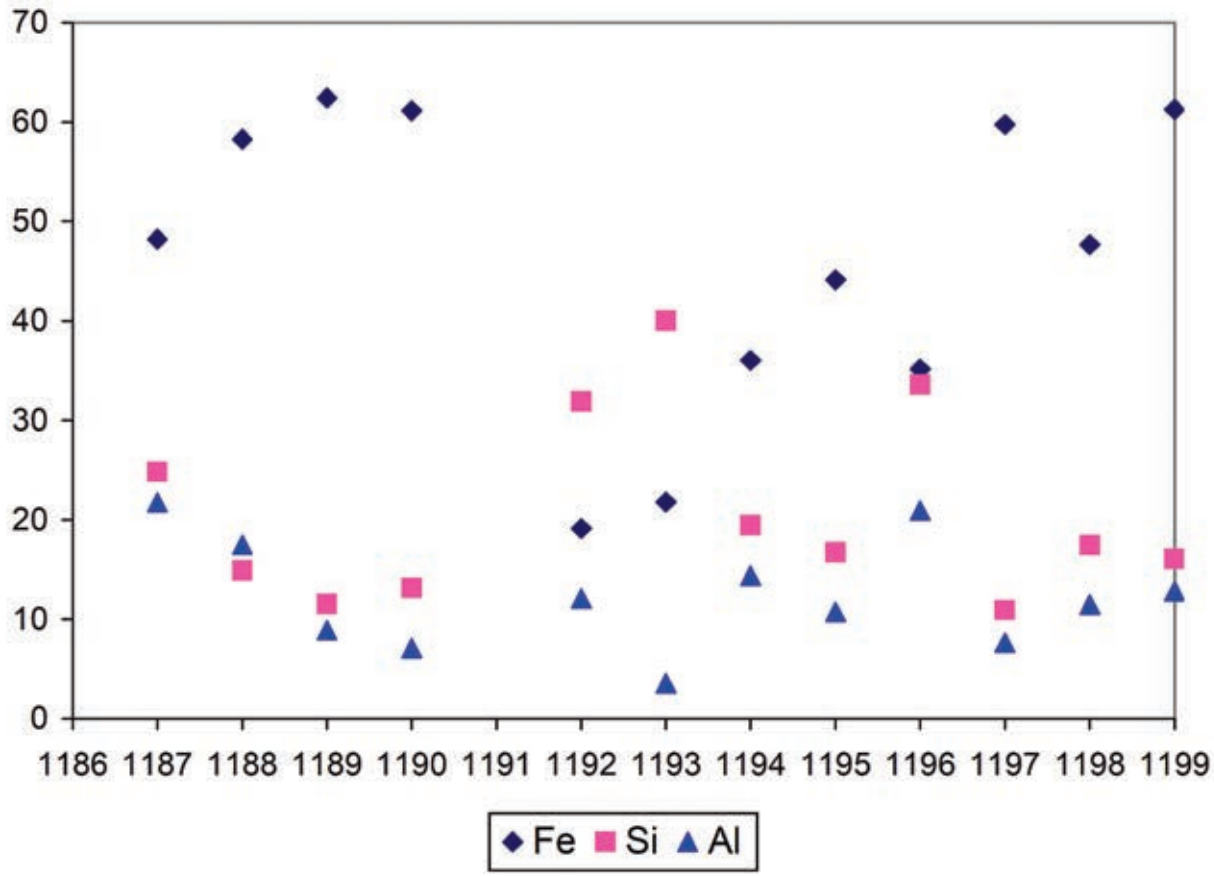


Рис. 204. Соотношение железа, кремния и алюминия в металлургических артефактах (в %)

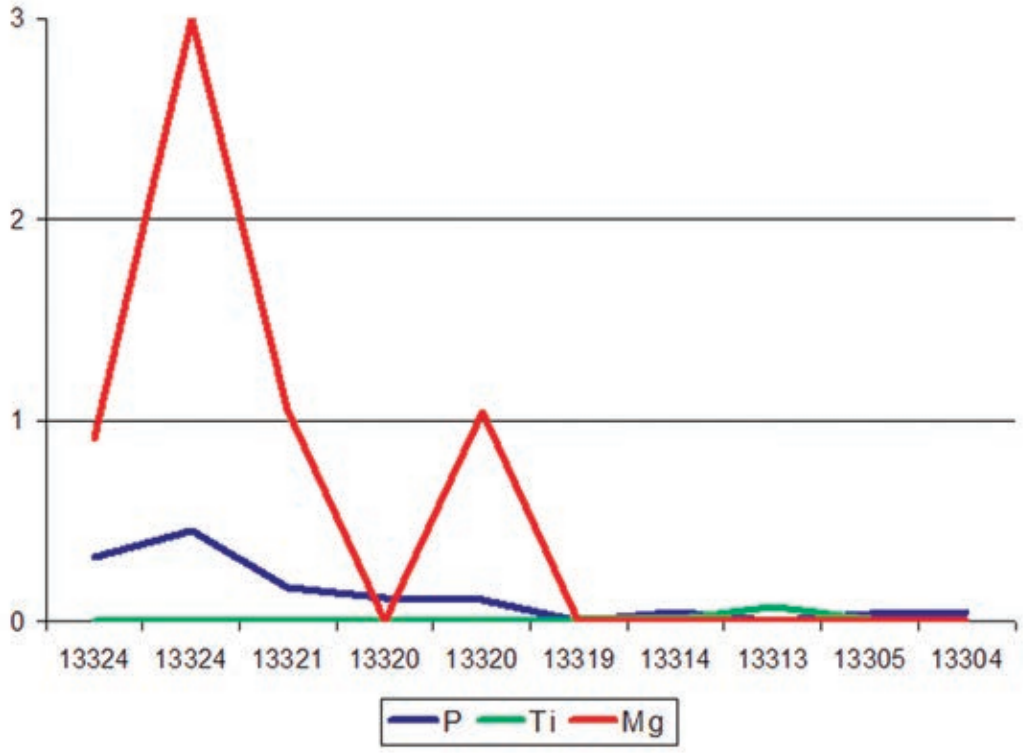


Рис. 205. Распределение основных микропримесей в металле изделий из Стаево

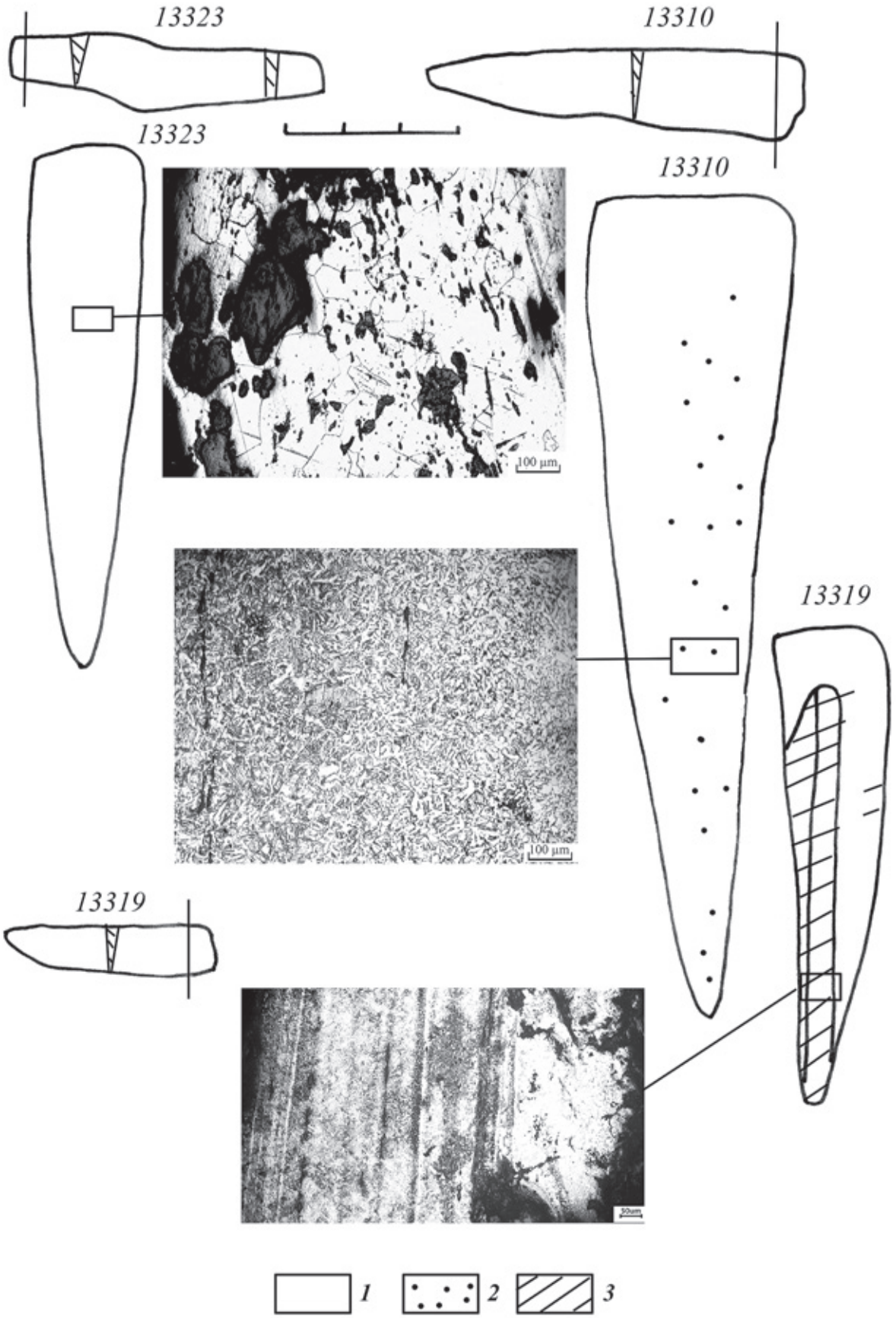


Рис. 206. Ножи из Стаево, технологические схемы их изготовления и фотографии микроструктур. Травлено ниталем. Условные обозначения: 1 — железо; 2 — сталь; 3 — термообработанная сталь

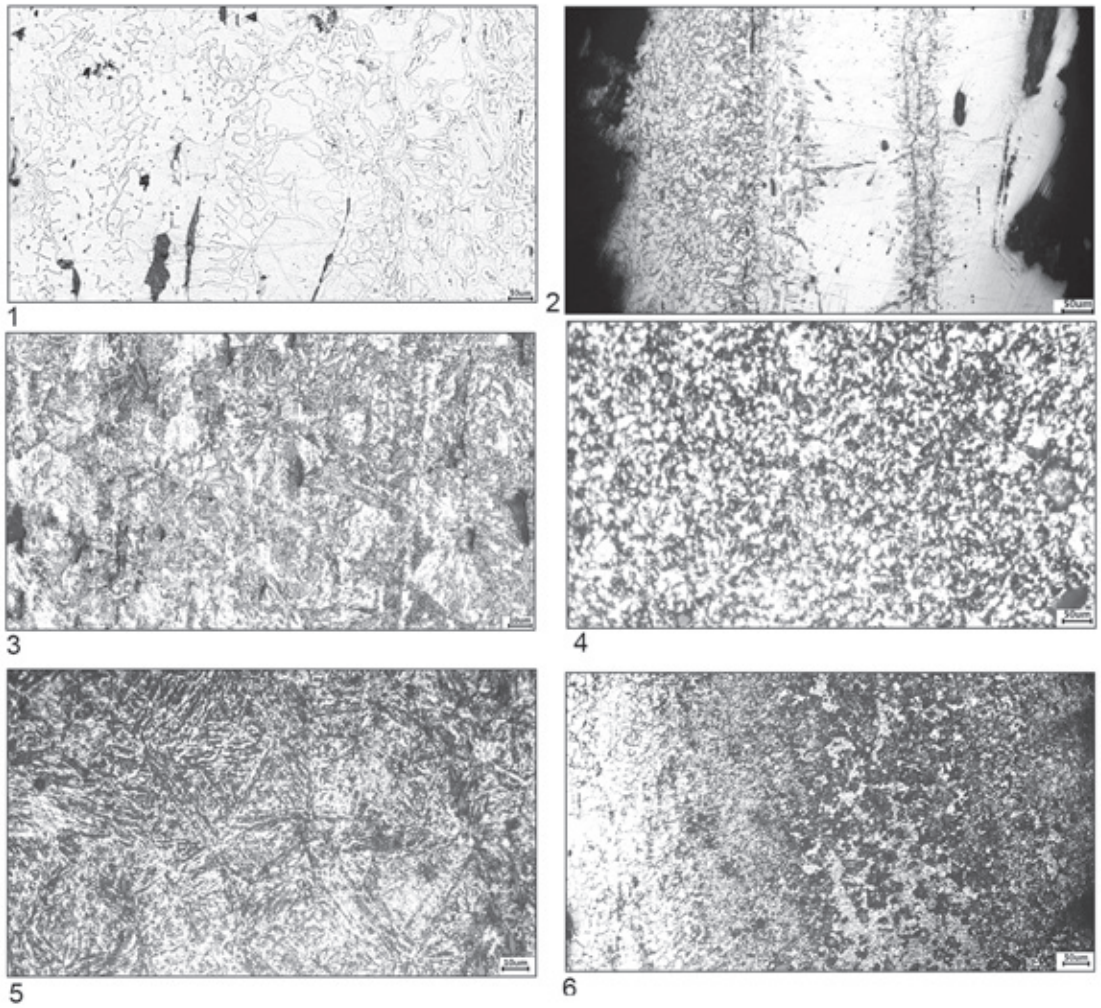


Рис. 207. Стаево. Фотографии микроструктур железных изделий.
1 — заготовка ножа, ан. 13291, феррит, фосфорная ликвация (Стаево-4, № 24); 2 — нож, ан. 13285, сварка «обычного» и фосфористого железа (Стаево-4, рис. 20: 6,7); 3 — нож, ан. 13289, мартенсит (Стаево-4, № 71, рис. 20: 14); 4 —— нож, ан. 13315, феррито-перлит (Стаево-5, рис. 32: 254); 5 — нож, ан. 13322, мартенсит (Стаево-5А, рис. 25: 1); 6 — нож, ан. 13316, цементация (Стаево-5, рис. 65: 380)

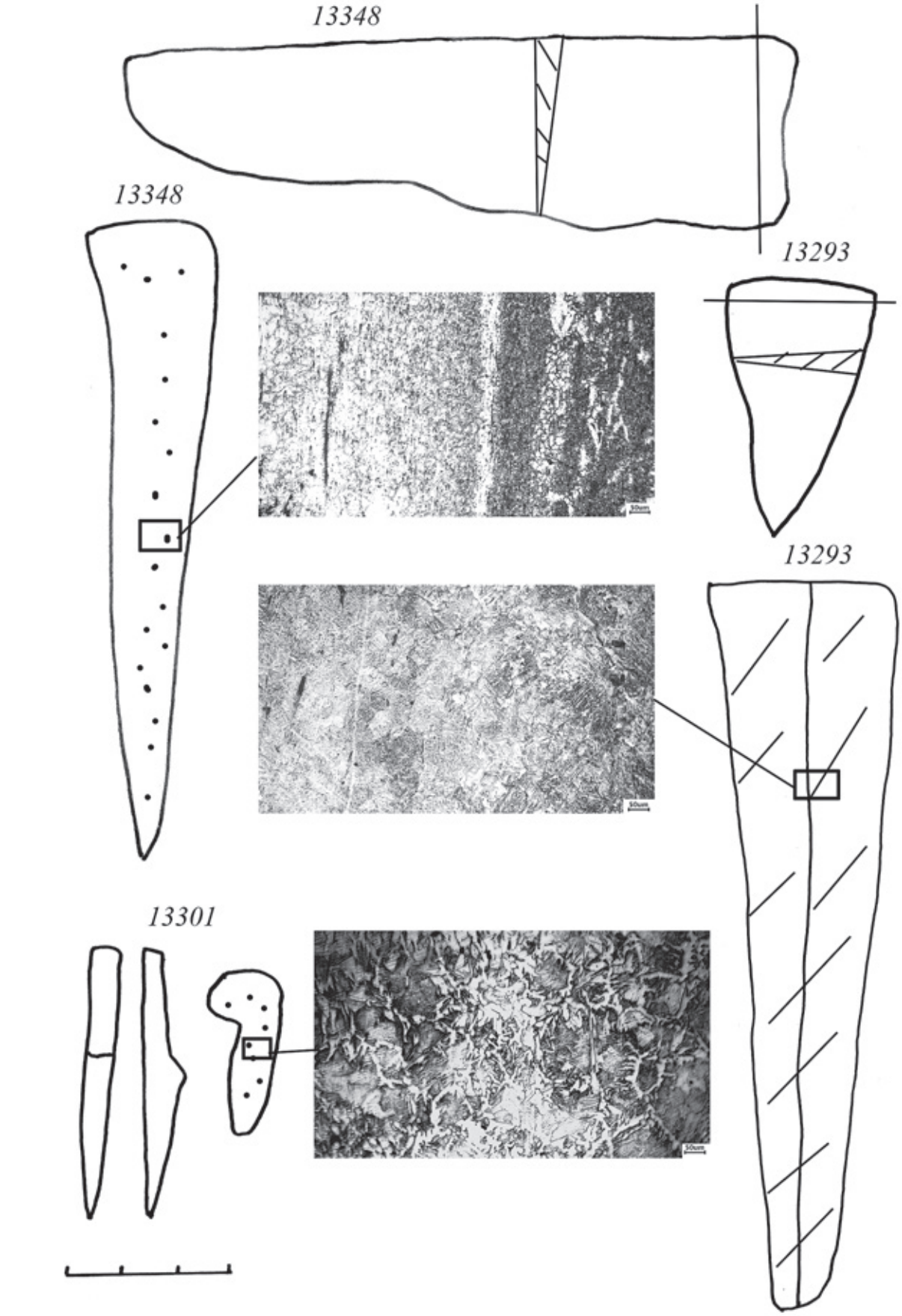


Рис. 208. Стаево. Железные изделия, технологические схемы их изготовления и фотографии микроструктур: однолезвийный меч (ан. 13348; Стаево-5, рис. 35: 258); лезвие топора (ан. 13293; Стаево-5А, рис. 25: 5); пробойник (ан. 13301; Стаево-4, рис. 19: 20)

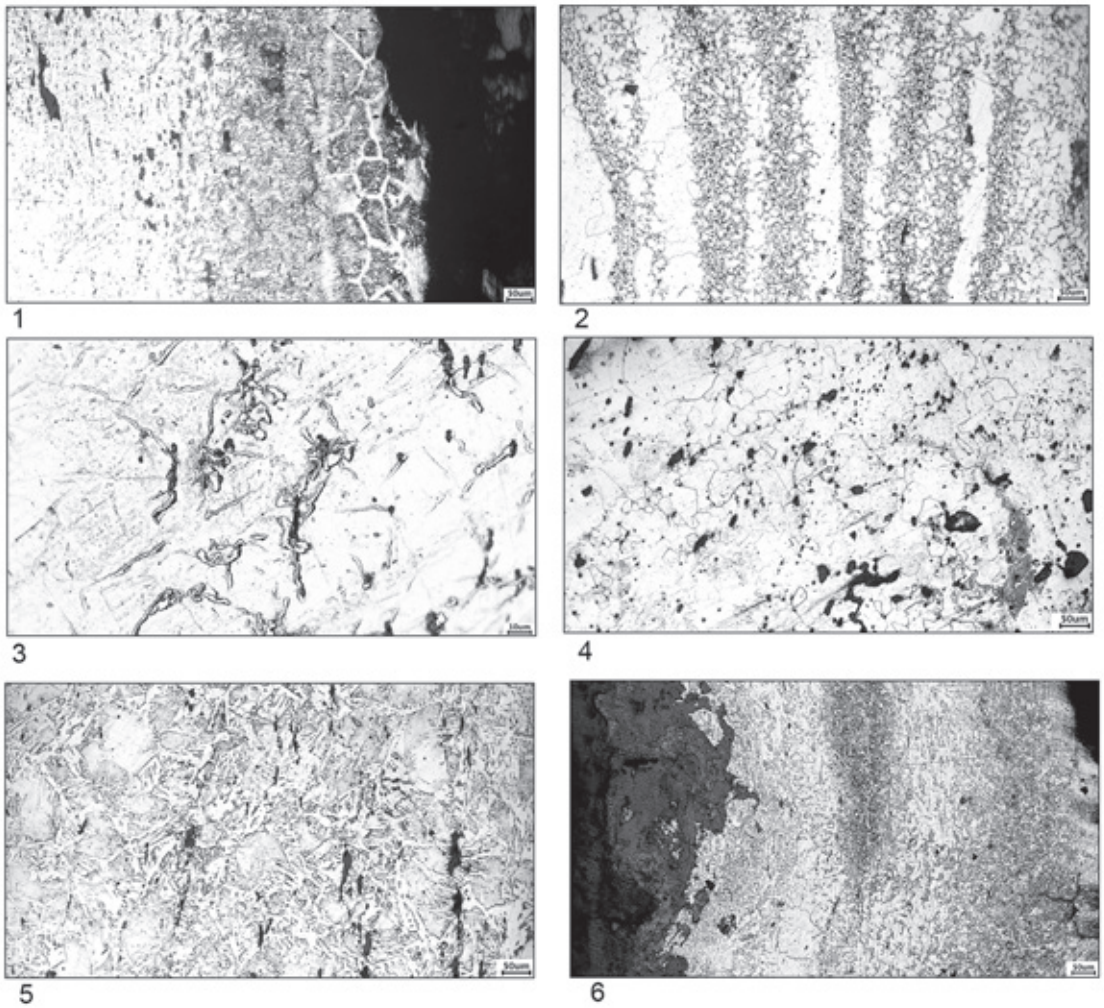


Рис. 209. Стаево. Фотографии микроструктур железных изделий.
1 — лезвие топора, ан.13351, сварной шов (Стаево-5, рис. 33: 261); 2 — серп, ан. 13296, полосчатая структура (феррит и феррит с перлитом, Стаево-4, №26; рис. 20: 21); 3 — наконечник стрелы, ан. 13361, феррит; 4 — рыболовный крючок, ан. 13357, феррит (Стаево-5, рис. 69: 497); 5 — рыболовный крючок, феррито-перлит, видманштетт; 6 — шило, ан. 13367, феррит, феррито-перлит (Стаево-5, рис. 75: 186)

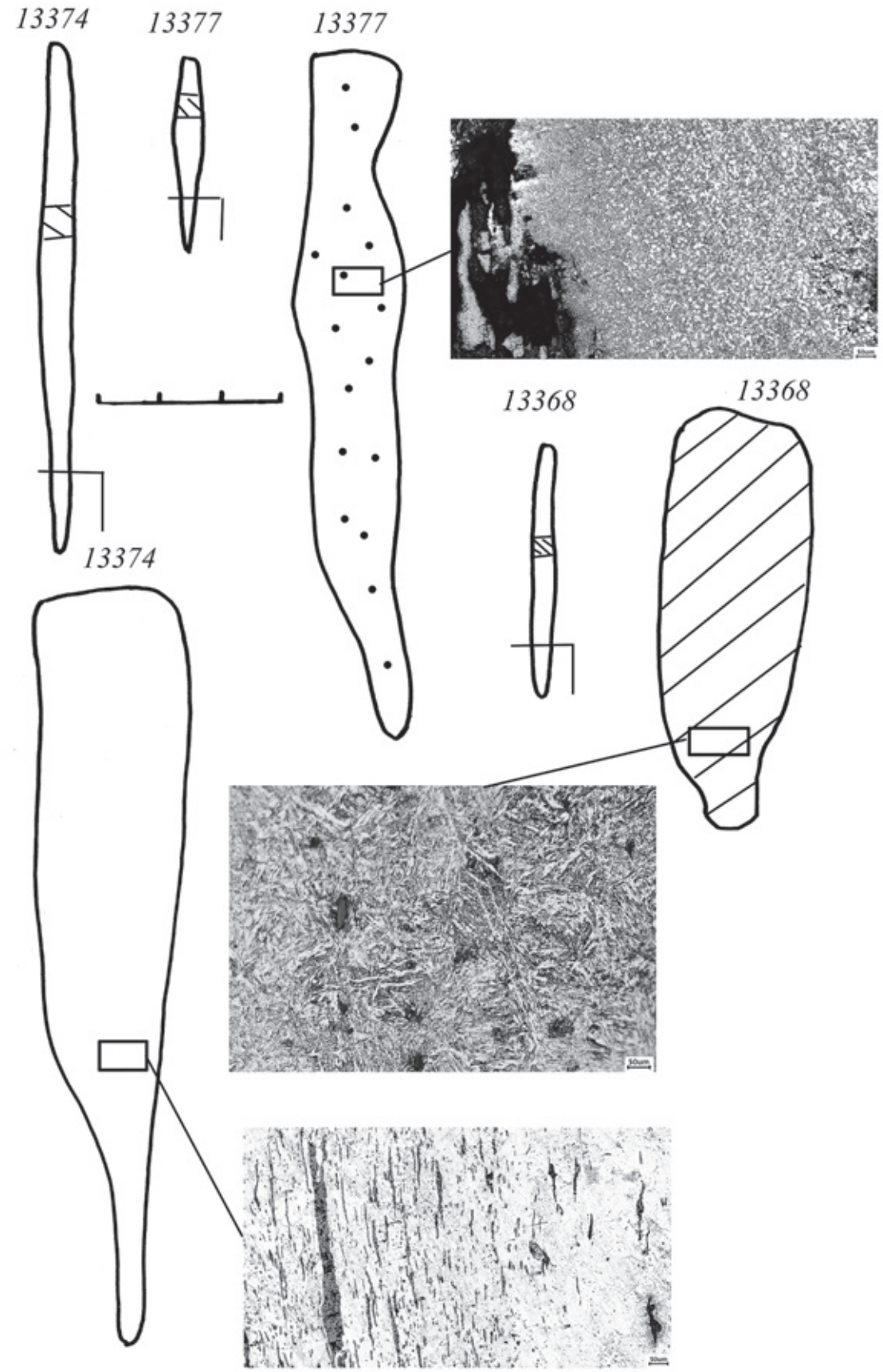


Рис. 210. Стаево. Железные изделия, технологические схемы их изготовления и фотографии микроструктур: пробойник (ан. 13374; Стаево-5, рис. 94: 125); пробойник (ан. 13377; Стаево-5, рис. 29: 85а); шило (ан. 13368; Стаево-5, рис. 65: 498)

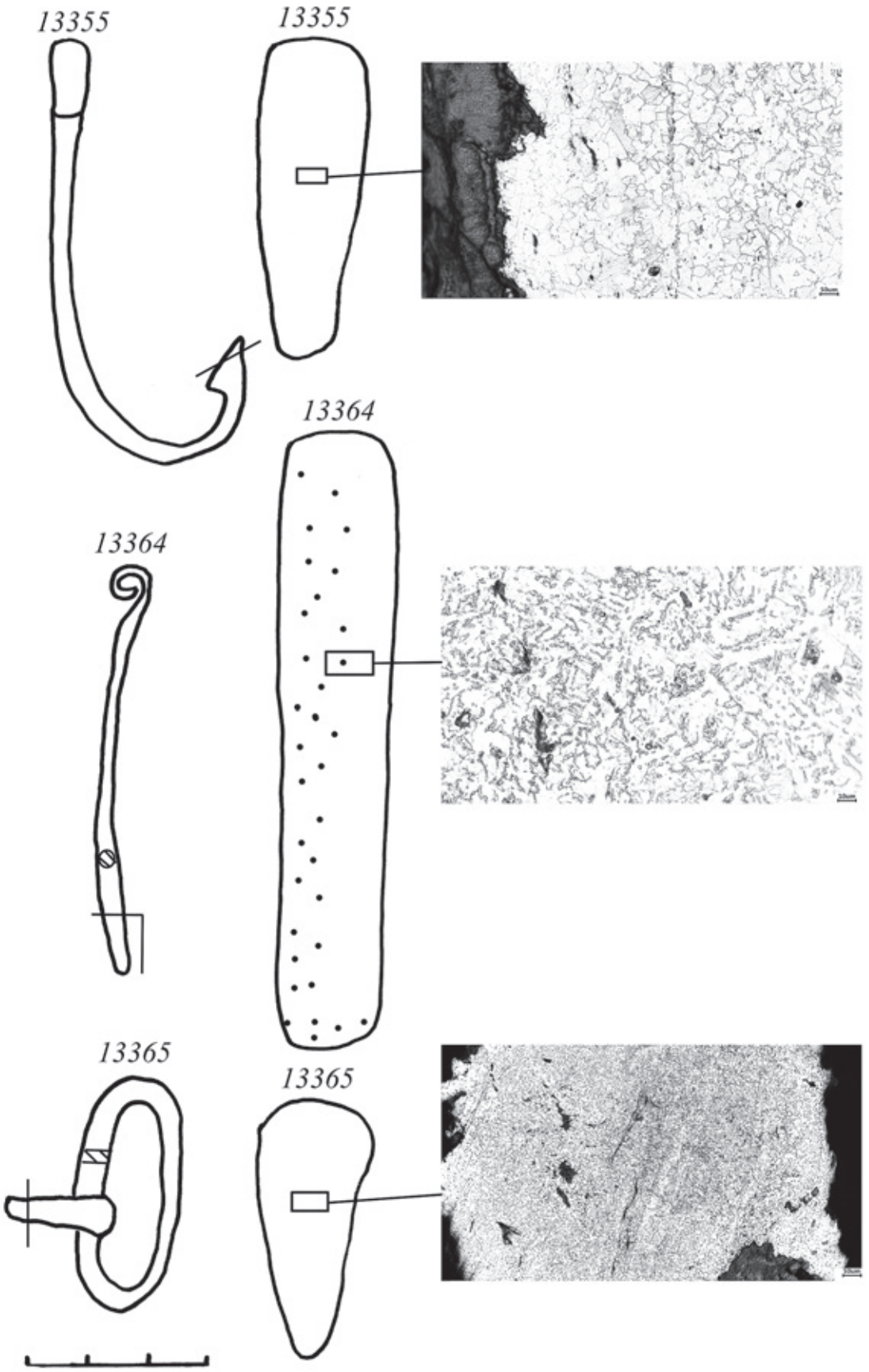


Рис. 211. Стаево. Железные изделия, технологические схемы их изготовления и фотографии микроструктур: рыболовный крючок (ан. 13355; Стаево-5А, рис. 25: 6); булавка (ан. 13364; Стаево-5, рис. 34: 277); пряжка (ан. 13365; Стаево-5, рис. 34: 531)

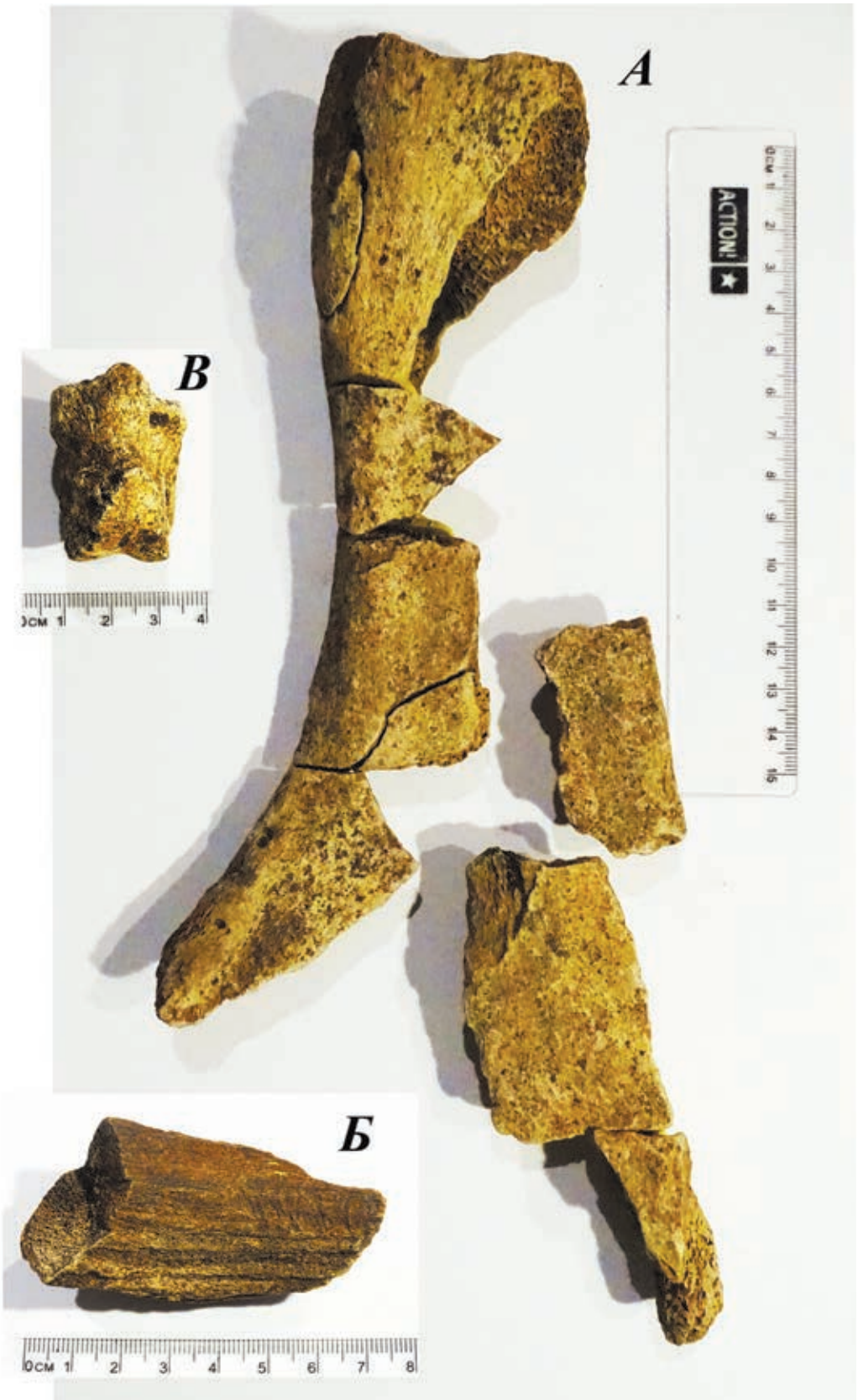
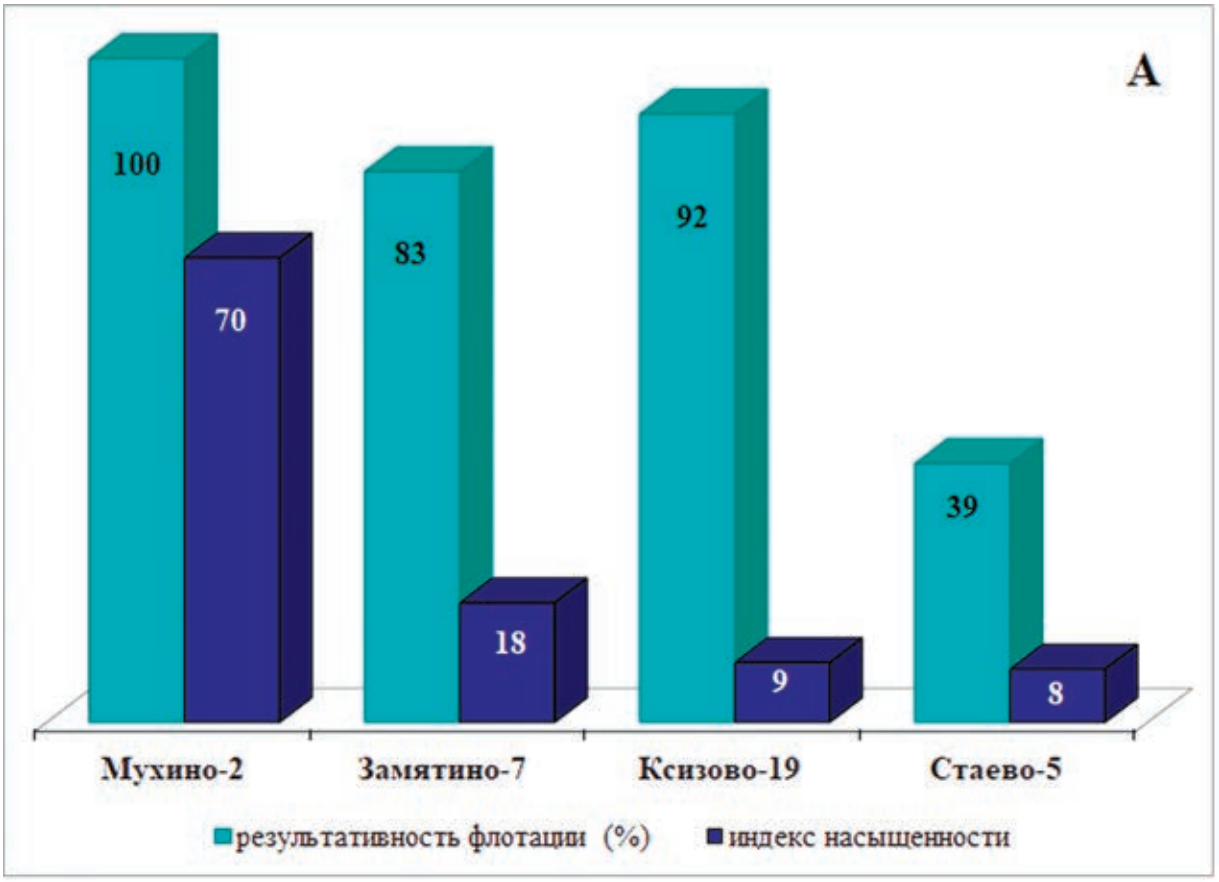


Рис. 212. Стаево-5. Раскоп 9 2019 г.
А — лопаточная кость из объекта 4; Б — фрагмент рога из культурного слоя 0,2–0,4 м;
В — вторая фаланга крупного рогатого скота с экзостозами из культурного слоя 0,2–0,4 м



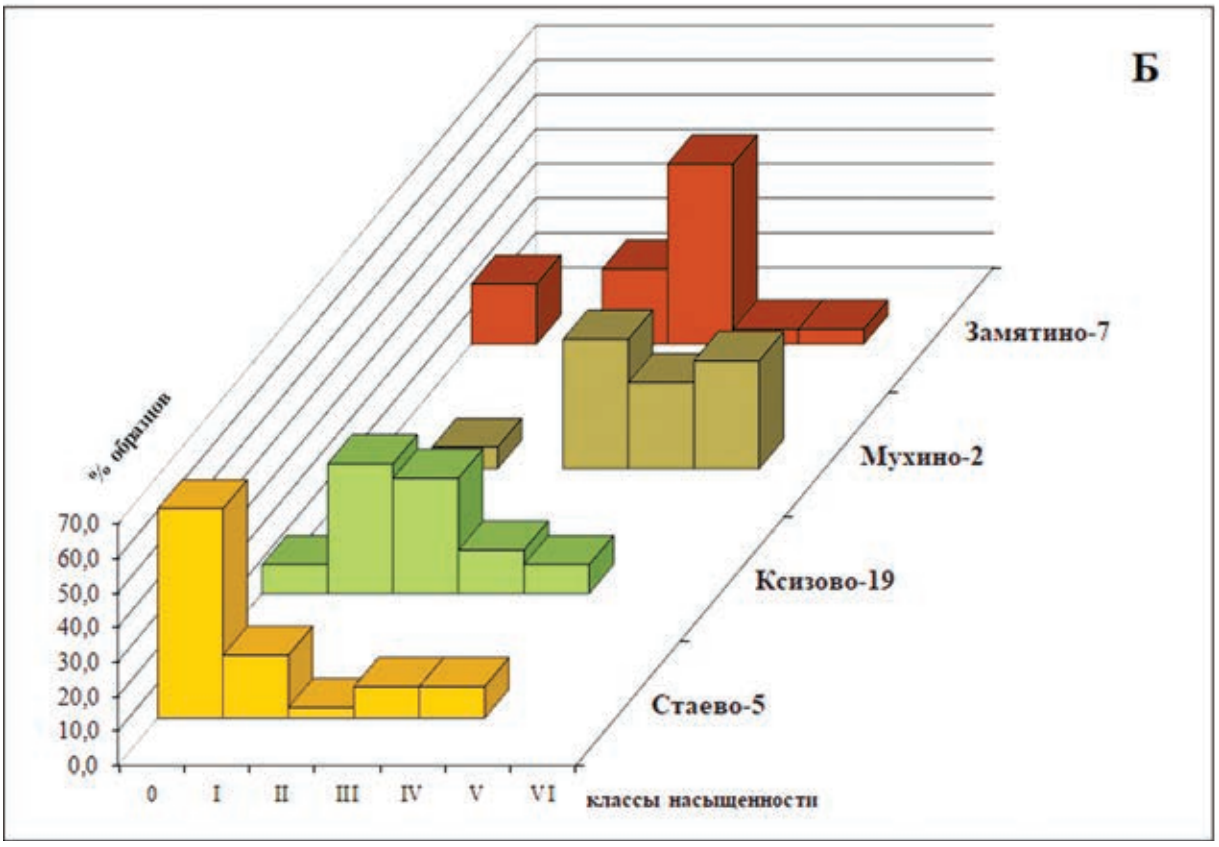


Рис. 213. Базовые археоботанические характеристики коллекции из Стаево-5 в сравнении с памятниками типа Чертовицкое — Замятино.

А — результативность флотации и индекс насыщенности. Б — распределение образцов по шкале насыщенности. Классы: 0 — нет; I — 1–3; II — 4 –10; III — 11–30; IV — 31–100; V — 101–300; VI — более 300 макроостатков культурных растений

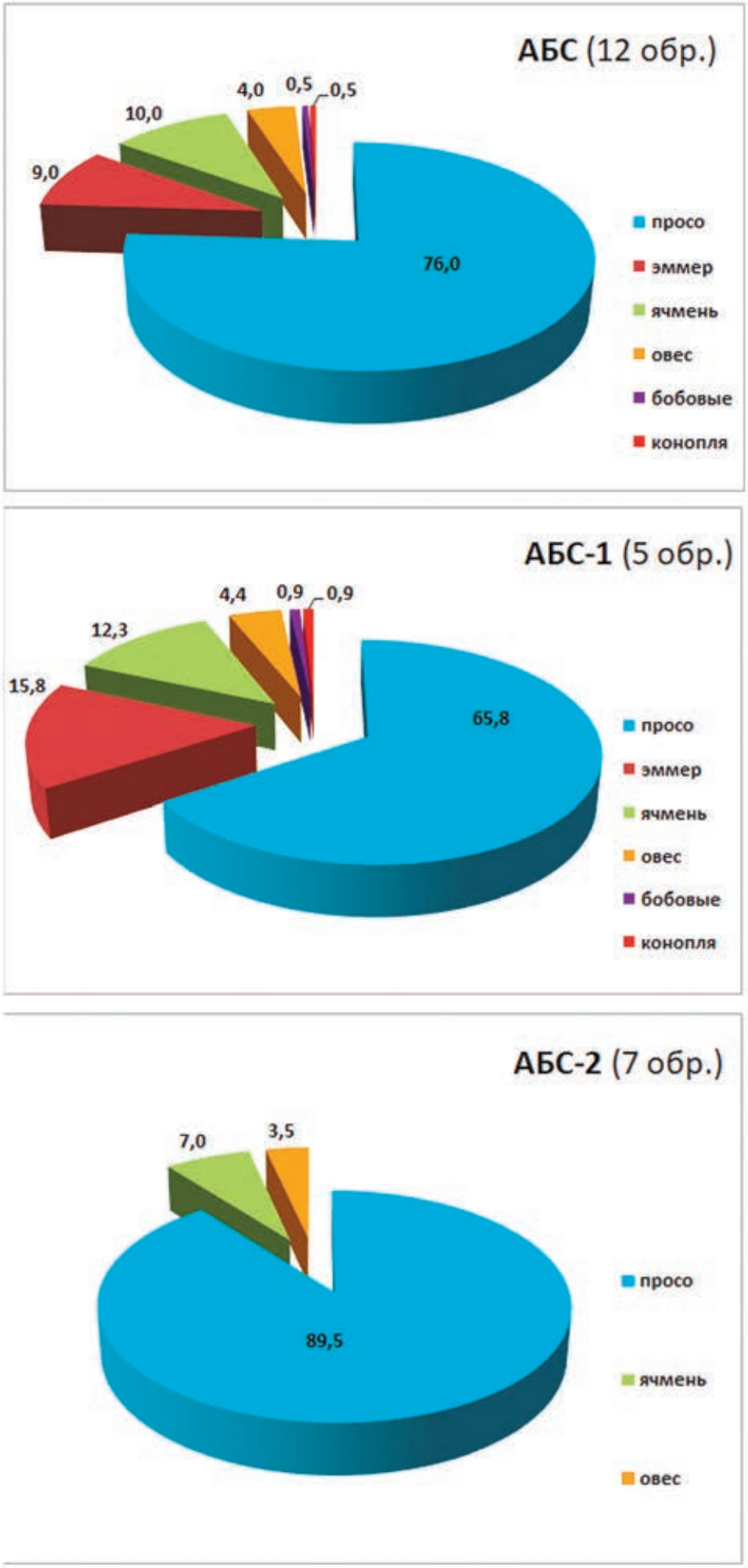


Рис. 214. Археоботанический спектр Стаево-5 (без РЖВ) и составляющие его субспектры. АБС-1 — по «чистым» образцам верхневоронежской группы; АБС-2 — по образцам, условно отнесенным к верхневоронежской группе, включая смешанные

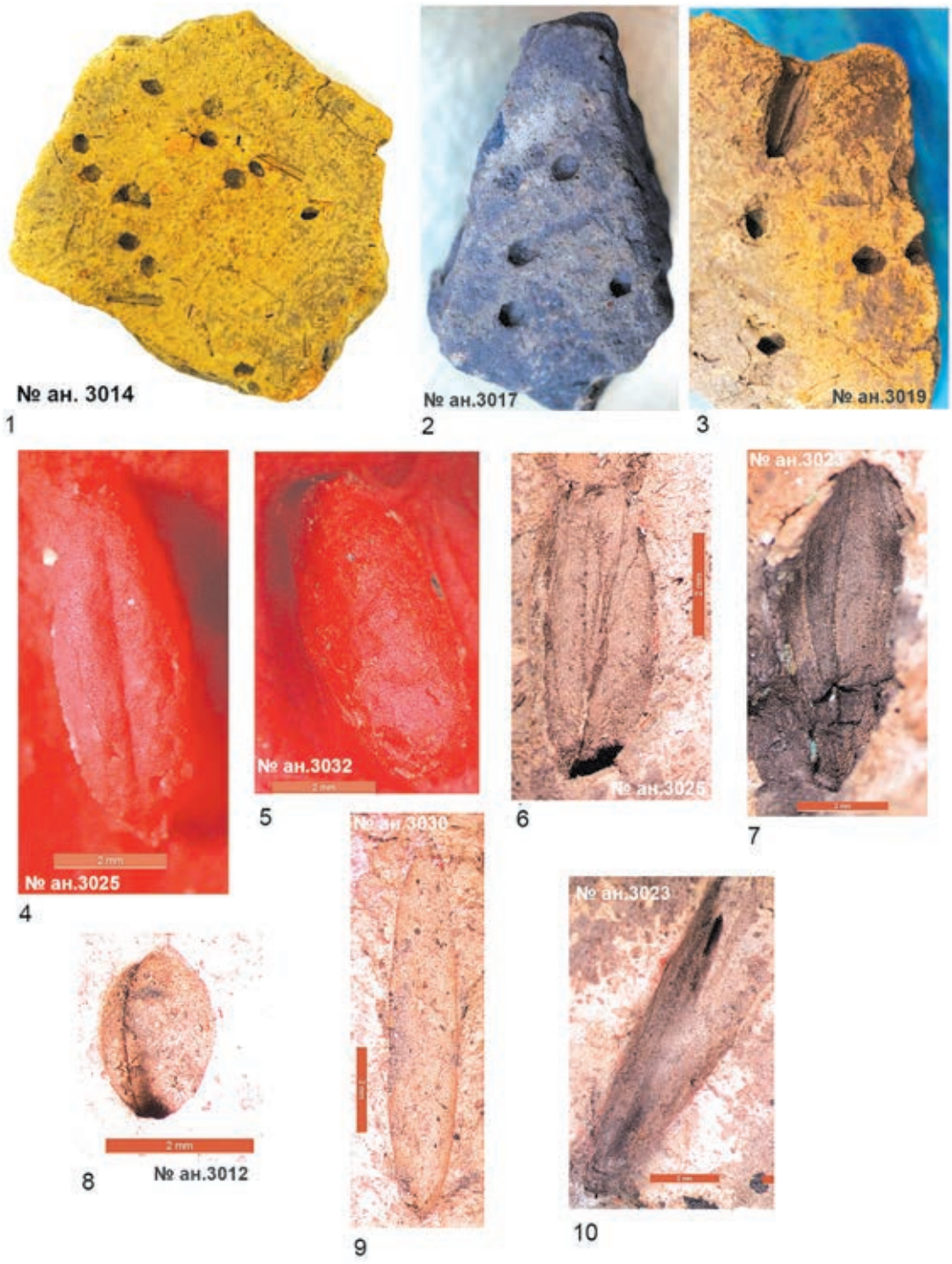
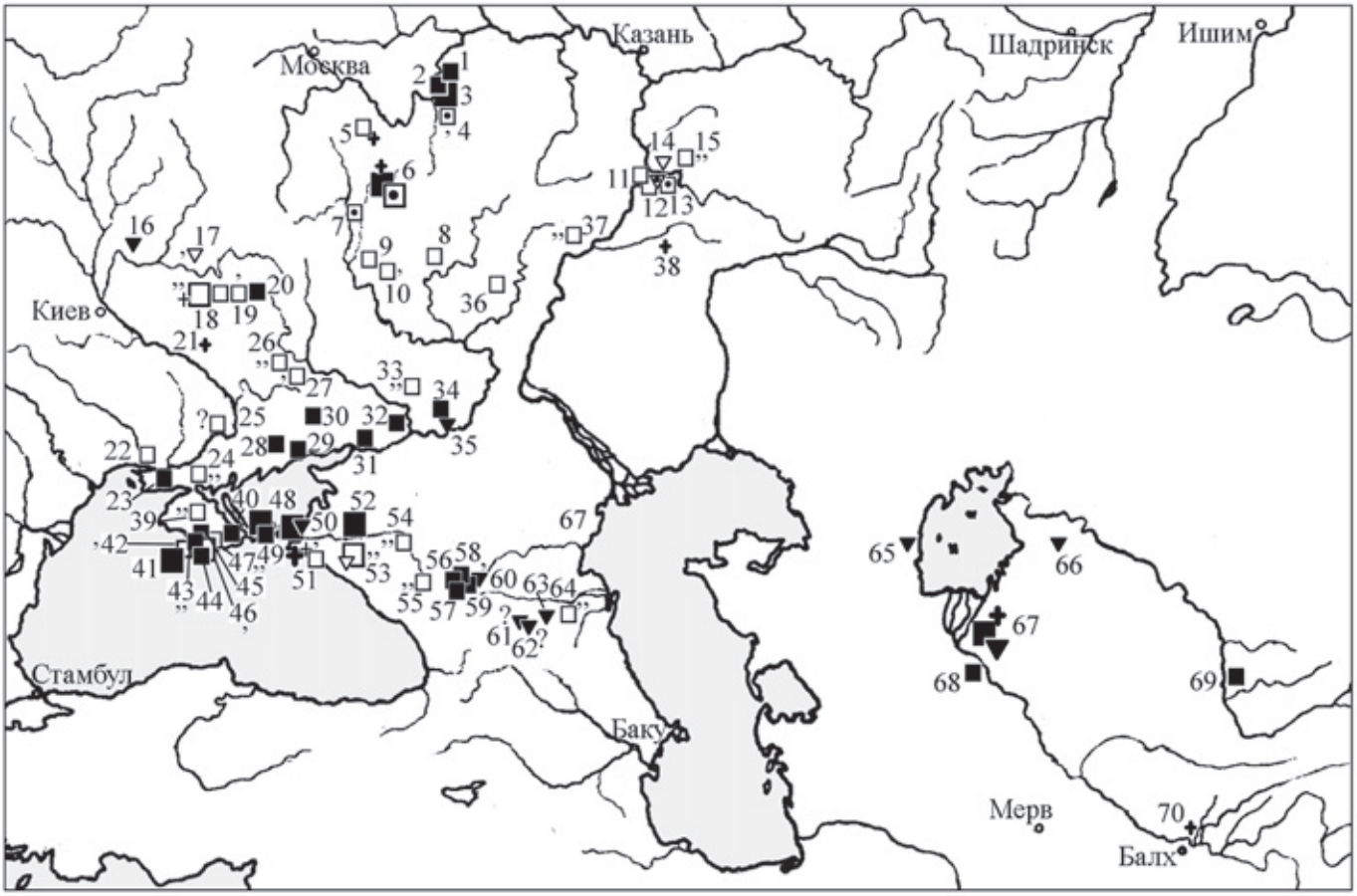


Рис. 215. Отпечатки злаков на керамике поселения Стаево-5.
1–3 — фрагменты керамики с отпечатками; 4–5 — слепки с отпечатков пшеницы двузернянки *Triticum turgidum* ssp. *dicoccum*; 6–7 — отпечатки зерновок пленчатого ячменя *Hordeum vulgare* ssp. *vulgare*; 8 — отпечаток зерновки проса *Panicum miliaceum*; 9 — отпечаток зерновки дикого злака Poaceae; 10 — отпечаток зерновки дикого овса *Avena fatua*



■□■□ - а
▼▽ - б
✚+ - в
■□▼✚ - г
■■▼✚ - д
⊡⊡ - е
□□▽+ - ж
? - з
, - и
„ - к

Рис. 216. Распространение «угловатых» антропоморфных подвесок:
а — типа 1; б — типа 2; в — типа 1 или 2; г — несколько экземпляров; д — локализация не вызывает сомнений; е — по данным интернета или дарения, подтвержденные археологами; ж — по неподтвержденным данным; з — локализация по месту покупки; и — в пределах района или части области; к — в пределах области или края.

Находки (в скобках — номер по Каталогу): 1 — Ерахтур (1-2); 2 — Нармушадь (1-6); 3 — Борок (1-1; 3 экз.); 4 — р. Мокша / Шацкий р-н (1-и5); 5 — Пронск и его окрестности (1-8, 1-и7); 6 — Стаево (1-9, 1-и9; 7 экз.); 7 — Уткино (1-10); 8 — Малые Алабухи (1-и4); 9 — Тимирязьево (1-и12); 10 — Битюг (1-и2); 11 — Мордово (1-и6; 2 экз.); 12 — Лбище (1-4); 13 — Шелехметь (1-11); 14 — Тольятти (1-и13); 15 — Самарская обл. (1-и8); 16 — Мощенка (1-5); 17 — пограничье Брянской и Сумской обл. (1-и3); 18 — Сумская обл., Сумы (1-и10, 1-и11; 6 экз.); 19 — пограничье Белгородской и Сумской обл (1-и1); 20 — Прозовское городище (1-7); 21 — Засулье (1-3); 22 — Николаев (2-и2); 23 — Алешковские пески (2-3); 24 — Херсонская обл. (2-и8); 25 — «Никополь» (2-8); 26 — Харьковская обл. (2-7и7); 27 — юг Харьковской обл. (2-и6); 28 — Алексеевка (2-2); 29 — Белосарайская коса (2-4); 30 — Марьинка (2-5); 31 — Танаис (2-9); 32 — Нижнекундрюченская (2-7); 33 — Ростовская обл. (2-и3); 34 — Филипповская (2-10); 35 — Цимлянская (2-11); 36 — Волково (2-и1); 37 — Саратовская обл. (2-и4); 38 — Мокрая Солянка (2-6); 39 — Степной Крым (2-и5); 40 — Айвазовское (2-1); 41 — Херсонес (3-3; 2 экз.); 42 — Севастополь или его окрестности (3-и3); 43 — Юго-Западный Крым (3-4); 44 — Карши-Баир (3-1); 45 — Чуфут-Кале (3-2); 46 — Бахчисарайский р-н (3-и1; 2 экз.); 47 — Горный Крым (3-и2); 48 — Керчь (4-3; 5 экз.); 49 — Тиритака (4-5); 50 — Ильич (4-2; 5 экз.); 51 — Анапский р-н (4-1, 4-и1; 3 экз.); 52 — Пашковская (4-4; 2 экз.); 53 — Краснодарский край (7-и2; 3 экз.); 54 — Кубань (4-и2); 55 — Карачаево-Черкессия (5-и1); 56 — Лермонтовская Скала (5-5); 57 — Мачты (5-6); 58 — Мокрая Балка (5-5); 59 — Подкумок (5-8); 60 — окрестности Кисловодска (5-3); 61 — «Кумбулта» (5-4); 62 — «Камунта» (5-2); 63 —Владикавказ (5-1); 64 — Чечня (5-и2); 65 — Дуана IV (6-1); 66 — Косасар-2 (6-2); 67 — Куюк-кала (6-3; 11 экз.); 68 — Миздахкан (6-4); 69 — Сидак-тобе (6-5); 70 — Хишт-тепа (6-6)

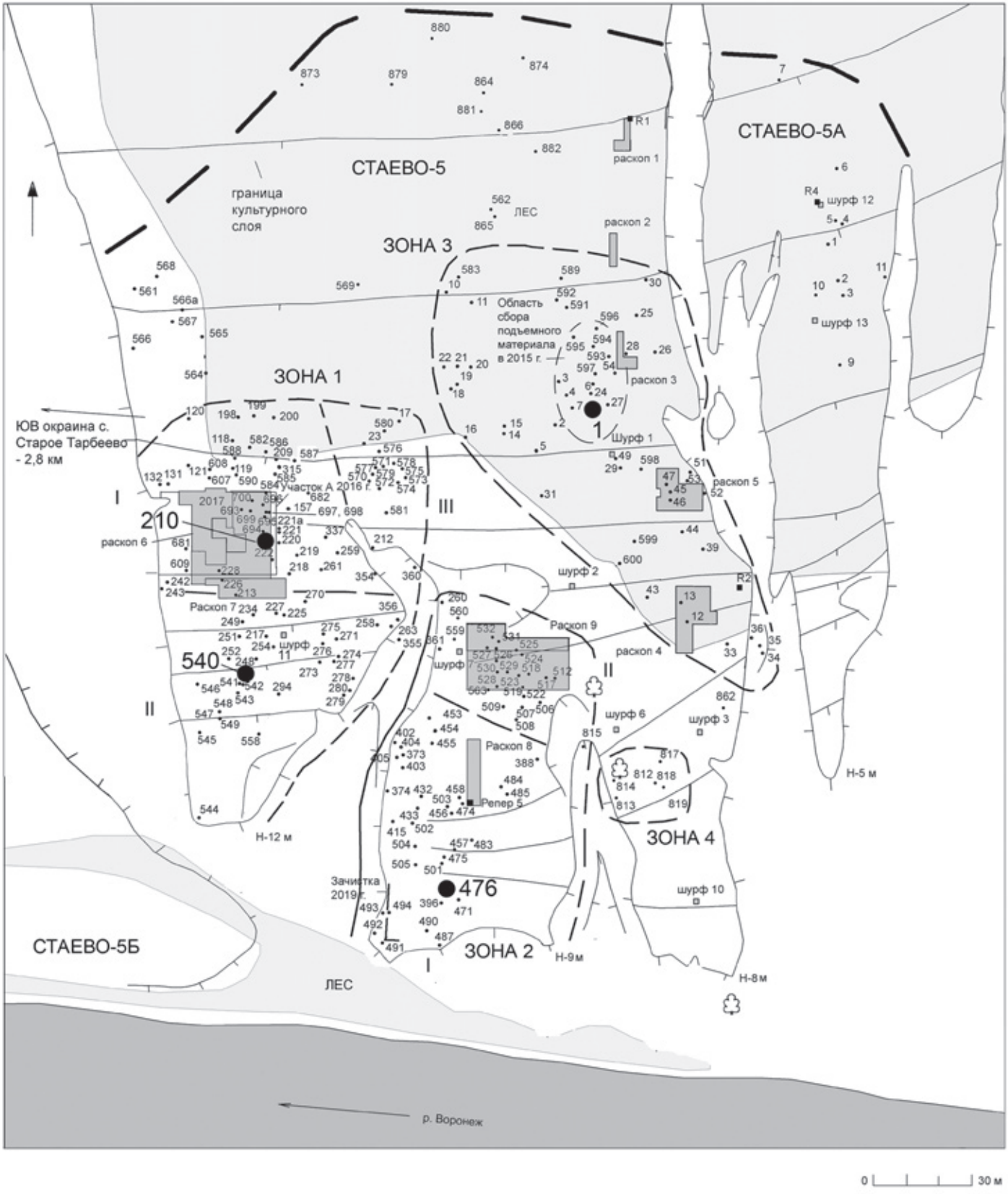


Рис. 217. Находки антропоморфных фигурок на поселении Стаево-5.
Точками обозначены места индивидуальных находок, рядом — их номера. Крупно даны места находок антропоморфных фигурок

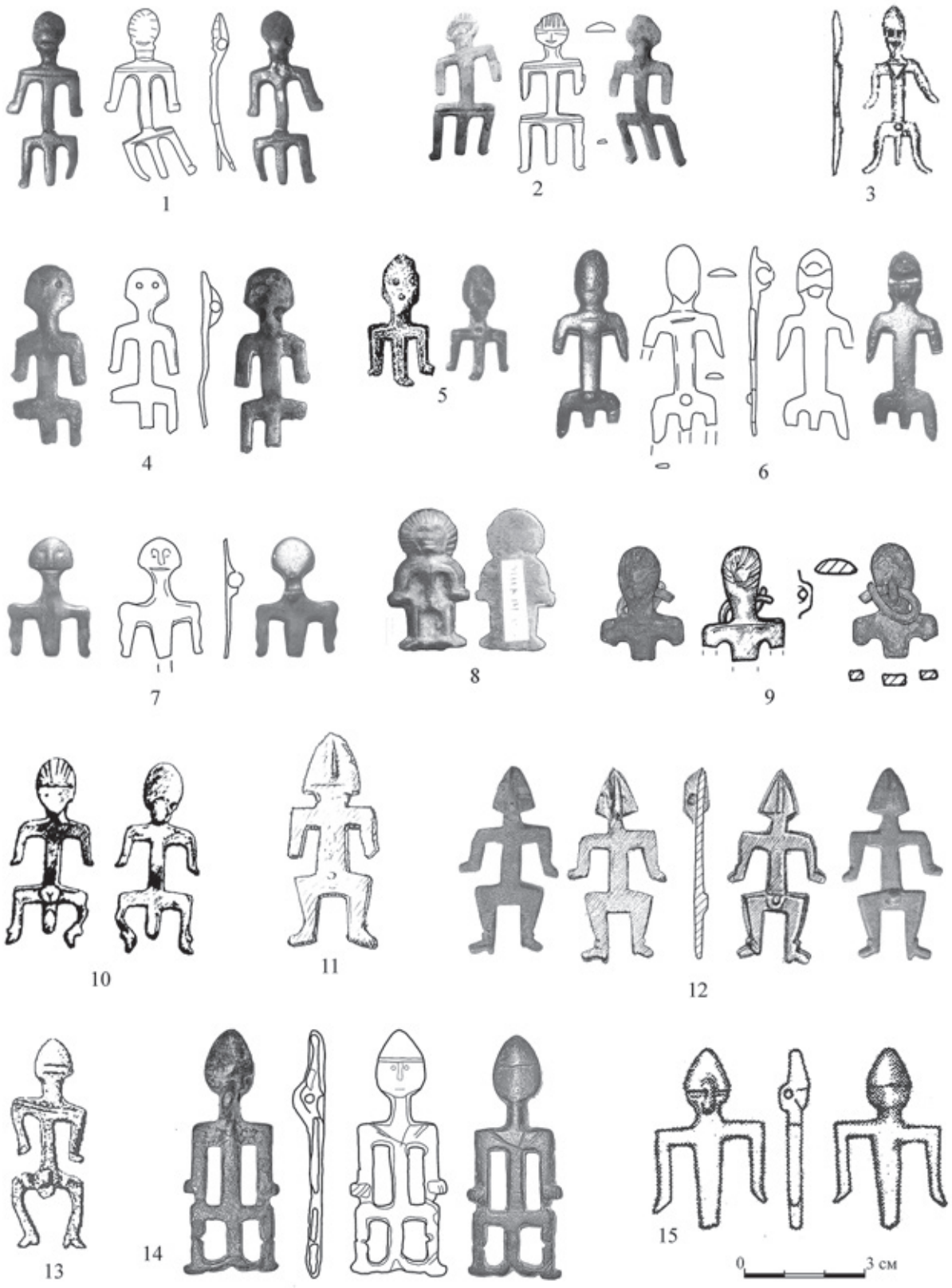


Рис. 218. Антропоморфные фигурки из лесной, лесостепной, степной зон Восточной Европы (в скобках — номер по Каталогу):
1, 2, 4, 7 — Стаево (1-9); 3 — Прозовское городище (1-7); 5 — Пронск (1-8); 6 — Уткино (1-10); 8 — Мощенка (1-5); 9 — Засулье (1-3); 10 — Шелехметь (1-11); 11 — «Никополь» (2-8); 12 — Лбище (1-4); 13 — Алексеевка (2-2); 14 — Алешковские пески (2-3); 15 — Мокрая Солянка (2-6).
Для 3 масштаб приблизительный

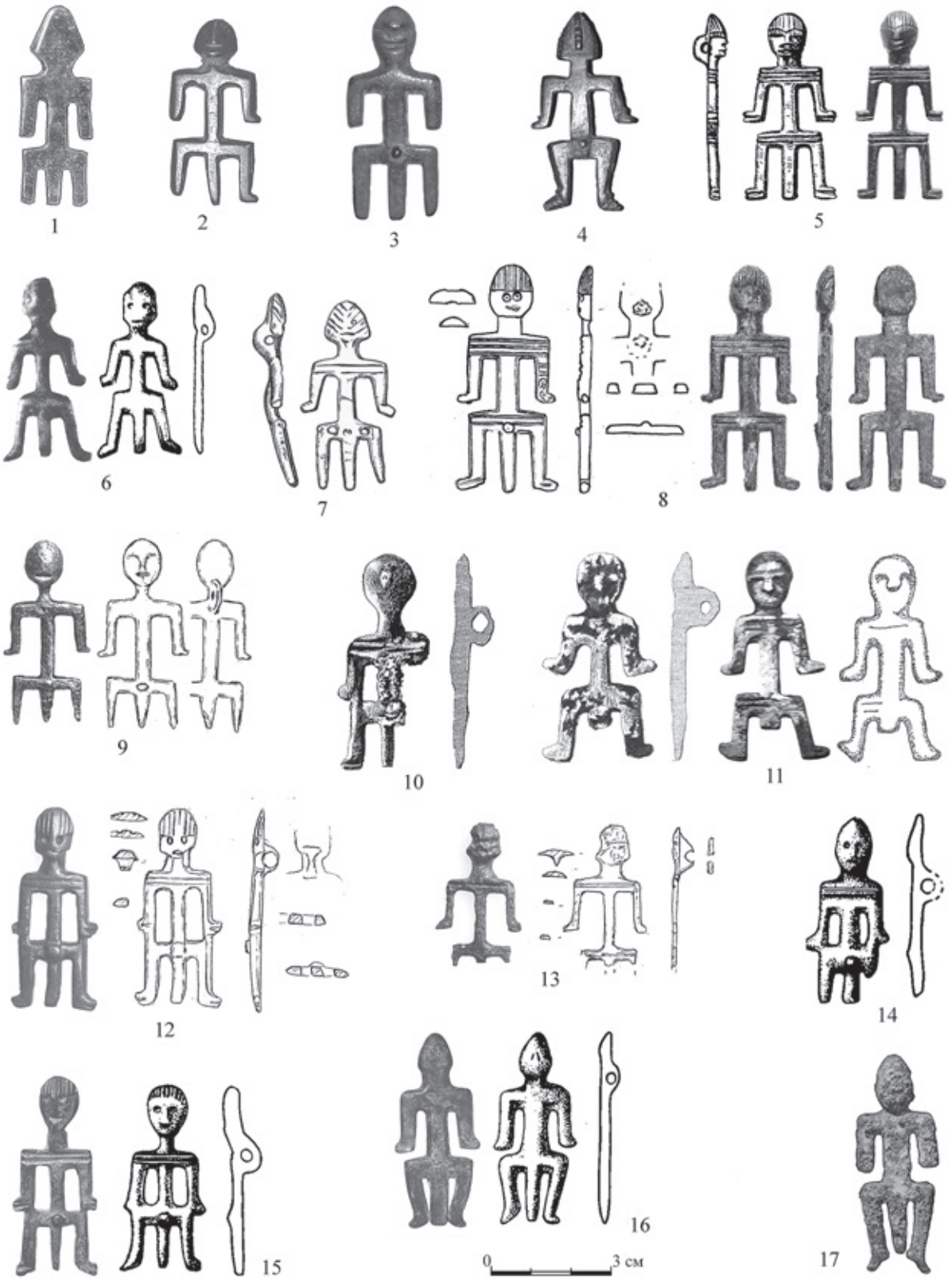


Рис. 219. Антропоморфные фигурки из степной зоны Восточной Европы и из Крыма (в скобках — номер по Каталогу):
1 — Танаис (2-9); 2 — Филипповская (2-10); 3 — Нижнекундрюченская (2-7); 4 — Цимлянская (2-11); 5 — Белосарайская коса (2-4); 6 — Айвазовское (2-1); 7 — Марьинка (2-5); 8 — Карши-Баир (3-1); 9 — Чуфут-Кале (3-2); 10, 11 — Херсонес (3-3); 12-16 — Керчь (4-3); 17 — Тиритака (4-5) .
Для 10 масштаб реконструируемый

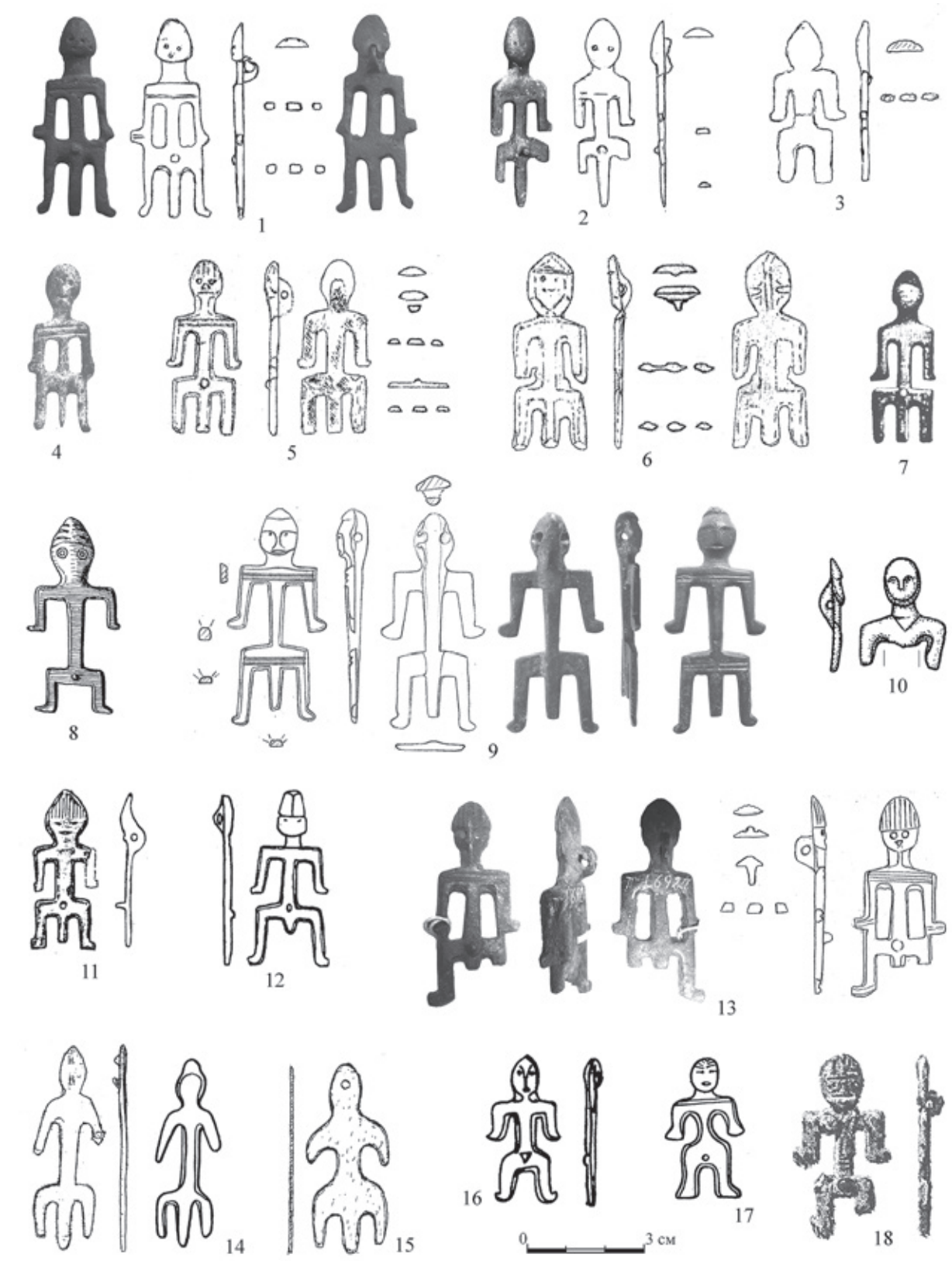


Рис. 220. Антропоморфные фигурки с Северного Кавказа и не имеющие точной привязки (в скобках — номер по Каталогу):
1 –3 — Ильичевское городище (4-2); 5, 6 — вероятно, Ильичевское городище (7-2); 4, 7 — Пашковский могильник (4-4); 8 — «Кумбулта» (5-4); 9 — вероятно, Юго-Западный Крым (3-4); 10 — окрестности Анапы (4-1); 11 — Лермонтовская Скала (5-5); 12 — Мокрая Балка (5-7); 13 — Южная Россия (7-1); 14 — Подкумок (5-8); 15 — Мачты (5-6); 16 — Владикавказ (5-1); 17 — Кисловодск (5-3); 18 — «Камунта» (5-2). Для 4 масштаб приблизительный, для 18 — реконструируемый

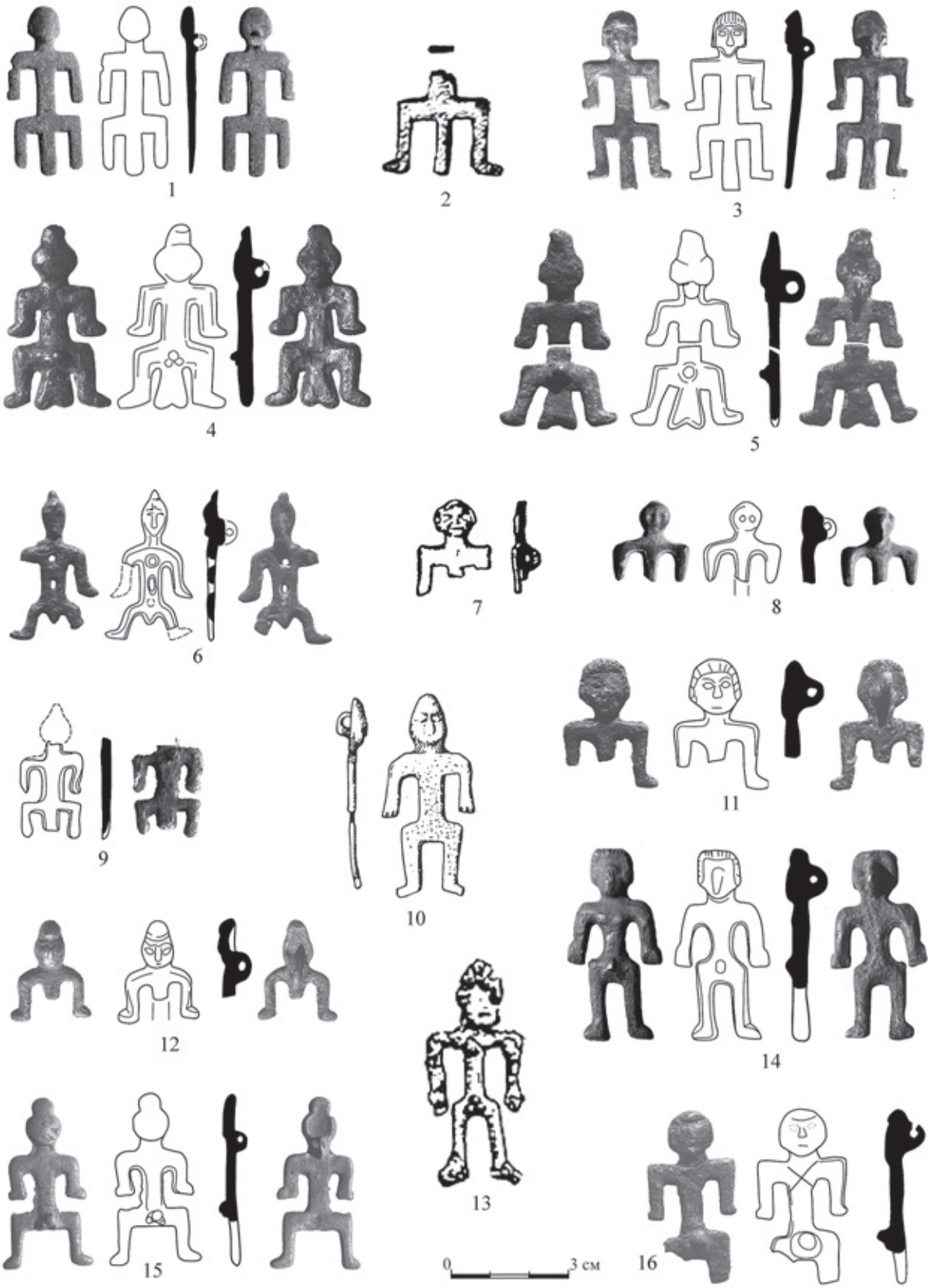


Рис. 221. Антропоморфные фигурки из Средней Азии и Казахстана
(в скобках — номер по Каталогу):
1, 3–6, 8, 11–12, 14–16 — Куюк-кала (6-3); 2 — Миздахкан (6-4); 7 — Хишт-тепа (6-6); 9 — Сидак-тобе (6-5); 10 — Косасар-2 (6-2); 13 — Дуана IV (6-1). Для 13 масштаб приблизительный

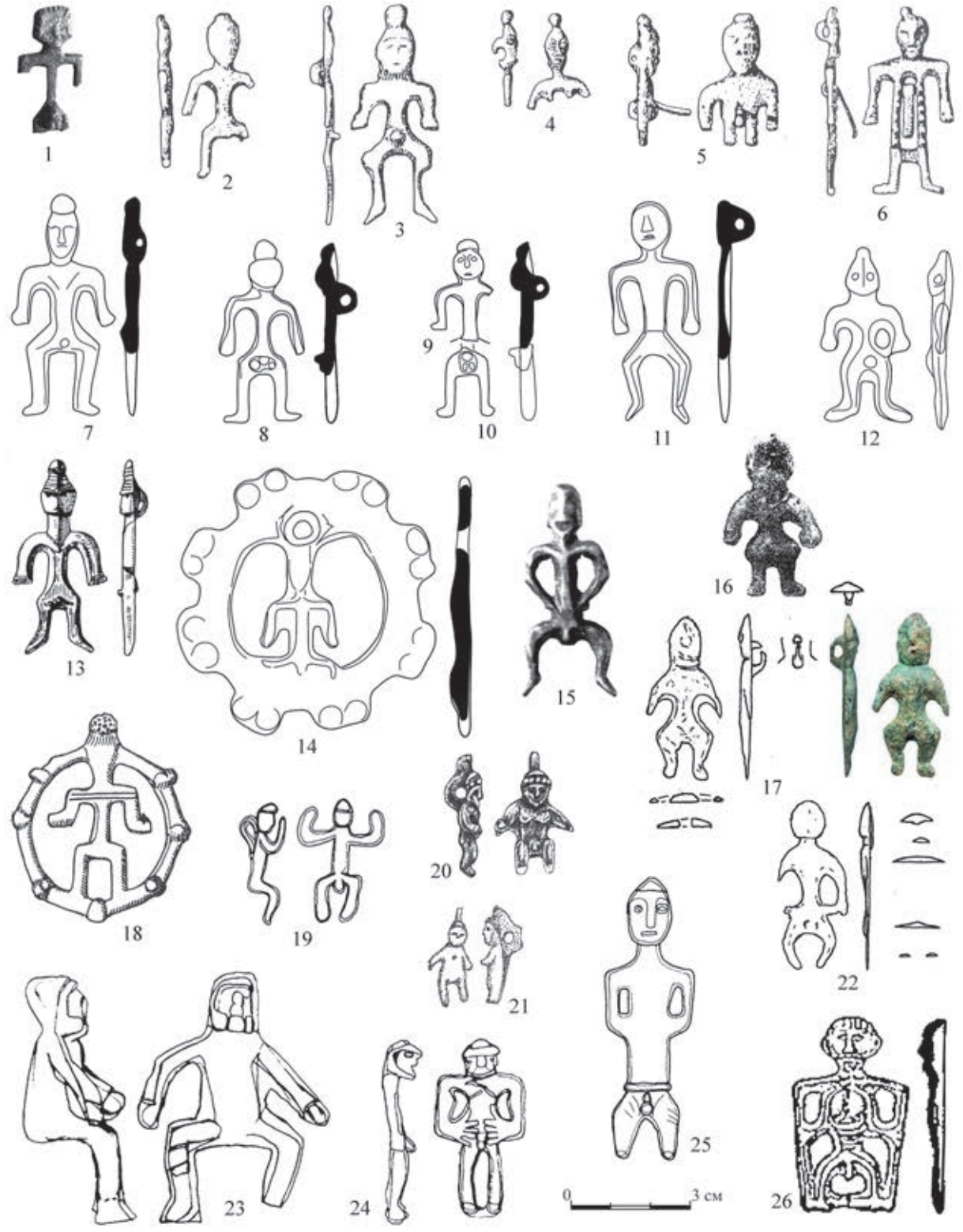


Рис. 222. Антропоморфные фигурки разных типов.

1, 7–12, 14 — Куюк-кала; 2 — окрестности городища Кескен-Куюк-кала; 3 — Алтынасар 4о, курган 422/2; 4 — Алтынасар 4б, курган 71/2; 5 — Алтынасар 4г, т. н. круглый склеп; 6 — Алтынасар 4а, курган 56 (склеп); 13 — Бавтугай, погр. 1; 15 — Кушнаренково, погр. 27; 16 — Ново-Турбалсы, курган 14, погр. 3; 17 — Новославское II; 18 — Кумыш-Баши; 19 — Серегинский курган 1; 20 — «Городище 11 километр»; 21 — Херсонес; 22 — Танаис, погр. 138; 23 — Сарыкамыш; 24 — гора Соссуго; 25 — Аргунское ущелье; 26 — Червоноармейское.

1, 7–12, 14 — рис. А. И. Торгоева; 2–6 — по: Левина, 1996; 13 — по отчету М. И. Пикуль (в архиве ИА РАН); другой рис. в: Ковалевская, 1983); 15 — предоставлено А. Н. Никитиной (рис. в: Генинг, 1977); 16 — по: Гарустович, 2015; 17 — рис. И. О. Гавритухина, фото по: Валиев, 2018; 18 — по: Минаева, 1971; 19, 23–25 — по: Брилева, 2012; 20 — по: Бонин, 2020; 21 — по: Зубарь, 1982; 22 — рис. И. О. Гавритухина (Ростовский областной музей краеведения); 26 — по: Субботин, Черняков, 1982

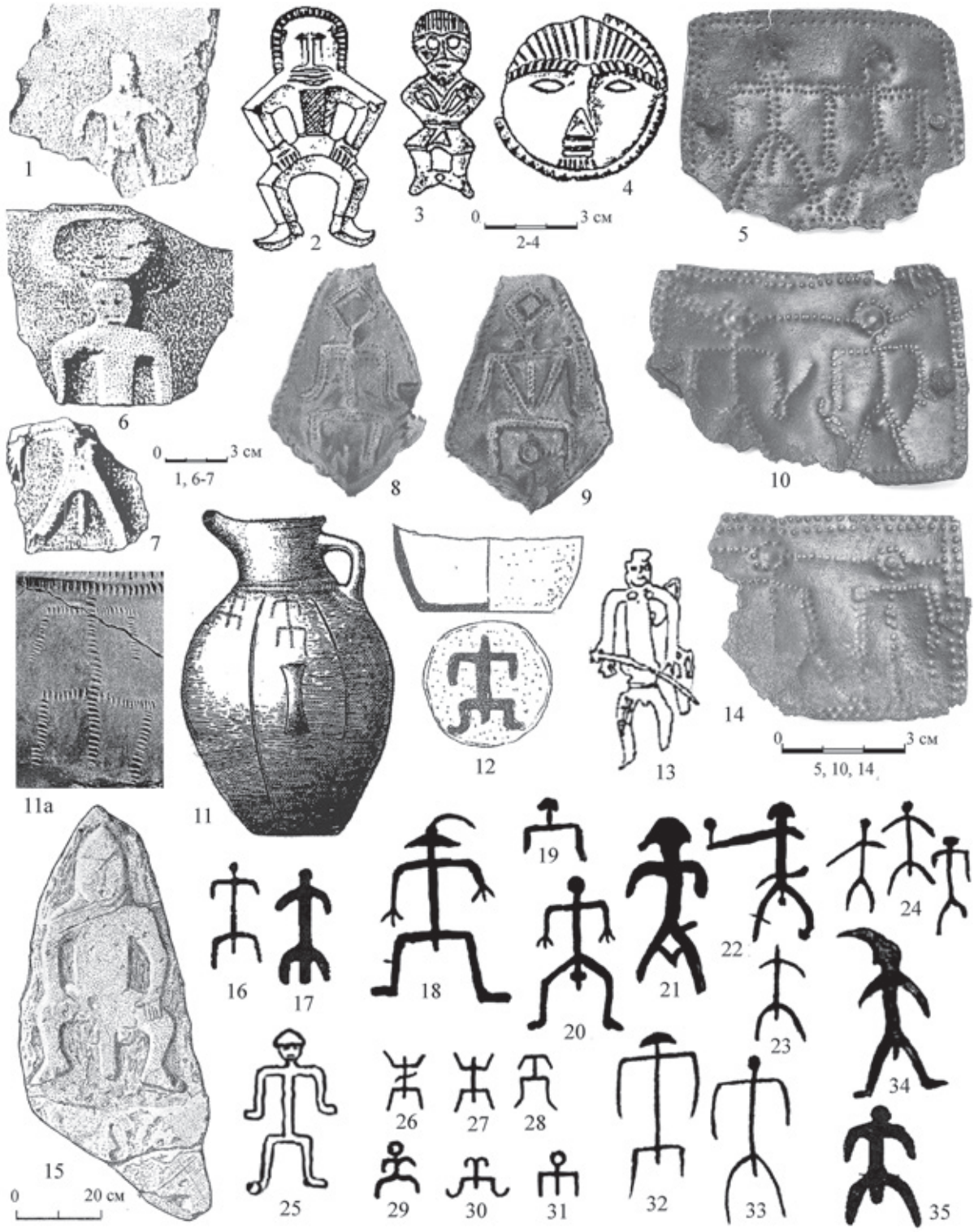


Рис. 223. Антропоморфные «угловатые» изображения и их аналогии.
1 — городище Джетыасар 3; 2 — Мартыновка; 3 — Преградная; 4 — Владимирское, курган 4; 5, 10, 14 — Залесный, погр. 1; 6 — Куюк-кала в Восточном Приаралье; 7 — городище Джетыасар 11; 8–9, 25 — Камунта; 11 — Мокрая Балка, кат. 11К; 12 — Горькая Балка; 13 — Сапогово; 15 — Пикузы; 16–17 — близ оз. Шира; 18–24 — Копёны; 26–31 — тамги из Сибири; 32–33 — Оглахты; 34 — Тесь; 35 — Минусинский край. 8–9, 11–13, 16–35 — без масштаба.
1, 6, 7 — по: Левина, 1996; 2–4 — по: Гавритухин, 2004б; 5, 10, 14 — предоставлено А.М. Воронцовым; 8–9 — по: Атлас, 1879; 11 — по: Каргин, 2008; 11а — по: Ковалевская, 1983; 12 — по: Лихошерстова, 1998; 13 — по: Зуев, 1993; 15 — по: Швецов, 1980; 16–17 — по: Рыгдылон, 1959; 18–35 — по: Савенков, 1910

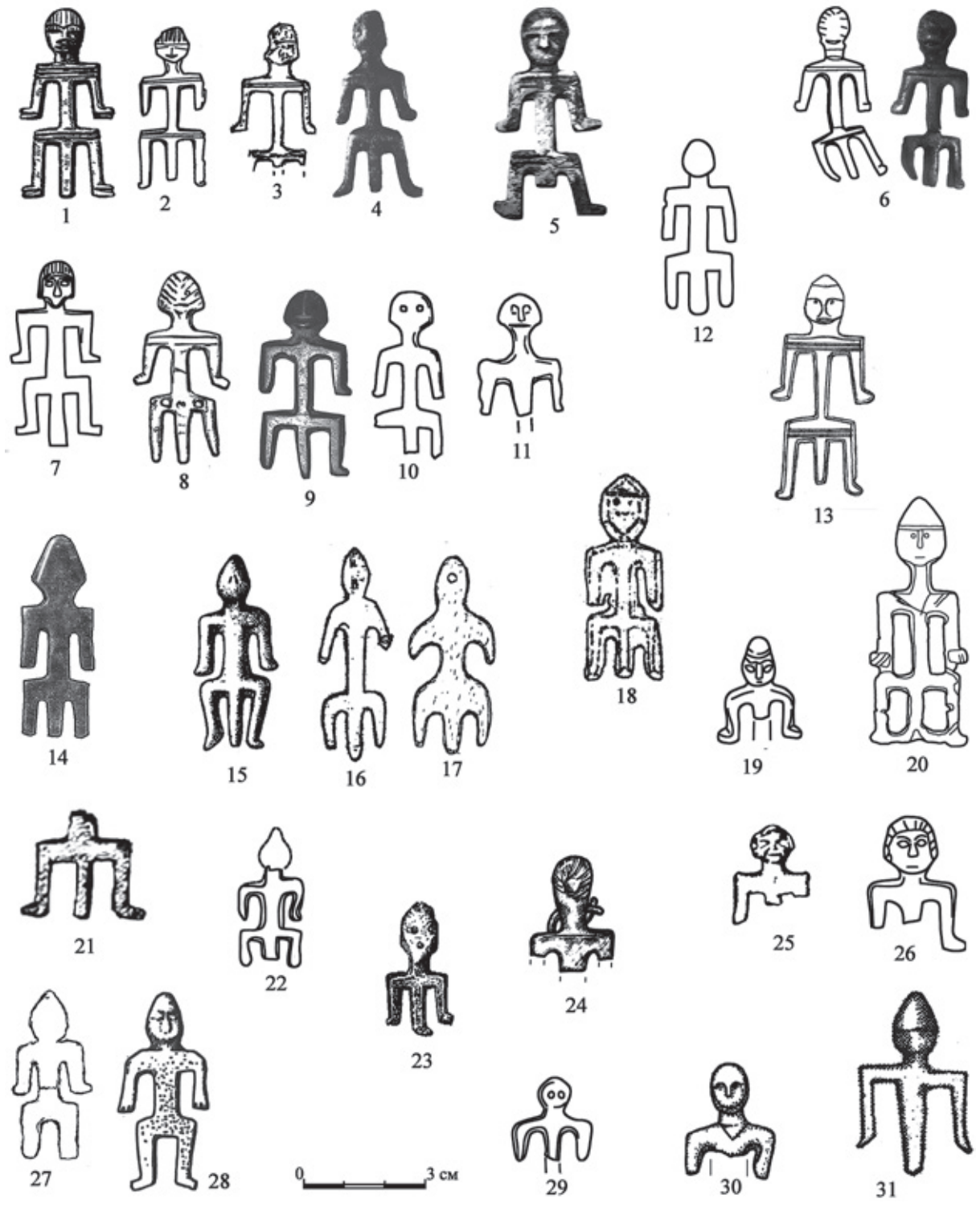


Рис. 224. Группировка антропоморфных фигурок.

1–10, 12–22 — подтип 1А, серии Белосарайская (1–4), ее дериваты и гибридные формы (5–6, 12, 13), Марьинка (7–10, вероятно, 11), Глинище (15–17), Ильичевская (18), индивидуальные (14, 20) и неопределимые (21, 22); 23–26, 29–31 — неопределимых типов (25–26, вероятно, серии Куюк-кала 2 подтипа 2Б); 27–28 — подтипа 2А.

Находки (в скобках — номер по Каталогу): 1 — Белосарайская коса (2-4); 2, 6, 10, 11 — Стаево-5 (1-9/1, 2, 3, 4); 3 и 15 — Керчь, склеп 78/1907 (4-3/1) и Глинище (4-3/4); 4 — Айвазовское (2-1); 5 — Херсонес (3-3/1); 7, 12, 19, 26, 29 — Куюк-кала (63/2, 1, 9, 7, 11); 8 — Марьинка (25); 9 — Филипповская (2-10); 13 — вероятно, Юго-Западный Крым (3-4); 14 — Танаис (2-9); 16 — Подкумок (5-8); 17 — Мачты (5-6); 18 — вероятно, Ильичевское городище (7-2/1); 20 — Алешковские пески (2-3); 21 — Миздахкан (6-4); 22 — Сидак-тобе (6-5); 23 — Пронск (1-8); 24 — Засулье (1-3); 25 — Хишттепа (6-6); 27 — Ильичевское городище (4-2/4); 28 — Косасар-2 (6-2); 30 — Анапа, окрестности города (4-1); 31 — Мокрая Солянка (2-6)

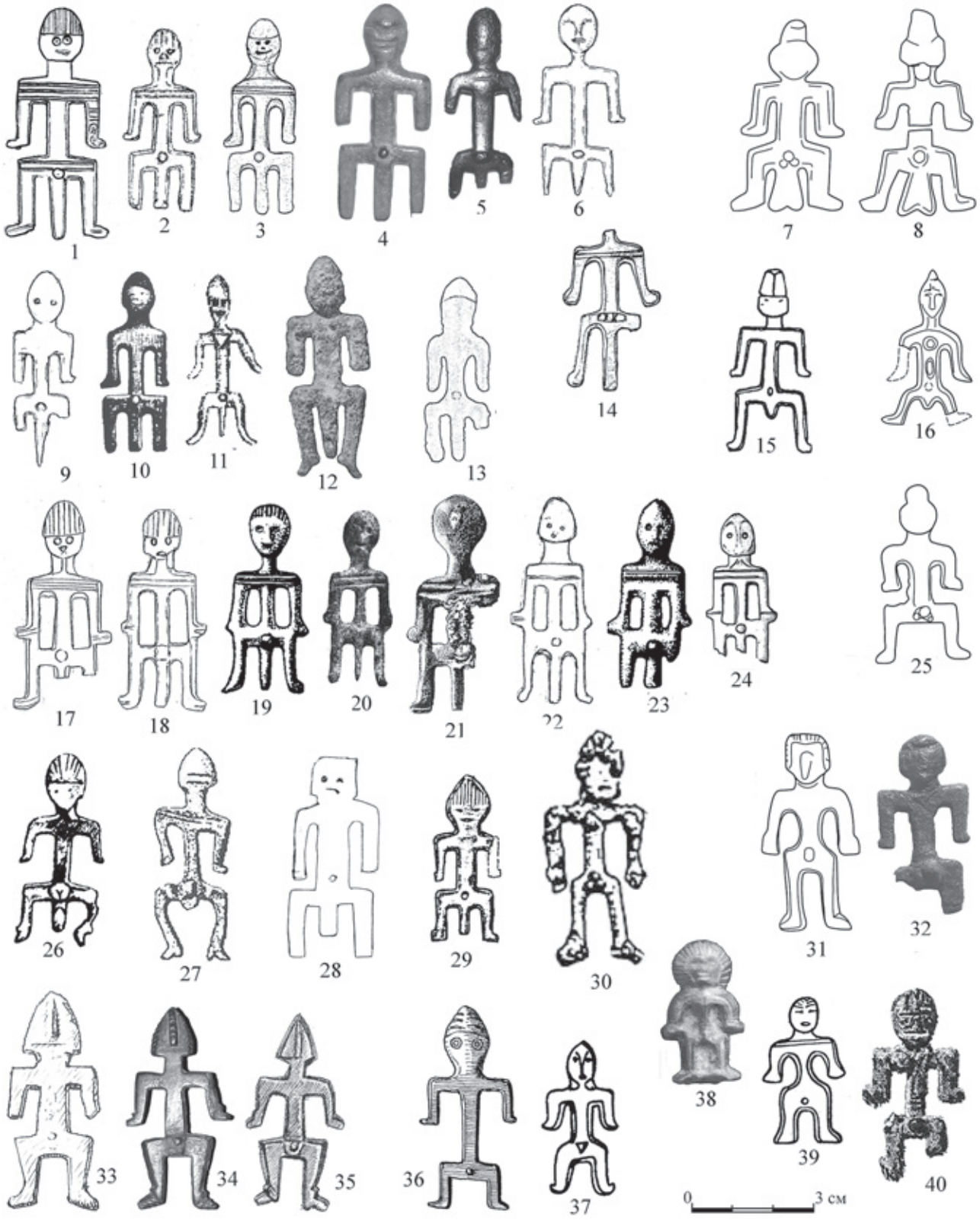


Рис. 225. Группировка антропоморфных фигурок. Расшифровку см. на следующей странице

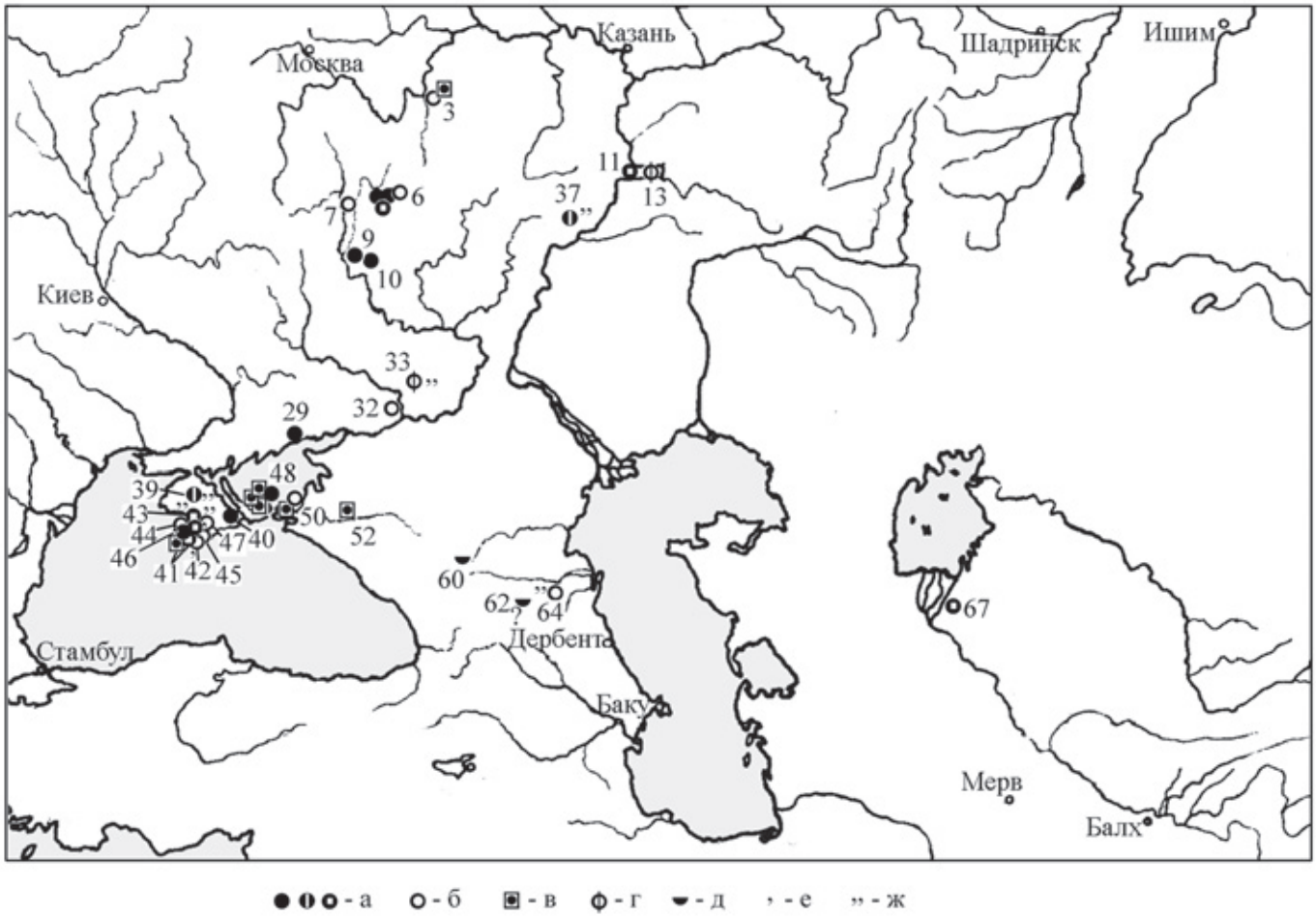


Рис. 226. Распространение «угловатых» антропоморфных фигурок блока серий 1.
Серии: а — Белосарайская, ее дериваты и гибридные формы; б — Нижнекундрюченская; в — Керчь; г — Шелехметь; д — блоков вариантов «П» серии Нижнекундрюченская. Подтипы: а — 1А; б-г — 1Б; д — 2Б. Локализация: — в пределах района или части области; ж — в пределах области или края. Нумерация находок — как на рис. 216

◄ **Рис. 225.** Группировка антропоморфных фигурок.
1–24, 26–29 — подтипа 1Б, серий: Нижнекундрюченская (1–6); Куюк-кала 1 (7, 8); Пашковская (9–12); Керчь (17–24); Шелехметь (26); Алексеевская (27); Лермонтовская скала (29); индивидуальные (13, 15, 16) и неопределимые (14, 28). 25, 30–40 — подтипа 2Б, серий: Куюк-кала 1, гибрид (25); Куюк-кала 2 (31, 32, вероятно, 30); Цимлянская (33–35); блока вариантов «П» серии Пашковская (36, 37) и Нижнекундрюченская (39, 40), индивидуальной формы (38). Для 11, 20, 21, 30, 40 масштаб приблизительный или реконструируемый.
Находки (в скобках — номер по Каталогу): 1 — Карши-Баир (3-1); 2 — вероятно, Ильичевское городище (7-2/2); 3, 14, 24 — Борок (1-1/1, 2, 3); 4 — Нижнекундрюченская (2-7); 5 — Уткино (1-10); 6 — Чуфут-Кале (3-2); 7–8, 16, 31–32 — Куюк-кала (6-3/3, 4, 5, 6, 10); 9, 22 — Ильичевское городище (4-2/2, 1); 10, 20 — Пашковский (4-4/2, 1); 11 — Прозовское городище (1-7); 12— Тиритака (4-5); 13 — Нармушадь (1-6); 15 — Мокрая Балка (5-7); 17 — Южная Россия (7-1); 18, 19, 23 — Керчь, склеп 52/1909 (4-3/2), склеп 87/1909 (4-3/3), кол. Думберга (4-3/5); 21 — Херсонес (3-3/2); 26 — Шелехметь (1-11); 27 — Алексеевка (2-2); 28 — Ерахтур (1-2); 29 — Лермонтовская скала (5-5); 30 — Дуана IV (6-1); 33 — «Никополь» (2-8); 34 — Цимлянская (2-11); 35 — Лбище (1-4); 36 — «Кумбулта» (5-4); 37 — Владикавказ (5-1); 38 — Мощенка (1-5); 39 — Кисловодск (5-3); 40 — «Камунта» (5-2)

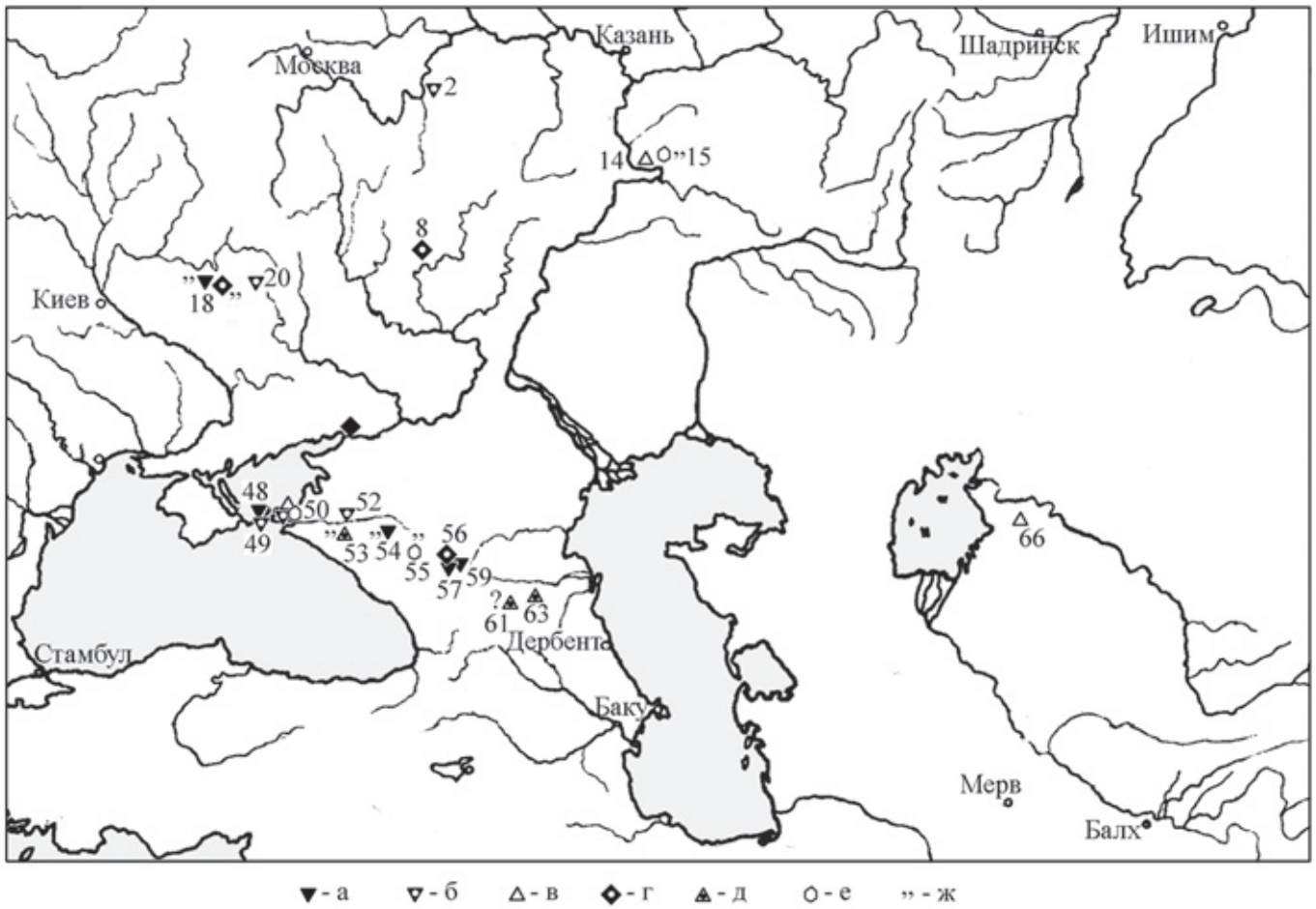


Рис. 227. Распространение «угловатых» антропоморфных фигурок блока серий 2.
Серии: а, в — Глинище (а — подтипа 1А, в — подтипа 2А); б, д — Пашковская (б — подтипа 1Б, д — подтипа 2Б); г — Лермонтовская скала (подтипа 1Б); е — Ильичевская (подтипа 1А).
Локализация: ж — в пределах области или края. Нумерация находок — как на рис. 216

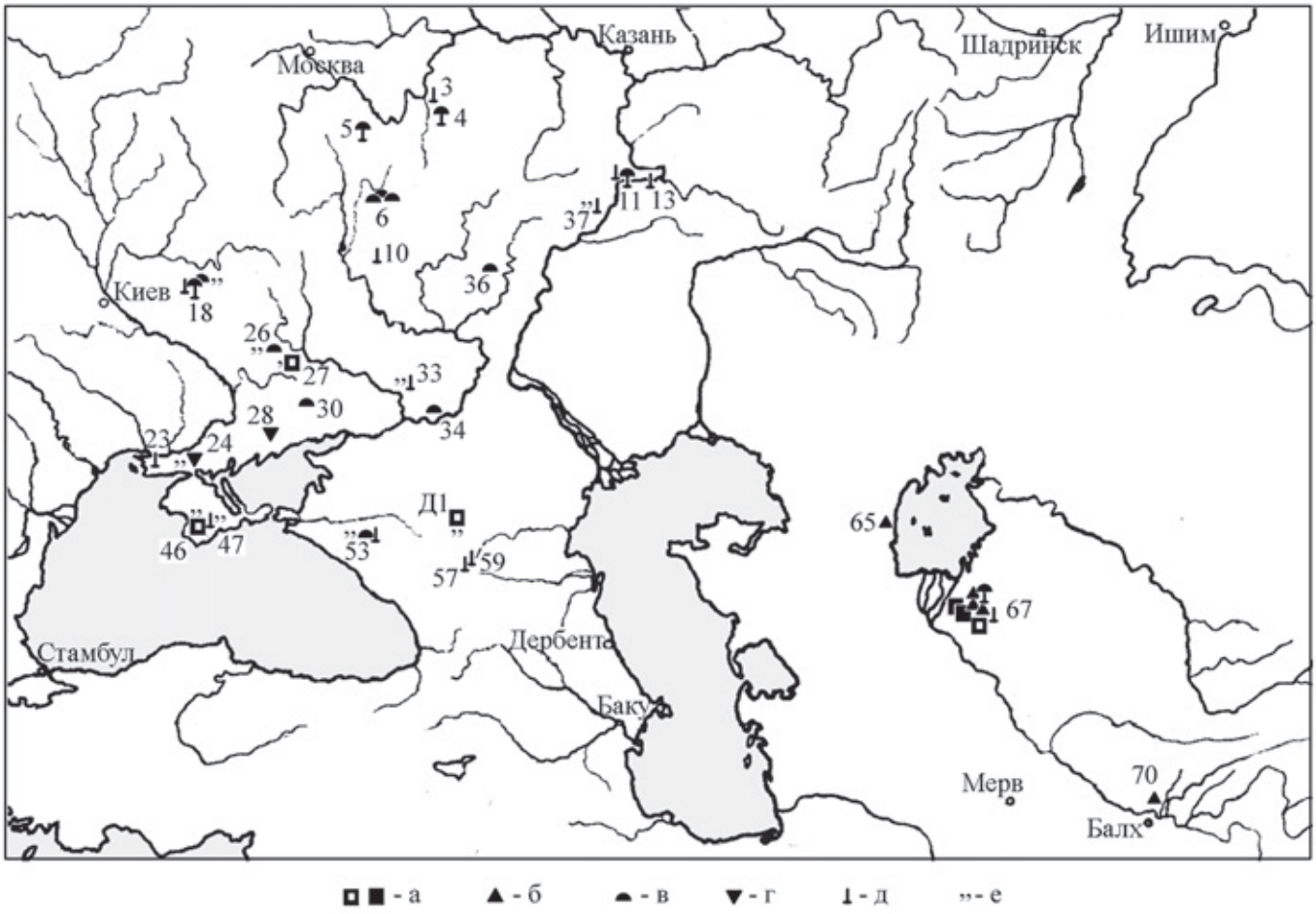


Рис. 228. Распространение «угловатых» антропоморфных фигурок блока серий 3.
Серии: а — Куюк-кала 1 (подтипа 1Б; залитые — блока вариантов 1); б — Куюк-кала 2 (подтипа 2Б); в — Марьинка (подтипа 1А); г — Алексеевка (подтипа 1Б); д — экземпляры, имеющие длинный «фаллос» с концом, выделенным расширением и/или врезкой (наряду с серией Куюк-кала 1).
Локализация: е — в пределах области или края. Нумерация находок — как на рис. 216.
Д1 — находка из Ставропольского края, не внесенная в Каталог

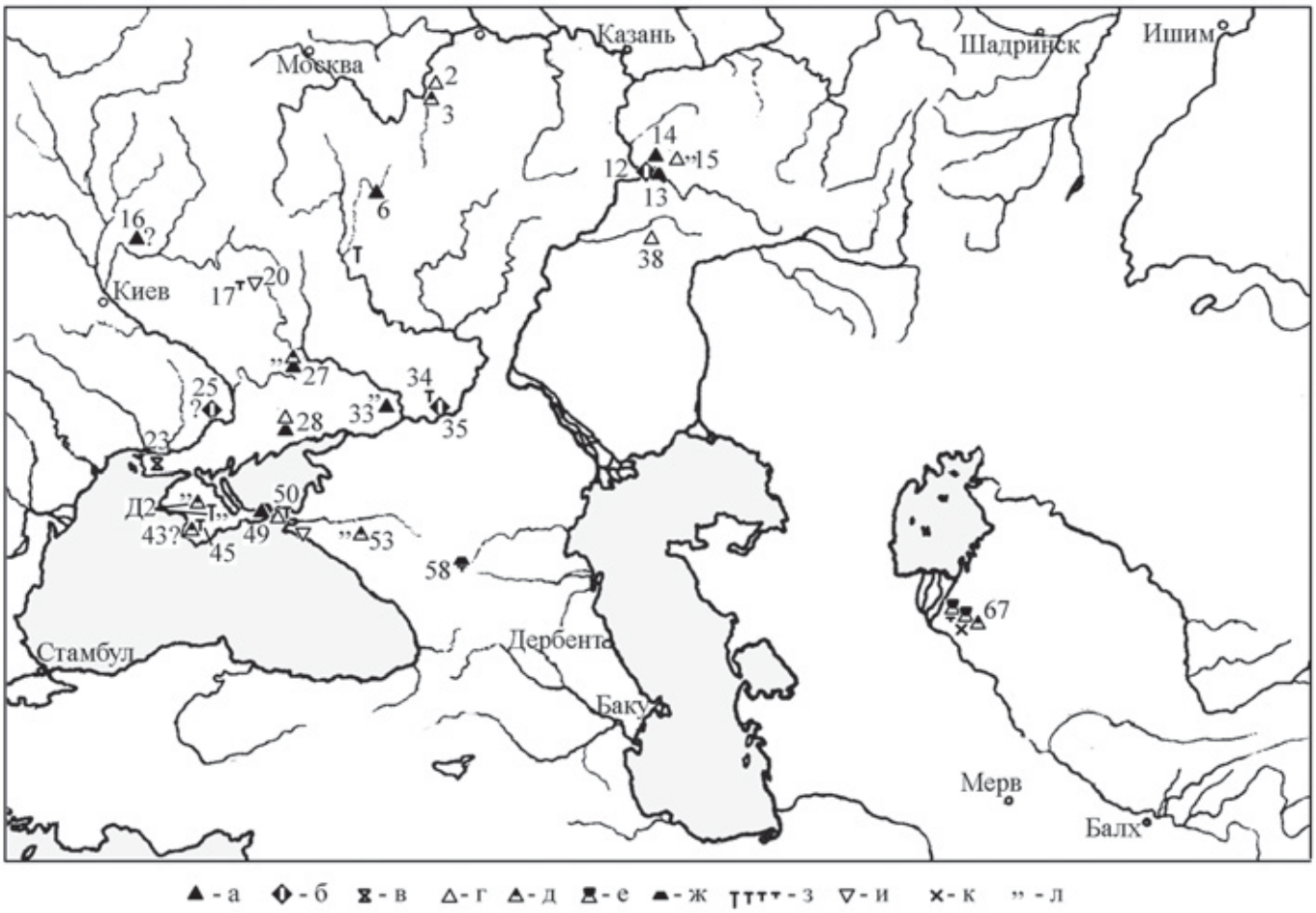


Рис. 229. Распространение «угловатых» антропоморфных фигурок, имеющих специфичные детали: а — сапоги; б — сапоги и, возможно, шлем (серия Цимлянская подтипа 2Б); в — сапоги, конический головной убор, наклонные нарезки на груди (Алешковские пески; Каталог 2-3); г — коническую шапку или шлем; д — маленькую шапочку; е — шапку типа «фригийский колпак»; ж — шапку типа Мокрая Балка; з — «фаллос» в виде треугольника, вершиной обращенного вниз (варианты: длинный, доходящий до линии ступней, укороченный, наиболее короткий); и — треугольник в верхней части груди (амулет на шее?); к — врезка в виде «андреевскго креста» на груди. Локализация: л — в пределах области или края. Нумерация находок — как на рис. 216

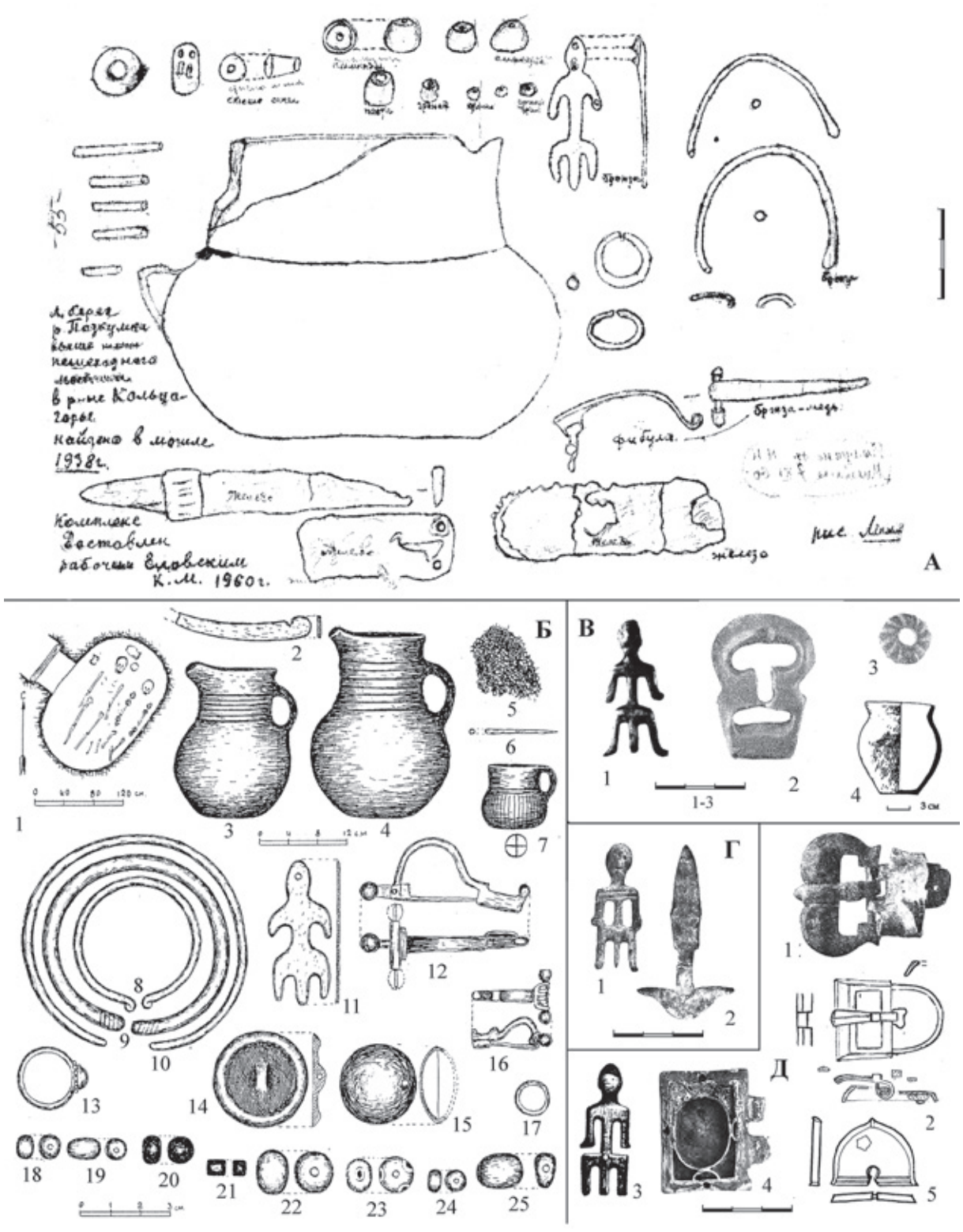


Рис. 230. Комплексы и датирующие находки с Северного Кавказа и из степного Крыма (В).
А — Подкумок, могила 1937 г.; Б — Мачты, катакомба 3; В — Айвазовское, погр. 1956 г.; Г — Пашковский могильник, погр.(?) 20.8.1927г.; Д — Пашковский могильн ик (1 — находка 1928 —1929 гг.; 2 — погр. 5/1936; 3 — погр. 3/1936; 4 — погр. 2/1936; 5 — находки 1948 г.).
А — копия рис. Н. Н. Михайлова, сделанная им для Н. М. Егорова — ныне в архиве Н. М. Егорова (Пятигорский краеведческий музей), предоставлено С. Н. Савенко; **Б** — рис. А. П. Рунича, предоставлен С. Н. Савенко; **В:** 1–3 — по: Кругликова, 1957, 4 — по: Баранов, 1990; **Г** — по: Покровский., 1936; **Д:** 1, 4 — по: Покровский, 1936; 2, 5 — рис. И. О. Гавритухина с оригиналов в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике; 3 — по: Анфимов, 1941

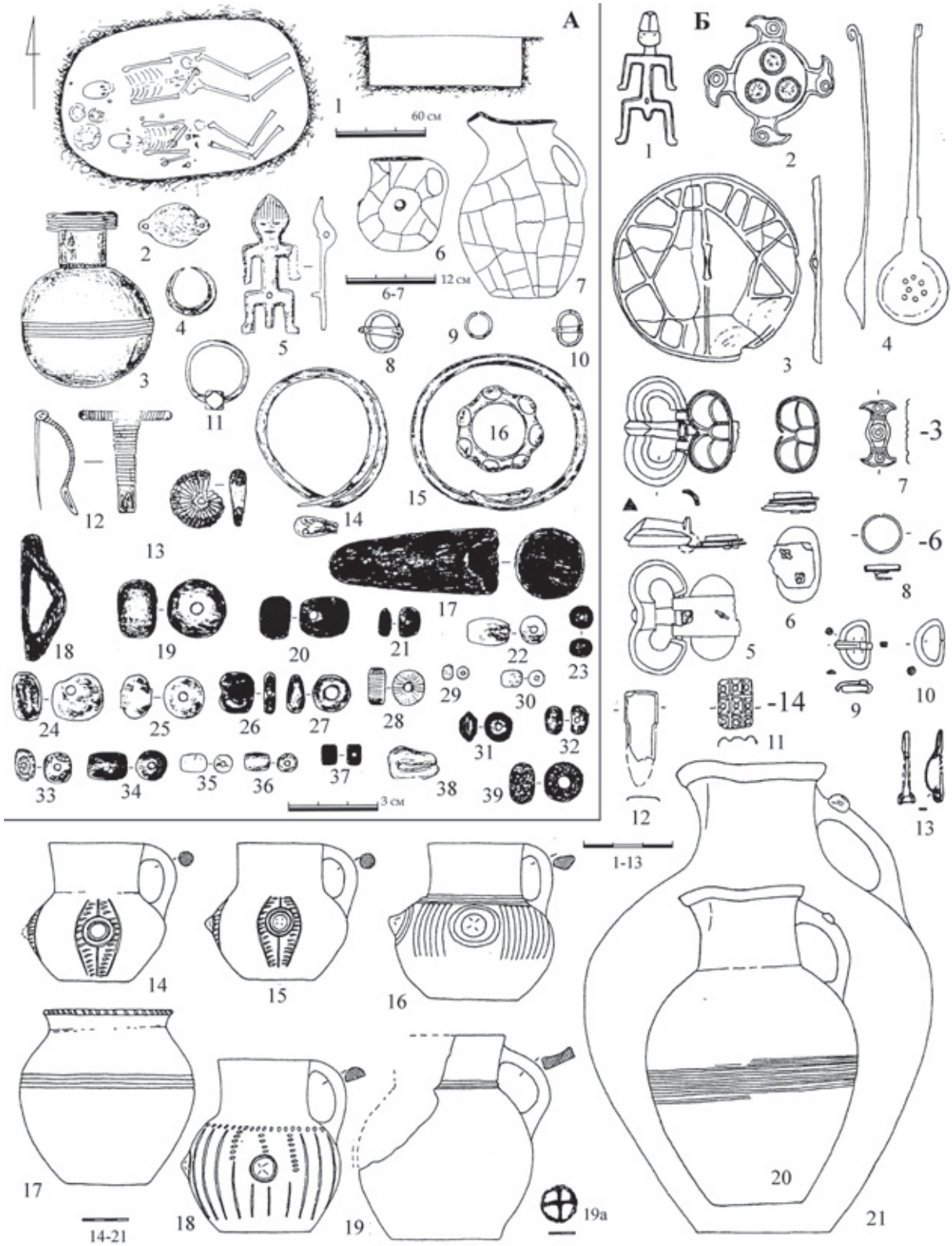


Рис. 231. Комплексы из Кисловодской котловины.
А — Лермонтовская скала 2, катакомба 13; Б — Мокрая Балка, катакомба 4К.
А — рис. А. П. Рунича (Рунич, 1973; воспроизведено в Мастыкова, 2009);
Б — рис. В. Ю. Малашева (в: Ковалевская, 2005)



Рис. 232. План и инвентарь склепа 78/1907 в Керчи.
1–10 — погр. 5; 11–14 — погр. 4; 15 — погр. 1; 16 — погр. 6; 17 — ниша в правой стенке дромоса; 18–23 — погребение 2; 24–28 — погр.8; 29–30 — погр. 7; 31 — ниша над правой лежанкой; 32–33 — ниша над левой лежанкой; 34–42 — погр. 12; 43–50 — погр. 9; 51–53 — погр. 10; 54–59 — погр. 13.
2, 4 справа, 16, 18, 43, 44, 46, 54–57 — рис. И. О. Гавритухина с оригиналов в ГЭ;
остальное — по: Засецкая, 1998

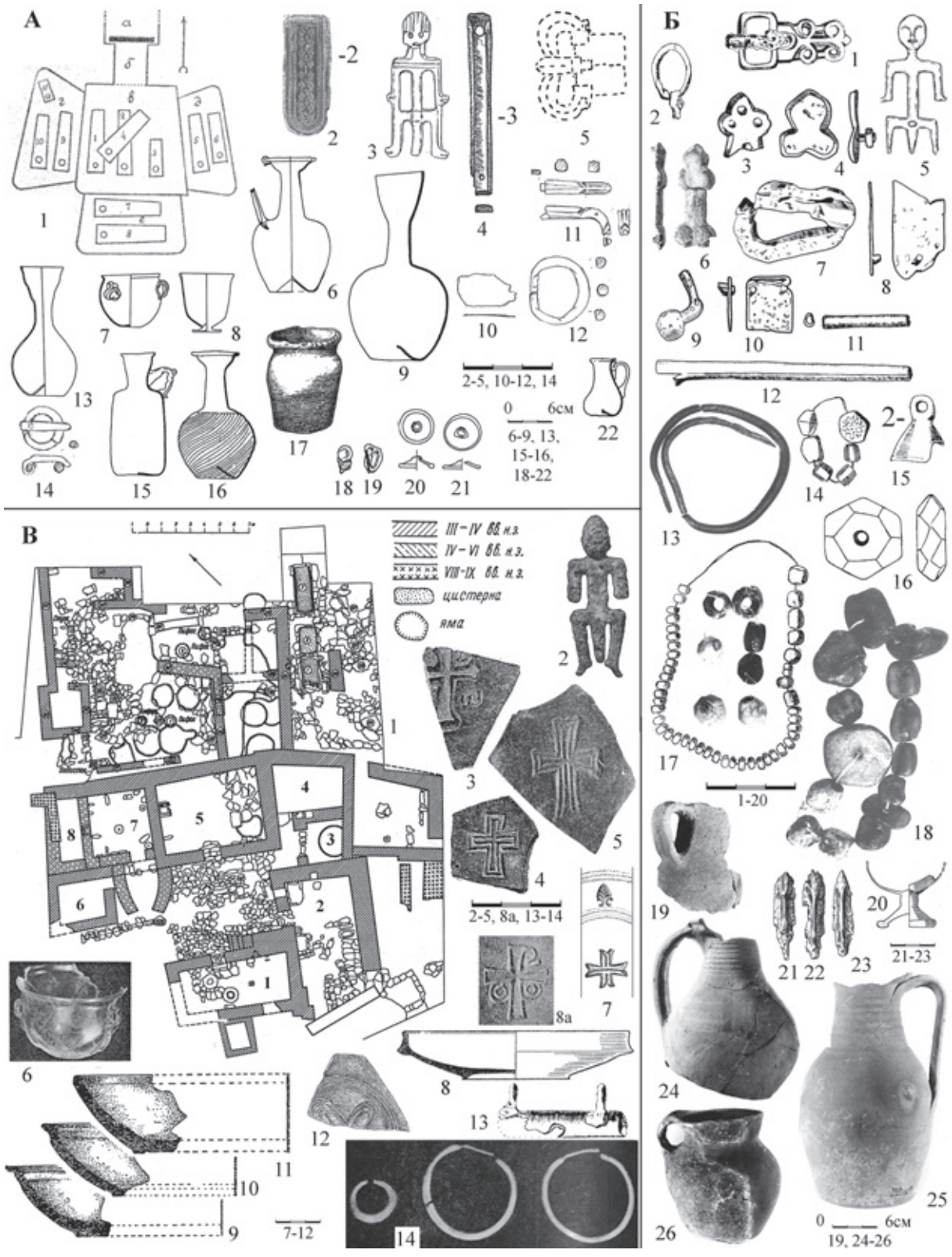


Рис. 233. Комплексы и датирующие находки из Крыма.

А — Керчь, склеп 52/1909 (2 — погр. 1; 3–4 — погр. 2; 5 — реконструкция по ссылке В. В. Шкорпила; 6 — погр. 3; 7–8 — погр. 9; 9–12 — погр. 5; 13–14 — погр. 11; 15–16 — погр. 10; 17 — из арки склепа; 18–21 — погр. 7; 22 — погр. 6); Б — Чуфут-Кале, склеп 118; В — Тиритака, участок XV и находка на участке V–VI (8).

А: 1, 2 — по Шкорпил, 1913; 3, 10–12, 14 — рис. И. О. Гавритухина с оригиналов в ГЭ; 4, 17 — по: Засецкая, 2003; 5 — реконструкция А. К. Амброза (1994) по описанию в: Шкорпил, 1913; 6–9, 13, 15–16, 18–22 — по: Засецкая, 2008; **Б:** 1–5, 7–26 — по: архив В. В. Кропоткина в ИА РАН (5 —прорисовка И. О. Гавритухина по фото), 6 — фото А. А. Строкова с оригинала в ГИМ; **В** — по: Гайдукевич, 1952

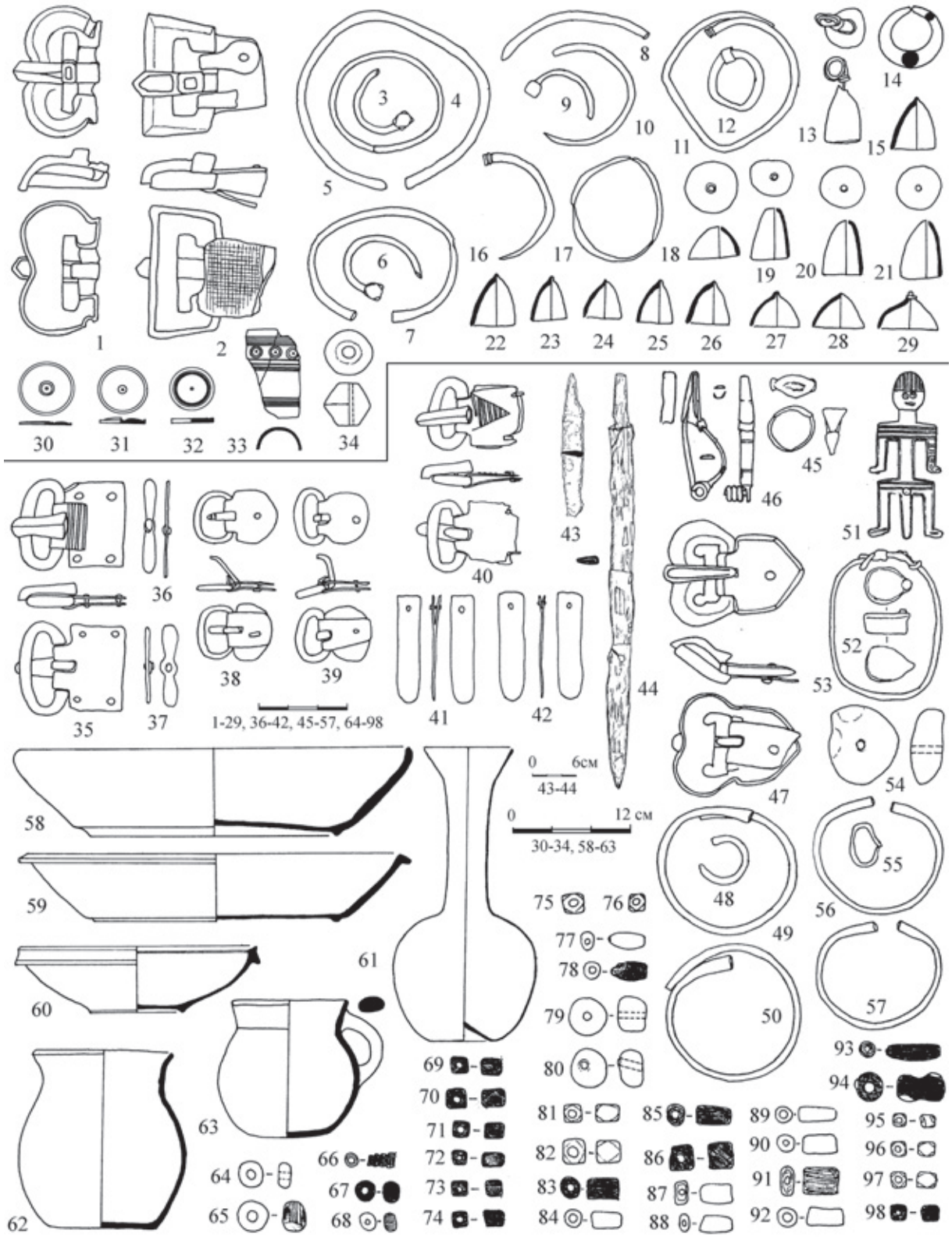


Рис. 234. Инвентарь склепа 5 в Карши-Баире.
1–34 — к востоку от погр. 3, не перекрытые осыпью; 35–44 — погр. 1; 45–50 — погр. 2; 51–57 — погр. 3; 58–63 — у северной стены, близ голов погр. 1–3; 64–98 — без точной привязки.
1–45, 47–50, 52–98 — по: Ушаков, 2010; 46, 51 — рис. И. О. Гавритухина с оригиналов в ГМЗХТ

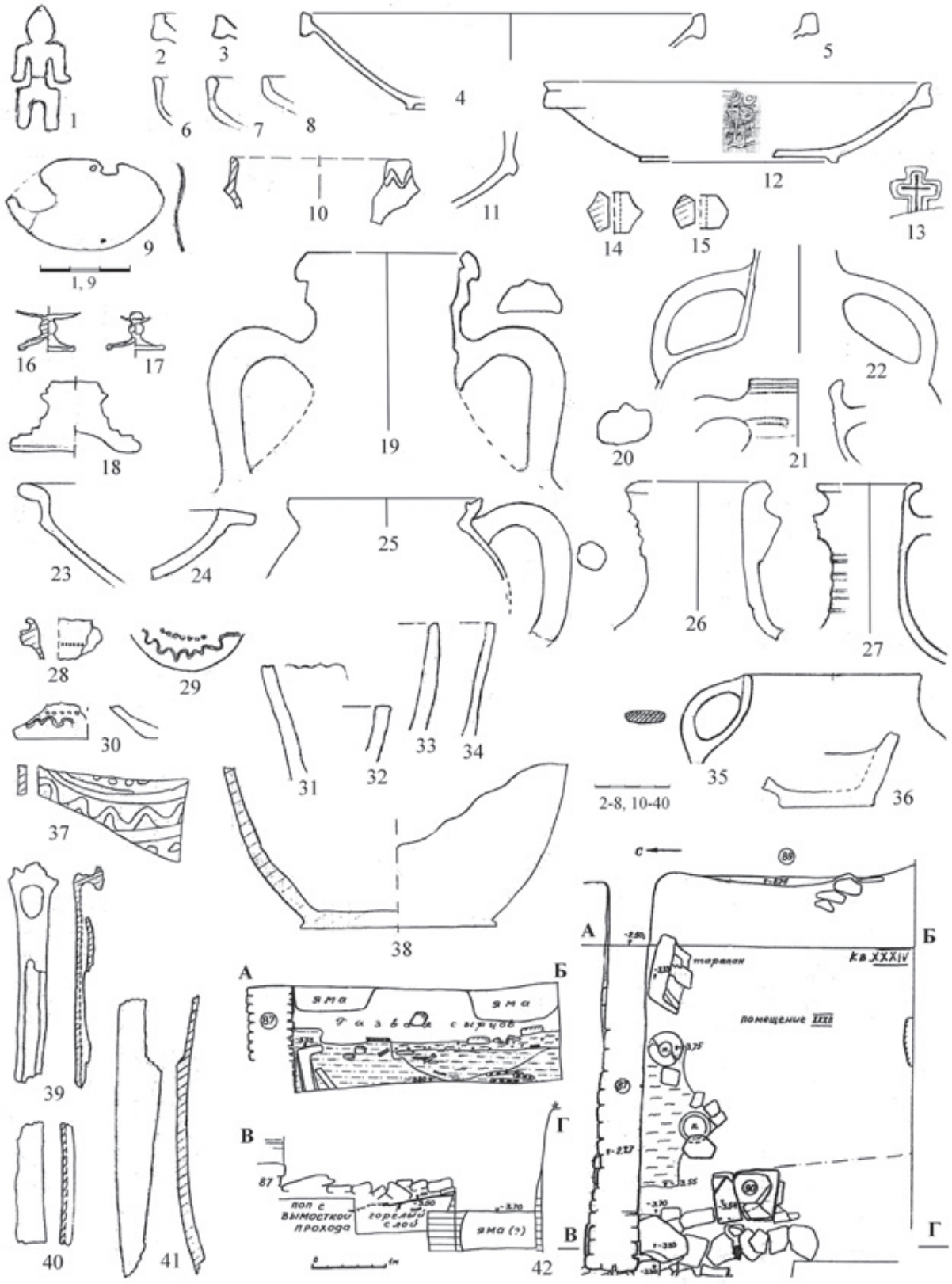


Рис. 235. Находки в помещении XXXII Ильичевского городища в 1991 г., план и профили связанного с ними участка (42).

1, 9 — цветные металлы; 2–8, 10–15, 18–38 — керамика; 16–17 — стекло; 39–41 — кость.

1 — рис. И. О. Гавритухина с оригинала (хранился у Э. Я. Николаевой); 2–42 — по: Николаева, 1991



Рис. 236. Находки из Средней Азии и Казахстана.

А — Куюк-кала: 1–11, 17, 21–22, 28–30, 49–51 — сборы; 23 — раскоп XIV, верхний слой; 12 — раскопки 1959 г.; 13–16 — погр. 45; 18 — погр. 38; 19–20 — погр. 134?; 24 — погр. 51?; 25 — погр. 175?; 26–27 — погр. 106?; 31 — погр. ?; 32–36 — погр. 97?; 37 — погр. 97?; 38 — погр. 26; 39 — погр. 166?; 40 –44 — погр.? (подписаны как погр. 59); 45 –48 — погр. 55?

Б: 1 — Хишт-тепа, 2 — Сидак-тобе, 3 — Миздахкан (Каталог, 6-6, 6-5, 6-4).

В — Косасар-3 (1 — погр. 5; 2 — погр. 11; 3–4 — погр. 9) и Косасар-2 (5–7 — погр. 36; 8 — погр. 16; 9 — погр. 60; 10 — погр. 4; 11 — погр. 2; 12 — разрушенное погр.).

Г — Дуана IV, курган 34.

А: 1–11, 17, 21–23, 28–30, 49–51 — рис. А. И. Торгоева (Торгоев, Сапаров, в печати); 12 — по: Неразик, Рапопорт, 1959; 13–16, 18–20, 24–27, 31–48 — по: Ходжайов, Мамбетуллаев, 2008; **Б** — см. Каталог, № 6-6, 6-5, 6-4; **В** — по: Левина, 1993б; 1996; **Г** — по: Древняя..., 1978

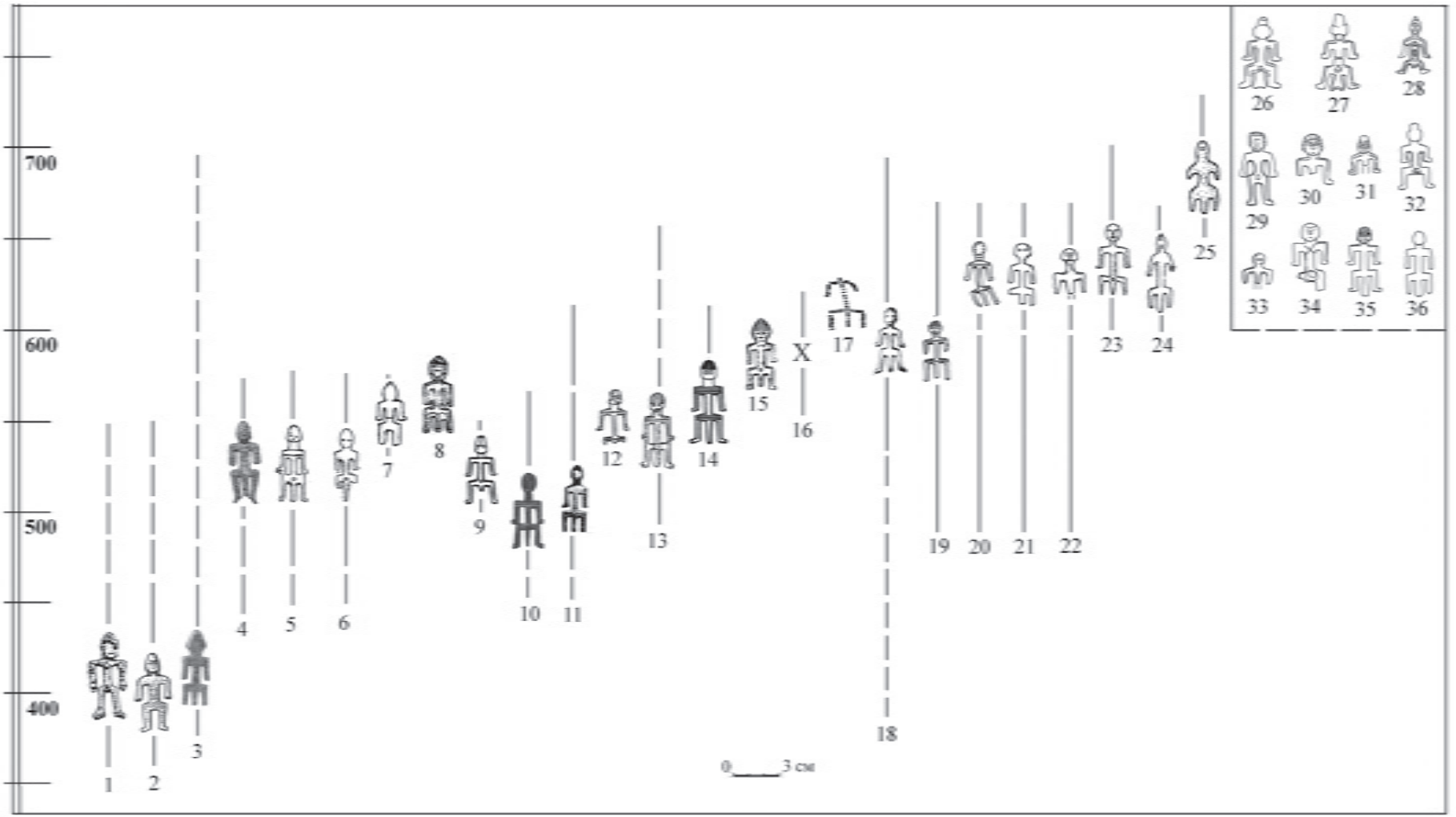


Рис. 237. Хронологические позиции амулетов.

1 — Дуана IV, курган 34; 2 — Косасар-2; 3 — Танаис, помещение ДО; 4 — Тиритака, участок XV, верхние слои; 5–8 — Ильичевское городище (5 — штык 7 кв. XV; 6 — штык 4 кв. XX; 7 — пол помещения XXXII; 8 — вероятно, с городища); 9 — Мокрая Балка, катакомба 4К; 10–11 — Пашковский могильник (10 — погр.(?) 20.8.1927; 11 — погр. 3/1936); 12–13 — Керчь (12 — склеп 78/1907, погр. 5; 13 — склеп 52/1909, погр. 2); 14 — Карши-Баир, склеп 5, погр. 2; 15 — Лермонтовская скала 2, катакомба 13; 16 — юг Харьковской обл. (подтип 1Б, серия Куюк-кала 1); 17 — Мокрая Балка, катакомба 11К (изображение на керамике, без масштаба);18 — Айвазовское, погр. 1956 г.; 19–22 — Стаево-5; 23 — Чуфут-Кале, склеп 118; 24 — Подкумок, могила 1937 г.; 25 — Мачты, катакомба 3; 26–36 — Куюк-кала

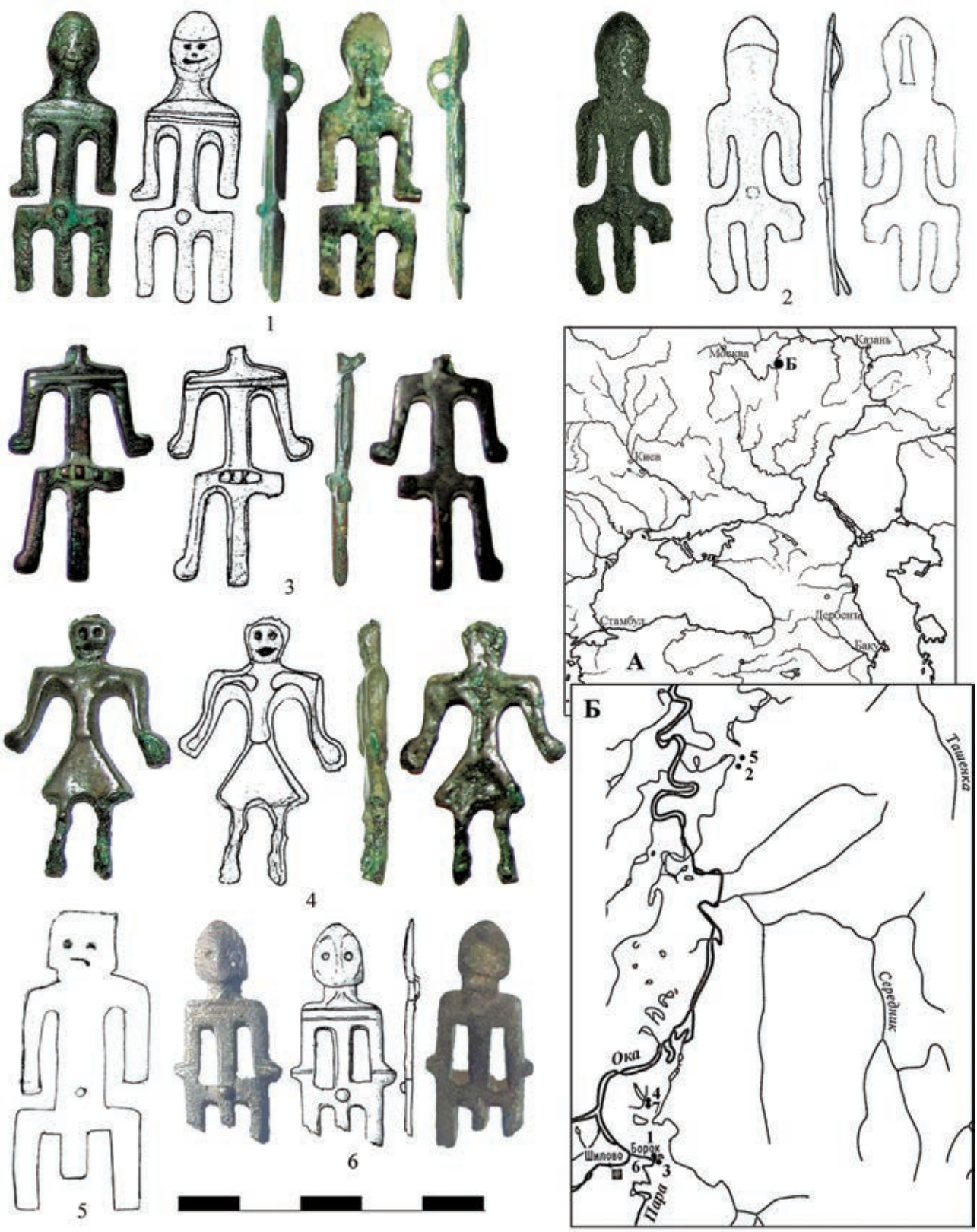


Рис. 238. Амулеты из Шиловского района Рязанской области.
1, 3, 6 — Борок; 2 — Нармушадь; 4, 7 — Терехово; 5 — Ерахтур. А — место расположения Шиловского микрорегиона на карте с важнейшими географическими ориентирами; Б — места находок из Шиловского микрорегиона. Нумерация пунктов и приведенных находок оттуда совпадает.
Рис. 1–4, 6 и фото 1–4 — А. П. Гаврилова; рис. 5 — А. Н. Гаврилова; фото 6 — В. В. Буйнова

Литература

Абрамова М.П. 1974. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры (по материалам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: ГИМ. С. 3–31.

Абрамова М.П. 2007. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке (Материалы и исследования по археологии России, 8) / Отв. ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: ИА РАН. С. 12–188.

Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. 2001. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-4 / Труды Дагестанской экспедиции. II. (МИАР, 4). М.: ИА РАН. 152 с.

Айбабин А.И. 1985. Погребение хазарского воина // СА. 3. С. 191–205.

Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I. С. 3–87, 175–241.

Айбабин А.И. 1993. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV — VI в. // МАИЭТ. III. С. 206–210.

Айбабин А.И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар. 352 с.

Айбабин А.И. 2019. Гунны в равнинном Крыму // Нижневолжский археологический вестник. 18: 2. С. 47–61.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2008. Могильник у села Лучистое. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь–Керчь: АДЕФ–Украина. 336 с.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2014. Могильник у села Лучистое. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 годов. Киев: ТОВ «Майстер Книг». 400 с.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2016. Исследования могильника у села Лучистое в 2015 году // МАИЭТ. XXI. С. 135–173.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2017. Крымские готы страны Дори (середина III — VII в.). Симферополь: ООО «Антиква». 368 с.

Акимов Д.В. 1998. Поселение Староживотинное-3 на р. Воронеж // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. / Ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ. С. 157–169.

Акимов Д.В. 2017. Структура и иерархия верхнедонских поселений эпохи Великого переселения народов // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А.М. Обломского / Ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. (РСМ, 19). М.: ИА РАН. С.133–141.

Акимов Д.В., Бирюков И.Е., Земцов Г.Л., Яблоков А.Г. 2017. Тюнинское поселение под Задонском на Верхнем Дону // ВАС. 8 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 54–64.

Алексеев С.И., Зеленеев Ю.А. 1990. Могильник Красное III // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья 1 тыс. до н.э. — 1 тыс. н.э. / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев. Йошкар-Ола: Марийский гос. университет. С. 83–101.

Алексеева Е.М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья (САИ. Г1-12/2). М.: Наука. 104 с.

Алексеева Е.М. 1982. Античные бусы Северного Причерноморья (САИ. Г1-12/3). М.: Наука. 105 с.

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР (САИ. Д1-30). М.: Наука. 142 с.

Амброз А.К. 1973. Рец.: Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest. 1969 // СА. 2. С. 288–298.

Амброз А.К. 1988. Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и Руси / Отв. ред. Б.А. Тимощук. М.: Наука. С. 5–12.

Амброз А.К. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука. 134 с.

Амброз А.К. 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. 1. С. 6–108.

Амброз А.К. 1994. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. IV. С. 31–88.

Андреев С.И. 2000. Отчет о проведении разведочных работ по р. Воронеж в пределах Липецкого и Добровского р-нов Липецкой обл. и Мичуринского р-на Тамбовской обл. (1999) // Архив ИА РАН, р-1, №23213.

Андреев С.И. 2012. Находка раннесредневековой христианской металлопластики на Тамбовщине // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. 3 / Ред. С.И. Андреев. Тамбов: ТГУ. С. 260–269.

Андреев С.И., Горбаненко С.А., Разуваев Ю.Д. 2014. О земледелии у населения городецкой культуры в лесостепном Поценье (по материалам Давыдовского городища) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 10 (138). Тамбов. С. 149–158.

Андреев С.И., Филимонова Н.В. 2008. Раннеславянские культуры в Тамбовской обл. // Верхнее Подонье: Археология. История. 3 / Ред. А.Н. Наумов. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 18–24.

Антипина Е.Е. 2004а. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В.И. Цалкина / Ред. Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 7–33.

Антипина Е.Е. 2004б. Археозоологические материалы // Каргалы. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / Ред. и сост. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 182–239.

Антипина Е.Е. 2016. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Ред. Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. М.: ИА РАН. С. 96–118.

Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. 2007. Структура сельского хозяйства у населения Острой Луки Дона в середине I тыс. н.э. (археобиологическая реконструкция) // ВАС. 3 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк; СПб.: ЛГПУ. С. 313–329.

Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. 2015. Палеоэкономические реконструкции в археологии: теория и практика археобиологических исследований // Естественнонаучные методы исследований и парадигма современной археологии: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва. Институт археологии РАН. 8–11 декабря 2015 / Ред. и сост. М.В. Добровольская, Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 8–11.

Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю., Черных Е.Н. 2002. Скотоводство и земледелие на Горном? // Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Каргалинский комплекс. Материалы Каргалинского Международного полевого Симпозиума. М.: ИА РАН. С. 27–29.

Анфимов Н.В. 1941. Река Кубань // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Ред. В.В. Гольмстен. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 214–219. Перепечатано в: Пашковский могильник №1: В 2 т. Т. 1: Смирнов К.Ф. 2016. Раскопки Пашковского могильника №1 в 1947–1949 гг. Приложение 6 / Отв. ред. А.В. Мастыкова. М.: ИА РАН; СПб: Нестор-История. С. 113–119.

Анфимов Н.В. 1980. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века / Отв. ред. В.И. Марковин. М.: Наука. С. 92–113.

Анфимов Н.В. 2016. Отчет о раскопках могильника №1 ст. Пашковской в 1936 г. // Пашковский могильник №1: В 2 т. Т. 1: Смирнов К.Ф. 2016. Раскопки Пашковского могильника №1 в 1947–1949 гг. Приложение 2 / Отв. ред. А.В. Мастыкова. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 49–60.

Апхазава Н.И. 1979. Материальная культура раннесредневековой Восточной Грузии (Вопросы археологической хронологии по данным украшений). Тбилиси: Мицниереба. 128 с.

Апхазава Н.И. 1981. Материальная культура раннесредневековой Восточной Грузии (Вопросы археологической хронологии по данным украшений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси. 26 с.

Арсеньева Т.М. 1977. Некрополь Танаиса. М.: Наука. 152 с.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. 2006. Раскопки некрополя Танаиса в 2004 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. (ИАИАНД, 21). Азов: Изд. Азовского музея-заповедника. С. 54–56.

Атавин А.Г. 1996. Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. / Ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ. С. 208–264.

Атлас. Труды предварительных комитетов. V Археологический съезд в Тифлисе. М.: Синодальная типография. 1879. 47 табл.

Афанасьев Г.Е. 1976. Дохристианские религиозные воззрения алан (по материалам могильника Мокрая Балка) // Советская этнография. 1. С. 125–130.

Афанасьев Г.Е. 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). (Археологические открытия на новостройках. 2). М.: Наука. 200 с.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. 2001. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М.: Научный мир. 252 с.

Ахмедов И.Р. 2007. Инвентарь мужских погребений. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. (РСМ, 9). М.: ИА РАН. С. 137–185.

Ахмедов И.Р. 2010. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в 1 тыс. н.э. Проблемы и материалы / Ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. (РСМ, 13). М.: ИА РАН. С. 7–34.

Ахмедов И.Р. 2014а. Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V — начала VI в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Ред. А.М. Обломский. (РСМ, 15). М: ИА РАН. С. 138–177.

Ахмедов И.Р. 2014б. «Лик славы». Согдийские находки из Ёлшинского клада // Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной / Ред. Н.И. Асташова (Труды ГИМ, 198). М.: ГИМ. С. 282–288.

Ахмедов И.Р. 2016а. Браслеты с «антропоморфными» окончаниями из Пашковского могильника №1 // Пашковский могильник №1: Т. 2. Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. Исследование материалов Пашковского могильника №1 / Отв. ред. А.В. Мастыкова. М.: ИА РАН; СПб: Нестор–История. С. 241–232.

Ахмедов И.Р. 2016б. Византийские и славянские находки в рязано-окских древностях // Древности Поочья. Сб. научных работ к 60-летию В.В. Судакова / Ред. А.О. Никитин. Рязань: РИКО. С. 64–87.

Ахмедов И.Р. 2020. «Восточные» и прикамские ременные гарнитуры в Среднем Поочье в VII — начале VIII вв. // Археология Волго-Окского региона / Ред. Н.А. Биркина и др. М.: ГИМ, ИА РАН. С. 34–42.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 2007. Культура рязано-окских могильников. Вводные замечания // Восточная Европа в середине I тыс.н.э. / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. (РСМ, 9). М.: ИА РАН. С. 134–136.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 2015. Рязано-окских могильников культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 29. М.: Большая Российская энциклопедия. С. 151–152.

Ахмедов И.Р., Воронцов А.М. 2012. Узколезвийные топоры римского времени и эпохи Великого переселения народов с территории Верхнего и Среднего Поочья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 9–54.

Ахмедов И.Р., Гаврилов А.П. 2017а. Находки матриц для изготовления деталей геральдических поясов в древностях рязано-окских финнов // Stratum plus. 5. С. 17–40.

Ахмедов И.Р., Гаврилов А.П. 2017б. «Славянские» фибулы в древностях рязанских финнов. Старые и новые находки // Élite ou Égalité… Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / Отв. ред. Н.И. Платонова. СПб.: Издательский дом «Бранко». С. 71–89.

Багаев М.Х. 2008. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и Средневековье. VI в. до н.э. — XII в. н.э. М.: Наука. 455 с.

Багаев М.Х., Виноградов В.Б. 1972. Раскопки раннесредневекового могильника у сел. Харачой // КСИА. 132. С. 80–86.

Бажин М.И. 2018. Антропоморфная бляха из могильника у села Лучистое: контекст и аналогии находки // ВАС. 10. / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 148–151.

Баран В.Д. 1972. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ: Наукова думка. 244 с.

Баранов И.А. 1990. Таврика в эпоху раннего Средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка. 168 с.

Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н. 1972. Металл черняховской культуры / Ред. Б.А. Колчин. (МИА, 187). М.: Наука. 106 с.

Башкатов Ю.Ю., Шита Т.М. 2010. Нові дослідження пам'яток черняхівської культури на півдні Середнього Подніпров'я // Археологія Правобережної України / Отв. ред. Д.Н. Козак. Київ: Інститут археології НАН України. С. 146–151.

Безмен. 1891. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Банки — Бергер. Т. III. СПб. С. 298–299.

Безуглов С. И., Парусимов И. Н. 2013. Раннесредневековое погребение из хут. Пухляковский на Нижнем Дону // Хазарские древности. / Ред. В. В. Ключников, А. А. Кулаков. Аксай: Аксайский военно-исторический музей. С. 256–261.

Белоцерковская И. В. 2007. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине 1 тыс. н. э. / Ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. (РСМ, 9). М.: ИА РАН. С. 186–212.

Белоцерковская И. В. 2014. Женский костюм окских финнов V–VII вв. Традиции и новации // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Ред. А. М. Обломский. (РСМ, 15). М: ИА РАН. С. 178–229.

Белоцерковская И. В. 2015. Застежки-сюльгамы из рязано-окских могильников Заречье и Кораблино: опыт систематизации // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 1 / Ред. И. О. Гавритухин, А. М. Воронцов. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 107–131.

Белявская О. С. 2019. К изучению элитного раннесредневекового погребения на территории Уфы // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной научной конференции молодых ученых 16–19 марта 2015 г. / Отв. ред. и сост. В. Е. Родинкова. М.: ИА Р9АН. С. 133–135.

Березуцкий В. Д., Золотарев П. М., Куцев Е. А. 2017. Острогожский клад (последняя треть — конец VII в. н.э.) // РА, 1. С. 131–140.

Березуцкий В. Д., Мастыкова А. В. 2016. Погребение эпохи Великого переселения народов на Левобережье Среднего Дона // КСИА. 245, 1. С. 219–243.

Бессуднов А. Н., Обломский А. М. 1996. Изучение археологических памятников на р. Семенек // Археологические исследования Высшей педагогической школы. Сборник научных трудов (к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета) / Ред. А. Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ. С.21–48.

Бетрозов Р. Ж. 1980. Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука. С. 113–122.

Бидзиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П., Паньков С. В. 1988. История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э. — III в. н. э.). Киев: Наукова думка. 112 с.

Биркина Н. А. 2020. Инструменты ювелиров круга восточноевропейских эмалей (по материалам вещей из собрания Исторического музея) // История вещей — история и вещи / Ред. А. М. Обломский. (РСМ, 20). М.: ИА РАН. С. 54–58.

Бирюков И. Е. 2014. Раскопки поселения Большая Кузьминка-4А в Липецком р-не //Археологические открытия 2013 г. в Липецкой обл. / Ред. А. А. Найденов, Н. Е. Чалых. Липецк: Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой обл. С. 14, 15.

Бирюков И. Е. 2020. Отчет об археологических разведках на участках создания автотуристского кластера «Задонщина» в Задонском районе Липецкой области в 2019–2020 годах //Архив ООО НПО «Черноземье».

Бирюков И. Е., Голотвин А. Н. 2020. Новые памятники раннего Средневековья V–VII вв. в Тамбовской области // История вещей — история и вещи / Ред. А. М. Обломский. (РСМ, 20). М.: ИА РАН. С. 225–236.

Бирюков И. Е., Голотвин А. Н., Захарова Е. Ю., Чендев Ю. Г. 2016. Раскопки поселения Красный Городок 4 на р. Польной Воронеж (предварительная информация) // Тамбовская старина, 5 / Ред. Н. Б. Моисеев. Тамбов: ООО «ТПС». С.43–49.

Блаватский В. Д. 1951. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху / Ред. В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков (МИА, 19). М.: Изд-во АН СССР. С. 189–226.

Блаватский В. Д. 1955. Раскопки Пантикапея в 1952 году // КСИИМК. 58. С. 73–87.

Бобринский А. А. 1991. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв.н.э.). М.: Наука. 214 с.

Богачев А. В. 2011. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 340 с.

Богачев А. В. 2016. Серьги с многогранником V–VII вв. на Средней Волге и в Предуралье (к вопросу о гото-аланском присутствии в регионе) // Вояджер: мир и человек. 6. С. 7–56.

Болтрик Ю., Кармазіна Л., Пробийголова О. 2019. Металообробний комплекс пізньоримського часу городища Лисуха // Археологічні дослідження в Україні 2017 р. / Ред. Ю. В. Болтрик. Київ: ІА НАН України. С. 294–296.

Бонин А. В. 2020. О находках бронзовых антропоморфных подвесок на поселениях хоры Боспора // XXI Боспорские чтения. Боспор

Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте / Ред-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: Крымский федеральный ун-т и др. С. 45–51.

Брилева О. А. 2012. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э.— X в. н.э.) М.: ТАУС. 424 с.

Буданова В. П. 2000. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 543 с.

Вакуленко Л. В. 2014. Майстерня черняхівського ювеліра з с. Сокіл на Подністрові // Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ, Музей історичних коштовностей України — філіал Національного музею історії України, 18–20 листопада 2013 р. / Ред. Л. С. Клочко. Київ: Музей історичних коштовностей України. С. 209–219.

Валиев Р. Р. 2018. Новый памятник «коминтерновского типа» именьковской культуры // Археология Евразийских степей. 1. С. 211–226.

Вдовченков Е. В. 2010а. К вопросу о происхождении антропоморфных фаллических фигурок эпохи Великого переселения народов // Археология, древний мир и средние века. 4. С. 104–111.

Вдовченков Е. В. 2010б. Антропоморфные фаллические амулеты как свидетельство миграции // Кадырбаевские чтения — 2010. Материалы II международной конференции / Ред. А. А. Бисембаев. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии. С. 135–139.

Вдовченков Е. В. 2013. Великое переселение народов // Археология Нижнего Дона. Учебник: проспект / Отв. ред. А. В. Кияшко. Ростов н/Д: Южный федеральный университет. С. 23–24.

Вдовченков Е. В. 2019. Антропоморфные фаллические амулеты как свидетельство культурных контактов между номадами и оседлым населением IV–VII вв. н.э. // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства / Отв. ред. В. А. Алёкшин, Л. Б. Кирчо. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография. С. 254–256.

Вдовченков Е. В., Курасова М. В. 2019. Бронзовые статуэтки эпохи раннего Средневековья из собрания НМИДК // Азак и мир вокруг него. Материалы Международной научной конференции (Донские Древности. 12) / Отв. ред. Е. Е. Мамичев. Азов: Азовский музей-заповедник. С. 54–57.

Відейко М. Ю., Терпиловський Р. В., Петрашенко В. О. 2005. Давні поселення України. Київ: Преяслав-Хмельницький ДПУ ім. Г. Сковороди. 190 с.

Веймарн Е. В., Айбабин А. И. 1993. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка. 203 с.

Винников А. З. 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем Средневековье (VIII — начало XI в.). Воронеж: ВГУ. 168 с.

Винников А. З., Синюк А. Т. 2003. Дорогами тысячелетий: археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж: ВГУ. 280 с.

Виноградов Ю. Г. 1998. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ 1. С. 233–247.

Вишневский В. И. 2007. Керамический комплекс посуды Кикинского городища // ТАС. 6, 2. Тверь: Тверской государственный объединенный музей. С. 85–93.

Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Добровольская М. В. 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. 2. С. 89–107.

Вознесенська Г. О., Недопако Д. П., Паньков С. В. 1996. Чорна металургія та металообробка населення східноєвропейського лісостепу за доби ранніх слов'ян і Київської Русі. Київ: Інститут археології НАНУ. 192 с.

Володарець-Урбанович Я. В. 2014. Пронизки епохи раннього середньвіччя зі слов'янських пам'яток півдня Східньої Європи // Археологія і давня історія України. 2. С. 37–49.

Володарець-Урбанович Я. В. 2016. Антропоморфна фігурка із Засулля-Мгару // Археологія. 1. С. 79–88.

Володарець-Урбанович Я. В. 2018. Речі побутово-ремісничого характеру в складі слов'янських скарбів кола Мартинівки // In Sclavenia terra. 2. С. 113–138

Володарец-Урбанович Я. В., Ганощенко В. В. 2020. Антропоморфная подвеска из собрания Херсонского областного краеведческого музея // Приноси към българската археология. X. С. 5–22.

Воронов Ю. Н. 2003. Могилы апсилов. Итоги исследования некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 348 с.

Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. 1982. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. / Ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука. С. 121–164.

Воронов Ю. Н., Юшин В. А. 1971. Погребение VII в. из села Цебельда. // КСИА. 128. С. 100–105.

Воронцов А. М. 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V вв. на территории Окско-Донского водораздела. Тула: ГМЗ «Куликово поле». 173 с.

Воронцов А. М. 2014. Поздний период существования мощинской культуры // КСИА. 235. С. 310–326.

Воронцов А. М. 2016. Памятники мощинской культуры в I тыс. н.э. // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Ред. А. М. Обломский, И. В. Исланова. (РСМ, 17). М: ИА РАН. С. 221–260.

Воронцов А. М. 2020. Территория Окско-Донского водораздела в позднеримское время и эпоху Великого переселения народов: новые данные // Археология Волго-Окского региона. Сборник тезисов круглого стола 28–29 апреля 2020 г. К юбилею И. В. Белоцерковской / Ред. Н. А. Биркина и др. М.: ГИМ, ИА РАН. С. 53–59.

Воронцов А. М., Столяров Е. В. 2017. Материалы гуннского времени с поселения Упа 2 в черте г. Тулы // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А. М. Обломского / Ред. В. Е. Родинкова, О. С. Румянцева. (РСМ, 19). М.: ИА РАН. С. 298–310.

Высотская Т. Н. 1998. Склепы могильника Совхоз 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. VI. С. 256–273.

Вязов Л. А. 2012. О происхождении топоров именьковской культуры // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного кружка Казанского университета. Казань: Яз. С. 43–53

Габуев Т. А., Малашев В. Ю. 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. 468 с.

Гаврилов А. В. 1996. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // МАИЭТ. V. С. 111–113, 516, 517.

Гаврилов А. П. 2016. Длинноклинковое оружие междуречья рек Пары и Тырницы Шиловского района Рязанской области // Мещёра край: альманах по истории и культуре мещёрского края. 1. М.: Русская деревня; АИРО–XXI. С. 150–170.

Гаврилов А. П., Конанов В. Д. 2020. Новый могильник рязано-окских финнов // Археология Волго-Окского региона / Ред. Н. А. Биркина и др. М.: ГИМ, ИА РАН. С. 60–67.

Гавритухин И. О. 1991. Малые пальчатые фибулы из Великих Будков // Археология и история юго-востока Руси. Тезисы конференции. Курск: Курский ГПИ. С. 27–29.

Гавритухин И. О. 1996. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. / Ред. Д. А. Сташенков. Самара: СОИКМ. С. 115–133.

Гавритухин И. О. 1999. Пряжки, отлитые вместе со щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем Средневековье / Отв. ред. А. Г. Иванов. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН. С.160–209.

Гавритухин И. О. 2001а. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма) / Ред. Д. А. Сташенков. Самара: СОИКМ. С. 31–86.

Гавритухин И. О. 2001б. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В. Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. Приложение 1. М.: ИА РАН. С. 40–49, 146–148.

Гавритухин И. О. 2001в. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху Средневековья. 2. Хазарское время / Ред. А. В. Евглевский (Труды по археологии). Донецк: ДонГУ. С. 45–162.

Гавритухин И. О. 2002а. Фибулы и ременные гарнитуры из цистерны П–1967 г. в Херсонесе // МАИЭТ. IX. С. 217–228.

Гавритухин И. О. 2002б. Фибулы византийского круга в Восточной Европе (I. Дунайско-иллирийские) // МАИЭТ. IX. С. 229–250.

Гавритухин И. О. 2003. Фибула из Луки-Каветчинской в контексте славяно-византийских связей //Słowiane i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu / Red. M. Dulinicz. Lublin; Warszawa: IAE PAN: Wyd. UMCS. 2003. С. 197–206.

Гавритухин И. О. 2004а. Ранние формы пальчатых фибул и экземпляр из Замятино // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Ред. А. М. Обломский. (РСМ, 6). М.: ИА РАН. С. 89–94.

Гавритухин И. О. 2004б. Среднеднепровские ингумации второй половины V — VI в. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 208–220.

Гавритухин И.О. 2005. Хронология эпохи становления хазарского каганата // Хазары (Евреи и славяне. Т. 16) / Редколлегия В. Петрухин и др. Иерусалим; М.: Гершаим; Мосты культуры. С. 378–426.

Гавритухин И.О. 2009. Элементы «Юстиниановского» воинского стиля у северных варваров (пряжки типа Сучидава) // Studia antique Et medievalia. Miscelanea in honorem annos LXXV peragentis Professor Dan Gh. Teodor oblate / Ed. D. Aparaschivei. Bucureşti: Editura Academiei Române. С. 153–183.

Гавритухин И.О. 2010. Византийские подвязные фибулы с S-видной петлей для оси пружины. Находки к северу и востоку от Дуная // Археология Восточной Европы в I тыс. н.э. Проблемы и материалы / Ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. (РСМ, 13). М.: ИА РАН. С. 35–90.

Гавритухин И.О. 2011. Фибулы типа Удине — Планис // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Отв. ред. О.В. Шаров. СПб.; Кишинев: Высшая антропологическая школа. С. 464–490. (Библиотека Stratum).

Гавритухин И.О. 2015. Глава 12. Стеклянный сосуд с синими налепами из Ксизово // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV — V в.) / Отв. ред. А.М. Обломский. (РСМ, 16). М.: ИА РАН. С. 270–273, 452, 646.

Гавритухин И.О. 2018. Пальчатая фибула потисского круга из Юго-Западной России // Relationes rerum: Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletére / A. Korom (főszerkesztő). Budapest: Budapesti Történeti Múzeum; Pázmány Péter Katolikus Egyetem Régészettudományi Intézet. С. 461–488.

Гавритухин И.О. 2019. Пряжки типа Сиракузы и северо-восточная зона их распространения // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 2 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: ГМЗ «Куликово поле»; ИА РАН. С. 295–353.

Гавритухин И.О., в печати 1. Эволюция «геральдических» ременных гарнитур Кисловодской котловины // Плиска-Преслав. 14.

Гавритухин И.О., в печати 2. К изучению функций маленьких пряжек с трапециевидной рамкой и неподвижным «геральдическим» щитком, имеющим вырезы по бокам // КСИА.

Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., Богданов Е.С. 2019. Фибулы с поселения Каракабак (полуостров Мангышлак) // Поволжская археология. 3 (29). С. 170–189.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г. 1999. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем Средневековье / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН. С. 99–159.

Гавритухин И.О., Казанский М.М. 2006. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V — VI вв. // Археологические вести. 13. С. 297–344.

Гавритухин И.О., Казанский М.М. 2018. О времени появления славян на территории Молдовы // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова / Ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович. Кишинев; Тирасполь: ПГУ им. Т.Г. Шевченко. Научно-исследовательская лаборатория «Археология». ВАШ. С. 333–354. (Библиотека Stratum).

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной краеведческий музей. С. 28–86.

Гавритухин И.О., Мастыкова А.Н., Свиридов А.Н., Суханов Е.В., Язиков С.В. 2020. Финал могильника Фронтовое 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Крыму на закате античности) // Stratum plus. 4. С. 235–247.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (РСМ, 3). М.: ИА РАН. 295 с.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 2007. Днепровское лесостепное Левобережье // Восточная Европа в середине 1 тыс. н.э. / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. (РСМ, 9). М.: ИА РАН. С. 9–72.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 2009. Гапоновский клад и малоизвестные события раннесредневековой истории Поднепровья // Археологические открытия. Европейская Россия 1991–2004 гг. / Ред. Н.А. Макаров. М: ИА РАН. С. 308–320.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 2018. Пальчатые фибулы с ромбами на ножке, происходящие из ремесленного центра Стаево на р. Воронеж // МАИЭТ. XXIII. С. 135–206.

Гавритухин И.О., Паромов Я.М. 2003. Ильичевское городище и поселения его округи //

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. VI–XIII вв. / Ред. Т. И. Макарова, СА. Плетнева (Археология). М.; Наука. С. 152–156.

Гавритухин И. О., Пьянков А. В. 2003. Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье. Раннесредневековые древности побережья: Древности V–VII веков. Могильники V–VII веков. Древности и памятники VIII–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV — XIII века / Ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. (Археология). М.: Наука. С. 191–200, 239–245.

Гавритухин И. О., Савенко С. Н., в печати. Каталог «геральдических» и «предгеральдических» ременных гарнитур Кисловодской котловины // Плиска-Преслав. 14.

Гавритухин И. О., Швырёв А. Д. 2020. Новые данные о фибулах подгруппы Левице — Токари в свете находок с Дона // Inter Orientem et Occidentem. Збірка статей до 65-річчя доктора Ердмуте Шультце та до 20-річчя Германо-Слов'янської археологічної експедиції / Ред. М. Любичев, К. Мизгін. (Ostrogothica–Serie: Bände, том 3). Харків: Харківський національний університет. С. 222–251.

Гайдукевич В. Ф. 1949. Боспорская экспедиция // КСИИМК. 27. С. 38–45.

Гайдукевич В. Ф. 1952. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // Боспорские города. 1. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. / Ред. В. Ф. Гайдукевич, М. И. Максимова. МИА, 25. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 15–134.

Гайдукевич В. Ф. 1958. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // Боспорские города. II. Работы Боспорской экспедиции. 1946–1953 гг. / Ред. В. Ф. Гайдукевич, Т. Н. Книпович. (МИА, 85). М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 149–218.

Гак Е. И., Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю., Кайзер Э. 2019. Хозяйственная модель поселения среднедонской катакомбной культуры Рыкань-3 // РА. 2. С. 19–34.

Гарустович Г. Н. 2015. Мужские культовые фигурки эпохи раннего Средневековья на Южном Урале // Проблемы востоковедения, 69 (3). С. 52–60.

Генинг В. Ф. 1977. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, С. 90–136.

Гмыря Л. Б. 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала: Изд-во Дагестанского научного центра РАН. 367 с.

Голдина Р. Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркутский гос. университет. 280 с.

Голдина Р. Д. 2012. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье / Ред. Л. И. Липина. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции, 21. Ижевск: Удмуртский гос. университет. 472 с.

Голдина Р. Д., Королева О. П., Макаров Л. А. 1980. Агафоновский I могильник памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи Средневековья в верхнем Прикамье / Отв. ред. В. Ф. Генинг. Ижевск: Удмуртский гос. университет. С.3–66.

Голдина Р. Д., Перевозчикова С. А., Голдина Е. В. 2018. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи / Ред. Н. Ф. Широбокова. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции, 19. Ижевск: Удмуртский гос. университет. 720 с.

Голотвин А. Н. 2013. Разведочные работы на территории Липецкой обл. //Археологические открытия 2012 г. в Липецкой обл. / Ред. А. А. Найдёнов, Н. Е. Чалых. Липецк: Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой обл. С. 16, 17.

Голофаст Л. А. 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII. С. 96–260.

Голофаст Л. А. 2002. Штампы на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. IX. С. 135–216.

Голофаст Л. А., Ольховский С. В. 2016. Комплекс керамики из подводного фундамента в акватории Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. 4 / Ред. В. Д. Кузнецов. М.: ИА РАН. С. 46–82.

Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. 2013. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-А и X-Б) // МАИЭТ. XVIII. С. 49–161.

Гончаров В. О., Земцов Г. Л., Фабрициус Е. В. 2018. Раскопки городища Подгорное // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2017 / Отв. ред-сост. М. В. Ивашов. Липецк, Воронеж: Новый взгляд. С. 105, 106.

Горбаненко С. А. 2014. Материалы по земледелию Сырского городища // ВАС. 6. / Ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 330–336.

Городцов В. А. 1905. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки // Труды XII Археологического съезда в Харькове

1902 г. 1. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова. С. 515–672.

Городцов В. А. 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году // Древности. Труды Московского археологического общества. XXIV. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко. С. 40–216.

Горюнов Е. А. 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 135 с.

Горюнова В. М. 2004. Поселение Картамышево II (постзарубинецкая эпоха на Верхнем Псле) // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье (Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 43–87.

Грим Р. Э. 1967. Минералогия и практическое использование глин. М.: МИР, 510 с.

Гришаков В. В. 1993. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего Средневековья. Йошкар-Ола: МарГУ. 194 с.

Гришаков В. В. 2008. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. 2. С. 82–137.

Гудименко И. В. 1990. Погребение эпохи раннего Средневековья из дельты Дона // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. / Отв. ред. В. Е. Максименко. ИАИАНД, 9. Азов: Азовский краеведческий музей. С. 88–93.

Гудименко И. В., Толочко И. В. 2012. Памятники позднеантичного времени из дельты Дона // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле»; ИА РАН. С. 180–217.

Гущина И. И., Засецкая И. П. 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн. 172 с.

Даскалов М. 2012. Колани и колании украси от VI–VII век (от днешна България и съседните земи). София: б. и. 288 с.

Дашевская О. Д. 2014. Некрополь Беляуса. Симферополь: Феникс. 283 с.

Дитлер П. А. 1995. Раннесредневековый могильник Мешоко // Археология Адыгеи / Отв. ред. П. А. Дитлер. Майкоп: Изд-во «Меоты». С. 138–237.

Дзатиаты Р. Г. 1995. Пряжки и поясные наборы Едысского могильника // Аланы: история и культура. III / Сост. и отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ: Северо-осетинский институт гуманитарных исследований. С. 107–121.

Дзатиаты Р. Г. 2006. Царциатские памятники: Едысское городище и могильники. Владикавказ: Ир. 175 с.

Длужневская Г. В. 2014. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЛЕМА. 218 с.

Дмитриев А. В. 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА, 4. С. 212–247.

Дмитриев А. В. 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. Советско-венгерский сборник / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука. С. 69–107.

Дмитриев А. В. 2003. Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV–XIII вв. (Археология) / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М.: Наука. С. 200–206.

Добровольская М. В., Земцов Г. Л., Мастыкова А. В., Медникова М. Б. 2015. Привилегированное женское погребение с поселения Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону: биоархеологическая реконструкция // РА, 1. С. 44–58.

Домжальский К., Смокотина А. В. 2019а. Краснолаковая керамика Тиритаки позднеримского и ранневизантийского времени // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Основные итоги и перспективы исследования / Ред-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: Изд-во Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма; Центр археологических исследований Благотворительного Фонда «Деметра». С. 155–159.

Домжальский К., Смокотина А. В. 2019б. Позднеримская и ранневизантийская краснолаковая керамика Тиритаки // МАИЭТ. XXV. С. 188–223.

Дончева С. 2017. Ювелирные производственные комплексы X века вблизи Преслава. Технологии производства. // Stratum plus. 5. С. 189–204.

Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. 1978. Ташкент: Изд-во «Фан». 328 с.

Дубынин А. Ф. 1970. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье / Ред. К. Ф. Смирнов. (МИА, 156). М.: Наука. С. 5–98.

Дубынин А. Ф. 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура / Ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука. С. 198–281.

Дубынин А. Ф., Розенфельдт И. Г. 1970. Постройки Щербинского городища // Древнее поселение в Подмосковье / Ред. К. Ф. Смирнов. (МИА, 156). М.: Наука. С. 99–135.

Ерошенко В. В., Любенский Б. Б. 2001. У истоков славянской культуры (новая версия) // Черноземная лесостепь — контактная зона. Проблемы археологи и истории / Отв. ред. Н. Н. Болгов, И. Т. Шатохин. Белгород: Белгородсий гос. ун-т. С. 59–65.

Егорьков А. Н., Щеглова О. А. 2001. Металл антских кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // Древние ремесленники Приуралья / Ред. В. И. Завьялов. Ижевск: ИИЯЛ УрО РАН. С. 280–307.

Ефименко П. П. 1937. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н.э. по археологическим источникам // СА. II. С. 39–58.

Жиганов М. Ф. 1959. Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей мордвы в XIII–XIV вв. // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Ред. А. П. Смирнов. (Археологический сборник. II). Саранск: Мордовское книжное издательство. С. 138–163.

Журавлев Д. В., Мокроусов С. В., Сапрыкин С. Ю. 2010. Эпоха поздней античности // Античное наследие Кубани. Т. 2 / Ред.-сост. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука. С. 166–202.

Завьялов В. И. 2005. История кузнечного ремесла пермян: археометаллографическое исследование. Ижевск. 242 с.

Завьялов В. И. 2016. Археометаллография // Междисциплинарная интеграция в археологии / Ред. Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН. С. 252–278.

Завьялов В. И., Гошек И. 2018. Химический состав металлургических артефактов из поселения Стаево-4 // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова / Ред. В. С. Синика, Р. А. Рабинович. (Библиотека Stratum). Кишинев; Тирасполь: Приднестровский Государственный университет им. Т. Г. Шевченко. Научно-исследовательская лаборатория «Археология». ВАШ. С. 381–383.

Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. 2007. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак. 280 с.

Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. 2009. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак. 264 с.

Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. 2012. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.: Анкил. 376 с.

Завьялов В. И., Терехова Н. Н. 2013. Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М.: ИА РАН. 272 с.

Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г. 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI — XIII в. М.: Индрик. 404 с.

Засецкая И. П. 1990. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового Боспорского некрополя (конец IV — начало VII в.) // АСГЭ. 30. С. 97–106.

Засецкая И. П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V в. н.э. // МАИЭТ. III. С. 23–105.

Засецкая И. П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V в.). СПб.: Эллипс Лтд. 224 с.

Засецкая И. П. 1998. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. VI. С. 394–478.

Засецкая И. П. 2003. Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей VI — начала VII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. VI–XIII вв. / Ред. Т. И. Макарова, СА. Плетнева. (Археология). М.; Наука. С. 31–40, 97–104.

Засецкая И. П. 2008. Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV — рубежа VI–VII вв. н.э. (из собрания Государственного Эрмитажа) // Боспорские исследования. XX. 224 с.

Засецкая И. П. 2010. Михаэльсфельд — эталонный памятник раннего Средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // АСГЭ. 38. С. 123–159.

Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С. 2007. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. 212 с.

Зеленцова О. В. 1998. Хронология и периодизация среднецнинских могильников древней мордвы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Зеленцова О. В. 2005. Ранний горизонт погребений среднецнинских могильников // II Городцовские чтения / Ред. И. В. Белоцерковская. (Труды ГИМ, 145). М.: ГИМ. С. 320–328.

Зеленцова О. В. 2014. Новые исследования Подболотьевского могильника // КСИА. 236. С. 219–230.

Земцов Г. Л. 2004. Отчет о проведении археологических работ в Задонском районе Липецкой области экспедицией Липецкого государственного педагогического университета в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №28007.

Земцов Г. Л. 2012. Липецкий край в III–V вв. Тула: Гриф и К°. 200 с.

Зинько В. Н., Зинько А. В. 2008. Тиритака в V–VI вв. н.э. // МАИЭТ. XIV. С. 93–104.

Зиньковская И. В. 2012. О находках раннесредневековых женских украшений в Верхнем Подонье // Дивногорский сборник. 3 / Ред. А. З. Винников, М. И. Лылова. Воронеж: ВГУ. С. 151–153.

Зубарь В. М. 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев: Наукова думка. 144 с.

Зуев В. Ю. 1993. «Пляшущие человечки» Сапоговского клада // AD POLUS. Сборник статей в честь Л. П. Хлобыстина / Отв. ред. Г. Н. Грачёва. СПб.: Фарн. С. 95–103.

Иванов А. Г. 1997. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху Средневековья: конец V — первая пол. XIII в. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН. 309 с.

Иванова О. С. 2009. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) // МАИЭТ. XV. С. 26–88.

Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб.: Типография Имп. Академии наук. 1855.

Иордан 1997. О происхождении и деяниях гетов (Гетика) / Вступ. статья, перевод и коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя. 505 с.

Исланова И. В. 2007. Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. / Ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. (РСМ, 9). М.: ИА РАН. С. 301–315.

Исланова И. В. 2008. Городище Отмичи / Отв. ред. Н. А. Кренке. (РСМ, 11). М: ИА РАН. 283 с.

Исланова И. В. 2012. Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее Средневековье) / Ред. А. М. Обломский, И. Н. Черных. (РСМ, 14). М.: ИА РАН. 218 с.

Исланова И. В. 2014. Памятники типа Подол (культурные контакты населения Верхневолжья в третьей четверти I тыс. н.э.) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Ред. А. М. Обломский. (РСМ, 15). М.: ИА РАН, с. 26–44.

Исланова И. В. 2016. Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Ред. А. М. Обломский, И. В. Исланова. (РСМ, 17). М: ИА РАН. С. 136–220.

Казаков Е. П. 1998. Коминтерновский II могильник в системе древностей тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины 1 тыс. н.э. (вопросы хронологии) / Ред. Д. А. Сташенков. Самара: СОИКМ. С. 97–150.

Казакявичус В. 1988. Оружие балтских племен II–VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс: Москлас. 159 с.

Казанский М. М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические Вести. 6. С. 404–417.

Казанский М. М. 2001. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). 7. Армавир, М.: Армавирский краеведческий музей. С. 41–58.

Казанский М. М. 2010. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum plus. 4. С. 17–127.

Казанский М. М. 2013. Ранневизантийская пряжка из могильника Марвеле в Средней Литве // Stratum plus. 5. С. 163–174.

Казанский М. М. 2015. Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // Stratum plus. 5. С. 43–96.

Казанский М. М. 2016. Оногуры в пост-гуннское время на Дону // Дивногорский сборник. 6 / Ред. А. З. Винников. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга». С. 96–111.

Казанский М. М. 2017. Приазовские хунугуры, меховая торговля и водные пути // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Торговля: пути — товары — отношения. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского

федерального университета им. В. И. Вернадского. С. 218–230.

Казанский М. М. 2018. Юстиниан I и древности италийских остроготов в Крыму // МАИАСК. 10. С. 211–220.

Казанский М. М. 2019а. О появлении остроготов и гепидов в Крыму и на Тамани в VI веке // Миры Византии (ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. 2) / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: Институт археологии Крыма РАН. С. 15–28.

Казанский М. М. 2019б. О поясах с накладными узкими пластинами из могильника Лучистое // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма / Ред. Э. А. Хайрединова. Симферополь: Антиква. С. 60–64.

Казанский М. М. 2020а. Пальчатые фибулы типа Арчар-Истрия на Дунае и в Крыму // «На одно крыло — серебряная, на другое — золотая...» Сборник статей памяти Светланы Рябцевой / Ред. Р. А. Рабинович, Н. П. Тельнов. (Библиотека Stratum). Кишинев: Университет ВАШ. С. 47–54.

Казанский М. М. 2020б. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V — середина VI в.) в Восточной Европе // МАИЭТ. XXV. С. 90–167.

Казанский М. М., Мастыкова А. В. 2009. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Ред. А. Г. Фурасьев. (Nomadica). СПб.: СПбГУ. С. 114–127.

Каргин Ю. Ю. 2008. Мониторинг археологических памятников в левобережье р. Малый Иргиз // Археологическое наследие Саратовского края. 8. С. 165–178.

Кащенко Г. А. 1937. Курс общей металлографии. Ч. 3. Не железные сплавы. М.; Л.: ОНТИ Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР. 225 с.

Кдыриниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш. 2012. Ремесленно-производственные комплексы золотоордынского Миздахкана // История Материальной Культуры Узбекистана. 37 / Ред. А. Э. Бердимурадов. Самарканд: Институт археологии АН Республики Узбекистан. С. 175–186.

Ковалевская В. Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. (САИ. Е1-2). М.: Наука. 89 с.

Ковалевская В. Б. 1983. Антропоморфные амулеты VI–IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. 176. С. 43–50.

Ковалевская В. Б. 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 364 с.

Ковалевская В. Б. 2005. Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. — I тыс. н.э. М.; Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 398 с.

Кокоткина А. В. 2020. Отчет к открытому листу № 0230-2020 о проведении разведочных исследований в бассейне р. Воронеж на территории Добровского р-на Липецкой обл. в 2020 г. // Архив ИА РАН, р-1 № 67280.

Колоколов А. М. 2011. Лепная керамика роменского типа с городища Супруты // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. II. / Ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН. С. 52–53.

Колчин Б. А. 1953. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период) / Отв. ред. Н. Н. Воронин. (МИА, 32). М.: Изд-во АН СССР. 259 с.

Колчин Б. А., Круг О. Ю. 1965. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа // Археология и естественные науки / Ред. Б. А. Колчин. (МИА, 129). М.: Наука. С. 196–216.

Комар А. В. 2005. Ранговая семантика наборных поясов кочевников Восточной Европы VII — нач. VIII в. // Сугдейский сборник. II. / Ред. И. Е. Марголина и др. Киев; Судак: Академпериодика. С. 160–188.

Комар А. В. 2006а. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — начала VIII в. // Степи Европы в эпоху Средневековья. 5. Хазарское время / Ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 7–244.

Комар А. В. 2006б. Погребение номада середины VII в. у с. Дмитровка в Южном Побужье // Степи Европы в эпоху Средневековья. 5. Хазарское время / Ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 375–386.

Комар А. В. 2008. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре булгар Северного Причерноморья 2-й половины VI — начала VII в. // Сугдейский сборник. III. / Ред. И. Е. Марголина и др. Киев; Судак: Академпериодика. С. 87–117.

Комар А. В. 2010. Детали обуви восточноевропейских кочевников VI–VII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (СПб., 10–16 апреля 2006 г.) / Ред. А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин. СПб.: Нестор–История. С. 94–115.

Комар А. В. 2013. Кочевники восточноевропейских степей второй половины VI — первой

половины VIII в. // Атлас Западного тюркского каганата / Ред. А. Досымбаева, М. Жолдасбеков. Астана: Service Press. С. 650–737.

Комар А. В., Кубышев А. И., Орлов Р. С. 2006. Погребения кочевников VII–VIII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху Средневековья. 5. Хазарское время / Ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 245–374.

Комар А. В., Орлов Р. С. 2006. Погребение кочевника второй половины VII в. у с. Черноморское // Степи Европы в эпоху Средневековья. 5. Хазарское время / Ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 387–398.

Комаров К. И. 1972. Находка раннеславянской керамики на Верхнем Дону // КСИА. 129. С. 47–49.

Кондрашин В. В. 1996. Антропоморные фигурки VI–VII веков // Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Тезисы докладов / Ред. В. С. Горбунов. Уфа: Восточный университет. С. 51.

Корзухина Г. Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. V. С. 352–435, 525–705.

Коробов Д. С. 2017. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. Ландшафтная археология Кисловодской котловины. 1. М.; СПб.: Нестор-История. 384 с.

Корпусова В. М. 1973. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. 8. С. 27–45.

Косинцев П. А., Стефанов В. И., Труфанов А. Я. 1989. Репрезентативный объем остеологической выборки и устойчивость характеристик типа хозяйства и состава стада //Актуальные проблемы методики Западносибирской археологии / Ред. А. П. Деревянко. Новосибирск. С. 138–141.

Котович В. Г. 1959. Новые археологические памятники Южного Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. 1 / Ред. Г. Д. Даниялов и др. Махачкала: Дагкнигоиздат. С. 121–156.

Краснов Ю. А. 1980. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего Средневековья). М.: Наука. 224 с.

Красноперов А. А. 2007. Украшения из раковин в погребальном инвентаре мазунинской культуры в Прикамье (первая половина — середина III — первая половина VI в.) // Экология древних и традиционных обществ / Ред. Н. П. Матвеева. Тюмень: Вектор Бук. С. 108–110.

Кренке Н. А. 2014. Финал дьяковской культуры в Подмосковье // КСИА. 235. С. 342–362.

Кренке Н. А. 2016. Позднедьяковская культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Ред. А. М. Обломский, И. В. Исланова. (РСМ, 17). М.: ИА РАН. С. 261–332.

Крис Х. И., Чернай И. Л. 1980. Городища дьякова типа Боршева и Селецкое // КСИА. 162. С. 75–82.

Кропоткин В. В. 1961. Отчет о раскопках средневекового могильника Чуфут-Кале Бахчисарайского р-на Крымской обл. в 1961 г. // Архив ИА РАН, р-1, № 2595.

Кропоткин В. В. 1965. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИИМК. 100. С. 108–116.

Кругликова И. Т. 1957. Погребение IV–V вв. н.э. в дер. Айвазовское // СА. 2. С. 253–257.

Крым, 2003. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII вв. / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. (Археология). М.: Наука. 2003. 532 с.

Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С. 1991. Погребальные памятники Дербента позднеаланского времени (по материалам раскопа XIV) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века / Сост. О. М. Давудов. Махачкала: ДНЦ РАН. С. 87–115.

Кузнецов В. А. 1962. Аланские племена Северного Кавказа. (МИА, 106). М.: Изд-во АН СССР. 164 с.

Кузнецов В. А. 1980. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе // Вопросы осетинской археологии и этнографии. 1 / Ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе: Институт истории, экономики, языка и литературы при Совете Министров Северо-Осетинской АССР. С. 49–90.

Лебедева Е. Ю. 2008. Археоботаническая реконструкция древнего земледелия (методические критерии) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. 6 / Ред. А. П. Бужилова. М.: Параллели. С. 86 –109.

Лебедева Е. Ю. 2016. Археоботаника: методы исследований и интерпретация результатов // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Ред. Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН. С. 118–146.

Лебедева Е. Ю. 2019. Приложение 3. Археоботанические исследования // Гак Е. И. Рыкань-3. Поселение скотоводов III тыс. до н.э. в лесостепном Подонье. М.: ГИМ. С. 122–125

Лебедева Е. Ю., Антипина Е. Е. 2017. Неоднозначность интерпретации археобиологической

информации (по материалам городищ железного века) // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы. Материалы международного симпозиума / Ред. В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 125–137.

Левина Л. М. 1968. К вопросу об антропоморфных изображениях в джеты-асарской культуре // История, археология и этнография Средней Азии / Ред. А. В. Виноградов и др. М.: Наука. С. 167–178.

Левина Л. М. 1993а. Джетыасарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. II: Джетыасарская культура. Ч. 1 / Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. С. 33–198.

Левина Л. М. 1993б. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-асар, Кос-асар и Томпак-асар // Низовья Сырдарьи в древности. III: Джетыасарская культура. Ч. 2 / Отв. ред. С. А. Трудновская. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. С. 32–193.

Левина Л. М. 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.: Восточная литература. 396 с.

Левина Л. М., Галиева З. С. 1993а. Археолого-ландшафтные исследования с применением дистанционных методов в урочище Джетыасар // Низовья Сырдарьи в древности. II: Джетыасарская культура. Ч. 1 / Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. С. 6–32.

Левина Л. М., Галиева З. С. 1993б. Культурный ландшафт юго-западной части джетыасарского урочища // Низовья Сырдарьи в древности. III: Джетыасарская культура. Ч. 2 / Отв. ред. С. А. Трудновская. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. С. 6–31.

Левина Л. М., Чижова Л. В. 1995. О некоторых зооморфных и антропоморфных изображениях в джетыасарской культуре // Низовья Сырдарьи в древности. V: Джетыасарская культура. Ч. 5 / Ред. А. Н. Свердловская. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. С. 185–201.

Левченко Д. И. 2001. Находки VI–VII вв. из окрестностей Градижска в собрании Полтавского краеведческого музея // Археологічний літопис Лівобережної України. 1. С. 26–28.

Лимберис Н. Ю. 1985. Отчет Краснодарской археологической экспедиции о раскопках курганов в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы II очереди (Калининский р-н Краснодарского края) за 1985 год // Архив ИА РАН, р-1, № 14315.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2009. Раннесредневековые погребения из могильника Старокорсунского городища № 2 // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Ред. А. Г. Фурасьев. (Nomadica). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. С. 127–142.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2011. Погребения эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья из курганов степного Прикубанья // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Ред. О. В. Шаров. (Библиотека Stratum). СПб.; Кишинёв: Высшая антропологическая школа. С. 417–442.

Литвинский Б. А., Седов А. В. 1983. Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 240 с.

Лихошерстова Н. А. 1998. Об антропоморфном клейме на фрагменте сосуда из Горькой Балки // Пятые чтения по археологии Средней Кубани / Ред. В. Б. Виноградов. Армавир: ГУП Армавирское полиграфпредприятие. С.23–24.

Лопатин А. П. 1995. Курган у станицы Спокойной // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). 1 / Ред. Р. М. Мунчаев. Армавир, М.: Армавирский краеведческий музей. С. 53–62.

Лунёв М. Ю., Пьянков А. В. 2016. Поздняя группа погребений могильника Елизаветинского городища № 2 (раскопки 2013 г.) // Изучение и сохранение археологического наследий народов Кавказа. XXIX Крупновские Чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. / Отв. ред. М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев. Грозный: Чеченский государственный университет. С. 156–159.

Ляпушкин И. И. 1958. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства (МИА, 74). М.; Л.: Изд-во АН СССР. 328 с.

Магомедов Б. В. 2015. Керамические пряслица черняховской культуры. Киев: ИН НАНУ. 169 с.

Мажитов Н. А. 1981. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука. 164 с.

Мажитов Н. А. 1990. Комплексы с монетами VIII в. из Бирского могильника // СА. 1. С. 261–266.

Макаров Н. А., Федорина А. Н., Зайцева Г. И., Гроотс П. М. 2011. Радиоуглеродные даты памятников раннего железного века — раннего Средневековья в Суздальском Ополье // РА. 4. С. 35–51.

Малашев В. Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы

и их соседи на Дону. 1 / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов н/Д: Терра. С. 194–232.

Малашев В.Ю. 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН. 150 с.

Малашев В.Ю. 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II — середины V в. н.э. М.: ИА РАН. 202 с.

Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–IV вв. н.э. Махачкала: Мавраевъ. 452 с.

Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кривошеев М.В. 2018. Охранно-спасательные исследования могильника «Братские 1-е курганы» на территории Чеченской республики в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. 14 (№4). С. 195–206.

Мальм В.А, Фехнер М.В. 1974. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука. С. 193–209.

Мамаев Х.М. 1986. Хронология катакомбных могильников Чечено-Ингушетии конца IV — первой половины VIII в. // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: ЧИГУ. С. 44–70.

Мамаев Х.М. 2014. «Княжеское» погребение у г. Магас (Ингушетия) // КСИА. 234. С. 55–71.

Мамбетуллаев М.М., Торежанова Н.Ж., Турманов Ж. 2001. Исследования городища Куюккала // История материальной культуры Узбекистана. 32 / Ред. Т.Ш. Ширинов. Ташкент: Фан. С. 158–163.

Марченко И.Д. 1956. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // Фанагория / Ред. А.П. Смирнов. (МИА, 57). М.: Изд-во АН СССР. С. 102–128.

Масленников А.А. 1997. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.: ИА РАН. 108 с.

Мастыкова А.В. 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. М.: Таус. 500 с.

Мастыкова А.В. 2014. «Княжеский» костюм с золотыми аппликациями в эпоху Великого переселения народов // КСИА. 232. С. 136–150.

Мастыкова А.В. 2015. Стеклянные полихромные и янтарные бусы из Велегожского клада // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 57–67.

Мастыкова А.В. 2015. Зеркало из «княжеского» погребения гуннского времени с поселения Мухино 2 на Верхнем Дону // КСИА. 241. С. 207–213.

Мастыкова А.В. 2016. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры // Дивногорский сборник, 6 / Ред. А.З. Винников. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга». С. 241–254

Мастыкова А.В. 2020. Некоторые элементы женского убора оседлого населения пограничья степи в эпоху Великого переселения народов: миграция или мода? // Stratum plus, 5. С. 73–90

Мастыкова А.В., Земцов Г.Л. 2014. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. 234. С. 200–222.

Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. 2016. Исследование материалов Пашковского могильника № 1 // Пашковский могильник № 1. Т. 2 / Ред. А.В. Мастыкова. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. 372 с.

Матвеева Г.И. 2003. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара: Самарский ун-т. 158 с.

Мацулевич Л.А. 1927. Большая пряжка Перещепинского клада и псевдопряжки // Seminarium Kondakovianum. I. С. 127–140.

Медведев А.П. 1990. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: ВГУ. 220 с.

Медведев А.П. 1996. Подгоренское городище на р. Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. 1 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПИ. С. 111–121.

Медведев А.П. 1998. III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины 1 тыс. н.э.). // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс. н.э. / Ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ. С. 42–84.

Миллер А. 1909. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // Известия Императорской Археологической Комиссии. 33. СПб.: Тип. В. Киршбаума. С. 71–102.

Минаева Т.М. 1971. Из истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство. 248 с.

Минасян Р.С. 2014. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. 472 с.

Михайлова Е.Р. 2011. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Ред. О.В. Шаров. (Библиотека Stratum). СПб.; Кишинёв: ВАШ. С. 527–554.

Михайлова Е.Р. 2017. О распространении изделий из оловянистых сплавов в лесной зоне Восточной Европы в середине — второй половине I тыс. н.э. // Stratum plus. 5. С. 87–97.

Михлин Б.Ю. 1972. Гуннский амулет из Ждановского музея // Археологія. 5. С. 95–96.

Монгайт А.Л. 1951. Археологические заметки // КСИИМК. XLI. С. 124–137.

Морозов А.С. 2014. Находка элементов поясного «геральдического» набора на Селиванихинском городище // IX Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: материалы конференции / Отв. ред. Е.В. Вдовченков. Ростов н/Д: Издательство Южного федерального университета. С. 80–84.

Мясников Н.С. 2013. Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII веках нашей эры в свете археологических данных (Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Научные доклады. 13). Чебоксары: Б. и. 72 С.

Неразик Е.Е., Рапопорт Ю.А. 1959. Куюкала в 1956 г. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954–1956 гг. / Ред. С.П. Толстов, М.Г. Воробьева. (Материалы Хорезмской экспедиции, 1). М.: Изд-во АН СССР. С. 128–142.

Никитина А.В., Радюш О.А., Федонин Р.А. 2018. Поселение Старые Ивайтёнки 1 (Брянская область, Почепский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 г. / Ред. А.В. Энговатова. (Материалы спасательных археологических исследований, 25). М.: ИА РАН. С. 240–245.

Николаева Э.Я. 1978. Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА. 156. С. 110–113.

Николаева Э.Я. 1981а. Поселение у д. Ильич // КСИА. 168. С. 88–92.

Николаева Э.Я. 1981б. Отчет о работе Ильичёвского отряда в 1981 году // Архив ИА РАН, р-1 №9230.

Николаева Э.Я. 1984. Боспор после гуннского нашествия: Дис. ... канд. ист. наук //Архив ИА РАН, р-2 №2333.

Николаева Э.Я. 1991. Отчет о работе Ильичёвской экспедиции в 1991 году // Архив ИА РАН, р-1, №15995.

Никольская Т.Н. 1959. Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н.э. (МИА, 72). М.: Издательство АН СССР. 152 с.

Новичихин А.М. 2007. Антропоморфный амулет IV–V вв. из окрестностей Анапы // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука. С. 58–60.

Новичихин А.М. 2014. Находка фрагментов котла «гуннского типа» у хутора Бужор близ Анапы // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и Средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.) / Ред. Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: Традиция. С. 168–170.

Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. Москва; Сумы. 287 с.

Обломский А.М. 1996. Колочинская культура. В: Культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья в третьей четверти I тыс.н.э. // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. (РСМ, 3). М.: ИА РАН. С. 96–107.

Обломский А.М. 1998. Находки позднеримского времени на поселении Писарево // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс.н.э. / Ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ. С.110–123.

Обломский А.М. 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III — первая половина V в. н.э.). (РСМ, 5). М.: Наука. 255 с.

Обломский А.М. 2005. Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов // РА. 2. С. 32–45.

Обломский А.М. 2007. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине 1 тыс. н.э. / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. (РСМ, 9). М.: ИА РАН. С. 73–132.

Обломский А.М. 2009. Танаис и Верхнее Подонье в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник. 1 / Ред. А.З. Винников, М.И. Лылова. Воронеж: ВГУ. С. 252–269.

Обломский А.М. 2010. Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских

влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово Поле». С. 174–202.

Обломский А.М. 2011а. О раннесредневековых славянских древностях в бассейне Дона // Stratum plus. 5. С. 51–60.

Обломский А.М. 2011б. Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины 1 тыс.н.э. // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Ред. О.В. Шаров. (Библиотека Stratum).СПб.; Кишинёв: ВАШ. С. 443–462.

Обломский А.М. 2012а. Лепная керамика из погребений Верхнего Подонья середины 1 тыс. н.э. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 146–162.

Обломский А.М. 2012б. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья. Предварительные итоги исследования // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. 3 / Ред. С.И. Андреев. Тамбов: Тамбовский Государственный университет. С. 172–229.

Обломский А.М. 2013. Отчет о разведках, проведенных Раннеславянской экспедицией в 2012 г. в Мичуринском р-не Тамбовской обл. // Архив ИА РАН, р-1 №35236.

Обломский А.М. 2014а. Отчет о разведках, проведенных Раннеславянской экспедицией в 2013 г. в Мичуринском р-не Тамбовской обл. // Архив ИА РАН, р-1 №40991.

Обломский А.М. 2014б. Карта Скифии по «Гетике» Иордана // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Ред. А.М. Обломский. (РСМ, 15). М: ИА РАН. С. 13–21.

Обломский А.М. 2016а. О двух типах славянских памятников Верхнего Подонья в эпоху раннего Средневековья // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник памяти Светланы Александровны Плетневой / Ред. И.Л. Кызласов. М.: Авторская книга. С. 119–149.

Обломский А.М. 2016б. Исследование раннесредневекового поселения Стаево-4 в Мичуринском р-не Тамбовской обл. // Тамбовская старина. 5 / Ред. Н.Б. Моисеев. Тамбов: ООО «ТПС». С. 11–25.

Обломский А.М. 2016в. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. (РСМ, 17). М: ИА РАН. С. 10–113.

Обломский А.М. 2017. Материалы раннеримского времени на поселении Ярок-9 в верховьях р. Воронеж // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н.А. Кренке / Ред. Л.А. Беляев, М.И. Гоняный, И.Н. Ершов. М.; Смоленск: Свиток. С. 312–344.

Обломский А.М. 2018а. Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова / Ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович. (Библиотека Stratum). Кишинев; Тирасполь: Приднестровский Государственный университет им. Т.Г. Шевченко. Научно-исследовательская лаборатория «Археология». ВАШ. С. 355–388.

Обломский А.М. 2018б. Новые памятники гуннского времени на Острой Луке Дона // Старожитності Лівобережжя Дніпра / Ред. І.І. Корост. Київ, Котельва: ЦП НАН України і УТОПІК. С. 102–125.

Обломский А.М. 2019а. Антропоморфные амулеты из верховьев р. Воронеж. К вопросу о южных связях населения региона в VI–VII вв. // III Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока». 6–8 июня 2019 г. Севастополь. Материалы конференции. Т. 1 / Ред. А.Д. Васильев. М.: Пробел 2000. С. 212–218.

Обломский А.М. 2019б. Отчет о раскопках, проведенных Раннеславянской экспедицией на поселении Стаево-5 Мичуринского р-на Тамбовской обл. в 2019 г. // Архив ИА РАН, р-1 №60806.

Обломский А.М. 2020а. Лепная керамика окской традиции памятников верхневоронежской культурной группы // Археология Волго-Окского региона. Сборник тезисов круглого стола 28–29 апреля 2020 года. ГИМ, ИА РАН / Ред. Н.А. Биркина и др. М.: Б. и.. С. 95–105.

Обломский А.М. 2020б. Позднескифские материалы конца I тыс. до н.э. и первых вв. н.э. из верховьев р. Воронеж // Stratum plus, 4. С. 365–380.

Обломский А.М. 2021. Глава 5. Ранние славяне в лесостепном Подонье в III–VII вв. // Очерки археологии лесостепного Подонья в эпоху голоцена / Ред. И.В. Федюнин. Воронеж: Научная книга. С. 461–648.

Обломский А.М., Масленников К.И. 2017. Раскопки поселения Стаево-5 в Мичуринском районе // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2016. / Ред. Н.Е. Чалых.

Липецк; Воронеж: Полиграфическое издание «Новый взгляд». С. 173–175.

Обломский А. М., Разуваев Ю. Д. 2013. Исследования поселений городецкой культуры в верховьях р. Воронеж // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. 4. / Ред. С. И. Андреев. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина. С. 39–54.

Обломский А. М., Родинкова В. Е. 2015. Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н.э. Хронология событий // КСИА. 235. С. 308–403.

Обломский А. М., Сапрыкина И. А. 2019. О культурно-хронологическом горизонте украшений с эмалями в Верхнем Подонье // РА. 4. С. 82–101.

Обломский А. М., Сапрыкина И. А. 2020. Шумящее украшение из Тюнино // История вещей — история и вещи. К 60-летнему юбилею И. О. Гавритухина / Ред. А. М. Обломский. (РСМ, 20). М.: ИА РАН. С. 139–150.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В. 2001. Славянское поселение и кочевнический могильник V–VIII вв. на Ворскле. // Археологічний літопис Лівобережної України. 1. С. 5–16.

Обломский А. М., Швырёв А. Д. 2018. Византийская гирька для взвешивания монеты, найденная в верховьях р. Воронеж // КСИА. 250. С. 307–326.

Описание коллекции К. И. Ольшевского, собранной из похоронного поля близ Камунты и Галиаты // V Археологический съезд в Тифлисе. Труды предварительного комитета / Ред. И. Д. Мансветов. М.: Синодальная типография. 1882. С. 255–268.

Орлов Р. С., Рассамакин Ю. Я. 1996. Новые памятники VI–VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии / Отв. ред. О. М. Приходнюк. Киев: Наукова думка. С. 35–52.

Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. 2004 / Ред. А. М. Обломский. (РСМ, 6). М.: ИА РАН. 330 с.

Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV — V в.). 2015 / Ред. А. М. Обломский. (РСМ, 16). М.: ИА РАН. 659 с.

Ошибкина С. В. 2010. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм (Материалы охранных исследований, 13). М.: ИА РАН. 212 с.

Паромов Я. М. 2003. Фанагорийская округа // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV–XIII вв. / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. (Археология). М.: Наука. С. 157–158.

Пашковский могильник. 2016. Т. 1–2 / Ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН. СПб.: Нестор-История. 280 и 372 с.

Петербургский И. М. 2011. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: МорГУ им. Н. П. Огарева. 408 с.

Пипуныров В. Н. 1955. История весов и весовой промышленности в сравнительно-историческом освещении. М.: НИИВЕСПРОМ. 355 с.

Плетнева С. П. 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура (МИА, 142). М.: Наука. 209 с.

Полесских М. Р. 1962. Пензенские могильники мордвы IV–V вв. // СА. 4. С. 179–188.

Покровский М. В. 1936. Пашковский могильник 1 // СА. I. С. 159–169. Перепечатано в: Смирнов К. Ф. 2016. Пашковский могильник № 1: в 2 т. Т. 1: Раскопки Пашковского могильника № 1 в 1947–1949 гг. Приложение 4 / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 79–92.

Потемкина О. Ю., Сыроватко А. С., Клещенко Е. А., Добровольская М. В., Свиркина Н. Г. 2019. Новые данные по погребальному обряду населения Среднего Поочья в середине — второй половине 1 тыс. н.э. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 2 / Ред. И. О. Гавритухин, А. М. Воронцов. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 72–83.

Приходнюк О. М. 1998. Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследований. Воронеж: ВГУ. 170 с.

Приходнюк О. М., Падин В. А., Тихонов Н. Г. 1996. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии / Ред. Л. Л. Ващенко. Киев: Наукова думка. С. 79–101.

Пьянков А. В. 2002. Погребение с пальчатой фибулой из могильника Бжид 1 // Материалы и исследования по археологии Кубани. 2. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар. С. 105–115.

Пьянков А. В. 2006. Приложение 1. Зеркала из могильника Бжид 1: таксоны 2 и 4. В: Ковалевская В. Б., Албегова З. Х., Пьянков А. В., Евсюков А. Н. Компьютерное картографирование массовых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой // Археология и геоинформатика. 3 / Отв. ред. Д. С. Коробов. [Электронный ресурс]. М.: ИА РАН. CD.

Пятышева Н. В. 1967. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I–IV вв.

н. э. // Античное общество / Ред. Т. В. Блаватская и др. М.: Наука. С. 183–187.

Равич И. Г. 1983. Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие. 8 (38). С. 136–143.

Радюш О. А. 2018. Льговско-Фатежская группа памятников финала черняховской культуры в верховьях р. Сейм (Курская обл, Россия) // Studia barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin. / Ed. B. Niezabitowska-Wiśniewska. T. I. Lublin: UMCS. С. 570–591.

Разуваев Ю. Д. 2014. Охранные раскопки на поселении Большая Кузьминка 4А //Археологические открытия 2013 г. в Липецкой обл. / Ред. А. А. Найденов, Н. Е. Чалых. Липецк: Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой обл. С. 13.

Разуваев Ю. Д., Обломский А. М. 2016. Городище у с. Ярок в верховьях р. Воронеж // Тамбовские древности. Археология окско-донской равнины, 5 / Ред. С. И. Андреев. Тамбов: ТГУ. С. 74–84.

Распопова В. И. 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука.138 с.

Рашев Р. 2004. Прабългарите през V–VII в. София: Фабер. 348 с.

Репников Н. И. 1906. Некоторые могильники области крымских готов // Известия Императорской Археологической Комиссии. 19. С. 1–80.

Репников Н. И. 1907. Некоторые могильники области крымских готов // Записки Одесского общества истории и древностей. 27. С. 101–148, табл. XIII–XV.

Родинкова В. Е. 1996. Раннесредневековые памятники Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с датирующими вещами // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Ред. Г. Е. Афанасьев, И. П. Русанова. (РСМ, 3). М.: ИА РАН. С. 155–162.

Родинкова В. Е. 2004. Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 233–243.

Родинкова В. Е. 2010. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. 4. С. 78–87.

Родинкова В. Е. 2011. Женский костюм днепровских племен в эпоху Великого переселения народов: современное состояние исследований // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии. Материалы школы молодых археологов. Кириллов, 3–12 сентября 2011 г. / Ред. В. Е. Родинкова. М: ИА РАН. С. 239–265.

Родинкова В. Е., Сапрыкина И. А., Сычева С. А. 2018. Клад из Суджи-Замостья и проблема социокультурной интерпретации днепровских раннесредневековых кладов I группы // РА. 2. С. 130–147.

Родинкова В. Е., Седин А. А. 2004. Браслеты Никодимовского городища // Восточная Европа в Средневековье / Ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов, Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 234–246.

Руденко К. А. 2010. Тетюшское II городище в Татарстане. Казань: Заман. 152 с.

Румянцева О. С. 2007а. Бусы массовых типов. В: Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тыс.н.э. / Ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. (РСМ, 9). М.: ИА РАН. С. 205–233.

Румянцева О. С. 2007б. Керамика центральной группы могильников. В: Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине 1 тыс. н.э. / Ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. (РСМ, 9). М: ИА РАН. С. 247–255.

Румянцева О. С. 2015. Бусы комплекса памятников Ксизово-17 и 19 и культурные связи населения Верхнего Подонья эпохи Великого переселения народов // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV — V в.) / Ред. А. М. Обломский. (РСМ, 16). М.: ИА РАН, С. 241–269.

Рунич А. П. 1973. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1073 г. //Архив ИА РАН, р-1, № 5009.

Русанова И. П. 1973. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом (САИ, Е1-25). М.: Наука. 100 с.

Рыгдылон Э. Р. 1959. Писаницы близ оз. Шира // СА. XXIX–XXX. С. 186–202.

Рыков П. С. 1930. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов: Тип. Ц. С. Н. Х. 82 с.

Рябинин Е. А. 1994. У истоков ремесленного производства в Ладоге // Новые источники по археологии Северо-Запада / Ред. В. М. Массон, Е. Н. Носова. СПб.: ИИМК РАН. С. 5–59.

Савенков И. Т. 1910. О древних памятниках изобразительного искусства на на Енисее: сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1908 г. Т. 1. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко. 553 с.

Сазанов А. В. 1989. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 4. С. 41–60.

Сазанов А. В. 1994. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. IV. С. 406–433.

Сазанов А. В. 2000. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // Древности Боспора. 3. С. 221–259.

Сазанов А. В. 2012. Азиатский Боспор в позднеримское время // *IZEUM.* Сборник статей, посвященный истории, религии культуре Древнего мира / Отв. ред. С. В. Архипова, Л. Л. Селиванова. М.: Гос. публичная историческая библиотека России. С. 120–181.

Сазанов А. В., Иващенко Ю. Ф. 1989. К вопросу о датировке позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1. С. 84–102.

Сапрыкина И. А. 2006. Ювелирные украшения дьяковской культуры. По материалам памятников бассейна Москвы-реки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 26 с.

Сапрыкина И. А. 2018. Цинкосодержащие сплавы в цветной металлообработке лесной и лесостепной зоны конца I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э.: «индекс романизации» // Земли родной минувшая судьба… Сборник статей к юбилею А. Е. Леонтьева / Ред. А. В. Чернецов. М.: ИА РАН. С. 277–287.

Сапрыкина И. А., Гунчина О. Л. 2017. Химический состав металла боспорских статеров Фанагорийского клада 2011 г. // Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории / Ред. В. Д. Кузнецов. (Фанагория. Результаты археологических исследований, 5). М.: ИА РАН. С. 272–483.

Сапрыкина И. А., Пельгунова Л. А. 2013. Перспективы исследования археологических предметов с помощью РФА-спектрометрии (на примере M4 Tornado, Bruker, Германия) // Фотография. Изображение. Документ. 4 (4) / Ред. Д. О. Цыпкин. СПб.: РОСФОТО. С. 80–87.

Саханев В. В. 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–12 годах // Известия Императорской Археологической Комиссии. 56. С. 75–219.

Седин А. 2011. Предметы вооружения из городища Никодимово // Acta Archaeologica Albarutenica. VII. С. 69–82.

Сингх В. К. 2009. Железный инструментарий средневекового Новгорода. Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ. 384 с. // Фундаментальная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова.

Синицын И. В. 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // Древности Нижнего Поволжья. (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. I / Отв. ред. Е. И. Крупнов. (МИА, 60). М.: Издательство АН СССР. С. 39–205.

Скарбовенко В. А., Лифанов Н. А. 2012. Погребально-поминальные комплексы раннесредневековых кочевников из Восточного Приазовья (по материалам раскопок могильников Лебеди IV и Лебеди VIII в 1980 г.) // МАИАСК. 4. С. 22–46.

Скиба А. В. 2016. Поясні набори слов'ян: геральдичний стиль. Київ: Інститут археології НАН України. 236 с.

Скиба А. В. 2017. До питання про функціональне використання Т-подібних бляшок в поясних наборах «геральдичного» стилю // Археологія і давня історія України. 1 (22). С. 347–356.

Скирда В. В., Володарець-Урбанович Я. В. 2019. Знахідки пеньківської культури із поселення Черемушна // Археологія. 3. С. 83–97.

Смагулов Е. А., 2014. Бронзовый амулет из Сидака // Поволжская археология. 1. С. 206–222.

Смирнов К. А. 1974. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука. С. 7–89.

Смирнов К. Ф. 2016. Пашковский могильник № 1: в 2 т. Т. 1: Раскопки Пашковского могильника № 1 в 1947–1949 гг. / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. 278 с.

Смокотина А. В. 2014. Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV — первой половине VII в. Дис. ... канд. ист. наук. М. 347 с. // Архив Института археологии РАН.

Смокотина А. В. 2015. Импорт краснолаковой керамики в г. Боспор в конце IV — первой половине VII в. // Древности Боспора. 19. С. 312–339.

Смольянинова Т. В. 2019. Отчет к Открытому листу № 469 о проведении раскопок выявленного объекта археологического наследия Капитанщино-6, поселение в Липецкой обл. в 2019 г. // Архив ИА РАН, р-1 № 58699.

Смольянинова Т. В., Обломский А. М., Масленников К. И. 2019. Изучение металлургического горна на поселении Капитанщино 6 // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018 / Ред. М. В. Ивашов. Липецк; Воронеж: Новый взгляд. С. 163–164.

Станилов С. 2006. Художественият метал на Българското ханство на Дунав VII–IX в. Опит за емпирично изследване. София: Класика и стил. 365 с.

Старостин П. Н. 1967. Памятники именьковской культуры. (САИ. Д 1–32). М: Наука. 100 с.

Сташенков Д. А. 1998. Евразийская мода в эпоху раннего Средневековья (к постановке

проблемы) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Ред. Д. А. Сташенков. Самара: СОИКМ. С. 213–231.

Сташенков Д. А. 2004. Металлические антропоморфные амулеты раннесредневекового времени в Среднем Поволжье // Вопросы археологии Урала и Поволжья. 2 / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: Изд-во «Самарский университет». С. 285–287.

Строков А. А. 2018. Склеп эпохи Великого переселения народов из раскопок В. Д. Блаватского в Фанагории // КСИА. 251. С. 204–217.

Субботин Л. В., Черняков И. Т. 1982. Бронзовые амулеты салтово-маяцкой культуры из левобережья Нижнего Дуная // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье / Отв. ред. А. В. Гудкова. Киев: Наукова думка. С. 160–168.

Сурков А. В. 2020. Отчет об археологических раскопках поселения 4 у п. Красный Городок в Мичуринском районе Тамбовской области в 2020 году // Архив ИА РАН.

Суханов Е. В., Гавритухин И. О., Нессель В. А. 2021. Краснолаковая керамика второй половины III — IV в. из могильника Фронтовое 3 // КСИА. 263, С. 441–456.

Суханов Е. В., Свиридов А. Н. 2018. Новые раннесредневековые погребения с территории Западного Предкавказья // РА. 4. С. 114–129.

Сыщиков Н. В. 2019. Финно-угорский культурный компонент на раннесредневековых памятниках в верховьях р. Воронеж // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве республики Мордовия. 1 (49). Саранск. С. 135–150.

Тавлинцева Е. Ю. 2010. Городище Ростиславль — горизонт пожара середины I тысячелетия н.э. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. 6 / Ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 24–33.

Тарасенко Е. Н. 2017. Окрестности Розовки до монгольского нашествия. Исторический очерк. http://papacoma.narod.ru/books/rozovka/rozovka_4.htm (дата обращения: 20.10.2021).

Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачёва М. М. 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия. 318 с.

Терпиловский Р. В., Абашина Н. С. 1992. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев: Наукова думка. 224 с.

Тимощук Б. А. 1995. Восточные славяне: от общины к городам. М.: МГУ. 261 с.

Толстой И. И., Кондаков Н. П. 1890. Русские древности в памятниках искусства. 3. Древности времен переселения народов. СПб. 158 с.

Торгоев А. 2011. О происхождении и времени распространения поясов катандинского типа // Вопросы Археологии Казахстана. 3 / Ред. А. З. Бейсенов. Алматы: ТОО «Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола». С. 432–446.

Торгоев А. И., Сапаров Н. Ж. Раннесредневековые антропоморфные амулеты Приаралья // Археология Узбекистана. В печати.

Трайкова Л. А. 2017. Колантът южно от Долен Дунав края на III — началото VII в. София: Национален археологически институт с музей БАН (Диссертации. 10). 556 с.

Турова Н. П., Черныш С. А. 2015. Раннесредневековый могильник Алония (материалы исследований 1998, 2001, 2002 гг.) // МАИЭТ. XX. С. 133–184.

Труды предварительных комитетов. V Археологичесий съезд в Тифлисе. М. 1882.

Труфанов А. А. 2007. Зеркала-подвески первых веков н.э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика. Посвящ. 80-летию Т. Н. Высотской / Ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум. С. 173–186.

Уварова П. С. 1900. Могильники Северного Кавказа. (Материалы по археологии Кавказа, VIII). М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°. 382 с.

Ушаков С. В. 2010. Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III — середина VI вв. н.э.). Опыт реконструкции / Ред. А. В. Колесник. (Археологический альманах, 23). Донецк: Донбасс. 180 с.

Ушаков С. В., Филиппенко А. А. 2006. Новые данные об аланах в Юго-Западном Крыму (по материалам некрополя Карши-Баир) // Херсонесский сборник. XV. С. 217–227.

Фехнер М. В. 1970. Отчет о работе Пронской экспедиции в 1970 г. // Архив ИА РАН, р-1, № 4278.

Фролова Н. А. 1998. Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным // ВДИ. 1 (224). С. 247–262.

Фролова Н. А., Николаева Э. Я. 1978. Ильичевский клад монет 1975 г. // Византийский Временник. 39 (64). С. 173–179.

Фурасьев А. Г. 2013. Акациры — соседи эстиев // АСГЭ. 39. С. 185–196.

Хазанов А. М. 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал. // СА. 4. С. 58–71.

Хайрединова Э. А. 2002а. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма (по материалам могильника у с. Лучистое) // Алушта и Алуштинский район с древнейших времен до наших дней / Ред. В. Л. Мыц и др. Киев: Стилос. С. 34–47.

Хайрединова Э. А. 2002б. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма V — первой половины VI в. // МАИЭТ. IX. С. 53–119.

Хайрединова Э. А. 2003. Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. X. С. 125–160.

Хайрединова Э. А. 2013. Бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. XVIII. С. 187–216.

Хайрединова Э. А. 2015. Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма // МАИЭТ. XX. С. 95–132.

Хараламбиева А. 1993. Колании токи от IV–VII вв. от Добричкия музей // Добруджа. 10. С. 32–46.

Хлобыстина М. Д. 1967. К семантике карасукских лапчатых подвесок // СА. 1. С. 246–250.

Ходжайов Т. К., Мамбетуллаев М. М. 2008. Раннесредневековый некрополь Куюк-кала. М.: Ассоциация Экост. 431 с.

Храпунов И. Н. 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.). Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 313 с.

Храпунов И. Н. 2011. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Доля. С. 13–113.

Храпунов И. Н., Казанский М. М. 2016. Погребения эпохи переселения народов в могильнике Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.). II. С. 194–229.

Чернов С. З., Волков И. В. 2009. Болшево-3 — древнерусское поселение XI в. на верхней Клязьме // Археология Подмосковья. 5. М.: ИА РАН. С. 112–136.

Чиндина Л. А. 1991. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья (рёлкинская культура). Томск: ТомГУ. 184 с.

Шаблавина Е. А. 2003. Проблема производства геральдических поясных наборов в Крыму // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ: тез. конф. II / Ред. Н. И. Шишлина. М.: ГИМ, С. 105– 107.

Шаблавина Е. А. 2006. О раннесредневековой продукции боспорских ювелиров (на примере орлиноголовых пряжек) // Археологические вести. 14. С. 230–253.

Шаблавина Е. А. 2007. Продукция боспорской ювелирной мастерской второй половины VI в. // РА. 3. С. 92–102.

Швецов М. Л. 1980. Стела V–VII вв. из Приазовья // СА. 4. С. 268–269.

Швецов М. Л. 2018 (2009). Об антропоморфных амулетах и изображениях гунно-болгарского времени из Северного Приазовья // Евразийская Степь и Донбасс в эпоху Средневековья. Сборник избранных статей Михаила Львовича Швецова. К 75-летию со дня рождения / Ред. М. Г. Крамаровский и др. Донецк: ООО «Технопарк ДонНТУ УНИТЕХ». С. 147–150.

Шелов Д. Б. 1984. Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. Л. И. Мелюкова. М.: Наука. С. 241–246.

Шестопалова Э. Ю. 2018. Древний Дагом (по материалам археологических раскопок Дагомского катакомбного могильника VI–VIII вв.). Владикавказ: ИПЦ ИП Цопанова А. Ю. 352 с.

Шкорпил В. В. 1898. Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. XXI, протоколы. С. 8–11.

Шкорпил В. В. 1910. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // Известия Императорской археологической комиссии. 35. С. 12–47.

Шкорпил В. В. 1913. Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. // Известия Императорской археологической комиссии. 47. С. 1–41.

Щеглова О. А. 1990. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья / Ред. Р. В. Терпиловский. Курск: Б. и. С. 162–204.

Щеглова О. А. 2009. Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI–VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже / Ред. Б. С. Короткевич, Д. А. Мачинский, Т. Б. Сениченкова. (Труды ГЭ, XLIX). С. 39–65.

Щеглова О. А., Егорьков А. Н. 1998. Об одной технологической особенности изготовления латунных предметов Трубчевского клада «древностей антов» // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов V коллоквиума /

Ред. Н. А. Захарова. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 85–87.

Ягодин В. Н. 1984. Кердерское поселение Кую-кала (Историческая топография и хронология) // Археология Приаралья. II. С. 54–67.

Ягодин В. Н. 2008. Приаральский микрорайон в VII — начале XIV в. // Комплекс археологических памятников на возвышенности Крантау / Отв. ред. В. Н. Ягодин. Археология Приаралья, VII. Ташкент: ФАН. С. 125–143.

Ягодин В. Н., Китов Е. П., Ягодин В. В. 2020. Могильник Дуана на Устюрте II–IV вв. н.э. (по данным археологии и антропологии) // Восток (Oriens). 4. С. 32–48.

Яценко С. А. 2001. Культурные контакты финно-угорских и иранских народов древности (Сапоговский клад как культурно-исторический памятник) // Этно-национальные доминанты в культуре и искусстве народов Урало-Поволжья / Отв. ред. К. М. Климов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет». С. 99–114.

Aibabin A., Khairedinova E. 1999. Les ensembles clos de la phase initiale de la nécropole de Loutchistoe en Crimée // L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations /Eds. J. Tejral, Ch. Pilet, M. Kazanski. Brno: Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky Brno. P. 275–308.

Anke B. 1998a. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. (Archäologischen Fachliteratur. 1). Weissbach: Beier&Beran; 224 S.

Anke B. 1998b. Archäologischen Fachliteratur. 2. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. (Archäologischen Fachliteratur. 2). Weissbach: Beier&Beran. 156 S.

Arsen'eva T. M., Domzalski K. 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. 8. S. 415–491.

Bálint Cs. 1992. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe. Der Gürtel im frühmittelalterlichen Transkaukasus und das Grab von ÜčTepe (Sovj. Azerbaidzhan) // Awarenforschungen (Studien zur Archäologie der Awaren 4). 1 / Ed. F. Daim. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien. S. 309–496.

Balogh C. 2004. Martinovka-típusú övgarnitúra Kecelről. A Kárpát-medencei maszkos veretek tipokronológiája — Gürtelgarnitur des Typs Martinovka von Kecel. Die Typochronologie der Maskenbeschläge des Karpatenbeckens // Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. Studia Archaeologica, X. S. 241–303.

Balogh C. 2014. Masque-type mounts of the Carpathian Basin // Avars, Bulgars and Magyars on the Middle and Lower Danube / Eds. L. Doncheva-Petkova, C. Balogh, A. Türk. София; Piliscsaba: National Institute of Archaeology and Museum BAS; Pázmány Péter Catholic University. P. 27–43.

Bayley J. 1998. The production of brass in antiquity with particular reference to roman Britain // 2000 Years of Zinc and Brass. (British Museum Occassional Papers, 50) / Ed. P. T. Craddock. London: British Museum. P. 7–26.

Bayley J., Rehren Th. 2007. Towards a functional and typological classification of crucibles // Metals and Mines. Studies in Archaeometallurgy. / Eds. S. La Nice, D. Hook, P. Craddock. London: British Museum. Archetype Books. P. 46–55.

Belinskij A. B., Härke H. 2018. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994−1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. (Archäologie in Eurasien. 36). Bonn: Habelt Verlag. 416 S.

Bemmann J., Schneider K., Gercen A., Cernys S., Maczynska M., Urbaniak A., von Freeden U. 2013. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Cokrak, Juznyj I und Juznyj II am Fuss des Mangup. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 108). Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 100 S.

Bierbrauer V. 2008. Ethnos und Mobilität im 5. Jahrhundert aus archäologischer Sicht: Vom Kaukasus bis Niederösterreich. München: Bayerische Akademie der Wissenschaften. 132 S.

Borojevic K. 2011. Interpreting, dating, and reevaluating the botanical assemblage from tell Kedesh: a case study of historical contamination // Journal of Archaeological Science. 38. P. 829–842.

Brun F., Massimi L., Fratini M., Dreossi D., Billé F., Accardo A., Pugliese R., Cedola A. 2017. SYRMEP Tomo Project: a graphical user interface for customizing CT reconstruction workflows // Advanced Structural and Chemical Imaging. 3: 4. P. 1–9.

Bucovală M., Paşca C. 1992. Cercetări în necropola romană de vest a Tomisului // Pontica. 25. P. 241–272.

Bushi S. 2016. Cretan Amphorae from Albania (IV–VII Century AD) // ANGLISTICUM. 5: 5. P. 45–51.

Cappers R. T. J, Neef R. 2012. Handbook of Plant Palaeoecology. Groningen: Barkhuis Publishing. 475 p.

Charles J. A. 1994. Determinative Mineralogy in the Early Development of Metals // Historical Metallurgy. Journal of Historical Metallurgy Society. 28 (2). P. 66–68.

Chen R. C., Dreossi D., Mancini L., Menk R., Rigon L., Xiao T. Q., Longo R. 2012. PITRE: software for phase-sensitive X-ray image processing and tomography reconstruction // Journal of Synchrotron Radiation. 19. P. 836–845.

Craddock P. T., Gurjar L. K. and Hegde K. T. M. 1983. Zinc Production in Medieval India // World Archaeology. 15: 2. Industrial Archaeology. P. 211–217.

Dinca M., Pavelescu M. 2006. Calculus for a neutron imaging system based on a CCD camera // Romanian Journal of Physics. 51: 3–4. P. 363–370.

Dimitrijević D., Kovačević J., Vinski Z. 1962. Seoba naroda — arheološki nalazi jugoslovenskog Podunavlja. Zemun: «Sava Minić». 128 s.

Domżalski K. 2007. La céramique sigillée romaine tardive en Abkhazie // Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium II. La nécropole apsile de Tsibilium. L'étude du site (BAR International Series 1721-II). Oxford: BAR. P. 75–77.

Dungworth D., White H. 2007. Scientific Examination of Zinc-Distillation Remains from Warmley, Bristol // Historical Metallurgy. JHMS. 41:1. P. 77–83.

Eger Chr. 2005. Zur Verbreitung und Herkunft der Polyederohrringe im südwestlichen Mittelmeerraum // Madrider Mitteilungen. 46. S. 437–471.

Eisner J. 1952. Devínska Nová Ves. Bratislava: Slovanské pohřebiště. Nakladate'stvo Slovenskej akadémie vied a umení. 410 s.

Eniosova N., Mitoyan R. 2005. Metal-melting Crucibles from Medieval Russian Towns // Proceedings of the 33rd International Symposium on Archaeometry, 22–26 April 2002, Amsterdam. Geoarchaeological and Bioarcaheological Studies. 3 / Eds. H. Kars, E. Burke. Amsterdam: Institute for Geo- and Bioarchaeology. P. 327–330.

Eniosova N., Rehren Th. 2012. Metal Melting Crucibles from Medieval Novgorod // The Archaeology of Medieval Novgoros in Context. Studies in centre/periphery relations. / Eds. M. A. Brisbane, N. A. Makarov. E. N. Nosov. Oxbow Books. P. 210–223.

Espelund A. 2005. Bloomery ironmaking — witness of skill and organization in the past // Международен симпозиум «Металургията в Югоизточна Европа от древността до края на XIX век». София: Съюз на металурзите в България. С. 13–21.

Garam É. 1992. Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit // Awarenforschungen, 1 / Ed. F. Daim. Studien zur Archäologie der Awaren, 4. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien. S. 135–250.

Garam É. 1995. Awarenzeitliche Gräberfeld von Tiszafüred (Cemeteries of the Avar period (567–829) in Hungary, 3). Budapest: Akadémiai kiadó. 696 S.

Garam É. 2001. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis Ende des 7. Jahrhunderts. (Monumenta Avarorum archaeologica, 5). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum; MTA Régészeti Intézet. 432 S.

Gavritukhin I. 2017. Glass Vessels of the Final of the Chernyakhov Culture // Na hranicích impéria — Extra fines imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. Narozeninám. Brno: Masarykova univerzita; Archeologický ústav Akademie věd, ČR, Brno: Munipress. P. 83–109.

Gavritukhin I. 2018. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // Belinskij A. B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994−1996 in the Iron Age to early medieval cemetery (Archäologie in Eurasien. 36). Bonn; Habelt Verlag. P. 49–96, 217–236, 241–244, 246–247, 255, 258–259, 262, 272, 278–279, 281–283, 289, 292–294, 297–299, 301, 308, 310–314, 316–317, 321–324, 334, 340, 357–359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412, pl. 5.

Hayes J. 1972. Late Roman Pottery. London: The British School at Rome. 477 p.

Hedegaard K. R. 1992. Bronzestøberhåndværket i engre germanertid og tidlig vikingetid i Skandinavien — teknologi og organisation. // Lag. 3. Højbjerg. P. 75–92.

Henig M. 1984. Objects of metal, stone and bone // Excavations at Carthage: the British mission. I,1. Sheffild: University of Sheffild. P. 182–193.

Hurst H. R. 1994. The Circular Harbour, North Side 1. The site and finds other than pottery /Excavations at Carthage: The British mission. II, 1. Oxford University Press. 354 p.

Holmqvist W. 1976. Die Ergebnisse der Grabungen auf Helgo (1954–1974) // Praehistorische Zeitschrift. 51: 2. S. 138.

Istvanovits E., Kulcsar V. 1993. Tükrök a császárkori és a kora népvándorlás kori barbár népeknél a kárpát-medencében. // Herman Otty Múseum Évkönyve 30–31/2. P. 9–58.

Ivanišević V., Kazanski M. 2002. La nécropole de l'époque des Grandes Migrations à Singidunum // Singidunum 3. P. 101–157.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. 2006. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris: ACHCByz. 352 p.

Kazanski M. 1992. Les Goths et les Huns. À propos des relations entre les Barbares sédentaires et les nomades // Archéologie Médiévale. 22. P. 191–229.

Kazanski M. 1995. Les tombes des chefs alano-sarmates du IVe siècle dans les steppes pontiques // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Eds. Vallet F., Kazanski M. Sainte-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne. P. 189–205.

Kazanski M. 1996. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // МАИЭТ. V. P. 324–337, 567–581.

Kazanski M., Mastykova A. 2007. Tsibilium: La nécropole apsile de Tsibilium (VII^{e} av. J. -C. —VII^{e} ap. J. -C.) (Abkhazie, Caucase). 2. L'étude du site. (BAR. International Series, S1721). Oxford: John and Erica Hedges Ltd 164 p.

Kazanski M., Mastykova A. 2018. La tombe de Hochfelden // In Tempore Sueborum. El tiempo de los Suevos en la Gallaecia (411–585). Volumen de Estudios / Ed. J. López Quiroga. Ourense: Deputación Provincial de Ourense. P. 109–114.

Kharakwal J. S., Gurjar L. K. 2006. Zinc and Brass in Archaeological Perspective //Ancient Asia. 1. P. 139–159.

Kichanov S. E., Kozlenko D. P., Ivankina T. I., Rutkauskas A. V., Lukin E. V., Savenko B. N. 2015. The Neutron Tomography Studies of the Rocks from the Kola Superdeep Borehole //Physics Procedia. 69. P. 537—541.

Kontny B. 2018. Topory w kulturach bogaczewskiej i sudowskiej // Materiały do Archeologii Warmii i Mazur. T. 2 / Eds. S. Wadyl et alii. Warszawa–Białystok–Olsztyn: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. S. 69–97.

Kozlenko D., Kichanov S., Lukin E., Savenko B. 2018. The DN-6 Neutron Diffractometer for High-Pressure Research at Half a Megabar Scale //Crystals. 8: 8, 331. P. 1–9.

Kozlenko D. P., Kichanov S. E., Lukin E. V., Rutkauskas A. V., Bokuchava G. D., Savenko B. N., Pakhnevich A. V., Rozanov A. Yu. 2015. Neutron Radiography Facility at IBR-2 High Flux Pulsed Reactor: First Results // Physics Procedia. 69. P. 87–91.

Křápková A. 2018. Germánske hroby metalurgov z obdobia sťahovania národov vo vzťahu k strednému Podunajsku // Studia Archaeologica Brunensia, 23. Brno: Masarykova univerzita. P. 51–80

Legoux R., Périn P., Vallet F. 2004. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingen entre Manche et Lorraine. Paris: AFAM. 62 p.

Lehmann E. H., Kaestner A., Gruenzweig C., Mannes D., Vontobel P., Peetermans S. 2014. Materials research and non-destructive testing using neutron tomography methods // International journal of materials research. 105. P. 664–670.

Leineweber A., Wieser C., Hugel W. 2020. Cu_6Sn_5 intermetallic: Reconciling composition and crystal structure // Scripta Materialia. 183. P. 66–70.

Lurje P. 2018. Some New Readings of Chorasmian Inscriptions on Silver Vessels and Their Relevance to the Chorasmian Era // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 24: 1–2. P. 279–306.

Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. 2016. Das frühmiterlalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 115). Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 180 S.

Malashev V. Yu. 2018. Pottery vessels from Sarmatian and Alanic graves // Belinskij A. B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994−1996 in the Iron Age to early medieval cemetery / Ed. S. Hansen. (Archäologie in Eurasien. 36). Bonn: Habelt Verlag. P. 35–48.

Marti F. 1990. Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Saint-Sulpice VD. Lausanne: Cahiers d'archéologie romande. 224 p.

Martinón-Torres M., Rehren Th. 2002. Agricola and Zwickau: Theory and Practice of Renaissance Brass Production in SE Germany // Historical Metallurgy. JHMS: 36 (2). P. 95–111.

Masek Z. 2017. A fresh look at hunnic cauldrons in the light of a new find from Hungary // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 68. P. 75–135.

Merva Sz. 2017. 8th–9th century metalsmith`s furnace from Visegrad, Sibrik-Domb // Hungarian Archaeology. E-Journal. Winter. P. 18–32.

Niezabitowska B. 2004. Lustra z kolekcji wrocławskiej // Sarmaci i Germanie / Ed. A. Kokowski. (Studia Sarmatica, I). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. S. 193–263.

Nuțu G. 2011. Belt buckles, strap-ends and appliqués from Halmyris (Moesia Inferior / Scythia) // Novensia. 22. P. 171–199.

Paraschiv D. 2006. Amfore romane si romano-bizantine in zona Dunarii de Jos (sec. I — VII p. Chr.). Iasi: Editura Fundaţiei Axis, 256 p.

Pelling R., Campbell G., Carruthers W., Hunter K., Marshall P. 2015. Exploring contamination (intrusion and residuality) in the archaeobotanical record: case studies from central and southern England // Vegetation History and Archaeobotany. 24. P. 85–99

Petre A. 1962. Săpăturile de la Piatra Frecăței // Materiale și Cercetări Arheologice. VIII. P. 565–589.

Pieri D. 2005. Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine, V^e–VII^e siècles : le témoignage des amphores en Gaule. (Bibliothèque archéologique et historique, 174). Beyrouth: Institut français du Proche-Orient. 350 p.

Podurets K.M., Kichanov S.E., Glazkov V.P., Kovalenko E.S., Murashev M.M., Kozlenko D.P., Lukin E.V., Yatsishina E.B. 2021. Modern Methods of Neutron Radiography and Tomography in Studies of the Internal Structure of Objects // Crystallography Reports. 66: 2. P. 254–266.

Pollard A.M., Bray P., Gosden C., Wilson A., Hamerow H. 2015. Characterising copper-based metals in Britain in the first millennium AD: a preliminary quantification on metal flow and recycling // Antiquity. 89. P. 697–713.

Portale E.C., Romeo I. 2001. Contenitori da Transporto // Gortina. 3: 1. Lo scavo del pretorio (1989–1995) / Ed. A. Di Vita. Padova: Ausilio. P. 260–410.

Quaresma J.C. 2019. Some hypothetical evolutionary lines relating to the Late Phocean terra sigillata types 3F/G, 3G and 3/10 // Pyrenae. 50.2. P. 133–150.

Rehren Th. 1999. Small Size, Large Scale. Roman Brass Production in German Inferior // Journal of Archaeological Science, 26 (8). P. 1083–1087.

Reynolds P. 1987. El yacimiento tardorromano de Lucentum (Benalúa-Alicante): las cerámicas finas. (Catálogo de fondos del Museo Arqueológico, II). Alicante: Museo Arqueológico Provincial. 164 p.

Reynolds P., Bonifay M., Cau M.Á. 2011. Key contexts for the dating of late Roman Mediterranean fine wares: a preliminary review and 'seriation' // LRCW 1: Late Roman Fine Wares. Solving Problems of Typology and Chronology: A Review of the Evidence, Debate and New Contexts (Roman and Late Antique Mediterranean Pottery). 1 / Eds. M.À. Cau, P. Reynolds, M. Bonifay. Oxford: Archaeopress. P. 15–32.

Sage W. 1984. Das Reihengräberfeld von Altenerding in Oberbayern. Berlin: Gebrüder Mann. Textband: 356 S.

Sazanov A. 2014. Cretan amphorae from the northern Black Sea region: contexts, chronology, typology // LRCW 4: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers / Eds. N. Poulou Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. Oxford: Archaeopress. P. 399–409.

Schneider, C.A., Rasband, W.S., Eliceiri, K.W. 2012. NIH Image to ImageJ: 25 years of image analysis. // Nature Methods, 9. P. 671–675.

Schoenung J.M. 2008. Lead Compounds // Ceramic and Glass Materials: Structure, Properties and Processing / Eds. J. Shackelford, R.H. Doremus. Springer-Verlag US. P. 151–167.

Searf V.F. 1992. Neutron scattering lengths and cross sections. // Neutron News. 3: 3. P. 29–37.

Shablavina E.A., Szmoniewski B.Sz. 2006. The forming model of the Kertch type finger-shaped fibula // Sprawozdania Archeologiczne. 58. P. 519–526.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. 2006. Des Goths aux Huns : Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. (BAR International Series, S1535). Oxford: John and Erica Hedges Ltd. . 482 p.

Shulze-Dörrlamm M. 2002. Byzantinishe gürtelschnallen und gürtelbeschlage im Römisch-Germanischen Zentralmuseum, I. Die Schnallen ohne Beschlag, mit laschen Beschlag und mit festem Beschlag des 5. bis 7. Jahrhunderts (Kataloge RGZM, 30: 1). Mainz: RGZM. 268 S.

Söderberg A. 2004. Metallurgic ceramics as a key to Viking Age workshop organization // Journal of Nordic Archaeological Science. 14. P. 115–124.

Smokotina A. 2016. Late Roman amphorae from Tyritake // Rei Cretariae Romanae Fautorum. Acta. 44. P. 715–724.

Tartari F. 1984. Një varrezë e mesjetës së hershme në Durrës // Iliria. 14: 1. P. 227–250.

Tejral J. 2011. Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebien zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut Akademie des Wissenschaften der Tschechische Republik Brno. 466 S.

Uenze S. 1992. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). Ergebnisse der deutsch-bulgarisch-österreichischen Ausgrabungen 1934–1937. (Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, 43). München: C.H. Beck. 608 S.

Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. 2019. Early medieval burials with blacksmith tools in Western Siberia // Estonian Journal of Archaeology. 23: 1. P. 20–38.

Werner J. 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Rechies. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 138 S.

Wicker E. 2019. Nagyurak és vezérek. Híres avar leletek a Kiskunságból // Hatalmi központok az Avar Kaganátusban (Power Centres of the Avar Khaganate) / eds. Cs. Balogh, J. Szentpéteri, E. Wicker. Kecskemét: Kecskeméti Katona József Múzeum. 11–46 old.

Zavyalov V.I. 2018. Modelling of bloomery processes in a medieval Russian furnace // Archeologické rozhledy. LXX. P. 450–456.

Сокращения

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГИАМЗ — Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Татарстан
БФ АН СССР — Башкирский филиал Академии наук СССР
ВАС — Верхнедонской археологический сборник
ВАШ — Высшая Антропологическая Школа. Кишинев
ВГПУ — Воронежский государственный педагогический университет
ВГУ — Воронежский государственный университет
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный Исторический музей. Москва
ГМЗ «Куликово поле» — Государственный музей-заповедник «Куликово поле». Тула
ГМЗХТ — Государственный музей-заповедник «Херсонес-Таврический». Севастополь
ГЭ — Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург
ДНЦ — Дагестанский научный центр
ДонГУ/ДонНУ — Донецкий государственный университет/Донецкий национальный университет
ИАИАНД — Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИЯЛ УрО РАН — Институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
Курский ГПИ — Курский государственный педагогический институт
ЛГПИ — Липецкий государственный педагогический институт
ЛГПУ — Липецкий государственный педагогический университет
МАИАСК — Материалы по археологии античного и средневекового Крыма. Нижневартовск
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР — Материалы и исследования по археологии России
МарГУ — Марийский государственный университет. Йошкар-Ола
МорГУ — Мордовский государственный университет. Саранск
ОАВЕС ГЭ — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
ОНТИ ПНЦ РАН — Объединенное научно-техническое издательство Пущинского научного центра РАН
ПГУ — Приднестровский государственный университет. Тирасполь
РА — Российская археология
РИКО — Рязанское историко-культурное общество
РСМ — Раннеславянский мир: Археология славян и их соседей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СОИКМ — Самарский областной историко-краеведческий музей
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
ТАС — Тверской археологический сборник
ТГУ — Тамбовский государственный университет
УрО РАН — Уральское отделение Российской академии наук

ТомГУ — Томский государственный университет
УдмГУ — Удмуртский государственный университет. Ижевск
ЦП НАН України і УТОПІК — Центр пам'яткознавства НАН України і Українського товариства охорони пам'яток історії та культури
ШРКМ — Шиловский районный краеведческий музей. Рязанская обл.

ANGLISTICUM — Journal of the Association-Institute for English Language and American Studies. Tetovo, Macedonia
BAR — British Archaeological Research
JHMS — Journal of the History of Medicine and Allied Sciences
LRCW — Late Roman Coarse Wares
MFFG — Museum für Vor- und Frühgeschichte der Staatlichen Museen zu Berlin
RGZM — Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz
UMCS — Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie

Сведения об авторах

Абдурахимов Бехзоджон Абдурахмонович, инженер лаборатории нейтронной физики им. И. М. Франка, Объединенный институт ядерных исследований, г. Дубна Московской обл. bekhzod@jinr.ru

Антипина Екатерина Евстафьевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. bikanty@inbox.ru

Биркина Наталья Александровна, младший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного Исторического музея. dulebova_natalya@mail.ru

Гаврилов Александр Петрович, заведующий музейным отделом Шиловского районного краеведческого музея. museum01@mail.ru

Гавритухин Игорь Олегович, старший научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН. gavritukhin@gmail.com

Завьялов Владимир Игоревич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. v_zavyalov@list.ru

Кенессарин Мурат Русланулы, инженер лаборатории нейтронной физики им. И. М. Франка, Объединенный институт ядерных исследований, г. Дубна Московской обл. muratkenessarin@gmail.com

Кичанов Сергей Евгеньевич, кандидат технических наук, начальник группы лаборатории нейтронной физики им. И. М. Франка, Объединенный институт ядерных исследований, г. Дубна. Московской обл. ekich@jinr.ru

Лебедева Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. elena.archbot@mail.ru

Мастыкова Анна Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН. amastykova@mail.ru

Обломский Андрей Михайлович, доктор исторических наук, заведующий отделом археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН. oblomsky_a@rambler.ru

Пельгунова Любовь Андреевна, научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН. lubo4ka007@bk.ru

Сапрыкина Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН. dolmen200@mail.ru

Сыщиков Николай Валерьевич, аспирант отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН. radhorst@mail.ru

Торгоев Асан Исакбекович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа. torgoevasan@mail.ru

Шаблавина Екатерина Арнольдовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. arnoldovna@yandex.ru

Resume

The trade and handicraft complex near the village Staevo in the upper reaches of the Voronezh River (late V — VII centuries) and some problems of archeology of the Upper Don area of the Early Middle Ages

Collective monograph

Introduction (A. M. Oblomsky).

The introduction contains a general description of the Upper Voronezh River cultural group which includes a complex of sites near village Staevo of Michurinsky district, Tambov region (historiography, a map of sites, a short description of the archaeological complex, and information about the structure of the monograph). This complex is located near the sourse of the Voronezh River.

Chapter 1. Settlements Staevo-3 and 4. Materials (A. M. Oblomsky).

Chapter 1 presents the results of the survey of the settlement Staevo-3 and excavations in the settlement Staevo-4. One can find here general characteristics of the site, complexes, an overview of the findings, and the main analogies. The remains of ferrous metallurgy are recorded in the settlement. The construction intended for preparation of the burden, i.e. raw materials for loading into the furnace, is investigated.

Chapter 2. The settlement Staevo-5. Description, materials (A. M. Oblomsky).

In chapter 2, the materials of the settlement Staevo-5 2015–2019 are fully published, from the results of preliminary surveys and gathering of lifting material to the description of the archaeological objects, findings from them and from the cultural layer with a set of analogies. In the same chapter the planigraphy of the site is reviewed, two residential and two handicraft areas are singled out, the reconstructions of working platforms of casters of bronze are presented, their relative chronology and chronology of the estates in the Western part of the site are defined.

As a result, judging by most of the characteristics of ceramics (texture, typological spectrum, structure of a set of forms), as well as by some products made of clay (spindle whorl, sinkers for looms) and metal it is concluded that, firstly: the materials of Staevo-4 and 5 are close to each other, which indicates that these two areas of the site belong to the same village, and secondly, that the monuments of the Yarok line of the Upper Voronezh River group, and, accordingly, Staevo, from which the most of findings of this archaeological community come, are the further stage in the development of antiquities of the type Chertovitskoe-Zamyatino forest-steppe Don areas of Hun period. Staevo-4 and 5 generally are synchronous and are dated back by the end of the V — VII centuries.

Chapter 3. Sites of the Early Middle Ages in the middle and upper reaches of the Voronezh River (A. M. Oblomsky).

Chapter 3 provides an overview of the sites of the Upper Voronezh River cultural group in the upper and middle reaches of the Voronezh River. They are concentrated in three areas, separated from each other by free spaces. The settlement near the Staevo village was clearly the center of a fairly significant district, and not just the eastern cluster of settlements on the Voronezh River.

Chapter 4. Handmade ceramics of the complex near the village Staevo against the background of ethno-cultural traditions of the Upper Voronezh group (A. M. Oblomsky, N. V. Syshchikov).

In Chapter 4, handmade pottery from Staevo is considered against the background of other settlements of the Upper Voronezh group. Three traditions in the composition of the ceramic complex of sites of the Yarok line (including Staevo) are singled out: Early Slavic (post-Kiev with Penkovka elements), “Oka”, post-Chernyakhov. On the sites of the Krivets line the pottery of the Early Slavic Kolochin and

the "Oka" traditions is presented, with the latter in the form of pots and pans set is analogous to "Oka" set of dishes of settlements of the Yarok lines. The sites of the Upper Voronezh group of both lines share a common Oka component. The constant penetration of the population of the Oka Circle into the Upper Don area is not excluded during the end of the V — VII centuries.

Chapter 5. Metal mirrors from the settlement Staevo (A. V. Mastykova).

The chapter deals with metal mirrors of different types with different decorations on the reverse side. In the collection of findings from the settlement Staevo (Staevo-4, Staevo-5) 22 fragmented items are presented. 5 of them cannot be attributed to a particular type. The 13 findings relate to two types of mirrors with a central loop: Karpovka — Anke-4 and Chmi-Brigecio — Anke-1, and 4 of them are not identified definitely and can relate both to the mirrors with a side loop and a central loop.

The paper uses the classification of Eastern European mirrors with a central loop, developed by German researchers I. Werner and B. Anke, where for the first time such products were divided into types according to the nature of the decor on the reverse side.

The paper presents a circle of parallels, considers the area of each type of mirrors, questions of the origin and dating of mirrors. For example, the mirrors of the Karpovka — Anke-4 type, are represented in the collection by a large number, and the sufficient size of the fragments of these samples allows us not to doubt with the definition of the type. So, it was possible to distinguish two chronological groups. The first one with two or three raised concentric circles; the time of the maximal distribution of this group corresponds to the end of the IV — first half of the VI century. The second one — mirrors with a single relief circle, are most typically occurring for the so-called horizon of heraldic belts, i.e. for the second half of the VI — second half/end of the VII century.

Chapter 6. Details of belt sets of the "heraldic" style from the settlements of the late V — VII centuries near the village Staevo (I. O. Gavritukhin).

This chapter studies the details of belt sets of the "heraldic" style, found in Staevo and their analogies, dating, the probable functions, place in operation structure of Staevo trade and handicraft center. Three finings belong to a common type, excluding the Upper Oka area, forest and forest-steppe Dnieper area. Four artifacts have analogies from the Black Sea — Caucasus to the Middle Oka — Kama regions, including the steppes between them. For one buckle there are analogies only in the North Caucasus, in the Middle Oka region and in the Southern Cis-Urals region. One matrix for the tip indicates connections to the Belaya River basin, possibly reflecting influences from the Western Asia or the Carpathian Basin. Five findings unite Staevo with the southern areas, or part of them. Two components are individual. Date of the entire set fits into the framework of the 2nd half of the VI — 3rd quarter of the VII century. More than half of the items is not known in complexes of VI century, and the three ones belong to the later part of this time span, including one buckle which dates from the mid — 3rd quarter of the VII century. Among the findings in Staevo, there are undoubtedly details of belt and shoe sets. For some findings that are presented, the connection with the bridle and decoration of the horse is possible. The presence of five matrices, artefacts destined for remelting and unique samples shows that the masters from Staevo-5, at least, repaired the sets. The question if they produced complete sets remains open.

Chapter 7. Foundries in the settlement Staevo-5 (E. A. Shablavina).

Discovery of the archaeological manufacturing complex at the settlement Staevo-5 is very important for the history of metalworking study in the early Middle Ages, not only in the Upper Don region, but also in East Europe, since few ancient workshops of this period are known. The monument presents a variety of artifacts related to various production processes, which allow to identify the features of these workshops. The chapter deals with the technique of making some groups of archaeological objects that characterize the bronze-casting business and some simple methods of cold processing of metals: production waste, tools, raw materials intended for manufacture of the objects, semi-finished products and finished jewelry. The results of the study of these things are based on the data of their traceological analysis. Masters from Staevo used casting in detachable double-sided clay molds. Some things are made by stamping plates with the use of matrices.

Chapter 8. Tools for metalworking from the settlement Staevo-5 (N. A. Birkina).

The chapter is devoted to the study of metalworking tools originating from the settlement Staevo-5. Complexes associated with jewelry production are very rare for cultures of Eastern Europe of the Early Middle Ages, and the information about the instrumental base of Early Slavic cultures available to specialists is very poor and fragmentary. That is what

makes the archaeological findings from the settlement Staevo-5 particularly important for the study. In the process of working with the materials, they were attributed and divided into groups according to the type of work for which they were used. The discovery of jewelry ticks and files allows us to talk about their usage by the residents of Staevo. Previously, it was believed that these tools were not available to the bearers of Early Slavic cultures. The analysis of the tools allows us to expand and supplement our knowledge about metalworking in Eastern Europe.

The set of tools shows what techniques and skills of making and processing things from non-ferrous metals were used by the masters of the handicraft center near the village Staevo.

Chapter 9. Results of the study of the chemical composition of non-ferrous metal objects and waste of bronze-casting craft from the settlement Staevo-5 (I.A. Saprykina, L.A. Pelgunova, S.E. Kichanov, B. Abdurakhimov, M. Kenessarin).

A significant collection of objects made of non-ferrous and precious metals (jewelry and clothing items, tools, production waste, raw materials) originates from the settlement Staevo-5. The chemical composition of their metal was studied by the method of standardless non-destructive X-ray fluorescence analysis with the M1 Mistral spectrometer (Bruker). The chemical composition of the residues of the internal filling of a series of crucibles from Staevo-5 was studied on the M4 Tornado XRF-spectrometer (Bruker). In addition, the crucibles were studied by neutron tomography, radiography, and diffraction. This made it possible to identify traces of metal on the inner walls of the crucibles for certain.

Currently, the analytical selection of the material from the settlement Staevo-5 includes 341 samples. The main part of the selection is dated back by the end of the V — VII centuries. Its small part (5%) belongs to an earlier time (II century BC — II century AD). The alloys of the early period at the settlement Staevo-5 are represented by two-component brass and a multicomponent alloy with a low percentage of zinc, high-alloyed tin bronze. The nomenclature of alloys of the V–VII centuries AD is more diverse. There can be found high-tin bronze and tin-doped triple brass (traditionally used for the manufacture of mirrors); two-component brass with a zinc content up to 10%; lead brass; multicomponent alloy with a low percentage of zinc and high percentage of tin, less often — lead; so-called "dirty" and "pure" copper; silver; lead and tin bronze; low-melting alloy. The main part of these alloys is recorded in metal splashes, semi-finished products and raw materials, ingots, in the internal filling of crucibles which were found at the settlement and associated with the metalworking complex of the early Middle Ages.

The jewelry complex of the settlement Staevo-5 indicates a wide raw material base. Its dominant types of alloy were triple bronze, high-alloyed with tin, two-component brass (Zn>10%), the so-called "pure" / "dirty" copper and a multicomponent alloy. Judging by the results of the study of the chemical composition of the metal splashes, the casting of these alloys was carried out directly at the settlement. The nature of the metalworking industry at the settlement Staevo-5 remains largely unclear. It could be either seasonal, associated with the activities of mobile groups of masters, or permanent. It cannot be excluded that metalworking in the early Middle Ages was of a mixed nature. During a certain period, the craftsmen who constantly worked at the settlement carrying out minor and repair work on metal, were joined by highly professional craftsmen who worked with a larger range of metals and alloys in different techniques.

Chapter 10. Technological characteristics of iron products from Staevo-4 and Staevo-5 (V.I. Zavyalov).

The unique Early Medieval settlement complex near the Staevo village is of great importance for studying the features of early medieval ferrous metallurgy and smithcraft. To get the most complete information about the nature and level of metallurgical production, a comprehensive archaeometallographic study of artifacts related to ferrous metallurgy and metalworking, as well as the products themselves, was undertaken. The results of X-ray fluorescence studies indicate the presence of metallurgical production at the Staevo settlement, in the course of which, along with the ore, the metallurgical conglomerate obtained in the process of previous smelting operations may have been used. Archaeometallographic analysis showed that iron products from the settlements Staevo-4 and Staevo-5 are the products of low-skilled blacksmiths. In the manufacture of artifacts, in the absolute majority of cases, simple methods of forging objects from all-metal blanks were used.

Chapter 11. Review of the remains of animal bones from excavations in 2019 on the territory of the trade and handicraft center of the Early Middle Ages (VI–VII centuries) Staevo-5 (E.E. Antipina).

The osteological collection from the excavations of Staevo-5 includes 335 items. The assessment of the natural preservation of bone tissue and artificial

fragmentation of bone remains showed that their small number in the settlement is not related to the taphonomic conditions of the cultural layer. It reflects the specific situation of the presence of a small number of animal bones in the household waste at the settlement. All the collected bones belong to the skeletons of ungulates of two size groups — large and medium. Five types of bones were diagnosed, including domestic animals (cattle and small cattle, horse and pig), as well as elk. In the osteological spectrum, the bones of cows and bulls prevail. In the anatomical spectrum, skeletal elements from meat parts of carcasses with obvious traces of kitchen cutting present the maximum proportion. The calculation of such kitchen residues from adult domestic ungulates allowed to assume that beef was the most important protein product in the everyday meat diet of the residents of Staevo-5. According to the osteological material, different ways of using animals by the inhabitants of the settlement were recorded. The phalanges of cattle with traces of bony proliferation (osteophytes), typical of draft animals, were found. The moose horn fragment was identified as a raw material object.

Chapter 12. Archeobotany and the possibility of reconstruction of the agricultural sector of the economy in Staevo-5 (E. Yu. Lebedeva).

During the three years of excavations (2018–2020), 36 archaeobotanical samples were collected and examined. Three of them belonged to the Iron Age, the rest ones — to the early Middle Ages and mixed cultural strata (where the early Iron Age ceramics were observed). Carbonized macro remnant of cultivated plants were only in 13 samples out of the 33 ones from the last group. Among them, the millet *Panicum miliaceum* clearly dominates(76.0%), barley *Hordeum vulgare* (10%) and emmer wheat *Triticum turgidum ssp dicoccum* (9%) are present. One seed of pea *Pisum sativum* and one seed of cannabis *Cannabis sativa* (0.5%) were also found. The status (wild/cultivated) of the few oat grains is not determined *Avena sativa/Avena sp.* (4%). The study of the ceramic collection from the 2017 excavations (about 3000 fragments) revealed the traces of the same three main crops — millet, barley and emmer.

The obtained materials are difficult to interpret unambiguously as the result of agriculture engagement of the inhabitants of Staevo-5. This is contradicted not only by the extremely small volumes of agricultural products on the settlement, but also by some archaeobotanical features. The main one is the complete absence of traces of crop processing. No chaff or straw were found in the samples examined. And moreover, the seeds themselves do not carry even the remnants of scales. On the settlemen, grains usually are stored either in spikelets (wheat), or enclosed in flower scales (millet, barley) and are released from them when needed for consumption. These facts, as well as the strongly marked handicraft specialization of the village, make it likely that the residents of Staevo-5 received ready-to-use refined grain in exchange for their products. The traces of cereals on ceramics should evidence the limited scale of their own agriculture. However, this version can be confirmed only if there is solid evidence of the manufacture of all the stucco dishes directly on the settlement.

Appendix 1, 2. Anthropomorphic amulets-figurines from Staevo against the background of findings from Eurasia (A. P. Gavrilov, I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomsky, A. I. Torgoev).

Appendix deals with the "angular" anthropomorphic figurines-pendants, similar to the ones found in Staevo. Their catalog and map are presented, series are highlighted, dating, functions, questions of origin and distribution are considered. These artifacts are amulets that were moving with their owners in a very different ethno-cultural environment. There is a hypothesis that it may be the result of activities of merchants. In Staevo, there was located one of the nodes of such amulets distribution to neighboring regions, probably an important trading post. Some of the findings from Staevo testify to close ties with the Bosporus at the end of the V — last third of the VI century and to the influence of the styles that developed in this environment at a later time. Another part of the figurines from Staevo fits into the system of contacts between the south-east of East Europe and Central Asia in the era of the Turk Khaganates (in Europe from the last third of the VI century). Steppe nomads played a more significant role than before in distribution of such products and formation of some of their features.

Оглавление

Введение (А. М. Обломский) 5
Глава 1. Поселения Стаево-3 и 4. Материалы. (А. М. Обломский) 13
Глава 2. Поселение Стаево-5. Описание, материалы (А. М. Обломский) 21
Глава 3. Памятники раннего Средневековья в среднем и верхнем течении р. Воронеж (А. М. Обломский) 61
Глава 4. Лепная керамика комплекса у с. Стаево на фоне этнокультурных традиций верхневоронежской группы (А. М. Обломский, Н. В. Сыщиков) 76
Глава 5. Металлические зеркала с поселения Стаево (А. В. Мастыкова) 85
Глава 6. Детали ременных гарнитур «геральдического» стиля (И. О. Гавритухин) 95
Глава 7. Литейные мастерские на поселении Стаево-5 (Е. А. Шаблавина) 122
Глава 8. Инструменты для металлообработки с поселения Стаево-5 (Н. А. Биркина) 131
Глава 9. Результаты исследования состава цветного металла предметов и отходов бронзолитейного ремесла с поселения Стаево-5 (И. А. Сапрыкина, Л. А. Пельгунова, С. Е. Кичанов, Б. А. Абдурахимов, М. Р. Кенессарин) 136
Глава 10. Технологическая характеристика железных изделий из Стаево-4 и Стаево-5 (В. И. Завьялов) 147
Глава 11. Обзор остатков костей животных из раскопок 2019 г. на территории торгово-ремесленного центра эпохи раннего Средневековья (VI–VII вв.) Стаево-5. (Е. Е. Антипина) 153
Глава 12. Археоботаника и возможности реконструкции аграрной отрасли хозяйства в Стаево-5 (Е. Ю. Лебедева) 156
Заключение (А. М. Обломский) 161
Приложение 1. Антропоморфные амулеты-фигурки из Стаево на фоне находок из Евразии (И. О. Гавритухин, А. М. Обломский, А. И. Торгоев) 170
Приложение 2. Антропоморфные подвески эпохи Великого переселения народов, найденные в Шиловском районе Рязанской области (А. П. Гаврилов) 227
Таблицы 230
Иллюстрации 277
Литература 510
Сокращения 536
Сведения об авторах 538
Resume 539

Научное издание

ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС У С. СТАЕВО В ВЕРХОВЬЯХ
Р. ВОРОНЕЖ (КОНЕЦ V — VII В.) И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОЛОГИИ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
Коллективная монография

Корректор *О. А. Щеглова*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Обложка *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 15.05.2022. Формат 60×90 1/8
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 68
Тираж 300 экз. Заказ № 2505

Институт археологии РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86